С.М.СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ
VII

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

VII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В ПЯТНАДЦАТИ КНИГАХ

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

КНИГА VII

(ТОМА 13-14)

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА 1962

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ИЗДАНИЯ
доктор исторических наук
Л. В. ЧЕРЕПНИН

ИСТОРИЯ РОССИИ
В ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Текст 13 тома
«Истории России с древнейших времен»
подготовлен к печати
М. А. РАХМАТУЛЛИНЫМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОССИЯ ПЕРЕД ЭПОХОЮ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Общий обзор хода древней русской истории. — Различие Восточной и Западной Европы. — Природа северо-восточной России — Москва, ее характер. — Великий государь. — Случаи, когда он являлся пред подданными, выходы и походы. — Его семейные торжества. — Обеды во дворце. — Служня великого государя. — Служня, собиравшаяся на крыльце, и служня, собиравшаяся в передней. — Их интересы. — Местничество. — Комната и доклады. — Сиденье в[еликого] государя с боярами о делах. — Соборы. — Помещики. — Новое войско. — Военные поселения. — Козаки и стрельцы. — Кормление ратных людей. — Кормление от д е л. — Приказы. — Кормление по городам. — Вид древнего русского города. — Воевода. — Губной староста. — Земский староста. — Главные интересы горожан. — Подати. — Службы горожан. — Кормление воеводы и подьячих. — Столкновения горожан с воеводами, с земскими старостами. — Борьба между лучшими и меньшими людьми. — Отношения к верховному правительству. — Судьба преобразований Ордина-Нащокина во Пскове. — Торговый устав. — Сельское народонаселение. — Смысл крестьянского прикрепления. — Стремление крестьян к образованию своих отдельных от города миров. — Печальное положение крестьян. — Необходимость переворота. — Новые учителя — Раскол. — Обличения. — Церковные соборы. — Затруднительное положение духовенства. — Значение Никонова дела. — Иосиф Коломенский. — Духовник Савинов. — Церковные имения. — Вопрос о детях белого духовенства. — Нравы и обычаи. — Поворот на новый путь. — Театр. — Литература.

При первом взгляде на карту Европы нас поражает различие между двумя ее неравными половинами — западною и восточною. На западе земля разветвлена, острова и полуострова, на западе горы, на западе много отдельных народов и государств; на востоке сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этом, что две, столько разнящиеся между собою, половины Европы должны были иметь очень различную историю. Мы знаем, как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм,

отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господства над народами других частей света. Но, указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха. Если исчисленные природные выгоды содействуют ранним и сильным успехам цивилизации, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древний цивилизованный мир (Римская империя) обхватывал в Европе южные полуострова, Галлию и Британию, значит, южную и западную окраины. Средняя и северо-западная Европа, Германия и Скандинавия присоединились к римскому миру, т. е. к греко-римской цивилизации, после; за ними примкнули к ней западные славянские племена, и, наконец, уже очень поздно, предъявляет свои права на европейскую цивилизацию и государство, заключившее в своих пределах Восточную Европу. Таким образом, в истории распространения европейской цивилизации мы видим постепенное движение от запада к востоку по указанию природы, ибо на западе сосредоточиваются самые благоприятные условия для ранних успехов цивилизации и постепенно ослабевают, чем далее на восток. Любопытно в этом отношении заметить пределы, где в Европе останавливается наплыв диких азиатских орд, народов первичного образования; и здесь видим ту же постепенность. Наплыв гуннов останавливается на Каталонских полях в Галлии; аварам прегражден дальнейший путь в Германии; мадьяры засели далее на востоке, в Паннонии; татары не могли и здесь остановиться, но наводнили восточную равнину, где и прежде их толпились подобные им народы; вся эта *погань,* по выражению наших предков, сплывает постепенно отсюда на восток, уступая Европе восточную ее половину. Но между поражением Аттилы при Шалоне до покорения Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищение европейской почвы от господства азиатцев, прошло сколько веков! На столько веков, следовательно, история дала ходу вперед Западной Европе пред Восточною. Юго-западные оконечности Европы, впрочем, подверглись в средние века нашествию жителей азиатских и африканских пустынь — арабов, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейском полуострове; в этом отношении при первом взгляде судьба юго-западной оконечности Европы сходна с судьбою восточной ее украйны, судьба Испании сходна с судьбою России; и Фердинанд Ка-

толик, положивший конец владычеству арабов в Испании, современник нашему Иоанну III, при котором спало татарское иго; но какая, однако, разница: что́ заимствовали испанские вестготы и другие европейцы у цивилизованного араба, и что́ могли заимствовать русские у татарина с товарищи — башкирца, чувашенина, черемиса и т. п.!

История-мачеха заставила одно из древних европейских племен принять движение с запада на восток и населить те страны, где природа является мачехою для человека. В начале новой европейско-христианской истории два племени приняли господствующее положение и удержали его за собою навсегда: германское и славянское, племена-братья одного индоевропейского происхождения; они поделили между собою Европу, и в этом начальном дележе, в этом начальном движении — немцев с северо-востока на юго-запад, в области Римской империи, где уже заложен был прочный фундамент европейской цивилизации, и славян, наоборот, с юго-запада на северо-восток, в девственные и обделенные природою пространства, — в этом противоположном движении лежит различие всей последующей истории обоих племен. О первоначальном различии в характерах их, о преимуществе в этом отношении одного перед другим и о влиянии этого различия на историю мы не имеем никакого права заключать по недостатку известий; мы видим только, что одно племя изначала действует при самых благоприятных обстоятельствах, другое — при самых неблагоприятных. Конечно, для славянина, т. е. преимущественно для русского, есть сильное искушение предположить, что племя, которое при всех самых неблагоприятных условиях умело устоять, окруженное варварством, умело сохранить свой европейско-христианский образ, образовать могущественное государство, подчинить Азию Европе, что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовных сил, и, естественно, рождается вопрос: племя германское, поставленное в таких неблагоприятных условиях, сумело ли бы сделать то же самое? Но неприятное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели, не может увлечь русских последовать их примеру.

Славяне на великой восточной равнине Европы. Их селения виднеются по Днепру и его притокам, по Днестру, Западной Двине, Оке. по Ильменской озерной системе. Они живут отдельными родами, каждый род под своим родоначальником; живут иные в городах, но это громкое слово «город» не должно смущать нас, возбуждать мысль о противоречии между существованием городов и особного родового быта. Городом называлось всякое укрепление, всякая городьба, и сравнительное изучение явлений вполне объясняет дело: в XVII веке русские военные отряды, распространяя власть великого государя по северной Азии, находили

туземцев, живших отдельными родами, каждый под властью своего родоначальника, или *князьца;* но обыкновенно жилища семей, составлявших род, были укреплены, обнесены острожками, которые русским людям надобно было брать иногда приступом с кровопролитием; в острожке бывало по четырнадцати юрт, а юрты большие, в одной юрте жило семей по десяти [1]. На севере и северо-востоке от славян жили финские племена под подобными же формами быта; на юге и юго-востоке толпились хищные кочевники, сменявшие, толкавшие друг друга. Славянам по временам тяжело приходилось от них, не спасали города, падавшие в одиночку в бесполезном сопротивлении, и степной хищник запрягал славянских женщин в свою телегу.

Промчится буря — и все опять тихо и однообразно по-прежнему; степные хищники исчезнут, оставив только пословицу «изгибоша яко Обри»; силы не возбуждаются постоянным присутствием врага, как возбуждены были силы германцев враждебными движениями римлян; да и как были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на таком огромном пространстве? Было бы слишком смешно думать, что племена были многочисленны и наполняли сплошь пространство; поверка готова: многочисленно ли было здесь народонаселение, спустя много и много веков после описываемого времени? И теперь наша восточная равнина принадлежит к малонаселенным частям Европы; что́ ж было за тысячу лет назад?

Но пробил час, историческое движение, историческая жизнь началась и для восточной Европы. По водной дороге, тянущейся с небольшим перерывом или волоком от Балтийского моря к Черному, показываются лодки, наполненные вооруженными людьми: плывет русский князь из Новгорода с дружиною. «Платите нам дань», — повторяет он в каждом селении, у каждого острожка славянского. Требование не новое, несут меха, лишь бы только избавиться поскорее от гостей. Но на этот раз гости не исчезают, как авары, не уходят в донские и волжские степи, как козары. На высоком западном берегу Днепра поднимается город, стольный город княжеский, мать городов, Киев. Князь усаживается здесь с дружиною, окрестным племенам уже нет более покоя; по всем рекам и речкам ходит князь с дружиною, собирает дань; куда не придет сам князь, придет муж княжой с своею дружиною за данью; смотрят — гости рубят городки и усаживаются в них, садятся в старых городах, которые повыгоднее стоят и которые побольше. Кличут клич: кто хочет селиться около городов, будет защита и льгота; кто знает нужное ремесло, будет пожива, дорого будут платить ратные люди, которым не самим же все на себя делать. И города населяются, начинаются в них торги, стягивается народ отовсюду, пустеют

села, князек-родоначальник не досчитывается многих своих, ушли в город, а все были люди хорошие, досужие на всякое дело. Но села опустеют еще больше; кличут клич: князь идет в поход, собирайтесь, кто сможет! Молодежь поднимается, рубят лодки, уходят, и долго нет вести; наконец возвращаются — другие люди! Были они в самом Цареграде, какие чудеса там видели! Какие диковинные вещи с собою привезли! Греков победили, несмотря на все их хитрости, заставили дань платить; а кто отличился, тот в дружине у князя или боярина; чудное житье в дружине: пир да ловы с утра до вечера, всего много у князя, ничего не жалеет для дружины, а какой почет!

Таким образом, история России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом, т. е. вследствие известного движения, у нас вследствие появления варяго-русских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших людей по тогдашним понятиям, г. е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять ее. Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря, или героя: «Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого беремени». Это мужи, люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их остаются полулюдьми, маленькими людьми, *мужиками.* Мужи, или богатыри, своими подвигами начинают историю; этими подвигами их народ становится известен у чужих народов; эти же подвиги у своего народа становятся предметом песен, первого материала исторического. Воображение народа поражено подвигами богатырей, их победами над внешними врагами, переменами, которые произведены их движениями внутри; все это, разумеется, преувеличивается, представляется в гигантских размерах. Все выходящее из ряда обычных, ежедневных явлений младенчествующий народ приписывает влиянию высших сил, и богатыри необходимо являются существами выше простых людей, им приписывается божественное происхождение; у нас же при неразвитости мифологии и скором влиянии христианства богатырь хотя и не божественного происхождения, однако по крайней мере чародей: князь Олег, поразивший народное воображение удачным походом на Константинополь и богатствами, оттуда привезенными, является необходимо чародеем, вещим. Самый рассказ о подвигах богатыря-чародея приобретает чудодейственную силу, море утихает, когда раздается песня о богатыре: «Тут век про Добрыню старину скажут, синему морю на тишину, вам всем, добрым людям, на послушанье». Это старинное, форменное присловье показывает нам,

что богатырские песни впервые раздавались на тех лодках, от которых Черное море прозвалось русским

Богатыри упражняли свою силу, от которой им было грузно; но что же делалось вследствие этого на великой восточной равнине? Мы видели, что среди племен появился город с новым характером как местопребывание новой власти, мужа княжого; скоро потом в лучших городах являются и князья, сыновья, братья главного князя киевского; с ними дружина, которая не позволит племени удерживать свою независимость, не платить ясака или дани; кроме того, лучшие силы, лучшие люди уходят из племени: одни — в дружину, другие — в промышленное городское народонаселение, в посадские люди. Народонаселение восточной равнины делится уже не по племенам; здесь новое деление, три сословия налицо: ратные люди, дружина, мужи, пред которыми все остальное, не ратное народонаселение — черные люди, смерды, мужики; но последние делятся также на два разряда: городское, промышленное сословие и сельчан; последние, естественно, ослабели, потеряв лучшие силы, ушли на самый задний план, об них не слышно; летопись, как естественно, рассказывает только о тех, кто движется, этим движением обращает на себя внимание, заставляет двигаться других, производить перемены; летопись поэтому рассказывает преимущественно о князьях и их дружинах, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминает и о горожанах, когда те, разбогатевши, усилившись и воспользовавшись усобицами, разделением и ослаблением князей, подняли голос, начали также двигаться и производить перемены своим движением; но летописец молчит о сельчанах: здесь тихо, нет движения

Племена исчезают в первый, богатырский, период; вместо них являются волости, княжения с именами, заимствованными не от племен, а от главных городов, от правительственных, стянувших к себе окружное народонаселение центров. Ярослав раздает своим сыновьям волости, города, а не племена; это исчезновение племенных имен служит самым ясным доказательством слабости племенного начала у нас на Руси. В истории Германии мы постоянно встречаемся с саксонцами, турингами, франконцами, швабами, баварцами, и в соответствие этому мы знаем, что особность, самостоятельность и сила племен были причинами того, что государственное единство Германии стало невозможно, о чем плачут теперь немецкие патриоты. Сила племени, его стремление к особности и самостоятельности обнаруживаются не в том, что одно говорит *ц* там, где другое употребляет *ч;* влияние племенного начала в истории не условливается одними различиями в нравах и обычаях, происходящими оттого, что одни живут в стране болотистой, а другие в сухой, одни в лесах, другие в степи; племенное начало является влиятель-

ным в истории только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто под одною властию и путем исторической деятельности получило ясное сознание о своей самостоятельности, сознание о противоположности своей другим племенам вследствие приобретения особых интересов. Но замечаем ли мы что-нибудь подобное у наших племен до Рюрика и после него? Неужели отказ платить ясак, когда прежде его не платили, и возмущение части древлян, выведенных из терпения хищничеством киевского князя, похожи на борьбу саксонцев против вождя франков Карла Великого?

Славянское народонаселение различных местностей восточной равнины потеряло свои племенные имена, значит, потеряло сознание о племенных особенностях, о племенных союзах; значит, особенности эти не выдавались резко; значит, союзов этих не было или были они случайным явлением. Быт этих племен, живших отдельными родами, подвергся коренному преобразованию вследствие начала движения, исторической жизни, вследствие появления князя, дружин и городского народонаселения, порознившегося от сельского. Но перемены этим не ограничились: вследствие геройского, богатырского движения, далеких походов на Византию явилась и распространилась новая вера, христианство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселения, духовенство; прежнему родоначальнику, старику, нанесен был новый, сильный удар: он потерял свое жреческое значение; подле него явился новый отец, духовный, священник христианский, и эта новая власть тянула к городу, потому что там жил архиерей

Но понятно, что этот переворот в быте славянского народонаселения восточной равнины не мог закончиться в продолжение начального, богатырского, времени, от Рюрика до смерти Ярослава I. Известно, например, как слабо еще укоренено было христианство в конце этого времени и долго спустя, как в Новгороде волхв чуть не обратил всего народа снова к древнему язычеству. Воинственное движение первых князей обхватило все племена и в каждом более или менее повело к означенным переменам; но известно, что юные тела представляют сходство с телами одряхлевшими, ибо и здесь и там действует одинаково слабость; так и новорожденные государства сходны, по-видимому, в том с одряхлевшими, что не могут сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлевшее Римское государство покончило свое существование разделением; разделением новые европейские государства начинают свою историю. Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здесь останавливаться на одной видимости, ограничиваться одним внешним, поверхностным взглядом и признать действительное разделение? Конечно, нет.

Мы должны, наоборот, обратить все наше внимание на то, на чем при внешнем делении держится внутренняя связь частей, что не дает им обособиться; как постепенно укрепляется связь частей, единство государственное; мы должны следить за развитием, ростом государства вместе за развитием, ростом народа, за постепенным уяснением сознания его о себе как едином целом.

Мы видели, что племена не были в состоянии противодействовать усилению государственного единства. Главным препятствием этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружием первых Рюриковичей. С успокоением движения, богатырства, знаменующего начало исторической жизни народа, или с отвлечением этого движения куда-нибудь в другую сторону, связь собственной в начале Руси Киевской области с отдаленными волостями могла ослабеть; правители волостей благодаря отдаленности могли устремиться к самостоятельности, особенно если бы главный кчязь киевский стал требовать от них исполнения тяжелых обязанностей, большой дани себе с их волостей; тогда бы и выгоды народонаселения этих областей совпали с выгодами правителя и все вместе начало бы стремиться к независимости. Чтоб удержать все части в связи, надобно было, чтоб движение, знаменующее первый, богатырский, период, не прекращалось, чтоб представители исторического движения, князь и дружина, не прекращали своего движения, но перебегали бы беспрестанно обширные пространства восточной равнины, не давая волостям обособляться, возбуждая их беспрерывно к общей жизни. Это именно явление мы и видим во время, протекшее от смерти Ярослава I до выступления Северной Руси на главную сцену действия. Движение сильное, беспрерывное, князья с дружинами переходят из одной волости в другую, идет борьба, усобицы, и вся сила движения сосредоточена внутри русских областей, не выходит наружу; много видим князей — богатырей не хуже древнего Святослава Игоревича, но ни один из них не переселяется на Дунай. Это движение условливалось родовыми княжескими отношениями: князья разошлись по волостям, даже самым отдаленным, но единство рода сохранялось; главный стол принадлежал старшему в целом роде, а лучшие волости доставались по степени старшинства: отсюда князья только временные владельцы в волостях своих; все их внимание обращено на то, чтоб не потерять своего старшинства как права на лучшую волость; взоры их устремлены постоянно на Киев, и вместо стремления обособиться они считают величайшим несчастием для себя, если принуждены выйти из общего родового движения.

Но понятно, что если все внимание князей обращено на одно общее средоточие, если у них у всех один общий инте-

рес, если все тянут к Киеву, то и волости, и народонаселение этих волостей не могут обособиться; ростовцы и черниговцы, владимирцы на Волыни и смольняне должны обращать постоянное внимание на Киев, на Переяславль; ибо перемены, которые произойдут здесь, непременно повлекут за собою важные перемены и для их области: или прежний князь уйдет, придет другой на его место, или начнется усобица, в которой их князь и они сами должны будут принять участие. Таким образом, посредством родовых княжеских отношений, посредством беспрестанных передвижек князей и дружин их из одной области в другую, народонаселение и самых отдаленных областей не могло высвободиться из общей жизни, постоянно имело общие интересы и укореняло в себе сознание о нераздельности русской земли. Разумеется, частые смены князей вследствие родовых их счетов и усобицы, от запутанности в этих счетах происходившие, должны были иметь тяжелые последствия для народонаселения областей; но нельзя было заставить князя отказаться от родового единства; новгородцы пробовали было завести у себя постоянного князя, но безуспешно. По крайней мере связь с Киевом ничего не стоила областям в другом отношении: они ничего не платили в Киев и были от него совершенно независимы.

К единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношениями, присоединялось единство церковное: единый митрополит жил в Киеве, и к нему тянули епископы всей русской земли, к Киеву тянуло все русское христианство, которое все более и более распространялось по восточной равнине, тесня славянское и финское язычество. К Киеву тянуло русское христианство не потому только, что там было средоточие церковного управления: из Киева распространилось христианство повсюду, сперва вследствие ревности князей и движения их с дружинами по областям; но потом из Киева же пошли с проповедью христианства монахи; Киево-Печерский монастырь рассылал епископов повсюду; религиозное движение к Киеву по всем частям русской земли, обычай ходить на поклонение святыням Киева не со вчерашнего дня.

Таким образом, то время, которое с первого раза кажется временем разделения, розни, усобиц княжеских, является временем, когда именно было положено прочное основание народному и государственному единству. Во время, протекшее от призвания князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты в общую жизнь, быт их подвергся изменениям; но это были во всем только начатки; чтоб эти начатки развились, укрепились, нужно было продолжение такого же сильного движения князей и дружин их, движения, сосредоточенного в области, намеченной оружием

первых князей И, действительно, мы видим это движение, совершающееся вследствие единства княжеского рода, родовых счетов между князьями. Время и от смерти Ярослава до Боголюбского представляет нам продолжение того же героического богатырского периода движения, имеющего целью пробуждение исторической жизни. Князья по-прежнему отличаются богатырским характером; они движутся беспрестанно из одной области в другую; усесться на одном месте, завести что-нибудь прочное, постоянное не в их характере; хороший князь не должен ничего копить, собирать впрок, должен все раздавать дружине, с которою может добыть все; князь имеет в виду постоянное движение с одного стола на другой до тех пор, пока не сложит костей в заветном Киеве, подле гробов отцовских и дедовских. Князь-богатырь, который оставил по себе больше других славы, Мономах, сам подал о себе весть потомству, описал свою деятельность; эта деятельность состояла в вечном движении, в беспрерывных походах из одной стороны в другую. Если мы взглянем на карту России и припомним, что должно было представлять это обширное пространство в XI и XII веках, то понятно нам станет значение Мономаха, значение этой постоянной передвижки, беготни, под условием которых поддерживались начатки исторической жизни во всех частях, поддерживалось всюду сознание о единстве русской земли.

До призвания князей существовали отдельные племена, сходством своим способные принадлежать к одной народности; с призванием князей, с началом исторического движения племена приводятся в связь, преимущественно внешнюю, начинается переработка их быта; но только благодаря явлениям, характеризующим время от смерти Ярослава до конца XII века, является русский народ.

Так важно было продолжение движения на великой восточной равнине Европы, продолжение героического, богатырского, периода русской истории по условиям, среди которых эта история началась, по обширности и девственности страны. Но теперь всмотримся в следствия этого продолжительного движения. Когда мы представляем себе постоянное, продолжительное движение, то это представление не дает места представлению о чем-либо прочном, установившемся. В Западной Европе при начале ее новых государств мы видим движение германских дружин с их вождями в области Римской империи и вооруженное занятие ими этих областей. Но здесь мы видим, что пришельцы овладевают землею, усаживаются на ней, главные вожди из своих обширных земельных участков выделяют другим в пользование с известными обязанностями; волости, розданные во временное владение, по разным причинам становятся наследственными; слабый землевладелец, желая приобресть покровительство сильного

соседа, отдает ему свою землю и получает ее назад уже с известными обязанностями к сильному. Здесь, на Западе, на основании поземельных отношений образуется та связь между землевладельцами, которую мы называем феодализмом, связь, которая в первые времена, времена слабости государственного организма, точно так же содействовала сохранению единства страны, как наши родовые княжеские отношения. Земля, отношения по земле составляют сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выражению одного историка, есть как бы религия земли. Недвижимое имущество, земля, господствует, и только после, вследствие развития промышленности и торговли, процветания городов, получает важное значение движимое имущество, деньги, является и денежная аристократия подле земельной. Но у нас, на восточной равнине, мы не замечаем подобного явления. Как ни вчитываемся в летопись, чтоб подметить в ней указания на земельные отношения дружины, — не находим ничего. И опять если обратим внимание на главное условие, при котором началась и продолжалась русская история, именно на обширность страны и малочисленность народонаселения, то дело объяснится легко: земли было слишком много, она не имела ценности без обрабатывающего ее народонаселения; главный доход князя, который, разумеется, шел преимущественно на содержание дружины, состоял в дани, которую князь собирал с племен и которая потом продавалась в Греции; вначале если князь не ходил за данью, то дружина его бедствовала: «У Свенельдовых отроков много оружия и платья, а мы босы и наги; пойдем, князь, с нами за данью!» — говорит дружина Игоря. Известие драгоценное, показывающее нам, как мы должны смотреть на дело. Дружинники не усаживаются на выделенных им земельных участках в самостоятельном положении землевладельцев, обеспеченных доходом с этих земель; они остаются с прежним характером спутников, товарищей князя, остаются при нем в полной зависимости от него относительно содержания; они привязаны к особе князя, вождя своего, который их кормит и одевает; кормит и одевает дурно, они ропщут, и если ропот не производит действия, если князь не уступает им, как уступил Владимир, выложивший серебряные ложки вместо деревянных, то дружинники уходят к другому князю, который щедрее. Но, может быть, так было только вначале, после отношения переменились? Нисколько: от позднейшего времени доходят до нас известия, что дружинники кормились не от земли, но получали от князя денежное жалованье; летописец, жалуясь на усилие роскоши, говорит, что прежние дружинники не позволяли женам своим излишней роскоши и потому довольны были сотнею гривен, получаемых от князя, а теперь говорят: «Мало мне, князь, ста гривен!» —

потому что жены их стали носить золотые украшения вместо серебряных.

Иначе и быть не могло при родовых княжеских отношениях, когда князь не был крепок в своей волости, но, стремясь по родовой лестнице к старшему столу, переходил из одной волости в другую; дружина следовала за ним; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекочевке могла ли недвижимая земельная собственность иметь важное значение?

Таким образом, дружина после появления ее на восточной равнине в продолжение нескольких веков не усаживается, но сохраняет первоначальный характер, характер военного общества, братства, которое с своим вождем движется, ища подвигов и добычи. Дружина хорошо, весело живет при князе: князь — старший товарищ, старший брат, а не повелитель; он не таится от дружины, дружина знает всякую его думу; он ничего на щадит для дружины: ни еды, ни питья, ничего не копит себе, все раздает дружине: а не хорош князь, думает свою думу врознь от дружины, скуп князь или завел любимца, дружинники покидают его; им легко это делать; они не связаны с областию, где правит покинутый князь; они русские, а русская земля велика и князей много, каждый с радостию примет доброго воина. Так в продолжение целых веков русские дружинники привыкли жить в этой первоначальной форме военного братства, привольно двигаясь из волости в волость на неизмеримом пространстве, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочет князю, привыкли жить беззаботно, не думая о завтрашнем дне, не чувствуя никакого давления сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своих прав, привыкли избегать всякой неприятности, всего дурного не сопротивлением, но уходом, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовых княжеских отношениях и важных следствиях этих отношений для дружины, мы не должны упускать из виду одного чрезвычайно важного обстоятельства, именно быстрого размножения членов Рюрикова княжеского рода. Приведенный нами случай, когда дружинники становятся землевладельцами, не есть единственный случай образования сильного вельможества в стране. Вельможество происходит также, когда князь раздает своим приближенным города и целые области в управление; эти правители, естественно, приобретают важное значение и передают его потомству. Так произошло польское вельможество, которое очень скоро уже начинает бороться с королевскою властию, ограничивать ее. Но в России очень быстро размножаются члены княжеского рода, вследствие чего все области и все сколько-нибудь значительные города управляются князьями

и для бояр прегражден, таким образом, путь к образованию могущественного, вроде польского, вельможества; на первом плане князья, их родовые счеты и движения, борьбы вследствие этих счетов; дружина, увлеченная вихрем этого движения, не успевает приобрести никакого самостоятельного значения; отсюда понятно, почему в описываемое время князья наполняют почти исключительно всю историческую сцену; летопись является летописью княжескою, говорит о князьях, их одних имена попадаются беспрестанно в глаза и производят такое утомительное однообразие.

Но всмотримся пристальнее: подле князей и дружин их, не усевшихся, перекочевывающих из одной области в другую, что обличает общество новорожденное, мы замечаем любопытное явление, которое еще более обличает новорожденное общество, явление, уже невозможное в обществе сколько-нибудь зрелом, сформировавшемся, — летопись упоминает о богатырях, людях, отличающихся особенною физическою силою и храбростию, и которые не входят в дружину княжескую, составляют особую силу, помогая то тому, то другому князю. История может еще подметить на девственной восточной равнине процесс первоначального выделения сил из народонаселения, приведенного в движение. А если сравним общество, о котором идет речь и которое мы называем новорожденным в смысле общества европейского, отличающегося сложностию своего построения, чем оно и выше, совершеннее других обществ, — если мы сравним русский народ XI и XII века с соседями восточными, то как высоко станет он! Подле степь с ее кочевыми обитателями; и здесь мы опять можем наблюдать переход народов от кочевого быта к оседлому; между дикими степными кочевниками и оседлою Русью образуются народцы полукочевые и полуоседлые, полунезависимые, имеющие собственных князьков, но признающие верховную власть русских князей, причем, однако, нередко изменяют в пользу своих диких собратий.

Но в то время как на восточной равнине князья и дружины, сохраняя первоначальный богатырский характер, не покидают движения, не привязываются землевладением, как на Западе, города, которым, вследствие счастливого положения своего, удалось подняться чрез промышленность и торговлю, необходимо должны были приобрести важное значение именно потому, что другие силы, князь и дружина, представляли начало подвижное, изменяющееся, а города представляли постоянное, прочное. Волости, земли, второстепенные, младшие города тянут к старшему, сначала потому, что там живет князь; но теперь князья меняются, спорят, трудно разобрать, кто из них прав. И младшие города, вся волость, естественно, по старой привычке смотрят на старший, что там скажут? Как решат, так и все другие решат. Старшие

города, жители его, собранные на вече, являются, таким образом, *властью,* и на чем они, старшие, положат, на том и пригороды станут. При множестве князей, их спорах и усобицах, города, естественно, стремились к тому же положению, какое приобрела дружина: переходить от дурного князя к лучшему. Вскоре по смерти Ярослава, когда явилось уже несколько князей, киевляне выгоняют князя, который не умел защитить их от половцев, и берут себе другого, его пленника. Впоследствии эти явления повторяются где чаще, где реже, в Новгороде Великом чаще всего. Естественно, что при этом происходили условия, ряды. Только новгородские ряды дошли до нас; что же касается до других городов, то нельзя думать, чтоб в них было много определений относительно самостоятельности городского управления: как дружинник, имея возможность обеспечивать себя лично свободным переходом, забыл думать о каких-либо других определениях своего сословного положения, точно так и города встречали препятствие к точнейшим определениям своего быта именно в возможности переменить дурного правителя и судью; призовут на его место хорошего, уговорятся с ним, чтоб поставил всюду хороших второстепенных правителей и судей, и все пойдет хорошо. На западе владелец жил постоянно тут, был вечным землевладельцем; от его притеснений городу не было другого средства, как поцеловать крест, *стоять за один* (jurer la commune), с помощью высшего авторитета заставить притеснителя определить навсегда свои отношения к городу. На Руси же иное дело: против князя доброго и несильного не нужно обеспечений, а придет на его место князь сильный, тот не станет смотреть на ряд своего предшественника, не будучи с ним ничем связан, часто будучи врагом его; высшего же авторитета, который бы мог утвердить права города относительно его князя, нет; все князья равны на своих столах и высшего над собою не признают. Наконец, лучшее доказательство неразвитости самоуправления в древних городах русских — это когда некоторые из них подпали под власть Литвы, то приняли чужие формы самоуправления, именно немецкое магдебургское право: чужие формы добровольно берутся тогда, когда нет своих.

Духовенство, начальные его люди, архиереи, хотя часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не иметь большого влияния на дела волости, на ее отношения к князьям; владыке принадлежало первое место во всяком видном случае. Среди постоянно движущихся, друг с другом воюющих князей, среди движущихся вместе с князьями дружин, среди волостей, колеблющихся, мятущихся вследствие этого движения и борьбы, единый митрополит киевский и всея Руси мог бы приобрести огромное значение: это была одна постоянная сила среди других движу-

щихся, следовательно, слабейших. Но этот митрополит был обыкновенно грек, чужой человек, без языка перед народом, без влияния.

Таким образом, во сто лет, протекшие от смерти Ярослава I, мы видим, что преимущественно вследствие продолжения движения все элементы задержаны в своем развитии, налицо все первоначальные формы: бродячие дружины, члены их, свободно переходящие от одного князя к другому, в челе дружин неутомимые князья-богатыри, переходящие из одной волости княжить в другую, ищущие во всех странах честь свою взять, не помышляя ни о чем прочном, постоянном, не имея своего, но все общее, родовое; веча с первоначальными формами народных собраний безо всяких определений; а тут, на границе, кочевники переходят к полуоседлости, немного далее, в степи, виднеются вежи и чистых кочевников. Все здесь, на восточной равнине, отзывается первобытным миром, общество как будто еще в жидком состоянии, и нельзя предвидеть, в каком отношении найдутся общественные элементы, когда наступит время перехода из этого жидкого, колеблющегося состояния в твердое, когда все усядется и начнутся определения.

Когда же и где именно, при каких условиях начались эти определения? От уяснения этих вопросов зависит уяснение всего последующего хода истории. Мы видели, что история сначала выбирает всегда лучшие земли, и отсюда постепенность исторического движения в Европе с юга на север или с юго-запада на северо-восток. То же самое видим и у нас, на восточной равнине. История начинается здесь на западе, на водном пути из Балтийского моря в Черное; начинается на северо-западе, но уже второй князь переселяется с севера на юг, в среднее приднепровье, в лучшие страны, где и образуется собственная в древности Русь. Здесь, в западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первых князьях и сто лет спустя по смерти Ярослава Великого. Но мы видели, что изначала славянам суждено было двигаться на северо-восток, в страны, более и более обделенные природою: какой-то сильный враг когда-то потеснил славян с Дуная и заставил часть их поселиться по рекам восточной равнины; но и тут, в лучших юго-западных частях этой равнины, они не могли долго оставаться в покое даже и тогда, когда русские князья соединили их и в челе дружин своих стали на стороже русской земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни русские князья с их дружинами, ни русские городки не могли сдерживать наплыва кочевников; города и села лежали пустые, обгорелые, пахарь не смел выехать на работу, половецкие вежи наполнялись русскими рабами, и походы князей в далекие степи на разгром хищников приносили только минутное

облегчение. Черниговский князь объявил, что его волость опустошена, что в его городах живут только псари да половцы; другие пограничные со степью княжества не могли быть в лучшем положении. Усобицы княжеские происходили преимущественно в этих же странах, и князья приводили тех же половцев.

Такое несчастное положение юго-западной украйны необходимо заставляло часть ее жителей выселяться в страны более спокойные. Эти страны были именно отдаленные северо-восточные волости русские, суровая климатом, бедная населением область верхней Волги, где князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельников, давали им льготы, строили им города.

В каких же условиях нашлось народонаселение в этой новой стране?

Если в старой, западной или юго-западной, Руси племенное деление имеет так мало исторического значения, то в новой, северо-восточной, Руси о племенах нет и помину. Летопись до прихода варяго-русских князей указывает здесь финские племена; но в половине XII века мы имеем здесь дело уже с славяно-русским народонаселением. Прибытие одних русских князей с их дружинами не могло ославянить туземцев: мы знаем, как обыкновенно господствующий класс сохраняет одну народность, а низшее народонаселение — другую; для ославянения северо-восточной Руси необходим был сильный приплыв славянского народонаселения в города и села. Но этот приплыв совершился не целыми особыми племенами, а вразброд; стекались поодиночке или небольшими толпами из разных местностей, сталкивались с чужими, с иноплеменниками, без возможности, следовательно, сейчас же составить крепкий союз, приходили с сознанием своей слабости, зависимости. В западных областях славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востоке, наоборот, славянские поселенцы являются в страну, где уже хозяйничает князь; князь строит городки, призывает насельников, дает им льготы; насельники всем обязаны князю, во всем зависят от него, живут на его земле, в его городах. Эти-то отношения народонаселения к князю и легли в основу того сильного развития княжеской власти, какое видим на севере. Разумеется, многое зависело здесь от того, воспользуются ли князья своими выгодными отношениями к новому народонаселению, к новым *своим* городам, не встретят ли в других частях народонаселения сильных препятствий. Явился именно такой князь, который как нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношениями к новому народонаселению, именно Андрей Боголюбский. Он переселяется жить из старого города Ростова Великого в новый Владимир на Клязьме, где нет веча, где власть княжеская

не встретит преград. Андрей понимает очень хорошо значение слов *мое, собственность* и не хочет знать юга, где князья понимают только общее родовое владение. Андрей, как древний богатырь, чует силу, получаемую от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда; он не покидает этой земли, не переезжает в Киев, когда тот достался ему и по родовым правам, и по правам победы. Этот первый пример привязанности к своему, особому, первый пример оседлости становится священным преданием для всех северных князей, и отсюда начинается новый порядок вещей.

Мы сказали: при зачале утверждения нового порядка вещей многое зависело от того, воспользуются ли князья своим выгодным положением, не встретят ли препятствий в других частях народонаселения? Дело не обошлось без борьбы. Южные князья-богатыри, привыкшие смолоду никого не бояться, кроме бога одного, встали, увидав, что Андрей, северный самовластец, стал обходиться с ними не по-прежнему, не как с родственниками, но как с подручниками; они разбили большое войско Андреево, высланное против них на юг; но этим оборонительным действием князей дело и кончилось на юге; север с зачавшимся в нем новым порядком остался не тронут. Новгород Великий с храбрым князем, приехавшим к нему с юга, отбился от полков Андреевых, видел бегство их от стен своих, но этим оборонительным действием со стороны сильнейшего самовластительного города на Руси дело и кончилось; Новгород Великий не помог Ростову Великому, в который Андрей ударил пятою, по тогдашнему выражению, переехал жить в пригород и украшал этот пригород как стольный город назло старому Ростову. Мы видели, как привыкли жить дружинники с князем, не как с повелителем, но как с старшим, товарищем, как с вождем, которому служат по любви, из охоты и покидают при первом неудовольствии. Андрей не ужился с этими обычными требованиями дружины и погнал из своей волости старых бояр отцовских: что́ же бояре остальных волостей русских? Встали за обиду товарищей? Нисколько.

Повсюду ограничились только обороною от наступательных действий северного самовластца; он остался нетронутым в своей волости. Здесь борьба не кончилась: Андрей пал жертвою нового порядка, им введенного, бояре убили его. Но это воровское дело, это ночное нападение, ночное убийство сурового господина показывает лучше всего слабость в людях, совершивших преступление. Однако человека, сжимавшего все в сильной руке, не было более, следовательно, теперь все, что было сжато только, а не изгибло, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вечевой город Ростов, хочет низложить дерзкий пригород Владимир, взявший первенство по воле князя; с старым городом по единству

выгод соединяются бояре; но пригороды побеждают, Ростов окончательно теряет свое значение, и князья утверждаются в пригородах, где нет веча, где власть их ничем не стеснена.

Исход борьбы между старым городом и новыми имел решительное влияние на дальнейший ход событий на севере, а следовательно, и в целой России, ибо север получает преобладающее значение. Мы видели, что вследствие родовых княжеских отношений, перемещений и усобиц власть княжеская являлась чем-то непостоянным, изменяющимся, и во сколько она ослабела чрез это, во столько выиграло значение старшего города в волости, который представлял власть постоянную. Таким образом, в земле подле власти княжеской являлась другая власть, и чем чаще в которой земле менялись князья, чем с меньшими силами приходили они как искатели волости, стола, тем более поднималось значение другой, постоянной власти, города: так, Новгород Великий поднялся до значения *государя,* хотя не исключил и власти княжеской, остался при выработанном историею двоевластии, не постаравшись о более точном юридическом определении. Такое двоевластие было более или менее и в других областях, в других землях во время господства родовых княжеских отношений. Но как скоро на севере князь сделал первую попытку установиться, сделаться властию постоянною, то, естественно, он прежде всего должен был столкнуться со властию старшего города. Исход столкновения легко было предвидеть на севере, где князь явился повелителем страны, строителем городов, где князь, следовательно, создал себе силу, опираясь на которую мог начать поведение, каким отличался Андрей Боголюбский. Андрей, впрочем, как видно, не вступал в открытую борьбу с старым городом Ростовом, он только оставил его и устроил себе свой стольный город в пригороде Владимире, он точно так же поступил и с Киевом, старшим городом во всей русской земле; племянник его Ярослав Всеволодович хотел точно так же поступить с Новгородом, покинувши его и утвердивши свое пребывание в пригороде Торжке. Только когда по смерти Боголюбского ростовцы высказали свои требования, началась открытая борьба между ними и братьями Андрея, кончившаяся поражением ростовцев. Не удивительно, что борьба была непродолжительна; обратив внимание на положение Ростова, трудно предположить, чтоб этот город был силен, имел многочисленное народонаселение вследствие большой торговой деятельности; трудно предположить, чтоб этот город, запрятанный своими строителями, финскою мерею от живого пути, от Волги, к печальному мертвенному озеру, чтоб этот город процветал, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложен был старый вечевой город, и на севере водворилось однообразие: все города новые, незначительные; Ростов

заброшен, Владимир не успел еще подняться в значении столицы великокняжеской, как был разорен татарами и также заброшен; великие князья живут в своих *опричинах,* в своих наследственных городах: то в Переяславле, то в Твери, то в Костроме, то в Москве. Нельзя не заметить в русской истории относительно городов важной по своим последствиям односторонности: в западной половине, где была главная историческая сцена в древности, мы видим ряд значительных городов, процветавших именно потому, что они были на дороге из варяг в греки, т. е. из северной Европы в южную; в северо-восточной части, которая теперь выступает на первый план, по другим, менее благоприятным природным условиям, значительных городов нет, и потому не обнаруживают они влияния на последующий ход событий, которые совершаются мимо их. Города являются здесь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здесь сложившееся, окрепнувшее, получает преимущественно характер государства земледельческого.

Вообще движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, из страны, которая представляла путь из северной Европы в южную, из страны, которая поэтому находилась в постоянном общении с европейско-христианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на восток в области верхней Волги, то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно на восток, обращено все. Но западная Россия, что же с нею сделалось? Она осталась на своем месте, не могла передвинуться на восток? Западная Россия, потеряв свое значение, потеряла способы к дальнейшему материальному, государственному и нравственному развитию, способы иметь влияние на восточную Россию результатами своего общения с европейскими народами. Мы видели, чему подвергалась она вследствие соседства своего с степью, с хищными кочевниками, половцами. Татары и литва разорили ее вконец. Киев, в старину вторая Византия, являлся путешественнику в виде ничтожного городка, с окрестностями, похожими на кладбище. Запустелая, лишенная сил, раздробленная, юго-западная Русь подпала под власть князей литовских. Галич, счастливый уголок, где было сосредоточились последние силы юго-западной Руси, быстро поднялся и процвел, но скоро и пал вследствие своего уединения от остальной, живой Руси, т. е. Великой, ибо Малую Русь в описываемое время

нельзя было назвать живою. Политическая связь между восточною и западною Русью рушилась; мало того, возникла вражда вследствие соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особых митрополита, в Киеве и Москве.

Кровный союз был нарушен, родные братья разделились, разошлись; сколько от этого разделения потеряно было материальных сил, об этом говорить нечего. Деньги — дело нажитое, говорит пословица; так и вообще материальные силы; но сколько от этого раздела, от этой долгой жизни особняком потеряно было нравственного, духовного богатства! Русский человек явился в северо-восточных пустынях *бессемеен* во всем печальном значении, какое это слово имело у нас в старину. Одинокий, заброшенный в мир варваров, последний, крайний из европейско-христианской семьи, забытый своими и забывший о своих по отдаленности, разрознившийся и от родных братьев — вот положение русского человека на северо-востоке; и целые века предназначено было ему двигаться все далее и далее в пустыни востока, жить в отчуждении от западных собратий. Но если для развития сил как отдельного человека, так и целого народа необходимо общество других людей, других народов, если только при этом условии возможно движение мысли, расширение сферы деятельности, то понятно, какие следствия для русского народа должно было иметь отсутствие этого условия.

Другие благоприятные условия могли бы, хотя отчасти, восполнить недостаток главного условия, необходимого для успешного развития народной жизни, например благоприятный климат, плодоносие почвы, многочисленное народонаселение в обширной и разнообразной стране, что делает возможным разделение занятий, обширную внутреннюю торговлю, беспрерывные сообщения различных местностей друг с другом, процветание больших городов. Ничего подобного не могло быть в северо-восточной России. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живительно действовать на дух человека, развивать в нем чувство красоты, стремление к украшению жизни, поднимать его выше ежедневного, будничного однообразия, приводить в праздничное состояние, столь необходимое для восстановления сил. Малочисленное народонаселение было разбросано на огромных пустынных пространствах, которые беспрестанно увеличивались без соответственного умножения народонаселения. Все это было бедно и слабо без возможности к самостоятельной жизни, без возможности защиты при встрече с какою бы то ни было силою. Посмотрим, что́ иногда происходило в городе относительно довольно значительном? Жители прячутся, затворяются ставни домов, запираются лавки: в город въехал прикащик соседнего богатого землевладельца, окруженный

толпою подвластных ему крестьян, и похваляется всякою похвальбою на горожан. Эта слабость отдельных частей вела к тому, что все они и во всем обращались к Москве, туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознание своего положения и отсюда могущественные побуждения упорно охранять одно и отвергать другое зависят от сосредоточения больших масс в одной местности с сильною и разнообразною деятельностью. Когда народ сплочен внутренно вследствие достаточного числа жителей соответственно обширности страны; когда народ сплочен разделением занятий, поставившим различные местности, различные части народонаселения в неразрывную связь и зависимость друг от друга; когда эти местности и части народонаселения находятся в беспрерывном общении друг с другом, связаны общими интересами, принимают горячее участие в судьбе друг друга, одним словом, живут сознательно общею жизнею, — то такая внутренняя сплоченность, связь, условливает возможность децентрализации, возможность самоуправления частей без вреда политическому единству; когда разбитый член организма внутренно сросся, тогда внешние повязки и лубки более не нужны. Наоборот, когда части народонаселения, разбросанные на огромных пространствах, живут особною жизнею, не связаны разделением занятий; когда нет больших городов, кипящих разнообразною деятельностью, когда сообщения затруднительны, сознания общих интересов нет, — то раздробленные таким образом части приводятся в связь, стягиваются правительственною централизациею, которая тем сильнее, чем слабее внутренняя связь; централизация восполняет недостаток внутренней связи, условливается этим недостатком и, разумеется, *благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось*: это хирургическая повязка на больном члене, страдающем потерею внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видели, в каком выгодном положении с самого начала нашелся князь на северо-востоке и как он воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбского, брат его Всеволод III и потомки последнего неуклонно верны преданию, полученному от первого самовластца. Каждый князь, ставши по родовым счетам великим или старшим, не оставляет своей прежней волости для столицы великокняжеской, Владимира, который, таким образом, после татарского погрома не имел возможности поправиться, получить значение, принять участие в княжеских спорах, усобицах, его роль страдательная, все делается мимо его. Каждый великий князь стремится воспользоваться теперь своим значением, своею силою, чтоб увеличить свою волость, свое владение на счет других княжеств. Вместо прежнего движения из одной волости в другую, какое мы видели в древней, юго-западной, России, в

России новой, северо-восточной, видим оседлость князей в одной волости, князь срастается с волостью, интересы их отождествляются, усобицы принимают другой характер, имеют другую цель, именно усиление одного княжества на счет всех других; при такой цели родовые отношения необходимо рушатся, ибо тот, кто чувствует себя сильным, не обращает более на них внимания. Одно княжество наконец осиливает все другие, и образуется государство Московское.

При этом образовании московский князь, теперь государь всея Руси, утверждает за собою то выгодное положение, в котором являются первые северные князья. Соответственно тому отношению, в каком мы нашли вначале северное народонаселение к князю как хозяину, населителю страны, создателю городов, в соответствие этому отношению в Московском государстве свободный человек называет себя человеком великого князя. Но что же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на севере, сохраняет свой прежний характер: единственное право, которое она ревниво бережет, право, вынесенное ею из старой Руси, — это право свободного перехода от одного князя к другому: «Боярам и слугам вольным воля». Таким образом, князь опередил дружину: в то время как он начал новый порядок вещей, уселся, припав к земле, и, как богатырь, получил отсюда новые силы, дружина продолжает еще бродить, кружиться, и в этой способности двигаться полагает свое единственное право или ручательство всех прав; дружина, следовательно, страшно отстала от князя, отстала на целый период. Если некоторые дружинники усаживаются и получают от этого силу, то движение остальных мешает дальнейшему их усилению, мешает определению отношений. У сильнейшего князя выгодно служить, и по праву свободного перехода дружинники отовсюду стремятся в Москву, идут туда бояре с опустошенного юга с многочисленными дворами, новые пришельцы *заезжают* старых, по местническому выражению, начинается борьба, усобица в боярстве, и если один боярин чрез меру усилится и станет опасен, князь найдет против него всегда опору в его соперниках. Так погиб опасный Алексей Петрович Хвост от вражды с своими собратиями. Опасен становится важный сан тысяцкого, грозивший стать наследственным в одной знатной фамилии, — и Димитрий Донской уничтожает этот сан. Тщетно сын последнего тысяцкого, Вельяминов, хлопочет и в Твери, и в Орде, поднимая грозу против московского князя; его ревностный союзник — богатый купец московский, и никто из бояр; голова Вельяминова падает под топором палача на Кучкове поле, народ плачет; о боярах ни слова не говорится в летописи, не говорится, чтоб они показали сочувствие к судьбе собрата; точно так же при внуке Донского безуспешно кончилось восстание боярина Ивана Дмит-

риевича Всеволожского. Таким образом, в это важное время, когда московский князь собирал русскую землю, становился государем, самовластным хозяином всей северо-восточной России, в дружине мы видим одиночные попытки того или другого сильного лица, того или другого сильного рода подняться; но при столкновении с властию великокняжескою, при борьбе, силы оказываются далеко не равными: восставший боярин действует во имя своего личного интереса, не поддерживается внутри всеми собратиями, действует посредством других князей или хана. Дружина остается при прежнем: «Боярам и слугам вольным воля».

К концу первой половины XV века двор великого князя московского наполняется пришельцами нового рода, князьями потомками Рюрика и Гедимина, которые по своему происхождению становятся на первом плане, оттесняют старых бояр на второй, чем, разумеется, возбуждают к себе их неприязнь. Таким образом, вместо увеличения сил дружины от приплыва князей, силы уменьшаются, ибо происходит разделение интересов. Притом князья являются в Москву с одними притязаниями на важное значение, без средств поддержать их. Некоторые удерживают за собою прозвания от прежних княжеств своих заимствованные, но правителями этих княжеств не остаются, не имеют, следовательно, никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняют никакого значения в областях, где правительствовали их деды; их здесь скоро забывают, они не живут здесь, их место, как дружинников, постоянно в Москве подле великого князя. Они сохраняют несколько вотчин, но эти вотчины дробятся вследствие равного разделения между всеми сыновьями; кроме того, часть их еще отходит в монастыри на помин души. В том же самом положении относительно средств своих находятся все бояре, вся знать, т. е. все они бедны средствами. Князья и бояре бедны, а великий князь очень богат; он примыслил себе множество земель, а земля при младенческом состоянии Московского государства, государства земледельческого, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержания. Это земельное богатство дает средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и положить зараз преграду притязаниям князей и знати; средство к тому — *поместье*. Раздачею земельных участков во временное владение за службу великий князь создает себе свое многочисленное войско, вполне от него зависящее, от него получающее содержание. У князей и бояр нет во владении больших областей, городов, даже укрепленных зáмков, где бы они могли жить более или менее независимо: издавна дружинники, не получившие на Руси значения землевладельцев, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольничие и

думные люди, и князья, вошедшие в ряды их, живут постоянно в Москве и беспрестанно толпятся во дворце; в XV, XVI и XVII веках отношения остаются те же, какие были в X и XI. О королях Испании и Франции говорится, что они усилили свою власть, свое значение, перетянув знать из зáмков к своему двору; в России этого перетягивания и не могло быть, ибо не было периода в русской истории, когда бы знать жила независимо в зáмках; дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характер и непосредственное отношение к князю, с которым не расставалась. При образовании Московского государства князья служилые и знать вообще не могли по бедности наделять землями других неимущих и таким образом составлять свое войско и вообще не имели средств содержать свое войско, свой двор; один великий князь имел возможность раздавать земли и этим средством создавать себе войско. Легко понять следствия. Для современников отношения были ясны: польские магнаты, рассуждая о выборе московского царя в короли, говорили, что этот выбор им невыгоден, потому что московский царь богат и потому переведет всю служащую у них шляхту в службу к себе. Так уже и было сделано при Иоанне III, когда великий князь, отобравши земли у новгородского духовенства, роздал их в поместья людям, взятым из дворов знатных людей.

Великий князь крепко утвердился в стране, он в ней полновластный хозяин, жители называют себя людьми великого князя, он распоряжается землею, он создает себе многочисленное войско; а старая дружина, знать, в челе которой стоят теперь князья, постоянно обращает взоры назад, к старому, отжившему порядку вещей и вместо определения отношений и указания новых условий, вместо оседлости, прочной установки, хочет сохранить прежний характер дружины, хочет постоянно двигаться, хочет удержать за собою движение, переход как право: «А боярам и слугам вольным воля». Легко понять, как отстала эта московская знать, какого порядка являлась она представительницей, порядка, который для западной Европы кончился со вступлением германских дружин на римскую почву; московская знать жила еще преданиями богатырского периода. Но этот период давно уже кончился на севере, в Москве; здесь князья установились, и вместо многих равноправных князей стал один государь всея Руси, переходить от него стало не к кому более, разве к государям чужих стран, но это уже тяжело, это уже измена. Право бояр и слуг вольных прекратилось само собою; воля исчезла вследствие естественного хода событий, никто ее не отнимал; гарантии прежнего выгодного положения нет более; великий князь резко выделяется, высоко поднимается над старыми дружинниками по своим независимым средствам, по своему значению для остального народонаселения

страны; среди всеобщей скудости он один мог окружить себя великолепием, так сильно действующим на воображение. Как нарочно, великий князь московский Иоанн III женится на греческой царевне, воспитанной в Италии. Она способствует мужу выделиться из среды новых служилых князей и старых дружинников, переменить старые отношения, старые обычаи к выгоде значения государева, к невыгоде прежних вольных дружинников, которым уже больше нет вольного перехода. Знать, стоявшая на первых местах, вступила в борьбу с хитрою гречанкою, но та успела выйти победительницею из борьбы; сын ее, воспитанный в этой борьбе, крепко в нее запутанный, вступает на великокняжеский престол по смерти отцовской. Последнее время московских Рюриковичей прошло в ожесточенной борьбе с притязаниями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольных дружин и которая в сочинениях одного из даровитых своих членов оставила потомству горькие жалобы на новый порядок, столь для нее тяжелый, и на роковую гречанку, будто бы его принесшую в царство Русское.

Борьба, принявшая напоследок кровавый характер, кончилась, как следовало ожидать, не к выгоде московской знати, которая должна была забыть старые предания вольной дружины; князья Рюриковичи и Гедеминовичи стали называться холопями великого государя, писаться уничижительными полуименами. Но, несмотря на тяжелые обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживают свое первенствующее значение, высшие места в управлении. Иоанн Грозный в своей ожесточенной вражде к ним не отнимает у них этого значения, этих мест, не дает их значения, их мест людям новым, низкого происхождения. Грозный, подозревая и ненавидя бояр своих, оставляет их в прежнем значении, даже рискует усилить его, поставляя их в челе земского управления; он не прогоняет бояр, но сам скорее убегает от них, окруженный новою, преданною дружиною, опричниками. Но в начале XVII века для московского боярства настало время хуже времени Грозного, Смутное время. Явились два царя, два двора; кто не мог получить высшей чести при одном дворе, переходил к другому; Тушино наполнилось людьми разного происхождения, которые там искали случая подняться. Когда Тушино рассыпалось, эти люди забежали под Смоленск к королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потом московские бояре присягнули королевичу Владиславу, чтоб только избавиться от козацкого царя, самозванца, от владычества своих холопей, то с ужасом увидали, что к ним в думу по милости королевской сел торговый мужик Андронов и всем распоряжается. Несмотря на то, бояре крепко держатся за королевича; но земля не хочет его, увидев за ним или еще перед ним старого короля с

иезуитами; земля встала, выставила ополчение для борьбы с поляками и козаками, вожди этого ополчения — люди второстепенные, из родов захудалых, если и бояре, то тушинские, а бояре настоящие, московские, сидят с поляками в Кремле. Когда буря миновала, все начало успокоиваться, оказался недочет в тех людях, которых привыкли видеть в челе полков, на первых местах в думе. Пошли новые люди, не имевшие уже тех преданий и того значения, как прежние *столпы*. Это дает возможность людям неродовитым пробиваться к высшей чести, к боярству, разумеется, сначала медленно, не без ропота и выходок со стороны знатных родов; но пример уже подан в боярстве Ордина-Нащокина и Матвеева. А тут у дверей новые неизбежные преобразования: войны трудные, войны в обширных размерах требуют искусства ратного как у других народов, требуют нового строя, нового воеводского распорядка; Московское государство не может долее сохранять своей старины, родового быта с его счетами, которые препятствовали всякому разумному распределению воевод; не может при своих государственных отправлениях довольствоваться простым древнекняжеским устройством, не может довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразования принадлежат уже к новой истории.

Посмотрим теперь на духовенство, какое положение получило оно при образовании Московского государства и в каком положении встретило эпоху преобразования? Мы упоминали, какое особенно важное значение в древней Руси мог бы иметь единый митрополит при многих князьях, если б этот митрополит был русский. После окончательного опустошения юго-западной Руси, когда жизненные силы отлили на северо-восток, и митрополиты начали, естественно, стремиться туда же и наконец совершенно переселились. С удалением митрополии на север, т. е. с удалением от Греции, сейчас же начинают являться митрополиты из русских, хотя сначала меняясь с греками, и в доказательство, как важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которых имена соединяются в нашей церковной и политической истории как важнейших деятелей, именно русские: Петр, Алексий, Иона. Из них самое видное место принадлежит Алексию, при котором значение митрополита достигло высшей степени: он поддерживает московского князя и княжество; он старается усиливать их всеми зависящими от него средствами. Понятно, какое влияние на ход последующих событий могло иметь то обстоятельство, если бы значение митрополита относительно великого князя поддержалось на той высоте, на какой оно находилось при Алексии благодаря достоинствам его преемников. Алексий именно хотел видеть своим преемником человека, имевшего великое значение в земле, великую славу святости, Сергия Радонежского; но святой пустынник с ужа-

сом смирения отверг предлагаемую честь. Великий князь Дмитрий хотел видеть преемником Алексия своего человека, своего печатника Митяя, хотя св. Алексий неохотно соглашался на это. Митяю не удалось сделаться митрополитом; но митрополию постигла беда: явилось несколько митрополитов-соперников, из которых великий князь мог выбирать, смотря по обстоятельствам; митрополита Алексия больше не было, в митрополии слабость, ибо разделение и борьба, а великим князем Димитрий Донской. Важно было положение единого митрополита всея Руси при двух великих князьях, московском и литовском; но митрополия скоро разделилась на восточную и западную: Москва осталась с своим митрополитом, Киев получил своего. Наконец, для московского митрополита прекратилась и зависимость от византийского патриарха вследствие смут в Константинополе и взятия его турками. Все эти события одновременны с окончательным усилием великокняжеской власти в Москве; положение московского митрополита этим окончательно определяется.

Для положения старинной русской знати, равно как и для положения духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословиями было мало связи, не было обычая, как на западе, чтобы члены знатных родов поступали в духовное звание и достигали архиерейства. Митрополит Алексий был сын знатного московского боярина; невольный постриженик Вассиан Косой (князь Патрикеев) показал очень ясно, какие могут быть следствия соединения в одном лице духовного характера с знатностию происхождения, связями и преданиями. Противник Вассиана, Иосиф Волоцкий, человек так называемого благородного происхождения, настаивал на удержании за монастырями деревень именно с тою целию, чтобы можно было постригаться *честным* людям, которые потом должны были занимать высшие места в иерархии. Деревни остались за монастырями, но то, чего хотел Иосиф, не произошло или было редким явлением. Что касается до белого духовенства, то обязательность брака должна была изначала оказывать большое влияние на его положение: оно получило возможность восполняться из среды самого себя; но было еще другое условие, которое могущественно содействовало обособлению духовенства. Известно, как тяготила правительство малочисленность народонаселения в России, как дорог был вследствие этого человек, и великий князь Василий Димитриевич заключил договор с митрополитом Киприаном, чтобы тот не принимал в свое духовное ведомство, т. е. не ставил в священники, слуг великокняжеских.

Несмотря на некоторые невыгоды своего положения, духовенство в древней России сохраняло важное значение, именно сохраняло характер учительного сословия исключительно.

Просвещение заключалось в церковных книгах, и духовенству принадлежало истолкование их. Духовенство было единственным обязательно просвещенным сословием в России: боярин не был даже обязан уметь читать и писать; священник не мог не быть грамотным; дьяк и подьячий были грамотны, но их грамотность служила им только внешним средством для достижения известной цели; тогда как от священника требовалась не одна грамотность, от него требовалась учительность, и никто не отрицал у него права на исключительную учительность. Были нарекания, что русское духовенство не довольно учительно и что ведет себя не так, как следует учителям, но никто не отрицал права учить, никто не заподозревал вообще чистоты учения. Но во второй половине XVII века по поводу исправления книг часть паствы отказывается повиноваться пастырям; авторитет патриарха, патриархов, собора не имеет силы над людьми, которым кажется, что их заставляют молиться не так, как молились предки, они провозглашают, что архиереи и священники учат неправильно и что повиноваться им не следует; некоторые увлечены и отказывают явно в повиновении духовенству, другие, не решаясь на последнее, остаются в недоумении и, не умея решить вопроса, на чьей стороне правда, охладевают к церкви. Таким образом, духовенство приобретает внутренних врагов, *церковных мятежников,* которые вооружаются против его прежнего значения, стараются выставить его недостоинство. Эти враги ратуют за старину, вооружаются против духовенства за нововведения; но уже обозначаются враги другого рода. Между русскими людьми начинает сильно чувствоваться необходимость учения, которым стали сильны другие народы; но для приобретения познаний нужны учителя, этими учителями могут быть только иностранцы, иноверцы. Страшные гости! Они явятся со всем авторитетом учителей, с полным сознанием своего превосходства пред учениками, и те признают это превосходство. Таким образом, подле прежних учителей, прежних авторитетов являются новые учителя, новые авторитеты, не признающие значения прежних учителей и не упускающие случая выразить это непризнание обидным образом. Как разграничить право тех и других? Как, признав превосходство новых учителей во всем, не признать этого превосходства в одном? Где взять такой самостоятельности, силы мысли, исследования и знания в учениках? В таком затруднительном положении находилось духовенство в начале новой русской истории; с двух сторон враги, вооружавшиеся против его прежнего значения, прежнего достоинства: с одной стороны, приверженцы старого, отказавшие в послушании церкви, пошедшие вслед своих особых учителей, не знающих меры в своих нападках на духовенство; с другой стороны, просвещение пере-

стает носить исключительно церковный характер, подле учителей церковных являются светские, иностранцы, иноверцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться с церковными учителями при обнаружении своего влияния на учеников; последние, находясь под двойным влиянием, будут подчиняться тому или другому, смотря по разным условиям своей природы, своего положения и других случайных обстоятельств.

Мы видели, при каком отношении городов к князю началась северная русская история, видели, как при первом же князе, захотевшем прочно утвердиться на севере, необходимо последовало столкновение его с дружиною и городом, который считал себя также властию в окружающей стране. Андрей Боголюбский погиб вследствие новых отношений к дружине; но преемники его воспользовались своими отношениями к большинству северных городов, городов новых, и успели осилить старый вечевой город Ростов, отнять у его жителей значение властей. Вследствие этого в области верхней Волги, в области новорожденного Московского государства, явилась только одна власть, власть княжеская. Но на западе представителем старинного двоевластия, власти княжеской и власти города, явился Новгород Великий, с явным преимуществом власти города, потому что эта власть была постоянная, а князья менялись беспрестанно. Начинается борьба между северным единовластителем и Новгородом, как представителем древнего двоевластия. Новгород стоит за то, что он власть, он государь; великий князь требует, чтоб он был признан государем, чтобы в Новгороде была одна власть государева. Великий князь победил, ибо Новгород представлял собою библейскую статую с золотою головою и глиняными ногами. Несколько знатных и богатых фамилий захватили в свои руки всю власть и наполнили последнее время новгородской истории своими усобицами. Разрыв между их интересами и интересами низшего народонаселения произошел давно; давно послышалась жалоба, что богатые хотят себе легко, а бедным тяжело; движения последних прекращаются; ясно видно, что их сила сломлена знатью, на вече господствуют люди, находящиеся на жалованье последней, и силою решают дела в пользу своих милостивцев. Но легко понять, что следствием такого положения дел была страшная внутренняя слабость. Люди, в руках которых власть, не могут рассчитывать на низшие слои народонаселения, которые становятся все равнодушнее к старой воле, приносящей пользу не им. Вот почему в борьбе своей с великим князем московским правители Новгорода начинают постоянно деньгами выкупать свою волю — страшное средство, всего лучше показывавшее великим князьям слабость Новгорода, легкость, с какою можно его покорить окончательно. Бьет

последний час; банкротство нравственных и политических сил Новгорода обнаруживается вполне; разрыв интересов совершенный: новгородцы толпами бегут в Москву — *за правдою!* В Новгороде нет правды, нет беспристрастного суда, насилие сильных попирает закон, старинные, освященные формы быта дороги для немногих, для остальных же не дают ручательства самым главным интересам, не удовлетворяют первым потребностям общественной жизни; для низшего, притесненного народонаселения великий князь московский является сокрушителем силы людей, которые так тяжело давали чувствовать свою силу. Наконец, разрыв произошел относительно самого важного интереса: чтоб спастись от Москвы, знать хотела присоединиться к Литве; но с Москвою соединяла Новгород церковная старина; явился вопрос: где ставить владыку новгородского — в Москве или Киеве? Киеве, который находился под властию великого князя литовского, латинца, от митрополита, на которого смотрели на севере, как на отщепенца, склонившегося к Риму; тогда как в Москве сохранялось ненарушимо древнее православие. Мы знаем, какие явления производили попытки ввести церковные новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивление в большинстве новгородцев встретила попытка отложиться от московского митрополита; а зависимость церковная была так тесно связана с политическою.

Существование богатого торгового Новгорода на севере подле бедной городовым развитием низовой или суздальской земли представляет печальное явление, потому что указывает на односторонность, всегда вредную в жизни народов. В одном углу город, вследствие прилива богатств, неестественно вздувшийся в государство, но сохранивший всю неразвитость и слабость первоначального вечевого быта с обширными, хотя растянутыми, несплоченными и большею частию пустынными владениями, с язвою разрыва интересов между частями народонаселения внутри, с недостаточностью средств внешней защиты, несмотря на видимое богатство и обширность владений. В другой половине обширная, населяющаяся страна, населяющаяся при условиях неблагоприятных; города ее — большие села, которым некогда и нет средств подняться, приобрести значение. Страна бедная, малонаселенная, а между тем внутри происходит великий процесс собирания земли, сосредоточения, объединения власти; для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьям для покупки земель, владений, нужны деньги для Орды; наконец, когда новое государство укрепилось чрез собрание земли, оно нашлось в самом невыгодном положении относительно границ своих. Отношения России к Азии не изменились, также подле степь с хищными кочевниками, от которых должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться; на западной

европейской границе также постоянная борьба с непримиримыми врагами. Нужны деньги, и фискальная система всею тяжестию падает на промышленный люд городской, немногочисленный и небогатый, что, разумеется, также служит сильным препятствием к обогащению, народ разоряется, не будучи богатым; сюда же для бóльшего разорения присоединяется первоначальная дружинная система кормления, содержание служилых людей по воеводствам на счет управляемого народонаселения, обращение правительственных должностей в жалованье и пенсии служилым людям. В фискальном отношении состояние городов Московского государства очень напоминает состояние городов Римской империи во время ее падения: и здесь, и там видим разорительные тяжести и службы, падающие на горожан, которых силою надобно удерживать на своих местах. Прежде всего в фискальных видах московские князья стараются прикрепить горожан к их городам, чтобы получать постоянный доход с известного числа тягол. Гоньба за человеком, за рабочею, промышленною силою в обширном, но бедном и пустынном государстве делается существенным занятием правительства; ушел — поймать его и прикрепить к месту, чтоб работал, промышлял и платил. Легко понять, какие долженствовали быть следствия. Если правительство гонялось за человеком и старалось прикрепить его к одному месту, чтоб заставить платить подати и служить безвозмездные службы, но сопряженные с тяжелою ответственностию, то у человека, разоряемого податями и службами, господствующим желанием было отбыть во что бы то ни стало от податей и служб. Первым средством был уход, укрывательство; уйти было легко, всюду простор, и без того малонаселенная страна постоянно истощалась от этого ухода; народонаселение все более и более расплывалось по северо-восточной Европе и потом по северной Азии. Но, несмотря на скудость хозяйства древнего русского человека, на возможность легко забрать все с собою, уход, покинутие родных мест, странническая жизнь, сопряженная с опасностями, неизвестность будущего — все это для многих могло быть тяжело, не для всех возможно. Были еще другие средства — для грамотных поступление в подьячие; выход этот был очень выгоден: посадский из человека, обязанного кормить других на свой счет, становился человеком, имеющим право кормиться на чужой счет. Понятно, как это стремление к выходу в подьячие долженствовало быть сильно; но правительство неблагосклонно смотрело на него и ставило преграды. Третий способ отбывания от податей был закладничество. Самый крепкий частный союз русского общества во все продолжение нашей древней истории представлялся в союзе кровном, или родовом. По смерти отца старший брат занимал его место

относительно младших братьев и племянников, являлся представителем рода перед правительством; известное лицо не представлялось одиночным, но всегда с братьями и племянниками. Несмотря даже на выделы и разветвления рода, единство его сохранялось, старший или старшие (смотря по разветвлению рода) имели обязанность наблюдать за поведением младших, наказывать их за дурное поведение, отвечали за него перед правительством. Род, как бы разветвлен ни был, составлял одно относительно службы государственной: прибавление чести одному члену рода прибавляло ее и всем членам, поруха чести одного нарушала честь и права всех остальных, на чем и основывалось знаменитое местничество. Но кроме родового союза особые условия общества должны были повести и к другим союзам. Беспомощность людей одиноких, не примыкающих к большому роду, бессемейных, заставляла их примыкать к чужим людям семейным, к чужим родам, составлять с ними одно целое по взаимному соглашению; так, подле самостоятельного хозяина, живущего с родом своим, детьми, братьями и племянниками, являлись чужие люди, но составлявшие с ними одно в глазах правительства; они носили разные названия — соседей, подсоседников, захребетников. Наконец, тяжелые подати, лежавшие на промыслах, заставляли промышленных людей уклоняться от непосредственной зависимости от государства, требовавшего слишком больших пожертвований с их стороны, и входить в зависимость к частным людям, которые могли дать им защиту; это называлось *закладываться за кого-нибудь;* закладчики промышляли, не будучи обязаны *тянуть* с горожанами, с посадскими в тяжелые службы и подати, ибо считались зависящими от того лица, за которое заложились. Но понятно, что интересы закладчиков немедленно должны были столкнуться с интересами горожан, находящихся в непосредственной зависимости от государства, и с интересами, разумеется, самого государства: закладчики, пользуясь свободою от тягла, отбивали промыслы у людей тяглых, которые не могли с ними соперничать, разорялись, не были в состоянии удовлетворять требованиям государства. Их жалобы произвели то, что в начале царствования Алексея Михайловича закладничество уничтожено, все городское народонаселение обязано было войти в непосредственные отношения к государству. Закладчикам была крайне тяжела эта эмансипация городского народонаселения, они даже замышляли восстание, чтоб возвратить себе право вступать в частную зависимость, явление, всего лучше показывающее низкую степень экономического развития в Московском государстве.

Города были бедны вообще, разбросаны на больших расстояниях друг от друга при очень неудовлетворительном

состоянии путей сообщения. Самые богатые из них, наиболее торговые по особенно благоприятным условиям положения, поражают малочисленностию народонаселения своего. Но был один город, который и вследствие выгоды своего положения, особенно же вследствие политического значения своего, как стольный город царя-самодержца, должен был необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизация притягивала в Москву постоянно толпы людей изо всех концов России, людей, которые должны были тратить много денег в царствующем граде, знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточием гражданского управления, Москва была средоточием и церковного; знать жила в ней безвыездно около великого государя. Легко понять, что торговая и промышленная деятельность здесь не могли не быть значительны, должно было образоваться богатое купечество. О богатстве и значении московских купцов можно встретить известия даже во время до Иоанна III. Некомат Сурожанин действует заодно с знатным Вельяминовым, сыном тысяцкого, и самое уничтожение сана тысяцкого показывает, что великий князь не считал удобным назначать для московских горожан постоянного воеводу, который мог сделаться популярным и приобресть опасное значение Встречается известие о гостях московских, которые подняли крамолу против великого князя и ушли из Москвы. Но все это частные явления, которые видим во время образования Московского княжества, в переходную эпоху, когда еще новый порядок не установился прочно, когда еще, кроме великого князя московского, были другие великие князья, к которым могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластие в Москве, то уже подобных явлений более не встречается. В древности городские жители имели то важное значение, что участвовали своими особыми полками в военных действиях, которых исход во время княжеских усобиц много зависел от них. Даже в начале княжения Иоанна III московские полки отправлялись на рать с особым воеводою. Но потом установление многочисленного помещичьего войска дало правительству возможность не нуждаться более в городовых полках; горожане перестают участвовать в войсках, становятся вполне сословием невооруженным, вполне *мужиками, полулюдьми* относительно полных людей, мужей, т. е. вооруженных, ибо по тогдашним понятиям только вооруженный, только воин был полный, полноправный человек.

При первом царе, Иоанне IV, значение горожан, и особенно московских, поднимается. Видя в знати людей со старинными дружинными притязаниями, заподозрив их в сильном нерасположении к себе, к своему семейству, Грозный по известному закону начал искать другой силы, на которую

мог бы опереться. Он торжественно, с Лобного места, объявил народу о беспорядках боярского правления во время своего малолетства; уезжая из Москвы, выставляя измену бояр, потаковничество им духовенства, он объявлял, что ничего не имеет против горожан московских; наконец, призвал последних на собор, рассуждавший о важных делах государственных. По всей России Грозный хочет дать самоуправление мирам городским и сельским, вывести наместников и волостелей и заменить их выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самым лучшим доказательством неразвитости этих миров послужило то, что мера Грозного не принялась, многие миры не приняли от правительства дара самоуправления. Только там, где развитие было посильнее, где почва была более приготовлена, царствование Иоанна не прошло бесследно; оно не прошло бесследно для горожан московских; как поднялось их значение, ясно видно из того участия, какое они принимают в движениях партий в царствование преемника Иоаннова, чего прежде не видим ни в малолетство Иоанна, ни при отце его, ни при деде. В борьбе Шуйских с Годуновым купцы московские принимают сторону Шуйских; ясно понимают, в чем дело, понимают, что примирение между соперниками невозможно, и, когда Шуйский объявляет им об этом примирении, отвечают ему: «Ты помирился нашими головами». Действительно, головы их попадали на плахе; Годунов, истребив лучших людей между ними, задав страх остальным, уничтожил в самом зачатке то значение московских горожан, которое было следствием поведения Иоаннова относительно их. Смутное время возбудило, по-видимому, самостоятельную деятельность в городском народонаселении, и царствование Михаила было богато соборами, в которых представители городского народонаселения принимают участие; но если и до Смутного времени города были незначительны, бедны, то тут были страшно разорены; надобно было кое-как оправиться в материальном отношении и поддержать государство, поддержать нового государя против ляхов и козаков. Вопрос о тягле на первом плане: тяглые разорились, разбежались, дворы пусты, некому платить; надобно возвратить беглецов на прежние места жительства, заставить тянуть; но есть люди, которые промышляют, а не тянут; промышляют служилые люди, духовенство, закладчики, надобно заставить и их тянуть; иностранные купцы разоряют, они богаты, они действуют заодно, русским с ними не стянуть, русские бедны и действуют врознь; наконец, воеводы и приказные люди разоряют; вот три существенные вопроса, которые поглощают все внимание русского горожанина XVII века после Смутного времени; замена воевод выборными губными старостами не помогает: выборный губной староста так же разоряет, как и воеводы. Жалобы,

накопившиеся в царствование Михаила, произвели взрыв в Москве и других городах в начале царствования Алексея, следствием чего было Соборное Уложение, уничтожение закладничества, мера против английских купцов; но всего любопытнее то, что Уложение Соборное, составленное с ведома, за подписью выборных изо всяких чинов людей, составленное под влиянием страха пред восстаниями горожан, для их успокоения, с явными уступками их требованиям, — это Уложение является враждебным мирскому самоуправлению; так, оно вполне предоставляет суд воеводам и приказным людям, по Уложению в суде уже не сидят старосты, целовальники и земские дьяки. Возмущения псковское и новгородское являются одинокими и потухают вследствие этого одиночества. В этих движениях и во втором бунте московском замечаем уже разрыв интересов массы городского народонаселения и значительных торговых людей, против которых направлена ненависть массы; легко понять, как вообще должна была ослаблять силы городского народонаселения эта борьба лучших и меньших, силы и без того не великие. Эту язву XVII век передал и XVIII, как увидим.

От города обратимся к селу. Мы видим, что Россия с самого начала образования Московского государства является страною земледельческою по преимуществу, и города здесь носят характер сел, горожане занимаются земледелием, и, таким образом, города московские XVII века напоминают города древлянские, о которых говорится в сказании о мести Ольгиной. Но от господства земледельческих занятий никак нельзя заключать к сознанию общества о важном значении этих занятий, об особенном покровительстве, каким пользовались земледельческая промышленность и люди, ею занимавшиеся. Наоборот, государство земледельческое предполагает неразвитость, первоначальность отношений. Эти первоначальные отношения суть отношения вооруженной части народонаселения, войска, и невооруженной, которая должна содержать войско, непосредственно работать на него, если в то же время не развивается город, промышленность и торговля, которые дают движимое богатство стране, ведут к широте деятельности, просвещению, дают средства к новому, более правильному определению отношений между частями народонаселения. Мы видели, что в Московском государстве, кроме членов старой дружины и родов княжеских, войсковая масса была создана великими князьями с первоначальною формою содержания, т. е. посредством земельных участков, с которых служилые люди кормились, пока служили; в дополнение к этим земельным средствам служилые люди кормились также с городов и волостей в качестве их правителей. Следовательно, в древней России мы видим эту первоначальную форму отношений между вооруженною и

невооруженною частию народонаселения, между мужами и мужиками: мужи непосредственно кормятся на счет мужиков. Вопрос о содержании войсковой массы, на которой основывалась сила внутренняя, которую необходимо было охранять и увеличивать при беспрестанных войнах на востоке и западе, этот вопрос, разумеется, становится на первом плане, а вместе на первом плане становится вопрос о земельном владении и пользовании. Чтоб иметь возможность сохранять и увеличивать войско, государство должно иметь в своем распоряжении как можно больше земель, которые должны находиться не в дальнем расстоянии ни от столицы, ни от тех границ, которым особенно грозят враги, т. е. от южных и западных, поэтому обширные земельные пространства, которыми могло располагать государство на севере и востоке, не могли служить ему в поместном отношении по отдаленности и малочисленности народонаселения. Итак, несмотря на видимую громадность государственной области, государство могло встретить затруднения относительно поместий; отсюда необходимое столкновение с материальным интересом церкви, которая владела обширным пространством земель в центральной области и постоянно увеличивала их покупкою и дачами на помин души, ибо по недостатку денег при неразвитости страны земля была почти исключительным видом всякого рода дач: государство платило жалованье своим служилым людям землею, частный человек платил в монастырь за помин родительской души землею. Отсюда понятно, почему вопрос о том, следует ли монастырям владеть населенными землями, получает такое важное значение в XV и XVI веке, почему он так привязывается ко всякому движению церковному и политическому. По тогдашнему *умоначертанию* большинства нельзя было ожидать, чтоб этот вопрос решен был отрицательно; нудящие потребности государства могли повести и действительно повели только к сделкам, к средним мерам, к ограничению распространения церковной земельной собственности на будущее время. Но дело на этом не могло покончиться. Тяжкие войны, которые Московское государство вело в царствование Иоанна Грозного, разорили служилых людей, и поднялись жалобы на недостаточность кормления от поместий при тяжелой и продолжительной службе, требующей долгого отсутствия помещика из дому. Указан был источник этой недостаточности, малое количество рабочих рук, причем выгоды войсковой массы, мелких помещиков сталкивались с выгодами богатых землевладельцев, которые большими льготами переманивали к себе крестьян с земель мелких землевладельцев, помещиков; последние, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы, которая стала теперь так продолжительна. Если поддержание благосостояния войсковой массы

было всегда предметом первой важности, то особенно следовало обратить внимание на жалобы помещиков теперь, по кончине Грозного, когда грозила тяжкая борьба с самым опасным врагом, какого не имело до сих пор Московское государство и сила которого была недавно испытана. Попробовали сначала уменьшить переход крестьян уравнением всех земель относительно льгот, отнятием льгот (тарханов), которыми пользовались церковные земли; но эта мера продержалась недолго, и последовало запрещение крестьянам переходить от одного землевладельца к другому. Закон, разумеется, не мог быть строго исполняем: в продолжение всего XVII века слышатся постоянные жалобы мелких землевладельцев на богатых соседей, что те переманивают к себе и укрывают беглых крестьян их. Гоньба за человеком, за рабочею силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробиваются в подьячие; гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бредут розно, толпами идут за Камень (Уральские горы), помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут, прячутся у других землевладельцев, бегут в Малороссию, бегут к козакам.

И в XVII веке, как в X, из общества продолжали выделяться люди, у которых «сила по жилочкам так живчиком и переливалась, которым было грузно от силушки, как от тяжелого беремени», и которые шли *гулять* в поле, в степь. Эти богатыри древности в новейшее время носят название козаков; быт, подвиги богатырей древних сходны с бытом, подвигами козаков, и народное представление верно отождествляет эти два явления, разнящиеся только именем, но и здесь народная песня уничтожает различие, называя, например, Илью Муромца старым козаком. Мы знаем, что в эпохи образования государств выделение подобных людей и образование из них военных братств, дружин с избранным вождем, ведет обыкновенно к образованию государства, к началу исторической жизни, исторического движения для народа; из подобных людей образуется высшее, вооруженное, народонаселение, которое так или иначе определяет свои отношения к остальной, невооруженной, массе народа. Но если государство уже образовалось и, несмотря на то, по особенным условиям, преимущественно местным, продолжается еще выделение подобных людей и образование из них военных обществ подле государства, то это сопоставление ведет, разумеется, к важным отношениям. Прежде всего страна, народ, ослабляется выделением этих людей, особенно ослаблялась Россия, и без того бедная населением, рассыпавшимся на громадных пространствах; с другой стороны, выделением беспокойных сил условливалась беспрепятственная деятельность

правительства, беспрепятственная централизация. Но если правительственная деятельность облегчалась внутри уходом богатырей на гулянье в степь, то образование из этих богатырей военных братств подле государства, разумеется, не могло не беспокоить последнее. Ушедши в степь *для воли,* козаки могли подчиняться государству только номинально, исполняли приказания правительства только тогда, когда это им было выгодно; но при первом разладе их интересов с интересами государства козаки давали резко чувствовать, что они люди вольные. Покойно они жить не могли, они должны были упражнять свою силу, от которой им было грузно, они должны были добывать себе средства к жизни, *добывать зипуны,* по их выражению. Козаки старые, начальные люди, козаки старинные обыкновенно более стояли за связь с государством, за исполнение требований правительства; но козачество представляло постоянный прилив новых, молодых людей, которым хотелось широко разгуляться и добыть себе зипунов; осторожность стариков, старшин, им не нравилась, и вот иногда, независимо от общей старшины, для самых рьяных искателей зипунов является новый, свой вождь, известный своей удалью (dux ex virtute), и ведет дружину на чужих или на своих. Понятно, что образование подобных обществ на границах государства должно было вести к постоянной борьбе. Если государство слабо, то напор дружин на него увенчивается успехом; мы знаем, чем кончилась судьба Римской империи вследствие напора германских дружин: они вошли в области империи и образовали здесь высшее, т. е. военное, сословие. В XVII веке на востоке Европы произошло подобное же явление: воспользовавшись слабостию Польского государства, гонениями на русскую веру, козачество после долгой борьбы успело взять верх, истребить, вытеснить прежних землевладельцев на Украйне, и из своей старшины образовать новое высшее сословие в стране. Борьба кончилась иначе для козачества с другим государством восточной равнины, Русским, или Московским, но борьба шла сильная, отчаянная. В XVI веке русский царь взял Казань и Астрахань; вся Волга находилась теперь в русских руках, и пустынные пространства по западным ее притокам и переплетающимся с ними притокам Дона стали безопасны. Но вместо татар немедленно же поднимается здесь козачество. Его гулянье по Волге не давало безопасности ни своим, ни чужим. Грозный принял сильные меры против богатырей; как обыкновенно бывало, когда козачеству преграждались привычные пути для гулянья, оно бросалось в какую-нибудь другую сторону, в какое-нибудь отдаленное предприятие: так и тут на первый раз, прогнанные с Волги, козацкие шайки бросились на Каму и оттуда проложили дорогу за Уральские горы, погромили улус Кучумов, или так называемое

Сибирское царство. При сыне Грозного козачество снова усиливается на Дону, и отношения его к государству нисколько не обещают последнему спокойствия со стороны степи. При Годунове государство снова готовится к решительным мерам против козачества; но является самозванец, наступает Смутное время, т. е. козацкое царство; борьба скоро принимает настоящий свой характер, характер борьбы *земских* людей Московского государства с козаками, которые являются *грубнее литвы и немцев* и стремятся утвердить свое господство, возведши на московский престол своего вождя, своего царя. Вопрос ставится ясно: бояре и все лучшие люди московские присягают польскому королевичу, чтоб не быть в рабстве у своих прежних холопей-козаков при торжестве калужского царика. Возбуждение религиозного интереса вследствие замыслов Сигизмундовых, давшее знамя, средоточие для жителей Московского государства, давшее им возможность высвободиться из прежней разрозненности для общего дела, указавшее им единство не народное, не государственное, но религиозное — общую купель, в которой они крестились в православную веру, — это религиозное одушевление, разумеется, главным образом послужило против козаков. Очищение земли от поляков было вместе очищением от козаков. Таким образом, козакам не удалось воспользоваться благоприятными для них условиями, государство восторжествовало; но козачество не отказалось от борьбы. Запертое турками с устьев Дона, оно ждало отважного и счастливого вождя для проложения себе другой дороги. Богатырь-чародей явился, Разин; толпы его перебросились на Волгу, на Яик, в Каспийское море, погромили персидские берега; но Персия была покрепче сибирского юрта Кучумова, и Разин не мог поклониться царю Алексею Михайловичу Персидою, как Ермак Тимофеевич поклонился Грозному Сибирью. Принужденные возвратиться с Каспийского моря, не имея надежды, чтоб Московское государство беспрепятственно стало пропускать их в устья Волги, толпы Разина опрокинулись на государство, поднимая низшие слои народонаселения против властей, как было в Смутное время; но государство, несмотря на все свое истощение, было сильнее козаков, Разин погиб на плахе в Москве. Впрочем, разинское возмущение не было последним действием борьбы государства с козаками: в новой русской истории увидим Булавина и Пугачева.

Таков был в общих чертах строй древней России в его историческом развитии. Теперь взглянем подробнее на ее быт в то именно время, когда преобразования сильно стучались в двери, когда уже народился преобразователь.

Мы так часто употребляем выражение: западная и восточная Европа, так много знаем, так много толкуем о их различии и следствиях этого различия; но если путешественник,

переезжающий из западной Европы в восточную или наоборот, свежим взглядом посмотрит на их различие, станет отдавать себе отчет о нем под свежим впечатлением видимого, то, конечно, прежде всего скажет, что Европа состоит из двух частей: западной, *каменной,* и восточной, *деревянной.* Камень, так называли у нас в старину горы, камень разбил Западную Европу на многие государства, разграничил многие народности, в камне свили свои гнезда западные *мужи,* и оттуда владели *мужиками,* камень давал им независимость; но скоро и мужики огораживаются камнем и приобретают свободу, самостоятельность; все прочно, все определенно благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворные горы, громадные, вековечные здания. На великой восточной равнине нет камня, все ровно, нет разнообразия народностей, и потому одно небывалое по своей величине государство. Здесь мужам негде вить себе каменных гнезд, не живут они особо и самостоятельно, живут дружинами около князя и вечно движутся по широкому беспредельному пространству; у городов нет прочных к ним отношений. При отсутствии разнообразия, резкого разграничения местностей нет таких особенностей, которые бы действовали сильно на образование характера местного народонаселения, делали для него тяжким оставление родины, переселение. Нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться, в которых бы обжилось целыми поколениями; города состоят из кучи деревянных изб, первая искра — и вместо них куча пепла. Беда, впрочем, невелика, движимого так мало, что легко вынести с собою, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала; отсюда с такою легкостию старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от татарина, от литвы, уходил от тяжкой подати, от дурного воеводы или подьячего; брести розно было не по чем, ибо везде можно было найти одно и то же, везде Русью пахло. Отсюда привычка к расходке в народонаселении и отсюда стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять.

При этом общем, бросающемся в глаза различии западной, каменной, Европы от восточной, деревянной, на великой восточной равнине замечаем различие форм, которое имеет историческое значение. Здесь две формы господствуют — лес и поле, или степь. Из противоположности этих двух форм, находящихся друг подле друга, вытекает историческая противоположность, борьба народонаселения двух половин России: лесной и степной. Степь была изначала жилищем кочевых, хищных народов; с ними изначальная борьба Руси, основавшейся в польской (степной) украйне. Борьба эта, несмотря на всю удаль князей и дружин их, кончилась торжеством степного народонаселения, которое постоянно пу-

стошило Русь при половцах и окончательно запустошило при татарах. Прочный порядок вещей, государство, способное побороть степное народонаселение, могли утвердиться, окрепнуть только вдали от степи, на севере, в лесной стороне, малодоступной, неудобной для кочевого хищника. Но Московское государство, образовавшееся в лесной стороне, при своем распространении скоро достигло степи; у него образовалась *польская,* как называли в старину, т. е. степная, окраина или украйна, долженствовавшая постоянно терпеть от соседства степи; но это была только украйна, тогда как в древней Руси главная сцена действия, стольный город великокняжеский, был на самой украйне. И Московское государство ведет постоянную борьбу с народонаселением степей; с ослаблением кочевых орд борьба не прекращается, ибо в степи образуется особого рода народонаселение, козаки. Борьба земских людей, государства с козачеством есть относительно природных форм борьба лесной стороны с полем, степью, что́ особенно выразилось в Смутное время и в последующие козацкие движения, когда Россия делилась по духу, характеру народонаселения, на северную, земскую, и на южную, украйну с степями, козацкую. Степь условливала постоянно эту бродячую, разгульную, козацкую жизнь с первобытными формами, лес более ограничивал, определял, более усаживал человека, делал его земским, оседлым, установившимся в противоположность козаку, вольному, гулящему. Отсюда более спокойная, ровная и, следовательно, и более прочная в своих результатах деятельность северного русского человека, отсюда шатость южного, кроме других причин, о которых было говорено в предыдущих томах нашей истории.

Итак, Московское государство было государство лесное по преимуществу; путешественникам вся страна казалась обширным лесом, кой-где расчищенным под жилища и пашню; некоторые из путешественников не могли удерживать своего восторга от того вида, какой представляла им Московия весною, вида громадного, ярко-зеленого сада, наполненного бесчисленным множеством певчих птиц в противоположность лесу нового мира, американскому, где птицы производят своими движениями много шороха, шума, но мало дают песен. Как ни прекрасен был однако весенний вид лесистой Московии, это преобладание леса имело свои невыгодные стороны: оно условливало суровость климата, сырость, обилие вод, болот, так затруднявших проезд летом, заставлявших прибегать к тяжелому труду мощения дорог деревом; около столицы путешественники в летние ночи должны были раскладывать костры, чтоб спасаться от мириад комаров и мошек. Подле этой неприятности была и опасность, опасность от дикого зверя, живущего в лесу, и еще бо́льшая от человека, который так удобно скрывал в лесу свой дурной промысел.

Среди этой обширной и пустынной страны, где, казалось, так недавно человек начал подчинять природу своей воле, где так редко встречались небольшие села и деревни и большие огороженные села, города, западный путешественник с нетерпением ждал, когда же покажется тот знаменитый город, который давал имя целой стране, в котором пребывал неограниченный владыка ее. И вот перед ним развертывалась Москва и вдали производила сильное и выгодное впечатление: на неизмеримом пространстве черная громада домов, но над этою черною громадою поднималось бесчисленное множество церковных глав и колоколен, и выше всех поднимался Кремль, жилище великого государя, с белою каменною стеною, наполненный белыми каменными церквами с позолоченными главами, и посредине высокий белый столп с золотою головою, Иван Великий, гигант, благодаря скромной высоте других зданий. Эта белизна кремлевской стены и церквей, резко выдающаяся в противоположность массе черных деревянных домов, и большее количество каменных зданий сравнительно с другими городами дали происхождение известному эпитету, который до сих пор остается за Москвою — *белокаменная*.

Издали Москва поражала великолепием, красотою, особенно летом, когда к красивому разнообразию церквей присоединялась зелень многочисленных садов и огородов. Но впечатление переменялось, когда путешественник въезжал внутрь беспредельного города: его поражала бедность жилищ с слюдяными окнами, бедность, малые размеры тех самых церквей, которые издали производили такое приятное впечатление, обширные пустыри, нечистота, грязь улиц, хотя и мощеных в некоторых местах деревом. Издали казавшаяся великолепным Иерусалимом, внутри Москва являлась бедным Вифлеемом, по выражению одного путешественника[2].

Но Москва своим характером была полною представительницею страны, в которой была царствующим градом. В необъятную ширь просторно раскинулась она по горной и луговой стороне своих рек с простотою и бедностию деревянного жилища, окруженного обширным двором, садом, огородом. Москва удерживала этот сельский характер столицы первобытного, земледельческого государства. Прежде она была еще обширнее, и народа в ней прежде было больше; но по Москве прошла печальная история страны и оставила глубокие следы. Сильно поднялась Москва над всеми другими городами в эпоху окончательного собрания страны, окончательного сосредоточения власти в руках великого государя; отовсюду стремились в нее жители волею, привлекаемые выгодами столицы, и неволею, выселяемые из Новгорода и Пскова по распоряжению великого князя. Москва особенно поднялась, т. е., лучше сказать, расширилась и на-

полнилась людьми, во времена Иоанна III и сына его Василия. Но Москва стала главным городом России в то время, когда русский народ в своем историческом движении начал поворачивать с востока на запад, от степи к морю. Этот поворот, только что начавшийся и медленный, обозначился, однако, на Москве отблеском того света, который начал ярко светить в западной Европе в эпоху Возрождения: в Москве явились красивые и относительно обширные и прочные здания, построенные западными художниками, дворец, церкви, башни; эта обстройка Москвы в XV и XVI веках имеет в русской истории то важное значение, что, поднимая столицу, делая ее предметом благоговейного удивления для русских людей, она вместе с тем поднимала значение московского великого князя, содействовала тому, что он становился великим государем, великим хозяином, самодержцем, выдаваясь наглядным образом великолепием своей обстановки из толпы князей и бояр, с которыми прежде равняла его простота быта; таким образом, италианские художники, украшая Москву, делали одно дело с полугречанкою, полуиталианкою Софиею Палеолог, воспитанною в Италии, в той сфере, где воспитались Макиавелли, Екатерина Медичи, королева Бона. Но если Москва стала главным городом России, когда эта страна начала поворачивать с востока на запад, то это значит, что она стала главным городом России в то время, когда эта страна должна была вести тяжелую борьбу с двух сторон, отбиваться и от востока и от запада, от бесерменства и латинства, по старинному выражению. Степной варварский мир ослабел, позволил России начать наступательное движение, но иногда извергал огромные разбойничьи шайки, которые несли опустошение до самой столицы России; с другой стороны, на западе Россия столкнулась с Польшею и завязала с нею отчаянную борьбу, и Москве дорого стоило отстаивание России от бесерменства и латинства. При внуке Иоанна III, в то самое царствование, когда две татарские орды пали перед Москвою, когда весь мусульманский мир взволновался от этого сильного наступательного движения христиан, хан последней орды на европейской почве, Девлет-Гирей крымский, явился под Москвою и сжег ее. Москва не успела еще оправиться от этой беды, как наступила козачина, Смутное время; пришли поляки, почуяв беду России; бояре, поставленные между двумя огнями, боясь козаков, козацкого царя, самозванца, сами ввели поляков в Москву; но, прежде чем русские выжили этих гостей из Кремля, Москва опять была сожжена и разорена, жители разошлись розно. После этой беды Москва в XVII веке оправлялась с трудом, как с трудом оправлялась вся земля, при новых борьбах, при новых напряжениях; царствующий град в XVII веке не достигал ни той обширности, ни того количества

народонаселения, какое имел в XVI веке, а тут уже приближалось время, когда Россия должна была наконец добраться до моря и на болотных берегах Невского устья должна была подняться столица Империи.

Подобно всем старинным городам русским, самый большой из них, царствующий град, запечатлелся характером древней русской истории, когда религиозный интерес был не только господствующим, но, можно сказать, исключительным. Западная Европа, пережившая время исключительного господства религиозного интереса в так называемые средние века, оставила память об этом времени в громадных, затейливо изукрашенных каменными кружевами храмах; там был под руками материал, камень, там были перед глазами образцы, горы, эти нерукотворные, возносящиеся к небу алтари; но, главное, там была сила, способная воздвигать подобные громады, хотя и не всегда их оканчивать, — общественная сила; богатый, многолюдный город, которого жители сознавали в себе одно целое, привыкли к общему делу, такой город строил великолепный религиозный памятник на пользу и украшение целому городу; понятно, что таких памятников не могло быть много, и все они носили знамение соединения сил. Но на восточной равнине в каких памятниках выскажется исключительное господство религиозного интереса? Здесь нет твердого материала, камня, здесь нет гор, возбуждающих человеческое творчество к соперничеству с природою, здесь нет и соединения сил. Мы видели, как здесь по необходимости все расплывалось и разбродилось на необъятном пространстве, как здесь не было богатых, многолюдных городов; все здесь жило в разброде и особо: отсюда бедный приносил в церковь свой образ, перед ним зажигал свою свечу и перед ним молился, а богатый строил подле своего дома *свою* церковь. Понятно, что церкви, построенные отдельными лицами, не могли отличаться обширностию и великолепием: но их было много, их считали до двух тысяч, на каждые пять домов по церкви.

Церкви были небольшие; но в разных местах виднелись церкви значительной величины, окруженные другими, поменьше, и огороженные стенами; то были монастыри, которых было очень много в Москве; монастыри виднелись преимущественно в концах города или обозначали границы городских частей, указывали историю распространения города; монастыри, являвшиеся в средине города, прежде были загородными. Некоторые загородные монастыри были окружены крепкими каменными стенами с высокими башнями и опоясывали Москву рядом укреплений. Светские землевладельцы в России и самые богатые никогда не имели укрепленных зáмков: мы видели, что русская знать никогда не теряла дружинного характера, и жилища ее лепились около

жилища государева. Но подле светских землевладельцев, светской знати, вообще небогатой и несильной пред богатством и силою великого государя, были землевладельцы другого рода, богатые, сильные и самостоятельные, — то были монастыри. Мы видели, как долог был на Руси богатырский век, как с усилением государства богатырство продолжалось под именем козачества; но народ, имеющий богатые задатки жизни, стремится необходимо к уравновешению сил, и подле богатырей, грузных избытком материальных сил, мы видим богатырей другого рода, богатырей духовных, представителей нравственных сил народа, — то были вожди духовных дружин, основатели монашеских братств, основатели монастырей. Вдалеке, в глуши, но обыкновенно на господствующем красивом месте строился монастырь. Духовная сила необходимо в скором времени привлекала к себе силы, средства материальные, святой основатель служит в ветхих крашенинных ризах, преемники его облекаются в золото; никакие соображения и расчеты не могут остановить стремления жертвовать всем материальным, самым дорогим на украшение того, что́ нравственно так дорого, так свято. Монастыри становятся богатыми землевладельцами, имущество которых не отчуждается, не разделяется. Один только богатый землевладелец, монастырь, живет отдельною, самостоятельною жизнию, один по своим средствам может строить за́мки, укрепления и действительно огораживается твердыми каменными стенами, воздвигает башни, заводит наряд (артиллерию), получает возможность защищаться от неприятеля. Так в эти века господства нераздельности занятий силы нравственные необходимо соединялись с материальными; в Смутное время Троицкий монастырь дал самый сильный отпор врагам, и при этом силы нравственные были соединены с материальными.

Нераздельность сил в древней России выражалась и в старинном Кремле московском: если ряд загородных монастырей представлял около столицы ряд укреплений, то Кремль, царственный за́мок, жилище великого государя, представлялся большим монастырем, потому что был наполнен большими, красивыми церквами, среди которых, как игуменские кельи в монастыре, расположен был царский дворец — пестрая масса зданий самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметрии, единственно по удобству. Если церковь была единственным памятником общественным, если каждый человек со средствами имел сильные побуждения оставить по себе такой памятник, то понятно, что человек с самыми большими средствами в государстве, именно великий государь, должен был отличаться ревностию в построении и украшении церквей, имел значение всероссийского церковного старосты; понятно, что около его

жилища было так много церквей, не удивительно, что мы очень часто встретим его в церквах, очень часто встретим пышные, длинные, царские поезда, направляющиеся в ближние и дальние монастыри; при церковных торжествах царь тут со всем двором. 1 сентября, в Семен-день (Симеона Летопроводца) церковь и мир вместе праздновали Новый год. Народ толпился в Кремле с утра: там на открытом месте, на площади между Благовещенским и Архангельским соборами, в присутствии царя служили молебен; после молебна архиереи и вельможи, приказные люди и гости поздравляли великого государя, один из бояр говорил речь, после чего царь шел к обедне[3].

Зимою, перед Рождеством, 21 декабря, в Москве был большой праздник, память чудотворца Петра, первого митрополита, который стал жить в Москве и освятил ее величие; праздник был собственно праздником преемника Петрова, патриарха, и потому еще 19 числа патриарх являлся во дворец звать великого государя и старшего царевича к празднику и кушать, приглашалась также вся знать; после обедни в Успенском соборе царь отправлялся к патриарху на обед: обычай требовал, чтоб хозяин благословил гостя образом и богато одарил: дарились обыкновенно кубки, бархаты золотные и серебряные, аксамиты, атласы, камки и соболи сорока́ми[4]. Накануне Рождества Христова, за четыре часа до света, государь ходил на тюремный и английский дворы и жаловал милостынею из своих рук, на тюремном дворе — тюремных сидельцев, а на английском — пленных поляков, немцев и черкас (малороссиян). Дорогою государь раздавал милостыню раненым солдатам и нищим; в то же время раздавали царскую милостыню у Лобного места и на Красной площади. Всего раздавалось денег более тысячи рублей. Иногда государь ходил также к какому-нибудь расслабленному и подавал ему милостыню. В третьем часу ночи в передней дворца раздавалось громкое пение: славили Христа протопопы, попы и дьяконы всех соборов; за соборным духовенством являлись певчие: 5 *станиц* государевых певчих да семь станиц патриарших славили переменяясь, и государь жаловал их питьем, ковшами. В самый праздник после обедни из дворца посылали патриарху весь стол; боярам, окольничим, думным дворянам и думным дьякам, также архиереям, архимандритам и духовнику царскому посылались по две *подачи* (блюда) с кубками[5]. 6 января в Богоявленье *иердань* на Москве-реке; по берегу реки и в Кремле расставлено 12 приказов стрельцов с ружьем и в цветном платье; идет великий государь в полном царском облачении, ведут его под руки стольники и ближние люди; за государем идет постельничий, охраняет *стряпню,* эту *стряпню* несут стряпчие, несут они полотенце, стул и подножие, потом толпа

царедворцев, начальных ратных людей и гости, кто познатнее в шубах, другие в *золотах*, ратные люди в ферезеях и служилом платье, гости в золотах[6].

В конце масленицы царица ходила по соборам и монастырям кремлевским в сопровождении родственников, родственниц, мам, верховых боярынь и казначей, водила с собою и маленьких царевичей; во все это время Кремль был заперт, никого не впускали[7].

В последнее воскресенье на масленице, в *прощеное* воскресенье, прямо из Успенского собора царь с боярами и думными людьми отправлялся к патриарху, у которого уже были собраны все *власти* (архиереи и архимандриты), вместе с государем являлись из дворца ключники и чарочники со всякими красными питьями. Начиналось взаимное угощение: патриарх подносил государю вина фряжские и меды всякие, подавал чаши боярам и думным людям, а государь, с своей стороны, жаловал чашами властей. По возвращении во дворец государь принимал начальников приказов с докладами о колодниках, которые сидят много лет, иные не за большие преступления; таких государь приказывал освобождать[8]. В то же время во дворце царица жаловала к руке отца, братьев родных и двоюродных, родственниц, мам, верховых боярынь, казначей, постельниц, мастериц. Наступал Великий пост, и в Москву наезжали гости особого рода: изо всех монастырей являлись монахи и подносили царю и патриарху хлебы, капусту и квас[9].

В Вербное воскресенье царь участвовал в религиозном торжестве, которому подобного новая Россия уже не видала: из Успенского собора в Спасские ворота двигался крестный ход; за образами и духовенством шли стольники, стряпчие, дворяне и дьяки в золотом парчовом платье (*в золотах*), за ними сам государь, за государем бояре, окольничие, думные люди и гости; по обе стороны пути близ царя шли полковники и головы стрелецкие. Зашедши к празднику (в один из приделов Покровского собора), государь отправлялся на Лобное место, где патриарх подавал ему и боярам ваии и вербу. По прочтении Евангелия патриарх, взявши крест в правую руку, а Евангелие в левую, посылает отрешить осла и привести к ступеням Лобного места; осла приводят и патриарх садится на него, царь ведет осла по конец повода, подле несут царский жезл, вербу, свечу, полотенце; царевич и один из бояр ведут осла по середине повода, под губу ведут патриаршие боярин и казначей; по обе стороны стрельцы несут сукна разноцветные и постилают по пути; впереди движется огромная изукрашенная верба на красных санях, в сани запряжены шесть лошадей темно-серых в цветных бархатных капкурах, в начолках с перьями; ход направлялся прямо в Успенский собор[10].

Наступал светлый праздник, *Велик день*. В исходе двенадцатого часа государь шел в Успенский собор. за ним бояре, окольничие, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне и дьяки, собор наполнялся людьми в золотах. На заутрене после хвалительных стихир царь прикладывался к иконам, потом христосовался с патриархом и архиереями в губы, и давали друг другу яйца, остальных духовных государь жаловал к руке и давал яйца; после духовенства жаловал к руке всех светских людей, вошедших за ним в церковь. По окончании заутрени царь идет в Вознесенский монастырь — поклониться гробу матери, в Архангельский собор — поклониться гробу отца, в Благовещенский собор — похристосоваться с духовником, с которым целовался в губы. Обедню слушал также в Успенском соборе. В первый же день праздника являются к царю и царице вместе патриарх со всеми властями и вся светская знать: царица жаловала их всех к руке; приходили к государю с дарами именитый человек Строганов, гости московские и из городов. На другой день опять приходил патриарх с властями, на этот раз приносил образа и золотые в подарок. На третий день царь жаловал к руке и оделял яйцами дворовых людей, дьяков мастерской царицыной палаты, истопников и истопничих царицыных, уставщиков, певчих, учителей царевичевых и комнатных сторожей; на четвертый день жаловал к руке полуголов, сотников, также *дохтуров,* лекарей и мастеровых палат золотой, серебряной и оружейной [11]. В Троицын день государь слушал обедню в Успенском соборе; перед ним стольники несли туда лист и *веник* (букет цветов); в церкви стольники же держали стряпню: жезл, стоянец и мису, иногда сундук с платьем. В Успеньев день, храмовой праздник главной соборной церкви, государь обедал у патриарха, который дарил гостей так же, как и в день Петра митрополита. Царь Алексей Михайлович не пропускал праздника в Чудове монастыре 20 мая, день Алексия митрополита; если жил в Преображенском, то нарочно приезжал для этого в Москву. Если не ходил в Троицкий монастырь на праздник св. Сергия, то слушал в этот день обедню на Троицком подворье. В свои именины, 17 марта, царь Алексей Михайлович ездил ко всенощной и к обедне в Алексеевский монастырь: идут впереди стрельцы с батожьем, потом постельничий и стряпчие с стряпнею, за ними едет сам царь в шубе золотой с кружевом, нашивка с кистями, шапка горлатная; едет он в санях больших нарядных, на наклестках стоят бояре, на оглоблях у щита стольники и ближние люди, около саней идут пешком головы и полуголовы стрелецкие. 17 ноября, в день Григория Неокесарийского, царь Алексей ездил к обедне в Садовую слободу к празднику, потому что там жил духовник.

Кроме этого присутствия при богослужении и при церков-

ных церемониях в праздничные дни, великий государь ходил часто на богомолье в города: Можайск, Боровск, Звенигород, Кашин, Углич, к Николе на Угрешу; по дороге в Троицкий Сергиев монастырь, куда царь обыкновенно отправлялся к празднику чудотворцеву, к 25 сентября, по станам, в селах Тайнинском, Братовщине и Воздвиженском встречали его посадские люди — ярославцы, ростовцы, переяславцы, угличане с хлебами и рыбою. Целями царских походов на богомолье были и ближние московские монастыри; приход великого государя был большим праздником для братии: гость жаловал ее милостынею. Наконец, кроме монастырей государь ходил по всем больницам.

Были и другие цели государевых походов: Алексей Михайлович любил часто ездить в загородные села, где иногда оставался довольно долго. Села эти были: Коломенское, Голенищево, Покровское, Хорошево, Воробьево, Семеновское, Измайлово, Никольское, Всевидное, Остров, Соколово, Алексеевское, Дьяково. Государь ехал ночевать, следовательно, шествие открывал постельный возок, при котором ехали постельничий и стряпчий с ключом, с ними 300 жильцов по три в ряд в цветном платье на лошадях во всякой ратной сбруе. За жильцами 300 конных стрельцов по 5 в ряд; за стрельцами 500 рейтар, за ними 12 стрелков с долгими пищалями. За стрелками Конюшенного приказа дьяк, потом государевы седла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей под седлами, наряд на них большой, цепи гремячие и поводные, кутазы и наузы, седла покрыты покровцами цветными и ковриками золотными. Перед государем у кареты боярин, подле кареты по правую сторону окольничий. Сам царь в английской карете шестернею, возники (лошади) с немецкими перьями, на возницах кафтаны бархатные и шапки бархатные с соболем и перьями. С царем в карете четверо бояр. Царевич ехал в *избушке* шестернею, с ним сидели дядька его и окольничий; за ним бояре, окольничие, стольники и ближние люди, около избушки стрельцы За царевичем ехала царица в каптане в 12 лошадей, с нею мамы и боярыни; за царицею царевны большие и меньшие также, в каптанах, окруженных стрельцами; за царевнами боярыни верховые, казначеи, карлицы, постельницы, всего каптан 50. Главною целию загородных поездок была любимая потеха царя Алексея Михайловича — охота, ходил на поля тешиться с птицами, любил ходить и на медведя.

Мы видели, как великий государь праздновал церковные торжества; теперь взглянем на его торжества семейные, радостные и печальные. *Всемирная* радость — родился царевич: патриарх, знатное духовенство, бояре, окольничие, думные люди и стольники идут с дарами к новорожденному; у царя большой стол. Крестил царевича сам патриарх с знатным

духовенством в Чудове монастыре или в Успенском соборе; воспреемником, по старинному обычаю, бывал троицкий архимандрит, если же старший брат царевич был на возрасте, то он: младшего сына Алексея Михайловича, Петра, крестил старший брат, царевич Феодор; воспреемницею тетка. За крестины патриарх получал 1500 золотых, митрополиты по 300, архиепископы по 200, епископы по 100, чудовской архимандрит 80 рублей, благовещенский протопоп (духовник) 100 рублей, успенский 50, протодьякон 40, ключари по 30; всего выходило 3800 золотых и 330 рублей. Для своей всемирной радости государь кормил у себя в передней нищую братью и жаловал милостынею. Умирал царевич — хоронили в тот же день. В годовщины были в панихидной палате сборы и стол большой; *за сборами* были патриарх с знатным духовенством; государь приходил в панихидную палату и подносил патриарху и архиереям кушанье и кубки; патриарх брал поднесенное ему блюдо и кубок и подносил их обратно государю, а тот жаловал ими окольничего, который стоял за ним. После стола государь снова приходил в панихидную палату к панихиде и потом провожал патриарха до Благовещенья.

В церковные праздники и царские дни во дворце бывали большие столы, к которым приглашались патриарх, бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы и посадские люди всех сотен. Кроме того, большие столы бывали по случаю приезда иностранных царевичей и знатных послов. Тут в Грановитую палату, где был обед, сносились дорогие и редкие вещи на показ гостям: на окне на бархате золотном стояло четверо серебряных часов; у того же окна стоял *шандан* стенной серебряный; на другом окне стоял серебряник большой с лоханью, по сторонам рассольники высокие; на третьем окне на бархате золотном стоял рассольник серебряный большой да бочка серебряная позолоченая, мерою в ведро. На рундуке против государева места и на ступенях были постланы ковры; около столпа стоял поставец: на нем расставлены были сосуды золотые, серебряные, сердоликовые, хрустальные и яшмовые. Иностранные послы говорят, что сосуды эти не отличались чистотою [12].

Посол приехал за важным делом. Надобно подумавши отвечать на его предложения. С кем же обыкновенно великий государь думает думу о всяких важных делах, ратных и земских? Много прошло времени с тех пор, как старший князь в роде княжеском стал великим государем, царем московским и всея Руси, но простота первоначальных отношений его к окружающим, к ближним людям не исчезла. Около дворца великого государя, в самом Кремле, потом в других лучших частях Москвы, в Китае и Белом городе, в домах пообширнее других, окруженные бедными родственниками, знакомцами

и многочисленною крепостною дворнею, живут знатные люди разных чинов, более или менее близкие к царю. Это старинная дружина княжеская; слово исчезло, но основной характер остался, характер военный: все это ратные люди, члены дружины старшие и младшие; им поручаются, как и в старину, разные гражданские должности, но при этом они не теряют своего постоянного, военного характера. Древняя Россия не достигла еще до разделения военной и гражданской службы. Первоначальный военный, дружинный характер окружающих царя остался; изменились отношения дружины к вождю ее: члены прежде вольной дружины, могшие отъезжать от одного князя к другому, потом прикрепились к одному великому государю царю-самодержцу, стали его холопями. Вся эта служня обязана быть постоянно налицо при великом государе. С раннего утра собирается она ко двору; старики едут в каретах, зимою в санях, молодые верхом; не доезжая до двора царского, вдалеке от крыльца, выходят из карет, слезают с лошадей, идут пешком к крыльцу. Пойдем за ними во дворец, там обнаружится различие между ними по степеням знатности и приближения к царю. Толпа не идет далеко, останавливается на постельном крыльце и здесь, на обширной площади его, дожидается, не будет ли какого приказания: это молодые, т. е. менее знатные, люди. Здесь видим стольников: это дети отцов, которые в знатных чинах, но не из первостепенной знати по происхождению; их будет человек 500; главная служба их во дворце, от которой и получили название, — носить кушанье к царскому столу при торжественных обедах; их же отправляют посланниками к иностранным дворам, воеводами по городам, в приказы. Стольники, стоявшие здесь, на крылечной площади, назывались *площадными* в отличие от *комнатных,* детей более знатных, более приближенных к царю отцов. Вместе с стольниками дожидаются на крыльце стряпчие; мы уже видели их в придворной должности при торжественных царских выходах; и стряпчих, которых будет человек с 800, посылают также в разные посылки, менее значительные: не пошлют стряпчего ни в воеводы на город, ни в послах в иностранное государство. Далее крыльца не идут и дворяне московские, получившие первое место перед дворянами областей, присоединенных к Московскому княжеству; у них нет придворной должности; в военное время это начальные люди в полках, в мирное их посылают и воеводами по городам, и послами, и для производства следствия, и в приказы. Но давно уже опыт показал, что человек, владеющий саблею, неловко владеет пером, давно уже образовался особый класс людей, дельцов по письменной части, разделявшихся на старших и младших, на дьяков и подьячих: без них не мог обойтись боярин, назначенный государем ведать какой-нибудь приказ в Москве, не мог обойтись дворянин, когда

его посылали воеводою в город, когда его отправляли посланником в чужое государство. И все больше и больше значения приобретает делец, письменный человек подле ратного человека, по старине занимающего гражданскую должность: дьяк уже не подчиненный ему, не излагатель только его мнений, его приказаний и решений, дьяк его товарищ и в приказе, и в посольстве. Между стольниками, стряпчими и дворянами на дворцовом крыльце дожидаются и дьяки. Взад и вперед бегают жильцы: это двухтысячный отряд дворянских, дьячьих и подьяческих детей, из которого по сороку человек ночует на царском дворе.

На крыльце, на площади не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры; иногда вдруг раздается шум, громкие голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжебному делу встретились и не выдержали, сцепились браниться; сто́ит только вымолвить первое бранное слово, и язык расходится, удержу ему нет: от лица сейчас же переход к его отцу, матери, сестрам и другим ближним и дальним родственникам, никому нет пощады, все старые и недавние истории, сплетни, слухи — все тут будет повторено с прибавками, какие продиктует расходившееся сердце. Побранится стольник с другим стольником за холопа, которого оттягивают друг у друга, — и приплетет к холопу сестер-девиц и мать своего соперника. Дело не ограничивалось одними крупными словами, *шумом:* иной расходится от крупных слов и шума и начнет *гонять* по крыльцу за врагом, гоньба иногда оканчивалась тем, что у одного из соперников была прошибена кирпичом голова [13].

Толпа молодых, ожидающая на крыльце, беспрестанно расступается, дает дорогу старым боярам, окольничим и думным людям, которые не останавливаются на крыльце и проходят далее, в *переднюю.* Передняя имеет важное значение перед крыльцом: один жилец, исчисляя службы свои, бьет челом государю: «Пожалуй меня, холопа своего, для великого чудотворца Алексея митрополита и для многолетнего здоровья сына своего царевича, за мое службишко и терпенье вели, государь, мне быть при своей царской светлости в передней, а родители мои (родственники) пожалованы в переднюю» [14]. Здесь в передней останавливаются бояре, окольничие и думные люди, люди трех первых высших степеней старинной русской службы. Боярин — имя, которое встречается уже на первых страницах старой летописи в значении старшего члена дружины и необходимого советника, думца княжеского, и эта тесная связь между понятием боярина и советника княжеского выражалась в эпитете: *боярин думающий.* Окольничие во время усиления значения власти княжеской являются преимущественно в значении царедворцев; они распоряжаются при дворцовых церемониях, при приеме

послов, во время путешествия государя едут впереди его, приготовляют все на станах; в последнее время окольничество потеряло значение должности и приняло только значение чина, означая вторую степень после боярства. Наконец, издавна между дружинниками были люди, не достигшие еще ни боярства, ни окольничества, но *жившие в думе,* участвовавшие в совете великокняжеском; отсюда третий чин — думные дворяне. К этим трем чинам, участвовавшим в думе, совете царском, примыкают думные дьяки, высшее звание, которого мог достигнуть не военный человек, а человек пера. Думных дьяков не больше четырех; как первые дельцы, находившиеся на глазах государя, который непосредственно пользовался их ловким пером, их знанием дела и опытностию, думные дьяки приобретают важное значение; особенно сильны становятся они со времен Грозного, который, подозревая знатных людей во враждебных замыслах, преимущественно доверял дьякам, людям новым, незнатным. До какой степени влияния могли достигать думные дьяки, показывают нам примеры Щелкаловых, Грамотина. Как люди формы и рутины, из мелочного знания существующего извлекавшие свои выгоды, думные дьяки, разумеется, не могли быть расположены к преобразованиям; они считались знатоками дела, пользовались в этом отношении большим уважением, большим влиянием, к ним обращались как к оракулам: понятно, как оскорбились, ожесточились они, когда им стали говорить, что они не умеют дело делать, не умеют прилично вести себя. Отсюда понятна вражда, которую питали думные дьяки к дерзкому нововводителю, Ордину-Нащокину, осмелившемуся учить, указывать, кому же? Думным дьякам! Как будто первые дельцы дела не знают! Вздумал переучивать их на чужой лад, только и слов от него, что в чужестранных государствах не так делается.

Бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки толпятся в передней. О чем же они говорят между собою в ожидании выхода царского, что́ их особенно занимает? В последнее время было о чем поговорить: войны тяжкие, походы беспрерывные, победы сменялись поражениями, не раз были речи о том, что царь покинет столицу, к которой приближается враг; козаки изменяют в Малороссии; безбожный Стенька Разин поднимает козачество и крестьянство против бояр; патриарх хочет владеть всем: рассердился, что ему не дали владеть, уехал, а от патриаршества не отказывается; такого дела еще никогда не бывало, подняли святейших патриархов восточных, чтоб покончили с Никоном. Думные дьяки внушают, что с Афанасием Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным житья нет, все бранится, всех укоряет, все, по его, делается нехорошо, толкует о новых порядках, что в чужих землях, а какие это порядки? Что он завел во Пскове? Приедет воевода

в город, а ему там и делать нечего: всем владеют мужики! Но что же будешь делать! Великий государь его жалует, грамоты посылает прямо из Приказа тайных дел, и Афанасий пишет туда же; если уже заведен Приказ тайных дел, то всякому можно писать великому государю, что́ хочет, обносить кого хочет, — никто не сведает. И чему дивиться! был бы из честного старого рода, а то откуда взят? Умный человек! никто у него ума не отнимает, да как будто все другие глупы? Вот и Матвеев метит туда же, в бояре,— и попадет; у государя в приближении; но этот, по крайней мере, тих, честных людей почитает, тоже любит новые порядки, да не кричит, как Афанасий.

Но более всего, разумеется, занимали людей, собиравшихся в передней, дела местнические. Много остатков старины сберегла Московская Русь, и между ними крепкий родовой союз, который тем был крепче, чем слабее были все другие союзы. Понятие об единстве рода, как бы он ни был велик и разветвлен, сохранялось. Должен один из членов рода заплатить большую сумму денег, остальные члены рода обязаны складываться для этой уплаты. Старшие члены рода, которых величали господами, обязаны наблюдать за поведением младшего, хотя и совершеннолетнего, уже находящегося в службе, наказывать его за нравственные беспорядки, и правительство, разделявшее общий взгляд относительно крепости родового союза, взыскивало на старших членах рода за поведение младшего. Понятно, что при такой крепости родового союза, при такой ответственности всех членов рода один за другого значение отдельного лица необходимо исчезало пред значением рода; одно лицо было немыслимо без рода: известный Иван Петров не был мыслим как один Иван Петров, а был мыслим только как Иван Петров с братьями и племянниками. При таком слиянии лица с родом возвышалось на службе одно лицо — возвышался целый род, с понижением одного члена рода понижался целый род. Для нас теперь очень понятно, почему человек, имеющий известный высший чин, занимавший высшую должность, не захочет служить под начальством или в товарищах человека, который моложе его по чину или прежней должности; но представим себе, что целый род составляет одно, что каждый член слит со всеми остальными членами, и мы поймем, почему известный Иван Петров не хочет служить в товарищах с Васильем Федоровым, если член одного рода с Иваном Петровым был выше члена рода Василья Федорова; не забудем, что лицо независимое, самостоятельное, как теперь у нас, может, по высшим нравственным или по каким бы то ни было побуждениям, преодолеть побуждения честолюбия; но старинному русскому человеку преодолевать эти побуждения было невозможно, потому что он не имел никакого права

располагать честью целого рода, имел священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало, поэтому не удивительно, что старинный русский человек, столько послушный великому государю, которого назывался холопом с уничижительным именем, в местнических случаях ослушивался, за обедом, в присутствии царском, спускался под стол, если его принуждали сидеть ниже человека, которому он не мог по родовым счетам уступить, шел в тюрьму, подвергался батогам, кнуту, отобранию поместий и вотчин, но не исполнял воли царской, ибо, в противном случае, что была бы его за жизнь, как бы он показался на глаза родичам, да и всем порядочным людям, ибо в глазах всех их поруха родовой чести была непростительным преступлением; теперь всякий будет каждого родственника такого преступника *утягивать,* говорить: ты можешь быть ниже меня, потому что родственник твой Иван Петров был ниже Василья Федорова, а я равен Василью Федорову или еще и выше его; мой младший брат в таком-то походе был равен или даже выше старшего брата Василья Федорова и т. д.

Члены шестнадцати знатных родов имели право, обойдя низшие чины, поступать прямо в бояре: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Солтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родов поступали сначала в окольничие и потом в бояре: Куракины, Долгорукие, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Барятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Из тридцати одной фамилии 20 княжеских. Некоторые из князей присоединили к своим фамильным прозваниям прозвания от старых своих уделов, например Ромодановские-Стародубские. В конце царствования Алексея Михайловича показалось это неприличным, и Ромодановским запрещено было писаться Стародубскими. Но знаменитый воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский подал челобитную: «Прислана твоя, великого государя, грамота, написано, чтоб мне впредь Стародубским не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебе, великому государю, известно, князишки мы Стародубские, а предки мои и отец мой и дядя писались Стародубские-Ромодановские, да дядя мой князь Иван Петрович, как в Астрахани за вас, великих государей, пострадал от вора лжеименитого Августа, по вашей государской милости написан в книгу, и страдания его объявляя, на сборное воскресенье поминают Стародубским-Ромодановским. Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнять». Государь умилосердился, не велел честишки отнимать[15]. Молодого человека знатной фамилии царь обыкновенно брал во дворец в спальники.

Должность спальников состояла в том, что они спали у государя в комнате, человека по четыре, переменяясь посуточно, раздевали и разували государя. Из спальников члены первостепенных родов жаловались прямо в бояре, второстепенных в окольничие и назывались комнатными или ближними боярами и окольничими. Понятно, что войти в первый ряд знати, доставить себе и всем членам своего рода право, минуя окольничего, получать прямо боярство, было заветною целию, и были честолюбцы, которые покушались достигнуть ее без признанных прав: так, например, Головин, пожалованный из дворян в окольничие, бил челом, что окольничих в его пору нет, и отец его при царе Михаиле был в боярах; за это челобитье он послан в тюрьму и окольничество ему не сказано, сказано другое: «Тебе, страднику, ни в какой чести не бывать, бояре приговорили тебя бить кнутом и в Сибирь сослать, да государь на милость положил»[16]. Родовая честь была такое больное место у старинной русской знати, что, несмотря на очевидное первенство одного рода перед другим, члены рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянные средства, чтоб как-нибудь избавиться от этой тяжкой уступки. В этом отношении замечательно местническое дело между двумя первостепенными родами: в 1663 году, за торжественным обедом у государя, князь Юрий Трубецкой получил назначение выше, чем Никита Шереметев; Шереметевы знали хорошо, что Трубецкие выше их, но уступить было тяжело, вспомнили, что они, Шереметевы, старинный московский знатный род, а Трубецкие хотя и знатны, но князья пришлые, Гедиминовичи литовские; вследствие этого старший между Шереметевыми, боярин Петр Васильевич, подал челобитную: «Я и брат мой с князем Юрием был и вперед по отечеству родителей его быть с Трубецкими готовы: только князь Юрий иноземец и в нашу пору и хуже нас с ним никто не бывал; так если кто-нибудь, не зная меры своей, станет меня бесчестить, то нам и отечеству нашему не было бы порухи». Государь сильно осердился за эту новость, когда и с старыми основаниями местнические споры были невыносимы; он велел сказать Шереметеву: «Ты князя Юрия обесчестил, что назвал его иноземцем: Трубецкие не иноземцы, старый род честный». На Шереметевых князю Юрию Трубецкому доправлено бесчестье: половинный оклад дяди его, боярина князя Алексея Никитича Трубецкого[17].

Шереметевы имели право опасаться, что кто-нибудь, не зная меры своей, будет их бесчестить вследствие уступки их Трубецким; несколько раз Шереметевых обороняли то от Долгоруких, то от Плещеевых, то от Бутурлиных, то от Годуновых. Но если правительство беспрестанно должно было оборонять и старинные роды, то понятно, как ему трудно было оборонять новых людей, родственников царских, под-

нявшихся до боярства из незначительных людей и выскочек вроде Ордина-Нащокина. Тут надобно было изворачиваться разными средствами. Князь Львов бил челом на тестя царского, боярина Илью Милославского: челобитчику отвечали, что ему можно быть с Милославским, во-первых, потому, что он третий брат; во-вторых, потому, что прежде не бивали челом на царских свойственников [18]. Еще труднее было оборонять Ордина-Нащокина: стольник Матвей Пушкин бил челом, что велено ему ехать за польскими послами и с ними ехать к ответу (переговорам), а вести переговоры, в ответе быть боярину Ордину-Нащокину и ему, Пушкину, меньше Афанасья быть невместно. Нащокин, в свою очередь, бил челом, что Пушкин бьет челом не делом. Государь сказал Пушкину, что прежде мест тут не бывало и теперь нет. Но Пушкин отвечал, что прежде с послами в ответе бывали *честные* люди, а не в Афанасьеву версту, потому в то время и челобитья не бывало, а его отечество с Афанасьем известно великому государю. Государь повторил, что тут мест не бывало и теперь нет, и Пушкин уступил на первый раз, поехал за послами; но потом раскаялся в своей слабости и перестал ездить к послам; государь послал его в тюрьму и велел сказать, что ему с Нащокиным быть можно, и если не будет, то вотчины и поместья отпишут; Пушкин отвечал: «Отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокин передо мною человек молодой и не родословный». И поставил на своем, не был у послов приставом, сказался больным [19].

Подле местничества отдельных родов друг с другом шло местничество между членами одного и того же рода, споры о родовом старшинстве, которые имели такое значение в древней русской истории, происходя в роде княжеском. Мы знаем, что в древней Киевской Руси физическое старшинство брало верх, и племянники, несмотря на разные благоприятные обстоятельства, обыкновенно должны были преклоняться пред правами дядей, покушения племянников восстать против прав дядей считались греховными. В Руси Северной, Владимирской и потом Московской дело пошло быстро обратным путем: родовые отношения между князьями рушились, племянник от старшего брата стал наследовать старшинство, за исключением всех дядей. Этот переворот в отношениях членов владельческого рода не мог остаться без влияния и на отношения в других родах, и если здесь не могло произойти такого же переворота вполне, то, по крайней мере, мы вправе ожидать, что произойдут уступки, сделки, ограничения прав младших дядей пред старшими племянниками, особенно при влиянии великого государя на решения местнических дел, при определении случаев: великий государь, господствуя сам вследствие нового представления о праве сына от старшего брата над дядьми, не мог не благоприятствовать ограниче-

нию дядей в пользу племянников, и потому нам не удивительно встречать в местнических делах, что эти ограничения произошли по новому, государеву, уложению. Из описываемого времени приведем один любопытный случай такой родовой усобицы: в 1652 году князь Григорий Григорьевич Ромодановский бил челом на племянника своего, князя Юрия, что ему с ним быть невместно: «Он мне в роду в равенстве» Князь Юрий бил челом на дядю: «Хотя он мне по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего он осьмой сын, а я у своего отца первый сын, и дед мой отцу его большой брат». Государь сказал: «После велю вас счесть старым родителям (родственникам) вашим». Но князь Григорий государя не послушал, и за то посажен в оковы [20]. Дьяки точно так же местничались по своим приказным назначениям: дьяк Елизаров, пожалованный в думные дьяки и оставленный в Поместном приказе, бил челом, что ему невместно быть меньше думного дьяка Гавренева, сидевшего в Разрядном приказе, потому что этот приказ считался выше Поместного [21].

С такими-то интересами и стремлениями толпилась знать в передней. Но не все остаются в передней; ближние бояре, люди вхожие, проходят поближе к дверям *комнаты,* соображают и, *улуча время,* входят в комнату, место заветное для других, которые должны дожидаться в передней. Как важно было входить в комнату, показывает следующий случай: царь Михаил приказал на границе встретить королевича Вальдемара боярину князю Юрию Сицкому, а за Москвою встретить боярину Михайле Солтыкову и сказано быть без мест; но князь Сицкий, утаясь от Солтыкова, бил челом в *комнате* без людей царю, и государь велел дать ему невместную грамоту, что ему можно быть больше Солтыкова и родичей его. Солтыковы успели поправить дело уже при царе Алексее [22].

Наконец двери отворяются; входит великий государь, и все, увидав его, кланяются в землю. Государь садится в большое кресло в переднем углу и подзывает к себе тех, до которых есть дело; если царь кликнет боярина, а его нет, тотчас посылает за опоздавшим, которого ждет грозный выговор, зачем опоздал? Расправа с теми, которые оплошали, не исполнили или не так исполнили царское приказание, коротка: государь сейчас же велит выслать их вон из палаты или посылает в тюрьму. Иногда государь разговаривает долго с разными боярами; все другие стоят, устанут, выходят на двор посидеть, и опять возвращаются наверх. Но вот иногда кто-нибудь из присутствующих сам подходит к государю и кланяется в землю: у него челобитье — отпустить в деревню; приступают другие, отпрашиваются в гости, на свадьбу, на крестины или на именины: отпроситься необходимо, потому что в вечерни все опять должны быть во дворце.

Между челобитчиками некоторые подносят калачи государю: это именинники, государь спрашивает их о здоровье и поздравляет; потом они пойдут с калачами к царице, царевичам и царевнам.

После приема бояр государь шел обыкновенно к обедне со всем двором; а после обедни в передней или комнате государь принимался за дела. Для доклада дел каждому ведомству назначены были особые дни: в понедельник докладывались дела из Разряда и Посольского приказа; во вторник из Приказов большой казны и большого прихода; в среду из Казанского дворца и Поместного приказа; в четверг из Приказа большого дворца и из Сибирского; в пятницу из судных приказов Владимирского и Московского. С докладами подходили начальники приказов и сами их читали перед государем. Есть у государя важное дело, он призывает на думу или одних ближних, комнатных бояр и окольничих, или всех бояр, окольничих, дворян, и это называется *сиденьем великого государя с боярами о делах* [23]. Бояре, окольничие и думные дворяне садятся по чинам, от царя поодаль, на лавках, бояре под боярами, кто кого породою ниже, окольничие под боярами, думные дворяне под окольничими, также по породе, а не по службе; думные дьяки стоят, но иногда государь прикажет и им сесть. И тут иногда дело не обходилось без смуты: Пушкины пошли в тюрьму, побранившись с Долгорукими в то время, как государь *сидел* с боярами [24]. Когда все усядутся, государь объявляет свою мысль и приказывает, чтоб бояре и думные люди, помысля, к тому делу дали способ. Тут всякий, кто имеет способ в голове, объявляет свою мысль, а иные «брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе и многие грамоте не учены» [25]. Состоится приговор, и государь и бояре приказывают думным дьякам пометить и приговор записать. В известном выражении «государь указал и бояре приговорили» указывается на означенный ход совещания; царь приказывает своим советникам, «помысля, дать к делу способ»; советники дают способ и составляется приговор. Если придавать этому выражению важное какое-нибудь значение, то надобно будет придать важное значение и другому употреблявшемуся в старину выражению: «По указу в. государя и по приказу дьяков сделано то-то» [26]. Если вследствие совещания нужно написать грамоту в иностранное государство, то это поручается посольскому думному дьяку: дьяк велит писать подьячему, а сам вычеркивает или прибавляет; когда грамота изготовлена, то ее слушают сперва одни бояре, а потом вместе с царем; то же соблюдается и относительно всех других приговоров. Если дела не так важны или по каким-нибудь обстоятельствам государь не может сам присутствовать при совещании о них, то приказывает решить

их боярам без себя, приказывает им *сидеть* о каком-нибудь деле. Бояре сидят во дворце, и отсюда выражение: взносить дела к боярам *вверх*.

Кроме обычных *сидений* великого государя с боярами бывали еще чрезвычайные совещания, на которые приглашались высшее духовенство и выборные из других сословий. Эти чрезвычайные совещания, или *соборы,* бывали обыкновенно по вопросу: начинать или не начинать опасную, тяжелую войну, причем потребуется долгая и тяжкая служба ратных людей, с другой стороны, потребуются денежные пожертвования с тяглых людей; нужно призвать выборных или советных людей из тех и других, изо всех чинов, чтоб сказали свою мысль, и если скажут, что надобно начинать войну, то чтоб после не жаловались, сами наложили на себя тягость. Царь Алексей, отпуская ратных людей в литовский поход, говорил им: «В прошлом году были соборы не раз, на которых были и от вас выборные, на соборах этих мы говорили о неправдах польских королей, вы слышали это от своих выборных: так вам бы за злое гонение на православную веру и за всякую обиду к Московскому государству стоять». Выборные, или *советные люди,* являлись на собор из Москвы и областей, из разных чинов людей, например, из стольников, стряпчих, из дворян московских и жильцов, из чина по два человека; из дворян и детей боярских больших городов по два человека, из меньших по человеку, из гостей по три человека, из гостиной и суконной сотен по два, из черных сотен и слобод и из городов, из посадов по человеку. Из крестьян выборных не было; иногда не вызывались и горожане из областей, призывались только московские гости, из гостиной и суконной сотни старосты, из черных сотен сотские. Голос советные люди имели совещательный, у них отбирались мнения, или сказки, для соображений: сказки подавались или соединенно, целыми чинами, или по местностям; но каждый советный человек мог подать отдельно свое мнение.

Советные люди единогласно сказали, что войну начать необходимо, ратные люди объявили готовность проливать кровь за пресветлое царское величество, торговые люди обязались платить пятую или десятую деньгу с своих животов и промыслишков; великий государь решил, что откладывать войну нельзя, поход сказан придворным ратным людям, гонцы скачут в области к воеводам, чтоб высылали служилых людей, дворян и детей боярских из их вотчин и поместий. Теперь мы должны познакомиться с этим многочисленным классом служилых людей, рассеянных по центральным, западным и южным областям государства. Прежде всего обратим внимание на их название, которое всегда скажет много, особенно когда будем следить за его изменениями. В древнейшие времена мы видим в России первоначальное деление

народа на военных и невоенных, мужей и мужиков; военные люди по отношению к вождю своему, князю, носят название дружины. Это название, от какого бы корня его ни производили, заключает в себе понятие товарищества, компании. В Московском государстве название дружины исчезает, ибо исчезает понятие. Чем же оно постепенно заменяется? Из-за дружины сначала выступает двор и производное от него дворянин и приобретает все более и более силы. Сначала бояре и дети боярские сохраняют относительно дворян свое самостоятельное первенствующее положение, положение дружинников; но потом, с возвышением значения государя и его двора, название *дворянин* берет верх над названием *сын боярский,* и последним означается низший класс военных людей; с исчезновением понятия о товариществе вождю выступает во всей силе понятие службы государю, и является для военных людей название *служилые люди* в противоположность всему остальному народонаселению, которое не поднимается, сохраняет по-прежнему относительно военных людей значение мужиков; но и военные люди уже более не мужи, а служилые люди, холопи государя; название *служилый, служащий* живет до сих пор, до сих пор в народе говорят: *это служащий,* в противоположность купцу, мещанину. Но было еще другое название, которое обозначало вознаграждение за службу, название *помещик.* Если название *служилый человек* определяло отношение к государю, то название помещик определяло отношение к земле, к народонаселению, которое должно было содержать военного человека. Если в древности переходной дружине соответствовало содержание, получаемое прямо от князя в виде денег, то образованию из дружины служилого сословия на севере, в Московском государстве, соответствовала система испомещения на земельных участках, зависевшая от того, что великий князь стал государем, уселся и определил точно свои отношения к земле, сделался ее хозяином, распорядителем. Легко понять, какое впечатление в стране произвело испомещение военных людей на землях, впечатление, подобное тому, какое произвело испомещение германцев в областях Римской империи: в стране подле немногочисленных вотчинников явился многочисленный класс людей, пользующихся землею, полновластных хозяев ее во время этого пользования; вотчинники стали также брать поместья, земля явилась предназначенною для испомещения военных людей, помещики явились главными землевладельцами, служилый человек для остального народонаселения стал немыслим без поместья и название *помещик* для землевладельца укоренилось в народе крепко, осталось и тогда, когда поместья исчезли.

Превращение дружинников в помещиков необходимо должно было иметь сильное влияние на перемену в характере

военного русского сословия, независимо уже от различия в характере южного и северного народонаселения, в характере князей и деятельности их. В членах подвижной дружины, перебегавшей с князем своим из одной области в другую, беспрестанно готовой переведаться с дружинами враждебных князей, необходимо сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, не покидавшие оружия в постоянной борьбе с степными варварами, в постоянных усобицах княжеских; в немногочисленных, находившихся постоянно на виду дружинах преимущественно в мелких схватках храбрость каждого члена была явна, и возбуждалось соревнование; война была главным и постоянным занятием, одним словом, военный характер сохранялся вполне. Кроме побуждения повсюду, у себя на Руси, и в чужих странах честь свою взять, присоединялись и другие побуждения к оказанию храбрости: материальное благосостояние дружины зависело от богатства князя, а это богатство мог доставить или поддержать только меч дружинника: «С дружиною приобрету серебро и золото», — говорил св. Владимир и приказывал подавать серебряные ложки дружине, которая роптала, что князь кормит ее с деревянных ложек. Но характер должен был необходимо измениться, когда военному человеку дано было поместье, куда он уезжал на все мирное время до первого призыва. Он становился землевладельцем, хозяином, терял военное значение, входил в мир иных отношений и интересов и привыкал к своему мирному положению, которое становилось для него естественным, постоянным, а военное время случайным, чрезвычайным, нарушающим обычное течение жизни; это нарушение не могло нравиться. Если бы еще можно было сейчас же встретить неприятеля, побиться и назад, домой; а то надобно собираться в долгий путь, покидать семью, хозяйство на неопределенное время, в отсутствие хозяина семье может быть очень плохо, все пойдет не так; живется обыкновенно в поместье со дня на день, на черный день не припасено, а для похода надобно делать чрезвычайные издержки, занимать деньги — разоренье! Хорошо, если кто от природы храбр, любит подраться; но с течением времени служилое сословие превратилось в касту; сыновья служилого человека, храбры они или нет, чтоб не погерять своего значения и средств пропитания, получивши поместья, должны являться по первому призыву на службу. Таким образом, испомещение служилых людей уничтожило характер древней дружины: вместо постоянного войска, каким была дружина, с военным духом, с сознанием военных обязанностей, с побуждениями воинской чести оно создало класс мирных граждан, хозяев, которые только случайно на время войны несли уже тяжкую для них службу. С каждым позывом в поход в семействах помещиков должны были повторяться сцены, подобные тем, какие теперь проис-

ходят в семействах перед отпуском рекрут: сколько нужд и лишений должен претерпеть! Был *сам,* жил хозяином полновластным, окруженный покорною семьею, холопами и крестьянами, а теперь надобно идти под начальство; какой-то попадется воевода? Попадались притеснители страшные! Хорошо, если есть связи, родственники побьют челом и воевода возьмет к себе в *завоеводчики* (в свиту), а то беда! И возвратится ли? Возвратится ли невредим? А попадется в плен к татарам, в литву или к немцам-люторам безбожным! Вспомним также, что войны XVII века, неуспех которых зависел от дурного устройства русского войска, в свою очередь, не могли содействовать возвышению духа в служилых людях, внушению уверенности. Вспомним о совершенной неприготовленности русского служилого человека к ратному делу, о неуменье владеть оружием, которое к тому же было очень плохо, — и не удивимся свидетельству современника, русского же человека [27], который сравнивает полк служилых людей с стадом: «У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодежны, ружьем владеть не умеют; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, не только что выстрелить в цель; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили — ничего! Нет попечения о том, чтоб неприятеля убить, одна забота — как бы домой поскорей. Молятся: дай, боже, рану нажить легкую, чтоб немного от нее поболеть и от великого государя получить за нее пожалование. Во время бою того и смотрят, где бы за кустом спрятаться; иные целыми ротами прячутся в лесу или в долине, выжидают, как пойдут ратные люди с бою, и они с ними, будто также с бою едут в стан. Многие говорили: дай, бог, великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать!» Отсюда понятно, почему мы видим в служилых русских людях XVII века стремление отбывать от службы, отговариваться от выступления в поход болезнию, приписываться как-нибудь к гражданским делам, задаривать воевод и сыщиков, чтоб только оставили в покое, прятаться от них; во время службы опять задаривать воевод и сотенных голов, чтоб отпустили домой, наконец, побег из полков. Уложение грозит за первый побег кнутом, за второй — кнутом, убавкою поместного и денежного окладов, за третий — кнутом и отнятием поместья; за побег домой с бою — кнутом нещадным и отнятием половины поместных и денежных окладов; сотенному голове, отпустившему служилого человека без государева указа и воеводского ведома, батогами и тюрьмою; воеводе жестоким наказанием — «что государь укажет». Но

угрозы Уложения не помогли: донесения воевод наполнены жалобами на побеги служилых людей.

Поместная система ослабила в служилых людях воинский характер; но при этом они не выигрывали в других отношениях: им за службу давали землю, на которой они жили и с которой кормились; жизнь покойная и праздная в поместье отучала их от военной службы, главного их назначения, вследствие чего служба, когда приходило ей время, являлась тяжким, для некоторых невыносимым бременем. Ничего не могло быть вреднее этих длинных отдыхов в поместьях после походов, ибо вообще ничего не может быть вреднее для человека деятельности временной, за которою наступает продолжительное бездействие; ничто так не отучает от деятельности, от труда, особенно когда человек считает себя вправе предаваться бездействию, когда он знает, что имеет важное значение, всеми признаваемое, имеет обязанность, которую и исполнит, когда призовут, а нет призыва — имеет право ничего не делать. Но хозяйственная деятельность в деревне? Хозяйственная деятельность была слишком проста при тогдашнем застое, остановке на первоначальных формах. Главная задача состояла в том, чтоб иметь как можно более человеческих рабочих сил в своем распоряжении, а если этих сил немного, то малое число работников заставлять производить как можно больше, издерживая на них как можно меньше. Мы знаем, что недостаток рабочих рук, переманка богатейшими землевладельцами крестьян у беднейших и необходимость, какую чувствовало правительство дать корм последним, т. е. снабдить их земли работниками, привели к прикреплению крестьян. Но и после прикрепления крестьяне продолжали переманиваться и уходить: отсюда тяжбы за переманку крестьян, гоньба за беглыми составляет самый важный предмет занятия для помещика. Мы видели, как правительство запрещало отпуск служилых людей из полков; но делалось исключение: воеводы могли отпускать их домой в случае домовного разоренья и *людского побега*. Архивы наполнены делами о беглых крестьянах, в Уложении целая глава из 34 статей посвящена этому предмету. С другой стороны, у помещика не было побуждений к усилению хозяйственной деятельности и потому, что это был слуга, обеспечиваемый своим господарем. Господарь давал ему землю, слуга был сыт; господарь дал ему постоянных работников и покровительствовал ему при их отыскании, когда они бегали от работы; относительно будущности семейства слуга также обеспечен: жене, дочерям дадут земли на прожиток, сыновьям, когда вырастут, поступят на службу государеву, будет придача к отцовскому поместью. Отсюда необходимая привычка жить беззаботно день за день, и если у кого было желание усилить свои материальные средства, то к этому сче-

тался приличным один способ — *быть у дел и кормиться,* обогащаться на счет тех, которым эти дела были надобны.

Несостоятельность русских служилых людей-помещиков при встрече с неприятелем уже давно стала заметна и необходимо повела к мысли о преобразованиях. Везде в Европе эти преобразования шли одинаким путем. И на Западе, когда члены первоначального войска, дружины испоместились на земельных участках, зажили своими домами, своими землями, то, несмотря на бóльшую самостоятельность их положения, чем у нас, в России, несмотря на то что отсутствие государственного порядка, отсутствие безопасности заставляло каждого землевладельца, каждого *благородного* быть постоянно вооруженным, постоянно стоять настороже, чтó, разумеется, сильно поддерживало воинский дух, вело к явлению рыцарства, как учреждения, вызванного первоначально необходимостию защиты слабого от сильного, — несмотря на все это, однако, войны феодального периода отличаются своею мелкостию и непродолжительностию: вассалы такие же неохотники надолго отлучаться от своих домов, как и наши помещики; при большей самостоятельности их положения у них выговорен срок, и далее этого срока они не останутся в походе. Западноевропейским правительствам с феодальными войсками нельзя было далеко уйти, и они должны были обратиться опять к дружине! Дружины в разных странах не переставали выделяться, как у нас козаки; но там, на Западе, не было степей, поля, где бы богатыри могли свободно *козаковать, поляковать;* там, на Западе, дружины составляют наемные войска. Таковы арминаки во Франции, ландскнехты в Германии, брабантцы в Нидерландах, таковы швейцарские компании, италианские кондотьери. В некоторых странах, наиболее слабых государственным единством, дружины вели к тем же явлениям, какие мы видели в начале средних веков, во время самого сильного движения дружин: вожди италианских кондотьери основывают государства. Правительства других стран более сильные употребляют дружины как наемные войска, как наемную стражу, именно как употребляли их некогда западные и восточные римские императоры. От наемных дружин сделан был уже переход к национальному постоянному войску. Но от сбродных дружин, искавших службы у разных государей и менявших эту службу при первом случае, не скоро очистилась Европа. В России они появились с начала XVII века, с царствования Годунова, особенно стало их много при царе Михаиле, когда вследствие тяжелых опытов ясно была сознана несостоятельность русского военного строя. Но тут же начинается с помощию иностранных офицеров и обучение русских ратных людей иноземному строю, появление разных видов войска с иностранными названиями, чтó было переходом к постоянному войску.

Устроили рейтарские полки, выбирали в них из жильцов, дворян городовых, из дворянских детей недорослей, из детей боярских малопоместных и беспоместных и из вольных людей, давали им жалованья по 30 рублей в год, оружие (карабины и пистолеты), порох, свинец, но лошадей и платье должны были покупать сами. Также брали в рейтары со 100 крестьянских дворов по человеку, из имений церковных и из имений тех светских землевладельцев, которые не могли сами служить за старостию, по болезни, равно как с имений, принадлежащих вдовам и девицам. Составленные таким образом рейтарские полки учились новому воинскому строю у своих полковников, полуполковников, майоров и ротмистров, которые были или из иноземцев, или из русских (стольников и дворян), которые уже прежде выучились новому строю. На северо-западе, вблизи шведской границы, были устроены военные солдатские (пехотные) поселения; жили крестьяне на прежних своих участках, пашню пахали, угодьями владели, данных и оброчных денег не платили, но учились солдатскому строю у иноземцев. Сначала велено было их учить военной службе ежедневно; но в 1650 году государь велел их польготить, учить в неделю день или два, чтоб им от пашни и от промыслов не отбыть [28]. На степной украйне были поселены, «устроены вечным житьем» [29] драгуны, служба которых была конная и пешая.

Но поселенных солдат стало мало во время тяжелых и продолжительных войн царствования Алексея Михайловича: в 1653 году поскакали по городам посланцы государевы; приедет в город, собирает дворян и детей боярских на съезжий двор, говорит им государево милостивое слово и их тем обнадеживает, чтоб дети их, братья и племянники, которые не в службе и поместьями не наделены, писались в солдатский строй, будет им непременно государское жалованье и милость, велит государь их написать по московскому и по жилецкому списку, будет им и корм, и денег дадут на платье; а если в солдатский строй писаться не станут, то впредь им служилыми людьми не называться и в государевой службе отнюдь не бывать, а быть в землепашцах. Тогда же было велено на посадах и в слободах переписать у стрельцов племянников, зятьев, приемышей, половинщиков и всяких захребетников, также дворников, которые не крепостные холопи и не пашенные крестьяне, велено у них детей, братьев и племянников в солдатскую службу взять половину, а другую половину оставить у них дома [30].

Таким образом, составлялись полки солдат или *желдаков* [31]; каждый полк назывался по имени своего начальника, например, полк Агея Шепелева. Мы видели, что каждому, кто записывался в солдаты, обещаны были корм и деньги на платье: сержанту давали корму по 9 денег на день, каптенарму-

сам и подпрапорщикам — по 8, капитанам — по 7 рублей на месяц, поручику — по 5, подъемных денег давали по полтине да за шубу по полтине. Была еще льгота: солдатским женам и матерям выдавалась соль безденежно[32]. Но если старинным служилым людям приходилось плохо от иных воевод, то солдатские полковники еще менее могли церемониться с своими подчиненными, очень незначительными людьми по происхождению: солдаты полку Агея Шепелева жаловались на своего полковника, что он бьет их и увечит и в тюрьму сажает без государева указа и сыска для своей бездельной корысти и берет с них поминки большие[33]. Солдаты вымещали свои обиды и убытки на мирных гражданах.

Подле этих служилых людей с новыми, иноземными названиями — солдат, рейтар, драгун — сохранялись старые — *городовые козаки,* которым в мирное время правительство давало дворы и землю пахотную, не брало с них оброка и никаких податей, а во время службы давало им жалованье. Не тронуты были и *стрельцы,* войско, отправлявшееся в походы в военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду в городах. Стрельцы жили отдельными слободами в городах, каждый своим домом, промышляли и торговали и вместе служили государеву службу. В одной Москве их было больше 20 приказов, в приказе от 800 до 1000 человек. Один из них был приказ выборный, *стременный,* потому что бывал всегда у царского стремени, оберегал государя и государыню во всех походах. Начальные люди у стрельцов — головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; в головы, полуголовы и сотники берут из дворян и детей боярских, в пятидесятники и десятники — из стрельцов. Стрельцам давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль.

Таковы были военные силы Московского государства пред эпохою преобразования. Эта эпоха приготовлялась тем, что, не трогая старого, приставляли к нему новое. Необходимость нового, несостоятельность старого были признаны; но, как обыкновенно бывает, первые шаги были нерешительны; на первых порах новое являлось еще робко, без официального признания его преимущества. Старая дворянская конница сохраняла свое первенствующее положение; никто из значительных дворян не хотел служить в рейтарах или солдатах; потомки старых дружинников с презрением смотрели на войска нового строя, точно так как и на стрельцов. По-прежнему единственным постоянным войском остаются стрельцы. Как только оканчивалась война, все ратные люди разъезжались по домам; распускались по домам и служилые люди нового строя, рейтары, солдаты.

В разных видах земля должна была доставлять содержание, корм ратным людям. В мирное время ратный человек

кормился от поместья, иной также от вотчины; это кормление лежало на крестьянстве, прикрепленном к поместьям и вотчинам. Наступит война, ратному человеку нужно дать вспоможение, денежное жалованье; это берут на себя кроме крестьян городские промышленные люди; смотря по тяжести войны, все они платили то двадцатую, то десятую, то пятую деньгу от своих промыслов и животов. Отсюда ясно видно, что бедность государства и отсутствие постоянного войска условливали главным образом соборы, которые обыкновенно созываются по случаю войны: нужно удостовериться в готовности ратных людей выступить в поход и в готовности торговых и промышленных людей давать им для этого деньги; когда явилось постоянное войско и постоянные источники доходов, то соборы прекращаются. Наконец, третий вид кормления для ратных людей было кормление *от дел*.

От дел кормились ратные люди разных чинов, начиная от боярина до самого мелкого служилого человека. Бояре, окольничие и думные люди заседали в приказах. Приказ есть одно из самых выпуклых, самых характеристических явлений древней России, Московского государства. Времени происхождения этого учреждения нельзя определить вследствие самой простоты его. Государь одному из своих приближенных *приказывает* ведать постоянно одно какое-нибудь дело или несколько дел, однородных или совершенно разнородных, придает ему в помощь другого или двух; для письмоводства необходимо являлись дьяки, подьячие, и образовывался приказ. Так как приказ имел свои расходы, то для покрытия их приписывались к нему *в ведение* города или известные разряды податных людей, с которых он собирал подати. С развитием государственной деятельности каждое новое дело вело к учреждению нового приказа, и число приказов увеличивалось все более и более.

Мы не пойдем по всем этим приказам: их слишком много; остановимся только на тех, которые лучше других покажут нам особенности древнерусского строя.

Вот приказы, в которых сосредоточивается хозяйство великого государя, дворы царские: казенный, сытенный, кормовый, хлебенный, житный, конюшенный. Характер великого государя, хозяина, господаря, и отношение его к служне своей здесь резко высказываются. В Приказе казенного двора сидит казначей с двумя дьяками; тут сложена казна царская, сосуды золотые и серебряные и множество всякого рода дорогих и недорогих материй, всякая *домовая* казна, из которой берут на разные надобности особам царского дома и потом на жалованье всякого чина людям; государь жалует платьем приближенных к себе людей и вообще непосредственно ему служащих, дарит знатных людей шубами бархатными, золотными и атласными на соболях. Если жаловал великий

государь боярина каким-нибудь платьем, то приказывал выдать не только материю, но и весь приклад, например: «Велел государь на однорядку нарядную, купя в ряду, дать сукно самое доброе вишневое и приклад: пять аршин сукна куплено по 2 рубля 16 алтын 4 деньги за аршин; 15 аршин галуну золотного по 10 алтын за аршин; 14 аршин тафтяного торочку на нашивку по три деньги за аршин, 14 пуговиц с финифтом и яхонтовыми искрами по гривне за пуговицу; на подпушку $1^1/_2$ аршина атласу, итого рубль 16 алтын 4 деньги да два золотника шелку 2 алтына, всего 20 рублев 5 алтын 4 деньги [34]. Все было дано, только шили однорядку у боярина на дому, потому что у боярина во дворе были свои портные, точно так же и у великого государя на казенном дворе были свои портные и скорняки, человек 100; шили платье дома, но чулки и рукавицы на государя и царевичей работали в Ново-Девичьем монастыре, которого монахини отличались этим мастерством; прикажет боярин Артамон Сергеевич Матвеев купить в ряду золота, серебра, кружева золотого с серебром и отдать старице Антониде на чулочное дело и рукавичное. Зачем же боярин Матвеев этим распоряжается? Разве он казначей или вообще заведовает двором государевым? Нет, он ведает дела посольские и приказ Малороссийский; но он очень близкий человек к государю и его семейству и потому заказывает чулки и рукавицы [35]. Кроме знатных людей с казенного же двора выдаются ежегодно сукна, камки и тафты по портищу дворянам, стряпчим, жильцам, конюхам, сокольникам, певчим, истопникам, царицыным мастерицам, швеям, выдаются бархатные вершки и соболи на шапки, киндяки на подкладку, сафьян на сапоги, с казенного же двора отпускаются ежегодно сукна стрельцам, отпускаются сукна, соболи и шелковые материи донским козакам. Но великий государь благочестив, не может он забыть духовенство: и, действительно, на казенный двор беспрестанно являются священники, дьяконы, дьячки и пономари московских и городовых соборных и простых царских церквей за государевым жалованьем, за сукнами: иным давали ежегодно, другим раз в несколько лет, как повелось. Больше 18 000 духовенства перебывает на казенном дворе за сукнами. Дачи с казенного дворца не ограничивались одним русским духовенством: в Москве всегда можно было встретить греческих монахов, архиереев, архимандритов и простых чернецов, которые приехали за милостынею; у них царские жалованные грамоты, в которых означено, в какой срок имеют они право приезжать в Москву за сбором на церковное строенье: казенный двор снабжает их сосудами, парчами, бархатами.

Откуда же берутся деньги на все это? Про то знает Приказ большого дворца. В нем сидит боярин и дворецкий, да окольничий, да думный дворянин, да два или три дьяка:

ведомы в нем больше 40 городов, собираются подати с посадских людей, с таможен, откупов и со всяких угодий; кроме 40 городов ведомы еще 8 слобод московских: котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, печники, кирпичники. Собирает приказ всех денег со 120 000 рублей в год, и идут эти деньги на всякие дворцовые расходы. В Приказе большого дворца ведомы дворы: сытенный, кормовой, хлебенный, житный, которые представляют такие же любопытные особенности, как и казенный двор. Из 30 погребов сытенного двора выходило ежедневно по 100 ведер вина, пива и меду по 400 и 500 ведер. Приезжают из разных стран послы с многочисленными свитами, и сколько бы ни прожили в Москве, поят и кормят их на царский счет: это гости, нельзя хозяину заставить их кормиться на свой счет. Кроме иностранцев и русским людям в числе пожалований, исходящих от великого государя, было пожалованье погребом. На кормовом дворе ежедневно готовятся многочисленные кушанья для государя и в раздачу. От каждого обеда и ужина царского посылаются с истопниками блюда, *подачи* к боярам, думным людям и спальникам. Не получит кто-нибудь из них подачи, является на другой день во дворец с запросом к дворецкому, с бранью ключникам: что́ это значит, что мне не прислано? Царского гнева на мне нет: за что́ такое бесчестье? Челобитье самому царю: «Вины на себе не ведаю никакой, а в подаче перед своею братьею обесчещен». Начинается сыск; все записано, все можно найти в книгах, кому послано и кому нет, и с кем послано. Нет в книгах — забыли послать: рассыльщики добивают челом у обиженного, царь гневается на дворецкого, окольничего, а ключникам тюрьма на целый день. Сыщут в книгах, что послано с таким-то истопником: истопника к допросу, куда девал? Или сам съел, или в грязь уронил, или пролил: истопника перед дворцом бьют батогами. Каждый день на государев стол и подачи расходится больше 3000 блюд. Одних рыбных запасов изойдет в год больше чем на 100 000 рублей. Большое количество запасов доставляют дворцовые волости: они шлют рожь, овес, пшеницу, просо, конопли, живых баранов, свиные мяса, кур, яйца, сыры, коровье масло, хмель; обязаны доставлять также известное число вожжей посконных, лык, кулей рогожных, хомутов с гужами, супонями и шлеями, оглобли санные и тележные, дуги, дрова, сено. На житном дворе 300 житниц: свозят в них хлеб всякого рода из дворцовых сел, из понизовых городов с полей, что́ сеется на царя; и хлеб этот не для одного царского обихода, его раздают в жалованье духовенству, дворовым и других чинов людям, стрельцам. Берут хлеб с житного двора, отдают молоть по царским мельницам в Москве и по селам, везут на хлебный двор, и здесь, кроме того что́ идет на дворец, пекут хлебы и калачи

опять в раздачу всяким людям. Для сметаны, молока и сыров устроен под Москвою коровий двор, на котором 200 коров, в ближних селах также коровьи дворы; коровы покупались у Архангельска, на Холмогорах и в уездах, платили от двух рублей с алтыном до 6 рублей[36]. Свежие плоды для дворцового обихода шли из государевых садов, которых было с лишком 50 в Москве, окрестностях и по городам. В одних только московских садах было: 14 545 дерев яблонных; 494 груши; 2994 дерева вишен; 72 гряды малины; 14 кустов винограду; 192 сливы; 260 гряд да 252 куста смородины красной; 74 гряды черной[37]. Если запасов, привозимых из дворцовых волостей, не станет, уговариваются ставить их уговорщики (подрядчики). Но иногда покупают их по разным местам прямо из дворца. Понадобятся орехи, четвертей 200, отправляются закупать их трое стряпчих хлебенного дворца, едут в Тулу, Калугу, Кашин, Юрьев Польский, Переяславль Залесский, в уезды этих городов по торгам и малым торжкам, к воеводам посылаются грамоты, чтоб готовы были целовальники для выбора орехов и отвозки их в Москву, дьячки для письма, стрельцы, пушкари и рассыльщики для рассылки, чтобы готовы были амбары, куда ссыпать орехи до отвоза в Москву, сторожа для береженья. С такими же церемониями покупалось конопляное масло в Калуге и в уезде[38]. В Можайске и Вязьме у посадских и всяких чинов людей, также в уездах, в помещичьих и крестьянских садах покупались яблоки, груши, дули, сливы и вишни, устраивались в бочки, наливались патокою, сливы солились и отпускались в Москву. Виноград привозили из Астрахани, просто и в патоке; у государя в Астрахани были свои виноградные сады: старый сад, который строили русские люди в 1647 году; два сада, которые завел голштинец Яков Давыдов; сад, заведенный французом Посказаюсом (!) Подовиным (Poitevin?); сад, купленный у Ушакова, 9 садов, взятых на государя. Астраханцы не смели продавать винограду из садов своих до государева указа, и торговые люди не смели у них покупать под страхом жестокого наказанья. Были большие хлопоты, чтоб в Астрахани и по Тереку выделывать вино на царский обиход. Выписаны были иностранцы, и между ними Посказаюс Подовин, и учили виноделию русских людей. В 1658 году было прислано из Астрахани в Москву на обиход великого государя 1206 ведер; в 1659 году из винограда царских садов прислано было вина 25 бочек. Для казенного двора надобился другой дорогой товар, который можно было добывать на юге, шелк: в 1658 году прислано было 39 гривенов шелку-сырцу, который сделали в Астрахани шелковые мастера, иноземцы и армяне. Обратили внимание и на марену: приказано было, чтоб русские люди продавали ее в казну, а казна будет продавать ее в Персию. В 1673 году гетман Самойлович, по

царскому требованию, присылал в Москву малороссиян, чтоб указали, на какой земле и в какое время сеять анис; малороссияне были отправлены в нижнеломовские и шацкие места [39].

Конюшенный приказ прежде ведал боярин конюший, первый боярин по чину и чести; в XVII веке это звание уничтожили, и стал ведать Конюшенный приказ ясельничий, да дворянин, да дьяки; в конюшенном ведомстве считалось больше 40 000 лошадей.

Понятно, что не могло сидеть никакого боярина в Приказе тайных дел; этот приказ устроил себе царь Алексей Михайлович для переписки, о которой он не хотел, чтобы все знали, был тут дьяк да несколько подьячих; но в этом приказе ведались также дела, которые особенно занимали царя: ведалось гранатное дело и мастера этого дела, ведалась любимая царская потеха — птицы, кречеты, ястребы. На корм этим хищникам шли голуби, для голубей был устроен особый двор, на котором было голубиных гнезд больше 100 000. И эти невинные птицы также ведались в Приказе тайных дел, который по имени долго считали чем-то очень страшным, в котором думали видеть что-то вроде тайной канцелярии.

Посольский приказ, который «ведал дела всех окрестных государств», долго не имел большой важности, потому что дела по сношениям с иностранными державами решались у государя наверху с боярами и думными людьми; для переговоров с иностранными послами назначались также из бояр и думных людей, следовательно, Посольский приказ был только канцелярией боярской думы по иностранным сношениям, и в нем сидел думный дьяк. Только со времен Андрусовского перемирия иностранные сношения были поручены одному боярину, именно Ордину-Нащокину, который получил пышный титул «великих государственных посольских дел и государственной печати оберегателя», т. е. канцлера. Афанасий Лаврентьевич по своему западному взгляду имел высокое понятие о Посольском приказе, называл его оком России в том значении, что иностранцы по нем судят о целом государстве и народе, и требовал от служащих в нем, от дьяков, соответственного этому значению поведения; требовал, чтоб дьяки не мешали кабацких дел с посольскими и были воздержнее в своих речах с иностранцами. Но как же им было исполнить первое требование, когда с Посольским приказом, под ведением посольского думного дьяка, был соединен приказ — Новгородская четверть, в котором ведались города: Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда и другие поморские и пограничные города, сбор с них всяких доходов, а с 1667 года с Посольским приказом был соединен не только приказ Малороссийский — это было

прилично[40], но также приказы или чети (четверти) Владимирская и Галицкая.

Дела, подлежавшие ведению Поместного приказа, ясны из самого его названия. Служебными назначениями, военными и гражданскими, заведовал *Разрядный* приказ, потому что различия между обеими службами не было: те же самые лица назначались одинаково в ту и другую. Но так как впоследствии появились особые разряды войска, то для их ведения явились и приказы: *Стрелецкий, Рейтарский, Пушкарский, Иноземный,* ведавший иноземных служилых людей. Приказ *большой казны* ведал гостей, гостиной и суконной сотен торговых людей, серебряного дела мастеров и *многих* городов торговых людей, также денежный двор. *Большой приход* собирал доходы в Москве и *других* городах с лавок, гостиных дворов, с погребов, с меры, таможенные пошлины. *Счетный* приказ ведал приход и расход всего Московского государства. *Разбойный* приказ ведал уголовные дела всего Московского государства. Для гражданского суда в делах служилого сословия два судных приказа — Московский и Владимирский. Приказы, ведавшие известные области, были: Приказ Казанского дворца, Сибирский приказ, Приказ княжества Смоленского, Новгородская четверть, Владимирская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Всех приказов было больше сорока. Доходу в них приходило со всего государства 1 300 000, кроме Сибирской казны[41]. Подле обширных приказов, в которые стекались разнородные дела, видим приказ *Панафидный,* в котором ведомо было поминовение по усопших царях; Аптекарский, в котором ведомы были аптека и медики иностранные 30 человек и русские ученики их — человек с 20. Приход сбора стрелецкого хлеба — особый приказ; кроме Приказа каменных дел был еще особый Приказ каменных житниц.

Приказы были наполнены подьячими, которые делились на старых, середней статьи и молодых; разница в жалованьи была в ином приказе от 40 рублей до 2, в другом — от 65 до 4, в третьем — от 50 до 5, в ином — от 20 до 1. Некоторые подьячие получали поместный оклад по 350 и 250 четвертей. Кроме подьячих, получавших жалованье, верстаных, были еще служившие без жалованья, из одних доходов, неверстаные, которые разделялись на старых и молодых. Неверстаных в ином приказе было не мало — доказательство, что можно было быть сытыми и без государева жалованья из одной *писчей деньги*: так, например, в Разрядном приказе было 74 подьячих верстаных и 33 неверстаных.

Бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки засели по приказам; но много еще остается служилых людей не так знатных, которым нет места в приказах, а *покормиться* надобно, бьют челом в воеводы покормиться, челобитная исполнена.

Рад дворянин собираться в город на воеводство — и честь большая, и корм сытный. Радуется жена: ей тоже будут приносы; радуются дети и племянники: после батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земский староста на праздниках зайдет и к ним с поклоном; радуется вся дворня — ключники, подклетные: будут сыты; прыгают малые ребята: и их не забудут; пуще прежнего от радости несет вздорные речи юродивый (блаженный), живущий во дворе: ему также будут подачи. Все поднимается, едет на верную добычу. Вот вдали уже видна соборная церковь города.

Все русские города с первого взгляда были похожи друг на друга. В середине самый город, т. е. крепость, очень редко каменная, обыкновенно деревянная; в ином городе городовой мастер, голландец, сделал земляной вал [42]. В городе соборная церковь, съезжая или приказная изба, где сидит воевода, судит и рядит, перед которой бьют на правеже неисправных плательщиков; губная изба для уголовных дел; казенный погреб или амбар, где хранилась пороховая и пушечная казна, тюрьма, одна или несколько, святительский двор, воеводский двор; осадные дворы соседних помещиков и вотчинников, в которые они переезжают во время неприятельского нашествия. За стеною посад, здесь большая площадь, где в торговые дни ставятся с хлебом и со всяким товаром. На площади земская изба, средоточие мирского управления, где сидят земские старосты с посадскими людьми, гостиный двор, таможня, кружечный двор, конская изба; далее идут дворы тяглых людей: «на дворе изба (теплое жилье), да баня с передбанником, да клеть с подклетом, да подпогребница», все это нехитрое строение [43] стóит иногда три рубля. Зимою в избе тепло, но летом в иных городах бывало очень холодно. Наступит весна, проглянет несколько теплых дней, по городу и посаду уже ходят бирючи и кричат: «Заказано накрепко, чтобы изб и мылен никто не топил, вечером поздно с огнем никто не ходил и не сидел; а для хлебного печенья и где есть варить, поделайте печи в огородах и на полых местах в земле, подальше от хором, от ветру печи огородите и лубьями ущитите гораздо». По воеводскому приказу запечатают избу и баню, надобно жить в клети; завернут холода, а во многих местах они завертывали часто, люди трясутся от холода, иному и горячим согреться нельзя, печь в огороде развалилась, а новой скласть нельзя, нет ни одного каменщика и кирпичника, все выгнаны в Москву на работы городовые и царские. Ни щей сварить, ни хлеба испечь негде, и от той стужи и от хлебной нужи расходятся люди от своих домов, живут по волостям и деревням.

Среди дворов с нехитрым строением, избами, клетями виднеются церкви, вообще тоже нехитрого строенья, иные каменные, но больше деревянные; подле церквей дома священников

и причта; прихожане выбирают священника, выберут и возьмут с него запись: «Призвали они меня, попа (такого-то), полюбовно и челобитную за руками (архиерею) о мне подали, и мне, попу, служить из церковного дохода мирского подания да мне ж, попу, быть послушну к болям и к роженицам и ко всякой духовной потребе и в церковь божию; я за церковное место никаких денег не дал и церковного места не купил, и, служа мне в той церкви, строения церковного и всякой утвари своим не называть, и до церковных свеч и до огарков и до денежного церковного сбору дела нет, и того церковного места мне, попу, не продать и не заложить, и на свое имя не справить, и ни в какие крепости не укрепить, и по умертвии моем жене моей и детям и роду моему и племени до того церковного места дела нет, а церковников мне без мирского ведома одному не принимать и не отказывать; а буде я против сей записи в чем-нибудь не устою, и им, прихожанам, с докладу (архиерея) мне от церкви и от церковного места отказать». Подобные записи объясняются жалобами, что священники подбирали церковников под свою руку и церковную казну называли своею. При церквах же находились богадельни, или дома нищей братии. Около каждой церкви кладбище; в конце города *убогий дом,* где хоронили тела казненных смертию преступников, людей, умерших в государевой опале, также опившихся, самоубийц, утопленников [44].

Воевода въезжает в город; старый воевода сдает ему крепостное строение, здания, оружие, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматривает все по описям, считает по приходным и расходным книгам, проверяет списки служилых, посадских и жилецких людей, их детей и братьи и племянников, которые в возрасте, соседей и захребетников. Воевода привез с собою длинный царский наказ, где исчислены все его обязанности, как он должен промышлять государевым делом, смотреть, чтоб все государево было цело, чтоб везде были сторожа; беречь накрепко, чтоб в городе и уезде не было разбоя, воровства, убийства, бою, грабежа, корчемства, распутства; кто объявится в этих преступлениях, того брать и по сыску наказывать. Воевода судит и во всех гражданских делах. Воевода смотрит, чтоб все доходы государевы доставлялись сполна с города, из уезда. Вторым лицом после воеводы был губной староста, ведавший дела уголовные: его выбирали всех чинов люди из дворян или детей боярских. Иногда, впрочем, губной староста без выборов назначался правительством. Но были лица, выбиравшиеся одними земскими людьми на мирскую службу. Главное между ними лицо — это земский городовой и всеуездный головной староста. Староста один для города и уезда, потому что уездные крестьяне связаны с посадскими людьми общими хозяйственными распоряжениями, сообща раскладывают подати, сообща кормят воеводу, кото-

рый управляет городом и уездом вместе. Вследствие этой связи между посадскими людьми и уездными крестьянами последние посылали в земскую избу выборных людей *к совету* (волостных третчиков). Как только выберут земского старосту, подьячий пишет запись и все избиратели прикладывают руки; в записи говорится: «Все посадские люди выбрали и излюбили в мирскую службу в головные старосты такого-то: ведать ему в мире всякие дела и в них радеть, а нам, мирским людям, его слушать; а не станем его слушать, и ему нас вольно и неволею к мирскому делу нудить, а ему миру никакой грубости не учинить, а что миру от его грубости учинится, и ему собою поднимать». Кроме *головного* старосты в некоторых городах ему в товарищи выбиралось еще несколько земских старост. Главным предметом совещаний земских старост с посадскими и советными от крестьян людьми в земской избе была раскладка податей, выбор *окладчиков* из лучших, средних и младших людей, «добрых и знающих людей, досужих, ведая чью от жития к богу душевную добродетель и правду, и которым бы такое окладное дело было в обычай». В земской же избе посадские люди выбирают целовальников к государеву делу. Воеводе запрещено вступаться в денежные сборы и в мирские дела, отнимать волю в мирском окладе и в иных делах, запрещено складывать данный оклад с посадских и уездных людей без сыску и приговору мирских людей; запрещено вмешиваться в выборы; воевода только берет выборы по выборных целовальниках за руками выборных людей и отцов их духовных, и после не может выборного целовальника переменить или посадить в тюрьму без вины, для своей корысти. Но по вине может и переменить и посадить в тюрьму, потому что воевода обязан наблюдать, чтоб земские старосты, целовальники и денежные сборщики, мужики богатые и *горланы* мелких людей не обижали, лишних денег с мирских людей не сбирали. Второй предмет совещаний на сходках в земской избе — городовое хозяйство; так, здесь приговаривали разделить пахотную землю во всех городских трех полях на известное число лет впредь до мирского же раздела; при этом посадские люди приговаривали, что никто не смеет отдать своего участка постороннему человеку ни на один год, ни на одно лето; если же отдаст, то теряет свой участок, который отбирается в мир [45]. Наконец, в земской избе толкуют обо всех нуждах посадских и уездных людей, обо всех случаях, о которых нужно довести до сведения или местного начальства, или дать знать в Москву: земский староста здесь впереди, он представитель посадских и уездных людей, он бьет челом «во всех посадских и уездных людей место».

Тяжела была мирская служба головному старосте, потому что мир составляли тяглые люди, а трудно было тянуть тягло в России XVII века. Тяглый человек был прикреплен к своему

городу, потому что уйдет — платить перестанет, и мир должен будет за него *поднимать*. В Смутное время тяглецы разбежались, и при царе Михаиле правительство хлопотало о том, чтобы возвратить их на прежнее место жительства, ибо опустелые посады не могли ничего платить, а в казне не было денег. Уложение позволило ожившимся переселенцам не возвращаться на старые места; но, разумеется, никак не могло позволить снова переходить из города в город и избывать податей. Но если в посаде, в тягле было тяжело, то понятно, что много было охотников уйти: в 1658 году объявлена была смертная казнь за переход из посада в посад, также за женитьбу и выдачу замуж за посад без отпускной. «Бегут! — вопят мирские челобитные царю, — дворы брошены, пусты, нам платить нельзя, помираем на правеже!» Правительство велит ловить, но где же было поймать беглеца в стране, в которой господствовали лес и степь? Постановление смертной казни за побег всего лучше показывает бессилие мер правительственных.

Бегут, бросают дворы — одна беда для мира. Но была еще другая. Приходят, селятся, строят дома, возникают целые слободы около посадов. Но это не тяглецы, не плательщики, это разорители, закладчики, заложились за архиереев и бояр, торгуют, промышляют, а тягла не тянут и податей не платят. Опять пошли мирские челобитные, сначала оставались без ответа, потому что сильным людям не хотелось терять закладчиков; и только после московского бунта, когда были поданы снова на соборе, Уложение постановило: «Архиерейские, боярские и всяких чинов людей слободы, устроенные в городах на посадских землях, взять в посад бесповоротно: не строй на государевой земле слобод и не покупай посадской земли. Вотчины и поместья, которые на посадах и около посадов, взять за государя и устроить к посадам податьми и службами, а вотчинникам и помещикам дать взамен из государевых сел. Кто посмеет закладываться за частных людей, тем кнут и ссылка в Сибирь, на Лену; кто примет закладчика, тому быть в великой опале; земли, где будут жить закладчики, брать на государя». Предвидели лазейку и постарались ее закрыть: «У кого в городах загородные дворы и огороды, тому держать на них только одного дворника, а станет держать много крестьян и бобылей — брать за государя в тягло». Бунт закладчиков не состоялся. Но правительство было бессильно вполне покончить борьбу за свои и мирские интересы с интересами частных людей; оно закладчику грозило кнутом и Сибирью, а принимавшему закладчика неопределенною великою опалою. В 1667 году правительство принуждено было высказаться более определенно, грозить отобранием поместий и вотчин тем, которые снова принимают к себе отписанных в тягло закладчиков и крестьян [46]. Иногда городские тяглецы

платились за свое торжество, что по их челобитью возвращали к ним их беглых собратий с земель богатых соседних вотчинников. Из города Луха беглые тяглецы принимались в селе Мыту, принадлежавшем князю Репнину. По Уложению их вывезли опять в Лух. Прикащик Репнинский в Мыту, Шибаев да из крестьян тамошних двое братьев Стреловых не упускали случая мстить на лушанах за это правительственное распоряжение. В Тихоновой пустыне на ярмарке сидело трое лушан за пряниками, мылом и ягодами; откуда ни возьмись Шибаев с своими крестьянами; пряники, мыло и ягоды полетели на землю, а продавцы едва успели убежать поздорову, потому что мытовские крестьяне гнались за ними с ножами. В другой раз Шибаев явился на ту же Тихоновскую ярмарку с большою вооруженною толпою, велел хватать луховских посадских людей и приводить к себе; те, заслышав приказ, побросали товары и бежать, но двоих покололи ножами, товары пропали. В третий раз, во время Тихоновской же ярмарки, когда все лушане были здесь и в городе оставались только старый да малый, Шибаев с семидесятью вооруженными крестьянами приезжает в Лух и прямо к съезжей избе, кричит, что убьет воеводу; от съезжей избы поехал на кабак, разбил здесь чуланы, требуя даром вина; потом стал ездить по посаду, крича: «Бейте, режьте посадских людей до смерти!» Женщины от страху бросались бежать в леса, беременные выкинули. Мимо села Мыта лушанин не смел проехать, а тут шла большая Нижегородская и Балахонская дорога, следовательно, Лух был заперт, жителям его некуда было ездить торговать [47].

Беда приходила иногда на городских тяглецов и от своей братьи, богатых торговых людей московских: при царе Михаиле гостиная сотня обратилась к правительству с просьбою о пополнении, и государь велел пополнить ее лучшими людьми из слобод. В начале царствования Алексея Михайловича, в 1647 году, гостиная сотня опять била челом, что в ней многие люди померли, а другие обеднели от государевых служб, служить стало некому, и государь велел пополнить гостиную сотню лучшими людьми из московских черных сотен и из городов. Но в 1648 году, воспользовавшись бунтом и уступчивостью правительства, земские люди из городов били челом, чтоб им отдать назад их братью, взятую в гостиную сотню, государь согласился, а гостиная сотня, как сама призналась, бить челом не посмела в то смутное время за боязнью. Но в следующем году, когда все утихло, страх прошел, гостиная сотня подала снова челобитную о прибавочных людях. По окладным спискам оказалось, что гостей было в это время только 13 человек, гостиной сотни лучших, средних и худых 158, тогда как до московского разоренья было 350 семей; в суконной сотне оказалось 116 человек. Из этого известия

всего лучше можно видеть, какие следствия для торгового русского сословия имело смутное время, московское разоренье, после которого торговые люди в продолжение XVII века уже не могли поправиться [48]. Вследствие войны с Польшею в Москве оказалось много пленных белорусов, *мещан* — имя, до сих пор неизвестное в Великой России; по Андрусовскому перемирию они получили свободу, но пожелали остаться в Москве. Сперва их роздали в тягло по черным сотням и слободам, но в 1671 году велено за Сретенскими воротами построить для них новую слободу, которая получила название *Мещанской,* и мещане взяты в ведомство Малороссийского приказа [49].

Трудно было выйти из посаду, из тягла на волю, в нетяглые люди. Быть может, оставалась возможность выхода в служилые люди, в которых также нуждалось правительство? Но еще в самом начале Московского государства надобность в тяглых людях, в плательщиках, была, как видно, так же велика, как и в служилых; еще тогда князья в своих договорах повторяют постоянно условие ведать тяглых людей сообща и в службу к себе не принимать. В XVII веке, после разоренья, нужда в тяглых людях не могла уменьшиться, и правительство не позволяет выхода из тяглых в служилые, велит набирать в последние вольных, охочих, людей, а не тяглых. Если тяглый человек пойдет охотою в стрельцы, то велено возвращать его назад, в тягло, с двумя сыновьями, и только третий сын оставался в стрельцах. Исключение было сделано только для тех людей, которые пошли в козаки до смоленского похода, т. е. до начала польской войны при царе Алексее Михайловиче.

Если правительство не позволяло тяглецам вступать в военную службу, то тем менее могло позволить им выходить в подьячие; оно готово было позволить им *кормиться пером,* но с условием не выходить из тягла. В 1668 году двое посадских из Вологды били челом: «Мы оскудели от пожаров и от медной деньги, торговать, промышлять и кормиться стало нечем, а кормятся на Вологде в писчей избушке площадным письмом посадские оскудалые люди; вели, государь, нам кормиться площадным письмом с площадными подьячими вместе и выписные деньги с ними делить поровну, чтоб нам впредь твоих податей и служб не отбыть и вконец не погибнуть». Позволено, «если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть с посадскими людьми». Эти площадные подьячие писали в своей писчей избушке всякие крепости и посторонние письма. Над площадными подьячими был староста, который должен был смотреть, чтоб всякие крепости и посторонние письма писали с его ведома, и работных людей помечали имена и вершили на площади, и по пометкам без записей задаточных денег торговые люди не давали, давали б в

то время, как записи совершены и поданы будут в приказной палате (съезжей избе). Староста должен был смотреть за площадными подьячими, чтоб кто воровски не написал каких подставных заочных крепостей; также чтоб вместо записей торговым людям книг наемных с поруками не писали, чтоб в том пошлина не пропадала; на ослушников староста должен подавать докладные письма за руками в приказной палате, и тем людям от площади будет отказано. Назначались эти старосты таким образом: площадные подьячие подадут челобитную, что староста их устарел и чтоб великий государь пожаловал, велел быть у них старостою такому-то, и великий государь указывал быть такому-то старостою. В малых местах, в слободах, площадное письмо отдавалось на откуп одному какому-нибудь человеку [50].

Те самые крепостные отношения, которые существовали у нас до последнего времени относительно крестьян и дворовых людей, в старину существовали относительно посадских, или тяглых, людей, крепких своему городу: так, женится вольный человек на тяглой вдове и пойдет к ней в дом; женится вольный человек на посадской девице и пойдет к тестю в дом — тот и другой прикрепляются к городу в тяглые люди.

Служилый человек должен был служить, посадский тяглый платить на содержание, на жалованье ратным людям; такое первоначальное отношение между двумя частями народонаселения длилось века и условило основной взгляд их друг на друга: военный смотрел на посадского или на крестьянина как на человека, которого труд и сбережения этого труда имели непосредственное назначение кормить его, ратного человека. Седьмая глава Уложения о службе всяких ратных людей Московского государства начинается так: «С польским, и с литовским, и с немецким, иными окрестными государствы, у государя царя и в. князя Алексея Михайловича всея России вечный мир и докончание. А будет которыми мерами с которым государством у Московского государства война зачнется или в которое время изволит государь кому своему государеву недругу мстити недружбу и укажет послать на них своих государевых бояр и воевод, и с ними всяких чинов ратных людей, и для той службы велит государь своим государевым ратным людям всего Московского государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратным людям деньги сбирати со всего Московского государства».

Через пять лет по издании этого постановления, в котором высказывался только извечный обычай, началась война, и продолжалась до конца царствования Алексея Михайловича и перешла в царствование его преемника; пошли войны и с Польским, и с Немецким (Шведским) государствами, и с чер-

касами, и с татарами, и с турками, и с Разиным, и с соловецкими бунтовщиками. Легко понять положение тяглых людей.

Приехали в города выборные, бывшие в Москве на соборе, и привезли известие: решено быть войне. В Уложении уже определено, какое непосредственное следствие этого решения: сбор денег. Указ не замедлит прийти — сбирать пятую, или десятую, или двадцатую деньгу; идут тяглые люди и «по святой непорочной евангельской заповеди Христове» говорят правду, что каждому доведется заплатить от животов и промыслов. Утаить нельзя: товарищи торговые люди знают торговлю и промыслы каждого, скажут и положат, что доведется взять. С начала польской войны при царе Алексее собирали сперва двадцатую деньгу, потом десятую в продолжение нескольких лет, а в 1762 и 3 годах собирали пятую деньгу [51]. Кроме денег брали натурою на корм ратным людям муку ржаную, сухари, крупы, толокно; брали подводы под военные снаряды, брали с 60 дворов по лошади с проводником, телегою и со всею упряжью, со всеми путевыми припасами. Это были платежи чрезвычайные, на случай войны; постоянно тяглые люди платили: дани и оброки; деньги на выкуп пленных (с двора по 8 денег, с дворов служилых людей по 2 деньги); стрелецкие деньги; ямские деньги; деньги на корм воеводам; в подмогу подьячим, сторожам, палачам, тюремным и губным целовальникам; на строение воеводских дворов, губных изб и тюрем; в приказную избу на свечи, бумагу, чернила и дрова; прорубные деньги — за позволение зимою в прорубях воду черпать, платье мыть и скот поить. Тяглые люди обязаны были строить и чинить крепости в городах; обязаны были строить мосты [52]. В 1658 году, когда война усилилась, начали искать повсюду средств, как бы увеличить доходы, как бы заставить платить тех, которые еще не платили. Пошли грамоты по городам: переписать бобылей, пешков и захребетников, которые служб никаких не служат, податей не платят, живут в белых. Поднялся вопль между бобылями, пошла челобитная: «Разве мы, сироты твои, безданны! С 1624 года каждый год платим в казну окладного оброка с дворов и с пустых мест по 2 рубля по 10 алтын; в смоленскую службу платили мы по 2 рубля с двора да платим по 8 алтын по 2 деньги с двора за хлебные запасы; да с тех же дворов платим по 6 алтын по 4 деньги с ворот; да по 8 денег с двора пленникам на выкуп, да за подводы даточным на год по рублю с двора; да в прошлых же годах платили мы с посадскими людьми в ряд с прожитков своих и животов десятую деньгу» [53].

Для примера, сколько сходило в казну денег с города, возьмем средний по богатству город, именно Устюг Великий: с него в 1670 году «оброку и пошлин, за намесничь корм, за присуд, за пошлинных людей доход, с сох дани, за поминоч-

ные черные соболи, ямских и приметных денег, за городовое, засечное и ямчужное (селитряное) дело, за поплужную пошлину, соколья оброку, казначеевых, дьячьих и подьячьих пошлин, за праветчикову поворотную пошлину, с посаду, с 11 сох и с полполтрети сохи по окладу 321 рубль 13 алтын 5 денег. Да с лавок и амбаров, с лавочных и амбарных мест, с хлебных полков, с харчевых изб, кузниц, островков, нарей, присад, полянок, дворовых пустых мест, с Пятницкого сельца, с новораспашных деревень за посопный хлеб оброку 81 рубль 12 алтын 5 денег. Таможенной пошлины 4910 рублей; с бани 44 рубля; с кружечных дворов 4530 рублей» [54].

Часть этих доходов истрачивалась тут же на постоянные городские надобности или на какие-нибудь чрезвычайные издержки по приказу из Москвы. В иных городах доходов не ставало на городские нужды. Из Великого Новгорода прислали ведомость: «С Новгорода и новгородских пригородов, с посадов и уезду, данных и оброчных, таможенных и кабацких денег соберется по окладу 11 318 рублей, а в расход в В. Новгороде жалованья денежного стрельцам, козакам и иным оброчникам и на неокладные всякие расходы придется дать 7656 рублей да хлебного жалованья стрельцам, козакам и всяким оброчникам по окладу 9526 четвертей ржи, 7224 четверти овса, 306 четвертей ячменя, а деньгами за хлеб против торговой меньшой цены придется дать 4705 рублев; всего на окладные и неокладные расходы и за хлеб придется дать 12 362 рубля, кроме прибылых расходов». Надобно было урезать расходы: отняли жалованье у голов и сотников стрелецких и у городового прикащика (потому что все это помещики); у пятидесятников и десятников стрелецких убавлено жалованье; у подьячих убавлено жалованье и убавленное велено давать только тем, у которых нет поместий; пушкарям за денежное и хлебное жалованье велено ходить в съезжих избах в приставах, их же и в уезды посылать, а приставов уничтожить; казенным кузнецам и плотникам денежного и хлебного жалованья не давать, а как будет государево дело, и им тогда давать поденный корм, у сторожей съезжей избы и воротников отнято хлебное жалованье; но и за этою убавкою все доходов в расход недостало на 1044 рубля. Со Пскова и псковских пригородов собиралось 13 329 рублей, а жалованья должно было дать 15 387 рублей, недоставало 2058 рублей. Вследствие этого донесения указ: новгородских и ладожских козаков за жалованье можно устроить землями, в Новгородском уезде порожних земель много; уменьшить жалованье подьячему в Ладоге наполовину и т. д. [55]

Составлена смета, что доходов соберется «имется собрати» столько-то; а если не соберется? Если некоторые посадские люди объявят, что не в состоянии заплатить? Тогда правеж; но иные крепки, перенесут удары и не заплатят; на этот слу-

чай у праветчиков наказ: «Если посадские люди на правежу начнут *отстаиваться* и денежных доходов платить не станут, у таких дворы их, лавки и имение отписать на великого государя» [56].

Но не одни подати и чрезвычайные сборы тяжело лежали на посадских людях; у них были еще службы, которые, кроме того что отнимали время от промыслов, часто также обещали правеж в награду. Самая тяжкая по ответственности служба для посадских людей была служба в *верных* (присяжных) головах и верных целовальниках при продаже вина от казны. В 1652 году государь по совету с духовенством и думными людьми указал: «Во всех городах, где были прежде кабаки, быть по одному кружечному двору, продавать вино в ведра и кружки, чарку сделать в три чарки и продавать по одной чарке человеку, а больше чарки одному человеку не продавать; питухам на самом кружечном дворе и близ двора сидеть и пить не позволять, ярыжкам, бражникам и зершикам (игрокам в зернь) на кружечных дворах не быть. В Великий пост, Успенский, даже и по воскресеньям вина не продавать, в Рождественский и Петров посты не продавать по средам и пятницам. Духовенство белое и черное не пускать и вина им не продавать. В селах быть кружечным дворам только в больших. Быть кружечным дворам на вере, выбирать на них лучших людей за крестным целованьем». Какую выгоду получала казна от продажи вина, видно из того, что ведро вина в 1674 году казне стоило 20 алтын, а продавалось по рублю; по кружкам ведро вина на кружечном дворе стоило рубль 16 алтын 4 деньги, по чаркам — 2 рубля. Пиво в варенье стоило по семи денег ведро, а продавалось по два алтына ведро. Пуд меду покупали по рублю, выходило из пуда 7 ведер, каждое продавали по 6 алтын по 4 деньги. Винокуры иногда выписывались из Малороссии [57]. Лучшим посадским людям позволялось курить у себя на дому вино в небольшом количестве, ведра по два, по случаю больших праздников и особенных семейных торжеств — свадьбы, родин, крестин, поминок; средним и младшим людям вина курить не позволялось, могли они к торжественным случаям сварить немного пива и меду, давши знать об этом на кружечном дворе, что называлось *явкою,* и заплатив явочные пошлины [58].

Но *явят* немного, а выкурят или сварят гораздо больше в ущерб казне, даже станут продавать тайком; узнают об этом на кружечном дворе — надобно накрыть врасплох и *вынуть* запрещенный товар: хлопоты большие, а делать нечего, надобно смотреть зорким глазом, потому что, если к концу года мало сбору, сейчас грозный запрос, почему против прежних лет мало собрано? Верный голова и целовальники должны отвечать своими деньгами, иначе правеж. Потом нельзя всем отпускать на наличные деньги, у многих

часто денег нет, надобно верить в долг, к концу года долги эти нужно собрать, ибо казна ждать не станет. Для сбора долгов, для выимки питья нужно жить в больших ладах с воеводою, не щадить ему подарков в царские дни, что́ называлось «в почесть для царского величества», не щадить подарков за обеды, которые давал воевода и за которые нужно было приглашенным дарить хозяина; потом отвозить деньги в Москву нельзя с пустыми руками, дьяки и подьячие привяжутся. Один целовальник рассказывал: «Будучи у сбору на кружечном дворе, воеводам в почесть для царского величества, и для высылки с казною к Москве и для долговой выборки, и за обеды харчем и деньгами носили не по одно время; а как к Москве приехали, дьяку в почесть для царского величества харчем и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодым подьячим от письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подьячему харчем и деньгами носили же не по одно время, а носили в почесть из своих пожитков, да что брали с товарищей своих целовальников в подмо́гу, а не из государевых сборных денег, и носили по воле, а не от каких нападков» [59].

Кроме воевод и московских посылок тяжелы были кружечным головам солдаты, которые безнаказанно буйствовали при отсутствии дисциплины, при потачке своих начальных людей, при том состоянии общества, когда всякий сильный, вооруженный мог позволять себе все с слабым, невооруженным. Мы видели, что́ мог позволять себе в городе какой-нибудь прикащик соседнего села, тем более солдаты. В постные дни, когда запрещено было продавать вино на кружечном дворе, солдаты являлись туда и начинали сами продавать свое вино из фляг в чарки людям, не желающим поститься; на дворах своих, где стояли постоем, продавали всякие пьяные браги; на выимку к ним ходить голова не смел: хвалились убить его до смерти; несмотря на запрещение, собирались на кружечный двор играть в зернь и карты; питухов на кружечный двор не пускали, продавали им вино сами, целовальников били до полусмерти [60]. Подрыв питейному сбору страшный, а за все отвечают голова и целовальники.

Другие службы посадским людям были: в головах и целовальниках при сборе таможенных доходов; при сборе стрелецкого хлеба [61]; в подсудных целовальниках к пошлинным и ко всем денежным сборам в съезжей избе [62]; на конную площадь при сборе денег с пятнания лошадей; в головах банного, перевозного мостового сбора; в соцких, пятидесяцких и десяцких для полиции и для извета всяких воровских дел [63]. Земский староста сзывает посадских людей в земскую избу; пришел царский указ, велено выбрать голову

и целовальников к таможенному сбору; но кого выбрать? Надобно выбрать людей с состоянием, которые могли бы отвечать за недобор: но таких нет, кто был побогаче, те выбраны на кружечный двор. Мир решил — слать челобитную к царю, что выбрать некого, велел бы великий государь прислать голову из Москвы. Но из Москвы прислать некого, здесь свои службы, и в город шлется другой указ: выбрать к таможенному сбору того же голову и целовальников, которые выбраны к кабацкому сбору; таким образом, одни и те же посадские люди должны нести две тяжелые службы [64].

Мы видели, что посадские и уездные люди дают деньги на кормление воевод и подьячих. Земский староста расходует этими мирскими деньгами, каждый день вносит в книгу, что издержано. 1 сентября несено воеводе: пирог в пять алтын, налимов на 26 алтын; подьячему пирог в 4 алтына 2 деньги, другому подьячему пирог в 3 алтына 4 деньги, третьему пирог в 3 алтына 2 деньги. Воевода для нового года позвал обедать, за эту честь надобно заплатить, и староста несет ему в бумажке 4 алтына, боярыне его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денег, боярским боярыням 8 денег, жильцам верховым 6 денег. На другой день, 2 сентября, опять староста идет к воеводе, несет четверть говяжью в 12 алтын 4 деньги да щуку в 6 алтын. Подьячему четверть говяжью в 9 алтын 4 деньги. 3 сентября староста несет воеводе щук на 19 алтын да на воеводский двор купил лопату в 2 деньги, 100 свеч сальных — дал 8 алтын 2 деньги, купил в съезжую избу бумаги 5 дестей, заплатил 11 алтын 4 деньги. 5 сентября воеводе четверть говяжью на 12 алтын 4 деньги; подьячему четверть говяжью в 9 алтын 4 деньги; другому подьячему то же. 6 сентября воеводе четверть говяжью. 7 сентября староста и мирские посыльщики ходили обедать к подьячему, отнесли в бумажке 16 алтын 4 деньги, жене его 8 алтын 2 деньги, матери его 3 алтына 2 деньги. 8 сентября воеводе отнесено щук по 12 алтын. 9 — воеводе четверть говяжья и подьячему столько же. 10 — воеводе щуки. 11 — опять обед у подьячего: отнесено ему в бумажке 13 алтын 2 деньги, жене 6 алтын, матери 3 алтына, дочери 10 денег; на другой день, 12 числа, ходили к нему на похмелье, отнесли в бумажке 20 алтын. 12 числа воеводе четверть говяжья. 14 — воеводе репы четверик на 3 алтына 4 деньги. 16 — воеводе рыбы, щук и налимов на 11 алтын; подьячему рыбы на 3 алтына да поставили почесть подьячим съезжей избы — вина и пива на 6 алтын 4 деньги. 17 — на именины царевны Софии воеводе пирог в 5 алтын и подьячим пироги; да воеводе и подьячему рыба. 19 — воеводе четверть говяжья и т. д. [65]

Мы видели расходные книги земского старосты; теперь заглянем в росписи, что́ издерживали мирские посыльщики, присылаемые в город из волостей для платежа денег: «Ходил

к воеводе, нес хлеба и калачей на 2 алтына, в бумажке денег три алтына, людям его дал две деньги. Ходил к воеводе, нес хлеб, да калач в 2 алтына, да мяса задь говяжью 26 алтын 4 деньги, да свиную тушу в рубль, да баранью тушу 13 алтын; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтын, боярыне рубль, дворецкому 21 алтын, людям на весь двор 21 алтын, ключнику 10 денег, малым ребятам 2 алтына, денщику 2 алтына, подклетным 3 алтына. Подьячему хлеб да калач, деньгами 2 рубля с полтиною, жене его 16 алтын, двоим племянникам рубль, людям на весь двор 10 алтын, ключнику 3 алтына, денщику 2 алтына, приворотнику алтын, малым ребятам 8 денег, блаженному 4 деньги. Приставам дал всем в братью 6 денег да, стояв на правеже, дал приставу 2 деньги, да когда платил деньги дал сторожу в мешок 2 деньги, да что писал книгу целовальник взял 2 деньги, да староста взял за сено, что миром сулено воеводе, 4 гривны» [66].

Эти мирские расходы на воеводу и подьячих были делом обыкновенным, не возбуждали ропота и жалоб; но иной воевода хотел кормиться уже слишком сытно; в земской избе слышались громкие жалобы, и, наконец, подьячий земской избы садился писать челобитную, бил челом посадский и всеуездный земский старостишка во всех посадских и уездных людей место: «Приехал воевода и взял с нас по приезде 120 рублей денег, брал с нас всякий месяц на хлеб по 12 рублей да хлеба по четверти ржи, по четверти овса, по четверти ячменя с сошки, итого по 99 четвертей на год да по пяти и по шести пив, а всякое пиво становится по три четверти хлеба; к Рождеству Христову и к Великому дни по полти мяса, итого по 126 полтей на год, да к Петрову дни по барану с сошки, да по 2000 яиц, да на всякий день мелкими припасами, мясом, рыбою и калачами, с ямщиков по 30 рублей на год, да на всякие сутки сальных свеч по полуполтине, да лошадям сена по 50 рублей на год; а земских старост к мирским сборам и целовальников и приставов и иных ружников нам мирским людям выбирать не давал, выбирал сам собою тех, кто ему больше даст».

Такую челобитную писал подьячий в земской избе; а в съезжей избе подьячий писал другую от воеводы на мир: «Волостные посольщики денежные доходы платят оплошно, а с правежу мне говорят большим невежеством, чтоб на них не правил; однажды на правеже закричали на меня с большим невежеством, забунтовались и с правежу от съезжей избы сошли, от приставов отбились, приставов побили, на двор ко мне приходили с большим невежеством и похвалялись на меня всякими недобрыми делами, а посадский и всеуездный староста лаял меня..... и называл вором при многих людях, и государевых доходов править не велит» [67].

В городах, ближайших к Москве, воеводы и подьячие кормились умереннее: челобитные мирских людей были доходнее до царя. Но в городах дальных, где именно было до бога высоко, до царя далеко, кормленщики разнуздывались и этою разнузданностию вызывали самоуправство мирских людей, которым также представлялось, что до бога высоко, до царя далеко. Не повторяем рассказа о восстаниях мирских людей отдаленных городов в царствование Михаила Федоровича и в начале царствования Алексея Михайловича [68]; в конце царствования Алексея, в 1673 году, жители Кайгородка под предводительством Аничка Ташкинова и Митьки Беркутова воеводе Волкову в денежных доходах царских отказали, приходили на воеводу бунтом и хотели убить, от воеводства отказали, приставов и целовальников с города свели. Правительство послало сотню стрельцов для утушения бунта, и дело кончилось пытками и виселицами. Не от одних, впрочем, посадских людей доставалось иногда воеводе; иногда посадские должны были выручать воеводу. Однажды в Шуе на посаде раздался сполошный колокол; посадские сбежались и видят, что их воевода Борков лежит чуть живой; ехал он из гостей вместе с соседним помещиком стряпчим Кашинцевым, человеком страшно задорным, поссорились, подрались, и Кашинцев выдрал у воеводы всю бороду без остатка [69].

Представителем мира пред правительством был земский посадский и всеуездный староста, выбранный миром. Тяжело от воеводы или от кого и от чего бы то ни было, староста бьет челом во всех посадских и уездных людей место. Он кормит воеводу и подьячих; но, когда кормить становится тяжело, когда мир начинает волноваться, староста с своими, за своих, староста *лает* воеводу. Но не всегда бывали такие бойкие старосты; иногда староста соединялся с воеводою и действовал против мира, против выгод своих избирателей, и мирские люди обращались к правительству, били челом на своего старосту: «В наших мирских делах учинил большое дурно, в денежных приходах и расходах большую хитрость, а себе корысть; подговаривался к воеводе и к таможенному откупщику, пьет и ест с ними беспрестанно и ночи просиживает, на нас воеводе и откупщику наговаривает, и нас продают и убытчат: вели, государь, от нас его вывесть» [70]. Против дурного старосты, избранного, у избирателей нет другого средства, как просить правительство *вывести* его из города, потому что, если смененный староста останется у них, им будет плохо, потому что это обыкновенно человек богатый, сильный. Слабость общества, мира пред отдельным лицом высказывалась и в другом случае: кто-нибудь из мирских людей начинает дурно вести себя, мир предвидит, какие беды могут произойти от этого; напьется пьян, сделает

какое-нибудь дурно, подерется, убьет кого-нибудь до смерти, мир будет отвечать, подле воевода, подьячие, которые ждут только того случая, как бы понажиться на счет мира, постараются припутать к делу как можно большее число людей, и мир бьет челом: «Жалоба нам на посадского человека Короба: пьет и бражничает безобразно, в зернь и карты играет, жену свою бьет и мучит не по закону! вели его с женою и детьми с посаду выслать вон, чтоб нам в пене и опале не быть»[71]. Члены рода поступали точно таким же образом: били челом государю, что один из родственников ведет себя очень дурно и не унимается, несмотря на наказания от старших членов рода; род дает знать государю, чтоб после в опале не быть[72]. Слабость мира особенно выражалась в розни, усобице между богатыми и бедными посадскими людьми — явление, которое встречалось не в одном Пскове, не из одного Пскова получались такие челобитные: «Бьют челом посадские средние и молодчие бедные людишки всех *сороков*. Жалоба нам на посадских людей, на прежних земских старост и нынешнего и на всех лучших богатых людей: лучшие и богатые люди нас окладом и тяглом не по силам загнели, а себя в окладе облегчили, и с тех своих легких окладов на многие годы тягла не доплачивают, оставляют за собою залоги большие и для того земских старост по книгам, друг другу норовя, не считают, а нам, средним и молодчим людишкам, на счет не дают»[73].

Все со всем относилось к правительству, било челом великому государю. Правительство не оставалось глухо к челобитьям; просил какой-нибудь мир выборного чиновника вместо коронного, правительство охотно соглашалось. Бьют челом, чтоб городничего или городового прикащика (по-нашему, коменданта) отставить и выбрать нового миром, государь велит выбирать[74]. Бьет челом посадский и всеуездный земский староста во всех место посадских людей и волостных крестьян, что прежде в земской избе у всех дел был один подьячий, а теперь явился к ним из Москвы какой-то господин с грамотою, в которой велено ему быть в подьячих у земского старосты, а прежнему подьячему быть у одного ямского дела; но прежний подьячий, пишет староста, человек хороший, налогов и убытков от него не бывало, а этот новый, который напросился на его место, у земских дел не бывал и к ним негоден — великий государь приказывал выпроводить приехавшего из Москвы подьячего, несмотря на его грамоту[75]. Бьют челом волостные старосты и крестьяне, что у них в съезжей избе искони подьячий по их выбору, а теперь один хочет сесть в подьячих без их выбора: государь не позволяет подьячему садиться без выбора[76]. Против воеводских злоупотреблений на суде были приняты меры: не велено судить воеводам и приказным людям дела тех лиц,

от которых подано будет на них подозрение, судить их велено воеводам ближайших городов, не дальше 150 верст. Потом не велено определять воеводами дворян в те города, около которых у них находятся поместья и вотчины [77]. В конце царствования Алексея Михайловича велено было отставить въезжие, и месячные, и праздничные, и иные денежные всякие и хлебные поборы воеводам, и что́ на воеводские расходы земские старосты на мирские деньги покупали на воевод. Понятно, что воеводы не могли вдруг отказаться от этих поборов и приносов, и земские старосты носили пироги и рыбу по старой привычке; доказательством служит то, что царь Федор Алексеевич должен был подтвердить указ отцовский [78]. Сделана была и более важная попытка к преобразованию отношений горожан к воеводе, но не удалась.

В 1665 году воеводою во Пскове был знаменитый любимец царя Алексея Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Воевода нашел дела вверенного ему края в очень неудовлетворительном состоянии: заграничная торговля, которою богател Псков, находившийся на двух рубежах, упала вследствие войн польской и шведской; зло, общее всем городам древней России, господство так называемых *мужиков-горланов,* богатых торговых людей, которые, забравши всю власть в свои руки, хлопотали только о своих выгодах, забывая выгоды большинства сограждан, — это зло было в самой сильной степени во Пскове, где была свежа еще память о кровавой борьбе между лучшими и меньшими людьми в смутное время, а недавняя псковская смута подновила раздражение. Афанасий Лаврентьевич не хотел только *кормиться* на псковском воеводстве; он стал думать, как бы поднять благосостояние города, который был ему родной. Как везде, так и тут он смотрел на Запад, делал «с примеру сторонних чужих земель», и предложил земским старостам и всенародному совету следующую меру: быть во Пскове беспошлинному торгу с иностранцами — одному 6 января на две недели, а другому с 9 мая на две недели, причем мимо посадских людей псковичей иных чинов людям с иностранцами не торговать: «Во всех государствах славны те торги, которые без пошлин учинены», — твердил воевода.

Уже давно по всей России, особенно же в значительнейших городах, слышались горькие жалобы русских торговых людей на купцов иностранных, которые, действуя сообща и располагая большими капиталами, захватывали торговлю в свои руки. Чтобы относительно цен на товары не быть в зависимости от русских значительнейших торговцев, иностранцы обыкновенно входили в сношения с небогатыми людьми, давали им вперед деньги, на которые те скупали для них товары низкою ценою, довольствуясь небольшим вознаграждением: «От такого неудержания русские люди на ино-

земцев торговали из малого прокормления и в последнюю скудость пришли, а которые псковичи и свои животы имели, от сговорщиков с немцами, для низкой цены товаров, также оскудели». Чтоб не было такого тайного подряда с иноземцами, чтоб маломочные русские люди не брали у них в подряд денег и таким образом не понижали бы цены русским товарам, Нащокин предложил псковским лучшим людям торговым росписать по свойству и по знакомству, во Пскове и в пригородах маломочных людей по себе, ведать их торговлю и промыслы и, вместо того что прежде брали они деньги у иностранцев и на них работали, давать им ссуду из земской избы (т. е. из городских сумм); накупивши на эти деньги товару, маломочные люди должны привозить его в Псков в декабре месяце; товар должен быть записан в земской избе, лучшие люди должны принимать эти товары, каждый у своего, кто за кем записан, давать им цену с наддачею для прокормления и чтоб к маю месяцу накупали новых товаров; после же ярмарки лучшие люди, продавши товары свалом иностранцам, должны заплатить маломочным людям ту цену, по какой сами продали.

Потом воевода обратил внимание на винную продажу, предмет важный, ибо эта продажа составляла один из главнейших источников дохода для казны. Псков был город порубежный, иностранцы привозили тайком множество горелого вина и *немецких питей,* отчего псковичи не брали напитков с казенных кружечных дворов; у голов и целовальников, приставленных к продаже вина, большие недоборы, с них взыски, они стараются взыскать, *вынуть* запрещенный товар у жителей, от этих *выимок* людям разоренье, а казне прибыли нет. Вследствие этого Нащокин предложил установить вольную продажу вина с платою в казну с рубля по две деньги, если же кто станет торговать напитками больше, чем другими товарами, на тех брать с рубля по гривне. Наконец, воевода предложил новое устройство городового управления: предложил выбрать пятнадцать человек на три года, чтоб из них каждый год сидело в земской избе по пяти человек; эти пятеро выборных должны судить посадских людей во всех торговых и обидных делах и отводить к воеводам только в измене, разбое и душегубстве. Случится тяжба между дворянином и посадским, то судить дворянину (кто будет у судных дел) с выборными посадскими людьми. Пошлины с судных дел, решенных пятью выборными, держать в земской избе для градских расходов. Такое же устройство должно быть и в пригородах.

Предложения Нащокина произвели сильное волнение между псковичами; разделились: одним нравились предложения, другим нет; меньшие люди были за новое, лучшие отстаивали старину. За этими ссорами дело протянулось от

апреля до августа; только 13 августа посадские люди написали наконец свои челобитные по мысли воеводы, принесли в Троицкий собор и приняли благословение архиепископа Арсения; челобитные отправлены в Москву, и новое устройство введено.

Но Афанасий Лаврентьевич не мог долго оставаться во Пскове; он был отозван для важного дела, для ведения мирных переговоров с польскими уполномоченными. Воеводою в Псков явился князь Иван Андреевич Хованский. Князь Иван Андреевич был неохотник до новизн, особенно был неохотник до новых людей. Он уже и прежде, как мы видели в своем месте, имел столкновение с Нащокиным, на которого смотрел как на временщика, выдвинутого царем в ущерб чести старых родов. Приехавши во Псков, Хованский увидал, что Нащокин и здесь что-то такое намудрил неполезное, посадил *мужиков* судить и распоряжаться, отнявши суд у воеводы, завел вольные шинки вместо казенных питейных домов. Но мы видели, что и между *мужиками* некоторые, и лучшие, самые богатые не были довольны новым устройством. Они стали говорить Хованскому, что все эти новые порядки Нащокин завел самовольно, насильно навязал посадским людям, писали челобитную в земской избе ночью, *вычерненную* (поправленную), и руки велели в ту же ночь приложить. Хованский шлет грамоту в Москву к царю: «Во Пскове заведены вновь шинки, в них пьют безвременно, и оттого всякому дурно. Учинены выборные люди и посадских людей судят, и в съезжую избу (т. е. к воеводе) не ходят; да в земскую же избу в делах берут дворян с приставами, и оттого дворяне плачут; да они же, выборные люди, подорожные от себя дают за рубеж, и те новые проезжие, что́ мужики дают от себя, не знаючи и не остерегаясь в письме, от иноземцов будут в подивление. Сказали мне старосты земские и посадские лучшие люди, что писали ночью челобитную вычернену и руки велели в ту же ночь приложить, а кто чернил челобитную и складывал, тому то дело надобно; приложили только рук с пятьдесят, и то немного лучших людей; в челобитной писано слагательно, писал кто-то умный человек, а мужикам так было не сложить». На грамоту пришел ответ: «Вы бы всяких чинов людей ведали во всем судом и расправою, а новый суд отставили. Шинки отставить, а быть по-прежнему кабакам по старым местам и отдать на откуп, а если откупщиков не будет, то сбирать на веру (по присяге) лучшим людям».

Но и Хованский недолго оставался в Пскове; преемником его был князь Данила Степанович Великого-Гагин, человек, не имевший ни в Пскове, ни в Москве того влияния, какое имели его предшественники; при нем, следовательно, дело опять могло свободно подняться и решиться без воеводского

вмешательства. Ордин-Нащокин был в это время в Москве, управлял Посольским приказом, а Псков был подведомствен этому приказу. Разумеется, Нащокин не мог спокойно видеть, как его устройство было разрушено враждебным Хованским. У Нащокина был в Пскове преданный ему дьяк, Мина Гробов, который по отъезде Хованского и начал поднимать опять приверженцев нащокинского устройства. Мы видели, что по представлению Хованского вольная продажа вина была уничтожена и велено было отдать ее на откуп, если найдется откупщик. Откупщик нашелся, Кузьма Андреев, и заплатил на месяц более чем вдвое против той прибыли, какую получала казна от вольной продажи. Но при Великого-Гагине вольные питейные промышленники Давыд Бахарев с товарищами прислали в Москву челобитную: «Выборные люди, Семен Меншиков с товарищами, видя наш промысл и раденье, что будет великого государя казне сбор большой, и дружа друг другу, питейную прибыль отдали на откуп товарищу своему, выборному человеку Кузьме Андрееву заводом, забыв страх божий и крестное целованье, назвали наши оброчные питейные домы шинками». Пришла и другая челобитная не от одних питейных промышленников: «Жалоба нам, бедным сиротам твоим, середним и мелким людишкам, на псковичей же посадских прожиточных людей, Сергея Поганкина, Никиту Иевлева, Мокея Сигова с товарищами: те прожиточные люди всякие дела городовые и мирские делают и челобитчиков выбирают и посылают к тебе, великому государю, в Москву без городского и мирского ведома середних и мелких людишек и без заручных приговоров; оттого нам чинится великое разоренье и всякие подати большие и частые».

На откупщика Кузьму Андреева и на его приятелей, которые устроили ему откуп, было донесено в Москву, что откупная сумма очень мала и что, несмотря на то, откупщик и товарищи его, лучшие люди, притесняют маломочных людей, не дают им приготовлять у себя хмельных напитков в известных, определенных законом случаях, корыстуются с кабаков, провозят товары, *прокрадывая*. Вследствие этого из Москвы пришел указ: так как псковичи Семен Меншиков и Кузьма Андреев с товарищами маломочным людям не помогали, то платить им в год за кабаки по 9366 рублей; быть с ними вместе в платеже Никите Иевлеву и Сергею Поганкину, потому что они от градского совета бегали и к присяге не ходили.

Наконец осенью 1668 года пришла в Москву челобитная от земского старосты Степана Котятникова и всех псковичей, чтоб государь приказал восстановить все учрежденное при Нащокине и разрушенное при Хованском, чтоб от кабацких продаж была учинена свобода, как в Смоленске. Но к чело-

битной не приложили рук Семен Меншиков, Сергей Поганкин, Кузьма Солодовник, Иван Чирьев, Никита Михалев, Петр Зарубин, Юрий Белобородов, Мокей Сигов, Афанасий Самойлов, всего девять человек.

У этих девяти человек были в Москве также сильные покровители — дьяки Посольского приказа Герасим Дохтуров и Лукьян Голосов; с ними-то постоянно боролся Нащокин, упрекая их, что они грязнят Посольский приказ, по которому иностранцы судят обо всей России и который должен быть чище всех других приказов, а дьяки его мешают кабацкие дела с дипломатическими. Дьяки мстили Нащокину, действуя постоянно наперекор ему; и тут о псковском челобитье они составили такую докладную записку, что челобитчикам было отказано. Понятно, что Афанасий Лаврентьевич не мог спокойно перенести этого. Государь находился в затруднительном положении: с одной стороны, представляют ему, что Псков волнуется, что меньшинство притесняет большинство, которое может ожесточиться; с другой, представляют, какой ущерб потерпит казна, если ввести в Псков вольную продажу вина, а деньги нужны, государство разорено тяжкою войною. Алексей Михайлович обратился сначала к Ордину-Нащокину, чтоб тот изложил свое мнение, «как тому кабацкому сбору пристойно быть и доимочные деньги на ком взять, чтоб кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить». Афанасий Лаврентьевич отвечал: «В 1666 году устроил я Псковское государство с примера сторонних чужих земель к великой прибыли твоей государевой казне и Псковскому государству к полноте и расширению; я сделал это ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долг и надеясь получить отпущение грехов в будущем веке. Но мое дело, государь, возненавижено немилосердыми людьми, приказною мздою. Отказали Стеньке Котятникову в питейных сборах; но думные дьяки зачем забыли мою вину: я и в Смоленске то же самое сделал, а Псков важнее Смоленска, лежит на рубеже двух чужих земель; жители в городе и в уездах пришли в последнюю нищету, и без такого устава помочь им нечем. Всячески приводя в согласие людей божиих и ваших, государевых, я наговаривал и писал во Псков, и ко мне из Пскова писал дьяк Мина Гробов, что усердно радеет, как бы прекратить разделение между псковичами, и на ком довелось кабацкую недоимку доправить, то у них уже решено, решено и то, чему в Пскове быть прочнее. Надеясь на твою государскую милость, я в Смоленске твоим указом пример учинил, товарищи мои, думные дьяки, это знали; и если, государь, в Смоленске в питейном сборе зла не сделалось и, как теперь там дело идет, в Посольском приказе известно, то в Пскове было бы гораздо больше прибыли, чем в Смоленске».

Нащокин прямо объявил, что он чрез дьяка Гробова хлопотал в Пскове о соединении людей; из его собственных слов было видно, что последняя челобитная, пришедшая из Пскова, была следствием этого соединения, т. е. этих хлопот. Противникам Нащокина легко было намекнуть, что мнимое соединение произведено насильственным образом, что лучшие люди не подписались под челобитной, в которой просили о восстановлении нащокинского устройства. Оставалось одно средство разъяснить дело — спросить всех жителей Пскова и области прямо от верховного правительства, чего они хотят?

11 марта 1669 года воевода князь Великого-Гагин получил царскую грамоту: «Вы бы всяких чинов людям наш, великого государя, указ сказали: если в Пскове питейной прибыли быть по-прежнему у всех псковских жителей, то нашей казне прибыль будет ли и псковичам, и уездным, и всякого чина людям какой тягости в том не будет ли?» Воевода прислал в Москву ответы.

Архиепископ Арсений, как св. панагию носит, во всякой правде сказал, что от питейных домов городские жители и уездные не будут обогащены, а если кабацкий недобор в 9000 рублей с лишком им доплачивать, то разорятся окончательно.

Архимандриты, игумены, строители, игуменьи и строительницы, Троицкого дома (собора) протопоп, псковских ружных и приходских церквей поповские старосты и весь освященный чин, церковные прикащики за крестьян монастырских церковных вотчин, всего сто один человек, сказали: питейным дворам быть отнюдь нельзя, потому что домам псковичей и священного чина и уездных крестьян слабых людей быть в лишних скудостях и бесчестиях за пьянственным невоздержанием и за иными в пьянстве слабостями.

Дворяне и дети боярские, 60 человек, объявили, что не могут дать ответа по незнанию дела; 89 человек не приехало.

Посадские люди, 238 человек, пожиточные, середние и маломочные, сказали: питейным дворам быть невозможно, в сборе казны умаление будет большое, потому что посадским людям конечное разоренье за слабостию и пьянственным невоздержанием; вперед кабакам по-прежнему пристойно быть на вере (на присяге).

Козаки, стрельцы, пушкари и воротники, всего 2115 человек, подобно дворянам, сказали, что не знают.

Крестьяне Псковского уезда, 241 человек, сказали: в Пскове питейной прибыли можно быть по-прежнему у всех псковских жителей, с бережением и со всякою крепостию, за верою и за поруками, казне прибыль будет; в городе и уездах кабакам быть непристойно, а случится недобор, то они,

волостные крестьяне, готовы принять его на себя. 670 человек крестьян сказали, что не знают.

В Москве последовало окончательное решение: отдать кабаки на откуп, и если никто не возьмет, то продавать на вере выборным людям. Откупщиков не нашлось [79].

Эти нововведения Афанасия Лаврентьевича не принялись; но в 1667 году ему удалось высказать свои любимые мысли в торговом уставе [80]. И здесь встречаем обычное указание на Запад, на пример иностранных государств: «Во всех окрестных государствах свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными делами; остерегают торги с великим береженьем и в вольности держат для сбора пошлин и для всенародных пожитков мирских». Устав определяет, что люди недостаточные получают помощь из московской таможни и из городовых земских изб; требует, чтоб мимо торговых людей белых чинов люди с иноземцами торга и подрядов не чинили, а свои товары прикладывали к русским торговым людям; требует, чтоб лучшие торговые люди берегли маломочных торговых людей, давали бы им завестись торгами между русскими людьми складом к большим товарам, чтоб в продаже иноземцам цены не портили и в подряд деньги у них не брали. В Архангельск на время приезда туда купцов иностранных исстари назначался из Москвы гость с товарищами для наблюдения за ходом ярмарки и для сбора таможенных пошлин; устав требует, чтоб этот гость и товарищи его выбирались по рассмотренью, а не по дружбе или недружбе, выбирались из досужих и богоугодных людей не по богатству, *а по добродетели*. Этого гостя и товарищей его воевода ни в каких таможенных торговых делах не ведает; всякую расправу в торговых делах русским и иноземцам чинит в таможне гость с товарищами. Устав увеличил подать с иностранных вин, потому что от большого привоза их на государевых кружечных дворах чинятся убытки и недоборы большие. Иноземцы должны торговать только с купецкими людьми того города, куда приедут для торговли, с приезжими же не должны ни торговать, ни подрядов, ни записей совершать; но московским купецким людям во всех порубежных городах и на ярмарках торговать с иноземцами всякими товарами вольно. Иноземец с иноземцем не должен торговать под страхом отобрания товаров на государя. Пошлина с продажи и мены иностранных товаров 2 алтына с рубля; с русских товаров, отпускаемых иноземцами в свои государства, по гривне с рубля; но если иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, то ему пошлин с них не платить, и что́ купит на золотые и на ефимки, то везет в свою землю беспошлинно. Все эти золотые и ефимки в порубежных городах иноземцы должны отдавать в казну, из которой получают за них русские мелкие деньги: за золотой по рублю,

за ефимок. любский по полтине. Если восточные купцы — персияне, индейцы, бухарцы, армяне, кумыки, черкесы и астраханские жильцы иноземцы — поедут для торговли в Москву и другие города, то брать с их продажных товаров в Астрахани проезжей пошлины по гривне с рубля; если же станут торговать в Астрахани, то брать по 10 денег с рубля; с русских товаров, которые они повезут к себе, брать по гривне с рубля. То же наблюдать и относительно греков, молдаван и валахов — брать по гривне с рубля; если же станут торговать в Путивле, то по 10 денег. Ни один иноземец не может продавать своих товаров в розницу и ездить с ними по ярмаркам. В Москву и другие внутренние города пропускаются только те иноземцы, у которых будут государевы жалованные грамоты за красною печатью. Жиды в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе такие грамоты за красною печатью; они приезжали в Москву с суконами, жемчугом и другими товарами и получали комиссии от двора; так, в 1672 году шкловские евреи Самуил Яковлев с товарищами отпущены были из Москвы за рубеж для покупки венгерского вина. Греков в царствование Михаила и в начале царствования Алексея пропускали свободно по единоверию; но с 1647 года им назначен был для торговли только один пограничный город Путивль.

И новый устав, исполняя желание русских торговых людей, не пустил иностранцев во внутренние города. В 1669 году поселившийся в России иностранец Петр Марселис подал в Посольский приказ статьи, клонившиеся к изменению торгового устава; он представлял: 1) какой вред происходит оттого, что торговля у Архангельска бывает после 1 сентября; многие корабли за поздним временем подвергаются опасностям и погибают, да и русские суда, возвращаясь от Архангельска вверх по Двине, не успевают доходить до Вологды. 2) Пусть иноземцы платят пошлины ефимками, а не золотыми; надобно позволить иноземцам привозить золотые в Московское государство продавать их или в уплату отдавать, кому угодно: это заставит их привозить много золотых и ефимков. 3) Теперь для получения золотых и ефимков иноземцам сбавляется пошлина; но если позволить им покупать товары в Москве и в других городах, то я обнадеживаю, что соберется огромное количество ефимков и золотых, больше пошлинного сбора, потому что все те ефимки будут на денежном дворе переделаны и на всякий ефимок будет прибыли по 14 копеек. Позволение покупать товары в Москве и других городах надобно давать только тем иностранцам, которые станут привозить ефимки, а не золотые. 4) Прежде давали в Москве и на Архангельской ярмарке разным людям много мелких денег, чтоб в новый год на эти мелкие деньги ставили в казну ефимки, и этим средством много было

привозимо в Москву ефимков: если приказать иноземцам раздавать мелкие деньги для постановки ефимков, чтоб ставили по 16 алтын, то по-прежнему будет привозиться много ефимков.

По обычаю были призваны в Посольский приказ гости и другие торговые люди и прочтены им статьи Марселиса. Гости смекнули, что хитрый иноземец, которого они очень не жаловали, хочет опять ввести свою братью во внутренние города, прельщая правительство обильным привозом ефимков, и потому подали сказку: «Первую статью иноземцы нарушили: в прошлом году много их кораблей пришло в Архангельск после Семена дня (1 сентября); которые пришли и до этого времени, и те торговали до Семена дня малыми торгами, а большими торгами всегда они торгуют на последних днях нарочно, чтоб у русских взять товары дешево, а свои поставить дорого и чтоб в позднем и скором времени русским людям заморских плохих товаров высмотреть было некогда». На вторую статью: «Теперь золотых в Московском государстве еще не умножилось; а что Марселис написал, чтоб иноземцам привозить всюду золотые и ефимки, то этим он хочет с иноземцами у всех русских людей торгами завладеть. Ефимки и золотые у них будут проданы персиянам, армянам, кумыкам и татарам дорогою ценою и вывезены из Московского государства. А если русские люди в Москве и в городах и возьмут у иноземцев за свои товары небольшое число золотых и ефимков, то этих денег в розни в государеву казну не собрать. Иноземцы станут продавать иноземцам же золотые по 40 алтын, а ефимки по 20 алтын и на те деньги станут покупать русские товары дешевою ценою, вполовину против архангельской цены: продаст иноземец 4 золотых по 40 алтын, итого возьмет 4 рубля 26 алтын 4 деньги; на эти деньги купит поташу берковец, даст 5 рублей, а в Архангельске русские люди продают поташ по 9 и по 10 рублей, а на Москве станет приходить поташ иноземцам по 4 золотых берковец. Так и прочие всякие товары переведут у русских людей полуценою перед Архангельском»[81].

Торговый устав отменил множество мелких пошлин: подужное, мыты, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейные, мостовое, гостиное и другие — и положил их в рублевую пошлину.

В начале устава сочинитель его указал на пример иностранных государств, где торговля считается в числе важнейших государственных дел; в конце по образцу иностранных же государств он принимает меры против роскоши: «В порубежных городах головам и целовальникам у иноземцев расспрашивать и пересматривать в сундуках, ларцах и ящиках жемчугу и каменья неоплошно, чтоб узорочные вещи в утайке не были; от покупки таких вещей надобно беречься, как и в

других государствах берегут серебро, а излишние такие вещи покупать запрещают, не позволяют носить их простым не чиновным людям, чтобы оттого не беднели; также низких чинов люди чтоб не носили шелку и сукна. Надобно удерживать простых людей от покупки таких вещей накладною пошлиною большою и заповедью без пощады: берегут того во всех государствах и от напрасного убожества своих людей охраняют».

Постановив, что воевода архангельский не ведает гостя, который чинит расправу торговым людям, Ордин-Нащокин в конце устава предлагает важную меру, которая приготовляла меры Петра Великого для «собрания рассыпанной храмины», именно предлагает учреждение особого приказа для купцов: «Для многих волокит во всех приказах, купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему боярину; этот бы приказ был купецким людям во всех порубежных городах от иных государств обороною и во всех городах от воеводских налог был им защитою и управою. В том же одном приказе давать суд и управу, если купецкие люди будут бить челом на других чинов людей». Явился Приказ *купецких дел.*

Таким образом, городская жизнь, или лучше сказать, посадская жизнь, жизнь посадских людей перед эпохою преобразования представляет нам борьбу и с чужими, и с своими. Борьба с иностранными купцами кончилась торжеством русских; но важнее была борьба с своими. Борьба эта, как мы видели, проистекала из господствующего в первобытных, неразвитых обществах непосредственного отношения вооруженной части народонаселения к невооруженной, служащей к рабочей, причем первая кормится непосредственно на счет последней. Здесь признаком роста, возмужалости, служит то, что промышленная часть народонаселения хочет высвободиться от этой обязанности непосредственного кормления, обособиться, хочет добыть самоуправление. В Западной Европе это движение обозначилось образованием городских общин, их борьбою с владельцами, потом освобождением сельского народонаселения. Но для того и другого явления необходимо было сильное движение промышленное и торговое, обогащение, соперничество движимого, денег, с недвижимым, землю. В России в описываемое время видим застой в промышленности и торговле, бедность; в XVII веке видим условия, еще более неблагоприятные для увеличения народного богатства, чем прежде: города и торговые сотни не могут справиться после разгрома Смутного времени, а новые тяжелые войны не перестают истощать их. Из городов, и самых богатых, приходили вести, что денежных доходов не достает на покрытие издержек, на жалованье служащим людям военным и подьячим. Не давать денежного жало-

ванья, уменьшить его, пишут из Москвы, земли много, землю раздавать. В государстве, где вместо денежного жалованья раздают землю, где земли больше, чем денег, в таком государстве не думают об освобождении крестьян, напротив, думают об их закреплении, ибо, давши землю, надобно и дать постоянного работника, иначе жалованье не в жалованье. Одно явление объясняет другое; в то время когда закрепляются крестьяне в селе, в то время нечего ждать много от города, потому что в селе прикрепляют крестьянина по бедности города. В городе посадские также прикреплены, не смеют уйти под смертною казнью, должны сидеть, работать и платить ратным людям на жалованье, кормить воеводу. Их интересы постоянно в столкновении с интересами вооруженной части народонаселения. Они бьют челом на закладчиков, на крестьян, которые промышляют наравне с ними, но не помогают им в несении тягостей; но, восставая против закладчиков и крестьян, требуя возвращения своей братьи, ушедших в села, они восстают против интересов тех людей, за которых заложились закладчики, которым принадлежат крестьяне, к которым ушли их братья, посадские люди, отбывая от тягостей; известно, чьи интересы были затронуты, когда велено было слободы и села в городах, принадлежавшие частным людям, завести за государя, написав жителей их в тягло; известно, как мстили посадским людям за это. Понятно, что при таких отношениях, при таком столкновении интересов первым шагом вперед было выделение посадских людей, чтоб они судились и управлялись сами собою, нужно было изъять их из-под власти и суда воевод, нужно было развести их с служилыми людьми, ибо при таком столкновении интересов, при таком утвержденном веками господствующем взгляде, когда служилые люди смотрели на промышленных людей как на прирожденных своих работников, обязанных кормить их своим трудом, при таких отношениях и взглядах нечего было думать о союзе, об общей деятельности. Когда два человека враждебно сцепились друг с другом, то прежде всего нужно их развести, а потом уже, когда с постепенною переменою отношений вражда утихнет, настает время думать о примирении, союзе, общей деятельности. Выборы не могли тут помочь, если посадские люди должны были выбирать правителя городу из служилых людей. Таким образом, выделение промышленных людей, высвобождение их из-под влияния служилых людей, совершенное в эпоху преобразования, было делом естественным и необходимым. Но мы видим, что первая попытка принадлежит времени до преобразования, принадлежит предтече преобразователя, ибо как скоро русские люди с головою Ордина-Нащокина стали взглядывать на Запад, так сейчас же увидали, откуда там то, чего недоставало в России, именно

богатство, увидали, что оно происходит от сильно развитой торговой и промышленной деятельности, от развития города, и Ордин-Нащокин провозглашает, что торговля есть одно из важнейших государственных дел. В эпоху преобразования мысль эта была вполне усвоена правительством и лучшими людьми, и потому является ряд мер для поднятия торговли и промышленности, и прежде всего торговые и промышленные люди выделяются, рассыпанная храмина собирается.

Состояние города служит нам поверкою состояния сел, и наоборот: если город беден — знак, что село находится в очень неудовлетворительном положении; если земледельческое народонаселение прикрепляется к земле — знак, что город беден. Прикрепление крестьян было результатом древней русской истории: в нем самым осязательным, самым страшным образом высказалось банкротство бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностям своего государственного положения. Такое банкротство в историческом, живом, молодом народе необходимо условливало поворот народной жизни, искание выхода из отчаянного положения, стремление избавиться от гибельной односторонности, в страну сел внести город и этим улучшить экономическое состояние страны. Этот поворот и знаменуется преобразовательною деятельностию, с этого поворота и начинается новая русская история. При несостоятельности собственных средств нужно было сделать заем, и заем был сделан. Как ни велик, как ни тяжел был он для народа, но необходимость и благодетельность его очевидны. Если прикрепление крестьян было естественным результатом древней русской истории, то освобождение их было результатом полуторавекового хода нашей истории по новому пути. Спор между древнею и новою Россиею кончен, поверка налицо.

Прикрепление крестьян с его следствиями было самым крупным, основным явлением в жизни села в описываемое время. Относительно частностей быта село представляет нам всюду три разряда своих обитателей: крестьянина, бобыля и захребетника, отличающихся друг от друга величиною своих хозяйственных средств. Условия быта, разумеется, могли изменяться вследствие разных отношений, смотря по тому, какое было село — черное, дворцовое, монастырское, принадлежавшее богатому вотчиннику или мелкому помещику. Мы видели отношения черных крестьян к городу, в уезде которого они жили, связь их с посадскими людьми, с которыми вместе они поднимали тяжести рабочего, тяглого народонаселения. Но если между самими посадскими людьми, богатыми и бедными, была рознь, бедные жаловались в Москву на притеснения от богатых, то нечему удивляться, что такая же рознь вставала между посадскими людьми и уездными крестьянами и принуждала последних порывать

связь с посадскими людьми, выделяться в особый мир. В конце царствования Алексея Михайловича устюжские уездные крестьяне начали жаловаться на посадских людей: «Собираются в посадскую земскую избу посадские люди для своих посадских советов часто, да они же собирают с Устюга с посаду всякие четвертные доходы и на ямские отпуски деньги, да они же выбирают в земские старосты меж себя посадских людей, и они, посадские земские старосты, о уездных крестьянах ни в чем не пекутся и ни о каких всеуездных делах не радеют, а уездным крестьянам в ту посадскую избу для волостных советов собираться нельзя, да устюжские старосты и не пускают, и в том волостным крестьянам чинятся великие волокиты и убытки и бессоветица, а в том бессоветии всякая неисправа, и крестьяне у посадских людей во всем порабощены, и гордостию своею посадские земские старосты нас крестьян теснят и вменяют себе вместо рабов своих и мочью своею и великими пожитками у нашей братьи, у скудных крестьян, покупили себе лучшие деревни в уезде и начали быть во многих волостях владельцами. А как стали владеть деревнями, и они всякими притеснениями подати с себя сметали на нас, худых крестьянишек, и мы от их изгони оскудели и обнищали и последние деревнишки им изакладывали на малые сроки, а в закладные писали от скудости двойные и тройные цены, и они такими большими закладными с приписными деньгами, деревнями нашими завладели и многих крестьянишек у себя в *полове* (половниках) удержали, а иных и в полове у себя не держат, и они от таких их налог врознь разбрелись безвестно. Да устюжские посадские старосты выбирали для солдатского выбора своих посадских людей, а уездных людей не выбирали, чтоб с их деревень в солдаты никого не выбирать, а брать с крестьян только, и крестьяне врознь разбрелись».

В 1675 году собрались в Устюге из уезда всех волостей выборные люди и написали челобитную, чтоб быть всеуездной земской избе и всеуездному земскому старосте особо от посадских людей. Государь согласился, и крестьяне вывели своих выборных или волостных третчиков с приходными и расходными книгами и с деньгами из старинной земской избы в становую волостную избу. Но столкновения этим не прекратились: мы видели, что посадские люди владели крестьянскими деревнями в уезде, и крестьяне послали новое челобитье, что посадские по своим деревням волостных и солдатских служб не служат и хотят деревнями своими отписаться от крестьян, о чем уже и послали челобитную. В Москве не умели распутать этого дела и по обычаю велели подать о нем сказки на месте по сословиям. Духовенство объявило: «Воевода Матвей Нарышкин Устюжский уезд расписал по челобитью прежнего головы таможенного и кружечного дворов

Григорья Мыльникова и советников его волостных крестьян Петрушки Хомякова с товарищами, которые в то время собраны были на Устюге на посад по его, Григорьеву, челобитью будто для ямского совета и отпусков. Изветов волостных крестьян на посадских людей мы не слыхали, и впредь нам с посадскими людьми земская изба старинная по-прежнему одна надобна, потому что в новоучиненной волостной избе начали они, волостные крестьяне, разрубать и сбирать многие лишние деньги будто на всеземские расходы, а на какие — нам про то неведомо, брано сверх 2 рублев еще в прибавку по 7 рублев на малую сошку, а теперь у них же в волостной избе их староста разрубил и берет по 5 рублев на сошку преж государевых доходов и тем нас и посадских людей убытчат, а книг расходных не кажут и отчету в таких великих деньгах не дают». Новый всеуездный земский староста Копылов с товарищами, волостными выборными людьми, объявил, что отделение крестьян от посадских произошло вследствие притеснения от посадских. Крестьяне подали сказку, что, пожалуй, пусть будет одна земская изба по-прежнему, только бы быть всеуездному волостному выборному старосте, с устюжскими земскими старостами у *всеземской коробки* вместе для того, чтоб устюжские земские старосты всеуездных сборных денег на свою посадскую издержку не держали [82].

Кроме общих дел с посадскими людьми у крестьян уездных были еще свои мирские дела, свои интересы, они выбирали старост, выберут и напишут: «Выбрали меж себя человека доброго: быти ему за нашим выбором от крестьян в старостах, всякие сделья и поделки делать, нанимая на наши мирские сборные деньги. А воровством ему никаким не воровать, а станет воровать, и на нас на всех пеня великого государя». Выбирали мирских посыльщиков, должность тяжелая, потому что они должны были становиться лицом к лицу с взыскательною властию, с воеводою и подьячим, которых нужно было покормить прежде всякого дела; выбирали земского пристава, причем писали: «Все крестьяне выбрали земского пристава такого-то; весть ему держать в нашей волости для государева дела и денежных сборов; впервые весть ему сказать по всей волости без хоженого (без платы за ходьбу), в другой раз ему весть подержать для ради *огурников* (ослушников) и ему брать хоженого на них по 2 деньги; на извет ему ходить, кто позовет на землю, и на то хоженого по 2 деньги; быть ему у земского судьи для государевых дел, на суду перед судьею поручать, кто на кого побьет челом государю перед судьей, а с суда перепоручивать; с тяглых крестьян брать ему по деньге, а с бобылей и безземельных хоженого по копейке; руга ему с крестьян по изможенью, ржи и овса кто сколько даст» [83]. Выбирали свя-

щенника; выберут и напишут: «Мы, крестьяне, выбрали и излюбили отца своего духовного такого-то к себе в приход. И как его бог благоволит и св. владыка его в попы посвятит, и будучи ему у нас в приходе, служить и к церкви божией быть подвижну, к болям (больным) и роженицам с причастием и с молитвами быть подвижну и со всякими потребами. А он человек добрый, не бражник, ни пропойца, ни за каким хмельным питьем не ходит, человек он добрый; в том мы старосты и мирские люди ему и выбор дали» [84]. Все это надобно было писать, но кто же писал? И для этого выберут и напишут: «Быть такому-то церковным дьячком, к церкви быть подвижну, у начальников послушну и покорну, и у наших всяких мирских дел у письма быть всегда готову, а руга ему с нас сбирать луковая рожь, по полуосмирице с лука петровское и осеннее». Были волости, еще со времен Грозного получившие грамоты на выборы своих земских судей и земских целовальников. При этих выборах крестьяне давали такие записи: «Выбрали мы и полюбили к государеву делу в выборные земские судьи такого-то, выбрали и полюбили в выборные земские целовальники к нему, судье, такого-то, да в земские соцкие к нему, судье, такого-то, с такого-то срока до такого-то. Судить ему, судье, нас, крестьян, по челобитиям, и по кабалам, и по духовным, по всяким письменным крепостям, про татинные, разбойные и душегубные дела сыскивать. А целовальнику и соцкому у земских у всяких дел и у поимки воров, татей и разбойников и душегубцев с выборным судьею у расспроса и поимки быть за один человек; а нам, крестьянам, с ним, судьею, за всяким воровскими людьми ходить в погоню и ловить вместе. Ему, судье, судить и указ чинить безволокитно, посулов и поминков не брать, другу не дружить, недругу не мстить» [85].

Все эти выборы, на которые у нас теперь готовы смотреть как на признак крепости общественного союза, как на признак сильного развития общественной деятельности, общественного духа, как на важные права, на деле не давали крестьянам возможности усилить свои промыслы, увеличить результаты своего труда и чрез то без тягости удовлетворять требованиям казны; права эти не спасали крестьянина от воеводы, подьячего, от посадских людей и своего брата крестьянина, пропившегося и занявшегося легким промыслом разбойника. Тяжкая подать, воевода, подьячий, земский староста, разбойник выживали крестьянина, заставляли его уходить дальше за Камень, в Сибирь. В Москву пришла весть, что Устюжский уезд пустеет, и, когда приехали оттуда мирские челобитчики, их стали расспрашивать, отчего у них крестьяне бегут? «Крестьяне бегут, — был ответ, — от больших податей, от воеводских налогов и посулов и от солдатских *выборов* (наборов), потому что сверх всяких податей

воеводы князь Гаврила Мышецкий и Яков Змеев брали с нас с 240 сошек деньгами на год с лишком по 2 рубли, да хлеба по осмине ржи, да по осмине овса; у Якова Змеева было два племянника, которым с сошки давали по 2 гривны, да дворецким их по гривне с сошки; да платили мы в земскую избу с сошки по три рубли, а в иные годы по три рубли с полтиною на воеводские кормы, пива́ и поносы, а брали воеводы свои сошные деньги и хлебы, и кормы прежде государевых доходов. Те же воеводы с денежных доходов, которые, собирая с нас, посылают в Москву, с 30 000 рублей, с отписей (росписок), которые нам в тех деньгах давали, брали от печати по две деньги с рубля да с сибирского запаса с 2270 четвертей от всякой проезжей памяти по гривне с четверти; да сверх того с тех же сошек носили мы воеводам на праздники, на Велик день и на Рождество Христово и на Петров день столовые запасы. Князь Гаврила Мышецкий прислан был к нам для выбору и высылки солдат, и он наемных солдат, которые нанимались служить вечно и брали у крестьян наймы большие, а по себе давали поручные записи, в солдаты не принимал, а писал в солдаты тех, которые нанимали в службу, самих хозяев, и поручные записи у многих поотнимал и для своей корысти отдавал тем их наемщикам, и те наемщики у хозяев завладели многими деньгами, а те хозяева оттого вконец разорились и дворы у многих запустели. Яков Змеев устюжских стрельцов и приставов, которые у него подкупятся, присылал для правежу к нам в волости, и те стрельцы и приставы из-за смертного правежу вымучили себе с целовальников и с денежных сборщиков 1732 рубля; да и князь Мышецкий таких же подкупщиков, которые с ним делились, присылал. Змеев ездил в Черевковскую волость, больше 100 верст, с собаками, с ним было всяких людей больше 50 человек, брал под себя, под людей и под собак водяным путем суда, горним (сухим) подводы, едучи, в волостях брал поминки большие, обедал и всякими харчами проторил. На все это исходит у нас, устюжан, посадских и уездных людей на год тысяч по пяти и больше». Но не от одних воевод, подьячих и казенных взысков брели розно мирские люди и пустел уезд; не одних воевод и подьячих должны были кормить мирские люди, не от одних праветчиков откупаться: они должны были кормить, откупаться от своей братьи мирских людей, которым нравилось легкое разбойничье ремесло: малая населенность, темные леса, непривычка у самих мирских людей к общему делу, к общей защите и отсутствие хорошо устроенной полиции делали разбойничье ремесло легким, безопасным. Те же устюжские мирские челобитчики показывали: «По волостям построено много кружечных дворов, здесь многие крестьяне пропиваются и, собравшись человек по 20 и больше, приходят в

летнее время разбоем, многих крестьян мучат, огнем жгут и вымучивают рублей по сту; крестьяне, заложив свои животишки и деревнишки, от разбойников откупались и бредут врознь». Призовут на защиту вооруженную силу правительственную — новое разоренье: «За разбойниками посылают посылки подьячих и стрельцов, а подьячие берут с нас за подводы по рублю, а стрельцы по полтине, да в провожатые берут крестьян человек по тридцати в деловую пору» [86]. В 1670 году ехало мимо Верхотурья с Тотьмы, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгородка тяглых людей с женами и детьми 2051 человек. Правительство велело поставить заставы крепкие [87]. Правительство охотно смотрело на заселения пустынных стран около Камня и в Сибири, на образование крестьянских слобод, но требовало, чтоб в крестьяне на пашню призывали и прибирали из вольных гулящих, а не из тяглых людей, из крестьянских детей от семей, бобылей и захребетников. Ссыльные преступники в Сибири сажались также на пашню, и, что́ было очень тяжело старым пашенным крестьянам, правительство приказывало им выдавать дочерей своих и племянниц за холостых ссыльных, чтоб тем их от бегу унять и укрепить [88].

На севере и северо-востоке черные крестьяне бежали за Камень; на юге помещичьи крестьяне бежали за рубеж Великой России и шла здесь своего рода усобица. Вот какую челобитную получил царь в 1672 году: «Бьют челом холопи твои, заоцкие помещики и вотчинники: люди наши и крестьяне, заворовав, многие побив помещиков своих, а иные пожегши, бегают от нас за рубеж в малороссийские города и живут за епископами и за козаками в городах и на посадах, в селах и деревнях; мы с твоим указом, с грамотами и отпусками от воевод к ним в малороссийские города для тех своих беглых людей и крестьян ездим, и они, епископы, старшина и козаки, беглых людей и крестьян нам не выдают, нас бьют и грабят, многих побивают до смерти, иных в воду сажают; и те воры, беглые люди наши и крестьяне, надеясь на них, что они их нам не выдают, приходят к нам в села наши и деревни вьявь, нас до конца разоряют, последних людей и крестьян наших подговаривают, лошадей и всякую животину крадут, дворы и гумна с хлебом жгут, нас многих побивают до смерти и иных, заперши в хоромах, пожигают с женами и детьми. В Новгород-Северском и Черниговском уездах за епископом Лазарем поселилось беглых драгун и наших беглых людей и крестьян и иных прихожих людей больше 5000, а выдачи никому нет, хотя с виселицы придет». Разумеется, вообще крестьянам легче было у богатых вотчинников, чем у мелких помещиков; но бо́гатые вотчинники жили постоянно в Москве, в деревнях были управляющие, от жестокости которых крестьяне также бежали к козакам.

Вот наивное письмо Богдана Хитрова к князю Вас. Вас. Голицыну: «Жаловал ты ко мне писал, что из курской моей деревни побежало шесть семей крестьян; пожалуй, изволь приказать проведать, не от жесточи ли человека моего Савки Танчеева; а он у меня в епифанской моей деревнишке жесточью своею многих разогнал; а то ведаю, что не пьянством и не для корысти, разве безмерною жесточью». Управляющий жесточью разогнал крестьян в епифанской деревнишке, так надобно было его послать в курскую! Зато не пьяница и не вор. Лучше всего могло быть крестьянам в монастырских имениях; но и тут бывали сильные причины к неудовольствиям: в 1678 году крестьяне Толвуйской волости взбунтовались, не желая быть за Вяжицким монастырем, заводчики мятежа были жестоко наказаны [89].

Сознание экономической несостоятельности, ведшее необходимо к повороту в истории, было тесно соединено с сознанием нравственной несостоятельности. Русский народ не мог оставаться в китайском созерцании собственных совершенств, в китайской уверенности, что он выше всех народов на свете уже по самому географическому положению своей страны: океаны не отделяли его от западных европейских народов. Побуждаемый силою обстоятельств, он должен был сначала уходить с запада на восток; но как скоро успел здесь усилиться, заложить государство, так должен был необходимо столкнуться с западными соседями, и столкновение это было очень поучительно. В то самое время, в то самое царствование, когда Восток, восточные соседи русского народа оказались совершенно бессильными пред Москвою, когда покорены были три татарских царства и пошли русские люди беспрепятственно по северной Азии вплоть до Восточного океана, в то самое царствование на западе страшные неудачи, на западе борьба оканчивается тем, что Россия должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что, во сколько восточные соседи слабее России, во столько западные сильнее. Это убеждение, подрывая китайский взгляд на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало в живом народе стремление сблизиться с теми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать от них то, чем они явились сильнее; сильнее западные народы оказывались своим знанием, искусством, и потому надобно было у них выучиться. Отсюда с царствования Иоанна IV, именно с того царствования, когда над Востоком было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обратив свое оружие на Запад, потерпел страшные неудачи, с этого самого царствования мысль о необходимости сближения с Западом, о необходимости добыть моря и учиться у поморских народов становится господствующею мыслию правительства и

лучших русских людей. Как нарочно, новые беды, новые поражения со стороны Запада, несчастный исход борьбы с Польшею и Швециею после Смутного времени еще более укрепили эту мысль. Поворот или переворот стал необходимостью. Но дело не могло обойтись без борьбы. У кого учиться? У чужих, у иноземцев, а главное у иноверцев? Пустить чужих, иноземцев, иноверных к себе и дать им высокое значение учителей, так явственно признать их превосходство, так явственно подчиниться им? Что́ скажут люди, имеющие в своих руках исключительное учительство? Когда Годунов предложил вопрос о необходимости вызвать из-за границы новых учителей, то старые учителя, духовенство, отвечало, что нельзя, опасно для веры; лучше послать за границу русских молодых людей, чтоб там выучились и возвратились учить своих. Но известна судьба этих русских людей, отправленных при Годунове за границу: ни один из них не возвратился. Продолжительный застой, отсталость не могли дать русскому человеку силы, способности спокойно и твердо встретиться с цивилизациею и овладеть ею; застой, отсталость условливали духовную слабость, которая обнаруживалась в двух видах: или человек с страшным упорством отвращал взоры от чужого, нового, именно потому, что не имел силы, мужества взглянуть на него прямо, померяться с ним, трепетал в суеверном страхе, как ребенок, которого ни лакомства, ни розги не заставят пойти к новой няньке, или когда преодолевал страх, то вполне подчинялся чужому, новому, не мог устоять пред чарами волшебницы-цивилизации; второе явление поверяло первое. После несчастной попытки Годунова новой уже не делали; а между тем потребность учиться чувствовалась все сильнее и сильнее. Представилось средство удовлетворить этой потребности без страха пред иноверством. Подле Великой России была Малая и обе силою известных обстоятельств влеклись к соединению в одно политическое тело; Малая Россия благодаря борьбе с латинством раньше почувствовала потребность просвещения и владела уже средствами школьного образования. Стало быть, великороссиянину можно было учиться безопасно у малороссиянина, который приходил в рясе православного монаха; можно было также учиться безопасно у грека православного. Отсюда в XVII веке, пред эпохою преобразования, мы встречаем непродолжительное время, когда за наукою обращаются к малороссиянам или вообще западнорусским ученым и к грекам.

Но и это примиряющее средство не вполне могло помочь делу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы из православной Греции, из православной Малороссии, необходимо сталкивались с старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела к чрезвычайно важным последствиям. Молодой

великороссиянин, поучившийся у малороссийского монаха по-латыни и по-гречески, стал ученее своего старого учителя, своего отца духовного, говорит, что и то не так, и другое не так, и что отец духовный многое неправильно толкует. Легко понять, как должны были смотреть на это отцы духовные. Светопреставление! Яйца курицу учат! Чего ждать доброго после этого? Ясное дело, что киевские монахи вместе с латынью учат разным ересям. Но мало того, что русские люди учатся бог знает чему в Москве у малороссийских монахов, хотят еще ехать в Киев, там учиться, в самом гнезде этой латыни: хороши оттуда воротятся! Так толковали в Москве в начале царствования Алексея Михайловича. Раскол был уже тут, народился, народился из неминуемого столкновения старых учителей с новыми. Понадобилось исправить книги церковные для печати; поручили дело самым разумным, знающим из старых учителей, самым видным протопопам: книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческие и малороссийские монахи, говорят, что дело сделано не так, что вместо исправления книги испорчены, и патриарх поручает снова исправлять книги новым учителям. Каково же старым? До сих пор они имели авторитет неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невеждами, опозорены на весь мир, и кем? Пришлыми киевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи что́ знают, чему учат! сами-то православны ли! Народившийся уже прежде раскол вырос. Легко понять впечатление, произведенное на многих объявлением старых учителей, не потерявших своего авторитета, что новые учителя, греческие и киевские монахи, принесли новизны, ереси латинские: западные русские люди давно уже связались с латинянами, да и греки отступили от православной веры и книги свои печатают в латинских типографиях. Большинство удержалось при авторитете церковного и гражданского правительства, принявшего сторону новых учителей; но известная часть народонаселения объявила себя на стороне старых учителей, вследствие чего должна была отвергнуть авторитет церковного, а вместе с тем и гражданского правительства, «раскольщики, церковные мятежники» явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, в их глазах, гнала правую веру, власти антихристовой. То, что́ по известному закону бывает всегда и везде следствием внезапного освобождения от какого бы то ни было авторитета, произошло теперь и в России в области раскола. Отвергнувши раз авторитет церковного правительства, единое для всех обязательное учение и правило, раскол, не имея возможности составить из себя церкви с единым правительством, должен был распрыснуться на множество толков по множеству толковников, не сдерживаемых в своих толкованиях никакою властию, никаким авторитетом. После

того как раз известный авторитет, власть, отвергнуты, является сильное стремление высвободиться от всякого авторитета, от всякой власти, от всяких общественных и нравственных уз. Гуситское освобождение в Чехии от авторитета римской церкви быстро повело к таборитству, к коммунизму; лютерово освобождение в Германии от авторитета той же церкви повело к такому же явлению в анабаптизме. Подобное же стремление к крайностям свободы явилось и у нас в некоторых раскольничьих толках.

Здесь, разумеется, может родиться вопрос: зачем было доводить раскольников до этих крайностей? Зачем было преследовать их за различие в обрядах, за буквы, за вещи несущественные? Отчего было не позволить им употреблять старые книги, оставаться при старых обрядах? Подобные вопросы, обличающие неуменье отрешиться от настоящего времени и привычку переносить его требования в века минувшие, сильно вредят изучению истории, правильному пониманию прошедшего, а следовательно, и настоящего, связи между ними. Во-первых, если православный говорил раскольнику, что может креститься, как хочет, то раскольник от этого не переставал называть православного слугою антихристовым за трехперстное сложение. Во-вторых, одно явление поверяется другим. Если в XVII веке явились люди, которые, смешивая существенное с несущественным, готовы были умереть за двуперстный крест и т. п., то какое право получаем мы предполагать, что другие, употреблявшие трехперстное сложение, все вдруг поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное от несущественного и снисходительно смотреть на заблуждения меньшей братии? Люди, которых авторитету они подчинялись, сказали им, что трехперстное сложение правильнее, они приняли это более правильное употребление и этим порознились от людей, оставшихся при двуперстном сложении; но во взгляде на важность дела они нисколько не рознились; как последователи двуперстного сложения были убеждены, что это необходимое условие для спасения и считали крестившихся тремя пальцами врагами божиими, слугами антихристовыми, с которыми нельзя иметь никакого сношения, точно так же должны были смотреть на них и противники их, ибо вовсе не было условий, по которым бы они могли смотреть иначе. Церковный мятежник! Мятежник против самого бога! Что могло быть хуже этого? Какое снисхождение можно было оказать такому человеку? Люди, которые преследовали раскольников за двуперстное сложение, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило искажать в себе образ божий и уподобляться псам или котам — ясный знак, что взгляд был везде один и тот же, вследствие чего могла быть только ожесточенная борьба без уступок и сделок. Перемена взгляда,

уменье отличать существенное от несущественного могло явиться при влиянии новых условий не ранее как с лишком через столетие, тут только явилась и возможность снисхождения, возможность уступок и сделок. Архиерей вроде московского митрополита Платона мог явиться только во второй половине XVIII. а не во второй половине XVII века, когда происходило, например, следующее: в 1655 году прислали белорусов в Вологду, и священники обратились к архиерею с вопросом, пускать ли их в церковь и ходить ли к ним с требами? Архиерей к патриарху, и тот отвечал: «Если кто не истинно крещен, обливан, тех крестить снова, а умерших погребать» [90].

Столкновение между старыми и новыми учителями повело к расколу, к церковному мятежу. С этим мятежом против своей власти и учения духовенство не могло так скоро сладить, как, например, светское правительство сладило с мятежом Стеньки Разина. Церковный мятеж сделался постоянным, духовенство приобрело постоянных внутренних злых врагов, которые нисколько его не щадили в своих жалобах и обличениях. Но обличения слышались не от одних раскольников. Общество, видимо, тронулось; началось колебание, тряска, которые не позволяли пребывать в покое. Тяжелое чувство собственных недостатков, сознание, что отстали, что у других лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться, не покидали лучших русских людей, отсюда стремление прислушиваться к чужим речам, обращать внимание на указания с разных сторон, что и то и другое не так. Такое время обыкновенно бывает богато обличениями, богато распоряжениями, хлопотами о прекращении сознанного, обличенного зла, о прекращении внешними средствами и потому бьющими обыкновенно мимо. Вопиющее, кидавшееся в глаза и чужим, и своим зло было страшное пьянство. Иностранцы повторяли: «Нет страны в мире, где бы пьянство было таким общим пороком, как в Московии. Все, какого бы звания, пола и возраста ни были, духовные и светские, мущины и женщины, молодые и старые, пьют водку во всякий час, прежде, после и во время обеда» [91]. Архиерей пишет окружное послание духовенству своей епархии: «Учили бы вы людей божиих каждый день с прилежанием. А как случится вам читать поучение от божественного писания, тогда б один читал, а другой за ним толковал, а хорошо, если б кто и читал и толковал сам, чтоб простым людям было что́ принять от вас. Видим, что в простых людях, особенно же и духовных чинах, укоренилась злоба сатанинская безмерного хмельного упивания, а такое сатанинское ухищрение многих людей отлучает от бога» [92]. Легко было написать: читайте и толкуйте, когда было тяжело, не было уменья к этому делу, да и нигде не водилось. Давно уже, в продолжение веков, повторялось о хмельном упивании

как о сатанинском ухищрении, и все понапрасну. В обществах, подобных русскому XVII века, в обществах, слабых внутренно, всего крепче вера во внешнюю силу. Правительство распоряжается всем, может все сделать. Игумен бьет челом великому государю, что без царского указа ему нельзя справиться с братиею: «От пьянства бывает многая вражда и мятежи; иные священники, клирошане и простая братия в том обычае закоснели, и от такого нестроения игуменам бывают перемены частые; без игуменов в монастыре проходило многое время и привыкли жить по своей воле» [93]. Царь шлет грамоты, чтоб в монастырях не держали хмельного питья, потому что усиление пьянства грозило иноческому чину совершенным разрушением [94]. Но через несколько лет опять шлются царские грамоты по монастырям с новыми обличениями, следовательно, с признанием, что прежние указы остались без действия: «В московских, в ближних и дальних, степенных и нестепенных монастырях архимандриты, игумены, келари и строители, казначеи и священники, и братья на монастырских погребах и по кельям у себя держат хмельное питье, вино, пиво и мед, и от того хмельного питья церкви божии бывают без пения. Архимандриты, игумены, келари, казначеи и соборные старцы во всех монастырях держат у себя детей, братью и племянников и внучат и дают им монастырский хлеб и всякий запас и из монастырской казны деньги; да они ж власти отпускают монастырских слуг в монастырские вотчины на жалованье, и как эти слуги с жалованья в монастырь приезжают, и с них берут власти, и дети их и племянники и внучата посулы и поминки, деньгами, вином и медом, куницами и всякими гостинцами; а кто их не почтит, тем, приметываясь для мзды, чинят побои и изгони большие; также и с монастырских вотчинных крестьян, от дел и не от дел, посулы и поминки берут. Да власти же ездят к мирским людям в дома на пиры и бражничают, и за то ссужают их монастырским хлебом и денежною казною» [95]. Прошло двадцать лет, и новгородский митрополит в своей грамоте повторяет: «Игумены, черные и белые попы и дьяконы хмельным питьем до пьянства упиваются, о церкви божией и о детях своих духовных не радеют, и всякое бесчиние во всяких людях чинится: сделать заказ крепкий, чтоб игумены, черные и белые попы и дьяконы и старцы и черницы на кабак пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не валялись бы» [96].

Церковные соборы также не щадили обличительных резких слов. Собор 1667 года постановляет, чтоб священники учили детей своих и приготовляли их таким образом на свои места, а не оставляли детей своих наследниками мамоне, не торговали христовою церковию, не допускали ставить в священство сельских невежд, из которых иные и скота пасти

не умеют, не только людей: отсюда в церкви божией мятежи и расколы [97].

В обличениях не было недостатка в XVII веке. Явление естественное и необходимое в переходное время. Негодование и сильные выражения насчет пьянства, невежества пошли в ход. Но кто обличал? Очень незначительное меньшинство, или, что́ еще важнее, обличали иностранцы, пришельцы, и русские обличали под их влиянием, по их указаниям. Обличения не помогают, не исправляют, когда нет внутренней, давней подготовки к исправлению, когда нет условий, благоприятствующих этому исправлению; обличение может только заставить искать этих условий, и если общество юно и крепко, умеет жить, то эти условия и начнут производить свое действие, приготовлять общество к исправлению; но сколько для этого нужно времени? А между тем обличения, явившиеся вдруг, извне, без внутреннего приготовления, могут вести к печальным явлениям. Известно, что до указаний, сделанных во второй половине XVII века греческими и западнорусскими духовными лицами, правила, установленные Стоглавом, имели для всех авторитет непререкаемый. Но вдруг собор 1666 года постановляет: «Писано нерассудно, простотою и невежеством в книге Стоглаве, и клятва без рассуждения и неправедно положена: мы, православные патриархи и весь освященный собор, ту неправедную и безрассудную клятву разрешаем и разрушаем, и тот собор не в собор и клятву не в клятву и ни во что вменяем, как бы ее вовсе и не было, потому что Макарий митрополит и бывшие с ним мудрствовали невежеством своим безрассудно, восхотели сами собой, не согласясь с греческими и с древними харатейными словенскими книгами, со вселенскими св. патриархами не посоветовались и не спросили их» [98]. Действие было сильное, ошеломляющее. Невежи постановили, и целое общество опять по невежеству последовало безрассудным постановлениям. Тут, с одной стороны, сильный упор вследствие оскорбления разных чувств: «Все мы были невежды, отцы наши были невежды!» Сильное оскорбление вызывает вопрос: так ли? И заставляет решать его отрицательно. С другой стороны, и те, которые подчинились авторитету обличителей, признали свое невежество и невежество отцов своих, чрез это признание не получили вдруг средств освободиться от своего невежества и, кроме указанного греческими патриархами, на другие постановления того же Стоглава продолжали смотреть по-прежнему, продолжали смотреть на несущественное как на существенное, продолжали освящать то, что́ вовсе не требовало освящения; преследуя одних за двуперстное сложение, преследовали других за брадобритие, за подстригание волос, за такие «еллинские, блуднические, гнусные обычаи» [99] отлучали от церкви, отлучали и тех, которые имели общение с брадобрийцами.

Мы видели, что в 1655 году патриарх Никон отвечал вологодскому духовенству на вопрос о православных белоруссах, что если они *обливаны,* то надобно их крестить снова. В одиннадцать лет взгляд не мог перемениться; но вопрос поднялся извне: на соборе 1667 года два патриарха, александрийский и антиохийский, решили, что и латин перекрещивать не следует. Им представили на вид противоположное решение собора при патриархе Филарете 1621 года; патриархи не могли отозваться о царском деде, как отозвались о митрополите Макарии, и оговорились: «Если кто станет негодовать, зачем уничтожено постановление собора, бывшего при св. патриархе Филарете, то пусть не соблазняется и ведает, что и в древние времена один собор исправлял решения другого» [100].

Но для некоторых соблазн был страшный: в короткое время разрушены были постановления прежних соборов, и один из них, древнейший, обвинен в невежестве и неразумии. Авторитету нанесен был сильный удар, почва заколебалась под ногами: думая удержаться от падения, одни обеими руками схватились за старое, за старые авторитеты; другие, допустивши движение, остановились на опасной полудороге, между двух огней, соединивши православие с бородою и длинными волосами. Правительство гражданское, думая ратовать за древнее благочестие, подало им руку. Патриарх Иоаким говорил впоследствии, что гнусный обычай брадобрития во дни царя Алексея Михайловича был всесовершенно искоренен. Действительно, мы знаем, например, что князь Кольцов-Мосальский написан был из стряпчих по жилецкому списку за то, что у себя волосы подрезал [101]. Но эти внешние средства могли ли помочь в то время, когда новые учителя, новые авторитеты, требующие признания и подчинения, являлись не в виде только православных греческих и западнорусских монахов? Нудящие потребности государства были в таких науках, искусствах и ремеслах, которым не могли научить монахи. Волею-неволею нужно было обратиться к иноземным и иноверным учителям, которые и нахлынули и, разумеется, с требованиями признания своего превосходства. Превосходство было признано; важные лица наверху постоянно толковали, что в чужих землях не так делается, как у нас, и лучше нашего. Но как скоро превосходство иностранца было признано, как скоро явилось ученическое отношение русского человека к иностранцу, то необходимо начиналось подражание, а подражание это, по естественному ходу дел, начиналось с внешнего. Русский человек брил бороду, подстригал волосы, за это его писали из стряпчих по жилецкому списку. Он преклонялся пред силою, но действие силы не могло уже получить оправдания в его глазах и потому сильно раздражало. Он хорошо знал, вследствие подчинения чьему авторитету правительство гражданское писало его из стряпчих в жильцы; но

разве этот авторитет не был поколеблен? Разве обличения не произвели своего действия, не осветили того, что́ прежде в темноте было не видно? А тут целая толпа новых обличителей, разумеется, с сильно пущенным в ход словом *невежество,* с могущественными побуждениями к обличению, потому что столкновение между старыми и новыми учителями последовало, взаимная ненависть разгорелась: не молчал иностранец пред человеком, который не признавал в нем образа и подобия божия, который внушал, что надобно выжить вредного пришельца. И пришлец позволял себе не одни обличения и насмешки. До нас дошла любопытная челобитная коломничей на майора Цея с товарищами, которые «чинили им обиды и налоги великие, в торгах всякий товар грабили, людей по улицам били и грабили. Ночью, после барабанного боя, с солдатами по улицам ходили, попов хватали, били и увечили, отводили к майору на двор, запирали в подклеть и мучили для своей бездельной корысти; посадским людям в воскресенье в церковь ходить нельзя было» [102].

При таком трудном положении русского духовенства во второй половине XVII века, в эпоху народного поворота, на новый исторический путь, вместо поддержки с разных сторон — удары. Так, сильный удар нанесло ему Никоново дело. По-видимому, перед началом трудного времени история хотела дать духовенству могущественного вождя, который бы помог ему сдержать напор неблагоприятных обстоятельств и выйти с победою из борьбы. В самом деле, со времен митрополита Алексия русская церковь никогда еще не была в таком выгодном положении касательно значения своего верховного пастыря, как во времена Никона. Молодой, мягкий по природе, благочестивейший не по одному титулу царь вполне подчиняется энергическому патриарху. Но это самое положение, это обилие материальных мирских средств и заключает в себе причину падения Никона, который, как человек плоти и крови, не выдержал искушения, прельстился предложением царств и пал. Никон позволил себе принять роковой титул «великого государя», т. е. главного хозяина, главного правителя страны, титул, не могший иметь никакого отношения к значению патриарха; титул, прямо указывавший на двоевластие, на то, что два хозяина в доме, и влекший необходимо к столкновению между ними, тем более что Никон по природе своей не мог быть только титулярным великим государем. Патриаршество, высокое духовное значение стало для Никона на втором плане, он бросился на мирскую власть, захотел быть настоящим великим государем, столкнулся необходимо с другим великим государем, настоящим, законным, и проиграл свое дело, потому что стал в видимо для каждого незаконное положение. Поведение Никона с минуты отречения представило ряд скандалов, ронявших все более и более

бывшего патриарха, который совершенно потерял из виду церковь, патриаршество и хлопотал только о том, чтоб ему, Никону, если нельзя возвратить вполне все прежнее, то по крайней мере удержать как можно больше из своего прежнего значения, из прежних материальных выгод; но в каком бы печальном состоянии ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться от человека, который великое общественное дело совершенно превратил в личное. Никон проигрывал свое дело тем, что вел борьбу с Алексеем Михайловичем, которого благочестие и благоговейное уважение к церковным властям было хорошо всем известно, и тем сильнее бросалась в глаза печальная противоположность между мягкостию представителя светской власти и жестокостью представителя власти духовной, архиерея, монаха, который скорее всякого воеводы готов был давать чувствовать свою власть и силу. Таким образом, вторая половина XVII века представила явление совершенно обратное тому явлению, какое мы видели во второй половине XVI века. Тогда произошло также столкновение между представителями светской и духовной власти, и, по-видимому, победа осталась на стороне первого; но это было только по-видимому. Поведение св. Филиппа, его мученичество за самое святое право пастыря церкви, право сдерживать силу, не допускать ее до насилий были великим торжеством для русской церкви и ее верховного пастыря, ибо высшая степень могущества, до которого может достигать духовная власть по своей природе, — это святость, это мученичество вследствие исполнения своей обязанности полагать душу за овцы, а низшая ступень, до которой может ниспасть представитель светской власти, — это мучительство, мучительство над праведником. Никон по своей природе не умел понять этого великого явления, смотрел на него не духовными глазами: его поражало и раздражало видимое низложение представителя духовной власти представителем светской, он не понимал, что победил здесь тот, кто спас свою душу, погубивши ее. При таком непонимании сущности дела Никону хотелось, как он думал, поправить его и заставить царя Алексея Михайловича послать к гробу св. Филиппа умилостивительную грамоту, просить прощение за Иоанна Грозного. Перенося мощи св. Филиппа из Соловок в Москву, Никон хотел их сделать щитом для себя, но в какой борьбе и с кем? Он не понимал, что по характеру своему был более похож на Иоанна Грозного, чем на Филиппа, был более похож на мучителя, чем на жертву, и что тишайший Алексей Михайлович не был вовсе похож на Грозного.

Недуховные стремления Никона были особенно вредны в то время, когда ввиду страшного переворота нужно было собрать нравственные силы духовенства и дать ему достойное вооружение для разного рода опасных встреч. Чтобы поддер-

жать значение духовенства, нужно было стать в челе движения, совершавшегося без спросу с кем бы то ни было, нужно было начать преобразования в церкви; но эти преобразования нельзя было ограничить требованиями большего порядка во внешнем богослужении, рассылкою нескольких благонамеренных указов, причем посылались указы и о том, чтоб перекрещивать православных белорусов; церковь требовала преобразований другого рода. Нужно было соединять духовенство, разделявшееся на черное, властвующее, и белое, подчиненное, соединять любовными, благодушными отношениями властвующего к подчиненному; нужно было всеми силами противодействовать утверждению в духовном управлении системы кормления, чтобы на подчиненное духовенство не смотрели как только на тяглое, обязанное кормить начальствующих, чтоб эти начальствующие не заражались властелинским, воеводским духом и чтоб подьячие их не были похожи на воеводских подьячих. К несчастью, не только мелочной Иосиф, но и преемник его Никон по характеру своему не был способен мягко и благодушно относиться к подчиненным, уважать в них высокость пастырского сана и поднимать их этим самым уважением. Послышались сильные жалобы на Иосифа и Никона, что они переменили прежнее благодушное обращение патриархов с священниками, перестали обращать внимание на их положение, отдали их на жертву своему ненасытному дьяку, этому Кокошилову, приобретшему такую печальную известность в Москве: священник должен был дарить не только Кокошилова и жену его, но и слуг, иначе просителя и на двор не пускали. В областях то же самое: в большие праздники подчиненным нужно было обдарить более сорока лиц, приближенных к архиерею: казначея, приказного, двух дьяков, шестерых подьячих, стряпчего, дворецкого, житника, ключника, ризничего, чашника, гвоздаря, придельного попа и дьякона, архиерейских келейников, казначейского келейника, пономарей и звонарей, приказного сторожа, воротного сторожа, протопопа с братиею, подьяконов, иеромонахов, иеродьяконов. Мы теперь не можем объяснить, каким образом в этот список даримых попали две женщины, и одна с двумя сыновьями, из которых каждого должно было дарить; про то знали современники [103]. Для священника двери патриаршего дома были заперты, не смел он прийти к патриарху, поговорить о важных делах, касавшихся его служения, испросить разрешения недоумений, а для мирян, для женщин двери были отворены. Мы не можем отвергать этих жалоб на том основании, что они шли от защитников Иосифовского исправления книг, ибо жалобщики соединяют Никона с Иосифом, упрекают Никона за то, что он подражал Иосифу. По удалении Никона наступило в церкви продолжительное междупатриаршие, которое также должно было

иметь вредные последствия для духовенства в такое важное для него время. Знаменитый Кокошилов остался с прежним значением, и жалобы на него не прекратились. В 1661 году били челом на него патриаршие дети боярские: «Обогатясь многою домовою казною, начал ныне принимать в патриарший дом племянников своих и богатить их, а нас изгоняет и губит; принял он в патриарший дом племянника своего и отпустил его на две десятины лучшие, а прежде на те десятины посылываны мы на жалованье, человека по два и по три, а иные десятины, на которых десятильничья доходу собирается побольше, Кокошилов берет за себя. Покупил себе многие вотчины и на Москве большие дворы. Делает это, надеясь на свою мочь, что сидит в патриарших приказах, *обрався* зятьями своими и друзьями». Наконец, соблазн Никонова дела был вреден православной церкви в борьбе ее с расколом; раскольники получили возможность говорить: «Аще Никон, наставник ваш, правый путь вам обрете, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуют? Аще ли Никон враг богу и богородице и святым его и вам, то почто его пестрые законы держите?» [104].

Кончилось Никоново дело; но печальное впечатление, какое оно должно было произвести, подновилось делом коломенского архиепископа Иосифа. Этот архиерей позволял себе сердиться на то, что при общей земской тяжести от продолжительных войн подати падали и на церковные имущества. Станет Иосиф *прохладен* (навеселе) и не щадит никого: ни царя, ни патриарха, ни бояр, говорит про великого государя, что «не умеет в царстве никакой расправы сам собою чинить, люди им владеют; прежние государи святые места снабжали, а теперь разоряют, берут всякие подати лишние большие; а бояре, Хамов род, государь того и не знает, что они делают; а патриарх Иоаким мало и грамоте умеет; на соборе только и говорит нижегородский митрополит да я, а патриарх только бороду уставя сидит, ничего не знает, непостоянен, трус, прикажет благовестить то так, то иначе, а поучение станет читать, только гноит, и слушать нечего». Иосиф тронулся новым временем: позорит патриарха за невежество, за неуменье говорить на соборе, читать поучение. Но требовательный мудрец не понимал одного, что высшая мудрость для архиерея состояла в уменье самому привыкнуть и других приучить к христианскому обращению с ближними, заставлять дурного воеводу переменять свое обращение с подчиненными, а не самому превосходить жестокостями самого дурного воеводу: кого начнет смирять Иосиф, кричит: «Кто вас у меня отнимет? Не боюсь я никого, ни царь, ни патриарх вас у меня не отнимет». Виноватым наказанья были жестокие: били шелепáми и плетьми, сажали на цепи, дня по три есть не давали; холодною водою со снегом за заутренею соборных попов и

певчих знобили, водою поливали, снег за пазуху клали, какого-то Петрушу Кириллова сам архиерей на молебне в соборной церкви зашиб до крови; попов бил плетьми нагих и приговаривал: «Бей гораздо, мертвые наши!» Иосиф на соборе во всем заперся, на очных ставках против свидетельств никакого ответа не дал. Собор произнес низвержение; патриаршая грамота, перечисляя вины Иосифа, между прочим, говорит: «Зверским весьма образом и стремлением уловляше овцы во снедь своего зверообразного глощения, сиречь безмерного мздоимания и неправды. Ему же никоего же оправдания во своих винах нам изнесшу и от обличник своих во всем обличену и укорену бывшу и весьма яко нему и безгласну стояшу». Иосиф был сослан в один из новгородских монастырей, но с правом управлять им.

В ноябре 1674 года государь жил в Преображенском, вдруг приезжает к нему стольник Посников, сын его духовника, с челобитьем от отца; духовник писал, что патриарх Иоаким велел посадить его в смиренье на цепь безвинно, так чтоб великий государь изволил прийти в Москву и его из смиренья освободить. Можно догадываться, что весть о Конотопском или Чудновском поражении производила не более сильное впечатление на благочестивого царя. Он велел сказать духовнику, что будет в Москве завтра рано поутру нарочно; приехал, позвал самых близких к себе людей — Долгорукого, Хитрова, Матвеева, послал за патриархом; тот явился и «протопопово неистовство, невежество и мздоимство многое извещал: держит у себя жонку многое время, духовника патриаршего к себе не пустил и его, патриарха, бесчестил». Патриарх сердит, улики явные — жонка, от которой Иоаким уже успел отобрать показание. Царь с просьбами к патриарху, и тот умилостивился, оставил протопопа под запрещением до собора. Но скоро подошел патриарший праздник Петра митрополита (21 декабря); Иоаким по обычаю пришел во дворец звать государя к себе обедать; Алексей Михайлович воспользовался этим случаем и упросил патриарха простить духовника и не поднимать дела на соборе[105].

Такие явления происходили в Москве, в Коломне; но что могло происходить подальше, там, где было до бога высоко, до царя далеко? Из Тотемского уезда, например, дали знать, что там появились разбойники; в разбоях участвовал и грабежную рухлядь укрывал строитель Тафтенской пустыни старец Ферапонт[106].

Никон, Иосиф коломенский жаловались на разоренье: но общество не могло сочувствовать их жалобе, во-первых, потому что терпели все за общее народное дело, терпели все от войны, начатой за православие; во-вторых, все знали, что архиереи не разорены. В 1653 году посыланы были государевы дворяне в патриаршую область описывать в городах и

уездах приходские церкви и во дворах церковников, церковную землю и всякие усадьбы и прихожан по именам, и, описавши, окладывали данью: с попова двора по 4 деньги, с дьяконова по 2, дьячкова, пономарева, просвирницына и бобыльских по деньге; с боярских, княженецких, дворянских, детей боярских и государевых дворцовых или с прикащиковых по 6 денег с двора, с посадских и крестьянских по 4, с козачьих, стрелецких и пушкарских по 2, с бобыльских и боярских деловых людей по деньге; с бортных ухожаев, с рыбных ловель и бобровых гонов с знамени по 3 алтына с деньгою; с церковной земли с пашни с четверти по 3 деньги, с сенных покосов по две деньги с копны; да сверх этого окладу десятильничьих и за езду по 3 алтына по 2 деньги с церкви, да казенных платежных пошлин по 3 алтына по 3 деньги с церкви [107]. И другие архиереи также окладывали для себя свои епархии. В пользу архиереев сбирались также венечные и похоронные пошлины. Наконец, были и другие вспоможения. Ростовский митрополит Иона писал одному ярославскому священнику: «Помози тебе бог, что ты нас кормишь волгскою свежею рыбою; богатее ты всех своих братьи ярославских попов» [108]. Во второй половине XVI века, при Иоанне Грозном, на соборе было постановлено прекратить дальнейшее увеличение монастырской земельной собственности. Но постановление не соблюдалось. При составлении Уложения все светские чины били челом, чтоб государь указал вотчинные земли, которые даны духовенству после 1580 года вопреки Уложению царя Иоанна, взять на себя и велеть раздать их служилым людям [109]. Велено эти земли переписать, но на этом дело и остановилось: царь Алексей Михайлович, особенно в патриаршество Никона, не был способен провести такую меру, а был способен продолжать нарушение постановления царя Иоанна: так, в 1654 году он дал Иверскому монастырю, который строил Никон, целый пригород Холм [110].

Алексей Михайлович отступился также от меры относительно детей белого духовенства. Не все сыновья духовных лиц и церковных причетников могли получить места при церквах: кроме того, что их было больше, чем мест, для занятия этих мест требовалось необходимое условие — грамотность, которому не все могли удовлетворить; безграмотный не мог поступить и в подьячие; что же ему оставалось делать? Правительству давали знать, что эти безграмотные дети белого духовенства «живут в гуляках, ходят за неподобными промыслами и воровством». Чтобы найти им лучшее занятие в конце 1660 года, когда затянувшаяся война потребовала увеличения числа ратных людей, издан был указ о взятии на службу лишних людей священно- и церковнослужительских: брать от двоих третьего, от четырех двоих, смотря по людям; а у церквей с отцами оставлять тех, которые умеют грамоте,

чтоб у церквей без пения не было. Но указ, как видно, произвел сильные жалобы, а жалобы духовенства производили на Алексея Михайловича сильное впечатление, и в начале следующего года новый указ: «Мы, великий государь, протопопов, попов, дьяконов и всяких церковных причетников пожаловали, детей их в службу писать не велели, а велели им быть у церквей божиих в церковных причетниках, а иным в добрых и законных промыслах. Чтобы они детей своих, братью и племянников от всяких неподобных и воровских промыслов унимали, всякому доброму делу учили, чтоб они за воровством вперед не ходили, а которые захотят добровольно записываться в нашу службу, тем бы не запрещали» [111].

Только Никон, Иосиф коломенский и подобные им могли жаловаться на разорение церковного имущества; его не разоряли; но понятно, что в тяжелое время, а таким было почти все время царствования Алексея Михайловича, монастырям и архиерейским домам, как всем и мирским владельцам движимого и недвижимого имущества, было тяжело. У монастырей не тронули недвижимого имущества, не ограничили его распространения; но уничтожены были тарханы, жалованные грамоты архиереям и монастырям на *беспошлинные* промыслы; у монастырей брали деньги на жалованье ратным людям. Так, в 1655 году царь писал в Тихвин монастырь: «Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие, и мы указали взять у вас на жалованье ратным людям 10 000 рублей; а в оскорбленье себе вы б того не ставили: как служба минется, мы те деньги велим вам отдать» [112]. Кроме того, правительство рассылало по монастырям тяжело раненных ратных людей; монастыри их кормили и одевали [113]. Наконец, престарелые служилые люди по царскому указу подстригались без вклада, тогда как все другие должны были вносить вклад. Мирские люди заключали иногда с монастырями следующие любопытные записи: *«Вложися* в Тихвинский монастырь N. N., а вкладу дал мерин рыж за 10 рублев, да денег два рубли. И как он придет в монастырь к своему вкладу жить, и нам, игумену с братьею, его приняти и покоити, как и прочую братию, а не лучится ему у своего вкладу жити, пошлет бог по душу его, и нам его написати в литию и в синодик, в вечное поминовение» [114].

Мы уже сказали, что обличения нравственной несостоятельности не могли произвести непосредственного доброго влияния, ибо не могли вдруг отстраниться те условия, которые ее производили. Главные условия были: застой, косность, узкость горизонта, малочисленность интересов, которые подчиняют человека над мелочами ежедневной жизни, очищают нравственную атмосферу, дают человеку необходимый отдых, необходимый праздник, уравновешивают его силы, восстановляют их, одним словом — недостаток просвещения. Отсут-

ствие пищи для духа условливало необходимо господство материальных стремлений, материальных взглядов. Церковь обличала эти стремления и взгляды, требовала их изменения. Но обличения и требования оказывались недействительными; церковь старалась внушить, что брак есть таинство, к которому должно приступать с благоговением, но общество смотрело на него другим взглядом и выражало этот взгляд в «нелепых козлогласованиях и бесстудных словесах», с которыми провожали жениха и невесту в церковь [115]. Иностранцы с изумлением описывают обычай мущинам и женщинам мыться вместе в общественных банях; церковь вооружалась и против него, но обычай оставался надолго; он всего лучше объясняет нам реакцию, которая высказалась в заключении женщины в терем у людей знатных и богатых; одно явление необходимо вызывало другое. По свидетельствам, достойным полной веры, нигде, ни на Востоке, ни на Западе, не смотрели так легко, как в России, на гнусный, противуестественный грех. Иногда следствия были ужасны [116]. Благочестивый Алексей Михайлович считал своею обязанностию заботиться и о душевном спасении подданных: он требовал от воевод, чтоб они в походах силою заставляли ратных людей исповедоваться [117], понятно, что он должен был требовать этого от мирных граждан. В 1659 году было разослано по приказам повеление: дьякам, подьячим и детям боярским и всякого чина людям говеть на страстной неделе [118]. В следующем году указ: списки людей неговевших присылать в Монастырский приказ и таким ослушникам указ будет с опалою, безо всякой пощады [119]. В том же году приказано было в Филиппов пост всем поститься и в церковь ходить каждый день [120]. Еще в начале царствования издан был указ: в воскресный день и господские праздники не работать никому, в субботу прекращать работу, как заблаговестят к вечерне [121]. Не работать: но что же делать? Правительство, которое брало на себя родительские обязанности в отношении к подданным — детям, запретило целый ряд увеселений и повсеместных суеверных обычаев: «В воскресные, господские праздники и великих святых приходить в церковь и стоять смирно, скоморохов и ворожей в дома к себе не призывать, в первый день луны не смотреть, в гром на реках и озерах не купаться, с серебра не умываться, олову и воску не лить, зернью, картами, шахматами и лодыгами не играть, медведей не водить и с сучками не плясать, на браках песен бесовских не петь и никаких срамных слов не говорить, кулачных боев не делать, на качелях не качаться, на досках не скакать, личин на себя не надевать, кобылок бесовских не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домры, сурны, гудки, гусли и хари искать и жечь [122]. Таким образом, в обществе, в котором по известным причинам господствовало открыто стремление к

чувственным удовольствиям, правительство предписывало монастырское препровождение праздников, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пел на свадьбе непристойные песни, и тому, кто водил медведей, которых поводчики позволяли себе перед детьми самые безнравственные представления, и тому, кто качался на качелях и играл в шахматы! Угрозы были не на бумаге только: в 1669 году великий государь указал стольника князя Григорья Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова[123]. Но мы, к несчастью, знаем, как батоги и тюрьмы мало содействовали истреблению привычки, позорящей народ наш, и надеемся, что она истребится другими средствами.

Вместе с непристойными запрещены были самые невинные удовольствия. Но батоги и тюрьма не грозили за порок, против которого слышались сильные вопли, которому все предавались, — наказания не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее в древней Руси, всего лучше показывает нам, с каким обществом имеем дело; человеку для восстановления, уравновешения сил своих необходимо покидать иногда будничные, ежедневные занятия и переноситься в иной мир, переменять занятия и состояние духа: для человека образованного, для которого открыто широкое многообразие божьего мира и человеческой деятельности, эти переходы легки и естественны; но для человека, замкнутого постоянно среди немногих явлений бедной жизни, обыкновенно является стремление искусственными средствами, вином и опиумом или чем-нибудь другим переходить в иное возбужденное состояние, производить искусственно веселое, праздничное состояние духа, переноситься в другой, фантастический, мир, *забываться*. Сам благочестивый и нравственный Алексей Михайлович любил иногда забываться таким образом. В 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье в потешных хоромах, ели бояре все без мест, думные дьяки и духовник. После кушанья изволил себя тешить всякими играми, играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били; жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех пьяных, поехали в двенадцатом часу ночи[124].

Главное зло для подобного общества заключалось в том, что человек входил в него нравственным недоноском. Для старинного русского человека не было того необходимого переходного времени между детскою и обществом, которое у нас теперь наполняется учением или тем, что́ превосходно выражает слово *образование*. В древней Руси человек вступал в общество прямо из детской, развитие физическое нисколько не соответствовало духовному, и что́ же удивитель-

ного, что он является пред обществом преимущественно своим физическим существом. Быть может, скажут, что и в старину, до эпохи преобразования, русские люди учили детей своих и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Бесспорно, что некоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, зато были неграмотные между знатью, и это всего яснее указывает на случайность явления. Дело не в том, что учились, но многие ли и чему, и как учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, где бы учили не читать и писать только; но не ранее конца XVII века собрались учредить такое училище; главным препятствием делу был недостаток учителей, опасение, чтоб не взять учителей неправославных. До учреждения академии русский человек, хотевший учить детей своих, брал в дом учителя, какого-нибудь западнорусского шляхтича; но многие ли богачи-вельможи это делали? Да и примеры эти относятся ко времени перед самым преобразованием; люди, воспитанные таким образом, действуют уже в петровскую эпоху, людям небогатым и незнатным, но хотевшим выучить детей своих грамоте, оставалось посылать их в школу, содержимую каким-нибудь учителем. Здесь учили читать и писать, кроме того, добросовестный учитель прочитывал перед учениками так называемые *азбуковники,* сборники, содержащие наставления, как ученики должны держать себя в школе, также высокопарные определения разных наук или мудростей, иногда и самое содержание наук, грамматики, риторики. Школу, азбуковники называют *храмом учителевым,* и этим всего лучше определяют старинную школу; хорошо также уясняет дело наставление азбуковников, чтоб ученики, уходя домой, не оставляли указки в книге, и не бросали книг на скамейках, а отдавали бы их старосте или старшему, который должен прибирать их на место. Ученики обязаны были, по азбуковникам, носить воду в школу, к учителю в день недельный на поклон приходить и от снедных брашен и пития ему приносить. Азбуковник, дававший несколько сведений, был роскошью, дополнением к обычному курсу, т. е. Часослову и Псалтырю, добрый учитель прочитывал ежедневно статьи его пред учениками; но и эти поверхностные учебники, заключавшие в себе всю школьную мудрость, являются поздно. Главное и постоянное было выучиться читать и писать, чтоб иметь возможность *заниматься делами.* Авторы азбуковников знали очень хорошо эту цель учащихся, т. е. родителей их, и привлекают к изучению азбуки, Часослова и Псалтыря обещанием, что после этого изучения ученику откроются все книги печатные и письменные «и всякие дела и крепости, откуда вразумляются и вчиневаются и чем устрояются». Как рано относительно образования молодые люди в старину вступали в жизнь и на службу, видно из того, что

сын одного из самых образованных тогдашних вельмож, князя Василья Васильевича Голицына, Алексей, уже ездил в походы за государем, подавал челобитные о землях, и в то же самое время только начинал склады писать[125]. С одной стороны, древний русский человек начинал очень рано общественную деятельность недоноском относительно приготовления, образования, с неокрепшими духовными силами; с другой стороны, он делался самостоятельным очень поздно, потому что вместо широкой нравственной опеки общества он очень долго находился под узкою опекою рода, *старых родителей* (старших родственников); но легко понять, как должна была действовать эта долгая опека на человека возмужалого, который сам был отцом семейства. Таким образом, два обстоятельства вредно действовали на гражданское развитие древнего русского человека: отсутствие образования, выпускавшее его ребенком к общественной деятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его в положении несовершеннолетнего, опека, необходимая, впрочем, потому что, во-первых, он был действительно несовершеннолетен, а, во-вторых, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека делала его прежде всего робким перед всякою силою, что́, впрочем, нисколько не исключало детского своеволия и самодурства.

Замечено, что особенно дают чувствовать свою силу низшим, слабым те, которые сами находятся или долго находились под гнетом чужой силы. Дети бывают безжалостны в отношении к пойманной стрекозе, к собаке, кошке; раб безжалостен к подчиненному ему рабу или животному. Естественное влечение упражнять свою силу над слабым господствует, если не сдерживается нравственными сдержками и если виден ежедневный пример несдержанности. Отсюда понятно, почему отношения мужа к жене и родителей к детям в древнем русском обществе не отличались особенною мягкостию. Человек, не вышедший из родовой опеки, становился мужем, т. е. с ним соединяли существо, незнакомое ему прежде, с которым он прежде не привык встречаться как с существом свободным. Молодой человек после венца впервые встречался с существом слабым, робким, безмолвным, которое отдавали ему в полную власть, которое он был обязан *учить,* т. е. бить, хотя бы и *вежливенько,* по правилу Домостроя. Легко предвидеть следствия, особенно когда еще обманули, показали красивую, а выдали безобразную, потому что «во всем свете нигде такого на девки обманства нет, яко в Московском государстве», — говорит Котошихин. Хлопотали, нельзя ли как обмануть и на царских смотринах: в 1670 году боярин Богдан Матвеевич Хитрово объявил: «Приходил ко мне доктор Стефан и сказывал: тому нынче дня с три съехался с ним на Тверской улице Иван Шихирев и говорил,

что взята вверх племянница его Беляева для выбору, возили ее к боярину Хитрово, боярин смотрел у нее рук и сказал, что руки худы; смотришь ты их, доктор Стефан, а племянница моя человек беззаступный, как станешь смотреть руку, и ты вспомоги». Доктор отвечал, что его к такому делу не призывают, да и племянницы его он не знает; на это Шихирев сказал: «Как рук у нее станешь смотреть, и она перстом за руку придавит, по тому ее и узнаешь». Шихирев повинился [126].

Неправильные отношения нравственно несовершеннолетнего мужа к еще менее совершеннолетней жене иногда вели к тому, что муж старался избыть жены, а жена мужа. Говорят, что часто употреблялось для этого крайнее средство, отрава [127]. Мы не считаем себя вправе утверждать, что действительно это средство употреблялось часто, и остановимся на другом средстве, пострижении мужа от живой жены, и наоборот. Жена, постригшаяся от живого мужа, называлась в отношении к нему *посестриею,* муж — *побратимом.* Одна такая посестрия подала жалобу, что побратим, избываючи ее, бивал и мучивал, в подполы и в коник, крапивы настлавши, сажал и в соху впрягал. Оказалось, что она пострижена была неволею, в пустой избе, а не в монастыре, родственников ее при пострижении и у записи никого не было [128].

В случае убийства мужа женою Уложение постановило: казнить преступницу, живую окопать в землю и казнить ее такою казнию безо всякой пощады, хотя бы дети убитого и ближние его родственники и не захотели, чтобы ее казнили, не давать ей отнюдь милости, держать в земле до тех пор, пока умрет. О наказании мужа за убийство жены Уложение промолчало; но случаи представились: в 1664 году Иван Долгов убил жену за неверность; его наказали кнутом и отпустили на поруки [129]. Но в Уложении ничего нет; воеводы поэтому не смели приговаривать к наказанию, отсылали в Москву; здесь руководствовались прежними примерами, сравнивая, соображая обстоятельства, при которых совершено было преступление. В 1674 году Тотемского уезда крестьянин Баженов повинился: убил свою жену за то, что утаила она у него два аршина сукна сермяжного, а больше вины ее не было, жил он с нею в совете; с пытки говорил то же. Воевода послал за указом в Москву. Здесь велели выписать случаи: стрельца Еремеева за убийство жены казнили смертию, убил ее в пьяном виде; другой стрелец, тоже пьяный, зарезал жену за невежливые слова; здесь уже была причина гнева, и потому убийце отсекли левую руку да правую ногу; то же самое велено сделать и с Баженовым и потом освободить без поруки, «потому что убил жену не за великое дело» [130].

Кроме неправильности и грубости семейных отношений вредное влияние на народную нравственность оказывали дела насилия, совершавшиеся в обширных размерах: человек при-

выкал к случаям насилий, грабежа, смертоубийства — привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него более неужасным, и при этом относительно своей безопасности он привыкал полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную, и легко понять, как вследствие этого ослаблялось в нем сознание общественной связи, он привыкал жить в лесу, а не в обществе и вести себя сообразно этому. Жизнь в самой столице не представляла безопасности. На Западе в средние века завидит путник за́мок, возвышающийся на скале, и трепещет; это разбойничье гнездо; в Москве в XVII веке чем выше и обширнее был дом, тем опаснее он был для прохожего, не потому чтобы сам владелец дома, боярин или окольничий напал на прохожего и пограбил его; но у этого знатного боярина и окольничего несколько сот дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счет каждого встречного, будь это проситель к боярину или просто прохожий. Люди боярина князя Юрья Ивановича Ромодановского позвали с товарами старосту Серебряного ряда к себе на загородный двор и убили до смерти; они повинились сверх того в убийстве 20 человек и говорили на свою братию дворовых людей. На Дмитровке не было ни проходу, ни проезду от людей Родиона Стрешнева, князей Голицына и Татева. По Коломенской дороге должны были высылать за разбойниками по 300 стрельцов. В 1675 году велено чистить дороги по причине разбойных пристанищ, чтоб около Москвы разбоев и душегубства большого не было, чистить от Москвы длиннику 50 верст, а по берегу по 100 сажен [131]. Так было в Москве и около Москвы; что же подальше, где пропьются крестьяне, — первое дело разбой, где и строитель пустыни участвовал в разбоях, скрывал пограбленную рухлядь. Любопытно колебание в уголовных законах относительно воров и разбойников: в 1663 году велено было наказывать воров и разбойников вместо смертной казни отсечением ноги и левой руки; но в 1666 году членоотсечение отменено и опять введена смертная казнь [132]; потом опять введено членоотсечение.

Но русский человек XVII века был робок, чувствовал себя небезопасным вследствие не одних разбоев, он окружен был опасностями другого рода, от которых не было возможности защититься никаким оружием. Вот какая, например, беда постигла жителей города Шуи: «Приезжают в Шую к чудотворному образу смоленской богородицы из многих городов и уездов мужеский, женский и девичий пол, привозят одержимых нечистыми духами, и страждущие в молебное время мечтаются всякими различными кознодействами и кличут на уездных людей, что их портят: кликала Ирина Маурина на Федьку Якимова, и по царскому указу Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертию». Принимались меры против

порчи, для отпуска свадьбы приглашался знающий человек, который умел отвратить всякое лихо, но и это не помогало. В шуйскую земскую избу пришел посадский человек и извещал: «Была у нас свадьба, женился брат мой, и на свадьбе приключилась над матерью нашею и снохою скорбь, стали кликать в порче, а отпускал свадьбу от всякого лиха шуянин посадский человек Гришка Панин; а на другой день после свадьбы пришел к нам в дом тюремный сторож Палатов, взял с нас посулу денег 10 алтын 4 деньги, да шапку, да два перстня, да ширинку, да платок миткалевый и взялся мать и сноху от скорби отходить, но он их в целом уме не поставил». Однажды тот же город Шуя был встревожен, собрали всех жителей и спросили по указу суздальского архиепископа: «Не видел ли кто и не слыхал ли, как соборный поп Иван ездил на медведе?» Все отвечали, что от слуху не слыхали и виденьем не видали [133]. В 1674 году в Тотьме сожжена была в срубе при многих людях женщина Федосья по оговору в порче; при казни она объявила, что никого не портила, но что перед воеводою поклепала себя, не перетерпя пыток. Для характеристики времени приведем еще два любопытных случая дьявольского навета. В 1671 году на дороге в Польшу пойман был подозрительный человек Ивашка Клеопин, который при допросе в Торопце показал: «Называет он новгородца Алексея Кириллова сына Клеопина отцом себе, а жену его Марью матерью и жил у них, а кто у него родной отец был, и про то ведает Алексей Клеопин, а принес его Ивашка с Москвы в младенчестве Новгородского уезда, Бежецкой пятины, Телбовского погоста, церкви Николая Чудотворца бобыль Гришка Абакумов и отдал ему, Алексею, и крещен у него, Алексея, в дому, и называл он, Алексей, его, Ивашка, царевичем. 6 августа на Телбовском погосте, на церковном крыльце, говорил он шестерым дворянам, что он, Ивашка, пойдет в Польшу, и чтоб де за него в Польше стали, а называться было ему в Польше царевичем Алексеем Алексеевичем и наговаривать поляков, чтоб шли на Луки войною, и дворяне сказали ему: «Куды себе хошь, туды и поди». Слышал он от жены Федора Клеопина, Анисьи, сказывал ей Телбовского погоста поп Кузьма про него, Ивашку: такой-де он великий человек, а не сумеет за себя стать, а тот поп — еретик и еретические книги знает и у себя держит, а грамоте и писанью учился он, Ивашка, у него, попа Кузьмы Григорьева, а про еретичество слыхал от 18 дворян. На Мошенском погосте Петр Лупандин называл его царем, а слышал то Данила Чоглоков, и он, Ивашка, его, Петра, за такое слово и за бороду драл». Все оговоренные лица отреклись, что ничего не слыхали и не говорили. Поп Кузьма и 16 человек дворян сказали, что Ивашка Клеопин умоврежен, а умовредство ему учинилось тому шестой год и почал забываться в то время,

как он был на государевой службе, отца своего родного и мать хотел саблею сечь, а брата своего посек саблею, иконы божественные и книги словами бесчестил, и за людьми гонялся, и в лес бегивал, и говаривал, что он, Ивашка, прощал и исцелял многих людей, и над матерью своей родной хотел неистовственное дело учинить, и сам ножом резался, и в огонь бросался, и платье на себе драл. Отец Ивашки, Алексей Клеопин, объявил, что Ивашка 20 лет с лишком от него из деревни бежал в лес, потому что умоврежен, и говорил всякие многие непристойные слова, и называл себя великим человеком царевичем, и бил он, Алексей, на него челом новгородскому воеводе, и хотел его везти в Новгород к расспросу. С пытки Ивашка говорил: отец его родной Алексей Клеопин, а царевичем стал называться собою, потому что умоврежен наветом дьявольским, и в Польшу было пошел собою наговорить поляков, чтоб шли войною на Луки Великие, а в прежних своих речах всех поклепал, потому что умоврежен наветом дьявольским. Ивашку повесили.

Другой случай был в Москве. В 1651 году Федор Шиловцов в допросе объявил: «Отдан он в Чудов монастырь под начал черному попу Илье, да с ним же сидел под началом иноземец Кроковский, и он испил у того иноземца квасу, и у него в брюхе почало шуметь, и чает, что в те поры он испорчен. И после того ходил он по отпуску из монастыря к себе на двор и, пришед в монастырь, учал говорить псалтырь, и в те поры перед ним зашумело, как бы пролетел ангел или бес; и ангел велел ему богородицы образ со стены снять, для того что непригоже образам кланяться, и он, сняв со стены образ да крест, положил на землю, и крест начал вспрядывать, и он на образ и на крест вступал ногами, а то дело божье учинил он, то не просто, по ангелову веленью. А начал он помышлять недель с десять и больше, что иконам кланяться не подобает, потому что бог на небеси, а то образ божий». Когда ему сказали, что бог невидим, мы св. иконы почитаем, а иконная честь на первообразное восходит, то он отвечал: «Всякому человеку можно бога умными очами видеть. Тому недели три или четыре говорил ему Казенного приказа дьяк Захар Онуфриев: худо у нас то учинено: где торгуют хлебами и калачами, тут торгуют и образами, и ему, Федору, с тех пор вместилось в мысль о иконах, что не подобает поклоняться. Не стало Кодашевца Рагозина, а ему, Федьке, был друг большой, и он по нем тужил и плакал долгое время, и от той кручины ходил вне ума, и начал мыслить о св. иконах, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишут мужики простые и пьяные небреженьем и продают в торгу просто, и как государь праздновал в соборной церкви Ризе господней, и он, Федька, начал себе мыслить: как он деньги, которые, будучи на денежном дворе, крал, объявит и отдаст, и госу-

дарь его пожалует, вину его отдаст и начнет его, Федьку, жаловать, и он, надеяся на государеву милость, начнет государю говорить, что бог на небеси, а иконам достойно ли поклоняться? Чтоб государь велел свидетельство учинить, и будет достойно иконам поклоняться, и государь бы указал для икон устроить двор особый и писать те иконы всем иконописцам справчиво, и приставил бы к иконному делу честных людей. И как он был в Чудове монастыре под началом и приведен был в келью, и тут стоял образ спасов нерукотворенный, и он, Федька, начал на тот образ смотреть, и тот образ начал претворяться разными виды».

Подобные явления имели одинакую силу и в верхних слоях общества. При царе Михаиле на стольника Илью Даниловича Милославского (будущего тестя царя Алексея) подкинули письмо, будто у него хранится волшебный перстень знаменитого дьяка Грамотина; Милославского долго держали за приставом, пересматривали все пожитки. При царе Алексее обвинен был в волшебстве родственник царский, боярин Семен Стрешнев, и это обвинение не прошло ему даром: у него отняли боярство и сослали в Вологду. Подкинуты были письма и на Матвеева с обвинениями в волшебстве из желания помешать браку царя Алексея на воспитаннице Матвеева Нарышкиной [134].

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народ живой и крепкий рвался из пеленок, в которых судьба держала его долее чем следовало. Вопрос о необходимости поворота на новый путь решен; новости являлись необходимо. Сравнение и тяжелый опыт произвели свое действие, раздались страшные слова: «У других лучше», и не перестанут повторяться слова страшные, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствований, учения, время духовного ига, хотя и облегченного политическою независимостью и могуществом, но все же тяжелого. Дело необходимое, но тяжелое не могло сделаться легко, спокойно, без сопротивления, которое вызывало борьбу, вело к перевороту, т. е. к действию насильственному. Церковные преобразования пошли и от своих, от православных, но мы видели, как они были встречены, и свои, православные, показались неправославными. Относительно собственно науки, учения, здесь остановились: не хотели принимать учителей неправославных, учителями могли быть только греки и западнорусские ученые. Но иноверцы заходили толпами с другой стороны, в виде наемных офицеров, мастеровых всякого рода, заводчиков, лекарей. По естественному ходу дела новое должно было явиться в виде вещей непосредственно полезных, должно было начаться с мастерства. Кроме того, цивилизация закинула уже свои сети на русских людей, приманивая их к себе новыми для них удовольствиями и удоб-

ствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструмент, сценическое представление — вот чем сначала мало-помалу подготовлялись русские люди к преобразованиям, как дети приманивались игрушками к учению. Все это уже мы видим в Москве в описываемое время, в царствование Алексея Михайловича. Понятно, что заморские штуки должны были появляться сперва наверху, во дворце и в домах знатных людей, где было больше знакомства с заморским и больше средства приобретать заморские диковинки. Простым людям запрещалось забавляться музыкою, велено было искать и жечь музыкальные инструменты, потому что, как явится музыка, так непременно примешается тут какое-нибудь суеверие и бесчинство; но на пиру у царя «играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам и по литаврам били». Не надобно забывать, что воспитателем царя Алексея Михайловича был западник Морозов, который еще при царе Михаиле шил немецкое платье своим воспитанникам царевичам и всем детям, воспитывавшимся с ними вместе [135]. В царствование Алексея подражатели Морозова размножились, самые близкие к царю люди были самые большие охотники до заморского и дарили государя иностранными вещами: Богдан Матвеевич Хитрово подарил ему полукарету; Матвеев подарил царю карету черную немецкую на дуге, стекла хрустальные, а верх раскрывается надвое; царевичу Федору подарил карету бархатную, около кареты письмо живописное [136]. Во всей христианской Европе начатки драматических представлений, или так называемые мистерии, находились в тесной связи с богослужением, содержанием их служили события священной истории. И у нас было подобное в *Пещном действии* (ввержение трех отроков в пещь в Вавилоне), в шествии патриарха на осле в вербное воскресенье. Еще при царе Михаиле русские послы, возвращавшиеся из Варшавы, рассказывали о театральных представлениях, которыми потешался король во дворце своем; при сыне Михаила подобные представления происходят и в Москве для великого государя. Содержание пьес бралось из св. писания, сочинял их обыкновенно монах Симеон Полоцкий; из комедий светского содержания упоминается Темир-Аксаково действо; книга эта была наверху, у великого государя, но игралась ли пьеса — неизвестно. Разыгрывали комедии немцы и дворовые люди Матвеева. В 1674 году была в селе Преображенском комедия, тешили иноземцы, как Алаферну-царю царица голову отсекла, и на органах играли немцы да люди дворовые А. С. Матвеева. Другая комедия была дана в присутствии царицы, царевичей и царевен, тешили немцы и люди Матвеева, как Артаксеркс велел повесить Амана. Дело дошло и до балета: на заговенье была потеха — немцы и люди Матвеева играли на органах, на фиолях и на

страментах и танцевали. При описании этих новостей нас останавливает одно обстоятельство, что на представлении были царица и царевны; важно также известие, что царица сопровождала царя и на охоту [137]. Начальником немцев, потешавших великого государя, был Иоган Годфрид, при нем «перспективаго письма мастер» Петр Инглес. Но одних приезжих немцев и дворовых людей Матвеева оказалось недостаточно для «комедийных действ»: в 1673 году Матвеев приказал в Новомещанской слободе из мещанских детей выбрать 26 человек в *камидианты* и отвести в Немецкую слободу к магистру Годфриду. Так основалось в Москве театральное училище прежде Славяно-греко-латинской академии! Но и этих учеников недоставало, брали подьячих и отсылали к магистру Ягану Годфриду для научения комедийного дела [138].

Прежде других школ устроена была театральная школа для потехи великого государя; но по всему было видно, что и другие школы не замедлят; сильно чувствовалось, что отстали, сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться. В литературе, как и во всем быте, явственны признаки приближения нового времени. Быт русского народа до эпохи преобразования вполне выражается в его поэзии; одних ее памятников достаточно для верной общей оценки этого быта. Поэтому нам необходимо остановиться на памятниках древней народной поэзии, тем более что если памятники народного творчества условливаются бытом народа, то, как обыкновенно бывает в истории, в свою очередь оказывают могущественное влияние на быт.

Вслушавшись внимательно в эту длинную и однообразную песню русского народа, которую он заводит от Киева и Царьгорода и ведет через Волынь, Галич, Чернигов, Новгород, Москву к Казани, Астрахани и Сибири, мы видим ясно, что это народ, проживший восемь веков в одинаковых исторических условиях. Любимый образ фантазии певцов — это богатырь-козак, названия однозначащие. Как в X, так и в XVII веке русский мир был на Украйне; как в X, так и в XVII веке человек, которому было тесно в избе отцовской, у которого «сила по жилочкам живчиком переливалась, которому было грузно от силушки, как от тяжелого беремени», отправлялся в степь-поле, где ему легко найти, на ком попробовать свою силу молодецкую. Многое переменилось в государственном строю России с X до XVII века, от времен ласкового киевского князя Владимира до времен великого государя царя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, но удальцы по-прежнему шли в степь *поляковать* (от *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалых *полянщ* (опять от *поле*), где каждому богатырю можно было набрать себе дружину и идти на подвиг. Таким образом, для народа была возможность

через целый ряд веков петь свою песню на один лад, потому что содержание ее было живо перед его глазами; богатырь не умирал в козаке, и наши древние богатырские песни в том виде, в каком они дошли до нас, суть песни козацкие о козаках. Знакомый с этими песнями знает, что самое видное место между богатырями занимает Илья Муромец; он обыкновенно называется старым козаком и прямо донским козаком [139], атаманом донских козаков: «Помутился весь тихий Дон, помешался весь козацкий круг: что не стало у них атамана, что старого козака Ильи Муромца» [140]. Разбойники, испуганные его силою, просят его, чтоб взял их к себе в товарищи, в донские козачонки [141].

Молодой человек чувствует тяжкий груз силы, чувствует тоску по степи и говорит матери: «Ай же ты, государыня моя матушка! давай же прощеньице-благословленьице: поеду я во далече-далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматого, хочу поразмять своего плеча богатырского, спробовать силы-удали молодецкие [142]. Долго ли мне жить во глупом во малом во ребячестве, ходить мне дома по улице широкие, с ребятами тешиться?» Пока молодой человек не вырвется в чисто поле, все он будет жить в глупом, малом ребячестве: от глупого ребячества до возмужалости нет переходного времени образования! Страшен бывал сильный человек, вырвавшийся прямо из глупого, малого ребячества на полную волю, в чистое поле, и начавший разминать свое плечо богатырское. Песни превосходно изображают нам эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничем; эти поэтические изображения объяснят нам не одно явление не только в древней, но и в новой нашей истории, которая не могла разом отрешиться от старых условий. Илья Муромец, рассердившись, что его не позвали на пир, стреляет по божьим церквам, по чудным крестам и отдает золоченые маковки кабацкой голи на пропив, хочет застрелить князя Владимира с княгиней [143]. Когда Василий Буслаев расходился в бою с новгородцами, то не пощадил крестного отца; мать, чтоб унять расходившегося богатыря, заходит сзади и падает на плеча могучие; богатырь говорит ей: «Ты, старушка лукавая, толковая! умела унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели б ты зашла впереди меня, то не спустил бы тебе, государыне-матушке, убил бы заместо мужика новгородского» [144].

Богатырь в поле, в степи; первое его дело набрать себе дружину таких же богатырей, таких же полениц удалых. Чем же занимается атаман с дружиною? Ловят зверей и птиц, рубят суденышко дубовое и выезжают в море ловить рыбу — таковы были козацкие занятия в степи. Богатырь-козак не охотник до женитьбы и не очень высокого мнения о женщине: «Хороша жена — чужая корысть, а худа-то мне-ка ненадобна» [145]. Песня знает два рода женщин: богатырок, которые

обыкновенно и чародейки, и женщин — теремных затворниц. Первые, понятно, не могут отличаться женственностию, но некоторые из них с силою физическою соединяют и нравственную, как, например, *грозная* Настасья Никулишна, которая не хочет пережить смерти мужа, не хочет выходить за его убийцу; вторые изображаются с характером, соответствующим их теремному воспитанию, т. е. совершенно без характера. Девушка — дорогая вещь, и потому ее запрятали в терем, чтоб не подвергнуть никакому враждебному влиянию, и тем больше в ней достоинства, чем она больше отстранена от всяких влияний, в этом полагается вся похвала; она красавица и отлично убережена: «Сидит она в тереме в златом верху, за тридесятью замками булатными, на ню красное солнышко не оппекет, буйные ветрушки не оввеют, многие люди не обгалятся (не глазеют)» [146]. Братья хвастаются сестрою: «Что есть у нас сестрица, из терема не ходит, белил с лица не ронит, бела лица не кажит» [147]. Ее просватывают, но приезжает богатырь, врывается к ней в терем, она отдается без сопротивления; потом встречается прежний жених, прельщает ее обещанием лучшей доли, и она передается ему; новый муж скоро гибнет, и несчастная женщина в самом печальном положении: «От бережку я откачнулася, к другому бережку не прикачнулася». Богатырь жестоко мстит ей за неверность [148].

Богатырь-козак выделился из толпы, ушел из общества в степь в сознании своей силы, своего преимущества или изгнанный из общества, которое не могло позволить ему среди себя расправлять плечо богатырское; дело неестественное, чтоб он стал уважать толпу, щадить *мужиков:* «Как начали они (богатыри) мужиков чествовать, чествовать мужиков жаловать, оплетьми они нахлыстывать; тут клянутся мужики, проклинаются: а будет трое проклят на веку тот бы, кто с вами, с молодцами, свяжется да заведет драку великую. Нахлыстали мужиков они до-люби». Василий Буслаев, образец новгородских козаков-ушкуйников, позвал новгородских мужичков на пир, но кормил-поил только свою дружинушку храбрую, а мужиков посылал взашей да всутычь [149].

Богатырь-козак представлял противоположность оседлому земскому человеку, занимающемуся мирным промыслом. Богатырь-козак, которому было грузно от силушки, как от тяжелого беремени, не мог по этому самому успокоиться, должен был находиться в беспрестанном движении, *подвигах,* он гуляет из земли в землю [150]. Богатырь-козак может жить только в широкой степи, в городе он жить не может: «Отправлялись тут могучие богатыри что на поле, на Куликово. Ведь в Киеве-то нельзя им жить; разгуляются, распотешатся, станут всех толкать; а такие потехи богатырские народу было не вытерпеть, которого толкнут — тому смерть да смерть» [151]. Богатырь-козак не мог быть в городе и воеводою: «Не дай,

господи, делати с барина холопа, с холопа дворянина, из попа палача, из богатыря воеводу» [152].

Земский человек работает, богатырь-козак *гуляет* по широкому полю, *полякует;* но с понятием о гуляньe было необходимо связано понятие о зеленом вине, о цареве кабаке, и степной богатырь-козак был очень хорошо известен древнему русскому человеку, известен как записной гуляка, охотник до зелена вина. Илья Муромец, самый почтенный из богатырей, пьет в кабаке вместе с голями кабацкими [153].

Наконец сила перестает по жилочкам живчиком переливаться, от нее уже не грузно более, как от тяжелого беремени, богатырь-козак стареет. Приближается смерть, суд, надобно будет расплатиться за то, что смолоду было много бито, граблено, надобно душу спасти, средство к тому — монастырь. Молодые смеются над старым богатырем-козаком: «Пора ти, старому, в монастырь идти!» [154]. И беда старому, если пропустит эту пору, встретится в чистом поле с чудовищем, которого не осилит, это чудовище — смерть; он замахнется острой саблею, но рука застоится в плече, не согнется, сабля выпадет из руки; тщетно взмолится богатырь, чтоб смерть дала сроку хоть на три года, хоть на три часа, чтоб имение по церквам разнести, золоту казну по нищей братии; смерть ответит: «Не дам я тебе сроку: твое имение неправедное, золота казна не заработана, и твоей душе не будет помощи». Зашатается богатырь на добром коне и упадет на сыру землю [155].

Богатырь-козак есть герой народной исторической песни в продолжение осьми веков, потому что во все это время богатырство-козачество налицо и потому что во все это время идет одна и та же борьба в чистом поле с степными кочевниками, с этим *идолищем поганым,* как олицетворяется кочевник в песне; богатыри-козаки, как обитатели того же чистого поля, главные участники в этой борьбе; это самая чистая, самая поэтическая сторона их деятельности. Борьба в степи и на Украйне идет постоянная, с одним и тем же характером, отсюда и песня тянется через восемь веков с одними и теми же лицами, с одними и теми же действиями этих лиц. Если в народных песнях обыкновенно смешиваются лица, действия и местности, то тем большее смешение должно было господствовать в нашем народном эпосе именно по продолжительности и однообразию воспеваемого явления. Одно и то же происходило и при Владимире I, и при Владимире Мономахе, и при Димитрии Донском, и при Алексее Михайловиче, и потому, как раз пропелась песня о Киеве, о ласковом князе Владимире и об известном числе богатырей, так к этим местностям и лицам и начало приставляться все последующее из той же бесконечной борьбы, из того же бесконечного ряда подвигов. Мамай осаждает Киев, тут же и Куликово поле, тут же и Ермак, ставший племянником князя Владимира [156].

Но кроме борьбы с степняками были и другие исторические явления, которые не могли не поразить воображение народа, не могли не отозваться в его песнях, как, например, борьба с Литвою [157]. Поразил воображение народа первый царь, Иоанн Грозный, покоривший три царства татарских, страшными казнями выводивший измену из Москвы и Новгорода. Грозный в песне так говорит на пиру: «Повынес я порфиру царскую из Царя-града, и повывел я измену с каменной Москвы, уже я выведу измену из Нова-города» [158]. Осталось в народной песне страшное событие в семействе Грозного — убиение сына отцом. Спелась песня и про таинственное лицо самозванца, и про жену его, чародейку Марину, и про любимца народного князя Скопина-Шуйского [159]. Наконец, от царствования Алексея Михайловича в песне осталась память о знаменитой борьбе с Польшею за русские земли. Песня начинает собором: царь Алексей Михайлович выходит из церкви, от долгой обедни, становится на Лобное место и объявляет боярам, купцам и солдатам: «Пособите государю дума думати: надо думать крепка дума, не продумати». Король (шведский?) просит Смоленска, а вместо его дает Химскую (Китайскую) землю. Соглашаться ли на промен? — спрашивает царь. За бояр отвечает князь астраханский, говорит, что Смоленск — строение не московское, а литовское, что в городе нет ни стрельцов, ни казны и потому надобно согласиться на мену. Государю не полюбились эти речи; он обращается к купцам, вместо которых отвечает князь бухарский, говорит то же самое, что и астраханский. Государь обращается к солдатам, вместо них отвечает Данила Милославский, что Смоленск — строение московское, а не литовское, что в нем много стрельцов, много казны, что надобно за него стоять. Обрадованный государь жалует Милославского смоленским воеводою, астраханского князя вешает, бухарскому рубит голову [160]. Любопытно, что правительство допускало на соборах свободу мнений; но народ, верный старым вечевым обычаям, не допускает ее в произведениях своей фантазии и заставляет царя казнить смертию людей, мнения которых не понравились.

Понятно, что появление в XVII веке богатыря-козака, какого еще не бывало, Стеньки Разина, сильно отозвалось в песне; сам стар-матер козак Илья Муромец является при Разине есаулом только. Так, самый видный из богатырей отодвигается уже на второй план. Но в Великой России новое богатырство, или козачество, благодаря существованию крепкого государства никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые в старину, в богатырские эпохи, делались основателями государств, тут гибли от государства, да и не много было Разиных; вот почему в Великой России имена старых богатырей и сохранились. Другое дело

в Малой России: здесь козачество разгулялось широко, его деятельность, его борьба с крымцами, турками и поляками явилась на первом плане, исключительно овладела безраздельно народным вниманием и воображением; здесь козак Хмельницкий чуть-чуть не сделался основателем нового государства, родоначальником новой династии, здесь поэтому старый козак Илья Муромец не удержался при нем даже и есаулом, здесь старые богатыри совершенно исчезли. Притом же в широкой степи было очень бурно-ветрено: здесь старина, как и все, плохо держалась, разносясь буйным ветром на все четыре стороны. На севере, в лесу, все удобнее удерживалось, удерживалась и старина.

Кроме своих песен и сказок русский человек охотно слушал и читал сказки иноземные в переводе, каким бы путем они к нему ни приходили, лишь бы удовлетворяли потребности высвободиться из узкой среды будничной жизни, перенестись в другую, новую, более широкую сферу, к делам выше обыкновенных. Сначала эти иноземные сказания, византийские, переходили на Русь в южнославянских, сербских и болгарских переводах, потом, в XVII веке, западноевропейские сказания переходят преимущественно при посредстве польской литературы. Так, уже давно любимым чтением русского грамотного человека были сказания о подвигах Александра Македонского. В XVII веке была известна у нас в русском переводе знаменитая в средневековой европейской литературе троянская история Гвидона Мессинского. В западноевропейских литературах XVII век был временем упадка рыцарского романа, который уже становится здесь чтением простонародья; у нас же во второй половине XVII века западный, рыцарский роман в переводе с польского усердно читается в высшем грамотном обществе, что́ свидетельствует значительное количество списков, является во дворце, между книгами царевичей, под названием «потешных книг». Это явление служит также указанием того возраста, в каком находим народ наш в описываемое время, возраста детского, когда фантазия преобладает и требует чудесного; рыцарский роман — родной брат нашей богатырско-козацкой песне и сказке, а потому должен был найти радушный прием в русском обществе XVII века, и западный богатырь Буовод'Антона стал таким русским Бовой-королевичем. Посредством переводов с польского русские люди XVII века познакомились с нравоучительными повестями. В начале XVII века толмач греческого и польского языка Федор Гозвинский перевел басни Эзопа, который, по словам переводчика, «нравоучительная к нам сей беседует и в притчах полезная к житию дарует». Этот перевод не был единственным в XVII веке. В то же время переводились с польского огромные средневековые сборники нравоучительных повестей — Gesta Romanorum (дела римские),

Зерцала, собрания анекдотов о знаменитых людях, особенно из греческой и римской истории, так называемая «Апофегмата»; наконец, переводились с польского сборники *фацеций,* т. е. смешных и скандалезных рассказов и анекдотов, острых слов и шуток (смехотворные повести) [161]. Знакомство с иностранными повестями не осталось без влияния, и мы видим в XVII веке попытки к русской повести, где описываются любовные и другие похождения русских людей. Одна из дошедших до нас таких повестей, более древняя, еще связана теми условиями, в которых в старину обыкновенно являлась в русской литературе повесть, сказание, т. е. условиями религиозными. Любовные и служебные похождения одного купеческого сына в царствование Михаила Феодоровича озаглавливаются так: «Повесть зело предивная града Великого Устюга купца Фомы Грутцына о сыне его Савве, как он даде на себе диаволу рукописание и как избавлен бысть милосердием пресвятой богородицы казанские» [162]. Другой дошедший до нас образчик русской повести, «История о Фроле Скобееве», уже свободен от этих древних условий [163].

Но поворот общества на новую дорогу, столь слышный в XVII веке, обозначался не тем только, что переводились и переписывались западные повести, потешные книги, смехотворные повести. Действительно, Запад сманивал русского человека и комедийным делом, и потешною книгою; но поворот главным образом сказывался в том, что сознана была необходимость учиться у Запада, в том, что переводились и переписывались грамматики, арифметики, лечебники, космографии. По русской географии еще с конца XVI века был известен «Большой чертеж земли русской», возобновляемый и дополняемый в XVII веке, вместе с книгою «Большой чертеж», описанием Московского государства по дорогам и рекам. Понятно, что более всего нуждались в книгах люди, часто сталкивавшиеся с западным миром, люди, которые должны были знать, что там делается, в этом мире, которого превосходство так кидалось в глаза. Понятно, что прежде всего нуждались в книгах во дворце и в Посольском приказе, и книги *строились* в двух экземплярах: один брался наверх, к великому государю, другой отдавался в Посольский приказ. Посол, отправлявшийся за границу, преимущественно в Польшу, привозил с собою большое количество польских и латинских книг. Князь Репнин-Оболенский, будучи послан в Польшу в 1653 году, по государеву указу купил там следующие книги: 1) лексикон славяно-русский — дано $4^1/_2$ злотых польских; 2) гранограф Пясецкого — дано десять золотых; 3) дикционер, или лексикон Гданский, на трех языках: на немецком, латинском и польском — дано 15 злотых; 4) Гваг-вин — дано 40 злотых; 5) Библия на польском языке — дано 50 злотых; 6) книга — описание Польши — дано 24 злотых да

от переплету 6 злотых; 7) конституция нынешнего 161 года, дано левок, всего куплено книг на 25 золотых. Легко представить, что два знаменитых начальника Посольского приказа, два знаменитых западника, Ордин-Нащокин и Матвеев, будут самыми усердными собирателями иностранных книг: в 1669 году Ордину-Нащокину прислано было из-за границы 82 латинские книги. Справки непосредственно по русским летописям и хроникам иностранным были тяжелы, явилась необходимость делать из них выборки, а прежде всего составлять наглядные генеалогические таблицы с *парсунами* (портретами) государей и их гербами, причем как для царя, так и для Посольского приказа необходимо было означить, какой российский государь с какими иностранными государями имел сношения. Матвеев в Посольском приказе с товарищами своими, с приказными людьми и переводчиками, сделал «Государственную большую книгу, описание великих князей и царей российских, откуду корень их государский изыде, и которые великие князи и цари с великими ж государи окрестными с христианскими и с мусульманскими были в ссылках, и как великих государей именованья и титлы писаны к ним; да в той же книге писаны великих князей и царей, и вселенских и московских патриархов, и римского папы и окрестных государей всех персоны и гербы». Персоны эти писали иконописцы Иван Максимов и Дмитрий Львов пять месяцев. Великий государь указал этой книге быть в Посольском приказе, а себе и сыну своему царевичу Федору Алексеевичу указал сделать две такие же книги и в прибавку написать персоны детей своих всех и польских королей с Стефана Абатура (Батория). В этом же роде дьяк Грибоедов построил: «Историю, сиречь повесть, или сказание вкратце о благочестно державствующих и святопоживших боговенчанных царях и великих князех, иже в Россиистей земли богоугодно державствующих». Труд Грибоедова представляет генеалогическое перечисление лиц с прибавлением витиеватых похвал; цель — вывести род московских государей и примкнуть к ним новую династию. Перечисление государей начинается с Владимира Св. О переходе первенствующего значения от южных князей к северным говорится так: «По преставлении же в. к. Владимира Всеволодовича Мономаха, Российское царство начат разделятися на многие начала и первоначальство же Киевское и с честию начинашеся преходити инамо. Истинный же наследник отечества Российского царствия в. князь Георгий Долгорукий, иже бысть седьмой сын в. к. Владимира Мономаха, аще и не в Киеве тогда начальствуя, но в Суждале государствуя и в Ростове, честию же преспевая паче всех братий своих». Описав изгнание из Киева Игоря Ольговича Изяславом Мстиславичем, автор говорит: «Великий же князь Георгий Владимирович тогда государствуя в богоспасаемом

граде Москве, обновляя в нем первоначальственное скиптродержавие благочестивого царствия, идеже ныне благородное их семя царское преславно царствуют». Перечислив сыновей Долгорукого, Грибоедов продолжает: «Из них же учинися Российского царствия наследник истинный коренеплодитель, первоначальствующим российским самодержцем богохранимый в. князь Всеволод. И уже тогда киевские велицыи князи подручны бяху владимирским самодержцам, в граде бо Владимире тогда начальство удерживавшеся пришествием чудотворного образа богоматери, с ним же прииде из Вышеграда в. к. Андрей Георгиевич и державствовал. А брат его, сей великий богохранимый князь Всеволод Георгиевич, государствова в Переславли, а оттуда по брате его призваше его во Владимир владимирстии люди и тако над всеми владомыми в Россиистей земли бысть един всем любим самодержец, такожде и сам всех любя и самодержствуя». Ярослав Всеволодович является старшим сыном Всеволода; о нашествии татар ни слова. После Невского автор сейчас же переходит к Даниилу московскому: «Понеже убо тогда честь и слава в. княжения восхождаше на боголюбивый град Москву». За Даниилом непосредственно следует Калита, за Калитою прямо Иоанн II, Симеон Гордый пропущен. Об Иоанне Грозном такой отзыв: «Еще же и житие благочестно имея и ревностию по бозе присно препоясуясь и благонадежные победы мужеством окрестные многонародные царства прият, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Российские земли держава пространством разливашеся, а народи ее веселием ликоваху и победные хвалы богу воссылаху». О первом браке Грозного говорится: «Законному браку сочетася, избра себе он, в. государь, по своему царскому достоинству богомудрую супругу, аки светлый бисер или анфракс камень драгий, всечестную отроковицу и блаженную дщерь некоего вельможи Романа Юрьевича Романова». Следует похвала Анастасии. После царя Феодора следует известие о происхождении Романовых: «От матери его Анастасии Романовны родословие сице: в древних летех в Российское царствие выехал из Прусские земли государя прусского сын Андрей Иоаннович Романов, а прусские государи сродники Августу — кесарю римскому». Книга, оконченная в 1669 году, первоначально состояла из 36 глав и заключалась длинным описанием объявления царевича Алексея Алексеевича наследником. Впоследствии прибавлены известия о смерти царицы, царевичей, самого царя Алексея Михайловича и о восшествии на престол Феодора Алексеевича [164].

Любопытно сравнить это произведение московского дьяка с современным произведением малороссийского ученого, с знаменитым Синопсисом Гизеля. Малороссийский ученый начитался польских книг, коротко познакомился с Стрыйков-

ским и высказывает свою ученость тем, что производит русский народ от Мосоха, сына Яфетова, название руссов производит от рассеяния, имя славян от славы, которую предки наши снискали воинскою храбростию, говорит о помощи, поданной славянами Филиппу и Александру Македонским. Основатели Киева, Кий с братьями, происходят от Мосоха; Аскольд и Дир названы потомками Кия; варягов автор называет славянами, а через несколько строк говорит, что князья варяжские пришли от немец; Аскольд и Дир, названные прежде потомками Кия, являются мужами Рюрика, и дело соглашено так: «Беста у Рюрика, князя великоновгородского, некая два нарочита мужа, о них же не бе тамо известно, аще идоша от колена основателя и первого князя киевского Кия». По смерти Ярослава I автор перемешивает князей и события, опуская главное, выставляя незначущее, сопоставляя разноречивые свидетельства об одном и том же событии, как, например, говорит, что Владимир Мономах добыл цепь, пояс и шапку княжую от старосты Кафинского, которого поборол на поединке, и на другой же странице говорит, что все эти вещи были присланы Мономаху из Византии. О северной России мы не находим ничего в Синопсисе, и после взятия Киева Батыем автор прямо переходит к длинному описанию Мамаева побоища; потом обращается опять к Батыю, к его походам на запад; перечисляет князей северных и южных, говорит о перенесении митрополичьего престола из Киева прямо в Москву, о взятии Киева Гедимином, о разделении митрополии, об учреждении патриаршества в Москве, о превращении княжества Киевского в воеводство, о присоединении Киева к Москве — кратко, в общих чертах.

Таковы были первые попытки, первый младенческий несвязный лепет русской историографии у нас на севере и юге. Разумеется, мы не решимся отдавать преимущества одному сочинению перед другим, заметим только, что царский характер истории северной России резко сказался в сочинении московского дьяка. Записывание современниками важнейших общих или наиболее занимавших их, наиболее к ним близких событий не прекращается ни на севере, ни на юге; но составление летописных сборников в старой форме останавливается, и вследствие новых потребностей являются сочинения вроде «Истории о царях» или Синопсиса. Наверху у великого государя были уже книги *Василиологион* — персоны ассирийских, перских, греческих, римских царей и великороссийских великих князей и царей; в 1675 году Матвеев приказал построить еще два экземпляра Василиологиона. В Посольском же приказе при Матвееве построены были книги: Мусы или седмь свободных учений в лицах; о Сивиллах; Хрисмологион на откровение сна Даниилом пророком Навуходоносору о четырех монархиях; история о мужественнейших в воинских опол-

чениях ассирийских, перских, еврейских, греческих, римских царях и великороссийских великих князьях и царях. Слагал эти книги и сбирал из различных книг Посольского приказа эллино-греческого языка переводчик Николай Спафарий да подьячий Петр Долгов. Старанием Матвеева же построена была книга о важнейшем событии для новой династии, о избрании на царство Михаила Федоровича [165].

В 1650 году вызваны были в Москву два киевских ученых монаха, известные нам Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, для перевода с Библии греческой на славянскую речь и для риторского учения, дано им жалованья — поденного корму по 4 алтына, питья с дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива. В предисловии к Евангелию, переведенному Славинецким, говорится: «По кончине патриарха Питирима царь указал, а собор благословил переводить Библию всю иеромонаху Епифанию Славинецкому, назирати же дело и трудящихся снабдевати указал государь Павлу митрополиту сарскому. Епифаний выбрал себе в помощники Сергия, бывшего игумена путивльского Молчинского монастыря, Евфимия монаха Чудова монастыря, Никифора иерея справщика книг, Моисея иеродиакона Чудова монастыря, Михаила Родостамова и Флора Герасимова, книгописцев книг печатного дела. Симеону же Полоцкому не изволи отец Епифаний у дела сего быти того ради, зане аще и учен бе, по латински точию, гречески же ниже малейше что-либо знаше. Павел митрополит устрои в дому своем, сущем вне града Москвы, именуемом Крутицы, на горах высоких и крутых над рекою Москвою, тихом сущем месте и безмолвном, приличном делу сему, храмины приличные содела и вертоград разных видов древ и цветов и зелий всяких насади и источник ископа тещи сладководный за утешение и оградою огради яко ин некий рай». Епифаний мог перевести только Новый завет, потому что умер в 1676 году. Но старцы не могли ограничиться переводом Библии и риторским ученьем; Епифаний перевел «Уставы граждано-правительственные» из первой книги Фукидидовой истории и из конца панегирика Траяну Плиния младшего; с латинского: географии 2 части — Европу и Азию; книгу врачевскую — анатомию Андрея Вессалия Брукселенска; о убиении краля Аггельского (английского короля Карла I); гражданство и обучение нравов детских [166]. Сатановский перевел большой сборник *О граде царском,* или поучение некоего учителя именем Мефрета, собрано от 120 творцов греческих и латинских, как внешних философов, стихотворцев и историков, врачев, также и духовных богословцев и сказателей писания божественного. А писано в той книге имена и свойства, или естественные природы, различных многих зверей четвероногих, птиц, рыб удивительных морских, змиев и всяких пресмыкающихся, каменей драгих, бисер,

древес всяких, моря, рек, источников, лесов, четырех стихий: воды, земли, воздуха, огня. Обретаютжеся еще повести на всякую вещь, философов, царей, врачевание на многовидные болезни, обычаи различных языков, положение стран, выспрь гор, различные семена, злаки травные, притчи и иная многая собранная и в едино место совокупленная. А сложено то все разумом и прикладом в троице св. единому, ко ангелам, к человеку и его добродетелем и злобам, такожде и к коварству демонов и к похвалению святых божиих, к хулению же еретиков удивительным прировнянием и свидетельством Ветхого и Нового завета писанные и с толкованием учителей церковных приводятся. И таковыми приводы и чудным остроумием сочинены поучения на целый год, на все недели и на праздники господские и богородичны и на святых и на всю четыредесятницу по две и по три, всякое же поучение таково есть пространно, что от всякого мочно два и три и четыре и пять поучений соделати»[167]. Сатановскому за перевод этой книги велено было давать по гривне на день вместо прежних четырех алтын.

Из обзора этих книг, переводившихся и *строившихся* преимущественно для дворца и Посольского приказа, мы видим, что вследствие пробудившейся потребности знания особенно нуждались в таких книгах, из которых бы можно было поскорее узнать как можно более необходимых вещей. Для взрослых людей, хотевших быть и слыть образованными, всего нужнее были краткие учебники и энциклопедии, чтоб из немногих книг узнать как можно больше. Но если старик Морозов в разговоре с учеными иностранцами горько жаловался, что в молодости не получил образования, то люди, подобные Морозову, которых становилось все больше и больше, необходимо должны были прийти к мысли дать образование своим детям, чтоб они после не жаловались, будучи принуждены сами, без руководств и опытности, узнавать кое-что из кое-каких переводных книжек. Поэтому не удивительно, что сперва во дворце, а потом и в домах вельможеских мы видим при детях наставников, людей, способных из многих книг собрать разного рода знания и живым, легким способом передать их молодым людям и при этом, главное, сообщить им средство самим потом продолжать учение, т. е. сообщить им знание иностранных языков.

Первыми и сначала исключительными наставниками царевичей были подьячие, которые учили их грамоте, читать и писать. Разумеется, из подьячих выбирались для этого безупречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, приятной наружности и с хорошими манерами, т. е. чтоб умел «крест сполна класть по писанному и поклон вести по ученому». Учителем царевича Феодора Алексеевича был подьячий Посольского приказа Памфил Белянинов[168]. Но од-

ним подьячим в царствование Алексея Михайловича уже нельзя было довольствоваться и вызван был наставник другого рода. Здесь, разумеется, употреблена была та же сделка, которая вообще употреблялась у нас в XVII веке для введения образования: иностранца-иноверца призвать не хотели, призвали ученого западнорусского монаха, Симеона Петровского Ситияновича, известного более под именем Полоцкого по месту происхождения.

Симеон Полоцкий был образцом домашнего учителя, какой требовался у нас в XVII, XVIII и даже в XIX веках: выучить детей всему, но без принуждения, уметь подсластить науку, приохотить к ней; но кроме учения детей домашний учитель должен быть годен и на другие послуги в доме; именины господина или госпожи: домашний учитель пишет поздравительные стихи и речи; пишет театральные пьесы; умрет кто-нибудь в семействе — у домашнего наставника готовы и жалобные стихи. Таков был и Симеон Полоцкий, ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем, ловкий собиратель отовсюду чужих мнений и старающийся представить их занятно, заставить выучить их шутя: разумеется, от такого человека нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. Мы видели переводы энциклопедий вроде «Града царского», сборников с анекдотами о знаменитых людях, замечательных изречений: Полоцкий, зная языки латинский и польский, собирает отовсюду анекдоты, изречения, определения, и все это переводит стихами, виршами, в виршах излагает главные события Ветхого и Нового завета, историю римских императоров, «того ради да присвойственною себе сладостию сердцам читателей приятнейши суще, аки нуждею влекут я ко читанью частейшему и удобнее памятию содержаться могут». Войдем же в учебную комнату царевича и посмотрим, что Полоцкий предлагает в виршах своему ученику. Он говорит ему о *гражданстве* и предлагает определения семи греческих мудрецов, внушая, что все они хороши:

Како гражданство преблаго бывает
Гражданствующим знати подобает.
Разная седми мудрых суть мнения,
Но вся виновна граждан спасения:
Премудрый Виас даде слово свое
Гражданство быти преизрядно тое
В нем же закона, яко царя, боятся
И царя, яко закона, страшатся.
Хилон то блажит, где законов слушают,
Велесловных же ритор не глашают.
Клеовул паки тои град похваляет,
Где бесчестия всяк ся устрашает
Гражданин, паче закона самого
На преступника в книгах писанного...
и т. д.

В виршах Полоцкий представляет своему ученику образец доброго начальника:

Пастырь с овцами образ предлагает,
Како нам жити в мире подобает;
Пастырь начальны знаменует люди,
Стадо подданных в образ нам буди,
Едаже пастырь стадо присещает,
Овца на пути не лежит, но встает,
Аки честь ему хотяще творити.
Взаим же пастырь овцы соблюдает,
И на рамах си блудные ношает.
Тако начальник должен есть творити
Бремя подданных крепостно носити
Не презирати, ни за псы имети,
Паче любити яко своя дети.
И то в памяти выну содержати,
Яко земля тех и его есть мати.
Пастырь жезлом укрощает стада,
Женет на паству, женет и внудь града:
Тако начальник жезлом да управит,
Винна накажет, невежду наставит,
Обаче косен да будет язвити,
Идежде довле есть, токмо страшити.

В виршах описывает добродетели, приличные державным, прежде всего благочестие, потом:

Вторая сану начальных прилична
Есть добродетель в мире необычна:
Та смирение есть божественное
Христом господом вконец храненное.
Имать начальник в памяти держати,
Яко не в веки будет обладати:
Смерть бо, пришедши, хочет власть отъяти.
С прочими людьми в персти сравняти.
Третие властей добротворение
Еже хранити им рассуждение
Во всяких делах, а не уповати
На един свой ум, выну вопрошати
Умных совета, тако бо вершити
Благо вся мощно, а не погрешити.
Очеса лучше видят, неже око,
Никто о себе да держит высоко;
В мнозе совете есть спасение,
В едином уме поползновение.
Четвертая есть добродетель властей
Правду хранити. Блюсти от напастей
Подчиненные, и чести давши
Достойным, а не на злато смотрети,
Равно судити мала и велика
На лице зрети прещает владыка.
Не яко сеть им закон да бывает
Юже не крепку паук сплетает:
Та бо животно мало уловляет
Большее сети самые терзает. Не буди тако, но един суд буди
Всем иже в единой области суть люди.

В виршах высказал Полоцкий господствовавшее правило тогдашнего воспитания детей:

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает,
Розга буйство из сердец детских прогоняет.
Родителям древяный жезл буди на чада,
Да не страждут железна от судии града:
Уне в дому древяным в детстве оны бити
Неже возросших градским железом казнити.
Моисий донележе жезл в руце си держаще,
Не что ино, точию жезл древяный бяше;
Егда же поверже, в змия превратися,
Даже и Моисий его зело устрашися:
Тако аще на чада жезл в руках бывает
Отчих, наказания жезл он пребывает,
Не могущ умертвити. Аще же пустится
Из руку, тогда в змия люта претворится.
Абие бо ко грехом чада ее склоняют
И, теми уязвлени, бывше умирают.

Пришлец, достигший важного значения при дворе, явившийся в Москве с опасными преимуществами учителя, оскорблявшими самолюбие старых учителей, Симеон Полоцкий не мог не столкнуться с последними, имевшими за собою толпу; он столкнулся с архиереями, которые опирались на свое важное архипастырское значение, а Симеон Полоцкий опирался на свое образование, дававшее ему сильный голос при решении важных вопросов, опирался на свое положение, на свой вход наверх; Симеон Полоцкий столкнулся с самим патриархом Иоакимом, тем более, что не отличался смирением Епифания Славинецкого, скромного келейного труженика, а патриарх Иоаким, как мы видели из дела духовника царского, не любил, чтоб кто-нибудь из духовенства, опираясь на свое положение наверху, забывал о своем непосредственном подчинении святейшему. О Полоцком пошли толки, что его учение не совсем правильно; обвинение страшное при тогдашней подозрительности относительно новых учителей. Полоцкий благодаря своей ловкости, недоступности таким обвинениям, каким был доступен, например, духовник Савинов, удержался, но не мог не выразить своего негодования на пустые толки толпы, на которые не следует власти обращать внимание, не мог удержаться, чтоб не задеть и архиереев.

Не веруй убо гласу общему народа,
Ищи в деле правды человеча рода,
Слово ветр развевает, а кто тому верит
Безрассудно, срамоты мзду себе возмерит.

Об архиереях Полоцкий сложил вирши:

Архиереем к тому сущим в благодати
Желал бым речение *образ* приписати,
Ежебы не точию истину учити,
Но и житием святым образы всем быти.

Понятно, что Полоцкий должен был усердно проповедовать в пользу нового порядка вещей, наступление которого и дало ему важное значение в Москве, наверху у великого государя. Между виршами его находится любопытное указание на то, как пример сверху должен способствовать распространению просвещения:

Франтиск именем первый краль францийский бяше
Сей яко писание и мудрость любяше
(Еяже родители его не любяху
Но подобием варвар в простоте живяху)
Абие честных дети писаний взискаша
Кролевску люблению тако угождаша.
И бысть в мале времени мудрость расширена,
Образом краля во все земли умножена:
Обычай бо есть в людях царю подражати,
Еже ему любезно — всем то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
Царствуяй восприемлет, ради всех исправы.

Полоцкий провозглашает о необходимости научного образования и в проповедях своих. Так, в слове на день Рождества Христова проповедник от лица патриархов александрийского и антиохийского, именем божией премудрости, рожденной в Вифлееме, умоляет русских людей взыскать науку, потому что она свет умственных очей и правило всему житию человеческому. Обращаясь от лица патриархов к царю, он убеждает его основывать школы, умножать *спудеов* (студентов) своею милостию и вниманием, сыскать хороших учителей и всех почестями поощрять к трудолюбию.

Ревнитель просвещения, призванный в Москву для его распространения, Симеон Полоцкий в проповедях своих напал на старых учителей, священников, за их невежество: «Великим нерадением их и всеконечным небрежением о духовных детях, премногие несмысленные люди, как бессловесные овцы, от пути правого жития заблудились и в пропасть погибельной жизни уклонились... Многие невежды, не бывшие никогда и нигде учениками, смеют называться учителями... по правде это не учители, но мучители. Оттого умножилась в людях злоба, преуспело лукавство, волхвование, чародейство, разбой, воровство, убийства, пьянство и нелепые игрища, грабежи, хищения и тому подобное, наконец и восстание против власти. Виною всего этого преимущественно неуменье и нераденье духовных отцов: не учат и не наставляют детей своих духовных» [169].

Одними обличениями в невежестве нельзя было вдруг сделать всех священников сведущими и искусными проповедниками, и потому в числе проповедей Полоцкого находим слово, написанное им для того, чтоб священники читали его проповеди своим прихожанам. Но любопытно взглянуть на деятельность одного достойного священника, который явился

подражателем Полоцкого в отдаленном углу России. Именитый человек, Григорий Дмитриевич Строганов, «истинное всем российским вельможам и богачам ясное светило по благочестию», отличался в Пермской стране своею щедростию, гостеприимством и любовию к церковному благолепию. В своем отчинном городке Орле он построил церковь похвалы Богородицы, завел при ней отличный хор певчих и стал искать отличного священника; ему сказали, что есть такой в Соликамске, и Строганов поспешил перезвать его к себе в Орел, принял с большою ласкою и почетом, и стал уговаривать ко введению новизны, говорению проповедей. Священник, слыша, что в *России* (так в Пермском краю называли центральные московские области) по многим городам говорят устно поучения, согласился подражать проповедникам, но как это сделать? Взять проповеди Симеона Полоцкого — слог неудобен: простейшим людям «за высоту словес» тяжело слышать; взять переводы проповедей Златоуста — их не понимают не только слушающие, но и читающие, не только миряне, но и священники, прямо говорят, что писаны иностранным языком. Священник взял беседы Златоуста, но стал излагать их простейшим языком, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даром нововводителю: начали его бранить, смеяться над ним, не щадили укорительных слов, подучали друг друга не слушать его проповедей, кричали: «Прежде здесь были священники добрые и честные да так не делали, жили попросту, и мы жили в изобилии; а этот с чего взял вводить новизны?» Неудовольствие происходило оттого, что прежние священники жили слишком попросту, не имея уважения к самим себе, к своему званию, не умели внушать прихожанам уважения к себе и потворствовали мирянам, которые привыкли смотреть на священника как «на последнейшего раба», привыкли распоряжаться церковным уставом, порядком службы, как им хотелось: священники не прекословили. Священники в восстании на орловского нововводителя приняли сторону недовольных мирян. Нововводитель не остался у них за это в долгу и громил их в проповедях своих. «Пастыри наши не о стаде христове прилежат, но о злате и серебре, о рабах предходящих, о колесницах и конях, о зданиях и селах, о вина множестве, о риз украшении. Обретаются в роде моем такие слепые вожди, думают, что мудры, а на деле грубейшие невежды, говорят: что нам в книгах учительных? Достаточно Часослова и Псалтыря. Правду говоришь, достаточно, если кто знает силу в них написанного, но это знание далеко от тебя и от разума твоего. Безумец! сидя за полными чашами в корчемнице, ты рассуждаешь, в корчемнице ты велеречив, а в церкви связан безгласием, пленен неразумием. Говорят, что довольно, если священник книгу читает пред народом в церкви, а устное

учение укоряют и еретическим называют. Безумец! кого к еретикам причисляешь? патриархов, пророков, апостолов! Теперь святители и священники пьянства ради и человекоугодия, желая власти и виноград Христов презирая, высокую честь и достоинство свели в бесчестие, укоризну и посмеяние: сего ради не от царей и князей, но от худых людей, как от шелудивой овцы и от смрадного козла, пастырь бедный срамоту, хуление, злоречие, досаждение и биение, узы и смерть принимает. О прочем помолчу и слезами утолю, по какой причине явилось это дело лукавого демона». Проповедник собрал все свои беседы в одну книгу, которую назвал *Статир* [170].

Подле двух пришельцев в Москву, грека Паисия Лигарида и белорусца Симеона Полоцкого, громко провозглашавших необходимость науки, мы должны поставить третьего, серба Юрия Крижанича. В то время когда русское общество тронулось, сознавши необходимость нового пути, но сильно колебалось при этом, далеко не сознавая, как идти безопаснее и скорее по этому новому пути, является ученый серб, горячий славянский патриот, который смолоду удручен скорбию о печальной участи славянских народов и в русском царе видит единственного славянского государя, могущего подать руку помощи всем остальным соплеменным народам: «Тебе, пречестной царь, выпал жребий промышлять обо всем народе славянском; ты, как отец, должен заботиться о собрании рассыпанных детей. Ты один, о царь, дан нам от бога, да пособишь задунайцам, ляхам и чехам: да познают свое притеснение от чужих, свой позор, и начнут промышлять о просвещении народа и сбрасывать с шеи немецкое ярмо. Задунайские славяне (болгары, сербы и хорваты) уже давно сгубили и государство свое, и всю силу, и язык, и весь разум: не разумеют, что такое честь народная, не думают о ней и сами себе никак не могут помочь; внешняя сила им надобна, чтоб поставить их опять на ноги и включить в число народов. Если ты, царь, не можешь, в настоящее трудное время пособить им, государство их привести в прежнее состояние и устроить, то по крайней мере можешь язык славянский в книгах исправить и пригодными разумными книгами этим людям умные очи открыть, да начнут познавать честь народную и думать о своем восстановлении. Чехи, а недавно и ляхи впали в одинаковое с задунайцами окаянство. Ибо хотя ляхи и хвастают обманчивою тению государства и своим своевольством, однако дело известное, что сами они не могут избавиться от своих бед и позора. Помочь им и дать им народное просвещение ты, царь, можешь легко». Крижанич, по его словам, пришел в Россию, чтоб совершить три работы: во-первых, поднять славянский язык, написавши для него грамматику и лексикон, чтоб могли мы правильно говорить и писать, чтоб

было у нас обилие речений, сколько нужно для выражения человеческих мыслей при общих народных делах. Во-вторых, написать историю славян, в которой опровергнуть немецкие лжи и клеветы. В-третьих, обнаружить хитрости и обольщения, которыми чужие народы обманывают нас, славян. Крижанич исполнил первое (относительно грамматики) и последнее намерение. Нас, разумеется, должны занять его *«Политичные думы»,* обширное сочинение, в котором он начертывает печальную картину состояния России, требует важных преобразований, требует науки, и вместе с тем старается возбудить самую сильную недоверчивость, ненависть к людям, от которых можно было заимствовать науку, средства к выводу России из ее печального состояния, к иностранцам, к немцам, как прирожденным врагам славян. Понятно, что по этому самому преобразовательный план Крижанича в основной мысли своей был неудобоисполним — общая участь планов, проектов, конституций, составляемых теоретиками в кабинетах, без соображения с историческими законами жизни народов. Несмотря на то, сочинение Крижанича для нас очень важно: оно дополняет и подтверждает наши сведения о России перед эпохою преобразования и во многих случаях объясняет нам те пути, по которым действительно пошла преобразовательная деятельность. Книга Крижанича была наверху у великого государя, следовательно, есть основание предполагать, что она не оставалась без влияния [171].

Если книга Крижанича имела влияние, то прежде всего должна была в читавших ее окончательно уничтожить китаизм, высокое мнение о самих себе и презрение к другим народам, прояснить сознание о собственных недостатках, о преимуществах других народов и этим самым подвинуть к переменам, которые, естественно, должны были прежде всего высказаться в подражении. «Главный вред для общего блага проистекает от незнания самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любят, когда считают себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самом деле таковыми». Русских людей тяготила страшная бедность: Крижанич указывает на богатейшие западные государства, указывает и на то, почему они так богаты: Англия и Нидерланды потому богаты, что там разумы у народа хитры, морские пристанища и торги отличные, цветет всякое ремесло, земледелие и обширная морская торговля; еще славнее и счастливее бывает государство, когда в нем при этом и законы хороши, как, например, во Франции. А Россия? При всей своей неизмеримой широте и длине она со всех сторон заперта для торговли; мало в ней торговых городов, нет дорогих произведений; умы народа тупы и косны, нет никакого уменья ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве; русские, поляки и все славяне не умеют вести дальнюю торговлю ни сухим

путем, ни по морю; купцы русские не учатся даже арифметике, оттого иностранным купцам ничего не стоит их обмануть. Русский человек сам ничего не выдумает, если ему не укажут; книг у него никаких нет ни о земледелии, ни о других промыслах; он ленив, не промышлен, сам себе не хочет добра сделать, если силою не будет принужден; язык его беден, беднее всех главных европейских языков, потому не удивительно, что и разумы наши тупы и косны: чего не можем словом сказать, того не можем и думою замыслить; истории русский человек не знает, никаких политических разговоров вести не может и потому иностранцы его презирают. В покрое платья высказывается разум народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовут нас варварами, особенно нерасчесанные волосы и борода, остриженная голова делают нас мерзкими, смешными, какими-то лесовиками. Едим мы нечисто, деньги прячем в рот; мужик держит полную братину и пальцы в ней окунуты, так и гостю подает; квас продается погано, посуда не моется. Датский король сказал о наших послах: «Если эти люди еще ко мне придут, то должен буду построить им свиной хлев: потому что, где они постоят, там полгода никто не может жить от смрада». Неуменье изъясняться, лень, пьянство и расточительность — главные наши природные свойства; от расточительности происходит жестокость относительно подчиненных. У нас нет природной бодрости, благородной гордости, одушевления, не умеем держать себя с достоинством. Турки и татары, хотя и побегут, не дадут себя даром убить, но обороняются до последнего издыхания. А наши ратные люди когда побегут, то уже не оборотятся, но дают себя сечь, как мертвые. Великое наше народное несчастие — эта неумеренность во власти; не умеют наши люди ни в чем меры держать, не могут средним путем ходить, но все по окраинам и пропастям блуждают. То у нас правительство вконец распущено, господствует своеволие, безнарядье, то уже чересчур твердо, строго и свирепо. Во всем свете нет такого безнарядного и распутного государства, как Польское, и нет такого крутого правительства, как в России. Расплодились в русском народе премерзкие нравы, так что пред другими народами русские являются обманчивыми, неверными, склонными к воровству, убийству, неучтивыми в беседе, нечистоплотными. А отчего все это происходит? Оттого что всякое место наполнено кабаками, заставами, откупщиками, целовальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и везде связаны, ничего не могут свободно делать, трудом рук своих не могут свободно пользоваться. Все должны делать и торговать тайком, в молчанку, со страхом и трепетом, укрываться от такой огромной толпы правителей или палачей. А сами эти целовальники и притеснители народа, не получая достаточного жалованья, не

могут как должно исполнять своих обязанностей, нужда заставляет их искать корысти и брать подарки от воров. Таким образом, люди, привыкши все делать тайком, как воры, со страхом, с обманом забывают всякую честь, становятся трусливы на войне, делаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистоте; не умеют они ценить чести, не умеют делать различия между людьми. Первый вопрос, с которым обращаются к незнакомому человеку: «Есть ли у тебя жена?» Второй: «Сколько получаешь царского жалованья? Сколько у тебя имения?» Не стыдятся купаться перед всем народом. Если они в ком-нибудь нуждаются, то не знают меры унижению. Италиянцы, испанцы, турки, бережливы и трезвы; немцы бережливы, но большие пьяницы; все славяне расточительны и любят попировать; однако ни у немцев, ни у остальных славян, нигде на свете, кроме одной русской державы, не видно такого гнусного пьянства: по улицам в грязи валяются мущины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают. У турок нам должно учиться трезвости, стыдливости и правосудию. Эти неверные не менее нас грешат противуестественным грехом; но они соблюдают стыдливость: никто у них не промолвится об этом грехе, не станет им хвастаться, ни упрекать другого. Если кто проговорится, то не останется без наказания, а у западных народов сожигают таких преступников. В России же этот гнусный грех считают шуткою. Публично, в шутливых разговорах, один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху, недостает только, чтоб при всем народе совершали преступление. Необходимо в этом государстве употребить какие-нибудь средства, чтоб поднять стыдливость против содомии, общественную трезвость против гнусного пьянства, правосудие против чиновников, о которых говорит Исаия: «Начальники твои — сообщники воров».

Такую-то печальную картину народного банкротства в экономическом и нравственном отношении начертывает нам славянский патриот, которого нельзя заподозрить в равнодушии или злорадстве относительно язв древней России, как можно заподозрить какого-нибудь немецкого путешественника; читая описание этих язв у нашего серба, чувствуешь, как сердце автора обливалось кровию при исполнении печального долга обличения. Он писал не для того только, чтоб обличать: при обличении он предлагает средства к исправлению зла.

Первое, главное средство — это наука, окружение себя мертвыми советниками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрых советников: «Книги не увлекаются ни алчностию, ни враждою, ни любовию, книги не ласкательствуют, не боятся поведать истины. Всяким другим людям хорошо учиться мудрости из практического опыта, не полезно это

одним верховным владетелям: частный человек учится ошибками, но ошибки государей влекут за собою неисправимые бедствия народные. Итак, государям необходимо учиться мудрости от добрых учителей, книг и советников, а не из опыта. Да не скажет кто-либо, что нам, славянам, путь к знанию закрыт решением небес, как будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себе науки: и остальные народы не в один день и год, но мало-помалу учились от других; так и мы можем научиться, если захотим и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что бог возвысил на Руси государство славянское, какого прежде никогда не бывало в нашем племени, а известно, что у народов науки начинают цвести в период наибольшей силы политической. Скажут: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвечаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магомет был не мудрец, крайнюю глупость написал в своих книгах, а между тем наплодил ересь самую распространенную на свете. А на Руси ересь встала разве не от глупых, некнижных мужиков? Мудростию ереси искореняются, вследствие невежества пребывают во веки. От огня, воды, железа умирают многие люди, но без них и жить нельзя; точно так же и мудрость потребна людям».

Но Крижанич не довольствуется распространением просвещения как единственным средством излечения язв России. Он предлагает и другие средства, и в них указывает тот путь, каким действительно пошло преобразование. «В России полное самодержавие, — говорит он, — повелением царским можно все исправить и завести все полезное. Таким образом, преобразование должно идти сверху, от самодержавной власти: русские сами себе не захотят добра сделать, если не будут принуждены к тому силою». Как же самодержавный государь начнет преобразования? Для поднятия торговли он должен запретить иметь лавку с товарами тому купцу, который не знает грамоте и цифири. Торговые люди должны иметь своих выборных старост и лавников и судиться между собою в некоторых наименьших делах; должно быть им облегчено средство бить челом великому государю и защищаться от воеводских притеснений. Для введения и процветания ремесел нужен особый приказ, который бы их ведал исключительно; нужно перевести на русский язык сочинения о ремеслах, перевести книги о земледелии; нужно вызвать отличных ремесленников из-за границы с правом свободного возвращения домой, но не прежде, как выучат русских молодых людей своему ремеслу; нужно ввести цеховое устройство. Надобно промышлять, чтоб из чужих стран привозился в Россию сырой материал и чтоб здешние ремесленники обрабатывали его, и заповедать накрепко, под страхом казни, вывозить за границу сырье. Царь должен взять в свои руки всю

заграничную торговлю: только таким способом можно будет знать смету товарам, чтобы не вывозить слишком много наших товаров, в которых нет избытка, и не привозить чужих ненужных. Русь редко населена и не так людна, как бы могла быть, по следующим причинам: 1) крымцы пустошат землю беспрестанными наездами: на всех военных кораблях турецких не видно почти никаких других гребцов, кроме русских людей; по всем городам и местечкам Турецкой империи такое множество русских пленных, что турки обыкновенно спрашивают у наших: остались ли еще на Руси какие-нибудь люди? 2) Немцы своими промыслами земли убожат, хлеб вывозят, торговлею всею завладели, в военной службе высшие места взяли. Третья причина малолюдства — жестокое правление. Четвертая причина — недостаток камня, из которого бы можно было строить прочные здания. Пятая — выселение людей в Сибирь и на Украйну. Для увеличения народонаселения правительство должно способствовать увеличению числа браков, должно определить, сколько священник должен брать за венчание, чтоб бедным людям было не убыточно; правительство должно озаботиться, чтоб по городам и селам для новобрачных были готовые дворы, чтоб бедность, неимение где жить не останавливали браков, должно запретить бедным людям истрачиваться на свадебные пиры; девицам из черни запретить носить богатое платье и украшения. Автор щедр на сильные выходки против русского платья и бороды, упрекать русских, что они в одежде своей лучше хотят подражать азиятским варварам, чем образованным европейцам.

Такова преобразовательная программа ученого серба. Всякому легко может показаться, что Петр Великий в своей преобразовательной деятельности находился под влиянием этой программы. Мы далеки от мысли предполагать здесь непосредственное влияние; но сравнение программы Крижанича с деятельностью Петра очень важно: оно ясно показывает, что пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личного произвола, его личных взглядов, а были следствием общих взглядов тогдашних лучших людей, тогдашних авторитетов.

Но понятно, что в одном программа Крижанича никак не могла быть выполнена: на деле русские люди в эпоху преобразования никак не могли разрешить того противоречия, которое в теории, по-видимому, разрешалось; мы видели, что Крижанич старался внушить русским людям сознание своих недостатков, указывал, как западные европейцы далеко опередили их, требовал, чтоб русские люди учились у них, учились не только наукам, но и нравственности, переводили их книги, вызывали их ремесленников и в то же самое время отвращались от них, как от самых злых врагов. Автор видел

противоречие и, чтоб выпутаться из него, потребовал от русских людей уменья положить границы между подражанием и подчинением влиянию того, кому подражаем, потребовал уменья при заимствовании цивилизации у иностранцев отличать добро от зла, т. е. потребовал, чтоб русские люди перескочили вдруг несколько веков, от низшей степени образованности к самой высшей, из детства к полной возмужалости; но народы скачут таким образом только под перьями теоретиков, не хотящих знать историй, действительности. По мысли Крижанича, иностранным купцам никак не должно позволять иметь в России дома, лавки, склады, погреба, никак не должно пускать к себе иностранных купеческих агентов, консулов, резидентов: «Наш славянский народ весь подвержен такому окаянству: везде на плечах у нас сидят немцы, жиды, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше *чужебесие,* или глупость, вследствие которой иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас все, что хотят, потому и зовут нас варварами». Не постигая исторического закона, по которому народ менее образованный необходимо подвергается влиянию и даже господству народа более образованного, Крижанич смешал следствие с причиною и опозорил славян, приписав им как врожденный недостаток это чужебесие, которое было только необходимым следствием первой и единственной причины — незнания. Требуя недопущения купцов иностранных во внутренние области, Крижанич требует, чтоб не принимать в службу ни одного иностранца, ни одному не давать права гражданства, потому что немцы, принятые в службу, могут причинять только одно зло: немец был и Басманов, любимец Расстриги, немец был и Шеин, погубивший русское войско под Смоленском!

Но Крижанич вооружается не против одних немцев: одинаково сильно, если еще не сильнее, вооружается он и против греков. Ложность положения, в каком нашелся наш ученый серб в Москве, заключалась в том, что, будучи единоплеменником, своим, славянином, он в то же время был чужой, был латинец, католический священник. До Крижанича в России сознали необходимость учиться у иностранцев, но главное затруднение, главное возражение здесь состояло в том, что эти иностранные учителя — иностранцы, неправославные. Чтоб избежать опасности для веры, обратились за наукою к *своим* не в смысле единоплеменности, но в смысле единоверия, обратились к малороссиянам и грекам. И вот в то время, когда авторитет греков был наивысшим, когда хотели учиться, но вместе с этим и прежде всего хотели сохранить чистоту *гре-*

ческой веры, является в Москву ученый славянин, предлагает свои учительские услуги, но не может удовлетворить главному условию, при котором мог быть допущен учитель, — быть православной, греческой веры; Крижанич не мог скрыть, что он латинец и даже латинский поп. Ученый серб пришел не вовремя: незваного учителя сослали в Сибирь. Разумеется, можно предположить, что злые выходки Крижанича против греков могли быть следствием его несчастия, которое, как видно, он приписывал грекам; но еще с бóльшим основанием можно предположить и то, что латинский поп, когда еще находился в Москве, не мог удержаться от выходок против греков, как схизматиков, не мог удержаться и от других выходок, которые сильно должны были оскорбить тогдашних русских людей.

Крижанич противополагает греков немцам в том отношении, что эти прирожденные враги славян влекут их к противоположным крайностям. «Немцы приносят нам ядовитые новизны — греки, безрассудно осуждая всякую новизну, предлагают свои глупости под важным именем древности. Немцы сеют ереси — греки хотя научили нас истинной вере, однако приплели к ней схизму. Немцы преподают нам и добрые и вместе дьявольские науки — греки восхваляют невежество и всякую науку считают еретическою. Немцы думают получить спасение одною проповедию — греки пренебрегают проповедию и считают полезнейшим молчание. Немцы кричат, что не позволяется никого судить, — греки, наоборот, утверждают, что надобно осуждать людей, не выслушав их» (здесь можно видеть намек на судьбу самого автора). Подробно исчисляет Крижанич случаи злоупотреблений, какие позволяли себе греческие духовные, приходившие за милостынею в Россию и не разбиравшие иногда средств для увеличения этой милостыни; между прочим, Крижанич рассказывает любопытный случай, бывший с ним самим: «Некто Софроний, называвший себя митрополитом Филиппополя и Драмы, а в народе известный под именем Македонского, принуждал меня сочинить ему подложные грамоты от имени патриарха Иоанникия, как будто бы он был отправлен им по общим нуждам церковным. Когда я не соглашался на это, то он вместе с другим каким-то митрополитом хотели меня высечь, но я вырвался и убежал к городскому писарю. Но признаюсь, что после я сочинил ему грамоты, опасаясь за свою жизнь».

В России знали о подобных злоупотреблениях и принимали против них средства, с большими предосторожностями допуская собирателей милостыни; но в России знали также очень хорошо, что самые видные из греков, являвшихся в Москве, вовсе не были проповедниками невежества, считавшими полезнее молчать, чем проповедовать. Как уже было замечено, Крижанич в своей католической ревности задел не

одних греков, задел и русских, вооружаясь против тех священных для народа сочинений, в которых были неблагосклонные отзывы о католицизме, например против жития св. Сергия [172], или выставляя, что русские грешнее поляков и потому терпят от них поражения. Наконец, Крижанич позволяет себе прямо вооружаться против православия, «разрушающего в церкви монархию, установленную Христом как лучшее правление, и вводящего в церковь многих вселенских первосвященников» [173].

Ученый серб приехал в Россию проповедником просвещения, которое должно было открыть умные очи всем славянам; но Россия, стремившаяся к просвещению, прежде всего хотела остаться православною. Ученый серб, хотевший посредством просвещения открыть умные очи своим соплеменникам, не мог этого сделать относительно самого себя, не мог уразуметь противоречия, какое носил в собственном нравственном существе, будучи славянским патриотом и католиком.

Сосланный в Сибирь за неправославие, Крижанич написал там сочинение, драгоценное по изображенному в нем состоянию Московского государства, объяснявшему так хорошо необходимость приближающегося переворота. В то же самое время московский подьячий бежит за границу и там начертывает столь же важное для нас изображение Московского государства; то был известный Котошихин (Кошихин). Оба эти явления одинаково служат знамениями времени.

Но в то время когда в Москве с разных сторон раздавались все громче и громче крики о необходимости перемен, о необходимости заимствования науки, искусства и ремесла у других образованнейших народов, не оставались в молчании люди, которые уперлись против *новшеств,* уперлись против движения народа на новый путь и в этом движении видели движение к царству антихристову, — не молчали раскольники. Они пропели и свою историческую песню про осаду Соловецкого монастыря, как царь Алексей Михайлович говорил воеводе своему Солтыкову: «Ты ступай-ко ко морю ко синему, ко тому острову ко большому, ко тому к монастырю ко честному к Соловецкому; ты порушь веру старую, правую, постановь веру новую, неправую». Но из памятников раскольнической литературы, о которых еще не было упомянуто прежде, для нас особенно важен один — это похождения знаменитого протопопа Аввакума, описанные им самим [174]. Важность памятника заключается в том, что он лучше других памятников переносит нас в Россию XVII века, от которой мы отошли так далеко и явления которой мы с таким трудом понимаем, придавая историческим лицам XVII века черты нашего времени, наши воззрения и стремления. Мы имели возможность узнать, что́ такое был сильный человек в древней России, как силы богатыря мало сдерживались, как они не были устроены

и направлены воспитанием, образованием, ибо плеть и палка одни не могут содействовать этому устроению и направлению, как богатырь вырывался из отцовского дома, из-под отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что́ могло тут сдержать его? Сама мать должна была заходить сзади, чтоб унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняют нам явления этих богатырей среди общества, не выработавшего нравственных сдержек для хаотических богатырских сил. До тех пор пока мы не перенесемся в XVII век и не взглянем на Никона, как на богатыря в патриаршеской митре и саккосе, до тех пор это явление останется для нас загадочным, и Никон не перестанет изумлять нас своею силою... и бессилием. В соответствие богатырю-патриарху XVII век выставляет нам богатыря-протопопа, вследствие несдержанной силы ставшего заклятым врагом Никона и расколоучителем. Аввакум в драгоценном житии своем является не один, но окруженный целою дружиною подобных ему богатырей, которые расходились в защиту двуперстного сложения и двойной аллилуия и не могли найти себе удержу; тут же близко знакомимся с особого рода богатырями — юродивыми, которым также грузно от силушки, как от тяжелого бремени и которые освобождаются от этого бремени тем, что ходят в лютые морозы босиком в одной рубашке: толпа, видя проявление такой силы, вполне верит и подвигам Ильи Муромца и Добрыни Никитича, как рассказываются они в сказке и поются в песне. В житии Аввакума встречаем мы и старых своих знакомых воевод, таких охотников давать чувствовать свою силу, встречаем и сибирских воевод, этих русских Кортесов и Пизарро, которые ходят на прииски новых землиц и которые совершенно разнуздались в далекой стране среди диких зверей и диких людей [175]. Наконец, встречаемся и с дикою силой толпы, которая так легко выражается в насилии.

«Рождение мое, — говорит Аввакум, — в нижегородских пределах (там же, где и Никоново), за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец мой (священник) прилежаше пития хмельного, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию». Живая, впечатлительная натура Аввакума высказалась рано; в детстве увидал он у соседа мертвую скотину; это так его поразило, что ночью он не мог спать, встал и начал молиться «поминая смерть, яко и мне умереть». Беда в детстве, изгнание от родственников после смерти отца развили силы молодого богатыря. 21 года Аввакум поставлен был в дьяконы, чрез два года во священники. Сила не замедлила обнаружиться: Аввакум начал отличаться деятельностию, усердием в исполнении своих обязанностей; это привлекло к нему много духовных детей; но эта же сила повлекла его к столкновению с другими силами:

Аввакум начал ссориться с начальными людьми, а известно, что́ такое были начальные люди в XVII веке: один, рассердившись на Аввакума за ходатайство о девице, отнятой им у матери, пришел в церковь с толпою и задавил священника до полусмерти. В другой раз тот же начальный человек бил Аввакума в церкви, волочил за ноги по земле в ризах. Другой начальный человек, рассердившись, прибежал в дом к Аввакуму, бил его и зубами отгрыз пальцы у руки; потом настиг Аввакума на дороге в церковь, стрелял в него из двух пищалей, но, к счастию, обе осеклись. Кончил этот начальник тем, что отнял у Аввакума двор, всего ограбил и даже не дал хлеба на дорогу. В это самое время у Аввакума родился ребенок; отец взял клюку, мать — некрещеного младенца, и побрели в Москву. Здесь Аввакум сблизился с самыми видными лицами из белого духовенства, духовником Стефаном Вонифатьевым и протопопом Иваном Нероновым [176]; они заметили в Аввакуме сильного человека и объявили о нем государю, который так любил, так искал сильных людей между духовенством. Вонифатьев и Неронов отправили Аввакума опять на старое место; здесь он нашел и стены старых хором своих разоренными, обзавелся снова, но не мог долго нажить в покое. «Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и, медведей двух великих отняв, одного ушиб и паки ожил, а другого отпустил в поле». На беду в это время плыл Волгою в Казань на воеводство Василий Петрович Шереметев; ему пожаловались на ревнителя; боярин призвал Аввакума к себе на судно и много бранил; но этим беда не кончилась: с Шереметевым ехал сын его Матвей; у Шереметевых была сильная склонность к иноземщине, и Матвей брил бороду; когда старый Шереметев, разбранивши Аввакума за медведей, велел однако ему благословить сына своего, то ревнитель, увидав *блудоносный* образ, объявил, что ни за что не благословит, и начал порицать от писания; боярин сильно рассердился и велел бросить обличителя в Волгу; грозный приказ, впрочем, не был исполнен: Аввакум отделался тем, что его, много томя, протолкали.

Аввакум не мог ужиться в селе; его выгнали в другой раз; в другой раз *сволокся* он к Москве, и государь велел его поставить в протопопы в Юрьевец Поволжский. Но здесь Аввакум столкнулся не с воеводою, а с другою силою, с миром. В 8 недель новый протопоп успел вооружить против себя духовенство и мирских людей, мущин и женщин. Огромная толпа собралась к патриаршему приказу, где сидел Аввакум за духовными делами, протопопа вытащили из приказа, среди улицы били батогами и топтали, прибили до полусмерти и бросили под избной угол. Воевода прибежал с пушкарями на выручку, схватил Аввакума, посадил на лошадь, привез

домой и около дома расставил пушкарей. Предосторожность была далеко не лишняя, толпа приступила к протопопову дому, особенно кричат попы и бабы: «Убить вора, б..... сына, да и тело собакам в ров кинем». Аввакум ночью, покинув жену и детей, ушел по Волге сам-третей; прибежал в Кострому, а здесь та же история: костромичи выгнали своего протопопа Даниила. Для объяснения этих явлений вспомним, что в описываемое время Вонифатьев, Неронов, Аввакум, Даниил были передовыми людьми, нововводителями и своими нововведениями возбуждали против себя сильное негодование.

В Москве духовник и сам царь встретили Аввакума упреком, зачем покинул соборную церковь. Однако его не возвратили в Юрьев, оставили в Москве, где вместе с другими передовыми людьми поручили исправление книг. Мы знаем, чем кончилось дело, как Аввакум с товарищами из передовых людей стали главами старообрядства, а Аввакум всею своею силою зашумел против новшеств. Тут он столкнулся с Никоном. Пусть он сам расскажет следствия этого столкновения: «Меня взяли от всенощного со стрельцами, на патриархове дворе на цепь посадили ночью. Егда же рассветало в день недельный, посадили меня на телегу и растянули руки и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на цепи кинули в темную палатку, ушла в землю, и сидел три дня, не ел, не пил во тьме сидя, кланяясь на цепи, не знаю на восток, не знаю на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. На утро архимандрит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания его браню да лаю. В то время после меня взяли Логина, протопопа муромского. В соборной церкви при царе остриг (его Никон) в обедню. Остригши, содрали с него однорядку и кафтан. Логин же ражжегся ревностию божественного огня, Никона порицая, и через порог в алтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схвати с себя рубашку, в алтарь в глаза Никону бросил; и чудно: растопорясь рубашка и покрыла на престоле дискос, будто воздух. И меня привезли к соборной церкви стричь. Государь с места сошел и приступя к патриарху упросил не стричь. Послали меня в Сибирь с женою и детьми». Аввакума вообще очень щадили в сравнении с другими расколоучителями и после, как увидим, сильно ухаживали за ним, уговаривая отстать от раскола или по крайней мере не кричать за него. Причиною было то, что Аввакум имел славу отлично благочестивой жизни, и понятно, как благочестивейшему Алексею Михайловичу было тяжело преследовать такого человека.

В Тобольске Аввакума приняли хорошо: архиепископ дал ему место при одной церкви, воевода князь Хилков принимал

ревнителя с уважением. Но в отсутствии архиепископа произошел случай, в котором богатырь показал свою силу и опять возбудил против себя другую силу. Архиепископский дьяк Струна, которому без владыки была своя воля, захотел мучить напрасно дьякона той церкви, где Аввакум был священником. Дьякон ушел от него в церковь под покровительство священника, но Струна не хотел отстать от дьякона: во время вечерни с толпою человек в 20 вскочил он в церковь и схватил дьякона на клиросе за бороду. Аввакум покинул вечерню, прибежал на помощь к дьякону, вместе с ним схватил Струну, посадил его на полу среди церкви и «за церковный мятеж постегал его ремнем нарочито таки»; товарищи Струны разбежались, и дьяк под ремнем протопопа принес покаяние. Но этим дело не кончилось: родственники Струны, попы и чернецы, подняли весь город на Аввакума; в полночь подвезли сани к его двору, ломились в избу, хотели схватить протопопа и свезти в воду. «Мучился я с месяц от них, бегаючи втай, — говорит Аввакум, — иное в церкви ночую, иное к воеводе уйду, иное в тюрьму просился — ино не пустят».

Ревность по старых книгах начала было утихать в Аввакуме в Тобольске: «Был я у заутрени в соборной церкви, шаловал с ними в церкви той при воеводах да с приезду смотрел у них просфиромисания дважды или трижды, в алтаре у жертвенника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругаться не стал, что жалом духом антихристовым и ужалило было». На беду кто-то во сне сказал Аввакуму: «Блюдися от мене, да не полма расстесан будеши». Аввакум подумал, что это сам Христос грозится наказать его за уступку антихристову духу; он не пошел к обедне, но пошел обедать к воеводе, князю Хилкову, и рассказал ему сон; боярин расплакался. Аввакум, разумеется, спешил загладить грех своей слабости. Вследствие этого пришел указ — везти его из Тобольска на Лену; на дороге, в Енисейске, другой указ — везти в Даурию и отдать в полк Афанасью Пашкову, искавшему новых землиц и приводившему инородцев под высокую руку великого государя. Пашков не был похож на Хилкова: «На Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать; для-де тебя дощеник худо идет; еретик-де ты; поди-де по горам, а с козаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит, и поглядеть заломя голову; в горах тех обретаются змии великие; в них же витают гуси и утицы — перье красное, вороны черные и галки серые; в тех же горах орлы и соколы; и кречеты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие: дикие козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие во очию нашу, а взять нельзя. На те горы выбивал меня Пашков со зверьми и птицами витати, и

аз ему малое писаньице написал, сице начало: «Человече! убойся бога, его же трепещут небесные силы, един ты презираешь и неудобство показуешь». Там многонько писано; и послал к нему. А и бегут человек с 50; взяли мой дощеник и помчали к нему. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели пред него. Он с шпагою стоит и дрожит, рыкнул яко дикий зверь; и ударил меня по щеке, тоже по другой и паки в голову и сбил меня с ног и, чепь ухватя, лежачего по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине 72 удара кнутом». Нашелся заступник, сын Пашкова Еремей, стал уговаривать отца не грешить, не бить протопопа. Еремей поступил неосторожно, зашел к отцу с увещаниями спереди, а не сзади: старик расходился и погнался за сыном со шпагою, тот едва успел убежать. После этого и с Пашковым случилась беда: дощаник его попал на мель; Еремей воспользовался случаем и начал говорить отцу: «Батюшка! За грех наказывает бог, напрасно протопопа кнутом избил; пора покаяться, государь!» Старик рыкнул на Еремея как зверь: тот увидал беду, отошел к сосне, сложил руки и говорит: господи помилуй! Старик схватил пищаль, приложился в сына, спустил курок — осеклось; в другой раз — осеклось; в третий — осеклось. Старик в ярости бросил пищаль на землю. Малый взял ее, спустил на сторону — выстрелил. Старик сел на стул, подперся шпагою, задумался, начал плакать и говорить: «Согрешил, окаянный; пролил кровь неповинную, напрасно протопопа бил, за то меня наказывает бог». В это время дощаник сдвинулся с камня; Пашков подозвал к себе сына и сказал ему: «Прости, Еремей; правду ты говоришь!» Тот отвечал с поклоном: «Бог тебя, государь, простит; я пред богом и пред тобою виноват». «Гораздо Еремей разумен и добр человек, — заключает Аввакум, — уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его». Привезли после этого протопопа в Братский острог и в тюрьму кинули, соломки дали: «Что собачка на соломке лежу; коли накормят, коли нет; мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут дурачки. Хотел на Пашкова кричать: *прости;* но воля божия возбранила, велено терпеть. Перевел меня в теплую избу. На весну паки поехали вперед. Ох времени тому! У меня два сына маленьких умерли в нуждах тех; и с прочими скитающеся по горам и острому камению, наги и босы, травою и кореньем перебивающеся, кое-как мучилися. Мне под робят и под рухлядишко дали две клячки, а сам и протопопица брели пешие, убивающися о лед. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать от людей не смеем и за лошадьми идти не поспеем. Протопопица бедная бредет, бредет, да и повалится; скользко гораздо; в иную пору бредучи, повалилась, а иной томный же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит:

«Матушка государыня! Прости!» А протопопица: «Что ты, батько, меня задавил!» Я пришел. На меня бедная пеняет, говоря: «Долго ли мука сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна! До самой смерти». Она, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович; ино еще побредем».

Пришел черед и протопопу упасть духом и получить помощь от протопопицы. «Десять лет, — говорит Аввакум, — Пашков меня мучил *или я его, не знаю,* бог разберет». Наконец пришла грамота — велено Аввакуму ехать на Русь. Протопоп отправился, приплыл в русские города и уразумел о церкви, яко ничто же успевает, но паче молва бывает. Опечалясь, сидя, рассуждаю: что сотворю? Проповедую ли слово божие или скрыюся? Жена и дети связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же подробну известих: «Жена! Что сотворю? Зима еретическая на дворе, говорить мне или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи, помилуй! Что ты, Петрович, говоришь! Поди, поди в церковь, Петрович! Обличай блудню еретическую!» Аввакум рассказывает еще одну любопытную семейную сцену: «У меня был в Москве бешеный, Филиппом звали, в избе в углу прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток: гораздо бился и дрался и не могли с ним домочадцы ладить. Егда же аз грешный с крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым. По некоем времени пришел я от Федора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилось нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиниею между собою побранились. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил. Та же бес вздивьял в Филиппе: и начал чепь ломать, бесясь, и кричать не удобно, на всех домашних нападе ужас. Аз без исправления приступил к нему, хотел его укротити, но не быть по-прежнему: ухватил меня и учал бить и драть. Потом бросил меня от себя, и сам говорит: «Не боюсь я тебя». Мне в те поры горько стало: «Бес, реку, надо мною волю взял». Полежал маленько с совестию собрался; восстав же, жену свою сыскал и пред нею стал прощаться со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна; прости меня грешного!» Она мне также кланяется. По сем и с Фотиньею тем же образом простился; тоже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине; человек было 20; и жена, и дети, и все, плачучи, стегали. Егдаже все отбили, и я, восставши, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучую беду, опять вышел вон из Филиппа, и я его крестом благословил, и он по-старому хорош стал».

В Москве приняли Аввакума отлично, ласкою хотели отвратить такого сильного человека от раскола: «Яко ангела божия прияша мя, — говорит Аввакум, — государь и бояре все мне рады. К Федору Ртищеву зашел; он сам из палатки выходил ко мне, благословился от меня и учал говорить много; три дня и три нощи домой меня не отпускал и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де видеться бог велел. И я супротив руку его поцеловал и пожал, а сам говорю: «Жив господь, жива и душа моя, царь-государь! А впредь что повелит бог». Он же миленкой вздохнул да и пошел, куда надобе ему; и иное кое-что было, да что много говорить? Прошло уже то. Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле и, в походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько-таки, а сам говорит: благослови-де меня и помолися обо мне; и шапку, в иную пору мурманку снимаючи, с головы уронил, едучи верхом. Из кареты бывало высунется ко мне, тоже и все бояре после его челом да челом: «Протопоп! Благослови и молися о нас». Как мне царя того и бояр тех не жалеть? Жаль видеть, каковы были добры, давали мне место, где бы я захотел; и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере. Аз же, вся сия яко уметы вмених, да Христа приобряшу. Видят они, что я не соединяюся с ними, приказал государь уговаривать мене Родиону Стрешневу, чтоб я молчал. И я потешил его: царь то есть от бога учинен и добренек до мене. Чаял либо помаленьку исправиться, а се посулили мне Симеонова дни сесть на печатном дворе, книги править, и я рад сильно: мне то надобно лучше и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал 10 рублев денег, царица 10 рублев, Лука духовник 10 рублев же, Родион Стрешнев 10 рублев же, а дружище наше старое Федор Ртищев тот и 60 рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть, а про иных нечего и сказывать! Всяк тащит да несет всячиною. У света моей Федосьи Прокофьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная; и сестра ее, княгиня Евдокия Прокофьевна (Урусова), — дочь же моя. И у Анны Петровны Милославские всегда же в дому был; и к Федору Ртищеву браниться с отступниками ходил, да так-то с полгода жил. Да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче молва бывает, паки заворчал, написал царю многонькотаки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую святую церковь от ереси оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православного учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика. С тех мест царь на меня кручиновать стал; не любо стало, как опять стал я говорить; любо им, как молчу, да мне так не сошлось. И власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать

меня с Москвы, понеже ради Христа многие приходили ко мне и, уразумевши истину, не стали к прелестной службе их ходить. И мне от царя выговор был: «Власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил: поедь-де в ссылку опять». Да и повезли на Мезень. По городам паки людей божиих учил и их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень. Полтора года держав, паки к Москве взяли. А привезши к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь; и туда присылка была, то же, да то же говорят: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушка!» Я отрицался что от бесов, а они лезут в глаза; сказку им тут с бранью большою написал. Из Пафнутьева взяли меня паки в Москву и в Крестовой стяжашася власти со мною; ввели меня в соборный храм и стригли (расстригали) по переносе меня и диакона Феодора, потом опроклинали, а я их проклинал сопротив: зело было мне тяжко в обедню ту. И повезли ночью на Угрешу к Николе в монастырь, держали в студеной палатке 17 недель. И царь приходил в монастырь, около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Как стригли, в то время великое нестроение вверху у них бысть с царицею с покойницею; она за нас стояла в то время, миленькая, и от казни отпросила меня. По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную палатку, скованна держали год без мала. Привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве и поставили на подворье и, волоча многажды в Чудов, поставили пред вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели; от писания с патриархи говорил много. Последнее слово ко мне рекли: что-де ты упрям; вся-де наша Палестина, и серби, и албансы, и волохи, и римляне, и ляхи — все-де тремя персты крестятся; один-де ты стоишь на своем упорстве и крестишься двумя персты; так не подобает. И я им о Христе отвешал сице: «Вселенские учителие! Рим давно упал и лежит невосклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианом; и у вас православие пестро; от насилия турского Магмета немощни есте стали; и впредь приезжайте к нам учиться; у нас божиею благодатию самодержство; до Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь не мятежна...» Я отошел к дверям да на бок повалился: «Посидите вы, а я полежу», — говорю им, так они смеются: «Дурак-де протопоп и патриархов не почитает»; а я говорю: «Мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильны, мы же немощны». Повели меня на чепь, потом на Воробьевы горы, тоже к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лотухина, благословения ради, и кое о чем много говорили. Таже опять ввезли нас в Москву, на Никольское подворье, и взяли у нас о правоверии еще сказки; по-

том ко мне комнатные люди многажды присыланы были: Артемон (Матвеев) и Дементий (Башмаков), и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоего благословения и с царицею и с чады, помолись о нас. Пожалуй-де, послушай меня, соединись со вселенскими теми, хотя не большим чем». И я говорю: «Аще и умрети мне бог изволит, со отступниками не соединюся. Ты мой царь, а им до тебя какое дело? Своего царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися». Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозорье». Аввакум до конца остался непреклонен; вот его исповедание: «Аще я и не смыслен, гораздо неученый человек, да то знаю, что вся церкви от св. отец преданная свята и непорочна суть; держу до смерти: яко же приях; не прелагаю предел вечных: до нас положено, лежи оно так во веки веков».

Мы видели, что жена поддерживала ревность Аввакума: но это далеко не единственный пример в истории раскола. Боярыня Федосья Прокофьевна Морозова, вдова Глеба Ивановича, брата знаменитого Бориса, пользовалась большим почетом при дворе: «Дома прислуживало ей человек с триста. Крестьян было 8000; другов и сродников множество-много; ездила она в дорогой карете, устроенной мозаикою и серебром, в шесть или двенадцать лошадей с гремячими цепями; за нею шло слуг, рабов и рабынь человек сто, оберегая ее честь и здоровье». И эта богатая и знатная боярыня вместе с сестрою, княгинею Евдокиею Урусовою, стали ревностными последовательницами Аввакума, и целый ряд лишений и страданий не могли поколебать их твердости. Легко понять, какую помощь оказывали обе сестры расколу по своему положению, сосредоточивая около себя самых ревностных его последователей; понятно, как это не нравилось царю, который употреблял все средства для их обращения — увещания, угрозы, наказание, и все понапрасну. «Сумасбродная люта», отзывался царь Алексей Михайлович о Морозовой, считая сестру ее, Евдокию, смиренною; но эта смиренная, как часто бывает, поддерживала «лютую» своею твердостию. На вопрос крутицкого митрополита Павла, причастится ли она по тем служебникам, по которым причащается государь, царица и царевны, Морозова отвечала: «Не причащусь; знаю, что царь причащается по развращенным служебникам Никонова издания. Враг божий Никон своими ересями как блевотиною наблевал, а вы ныне то сквернение его полизаете; явно, что и вы подобны ему».

Сестер заточили по разным местам. Патриарх Питирим стал просить за них царя: «Я советую тебе боярыню ту Морозову вдовицу, кабы ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал; а княгиню тоже

бы князю отдал, так бы дело то приличнее было. Женское их дело; что́ они много смыслят!» «Давно бы я так сделал, — отвечал царь, — но не знаешь ты лютости этой женщины. Как поведать тебе, сколь поругалась и ныне ругается Морозова та! Много наделала она мне трудов и неудобств показала. Если не веришь моим словам, изволь сам испытать; призови ее к себе, спроси, и сам узнаешь ее твердость, начнешь ее истязать и вкусишь приятности ее».

Патриарх вкусил приятности ее и отступился. Сестер пытали наверху, у государя в думе была речь о том, чтоб сжечь Морозову в срубе, «да бояре не потянули; а Долгорукий малыми словами да много у них пересек». Раскольниц сослали в Боровск и заперли в земляную тюрьму. Урусова не вынесла тяжкого заключения и скоро умерла; за нею последовала и Морозова [177].

Приходили отовсюду новые учителя; во дворце и с церковной кафедры, из монашеской кельи и из сибирского заточенья толковали они о необходимости перемен, о необходимости науки; задетые ими, оскорбленные старые учителя, бывшие прежде сами передовыми людьми, возбуждавшие негодование своими новшествами, восстали против новшеств, принесенных соперниками, провозгласили, что не должно быть никаких перемен: «До нас положено, лежи оно так во веки веков». Но в то время как старые и новые учителя в священнических и монашеских рясах препираются о двуперстном и треперстном сложении, когда русские разделились в ожесточенной борьбе, когда сделка с наукою, попытка ввести науку чрез православных учителей без вреда православию, далеко не удалась, как бы желалось, когда старые учителя провозгласили и православных греков, и православных малороссиян, и белорусов еретиками, латинцами, — в это время являются новые учителя особого рода, не желанные ни старым учителям, ни новым в рясах, являются иноверцы-немцы, являются вследствие того, что прежде грамматики и риторики нужно было выучиться сражаться, вследствие того, что явно было экономическое банкротство по неуменью производить и продавать и по неимению моря, являются вследствие того закона, по которому внешнее предшествует внутреннему. Мы должны обратить внимание и на этих новых учителей, посмотреть, что это за люди и как они живут в своей Немецкой слободе, которая играет такую роль в истории преобразования.

Мы уже имели случай говорить о наемных войсках, о их историческом значении. Мы видели, что они образовались из добровольных и невольных изгнанников из родных стран, одним словом, из козаков Западной Европы. Для наших козаков служила привольным убежищем широкая степь, поле, где они могли поляковать, козаковать на свободе, признавать

только по имени власть русского государства, враждебно действовать против него при первом столкновении, но все оставаясь православными русскими людьми. В Западной Европе не было степей, где бы могло образоваться козачество; западноевропейским козакам было два выхода: или плыть за океан для приискания и завоевания новых землиц, и эта деятельность западных козаков в новом свете совпадает с деятельностию наших восточных козаков за Камнем. Другой выход — извечное занятие богатырских, козацких дружин — *служить в семи ордах семи королям,* искать хорошего жалованья и добычи в службе разных государей; с XVII века в числе этих государей был и великий государь всея Руси. Из происхождения и занятия этих западных козаков, явившихся в Москве под именем *служилых иноземцев,* объясняется уже их характер. Волею или неволею оторвавшиеся от родной страны, меняющие службу, знамена, смотря по тому, где выгоднее, составляя пеструю дружину пришельцев из разных стран и народов, служилые иноземцы были совершеннейшие космополиты, отличавшиеся полным равнодушием к судьбам той страны, где они временно поселились, отличавшиеся легкою нравственностию; побольше жалованья, побольше добычи оставалось всегда главною целию. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь с научным образованием: такие люди не пошли бы в наемные дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видевшие, много испытавшие, имевшие много кой о чем порассказать, приятные и веселые собеседники, любившие хорошо, весело пожить, попировать за полночь, беззаботные, живущие день за день, привыкшие к крутым поворотам судьбы: нынче хорошо, завтра дурно; нынче победа, богатая добыча, завтра проигранное сражение, добыча отнята, сам в плену.

Таковы были люди, которых постоянно вызывали в Москву в продолжение XVII века; сперва увеличение числа иностранцев в Москве возбудило сильный ропот, жалобы священников; иноземцев выделили, переселили в особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась от немцев, но это могло только казаться так. Русь трогалась с востока на запад, и Запад выставил ей на пути как свою представительницу Немецкую слободу. Исторический черед был за Немецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится перед этою слободою своею, как некогда старый Ростов преклонился перед пригородом своим Владимиром; скоро Немецкая слобода перетянет царя и двор его из Кремля, обзаведется своими дворцами. Немецкая слобода — ступень к Петербургу, как Владимир был ступенью к Москве.

Служилые иноземцы не прожили молча в Немецкой слободе. Один из самых замечательных людей между ними изо дня в день записал свои похождения, свое житье-бытье, и

оставил нам любопытные известия о себе самом, о своих собратиях, о России пред эпохою преобразования. Я разумею «Дневник» Гордона.

Патрик Гордон был родом шотландец, католик. Последнее обстоятельство затворило ему двери отечественных университетов. На досуге молодой человек влюбился, но не мог жениться на предмете своей страсти. Частию это обстоятельство, частию жажда к свободе тянули Гордона из родной страны, тем более что на родине ему нечего было терять: он происходил из младшей линии Гордоновской фамилии и сам был младший сын. Молодой Гордон за границею. Сначала он поступил в иезуитский Браунобергский коллегиум, но скоро заметил, что затворническая жизнь ему не по характеру. В 1655 году он вступил в войска шведского короля Карла X, который воевал тогда с поляками. В следующем же году Гордон попался в плен к полякам и освобожден под условием вступления в польскую службу; в том же самом году попался в плен к шведам и вступил опять в шведскую службу. Наемному офицеру жалованья не платили; зато он не упускал удобного случая поживиться добычею, подкарауливал ее в лесу, как разбойник, и записывал в своем «Дневнике», что, например, ему удалось, хотя и не без труда, отнять лошадей у двоих крестьян; Гордон служил в шотландской дружине, которая прославилась своими грабительствами. В 1658 году он опять попался в плен к полякам и вторично вступил в польскую службу: «Ведь главная цель Гордона, — говорит он о себе в третьем лице, — была составить себе счастие, но в шведской службе теперь это трудно было сделать, потому что у шведов на шее были император, короли датские и польский и царь русский. Правда, что честному человеку хорошо у шведов служить: это народ справедливый, ценит каждого по заслугам; но и между поляками можно составить себе счастье; польские генералы гордо обращаются с иностранцами, но остальная шляхта и кто пообразованнее обращаются с ними хорошо». Но и между поляками Гордон не нашел возможности составить себе счастье, и в 1661 году вступил в русскую службу в звании майора; в сентябре приехал в Москву, в Немецкую слободу. Здесь сначала Гордону не понравилось. Его позвали к начальнику Иноземного приказа, тестю царскому, боярину Илье Даниловичу Милославскому; тот велел ему взять копье и мушкет и показать, как он умеет ими действовать. Гордон отвечал, что если б ему прежде сказали об этом, то он бы привел с собою своего денщика, который, вероятно, знает лучше его ружейные приемы, и прибавил, что для офицера эти приемы последнее дело, а главное начальствовать над солдатами. Боярин возразил, что всякий служилый иноземец, приезжающий в Россию, хотя бы был полковник, должен показать, умеет ли действовать

копьем и мушкетом. Делать было нечего: Гордон принялся за копье и мушкет, и боярин остался доволен.

Тут же на первых порах опытный искатель добычи столкнулся с знаменитыми также искателями добычи, московскими дьяками. Назначен был Гордону за его выезд в Россию подарок 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболями. Иностранец не знал обычая, что для получения этого подарка надобно прежде подарить дьяка. Гордон к дьяку за подарком — тот отговаривается пустяками, Гордон бранится — нет успеха; Гордон к боярину с жалобою, боярин велит дьяку выдать подарков, но тот не выдает. Гордон в другой, в третий раз с жалобою к боярину, говорит ему прямо, что не понимает, кто имеет больше силы — он, боярин, или дьяк, потому что дьяк и не думает исполнять его приказаний. Боярин рассердился, велел позвать дьяка, схватил его за бороду, потаскал его добрым порядком и обещал кнут, если Гордон придет еще раз с жалобою. Дьяк приходит к Гордону с ругательствами; тот платит ему такою же монетою и оканчивает угрозою, что потребует увольнения от службы. Действительно, Гордон начал серьезно думать, как бы выбраться из России: жалованье небольшое, и то медными деньгами (4 копейки идут за одну серебряную), и жить нельзя, не только что скопить что-нибудь. В Иноземном приказе проведали, что Гордон хочет просить увольнения у боярина, испугались и выдали ему свидетельство для получения денег и соболей. Гордон заупрямился, не хотел брать подарка; толковал об отпуске; но ему внушили, что просьбою об отпуске он только может погубить себя; он католик, приехал из Польши, с которою идет война, и сейчас же хочет опять уехать — ясно, что приезжал для лазутчества; вместо отпуска познакомится, пожалуй, с Сибирью. Гордон испугался, взял подарок и остался в Москве, в Немецкой слободе, в которой иногда происходили любопытные события.

В Немецкой слободе, как во всякой другой, полицейский надзор был поручен десятским, которым давался наказ: «Ведать тебе и беречь накрепко в своем десятке и приказать полковникам и полуполковникам и нижних чинов начальным и торговым и всяким жилецким людям и иноземцам, чтоб они русских беглых и новокрещенных и белорусцев и гулящих людей в дворах у себя для работы без крепостей не держали, и поединков и никакого смертного убийства и драк не чинили, и корчемным продажным питьем, вином и пивом и табаком не торговали, и воровским людям приходу и приезду и б....., и, не явясь в Приказ Новые Четверти, никакова питья не держали, а для работы во дворе у себя держали всяких разных вер иноземцев некрещенных» [178]. Но мы уже знаем, как солдаты мало обращали внимания на указы относительно вина и как иностранные офицеры их сквозь пальцы смотрели на

это. Однажды в Москве узнали, что солдаты держат вино в Немецкой слободе в известном доме. Подьячий с отрядом стрельцов явился на выимку и нашел вино, хотя солдаты успели спрятать его в саду. Стрельцы взяли вино, захватили и несколько солдат; но прибежали другие солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрельцов до городских ворот. Тут к стрельцам пришла подмога, и солдаты принуждены были бежать в свою очередь; но скоро и они получили подкрепление: солдат набралось 800 человек, стрельцов было 700; завязался бой в узких улицах, и солдаты втиснули стрельцов в ворота Белого города; но на помощь к стрельцам явилось 600 товарищей с главного кремлевского караула, и отрезали путь солдатам, ворвавшимся в Белый город; 22 человека были схвачены, биты кнутом и сосланы в Сибирь.

Игра в карты была также запрещена, и солдаты играли тайком, ночью. Однажды русский капитан Спиридонов накрыл их и по обычаю тогдашнего начальства воспользовался этим случаем для добычи: забрал себе не только те деньги, которые были в игре, но еще взял с солдат 60 рублей, не давши об этом знать по начальству, т. е. Гордону. Тот призвал Спиридонова к себе и сделал ему строгий выговор с угрозою, что вперед ему плохо будет. Капитан, не привыкший к таким внушениям, начал было горячиться; тогда Гордон употребил внушение другого рода: схватил Спиридонова за голову, повалил на пол и так отколотил дубинкою, что несчастный едва мог встать. Капитан пожаловался полковнику: но Гордон заперся, потому что свидетелей не было; капитан пожаловался боярину, Гордон и тут заперся.

Хозяин дома, где квартировал Гордон, захотел освободиться от своего постояльца, и челобитье его было исполнено. Два раза присылали Гордону письменные приказания очистить квартиру, но он не обращал на них никакого внимания. Однажды, когда Гордон сидел за обедом, входит к нему в комнату подьячий с указом, чтоб он немедленно перебирался на другую квартиру. С подьячим пришло 20 человек трубников, бóльшая часть которых остались внизу. «Покажи указ!» — говорит Гордон подьячему. «Не покажу, — отвечает тот, — потому что ты два прежние указа оставил у себя или, быть может, разодрал». «До тех пор не очищу квартиры, пока не покажешь указа», — говорит Гордон. Тогда подьячий велит трубникам взять чемодан и нести вон, а сам берет полковые знамена. Гордон вскакивает из-за стола, и с помощию денщика и двоих офицеров, которые вместе с ним обедали, выгоняет подьячего вон из комнаты и с лестницы. Но подьячий соединяется с остальными трубниками и снова идет наверх к Гордону; тот с товарищами, пользуясь выгодою своего положения наверху, прогоняет их тем легче, что

трубники были вооружены одними палками. На шум прибегают солдаты, нападают на подьячего и трубников, и те бегут, солдаты гонят их до Яузского моста и отнимают у них шапки. Дело кончилось ничем, потому что на счастье Гордона Милославский поссорился с Ртищевым, к приказу которого принадлежал подьячий, а между тем Гордон переменил квартиру.

Остался в Москве — делать нечего, надобно было сообразоваться с обычаями. Гордон позвал всех подьячих Иноземного приказа к себе на пирушку и каждому подарил кому два соболя, кому один. С этих пор он пользовался их полным расположением и уважением; какое бы ни было у него дельце в приказе, все сейчас обделают.

Несмотря на это, Гордону все еще очень не нравилось в Москве; человек привык приобретать добычу с оружием в руках, а тут надобно задаривать людей, которые пером ловят соболей! Нельзя вырваться на запад, то нельзя ли хотя еще дальше на восток. Назначался Федор Андреевич Милославский послом в Персию; Гордон стал проситься в свиту, но, зная, что одни просьбы не принимаются, снес самому Милославскому 100 золотых да его дворецкому подарок в 20 золотых. Но золотые пропали, дело было невозможное; иноземца выписали для ратной службы, а он хочет ехать с послом в Персию, куда могут отправиться и русские — пожалуй, еще оттуда уйдет или передастся шаху!

Хотя десятские Немецкой слободы получали наказ — беречь накрепко, чтоб не было поединков, однако служилые иноземцы мало обращали внимания на это запрещение. Гордон в 1666 году имел поединок с майором Монгомери: поссорился он с ним у себя на пирушке, которую давал придворным в царские именины.

Служилые иноземцы не всегда ссорились друг с другом только на пирушках, под влиянием винных паров По возвращении из похода 1676 года Гордон, бывший тогда уже полковником, узнал, что некоторые драгуны его полка хотят на него жаловаться и что подбивает их к тому генерал-майор Трауернихт. Встретившись с Трауернихтом в доме князя Трубецкого, Гордон в присутствии многих полковников резко выговорил ему, что он связался с негодяями его полка и подучает их подать на него жалобу. Трауернихт смолчал; но на другой же день проводил в Разряд солдат, которые отнесли туда свое челобитье на Гордона. Чрез несколько дней является к Гордону полковник Шиль, родственник Трауернихта, и предлагает, что если Гордон заплатит Трауернихту 300 фунтов, то он уладит дело между ним и драгунами. Гордон отвечал бранью на это предложение. Когда он узнал, что дело на следующий день будет докладываться царю, то послал думному дьяку подарок в 20 рублей; дьяк обещал

быть за Гордона; за него же был и сам воевода, князь Григорий Григорьевич Ромодановский, который при докладе объявил, что все написанное в челобитной ложь, дело в том, что Гордон содержит строгую дисциплину и не позволяет своим подчиненным воровать и бегать: «Я говорю это, — прибавил князь, — не потому, что Гордон мне дал что-нибудь или обещал, но зная его усердие к службе царского величества». Крестьяне 20 деревень, в которых стоял Гордонов полк, прислали сказку за руками троих священников, что они не могут ни в чем пожаловаться на Гордона. Жалобщики, увидавши, что дело не может кончиться в их пользу, предложили Гордону мировую, если он даст им пять рублей. Гордон отвечал, что даст пять рублей, если они откроют ему всех сообщников, чтоб ему знать, кто у него в полку друзья и кто враги, без этого не даст ни копейки. Драгуны не согласились [179].

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Различие в преобразовательной деятельности преемников царя Алексея Михайловича. — Дети царя Алексея от обоих браков. — Польское и немецкое влияние — Известия о вступлении на престол Феодора. — Ссылка Матвеева. — Ссылка духовника Андрея Савинова. — Отягчение участи Никона. — Любимцы царя — Языков, Лихачевы. — Брак Феодора на Агафии Семеновне Грушецкой. — Быстрое возвышение Языкова и Лихачева. — Князь Вас. Вас. Голицын. — Окончание дела с Дорошенком. — Дела Рославца и Адамовича. — Дорошенко в Москве. — Манифест Юрия Хмельницкого. — Пересылка с гетманом Самойловичем о Серке и Дорошенке. — Ссылка Рославца и Адамовича. — Первый чигиринский поход. — Мнения Ромодановского и Самойловича о Чигирине. — Дела запорожские и посольство в Турцию. — Второй чигиринский поход. — Сношения с Польшею. — Мирные переговоры с Турциею. — Переговоры в Крыму и мир с султаном и ханом. — Дорошенко-воевода. — Смерть Серка. — Дела шведские, датские, австрийские. — Калмыки и козаки. — Волнения башкирцев. — Борьба с киргизами, самоедами, якутами и тунгусами в Сибири, злоупотребления здесь приказных людей. — Внутренняя деятельность правительства при царе Феодоре. — Вопрос о торговле шелком с армянами. — Постановление о торговле с греками. — Смягчение наказаний за уголовные преступления. — Новая форма челобитных. — Раскол. — Церковный собор 1681 года. — Обращение иноверцев в христианство. — Постановления о воеводах. — Финансовые меры. — Уничтожение местничества. — Проект отделения гражданских должностей от военных. — Проект академии. — Смерть царицы Агафии и царевича Ильи. — Второй брак царя и кончина его. — Смерть Никона. — Облегчение участи Матвеева.

Русская земля всколебалась и замутилась, русский народ после осьмивекового движения на восток круто начал поворачивать на запад; поворота, нового пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса о необходимости приобресть средства, которые бы сделали народ сильным, снискали ему уважение других народов, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться, и явились учителя с разных сторон: греческие и западнорусские монахи, западнорусские шляхтичи с польским школьным

образованием, явились и учителя иноплеменные и иноверные с дальнейшего Запада, *немцы,* учителя ратного искусства и разных других искусств и ремесл. Учителя эти столкнулись с старыми учителями, произошла борьба и раскол; люди, испуганные движением, *новшествами,* завопили о кончине мира, о втором пришествии, об антихристе И они были правы в известном смысле: старая Россия оканчивалась, начиналась новая.

Но при этой несостоятельности старого, при этих требованиях нового каким же путем должен был совершиться переворот? Мы видим, что все и со всем обращается в Москву к великому государю, и видим также ясно, что это обращение происходит необходимо от слабости, мелкости отдельных миров, от особности их друг от друга и в то же время от внутренней розни, происходящей при всяком соединении сил, при всяком общем действии, одним словом — от детского состояния их, от детской беспомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о каком-нибудь новом распорядке принимается, пусть распоряжаются, как хотят; поссорятся, одни захотят одного, другие другого — правительство приказывает спросить всех, чтоб узнать, чего хочет большинство? Мы упомянули о детской беспомощности; слово всего лучше объяснит тут дело: все тяглые, неслужилые люди называют себя *сиротами* государевыми; это низшая рабочая часть народонаселения, мужики; но высшая, военные, мужи, как себя называют? Они называют себя *холопами* государевыми. Понятно, что ни в беспомощных сиротах, ни в холопах нельзя искать силы и самостоятельности, собственного мнения. И те и другие чувствуют несостоятельность старого, понимают, что оставаться так нельзя, но при отсутствии просвещения не могут ясно сознавать, как выйти на новую дорогу, не могут иметь инициативы, которая потому должна явиться сверху; повести дело должен великий государь.

Вести дело переворота или преобразования должны были преемники царя Алексея Михайловича. Каким образом пойдут они по пути, на который уже поворотил народ? Это будет зависеть от их природы и от их воспитания. Мы видели, что при сознании необходимости учиться явились разного рода учителя; чтоб новая наука не повредила древнему благочестию, призывались учителя из православного духовенства, греческого и западнорусского. Эти люди принесли в Москву школьную науку, требование учреждения школ; но западнорусские ученые могли устроить школы по образцу западнорусских школ, а эти были устроены по образцу школ польских. Вообще западнорусские ученые были воспитаны под сильным польским влиянием вследствие той тесной связи, в какой родина их находилась с Польшею; у западнорусских людей не было своего книжного языка: они писали или на

так называемом церковнославянском языке, или по-латыни, или по-польски, литература польская доставляла им много материала. Эту привычку к польскому языку и литературе они принесли и в Москву; усилению влияния польского языка и литературы содействовала здесь тесная связь с Польшею и во время войны при беспрестанных переговорах о мире, и во время мира при союзе и беспрестанных сношениях насчет более тесного союза, и насчет выбора в короли царя или сына его. Русский язык запестрел полонизмами; стóит только прочесть письма и донесения русского резидента в Варшаве Тяпкина, чтоб убедиться в силе польского влияния на русский язык и как это влияние обнаружилось бессознательно, невольно со стороны русского человека: Тяпкин, как мы видели и увидим, был чистый русский человек, умирал в Польше с тоски по родине, не мог ужиться с поляками, смотрел на них с самой черной стороны, а между тем стал писать полупольским языком, отдал сына в польскую школу, и тот говорил королю речь на модном тогдашнем языке, т. е. наполовину по-польски, а наполовину по-латыни [180]. Западнорусские учителя принесли к нам польское влияние. Эти учителя принесли к нам грамматику, риторику, философию, богословие, при царе Алексее толковали о необходимости устроить школы для преподавания этих наук и при наследниках царя Алексея успели достигнуть своей цели.

Но эти учителя не могли выучить тому, нудящая необходимость чего была так очевидна. Прежде всего нужно было выйти из экономической несостоятельности, нужно было разбогатеть и усилиться; чтоб разбогатеть посредством торговли, промыслов, нужно было море, пробиться к морю нужно было с оружием в руках, нужно было свести старые счеты, освободиться от татарской дани, которую платили в Крым под именем поминков, нужно было, следовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на них, строить крепости; чтоб поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, нужно было выучиться всяким искусствам и ремеслам. Ни греческие, ни западнорусские монахи, ни ополяченные западнорусские мелкие шляхтичи, которых русские вельможи брали в домашние учителя к своим детям, всему этому выучить не могли; для этого нужны были немцы, для этого нужно было ехать не в Киев или Варшаву, а далее, на запад, в немецкие поморские государства. Таким образом, при нудящей потребности учиться, которой должны были удовлетворять преемники царя Алексея, были пред ними налицо двоякого рода учителя: западнорусские вместе с греческими и немцы; учителя должны иметь влияние на учеников; отсюда два влияния: польское и немецкое. Преемники царя Алексея разделились между этими учителями и

этими влияниями вследствие различия природных свойств и воспитания.

Многочисленное семейство царя Алексея Михайловича представляет любопытное явление. От первого брака на Милославской он имел восемь дочерей и пять сыновей. Шесть оставшихся в живых дочерей отличались крепким, здоровым сложением, и одна из них, Софья, отличалась и силами духовными, была, по отзыву врага, «великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная дева». Напротив, сыновья были слабы, болезненны, трое умерло при жизни отца, из двоих оставшихся старший страдал сильною цингою, младший, Иоанн, к слабости физической присоединял и неразвитость умственную. Зато от второго брака на Нарышкиной родился богатырь физически и духовно, соответствующий по природе сестре Софье. От слабого и болезненного Феодора нельзя было ожидать сильного личного участия в тех преобразованиях, которые стояли первые на очереди, в которых более всего нуждалась Россия, он не мог создавать новое войско и водить его к победам, строить флот, крепости, рыть каналы, и все торопить личным содействием; Феодор был преобразователем, во сколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни; этим условиям соответствовало и воспитание: Феодор был воспитанник западнорусского монаха Симеона Полоцкого, и в этом воспитании необходимо преобладал элемент церковный; польское влияние было тут; Феодор владел польским языком. Лазарь Баранович, посвящая в 1672 году книги свои «Жития св. отец» царевичу Феодору, а «Духовные струны» царевичу Иоанну, пишет царю: «Издах же (эти книги) языком польским, яко писах в то время, егда поляки от имени твоего царского к скипетру коруны польские молити помышляху да крепчайше союз мирного соединения укрепят. Издах языком ляцким: известен бо есмь, яко царевич Феодор Алексеевич не точию нашим природным, но и ляцким языком чтет книги. Благоверному же государю царевичу Иоанну Алексеевичу книгу «Духовныя струны» приписах, издах же языком ляцким, вем бо, яко и вашего пресветлого величества сигклит сего языка не гнушается, почтут книги и истории ляцкие в сладость». Говорили, что Феодор знал и по-латыни, хотя не так хорошо, как покойный брат его царевич Алексей Алексеевич; благодаря Полоцкому Феодор выучился складывать вирши; говорили, что в Псалтыри, переложенной Полоцким на вирши, перевод псалмов 132 и 145 принадлежал Феодору[181]. За царствованием Феодора последовало правление Софьи; Софья также воспиталась под влиянием Полоцкого с братиею; также читала жития святых, изданные Барановичем по-польски; Симеон Полоцкий, поднося ей книгу свою «Венец веры», писал виршами: «О благороднейшая царевна

Софиа, ищеши премудрости выну небесные. По имени твоему жизнь твою ведеши: мудрая глаголеши, мудрая дееши. Ты церковные книги обыкла читати и в отеческих свитцех мудрости искати. Уведевши же, яко и книга новая писася, яже Венец веры реченная, возжелала ту еси сама созерцати и еще в черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну в духовности быти, велела еси чисто ону устроити»[182]. Притом же Софья по своему полу не могла действовать иначе, как из дворца. Таким образом, в царствование Феодора и в правление Софьи господствует направление, принесенное западнорусскими учителями; это господство выразилось в основании Славяно-греко-латинской академии; но тут же патриарх заподозревает направление, принесенное Полоцким в Москву, в неправославии и спешит опереться на греческих учителей; начинается сильная борьба, в которой патриарх берет верх благодаря падению Софии и приверженца ее Медведева, главного противника патриарху, ученика Симеона Полоцкого. Здесь конец польскому влиянию; католическая пропаганда остановлена, иезуиты выгнаны. У младшего сына царя Алексея была другая природа и другое воспитание, чем у старшего; невиданный богатырь, которому было грузно от сил, как от тяжелого бремени, Петр хотел все узнать, как, что́ и почему. И хотел сам все сделать; ему тесно было в старинном дворце кремлевском, негде расправить плеча богатырского, не от кого узнать что-нибудь; он бросился на улицу, с улицы попал в Немецкую слободу — и преобразование приняло другое направление; великий государь любил читать книги не меньше братьев своих, учеников Полоцкого, но великий государь не был похож на ученика риторики — это был корабельный плотник, это был шкипер. Вследствие этого Славяно-греко-латинская академия отходит уже на второй план; являются другие школы, другого рода учителя, преимущественно немцы-протестанты; и блюститель патриаршего престола Стефан Яворский считает нужным бороться с протестантскими стремлениями, протестантскою пропагандою, как прежде патриархи Иоаким и Адриан считали нужным противодействовать католицизму.

Царь Алексей Михайлович умер неожиданно, не достигши старости, и оставил семейство свое в очень печальном для государства положении, предвещавшем большие смуты, и это в такое время, когда столько важных вопросов стояло на очереди, когда все колебалось при страшном повороте на новый путь, когда при всеобщем истощении от прежних войн предстояла еще опасная война с могущественными турками. Старший сын, торжественно объявленный при отце наследником престола, был четырнадцатилетний болезненный мальчик; самый близкий и доверенный человек при покойном

государе был Матвеев, по праву пользовавшийся этою близостию и доверенностию, человек с обширною начитанностию по-тогдашнему, большой охотник до образования и людей образованных, ловко владевший пером, опытный в делах правления, давно уже заведовавший внешними сношениями. Матвеев мог быть самым лучшим советником, подпорою молодого царя; но, к несчастию, между Федором и любимцем отца его уже расступилась бездна: воспитанница этого Матвеева была мачеха Феодора, а известно, какое страшное значение имело тогда слово мачеха. Никогда еще в семействе царей русских не было этого печального явления, этой вражды между детьми от разных матерей, и, как нарочно, это печальное явление произошло в такое опасное время, когда предстояло преобразование и должен был воспитываться преобразователь; первое чувство, которое он встретит в родной семье, будет вражда! И без подробных известий, которых мы не имеем, легко понять, какое влияние должен был иметь на дворец, на тамошние отношения второй брак царя Алексея при таком большом числе детей от первого брака. Помешать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметные письма в грановитых сенях и проходных с обвинениями Матвеева в чародействе. Матвеев оправдался и государь женился на его воспитаннице Царевнам, особенно тем, особенно той, которая так выдавалась вперед, царевне Софье Алексеевне, надобно было преклониться пред молодою царицею, войти в дочерние отношения к молодой женщине, матери только по имени, у которой все права матери без смягчающего эти права материнского чувства. И это, как нарочно, в то время, когда проникли во дворец новые обычаи и взгляды, когда двери в терема царевен растворились и заключенницы увидали свет божий, когда более сильным из них представилась возможность пройти дальше за порог, расправить силы, поглядеть, почитать и послушать прежде невиданное, нечитанное и неслыханное, набраться новых мыслей, познакомиться с новыми чувствами. Стремление силы бывает соразмерно прежней сдержанности: отсюда легко понять стремление теремных затворниц приобрести как можно больше простора для своей деятельности, для расправления сил. И тут-то вдруг помеха! Дело не в том, что новая царица непременно враждовала к падчерицам, преследовала их, гнала назад в терем: для раздражения и вражды довольно было одной нравственной помехи, появления лица, которое невольно становилось на дороге, на дороге к влиянию на отца, к влиянию на всех окружающих, необходимо обращавшихся к новому солнцу. Но оставим царевен и между ними богатыря-царевну Софью Алексеевну. Алексей Михайлович жил долго с первою женою, привязался к ней, вследствие чего во дворце образовалось и утвердилось много крепких

отношений. Укрепили свое влияние Милославские с своими родичами, людьми близкими и сблизившимися, Милославские, люди даровитые, деятельные, умевшие приобретать влияние и пользоваться им, люди с легкою нравственностию, с неразборчивостию средств. И вдруг вследствие нового брака царя все это теплое гнездо, свитое ими и друзьями их во дворце, должно разрушиться! Новая царица с своею родней, своими ближними людьми; Матвеев хозяйничает во дворце. Столкновение интересов страшное и ненависть страшная.

Смертию царя Алексея и восшествием на престол Феодора, сына Милославской, отношения переменились. Чего могла ждать хорошего теперь царица Наталья с детьми и Матвеев от этой накопившейся ненависти царевен, Милославских и друзей их? Здесь так естественно рождается вопрос: неужели Матвеев прежде не подумал об этом и не постарался обеспечить себя и своих насчет перемены царствования? Оставя в стороне нравственные побуждения, которые если бы не были сильны у Матвеева, то были очень сильны у царя Алексея, можно объяснить дело расчетом: царь Алексей был еще во цветущих летах, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны последовать за своими единоутробными братьями, не переживут отца и Петр будет наследником. Но другое дело, когда царь умер скоропостижно; о движениях Матвеева в пользу Петра в эту страшную минуту сохранились известия у иностранцев; вот самое подробное из них, оставленное поляком, автором любопытного рассказа о стрелецком бунте. «Когда первая жена царя, Марья Ильинична Милославская, умерла и оставила двоих сыновей и шесть дочерей, то они много терпели от Артемона, а потом подверглись еще большому преследованию, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирилла Нарышкина, капитана из Смоленска[183]. Умирая, Алексей благословил на царство сына от Милославской, Феодора, который в то время лежал больной, и опекуном назначил князя Юрия Долгорукого. Артемон утаил смерть царя, подкупил стрельцов, чтоб они стояли за маленького Петра, и потом уже ночью повестил боярам о преставлении государя. Когда они начали собираться, он посадил маленького Петра на престоле и уговаривал бояр, чтоб они признали его беспрекословно государем, потому что Феодор опух, лежит больной и плоха надежда, что будет жить. Но бояре, узнавши от патриарха, который был при смерти царской, что отец благословил Феодора на царство и Юрия Долгорукого назначил опекуном, ждали последнего. Приезжает наконец Долгорукий во дворец, как вол ревет с жалости по царе и прямо к патриарху: «Кого отец благословил на царство?» «Феодора», — отвечает патриарх. Тогда Долгорукий с боярами, не слушая увещаний Артемона, что надобно избрать

Петра, стремятся к покоям Феодора, подходят — двери заперты! Долгорукий приказывает выломать двери, бояре берут на руки Феодора, потому что сам идти не может, ноги распухли, несут, сажают на престол, и сейчас же начинают подходить к руке, поздравляя на царстве. Мать царя Петра и Артемон скрылись, видя, что ничего не могут сделать против Долгорукого и всех бояр».

Мы никак не можем успокоиться на этом известии, потому что после, когда нужно было погубить Матвеева, когда дали силу всякого рода обвинениям без разбора, лишь бы только к чему-нибудь привязаться, в это время не послышалось ни слова обличения ни от кого из вельмож, которых Матвеев уговаривал мимо больного Феодора присягнуть маленькому Петру.

Как бы то ни было, Феодор вступил на престол спокойно, не произошло никаких перемен, Матвеев остался в прежнем важном сане великих государственных посольских дел оберегателя. Но враги его уже владели дворцом и не могли оставить его в покое. За больным Феодором ухаживали тетки и шесть сестер единоутробных [184]; мачеха была удалена; против нее особенно кричала верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, пользовавшаяся большим значением, *постница;* крича против царицы-вдовы, Хитрово должна была кричать и против Матвеева, разделять их было нельзя. С *постницею* заодно действовали и мущины, не постники, но сильные люди: боярин Иван Михайлович Милославский, злобившийся на Матвеева особенно за то, что его внушению приписывал удаление свое на Астраханское воеводство при царе Алексее; с Милославским заодно действовал другой могущественный боярин — дворецкий Богдан Матвеевич Хитрово; Хитрово был сам незнатного происхождения, из городовых Алексинских дворян, и был выведен в люди Морозовым [185]; но он был не охотник до других новых людей, которые были виднее его по талантам, он был не охотник до Ордина-Нащокина, был не охотник и до Матвеева, особенно когда узнал наверное или подозревал, что Матвеев указывал царю Алексею на злоупотребления его, Богдана, и племянника его, Александра Савостьяновича Хитрово, по управлению Приказом большого дворца, «которые (Хитрово) из государственных дворцовых сел и волостей повсевременно вотчины свои всякими изобилии и заводы строили и наполняли, такожде и из всех, сытного, кормового и хлебного дворцов премножественным похищением всяких дворцовых обиходов явственно и бесстыдно по вся дни корыстовалися, великими посулами с дворцовых подрядчиков богатили себя» [186]. Главным орудием Милославского и Хитрово был окольничий Василий Семенович Волынский, давний завистник Матвеева, человек посредственных способностей и малограмотный по-тогдашнему, но крикун,

умевший подбиваться к сильным людям, говорят, будто он особенно сделался известен тем, что у жены его были отличные мастерицы-швеи, и вся знать обращалась к ней с заказами.

Падение Матвеева было решено: представили, что нельзя такого подозрительного человека оставить правителем аптеки, когда государь болен, и аптеку отняли у Матвеева; потом датский резидент Монс Гей, уезжая из Москвы, прислал жалобу, что Матвеев не доплатил ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное им ко двору и что на его требование прислали ему из Посольского приказа фальшивый контракт на эту поставку[187]. 500 рублей велели заплатить Гею и воспользовались этим случаем, чтоб отнять у Матвеева заведование посольскими делами и удалить его из Москвы. Когда Матвеев приехал по обычаю во дворец, боярин Родион Матвеевич Стрешнев вынес указ из комнаты в переднюю и объявил ему: «Указал великий государь быть тебе на службе в Верхотурье воеводою» Посольский приказ был поручен думному дьяку Ларион Иванову. Матвеев с сыном и племянниками отправился в почетную ссылку; при них был монах, священник, учитель сына польский шляхтич Поборский, большая дворня; взяты были две пушки для безопасности. Но в Лаишеве Матвеева остановили: приехал полуголова московских стрельцов Лужин и потребовал книги лечебника, в котором многие статьи писаны цифирью, потребовал двоих людей Ивана еврея и карлу Захара; Матвеев отвечал, что книги нет, а людей выдал. С месяц после этого прожил Матвеев в Лаишеве, как однажды разбудили его ночью: приехал из Москвы думный дворянин Соковнин и думный дьяк Семенов: «Давай жену Ивана еврея, давай письма, давай имение на осмотр, давай племянников, давай монаха, давай священника, давай всех людей!» Матвеев сейчас все и всех выдал; Соковнин и Семенов поехали на съезжий двор и послали оттуда за Матвеевым, чтоб пришел сейчас же; боярин пошел пешком; здесь расспрашивали его племянников и людей о знаменитом лечебнике, взяли сказки за руками, взяли с Матвеева сказку о том, как составлялись и подносились лекарства больному царю. Матвеев показал, что лекарства составлялись докторами Костериусом и Стефаном Симоном по рецепту, а рецепты хранятся в аптекарской палате; всякое лекарство отведывал прежде доктор, потом он, Матвеев, а после него дядьки государевы, бояре, князь Федор Федорович Куракин и Иван Богданович Хитрово, после же приема что́ оставалось лекарства допивал опять он же, Матвеев, в глазах государя. За Соковниным и Семеновым явился в Лаишев дворянин с указом перевести Матвеева в Казань. Здесь воевода Иван Богданович Милославский приставил к нему караул, и скоро пришел царский указ — отпустить людей по деревням,

других на волю; потом ночью приехал дьяк Горохов: «Где имение, давай сейчас!» Матвеев отвечал: «В животах моих ни краденого, ни разбойного, ни воровского, ни изменного, ни заповедного нет, животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ее, и мои нажитые милостию божиею и великих государей жалованьем, за посольские службы и за мои работы ратные, за крови и за всякие великие работы в 69 лет нажитые, а когда час пришел невинному нашему разоренью, что великий государь изволил животы все взять без вины моей, в том воля божия и его государская!» Приехал стольник Тухачевский, назначенный приставом к Матвееву, и потребовал от него пушек, пороху, свинцу, панцирей, шапок, наручей: «К унятию всякого воровства был я починщик, а не к начинанию», — отвечал Матвеев Затем явился присланный от воеводы стрелецкий голова, взял Матвеева, сына его, людей с женами и детьми и повел в съезжую избу пешком, на позор людям. Тут в съезжей избе объявили ему вины: он написал в сказке своей в Лаишеве, что после приема лекарства государем остаток выпивал он, Матвеев; но дядьки государевы, князь Куракин и Хитрово объявили, что никогда он не выпивал остатков. Лекарь Давыд Берлов донес, что лечил он у Матвеева человека его, карлу Захара, и тот говорил ему, что болен от господских побой: однажды он заснул за печью в палате, в которой Матвеев с доктором Стефаном читали черную книгу; во время этого чтения пришло к ним множество злых духов и объявили, что есть у них в избе третий человек; Матвеев вскочил и, найдя его за печью, сорвал с него шубу, поднял, ударил о землю, топтал и выкинул из палаты замертво. Берлов прибавил, что он сам видел, как Матвеев с доктором Стефаном и переводчиком греком Спафари, запершись, читали черную книгу; Спафари учил по этой книге Матвеева и сына его Андрея. Матвеев хотел, было, говорить, но дьяк Горохов крикнул: «Слушай! Молчи, а не говори». У Матвеева отняли боярство, все имение, дали только тысячу рублей и сослали на житье в Пустозерск вместе с сыном.

В страшном горе, среди лишений всякого рода, Матвеев отправил три челобитные к царю с оправданием, к партиарху и ближним боярам с просьбами о ходатайстве. Старик опытный в делах правления, но неопытный в бедствиях жизни не мог отказать себе в утешении жаловаться и надеяться, что жалоба будет иметь действие, не рассудил, что самая бессмысленность обвинений и незаконность заочного осуждения отнимали всякую надежду к оправданию и облегчению участи, пока несовершеннолетний царь окружен Милославскими и Хитрово с товарищами. «Я, холоп твой, — писал Матвеев государю, — хочу быть прав размолвкою лекаря Давыдка и человека моего, карла Захарка. Перед твоими боярами За-

харка расспрашиван и пытан, и сказал, что в то время как я с доктором Стефаном и Спафарием читал книгу, он, Захарка, за печью уснул и захрапел, и будто я, услыхав его храпение, схватил его за волосы и толкнул через порог; но он ничего не сказал с пытки о приходе злых духов; ясно, что вор Давыдка это выдумал. А хотя бы Захарка и сказал, что видел злых духов, то верить нечему, надлежало бы допросить его, как он нечистых духов мог видеть, каковы их образы и почему он знает образ духов нечистых? А вор Давыдка почему не сказал, что мы читали в черной книге, какие дела и какие слова слышал он в чтении? И чему меня и сынишку моего Спафарий учил? У карлы Захарки два ребра переломлены: но переломил их ему Иван Соловцов, с которым он играл, а не от моих побоев он был болен. Злые духи сказали, что «есть у вас в комнате третий человек», т. е. Захарка, но сам Захарка показал, что трое нас читали черную книгу: я, доктор Стефан и Спафарий, и я не знаю, кто очелся! Духи ль, проклятые и низверженные, или воры, Давыдка и карла, четырех человек считают за три? Захарка сказал, что спал за печью; а у меня в той палатишке за печью спать нельзя: две стены у печи свободны, третья печью приделана к самой палатишке и промежка нет, а четвертая стена, у той — печное устье. Захарка же сказал, что он спал и храпел: как спящему человеку возможно слышать, кто что говорит? Или человеку храпление свое слышать? Спафарий меня не учил не только что богопротивному чему-нибудь, но и ничему: не до ученья было в ваших государских делах, а сынишка моего учил по-гречески и по-латыни, литерам малой части. А книги я читал и строил в домишке своем ради душевные пользы и которые богу не противны. А служа вам, великим государям, сделал книги с товарищами своими, и с приказными людьми и с переводчиками, в Посольском приказе, какие не бывали, и ныне на свидетельство моей и их работы в Посольском приказе. Доносят на меня, будто я многие взятки брал и тесноту твоим людям чинил, покупал отчины теснотою: но из городов и уездов, которые я ведал в приказах, никто тебе на меня челом не бивал и вперед бить не будет; когда я ехал в ссылку некоторыми из этих городов, то, кроме приятства и подаяния пищи, как подают убогим и разоренным, не слыхал на себя никакого нарекания. Служил я деду твоему и отцу в полковых службах. Когда ратные люди пошли из-подо Львова и пришла самая нужда: отец сына, брат брата мечут, и пришел холод и голод, солдаты, стрельцы и дворяне пушки и всякие ратные припасы покинули на степи и разбежались, боярин Бутурлин пошел скорым походом, а меня оставил с пометанными пушками и запасами на степи; и я, с остальными людьми, впрягаясь сам под пушки, все 59 пушек и с запасами допроводил до Белой Церкви и до Москвы. Как

под Конотопом упадок учинился вашим государским людям и отступили воеводы к Путивлю, окоп, обоз, образец и путь строил я, холоп твой, и отошли в Путивль в целости, а когда князь Алексей Никитич Трубецкой хотел идти в черкасские города, и ратные люди, не хотя идти, учинили бунт и привели его боярина за епанчу, то я с стрельцами его отнял. Прежде взятия Астрахани писал я к отцу твоему в троицкий поход, чтоб вора Стеньку Разина из Астрахани не отпускать для многих его воровских причин, как он первое ходил на море. Я с цесарскими посланниками договор учинил, чтобы вас великих государей вперед писать величеством, а не пресветлейшеством, я с польскими и шведскими послами договорился, чтобы они перед вами не сидели в шапках и шляпах. Я, будучи в приказе, учинил прибыли великие, вновь учинил аптеку, кружечный двор, и из тех сборов сделал дворы каменные, посольский, греческий, лавки. До моего сидения в Малороссийском приказе посылывали ратным людям в Киев и иные города хлебные запасы из Брянска в судах: а те суда делывали тут же в Брянске, и четверть ценою ставливалась в Киеве по 7 рублей и больше. А как я начал посылать на деньги хлеб, и четверть дороже рубля в купле не бывала. За теми расходами после преставления отца твоего объявил я тебе 182 000 золотых и ефимков и денег мелких. Денежный двор 15 лет стоял пуст, туда серебра в заводе на денежное дело не бывало; я же завел делать на том дворе деньги, и от того дела непрестанная прибыль была в казну. И за все мои службишки пожалован я был вашею государскою милостию, боярством, отчинами, поместьями; я наживал вашею государскою милостию на службах полковых, и в посылках, и в посольских подарках, и у ваших государских дел будучи, и то все без вины отнято. Есть, великий государь, которые в чужих домах живали, и чужие платья нашивали, и чужой хлеб едали, и те при деде твоем и отце столько же или и больше моего, у таких дел будучи, наживали. Один я возненавиден и оглашен многими деньгами, и золотыми и животы; а ныне о всех моих деньгах и о всей моей рухлядишке тебе известно: не таковы объявились, как об них донесено. Дано мне из нажитков отца и моего пожитченка тысяча рублев денег, и то твое жалованье не вем, на что издавать, на пищу ль себе, или червю своему бедному сиротине в наследие? Кому поверено? Пьяному вору, датскому немчину, который, будучи на Москве, только славы учинил, как его возили пьяного, через лошадь и через седло перекиня или в карете положа вверх ногами, и ребята вопили вслед: «Пьяница! Пьяница! Шиш на Кокуй!»* Петру Марсе-

* Кукуем называлась местность, где была построена Немецкая слобода.

лису пьяный разрезал рюмкою горло, чаять оттого и скончался. Чего ради я с ним не ставлен и не допрошен? За что он вор не возвращен с пути? Стеньку Разина все бояре на земском дворе расспрашивали и очные ставки давали: а меня, боярина, без суда осудили! Не ложно холопи твои у тебя, великого государя, чрез кровавые свои слезы милости просим: с голоду страждем и не можем части мяса купить; да не токмо мяса или калач, ей-ей и хлеба на две деньги купить не добудем; прожиточные люди здесь един борщ едят, да прибавляют по горсти муки ржаной, а убогие один борщ, да и тот не родится в Пустозерске, привозят с Ижмы; бредут врознь глада ради и остальные в тот же путь смотрят».

Три письма отправил Матвеев к патриарху, писал к духовнику царскому, протопопу Никите Васильевичу, к князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, князю Михайле Юрьевичу Долгорукому, к князю Никите Ивановичу Одоевскому и к князю Якову Никитичу Одоевскому, к боярину Родиону Матвеевичу Стрешневу, все с просьбами о заступничестве. Он решился даже обратиться с этими просьбами и к врагам своим, виновникам своего несчастия, к Ивану Михайловичу Милославскому и Богдану Матвеевичу Хитрово, клялся перед Милославским, что не он был причиною отправления его на воеводство Астраханское; в письме к Хитрово решился написать следующее: «Еще сугубой милости у тебя прошу: попроси милости и милосердия у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтоб она, видя мою невинность и слезы кровавые и непрестанные с червем моим, и разорение мое всеконечное, для воздаяния на небесах будущих благ в некончаемом царствии, предстательствовали о мне убогом у великого государя с тобою». Не зная, что делается при дворе, Матвеев писал даже и к боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, отцу царицы Натальи, просил, чтоб царица и царевич Петр ходатайствовали за него у царя; Матвеев не знал, что царица не могла защитить и родного брата своего, Ивана Кирилловича Нарышкина, на которого тот же лекарь Давыд Берлов подал донос. Вследствие этого доноса Нарышкина привели в Кремль перед Грановитую палату, стрельцы с своим сотником окружили его, вышел боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий с думным дьяком, который читал сказку: «Говорил ты, Иван, держальнику своему Ивашку Орлу на Воробьеве и в иных местах про царское величество при лекаре Давыдке: ты-де орел старый, а молодой-де орел на заводи ходит, и ты его убей из пищали, а как ты убьешь, и ты увидишь к себе от государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взыскан и от бога тем, чего у тебя и на уме нет; и держальник твой Ивашка Орел тебе говорил: убил бы, да нельзя, лес тонок, а забор высок. Давыдка в тех словах пытан, и огнем и клещами жжен

многажды; и перед государем и перед патриархом, и перед бояры, и отцу своему духовному в исповеди сказывал прежние ж речи: как ты Ивашку Орлу говорил, чтобы благочестивого царя убил. И великий государь указал и бояре приговорили: за такие свои страшные вины и воровство тебя бить кнутом и огнем, и клещами жечь и смертию казнить; и великий государь тебя жалует, вместо смерти велел тебе дать живот; и указал тебя в ссылку сослать на Рязань в Ряский город, и быть тебе за приставом до смерти живота твоего»[188]. Брат Иванов, Афанасий Нарышкин, также был сослан.

В то время как Милославский и Хитрово управлялись с Матвеевым и Нарышкиными, патриарх Иоаким управлялся с двумя духовными лицами, которые в царе Алексее Михайловиче лишились своего защитника. Мы видели уже покушение Иоакима на духовника царского, Андрея Савинова, которого он обвинял в безнравственном поведении и в неуважении к нему, патриарху. Царь Алексей упросил патриарха простить духовника. Но в самый день похорон царских вражда между ними разгорелась в высшей степени: патриарх на отпевании вложил в руки покойника прощальную грамоту; духовник считал это своим правом и вышел из себя: после похорон пришел наверх, в комнату, где собрано было все царское семейство, и начал кричать: «Покойный государь прощение не получил, патриарх не дал мне вручить ему прощальную грамоту; дайте мне 2000 человек войска, я пойду на патриарха и убью его; или оружием или какою отравою убейте мне супостата моего патриарха, если же не предадите смерти патриарха, то я вас прокляну, а с патриархом управлюсь сам, я уже нанял 500 ратных людей, чтоб убить его». Царь, царица и царевны «не соизволиша» на это, говорит наивно официальный акт. Они выдали патриарху расходившегося протопопа; Иоаким созвал собор, 14 марта 1676 года произнесено было осуждение. Кроме выходки во дворце показаны были еще следующие вины: 1) когда по изволению царскому сей злый иерей взят был на управление духовное царского дома, то он, самочинием своим и неправильно, не востребовав архиерейского благословения, восхитил самочинно духовную власть и называл себя протопопом без ставленной грамоты. 2) Вместо заступления за несчастных многим мучения и казни исходатайствовал, обличаемый в своих винах письмами от некоторых людей вправду, что с замужнею женщиною прелюбодействовал. Лучше было ему в том грехе каяться, а не обличителям пакости творить и мстить, многие из-за него были замучены и посланы в *оземствование*. 3) Пьянствовал с зазорными лицами, блудническими песнями услаждаясь, с приложением различных игр и бряцаний. 4) Без благословения нашего церковь сам собою воздвиг; будучи под нашим патриаршеским запрещением и ни во что

его вменяя, обедню служил. 5) Вражду положил между царем и нами, патриархом, не хотя себя видеть от нас правильно обличаема, привел царя на то, что не хотел ходить в соборную церковь и к нашему благословению. 6) Восхитил от живого мужа жену и нуждою ее в супружество другому мужу отдал и в отчине своей священнику неволею приказал их венчать, потом у второго мужа отнял ее, прелюбодействовал с нею, а первого мужа безвинно в дальнее *оземствование* послал, в темнице в оковах держать велел. Савинов был лишен священства и сослан в Кожеезерский монастырь [189].

Через два месяца по осуждении духовника Андрея собор осудил *на исправление* старого заточника, Никона, который, как видно, был в приязненных отношениях к осужденному духовнику. С известием о кончине царя Алексея приехал в Ферапонтов монастырь Федор Лопухин. Никон выслушал неожиданное известие в сильном волнении, слезы выступили у него на глазах, но жесткие слова показали, какое чувство сейчас же взяло верх: «Он будет судиться со мною в страшное пришествие Христово», — сказал Никон, и когда Лопухин начал упрашивать его дать покойному письменное прощение, то Никон отвечал: «Подражая учителю своему Христу, повелевшему оставлять грехи ближним, я говорю: бог да простит покойного, но письменного прощения не дам, потому что он при жизни своей не освободил нас от заточения». Никон не воображал, что если царь Алексей при жизни своей не вывел его из Ферапонтова, то смерть царя приготовила еще ему бо́льшую беду, на которую, впрочем, он сам напрашивался. 13 апреля пристав Никона, кн. Шайсупов, дал знать, что Никон требует отправления в Москву Игнатия Башковского и дворовой его женки Киликейки, зная за Башковским великого государя великое и страшное дело; в челобитной, присланной Никоном по этому случаю, он подписался *патриархом*. Этого уже было достаточно, чтоб возбудить гнев настоящего патриарха; кроме того Никон сам послал на себя в Москву доносчика в то время, когда доносы на него начали принимать охотно. Башковский рассказал, что Никон лечил крестьянина Кириллова монастыря, и больной умер от его лекарства, что Никон из своей кельи стреляет из пищали и застрелил птицу баклана, что к Никону приезжает много родственников его из Курмыша. В это же время переменен был пристав, князь Шайсупов; он также, приехав в Москву, порассказал много разных вещей про Никона, рассказывал, что Никон ни в чем его не слушал и никому слушать не велел; приказал себя называть и в письмах писать св. патриархом; на озере и по дороге на крестах сделал надписи: «Смиренный Никон божиею милостию патриарх, поставил, будучи в заточении за слово божие и за св. церковь». Баклана подстрелил и велел у него крылья, голову и ноги отсечь за то,

что он поедал у него рыбу. На кого Никон осердится, тех людей стрельцы и монастырские служки били палками и плетьми; хвастал Шайсупову, что наперед предсказал Родиону Стрешневу разорение от Стеньки Разина; присланному из Москвы Лопухину говорил, что у него в Турции живут свойственники четыре человека стряпчих и деньги к ним посланы, что цареградский патриарх проклял патриархов, которые его, Никона, осудили, и называл патриархов ворами. По преставлении царя Алексея во весь Великий пост пил допьяна и, напившись, всяких людей мучил безвинно, по его же приказу старца Пафнутия били на правеже целую неделю в Великий пост; своими руками бил служку Обросимова, который от этих побоев умер; старца Лаврентия били палками, а после Никон его запоил вином, от чего тот и умер. Игумен с братиею и служки приходят к Никону в праздники, и он, сидя в креслах, дает им целовать руку; сделал у себя приказ и губу. Приезжала к нему девица 20 лет с братом, малым ребенком, для лечения, и Никон ее запоил допьяна, от чего она умерла.

Новый пристав Ададуров, как приехал в монастырь, так написал в Москву, что Никон живет вовсе не заточником: построено у него 25 келий, из них поделаны сходы и всходы и окна большие в монастырь и за монастырь, и живут в этих кельях всяких чинов люди человек с десять.

Явился новый доносчик, самый близкий человек, Никонов келейник старец Иона. Он объявил, что Никон в церковь ходит мало, за государя и патриарха бога не молит и священникам, которые живут у него, молить запрещает; когда бывает в церкви, никого не пускает, причащается в алтаре у престола с служащим попом вместе; отца духовного не имеет четвертый год, на ектениях поминает себя патриархом московским; государево жалованье, присланное к нему, ни во что ставит, ногами топчет и всякими неистовыми словами великого государя злословит [190], и т. д.

На основании этих доносов Иоаким с собором приговорили *исправить* Никона, и великий государь отправил в Ферапонтов монастырь думного дворянина Желябужского да архимандрита Павла с приказом — перевести Никона в Кириллов монастырь; жить у него в келье двоим искусным добрым старцам, подобающую ему честь воздавать, а других иноков и мирян не пускать, чернил и бумаги не давать, никакого приношения к нему не принимать. 16 мая 1676 года посланные получили наказ, в июне приехали в Ферапонтов монастырь, и после обедни прочли Никону указ и вины. Никон слушал указ со смирением, без всякого прекословия; обвинения — одни отверг, другие объяснил, например: «Ивашка Кривозуба, который на меня извещал, за его воровство, по сыску, бил я с игуменом и священником вместе; неволею я

никому не приказывал целовать себя в руку, а которые люди ко мне приходили, и я им руку целовать давал. Губы я у себя не заводил, а сыскивали мы с игуменом вместе про Ивашку Кривозуба. Кельи строены по указу царя Алексея Михайловича, за великого государя и за вселенских патриархов всечасно бога молю, а за Иоакима патриарха не молю, потому что писал вологодский архиепископ в Кириллов монастырь и велел бога молить за себя, а не за патриарха, да потому, что от него, Иоакима, всякое зло учинилось и ныне меня губит, а попам я за патриарха Иоакима бога молить не заказываю. С служащим священником Варлаамом причащался я у престола в алтаре, а у отца духовного не бывал года с три, потому что отец мой духовный, кирилловский архимандрит, ко мне не ездит; на ектеньях священники и дьяконы как хотят, так меня и поминают, а я им не заказывал; московским патриархом я себя называть не веливал и никого к этому не принуждал, которые присыльщики приезжали от царя Алексея, и они называли меня великим святым отцом. При князе Шайсупове за лекарством ко мне хаживали, и князь ко мне ходить всяким людям не запрещал, а только бы от него заказ был, и я бы к себе никого ни пускал; а как Ададуров приехал и не велел ко мне никого пускать, и я никому к себе ходить не велел».

Желябужский и Павел говорили Никону в соборной церкви всякими мерами, чтоб за св. патриарха бога молил и никаких непристойных слов не испускал; но Никон, идя из церкви, говорил: «Стану бога молить за великого государя и за вселенских патриархов, а за московского бога молить и патриархом его называть не стану». В этот же день его перевезли в Кириллов монастырь. Это перемещение во враждебный монастырь, где он уже не мог так хозяйничать, как хозяйничал последнее время в Ферапонтове, заставило Никона переменить тон, его испугало также известие, что двоих самых близких и верных ему людей священника Варлаама и дьякона Мардария возьмут от него и сошлют в Крестный монастырь. Когда архимандрит Павел пришел к нему перед отъездом и стал опять уговаривать молиться за патриарха, то Никон отвечал: «Чтоб св. патриарх был ко мне милостив, и не велел меня здесь напрасною смертию от тесноты поморить, а я за него бога молить и патриархом называть стану; когда я при царе Алексее у допросу об отходе своем в Воскресенский монастырь был, в то время государю говорил, что за смирение в патриархах быть можно ему, Иоакиму». Со слезами просил Никон Павла бить челом государю и патриарху, чтоб не велели отсылать в Крестный монастырь Варлаама и Мардария, а приказали им по-прежнему жить у него, потому что они к нему приобытчились, а он к ним. Эти Варлаам и Мардарий в допросе объявили, что у Никона ничего

дурного не было, но Мардарий проговорился: «Я возил, — сказал он, — отписки и челобитные к великому государю от Никона в Москву и подавал духовнику и дьяку тайных дел Полянскому, а они эти отписки передавали великому государю, к духовнику возил я от Никона всякие посудцы деревянные, братины, стаканы, ложки и рыбу отвозил, а Полянскому возил одну рыбу». Понятно, что известие о посредничестве ненавистного Савинова между Никоном и царем не могло очень склонить Иоакима на милость к Никону [191].

Савинов был сослан в Кожеезерский монастырь, Никон переведен в Кириллов; но царский учитель Симеон Полоцкий был сильнее прежнего, и печатал свои проповеди без благословения св патриарха; кроме близких отношений к царю, Иоакиму нельзя было дотронуться до Полоцкого и потому, что он не подавал повода к таким обвинениям, на основании которых можно было осудить Савинова.

Из адресов на письмах Матвеева мы видим, кто были самые влиятельные, самые близкие к царю люди. К ним скоро присоединился другой Милославский боярин Иван Богданович, которого мы видели воеводою в Казани во время ссылки Матвеева. Иван Богданович был самый энергический из Милославских, ибо Ивана Михайловича ставало только на интригу, на подземный подкоп против кого-нибудь. По возвращении из Казани Иван Богданович, как говорят, схватился за все дела, но сейчас же пошли на него со всех сторон жалобы, и это отдалило от него молодого царя, у которого уже было двое любимцев: первый — постельничий Иван Максимович Языков, другой — комнатный стольник Алексей Тимофеевич Лихачев, бывший учителем царевича Алексея Алексеевича. Приближение Языкова объясняется легко из самой должности его: та же должность дала значение Адашеву при Иоанне IV, Ртищеву при царе Алексее Михайловиче. Но есть известие, что двое старых бояр, князь Долгорукий и Хитрово, не имея личной возможности соперничать с Милославским и быть постоянно с царем, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевешивать влияние Милославского. Об Языкове сохранились отзывы как о чрезвычайно ловком придворном, его называют «человеком великой остроты, глубоким московских прежде *площадных* * потом же дворских обхождений проникателем». Лихачева называют «человеком доброй совести, исполненным великого разума и самого благочестивого состояния». Такой же отзыв встречаем и о брате его Михайле Тимофеевиче. Понятно, что для всех этих лиц самым важным вопросом был вопрос о браке царя: молодая царица может уничтожить или ослабить влияние царевен — теток и сестер,

* Здесь разумеется площадь или площадка на крыльце, где собирались молодые придворные (см. выше первую главу).

а следовательно, и Милославских, может привести во дворец своих родственников! Рассказывают, что, идя однажды в крестном ходу, Федор увидал девушку, которая ему очень понравилась; он поручил Языкову справиться о ней, и тот донес, что это Агафья Семеновна Грушецкая, живет у родной тетки, жены думного дьяка Заборовского, и дьяку дано знать, чтоб не выдавал племянницы впредь до указа. Милославский, узнав о намерении царя жениться на Грушецкой, подумал, что это происки Языкова и Лихачева, и стал чернить Грушецкую и мать ее; но Языков и Лихачев обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой в июле 1680 года, а Милославскому запретил являться ко двору, и хотя молодая царица по великодушию своему выпросила ему прощение, однако он потерял с этих пор всякое влияние. Языков с 1678 года называется постельничим *думным;* в 1680 государь пожаловал его из постельничих думных в окольничие и указал быть ему в оружейничих; в тот же день на место Языкова в постельничие пожалован был Лихачев [192]. В конце царствования Языков был пожалован в бояре. Таким образом, самыми близкими к царю, самыми влиятельными на дела правления явились люди новые, молодые, Языков и Лихачев. Но подле них, если не в такой близости, однако с сильным влиянием на дела, видим человека одного из самых стародавних родов, еще молодого по летам, боярина князя Василья Васильевича Голицына, не одним именем и отчеством напоминавшего знаменитого предка своего, слывшего *столпом* в Смутное время. Бесспорно, что Голицын был представительнее и способнее всех бояр описываемого времени; к этому присоединял он еще далеко не общее всем тогда образование, дававшее ему известную широту взгляда, уменье покончить с вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднее, чем для других. Итак, говоря о правительственной деятельности Феодора Алексеевича, царя очень молодого и болезненного, мы обязаны постоянно иметь в виду людей, его окружавших, сначала Милославских, потом, особенно с 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумеется, по недостатку подробных известий, мы не можем определить долю каждого из них в правительственной деятельности.

Феодор наследовал от отца три трудные задачи внешней политики: окончание дела с Дорошенком, отклонение притязаний Польши на буквальное исполнение андрусовских статей и войну турецкую.

Еще при жизни царя Алексея, в январе 1676 года Дорошенко дал знать князю Ромодановскому, что он уже присягнул великому государю пред запорожским кошевым и донскими козаками, и в другой раз не только перед боярином и гетманом, и перед самим царским величеством присягать

не станет. В Москву ехать ему теперь никак нельзя, потому что ежечасно ожидает прихода под Чигирин неприятелей, турок и татар, озлобленных на него за присягу великому государю. Булавы он не пошлет, потому что булаву дали ему войском, войском пусть и возьмут; где булава, тут и голова, из давних лет Чигирин при булаве, и без гетмана в Чигирине по сие время не бывало. В государевой грамоте написано, что жить ему с родственниками где захочет: но он хочеть жить там, где родился и вырос, т. е. в Чигирине. Потом Дорошенко понизил тон и стал требовать, чтоб государь прислал к нему какую-нибудь знатную особу, при которой он и присягнет вторично. В Чигирине рассказывали, что когда митрополит Иосиф Тукальский лежал при смерти, то Дорошенко навещал его беспрестанно, и умирающий заклинал его именем божиим, чтоб отстал от турецкого султана и бил челом в подданство великому государю, если же этого не сделает, то пропадет. Дорошенко за это осердился на Иосифа и не ходил к нему до самой смерти.

Новый государь в марте месяце отправил в Чигирин стольника Деремонтова с грамотою к Дорошенку. Но стольник скоро возвратился и объявил, что гетман Самойлович не пустил его из Батурина в Чигирин. Для объяснения своего поступка Самойлович писал государю, что Дорошенко вовсе не думает исполнять требований, заявленных покойным царем, лукавит по-прежнему; притом посылка Деремонтова показывает, что государь переменил прежнее решение, потому что указом царя Алексея все переговоры с Дорошенком поручены боярину князю Гр. Гр. Ромодановскому и ему, гетману. Наконец Самойлович писал, чтоб великий государь пожаловал, послал к Дорошенку обнадеживальную грамоту без *вича* (не: Петру Дорофеевичу, как обыкновенно писалось) и без упоминовения при нем старшины, а к чигиринскому поспольству послал бы особую жалованную и обнадеживальную грамоту с приказом не называть Дорошенка гетманом, ни в чем ему не верить, а быть в послушании у него, гетмана Ивана Самойловича. Государь отвечал, что он не переменяет прежних указов отца своего, и отпуск Деремонтова положен на рассмотрение князя Ромодановского и его, гетмана, как их господь бог вразумит. Ромодановский решил, что не для чего удерживать тестя Дорошенко, Яненка Хмельницкого, и отпустил его в Чигирин с адъютантом рейтарского строя, Горяиновым. Во время обеда при Горяинове Дорошенко, налив вина, говорил: «Пью на том, что мне не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не взять!» «Не отдадим булавы никогда, — говорили начальные люди, — а если попович (Самойлович) станет ее у нас насильно отнимать, то мы будем за нее биться». «Бог судья гетману Ивану Самойловичу, — продол-

жал Дорошенко, — город Чигирин всему Малороссийскому краю от бусурман не малая защита; надобно бы ему в Чигирин клейнот прибавить, а он и последний отнимает и хлеба к нам привозить на продажу заказал, а пишет ко мне так, как я и к хлопцу своему не пишу». За столом сидели запорожцы, шесть человек, присланные за тем, чтоб Дорошенко с клейнотами и булавою ехал к ним на кош. Подпивши, Дорошенко обратился к ним: «Не выдайте вы меня, как донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы выдают, а вы не выдавайте». «Не выдадим!» — отвечали запорожцы.

Между тем Самойлович действовал, чтоб ускорить развязку тяжелого для него дела: он двинул к Днепру войско с семью полковниками; из них черниговский Василий Бурковский переправился за Днепр с выборными от всех полков людьми и 18 марта приблизился к Чигирину. Дорошенко вышел из города, окруженный своею пехотою, и послал спросить: зачем пришли и по чьему указу? «Государь требует и все войско тебя увещевает: принеси присягу и сложи начальство», — отвечал Бурковский. Выслушав ответ, Дорошенко поворотил в город, а полковнику послал сказать, что никакого дела не может начать без согласия всего Войска Запорожского низового. Потом Дорошенко прислал Бурковскому грамоту для передачи Самойловичу; грамота была подписана: гетману Войска Запорожского, но не обеих сторон Днепра. «Не только теперь, — писал Дорошенко, — после присяги царскому величеству, хочу я быть единомышленным и единоутробным (от одной матери Украйны) братом и приятелем вашей милости, но и прежде, когда за грехи мы были разрознены, я всегда оказывал любовь и дружбу вашей стороне, тайно засылая и остерегая насчет приближения неприятелей. И в нынешнем месяце, получив предостережение из коша насчет турецкого и татарских замыслов, я уведомил о них боярина и вашу милость, вследствие чего вы и двинули полковника черниговского и других на защиту нашему углу и той стороне. Благодарю за помощь бедному нашему уголку и желаю присланному войску победы над общими неприятелями. Одному поступку вашей милости удивляюсь: послали вы войско навстречу неприятелю, а между тем мимо меня, тайно засылаете и наговариваете не только города, но и пехотные полки, обещая им хлеб и довольство, а городовым жителям мирное и безобидное пребывание под чужими забралами. Неужели это защита — войска отводить на свою сторону? Неужели это мирное пребывание — чужие углы портить? Вы подвинули войска свои к Днепру, как пишете, для того чтоб нам надежнее было, покинув город, дома, жен и детей, переехать с клейнотами войсковыми и старшиною к вам для принесения присяги новому государю и сложения регимента. И прежде писал я о причинах, почему не могу

ехать; и теперь (так как вижу, что ваша милость больше всего хлопочет о клейнотах) напоминаю: ехать мне не только к вам, но и в столицу, как человеку ни в чем невинному, не страшно; но для своей прихоти отдать вашей милости клейноты, поверенные мне не один раз в продолжение десяти лет всем войском, без собрания этого войска — городового и низового — это было бы с моей стороны слишком смело: какой бы я благодарности за это дослужился? Какой на будущее время славы и чести дому своему добыл? Рассуди сам высоким своим разумом, и оставь это дело. Имеет ваша милость благодатию божиею от его царского величества полный свой регимент; никто вашей милости не завидует, не мешает. Пишете, что если не послушаю вашего совета и не поеду к вам, то полковнику черниговскому велено промышлять против нас с войском: очень хорошо для временной чести и прихоти начинать междоусобие! Благословит ли нас за это бог? Не будет ли неприятель над нами смеяться? Не будем ли за это осуждены? Довольно нам отвечать и за прежнюю кровь невинную, за неволю, в которую попались люди невинные; а мы еще на худшее преуспеваем! Я, при моей невинности, никому зла не желаю, и всякому прошению ответ давать готов». Один из Дорошенковых полковников, Петриковский, съехавшись с Бурковским, говорил ему: «Ради бога, не верьте Дорошенку, он все обманывает, за ордою в Крым давно послал и надежен во всем на прежнее постановление с Серком и запорожцами».

Самойлович должен был ограничиться одними угрозами, потому что к нему пришел царский указ: обнадеживать Дорошенка царскою милостию, перезывать его всякими мерами на эту сторону, но задоров с ним не делать, если с его стороны не окажется ничего противного. Вследствие этого Бурковский с товарищами, по указу гетманскому, отошел от Чигирина и распустил войска по домам. С другой стороны беспокоил Самойловича Серко: «Хотя мы теперь новому великому государю и присягнули, — писал кошевой гетману, — однако если ты и вперед не будешь нас допускать к милости царской, то вредно это будет одному тебе. Много уже терпим!» Серко досадовал на Самойловича, что тот не присылает в Сечь клейнотов, которые взял у Ханенка, не пропускает хлебных запасов на Запорожье, запорожцев из городов велел выбивать, царского жалованья, Переволоченского перевоза и местечка Кереберды не дал, не позволил стаду запорожскому зимовать в полтавском полку. Посланец гетманский слышал, как на раде чернь запорожская кричала про гетмана всякие позорные слова; а на другой день пьяный Серко призвал посланца к себе, ухватил его за грудь, просил сабли и кричал: «Знаешь ли, как я тебе голову отсеку! Узнает гетман, как я зайду от Стародуба, а там их уж станут и бить. Присягал я великому государю царю в службе, только дедич-

ного государя польского короля не оставлю. Как гетман Иван Самойлович придет к нам на Запорожье и войску поклонится, то пусть будет гетманом, а если к нам не придет, а придет к нам Дорошенко, то гетманом будет Дорошенко». В Москве уже сделан был выбор между постоянным до сих пор гетманом и издавна шатким кошевым: все дела по жалобам Серка отданы были на рассмотрение гетмана, только велено ему было безусловно не задерживать хлебных запасов, идущих в Сечь, чтоб не отлучить запорожцев от царской милости.

Ходили слухи, что Дорошенко сбирается уйти на Запорожье; но он хотел сдержать свое слово — оставаться там, где родился и воспитан был, сидел в Чигирине, и Самойлович по-прежнему посылал в Москву известия о его поведении: «Не только к пашам, но к самому султану и хану знатных людей посылает, также и к полякам А что санжаки турецкие к вашему царскому величеству послал, на это надеяться нечего: у него давно такой обычай, ко всем монархам, особенно к христианским, на словах склоняться, но на деле никому не хочет быть верен, кроме турского: сам султан ему позволил отослать санжаки в случае нужды, если какой-нибудь христианский государь будет сильно на него наступать. На эту сторону он никогда не переедет и старшинства с себя не сложит, того у него и в помышлении не было, нет и не будет. Все посылать к нему об этом грамоты для нас с боярином бесчестно, потому что он из этого смех строит и между малороссийским народом разные всевает небывалые слова». Самойлович просил указа идти на Дорошенка, пока не пришли к нему турки и татары на помощь.

Гетман не мог уладиться с Дорошенком и Серком, архиепископ Лазарь Баранович ссорился с протопопом Симеоном Адамовичем Дело пошло из-за того, что протопоп владел многими маетностями, архиепископия же черниговская маетностями была скудна. «Архиепископии, — говорил Баранович, — больше нужно доходов на украшение церквей, на монастырь и на другие потребы, нежели протопопу только на домовое его строение. Я недавно две архимандрии, черниговскую и новгородскую, воскресил». Гетман и старшина согласились с мнением архиепископа, и протопопу дали знать, что села его и деревня с мельницами отписаны на архиепископа. Адамович в Москву, с жалобою, что архиепископ насильно завладел его маетностями. Баранович, узнавши о жалобе, велел нарядить суд над Адамовичем из архимандрита и протопопов; но Адамович не заблагорассудил явиться на этот суд и уехал в Москву. Баранович с просьбою к государю: «Аще бы смел каковы ложные рассевати клеветы, смиренно молю вашего царского пресветлого величества, чтоб ложным его клеветам вера не была дана, но паче да заградятся уста

глаголющего неправду, дабы та дерзость его совершенное восприяла непохваление». Гетман также прислал грамоту, заступаясь за архиепископа, объясняя, что он, гетман, имел право, по совету с старшиною, отнять маетности у протопопа и отдать архиерею, потому что последнему больше нужно доходов. В Москве, в Малороссийском приказе, дело кончилось тем, что Адамович отказался от спорных маетностей, а государь послал грамоту Барановичу, излагая дело так, что протопоп бил ему, государю, челом с слезным прошением, что он своего пастыря прогневал и повеления его страха ради не исполнил без хитрости; государь просил архиепископа, чтоб он для милосердия божия и для государской милости отдал протопопу его бесхитростную вину и велел ему жить по-прежнему в своей пастве.

Улаживалось одно дело, начиналось другое. 4 августа явился в Малороссийский приказ стародубский полковник Петр Рославец и подал жалобу: «После Велика дня прислал ко мне в стародубский полк гетман Иван Самойлович заднепровских козаков, которые перешли на его сторону Днепра, пятьсот человек. Я их разместил по селам и деревням, велел поить и кормить и с лошадьми, и давать денег — сотникам по пяти рублей в неделю, атаманам по девяти алтын, рядовым по две гривны, да по две кварты вина, да по кварте масла. Но козаки, не довольствуясь этим, стали собирать самовольством с жителей деньги и кормы. Потом 9 июля прислал из Чернигова владыка грамоту с запрещением, чтоб священники в церквах не служили и никаких треб не исправляли: за твое государское здоровье молитв нет, много людей без покаяния померли, младенцы не крещены, роженицы лежат без молитв! Гетманские посланцы собирают поборы не в меру, уездных людей и козаков разоряют, и меня скидывают с полковничества». Рославец просил, чтоб стародубский полк отошел под непосредственную власть государя, под начальство князя Гр. Гр. Ромодановского, подобно полкам сумскому, рыбенскому, ахтырскому и харьковскому, потому что города: Стародуб, Новгород Северский, Почеп, Погарь и Мглин вотчина государева, бывали московскими городами. Наконец Рославец просил, чтоб церкви в стародубском полку ведал московский патриарх.

В тот же день, 4 августа, пришло письмо по почте от гетмана: Самойлович доносил, что Рославец склонял стародубских полчан отложиться от гетманского регимента; те дали знать об этом гетману и просили, чтоб позволил им выбрать другого полковника; гетман дал позволение, а Рославец убежал в Москву. Полковнику сделали выговор от имени царского, что он учинил противно войсковому праву, не оказавши должного послушания гетману, и поехал в Москву без его ведома; надобно было ему других от своевольства унимать,

а он сам своевольничает! Для разъяснения дела в Малороссию отправился стольник Алмазов, которому наказано: говорить с гетманом многими пространными разговорами, применяясь, что можно, чтоб ему было не в оскорбленье, приводить, чтоб между ними злоба не вырастала, и привесть гетмана к склонности, обещая, что полковник окажет ему должное послушанье. Смотреть, чтоб и старш не было не в досаду, говорить, усматривая их намерения, как они о том станут мыслить. Проведывать обо всем тайно, чтоб то дело между ними и всем войском успокоить, и злобе в даль распространяться не дать.

Только что Алмазов промолвил о мировой, гетман отвечал: «Хотя бы Рославец в чем-нибудь мне и больше досадил, то я бы ему простил; но этого дела никак так оставить нельзя, потому что Рославец говорил, будто к нынешнему его делу много советников, будто меня, гетмана, на этой стороне не любят: так пусть его судит старшина по войсковым правам, пусть он советников своих укажет, кто меня не любит. Не только у нас в малороссийских городах плуты и своевольные люди есть, но и в великороссийских городах, и в иных странах; где и под страхом живут, и там без плута не бывает, а у нас в малороссийских городах вольность; если бы государской милости ко мне не было, то у них бы на всякий год было по десяти гетманов». Возвратясь в Москву, Алмазов донес, что все начальные люди бранят Рославца, а про гетмана никаких слов дурных не говорят. Архиепископ запретил стародубскому духовенству служить за то, что Рославец прибил одного священника. Наконец Самойлович дал знать в Москву, что Рославец затеял дело по совету протопопа Симеона Адамовича.

Алмазова немедленно опять отправили в Батурин, он повез Рославца на войсковой суд; но в грамоте своей к гетману царь писал, чтоб он простил преступника, который раскаивается.

Между тем всю весну и лето ходили слухи, что султан собирается под Киев; для подкрепления Ромодановского и Самойловича двинулся в Путивль боярин князь Василий Васильевич Голицын. Ромодановский и Самойлович получили указ давать отпор неприятелю; если же турки и татары под Киев и на восточную сторону не придут, то идти к Днепру и за Днепр, промышлять над Чигириным и Дорошенком, применяясь к прежним указам царя Алексея Михайловича и смотря по тамошнему делу. О турках не было слышно, и Ромодановский с Самойловичем двинулись к Днепру. Не доходя ста верст до реки, они отправили вперед стольника Григорья Косогова с 15 000 московского войска и бунчужного Леонтья Полуботка с четырьмя полками. Увидав царское войско, прибрежные места, зависевшие от Чигирина, начали подда-

ваться. Косогов с Полуботком, подошедши под Чигирин, схватились с тамошними козаками; но после бою начались переговоры; Косогов послал к Дорошенку увещательную государеву грамоту. На этот раз Дорошенку ничего больше не оставалось, как исполнить царские требования. Священники с крестами, старшина и чигиринские жители явились в обоз к осаждающим на речку Янычару, в трех верстах от города, и принесли присягу. Дорошенко отправил своего двоюродного брата Кондрата Тарасенка и писаря Воехевича к Ромодановскому и Самойловичу с просьбою, чтоб прежние обещания, ему данные насчет сохранения здоровья и имущества, были исполнены, и когда воевода и гетман уверили его в этом, он приехал к ним в сопровождении 2000 человек и положил пред ними клейноты — булаву, знамя и бунчук. Чигирин «великому государю и всей Украйне надобный город» был занят царскими войсками, пополам московскими и малороссийскими.

С торжеством возвращался Самойлович от Днепра. В Переяславле он нашел Алмазова с Рославцем. Выслушав о желании великого государя, чтоб преступник был прощен, Самойлович отвечал: «Я без государева указа никакого наказания Рославцу не учиню; но теперь объявилось новое дело: бывший Дорошенков генеральный писарь Воехевич подал мне сказку на письме за своею рукою, что нежинский протопоп Симеон Адамов присылал к Дорошенку козака Дубровского, приказывая с ним, что все хотят иметь гетманом Дорошенка, а именно полковники: стародубский Петр Рославич, прилуцкий Лазарь Горленко, Дмитрашка Райча, бывший генеральный писарь Карп Мокриев; да не только старшина и чернь, сам государь не хочет меня, Самойловича, иметь гетманом. Чего Дорошенко хочет, то надо мною и сделают: захочет убить — убьют, или в Москву отошлют как многогрешного. Протопоп поцеловал крест на том, что так сделается, и прислал этот самый крест к Дорошенку, а Дорошенко отдал его мне».

3 октября привели Рославца пред гетмана и старшину: «Я было надеялся, — сказал ему Самойлович, — что такого другого приятеля у меня и нет, как ты Петр; а ты, забыв бога и присягу, хотел за добродетель мою к тебе убить меня, да господь бог не помог!»

«Я ни в каком совете с протопопом не бывал, — отвечал Рославец, — дел его никаких не знаю; моя вина одна, что поехал без гетманского ведома и отпуска к царскому величеству, побоясь черной рады, чтоб меня не убили». Тут Рославец повалился на землю перед гетманом и лежал долго.

27 октября великий государь указал и бояре приговорили в передней при святейшем патриархе: Рославца с советниками судить войсковым правом. Суд назначен был в январе.

Но прежде Рославца надобно было решить важный вопрос— что делать с Дорошенком? Где ему жить? Сначала Ромодановский и Самойлович поместили его в Соснице (в черниговском полку). В ноябре отправился в Батурин стольник князь Иван Волконский с приказом гетману прислать Дорошенка в Москву для подтверждения присяги; для успокоения Самойловича Волконский должен был ему говорить, что Дорошенко берется в Москву из уважения к его же Самойловичевой верной службе: Дорошенко ему, гетману, давний неприятель, так чтоб будучи на этой стороне, по прежнему своему злоковарству, не вымышлял каких-нибудь противных на него дел и не побуждал бы ко злу людей, не желающих покоя.

В Батурин приехал Волконский в начале декабря и для переговоров о Дорошенке отправился к Самойловичу часа за четыре до свету: «Теперь вскоре послать Дорошенка в Москву нельзя, — говорил гетман, — он переехал на эту сторону недавно и двора себе не построил, многих пожитков своих не перевез. Когда будут судить нежинского протопопа и Рославца, то это дело начнется Дорошенком: он главный обличитель. Потом мы обещали Дорошенку под Чигирином, что жить ему по воле, где захочет, и прежних дел его не вспоминать. Чигиринские старшины били мне челом, чтоб я позволил им поселиться на этой стороне, я позволил; но если теперь послать Дорошенка в Москву, то старшины усумнятся и сюда не поедут, да не было бы смуты и потому, что у Дорошенка много своих друзей на обеих сторонах Днепра, подумают, что его хотят заслать в Сибирь. А мне опасаться его не для чего: когда он и не был в подданстве у великого государя и не жил под моим регементом, то и тогда я знал все его замыслы, а теперь и подавно все буду знать». Наконец гетман объявил, что без совету с старшиною он не может решить этого дела; но и после совета Волконскому объявлено было то же, что отпустить Дорошенка нельзя по изложенным причинам. Решили, что гетман пошлет об этом грамоту государю, а Волконский будет дожидаться в Батурине указа. Указ пришел — оставить Дорошенка в Малороссии.

В январе 1677 года, на третий день после Богоявления, в Батурине начался суд над протопопом Адамовичем и полковником Рославцем; от Барановича присланы были черниговского Елецкого монастыря архимандрит Иоанникий Голятовский, игумен киевского Кириллова монастыря Мелетий Дзик и трое протопопов. Выслушав свидетелей, суд приговорил Адамовича и Рославца к смертной казни, советника их, бывшего генерального писаря Карпа Мокриева, выслать вон из Украйны, бывшие полковники — переяславский Дмитрашка Райча и прилуцкий Лазарь Горленко должны присягнуть, что к протопопову и Рославцеву злому умыслу не приставали. Но

на другой день гетман прислал государевы грамоты, в которых говорилось о помиловании преступников. Выслушав грамоты, духовные особы и генеральная старшина сказали: если протопопа смертью не карать, то велеть его постричь. Сам Адамович бил челом, чтоб его постригли. «Я и прежде этого желал, — говорил он, — да не исполнил, верно за это меня бог и смиряет». Приговорили протопопа постричь, а Рославца несколько лет держать за караулом. Адамовича для пострижения отправили с бунчужным Леонтием Полуботком в Чернигов к архиепископу Лазарю Барановичу; но тут протопоп объявил, что не хочет постригаться: «Не хочу иночества, — говорил он, — да не будут последняя горше первых». Тогда Баранович лишил его священства и отдал Полуботку уже как мирского человека под мирской суд Полуботок велел посадить его в «тесное узилище» Не вытерпев тесноты, Адамович объявил, что даст подробное показание о своих замыслах и соучастниках. Полуботок созвал к себе многих духовных и светских особ и в их присутствии Адамович показал: «Дмитрашка Райча говорил, что застрелит гетмана из пистолета в войске; в другой раз говорил, что пойдет в Запорожье и там станет бунтовать. Карп Мокриевич дважды говорил, что пойдет с Дмитрашкою в Запорожье бунтовать против гетмана. Я Дорошенку советовал и наказывал, чтоб спешил на эту сторону с Войском Запорожским и своим, обещая ему гетманство. Рославец говорил мне: порадеем о здоровье господина гетмана, за то, что он ко мне не милостив. Когда я встретился с ним в селе Семеновском (я ехал из Москвы, а он в Москву), то он велел мне идти на Украйну бунтовать запорожцев и Дорошенка для исполнения нашего намерения. Дмитрашка говорил, что вместе с гетманом надобно убить судью и бунчужного. Мы решили, что, убивши гетмана, жить не под царскою рукою, но поддаться хану». Адамович подписал это показание.

Между тем в Москве продолжали думать, что старый чигиринский гетман будет гораздо безвреднее здесь, чем в Малороссии, и в феврале известный уже нам стольник Семен Алмазов поехал опять в Батурин с требованием высылки Дорошенка. «Надобно об этом с старшиною посоветоваться, — сказал ему Самойлович, — потому что это народ мнительный; послыша, что Дорошенко услан в Москву, станут рассевать плевосеятельные слова, пронесутся эти слова к Серку, а Серко и подавно станет к этим словам привмещать такие же, и от того, сохрани боже, чтоб какого зла не случилось? Поляки сильно боятся, что Дорошенко на этой стороне, боятся, чтоб я и Дорошенко не заключили с султаном перемирия и не стали их воевать. Того не знают, какое здесь своеволие: кто какое слово молвит, и все к нему пристанут. И меня заподозривают; но если я помыслю какое-нибудь зло,

то пусть господь бог казнит душу мою и тело, жену мою и детей и весь дом разорит; детей своих держу на Москве для верности; и если случится в Украйне какое зло, то сейчас же, покинув все, поеду в Москву. Воля его царского величества, но лучше бы было, если б Дорошенко остался жить в Москве; пусть мои посланцы и Серковы, как будут в Москве, видают его и знают, что он живет при милости царского величества. Я его с тобою отпущу, но чтоб про то никто не знал. Да хорошо было бы, если б брата его Грицка из Москвы отпустили в малороссийские города: родственники их, видя царского величества милость, обрадовались бы и на милость государеву обнадежились; много раз писала ко мне из Чигирина мать их об отпуске Грицка».

В Сосницу отправил гетман вместе с Алмазовым генерального судью Ивана Домонтова и с ним писал к Дорошенку, чтоб ехал в Москву безо всякого опасения, что и прежде был царский указ об отпуске его в Москву, но его не отправили, потому что он еще не осмотрелся, а теперь он поедет в Москву не для чего иного, как только для переговоров по делам турецким и крымским. Дорошенко, однако, сильно встревожился, когда Алмазов приехал за ним вдруг неожиданно: «Кого и к смерти приговаривают, и тому заранее о том дают знать, — говорил он, — бог судит гетмана, что меня не уведомил». Но, делать нечего, поехал.

20 марта Дорошенко видел государевы очи; думный дьяк говорил ему речь, объявил, что все вины его прощаются и никогда не будут вспомянуты, государь указал быть ему при своей милости в Москве для способов воинских против неприятельского наступления турок и татар на Украйну; в надежду своей государской милости, по челобитью гетмана Самойловича, царское величество велел брата его Дорошенкова, Григорья, расковать и ходить ему за караулом к гетманскому сыну Семену, а теперь, по гетманскому челобитью, велено Григорья отпустить в малороссийские города. Дорошенко бил челом, чтоб государь приказал привезти в Москву жену его и дочь. За ними отправился подьячий Юдин; но брат Дорошенка, Андрей объявил ему: «Брат мне писал, что если жена его ведет себя хорошо, как обещала ему в то время, когда он взял ее к себе из черного платья (из монастыря), то присылать ее в Москву; а иначе отписать к нему без утайки. Я об ее поступках объявил гетману, объявляю тебе и к брату посылаю письмо. Брат Петр за злодейские ее дела положил на нее черное платье, но, видя маленькую дочь свою в сиротстве, умилосердился над злодейкою и взял ее к себе в жены попрежнему, а она ему обещала, что до смерти ничего хмельного пить не станет. Но по отъезде брата в Москву стала она пить безобразно, без моего ведома ходить и чинить злодейство. Теперь велел я ей собираться ехать в Москву, а она при

отце своем Яненке кричит: «Если ты в Москву пошлешь меня насильно, то брату твоему Петру не долго на свете жить!» Юдину этот рассказ показался подозрителен тем более, что гетман показал ему письмо Дорошенка к себе, в котором тот умолял Самойловича исходатайствовать ему у царя позволение возвратиться в Малороссию, напоминал о данном ему обещании оставить его жить там, где захочет: «Я знаю, — писал Дорошенко, — что я здесь в Москве не нужен, и приезд жены моей сюда также не нужен, а что приказывают, то исполняю по нужде». Гетман не отпустил Дорошенковой жены в Москву.

Между тем, по обыкновению, всю весну готовились в Украйне к встрече неприятелей, турок и татар Султан, на место Дорошенка, провозгласил гетманом и князем малороссийским пленника своего Юрия Хмельницкого, который прислал на Запорожье грамоту от 5 апреля: «Спасителю нашему все возможно, — писал Хмельницкий, — нищего посадить с князьями, смиренного вознести, сильного низложить Лихие люди не допустили меня пожить в милой отчизне; убегая от них, претерпел я много бед, попал в неволю. Но бог подвигнул сердце наияснейшего цесаря турского, тремя частями света государствующего, который грешных больше милует, чем наказывает (с меня берите образец!): даровал мне цесарь свободу, удоволил меня своею милостию и князем малороссийским утвердил Когда был я в Запорожье, то вы мне обещали оказать любовь и желательство и вождем меня иметь; так теперь обещание исполните, и отправляйте послов своих в Казыкермень для переговоров со мною». Подписано. «Георгий Гедеон Венжик Хмельницкий, князь малороссийский, вождь Войска Запорожского». Грамота подействовала на Запорожье. 15 мая отправился туда из Москвы стряпчий Перхуров с государевым жалованьем; когда, по обычаю, прочли на раде государеву грамоту, то в войске раздался крик: «Сукон прислано мало! Поделиться нечем! Достанется по одной рукавке! Мы служили отцу государеву и ему, государю, служим верно, над бусурманами всякий промысел воинский чиним неотменно, а жалованья нам прислано мало! А мы и вперед обещаемся верно служить». Серко говорил: «Войско меня не слушается, потому что государского жалованья, знамени и булавы у меня нет; а если бы знамя и булава ко мне были присланы, то козаки были бы мне послушны». Козаки продолжали кричать: «Гетман Самойлович отнял у нас перевоз под Переволочною, даром возить не велит и запасов к нам не присылает Если турецкое войско на кош к нам придет, то мы Сечь сожжем, а сами пойдем по островам на воду; а тут нам сидеть не у чего, запасу у нас никакого нет». Самойлович опять начал доносить в Москву на Серка, что с

ханом крымским заключил перемирие, что к Хмельницкому часто посылает и совершенно уже к нему склоняется.

В июле приехал в Батурин стольник Карандеев от государя с соболями и атласами для гетмана и старшины за верную их службу. Ему поручено было переговорить с Самойловичем о Серке, о Дорошенке и о нерешенном еще деле Рославца и Адамовича. Карандеев требовал от гетмана, чтоб он «послал в Запорожье знатного человека и всячески старался не допускать Серка до перемирия с ханом; чтоб не допустить турок овладеть Кодаком, осадил бы его своими людьми; иначе низовому Войску Запорожскому будет теснота и разоренье, а неприятелю свободный путь в малороссийские города; если же пошлется войско малороссийское в Кодак, то запорожцы обнадежатся».

«Послать мне войска в Кодак нельзя, — отвечал гетман, — потому что этим городом заведывает Серко, а послать, не спросясь с запорожцами, — только озлить их».

Потом Карандеев начал говорить о Дорошенковой жене, чтоб прислать ее в Москву, муж не перестает об этом просить. «Я не мешаю, — отвечал гетман, — пусть едет». «Но зачем ты, гетман, — продолжал Карандеев, — хлопочешь об отпуске Дорошенка назад на Украйну, чего ты боишься? Дорошенко взят в Москву для тебя и для целости Малороссии, чтоб он, будучи в Украйне, не наделал какого-нибудь зла». «Об отпуске Дорошенка на Украйну я и не думаю бить челом, — огвечал гетман, — в настоящее военное время Дорошенку быть на Украйне нельзя». Наконец, речь дошла до Рославца и Адамовича: «Протопопа и Рославца, — сказал гетман, — я отправлю с нарочными посланцами в Москву, чтоб великий государь пожаловал меня, приказал сослать их на вечное житье в дальние сибирские города для страха другим».

11 августа привезли в Москву Рославца и Адамовича, и на другой день состоялся указ о ссылке их в Сибирь. Спешили покончить с этим делом и успокоить гетмана, который уже двигался с двадцатитысячным войском к Днепру: с 4 августа Ибрагим-паша с Хмельницким стояли под Чигирином, ожидая хана. Хмельниченко, величая себя князем сарматским, прислал требование, чтоб сдали ему стольный город, которым Дорошенко не имел права распоряжаться. Воеводою в Чигирине был генерал-майор Трауернихт. 7 августа ночью он сделал удачную вылазку и схватил 11 человек языков; турки повели было подкоп к верхнему зáмку, но остановились рыть, встретив дикий камень. Между тем 10 августа Самойлович соединился с Ромодановским, и 17 числа из-под Снятина отправили в Чигирин полк пехоты сердюков и 1000 человек драгунов с приказанием спешить днем и ночью. Посланные исполнили приказание, перебрались на правый берег Днепра, ночью прокрались чрез неприятельские полки

и явились в Чигирине к неописанной радости осажденных, которые уже истомились и упали духом, не имея известий о своих, а к туркам пришел хан с ордою. 25 августа явились к Днепру против Чигирина, у Бужинской пристани, князь Ромодановский и гетман Самойлович; на противоположной стороне Днепра уже стоял хан с своими татарами и частию турецкого войска. Неприятель занял остров на Днепре, чтоб не допускать русских до переправы, но был выбит. Русские с острова переправились на западный берег, 28 августа схватились с неприятелем, поразили его и гнали пять верст от берега. Испуганные турки и татары на другой же день ушли от Чигирина, покинув запасы и пушки и оставив под городом 4000 янычарских трупов. Ибрагим-паша складывал всю вину на хана, который вовремя не пошел на левую сторону Днепра и не дал знать о московских и козацких войсках. Честь этого дела, надолго оставшегося памятным, принадлежала полуполковнику выборного полка генерал-майора Агея Шепелева Семену Воейкову, солдатскому полковнику Самуилу Вестову, стольнику и полковнику Григорию Косогову, а из малороссиян — полковникам полтавскому Левенцу и нежинскому Барсуку. Ромодановский и Самойлович, подождавши у Чигирина до 9 сентября и слыша, что турки бегут к границам, отправились назад за Днепр, тем более, что конские кормы все были истреблены неприятелем, а у ратных людей запасов стало мало. Самойлович возвратился с торжеством, потому что, по его настоянию, московское правительство решило держаться в Чигирине. И теперь гетман настаивал, чтоб государь указал укрепить Чигирин, ратными людьми осадить и хлебными запасами озапасить, точно так же как и Киев, да послать туда боярина с государевыми ратными людьми, а он, гетман, с своими людьми Чигирина не удержит, и без московских людей на своих он не надежен. Чигирин покинуть нельзя, потому что всей Украйне защита и оборона добрая; стоит он на реке Тясме (Тясмине), через которую орде нигде бродов и переправы нет. Чигиринская война дала также Самойловичу случай выставить перед царем в черном свете поведение Серка: «Кошевой к пресветлому престолу вашему государскому и ко мне не желателен, потому что перед чигиринским походом помирился с ханом и турками, во время войны никакой нам помощи не дал, и, когда хан бежал через Днепр вплавь с ордами, не бил его, а велел козакам перевозить татар в челнах».

Эти нелады у гетмана с знаменитым полевым воином очень не нравились в Москве; бояре приговорили — привести Серка с гетманом в союз: «За такие злые поступки Серка воздастся ему в день праведного суда божия, — писал государь Самойловичу, — но мы, государь христианский милосердый, не допуская его для имени христианского к вечной погибели, ожидая

его обращения, те его вины и преступления отпускаем, если он эти свои вины верною службою заслужит и к тебе будет так же желателен, как и прежние гетманы». С милостивым словом Ромодановскому и гетману за чигиринскую войну отправился в Малороссию стольник и полковник Тяпкин. Посланному наказано было спросить Ромодановского: «Какое его намерение о Чигирине на будущее время? Можно ли этот город держать, или надобно его разорить? Если держать — то какая от этого будет прибыль? Сколько в него надобно будет послать московских ратных людей и козацких полков? И откуда в Чигирин возить хлебные и оружейные запасы, и чрез такую великую днепровскую переправу какими способами помощь давать ратными людьми?» «Мое намерение такое, — отвечал Ромодановский, — разорить Чигирин отнюдь нельзя, очень бесславно и от неприятеля страшно, и не только Украйне убыточно, но и самому Киеву будет тяжко. На остальные же вопросы напишу по статьям, снесшись с гетманом».

Те же вопросы Тяпкин предложил в Батурине Самойловичу. «Если Чигирин разорить или допустить неприятеля им овладеть, — отвечал гетман, — то разве прежде разоренья или отдачи сказать всем в Украйне народам, что уже они великому государю не нужны. У нас во всем козацком народе одно слово и дело: при ком Чигирин и Киев, при том и они все должны в вечном подданстве быть. Если Юраска Хмельницкий засядет в Чигирине с своими бунтовщиками, тогда все народы, которые из-за Днепра на эту сторону вышли, пойдут опять за Днепр к Юраску. А если засядут в Чигирине турки, то султан не будет посылать им запасов из своих городов, будут брать запасы с городов и сел этой стороны, и дорога будет открытая туркам под Путивль и Севск, потому что Днепр и Заднепровье будут у них в руках». Тут гетман взглянул на спасов образ, заплакал и сказал: «Молимся, да избавит господь бог и великий государь нас и потомков наших от такого тяжкого бусурманского ярма!» Касательно Серка Самойлович прямо объявил Тяпкину, что кошевой поддался султану: «Султан прислал казыкерменскому бею 30 000 червонных золотых, чтоб подкупить Серка с козаками. Бей из польских татар, учился в школах, знает языки; он съезжался с Серком в степи, ходили они между кустами, взявшись за руки, и тут кошевой присягнул султану».

Для уяснения этого важного дела в декабре отправился в Запорожье подьячий Шестаков, с которым гетман отпустил своего посланца, войскового товарища Артему Золотаря. Шестаков на раде выговаривал запорожцам, зачем они не подали помощи царскому войску под Чигирином? Зачем не били татар, бежавших через Днепр от этого города?

«Мы под Чигирин не ходили потому, что войска было на коше мало,— отвечал Серко, — да и потому не ходили, что

турки и татары прежде Чигирина хотели идти на Сечь. Чтоб упредить этот злой замысел, мы с ханом помирились, да хотели мы при этом, чтоб татары выкупили у нас пленных, потому что войско было голодно, добычи никакой, запасов также. Да и для того помирились с ханом, что много раз писали к гетману Ивану Самойловичу, чтоб царское величество прислал к нам своих ратных людей на оборону, как присылал царь Алексей Михайлович, да и сам бы гетман пустил к нам городовых козаков; но гетман козаков к нам не пустил и запасов не прислал, войско только и кормилось что рыбою; а когда с ханом заключили перемирье, то за татар брали большой окуп, да ходили за солью к морю; а если бы с ханом мы не помирились, то войско померло бы с голоду. Турок и крымцев, бежавших из-под Чигирина, мы не громили потому, что войска в Сечи было мало: все, надеясь на мир с ханом, разошлись по промыслам, и теперь войска в Сечи мало: все по промыслам. Пожаловал бы государь, велел прислать к нам своих ратных людей, а гетману приказал прислать полтавский полк, и мы по весне, как скоро войска и запасы будут к нам присланы, перемирье с ханом нарушим и пойдем в Крым войною». Гетманскому посланцу Серко говорил наедине, что он царскому величеству не изменил и если помирился с турками и татарами, то для того только, чтоб приманить к себе Хмельницкого и, схватив его, отослать в Москву. Для уверения Серко вынул из-за пазухи крест и целовал.

Это не заставило Самойловича смотреть доброжелательнее на запорожского кошевого, и скоро последний усилил еще это недоброжелательство, начав советовать государю разрушить и покинуть Чигирин. «Для чего это он советует? — писал Самойлович, — чтоб вместе с Хмельниченком привести в исполнение свой злобный замысел. Пусть только Чигирин достанется им в руки, хотя бы и разоренный; они снова его укрепят, Хмельниченко сделает в нем столицу своего княжества, Серко — главный город своего гетманского регимента, потому что уже и теперь Серко величает Хмельниченка князем Малой России, а Хмельниченко Серка — кошевым гетманом Войска низового Запорожского». Из турецких владений в Киев дошел и список условий, заключенных Серком с Хмельницким: 1) чтоб вере православной гонения не было; 2) податей никаких и ясырю не давать; 3) вольности Войска Запорожского не нарушать; 4) чтоб старшин и войска турецкого и татар ни в каких малороссийских городах не было. Из самого Царяграда давали знать, что Серко присылает султану все государевы грамоты и гетманские листы.

Надобно было приготовляться к тяжелой войне с разных сторон; зиму и весну 1678 года приходили постоянно вести, что турки с огромными силами нагрянут под Чигирин, с тем,

чтоб непременно взять этот город. В Цареграде в это время находился стольник Поросуков, присланный к султану с царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и по крайней мере разведать обстоятельнее о турецких замыслах. Для последнего Поросуков обратился к патриарху; тот отвечал, что желает всякого добра великому государю, как себе царства небесного, и о замыслах неприятеля креста Христова объявляет: султан турецкий, имея чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этим летом с войсками своими поганскими и желает из-под державы его царского величества владения Петра Дорошенка отобрать, а потом и всею Украйною овладеть. И сами они явно пророчествуют, что царским величеством побеждены будут, только не могут узнать в какое время. Боясь этого пророчества, султан пойдет только до Бабы, а визиря пошлет под Чигирин. Поросуков спросил об Юраске Хмельницком, по его ли патриаршему благословению монашество с него снято? Патриарх отвечал: «Хмельницкий снял с себя монашество своевольно, желая себе столько же освобождения из неволи, сколько княжения и гетманства. По его наущению визирь несколько раз присылал ко мне с просьбами и угрозами, чтоб я с Юраски монашество снял, на княжение малороссийское и гетманство запорожское его благословил; но я от этого принуждения освободился подарками и Юраску к себе не пустил. Вчера, — продолжал патриарх, — султан слушал привезенную тобою грамоту, приказал тебя отпустить, а к царскому величеству писать об уступке в турецкую сторону Чигирина и владений Дорошенковых по Днепр. Молю царское величество, чтобы ради церквей божиих и веры христианской Чигирина и Украйны султану не уступал, а если уступит, то не только Малой России, но и государству Московскому тяжек будет неприятель». Государь согласился с мнением Самойловича, Ромодановского и цареградского патриарха, что необходимо удержать Чигирин, укрепить его и снабдить войском. В чигиринские воеводы назначен был окольничий Ив. Ив. Ржевский, известный своею распорядительностью, умевший ладить с малороссиянами, что доказал во время своего воеводства в Нежине. В Киеве Ржевский должен был взять хлебные запасы, под которые гетман выставлял подводы; ко Ржевскому должны были присоединиться назначенные для чигиринского осадного сиденья полки малороссийские, также отряд войска Ромодановского. Но ничего этого Ржевский не нашел, и 17 марта вступил в Чигирин один, без хлеба, потому что подводы от гетмана не были присланы, о войсках в Чигирин не было вести; в Чигирине Ржевский нашел разбитые стены, пустые житницы и услыхал рассказы о беспрестанных набегах татарских. Когда в Москве узнали об этом, то в Курск, к Ромодановскому и в Батурин к гетману поскакал в апреле

стольник Алмазов спросить, что они думают? Ромодановский отвечал, что идет к Днепру немедленно и о Чигирине будет радеть; гетман отвечал, что у него войска не в сборе, и он пойдет к Ромодановскому один для переговоров, что пугаться нечего, войска и запасы поспеют в Чигирин, хотя подводы стоили страшно дорого, каждую нанимали за четыре и за пять рублей, а неизвестно, придет ли и половина их назад.

Действительно, подкрепления и запасы успели прийти в Чигирин, потому что визирь Мустафа явился осаждать этот город только 9 июля, Ромодановский с Самойловичем стояли у Днепра у Бужинской пристани, в первых числах июля, и 6 числа начали переправлять войска свои на правую сторону. Переправа шла очень медленно; большая часть войска находилась еще на левом берегу, когда 10 числа татары переправились на этот берег тайком у Крылова, подкрались и ударили на русские обозы, но были прогнаны с уроном. Также неудачно кончилось нападение неприятелей 11 числа на те передовые русские полки, которые уже переправились на правую сторону. 12 июля все русские войска стояли на правой стороне на Бужинских полях, и на другой день выдержали бой с пятью пашами турецкими и ханом крымским. С тех пор бои не прерывались, потому что турки, пришедши из-под Чигирина через Крылов, расположились обозом в 7 верстах от русских и делали на их таборы беспрестанные наезды. 29 июля к русским на подмогу явился князь Каспулат Муцалович Черкасский с калмыками и татарами и принимал деятельное участие в боях. 3 и 4 августа, после упорных битв, русские овладели важным пунктом — Стрельниковою горою, приблизились к Чигирину и вступили с ним в сообщение. Здесь уже не было воеводы Ржевского: 3 августа взошел он на стены и сильно обрадовался, увидав приближение русских полков; но в эту самую минуту из неприятельского обоза поднялась граната и поразила воеводу.

Чигирин недолго простоял после Ржевского. Турки вели три подкопа под нижний большой город; 11 августа подкопы взорвало у реки Тясмины близ домов, которые загорелись; осажденные, видя пожар, побежали в обоз к своим чрез московский мост, но турки зажгли мост, он обрушился и много русских погибло, в том числе гадяцкий полковник Криницкий; много козаков погибло также от подкопов. Одновременно с нижним городом, турки успели зажечь новый верхний, сделанный недавно Ржевским; русские засели в старом верхнем городе и бились с неприятелями до самого вечера, дважды выбивая турок из города. Ночью пришел к ним приказ от Ромодановского и Самойловича зажечь город и выходить к ним в обозы, что и было исполнено, а на рассвете поднялись и Ромодановский с гетманом к Днепру, покинув навсегда курящиеся развалины несчастной столицы Хмельницкого. Не-

приятель преследовал отступавших, но без успеха, и 20 числа под Чигирином не было более и турок.

Но уходом визиря из-под Чигирина беда не кончилась: Хмельницкий с татарами остался на западной стороне, занял Немиров, Корсунь и другие города, и оттуда нападал и на восточную сторону; вся осень и зима прошли в тревогах, а на лето опять ждали самого султана в Украйну. В марте 1679 года приехал в Москву от гетмана знатный войсковой товарищ Иван Степанович Мазепа и имел с думным дьяком Ларионом Лопухиным любопытный разговор: «Надобно, — говорил Мазепа, — чтоб на оборону Киева и всего Малороссийского края прислано было много войска, а бояр и воевод было бы с ним не много, и ратные люди слушались бы их, а большой воевода был бы один; а если будут бояре и воеводы многие и полки у них разные, то бояре и воеводы станут между собою местами считаться и ни один своего полку полчан никому не даст, будет всякий своих полчан беречь, и будет оттого нестроенье». «Кому боярам и воеводам быть, — отвечал Лопухин, — о том уже писано в царских грамотах; промысл чинить надобно смотря по тамошнему делу и по совету с гетманом, а прежде времени знать об этом нельзя; надобно делать так, как случай воинский покажет; а боярам и воеводам быть всем вместе и розни между ними быть не для чего». «Буди воля великого государя, — продолжал Мазепа, — но в прошлую войну с князем Ромодановским ратных людей было много, а как они были на той стороне Днепра и шли на выручку к Чигирину и у неприятелей гору брали, и как шли назад из-под Чигирина отводом, то государевых ратных людей на боях очень было мало, только были солдатские полки да стрелецкие приказы, и в стрелецких приказах людей к бою было мало же, человек по триста, остальные стрельцы все были в обозе у телег, а от рейтар и городовых дворян только крик был; к гетману полковники и головы присылали беспрестанно, просили людей в помощь, и гетман людей своих к ним посылал, а сам остался только с двором своим и драгунским полком, который, по указу государеву, в воинских случаях при нем всегда бывает». *Лопухин:* «У сотен были головы, у рейтар полковники и начальные люди: и они чего смотрели? Для чего ратных людей к промыслу не высылали? То их дело!» *Мазепа:* «В то время смотреть было некогда, всякому было до себя!»

Вторым неудачным чигиринским походом князь Ромодановский окончил свое продолжительное военное поприще. Он был отозван в Москву. Гетман Самойлович один продолжал военные поиски на западной стороне. Он дал знать государю, что посылал сына своего Семена с войском на западный берег, и жители Ржищева, Конева, Корсуня, Черкас и других городов при виде государева войска из-под султановой

власти выступили и добили челом царскому величеству; гетманский сын выжег все города, местечки, села и деревни на западной стороне, чтоб впредь неприятельским людям пристанища не было [193].

Как же смотрели поляки на все эти события на западной стороне Днепра, на которую они постоянно предъявляли притязания на основании Андрусовского перемирия?

В начале царствования Феодора русским резидентом в Польше оставался Тяпкин, продолжавший посылать в Москву жалобы на свое несчастное положение; из Москвы не присылали денег, а в Польше не давали корму: «В Краков на коронацию мне нечем подняться, — писал он из Львова, — занять не добуду без заклада, а заложить нечего, одна была ферезеишка соболья под золотом, и та теперь в Варшаве у мещанина пропадает в закладе, потому что выкупить нечем. Поневоле не поеду на коронацию, ежели денег на подъем не добуду. Лошадь лучшая одна и была, на которой волочился на двор королевский и к панству и та теперь пала, выбресть не на чем в люди, придется и самому также издохнуть от скудости; от старых ран беспрестанно болен. Не такие тут порядки, что в государстве Московском, где как пресветлое солнце в небеси единый монарх и государь по вселенной просвещается, и своим государским повелением яко солнечными лучами всюду един сияет; единого слушаем, единого боимся, единому служим все, един дает и отнимает по данной ему государю свыше благодати. А здесь, что жбан, то пан, не боятся и самого создателя, не только избранного государя своего; никак не узнаешь, где, у кого добиться решения дела, все господа польские на лакомствах души свои завесили». Нашел, наконец, Тяпкин двоих добрых людей, у которых занял денег под заклад последней служивой рухлядишки, и отправился в Краков.

Когда Тяпкин объявил королю о подданстве Дорошенка, то Собеский очень удивился; резидент заметил по лицу, что весть эта не очень приятна его королевскому величеству. Паны говорили между собою: «Вот вам дружба и помощь царская: отобрал у нас всю Украйну!» Но другие утешали себя тем, что теперь вся злоба султана и хана обратится на Москву, и царь поневоле будет более усердным союзником Польше. Все приходили вести о сильных сборах султана, и 4 марта 1676 года литовский канцлер Пац потребовал у Тяпкина, чтобы тот испросил себе немедленно у своего двора полномочие на подписание следующих условий: чтобы царь приказал своим войскам соединиться с польскими и идти на турок под одним начальством, а король отправит часть своих войск для соединения с русскими и для похода на Крым; чтобы это постановление было исполнено вскоре, на самом деле; не на обещаниях только, без отговорок. «А согласитесь

ли на продолжение перемирия еще на 13 лет?» — спросил Тяпкин. «Можем согласиться на половину», — отвечал Пац. Но в то же самое время молдавский посланник Кантакузин, уезжавший в Молдавию, по секрету рассказал Тяпкину, что король тайно отправил резидентом в Молдавию шляхтича Карбовского с приказанием завести с турками мирные переговоры чрез посредство господаря молдавского. О ходе переговоров Карбовского Кантакузин обещал давать знать Тяпкину через епископа Антония Винницкого. Кантакузин прибавил, что начало мирных переговоров у поляков с турками уже положено посредством хана крымского.

Тяпкин при первом случае объявил литовским панам, что до него дошли слухи о тайных мирных переговорах с турками и что это противно Андрусовским и Московским договорам. Паны стали сначала домогаться, от кого резидент мог об этом проведать, и когда Тяпкин отвечал решительно, что не скажет, начали говорить, что у них мира с турками еще никакого нет, отправлены только посланники в Седмиградскую землю и в Молдавию, чтобы как-нибудь задержать турок от нападения на Польшу, а между тем заключить окончательный договор о соединении с царскими войсками «Удивляться этому нечего, что посланники и гонцы у нас бегают, — говорили паны, — утопающий и за бритву рад ухватиться; так и мы, хотя много обещаний от царского величества слышим, но на деле до сих пор не можем ничего видеть, и от этого республика великий вред терпит». «Если царское величество, — говорил гетман Пац, — из подозрительности не хочет соединить своих войск с нашими, то король готов хотя заклад дать какой угодно, и не только заклад, готов сына своего отправить в Москву в заложники, лишь бы только царское величество велел соединить войска безо всякого подозрения и опасения. Если же турецкий султан покажет склонность к миру, то королевское величество и республика тебе тотчас об этом объявят». «А на каких бы условиях согласились вы заключить мир с султаном?» — спросил Тяпкин. «На условии возвращения Каменца и всех завоеваний», — отвечал канцлер Пац. «Но если султан не согласится на это условие?» — спросил опять Тяпкин. «Тогда делать нечего, — отвечал канцлер, — поневоле уступим все, чтоб республике не погибнуть».

16 марта прибежал гонец от польского резидента в Седмиградской земле, привез условия визиря, присланные к седмиградскому князю; условия были: Польша должна уступить Турции на вечные времена Каменец, Подолию, Волынь, Украйну всю по обе стороны Днепра; поляки не должны вступаться, когда турки будут отбирать украинские города, занятые русскими; султан отказывается от дани, обещанной королем Михаилом: пусть поляки как можно скорее высылают комиссаров для заключения мира, пока султан и визирь

не вошли с войсками в польские пределы, а если войдут, то и на этих условиях не заключат мира. Оба Паца, канцлер и гетман, прямо сказали Тяпкину, что надобно согласиться на все. «Бог взыщет на тех пограничных государях, которые не помогают Польше. Пиши, — говорили они резиденту, — пиши к Артамону Сергеевичу Матвееву, чтоб по ходатайству всех бояр, окольничих и духовных людей государь велел соединиться войскам».

Но в Москве трудно было согласиться на это соединение, когда резидент в то же время доносил: «Волохи и молдаване, знатные особы, приходят ко мне и говорят от имени старших своих и от себя, чтоб великий государь непременно приказал силам своим смело наступать на Крым, а когда бог благословит, Крым возьмут, то все христианские земли, не только Украйна, Волынь, Подолия, но и волохи, и молдаване, и сербы поддадутся под высокую руку его царского величества. Теперь турки в большом числе стоят наготове, куда пойдут — в Польшу или к Киеву — узнать не по чему; только по некоторому тайному согласию у турок с поляками надобно ожидать турок к Киеву и потому господари молдавский и валахский наказывают, чтоб государство Московское было в великой осторожности. Из Польши в Турцию, Крым, Молдавию и Валахию беспрестанно бегают тайные посланцы, все ищут способов, как бы помириться с турками, но от этих способов соседям надобно быть в большой осторожности. Полякам сильно не хочется, чтоб Крым и помянутые все земли были под властию великого государя, по причине православной веры, которая бы тогда обняла кругом области римской церкви. Поляки *приснобытные* ненавистники церкви божией: божницы жидовские они почитают, жидов братьями они считают и обходятся с ними в сотеро лучше, чем с православным русином; духовные их сильно гонят и ненавидят церковь божию. Лютеранских и кальвинских костелов не смеют так разорять, как разоряют и пустошат восточные церкви, потому что за костелы стоит шведский король и курфюрст бранденбургский, которые об этом в договорах написали. Поэтому здешние православные христиане просят великого государя внести в договоры с Польским государством, чтоб не было гонения им от католиков».

Поляки проведали (чрез распечатывание писем, как утверждал резидент), что Тяпкин не очень к ним благоволит и пишет в Москву «перестерегательства целому здравию государства Московского от разных противных союзов и факций». Король, увидавши его, обратился с гневными словами и угрозами, тряся палкою: «По твоим затейным письмам, — кричал Собесский, — до сих пор не можем с царским величеством заключить союза и получить помощи». Тяпкину объявили, что не будут признавать его резидентом, пока не

придет от нового царя грамота, подтверждающая его в этом звании; удалили его из Кракова в Варшаву. Слышались даже угрозы, что отошлют Тяпкина в Мариенбург в заточение. Тяпкин отвечал сенаторам: «Государь ваш гневается на меня и подозревает напрасно, будто я своими письмами ссорю его с царским величеством. Что королевское величество и вы, господа сенаторы, поступали и поступаете вопреки перемирным договорам, о том не я один, весь свет знает. Все знают, что вы ссылаетесь не только тайно, но и явно с турками и татарами, не объявив ничего великому государю ни через своих послов, ни через меня. Я не хочу быть здесь ни слепым, ни глухим, ни немым, что вижу и слышу, обо всем писал, пишу и буду писать к своему государю, всякую правду, и говорить обо всем буду». Действительно, Тяпкин не переставал извещать государя о «дивных замыслах французской факции»: французский король хлопочет о мире поляков с турками, чтоб можно было французские и польские войска обратить против цесаря и Пруссии; победивши цесарцев и пруссаков, обратится вместе с шведами на Московское государство. Победивши Москву, все католические государи пойдут на Турцию, не соединяясь с православным государством, чтоб народы греческого православия обратить к римской церкви. А если бы московские силы допустить на турецкие земли, то все греки, волохи, сербы, молдаване и козаки украинские с ними соединятся и возьмут верх над католическими державами». Тяпкин умолял Матвеева: «Умилосердись, донеси великому государю и всем ближним людям, чтоб непременно послали войска на Крым; все факции неприятельские этим помрачены будут и погаснут; а если не пойдут царские ратные люди этим летом на Крым, ей великое бесславие, поношение и оскорбление государству Московскому учинится». Тяпкин боялся союза шведов с поляками, и потому советовал теперь же объявить войну Швеции, пока шведские войска заняты неудачною для них войною с курфюрстом бранденбургским: «Подобает, конечно, шведу от лифлянтов заиграть трубными и рыцарскими гласы, где не трудно господь бог может первым счастием помазанника своего благословить, и не только Лифлантами или Ригою, но и самым Варяжским морем обдарить. Теперь время разорить шведа до основания и отвести его от лукавых намерений с польским двором, потому что немецкие государи зело его изрядно подчивают и он от них, как заяц, по островам бегает. А здесь посол его разглашает: «Лихи на нас были ближние бояре, особенно Матвеев, они отвращали от мира покойного государя; но теперь дай бог здоровья патриарху московскому; он нынешнего молодого государя духовными беседами склонил к вечному миру с нами».

Весною татары начали пустошить Волынь, Подолию, Галицию; король жил в своем имении Яворове, недалеко от Львова, и не мог двинуться по неимению войска. Посланник его Чихровский, приехавший в Москву в июне 1676 года поздравить царя Феодора с восшествием на престол, объявил требование, чтоб в августе месяце сорок или по крайней мере тридцать тысяч русского войска с артиллериею и запасами соединились с войском королевским; чтоб другая часть русского войска шла на Крым; при этом Чихровский объявил, что только при условии действительного исполнения этих требований он имеет полномочие продолжить срок перемирию. Царь отвечал королю, что князю Ромодановскому и гетману Самойловичу дан приказ быть наготове, пересылаться с гетманами польскими и договариваться с ними о соединении войск. На Крым уже послали войско с князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и калмыками, также на Дон отправлен стольник Волынский со многими ратными людьми. Когда Ромодановский и Самойлович, с одной стороны, а польские гетманы — с другой придут к Днепру, то прежде всего будут договариваться о продолжении срока перемирия, а потом уже договорятся о соединении войск Так как в существующих договорах постановлено друг без друга не мириться с султаном и ханом, то, если с польской стороны начнутся переговоры с турками, царский резидент должен на них присутствовать. Тяпкин писал в Москву: «Пленных, говорят, тысяч с сорок татары набрали и погнали в свою землю, а у поляков одни речи: пусть поганая Русь, схизматики, погибают!» Но когда осенью новое турецкое нашествие начало грозить не одной Руси, но и Польше, то мир с турками, необходимость которого уже давно была провозглашена, заключен был в октябре под городком Журавном: Подолия с Каменцом была уступлена султану. Украйна оставлена за козаками по старым рубежам, кроме Белой Церкви и Паволочи, которые отошли к Польше. Тяпкин, которому, по договору, надобно было присутствовать при заключении мира, не был даже уведомлен о начатии переговоров. Для своего оправдания поляки начали указывать на подданство Дорошенка, на занятие русскими войсками городов западной Украйны. Когда Тяпкин приехал к подскарбию коронному Морштину нарочно, чтоб что-нибудь узнать повернее о заключении мира, то подскарбий встретил его словами: «Царское величество отбирает украинские города — Чигирин, Канев, Черкасы; Дорошенко, поддавши Чигирин, поехал в Москву. Мы очень удивляемся, что государь ваш ничего не объявил нашему государю о взятии этих городов». «Еще больше удивится царское величество, — отвечал Тяпкин, — что ваш великий государь, презрев договоры, заключил мир с султаном и ханом, не обославшись с царским величеством, даже и мне, рези-

денту, который должен был присутствовать при переговорах, объявить не велел». «Мы это сделали поневоле», — возразил подскарбий. Тяпкин продолжал: «Что государь наш принял Дорошенко с городами, тому вам удивляться нечего, потому что царское величество отбирает города и народы христианские не у короля и республики, а из-под ига бусурманского, под которое вы их сами поддали не только по договорам короля Михаила, но и по последнему вашему миру с турками». «Условия последнего мира, — сказал подскарбий, — отложены до сейма; бог еще знает, примет ли их Речь Посполитая, у нас народ вольный»

Сильное раздражение поляков на Дорошенка за то, что поддался Москве, заставило Тяпкина быть осторожным относительно слухов, распускаемых насчет сношений бывшего чигиринского гетмана с турками и татарами: «Слухам этим, — писал резидент в Москву, — нельзя совершенно еще верить, только надобно соблюдать большую осторожность и проведывать о нем сущую правду, или, для большей его верности, жену его, детей, братьев, тестя и тещу держать в Москве, а ему обещать большую государскую милость и награждение, чтоб верно служил; потому что много поляки из зависти и с сердца на него клевещут, желая, чтоб он пропал; боятся его, потому что он воин премудрый и промышленник великий в войсковых поступках, все их польские *франтовские* штуки не только знает, но и видел. Король, сенаторы, гетманы и все войско про него говорят, что нет такого премудрого воина не только во всей Украйне, но и в целой Польше».

Сейм утвердил Журавинский договор. 21 марта 1677 года Тяпкина позвали к королю, который, взяв его за руку, повел в сад и здесь во время прогулки начал говорить: «Пан резидент! Не могу я надивиться, отчего это у нас идут такие долгие пересылки с царским величеством, а союза заключить никак не можем? Не знаю, отчего это сам царское величество и вся его дума держат на меня подозрение, тогда как я всегда оказывал доброжелательство к государству Московскому. Многим боярам и воеводам известно: когда под Чудновым наши поляки сделали нехорошо, боярина Василья Борисовича Шереметева в Крым отдали, я против этого крепко стоял, не только бранился с своими гетманами, но даже хотел идти на помощь к князю Юрию Никитичу Борятинскому. Теперь, будучи государем своего народа, стараюсь сердечно быть в братской дружбе со всеми христианскими государями, и особенно с царским величеством, которому желаю всякого добра, как сам себе. Зная, что ваши государи желают, чтоб папа писал их полный царский титул, я, утаясь от всей Речи Посполитой, писал к отцу папе, с просьбою, чтоб описывал царский титул по достоинству, надеясь, что государь ваш это мое ходатайство примет с благодарностию и к братской

дружбе склонится. Папа соглашается с тем, однако, чтоб и царское величество, с своей стороны, писал его титул как следует. Напиши об этом к царскому величеству слово в слово, как от меня слышал. Давно стараюсь войти с вашим государем в братскую любовь, но мешают тому ссоры от разных недоброжелательных народов». Тут Собеский ударил себя в грудь и сказал: «Пан резидент! Пиши все мои слова, чтоб царское величество не подозревал меня ни в каком лукавстве, но считал бы меня верным братом и ближним другом. Нечего его царскому величеству на то смотреть, что теперь у меня заключен с турками мир. Мир этот не долог и не сладок он мне; принужден я к нему страшными силами поганскими, которых мне нельзя было одолеть без помощи. Теперь поганцы на Чигирин, на Киев и на самое государство Московское ополчаются, и ничем царское величество так не устрашит турчина, как если пошлет козаков в Крым и на Черное море. Отпиши и о том к царскому величеству, чтоб позволил послам нашим и резиденту бывать у себя запросто без посольских чинов, как ты теперь у меня, наедине говоришь что хочешь и все от меня узнаешь, а эти пышные посольские приемы к сближению и союзу не ведут. Нечему дивиться, что прежде у вас такого обычая не было: прежде не было таких больших между государствами ссор, таких продолжительных и частых комиссий и беспрестанных посольств. А теперь пришло время, чтоб всем нам государям христианским чрез послов своих взаимно друг другу показывать ближайшую и вернейшую дружбу и с послами и резидентами не все чрез ближних сенаторов сноситься, но для осторожности и крепчайшего в делах государственных утверждения самим нам послов и резидентов спрашивать и взаимно свое намерение к братолюбию объявлять. Напиши все это царскому величеству, а грамоты я к нему не посылаю для того, чтоб сенаторы и республика ничего не знали».

Это искреннее объяснение было последним. В апреле кончился сейм, постановивший оставаться в мире со всеми соседними государствами, и в мае Тяпкин выехал из Варшавы в Москву. В июле 1678 года великие и полномочные послы королевские, князь Михайла Чарторыйский и Казимир Сапега, заключили в Москве договор — быть перемирию еще на тринадцать лет, считая с июня месяца 1680 года, и в это время иметь радение о постановлении вечного мира; при этом договоре с русской стороны уступлены города Невль, Себеж и Велиж с уездами, и, кроме того, заплачено 200 000 рублей московских — все за Киев [194]!

Ничего не жалели, чтоб не отдавать Киева полякам; но теперь, после разрушения Чигирина, надобно было готовиться к защите Киева от турок. Чтоб предупредить новое нашествие султана и хана на Украйну, в декабре 1678 года отпра-

вили в Константинополь дворянина Даудова с грамотою, в которой царь предлагал султану восстановление прежних дружественных отношений между Россиею и Портою, указывая на исконные права русских государей на всю Малороссию. Даудов повез грамоту и от патриарха Иоакима к муфтию: «Надеемся, — писал патриарх, — что вы, первый и начальнейший блюститель мусульманского закона, на показание своей духовности, о покое и тишине всенародной большой подвиг свой и учение предложите и всяким образом хитростно военное расширение удержите, и плод в том правды пред господа бога в дар принести похощете, и народам своим милость и покой ходатайством у султанова величества упросите, и рати, начинающиеся неправдою, за причиною богомерзкого законопреступника Юраски Хмельницкого, пресечете».

Но если в Москве после второго чигиринского похода сильно желали мира, боясь, чтобы на лето не явилась турецкая рать теперь уже под Киевом, то и в Константинополе также сильно желали мира, потому что война оказалась вовсе не прибыльной, под Чигирином турки потеряли очень много людей и идти под Киев у них не было большой охоты. Не зная еще о посольстве Даудова, султан дал поручение валахскому господарю Иоанну Дуке быть посредником при заключении мира между Россиею и Портою. В мае 1679 года валахский посланник капитан Билевич имел разговор с думными дьяками, объявил, что султан желает мира и требует только части Украйны, где бы жить Юраске Хмельницкому, иначе будет стыдно — ведя такую долгую войну, помириться безо всякой выгоды. Дьяки спросили, какой упадок был турецких войск под Чигирином? Билевич отвечал, что в первом походе янычары потеряли 8000, во второй было войска турецкого со 100 000 и пропало с треть. Спросили: как теперь турки смотрят на Юраску Хмельницкого и чего вперед от него ожидают? «Турки рады были бы, чтоб его не было, — отвечал посланник, — вся беда от него: по его словам, турки ждали, что козаки только что заслышат об нем, так все к нему и пойдут; но теперь ничего этого нет. Когда я ехал сюда и заезжал к нему, то видел, что он беспрестанно пьян и безумен». Царь в грамоте к Дуке писал, что согласен быть с султаном в дружбе с условием, чтоб турки не вступались в земли днепровских козаков.

В это время приезжают в Москву польские послы, Бростовский и Гнинский, с объявлением, что король их разорвет мир с султаном, если царь обяжется соединить свои войска с польскими и давать королю ежегодно на военные издержки по крайней мере 200 000 рублей. В Москве никак не согласились на последнее, и дело отложено было до комиссии, назначенной в июне 1680 года.

Осенью возвратился Даудов и привез грамоту от визиря, который требовал присылки верного и словесного посла с подлинным и правдивым словом, безо всякого спора об украинских козаках. Визирь предлагал отправить посланника в Крым для ведения мирных переговоров. Приехал вторично Билевич и объявил условия мира: границею между обоими государствами должен быть Днепр; султан, раз взявши Дорошенка в свое подданство, не может отказаться от земель, находившихся под управлением Дорошенка.

Турки не мирились без уступки им западной Украйны. Но в Москве не хотели решиться на это без совета с человеком, который назывался гетманом обеих сторон Днепра.

В конце октября 1679 года в Батурине шли тайные разговоры у гетмана Самойловича с царским посланным, дьяком Емельяном Украинцевым. «Тебе, — говорил дьяк, — известно все, что у великого государя делается с королем польским, султаном турским и ханом крымским на покой и тишину Войску Запорожскому и посполитому народу малороссийскому, ничего от тебя, по государской милости, не утаено. И теперь царское величество велел тебе объявить, что турки склонны к миру, а польские послы в Москве говорят, чтоб великий государь соединил свои войска с королевскими и идти обоим на турского султана, в государство его. Так ты бы, гетман, подумал об этих делах особо и с старшиною посоветовался, да и написал бы со мною обо всем к царскому величеству».

«О турецком мире мысль свою напишу и с старшиною посоветуюсь, — отвечал гетман, — а что польский король желает союза с царским величеством, то я польскому королю не доверяю, думаю, что он хочет союза с некоторого своего великого вымысла, чтоб от этого союза у великого государя с турецким султаном еще больше стало недружбы, чтоб войска государевы частыми подъемами и дальными походами истомились. На что лучше союза с польским королем! Только опасно его непостоянство, потому что он с турками и татарами в большой дружбе. Во всем воля великого государя; но я со всем Войском Запорожским прошу милости царского величества, чтоб изволил великий государь с турским султаном и крымским ханом мир заключить, и мир с бусурманом прибыльнее будет союза. С польским королем союз заключить невозможно, потому что царским войскам идти на помощь польскому королю за дальним расстоянием и за пустотою на той стороне Днепра далеко; по тому же самому и польские войска на помощь государевым войскам не будут. Разве такой союз с польским королем заключить, чтоб царским войскам идти в Крым войною, а польским в волошскую землю и за Дунай; да и такой бы союз заключить не даром, а потребовать, чтоб король польский заключил за то с вели-

ким государем вечный мир, без вечного мира верить ему нельзя, потому что он великому государю недоброхот. Слышал я от волошского посланца Яна Билевича: когда он был у короля еще до чигиринского разоренья, то король приказывал ему, чтоб господарь его наговаривал султана и визиря начать войну с царским величеством».

На отпуске гетман говорил Украинцеву: «Донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины и всего Войска Запорожского челобитье, чтоб великий государь изволил с турским султаном и ханом крымским становить мирный договор, потому что козакам и поспольству малороссийскому нынешняя с бусурманами война наскучила, и надобно опасаться, чтоб они от этой войны чего-нибудь дурного не вздумали. Теперь с султаном и ханом мир заключить можно, потому что неприятель до сих пор над царскими войсками поиска никакого еще не сделал, а если вперед сделает какой поиск, тогда к миру будет горд, да и от своих козаков тогда будет опасно. С королем соединяться нельзя, потому что поляки, как слышу, просят у великого государя городов и денежной казны, и чтоб идти обоим войскам к Дунаю и за Дунай: но все это несносное и нестаточное дело. Хотя бы мы вместе с поляками над неприятелем и победу одержали, то поляки станут эту победу и славу приписывать себе, и Войска Запорожского своевольные люди, по польским наговорам, станут полякам же ту славу приписывать, и опасно, чтоб эти своевольники, пришедши с войны в малороссийские города, не завели там смуты. Если вместе с поляками выйти против неприятелей в степь, то сейчас же татары конские кормы отнимут, и тогда от своевольных козаков без беды не будет, а поляки станут их нарочно возмущать и ко всему злу наговаривать. Я опасаюсь и того, чтоб поляки в нужное время царских ратей и Войска Запорожского не выдали, потому что они люди своевольные и слабые, нужды терпеть не будут. Да хотя бы и победу царское войско одержало, и тогда все же надобно мириться с султаном и ханом, неприятеля в его земле воевать никак нельзя за дальним расстоянием и за великою пустотою, и тогда поляки при заключении мира только мешать будут. А теперь король польский послал в Запороги к Серку белоцерковского попа для того, чтоб в Запорогах смуту завести: поп этот поручил моему канцеляристу Чуйкевичу, который был в Запорогах, сказать мне, чтоб я обратился с Войском Запорожским к дедичному своему государю, к королю польскому. И Серко тому же Чуйкевичу говорил, что пора им, соединясь с поляками и татарами, Москву воевать: ясно, что такие слова начал Серко говорить по наговору белоцерковского попа».

Мнение гетмана окончательно развязало руки к начатию переговоров с Крымом и Портою. В конце 1679 года отпра-

вились в Крым к хану Мурад-Гирею посланники Сухотин и дьяк Михайлов; но они не решили дела насчет определения границ, притом же дьяк Михайлов своевольно покинул Сухотина и уехал в Москву. Для окончания переговоров в августе 1680 года поехал в Крым наш старый знакомый, стольник Василий Тяпкин и дьяк Никита Зотов вместе с малороссийским писарем Семеном Раковичем. 25 октября приехали они на реку Альму на посольский стан, и первое, что их поразило, — бедность строения на посольском дворе: четыре *пунишки* складены из дикого нетесанного камня, смазаны скаредным навозом, без потолков, без полов, без лавок, без дверей, для света сделано по одному окну. «Воистину объявляем, — пишет Тяпкин, — что псам и свиньям в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам, посланникам царского величества, а лошадям не только никаких конюшен нет, и привязать не за что, кормов нам и лошадям ничего не давали, а купить с великою нуждою хлеба и ячменя и соломы добывали, и то самою высокою ценою». Приехал пристав и объявил, чтоб ехали к хану, который жил в селе от посольского двора верст с пять; но когда посланники приехали, то им объявили, что прежде хана они должны быть у ближнего его человека Ахмет-аги. Посланники отвечали, что не бывши с государевою грамотою у ханова величества, по иным дворам волочиться им непригоже. «Грамоту у вас отнимут силою», — кричали татары. «Где головы наши будут, там и грамота, — отвечали посланники,— а когда увидите нас мертвыми, тогда и грамоту возьмете, гроз ваших и бесчестья и всякой тесноты не боимся». Татары приутихли, стали говорить, чтоб один из посланников остался с царскою грамотою на подворье, а другой пошел бы повидался прежде с ближним человеком. Тяпкин отправился к Ахмет-аге и, вошедши, поздоровался с ним, «а бусурман, надувшись поганою своею гордостию, сидел на коврах, облокотившись на бархатные золотные подушки», поздоровался сидя и велел посланнику сесть подле себя. Ахмет-ага начал выговором, зачем посланники ханской воли ослушались и не хотели прежде идти к нему, ближнему человеку: «У нас обычай такой исстари повелся, что посланники, прежде чем идти к хану, бывают у ближних людей; или уже честнее вас посланников здесь не бывало?» «Мы с прежними посланниками честью не считаемся, — отвечал Тяпкин, — если у нас прежде так и водилось, как ты говоришь, то мы вашего указа не принимаем, мы прежде всего должны исполнить государевы дела. Нигде не повелось, чтоб ближним людям, мимо государя, у послов грамоты принимать, это у вас в Крыму обычай грубый; мне случалось быть в послах у многих великих государей и посольские чины я знаю. Если прежние царские посланники бывали у ближних людей прежде хана, то я этому

не дивлюсь, потому что у вас всегда посланникам царского величества бывает великая неволя, теснота и бесчестье, чтоб вынудить у них богатые дары, как теперь и над собою видим. А мы присланы к ханову величеству не дары раздавать, а добрые дела делать».

После торжественного приема у хана начались переговоры, при которых присутствовал и пленный боярин Василий Борисович Шереметев. Тяпкин и Зотов предложили границу по реки Рось, Тясмин и Ингул. Ближние хановы люди засмеялись и отвечали: «Если за вами только дела и есть, то не за чем было вам сюда и ездить: по те реки уступки не бывало и впредь не будет». Тщетно посланники склоняли ближних людей «всякими приятными разговорами», государевым жалованьем обнадеживали, иным и давали: татары стояли на своем, что кроме Днепра другой границы не будет: до тех мест, где нога войск султановых заступила, по мусульманскому закону уступки тут быть не может. Чтоб склонить хана, Тяпкин витиевато объяснял перед ним важное значение *посредника,* которое Мурад-Гирей принял на себя, объяснил, какую честь и доверие оказал ему царь, отправив посланников своих к нему в Крым, а не прямо в Константинополь к султану. Хан был тронут, но отвечал, что он человек невольный, должен исполнять указ султана; если б та земля была его, ханская, то он бы охотно постановил межу, какая угодна царскому величеству. Посланники обещали хану 10 000 червонных золотых, ближним людям 3000, султану турецкому и визирю соболей на 5000 рублей; хан отвечал, что не может согласиться и за 100 000 червонных. Видя упорство посланников, хан велел их пострашать земляною ямою, где ни печи, ни лавок, ни потолка, ни окон. И действительно, посланников посадили на запор, не велели пускать к ним купцов с съестным и дровами.

Посланники уступили, и подали хану следующие статьи: 1) перемирию быть на 20 лет (начиная с 3 января 1681 года), рубежом быть реке Днепру; ханову величеству будет дана казна за прошлые три года, и потом будет присылаться каждый год по старым росписям. 2) В перемирные 20 лет от реки Буга до реки Днепра султанову и ханову величествам вновь городов своих не ставить и старых козацких разоренных городов и местечек не починивать; со стороны царского величества перебежчиков не принимать, никакого поселения на упомянутых козацких землях не заводить, оставить их впусте. 3) Крымским, очаковским и белгородским татарам вольно по обе стороны Днепра, на степях, около речек, кочевать, для конских кормов и звериных промыслов ездить; а со стороны царского величества низовым и городовым козакам Войска Запорожского, промышленным людям, плавать Днепром для рыбной ловли, и по всем степным речкам на обеих

сторонах Днепра, для рыбы и бранья соли и для звериного промысла ездить вольно до Черного моря. 4) Киев с монастырями и городами, местечками и селами всего своего старого уезда, т. е. ниже Киева, Васильков, Триполье, Стайки с селами, да выше Киева два местечка — Дедовщина и Радомышль остаются в стороне царского величества. 5) Запорожские козаки также остаются в стороне царского величества, султану и хану до них дела нет, под свою державу их не перезывают. 6) Титул царского величества писать сполна, как он сам его описывает. Пленники, боярин Шереметев, стольник князь Ромодановский и все другие отпускаются на окуп и на размену. 7) Султан и хан не должны помогать неприятелям царским. Хан, выслушав статьи, сказал, что они написаны разумно и ему годны. Поехал гонец в Константинополь и привез согласие султана на условия. Но когда дело дошло до шерти, то Тяпкин и Зотов увидали, что шертная грамота написана иначе, очень сокращенно, с пропуском целых статей — о Запорожье, о свободном плавании по Днепру. Посланники объявили, что они такой грамоты не примут. Татары в ответ закричали: «Или вы государей наших учить приехали и свои упрямые обычаи и лишние слова писать? Возьмете и не в честь, что́ вам изволит написать и дать ханово величество, потому что всякий государь волен на своем государском престоле и делает что хочет, а вы нас не учите и нам не указывайте! А если заупрямитесь и грамот не примете, то грамоты посланы будут к вашему государю с ханскими послами, а вас, за ваше упрямство, велят держать в кандалах и зашлют в вечную неволю». Посланники отвечали, что они такой шертной грамоты принять не смеют, пошлют гонца в Москву и будут дожидаться, что́ великий государь им укажет. Хану доложили об этом и принесли ответ, что по приказу султана посланников велено отпустить немедленно в Москву с шертными грамотами. Тут посланники объявили, что они готовы к отпуску и шертные грамоты примут поневоле: будут ли эти грамоты царскому величеству годны и к содержанию перемирных договоров крепки, о том великому государю как бог известит.

4 марта близ Бакчисарая, на поле в шатрах, Тяпкин и Зотов были на отпуску у хана. Мурад-Гирей, целуя Коран, говорил, что он и султан клянутся содержать мирное постановление непорочно двадцать лет; на посланников и переводчиков надели золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказал им, чтоб великий государь поскорее отправлял послов своих к султану для подкрепления договоров, а которых статей нет в его ханской шертной грамоте, те будут внесены в грамоту султанову: он, хан, об этом писал уже к султану и впредь писать будет. Наконец хан говорил с светлым и радостным лицом: «Когда царствующего града

Москвы достигнете и сподобитесь видеть великого государя своего пресветлое лицо, то от нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между ним и султаном турецким, радение в мирных договорах, откровенную пред вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А вам счастливый путь!» Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли из шатра, провожали их до лошадей беи, карачеи и мурзы, и прощались любовно; множество христиан и бусурман, заслышав о заключении мира, толпились у шатра и провожали посланников радостными восклицаниями. Если в Крыму так радовались заключению мира, то еще больше радовались в России, и особенно в Малороссии. Во всех городах малороссийских, чрез которые проезжали посланники, были им торжественные встречи, встречали духовенство с крестами и святою водою, полковники, сотники и есаулы с конным войском, с знаменами, трубами и литаврами, сердюцкая пехота с барабанами, мещане с хлебом, солью и напитками; везде принимали с радостию, любовью и слезами, благодаря бога за мирное постановление, кормили, поили, давали подводы. В Батурине гетман Иван Самойлович обнял посланников отечески, с великою любовью и радостными слезами, благодарил за любовь и совет к писарю его Семену Раковичу, особенно благодарил и кланялся за то, что к нему заехали и тем честь его гетманскую в малороссийском народе прославили. На радостях гетман задал большой пир; перед за́мком во время тостов гремели пушки, музыка играла во весь обед. На отпуске гетман просил напомнить великому государю о малороссиянах, перешедших с западной стороны Днепра на восточную, не имеют они никаких *хлебопитательных* промыслов, кормит их он, гетман, из своей шкатулы: чтоб великий государь велел поселить их в сумских, краснопольских и других слободских угодьях, на степных реках и дубравах; да чтоб всем малороссиянам, которые находятся под Белогородским разрядом, велел быть под его гетманскою властью и булавою в вознаграждение за западную сторону Днепра, которая теперь отошла к туркам.

Когда в Крыму было все кончено, надобно было взять утвержденную грамоту и от султана. Для этого в 1681 году отправился в Константинополь дьяк Возницын. Но турки не захотели внести в свою утвержденную грамоту статьи о Запорожье, что оно принадлежит государю русскому. Тщетно Возницын настаивал на внесении статьи и не хотел брать грамоты: визирь объявил решительно, что посол или должен взять грамоту, или уехать без грамоты. Возницын обратился за советом к патриархам константинопольскому, иерусалимскому и александрийскому, которые были все тогда в Цареграде; патриархи присоветовали ему взять грамоту. Посол

исполнил совет, но, принимая грамоту у визиря, протестовал: «Я принимаю эту грамоту поневоле и повезу ее к царскому величеству на произволение, не зная, будет ли она годна или нет» [195].

Царское величество произволил принять грамоту. В Москве были очень довольны, избавившись от тяжелой и опасной войны с пожертвованием голой степи, ибо такой вид имело тогда уступленное туркам Заднепровье. Виновник этого запустошения западной Украйны, виновник отдачи ее туркам, Дорошенко жил покойно в Москве.

В октябре 1679 года приезжал к нему дьяк Бобинин с милостивым государевым указом: «Известно великому государю, что ему, Петру, в кормах и питье и в конском корму скудость и потому великий государь пожаловал его, указал ему быть на Устюге Великом воеводою». Дорошенко поклонился в землю и спросил: «Далеко ль этот Устюг от Москвы и каков город?» «От Москвы с 600 верст и город славный, многолюдный», — отвечал дьяк. «Великий государь, — сказал Дорошенко, — обнадежил меня своею милостию, велел мне быть со всеми родственниками в Соснице, а после приказал быть в Москву на время. А как я видел царские очи, и тогда премногою государскою милостию был обнадежен, указали мне жить в Москве, двор мне дали, корм и питье. Буду бить челом великому государю, чтоб меня на воеводство посылать не изволил: у меня в малороссийских городах три брата родные и родственники, как услышат, то не подумают, что я отпущен на воеводство, а представится им, что я сослан в ссылку, и будет оттого большое дурно на обеих сторонах Днепра. Объявляю я об этом, зная тамошних народов нравы. Яненко великому государю изменил, передался Хмельниченку, и я не таю, что Яненко и Хмельниченко мне родственники. В Соснице у меня было оставлено много имения; из этого имения много взял гетман, много распропало, а если царское величество отпустит меня на воеводство, то и остальное все пропадет. И теперь я в большом сомнении, что из Сосницы и других городов от сродников моих недель с шесть никакой ведомости ко мне не было; а как я буду на таком дальном воеводстве, то и подавно все от меня отступятся и писать ко мне не будут за таким дальним расстоянием». Но после Дорошенко одумался и взял Вятское воеводство.

Другая козацкая знаменитость скоро также сошла со сцены.

В сентябре 1680 года приехали в Москву запорожские посланцы, полевой полковник Шербиновский и войсковой писарь Быхоцкий; они привезли известие, что Иван Серко умер 1 августа и на его место выбран Иван Стягайло. Быхоцкий в тайном расспросе сказал: «Когда Серко был кошевым, то от него никакого добра к великому государю не было, а го-

ворить явно никто ему о том не смел, для того что чрез меру, или с допущения божия, или какою его хитростию все его боялися, и что замерит, то и сделает, а если б кто не захотел его слушаться, того бы тотчас убили, потому что в кругу у нас всякому вольность, а если бы на кого Серко что-нибудь затеял, то без всякого розыску смерть тут же в кругу. Серко не хотел добра великому государю, во-первых, за то, что был в ссылке в Сибири; во-вторых, злобился на гетмана за то, что жене его и детям была велика теснота и обида, за то, что отнял у Запорожья старинные маетности и промыслы и не присылал запасов. Были к Серку посылки от польского короля, чтоб он ему служил, и кошевой начал думать, как бы в Украйне сделать кровопролитие. Послышав об этом намерении, король прислал к нему из Белой Церкви попа; Серко чрез этого попа обнадежился, послал к королю сына своего и с ним сотню козаков, отзываясь с верною службою и с таким замыслом, чтоб король навел хана с ордою на слободские украинские города, а свои войска послал по Задесенью; Серко же в это время под королевским знаменем пойдет также к слободским городам, и когда малороссийские жители увидят на себя такую тесноту, а про Серку услышат, что он служит королю, то начнут бунт, гетмана убьют, а Серка провозгласят гетманом, обнадежась на то, что он чрез польского короля от турок и татар даст им покой. Сила божия не допустила этого намерения до совершения, мы с судьею Яковом Константиновым поработали тут богу и послужили верно великому государю, до злого намерения Серко не допустили, не дали ему и с Крымом договориться, чтоб быть под обороною турецкого султана. С этих пор Серко пришел в отчаяние, что не мог исполнить свое намерение, и начал хворать, заболел у него левый бок, от чего стал чрезмерно худ. Во время болезни войском не занимался, а постоянно жил в пасеке своей, которая от Сечи в десяти верстах в Днепровых заливах со всякими крепостями. Войско стало негодовать, но он говорил козакам: «Слушайтесь меня, я человек старый и воинский, знаю, что в какое время делать, и так вы добрых молодцов растеряли, что без моего совета посылали их в степь». Король присылал к нему волоха, именем Апостольца, который всякими тайными разговорами приводил его к исполнению вышеобъявленных злых дел; мы с судьею узнали об этом от Апостольца, который начал нам говорить, чтоб мы слушались старого воина Серка, что нам прикажет, исполняли бы. Мы спрашивали у Серка, зачем приехал Апостолец, но он нам не объявил, только вычитал свои и войсковые обиды. Незадолго перед смертью Серко велел себе сделать гроб и в нем ложился, говорил, что прежнего себе здоровья не чает, и 1 августа умер в своей пасеке скоропостижно».

В Сечь отправился царский посланец Бердяев, повез подарки кошевому и старшине, всему войску повез 500 золотых червонных, 150 половинок сукон, по 50 пуд пороху и свинцу. Бердяев приехал на кош в ноябре и говорил на раде, чтоб запорожцы не держались вперед противных поступков, какие делали при Серке, и чтоб присягнули на верность царскому величеству. «Для чего нам присягать? — раздались в ответ голоса. — Мы великому государю не изменяли и изменять не хотим; а сукон прислано нам мало, поделиться нечем, не будет на человека и по пол-аршину: на Дон великий государь посылает денег, сукон и хлебных запасов много; мы против донских козаков оскорблены». Тут же на раде был гетманский посланец Соломаха; он начал говорить: «Гетман обещается присылать вам хлебные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вам в год надобно; и денег будет присылать, из тех, что сбираются с аренд».

Стал говорить кошевой: «Хотите или не хотите великому государю присягу дать? А я от себя дам потому: прежде у бывшего кошевого атамана Ивана Серка с гетманом Иваном Самойловичем была недружба и непослушанье и войску было худо, государева жалованья и от гетмана хлебных запасов не приходило много лет».

«Есть нам за что присягать! — закричала толпа, — к вам, старшим, прислано государево жалованье большое; вы и в Москву посылали бить челом себе о жалованье, а чтоб войску было жалованье, о том челом не били». Кошевой хотел идти в церковь присягать, но его не пустили; сильнее всех мутил войсковой писарь Петр Гук, потому что ему не прислано подарков: но в Москве думали, что в Сечи один только писарь Быхоцкий, и дали ему подарки, не зная, что Быхоцкий был старый писарь, а на его месте давно уже был Гук. На другой день после заутрени собралась другая рада; Гук переменился, начал уговаривать козаков, чтоб принесли присягу, и толпа пошла в церковь целовать крест. Когда Бердяев возвратился, то в Запорожье послали немедленно еще 50 половинок сукон и жалованье Гуку [196].

Опасная турецкая война, продолжавшаяся во все почти царствование Феодора, разумеется, должна была иметь влияние на отношения России к другим державам. С Швециею шли прежние споры вследствие пограничных столкновений; но тщетно Дания убеждала русское правительство разорвать мир с Швециею: гроза на юге не давала возможности думать о войне на севере. Отказавшись от предложений датских относительно Швеции, московский двор попытался было отвлечь от России силы Турции, вооружив против нее Австрию: боярин Бутурлин ездил в Вену склонять императора к разрыву с Турциею, но получил отказ, под предлогом враждебных отношений Австрии к Франции и бездействия Польши [197].

Но если с западными державами можно было вести дело путем дипломатических переговоров, то на востоке с степными хищными ордами это средство было недействительно, тем более, что там же в степи жили козаки, которые не спрашивались с государством, когда им надобно было добыть зипун или отмстить за обиду. Мы видели [198], что новые кочевые соседи России, калмыки, волею-неволею должны были признать над собою власть великого государя и ходить на помощь русским войскам. Правительству нужно было поэтому щадить их, и в 1677 году в Москве с неудовольствием узнали, что между калмыками и донцами началась ссора. С разных мест по Волге начали приходить вести, что козаки ходили громить калмыцкие улусы. Стрелецкие сотники погнали для проведывания; наедут, козаков спрашивают: зачем ходили на калмыков, по какому указу? Козаки, которые подобросовестнее отвечают: «Государева указа у нас нет, чтоб за калмыками войною ходить, но калмыки чинят нам обиды большие, и мы, не хотя от них обиды терпеть, собрались да и пошли на них войною, а не для ради иного воровства». Другие, менее добросовестные, отвечают: «Мы ходили на калмыцкие улусы войною по указу великого государя, а тот указ у нас на Дону в войске». Разумеется, на Дону никакого указа не было, а был указ в Астрахани, по которому тамошние воеводы отправили голову конных стрельцов Змеева вверх по Волге остановить козаков и поворотить их назад на Дон. Выше Черного Яру Змеев встретил 22 лодки, в них 245 козаков с атаманом Игнатьевым. Змеев объявил им указ великого государя — на калмыцкие улусы войною не ходить, поворотиться в свои козацкие городки и жить с калмыками в миру, потому что они служат великому государю. Козаки отвечали: «Вышли мы на Волгу реку на калмыцкие улусы для того: в нынешнем году приходили под многие наши козачьи городки калмыцкие люди войною, жен и детей многих в полон взяли, стада отогнали; и мы ходили на них войною по многим задорам, хотели у них отбить из полону жен, детей и стада, и отбили только со 150 лошадей, а жен и детей своих в улусах нигде не застали, и хотели было еще на калмыцкие улусы идти, чтоб отбить жен и детей и остальные стада, но теперь, слыша великого государя указ, на калмыцкие улусы не пойдем, поворотим в свои козачьи городки». И действительно поворотились. В январе следующего 1678 года верный слуга царский, князь Каспулат Муцалович Черкасский, писал к государю, что ездил он в калмыцкие улусы, к Аюке и другим тайшам звать их на государеву службу на Крым, но Аюка сказал, что на службу не идет за разореньем от донских и яицких козаков, которые людей у них побили, жен и детей побрали. Царь немедленно отправил князю Каспулату приказ ехать в калмыцкие улусы и помирить калмыков с донскими козаками.

На Волге донцы поворачивались назад, услыхав указ великого государя; но на Яике сильно пахло разинским духом. В июле 1677 года в Москве получена была весть, что воровские козаки, вышедшие из яицких городов под начальством Васьки Касимова, взяли на Яике городок Гурьев (названный так по имени строителя Михайлы Гурьева), государеву казну, пушки, свинец и порох забрали и расположились на Каменном острове в устье Яика; астраханский воевода, князь Константин Щербатов, выслал против них 800 стрельцов в пятнадцати стругах; но в Москве вспомнили о Разине и сильно испугались, выслали в Астрахань боярина Петра Михайловича Солтыкова с приказом идти с великим раденьем и поспешеньем, неоплошно, для того что в Астрахани малолюдно и над воровскими людьми промышлять некем. Голова казанских стрельцов Мамонин нагнал воров на море и поразил. Воры в числе 230 человек (в том числе 40 раненых) пристали к трухменскому берегу, но трухменцы прогнали их, и они объявились у персидского берега на острове Сары, на котором стоял и Стенька Разин; живя на острове, они выезжали на море воровать; но шах послал на них ратных людей, с которыми у них опять был неудачный бой. В конце года воры явились под Бакою в четырех стругах, но тут их выкинуло на берег 29 человек, которые забраны жителями и отвезены к шамахинскому хану.

Мы видели волнение башкир в царствование Алексея Михайловича; при Феодоре волнения возобновились, тем более, что война России с Турциею не могла не отозваться между мусульманским народонаселением степей. В начале 1679 года из Верхотурья дали знать в Москву, что крестьянский *садчик* (призывавший и селивший, садивший крестьян) и прикащик одной из слобод Арапов был в Кунгурском уезде в татарской деревне для разных покупок; в эту деревню при нем пришло к татарам десять человек башкирцев и говорили между собою, что на весну они будут воевать Кунгур, сибирские слободы и подгороды; башкирцы говорили: «Чигирин турки и крымцы взяли и государевых людей побили, и мы будем воевать, потому что мы с ними одна родня и душа». Арапов извещал, что все татары и башкирцы кормят лошадей, луки и стрелы делают, и ружья у них много, у всякого человека по две и по три пищали, винтовки. Вслед за тем действительно татары явились на лыжах под Кунгур, взяли острог и деревни вырубили. Летом 1680 года получены были известия, что калмыцкий тайша Аюка заключил мир с крымским ханом, отпустил 1000 человек своих улусников в Крым, и две тысячи отправил под русские украйные города, извещали, что Аюка хочет помириться и с уфимскими башкирами, чтоб вместе с ними ходить войною под казачьи городки, под Самару и другие украйные города. В июле месяце больше трех тысяч

татар, калмыков и черкес явились под Пензою, сожгли посад и ушли в степь. Башкиры также начали перевозиться за Волгу с луговой стороны на ногайскую. В 1681 году по Тоболу неслись слухи, что башкиры выехали все из улусов вооруженные, остались только те, которые сидеть на конях не могут.

В Южной Сибири продолжалась борьба с киргизами, которые осенью 1679 года опустошали Томский уезд, будучи подведены изменниками, государевыми ясачными людьми. Конные и пешие козаки выступили против разбойников, поразили их и отняли добычу, с потерею пяти человек своих. В то же время другая большая толпа киргизов приступила к Красноярску и к острожкам его уезда; крепостей взять им не удалось, но 16 деревень было сожжено; тубинцы соединились с киргизами; это озлобило красноярских детей боярских и козаков: они взяли тубинских аманатов, вывели за город и расстреляли в виду их родичей. Узнавши об этом, государь велел красноярского воеводу Загряжского посадить в тюрьму на день, зачем выдал аманатов служилым людям, а служилым людям велел сказать: «Довелись из них лучшие люди за ту вину, что аманатов расстреляли, смертной казни; но для нынешней их службы и разорения мы ту вину велели им отдать; и они бы, видя нашу такую премногую милость, нам служили и у тубинских князцов аманатов взяли добрых родов».

На севере самоеды не хотели платить ясака; когда летом 1679 года ясачные сборщики приехали в старый мангазейский город, то к ним явился самоедский князец Ныла и бросил на землю ясак — 76 песцов, тогда как прежде платили соболями и бобрами. «Давайте ясак по-прежнему», — сказали ему сборщики. В ответ Ныла крикнул своим родичам: «Промышляйте над ними!» Самоеды бросились с ножами на сборщиков, но те оттолкнули их, схватили Нылу и убили; родичи его бежали из города, но, собравшись с силами, начали приступать к нему; русские отбивались от них три дня и три ночи; осажденных выручили двое самоедских же князьков, которые ударили на своих и отбили их от города. Другие самоеды осаждали Обдорский городок и свирепствовали против своих, не хотевших действовать заодно с ними против русских.

На востоке поднимались то якуты, то тунгусы. Из Верхневилюйского зимовья ясачный сборщик дал знать якутскому воеводе, что разных родов ясачные тунгусы стояли с месяц около зимовья, хотели побить козаков и зимовье взять. Еще осенью 1675 года якуты убили несколько русских промышленников, и заводчиком оказался родоначальник Балтуга, якут Ярканской волости. К нему отправлены были для *разговору* двое козаков да несколько мирных якутов; но один из

козаков был убит самым варварским образом. Якутский воевода послал на Балтугу отряд из русских и мирных якутов. После долгих переговоров Балтуга прислал аманатов, двоих детей — сына и племянника своего, и объявил, что сам придет, когда захочет; если же русские люди и якуты пойдут на него войною, то он всех побьет и станет драться до последнего ребенка, а живой русским людям не дастся; мирных якутов уговаривал, чтоб они к русским не приставали и на него войною не ходили, если же пойдут, то он и их побьет вместе с русскими. Но смелость не была в уровень с силами. Якутский патриот принужден был бежать перед врагами его свободы и раненый был схвачен и привезен в Якутск. Туда же привезли изуродованный труп козака, убитого якутами. Это зрелище взволновало якутских служилых людей и они подали челобитную: «Посылают нас на твои, великого государя, службы и для ясачного сбора, и в посылки за изменниками в походы ходим; и твои изменники, ясачные и неясачные иноземцы, нас побивают до смерти и надругательство чинят многое, груди вспарывают, сердце вынимают, руки обсекают, глаза выкалывают. Божиею милостию изменника Балтугу с родниками поймали в бою, и на поимке он многих служилых людей переранил. Милосердый государь! Вели своему воеводе тем изменникам по Соборному Уложенью указ учинить». Брат убитого козака не вытерпел, подошел к раненому и связанному брату Балтуги и проколол его копьем до смерти. Воевода приговорил бить его кнутом на козле: не бей самовольством пойманных и связанных! Градские всех чинов люди упросили вместо кнута бить батогами: но служилые люди оскорбились, что их братью наказывают за изменников и подали другую челобитную: «Ходим мы промышлять по великой реке Лене и по Витиму и по иным сторонним рекам, с наших промыслов в твою великого государя казну сбирается со всякого зверя десятая, и с отпуску денежная казна; а теперь иноземцы якуты и тунгусы нас, сирот твоих, грабят, огнем жгут и убивают вместо свиней, разорили нас вконец и промыслы все остановили, а мы от них обороняться не смеем, боясь от тебя казни, и нам впредь на промыслы ходить никак нельзя, а твоей казне в том учинится недобор и поруха великая». Воевода, выслушав челобитье служилых людей, приискал в Соборном Уложении главу об изменниках, нашел, что их должно казнить смертью, и послал за указом в Москву. Здесь было принято искони — приводить иноземцев под государеву высокую руку ласкою, а не жесточью; притом здесь хорошо знали, что служилые люди часто сами выводят из терпения иноземцев, и потому пришел указ: великий государь Балтугу в вине простил для своего многолетнего здоровья и для поминовения отца своего, смертью казнить не велено, велено бить кнутом на козле нещадно и дать на

поруки. Но в следующем же году поруки 20 человек ясачных якутов подали челобитную, что Балтуга с родичами свою братью якутов бьет, грабит, насильства всякие чинит и ясака не платит.

Несмотря на появление здесь и там сильных духом родоначальников между дикарями, им не сладить было с русскими людьми, роды были слишком ничтожны, разбросаны на огромных пространствах и враждебны друг другу; вспыхнет восстание, для его подавления пойдут русские люди, их ничтожное число человек пятнадцать, но с ними толпа покорных туземцев, которые идут усмирять своих; осадят дикари в острожке русских людей: на выручку к последним спешат другие дикари. Подчинение обширных пространств северной Азии не могло быть, следовательно, трудно для русских; туземцы жили при таких формах быта, при которых племена бывают не слишком щекотливы при наложении на них дани сильнейшим; предки покорителей Сибири были посильнее природою якутов, тунгусов и бурят, однако и они в IX веке, живя в таком же разъединении по родам, платили дань первому, кто с них ее требовал с оружием в руках; поднимались только тогда, когда какой-нибудь Игорь хотел брать двойную дань, как волк, повадившийся к овцам. К несчастию, таких Игорей было много в Сибири в описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчинение туземцев, поднимали восстания, заводили кровь, по старинному выражению.

Осенью 1677 года на Ураке ясачные тунгусы перебили козаков, шедших из Якутска в Охотск, взяли пушку, ручное оружие, товарную казну и отпустили в Охотск пленную козачью жену, наказавши ей: «Поди, скажи приказному Петру Ярыжкину, что мы перебили козаков за налоги и обиды ясачного сборщика Юрия Крыжановского: брал с нас соболи добрые и рыси и олени, с человека соболя по четыре и по пяти, и малых ребят у нас всех выискал и велел за них приносить по соболю; брал у нас соболей и оленей силою и плевал нам в глаза: что-де мне мало носите, то выручу!»

Но тунгусы не ограничились этою местию. Заводчиком мятежа был уже знакомый нам Зелемей[199], он распустил слух между своими, что в Якутске все козаки умерли, осталось только двое живых, послать в Охотск некого, и потому время над ним промышлять. По этой Зелемеевой сказке собралось тунгусов человек с 1000 и осадили Охотск. Ярыжкин послал толмача перекликаться с Зелемеем: «Что вас много очень пришло и кругом вы острога обошли? Ступай в Охотск и с приказным человеком переговори, не опасаясь ничего!» «В острог нейду, — отвечал Зелемей, — ясаку у нас нет, а зачем мы пришли, увидите сами». Тунгусы пошли валом на приступ. Крыжановский не успел уйти в острог. Тунгусы

осадили его в его доме, у избы окно выломали, под стену огня наклали, засели в козачьих домах, находившихся за острогом, и начали стрелять в острог из-за дворов, стрелы полетели на острог со всех сторон, точно комары. Между тем Крыжановский вопил о помощи, Ярыжкин сделал вылазку и выручил его, отогнал тунгусов от Охотска. Приступ не повторялся. Началось дело о Крыжановском (пленном поляке, брата его звали Казимиром — происхождение ясно!). На него показали, что он приправочные и ясачные книги держал у себя на дому, ночью приезжали к нему тунгусы прежде ясачного платежа, он отбирал у них лучшие соболи себе, а в казну плохие, брал у иноземцев жен и детей на блудное дело. Попался и Ярыжкин в казнокрадстве и насилиях своим и чужим. Обоих велено бить кнутом нещадно, сослать в даурские острожки и ни к каким делам не определять. Но преемник их в Охотске Данило Бибиков не задумался пойти по их следам: вешал тунгусов, бил кнутом, резал уши и носы, приказывал тунгусам при платеже ясака лучшие соболи прятать в пазуху и под полу и потом отдавать ему. Бибиков не дождался наказания из Москвы: его на дороге из Охотска в Якутск подстерегли тунгусы в 1680 году и убили вместе со всем отрядом русских людей.

В Нерчинске на приказного человека Шульгина поднялись не туземцы, но русские служилые люди: Шульгин за взятки выпускал бурятских аманатов, которые потом изменяли, уходили в Монголию; но жен аманатских не выпускал: они были ему надобны; подучал одних бурят отгонять табуны у других и делился добычею с хищниками; скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим есть было нечего по дороговизне хлеба, питались травою и кореньями; бил служилых людей кнутом и батогами, велел брать в руку батогов по пяти и по шести. Служилые люди вышли из терпения, послали челобитчиков в Москву; но до Москвы далеко, когда-то придет указ? И, в ожидании указа, служилые люди распорядились сами: отказали Шульгину от съезжей избы и выбрали к государеву делу одного сына боярского да десятника козачья [200].

При тяжелой и опасной войне с турками, при волнениях степных варваров, при несовершеннолетнем и больном царе, при смуте во дворце московское правительство волею-неволею, как могло, должно было заниматься важными вопросами внутренними, потому что время не терпело. В самом начале царствования Феодора опять поднялся старый вопрос, отцовский и дедовский, вопрос о торговле иностранцев в России и через Россию. Мы видели, что при царе Алексее заключен был договор с компаниею персидских армян, которые обязались доставлять в Россию весь шелк, добываемый в Персии. Но армяне не исполнили обязательства; а между

тем голландский посланник фан-Кленк сделал предложение, чтоб позволено было голландцам торговать с персиянами в России и пропускать персиян через Россию с шелком-сырцом в Голландию. По обычаю, позвали гостей перед бояр, читали им договорные грамоты с армянами, переводы с писем фан-Кленка и спрашивали, как тому шелковому промыслу против посольских писем впредь состояться? Гости отвечали: «Персияне и армяне своего договора не исполнили, всего своего шелка в Российское государство не привезли, но прежними путями весь лучший шелк и теперь отпускают, поэтому прибыли от шелкового промысла нечего надеяться. Если голландский посол просит, чтоб голландцам торговать с персиянами в Российском государстве и пропускать персиян через Россию в Голландскую землю, обещая от того Российскому государству в торгах многое процветание, то должно ему вместо цвета явить самый плод и договор теперь же заключить, чтоб шелк-сырец, сколько его ни будет привезено из Персии, принимать голландцам у Архангельска из казны великого государя и у купецких людей по уговорной цене, против того, как у них, голландцев, и других иноземцев заключен договор насчет того шелка, что идет из Персии через Турцию. А если договора заключить не захочет, то ясно, что никакой он прибыли Российскому государству не желает, только умышляет оставить в Российском государстве тех прибылей цвет, а плоды этих цветов хочет привлечь в свою землю и российским купецким людям убыток сделать, потому что будут голландцы торговать с персиянами между собою — прибыль между ними и останется. Можно так сделать: пусть русские люди и голландцы торгуют в России с персиянами и армянами вместе два года, и если в эти два года государевой казне порухи, а купецким русским людям утеснения не объявится, то и вперед этому торгу быть прочну; но и это опасно: голландцы нарочно в два года никакого притеснения нам не сделают, чтоб договор подтвердили, а как подтвердят, тут они нас всех от торгу отлучат и завладеют одни так, как в Восточной Индии завладели золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себе приобретают, а тамошних жителей привели до скудости. Лучше всего оставить прежний второй договор с армянами[201], чтоб они торговали шелком с русскими купецкими людьми повольною ценою, а чего у них русские люди не докупят, то принять в казну с уплатою из нее деньгами и товарами. Если же они и этого договора исполнять не захотят, то позволить им торговать в Архангельске с иностранцами. Хотя от этого русским купецким людям в торгах и будет какая помешка, однако все не так, как если позволить иностранцам торговать между собою во всем Российском государстве, или отпускать их чрез Российское государство за

море»[202]. Тогда же царь, поговоря с патриархом, указал боярам и бояре приговорили — подтвердить постановление царя Алексея, состоявшееся в 1647 году, чтоб греки торговали только в Путивле, причем выставлены и причины, побудившие к этому: сначала приезжали из *Палестин* греческие власти, привозили с собою многоцелебные мощи и чудотворные иконы, а их братья, торговые греки, приезжали самые знатные люди и привозили с собою дорогие товары самые добрые; а теперь духовного чина никто не приезжает, начали приезжать греки самые незначительные и не для прямого торга, у которых объявятся товары, и те худые, вместо алмазов и других дорогих камней подделанные стекла; да из них же многие начали воровать, товары провозить тайно, а иные подделывают заочно воровские кабалы, торгуют вином и табаком[203].

Замечательнейшие постановления царствования Феодорова относятся преимущественно к последним годам, когда царь возмужал и когда, по устранении Милославских, Языков, Лихачев и Голицын получили главное влияние. В 1679 и 1680 годах отменено членоотсечение: «Которые воры объявятся в первой или в двух татбах, тех воров, пытав и учиня им наказанье, ссылать в Сибирь на вечное житье на пашню, а казни им не чинить, рук и ног и двух перстов не сечь, ссылать с женами и детьми, которые дети будут трех лет и ниже, а которые больше трех лет, тех не ссылать»[204]. В 1677 году окопана была во Владимире на торговой площади крестьянка Жукова за то, что отсекла косою голову мужу своему; сутки пробыла она в земле, как владимирское духовенство подало челобитную, чтоб преступницу вынуть из земли и постричь в монастырь; государь велел исполнить челобитную. В 1682 году был такой же случай в Москве: две преступницы были окопаны в землю, и в земле обещались постричься и злых дел не творить: государь велел их выкопать и постричь[205]. В 1680 году разосланы были во все города грамоты, чтоб в приказных избах и тюрьмах колодников никого, ни в каких делах многих дней не держали, решали бы их дела немедленно. В том же году издано было постановление: «Впредь тюремным сидельцам *влазного* с новоприводных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку, брать не велено»[206]. В 1681 году патриарх разослал память: «Если мужья от жен, а жены от мужей захотят постричься, то их не постригать; а если жена от мужа пострижется, то мужу ее другой жены не брать, также и женам, после пострижения мужей, замуж не выходить»[207]. В 1679 году били челом служилые люди, что родственницы их выданы замуж с вотчинами. и мужья их бьют и мучат, приневоливают, чтоб они свои приданые вотчины продавали и закладывали своими име-

нами: состоялся указ, чтоб мужья не продавали и не закладывали вотчин жен своих их именами [208].

В 1680 году отменена неприличная форма в челобитных: «чтоб государь пожаловал, умилосердился как бог»; вместо этого велено писать: «для приключившегося которого праздника и для его государского многолетнего здравия». В том же году издан патриарший указ: в приказах допрашивать духовных отцов только об изустных памятях и завещаниях, при них сделанных, а не о грехах кающихся [209].

Строгие меры, принятые при царе Алексее против раскола, мало помогали. В 1677 году узнали в Москве, что по Дону и речке Медведице в козачьих юртах завелись жить старцы и попы и всякие прихожие люди в пустынях, печатные книги, церковную службу и иконное письмо хулят, образам божиим не поклоняются, много людей из донских городков к себе подговаривают и крестят в другой раз. Воевода Волынский, стоявший с войском на Дону, отправил стрелецкого сотника Григорова разведать о раскольниках. Григоров возвратился и донес, что на реке Медведице никакой пустыни не нашел, а был в пустыни Иевской на речке Чиру, пониже козачьего городка Нижнего Чира: в этой пустыни строителем черный поп Иов, да чернецов 20 человек, а бельцов человек с 30; служит Иов по старым книгам, а новоисправленные хулит, говорит, будто в них все изронено. Получивши это донесение, в Москве сделали допрос бывшему тогда здесь станичному атаману Панкратьеву, что за Иевская пустынь и где река Чир? Панкратьев отвечал, что Иевская пустынь в стороне, на день езды от города Чира, начали в этой пустыни люди жить после разинского воровства, тому лет с пять; в войске про пустынь знают, что в ней живут мущины и женщины, девки и ребята, но без указу государева войско над нею ничего делать не смеет, а если государь прикажет разорить, то сейчас разорят. Тому другой год, как пришел на Дон и поселился в пустыни в лесу на крымской стороне черный поп да два человека простых чернецов; эти простые чернецы с попом поссорились и, пришедши в Черкасск, донесли войску, что поп за великого государя бога не молит и им молить не велит. По этому извету атаман Михайло Самарин и все войско послали за попом и, приведя его в Черкасск, сожгли по войсковому праву, и в пустыни его теперь никто не живет. Волынскому послан был указ разорить воров и церковных противников и вперед нигде им в войске пристанища не дать, пущих заводчиков прислать в Москву, а остальных наказать по войсковому праву, чтоб вперед такие воры не множились и войску оттого присловья не было [210]. В то же время из Сибири приходили вести, что в Тюмени сын калмыцкого толмача Никита Елизарьев говорил: «Которые церкви сгорели в Тобольске, и то были не церкви, костелы»;

священников называл псами. Призванный к допросу раскольник объявил, что троеперстным проклятым сложением не крестится; отец молодого раскольника, толмач, пришел в приказную избу и объявил, что четвероконечный крест — антихристова печать. Обоих били кнутом нещадно и отдали на поруки. В Тюмени же в 1677 году в соборной церкви трое мущин и одна монахиня во время херувимской закричали: «Православные христиане! Не кланяйтесь, несут мертвое тело и на просвирах печатают крыжом, антихристовою печатью!» Крикунов взяли в приказную избу, где они объявили, что пришли на Тюмень истинной веры изыскивать; их били кнутом нещадно и посадили в земляную тюрьму. Монах Даниил в Тобольском уезде, на речке Березовке, завел пустынь, поставил часовню и кельи, пели вечерни, заутрени и часы, государя, царский дом, патриарха и сибирского митрополита не поминали, православных христиан называли еретиками; в этой же пустыни старицы и девки бились о землю и кричали, что видят пресвятую богородицу и небо отверсто, ангелы венцы держат тем людям, которые в той пустыни постригаются; слыша такую прелесть, многие всяких чинов люди, оставя домы, имение и скот, бегут в пустынь с женами и детьми и постригаются. Тобольский воевода, боярин Петр Васильевич Шереметев, послал отряд войска захватить Даниила, но войско вместо пустыни нашло только кучи пепла: Даниил с единомышленниками своими в избах сожглись ночью, а другие разбежались: пример Даниила подействовал. В Мехонской слободе крестьяне, драгуны и беломестные козаки, собравшись с женами и детьми во двор к драгуну Абрамову, наносили пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской прикащик начал уговаривать их, чтоб отстали от своей прелести, и они, было, послушались; но дьячок Иван Федоров, распоп, своими речами уничтожил действие прикащиковых слов. В 1679 году в Исетском остроге крестьянин Бархатов, ходя по разным местам, проповедовал, что не должно ходить в церкви. Бархатова поймали; но брат его Гаврила с двадцатью товарищами отбили пойманного, уехали в деревню Мостовку, заперлись во дворе и объявили, что сожгутся. К ним поехал уговорить капитан Поляков, раскольники потребовали сроку, срок был им дан и они в это время написали челобитную государю, написали, что заперлися, испугавшись приказных людей, потому что приказный человек перехватал тех, которые засели в Мехонской слободе и морил на морозе целый день, просил по полтине с человека, люди бедные, дать было нечего, он их распустил по домам, а жен и детей разогнал, и они руки и ноги познобили. «Ей, ей, великий государь, не знаем за собою никакого вымысла злого, но только держимся старого благочестия и никоновых новопечатных книг не принимаем, потому что те книги с прежними ни в

чем не согласуются. Да еще нудят нас креститься тремя перстами, щепотью, да велят оставить истинный тричастный крест Христов. Если, государь, своего царского указа не пожалуешь нам и вперед приказным людям, закащикам и попам попустишь нас бедных разорять и к новоизложенной вере нудить, и мы к тебе пишем и плачем, что и не подумаем принять новой веры и новопечатных никоновых книг, на смертный час готовы, пострадать и в огне гореть, как у Данилы священноинока пострадали; если не дадут нам собираться, то мы каждый в своем доме пострадаем, а от Христа не отстанем» [211].

Такие вести приходили с Украйны, из Сибири, с Дону; но вот и в самой Москве в 1681 году, в крещенье, Герасим Шапочник бросил с Ивановской колокольни раскольничьи листы в народ; схваченный оговорил Антона Хворого, а этот оговорил Осипа Сабельника, у которого в доме пели часы, пекли просвиры и после часов раздавали людям, которые ели и вменяли в святость [212].

В том же 1681 году собрался церковный собор. Царь возвестил ему о делах, которые требуют исправления: в начале к ограждению св. церкви, а потом на распространение христианам, во-первых, о прибавке вновь архиереев по городам вследствие умножения церковных противников и о других нуждах, требующих исправления. В первом царском предложении говорилось: каждому митрополиту иметь в своей епархии епископа, подвластного ему, а св. патриарху, отцам отцу, иметь многих епископов. Собор отвечал: великому государю бьют челом митрополиты и архиепископы, назначить вновь в пристойных местах, в дальних и многонародных городах, архиереев особыми епархиями, а не подвластных митрополитам, чтоб в архиерейском чине не было церковного разгласия, распри и высости, чтоб в таком нестроении не было св. церкви преобидения и от народа молвы и укоризны.

Во втором предложении говорилось: Из многих городов пишут, что многие неразумные люди, оставя св. церковь, поделали в домах своих мольбища, и, собравшись, совершают противное христианству, а на св. церковь износят страшные хулы. Собор в своем ответе молил государя отсылать этих раскольников к градскому суду.

Третье предложение: В Москве и во всех городах от предков государских устроены монастыри на тихое и безмолвное пристанище; на пропитание монахам даны многие села и деревни и всякое довольство, чтоб все имели пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чем, кроме душевного спасения, а для престарелых и больных монахов устроены больницы. Но в монастырях теперь общего пребывания и больничного строения нет, а где и есть, оттуда монахи, не хотя

быть в послушании, уходят в другие монастыри, этим монашеское крепкое житие упразднилось. Также бы и хмельного питья в монастырях отнюдь не держать. Собор отвечал: Во всех монастырях запрещаем держать пьянственное питье; архимандритам, игуменам и строителям жить благочинно и братию к благочинию наставлять, особой пищи и питья не держать, в кельях своих с гостями особых трапез не поставлять, ходить всякий день за общую трапезу, а в кельях пищи и питья не держать. Кто из мирских людей приедет по обещанию помолиться, дать ему упокоение по монастырскому чину, пищу и питье, чем братия питаются, в гостиной келье, и приставить искусного старца, кому за тем смотреть; особого питья про гостей отнюдь не держать и от них не принимать. Желающих спасения мирских людей бедных принимать безвкладно с рассмотрением и постригать правильно, свободных и не беглых от законных жен и от господ. Одежду иметь настоятелям и братии общую, давать ее из монастырской казны, а денег настоятелям из казны отнюдь не брать и братии не давать. Престарелых и немощных старцев упокоивать в больнице, заботиться, чтоб не было им скудости в пище и питье. Из монастырей в монастыри монахам без повеления архиерейского не переходить, из монастырей их не отпускать, а непокорных и строптивых ослушников смирять по монастырскому чину; приходящих монахов без повеления архиерейского и без отпускных не принимать. Архимандритам и игуменам смотреть накрепко, чтоб священники из монастырей в домах мирских людей мужского и женского пола не постригали и при смерти. А которые чернецы в монастырях не живут в послушании и бесчинствуют по Москве и в городах, ходят по кабакам и корчмам, и мирским домам, упиваются допьяна и валяются по улицам: на таких бесчинников Троицкого Сергиева монастыря власти должны возобновить бывший Пятницкий монастырь, огородить его стоячим высоким тыном и построить четыре кельи с сенями, в этот монастырь бесчинников из Москвы ссылать. Женского пола, которые бесчинно постриглись вне монастыря, в домах своих, и теперь ходят по мирским домам и садятся по улицам и переулкам, просят милостыни: для таких стариц каждый архиерей должен построить по монастырю на счет какого-нибудь мужского монастыря с вотчинами (потому что девичьих монастырей мало с вотчинами и прокормиться без вотчин в монастырях нечем), и выбрать к ним из женских монастырей стариц добрых, кому над ними начальствовать. По мужским монастырям для всякого строения и вотчинного управления мирских людей не посылать, посылать архиереям от духовного чина добрых и искусных людей. В девичьи монастыри, которые с вотчинами, указал бы великий государь, послать дворян старых добрых для управления вот-

чинами, чтоб старицам из монастырей по деревням не ездить и по мирским домам не жить; быть этим дворянам в послушании у архиереев, в духовное управление между старицами и церковными причетниками дворянину не вступаться и ни в чем не ведать. Мирским людям вдовых священников в домах своих не держать; а кому из великих людей нужен домовый священник, тот бьет челом архиерею, и архиерей благословляет священника не вдового. Вдовым попам и иеромонахам отнюдь не давать благословения в мирских домах жить и службы церковные совершать, потому что в нынешнее время многие попы и дьяконы живут бесчинно и упиваются безмерным пьянством и церковные тайны действуют пьяные.

По четвертому предложению царя собор постановил посвящать священников в зарубежные места по требованию православных жителей. По пятому предложению: так как в присяге за всякое нарушение долга службы церковь грозит страшною клятвою, вечною смертию, а между тем многие люди грешат, особенно во всяких казенных сборах, и тем убивают себя вечною смертию, то великий государь изволил бы тем людям наложить свой указ, прещение и страх по градским законам. На осьмое предложение: которые монастыри окружены близко мирскими домами, те перенести на другое приличное место.

Девятое предложение: по великого государя указу в Москве о нищих рассмотрение учинено и велено их разобрать, странных и больных держать в особом месте со всяким довольством от государевой казны: так чтоб патриарх и все архиереи приказали также в городах устроить пристанище нищим, а ленивые, здоровые пристали бы к работе. Собор отвечал: да будет так. Относительно этого рассмотрения о нищих, о котором здесь говорится, сохранилось известие, что при царе Феодоре велено было построить две богадельни: одну в Знаменском монастыре, а другую на Гранатном дворе за Никитскими воротами, чтоб вперед по улицам бродящих и лежащих нищих не было.

Предложение десятое: чтоб нищие в церквах, во время церковного пения, милостыни не просили и тем в церкви стоящим христианам мятежа не чинили. Собор согласился. По предложению одиннадцатому собор постановил, чтоб на церковных землях, которые отданы под кладбища, духовенство изб, лавок и амбаров не строило. По двенадцатому: запрещено во время храмовых праздников к монастырским и приходским церквам припускать со всякими харчами и питьем. Предложение тринадцатое: многие монахи и монахини, не хотя быть у наставников своих под послушанием, отходят из монастырей и селятся в лесах, мало-помалу прибирают к себе таких же непослушников и устрояют часовни, служат молебны, а потом бьют челом архиереям о грамотах

на построение церквей на тех местах, которые называют пустынями, и в пустынях этих церковное пение отправляют не по исправным книгам, вследствие чего приходят к ним многие люди, селятся вблизи и считают их страдальцами: от этого возрастает на св. церковь противление. Собор отвечал челобитьем, чтоб великий государь своих грамот о строении вновь пустынь отпускать не указал; они, архиереи, переведут эти пустыни в монастыри, а на их местах устроят приходские церкви. Предложение четырнадцатое: на Москве всяких чинов люди пишут в тетрадях и на листах, и в столбцах выписки, будто бы из книг божественного писания, и продают у Спасских ворот и в других местах, и в этих письмах является многая ложь, а простолюдины, не ведая истинного писания, принимают за истину и в том согрешают, особенно же вырастает отсюда на св. церковь противление. Собор отвечал, что для искоренения этого пусть государь укажет приставить особого человека, а патриарх также изберет особого человека из духовных; виновных в распространении таких сочинений приводить в патриарший приказ и чинить смирение, а на помощь выборным людям давать стрельцов. По пятнадцатому предложению постановлено: кто станет приносить книги прежних печатей, тем выдавать новоисправленные книги даром [213].

В то время когда правительство хлопотало, чтоб св церкви не было противления от раскола, пришли известия, что татарские мурзы, имея поместья и вотчины, населенные христианами, принуждают последних к магометанству. Поэтому в 1681 году издан был указ: об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, населенных христианами, а испоместить их иноверцами же, мордвою; если мурзы и татары крестятся, то оставить за ними прежних крестьян, и давать им еще жалованье, да и мордве сказать, чтоб они крестились все, за что во всяких податях получат льготы на шесть лет [214]. В феврале 1682 года подьячие и приставы ездили по татарским деревням и объявляли мурзам и татарам, их женам, вдовам, недорослям и девкам указ государев, чтоб они упрямство свое отложили, во св. веру греческого закона крестились и били челом государю о поместьях своих и вотчинах до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитен о поместьях и вотчинах не подадут, у тех поместья и вотчины и всякие угодья будут отняты и розданы тем мурзам и татарам, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля [215].

Касательно областного управления, в 1679 году отменены были горододельцы, сыщики, губные старосты, ямские прикащики, осадные, пушкарские, засечные и житничные головы и присылавшиеся из Москвы сборщики; все их дела велено ведать воеводам, чтоб вперед градским и уездным лю-

дям в кормах лишней тягости не было[216]. В следующем году нашли неудобным постановление царя Алексея о переносе дел из одного города в другой по подозрению на воеводу и отменили его[217]. На первом плане по-прежнему стояли денежные сборы: ни одного года города и уезды не выплатили денег за стрелецкий хлеб, по 2 рубля с четверти пашни, отговариваясь *пустотою*. В 1679 году бояре приговорили вместо стрелецких денег, данных, полоняничных, четвертных ямских, пищальных, малых ямщин и других мелких денежных доходов положить новый оклад, который должен идти на жалованье стрельцам. Но и тут на первый же год явились недоимки, воеводы пишут, что посадские люди и уездные крестьяне стоят на правеже, но и с правежа денег не платят за скудостию, за хлебным неурожаем, за разными неокладными доходами, за десятою и пятнадцатою деньгою, сбиравшимися вследствие турецкой войны, и бредут врознь в сибирские города. Велено прислать выборных в Москву и расспросить, отчего не платят? Выборные приехали и объявили, что платить никак нельзя сполна. Вследствие этого в 1681 году решено брать стрелецкие деньги по новому окладу, перед прежним с убавкою[218]. Эти стрелецкие деньги должны были собирать земские старосты с товарищами и высылать в Москву с целовальниками. Но вопрос не считали решенным, хотели принять какую-нибудь общую, решительную меру, и, чтоб взяться за дело получше, разузнать его пообстоятельнее, в декабре 1681 года вызвали в Москву выборных со всего государства, по два человека от каждого города, которые должны были привезти с собою окладные книги, чтобы узнать, сколько в городах и волостях лучших, середней статьи и младших людей, и по скольку человек в год бывает во всяких службах и податях. В том же 1681 году запрещено было по всей России отдавать на откуп таможни и кружечные дворы, велено им быть *на вере*[219].

Молодой царь как будто торопился важными мерами, предчувствуя близкую кончину. В то время как готовились к финансовому преобразованию, князь Вас. Вас. Голицын с выборными из разных чинов служилыми людьми, по царскому поручению, рассуждали о необходимых ратных преобразованиях. Но понятно, что с первою мыслию о серьезном войсковом преобразовании необходимо соединялась мысль об уничтожении местничества. Давно уже неудачные войны заставили признать несостоятельность русского войска и думать о преобразованиях: выписали иностранных офицеров и начали составлять русские полки с новым строем, с новыми названиями; но сейчас же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхом рубище мало помогает. Какого, в самом деле, успеха можно было ожидать на войне при таких условиях: назначут главного воеводу, наиболее способного;

к нему товарищей также способных, и сейчас же пойдут челобитья, что товарищам нельзя быть вместе с воеводою: надобно или отставить главного воеводу и на его место назначить неспособного, но старого боярина, отецкого сына, с которым вместе быть можно, или отставить товарищей, опять людей способных заменить неспособными, но такими, которым можно быть с главным воеводою. Единственный выход, к которому правительство начало прибегать со времен Грозного — это объявление перед походом «быть без мест», объявление, что сделанные для этого похода назначения не будут принимаемы в расчет при местнических столкновениях. При царях Михаиле и Алексее почти все походы были уже без мест, что необходимо приучало к мысли, что рано или поздно указ «быть *всегда* без мест», заменит повторение указа «быть без мест» перед каждым походом. Неизбежное распространение нового строя и на старые дворянские полки было естественным побуждением к изданию такого указа.

И турецкая война была ведена и кончилась не так, как бы хотелось; государство содержало более 150 000 одного великороссийского войска, но тягость этого содержания не выкупалась успехом. Мысль о войсковых преобразованиях поэтому необходимо должна была усилиться. Виднее всех бояр, доступнее всех новому по своей образованности и между тем членом одного из самых знатных родов был князь Вас. Вас. Голицын. Ему-то государь указал ведать ратные дела для лучшего своих ратей устроения и управления; и с ним у того дела быть выборным стольникам и генералам, стольникам же и полковникам рейтарским и пехотным, стряпчим, дворянам, жильцам, городовым дворянам и детям боярским. Эта, по-нашему, *комиссия* назначалась для того: «Ведомо великому государю учинилось, что в мимошедших воинских бранях, будучи на боях с государевыми ратными людьми, неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, которыми желали чинить поиски над государевыми ратными людьми; для этих-то новомышленных неприятельских хитростей надобно сделать в государских ратях рассмотрение и лучшее устроение, чтоб иметь им в воинские времена против неприятелей пристойную осторожность и охранение и чтоб прежде бывшее воинское устроение, которое показалось на боях не прибыльно, переменить на лучшее, а которые и прежнего устроения дела на боях с неприятелями имеются пристойны, и тем быть без перемены».

Выборные указали на военное устройство, которое, по их мнению, будет прибыльнее, а именно: расписать служилых людей по ротам, в ротмистры и поручики назначать из стольников, стряпчих, дворян и жильцов, изо всех родов и чинов с головы без перемены, чтоб были между собою без мест и без подбора, в каком чине великий государь быть укажет. Госу-

дарь согласился, составлены были списки ротмистрам и поручикам, но при этом выборные объявили: «По государеву указу они, выборные люди, братья их, дети и сродники написаны в ротмистры и поручики; а Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, Шеиных, Троекуровых, Лобановых-Ростовских, Ромодановских, и других родов в те чины никого теперь не написано, потому что за малыми летами в чины они не приказаны: так опасаются они, выборные люди, чтоб после от тех вышеписанных и от других родов не было им и родам их укоризны и попреку. И для совершенной в ратных, посольских и всяких делах прибыли и лучшего устроения указал бы великий государь всем боярам, окольничим, думным и ближним людям и всем чинам быть на Москве в приказах и полках у ратных, посольских и всяких дел и в городах между собою без мест, где кому великий государь укажет, и вперед никому ни с кем разрядом и местами не считаться, разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы вперед от тех случаев в ратных и всяких делах помешки не было».

Голицын доложил государю об этом челобитье выборных людей. 12 января 1682 года Феодор назначил чрезвычайное *сиденье* с боярами, к которому были приглашены патриарх, архиереи и выборные начальники монастырей. Заседание открылось чтением челобитья выборных людей; когда чтение окончилось, начал говорить царь: он распространился о своих обязанностях следовать во всем закону и примеру Христа, заповедующего любовь, потом перешел к делу: «Злокозненный плевосеятель и супостат общий дьявол, видя от такого славного ратоборства христианским народам тишину и мирное устроение, а неприятелем христианским озлобление и искоренение, всеял в незлобивые сердца славных ратоборцев местные случаи, от которых в прежние времена в ратных, посольских и всяких делах происходила великая пагуба, а ратным людям от неприятелей великое умаление. Наша царская держава, рассмотря, как вредит это местничество благословенной любви, как искореняет мир и братское соединение, над неприятелем общий и пристойный промысл, разрушает усердие, особенно же как мерзко и ненавистно оно всевидящему оку, желаем, да божественный его промысл, мира и благоустроения виновник, своим всесильным повелением оное разрушающее любовь местничество разрушить изволит и от такового злокозньства разрозненные сердца в мирную и благословенную любовь соединить благоволит». Далее государь привел примеры деда своего и отца, которые уже заботились об искоренении местничества, упомянул и о собственных стараниях уничтожить зло; и заключил вопросом: «По нынешнему ли выборных людей челобитью всем разрядам и чинам быть без мест, или по-прежнему быть с местами?»

На этот вопрос отвечал патриарх сильною выходкою против местничества, от которого «аки от источника горчайшего вся злая и богу зело мерзкая и всем вашим царственным делам ко вредительному происходило, и благое начинание, яко возрастную пшеницу терние подавляло и до благополучного совершения к восприятию плодов благих не допускало, и не точию род, егда со иным родом за оное местничество многовременные злобы имел, но и в едином роде таковое ж враждование и ненависть содевались; и аще бы о всех тех противных случаях донести вашему царскому величеству, тоб от тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Аз же и со всем освященным собором не имеем никоея достойные похвалы принести великому вашему царскому намерению за премудрое ваше царское благоволение».

Царь обратился с вопросом к боярам, окольничим и думным людям; те отвечали, «чтоб великий государь указал учинить по прошению св. патриарха и архиереев, и всем им во всяких чинах быть без мест для того, что в прошлые годы во многих ратных, посольских и всяких делах чинились от тех случаев великие пакости, нестроения, разрушения, неприятелям радования, а между ними богопротивное дело — великие продолжительные вражды». После этого ответа государь велел принести разрядные книги и сказал: «Для совершенного искоренения и вечного забвения все эти просьбы о случаях и записки о местах изволяет предать огню, чтоб злоба эта совершенно погибла и вперед не поминалась, и соблазна бы и претыкания никто никакого не имел. У кого есть разрядные книги и записки, тот пусть присылает их в разряд, мы все их повелим предать огню. И от сего времени повелеваем боярам нашим и окольничим и думным и ближним и всяких чинов людям на Москве в приказах и у расправных и в полках у ратных и у посольских и всегда у всяких дел быть всем между собою без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять и никому ни над кем прежними находками не возноситься». На это все присутствующие отвечали: «Да погибнет во огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не воспомянется во веки!»

В передних дворцовых сенях разложили огонь и разрядные книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патриарх, обратясь к светским членам думы, сказал: «Начатое и совершенное дело впредь соблюдайте крепко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному делу воспрекословит каким-нибудь образом, тот бойся тяжкого церковного запрещения и государского гнева, как преобидник царского повеления и презиратель нашего благословения». Все присутствующие отвечали: «Да будет так!» Государь с

радостным лицом стал хвалить их за это и объявил, что им и потомству их на память велит в Разряде держать родословную книгу и в домах своих такие родословные книги могут они держать по-прежнему. В награду им он велит эту родословную книгу пополнить недостающими в ней именами, для чего велит взять у них росписи за руками. Которые княжеские и иные честные роды при предках его государевых и при нем были в честях, боярах, окольничих и думных людях, также и старые роды, которые хотя и не явились в честях, но с царствования Иоанна Васильевича и при его державе явились в посольствах, полках и городах воеводами и в иных знатных посылках и у него, великого государя, в близости, а в родословной книге имен их не написано, и те роды с явным свидетельством написать теперь в особую книгу. А которые роды в вышеписанных честях и в знатных посылках не были, а с царствования Михаила Феодоровича и при нем государе были в полковых воеводах и в послах и в посланниках и в знатных каких-нибудь посылках и в иных честных чинах и в десятнях (в войсковых списках) в первой статье написаны, и тех родов имена также написать в особую книгу со свидетельством. А которые в тех вышеписанных честных и знатных чинах не были, а в десятнях написаны в средней и в меньшей статьях, и тех имена написать в особую книгу. А кто из нижних чинов за службы отцов своих или за свои написаны в московские чины, и тех имена написать в особую же книгу по их росписям, и быть всем во всех чинах без мест [220].

Быть может, некоторые спросят: как же это вдруг сделалось? Легко, без всякого сопротивления отменен вековой обычай, отменен без малейшего сопротивления со стороны тех людей, которые шли в тюрьму и под кнут, отстаивая родовую честь? Отменен не железною волею Петра, но волею слабого, умирающего Феодора? На этот вопрос ответим вопросом же: что можно было возразить на слова царя и патриарха, порицавших местничество? Что можно было привести в защиту этого обычая? Всякий, *при случае,* считал своею обязанностию отстаивать родовую честь, идти для этого в тюрьму и под кнут, но при случае, когда он знал, что следствием этого случая будет бесчестье, позор и укоризны; так и в последнем случае служилых людей росписали по-новому в разные войсковые должности, и они бьют челом, что члены других родов в эти должности не назначены, так не было бы им от них после бесчестья и лучше всего уничтожить места. Все восставали *при случае,* но за местничество вообще, как за что-то полезное и нравственное, никому восстать было нельзя. Восстали с неопреодолимым упорством за старые книги, но потому, что по ним молились отцы и деды, по ним спасались святые угодники и потому что авторитет нововводителей был заподозрен; но нельзя было отстаивать местничество за то

только, что предки из-за него вовлекались в богоненавистное, дьявольское дело, во вражду. Но если так, если местничество само в себе ни в чьих глазах не могло иметь никакого оправдания, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвечать легко: для всего в истории есть свое время. Вековой, окрепший обычай, коренившийся в господствующей форме частного союза, форме родовой, должен был существовать до тех пор, пока не столкнулся с новою высшею государственною и народною потребностию, войсковым преобразованием, пока это столкновение не выказало вреда его очевидным для всех образом. Местничество могло быть уничтожено только в то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причем корни всех вековых обычаев необходимо должны были расшататься и вырвать их стало уже легко. Деду и отцу Голицына конечно не приходило в голову, что внук и сын их доложит царю челобитье служилых людей об уничтожении местничества. Местничество зашаталось и рушилось вследствие общего колебания всего древнего строя, вследствие поворота к чужому, западному — это очевидно; во сколько уничтожению местничества содействовало ослабление родового союза — этого подметить нельзя; ясно обратное действие: уничтожение местничества нанесло сильный удар родовому союзу в верхних слоях, удар, равный тому, какой в низших слоях нанесен был родовому союзу подушным окладом.

В подобные эпохи, какую мы теперь описываем, такое важное дело, как уничтожение местничества, не могло стоять одиноко. Отстранивши местничество, как препятствие лучшему устроению рати, успехам ее против неприятелей, собственно для той же цели должны были придти к мысли, как бы покончить с отжившим дружинным началом. До сих пор служилое сословие, несмотря на разные перемены в его судьбе, в отношениях его к государю и земле, сохраняло еще основной характер дружины, войска. Боярин, окольничий, думный дворянин, спальник, стольник, стряпчий и т. д. были ратные люди, которые могли по временам занимать гражданские должности, имея в виду преимущественно кормление, но при первом требовании садились на коня и спешили в войско. Легко понять, как сильно выставилась невыгода такого порядка вещей при возбуждении вопроса о войсковом преобразовании, о необходимости постоянного войска, постоянных воевод. Но если одни из знатных лиц, наиболее к тому способные, должны быть постоянно воеводами, то очевидно, что другие, по этому самому, должны будут постоянно занимать гражданские должности. И вот при том же государе, при котором уничтожено местничество, составлен был проект об отделении высших гражданских чинов и должностей от военных — знак, что Россия начала уже выдвигаться

из числа государств с первоначальною, простою формациею. По этому проекту о чинах первую степень занимает сановник гражданский — болярин, предстатель и рассмотритель над всеми судиями царствующего града Москвы, который вместе с двенадцатью заседателями из бояр и думных людей должен постоянно пребывать в устроеннной к тому палате и ведать, чтобы всякий судья исполнял царского величества повеление и гражданский суд правильно и рассудительно. Вторую степень занимает сановник военный — болярин и дворовый воевода, который во время похода должен быть при государе, охранять последнего, но, кроме того, промышлять о всяких воинских околичностях, т. е. о смете ратям, устроении и приготовлении оружия и всяких хлебных и военных запасов. Третью степень занимает опять сановник гражданский — болярин и наместник владимирский, имеющий первое место между наместниками, заседающими в совете государственных дел. Четвертую степень занимает военный сановник — болярин и воевода Северского разряда, имеющий постоянное пребывание в Севске: он оберегает польскую (степную) Украйну, имеет у себя многих воевод и ратных людей всегда в готовности к отпору неприятеля. Пятая степень — болярин и наместник новгородский: занимает второе место между титулярными наместниками в государственном совете. Шестая степень — болярин и воевода Владимирского разряда: всегда пребывает во Владимире, устраивает рати конные и пешие, всегда пребывает во всяком воинском приуготовлении и, получив государское повеление, идет против неприятеля с своим разрядом куда потребуется. Седьмая степень — болярин и наместник казанский и т. д. Сохранилось любопытное известие, почему этот проект не был приведен в исполнение: «Советовали государю палатные бояре, чтоб в его царской державе, в Великом Новгороде, в Казани, в Астрахани, в Сибири и других местах быть царским наместникам великородным боляром вечно и титла им тех царств иметь. Также и митрополитам писаться: митрополит новгородский и всего Помория, казанский и всего Казанского царства. И на сие дело государь изволил и тому всему, где кому быть, тетрадь за пометою думного дьяка к св. патриарху прислана, чтоб он на то дело дал благословение и в исполнении его помогал. Иоаким патриарх еще и многую трудность имел от желающих этого палатских подустителей, но никак не допустил и возбранил всеконечно это делать, для того чтоб учиненные вечные наместники великородные люди по прошествии нескольких лет, обогатясь и пренебрегши московских царей самодержавством, не отступили и единовластия не разорили»[221].

Наконец в последнее время царствования Феодорова составлен был проект высшего училища или академии. При той

потребности учиться, которую так живо чувствовали в XVII веке лучшие русские люди наверху стоящие, следовательно, самые влиятельные, можно только удивляться сначала, почему этот проект явился так поздно и почему давно не был приведен в исполнение. Но удивлению не будет места, когда зададим себе вопрос. откуда было взять учителей, когда вспомним, какие были следствия призвания чужих учителей в Москву в царствование Алексея. Надобно было ожидать, что постараются устранить затруднения в царствование образованного Феодора, ученика Симеона Полоцкого; но в первые годы этого царствования было не до школ по малолетству царя, по придворным отношениям и вследствие тяжелой турецкой войны, поглощавшей все внимание. Но когда вздохнули свободнее при открывшихся мирных переговорах с Крымом и Турциею, тогда пошла сильная внутренняя деятельность, стали думать и об академии. Говорят, что возвращение с Востока монаха Тимофея, сильно тронувшего царя рассказом о бедствиях греческой церкви и о печальном состоянии в ней науки, столь необходимой для поддержки православия, было поводом к устройству небольшого училища для 30 учеников при типографии; Тимофей был сделан его начальником, отыскали в Москве двух греков, которые могли учить своему языку. Но этим училищем не хотели довольствоваться, думали об академии, послали к вселенским патриархам просить учителей, испытанных в православии, а между тем заготовили грамоту царскую, или привилегию, очень важную для нас потому, что здесь объясняется характер желаемого учреждения и с тем вместе объясняется положение тогдашнего русского общества, преимущественно русской церкви в отношении к призываемой науке.

В начале грамоты царь говорит, что он, вступив на престол юношею, подобно Соломону, ни о чем не хочет так заботиться, как о мудрости, царских должностей родительнице и всяких благ изобретательнице и совершительнице, с которою все блага от бога людям даруются. Как Соломон устроил семь училищ, так и он, царь Феодор, подражая Соломону и древним греческим царям благочестивым, намерен устроить в Заиконоспасском монастыре храмы чином академии «и в оных семена мудрости, т. е. науки гражданские и духовные, начиная от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и правной, даже, до богословия, учащей вещей божественных и совести очищения постановить. При том же и учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам, ими же целость академии, сиречь училищ, составляется быти».

На содержание блюстителя этой академии и учителей даны монастыри: Спаса в Китае-городе близ Неглинных ворот (Заиконоспасский), Иоанна Богослова в уезде Перея-

славля Рязанского, ибо Иоанн Богослов почерпнул мудрость небесную от источника премудрости, Андреевский на Москве-реке, ибо этот монастырь основан Ртищевым для ученого братства, монастырь Данилов также на Москве-реке для пребывания приходящим из-за границы ученым людям, и еще четыре монастыря со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями; кроме того, царь от себя дал Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей в разных местах Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикам. Блюститель и учителя должны быть благочестивые и от благочестивых родителей рожденные и воспитанные в православной восточной вере российского и греческого народа, но из греков могут быть допущены только те, которые принесут от вселенских патриархов достоверное свидетельство о крепком утверждении своем в восточной вере, кроме того, и в России они будут крепко в вере свидетельствованы, дабы кто-нибудь из них не сделал того же, что некогда сделал еретик Исидор, российский митрополит. Новообращенные из римской веры, также из лютерской, кальвинской и других ересей не допускаются в блюстители и учители, потому что они привыкли злохитростным образом тайно ереси свои мало-помалу в учеников вкоренять. Приедут из Литвы, Малороссии и других стран ученые люди и станут искать места блюстительского или учительского, выставляя свое благочестие, то словам их не верить без свидетельства достоверных благочестивых людей и не ставить их в блюстители и учители, если бы даже кто из них и на письме правду веры нашей восточной утверждал, а неправды римлян, лютеров и кальвин обличал и укорял: потому что прелестники сначала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестию ревнителями крепкими, а потом мало-помалу развратные слова всевают и непорочную целость веры нашей терзать начинают. Блюститель и учителя должны целовать крест, что будут крепко и нерушимо содержать православную веру, охранять и защищать ее от всяких других вер и ересей. В случае нарушения клятвы будут наказаны по вине и лишены чина своего учительского, а за хулу на православную веру будут сожжены без всякого милосердия; если и покается, будет наказан и лишен чина учительского. В академию допускаются люди всех сословий и возрастов. Преподавание обнимает все незапрещенные церковью науки; особенно запрещена магия естественная, и учителей подобной науки вместе с учениками сожигать. Никто не смеет держать домашних учителей иностранных языков, но пусть, если хочет, посылает детей своих в академию, в единое общее училище, ибо от домашних учителей, особенно иностранных и иноверных, могут быть принесены противность нашей вере и разногласие. Если на учениках академии объявятся долги

или иные какие вины, кроме убийственных и других великих дел, то их нельзя подвергать суду до тех пор, пока не выйдут из училища, чтоб не препятствовать науке. Судят их блюститель с учителями; в случаях уголовных их берут на суд общий, но не без ведома блюстителя. Если блюститель сам будет заподозрен в каком-нибудь преступлении, то судится учителями, учитель судится блюстителем и учителями. Учителя не могут быть принимаемы ни в какую другую службу без ведома блюстителя и учителей; за долговременную и ревностную службу учители получают пенсии. Если некоторые люботрудные отроки, сего драгоценнейшего сокровища, т. е. мудрости по грамматической хитрости и прочих наук свободных, как из недр земных злата, из различных диалектов писаний, особенно же словенского, эллино-греческого, польского и латинского, будут стараться изыскивать прилежно, то им, за их в науках успехи, засвидетельствованные блюстителем и учителями, от великого государя будет достойное мздовоздаяние; а по окончании свободных учений будут пожалованы в приличные разуму их чины и получат за мудрость свою особенное царское щедрое милосердие. Не научившихся свободным наукам в государские чины, в стольники, стряпчие и другие не допускать никого, кроме благородных; из неблагородных допускаются в эти чины только за учение и за явные на войне и в других государственных делах заслуги. Все ученые иностранцы, приезжающие в Россию, подвергаются испытанию в академии, и только вследствие одобрения ее принимаются в службу, не получившие же одобрения изгоняются из государства. Академия должна блюсти за тем, чтоб в вере противностей, распрей и раздоров не являлось от противномыслящих православной вере. Блюститель должен доносить царю о таких противниках и последним правительство не даст состязаться с блюстителем и учителями в вере и церковных преданиях. Список именам всех новообращенных в православие должен быть отдан блюстителю, который наблюдает за их поведением, и если кто из них пошатнется в новом исповедании, таких ссылать в дальние города, на Терек и в Сибирь. Блюститель и учителя должны также усердно заботиться о том, чтоб всякого чина духовные и мирские люди волшебных, чародейных, гадательных и всяких церковию запрещенных богохульных и богоненавистных книг и писаний у себя не держали, по ним не действовали и других тому не учили. Людям неученым польских, латинских, немецких, лютерских и кальвинских и прочих еретических книг у себя в домах не держать; не читать их за неимением довольного рассуждения и чтоб не было сомнений в нашей вере; нигде никому не иметь споров по этим книгам и не представлять предлогов; есть такой обычай у прелестников: заведут спор, да и скажут, что они это делают не потому, что сомне-

ваются в вере и церковных преданиях, но просто для наукотворного состязания. Такие еретические книги жечь или приносить к блюстителю и учителям. Если какой-нибудь иностранец или русский обвинен будет в хуле на православную веру, то отдается на суд блюстителю и учителям, и если обвинение окажется справедливым, то преступник подвергается сожжению. Если какой-нибудь пришлец был прежде восточной веры, а потом примет веру римскую или лютерскую, кальвинскую или другую какую-нибудь ересь, такой должен быть предан сожжению; если же кто-нибудь прежде был римской веры, а потом принял лютерскую, такой должен быть наказан градским судом и сослан в ссылку. Государственная вивлиофика навеки предается в сохранение блюстителю училищ и учителям. Издержки построения училища принимает на себя казна [222].

Из этой любопытной привилегии мы всего яснее можем видеть господствующий взгляд времени на науку, на училище. Необходимость науки, училища сознана, сознана в интересах церкви; училище свободных наук устраивается для поддержки православия, которое не находит для себя этой поддержки на Востоке. Но здесь надобно поступать с величайшею осторожностию, ибо наука, училище, учителя вместо поддержки православию могут нанести ему удар, надобно, следовательно, набрать учителей испытанного православия, и за учителями обращаются к вселенским патриархам, главным блюстителям православия. Но этого мало: православие окружено опасностями, люди, враждебные ему, люди римской лютерской и кальвинской веры беспрестанно являются в Москву, их много в службе великого государя, прелестники будут действовать против православия, не разбирая средств, православию нужно бороться с ними неусыпно, и главным орудием для этой борьбы будет академия. Она уполномочена следить за всеми движениями врагов, и бить всполох при первой опасности. Московская академия по проекту царя Феодора — это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал: произнесут блюстители с учителями слова: «Виновен в неправославии», — и костер запылает для преступника. И при царе Феодоре, как после при брате его Петре, наука призывалась с практическою целию: разница в том, что при Феодоре она призывалась преимущественно на служение церкви, а при Петре — на служение государству.

И проект финансового преобразования, и проект отделения гражданских должностей от военных, и проект академии остались только проектами; 11 июля 1681 года у Феодора родился сын, царевич Илья; но всемирная радость, по тогдаш-

нему выражению, была непродолжительна: царица Агафия умерла родами (14 июля). Польский автор не раз уже приводимого описания московской смуты 1682 года очень лестно отзывается о покойной царице, говорит, что она, будучи польского происхождения, много добра принесла царству Московскому, уговорив мужа снять позорные женские охабни, которые должны были носить ратные люди, бежавшие с поля сражения; по ее влиянию начали в Москве волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы польские и латинские закладывать, велено вынести из церквей образа, которые каждый прихожанин приносил и считал своими, перед ними исключительно молился и зажигал свечи, а другим не позволял. Эти поступки, продолжает автор, хвалили люди, принадлежавшие к партии царя Феодора, напротив порицали приверженцы Матвеева, говоря, что царь скоро введет ляцкую веру, и, женясь на польке, будет также вести себя, как Дмитрий Самозванец, женившись на Марине Мнишек.

Царевич Илья через шесть дней последовал за матерью в могилу. Начали думать о втором браке. Конечно, не без влияния Языкова, царь женился на свойственнице его[223], Марфе Матвеевне Апраксиной, девушке незнатного происхождения (14 февраля 1682 года), но через два месяца с половиною после этого брака, 27 апреля, Феодор скончался на двадцать первом году от рождения.

Возмужание царя, устранение Милославских, приближение Языкова, Лихачевых, а потом Апраксиных должны были иметь влияние на судьбу двух знаменитых деятелей прежнего царствования, Никона и Матвеева. Мы оставили Никона в монастыре Кирилла Белозерского, где он был гораздо более стеснен, чем в Ферапонтове. Но в Москве и в самом дворце нашлась у него сильная заступница: то была тетка царская, Татьяна Михайловна, старшая летами из особ царского семейства, благочестивая и тем более влиятельная. Царевна Татьяна была всегда привязана к Никону, и теперь, воспользовавшись обстоятельствами, ослаблением влияния Милославских и Хитрово, начала внушать племяннику, как нехорошо с его стороны мучить в тесном заключении человека, оказавшего такие важные услуги всем им во время морового поветрия. Понятно, что в природе и в памяти Феодора царевна не могла найти сопротивления своим намерениям. По ее указанию, государь начал ездить в недостроенный Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), пленился местоположением, величественным, затейливым планом и не щадил издержек для довершения построек. Естественно, что в местах, где все напоминало Никона, а напоминало только с хорошей стороны, царь не мог забыть о нем. Он предложил патриарху перевести Никона в Воскресенский монастырь,

но встретил в Иоакиме сильное сопротивление. Иоаким, очень ревнивый к своей власти и вследствие этой ревности имевший врагов, не мог допустить в соседство к Москве, к царю человека, продолжавшего называть себя патриархом, способного иногда смиряться при ударе, но сейчас же готового поднять голову, как только гроза миновала. Нельзя не вспомнить о слухах, ходивших между современниками, перешедших и к потомкам, которые не считали их вздорными. Есть известие, что Симеон Полоцкий, не уживавшийся с Иоакимом, хотел употребить Никона орудием для его удаления и уговаривал своего царственного ученика установить в России четырех патриархов на местах четырех митрополитов, в Новгороде, Казани, Ростове и Крутицах, послать Иоакима патриархом в Новгород, а Никона возвратить в Москву и назвать папою [224]. Каких слухов ни распространяли тогда и каким слухам ни верили? Но и без подобных слухов Иоаким имел сильные причины не желать возвращения Никона в Воскресенский монастырь, а отказ дать свое согласие на это мог быть выражен очень благовидным образом: «Свержен он не нами, а великим собором и вселенскими патриархами: мы не можем возвратить его без их ведома; впрочем, государь, буди твоя воля», — говорил Иоаким царю. Созван был собор для решения этого дела, но собор ничего не решил; председатель собора был против, да и между другими отцами не легко было найти приверженцев Никона. Царю осталось утешить заточника собственноручным письмом.

Между тем Никон стал изнемогать. Кирилловский архимандрит известил патриарха, что заточник при смерти, принял схиму, освящен елеем; архимандрит испрашивал особых распоряжений насчет похорон, где положить, как поминать? Иоаким велел похоронить как простого монаха. Но Никон и на смертном одре не считал себя простым монахом, не думал отказываться от патриаршества. В последнем письме своем к братии Воскресенского монастыря он называет себя патриархом; в этом письме Никон уведомляет о своей тяжкой болезни, приковавшей его к постели: «А милость великого государя была, что хотел меня из бедности взять, по вашему челобитью, и писал жаловал своею рукою, а ныне то время совершилось, а его милостивого указу нет, умереть мне будет внезапу. Пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости: побейте челом еще о мне великому государю, не дайте мне напрасною смертию погинуть, моего житья конец приходит». Воскресенские монахи подали это письмо государю; он показал его патриарху, другим архиереям, умоляя их согласиться на переведение умирающего. Наконец согласились. Никона взяли из Кириллова монастыря, с большим трудом довезли до реки Шексны, где посадили на струг и повезли Шексною, а потом Волгою к Ярославлю. Когда доплыли до Толгского

монастыря, Никон, чувствуя крайнее изнеможение, велел пристать к берегу и приобщился. После этого струг был введен из Волги в реку Которост: здесь Никон умер 17 августа 1681 года, 75 лет от рождения. Тело привезли в Воскресенский монастырь, где похоронили с большим торжеством, в присутствии царя.

Конечно, не плачевные челобитные и ловкие оправдания Матвеева, а перемены придворных отношений были причиною тому, что участь и пустозерских заточников в одно время с участью Никона, именно в 1680 году, была облегчена: их перевели в Мезень. Облегчение было не очень велико, если судить по новым жалобам Матвеева: «А и на Мезень велено нас переволочь от Пустозерского и горькослезного места, от моря к тому же пустому морю, за тою ж теснотою и стражею темничною, — писал Матвеев государю, — а и на Мезени нам тунедателей нет; жалованья дано 150 рублей, и того будет на день нам и сиротам нашим по три денежки, а на одежду нам твоего государевого милостивого указа нет. А и противникам церковным, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена и дети, и тем жалованья на день по грошу на человека, а на малых по три денежки, а мы не противники ни церкви, ни вашему царскому повелению; плачу, что ветхий сединою, древен работами сверстан кормом с единолетним». В конце 1681 года царь Феодор помолвлен на Апраксиной, которая, как говорят[225], была крестница Матвеева. Первым делом невесты царской было — бить челом жениху о крестном, и в первых числах января 1682 года в Мезень приехал капитан Лишуков с указом объявить Матвееву и сыну его, что царское величество, рассмотря их невинность и бывшее на них ложное оклеветание и милосердуя о них, указал их из-за пристава освободить, московский их двор, подмосковные и другие вотчины и пожитки, оставшиеся за раздачею и продажею, возвратить, сверх того пожаловал им государь новую вотчину в Суздальском уезде село Верхний Ландех с деревнями 800 дворов крестьянских, и указал отпустить их из Мезени в город Лух, где ждать им нового указа. Но этого указа они уже не дождались от Феодора[226].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОСКОВСКАЯ СМУТА 1682 ГОДА

Побуждение к избранию в цари Петра мимо Иоанна. — Партия Иоанна и ее движения. — Сцены на погребении царя Феодора. — Волнения стрельцов и солдат. — Слабость правительства и разнузданность стрельцов. — Заговор Милославского. — Приезд Матвеева. — Стрелецкий бунт. — Двоевластие и правление Софьи. — Неловкое положение стрельцов. — Столп на Красной площади для оправдания бунта. — Движение раскольников. — Хованский их поддерживает. — Раскольничья смута 5 июля. — Стрельцы отстают от раскольников и дело последних проиграно. — Продолжение стрелецких волнений. — Отъезд двора из Москвы. — Казнь Хованских. — Призыв дворянского ополчения. — Волнения и ужас стрельцов и солдат. — Они просят помилования у царей. — Условия помилования. — Стрельцы признают себя бунтовщиками. — Уничтожение столпа на Красной площади. — Возвращение двора в Москву. — Шакловитый — начальник Стрелецкого приказа, его твердость. — Меры против следствий мятежа. — Смуты в Малороссии и на Дону. — Удаление опасных стрельцов из Москвы.

Рассказывают[227], что молодая жена царя Феодора, Марфа Матвеевна, употребила все старания, чтоб сблизить своего мужа с мачехою и детьми ее, с которыми у него до сих пор продолжались *неукротимые* несогласия. Царица успела в своем деле; мы видели, что она успела также выхлопотать перевод Матвеева из Мезени в Лух, но не в Москву! Вместе с царицею Марфою за царицу Наталью, за Нарышкиных и Матвеева хлопотали сильно Апраксины, Языков, Лихачевы. Но почему же Языков и Лихачевы так поздно начали хлопотать? Они могли сделать это гораздо раньше. Дело в том, что раньше не было нужды: большая сила была в руках Языкова и Лихачевых, зачем же ею с кем-нибудь делиться? Царь Феодор еще не был очень слаб и была надежда на потомство от него. Но вот царица и новорожденный царевич умирают, царь женится в другой раз, но это отчаянное средство не помогает: Феодор день ото дня становится слабее. Языкову, «глубокому московских прежде площадных, потом и дворских обхождений проникателю», нужно стало позаботиться

о будущем. После Феодора наследниками останутся два брата: Иоанн, больной, слепой, слабоумный, и Петр, здоровый, живой, даровитый десятилетний мальчик. Стать за Иоанна — какое будущее? Много нацарствовал Феодор? Но Феодор еще не всегда нуждался в опеке, а за Иоанна постоянно должны управлять другие; кто же будет управлять? Царевна Софья с Милославскими? Значит Языкову и Лихачевым надобно готовиться в путь еще подальше Пустозерска, за Камень, ибо Милославские не забудут, что у них была отнята власть Языковым и Лихачевыми. А с Нарышкиными и Матвеевым сблизиться легко, содействуя их возвращению, тем более что старой вражды не было.

Большинство знати должно было разделять взгляд Языкова и Лихачевых относительно престолонаследия. Стать за неспособного и недолговечного Иоанна значило накликать смуту на себя и на землю, и кому из знати охота повиноваться Милославским или тем, кого возьмет к себе в советники царевна Софья? Матвеев же перебивал во дворце дорогу Милославским и Хитрово, но всегда почитал знатных людей. И надобно заметить, что большинство этой знати состояло из людей или уже совершенно одряхлевших, или неспособных к видной деятельности, и потому довольных, если им будет почет по их роду. Двое из старинной знати: князь Василий Васильевич Голицын и князь Иван Андреевич Хованский, выделялись из ряда, не были приверженцами Петра. Можно думать, что уже и тогда князь Голицын был соединен с царевною Софьею сердечным союзом и при ее торжестве с восшествием на престол Иоанна мог подняться и играть первенствующую роль. Князь Хованский, знаменитый (преимущественно своими поражениями и жалобами на него подчиненных [228]) воевода царя Алексея, человек энергический, смелый, но без рассудительности, природа порывистая, беспокойная, заносящаяся, верно очерченная в народном прозвище *Тараруй*. Член рода знатного, но долго не отличавшегося почетом служебным, Хованский тем сильнее превозносился своим происхождением от Гедимина, резче других высказывался против новых людей, которых так много явилось в последнее время; приверженец старины во всем, Хованский был сильно недоволен этим временем Нащокиных, Матвеевых, Языковых, Лихачевых, Нарышкиных, Апраксиных, и с нетерпением ждал времени, когда все эти ненавистные для него люди исчезнут и ему можно будет наконец получить достойную его деятельность. Кто даст ему эту деятельность, к тому он и примкнет. От Нарышкиных и Матвеева Хованский не ждал ничего хорошего для себя, а следовательно, и для России, и потому он не был приверженцем Петра.

Таким образом, царевны, дочери Милославской и представительница их Софья, не могли ждать себе подпоры в членах

думы. А между тем положение их было отчаянное: в начале царствования Феодора они воспользовались своим торжеством и не пощадили мачехи, ее родных и воспитателя: чего же ждать им теперь хорошего от торжества царицы Натальи, Нарышкиных, Матвеева? Софья и человек, которого интересы были сильно связаны с ее интересами, боярин Иван Михайлович Милославский, действуют по инстинкту самосохранения. Орудиями их являются родственники и люди молодые, т. е. незначительные: стольники — Александр Милославский, братья Толстые — Иван и Петр Андреевичи (племянники Ив. Милославскому), два стрелецкие подполковника — Иван Цыклер из иноземцев и Иван Озеров, да выборные стрельцы: Борис Одинцов, Абросим Петров, Кузьма Чермный[229]. Деньгами, богатыми обещаниями им удалось набрать толпу людей, готовых отстаивать права старшего царевича на престол.

В таком положении были дела, когда разнеслась весть о кончине царя Феодора. Вельможи, твердо решившиеся провозгласить Петра, знали или догадывались о движениях Милославского, и потому думали, что при этом провозглашении может быть дело дойдет и до ножей. Дядька царевича Петра, князь Борис Алексеевич Голицын с братом Иваном и четверо Долгоруких — Яков, Лука, Борис и Григорий, отправляясь во дворец на царское избрание, поддели под платье панцири. На этот раз, однако, дело обошлось без смуты. Когда все, по обряду, простились с покойным царем и потом одинаково целовали руки у обоих оставшихся братьев его, Иоанна и Петра, патриарх с архиереями и вельможами вышел в переднюю и спросил: кто же из двух царевичей будет царем? Присутствующие отвечали, что этот вопрос должен быть решен всех чинов людьми Московского государства. Под Московским государством, в тесном смысле, разумели обыкновенно один царствующий град: так по крайней мере было понятно тут. Патриарх с архиереями и вельможами вышел на крыльцо, велел всяких чинов людям собраться на площади перед церковию Спаса и спросил, кому из двоих царевичей быть на царстве? Раздались крики «Петру Алексеевичу!» Раздались и другие крики: «Иоанну Алексеевичу!» — но были заглушены. Всех чинов люди решили дело: патриарх возвратился во дворец и благословил на царство Петра.

Но кто же и по каким побуждениям кричал за Иоанна? Современники[230] сохранили имя одного из этих крикунов, дворянина Максима Сумбулова, и рассказывали следующее о позднейшей встрече его с Петром. Однажды Петр, будучи у обедни в Чудове монастыре, заметил, что один монах не подошел к антидору; царю показалось это странным, он спросил, кто этот монах и получил в ответ, что Сумбулов. Петр подозвал монаха и спросил, отчего он не подошел к анти-

дору? «Не посмел пройти мимо тебя и поднять на тебя глаза», — был ответ. Петр велел ему идти к антидору, и потом, подозвавши опять к себе, спросил: «Отчего я тебе при выборе на царство не показался?» Монах отвечал: «Иуда за тридцать сребренников продал Христа, будучи его учеником; а я твоим, государь, учеником никогда не бывал: то диво ли, что я тебя продал, будучи мелким дворянином, за боярство» [231]?

Сумбулов с товарищами не успели выкрикнуть Иоанна. Петр был провозглашен царем, т. е. правление государством, по известному обычаю, против которого никто не спорил, переходило к матери его, царице Наталье. Ненавистная мачеха будет правительницею — эта мысль душила Софью; она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь. В день погребения царя Феодора она удивила всех, пошедши за гробом в собор, вопреки обычаю, не допускавшему царевен участвовать в подобных церемониях. Напрасно отговаривали ее, представляли, что не годится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорят, обратила на себя внимание народа страшным воплем. Горе Софьи было непритворное; не притворялись, не сдерживали себя и с другой стороны: царица Наталья и царь Петр, простившись с покойником, возвратились во дворец задолго до окончания службы, за ними последовали и некоторые вельможи. Легко поверим известию, что этот поступок произвел сильное негодование на половине царевен, из которых Анна и Татьяна Михайловны, как тетки царские, пользовались особенным уважением. Они отправили монахинь к царице Наталье с выговором: «Хорош брат: не мог дождаться конца погребения!» Царица отвечала, что Петр еще ребенок, не мог выстоять такой долгой службы не евши, а брат царицын, Иван Кириллович Нарышкин, недавно возвращенный из ссылки, сказал: «Кто умер, тот пусть и лежит, а царское величество не умирал, жив». Погребение кончилось; Софья возвратилась во дворец, и рассказывали, будто она, идя из собора и горько плача, обращалась к народу с такими словами: «Видите, как брат наш царь Феодор неожиданно отошел с сего света, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь над нами сиротами, нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата; старший брат наш Иван не выбран на царство; а если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским». Слова эти произвели сильное впечатление на народ [232].

Но как бы ни сильно было это впечатление, рассчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому обратились к стрельцам, уже подготовленным к движению. Мы знаем, что в то время, когда сильный, облеченный вла-

стию человек стремился прежде всего кормиться на счет слабого, подчиненного, употреблять его на свою личную службу, жалобы приходили не от одних посадских, притесняемых воеводами, но и от служилых людей, притесняемых своими воеводами, и потому нам нисколько не будет удивительно, что и стрельцы, и солдаты, в конце царствования Феодора, жаловались на притеснения того или другого из своих полковников. Для стрельцов притеснения были очень чувствительны, потому что они в свободное от службы время жили с семействами, своими домами, в особых слободах и занимались выгодными промыслами: главная жалоба их на некоторых полковников состояла в том, что они занимали их своими работами и таким образом отрывали от промыслов. Время было такое в конце царствования Феодора, что и полковники могли разнуздаться больше прежнего, и стрельцы могли своевольничать. Смотря на общее направление правительственной деятельности, мы не можем отказать в смысле и благонамеренности людям близким к царю, Языкову, Лихачевым. Но мы ни из чего не можем заключить, чтоб эти люди обладали особенными талантами, особенною твердостию характера, столь необходимого для поддержания порядка, во всех частях управления: и восхвалители Языкова выставляют прежде всего его придворную ловкость и хитрость, а хитрость — орудие слабого; притом же в последнее время царя Феодора, когда царь видимо угасал, Языкову с товарищи надобно было заботиться прежде всего о самих себе. До какой степени были слабы духом остальные придворные, от ближнего боярина до стольника, стряпчего и жильца, все эти прирожденные воины, прирожденные воеводы, всего лучше покажет нам постыдное поведение их при стрелецком бунте; здесь всего лучше высказалась несостоятельность старинного дружинно-придворного устройства и необходимость преобразований. Безопасность и порядок в столице основывались на стрельцах, а Стрелецкий приказ был в ведении старого боярина, князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Мы встречались нередко с Долгоруким, как с одним из самых видных воевод царя Алексея и одним из самых близких к нему людей; но теперь князь Юрий уже был развалина от старости и паралича; сын его и товарищ по приказу, князь Михайла, не был способен заставить уважать себя, и вот полковники притесняют, а стрельцы волнуются, не чувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать неправду и волнения.

Стрельцы полку Пыжова всем приказом били челом государю на полковника своего Богдана Пыжова, что он вычитал у них по половине денежного жалованья; царь велел разыскать дело Языкову. Говорят, что Языков сделал розыск несправедливый, поверил полковникам [233]. Не знаем, во сколько мы должны верить показанию человека, который, по привя-

занности к Софье и Милославским, мог быть враждебен Языкову, но вспомним, что для Языкова, «глубокого дворских обхождений проникателя», указать на беспорядки в Стрелецком приказе значило оскорбить начальника приказа, князя Долгорукого, такого *столпа!* Как бы то ни было, челобитчиков стрельцов, лучших людей, велено наказать, чтоб они впредь не смели бить челом на полковников, их били кнутом и разослали в ссылки; полковники подняли головы и еще хуже начали обращаться с рядовыми. 23 апреля стрельцы подали новое челобитье на другого полковника Грибоедова; но на этот раз, боясь, как видно, что опять не захотят обидеть Долгорукого, пошли по начальству, подали челобитье в Стрелецком приказе чрез одного выборного. Долгорукому доложили, что принес челобитную пьяный стрелец и наговорил много непристойных слов про него, боярина, и про других[234]. Боярин велел схватить челобитчика и высечь кнутом перед съезжею избою, чтоб другим впредь было не повадно так воровать; но когда стрельца вывели на площадь и прочли ему приговор, то он закричал товарищам: «Братцы! Ведь я по вашему желанию и приговору подал челобитную: так зачем же вы теперь позволяете чинить надо мною такое поругание!» Стрельцы взволновались, бросились на приказных сторожей, смяли их и выручили товарища. Это было знаком к волнению почти во всех стрелецких полках. Солдаты подали в то же время челобитную на генерала своего, Матвея Кравкова. Стрельцы били челом царю на Грибоедова и «хотели было бунтовать». Правительство предупредило бунт, приказавши Грибоедова отставить из полковников, отнять вотчины и сослать в Тотьму.

В таком положении были дела, когда умер Феодор. В самый день его смерти, во время присяги Петру, стрельцы приказа Карандеева отказались целовать крест: к ним отправлены были окольничий князь Константин Щербатый, думный дворянин Змеев и думный дьяк Украинцев, которым удалось уговорить стрельцов и они поцеловали крест Петру.

Но на третий же день явилась во дворец толпа и от имени шестнадцати стрелецких полков и одного солдатского, Бутырского, потребовали, чтоб девять полковников были схвачены и приневолены выплатить деньги, вымученные у стрельцов, также деньги за работы, к которым они принуждали стрельцов, в противном случае грозились промыслить сами о себе, перебить полковников, разграбить их домы и животы. «Достанется и другим изменникам! — кричали стрельцы, — будет нам терпеть мучение от полковников и смотреть, как изменники обманывают царское величество!» Подле царицы Натальи не было в это время ни одного человека, который бы мог найтись в подобных обстоятельствах. Испугались, не знали что делать; решили перехватать обвиненных полковни-

ков и посадить под караул в Рейтарском приказе. Но стрельцы этим не довольствовались, требовали, чтоб полковники были выданы им головами. Правительство не соглашалось, обещая само оказать справедливость; стрельцы долго упорствовали и едва были уговорены некоторыми вельможами, имевшими на них влияние, и архиереями; им обещано, что с старых полковников взыщут все деньги и поставят новых[235]. Но по некоторым, чуть ли не обстоятельнейшим известиям[236], правительство так испугалось, что согласилось выдать полковников: один патриарх понял весь ужас подобной уступки и поспешил разослать по всем полкам с увещаниями не требовать выдачи.

Как бы то ни было, полковники должны были заплатить все начитанные на них стрельцами деньги; с иных взыскали до 2000 рублей; тех же, которые не могли заплатить, держали на правеже часа по два. Кроме того, некоторые сильно обвиняемые были особенно биты батогами, а Карандеев и Грибоедов кнутом, пред чем, по обычаю, читались им сказки или объявление вины. Семену Грибоедову читали: «Били на тебя челом великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрельцы твоего приказа: ты чинил им налоги, обиды и всякие тесноты; для взяток и работ бил их жестокими боями, бил батогами, ругательством, взявши в руки батога по два, по три и по четыре; на их стрелецких землях устроил огороды и всякие овощные семена на этих огородах велел им покупать на сборные деньги; на огороды и в деревни свои на всякие работы посылал их стрельцов и детей их и заставлял отвозить туда на их же стрелецких подводах; неволею заставлял их шить себе цветное платье, бархатные шапки, желтые сапоги; из государского жалованья вычитал у них деньги и хлеб, отпускал их с караулов и за то брал с них деньги; деньги, которые им даются на стенной караул, и запасы из дворцов ты брал себе; приказывал им покупать лес и всякие запасы на свое дворовое строенье на сборные деньги; к себе на двор брал из них денщиков по многу и заставлял их работать всякую работу и отходы чистить. Будучи в походах, делал им также всякие тягости и на подводах их возил свои запасы. При царе Феодоре Алексеевиче указано было тебе с великим подкреплением никаких взяток не брать и стрельцов работать на себя не заставлять, для того тебе и дана была деревня в поместье, а ты, забыв милость великого государя, стрельцов обижал и бил их напрасно»[237]. Несмотря на то что стрельцы отказались от выдачи им полковников головою, они толпились тут же на площади при правеже и наказаниях, распоряжались; закричат: «Довольно!» и правеж прекращается. Но, как видно, высказывалось сильное неудовольствие не на одних стрелецких полковников, а на всех временщиков прошлого царствования, и, чтоб потушить это

неудовольствие, царь положил опалу, запретил видеть свои очи боярину Ивану Языкову и сыну его чашнику Семену, постельничему Алексею и казначею Михайле Лихачевым, ближним стольникам Ивану Языкову и Ивану Дашкову. Но эта мера не помогла.

Получивши над полковниками свою волю, стрельцы разнуздались, не чувствуя над собою никакой силы; стали ежедневно собираться многолюдными толпами у своих съезжих изб, бояр своих, князей Долгоруких ставили ни во что, смеялись над ними, грозили; тем меньше уже стали они уважать начальников второстепенных: этих просто отгоняли от своих съезжих изб, бросали в них камнями, палками, бранили непристойными словами; те же из начальных лиц, которые попробовали строгостию восстановить порядок, испытали и похуже: их схватили, взвели на каланчи, и сбросили оттуда при криках: «Любо! Любо!» Но, разнуздавшись таким образом, благодаря совершенной слабости, отсутствию правительства, стрельцы должны были чувствовать, что их воля пройдет вместе с слабостию правительства и они могут дорого поплатиться за эту волю. С какою жадностию, следовательно, они должны были прислушиваться к внушениям, что правительство нечего уважать и нечего ему повиноваться: оно незаконное! Пренебрегать таким правительством, идти против него — это не бунт, а заслуга! Один из современников говорит[238], что весть о стрелецких движениях была для царевны Софьи также радостна, как для Ноя масличная ветвь, принесенная голубицею в ковчег; но можно сказать, что и внушения от царевны и ее сообщников были для стрельцов также масличною ветвию. Прежде всего, говорят[239], обратился к стрельцам Хованский; слова его, как известного боевого воеводы, производили сильное влияние. «Вы сами видите, — говорил Тарарую, то одному, то другому из стрельцов, — вы сами видите, в каком вы у бояр тяжком ярме, теперь выбрали бог знает какого царя[240], увидите, что не только денег и корму не дадут, но и работы тяжкие будете работать, как прежде работали, и дети ваши вечными невольниками у них будут; а что всего хуже, поддадут и вас и нас в неволю какому-нибудь чужеземному неприятелю, Москву сгубят и веру православную искоренят». Но не один Хованский делал подобные внушения: Иван Михайлович Милославский, лежа на постели, притворяясь больным, кипятил заговор: к нему по ночам приходили выборные стрельцы — Одинцов, Петров, Чермный и толковали о стрелецких движениях вместе с Толстым, Цыклером, Озеровым. Вдова, постельница Феодора, Семенова Родимица, из малороссийских козачек, с деньгами и с щедрыми обещаниями от царевны Софьи ходила по стрельцам. Волнение обхватило все полки, только один Сухарев был сдержан, благодаря пятисотному Бурмист-

рову и пятидесятнику Борисову. Стрельцы собирались ежедневно в круги, становились под ружье без полковничья приказа, били в набат, кричали по торговым баням против правительства с похвальбою: «Не хотим, чтоб нами управляли Нарышкины и Матвеев, мы им всем шею свернем»[241].

Но от слов еще не доходило до дела: для этого мало было неопределенных обещаний всякого зла со стороны Натальи, всякого добра со стороны царевны Софьи; нужно было побуждение посильнее, чтоб заставить броситься во дворец и нерешительных, и таких, которые были охотники покричать, но робели перед делом. Заговорщики наверху берегли еще это побуждение, они дожидались приезда Матвеева, который первый должен был пасть под стрелецкими ударами; потому что один мог дать силу правительству ненавистной мачехи.

Мы видели, что еще при Феодоре Матвеев был переведен из Мезени в Лух, и здесь ему велено дожидаться дальнейшего указа царского; этот указ пришел к нему уже от имени царя Петра — ехать в Москву как можно скорее. Старик отправился немедленно; на дороге встретились ему семеро стрельцов, которые нарочно шли к нему, чтоб рассказать о волнениях товарищей и об опасности, которая грозит ему от них. Известия стрельцов заставили Матвеева еще больше спешить: «Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лет большей беды не увидали», — сказал он. В Троицком монастыре и на дороге оттуда Матвеева ждали почетные встречи. 12 мая вечером он приехал в Москву; на другой день представился царю и царице, причем была «радость неизреченная, что никакое человеческое писало по достоянию исписати не возможет»[242]. 13 числа Матвеев ездил к патриарху и долго разговаривал с ним во внутренней келии, ездил навестить и старого приятеля своего, больного князя Юрия Алексеевича Долгорукого, и с ним долго разговаривал; а между тем вся знать спешила побывать в доме у Матвеева, в руках которого теперь должно было сосредоточиться правление; были и выборные стрельцы из всех полков с хлебом и солью, с просьбою о заступничестве, потому что заслуги их ему больше других бояр известны. Не был один Иван Михайлович Милославский, сказываясь больным.

У Милославского с товарищами уже все было готово; им теперь нужно было спешить: Матвеев тут, в Москве, надобно напасть на него сейчас же врасплох, не дать осмотреться и взять в искусные руки правление. Ненавистный старик не растерял в Пустозерске и Мезени ничего из прежней своей ловкости, уменья привлекать к себе людей. Как он умел принять каждого, к нему приезжавшего, обласкать! Все были в восторге, даже и те, которые были к нему не очень расположены. Все надеялись, что Матвеев укротит стрельцов, укротит

и Нарышкиных. Были оскорблены непомерным возвышением братьев царицы, Нарышкиных, молодых людей, за которыми никто не знал никаких достоинств. Иван Кириллович на 23 году был пожалован в бояре! И вот пошли слухи, что и боярин Артамон Сергеевич также недоволен быстрым возвышением Нарышкиных[243]. Все были рады Матвееву, и потому Милославскому надобно было спешить.

15 мая роковой день убиения царевича Димитрия назначен был заговорщиками для бунта. По рукам у стрельцов уже ходил список *изменников,* которых надобно истребить. Утром по стрелецким полкам проскакал Александр Милославский и Петр Толстой с криком, что Нарышкины задушили царевича Ивана, и чтоб стрельцы шли в Кремль на службу. Стрельцы ударили в набат, в барабаны, и двинулись ко дворцу с знаменами и пушками. Это было в понедельник, в полдень, когда Матвеев сходил с дворцовой лестницы, чтоб ехать домой; но на лестнице встретил его боярин князь Федор Семенович Урусов и объявил, что стрельцы и солдаты бунтом вошли в Земляной город, скоро будут и в Белом. Матвеев возвратился наверх и донес об этом царице. Немедленно отдан приказ подполковнику стремянного полка запереть все кремлевские ворота; но уже было поздно; вбежало несколько бояр с известием, что стрельцы приближаются, кричат, что царевича Ивана убили Нарышкины, и что они, стрельцы, идут выводить изменников и губителей царского рода. Набат и барабанный бой раздались по всему Кремлю; стрельцы побили многих боярских людей и лошадей, а других переранили. Матвеев и другие ближние люди, собравшиеся у царицы, послали за патриархом, который и явился вместе с посланным, а между тем положено было вывести к стрельцам царя и царевича и таким образом отнять предлог к смуте. Царица вместе с патриархом и боярами вывела Петра с братом на Красное крыльцо. Толпа стихла при этом зрелище. Как же это так? Нет ли и тут обмана? Несколько стрельцов подставили лестницу, влезли на крыльцо к самому царевичу и спрашивали его: прямой ли он царевич Иван Алексеевич, и кто его из бояр изменников изводит? «Меня никто не изводит и жаловаться мне не на кого», — отвечал Иван.

Это была страшная, решительная минута для заговора. Стрельцы обезоруживались. Уйдут с позором из Кремля, и в другой раз их уже трудно будет привести туда на ту же удочку, а между тем Матвеев примет свои меры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами, кричать, что хотя царевич и жив, но все же пусть выдадут его недоброхотов, Матвеева и Нарышкиных; кричали, что Иван Нарышкин примеривал на себе корону и разные царские украшения. Вниз сошли уговаривать стрельцов бояре: князь Михайла Алегу-

кович Черкасский, князь Ив. Андр. Хованский, Петр Вас. Шереметев Большой, князь Вас. Вас. Голицын; стрельцы обратились к ним с требованием, чтоб великий государь указал им выдать бояр: князя Юрия Алексеевича Долгорукого, князя Григ. Григор. Ромодановского, князя Мих. Юрьев. Долгорукого, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, Артамона Серг. Матвеева, Ив. Максим. Языкова, Ив. Кирилл. Нарышкина, постельничего Алексея Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, чашника Семена Языкова; думных дьяков: Лариона Иванова, Данила Полянского, Григ. Богданова, Алексея Кириллова; стольников: Афанасья, Льва, Мартемьяна, Федора, Василья, Петра Нарышкиных. Когда им сказали, что этих людей нет у государя, то они начали волноваться, на князе Черкасском изодрали кафтан. Тут Матвеев сошел с крыльца за решетку и стал уговаривать стрельцов, припомнил их прежние заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственным мятежом уничтожают все старые подвиги. Тщетно Хованский, как говорят, делал стрельцам знаки, чтоб они бросились на Матвеева: стрельцы оставались тихи и неподвижны и просили Матвеева, чтоб заступился за них пред царем. Матвеев, довольный оборотом дела, возвратился наверх к царице. Но заговорщики не дремали: видя, что дело не ладится перед дворцом, они направили толпу самых отчаянных стрельцов из сеней Грановитой палаты на Красное крыльцо, а между тем и перед дворцом им помог человек, на которого, разумеется, они меньше всего могли рассчитывать. Князь Михайла Долгорукий, о котором не было слышно во все продолжение страшной смуты, тогда как его было дело не допускать до этой смуты, теперь, когда стрельцы находились в затруднительном положении, пришедши по нелепому слуху в Кремль ко дворцу, и когда были утишены Матвеевым, теперь князь Михайла вздумал разыграть пред ними начальника: с бранью и угрозами начал он на них кричать, приказывая сейчас же убираться из Кремля в свои полки. Ничто не могло так раздражить разнуздавшихся стрельцов, как этот старый начальнический тон и, что было всего хуже, этот начальнический тон принимал человек, которого они не любили и не уважали, над которым привыкли смеяться. Стрельцы вышли из себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукого и сбросили его вниз на подставленные копья, полумертвого изрубили бердышами. У толпы помутилось в глазах от первой крови, а тут из сеней Грановитой палаты вбегают другие стрельцы и бросаются на Матвеева. Царица и князь Михаил Алегукович Черкасский хотели было защитить его; но стрельцы вырвали у них Матвеева и сбросили его на площадь против Благовещенского собора: тут изрубили его на мелкие части[244]. По другим известиям[245] Матвеев, чтоб защитить себя, схватил под руку царя Петра, но стрельцы вырвали его

из-под руки царской Патриарх хотел было сойти к стрельцам вниз, но ему закричали: «Не нужно нам ни от кого никаких советов, время разбирать, кто нам надобен», — и, уставя перед собою копья, бросились во дворец искать *других изменников*. Наталья Кирилловна, схвативши сына, ушла в Грановитую палату, и за нею разбежались все; неизвестно куда попрятались многочисленные царедворцы и вместе воины, ежедневно толпившиеся на крыльце и в передней, а теперь оставившие дворец, Кремль и Москву во власти рассвиреневших стрельцов, на которых обыкновенно смотрели с таким презрением.

Оставшись господами во дворце, стрельцы бегали всюду по комнатам царевен; заглядывали под кровати, перетряхивали перины, рылись в чуланах, забегали в церкви, в алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали под них копьями, думая, что там скрылся кто-нибудь из Нарышкиных. Встретили стольника Федора Петровича Солтыкова, приняли его за Афанасия Кирилловича Нарышкина и убили; потом, увидя ошибку, отвезли тело к отцу, известному нам боярину Петру Михайловичу Солтыкову, с извинениями; старик отвечал: «Божья воля!» — и велел угостить убийц вином и пивом. В комнате царицы Натальи нашли они карла, прозвищем Хомяка, и спросили, где спрятались Нарышкины? Хомяк указал им в сенной церкви Воскресения под престолом место убежища Афанасья Нарышкина: стрельцы вытащили его на паперть, рассекли и выбросили на площадь. Ивана Фомича Нарышкина отыскали в доме его за Москвою-рекою и убили; убили и знаменитого воеводу двух последних царствований, князя Григорья Григорьевича Ромодановского, на которого были злы со времени чигиринских походов; любимец покойного царя Феодора, боярин Языков, скрылся, было, у духовника своего при церкви Николы на Хлынове, но был предан холопом; стрельцы привели его к Архангельскому собору и изрубили на части; убили думного дьяка, управлявшего Посольским приказом, Лариона Иванова, и несколько других менее значительных людей. Все эти убийства сопровождались криками: «Любо ли?» — обращенными к окружавшему безоружному народу, от которого стрельцы требовали одобрения своим поступкам; надобно было кричать: «Любо!» и махать шапками; кто же не хотел кричать «любо» или показывал вид сожаления, тех били. Убивши кого-нибудь, волокли в Спасские или Никольские ворота на Красную площадь; перед телом шли стрельцы как будто для почета, и кричали: «Вот боярин Артемон Сергеевич! Вот боярин князь Ромодановский, вот Долгорукий, вот думный едет, дайте дорогу!» Мы видели, что стрельцы ходили к старому боярину Солтыкову с извинениями, что ошибкою убили сына его. С такими же извинениями явились они и к больному осмидесятилетнему Долго-

рукому, что не удержались в запальчивости, грех попутал, убили сына его, князя Михайлу. Старик спокойно выслушал их извинения, у него даже достало духа угостить их вином и пивом. Но когда убийцы ушли и к больному князю вошла невестка, вдова убитого с громкими воплями о муже, Долгорукий сказал ей в утешение: «Не плачь! Щуку-то они съели, да зубы остались, недолго им побунтовать, скоро будут висеть на зубцах по стенам Белого и Земляного города». Холоп побежал за стрельцами и объявил им, что старик грозится. В ярости воротились стрельцы, стащили больного Долгорукого на двор, рассекли на части, выбросили за ворота в навозную кучу и на труп положили соленую рыбу.

Целый день 15 мая прохозяйничали стрельцы во дворце и Кремле. Когда смерклось, они разошлись по своим слободам, но в Кремле, Китае и Белом городе оставили крепкие караулы при всех воротах, наказав не пускать никого ни в Кремль, ни из Кремля.

16 мая утром стрельцы с теми же криками, при набате и барабанном бое, опять явились у дворца с требованием выдачи Ив. Кир. Нарышкина; в противном случае грозили перебить всех бояр. Несмотря на эти угрозы, Нарышкина им не выдали, и подождав до часа пополудни, они по-прежнему расставили везде свои караулы и ушли из Кремля. Ив. Кир. Нарышкин с отцом, братьями, родственниками и сыном убитого Матвеева, Андреем Артамоновичем, прятались сначала при комнате маленькой царевны Натальи Алексеевны, а потом в комнатах царицы вдовы Марфы Матвеевны; одна только постельница Марфы, Клушина, знала об убежище несчастных. 17 числа на рассвете Клушина отвела их в темный чулан, где они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совету Матвеева, нарочно оставили отворенною для избежания подозрений. Стрельцы в третий раз столпились у дворца с криком, чтоб выдали Нарышкина и что на этот раз они без него не выйдут из Кремля. Нет никакой нужды предполагать непременно, чтоб Софья и Милославский с товарищами не хотели успокоиться, пока Иван Нарышкин был в живых, что они до такой степени были озлоблены выходками молодого человека, выдававшегося вперед из всей фамилии, но не могшего быть опасным по личным достоинствам. Для них одна половина дела была сделана — Матвеев убит; оставалось сделать другую, отнять правление у мачехи, что легко было теперь сделать при помощи стрельцов, полновластных господ в Москве; еще 16 числа Хованский спрашивал стрельцов: «Выгнать ли из дворца царицу Наталью Кирилловну?» и получил в ответ: «Любо, любо!» [246] Другое дело стрельцы: они пришли ко дворцу по вести о цареубийстве, весть оказалась ложною, но для оправдания себя зачинщики кричали, что если преступление не сделано, так сделается, что во дворце

есть изменники, истребители царских семян, и главный — Иван Нарышкин, который уже и корону примеривал; убили Матвеева, против которого не слышалось никаких обвинений в измене, убили ошибкою Солтыкова, убили Долгоруких, а главный изменник жив! Зачем же приходили? Где же их служба царскому дому? Что́ выставлять заслугою и оправданием пролитой крови? Понятно, что не для заводчиков дела, но для целой массы необходимо было получить Нарышкина; только его выдачею мятеж действительно мог упасть, если не умели и не хотели прекращать его другими средствами. Царевна Софья резко сказала царице Наталье: «Брату твоему не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем за него!» Перетрусившиеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тем избавить их от смерти. Делать было нечего: Нарышкина вывели из его убежища и привели в церковь Спаса за Золотою решеткою; здесь его исповедали, приобщили, особоровали; по совету Софьи, ему дали держать перед собою образ богородицы: быть может убийцы постыдятся святыни? Началось страшное прощание сестры с братом, которого вели на мучительную смерть. Это прощание некоторым показалось очень долго. Перетрусившийся старик, князь Яков Никитич Одоевский, не мог выдержать, стал торопить царицу: «Сколько вам, государыня, ни жалеть, а все уже отдать придется; а тебе, Ивану, отсюда скорее идти надобно, а то нам всем придется погибнуть из-за тебя».

Нарышкин вышел из церкви. Стрельцы, как только завидели его, с страшным воплем кинулись на жертву, но не убили немедленно же, как других, а потащили в Константиновский застенок. Других били или по ошибке, или в пылу гнева, или за свои старые обиды; но Нарышкин был обвинен в измене, в посягательстве на жизнь царевича; стрельцы взялись вывести измену из дворца, изменник в их руках, надобно его пытать; не вытерпит мук, признается — полное оправдание восстанию. Но стрельцы обманулись в своей надежде: Нарышкин не сказал ни слова под пыткою. Из застенка его вытащили на Красную площадь и рассекли на части. Наконец казнили иностранного доктора Даниила фон-Гадена, обвиненного в отравлении царя Феодора. Гаден, заслышав беду, успел, было, в нищенском платье уйти из Немецкой слободы, двое суток прятался в Марьиной роще и окрестных местах; голод заставил его возвратиться в Немецкую слободу, где надеялся приютиться у одного знакомого и поесть чего-нибудь, но на улице был узнан, схвачен и приведен во дворец. Здесь царевны и царица Марфа Матвеевна умоляли стрельцов пощадить доктора; уверяли, что он совершенно невинен в смерти царя Феодора, что он в их глазах сам прежде отведывал все лекарства, которые составлял для больного государя — все понапрасну: стрельцы кричали: «Это не одно

только, что он уморил царя Феодора Алексеевича, он чернокнижник, мы в его доме нашли сушеных змей, и за это надобно его казнить смертию». Гаден находился в одном положении с Нарышкиным: на нем лежали тяжкие обвинения относительно посяганий на здоровье государево, и его потащили в тот же Константиновский застенок на пытку. Стрельцы пытали, стрелец записывал пыточные речи. Гаден не вытерпел мук, наговорил на себя разные разности, стал просить, чтоб дали ему три дня сроку и он укажет тех, которые больше его достойны смерти. «Долго ждать!» — закричали стрельцы, разорвали записку с пыточными речами, потащили Гадена на Красную площадь и там разрубили на мелкие части.

На другой день, 18 числа во дворец явились стрелецкие выборные изо всех приказов, но уже без оружия, били челом великому государю и государыням царевнам, чтоб боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина, родного деда своего, указал великий государь постричь. Просьба была немедленно же исполнена: старика постригли под именем Киприана и отослали в Кириллов Белозерский монастырь. 19 числа новое челобитье от солдат, стрельцов и пушкарей в заслуженных деньгах с 1646 года; выходило, что надобно было им заплатить 240 000 рублей, кроме того, что им пожаловано было по 10 рублей на человека. Столько денег в казне, разумеется, не было, велено сбирать со всего государства, брать и посуду серебряную и из нее делать деньги. Но стрельцы и солдаты этим не удовольствовались, били челом, чтоб имение убитых было отдано им же. 20 числа еще челобитье: чтоб великий государь указал сослать в ссылку постельничего Алексея Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, окольничего Павла Языкова, чашника Семена Языкова, думного дворянина Никиту Акинфиева, думных дьяков Богданова и Полянского, спальников Ловчикова и всех Нарышкиных, Андрея Матвеева, стольников — Лопухина, Бухвостова, Лутохина. Двор был очищен от враждебных Милославским людей, и стрелецкие челобитья о казнях и ссылках прекратились [247].

Стрельцы перестали бунтовать; но правительства не было; в церквах поминали великого государя Петра Алексеевича, но не «бессемейной» матери его было думать о правительстве, и с кем? Все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительством должны были овладеть люди, которые не прятались и не трепетали, а действовали, Софья с своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россиею! Софья выдвинулась сама собою на первый план, и никто ей не мешал: это было единственное лицо из царского дома, которое хотело управлять, и все волею-неволею обращалось к ней, к ней обращались и стрельцы с своими просьбами или требованиями, и, разумеется, Софья спешила удовлетворить им, раздала им деньги, сколько только можно было собрать,

посулила вперед по 10 рублей на человека, согласилась дать им почетное название «надворной пехоты». У надворной пехоты не было начальника: начальником ее стал, неизвестно по чьему указу, князь Хованский[248]; главным орудием его или руководителем был стрелец Алексей Юдин, раскольник, выборный Воробина полка.

Софья управляла на деле; но это управление надобно было освятить правом: Софья управляла во дворце, а в церквах поминали великого государя царя Петра Алексеевича. 23 мая Хованский донес царевнам, что стрельцы прислали выборных: все стрельцы и многие чины Московского государства хотят, чтоб царствовали оба брата вместе, в противном случае грозят опять приходить с оружием. Царевны послали за боярами, окольничими и думными людьми; те не захотели решить такого великого дела одни; созван был собор, сошлись патриарх, архиереи и выборные из разных чинов людей Московского государства, т. е. города Москвы. Мысль, что придут опять стрельцы, заставила советных людей найти предложение двоевластия очень полезным: когда один царь пойдет с войском, то другой останется в Москве для внутреннего управления; не стало и за примерами истории, сходными и несходными, толковали о Фараоне и Иосифе, об императорах Аркадии и Гонории, Василии и Константине. Решено: быть обоим братьям на престоле. Ударили в большой колокол, в Успенском соборе пели молебен и возгласили многолетие благочестивейшим царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Уже этим самым возглашением давалось первенство Иоанну перед Петром; но сочли за нужное выразить это еще определеннее, понизить Петра перед Иоанном, чтоб тем самым понизить царицу Наталью Кирилловну, отнять у нее возможность требовать себе правительства. Опять стрелецкие выборные явились с требованием, чтоб Иоанн был первым царем, а Петр вторым. Царевны объявили, что выборные говорят по внушению божию, и 26 мая дума вместе с патриархом и архиереями решила: Иоанну быть первым царем, а Петру вторым, что и объявлено стрельцам и всему народу[249]. Стрельцов кормили во дворце, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярам, чтобы правительство, по молодости обоих государей, было вручено сестре их, царевне Софье Алексеевне. Началась обычная церемония: все стали упрашивать Софью принять правительство, та отказываться, наконец согласилась.

Стрельцы пировали во дворце, им не было ни в чем отказа, они устроили, налепили правительство, которое все признали беспрекословно. А между тем стрельцам было что-то неловко. Им слышалось действительно, а может быть и в воображении, что их называют бунтовщиками, им казалось, что на них косятся. С боярами они уже порешили, бояре им друзьями не

будут, а между тем бояре останутся боярами, т. е. везде начальниками, и будут иметь возможность мстить стрельцам. Чувствуя это, стрельцы, еще во время бунта, обратились к ближайшему к себе низшему слою народонаселения, провозгласили вольными холопей, уничтожили кабалы в Холопьем приказе, но, к ужасу их, холопи не двинулись массою и воли не взяли: да и на что бы они взяли, когда многие из них недавно закабалились добровольно, находя это для себя выгодным? Стрельцы наделали неистовств, напавши врасплох на дворец, воспользовавшись робостию придворных служилых людей, овладели Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженных; но Москва не Россия, не вся земля, и что если вся земля объявит себя против стрельцов, что если многочисленные полки служилых людей-помещиков соберутся под Москву очищать ее от стрельцов, как некогда очистили от поляков? Мирное народонаселение Москвы трусило стрельцов, а стрельцы сами страшно трусили, трусили России, и обратились к сочиненному ими и потому благосклонному к ним правительству с просьбою защитить их от России, оправдать их в ее глазах, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сделали хорошее дело.

Стрельцы, по заводу Алексея Юдина, подали челобитную, в которой соединили свое дело с делом всех тяглых людей московских, противопоставив их и себя знатным людям, синклиту: «Бьют челом стрельцы московских приказов, солдаты всех полков, пушкари, затинщики, гости и разных сотен торговые люди, всех слобод посадские люди и ямщики. 15 мая, изволением всемогущего бога и пречистые богоматери, в Московском государстве случилось побитье, за дом пречистые богородицы и за вас, великих государей, за мирное порабощение и неистовство к вам, и от великих к нам налог, обид и неправды боярам князь Юрью и князь Михайле Долгоруким, за многие их неправды и за похвальные слова; без указу многих нашу братью били кнутом, ссылали в дальние города, да князь же Юрий Долгорукий учинил нам денежную и хлебную недодачу. Думного дьяка Лариона Иванова убили за то, что он к ним же, Долгоруким, приличен; да он же похвалялся, хотел нами безвинно обвесить весь Земляной город, да у него же взяты гадины змеиным подобием. Князя Григория Ромодановского убили за его измену и нерадение, что Чигирин турским и крымским людям отдал, и с ними письмами ссылался. А Ивана Языкова убили за то, что он, стакавшись с нашими полковниками, налоги нам великие чинил и взятки брал. Боярина Матвеева и доктора Данилу убили за то, что они на ваше царское величество отравное зелье составляли, и с пытки Данила в том винился. Ивана и Афанасья Нарышкиных побили за то, что они применяли к себе вашу царскую порфиру и мыслили всякое зло на государя царя Иоанна

Алексеевича, да и прежде они мыслили всякое зло на государя царя Феодора Алексеевича и были за то сосланы. И мы, побив их, ныне просим милости — учинить на Красной площади столб, и написать на нем имена всех этих злодеев и вины их, за что побиты; и дать нам во все стрелецкие приказы, в солдатские полки и посадским людям во все слободы жалованные грамоты за красными печатями, чтоб нас нигде бояре, окольничие, думные люди и весь ваш синклит и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и изменниками не называл, никого бы в ссылки напрасно не ссылали, не били и не казнили, потому что мы служим вам со всякою верностию. А что ныне боярские люди к нам приобщаются в совет, чтоб им быть свободными, то у нас с ними приобщения никакого и думы нет»[250]. Софья согласилась; Цыклер и Озеров взяли на себя исполнить требование стрельцов, и столб воздвигнут был очень скоро.

Софья посредством стрельцов избавила себя и своих от страшной беды, отогнала ненавистную мачеху от правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Феодора, в будущем представлялось еще худшее, и она в отчаянии, по инстинкту самосохранения, ухватилась за стрелецкие копья. Но были еще люди, которым было также тяжело, и которые, по указанию Софьи, хотели ухватиться за стрелецкие копья, чтоб выйти из тяжелого положения, дать торжество своему делу. Стрельцы избили бояр, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую веру, которую гонят никонианцы. На третий день после бунта, в Титове стрелецком полку уже рассуждали о том, чтобы изыскать старую православную веру, подать челобитную, чтоб патриарх и власти дали ответ от божественного писания, за что они старые книги возненавидели и возлюбили новую латино-римскую веру? В полку не нашлось человека, кто бы сумел сложить челобитную и дать ответ властям, призвали чернослободца из Гончарной слободы Семена Калачникова, и стали его спрашивать: «Нет ли у вас между посадскими людьми или в ином чину ревнителей старой веры, чтоб были искусны и учены божественному писанию, умели бы сложить челобитную о старом благочестии и ответ дать патриарху и властям?» «Слыхал я от своей братьи, — отвечал Калачников, — что есть такие божественных писаний сказатели». Стрельцы начали его упрашивать, чтоб привел к ним таких. Калачников обещался, пошел в свою слободу и рассказал в чем дело троим из своих — Никите Борисову, Ивану Курбатову и Савве Романову, бывшему прежде келейником у архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря: «Порадеем, — говорил Калачников, — а стрельцы сильно хотят постоять за старую веру». Чернослободцы порадели и отыскали «ревнителя

отеческих преданий и твердого адаманта», монаха Сергия. «Подвигнемся!» — отвечал им Сергий. Подвигнулись, все впятером отправились в дом к Никите Борисову и начали писать челобитную о старой вере от лица всех стрелецких полков и всех чернослободцев. На другой день челобитная была уже готова и Калачников отправился в Титов полк с радостною вестию, что поручение исполнено. Пятисотенный с двумя другими стрельцами пошел с ним к нему в дом, чтоб посмотреть на твердого адаманта и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. «Попекитесь, братия, — начал говорить им Сергий, — о стольких душах, погибающих от новых книг; не дайте нас в поругание по-прежнему, как братию нашу, жечь, да мучить, а мы готовы обличить их новую веру». «Готовы, честной отче! — отвечал пятисотенный, — готовы с вами заодно умереть за старое благочестие, коротко скажем: что́ будет вам, то и нам». Сергий поклонился ему в землю и велел Савве Романову прочесть челобитную. Стрельцы пришли в изумление: «От роду не слыхали мы такого слога и такого описания ересей в новых книгах!» — говорили они. Такое же впечатление произвела челобитная, когда Савва прочел ее в другой раз перед стрельцами, собранными у съезжей избы: многие плакали, а когда чтение кончилось, все закричали: «Подобает, братия, постоять за старую веру и кровь свою пролить за Христа света; за тленное было головы свои положили, за Христа света для чего не умереть?»

Стрельцы объявили Хованскому, что у них готова челобитная. Хованский, приверженец старины во всем, был известен как приверженец и старой веры, ходило предание, что он даже и страдал за нее[251]. Хованский обрадовался, но спросил: «Есть ли, братия, кому ответ давать властям; велико дело божие сие, надобно чтоб люди ученые были». «Есть у нас инок зело искусен божественному писанию и посадские многие люди на сие дело тщатся», — отвечали стрельцы. «Приведите их всех ко мне на дом и сами приходите», — сказал боярин и назначил время.

Раскольники были с честию приняты прислугою Хованского, но часа три дожидались выхода хозяина: у него были гости. Наконец боярин вышел, и увидав монаха, о котором ему так много наговорили, поклонился ему до земли, и спросил: «Коея ради вины пришел ко мне, честный отче?» Сергий отвечал, что принесли челобитную с описанием ересей в новых книгах. «Я и сам грешный, — сказал на это Хованский, — вельми желаю, чтобы по старому было в святых церквах единогласно и немятежно; хотя и грешен, но несуменно держу старое благочестие, чту по старым книгам и воображаю на лице своем крестное знамение двумя перстами». Тут Хованский прочел символ веры с необходимым для раскольников прибавлением *истинного* к духу животворящему, и продолжал:

«Тако верую и тако проповедаю и молю бога, дабы умилосердился о народе христианском, не дал до конца погибнуть душам христианским от нынешней новой никонианской веры». Хованский по обычаю кончил свою речь несколькими текстами: «много изрек от божественных писаний». Когда все было изречено, Сергий обратился к Хованскому с главным делом: «Изволь, царский болярин, челобитные послушать». Начали читать челобитную, и царский болярин также был поражен множеством ересей в новых книгах, и спросил: «Кто писал челобитную?» «Я с братиею потрудился», — отвечал Сергий. Но царский болярин получил не очень выгодное мнение о твердом адаманте. «Вижу тебя, отче, инока смиренна и тиха и неродословна, не будет тебя с такое великое дело, надобно против них человеку многоглаголивому ответ держать». Сергий отвечал: «Хотя я и не многословесен, и не навычен клюкам их и высокоречию, однако надеюсь на сына божия, рече бо: не вы будете глаголющии, но дух отца вашего». Тут другие раскольники, чтоб дать Хованскому надежду на успех, объявили ему, что за дело возьмется знаменитый Никита, священник суздальский, хотя и отрекшийся сначала от раскола, но теперь опять за него ратующий. Хованский, услыхав про Никиту, обрадовался; он был высокого мнения о его способностях, думал, что православным не устоять против него в споре. «Рад вам, братия, помогать, — говорил Хованский раскольникам, — а того и в уме не держите, что по старому вас казнить, вешать и в срубах жечь». Раскольники начали требовать у него собора на Лобном месте перед всем народом, в присутствии государей; а если нельзя на Лобном, так в Кремле, меж соборами, у Красного крыльца, и настаивали, чтоб собор был непременно в следующую пятницу (23 июня), ибо пятница была освящена старым обычаем для соборов. Хованский отвечал, что нельзя быть собору в пятницу, потому что в воскресенье назначено царское венчание государей. «Нам того-то и хочется, — говорили раскольники, — чтоб государи венчались в истинной православной вере, а не в их латинской». Хованский свидетельствовался богом, что цари будут венчаться по-старому, как было заведено со времен царя Иоанна Васильевича; но раскольникам были нужны не одни старые обряды собственно царского венчания, они говорили: государи станут на литургии приобщаться, а литургию-то патриарх будет служить по-новому, да и на венчании будет государей уговаривать, чтоб они стояли за новую веру. Хованскому нечего было отвечать на это: «Да ведь патриарху на царей не кабалу же взять, — сказал он: будь по вашему, собор в пятницу». Раскольники ушли от него очень довольные.

В назначенный день, в пятницу 23 числа, стрелецкие выборные отправились к Хованскому с вопросом: «Когда, госу-

дарь, изволишь отцам приходить на собор?» Хованский отвечал, что через два часа. Через два часа отцы явились в Кремле: Никита нес крест, Сергий — Евангелие, монах Савватий, явившийся на подмогу к своим из волоколамских лесов, нес икону страшного суда; собралось множество народа, мужчин и женщин, и все с удивлением спрашивали друг друга: «Что это такое?» Хованский велел ввести раскольников в ответную палату, вышел к ним в сопровождении дьяков, подьячих и разного рода людей, приложился к кресту и Евангелию, и спросил, как будто ничего не зная, зачем пришли честные отцы? Никита отвечал, что «пришли они побить челом о старой православной вере, чтоб велено было патриарху и архиереям служить по-старому; а если патриарх не захочет служить по-старому, то пусть даст ответ, чем старые книги дурны? И зачем он ревнителей отеческих догматов проклинает и в ссылку ссылает, зачем Соловецкий монастырь велел вырубить и монахов перемучить; а мы всякие затеи и ереси в их новых книгах вконец обличим». Хованский отвечал и Никите то же, что прежде Сергию: «Сам я пою и верую по старым книгам». Он взял у раскольников челобитье, понес вверх к государям и, возвратившись, сказал: «Будет против вашей челобитной дела недели на три; патриарх упросил государей отложить до середы, в среду приходите после обеда». Но в воскресенье царское венчание? Никита об этом не забыл и спросил Хованского: «Как же, государь, изволите царей государей венчать?» «Я вам сказал, что будут венчать по-старому», — отвечал Хованский. Но Никита не отставал: «Хорошо бы, чтоб патриарх и литургию служил по-старому, на семи просвирах, и крест бы на просвирах был истинный, а не крыж». Чтоб отделаться, Хованский отвечал: «Вы велите напечь просвир с старым крестом: я сам отнесу их патриарху и велю служить по-старому, а ты, отец Никита, ступай домой».

К воскресенью нашло еще в Москву жителей волоколамских пустынь, отец Дорофей, отец Гавриил. Радость была большая у раскольников; Никита заказал некоей искусной вдовице напечь просвир в полной надежде, что патриарх будет на них служить литургию. В воскресенье он взял просвиры и с торжеством отправился в Кремль; но торжество было непродолжительно: толпы народа заливали Кремль, ожидая выхода государей в собор, и Никита никак не мог протесниться к собору. В отчаянии возвратился он с своим узелком к отцам: «Простите, отцы святии, никоими мерами народ не допустит до соборной церкви, и я просвиры назад принес!» Делать было нечего, роздали просвиры верным благословения ради.

Между тем раскольничье дело шло не очень удачно в стрелецких полках. Далеко не все приказы были согласны в

том, что надобно постоять за старую веру. Раскольники приписывали это несогласие патриарху, который будто бы посылал за выборными стрельцами, осыпал их ласками, поил, посылал подачи и дары. Чтоб подвинуть дело, в Титове полку решили выбрать старых стрельцов, посылать их по приказам с челобитною и уговаривать подписываться под нею. Подписались девять приказов, да десятые пушкари: но в остальных десяти приказах встал сильный спор и брань: одни хотят подписываться, другие не хотят, говоря: «Зачем нам руки прикладывать? Мы отвечать против челобитной не умеем; а если руки приложим, то и ответ должны будем давать против патриарха и архиереев; старцы сумеют ли против такого собора отвечать? Они намутят тут, да и уйдут. Все это дело не наше, а патриаршее; мы и без рукоприкладства рады тут быть, стоять за православную веру и смотреть правду, а постарому не дадим жечь и мучить».

Таким образом, и стрельцы далеко были не все за раскол. Несмотря на то, длинную челобитную на 20 столбцах написали от имени всех православных христиан, и 3 июля выборные стрелецкие отправились к Хованскому с вопросом, когда отцам приходить на собор? Но до Хованского уже дошли слухи, что между стрельцами волнение по раскольничьему вопросу, несогласия; он вышел к выборным и спросил именем царским: «Все ли вы полки заодно хотите стоять за православную веру?» Выборные отвечали: «Все полки и чернослободцы рады стоять за старую православную христианскую веру!» Еще два раза Хованский повторил свой вопрос и получил ответ: «Не только стоять, но и умереть готовы за веру Христову!» Тогда Хованский отправился вверх к государям, т. е. к царевне, и передал ответ выборных. Решено было, чтоб он шел с ними к патриарху. Вместе с Хованским и выборными пошли туда же и ревностные раскольники из посадских. Хованский пошел к патриарху в крестовую, а выборные и посадские дожидались в сенях. Выборных позвали на патриарший погреб, угостили, они возвратились оттуда пьяные в сени, и посадские с ужасом увидали, что на них плохая надежда. Когда Хованский велел наконец ввести всех в крестовую, то выборные начали кричать ревнителям: «Увидим, как-то вы станете отвечать патриарху и властям!» Вышел патриарх, выборные пошли к нему под благословение, но посадские ревнители не двинулись. Патриарх спросил: «Зачем, братия, пришли к нашему смирению, и чего от нас требуете?» Отвечал Хованский: «Пришли, государь, к твоему благословению всяких чинов люди побить челом о исправлении православной веры, чтоб служба была в соборной церкви по старым книгам».

Наступило продолжительное молчание. Хованский обратился к стрельцам и велел им говорить. Начал Алексей Юдин:

«Мы пришли, святейший патриарх, к твоему благословению, за что старые книги отринуты, и какие в них ереси обретаются, чтобы нам про то ведомо было». Патриарх отвечал: «Чада моя и братия! Вам не подобает судить и простого человека, кольми паче архиерея. Вы просто чина воинского, вам это дело не за искус. Я пастырь, а не наемник, дверьми вошел, а не чрез ограду, не сам я на себя такую тяготу восхитил или накупился на апостольский престол, избран повелением великого государя и всего освященного собора благословением. Хотя я и недостоин, но пастырь, и потому вы должны мне повиноваться. Вместо того вы нам прекословцы и непослушники являетесь; вы порицаете нашу веру, Никона патриарха называете еретиком, а он еретиком не был, если извержен, то за свое бесчиние, никакого повреждения в вере он у нас не сделал; исправления, какие сделаны в книгах, и троеперстный крест введен по утверждению святейших патриархов, не сами мы все это завели от себя, но от божественных писаний исправили».

Отвечать патриарху, разумеется, могли не стрелецкие выборные. С ответом выступил ревнитель из посадских, Павел Даниловец. У этих ревнителей наболело одно место: в стрелецких слободах, у Хованского, везде толковали они о своих гонениях, требовали, чтоб их не выдали, вперед не жгли и не мучили. Теперь они лицом к лицу с патриархом и архиереями, которых считали главными своими гонителями. «Правду говоришь, святейший владыка, — начал Павел, — что вы на себе Христов образ носите; но Христос сказал: «Научитеся от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем», а не срубами, не огнем и мечом грозил; велено повиноваться наставникам, но не велено слушать и ангела, если не то возвещает. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? За что тут жечь и пытать?»

Патриарх отвечал: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются св. церкви, а креститесь как хотите». Против этого возражать было нечего; раскольники очень хорошо знали, что если бы прекратилось гонение и им позволили свободно молиться как хотят, то они все же не перестали бы враждовать к церкви, считая ее неправославною; раскольники требовали от духовенства, чтоб оно не преследовало их как еретиков, но сами не принимали на себя обязательства не смотреть на духовенство как на еретическое. Павел должен был переменить разговор о гонениях и начать спор об искажениях книг, об Никоне и Арсении, известный, бесконечный спор, продолжающийся и теперь по праздникам в московском Кремле. Когда спор прекратился и Хованский с выборными пошел к патриарху под благословение, подошел и Павел, но требовал, чтоб патриарх благословил его по-старому; патриарх

не согласился и Павел ушел без благословения. Хованский поцеловал его в голову и сказал: «Не знал я, малый, тебя до сей поры [252]!» Собор был назначен 5 июля, в среду.

Между тем раскольники не тратили времени: проповедовали громко по улицам и площадям. На Красной площади простой народ, мужчины и женщины, собирались толпами и толковали о старой вере, причем, люди, жаловавшиеся на гонение и взывавшие к кротости и смирению Христову, не замедлили обнаружить свою кротость и смирение: вышел на площадь православный священник Савва, известный своею школьною ученостию, начал доказывать, что должно креститься тремя перстами и сильно восставал против раскола: обличаемые побили обличителя; сильно досталось также монаху Чешихе, говорившему против раскола у Москворецких ворот [253].

5 июля, в среду, чем свет пришли стрелецкие выборные к Никите и монахам и объявили: «Мы об этом деле боярину уже не станем докладывать, потому что они опять станут просить сроку; но как только мы вам дадим знать, так и ступайте». Чрез несколько времени дали знать, и раскольники начали собираться: отпели молебен, благословились у отца Никиты, взяли крест, Евангелие, образ богородицы, страшного суда, старые книги, зажгли свечи и отправились в Кремль; огромная толпа народа прорвалась с ними туда же, давка была страшная; в толпе слышались похвалы раскольничьим монахам, их старинным клобукам, надвинутым на глаза, их постническому виду: «Не толсты брюха-то у них, не как у нынешних нового завета учителей!» Раскольники расположились у Архангельского собора, расставили налои, разостлали на них пелены, разложили крест, Евангелие, образа, зажгли свечи. Патриарх с духовенством в это время был в Успенском соборе, где со слезами служил молебен: происшествие с Саввою и Чешихою мало обещало ему хорошего. По окончании молебна, патриарх ушел к себе домой, а к народу выслал верхоспасского протопопа Василия с печатным обличением на Никиту, как он прежде раскаивался перед собором в раскольнических заблуждениях. Дрожа от страху, протопоп начал читать обличение, стоя против угла Грановитой палаты; но стрельцы схватили его, заушили и потащили к раскольникам, тетрадь хотели изорвать, но монах Сергий вступился: «Зачем его бить? — сказал он, — ведь он не сам собою пришел, послан патриархом, пусть дочитывает». Но толпа взволновалась, хотела протопопа камнями побить, за шумом нельзя было ничего расслышать, что он читал. Тогда Сергий сказал ему: «Что всуе трудишися? Видишь, никто не слушает». Толпа требовала, чтоб Сергий поучил ее от божественных писаний, как избежать прелести Никонианские? Принесли скамью, Сергий вошел на нее, и стал читать соловецкие те-

традки, о крестном знамении, о крыже, о жезлах, о просвирах и обо всем церковном пременении: окружающие слушали с сложенными руками, вздыхали глубоко, некоторые и плакали; но отцам приходилось плохо, потому что их страшно гнели со всех сторон. Сергий перестал читать соловецкие тетрадки, но толпа кричит: «Скажи нам еще, господа ради, от божественных писаний, чтоб нам душами нашими не погибнуть!» Сергий изнемог, третий день ничего не ел: «Возьми, читай ты!» — говорил он Савве Романову; но тот назад: «Не мое это дело, а ваше, вы на это и званы».

Между тем во дворце происходили также любопытные сцены. Когда отцы расположились у Архангельского собора, стрелецкие выборные отправились вверх к Хованскому спросить, когда изволит быть собору? Хованский пошел к патриарху с этим вопросом; Иоаким отвечал, что пусть раскольники идут в Грановитую палату, потому что там хотят быть царица и царевны, а на площади перед народом быть им зазорно. С этим ответом выборные отправились к отцам, но когда отцы передали его народу, в толпе закричали: «Отчего патриарх не хочет перед народом свидетельствовать о божественном писании; подобает собору здесь быть, а в палате нельзя по множеству народа; в народе смятение: одни хвалят старую веру, а другие — новую; надобно это сомнение и мятеж в душах христианских разрешить; вы, отцы святые, в палату не ходите, царевнам нечего тут делать; надобно тут быть царям государям, а не царевнам». Отцы сказали выборным: «Пусть патриарх свидетельствует книги перед всем народом, а мы в палату нейдем». Выборные пересказали этот ответ Хованскому, который стал уговаривать Софью исполнить требование народа; но Софья никак не соглашалась выслать патриарха с духовенством на площадь после недавних сцен насилия; тогда Хованский начал настаивать, чтоб и в Грановитой палате никто не присутствовал из особ царского дома; он стращал новым стрелецким бунтом, прямо говорил, что если государи будут в Грановитой вместе с патриархом, то им не быть живым. Но Софья имела сношения с стрельцами, была уверена, что у них и в мысли нет о бунте, и потому спокойно отвечала Хованскому: «Буди воля божия, но я не оставлю св. церкви и ее пастыря». Не успевши напугать Софью, Хованский начал говорить боярам: «Просите ради бога царевну, чтоб она не ходила в Грановитую с патриархом, а если пойдет, то при них и нам быть всем побитым». Напуганные бояре бросились умолять Софью не ходить в Грановитую, но она и их не послушала, и послала сказать патриарху, чтоб шел с знатнейшим духовенством в Грановитую, только не чрез Красное крыльцо, где могла быть опасность от изуверов, а по ризположенской лестнице. Патриарх, видя беду, из которой не думал выйти живым, пошел со

слезами в Грановитую, а древние книги греческие и славянские велел нести через Красное крыльцо, чтоб народ видел, какие средства имеет церковь против своих мятежников. В то время, как мужчины трепетали при входе в Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вместе с Софьею: царица Наталья Кирилловна и две царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексеевна. После совещания у царевен и царицы с патриархом решено было призвать раскольников в Грановитую только для прочтения челобитной.

С этим решением отправился к *отцам* сам Хованский. Помолившись пред крестом, Евангелием и образами и поклонившись *отцам,* он объявил им, чтоб шли в Грановитую палату: «Никакого вам зла не будет, — говорил он, — потому что царевны хотят тут же слушать челобитную, а здесь им быть зазорно. Собору и свидетельству божественных писаний сегодня быть некогда, это дело великое, а теперь на дворе уже поздно; только выслушают царевны и царица вашу челобитную, и отпуск вам будет». Отвечал Сергий: «Государь царский боярин! Мы в палату идти боимся, чтоб какого-нибудь вымысла и коварства над нами не было по-прежнему; изволил бы патриарх это дело пред всем народом свидетельствовать, а в палате столько народу не поместится; знаю, что одних нас пустят, а из народа никого не пустят, а нам без народа что там делать?» «Всем можно будет идти в палату, кто хочет ступай, — говорил Хованский, — если уже вы, отцы святые, на мою душу грешную во всем положились, так верьте мне и теперь; целую вам крест, клянусь кровию Христовою, что вам никакого зла не будет, а если что будет, так и мне то же, что вам». Тут сказал Никита: «Отец Сергий! Я ему верю». «Ну, хорошо!» — отвечал Сергий. Хованский пошел во дворец, наказавши раскольникам, чтоб без него не ходили. Возвратившись во дворец, Хованский еще раз попробовал напугать Софью, чтобы не была вместе с патриархом в Грановитой, но Иоаким объявил, что без государей к народу в Грановитую палату не пойдет, а Софья сказала решительно, что не покинет патриарха. Тогда Хованский послал выборных к отцам, чтоб шли наверх.

Раскольники двинулись с крестом, Евангелием, образами, налоями, свечами. Хованский, сдерживая данное слово, велел всех их пустить в палату; а православных священников и мирян пускать не велел, иных даже велел отогнать побоями [254]. По раскольничьему рассказу [255] дело объясняется так, что, идя на Красное крыльцо, раскольники столкнулись с священниками, рванувшимися навстречу к ним из Грановитой; произошла драка, один священник схватил Никиту за волосы, стрельцы бросились на священников с кулаками и заставили их разбежаться в разные стороны. Хованский прибежал на шум и крик, отцы к нему с жалобами, что их бьют попы, и

указали священника, схватившего Никиту за волосы; Хованский сейчас же велел этого священника сковать и отослать в Стрелецкий приказ, других велел сбить с верху, оставив немногих, по просьбе архиереев, кричал, бранился непристойными словами: «Ах, плуты! Я ничего не знаю, а их набралось, что кабацких ярыжек!» Отцы, однако, все не хотели двигаться дальше, крича, что неправды много стало; тогда Хованский поцеловал им крест, что никакого зла им не будет, и они пошли; с ними вместе пошло много и посадских людей [256].

С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожать все *новшества,* а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины! Царевны, девицы открыто пред всем народом, и одна царевна заправляет всем! Они не видели в этом явлении знамения времени. На царских тронах сидели две царевны — Софья и тетка ее Татьяна Михайловна, пониже в креслах царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх, направо архиереи, налево светские сановники, царедворцы и выборные стрельцы.

Патриарх обратился к отцам с вопросом: «Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас» [257]? Отвечал Никита: «Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодавцами, и чтоб церкви божии были в мире и соединении». Патриарх сказал на это то же, что говорил прежде раскольникам у себя: «Не вам подобает исправлять церковные дела, вы должны повиноваться матери святой церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении; книги исправлены с греческих и наших харатейных книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу». «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!» — закричал Никита, и сейчас же показал, что он разумеет под догматами, обратившись к патриарху с вопросом, зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую? За патриарха стал отвечать холмогорский епископ Афанасий. Никита бросился на него с поднятою рукою: «Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом!» Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа. Тут Софья не выдержала, вскочила с места и начала говорить: «Видите ли, что Никита делает? В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавна бы убил». Между раскольниками послышались голоса: «Нет, государыня, он не бил, только рукою отвел». Но Софья продолжала: «Тебе ли, Никита, с св. патриархом говорить? Не довелось тебе у нас и на глазах быть; помнишь ли, как ты отцу

нашему и патриарху и всему собору принес повинную, клялся великою клятвою вперед о вере не бить челом, а теперь опять за то же принялся?» «Не запираюсь, — отвечал Никита, — поднес я повинную за мечом да за срубом, а на челобитную мою, которую я подал на соборе, никто мне ответа не дал из архиереев; сложил на меня Семен Полоцкий книгу: *Жезл,* но в ней и пятой части против моего челобитья нет; изволишь, я и теперь готов против Жезла отвечать, и если буду виноват, то делайте со мной что хотите». «Не стать тебе с нами говорить и на глазах наших быть», — сказала ему Софья и велела читать челобитную. Когда дочли до того места, где говорилось, что чернец Арсений еретик с Никоном поколебали душою царя Алексея, Софья опять не вытерпела: слезы выступили у нея на глазах, она вскочила с своего места, и начала говорить: «Если Арсений и Никон патриарх еретики, то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат еретики: мы пойдем все из царства вон». С этими словами царевна отошла от своего места и стала поодаль. Хованский, бояре все и выборные расплакались: «Зачем царям-государям из царства вон идти, мы рады за них головы свои положить» Раздались и другие речи между стрельцами: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет».

Но эти выходки не могли ослабить впечатления, произведенного на выборных словами Софьи: «Все это оттого, что вас все боятся, — говорила им царевна, — в надежде на вас эти раскольники мужики так дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли таким мужикам невеждам к нам бунтом приходить, творить нам всем досады и кричать? Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете? Если мы должны быть в таком порабощении, то царям и нам здесь больше жить нельзя: пойдем в другие города и возвестим всему народу о таком непослушании и разорении».

Ничем нельзя было так напугать стрельцов, как угрозою, что цари оставят Москву. В них было живо сознание, что поведение их с 15 мая возбудило сильное неудовольствие в могущественных классах, что бояре их ненавидят, как бунтовщиков и убийц, что многочисленное дворянское войско, и прежде их не любившее, теперь не даст им пощады по первому мановению правительства, что они целы до сих пор и наводят страх на мирное народонаселение Москвы только потому, что правительство их прикрывает; но если правительство отречется от них, оставит Москву? Выборные отвечали:

«Мы великим государям и вам государыням верно служить рады, за православную веру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все делать. Но сами вы, государыня, видите, что народ возмущенный и у палат ваших стоит множество людей: только бы как-нибудь этот день проводить, чтоб нам от них не пострадать, а что великим государям и вам государыням идти из царствующего града — сохрани боже! Зачем это?»

Софья возвратилась на свое место. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтоб не поспорить еще с раскольничьими монахами о разных вещах. Когда челобитная была прочтена, патриарх взял в одну руку Евангелие, писанное митрополитом Алексием, в другую соборное деяние патриарха Иеремии с символом веры, как он читается в новоисправленных книгах: «Вот старые книги, — сказал Иоаким, — и мы им вполне последуем». Но самое сильное впечатление произвел один священник, который выступил вперед с книгою, напечатанною при патриархе Филарете: «Вот ваши любимые книги филаретовские, — сказал священник, — смотрите, что в них напечатано: разрешается на мясо в великий четверток и субботу!» Никита, молчавший до сих пор после окрика Софьи, не вытерпел, но мог только выбраниться с досады: «Такие же плуты печатали, как и вы», — сказал он священнику.

Чтение челобитной кончилось, и раскольников отпустили из Грановитой. Вышедши из Кремля, они остановились на Лобном месте и опять рассказывали народу, сколько ересей никонианцы насеяли в божественные книги, хвалились, что переспорили и посрамили всех архиереев. С Лобного отправились за Яузу; здесь в церкви Спаса в Чигасах отслужили молебен со звоном и разошлись по домам.

Народ не слыхал, как отцы спорили с архиереями, и те, которые колебались, хотели *смотреть правду,* оставались в прежнем недоумении. Стрелецкие выборные, обещавшиеся смотреть правду, не видали правды Никиты с братиею в Грановитой, слышали только грозные слова царевны и правительницы, что она не будет долее сносить буйства раскольников, покинет с государями Москву, и вся вина ляжет на стрельцах, которых считают защитниками раскола: «Не променяйте нас и все Российское государство на шестерых чернецов, не дайте в поругание святейшего патриарха и всего освященного собора!» — говорила Софья выборным, и те отвечали ей: «Нам до старой веры дела нет, это дело св. патриарха и всего освященного собора». Выборные были щедро награждены и угощены за такие умные речи; рядовые стрельцы побуянили, но не могли устоять перед царским погребом, когда выставили на десять человек по ушату: принесли заручные, что вперед не будут вступаться за старую

веру, а раскольников начали бить, крича: «Вы бунтовщики, возмутили всем царством!» Те бросились бежать, куда кто мог: *отцов* перехватали; Никите, как самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обещания, отсекли голову, Хованский никак не мог спасти его; но он успел спасти от казни Сергия, которого сослали в Ярославль, в Спасский монастырь; успел заменить смертную казнь ссылкою на Терек для садовника Никиты Борисова с товарищами, которые бежали в Брянск и там были схвачены.

Но если должны были уступать Хованскому, то тем более сердились на него. Потворство Тараруя раскольникам, его сношения с ними не были тайною; его прямо обвиняли в намерении дать торжество расколу, истребив патриарха и знатнейшее духовенство. Но тронуть Хованского, отнять у него начальство над стрельцами было нельзя: он успел приобресть любовь надворной пехоты. Сперва из желания выдвинуться на первый план, стать сильным посредством войска, державшего в страхе Москву и правительство, Хованский потакал стрельцам, исполняя все их требования, а теперь, порвавши с двором вследствие поведения своего 5 июля, Хованский должен был поблажать стрельцам уже по чувству самосохранения, потому что только благодаря им мог быть безопасен. Перед царями и боярами он выставлял свое поведение как самое благоразумное: «Когда меня не станет, то в Москве будут ходить по колена в крови», — говорил он Стрельцы, видя, что все им позволено, что все их боятся, вели себя как завоеватели, хотели кормиться на счет завоеванных; с другой стороны, они хорошо знали всеобщую к себе ненависть, боялись мести и потому находились в постоянном раздражении, волновались при каждом слухе, что им готовится наказание. Нашлись люди, которые хотели пользоваться их раздражением: 12 июля толпа стрельцов приступила к царям с требованием, чтоб они выдали им всех бояр за то, что бояре хотят всех стрельцов перевести, поморить разными смертями. Кто им это сказал? Крещеный татарский царевич Матвей, который слышал это наверху. Сейчас царевича в застенок пытать; повинилися, что таких слов у бояр не слыхал, затеял напрасно для того, что ему корму мало и честь не велика, думал, что если случится от его слов какая смута, то честь получит большую. Татарина четвертовали, но волнения не прекращались. Посадский из Ярославля Бизяев закричал за собою государево слово: слышал на дворе у боярина князя Одоевского, что хотят бояре стрельцов переводить всякими вымыслами. С пытки Бизяев повинился, что затеял напрасно, чтоб завести смуту и выжечь Москву. Бизяеву отсекли голову; но холоп дворянина Вешнякова донес на своего господина и на сына его, бывшего стрелецкого полковника, что они собирают войско на стрельцов, нанимают боярских

людей, по 20 человек на одного стрельца. Старик Вешняков умер с пыток, сын его едва остался жив. В то же время стрельцы пытали и четвертовали одного из своих полковников, Янова, обвиняя его в обидах. Все лето прошло в волнениях. 16 августа Хованский принес наверх стрелецкую челобитную, чтобы на тех стрельцов, которые взяты из дворцовых волостей, брать с этих волостей подможные деньги по 25 рублей на человека. Бояре воспротивились этому незаконному требованию. Правительнице донесли, что Хованский вышел к стрельцам и сказал им: «Дети! Знайте, что уже бояре грозят и мне за то, что хочу вам добра; мне стало делать нечего, как хотите, так и промышляйте!» [258]

Мы должны выражаться осторожно: «правительнице донесли, что Хованский сказал», ибо известие об этом находится в сочинении, имеющем видимую цель выставить виновность Хованского; мы должны, однако, заметить, что слова эти соответствуют характеру и положению Тараруя. Но сказал ли Хованский эти слова и так ли сказал — дело не в этом; дело в том, что наверх донесено было о словах Хованского, которые заключали в себе прямой призыв к бунту; дело в том, что стрельцы волновались, своевольничали и не знали меры своим требованиям, держали в постоянной тревоге правительство и народ московский, делали положение того и другого невыносимым. Дело в том, что Софья и Милославский посредством стрельцов овладели правлением, а Хованский перешел им дорогу, овладел стрельцами, привязал их к себе, и готов был употребить эту силу против Софьи и Милославского. Софья и Милославский по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушения, представляемую положением Хованского: пойдет ли он назад? Посторонится ли, чтоб дать место им? Наверху должны были верить всем слухам о замыслах Хованского, верить, что он, выставляя свое царственное происхождение от Гедимина, хочет овладеть престолом, а чтобы связать себя и с русскою династиею, хочет женить сына на царевне Екатерине Алексеевне; что наверху верили всему, доказательством служит поведение Милославского, который, боясь быть первою жертвою нового стрелецкого бунта в пользу Хованского, как Матвеев был первою жертвою бунта в пользу его, Милославского, уехал из Москвы, крылся, переезжая из одной подмосковной в другую, «как подземный крот», по выражению современника [259], не переставая, по чувству самосохранения, подкапываться под Хованского, убеждать Софью принять наконец решительные меры.

Софья не нуждалась в сильных убеждениях к этому: она со стороны стрельцов и Хованского находилась в несносном *порабощении,* и потому должна была привести в исполнение угрозу, которою настращала стрелецких выборных 5 июля,

т. е. выйти из Москвы и «возвестить народу о таком непослушании и разорении». Слухи о замыслах Хованского и стрельцов и действительное поведение Тараруя торопили правительницу.

19 августа бывает в Москве крестный ход из Успенского собора в Донской монастырь, в память избавления столицы от нашествия крымцев при царе Феодоре Иоановиче. Государи, по обыкновению, должны были идти за крестами в монастырь; но разнесся слух, что стрельцы хотят воспользоваться этим случаем, чтоб предать их смерти. Цари не пошли в ход, а на другой день, 20 августа, все царское семейство уехало в Коломенское[260]. Стрельцы испугались: уедут цари из Москвы и приведут на них дворянское войско! 23 августа явились в Коломенское выборные изо всех полков с челобитною: «Великим государям сказали, будто у нас, у надворной пехоты, учинилось смятение, на бояр и на ближних людей злой умысел, и будто у нас из полку в полк идут тайные пересылки, хотим приходить в Кремль с ружьем по-прежнему; и для того они, великие государи, изволили из Москвы выехать: но у нас во всех полках такого умысла нет и вперед не будет; чтоб великие государи пожаловали, не велели таким ложным словам поверить и изволили бы прийти к Москве». «Великим государям про ваш умысел не ведомо, — был ответ, — изволили великие государи с Москвы идти по своему государскому изволению, да и прежде в село Коломенское их государские походы бывали же». С этим выборные и отпущены. Стрельцы успокоились, потому что цари после этого не двигались из Коломенского, выжидая обычного времени для дальнейших походов, которые не должны были казаться чрезвычайными. Хованский между тем, по привычке своей, вздумал напугать Софью, чтоб показать, как она нуждается в стрельцах, следовательно, в нем: он явился в Коломенское и рассказывал при боярах: «Приходили ко мне новгородские дворяне и говорили, что их братья хотят приходить нынешним летом в Москву, бить челом о заслуженном жалованье, и на Москве сечь всех без выбора и без остатка». «Так надобно сказать об этом в Москве на постельном крыльце всяких чинов людям, а в Новгород, для подлинного свидетельства, послать великих государей грамоту», — сказала Софья. Хованский струсил и начал упрашивать, чтоб этого не делать и не наводить на него беды. К именинам старшего царя, к 29 августа, правительница отправила указ Хованскому прислать в Коломенское стременной полк; но Хованский боялся этого стременного полка: он был очень близок к государям, больше других подчинялся влиянию правительницы, отпустить его в Коломенское значит отдать его в руки Софье, и дать ей возможность посредством него действовать и на другие полки: Хованский ослушался указа, не отпустил

стременного полка в Коломенское, тогда как прежде, без царского указа, хотел услать его в Киев! Нужно было несколько раз повторить указ, и тогда только Хованский решился отпустить стременных.

Наступило 1 сентября, торжество Нового года, требовавшее, по обычаю, присутствия царей в Кремле; цари не приехали, послали указ Хованскому быть у действа Нового лета; но Хованский не был; патриарх сильно рассердился, потому что торжество вышло очень бледно; из знати был только один окольничий. И простого народа было очень мало, потому что все были в ужасе: не переставали ходить слухи, что в тот или другой праздник непременно будет стрелецкий бунт; но в то самое время, когда безоружный народ трепетал перед стрельцами, стрельцы не меньше трусили, ибо ходили слухи, что в тот или другой праздник будет им месть от боярских людей, нападут на них, когда пойдут на караул, перебьют их жен и детей. Карету Хованского постоянно окружали стрельцы, человек по 50, на дворе у него стоял караул человек по сту.

На другой день, 2 сентября, цари выехали из Коломенского в село Воробьево, 4 числа из Воробьева в Павловское, 6 приехали в Саввин Сторожевский монастырь. Отпраздновав здесь память чудотворца Саввы 10 сентября, в тот же день выехали в село Павловское [261]; 12 числа из Павловского в село Хлябово; 13 из Хлябова в Воздвиженское к здешнему празднику. 14 числа, отслушав обедню, государи указали, для своих дел и для приезда гетманского сына Семена, быть к себе в поход в село Воздвиженское из Москвы всем боярам, окольничим, думным людям, стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам к 18 сентября. 16 числа гетманыч был принят великими государями. 17 в день именин Софьи уже множество знати и придворных наполняли Воздвиженское, знали, что и Хованский с сыном Андреем выехал из Москвы. После обедни именинница изволила бояр, окольничих и думных людей жаловать водкою. Но после водки у великих государей и сестры их началось с боярами *сиденье* о важном деле; думный дьяк докладывал: «Великим государям ведомо учинилось, что боярин князь Иван Хованский, будучи в Приказе надворной пехоты, а сын его, боярин князь Андрей, в Судном приказе, всякия дела делали без великих государей указа, самовольством своим и противясь во всем великих государей указу; тою своею противностию и самовольством учинили великим государям многое бесчестие, а государству всему великие убытки, разоренье и тягость большую. Да сентября во 2 число, во время бытности великих государей в Коломенском, объявилось на их дворе у передних ворот на них князя Ивана и князя Андрея подметное письмо: извещают московский стрелец, да два человека

посадских на воров и на изменников, на боярина князя Ивана Хованского да на сына его князя Андрея: «На нынешних неделях призывали они нас к себе в дом человек 9 пехотного чина, да пять человек посадских и говорили, чтоб помогали им доступать царства Московского, и чтоб мы научали свою братью ваш царский корень известь, и чтоб придти большим собранием неожиданно в город и называть вас государей еретическими детьми и убить вас, государей обоих, царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью Алексеевну, патриарха и властей; а на одной бы царевне князю Андрею жениться, а остальных царевен постричь и разослать в дальние монастыри; да бояр побить: Одоевских троих, Черкасских двоих, Голицыных троих, Ивана Михайловича Милославского, Шереметевых двоих и иных многих людей из бояр, которые старой веры не любят, а новую заводят; и как то злое дело учинят, послать смущать во все Московское государство по городам и деревням, чтоб в городах посадские люди побили воевод и приказных людей, а крестьян подучать, чтоб побили бояр своих и людей боярских; а как государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царем его, князя Ивана, а патриарха и властей поставить, кого изберут народом, которые бы старые книги любили».

Великие государи и сестра их, выслушав это письмо, указали и бояре приговорили: «По подлинному розыску и по явным свидетельствам и делам и тому изветному письму согласно, казнить смертью». Немедленно отправлен был боярин князь Лыков с большим отрядом придворных по Московской дороге схватить Хованских, где их встретит. Старика Хованского Лыков встретил у села Пушкина в палатке, напал внезапно и забрал под стражу вместе с несколькими стрелецкими выборными; князя Андрея захватил недалеко оттуда в подмосковной его на реке Клязьме. Когда в Воздвиженском узнали, что Хованских везут, послали сказать Лыкову, чтоб остановил их у передних ворот государева двора, где и сказать им указ о смертной казни. Для этого бояре, окольничие и думные люди вышли из государева двора и сели на скамьях перед воротами; разрядный думный дьяк Шакловитый читал сказку о винах: как Хованский роздал многую государеву денежную казну без указа; всяких чинов людям позволил ходить в государевы палаты без всякого страха, с наглостию и невежеством, чего и в простых домах не повелось; держит у себя в приказе за решетками и сторожами многих людей понапрасну; правил на многих людях деньги без очных ставок и без розыска; подписал даточным людям челобитную о сборе подможных денег с дворцовых волостей и, когда было решено, что денег этих не сбирать, говорил затейками своими и вмещал слова злые, что будет за это великое кровопролитие; при государях и боярах вычитал свои службы с

великою гордостию, будто никто так не служивал, говорил: «Если меня не станет, то будут в Москве ходить по колена в крови»; оба, и отец и сын, при государях в палате дела всякие отговаривали вопреки государеву указу и Уложению с великим шумом и невежеством, бояр бесчестили и никого в свою пору не ставили, многим грозили смертию; вместе с раскольниками князь Иван ратовал на святую церковь и потом этих церковных мятежников оберегал от казни; вопреки царскому указу не послал пехотные полки против калмыков и башкир; несколько раз ослушивался указа великих государей; клеветал на новгородских дворян, будто хотят приходить на Москву; клеветал на надворную пехоту, что быть от нее великим бедам, а надворной пехоте говаривал многие смутные речи. В заключение дьяк читал подметное письмо.

Хованские не молча слушали обвинительную сказку, оправдывались, слезно просили, «чтоб господа бояре выслушали причины те о совершенных заводчиках с начала бунта стрелецкого, от кого был вымышлен, и царским величествам донесли, чтоб им с ними дать очные ставки и безвинно их так скоро не казнить». «Если сын мой, — говорил старик Хованский, — все так делал, как говорится в сказке, то я предам его проклятию». Но Милославский, как говорят[262], дал знать царевне, и та прислала сказать, чтоб приговор был немедленно исполнен. Стременной стрелец, за недостатком палача, *вершил* Хованских *на площади у большой Московской дороги.* Так отпразднованы были именины царевны-правительницы!

В тот же день была написана и отправлена в Москву грамота к надворной пехоте с извещением о казни ее отца-начальника и его сына: «Вы бы их явную измену ведали, и никаким прелестным и лукавым словам и письмам не верили, на себя нашей опалы и никакого гнева не опасались и никакого сомнения в том не имели, потому что нашего гнева на вас нет». Но 17 же числа успел уйти из Воздвиженского другой сын Хованского, князь Иван; ночью он уже был в Москве и рассказывал стрельцам, что отца его взяли в селе Пушкине люди боярские и казнили без указа великих государей; в полку Лопухина рассказывал Григорий Языков, сын окольничего Павла Языкова, что бояре Одоевские и Голицыны со многим собраньем хотят надворную пехоту рубить, что по дорогам стоят на заставах всяких чинов люди и боярские холопи с ружьем, хотят идти в Москву на стрельцов и дворы их пожечь; поэтому надобно надворной пехоте засесть в Москве.

Совет был немедленно исполнен; в первую минуту после страшной вести самым естественным движением было схватиться за оружие и стать в оборонительное положение: стрельцы заняли Кремль, разобрали с пушечного двора

пушки, порох, свинец, расставили всюду караулы и сели в осаде, не впуская и не выпуская никого из Москвы. Кричали, что надобно идти против бояр; толпились в Крестовой у патриарха, который уговаривал их не своевольничать; грозили убить его, если он заодно с боярами, но все ограничивалось одними угрозами и криками: страх был господствующим чувством; страх напал и на бутырских солдат, участвовавших в прежних стрелецких волнениях. 20 сентября в Марьиной роще пропали два солдата с лошадьми: этого было достаточно, чтоб Бутырки переполошились; в страхе и сомнении солдаты взяли себе с пушечного двора четыре пушки. Вечером 24 сентября является на Бутырки крестьянин Воронин и рассказывает, что по Троицкой дороге идут боярские люди конные и пешие с ружьем и пушками, видимо-невидимо, идут на дворцовое село Тайнинское и хотят быть в Бутырской слободе 25 сентября в ночь: солдаты, в ужасе, отпустили жен и детей своих в Москву к родственникам. Между тем еще 18 числа узнали в Воздвиженском о стрелецких волнениях и приняли меры: в ближайшие города поскакали придворные с грамотами, чтоб служилые люди спешили к Троицкому монастырю в полном вооружении; вслед за тем двор выехал в Троицкий монастырь, который был приведен в осадное положение, главное начальство было поручено человеку верному правительнице, князю Вас. Вас. Голицыну. 19 числа приехал к Троице чудовский архимандрит Адриан с известием от патриарха: надворная пехота приходила к нему с челобитьем, чтоб великие государи изволили идти в царствующий град Москву, а у них, надворной пехоты, никакого дурного умыслу нет. Государи отвечали с нарочным, чтоб стрельцы служили, по своему обещанию, верно, от смятения перестали, всполохов и страхования в Москве не делали, что Хованские казнены за измену — стрельцам до этого дела нет: суд о милости и о казни вручен от бога великим государям, стрельцам об этом не только говорить, и мыслить не довелось; царской опалы и никакого гнева на них, стрельцов, не было; так пусть будут на милость великих государей надежны, и которым из них велено идти на службу в Киев, пусть идут немедленно и тем службу свою покажут; а какие у них есть дела, то они бы прислали об них челобитчиков выборных людей.

Скорое прибытие с разных сторон служилых людей к Троице большими толпами дало возможность правительнице действовать решительнее: для управления Москвою отправлен был боярин Михайла Петрович Головин, который своими распоряжениями показал стрельцам, что их теперь не боятся: это, вместе с известиями о сборе служилых людей к Троице, нагнало еще больше страха на надворную пехоту; стрельцы плакали, как дети, и 22 числа явились к Головину с чело-

битьем, чтоб великие государи велели им быть у себя для челобитья, по скольку человек из полку укажут, а без указа идти не смеют. Указ пришел немедленно: быть по 20 человек из полку. 24 числа стрельцы пришли бить челом к патриарху, чтоб отпустил с их выборными к Троице архиерея, одни идти боятся, переказнят их там. Патриарх отпустил с ними суздальского митрополита Илариона, но и это не совершенно их успокоило: некоторые так перетрусились, что бежали с дороги назад в Москву. Остальные 24 сентября были представлены Софье, которая встретила их строгим выговором за их поведение, указывая на многочисленное войско, собравшееся для их наказания. Стрельцы подали ей письменную сказку: «Деды, отцы, дядья и братья наши и мы государям служили и ныне служим и работаем всякие их государские службы безызменно, и впредь работать безо всякой шатости рады; услышим от кого-нибудь из нас или от иных чинов людей злоумышленные слова на государское величество, на бояр, думных и ближних людей, таких будем хватать и держать до указу, как будут государи в Москву из похода; а у нас никакого злоумышления нет и вперед не будет; ратная казна, которую мы взяли, пушки, порох и свинец теперь в полках в целости; полки, которым велено идти в Киев на службу, готовы».

Но этого было мало. Правительница обещала простить стрельцов и солдат, только с условиями: 1) нынешние свои вины заслуживать головами своими, никакого дурна не мыслить, смятения не затевать и никого к тому не подговаривать, ни к каким мятежникам-раскольникам и другим воровским людям не приставать, по-прежнему не собираться с оружием в город и никуда не приходить, кругов, по казачью, не заводить. 2) Кто станет говорить непристойные речи на государей, бояр и всяких чинов людей, или объявятся прелестные и смутные письма, таких людей хватать и приводить и письма приносить в Приказ надворной пехоты. 3) К начальству многолюдством, с шумом и невежеством не приходить. 4) Самим ни с кем не управляться, не своевольничать и не грабить, быть у начальства в послушании. 5) Пушки и всякие запасы, взятые 18 числа, возвратить немедленно в прежние места. 6) Куда кому указано идти на службу, выступить немедленно. 7) Ни у кого дворов себе не отнимать, людей и крестьян в пехотный строй и на свободу не подговаривать и свойственниками их не называть. 8) В солдатский Бутырский полк и в полки надворной пехоты никого вновь, без указа, не приверстывать; солдатских и надворной пехоты детей, которые моложе семнадцати лет и у которых есть отцы, из солдат и надворной пехоты отставить, быть им до 17 лет в недорослях и жить с отцами; боярских людей, крестьян и гулящих людей, которые в нынешнее смутное время писаны в солдаты

и надворную пехоту, выкинуть из того строю всех и отдать их помещикам и вотчинникам по крепостям, а гулящих людей переписать и отправить на прежние места жительства, а на Москве не держать, чтоб от них воровства не было. 9) В дело Хованских не вступаться.

8 октября, в воскресенье, патриарх служил обедню в Успенском соборе, который весь был наполнен стрельцами. После обедни на амвоне поставили два налоя: на одном положили Евангелие, на другом — руку апостола Андрея Первозванного; вышел патриарх, прочел поучение о мире и любви, потом прочтены статьи, исполнения которых правительство требовало от надворной пехоты. Стрельцы целовали Евангелие, руку апостола и приняли статьи от патриарха, обещая желать государям добра и не щадить за них голов своих. Иван Хованский был выдан ими Головину и отправлен в Троицкий монастырь: там прочли ему смертный приговор, положили на плаху, но не казнили, а отправили в ссылку.

Октябрь приходил к концу, а двор все еще жил у Троицы, окруженный дворянскими полками. Стрельцы решились или их заставили решиться сделать последний, самый трудный шаг, отказаться от дела 15 мая как от подвига и признать в нем мятеж, преступление. Стрельцы подали челобитную: «Грех ради наших, боярам, думным и всяких чинов людям учинилось побиение на Красной площади, и тем мы, холопи ваши, бога и вас великих государей прогневали; по заводу вора и раскольщика Алешки Юдина с товарищами, по потачке всякому дурну названного отца их, князя Ивана Хованского и сына его князя Андрея, били челом все полки надворной пехоты, покрывая большие свои вины, чтоб вы, великие государи, пожаловали нас грамотами, чтоб нас ворами и бунтовщиками никто не называл, — и жалованные грамоты даны. По злоумышлению тех же Юдина и Хованских, били челом, чтоб на Красной площади сделать столп и написать на нем вины побитых, и столп сделан. И ныне мы, видя свое неправое челобитье, что тот столп учинен не к лицу, просим: пожалуйте нас, виноватых холопей ваших, велите тот столп с Красной площади сломать, чтоб от иных государств в царствующем граде Москве зазору никакого не было».

Столп был сломан, и стрельцам с солдатами дана новая жалованная грамота, где говорилось, что по злохитростному умышлению князей Хованских и Алешки Юдина с товарищами, солдаты и стрельцы возмутились и в этой смуте побиты были бояре и других чинов люди; за это Хованский и Юдин казнены 17 сентября, а солдаты и стрельцы подали заручные повинные челобитные. Великие государи, видя их слезы, простили им преступление, запретили называть их

бунтовщиками и изменниками, приказали выдавать им годовые их оклады сполна, без вычета и безволокитно, без взяток от приказных людей, прибавить подъемные деньги и не делать никаких вычетов на разные полковые потребности, на начальство им не работать.

Только после этой окончательной повинной со стороны стрельцов двор возвратился в Москву 6 ноября. Надобно было прежде всего озаботиться выбором начальника Стрелецкого приказа (название надворной пехоты исчезло). Сначала назначили на это важное место окольничего Змеева, но потом в декабре нашли человека более надежного: думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитого. Твердость нового начальника подверглась скоро испытанию. 26 декабря явилась в Стрелецкий приказ толпа стрельцов из полку Бохина под предводительством двоих — Ивана Пелепельника и Федора Ворона. С невежеством и шумом подали они челобитную, чтоб перевели из их полка несколько стрельцов в другой полк. Им отвечали, что этот перевод уже состоялся и без их челобитной. Стрельцы ушли, но потом возвратились и начали кричать, чтоб выдали им пятисотного Борисова и приказного пристава Кондратьева. Им отвечали, что этого сделать не довелось, а будет им царский указ по сыскному делу. Стрельцы не переставали кричать, что их прислали всем полком. Шакловитый велел перехватать крикунов и посадить их в приказ. Но вслед за тем в том же полку обнаружилась новая смута: по сыскному делу надобно было взять в приказ стрельца Ивана Жареного; но когда сотенный пришел, чтоб схватить его, товарищи вступились за Жареного, начали кричать: «Пусть нас всех переказнят, а Ивашку мы не отдадим!» Но пришли два стрелецких полка и Ивашку взяли вместе с четырьмя заводчиками смуты и всех казнили смертию. Бохинские стрельцы пришли просить прощения, но им объявили, что за вину свою они на государевом дворе караулов держать не будут, и жалованная грамота у них взята. Через несколько времени, впрочем, их совершенно простили [263].

Спешили уничтожить и следствия мятежа. 13 февраля 1683 года издан был указ: «Которые холопи взяли у бояр отпускные в смутное время за страхованием и с теми отпускными били челом кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тех отдать прежним их боярам и впредь таким отпускным не верить, потому что они их взяли в смутное время, неволею, за смутным страхованием, да этим же холопям при отдаче их чинить жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, если же прежние господа не возьмут их, то ссылать их в сибирские и другие дальние города на вечное житье» [264]. В Москву дали знать, что московская смута отзывается в областях, и потому 21 мая издан был указ: «Ведомо великим государям

учинилось, что в городах тамошние жители и прохожие люди про бывшее смутное время говорят похвальные и другие многие непристойные дела, на смуту, страхованье и соблазн людям, и великие государи указали: во всех городах и уездах учинить заказ крепкий под смертною казнью и биричам велеть кликать, чтоб всяких чинов люди прошлого смутного времени никак не хвалили, никаких непристойных слов не говорили и затейных дел не вмещали» [265].

Смута должна была сильнее отозваться на юге в козацких сторонах.

В южном Переяславле стрельцы перестали слушаться воеводы, овладели кабаком, в приказной избе посадили простого стрельца, чтоб ведать всякие дела, отставили своих пятисотенных и десятников, одного пятисотенного чуть не убили, на их место выбрали других и отправили 20 человек с челобитною в Москву. Гетман писал царям: «Смею донести вашему царскому величеству, что непрестанная печаль так меня преодолела, что уже и силы во мне мало осталось. Переяславские стрельцы поступками своими сильно вредят тамошним нашим людям, между которыми немало старых своевольников». В Конотопе путивльский купец Афанасий Беляев разглашал, что под Путивлем соберутся царские войска тайно, учинят раду, призовут на нее гетмана Самойловича или силою возьмут и станут рубить всю старшину войсковую и арендаторов [266].

Летом 1683 года в Москве узнали, что на Дону какой-то чернец Иосиф распространяет воровские письма. Немедленно отправился туда Посольского приказа толмач Тарас Иванов с требованием выдачи этого монаха. Собрался круг; есаулы, по приказу атамана Фрола Минаева, говорили козакам: «Надобно за чернецом и за его советниками послать и доведется отпустить их к великим государям, воров жалеть нечего». Но в ответ раздались крики, что чернеца посылать не для чего, потому что он малоумен и письмо воровское сочинял не он, надобно послать за настоящими ворами, которые чернецу письмо дали и обманули; воры эти — Куземка Косой да Костка стрелец, живут они на устье Медведицы, а чернец живет на Северском Донце. Объявились и другие мнения: козак Фомка Савостьянов говорил: «Для чего за теми ворами посылать и где их сыскать?» Пашка Чекунов прибавил: «Для чего их в Москву посылать? И без них на Москве много мяса». Тут выступили атаман и старшины и начали говорить: «Для чего вы за воров стоите? Почему, сыскавши, их не отослать? Или вам мало государской милости и жалованья?» Потом старшины подошли к Тарасу Иванову и стали говорить ему тихонько: «Видишь, какие у нас люди и за кого стоят? Для чего в государевой грамоте не написано, чтоб тех воров сыскать и казнить у нас, мы бы их казнили

тотчас. Которые люди являются на Москве в расколе, и стрельцы за разные воровства битые кнутом, руки и ноги сечены, носы и уши резаны, а ссылают их в новый город Полатов — те люди объявились у нас все на Дону, и воровские замыслы и смуты идут от них. При тебе из Полатова пришло сюда таких воров семь человек. Вот Самойла Лаврентьев и старый козак, а держит у себя таких воров и дает им на ссуду лодки и ружья. Известти боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, чтоб вперед таких воров не ссылали в города, которые близ Дону, потому что они из этих городов уходят к нам на Дон, и всякое воровство и смуты начинаются от них, в кругах оспаривают царские указы и дела, ворам потакают и кричат. Мне и другим старшинам и добрым козакам говорить нельзя, потому что всех нас побьют».

Поговорив с царским посланным, атаман велел есаулам кричать: «За ворами послать надобно и есть ли в ту посылку охотники? Кто выищется, тем дано будет войсковое жалованье». Выступили трое козаков и говорили: «Мы рады богу и великим государям служить и за ворами ехать и без жалованья». Атаман отвечал: «Без жалованья ехать нельзя, будьте готовы, а жалованья вам по 4 рубля человеку».

О воровском письме посланному рассказывали, что в нем написано от имени царя Иоанна Алексеевича, приказывает козакам идти в Москву, будто бояре его, государя, не слушают и не воздают ему достойной чести, и другие многие непристойные слова, которых нельзя и сказать, да на патриарха и на архиереев написаны также многие непристойные слова, печать у письма красная, но не государская, должно быть монастырская. Когда это письмо в кругу прочли, то многие *легкомысленные* козаки и воры, ссыльные люди закричали и хотели сбираться в Москву. Но Фрол Минаев и старшина говорили, что письмо воровское, верить ему нечего, печати великих государей у письма нет, а если б письмо было прямое, то великие государи прислали бы с ним не такого вора чернеца, прислали б знатного человека. За такие речи Фрола Минаева, Ивана Семенова и многих старых козаков воры хотели убить до смерти. Иван Семенов принужден был сдать атаманство, а Фрол Минаев недели с две не выходил из своего куреня, боясь, чтоб воры не убили.

При отпуске Фрол Минаев и другие знатные козаки говорили Тарасу тайно: «Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идет у нас на Дону от воров раскольников, которые у нас живут по Хопру и по Медведице, а именно от старцев Антония и Пафнутия, и от ссыльных, которые сбежали на Дон из украинских городов». После на Дону нашли виноватым только одного Костку Леонтьева и прислали его с воровскими письмами в Москву.

Кроме раскольничества на Дону стало сильно пахнуть разинским духом. В том же 1683 году атаман Максим Скалозуб вызвался идти с охотниками на Волгу *для зипуна,* хотел промышлять над непокорными царям калмыками. Но вместо калмыков приступал к Царицыну и был отбит после жестокого боя, в котором погибло много государевых людей. Фрол Минаев давал знать тайно Голицыну, чтоб из Москвы отнюдь не посылали к Скалозубу с увещаниями, ибо в таком случае к нему пристанет много и других козаков: «Теперь у нас, — говорил Фрол, — вольницы много, унимать нам их нельзя, потому что всем нам старшинам от голутьбы теперь стало тесно. *Призывали* (посылали с увещаниями) вора Стеньку Разина, и этим призывом его испортили; а Скалозуб, ходя на низу на Волге без пристанища, пропадет скоро, потому что его на Яик и в другие места никуда не пустят» [267].

Скалозуб пропал. В Москве Шакловитый зорко следил за стрельцами. 30 декабря 1683 года он подал царям и царевне докладную записку о необходимости удалить из Москвы некоторых стрельцов, особенно астраханцев, для предупреждения новой смуты. Мера была принята [268].

ДОПОЛНЕНИЯ

I. Опись городам, ведомым в разряде, в 1668 г.

(Архив мин. юстиц., книги Москов. стола, № 62) *

1. *Во Владимире:* отставных дворян и детей боярских 8; стрельцов 14; пушкарей 6; рассыльщиков 7; воротников 12; старост 2; посадских людей 384 (по описи 1679 г.** 398), детей их, братьи, племянников и всяких свойственников 189; Рождественского монастыря слуг 19; служебников 46; Спасова-Золотоворотского монастыря слуг 2; сторожей 5; Успенского девичьего монастыря слуг 2; сторожей 11; Соборной церкви сторожей 17; бобылей 9, у них братьи 1; ямщиков 76, детей их, братьи, племянников и зятьев 82; бобылей их 9; дворников 71; детей их, братьи, племянников и зятьев 15.

2. *В Суздале:* губной староста 1; губной дьячок 1; в приказной избе подьячих 9; архиепископских приказных 3; детей боярских 57; у них бою по сабле, да по паре пистолей, да по коробину; подьячих 9 с пищалями; недельщиков 4 с пищалями; дворовых людей 16 с бердышами; бобылей 33 с рогатиною; Спасо-Евфимьева монастыря слуг 42 человека, бою у них по сабле, по паре пистолей, по коробину; оброчных крестьян 4 с пищалями, 31 с бердышами, 44 с рогатинами, 26 с топорками; пушкарей 4 с бердышами. Гостиной сотни торговых людей 4 с пищалями; посадских людей 3, у них бою по сабле, да по паре пистолей, 340 с пищалями, 62 с топорками, 240 с бердышами, 250 с рогатинами, всего посадских 895 (по описи 1679 г. 835). Всего 1191 (по описи 1679 г. 1409).

3. *В Юрьеве Польском:* посадских 140, у них детей 155; всего 338.

4. *В Шуе:* посадских 186 (по описи 1679 г. 183), детей их 127 (по описи 1679 г. 50); всего 381.

5. *В Луху:* посадских 185; всего 288.

---

* ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, книги Московского стола, № 62.
** Там же, № 103.

6. *В Муроме:* посадских 394 (по описи 1679 г. 431); всего 1106 *.

7. *В Переславле Залесском:* посадских 294 (по описи 1679 г. 304, детей, братьев и племян. 150); всего 746.

8. *В Ростове:* посадских 660 (по описи 1679 г. 722), с детьми, братьями и племянниками; отставных дворян и детей боярских 11; губной староста; городовой прикащик; подьячих 3; рассыльщиков 10.

9. *В Ярославле:* посадских и всяких жилецких людей 3468 (по описи 1679 г. 2862); воевода; губной староста; городовой прикащик; объезжий голова; сотник стрелецкий; съезжей избы подьячих 14; приставов, пушкарей и рассыльщиков 23; площадных подьячих 22; в таможне 6; на Кружечном дворе 2; губных дьячков 2; в земской избе 2.

10. *В Костроме:* посадских 1322 (по описи 1679 г. 1044); губных старост 2; дворян и детей бояр. 21; подьячих 17; стрельцов 20; пушкарей 3; приставов 8.

11. *В Галиче:* губных старост 2; городовых прикащиков 2; подьячих 7; пушкарей 8; рассыльщиков 38; воротников 7; ямских охотников 4; посадских 728.

12 *В Вологде·* воевода; губной староста; осадный голова; отставных дворян и детей бояр. 13; подьячих 26; стрельцов 68; рассыльщиков 9; отставных пушкарей 2; в приказной избе сторожей 2; дворников на осадных дворах 20; на посаде гостиной сотни 4, суконной 3 (по описи 1679 г. гостиной и суконной сотни 3); на монастырских дворах служебников и работников и на немецких дворах дворников 42; посадских с братьями 1195 (по описи 1679 г. 1024); детей 312, племянников 10; пасынков 7, зятьев 2; подворников 21; дворовых людей 9; посадских бобылей с братьями 256; детей их 21, 2 племянника, 1 пасынок; каменщиков 22; кирпичников 8; всего в городе жителей 2073.

13. *В Кашине:* 232 двора, в них людей всего 505.

14. *В Бежецком Верхе:* посадских 386 (по описи 1679 г. 420).

15. *В Можайске:* всего жителей 148, из них посадских 57 (по описи 1679 г. 40).

16. *В Верее:* всего 154, из них посадских 109 (по описи 1679 г 122).

17. *В Рузе:* всего посадских 30 (по описи 1679 г. 46).

18. *В Волоколамске:* всего 123, из них посадских 44 (по описи 1679 г. 49).

19. *В Боровске:* всего 407, из них посадских 350 (по описи 1679 г. 203).

20. *В Малоярославце:* посадских 83 (по описи 1679 г. 90).

---

* Цифра ошибочна, нужно 1176 См ЦГАДА, ф 210, Разрядный приказ, книги Московского стола, № 62, л 23.

21. *В Клину:* посадских 30 (по описи 1679 г. 23, детей и братьев 30).

22. *В Вязьме:* всего 728, из них посадских 390 (328).

23. *В Туле:* всего 1036, из них посадских 333 (364, детей и братьев 170), казенных кузнецов 8 (84), детей их и братьев годных в службу 25 (53), замочников 14; станочных мастеров 9, кирпичников 36, детей их и братьев годных в службу 24; ямщиков 56, детей их и братьев 90.

24. *В Кашире:* всего 161, из них посадских 55 (48).

25. *В Алексине:* всего 125 (136).

26. *В Тарусе:* всего 39, из них посадских 18.

27. *В Серпухове:* 732, из них посадских 233 (229).

28. *В Одоеве:* всего 754, из них посадских 65.

29. *В Крапивне:* 237, посадских нет, одни служилые.

30. *В Дедилове:* 432 (429), посадских нет.

31. *В Коломне* 528, посадских 67 (304, детей и свойствен. 150).

32. *В Переяславле Рязанском:* 460, посадских 86.

33. *В Зарайске:* 542, посадских 207 (257 детей, братьев и племянников, не в разделе живущих 148, в малых летах 316).

34. *В Пронске:* 832, посадских нет.

35. *В Михайлове:* 625, посадских 28 (37).

36. *В Гремячем:* 475, посадских нет.

37. *В Веневе:* 338, посадских 223 (110, детей их и свойственников 306).

38. *В Печерниках:* 186 служилых, посадских нет.

39. *В Сапожке:* 549 (364), посадских нет.

40. *В Ряжском:* 1348 (1709); ряжан отставных 45; недорослей 447; козаков 395, детей их, братьев и племянников 345; посадских нет.

41. *В Шацке:* 422 (502), посадских нет.

42. *В Калуге:* 1421 (1348), посадских 968 (910).

43. *В Лихвине:* 65 (71); посадских 34 (38), у них детей, братьев и племянников 27.

44. *В Мещевске:* 194; посадских 27, у них детей 30.

45. *В Серпейске:* 85 (157); посадских 26 (43), роду их 52 (106).

46. *В Мосальске:* 68, посадских 9.

47. *В Козельске:* 143, посадских нет.

48. *В Белеве:* 838, посадских 242 (350), роду их 262.

49. *В Болхове:* 1048 (1204), посадских 380 (477), роду их 325 (415).

50. *В Карачеве:* 599, посадских 20, роду их 36.

51. *В Орле:* 655, посадских нет (42, роду их 62).

52. *В Кромах:* 261, посадских нет.

53. *В Брянске:* 1092, посадских 76.

54. *В Рыльске:* 379, посадских 42, захребетников 5.

55. *В Севске:* 951, посадских нет.

56. *В Путивле:* 1653, посадских 117, у них детей, братьев, зятьев, приемышей соседей 66.

57. *В Каменном:* 481, посадских нет.

58. *В Мценске:* 516, посадских нет.

59. *В Ельце:* 2920, посадских 186 (152), роду их 143 (91).

60. *В Ливнах:* 1424, посадских нет.

61. *В Курске:* посадских 376, дворян и детей боярских 446.

62. *В Новосиле:* 428, посадских нет.

63. *В Епифани:* посадских нет.

64. *В Черни:* 297, посадских нет.

65. *В Данкове:* 835, посадских нет.

66. *В Лебедяни:* 698, посадских нет.

67. *В Талецком:* 520, посадских нет.

68. *В Черкасском:* 427, посадских нет.

69. *В Ефремове:* 1895, посадских 3.

70. *В Осколе:* 1468, посадских нет.

71. *В Землянске:* детей боярских 129; недорослей 9, козаков 29, пушкарей 39, черкас 585, посадских 10.

72. *В Обояни:* детей боярских 759, стрельцов 9, козаков 77, пушкарей 29, посадских нет.

73 *В Судже:* посадских нет.

74. *В Сумах:* козаков 1221, мещан 1754.

75. *В Лебедине:* козаков 628, мещан 1641.

76. *В Белегороде:* посадских 48.

77. *В Болховом:* (по черте от Белгорода направо) посадских нет.

78. *В Карпове:* посадских нет.

79. *В Хотмышском:* посадских нет.

80. *В Вольском:* посадских нет.

81. *В Олешне:* посадских нет.

82. *В Ахтырке:* черкас 922, мещан нет.

83. *В Короче:* посадских нет.

84. *В Яблонове:* посадских нет.

85. *В Новом Осколе:* посадских нет.

86. *В Верхососенском:* посадских нет.

87. *В Усерде:* посадских нет.

88. *В Ольшанском:* посадских нет.

89. *В Острогожском:* посадских русских 11, черкас мещан 18; детей боярских 65; станичников 41; черкас городовой службы 390.

90. *В Коротояке:* детей боярских 424, козаков 377, посадских 40.

91. *В Урыве:* 160, посадских нет.

92. *В Воронеже:* черкас 178, детей боярских 154, стрельцов 211, козаков 681, посадских 271.

93. *В Костенском:* детей боярских 197, посадских нет.

94. *В Белоколодезском:* драгунов 194, посадских нет.

95 *В Орлове городке:* детей боярских драгунской службы 239, пушкарей 14, дьячок приказной избы 1.

96. *В Сокольском:* драгунов 518, пушкарей 18, посадских нет.

97. *В Усмани:* посадских нет.

98. *В Добром Городище:* посадских нет.

99. *В Козлове:* посадских 47, роду их 42.

100. *В Тамбове:* служилых людей 2342, посадских нет.

101. *В Волуйке:* посадских нет.

102. *В Чугуеве:* посадских нет.

103. *В Салтове:* посадских нет.

104. *В Харькове:* детей боярских 55, козаков черкас полковой службы 1070, пашенных черкас 1023.

105. *В Красном Куте:* черкас полковой службы 120, мещан пахотных черкас 686.

106. *В Богодухове:* рядовых козаков 137, городовой службы черкас 935.

107. *В Бобровке:* козаков 200, мещан 948.

108. *В Болыклее:* черкас 331.

109. *В Новгороде Великом:* судья; голов стрелецких 2; козачий голова; сотников стрелецких 5; городничий; житного двора ключник; объезжий голова, ямской прикащик; отставных дворян и детей боярских 10; съезжей избы подьячих верстаных 32, молодых неверстаных 20; новокрещенов кормовых 29; новгородских пеших козаков 150, детей их и братьи 18; в Московском приказе стрельцов 500, детей их, братьи, племянников и подсоседников 233; в Новгородском приказе стрельцов 500, роду их 123; пушкарей 53, запасных кузнецов 14, детей их 10; воротников 15; ямских охотников с родом 128; посадских 1080; митрополичьих детей боярских и бобылей 127; церковных причетников 168.

110. *В Ладоге:* 262, посадских 46.

111. *В Порхове:* посадских 112.

112. *В Пскове:* посадских 1169 с родом, приемышами, захребетниками, церковными дьячками, пономарями.

113. *В Гдове:* посадских 71, роду их 64, всего 525.

114. *Во Изборске:* 208, посадских 4.

115. *В Острове:* посадских 17, всего 109.

116. *В Опочке:* 526, посадских 80.

117. *В Печерском монастыре:* посадских 126, всего 344.

118. *В Великих Луках:* посадских 95, всего 1084.

119. *В Торопце:* посадских 463, всего 1353.

120. *В Твери:* посадских 429, роду их 77, всего 671.

В опись 1679 года внесены города: 1) *Романов:* посадских 258. 2) *Звенигород:* посадских 22, 3) *Борисов:* посадских 11, детей их 22. 4) *Белоозеро:* посадских 775; попов, их детей и братьи 38; бедных, которые кормятся по миру, 189. 5) *Углич:*

посадских 143. 6) *Воротынск:* посадских 55, детей их, братьи и племянников 171, всего 255. 7) *Перемышль:* посадских 25, детей их и братьи 46.

II. Опись городов 1677 года

(хранящаяся между Приказными делами Московского архива минист. иностран. дел) *

1. *Устюг с уездом:* Стрельцов 132; посадских и бобыльских дворов 689, людей в них 830; в уезде крестьянских и половничьих дворов 7804, людей в них 9458 человек. Данных и оброчных с посаду и уезду 6038 рублей; полоняничных 232 рубля; с таможен и кружечных дворов 6782 р.

2. *Сольвычегодск:* Посадских 228 дворов, а людей в них 258, да 74 кельи нищих, да 18 дворов пустых, да 18 мест дворовых. В уезде, в селах и деревнях 3198 дворов крестьянских и половничьих, да 136 дворов, да 8 мест дворовых отдано на льготу, да 71 двор бобыльский, 2 двора гостиной сотни, двор торгового человека, а людей в них 5382. Данных и оброчных с посаду и уезду 2843 рубля; полоняничных 96; таможенных и кружечных 3062.

3. *Тотьма:* На посаде 215 дворов, людей в них 296. В уезде 2098 дворов, людей в них 3725; 36 дворов половничьих, людей в них 51. Данных и оброчных 1495 рублей; полоняничных 68 рублей; таможенных и кружечных 2350 р.

4. *Вязьма:* На посаде 379 дворов, людей в них 400. В уезде крестьянских и бобыльских 1542 двора, людей в них 1563. Данных и оброчных 93 рубля, полоняничных 30, таможенных и кружечных 1196 рублей.

5. *Можайск:* На посаде 32 двора **, людей в них 30 человек. В уезде 355 дворов, людей в них 368. Данных, оброчных и полоняничных с посаду 28 рублей, таможенных и кружечных 1196 рублей.

6. *Руза:* На посаде 75 дворов, людей в них 80 человек. В уезде 504 двора, людей в них 511. Данных и оброчных 9 рублей, полоняничных 13, кружечных 175 рублей.

7. *Звенигород:* На посаде 61 двор, людей в них 67. В уезде 28 дворов, людей в них 35. Данных, оброчных и полоняничных 11 рублей.

8. *Венев:* На посаде 107 дворов, людей в них 127. В уезде 496 дворов, людей в них 499. Данных и оброчных 80 рублей, полоняничных 14; кружечных 485 рублей.

---

* ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, 1677 г., д. 28, л. 2, 5, 8—9, 11, 14—15, 19, 34—47, 49—50.

** Цифра ошибочна, нужно 23; см. там же, л. 35.

9. *Клин:* На посаде 25 дворов и в них стольких людей. В уезде 615 дворов. Данных, оброчных и полоняничных 2 рубля; с уезду полоняничных 12 рублей; с кружечного двора 228 рублей.

10. *Ржева Володимерова:* Посадских 83 двора, в уезде 1354 двора; данных, оброчных и полоняничных 70 рублей; с кружечного двора 328 рублей.

11. *Старица:* На посаде 117 дворов; в уезде 396. Данных и оброчных 22 рубля; с кружечного двора 292 рубля.

12. *Бежецкий Верх:* Посадских 134 двора, людей в них 195. В уезде дворов 2757, людей в них 2843. Данных, оброчных и полоняничных с посаду 44 рубля; с уезду полоняничных 60 рублей; с кружечного двора 477 рублей.

III. Список подьячих по приказам 1675 года

(Архив минист. юстиции, книга Моск. стола, № 73) *

1. *Разряд.* Подьячим всем оклад 700 рублей; порознь жалованья от 40 до 2 рублей человеку. Верстаных подьячих 74 человека; из них 10 человек получали поместный оклад от 400 до 250 четвертей. Неверстаных 33. Разрядного приказа дети боярские: 10 верстаных, получавших жалованья от 12 до 8 руб., неверстаный один. 6 сторожей получали жалованья по 7 рублей.

2. *Посольский приказ.* Оклад 600 рублей, от 65 до 4 рублей человеку; верстаных 31; из них поместный оклад имели 4, от 350 до 250 четвертей; неверстаных 7; 5 приставов с жалованьем по 8 рублей; 4 сторожа с жалованьем по 7 рублей.

3. *Приказ Малой России.* Оклад 362 рубля, от 50 до 5 рублей человеку, всего 19 подьячих.

4. *Большая казна.* Оклад 200 рублей, от 25 до 2 рублей человеку, всех подьячих 13 человек; 6 приставов с жалованьем по 8 рублей; 4 сторожа с жалованьем по 6 рублей.

5. *Иноземский.* Оклад 135 рублей, от 20 до 1 рубля; верстаных 25, неверстаных 9; 3 пристава, 4 сторожа с жал. до 7 рублей.

6. *Рейтарский.* Оклад 89 рублей, от 22 до рубля, 13 верст., 4 неверстаных; 5 приставов с жал. по 5 руб.; 4 сторожа с жал. по 6 руб.

7. *Аптекарский.* Оклад 20 руб., один подьячий.

8. *Казанский дворец.* Оклад 350 руб., от 31 до рубля; верст. 60; неверст. 17; 10 приставов с жал. по 10 руб., 6 сторожей с жалован. по 6 руб.

9. *Сибирский.* Оклад 308 руб., от 30 до 6 руб.; 16 верст., 7 неверстаных.

---

* ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, книги Московского стола, № 73.

10. *Купецких дел.* Четверо подьячих; один с жал. 40 р., другой 25, двое 20; 6 приставов с жал. по 12 руб., четверо сторожей по 6 руб.

11. *Стрелецкий.* Оклад 223, от 20 руб. до 50 коп.; верст. 32, неверст. 20.

12. *Приказ сбора стрелецкого хлеба.* Оклад 55 руб. 50 коп., от 15 до 5 руб., двое подьячих с приписьми, 2 старых верст., 7 неверст., один молодой верст., 39 неверст., четверо сторожей с жал. по 7 руб.

13. *Судный Владимирский.* Оклад 226, от 28 до 2; верст. 28, неверст. 2; приставы: 5 с жал. по 10 руб., один по 8; двое неверст.; четверо сторожей по 7 руб.

14. *Судный Московский.* 250, от 19 до 2; верст. 16, неверст. 15; 12 приставов по 4, 3, 2 рубля; 4 сторожа по 7 руб.

15. *Приказ большого дворца.* 825, от 25 руб. до 50 коп. 84 верстаных.

16. *Житный двор.* От 25 до 8; всего 6 подьячих.

17. *Сытного дворца.* От 30 до 4 руб., 10 подьячих.

18. *Кормового дворца.* От 20 до 5 руб.; 6 подьячих.

19. *Хлебного дворца.* От 19 до 4 руб.; 7 подьячих.

20. *Судный дворцовый.* Оклад 130, от 23 до 4 руб., верст. 8, неверст. 10; приставов неверст. 6; 4 сторожа с жал. по 6 р.

21. *Оружейный.* 95 руб., от 50 до 15 руб., 3 подьячих; двое приставов по 29 руб. обоим; 9 сторожей — всем 52 рубля.

22. *Поместный.* 700 руб., от 50 до рубля; 95 верст, 228 неверст.; 5 детей боярских с жал. по 10 руб., 6 сторожей с жал. по 9 руб.

23. *Разбойный.* 300 руб., от 20 до 2 руб.; верст. 38, неверст. 6; 5 приставов верст. с жалов. по 4 руб., 5 неверст.; 6 сторожей, всем 40 рублей.

24. *Пушкарский.* 200 руб., от 35 до 3; 10 верст., 1 неверст.

25. *Ямской.* 150 руб., от 33 до 1 руб.; 14 подьячих.

26. *Челобитный.* 200 руб., от 30 до 4 руб.; верст. 13, неверст. 6; подвойских 5 с жал. по 12 руб.; 1 пристав и 3 сторожа.

27. *Большой приход.* 385, от 30 до 2 руб.; 25 верст., 42 неверст.

28. *Московской большой таможни.* От 15 до 5 руб.; 5 верст., 11 неверст.

29. *Померной избы.* 1 верст. по 5 руб.; 10 неверст.

30. *Казенный.* 124 руб., от 35 до 5; 8 верст., 1 неверст.

31. *Монастырский.* 246, от 30 до 3 руб.; 25 верст., 7 неверст.

32. *Печатный.* 63, от 35 до 5 руб.; 5 верст., 3 неверст.

33. *Конюшенный.* 164, от 28 до 3 руб.; 12 верст., 2 неверст.

34. *Земский.* 255, от 35 до 3 руб.; 29 верст., 17 неверст.; двое нарядчиков с жал. по 14 руб.; 9 решеточных прикащиков верстаных от 12 до 8 руб., 42 неверст.

35. *Владимирская четь.* 64, от 30 до 4 руб.; 3 верст., 18 неверст.

36. *Галицкая четь.* 71, от 30 до 8 руб.; 4 верст., 8 неверст.

37. *Новгородский.* 195, от 34 до 5 руб.; 17 верст., 14 неверст.

38. *Костромская четь.* 79, от 34 до 3 руб., 6 подьячих.

39. *Княжество Смоленское.* 66, от 18 до 7 руб.; 6 верст., 1 неверст.

40. *Устюжская четь.* 137, от 31 до 50 коп.; 14 верст., 7 неверст.

41. *Новая четь.* 158, от 30 до 3 руб.; 12 верст., 25 неверст.

42. *Отдаточный двор.* 27; верст. 2, неверст. 13.

43. *Холопья суда.* 200, от 30 до 2 руб.; верст. 14, неверст. 6.

44. *Хлебный.* 137, от 23 до рубля; 24 верст.

45. *Каменных житниц.* 25; 2 верст.

46. *Каменных дел.* 113, от 35 до 8 руб.; 5 верст., 1 неверст.

47. *Мытная изба.* 11 подьячих, все неверстаны.

IV. Разряд без мест царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Роси самодержца 190 году *.

Лета 7190 генваря в 12 день указал велики государь царь и велики князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Роси самодержец быть всем чинам у всяких дел быть без мест и отеческих дел впреть отнюдь не вчинать; а будет де хто станет вчинать и тем сказано быть под смертною казнью и пот клятвою, и книги разрядные и случные сожгли власти в передних сенях в печи, и выброны изо всех родов в ротмистри и в порутчиках в [с]тарших и не в старших и с того числа все почело быть без мест.

Того ж году генваря в 17 день сказано сидеть в палате у расправных дел з боярином с князь Никитою Ивановичем Одуевским боярину князь Ивану Борисовичю Троекурову.

Того ж году генваря в 18 день были у великого государя у руки на приезде в столовой палате кримские послы и посланники;

А объевлял их великому государю думной посольский дьяк Ларивон Иванович Иванов.

Того ж году генваря в 19 день был у великого государя в передней светейши Иоаким патриярх Московски и всеа Руси со властьми.

---

* Этот важный памятник, восполняющий пробел в известных нам до сих пор разрядных книгах, находится в Московском главном архиве Мин. ин. дел. (См. ЦГАДА, ф. 156, Исторические и церемониальные дела, д. 147, л. 1—16.)

А в то время указал велики государь принесть ис комноты ближным людем ларец с родословною книгою князь Борису княж Алексееву сыну Голицыну да Михайлу Васильеву сыну Собакину. И как по указу великово государя тот ларец с родословною книгою принесли, и велики государь указал честь свой великого государя указ думному розрядному дьеку Василью Семенову.

И как думной дьяк Василей Семенов ево великого государя указ прочел, и великий государь изволил тое книгу поверх потписать по листам своею рукою;

А светейши потриярх подисподом также потписовал по листом своею рукою;

А власти, и бояре, и околничия и думныя и ближные люды и всякия чины потписоволи своимиж руками по своими имены.

А каков великого государев указ сказан и думной дьяк розрядной Василей Григорьевич Семенов ичел, и тот указ великова государя писон в особной тетрате весь именно, и чье руки властей, и бояр, и околничих и думных и ближных людей руки объевились у той книги, и то написано в той же тетрате все именно на лицо для впретку, и тое книгу указал велики государь и свой указ переплечи и построет боярину князь Василью Васильевичю Голицыну тое книгу отдать в розрят именно боярину князь Михаилу Юрьевичу Долгоруково с товарищи, а хто имены сидел у сей книги, и тех имены написаныж впоследи.

Того ж году генваря в 20 день сказана быть по указу великого государя в воеводах: в Велики Новгорот изо Пскова боярину князь Михайлу Андреевичю Голицыну полковым и осадным;

Во Псков осадным околничему князь Григорью Афанасьевичю Козловскому;

А из Великого Новаграда осадному воеводе боярину Василью Семеновичю Волынскому указал велики государь быть к Москве.

И генваря в 24 день отказона им.

Того ж году генваря в 25 день сказан воеводы осадным:

Велики Новгорот боярину Ивану Васильевичю Бутурлину;

А бояри[н]у Василью Семеновичю Волиньскому велено быть по прежнему к Москве.

А Новогоротцкой полк велено ведоть и Псковской во Пскове боярину князь Михайлу Андреевичю Голицыну.

Того ж году генваря в 27 день сказоно в воеводы с Козанским полком в Синбирск боярину Петру Васильевичю болшему Шереметеву.

Того ж году генваря в 29 день сказано по указу, великого государя строить городы в Дауры и в Селегинской и в Болбожинской, и Сибирским полком на Китайцы думному дво-

ренину Кирилу Осиповичю Хлопову, а с ним велено быть всем Сибирской земли городом всяким служивым людям конным и пехоте.

Того ж году февраля в 5 день было постановления в орхиепископы во Тверь и в Кашин;

А ставили ис Торшка Борисоглебскова и преподобного Ефремя Новоторжского чудатворца манастира архимандрита Сергия.

А ставили в соборной и опостольской церкви;

А ставил его в орхиепископы светейшее Иоаким патриярх Московски и всеа Руси.

А на постановлени были власти.

Митрополиты:

Карнили Новгоротцки и Великолуски,
Никифор Астрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ерославски,
Маркел Псковски и Зборски,
Семеон Смоленски и Доргобужски,
Версунофей Сарски и Подонски,
Филарет Нижегоротцки и Олаторски,
Павел Резански и Муромски;

Архиепископы:

Илорион Суздолски и Юрьевски,
Симон Вологотцки и Белозерски,
Никифор Коломенски и Коширски;

Епископ:

Иона Вятцки и Великопермьски;

Архимандриты:

Чудовской,
Юрьевской из Новагорода
Андроньевской,
Савинской,
Футинской,
Калязинской;
Спаса-новой,
Симоновской,
Петровской,
Воскресенской,
Боговленской,
Иверской;

Игумны:

Знаменской,
Угрежской,
Златоустовской,
Навинской,
Данской,
С Унжи Макарьевской,
Здвиженской,
Даниловской,
Стретинской,
Протопоп Соборной.

А лествицею учинен ниже вологотцкого, а више коломенского тверской владыко.

Да на постонавлени были по указу великаго государя боярин князь Юрья Семенович Урусов, да с ним думной дворенин Кирило Осипович Хлопов, да думной дьяк Василей Семенов.

А провожали верх к великому государю владыку и на Подворье думной дворенин и думной дьяк теж;

Того ж году февраля в 9 день сказана в осадные воеводы: на Терки стольнику Федору Савину сыну Нарбекову;

А околничему Александру Савосьяновичю Хитрово указал велики государь быть к Москве.

Того ж году сказана родословныя книги, и выижия, и боярским и воевотцким родом, и гостиным и дворянским и дьячьим, а делать на шесть книг с отверски, а книгам быть: (1, 2, 3, 4, 5, 6) 1) родословным людем; 2) виежим; 3) московским знатным родом; 4) дворянским; 5) гостиным и дьячим; 6) всяким ниским чинам.

Боярину князь Володимеру Дмитриевичю Долгоруково, да думному дьеку Василью Семенову гербалною, стольником князь Ивану княж Андрееву сыну Болшому Голицыну, да Павлу* сыну Непребецкому улаженья, стольнику князь Андрею князь Иванову сыну Хованскому, а с ним двойники и в сем велено принасить каленны росписи по родам.

Того ж году февраля в 12 день изволил велики государь виброть себе в супруги девицу Марфу Матвееву дочь Матвея Васильевича Апраксина.

Того ж числа нарекли девицу Марфу Матвеевну в царевы и великия княжны, а благословлял и нарекал светейши патриярх.

Того ж числа вишет ис комнаты в переднею светейши патриярх сказавал бояром и окольничим и думным людем, что нарекли цареву и великою княжну Марфу Матвеевну.

Того ж году февраля в 15 день была радость, изволил велики государь сочетатца вторым законным браком.

А изволил велики государь понять за себя Матвееву дочь Васильевича Опраксина цареву и великою княжну Марфу Матвеевну.

А венчатца изволил велики государь в саборе у Живоноснаго Воскресения господни.

А венчался в 6 часу дня в первой четверти.

А венчал ево великого государя духовник евож великого государя благовещенской протопоп Никита Васильевич.

А Кремль был в то время заперт, а отперли в 10 час.

А круг Кремля указана была и вороты ведать окольничиму Павлу Петровичю Языкову, а свадебного чину никакова небыла.

---

* Пробел в подлиннике.

Того ж числа пожаловал велики государь в спалники столников:

Степана Богданова сына Ловчикова;

Петра да Федара, да Андрея Матвеевых детей Опраксиных.

Того ж году февраля в 16 день указал великий государь ехать с радосними грамоты стольником и ближным людем ка властям Иван Андреев сын Язиков, да Иан Васильев сын Дашков и по бояром.

К Троице в Сергиев монастирь Иван Михайлов сын Волынской.

К Саве в Звенигород и в Воскресенской монастири Иван Богданов сын Яковлев.

Того ж числа указал великий государь сидеть в розряде и в Ройтарском и в Ыноземском и в Пушкарском приказах думному дворенину Веденихтю Андреевичу Змееву на столника Степанава места Ловчикова.

Того ж году февраля в 17 день пожаловал велики государь в стольники к государю царевичю и великому князю Ивану Алексеевичю стольника князь Ивана княж Степанова сына Шеховского.

Того ж году февраля в 19 день пожаловал велики государь в столники 2-х Опраксиных, 2 Хрушовых, 2 Ловчиковых.

Того ж году февраля в 19 день было действо страшного суда.

А на действе был светейши патриярх со влостьми.

Да по указу великого государя были на действе царь Григорей Алексеевич сибирской, да боярин князь Иван Борисович Троекуров, да думной дворенин Кирила Осипович Хлопов, да думной дьяк Данила Полянский.

Того ж году февраля в 21 день были у руки государыни царицы и великия княгини Марфы Матвеевны в передней государевой, а были, а велики государь сидел, с правой руки:

Светейши Иоаким потриярх Московски и всеа Руси со властьми и благословляли образами;

а власти были:

Митрополиты:

Кирнили Новогоротцки и Великолуски,
Никифор Астрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ярославски,
Маркел Псковски и Зборски,
Семеон Смоленски и Доргобужски,
Варсунофей Сарски и Подонски,
Филарет Нижегоротцки и Олаторски,
Павел Резански и Муромски;

Архиепископы:

Илорион Суздолски и Юрьевски,
Симон Вологотцки и Белозерски,
Серги Тверски и Кашински;

Епископ:

Иона Вятцки и Великопермьски.

Да у руки были бояре и окольничия и думные и ближные люди.

Да объявлял боярин и дворетцкой князь Василей Федорович Одуевской гостей и розных слобод посатцских людей с подносом.

Того ж году февраля в 23 день был великому государю выход в Залатую палату, а были у великова государя на отпуске посли и посланники кримския, объявлял думнай дьяк Ларивон Иванов.

Того ж числа пожаловал велики государь в бояре кравчего князь Ивана Григорьевича Куракина;

А сказавал ему боярства думнай дьяк Василей Семенов;

А у скаски стоял и великому государю объявлял окольничей Матвей Степанович Пушкин.

Того ж числа пожаловал велики государь в кравчия столника и ближнаго человека князь Бориса Алексеевича Голицына;

А сказавал думной дьяк Василей Семенов.

Того ж числа был стол у великого государя по столовой полате.

А у стола были великого государя светейши патриярх со властьми, да бояре и околничия, и думныя и ближния люди все.

В столы смотрели столники:

В болшей стол столник князь Лука княж Федоров сын Долгоруково, да столник же Дмитрей Петров сын Протасьев;

В кривной стол столник князь Борис княж Федоров сын Долгоруково, да столник Александр Петров сын Протасьев.

У государева стола стаял крайчей князь Борис Алексеевич Голицын да столник и ближней человек Аврам Иванов сын Хитрово.

Вина нарежал столник князь Иван княж Андреев сын Болшой Голицын.

Пить наливал чашник Семен Иванович Языков.

За государевым поставцом сидел боярин и дворетцкой князь Василей Федорович Одуевский.

За потрияршим.

За боярским:

У потриярхова стола стоял:

Царевичей потчивол косимовских и сибирских столник князь Матфей княж Веденихтов сын Оболенский.

Властей кормили.

Бояр кормили:

Того ж числа был стол у великия государыни царицы и великия княгини Марфе Матфеевны по государевой передней.

А у стола были царевичевы жена да боярини приежия.

А у стола стояла крайчея Анна Петровна Хитрово.

А за поставцом сидел думной дворенин Никита Иванович Окинфов.

Того ж году февраля в 26 день празнавали ангел государыни царевны и великия княжны Евдокии Алексеевны ангелу.

И был великому государю вихот в столовую, а жаловал пироги.

Того ж числа пожаловал велики государь в бояре столника и ближнего человека князь Михайла Яковлевича Черкаского.

А сказал ему боярство думной дьяк Василей Семенов.

А у скаски стаял и великому государю объевлял боярин Петр Михайлович Солтиков.

Того ж числа пожаловал велики государь в бояре столника и ближнего человека князь Бориса Ивановича Прозоровского;

А сказывал ему боярство думной дьяк Василей Семенов;

А у скаски стоял и великому государю объявлял околничей Иван Иванович Чаадаев.

Того ж году марта в 5 день пожаловал велики государь в околничия столника князь Якова Васильевича Хилкова; а сказавал ему аколничества думной дьяк Василей Семенов;

А у скаски стаял и великому государю объявлял думнай дваренин Кирила Осипович Хлопов.

Того ж числа пожаловал велики государь в околничия думнаго дваренина Кирилу Осиповича Хлопова; а сказывал ему околничества думнай дьяк тот же, а у скаски стаял и великому государю объявлял печатник Дементий Минич Бошмоков.

Того ж числа пожаловал велики государь в думные дваряне столника Федора Савича Нарбекова.

Того ж году марта в 12 день по указу великого государя учинен Иона епискуп Вятцки и Великопермьски архиепискупом, а степень ему учинена.

Того ж числа поставили во власти первым архиепискупом Велики Устюх и на Тотму архимандрита Таласия из Великова Новагорода Футина манастиря, а степень ему учинена.

А ставел ево светейши патриярх со влостьми, а на постонавлени был по указу великого государя боярин князь

Юрья Семенович Урусов да с ним думнай дваренин Иван Петрович Кондырев, да думнай дьяк Емельян Украинцев.

Того ж году марта в 19 день поставили во власти первым архиепископом на Колмыгоры и на Вагу крестового священника светейшаго патриарха Афонасия, а ставил его светейши Иоаким патриарх Московский и всеа Росии са властьми.

Да на поставлениж были по указу великого государя боярин князь Иван Борисович Троекуров, да думной дворенин Андрей Васильевич Толстой, да думной дьяк Данило Полянской.

А учинен степенью више архиепископа Устюжского и Тотемскаго.

Того ж году марта в 24 день по указу великаго государя ставили во власти в Танбов в епискупы игумна из Галича Леонтия Аврамия Городецкова монастыря, а ставил ево светейши Иоаким патриарх Московски и всеа Русии.

Да на поставлениж были по указу великого государя боярин князь Юрья Семенович Урусов, да с ним думной дворенин Федор Савич Нарбеков, да думной дьяк Данило Полянской; по степени учинен.

Того ж году апреля в 1 день посилал велики государь о спосении спрашивать Павла митрополита Сибирского и Тобольского столника и ближнего человека Михайла Васильевича Косаткина.

Того ж году апреля в 2 день было постановление в Соборной церкви в первыи епископы в Воронеж, а ставили игумна Митрофана из Галича с Унжи Макарьевского монастыря, а ставил его Иаким патриарх Московский и всеа Русии со властьми. Да на поставлениж были по указу великого государя боярин князь Иван Борисович Троекуров, да думной дворенин Богдан Иванович Полибин, да думный диак Данила Полянской.

Того ж году апреля в 10 день пожаловал велики государь в бояре столника и ближного человека Алексея Семеновича Шейна.

А сказавал ему боярство думной дьяк Василей Семенов; у скаски стоял и великому государю объевлял околничей Иван Федорович Волиньской.

Того ж числа пожаловал велики государь в думные дваряне столника Федора Григорьевича Меншего Хрущева.

Того ж году апреля в 13 день пожаловал велики государь в столники боярина Петрова сына Васильевича Болшего Шереметева Валадимера.

Того ж году апреля в 15 день перекладывали в новой ковчег ис старова ризу господню.

Того ж году апреля в 16 день был великому государю выхот в собор к заутрене на праздник Светлого воскресения.

А са великим государем были царевичи и бояре и всаких чинов в залотных ковтанех.

А служил заутрину светейши Иоаким патриярх Московски и всеа Руси, да с ним власти:

Митрополиты:

Корнили Новгоротцки и Великолуски;
Никифор Астрахански и Терски;
Павел Сибирски и Тоболски;
Иона Ростовски и Ярославски;
Маркел Псковски и Зборски;
Ворсунофей Сарски и Подонски;
Филарет Нижегаротцки и Алатарски;
Павел Резански и Муромски;
Илорион Суздолски и Юрьевски;

Архиепискупы:

Симон Вологотцки и Белозерски;
Серги Тверски и Кашински;
Афанаси Колмогорски и Вашки;
Таласи Устюшки и Тотемски;

Епискупы:

Леонти Тонбовски,
Митрофан Воронежски.

Того ж числа указал велики государь быть в приношиках по дневаньем спалникам хтоб головы у дневаней.

Того ж числа пожаловал велики государь в комноту боярина князь Ивана Андреевича Хованского.

Того ж году апреля в 21 день сказана в Киев в товарищи на околничего князь Борисова места Васильевича Горчекова думному дворенину Ивану Афанасьевичу Желябушкому.

Того ж году апреля в 23 день был стол у светейшего патриярха по Крестовой полате; у стола были власти, да у сталаж был бояре князь Василей Васильевич Голицин; князь Володимер Дмитриевич Долгоруково, околничей Петр Тимофеевич Кондырев, думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцов.

Того ж году апреля в 24 день били челом великому государю приказ стрелцов Семенова приказу Грибаедова что и в силничей всякой нагалстьве и в разаренье и хотели либоло збунтовать.

И велики государь указал ево Семена послать в Тотму и вотчины отнять и ис полковником отставить.

Того ж году генваря в 25 день сказано на Семенова Грибоедова места.

Того ж году апреля в 27 день грех ради всего Московского государства в четверг Фомины недели, дня в третьенатцам часу вначале оставя земное царство и преселися в небесную обитель преставися великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, а от рождения бысть ему 22 году; а царствовал на престоле всего Росийского государства 6 лет и 2 месяца.

А по нем остася супруга ево государыня благоверная царица и великая княгиня Марфа Матвеевна 15 лет;

Да братья ево государь царевич и великий князь Иоан Алексеевич 16 лет, да царевич и великий князь Петр Алексеевич 10 лет.

Книга записная царя и великова князя Петра Алексеевича в 190 г.*

Лета 7190 апреля в 27 день нарекли на Росийское государство в цари, государя царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа Росии, по преставлени брата ево великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, дня в 13 часу, в четверк Фомины недели.

Того ж числа целовали крест бояре и окольничие и думные и ближнея люди государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу в хоромех деревянных, где великого государя не стало.

Того ж числа целовали крест великому государю стольники и стряпчия и дворяне московские и жильцы у Спаса в верху, а к вере приводил боярин князь Яков Никитич Одоевской, да окольничей князь Константин Осипович Щербатов, да думной дьяк Василий Семенов.

А в соборной Апостольской церкви ко кресту приводил разных чинов боярин Петр Михайлович Солтыков, да окольничей князь Григорей Афонасьевич Козловской, да думной диак Емельян Украинцов.

В Посольском приказе приводил ко кресту подьячих, переводчиков и толмачей думной диак Ларион Иванов.

У Рожества на дворце приводил ко кресту дворовых людей стольник Иван Афонасьев сын Лихачев, да дворцовые дьяки.

В оптеке приводил к вере боярин и дворецкой князь Василей Федорович Одоевской да диак Андрей Виниус.

Того ж числа учинились сильны и креста не целовали стрельцы Александрова приказа Карандеева, и великий госу-

---

* См. ЦГАДА, ф. 156, Исторические и церемониальные дела, д. 147, л. 17—36, 51.

дарь указал к ним послать уговаривать окольничего князь Костентина Осиповича Щербатого, да думного дворенина Веденихта Андреевича Змеова, да думного диака Емельяна Украинцова и их уговорили и они крест великому государю целовали.

Того ж числа сидели в хоромех у гробу великова государя бояря и дьеки: князь Федор Федорович Куракин, да Иван Богданович Хитрово, да его великого государя ближния люди, первого дневанья;

Князь Данила княж Григорьев сын Черкаской,
Иван Алексеев сын Головин,
Михайла Васильев сын Собакин,
Иван Михайлов сын Волынской,
Иван Васильев сын Заборовской,
Иван Иванов сын Головин,
Володимер Петров сын Шереметев.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники Ивана Кирилова сына Нарышкина, да Афонасья, да Льва, да Мартемьяна, да Федора Кириловых же детей Нарышкиных, да Василья Федорова сына Нарышкина, да своих великого государя стольников: Тимофея Борисова сына Юшкова, Тихона Никитича сына Стрешнева.

Того ж числа пожаловал великий государь из опалы, велел быть к Москве: Артемона Сергеева сына Матвеева, Ивана Кирилова сына, да Петра, да Кандратья Фоминых детей Нарышкиных, да думнова дворенина Федоровой жене Полуехтовича Нарышкина с сыном и велено им быть в Москве не мешкав.

А по Артемона послано того ж числа стольник Семен Ерофеев сын Алмазов.

Того ж числа указал великий государь большую казну и казенной двор и мастерскую великого государя запечатать боярину князь Якову Никитичу Одоевскому, да печатнику Дементью Миничу Башмакову, да думному дьяку Даниле Полянскому.

И Артамону Сергеевичу Матвееву послана великова государя грамота: велено по-прежнему писатца боярином.

Того ж году апреля в 28 день выходили со кресты в хоромы по тело великого государя светейший Иоаким патриарх Московский и всеа Росии са властьми, а с ним были власти:

Митрополиты:

Карнилий Новгородцкий и Великолуцкий,
Никифор Астраханский и Терский,
Павел Сибирский и Тобольский,
Иона Ростовский и Ярославский,
Маркел Псковский и Зборский.

Варсонофей Сарский и Подонский,
Филарет Нижегородцкий и Алатырский,
Павел Резанский и Муромский,
Иларион Суздальский и Юрьевский.

Архиепископы:

Симон Вологоцкий и Белоозерский,
Сергий Тверский и Кашинский,
Никита Коломенский и Каширский,
Афанасей Колмогорский и Важский,
Галасий Устюжский и Тотемской.

Епископы:

Леонтий Танбовский,
Митрофан Воронежский; да архимандриты и игумены.

А как ис хором понесли тело великого государя хоронить в собор архангела Михайла и в то время несли кровлю ево великого государя спальники: князь Данила княж Григорьев сын Черкаской, Володимер Петров сын Шереметев, Михайла Васильев сын Собакин, Михайла Федоров сын Ртищев, Иван Афанасьев сын Матюшкин, Василей Фокин сын Грушецкий.

А гроб несли великого государя спальники ж, все по списку.

А на Красном крыльце принели кровлю стольники, а гроб поставили в сани инальцовския и несли стольники ж, а сани были убиты бархатом золотным, а гроб покрыт полотном царским, а поверх аксамит золотной, а кровля была покрыта объярь золотная.

А как ево великово государя несли, и в то число звонили во все колокола унывно.

А за ним шел великий государь, да государыня царица и великая княгиня Наталья Кириловна, да государыня царевна и великая княжна Софья Алексеевна.

А государыню царицу и великую княгиню Марфу Матвеевну ис ее хором до Краснова крыльца несли спальники: Степан Бог[д]анов сын Ловчиков, Петр, да Федор, да Андрей Матвеевы дети Апраксины, а на Красном крыльце принели сани дворяне.

А обедню служил над телом его великого государя и отпевал светейший Иоаким патриарх Московский и всеа Росии со властьми.

А великий государь и государыня царица у обедни и на отпеванье не были.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники после брата своево государева и спальников: князь Ивана княж Юрьева сына Трубецкова, князь Алексея княж Василь-

ева сына да князь Алексея княж Борисова сына Голициных, да князь Ивана да князь Петра княж Михаиловых детей Долгоруково, Ивана Родионова сына Стрешнева.

Того ж числа сидели у гроба великого государя.

1-й день.

Боярин Петр Васильевич большой Шереметев, да окольничей князь Григорий Афонасьевич Козловской, да думный дьяк Лукьян Голосов.

Того ж числа сидели у постели великого государя в хоромах: боярин Иван Богданович Хитрово, да спальники 2 день князь Иван княж Иванов сын Хованской, князь Федор княж Юрьев сын Ромодановской, Иван Иванов сын Колычев, Михайла Федоров сын Ртищев, Василей Данилов сын Мясной, Иван Иванов сын Бутурлин.

Того ж числа посланы по указу великого государя по городам ко кресту приводить всяких чинов стольники и стряпчия и дворяне московские и жильцы, а кто куда был посылан и тому всему роспись.

К етману думной дворенин Иван Афанасьевич Желябужской.

В Киев стольник Петр Артемьев сын Волынской.

В Володимер.

В Великий Новгород стольник князь Петр Иванов сын Хованской.

В Казань стольник князь Лука княж Федоров сын Долгоруково.

В Астрахань стольник князь Матфей Веденихтов сын Оболенской.

В Сибирь стольник князь Петр княж Иванов сын Львов

В Ростов и в Ярославль и Переславль Залеской и на Кострому стольник Петр Иванов сын Травин.

В Псков стольник Петр Алексеев сын Головин.

В Смоленск стольник князь Юрья княж Федоров сын Щербатой.

В Нижней.

В Переславль Резанской.

В Бел город.

В Суздаль.

На Вологду.

Во Тверь.

На Коломну.

На Вятку.

На Колмыгоры и к Орхангельскому городу стольник князь Иван княж Никитин сын Урусов.

На Устюг.

На Дон.

В Белгород стольник Илья Михайлов сын Дмитриев.

Того ж числа послан гетмана ко кресту приводить и в Чернигов думной дворенин Иван Афанасьевич Желябужской, да диак Максим Бурцов.

Того ж году апреля в 29 день пожаловал великий государь в спальники и[з] спальников брата своего стольника князь Михайла княж Иванова сына Куракина.

Того ж числа сидели у гроба великого государя.

2-й день.

Боярин Петр Михайлович Салтыков, да окольничей Иван Иванович Чаадаев, да думной диак Ларион Иванов.

Того ж числа сидели в хоромех у постели великого государя: постельничей Алексей Тимофеевич Лихачев, да спальники:

3-й день.

Князь Иван княж Дмитреев сын Долгоруково.
Иван Афанасьев сын Матюшкин.
Князь Григорей княж Федоров сын Долгоруково.
Князь Василей княж Лаврентьев сын Мещерской.
Василей Семенов сын Змеов.
Василей Иванов сын Чаадаев.

Того ж числа били челом великому государю в насильствах и в налогах и во всяких разореньях стрельцы на полковников и на пятидесяцких:

Приказы:

На Матвея Кравкова.
Микифора Колобова.
Володимера Воробина.
Семена Грибоедова.
Матфея Вешнякова.
Ивана Нелидова.
На Ивана Полтева.
Александра Карандеева.
Григорья Титова.
Андрея Дохтурова.
Павла Глебова.
Родиона Оставьева.

И великий государь указал у них челобитныя принять и за ними сидеть светейшему патриарху з бояры и полковников распрашивать против их челобитья.

А к ним в приказы указал великий государь послать их уговаривать думного диака Посольскаго приказу Лариона Иванова и думный диак к ним ездил и великого государя указ им сказывал и они били челом против прежнего своего челобитья, чтоб великий государь пожаловал их, велел от полковников оборонить.

Того ж году апреля в 30 день сидели у гроба великого государя: 3 день:

Боярин князь Иван Андреевич Хованской, да окольничей Иван Тимофеевич Кондырев, да думной диак Григорей Бог-

данов, а служил у Архангела по великом государе литоргею и понахиду Карнилей митрополит Новгородцкий и Великолуцкий.

Того ж числа сидели в хоромех у постели великого государя: казначей Михайла Тимофеевич Лихачев да спальники:

4-й день.

Князь Яков княж Иванов сын Лобанов Ростовской.
Петр Савельев сын Хитрово.
Сергей Александров сын Хитрово.
Микита Савельев сын Хитрово.
Иван Богданов сын Яковлев.
Василей да Михайла Фокины дети Грушецкия.
Александр Иванов сын Милославской.

Того ж числа указал великий государь послать в тюрьму полковников, на которых били челом ему великому государю стрельцы, и вотчины у них отнять и против челобитья их указал на них все доправить и их от тех приказов отставить.

А указ великого государя сказывал им думной диак Ларион Иванов, а в тюрьму отводил полковников стрелецкова приказу дьяк Федор Кузьмищев.

Того ж числа указал великий государь сказать по приказом в полковниках быть:

На Александрово место Карандеева — Феодор Головленков; на Семеново место Грибоедова — Василей Пушешников.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники князь Юрья княж Юрьева сына Трубецкова, да князь Михайла, да князь Юрья, да князь Василья княж Юрьевых детей Одоевских.

Того ж году маия в 1 день указал великий государь послать в тюрьму полковников: Ивана Щепина, Кондратья Крома.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники: Петра Фомина сына Нарышкина.

Того ж числа были у великого государя у руки донския козаки в передней.

Того ж числа служил по великом государе у Архангела обедню и понахиду Никифор митрополит Астраханский и Терский.

Того ж числа сидели у Архангела:

4-й день.

Боярин князь Яков Никитич Одоевской, да окольничей князь Костентин Осипович Щербатой, да думной диак Данило Полянской.

Того ж числа указал великий государь ездить в объезде в Кремле стольник Данила Андреев сын Вельяминов.

В Китае стольник Лев Андреев сын Вельяминов, а с ними диаки.

Того ж числа сидели у постели великого государя в хоромех:

Боярин князь Федор Федорович Куракин, да спальники 1 дневанья: князь Данила княж Григорьев сын Черкаской с товарищи.

Того ж числа указал великий государь наказанья учинить полковником, а кому какое наказанья, и тому роспись, на которых били челом великому государю стрельцы:

бить кнутом:

Александра Карандеева, Семена Грибоедова.

бить батоги:

Микифора Колобова
Григорья Титова.
Микиту Борисова.
Ивана Нелидова.
Василья Перхулова.
Андрея Дохтурова.
Володимира Воробина.
Матвея Вешнякова.
Павла Глебова.
Кандратья Крома.
Александра Танеева.
Ивана Щепина.

Того ж числа указал великий государь переменить полковников, а кому на чье место велено быть, и тому под сем роспись.

На Иваново место Полтева стольнику Миките Данилову сыну Глебову.

На Степаново место Якова.

На Никифорово место Колобова — Петр Аврамов сын Лопухин.

На Александрово место Карандеево — Федор Иванов сын Головленков.

На Семеново место Грибоедово — Василей Лаврентьев сын Пушешников.

На Андреево место Дохтурова — Матвей Нарышкин.

На Матвеево место Вешнякова — Василей Лопухин.

На Иваново место Нелидова — Андрей Нармадской.

Того ж числа сказано боярину Ивану Максимовичю, да сыну ево Семену чашнику Ивановичю Языковым, постельничему Алексею Тимофеевичу, да казначею Михайлу Тимофеевичу Лихачевым, да стольникам ближним Ивану Андреву сыну Языкову, да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтоб они во время выходу великого государя не ходили и ево государевых очей не видали.

Того ж году маия в 2 день служил у Архангела Михаила обедню и по великом государе понахиду Павел митрополит Сибирский и Тобольский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановской, да окольничей Петр Тимофеевич Кондырев, да думный дьяк Афонасий Зыков.

Того ж числа сидели в хоромах у постели великого государя боярин Иван Богданович Хитрово, да спальники 2 дневанья:

Князь Иван княж Андреев сын Хованской с товарищи.

Того ж году маия в 3 день служил у Архангела обедню и по великом государе понахиду Иона митро[полит] Ростовский и Ярославский.

Того ж числа сидели у Архангела у гроба великого государя маия в 3 день 6 дневанья:

Боярин князь Михайло Юрьевич Долгоруково, да окольничей князь Данила Афонасьевич Борятинской, да думной диак Василей Семенов.

Того ж числа сидели в хоромах у постели великого государя: постельничий Алексей Тимофеевич Лихачев, да спальники 3 дневанья:

Князь Иван Дмитреевич Долгоруково с товарищи.

Того ж году маия в 4 день служил у Архангела Михаила обедню и по велихом государе понахиду Маркел митрополит Псковский и Зборский.

Того ж числа сидели у Архангела у гроба великого государя 8 дневанья:

Боярин князь Василей Васильевич Голицын, да окольничей Иван Федорович Волынской, да думной диак Аверкей Кирилов.

Того ж числа сидели в хоромах у постели великого государя касначей Михайла Тимофеевич Лихачев, да спальники; 4 дневанья:

Князь Яков княж Иванов сын Лобанов Ростовской.

А в те дневанья во всю шесть недель переменялись у постели великого государя те ж спальники.

Того ж году майя в 5 день служил у Архан[г]ела Михаила обедню и по великом государе понахиду пел Варсонофей митрополит Сарский и Подонский.

Того ж числа сидели у Архангела у гроба великого государя 8 дневанья:

Боярин князь Петр Семенович Урусов, да окольничей Иван Савостьянович Большой Хитрово, да думной диак Парфеней Пятово.

Того ж числа ездил по государыне царевне и великой княжне Ирине Михайловне служить обедню и понахиду Карнилей митрополит Новгороцкий и Великолуцкий.

Того ж числа посылал великий государь к понахиде и братью кормить к Спасу ж на Новой боярина Григорья Никифоровича Собакина, да с ним дворцовые диаки.

Того ж числа сказано в Казань в товарищи з боярином с Петром Васильевичем Меньшим Шереметевым окольничему Ивану Савостьяновичю Большому Хитрово.

И указано боярину Петру Васильевичю ево Ивана Хитрово посылать, где послышать, воровских людей приход.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники Кирила Алексеева сына Нарышкина.

Того ж числа стояли на правеже полковники против стрелецких челобитен.

Того ж году маия в 6 день служил у Архангела Михаила обедню и по великом государе понахиду светейший Иоаким патриарх Московский и всеа России со властьми.

Того ж числа сидели у Архангела у гроба великого государя 9 дневанья.

Боярин князь Юрья Михайлович Одоевской, да окольничей Михайла Петрович Головин да думной диак Иван Горохов.

Того ж числа в ночи был пожар меж Знаменки и Арбату.

Того ж году маия в 7 день был великому государю выход в Соборную и Апостольскую церковь, да к Арха[г]елу, да Благовещенью.

А за великим государем были бояре и окольничие и думные и ближния люди.

А перед стряпнею шел стольник и ближний человек Василей Федорович сын Нарышкин.

Того ж числа пожаловал великий государь в бояре и оружейничия стольника и ближнева человека Ивана Кириловича Нарышкина, а сказывал ему думной диак Василей Семенов.

А у сказки стоял и великому государю объявлял печатник Дементей Минич Башмаков.

Того ж числа пожаловал великий государь в бояре окольничего Микиту Костентиновича Стрешнева, а сказывал ему боярство думной диак Василей же Семенов.

А у сказки стоял и великому государю объявлял печатник же Дементей Минич Башмаков.

Того ж числа пожаловал великий государь в комнату боярина князь Ивана Борисовича Троекурово, да окольничего князя Михайла Ивановича Лыкова.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники князя Валодимера да князь Василья княж Михайловых детей Долгоруково, да князь Федора княж Иванова сына Троекурова.

Того ж числа был у великого государя у руки в передней посланец гетмана Ивана Самойловича.

Того ж числа были у великого государя у руки смоленская шляхта, иноземцы, полковники и все начальные люди.

Того ж числа служил у Архангела Михайла обедню и по великом государе понахиду Филарет митрополит Нижегородский и Олатырский.

Того ж числа сидели у Архангела у гроба великого государя 10 дневанья:

Боярин князь Семен Андреевич Хованской, да окольничей Павел Петрович Языков, да думной диак Емельян Украинцов.

Того ж году маия в 8 день пожаловал великий государь в окольничия думного дворенина Федора Ивановича Леонтьева и указано к нему с тем послать великого государя жалованная грамота в Астрахань с [с]ином его.

Того ж числа служил у Архангела Михайла обедню и по великом государе понахиду Илларион митрополит Суздальский и Юрьевский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя: боярин Василей Семенович Волынский, да думной дворенин Семен Федорович Толочанов, да дьяк разрядной Федор Шекловитов.

Того ж числа сказано в стрелецкой приказ в товарищи з боярином с князь Юрьем Алексеевичем Долгоруково окольничему князю Григорью Афонасьевичу Козловскому, да думному дворенину Веденихту Андреевичю Змеову, да думному диаку Даниле Полянскому.

Того ж году маия в 9 день служил у Архангела Михаила обедню и по великом государе понихиду Иларион митрополит Суздальский и Юрьевский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя: боярин князь Иван Петрович Борятинской, да думной дворенин Андрей Васильевич Толстой, да диак Тимофей Литвинов.

Того ж числа указал великий государь быть ис Казани с полком с Казанским разрядом на башкирцы боярину Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву, да с ним в товарыщех в сходных воеводах: окольничей Матвей Степанович Пушкин, да окольничему Петру Тимофеевичу Кондыреву; да с ним же велено быть в осадных в Казани окольничему Ивану Савостьяновичю Большому Хитрово.

Того ж году маия в 10 день был ход со кресты в преполовениев день на воду, а в ходу был Павел митрополит Сибирский и Тобольский.

Та в ходу ж были по указу великого государя окольничей князь Яков Васильевич Хилков, да думной диак Иван Горохов; вкруг Кремля ходили они ж; вкруг Китая Афонасий архиепископ Колмогорский и Важский, да думной дворенин Федор Григорьевич Меньшой Хрущов.

Того ж числа служил у Архангела обедню и по великом государе понахиду Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин князь Володимер Дмитреевич Долгоруково, да окольничей Кирила Осипович Хлопов, да диак Ларион Пашин.

Того ж году маия в 4 день пожаловал великий государь в спальники князь Ивана княж Иванова сына Троекурова.

Того ж числа служил у Архангела обедню и по великом государе понахиду Сергий архиепископ Тверский и Кашинский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин князь Михайла Алегукович Черкаской, да окольничей князь Михайла Иванович Лыков, да диак Михайло Прокофьев.

Того ж числа указал великий государь по челобитью стрельцов Иванова приказу Полтева, ево Ивана переменить, а быть у ево первого приказу в полковниках Никите Глебову.

Того ж году маия в 12 день служил у Архангела обедню и по великом государе понахиду Никита архиепископ Коломенский и Каширский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин князь Иван Борисович Троекуров, да окольничей князь Степан Федорович Львов, да диак Григорей Близняков.

Того ж числа указал великий государь боярина Артемона Сергеевича Матвеева, вотчины, которые были розданы, и людей, которые были отпущены ево дому, велено отдать ему по-прежнему.

Того ж числа пожаловал великий государь в спальники князь Бориса княж Иванова сына Куракина, да Андрея Артемонова сына Матвеева, да Михайла Григорьева сына Нарышкина.

Того ж году маия в 13 день служил у Михайла Архангела по великом государе обедню и понахиду Афонасий архиепископ Колмогорский и Важский.

Того ж году сидели у великого государя гроба боярин князь Федор Григорьевич Ромодановской, да окольничей Андрей Иванович Чириков, да диак Микита Полунин.

Того ж числа сказано в сход к Козани, против башкирцов окольничему князю Даниле Офонасьевичю Борятинскому.

Того ж году маия в 14 служил у Михайла Архангела по великом государе обедню и понахиду Галасий архиепископ Устюжский и Тотемский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин князь Михайла Григорьевич Ромодановской, да думной дворенин Лев Демидович Голохвастов, да диак Михайла Воинов.

Того ж числа сказано в Коломенское для розыску, что мужики, сковав прикащика, посадили в тюрьму, а сами взбунтовались, думному дворенину Федору Савичю Нарбекову, да с ним диаку Тимофею Литвинову.

Того ж году мая в 15 день служил у Михайла Архангела по великом государе обедню и понахиду Варсонофий митрополит Сарскай и Подонский.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин и дворецкой князь Василей Федорович Одоевской, да окольничей Матвей Степанович Пушкин, да диак Семен Кудрявцов.

А того ж числа учинилась смутное время и то писано в особной книге.

Того ж году маия в 16 день служил у Михайла Архангела по великом государе обедню и понахиду Леонтий епископ

Танбовский, а у гроба никто не сидел и псалтыри не говорили.

Того ж году маия в 17 день служил у Архангела Михайла по великом государе обедню и понахиду Митрофан епископ Воронежский.

А всю шесть недель сидели власти обедни и понахиды по переменам сначалу ж.

Того ж числа сидели у гроба великого государя боярин князь Юрья Семенович Урусов, да думной дворенин Богдан Васильевич Яковлев.

А в шестый на десять день было сидеть у гроба великого государя боярин князь Федор Семенович Урусов, да окольничей Матвей Богданович Милославской.

Того ж числа сказано по приказам в разряд думной дьяк Василей Семенов; в посольской приказ боярин князь Василей Васильевич Голицын, да думной диак Емельян Украинцов, в стрелецкой боярин князь Иван Андреевич Хованской, да думной дворенин Веденихт Андреевич Змеов; в иноземской и в райтарской и в пушкарской боярин Иван Михайлович Милославской; в помесной приказ — боярин князь Иван Борисович Троекуров, да думной дворенин Богдан Федорович Полибин; в судной приказ — стольник князь Андрей княж Иванов сын Хованской, да князь Михайла, да князь Василей княж Федоровы дети Жирового Засекина Котята; в земской — окольничей Михайла Петрович Головин; в сыскной — боярин Василей Семенович Волынской; в ямской — Иван Федоров сын Бутурлин Сухорукой.

Того ж году мая 18 день сидели у гроба великого государя: боярин Григорей Никифорович Собакин, да думной дворенин Василей Михайлович Тяпкин.

Того ж числа сказано в сыскной приказ окольничему Ивану Федоровичу Волынскому.

Того ж году мая в 19 день сидел у гроба великого государя боярин князь Иван Григорьевич Куракин, да окольничей князь Яков Васильевич Хилков, дьяк Иван Торофимов.

Того ж числа пожаловал великий государь в клюшники степенныя на кормовой дворец клюшника путнова Микиту Федорова сына Боркова на Иваново место Пекина, а ево Ивана пожаловал великий государь во дворяне.

Того ж году маия в 20 день сидел у гроба великого государя боярин князь Михайла Яковлевич Черкасской, да окольничей Борис Васильевич Бутурлин, диак Филип Артемьев.

Того ж числа сказано в большой приход и в большую казну боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому, да с ним боярину Василью Семеновичу Волынскому, да думному дворенину Алексею Ивановичу Ржевскому, диак Петр Самойлов.

Того ж году мая в 21 день сидели у гроба великого государя: боярин князь Борис Иванович Прозоровской, да думной дворенин Алексей Иванович Ржевской, диак Петр Самойлов.

Того ж числа сказано в разбойной приказ сидеть окольничему Матвею Степановичю Пушкину.

Того ж числа сказано на Олатырь в воеводы стольнику Микифору Лаврентьеву сыну Собакину.

Того ж числа сказано в Козлов полковым и осадным стольнику Василью Михайлову сыну Дмитрееву.

Того ж числа сказано в Саранеск полковым и осадным стольнику Ивану Юрьеву сыну Леонтьеву.

Того ж числа сказано в Чебоксары стольнику Еремею Пашкову.

Того ж числа сказано в Запороги стольнику Василью Жемаилову.

Того ж числа был ход со кресты в Стретенской монастырь, а в ходу были власти: Кариилии митрополит Новгородцкий и Великолуцкий, да епископы Леонтий Танбовский, Митрофан Воронежский.

Да в ходу ж были по указу великого государя окольничий князь Григорий Афонасьевич Козловской, да думной дворенин Андрей Васильевич Толстой, думной дьяк Парфеней Пятой.

Того ж году мая в 22 день сидели у гроба великого государя боярин Никита Костентинович Стрешнев, да думной дворенин Тимофей Петрович Савелов.

И с сего числа сидели у гроба великого государя бояре те ж с началу во всю четыредесятницу.

Того ж году мая в 23 день сказано в Каргополь стольнику князю Володимиру княж Иванову сыну Волхонскому.

Того ж году мая в 24 день сказано в сход в Казань боярину Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву, стольником князю Якову княж Федорову сыну Долгоруково, да князь Михайлу княж Иванову сыну Волхонскому.

Того ж году мая в 25 день сказано в полковыя воеводы против башкирцов боярину Петру Васильевичю Меньшому Шереметеву.

Того ж числа сказано в Казань в осадные воеводы боярину князю Юрью Семеновичю Урусову.

Того ж числа сказано в пушкарской приказ боярину князь Федору Семеновичю Урусову.

Того ж числа сказано в Синбирск окольничему князь Григорью Афонасьевичю Козловскому.

Того ж числа сказано в Колугу думному дворонину Богдану Васильевичу Яковлеву.

Того ж числа сказано на Петрова места Лопухина в полковники Акинфию Данилову.

Смутное время *

Лета 7190 маия в 15 день была на Москве смута: приходили в Кремль салдаты Матвеева полку Кравкова, да стрельцы всех приказов с копьи и з бердыши и с ружьем, а пушкари с пушки и, вшед в Кремль, стреляли из ружья и побили боярских людей и лошадей многих, а иных переранили.

И пришед х красному крыльцу, стали во всем своем ополчении.

И по указу великого государя выходил к ним боярин князь Иван Андреевич Хованской и спрашивал их: для чего ваш так приход, и они боярину все говорили, будто изменяют великому государю бояре и чтоб государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича оказали.

И боярин те их речи великому государю извещал.

И великий государь и государыня царица и государь царевич и светейше патриарх выходили к ним на красное крыльцо.

А к ним вниз посылали уговаривать бояр: князь Михайла Алегуковича Черкаского, на нем и кофтан изодрали, князь Ивана Андреевича Хованского, Петра Васильевича Шереметева Большого, князь Василья Васильевича Голицина и они били челом великому государю и бояром, извещали, чтоб великий государь им указал выдать бояр: князь Юрья Алексеевича Долгоруково, князь Григорья Григорьевича Ромодановского, князь Михайла Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвеева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина и оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексея Тимофеевича Лихачова, казначея Михайла Тимофеевича Лихачева, чашника Семена Ивановича Языкова.

думных дьяков:

Лариона Иванова. Григорья Богданова.
Данила Полянского. Алексея Кирилова.

спальников:

Афонасья, Льва, Мартемьяна, Федора, Василья, Петра Нарышкиных.

И великий государь указал им сказать, что их у него, великого государя, никого нет в верху, и они пошли все в верх с ружьем в ево великого государя хоромы, и к государыне царице, и к государю царевичу, и к государыням царевнам и искали в хоромех и везде, и взяв бояр, Артемона Сергеевича Матвеева кинули его с красного крыльца на копьи,

* См. ЦГАДА, ф. 156, Исторические и церемониальные дела, д. 147, л. 37—50.

князь Григорья Григорьевича Ромодановского, взяв у патриарха, убили ж против Посольского приказу протазаном, а князь Михайла Юрьевича Долгоруково сверху ж кинули на копья, а Ивана Максимовича Языкова, изловя на Микитской и приведши к Орхангелу, изрубили ж на части. . . . . , а князь Юрья Алексеевича Долгоруково на его дворе, кинув с крыльца больного, четвертовали и положили на площеди против его двора; а Лариона Иванова и сына его Василья и полковника Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина изрубили ж. . . . . , а Афонасья Нарышкина, сыскав у Спаса в верху в церкви, что у государыни царицы, под престолом, бив, кинули на копьи ж и тела их всех снесли в Спаския воротила на Красную площадь к Лобному месту и там над ними наругались же и, сшед с верху, Судной и Холопей приказы разорили, вынесши, всякие письма изодрали.

Да не зная стольника Феодора Петрова сына Салтыкова, в государевых мастерских сенях изрубили ж а чаяли его быть Нарышкиным.

А Петра Фомина сына Нарышкина убили за Москвою рекою.

И на завтрея того дни мая в 16 день приходили также на постельная крыльцо, с ружьем, и выходили к ним говорить государыни царевны, чтоб они, помня крестное целованье, так к ним в дом их государев не приходили с невежством.

И они били челом против прежняго челобитья, да они ж били челом, чтоб им выдали дохтуров Степана жида да Яна.

И великий государь указал им их выдать; думнаго дьяка Веркея Кирилова, дохтура Яна, да Степанова сына, и они их убили ж, а тех всех, о которых они великому государю били челом, простили, а Ивана Нарышкина и Степана дохтура государыни царевны упросили до утрея, а того дни их не сыскали, и они пошли два приказа в Немецкую слободу и Степана дохтура сыскав в нищенском образе привели в верх и отдали за караул.

И маия в 17 день приходили на постельное ж крыльцо, также и к ним выходили государыни царевны ж и изволили им говорить, чтоб он для их государского многолетняго здоровья боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина и дохтура Степана простили и они боярина Кирилу Полуехтовича простили, а чтоб ево постричь; а тех бы выдали и хотели итить в верх, и великий государь их указал выдать и они, взяв их, Ивана Нарышкина и Степана дохтура, повели в застенок в Костентиновскую башню и пытали, и после пытки изрубили их в части и череп Ивана Нарышкина на копье воткнули.

И маия в 18 день приходили ж всех приказов выборные люди без ружья и били челом великому государю и государа-

рыням царевнам, чтоб бояри[на] Кирилу Полуехтовича Нарышкина указал великий государь постричь.

И великий государь указал ево пастричь в Чудове монастыре, а на постригани указал великий государь быть боярину князь Семену Андреевичю Хованскому, да окольничему Кирилу Осиповичу Хлопову и, постригши ево, сослать в Кирилов монастырь, а во инацех имя ему Киприян.

А в те три дни как они приходили со всем ружьем, как побили бояр, — били в набат и в барабаны.

А которых побитых, домов их, людей и всяких чинов, грабили их домы и они их хватая казнили ж и меж себя положили, что[б] ничьех домов не грабить.

И маия в 19 день били челом великому государю об заслуженых деньгах салдаты и стрельцы и пушкари со 154-го году и тех денег надобно 240 000 рублев.

Да им же великий государь пожаловал на человека по 10 рублев, и великий государь указал те деньги збирать со всего государства и суды серебряные брать, а ис тех судов указано делать деньги.

Да они ж били челом великому государю, которые побиты бояре и думные люди и животы их побраны на великого государя и, чтоб великий государь указал те животы оценить и, оценя, отдавать им же.

И маия в 20 день били ж челом великому государю, чтоб великий государь указал сослать в сылки постельничего Алексея Тимофеевича Лихачева, да казначея Михайла Тимофеевича Лихачова, окольничего Павла Петровича Языкова, чашника Семена Ивановича Языкова, думнаго дворенина Микиту Ивановича Акинфиева да думных диаков: Григорья Богданова, Данила Полянского, да спальников: Степана Ловчикова, Льва да Мартемьяна да Федора и иных роду всех Нарышкиных Андрея Матвеева, да стольников: Петра Меньшова Лапухина, Василья Бухвостова, Юрья Лутохина и ево постригли и полковников прежних, на которых били челом.

Маия в 26 день нарекли государя царевича и великого князя Иванна Алексеевича всеа Росии на царство.

Того ж числа били челом великим государем люди боярские розных домов о свободе, чтобы им быть безкабально и воровские составные челобитные подносили.

И великие государи указали их ловить стрельцам и приводить и, приводя, их пытать и казнить, а иных бить кнутом за их воровское составное челобитье.

И велено у всяких чинов, у людей их всяких чинов имать скаски про воровскую составную челобитную и промысл и кто про то ведает, заруками тех людей.

Того ж году июня в 5 день была тревога во всех приказех, а взымали в то число боярских людей, а в приводе они

сказали, будто собрались боярския люди в Марьинской роще и хотят рубить стрелецкия приказы, и в тое тревогу была стрельба во всю нощь везде изо всякого ружья, и на утрея их, пытав, казнили за их воровство.

Того ж году июня в 13 день привели Адиышевской земли царевича Матвея Дедионова сына и он доводил ис бояр: на князь Никиту Ивановича и сына ево князь Якова Никитича и на боярина и дворецкого князь Василья Федоровича Одоевских, будто они говорили, что стрельцов вешать и казнить и рубить; да с ним посадцкой человек Ерославец.

И июня в 14 день указали великие государи их пытать, и они с пытки винились что бояр тем поклепали, а Ерославец говорил с пытки, что бутто хотел и Москву зажигать, и за тот их воровской состав казнили.

Того ж числа, пытав по челобитью стрельцов, казнили стольника Степана, Якова да Матвея Вешнекова, пытали ж.

Того ж числа били челом великим государем, чтоб на Красной площади зделать им столб и, по их челобитью, тот столб зделан.

Того ж числа по указу великих государей даны им жалованные грамоты, солдатом и стрель[цам] и посадцким людем и черной слобоцам, а велено звать стрельцов надворною пехотою, а стрельцами не называть; и на том столбе подписано против тех великих государей грамот.

И с того числа немногие дни были без стрельбы, а во всех слободах стреляли из ружья.

И августа в 20 день был в походе приклеян на воротех лист в Коломенском, а в том листе было написано, что изменники бояре: князь Иван и князь Андрей Хованские промышляют над великими государи всякое дурна и хотели быть на Московском государстве, да они ж хотели убить светейшего патриарха Иоакима и восхитить на соборную и Апостальскую церковь, да они ж хотели побить бояр: князь Никиту Ивановича, князь Якова Никитича, боярина и дворецкого князь Василья Федоровича Одоевских, князь Михайла Алегуковича, князь Михайла Яковлевича Черкаских, князь Василья Васильевича, князь Андрея Ивановича, кравчего князь Бориса Алексеевича Голицыных, боярина и оружейничего Петра Васильевича, Бориса Петровича Шереметевых, Ивана Михайловича Милославского, и иных многих бояр.

И 191-го году сентября в 1 день великие государи к Москве на действа не ходили, а велели быть ему князь Ивану Хованскому, и он ослушался и на действа не ходил.

И сентября в 3 день пошли великие государи в поход в Звенигород и оттуда к Троице.

И сентября в 16 день в селе Воздвиженском измена их через переметные многие письма объявилось и посылана по их великих государей грамота.

И сентября в 17 день посылан по указу великих государей в село Пушкино для князь Ивана Хованского боярин князь Михайла Иванович Лыков, а с ним стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы и люди боярские и ево, князь Ивана, изловя под Пушкиным, а сына ево в деревне против Братовщины, князь Андрея, привезли к великим государем в село Воздвиженское и как его привезли, и в то время сидели бояре и окольничие и думные люди все на площеди против церкви и чел ему князь Ивану и сыну ево князь Андрею наказ и измену ево, думной диак Федор Шеклавитов и за их измену указали великие государи казнить смертью и, ответши их, головы отсекли и погребать их у церкви не указали.

И после обедни сведав, сын ево князь Иван, да племянник ево князь Федор, которые жили у них великих государей в комнате, измену свою, побежали ис походу и князь Федора изловили, а сын ево, князь Иван, ушел к Москве и прибежал к Москве час ночи, а их казнили до вечара за час и, прибежав он, князь Иван к Москве в полки, сказал будто боярин князь Михайла Иванович Лыков, собрався з боярскими людьми, изрубили без указу великих государей отца его и брата и, пришед к Москве, будто хочет рубить надворную пехоту всех, и пушки и пороховую казну всю разобрали во все полки по себе и с Москвы никово не пропускали, и хотели идти к великим государем в поход и стоять за них изменников; да к ним же не пристали стремяной да выборной полки, а которые были на Москве бояре и дворяне и всяких чинов государева двора и люди боярские, и они их хотели рубить, и к ним в полки посылан с грамоты великих государей стольник Петр Петров сын Зиновьев; они грамот учинились не послушны и великие государи того ж числа пошли к Троице и во все городы указали послать для ратных людей грамоты.

И сентября в 20 день по указу великих государей посылан к ним уговаривать думной дворянин Лукьян Тимофеевич Голосов.

И сентября в... день приезжал к Троице в Сергиев монастырь Иларион митрополит Суздальски и Юрьевски, а с ним были выборные от всех полков и они великом государем прихадили с повиною.

И великие государи и государыни царевны изволили сидеть на Успенской паперти и вины им пожаловали, простили и указали им привесть князь Иванова сына Хованского, князь Ивана ж, к великим государем в поход князь Ивана Хованского, скована в телеге.

И октября в.... день привезли выборные в сех полков. А полками били челом, чтоб им писатца стрельцами ж.

И октебря в.... день указали великия государи казнить смертью ево князь Ивана и в том пожаловали: смертью казнить ево не указали, а велели сослать в силку в Сибирь.

И октебря в... день сказали всех полков, будто Павла сын Языкова приезжал на кароулы и сказавал бутто бояре идут с полки к Москве и Хаванские... князь Михайла Лыков с людьми...и ево привезли вместе окован... к Троице с Хованским оковав.

И октебря в ... день пришли великия государи к Москве, а полков чьих встречали выборные люди... *

И октебря в... день смутились за Москвою рекою Павлов приказ Бохина и великия государи указали... у них ружье обобрать и они великом государем приходили с плахою в город и с топором и вину свою приносили великим государем и великие государи выслали к ним боярина Петра Михайловича Салтыкова, да окольничего Кирилу Осиповича Хлопова, да думнова дьека Федора Шекловитого и великия государи пожаловали: велели им вина отдавать, а кои стрельцы беголи по слободе и говорили, что-де пора опять заводить по старому иттить в город и их великия государи указали казнить смертью, а в иные месецы до году была ж осторожность во всех полках и пущих завотчиков казнили, а иных, пытав, сылали в силки.

Книга записная царства царей государей и великих князей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича всеи Великия и Малыя и Белыя Роси сомодержцов 190 году и 191 году **

Лета 7190 маия в 26 день нарекли всем государством на Московское государство в цари государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича, а в титлах писать везде и во всяких делех обеих великих государей так:

Великия государи цари и великия князи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы.

Того ж числа был великим государем выхид в Соборную и Апостольскую церковь и молебствовали о умирени всего мира.

Того ж числа пожаловали великия государи в спальники к государю царю и великому князю Иоанну Алексеевичу ево великого государя столников: Алексея Матвеева сына Мило-

---

* Означенное точками не разобрано в подлиннике, очень дурно писанном.

** См. ЦГАДА, ф. 156, Исторические и церемониальные дела, д. 147, л. 52—66.

славского, Юрью Федорова сына Ладыженского, Бориса Сафронова сына Хитрово, Петра Василева сына Собакина, Бориса Алистархова сына Кологривого, Сергея Иванова сына Милославского, Петра Иванова сына Яковлева, Дмитрея Микитина сына Головина, князь Михайла княж Лаврентьева сына Дулова, князь Михайла да князь Ивана княж Федоровых детей Шеховских, Сергея Григорьева сына Водорацкого, Григорья Микитина сына Окелфова.

Того ж числа посыланы по городом ко кресту приводить к гетману думной дворенин Василей Михайлович Тяпкин, да диак. В Володимер и в Суздаль и в Нижней Новгород и в иные столник Алексей Афонасьев сын Собакин, в Великий Новгород столник князь Федор княж Семенов сын Хованской; в Киев столник князь Федор княж Никитин сын Приимков Ростовской; в Казань князь Андрей княж Дмитрий сын Щербатой.

В Астрахань

Во Псков

В Смоленск столник князь Юрья княж Яковлев сын Хилков.

Того ж году маия в 27 день пожаловал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич к себе в спалники и спальников брата своего блаженные памяти столника и ближнего человека Александра Иванова сына Милославского.

Того ж году маия в 28 день пожаловал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич ис спалников же брата своего государева стольника и ближнего человека Михайла Григорьва сына Собакина.

Того ж числа пожаловал великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич к себе в спалники из недорослей Михайла Афонасьева сына Матюшкина.

Того ж числа сказано в Казань в товарыщи з боярином с князь Юрьем Семеновичем Урусовым окольничему Петру Тимофеевичу Кондыреву.

Того ж числа сказано в Синбирск околничему князь Григорью Афонасьевичу Козловскому.

Того ж году июня в 1 день пожаловал царь и великий князь Иоан Алексеевич к себе в спалники из дворян Лариона Семенова сына Милославского.

Того ж году июня в 4 день сказано в Пушкарской приказ в товарищи з боярином с князь Федором Семеновичем Урусовым думному дворенину Ивану Петровичу Кондыреву.

Того ж году июня в 5 день был выход великим государем в Золотую полату, а были на приезде и у руки крымские посланники.

А объявлял их великим государем и грамоты принимал думной диак посольской Емельян Украинцов.

А в ответе велено с ними быть боярину ближнему и наместнику Великопермскому князь Василью Васильевичу Галицыну, да думному ж диаку Емельяну Украинцову.

Того ж числа сказано в Иноземской и в Рейтарской приказ в товарищи з боярином с князь Никитою Ивановичем Одоевским околничему Ивану Федоровичу Васильенскому.

Того ж числа был великим государем выход к Архангелу к понахиде, а правили по великом государе четыредесятницу.

Того ж году июня в 7 день был великим государем выход к Архангелу к понахиде по великом государе царе и великом князь Феодоре Алексеевиче.

Того ж году июня в 11 день пожаловал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич к себе в спалники из спалников брата своего государева блаженные памяти государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Росии столников и ближних людей:

Князь Данила княж Григорьева сына Черкаского.
Князь Ивана княж Иванова сына Хованского.
Володимера Петрова сына Шереметева.
Михайла Васильева сына Собакина.
Ивана Алексеева сына Головина.
Михайла Федорова сына Ртищева.
Андрея Матвеева сына Апраксина.
Ивана Васильева сына Заборовского.
Василья Иванова сына Чаадаева.
Ивана Иевлева сына Пояркова.
В неделю Всех Святых.

Того ж числа сказано в Синбирск в товарищи с околничем с князь Григорьем Офонасьевичем Козловским сыну ево князю Михаилу княж Григорьеву сыну Козловскому.

Того ж числа провожали образ знамения пресвятыя богородицы великия государи и государыня цесаревна и великая княжна Софья Алексеевна, что послан в полки в Казань к боярину к Петру Васильевичу Меншому Шереметеву с товарыщи его с околничим с князь Иваном княж Петровичем сыном Козловским, а провожали за Тайницкие ворота Чудовской архимандрит.

Того ж году июня в 12 день пожаловал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич к себе в комнату х крюку стряпчего Антипу Ларионова сына Пятого.

Того ж году июня в 13 день пожаловал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич в спалники ис спалников брата своево государева столника и ближнего человека Ивана Иванова сына Головина.

Того ж году июня в 14 день указал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич росписать своих государевых спалников по дневаньем Дяткам боярину князю Петру

Ивановичу Прозоровскому, да околничему Борису Гавриловичу Юшкову.

1-й день.

Князь Данила княж Григорьев сын Черкаской,
Иван Алексеев сын Головин,
Дмитрей Микитин сын Головин,
Иван Иванов сын Головин,
Юрья Федоров сын Ладыженской,
Борис Алистархов сын Калагривов.

2-й день.

Князь Иван княж Иванов сын Хованской,
Князь Михайла княж Лаврентьев сын Дулов,
Князь Михайла княж Федоров сын Шеховской,
Борис Сафронов сын Хитрово,
Василей Иванов сын Чаадаев.

3-й день.

Володимер Петров сын Шереметев,
Михайла Васильев сын Собакин,
Михайла Григорьев сын Собакин,
Князь Иван княж Степанов сын Шеховской,
Михайла Федоров сын Ртищев,
Андрей Матвеев сын Апраксин.

4-й день.

Александр Иванов сын Милославской,
Алексей Матвеев сын Милославской,
Иван Васильев сын Заборовской,
Григорей Микитин сын Акинфов,
Сергей Иванов сын Милославской,
Сергей Григорьев сын Водорацкой.
Да не в дневанье
Петр Васильев сын Собакин,
Петр Иванов сын Яковлев,
Иван Иевлев сын Поярков.

Того ж году июня в 15 день пожаловал великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич к себе в спальники и спальников брата своего государева блаженныя памяти стольников и ближних людей:

Ивана Иванова сына Колычова,
Князь Василья княж Лаврентьева сына Мещерскова,
Ивана Афонасьева сына Матюшкина,
Петра Матвеева сына Апраксина,
Да и стольников Василья Алексеева сына Соковнина,

Того ж числа был великим государем выход в Соборную и Апостольскую церковь к малебну, а обедни слушал один великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич.

Того ж году июня в 16 день пожаловал великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич к себе в спальники и спальников брата своего государева блаженные памяти столников и ближних людей: князь Якова княж Иванова сына Лобанова-Ростовского, да князь Федора княж Юрьева сына Ромодановского.

Того ж числа сказано в Смоленск воеводам: боярину князь Ивану Григорьевичу Куракину, да столнику Андрею Микитину сыну Самарину.

Того ж числа ходили великие государи и государыни царевны в Ново-Девич монастырь пешком и государыня царица, а на Москве оставлены бояре: боярин князь Иван Андреевич Хованской, да околничей Михайла Петрович Головин, да думной диак Василей Семенов.

Того ж году июня в 18 день был выход великим государем в Саборную и Апостолскую церковь, а празнавали Ионе митрополиту.

А ко всенощному ходил один царь и великий князь Иоан Алексеевич.

Того ж числа указали великия государи сидеть в мастерской царицыных палатах околничему Петру Тимофеевичу Кондыреву.

Того ж числа пожаловал великий князь Иоан Алексеевич к себе в спальники столника и ближнего человека Ивана Богданова сына Яковлева.

Того ж году июня в 18 день был ход со кресты на воду и круг Белова Города, а в ходу были власти, с правой стороны Сергий архиепископ Тверский и Кашинский, да по указу великих государей.

Околничей Петр Тимофеевич Кондырев.

С левой стороны Никита архиепископ Коломенский и Каширский.

Да по указу ж великих государей думной дворенин Иван Петрович Кондырев.

Того ж году июня в 19 день пожаловал великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич в спальники к себе столника князь Андрея княж Михайлова сына Черкаского.

Того ж году июня в 20 день пожаловали великия государи в казначеи думнаго дворенина Семена Федоровича Толочанова, а сказывал ему казначейства думной диак Василей Григорьевич Семенов.

Того ж году июня в 21 день сказано сидеть в Оружейную палату боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву.

Того ж году июня в 23 день был ход со кресты в Стретенской монастырь, а в ходу был святейший Иоаким патриарх Московский и всеа Русии со властьми.

Да в ходу ж был по указу великих государей царевич Григорей Алексеевич Сибирский, да с ним боярин князь Иван Борисович Троекуров, да думной дворенин Богдан Федорович Полибин, да думной диак Афонасей Зыков.

Того ж числа указали великия государи сидеть в Холопье Приказе столнику князь Федулу княж Федорову сыну Волхонскому.

Того ж году июня в 24 день по указу великих государей строил чертежное место, на чом венчатца великим государем царским венцом в Саборной и Апостольской церкве к Западным дверям меж столбов о двенадцати Степенех Земского приказу судья околничей Михайло Петрович Головин с товарыщи.

А как то место по указу великих государей он построил, и великия государи указали то место обить сукны алыми богрецовыми и по них послать от царского места бархаты рудожолтыми, а светейшему патриарху бархат вешнев, а от своего царского места к царским дверем сукны богрецовыми, да бархаты золотными казначею Семену Федоровичу Толочанову с товарищи; а перед царскими дверми указали великия государи зделать места, где их великих государей животворящей крест постановить и шапки и сан.

Того ж году июня в 25 день изволили великия государи венчатца своими царскими венцы в Соборной и Апосталской церкви, а сему их великих государей венчанию чин.

Того ж числа в 8 часу дни изволили великие государи итти из своих государских хором в Грановитую Полату, а перед ними великими государи шли околничеи и ближние люди, а за ними великими государи шли царевичи и бояре и думныя люди, а были в золотых кафтанех.

А пришед в Грановитую Полату и сел на свое место и пожаловали в бояре столника князь Андрея Ивановича Хованского.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов.

А у скаски стоял и великим государям объявлял околничей князь Михайла Иванович Лыков.

Того ж числа пожаловали великия государи в бояре столника Михаила Львовича Плещеева.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов.

А у скаски стоял и великим государям объявлял околничей Иван Иванович Чаадаев.

Того ж числа пожаловали великие государи в бояре околничего Матвея Богдановича Милославского.

А сказывал ему боярство и у скаски стоял и великим государям объявлял те ж.

Того ж числа пожаловали великия государи в околничие столника и ближнего человека Лариона Семеновича Милославского, да думнаго дворянина Веденихта Андреевича Змеева.

А сказывал им окольничество думной диак Василей Семенов.

А у скаски стоял и великим государем объявлял печатник Дементий Минич Башмаков.

Того ж числа пожаловали великия государи в думныя дворяне столников Петра Савича сына Хитрово, да полковника Василья Лаврентьевича Пушечникова.

И как пожаловав их честьми указали итить на Казенный двор к боярину князь Василью Васильевичу Голицыну с товарищи.

И с Казенного двора по указу великих государей несли животворящий крест протопоп Спаской да Воскресенской.

Шапки несли бояре: Алексей Семенович Шеин, князь Иван Борисович Троекуров. Скифетри несли окольничие: Матвей Степанович Пушкин, Иван Иванович Чаадаев.

Яблоки несли казначей Семен Федорович Толочанов, да печатник Дементей Минич Башмаков.

Стаяницы несли думныя диаки Василей Семенов, да Афонасей Зыков, да Иван Горохов, да Емельян Украинцов.

А за ними шел боярин князь Василий Васильевич Голицын.

И как пришли в Грановитую Палату и великия государи поцеловав животворящий крест указали иттить в Соборную Апостольскую церковь и как будут у Грановитой против угла и светейший патриарх велел встретить животворящий крест Симону архиепископу Вологоцкому, да с ним архимандритом и игумнам.

А как пришли Соборной Апостольской церкви к дверем и светейший патриарх встречал сам с властьми, а в те поры звонили во все колокола.

И принесши животворящий крест начали петь молебен.

А великия государи в то число были в Грановитой Палате.

И пришед боярин князь Василей Васильевич Голицын докладывал великим государей, что время итти в Соборную Апостольскую церковь.

И великия государи изволили итти в Соборную церковь, и, пришед в Соборную Апостольскую церковь, пошли на чертежное место, приложились у икон.

И светейший Иоаким патриарх посылал по царские платья Большого Собору, да Спаского сверху протопопов, да дву ключарей.

По диадиму и по животворящий крест архимандритов Троицы Сергиева монастыря, да Чудовского, да Спаса Нового монастыря, да Симонова монастыря.

А как они принесли к месту и указал святейший патриарх у них принять митрополитом: Карнилию Новогородецкому и Великолуцкому, Никифору Астраханскому и Терскому, Павлу Сибирскому и Тобольскому, Ионе Ростовскому и Ярославскому.

А Мономаховы шапки указал принесть на мисах к месту архимандритом: Андроньевскому да Петровскому, да Савинскому, да Воскресенскому.

А как к месту принесли и у них велел принять митрополитом: Маркелу Псковскому Изборскому, Варсонофью Сарскому и Подонскому, Филорету Нижегороцкому и Олатарскому, Павлу Резанскому и Муромскому.

А скифетри велел принесть архимандриту Богоявленскому, да игумну Угрескому, Новинскому, Даниловскому.

А у них велел принять архиепископам: Симону Вологоцкому и Белозерскому, Сергию Тверскому и Кашинскому, Никите Коломенскому и Коширскому, Афонасию Колмогорскому и Важскому.

А державу велел принесть игуменам: Златоустовскому, Даниловскому, Стретенскому, Данскому.

А у них велел принять архиепископу Галасию Устюжскому и Тотимскому, да епископом: Леонтию Танбовскому, Митрофану Воронежскому, да архимандриту Викентию Троицкому.

А как на великих государей одежду и диодиму и шапку и животворящий крест возложили и скифетры и державы в руки отдали и стали петь многолетие всем Собором и потом на крылосех и стал светейший патриарх и все власти и бояре и околничие и думные и ближние люди всяких чинов здравствовать им великим государем на их превысочайшем престоле.

А как венчали великих государей и на чертежном месте стояли бояре: князь Никита Иванович, князь Яков Никитич Одоевские, князь Василей Васильевич Голицын, князь Иван, да князь Семен Андреевичи Хаванские, Петр Васильевич Шереметев, князь Петр Иванович Прозоровской, Родион Матвеевич Стрешнев, околничей Борис Гаврилович Юшков.

А шапки несли, в которых великие государи пришли в Собор и жезлы столники и ближния люди: Алексей Матвеев сын Милославской, Иван Афонасьев сын Матюшкин.

А великих государей вели под руки:

Царя и великого князя Иоанна Алексеевича дядки: боярин князь Петр Иванович Прозоровской, да околничей Борис Гаврилович Юшков.

Царя и великого князя Петра Алексеевича дядка боярин Родион Матвеевич, да столник и ближней человек Тихон Микитин сын Стрешнев.

А за великими государями были спалники все по списку.

А перед стрепнею шли:

Царя и великого князя Иоанна Алексеевича столник и ближний человек Юрья Федоров сын Лодыженской.

Царя и великого князя Петра Алексеевича столник Алексей Прокофьев сын Саковнин.

А обедню изволили слушать на своем царском месте, а после херувимской приходили великия государи к царским дверем и на них надевал светейший патриарх чепи по их царскому чину.

А в Кеноники присылал светейший патриарх из олтаря ризничего, да дьякона, чтобы великия государи изволили итти к миропомазанию и к святому причащению и поклонясь пошли.

И великие государи изволили итти по Чертожному месту к Царским дверям и прикладываясь у святых икон кланелись на все стороны ниско.

И Царские двери отворили и вышел светейший патриарх с властьми и снимали с них великих государей шапки и диодимы и помазывал сватым миром на челе и на затылке и на ланитах и на серце и опять на них надевали, и облача их, препоясали лентием.

И взяв великих государей власти повели ко святому причащению в Царския двери, а как причащали в то время Царския двери были затворены, и причащась божественных таин шли на свое ж место.

А в Соборе указали держать скифетри боярину князь Василью Васильевичу, да кравчему князь Борису Алексеевичу Голицыным.

А шапки держать боярам на золотых мисах: Алексею Семеновичу Шеину да князь Ивану Борисовичу Троекурову.

Яблоки держать околничем: Матвею Степановичу Пушкину, да Ивану Ивановичу Чаадаеву.

А как шли великия государи к миропомазанию и ко святому причащению и путь слал бархоты золотными казначей Семен Федорович Толочанов.

А ковер золотной слал перед царскими дверми столник и ближней человек Юрья Федоров сын Лодыженской.

А после обедни отдавал светейший патриарх великим государем посохи и поучал от правил святых апостол и святых отец.

А как великия государи изволили идти из Соборной и Апостольской церкви к Архангелу Михаилу, а от Орхангела к Благовещенью и путь был послан сукнами алыми, а в дверех везде осыпали великих государей золотыми и деньгами золочеными по трожды царевичи сибирские Григорий, да Василей Алексеевичи.

А мисы держали с золотыми столники Василей, да Андрей Петровы дети Измайловы.

А чин строил думной диак Емельян Украинцов, а над ним надсматривал боярин князь Василей Васильевич Голицын.

А пришед великия государи в хоромы жаловали бояр и окольничих и думных и ближних людей водками и ренским. А стола того числа не было.

Того ж числа пожаловал великий государь царь и великий князь Иоан Алексеевич к себе в спальники стольника князь Андрея княж Канбулатова сына Черкаского.

Того ж числа ходили с столом к светейшему патриарху Иоакиму от великих государей столники и ближния люди князь Данила княж Григорьев сын Черкаской, да князь Яков Иванович Лобанов Ростовской.

Того ж году июня в 26 день был великим государем выход в Грановитую Полату.

Того ж числа пожаловали великия государи в оружейничия боярина Петра Васильевича Большова Шереметева.

А сказывал ему оружейничество думной диак Василей Семенов.

Того ж числа пожаловали великия государи в бояре столника Бориса Петровича Шереметева.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов.

А у скаски стоял и великим государем объявлял околничей Михайла Петрович Головин.

Того ж числа пожаловали великия государи в бояре околничего князь Михайла Ивановича Лыкова.

А сказывал ему боярство думной диак тот же.

А у скаски стоял и великим государем объявил околничий Веденихт Андреевич Змеов.

Того ж числа пожаловали великия государи в бояре околничаго Бориса Гавриловича Юшкова, а сказывал ему боярство думной диак тот же.

А у скаски стоял и великих государем объявил печатник Дементей Минич Башмаков.

Того ж числа пожаловали великия государи в окольничие столника и ближняго человека Тихона Никитича Стрешнева, да думнаго дворенина Василия Савича Нарбекова.

А сказывал им околничество думной диак тот же.

А у скаски стоял и великим государем объявлял печатник же.

Того ж числа пожаловали великия государи в думные дворяне столников: Василья Семеновича Змеова и Аврама Ивановича Хитрово.

Того ж числа пожаловал великий государь царь и великий государь Иоан Алексеевич в спальники к себе столника Петра Петрова сына Салтыкова.

Того ж году июня в 27 день был великим государем выход в Грановитую Полату.

Того ж числа пожаловали великия государи в бояре столника князь Андрея Ивановича Голицына.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов. А у скаски стоял и великим государем объявлял боярин Иван Богданович Хитрово.

Того ж числа пожаловали великия государи в бояре столника Алексея Петровича Салтыкова.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов. А у скаски стоял и великим государям объявлял околничий Кирила Осипович Хлопов.

Того ж числа пожаловали великие государи в бояре околничего Ивана Тимофеевича Кондырева.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов. А у скаски стоял и великим государем объявлял печатник Дементей Минич Башмаков.

Того ж числа пожаловали великие государи в околничие думных дворян Андрея Васильевича Толстова, да Богдана Федоровича Полибина. А сказывал им окольничество думной диак тот же.

А у скаски стоял и великим государем объявлял печатник же.

Того ж числа пожаловали великие государи в думные дворяне Ивана Ивановича Сухотина, да Максима Исаевича Сунбулова.

Того ж году июня в 29 день был великим государем выход в Грановитую Полату. И пришед пожаловали в бояре столника князь Василья Петровича Прозоровского.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов. А у скаски стоял и великим государем объявлял околничей Матвей Степанович Пушкин.

Того ж числа пожаловали великие государи в бояре околничего князь Костентина Осиповича Щербатого.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов. А у скаски стоял и великим государем объявлял думной дворенин Иев Демидович Голохвастов.

Того ж числа пожаловали великие государи в бояре околничего Федора Прокофьевича Соковнина.

А сказывал ему боярство думной диак Василей Семенов. А у скаски стоял и великим государем объявлял печатник Дементей Минич Башмаков.

Того ж числа в кравчия князь Алексея Петровича Прозоровского.

Того ж числа пожаловали великие государи в околничие столника Ивана Федоровича Лосенка Пушкина.

А сказывал ему окольничество и у скаски стоял те ж.

ПРИМЕЧАНИЯ к 13 тому

[1] См моей Истории России с древн. врем., т. XII, стр. 312 [1].

[2] Олеария [2].

[3] Дворцовые разряды, т. III, стр. 593 [3].

[4] Там же, 1148 [4].

[5] Там же, стр. 704, 1154 [5]; Забелина — Домашний быт русских царей, т. I, 305 [6].

[6] Дворц. разр. III, стр. 1168 [7].

[7] Там же, стр 1235 [8].

[8] Там же, стр. 1231 [9].

[9] Там же, стр. 1242 [10].

[10] Там же, стр. 727, 946, 1304 [11].

[11] Там же, стр. 948, 1311—1323, 1354 [12].

[12] Там же, стр. 1404, 1594, 1597, 621, 667, 696, 1043, 1228, 1350, 660, 849, 1188, 107, 400, 994, 1067, 56, 136, 137, 139, 243, 380, 593, 597, 599, 663, 666, 777, 1065, 1130, 1136, 1138 [13].

[13] Случаи таких *шумов* на крыльце см. у Забелина: Домашний быт русских царей, I, глава III [14].

[14] Приказные дела Москов. архива мин. иностр. дел, год 1660 [15].

[15] Там же, год 1675 [16].

---

[1] См т. 12, стр 589 настоящего издания.

[2] *Адам Олеарий,* О состоянии России в царствование Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, [СПб., 1861]; см *его же,* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, М., 1870; см. *его же.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906.

[3] Дворцовые разряды, т III, СПб., 1852, стб. 593.

[4] Там же, стб 1148

[5] Там же, стб 704, 1154.

[6] *Иван Забелин,* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях, т. I, М., 1862, стр. 305—306. Частное название — Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I; изд. 2, т. I, М., 1872, стр 329—330

[7] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1168

[8] Там же, стб. 1235—1236

[9] Там же, стб. 1231—1232.

[10] Там же, стб. 1242.

[11] Там же, стб 727—728, 945—946, 1304.

[12] Там же, стб. 948, 1311—1323, 1354.

[13] Там же, стб 1404, 1594, 1597, 621, 667, 696, 1043, 1228, 1350, 660, 849, 1188, 107, 400, 994, 1067, 56, 136, 137, 139, 243, 380, 593, 597, 599, 663, 666, 777, 1065, 1130, 1136, 1138.

[14] *Иван Забелин,* Домашний быт русского народа., т I, гл III, стр 216—288.

[15] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1660 г , д. 23.

[16] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1675 года.

[16] Дворцовые разряды, III, стр. 226, 228 [1].
[17] Дополнение к Дворцов. разрядам, стр. 383 [2].
[18] Там же, стр. 100 [3].
[19] Дворцовые разряды, стр. 685 [4].
[20] Там же, стр. 302 [5].
[21] Там же, стр. 34 [6].
[22] Акты, касающ. до юридич. быта, стр. 152 [7].
[23] Дворцов. разряды, III, стр. 1109 [8].
[24] Там же, стр. 298 [9].
[25] Кошихин, стр. 19 [10].
[26] Приказ. дела Москов. архива мин. ин. дел, год 1668 [11].
[27] Посошкова, стр. 186 и след. [12]
[28] Акты историч. IV, № 39 [13]; Дополн. к Акт. историч., III, № 65 [14].
[29] Кошихин, стр. 106 [15].
[30] Акты историч. IV, № 70 [16].
[31] Приказн. дела Моск. арх. мин. ин. д., год 1660 [17].
[32] Там же, год 1668 [18].
[33] Там же, год 1657 [19].
[34] Там же, год 1673 [20].
[35] Там же, год 1673 [21].
[36] Там же, год 1671, 1674 [22].
[37] Там же, год 1674 [23].
[38] Дополн. к Акт. историч., V, 50 [24]; Забелина — Домашний быт русских царей, I, 81 [25].
[39] Акты историч. IV, № 40, 63, 132, 133, 136, 138 [26]; Дополн. к Акт. историч., IV, 60 [27]; Архив минист. юстиции, книга Малорос. приказа, № 24 [28].
[40] Дополн. к Акт. историч., V, 44 [29].
[41] Кошихина, главы VI и VII [30].
[42] Акты истор., IV, № 14 [31].
[43] Акты города Шуи, стр. 309 [32].

---

[1] Дворцовые разряды, т. III, стб. 226—228.
[2] Дополнения к III тому Дворцовых разрядов, СПб., 1854, стб. 383—384.
[3] Там же, стб. 99—100.
[4] Дворцовые разряды, т. III, стб. 685.
[5] Там же, стб. 302.
[6] Там же, стб. 34.
[7] Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБ), т. I, СПб., 1857, № 48, стб. 152.
[8] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1109.
[9] Там же, стб. 298
[10] *Г. К. Котошихин,* О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1840, стр. 19; см. также изд. 2, СПб., 1859.
[11] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1668 года.
[12] *И. Посошков,* О ратном поведении. Сочинения, ч. I, М., 1841, стр. 287—288
[13] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ), т. IV, СПб., 1842, № 39, стр. 128—129.
[14] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ), т. III, СПб., 1848, № 65, стр 231—239.
[15] *Г. К. Котошихин* О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 106.
[16] АИ, т. IV, № 70, стр. 189—191.
[17] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1660 г., д. 137.
[18] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, 1668 г., д. 417.
[19] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1657 г., д. 2.
[20] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1673 года.
[21] Там же.
[22] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1671 года; оп. 141/5, дела 1674 года.
[23] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.
[24] ДАИ, т. V, СПб., 1853, № 50, стр. 293
[25] *Иван Забелин,* Домашний быт русского народа, т. I, стр 81—82.
[26] АИ, т. IV, № 40, стр. 129—144; № 63, стр 177—179; № 132, стр. 277; № 133, стр. 277—278; № 136, стр. 279—280; № 138, стр. 282—284.
[27] ДАИ, т. IV, СПб., 1851, № 60, стр. 169—173
[28] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. 229/2, кн. 24.
[29] ДАИ, т. V, № 44, стр. 210.
[30] *Г. К. Котошихин,* О России в царствование Алексея Михайловича, гл. VI и VII.
[31] АИ, т IV, № 14, стр. 46—47.
[32] Описание города Шуи и его окрестностей. Составлено В. Борисовым, М., 1851, стр. 309.

[44] Акты Арх. эксп. IV, № 38 [1]; Акты города Шуи, стр 88, 356 [2]; Приказные дела. Москов. арх. мин. ин. д., год 1676 [3].

[45] Акты юридич., стр. 289 [4]; Приказные дела Москов. архив. мин. ин. д., год 1776 [5]; Акты историческ., IV, № 23 [6]. Акты города Шуи, стр. 64 [7].

[46] Акты Арх. эксп., IV, № 101, 158 [8].

[47] Дополн. к Актам города Шуи Гарелина, стр. 139 [9].

[48] Дополн. к Актам историч., III, № 47 [10].

[49] Там же, VI, 39 [11].

[50] Приказн. дела Москов. архив. мин. ин. д., год 1600, 1668 [12]; Акты историч., V, №№ 149, 92 [13].

[51] Кошихин, стр. 108 [14].

[52] Акты Гарелина, стр. 149 [15]; Акты историч., III, 62, 127; IV, № 143; V, 39, 49, 77 [16]; Акты Арх. эксп., III, № 121, 271 [17]; Дополн. к Акт. историч., II, № 50 [18]; Акты историч., IV, № 216 [19]; Дополн. к Акт. историч., IV, № 75 [20]; Акты Арх. эксп., III, № 145 [21].

[53] Приказн. дела Москов. архива мин. ин. д., год 1658 [22].

[54] Там же, год 1670 [23].

[55] Дополн. к Актам историч., III, 36 [24].

[56] Приказн. дела Москов. архив. мин. ин. д., год 1670 [25].

[57] Там же, год 1674 [26]. Архив мин. юстиции, книга Малорос. приказа, № 39 [27].

[58] Акты историч., IV, № 12 [28].

[59] Приказн. дела Москов. архива мин. ин. д., год 1670 [29].

[60] Акты историч., IV, № 74 [30].

[61] Там же, № 174 [31].

[62] Акты до юридич. быта, стр. 2 [32].

[63] Акты города Шуи, стр. 330 [33]; Приказные дела Москов. архива мин. ин. д., год 1688 [34].

---

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук (далее — ААЭ), т. IV, СПб., 1836, № 38, стр. 58—59.

[2] Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 83—88, 355—357.

[3] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, он. 141/5, дела 1676 года.

[4] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства (далее — АЮ), СПб, 1838, № 282, стр. 289.

[5] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1776 года.

[6] АИ, т. IV, № 23, стр. 55—56.

[7] Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 64.

[8] ААЭ, т. IV, № 101, стр. 142; № 158, стр. 209.

[9] Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. Изданы Я. Гарелиным, М., 1853, № 77, стр. 139—144

[10] ДАИ, т III, № 47, стр. 153—160.

[11] ДАИ, т. IV, № 39, стр. 183—185.

[12] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/1, 1600 г., д. 1; оп. 141/4, 1668 г., д. 97.

[13] АИ, т. V, СПб., 1842, № 149, стр. 249, № 92, стр. 145

[14] *Г. К. Котошихин*, О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 108.

[15] Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей, № 80, стр. 149.

[16] АИ, т. III, СПб., 1841, № 62, стр. 55—56; № 127, стр 198—199; т. IV, № 143, стр. 287—288; т. V, № 39, стр. 62—63, № 49, стр 75—76, № 77, стр. 119—125.

[17] ААЭ, т. III, СПб., 1836, № 121, стр. 168—169; № 271, стр. 416.

[18] ДАИ, т. II, СПб, 1846, № 50, стр. 84.

[19] АИ, т. IV, № 216, стр. 464—471.

[20] ДАИ, т. IV, № 75, стр. 193—195.

[21] ААЭ, т. III, № 145, стр. 207—210.

[22] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1658 г., д. 19, 21, 31, 54, 59, 101, 121, 130, 131, 133, 138, 143, 149, 155.

[23] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1670 года.

[24] ДАИ, т. III, № 36, стр. 119—137.

[25] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1670 года.

[26] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.

[27] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. 229/2, кн. 39.

[28] АИ, т. IV, № 12, стр. 39—42.

[29] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1670 года.

[30] АИ, т. IV, № 74, стр. 198—201.

[31] Там же, № 174, стр. 334—335.

[32] АЮБ, т. I, № 2, стб. 2—3.

[33] Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 330.

[34] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/6, дела 1688 года.

[64] Приказн. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1649 [1].
[65] Там же, год 1669 [2].
[66] Там же, год 1668 [3].
[67] Там же, год 1667 [4].
[68] См. Историю России, т. IX и X [5].
[69] Приказ. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1674 [6]; Акты города Шуи, стр. 353 [7].
[70] Акты города Шуи, стр. 223 [8].
[71] Там же, стр. 455 [9].
[72] История России, т. IX, стр. 378 [10].
[73] Приказн. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1680. Приведенная челобитная из Вологды; здесь было 14 сороков [11].
[74] Приказн. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1671 [12].
[75] Там же, год 1660 [13].
[76] Там же, год 1652 [14].
[77] Полное собр. зак., № 331, 508 [15].
[78] Приказн. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1678 [16].
[79] Там же, год 1665 [17].
[80] Собр. госуд. грам. и догов., IV, № 55 [18].
[81] Приказн. дела Москов. архива мин. ин. д., год 1669 и 1672 [19].
[82] Там же, год 1676 [20].
[83] Акты юридич., стр. 290 [21]; Акты, касающ. до юридич. быта, № 3 [22].
[84] Акты, касающ. до юридич. быта, № 7 [23].
[85] Акты юридич., стр. 291 [24]; Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1666 [25].
[86] Приказн. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1674 [26].
[87] Дополн. к Актам историч., VI, № 19 [27].
[88] Акты историч., IV, № 27 [28]; Дополн. к Акт. историч., VI, 19 [29].
[89] Архив мин. юстиции, книга Малорос. приказа, № 16 [30]; Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1678 [31]; Временник Москов. истор. общества, № 7 [32].

---

[1] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1649 г., д. 78, 133.
[2] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, 1669 г., д. 252, 253.
[3] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, 1668 г., д. 242.
[4] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1667 года.
[5] См. кн. V настоящего издания.
[6] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.
[7] Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 352—354.
[8] Там же, стр. 323—324.
[9] Там же, стр. 455.
[10] См. т 9, стр. 273 настоящего издания.
[11] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/6, 1680 г., д. 169.
[12] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1671 года.
[13] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1660 г., д. 14, 47.
[14] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1652 г., д. 96.
[15] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), Собрание 1-е, т. I, СПб., 1830, № 331, стр. 575; № 508, стр. 875.
[16] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/6, дела 1678 года.
[17] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, дела 1665 года.
[18] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), ч. IV, М., 1826, № 55, стр. 189—204.
[19] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1669 года; оп. 141/5, дела 1672 года.
[20] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1676 года.
[21] АЮ, № 283, стр. 290.
[22] АЮБ, т. I, № 5, стб. 6—7.
[23] Там же, № 7, стб. 9—12.
[24] АЮ, № 285, стр. 291.
[25] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, дела 1666 года.
[26] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.
[27] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 19, стр. 111.
[28] АИ, т. IV, № 27, стр. 60.
[29] ДАИ, т. VI, № 1, стр. 1—4.
[30] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. 229/2, кн. 16.
[31] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/6, дела 1676 года.
[32] Временник Московского общества истории и древностей российских (далее — Временник МОИДР), кн. 7, Смесь, М., 1850, стр. 69—70.

[90] Акты касающ. до юридич. быта, стр. 274 [1].
[91] Олеарий [2].
[92] Акты историч., IV, № 62 [3].
[93] Акты Арх. эксп., IV, № 322 [4].
[94] Там же, № 37, 325 [5].
[95] Там же, № 328 [6].
[96] Там же, № 188 [7].
[97] Полн. соб. зак., т. I, № 412 [8].
[98] Постановление собора 1666 года [9].
[99] Изглашение патриарха Иоакима и всего собора на необузданных юных брадобритие. Сборн. Синод. библиотеки, № 11 [10].
[100] См. в том же Сборнике [11].
[101] Дворцовые разряды, стр. 1591 [12].
[102] Акты историч., IV, № 74 [13].
[103] История России, т. XI, стр. 290, 291 [14]; Акты юридические, стр. 399 [15].
[104] Приказные дела Архива мин. ин. д., год 1661 [16]; раскольнич. сбор. И. публ. библ., № 401 [17].
[105] «Называл Иосиф в. государя, будто, в. государь г.., и бол.., д... Патриарха называл глупцом и безлюдицею; архиереев скотами и трусами, шушерою. Ездил в домовые свои и монастырские вотчины с монахами и домовыми людьми, а после стола в селах на погостах и на лугах перед ним напився отец его духовный архимандрит и игумен Голутвина монастыря, дьяк и иные домовые люди смехотворением многим и кощуны всякими боролися и у тех монахов в борьбе их подолы непристойно оборочались...» Дело Иосифа в Синод. библиот. [18] Дворцов. разряды, III, 1104, 1155 [19].
[106] Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1671 [20]. О поведении духовенства см. Акты города Шуи, стр. 348, 355, 370 [21].
[107] Акты историч., IV, 195 [22].
[108] Акты Арх. эксп., IV, 105 [23]; Временн. Моск. истор. общ., № 3 [24].
[109] Акты Арх. эксп., IV, 33 [25].
[110] Там же, IV, 78 [26].

---

[1] АЮБ, т. I, № 55, стб. 274.
[2] См. сноску к примеч. 2 настоящего тома.
[3] АИ, т. IV, № 62, стр. 172—177.
[4] ААЭ, т. IV, № 322, стр. 482
[5] Там же, № 37, стр. 57—58; № 325, стр. 485—486.
[6] Там же, № 328, стр. 489—491.
[7] Там же, № 188, стр. 241—243.
[8] ПСЗ, Собрание 1 е, т. 1, № 412, стр. 628—715
[9] С. М Соловьев ошибается. Такое решение было принято на соборе 1667 года. См. Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Синодальный сборник, № 914, л. 14—15; № I, л. 91 об. — 92 См. также ДАИ, т. V, Прибавления, стр. 487—488; «Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина», т. II, ч. 2, [М., 1876], стр. 221; *Н. Ф. Каптерев*, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, Сергиев Посад, 1912, стр. 395—396.
[10] ГИМ, Синодальный сборник, № II, л. 433—436.
[11] Там же, л. 122—186. Цитируется неточно, л. 180. См. также ДАИ, т. V, Прибавления, стр. 498.
[12] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1591.
[13] АИ, т. IV, № 74, стр. 198—201
[14] См. т. 11, стр. 208—210 настоящего издания.
[15] АЮ, № 377, стр. 399.
[16] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1661 г., д. 121.
[17] Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), отдел рукописей, Q I, № 401, л. 181.
[18] Дело о Коломенском архиепископе Иосифе. ГИМ, столбцы Синодального собрания, № 1309—1312.
[19] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1104—1155.
[20] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1671 года.
[21] Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 348, 355—357, 370.
[22] АИ, т. IV, № 195, стр. 366—367.
[23] ААЭ, т. IV, № 105, стр. 145—146.
[24] Временник МОИДР, кн. 3, Материалы, М., 1849, стр. 1—3.
[25] ААЭ, т. IV, № 33, стр. 48—49.
[26] Там же, № 78, стр. 114—117.

[111] Полн. собр. зак., I, № 288, 289, 291 [1].

[112] Дополн. к Акт. историч., IV, 3 [2].

[113] Кошихин, стр. 110 [3].

[114] Дополн. к Акт. истор., IV, 65 [4]; Акты юридич., стр. 153 [5].

[115] Постановления собора 1666 года [6].

[116] См. ниже при разборе книги Крижанича. Приказн. дела в Москов. арх. мин. ин. д., год 1681 [7]: крестьянин посадскому отрубил голову за насилие.

[117] История России, т. X, стр. 358 [8].

[118] Приказные дела Моск. арх. мин. ин. д., год 1659 [9].

[119] Акты Арх. эксп., IV, 115 [10].

[120] Там же, 121 [11].

[121] Акты историч.. IV, № 6 [12].

[122] Там же, № 35 [13].

[123] Полн. собр. зак., I, № 453 [14].

[124] Дворц. разряды, III, стр. 1081 [15].

[125] Временник Москов. истор. общ., № 5 [16].

[126] Дела Приказа тайных дел в Государ. архиве, № 162 [17].

[127] Кошихин, стр. 125 [18].

[128] Архив мин. юстиции, столбцы Приказн. стола, № 1502 [19]; вот также любопытное известие из Приказных дел Москов. арх. мин. ин. д., год 1679 [20]; вдова Марья Самойлова Душевская в допросе сказала: «Пришла к ней стряпчего конюха Евсеева жена Верещагина Фекла Семенова, а пришед говорила ей, что муж ее Евсевей пришед домой неведомо откуда пьян и бил ее сняв рубаху смертным боем до крови и по ранам натирал солью, и она, Фекла, не стерпя побой, пришла к ней по свойству».

[129] Полн. собр. зак. I, № 355 [21].

[130] Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1674 [22].

[131] Дворцовые разряды, III, стр. 1120, 1338, 1522 [23].

[132] Полн. соб. зак. № 334 [24].

[133] Акты города Шуи, стр. 314, 339, 456 [25].

[134] Приказные дела Моск. архива мин. ин. д., год 1674, 1651 [26]. Архив мин. юстиции, столбцы Приказного стола, № 1691 [27]. История о невинном заточении Матвеева, стр. 161 [28].

---

[1] ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 288, 289, 291, стр. 524—526.

[2] ДАИ, т. IV, № 3, стр. 7—8.

[3] *Г. К. Котошихин*, О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 110.

[4] ДАИ, т. IV, № 65, стр. 177.

[5] АЮ, № 127, стр. 152—153.

[6] Из решений собора 1667 года ГИМ. Синодальный сборник, № 914, л. 27 об.—28; № I, л. 148 об. См. также ДАИ, т. V, Прибавления, стр. 471; «Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. II, ч 2, стр. 236; *Н. Ф. Каптерев*, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 453—454.

[7] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/6, 1681 г., д. 154.

[8] См. т. 10, стр. 623 настоящего издания.

[9] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/3, 1659 г.. д. 46.

[10] ААЭ, т. IV, № 115, стр. 160—162.

[11] Там же, № 121, стр. 168—169.

[12] АИ, т. IV, № 6, стр. 24—31.

[13] Там же, № 35, стр. 124—126.

[14] ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 453, стр. 825.

[15] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1081.

[16] Временник МОИДР, кн. 5, М., 1850.

[17] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 229, ч. 1—3.

[18] *Г. К. Котошихин*, О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 125.

[19] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, д. 352, л. 18 34.

[20] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/6, 1679 г, д. 320.

[21] ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 355, стр. 586.

[22] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.

[23] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1120, 1338, 1522.

[24] ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 334, стр. 577.

[25] Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 314, 339—340, 456—457.

[26] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года; оп. 141/3, 1651 г., д. 112.

[27] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, д. 541, л. 1—49.

[28] «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева.., изданная Николаем Новиковым», изд. 2, СПб, 1785, стр. 161—163.

[135] Акты двор. Голохвастовых в Чтениях Москов. истор. общ., 1847 года, № 5 [1].

[136] Дворц. разр., стр. 1509, 1419 [2].

[137] Там же, стр. 1131, 1224, 1501 [3]; Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1674 [4].

[138] Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1673 [5].

[139] Песни, собр. Рыбниковым, II, 140 [6].

[140] Песни, собр. Киреевским, I, 90 [7].

[141] Там же, стр. 20 [8].

[142] Песни, собр. Рыбник., I, 272 [9], II, 159.

[143] Там же, I, 95, 97 [10].

[144] Там же, 350, 351 [11].

[145] Там же, 2, 3, 62 [12].

[146] Там же, 187 [13]; песни, собр. Киреевск., вып. 3, стр. 31, 74 [14].

[147] Песни, собр. Киреевским, вып. 2, стр. 66 [15].

[148] Песни, собр. Рыбников., II, 56, и др. [16]

[149] Там же, I, 24, 353 [17].

[150] Песни, собр. Киреевск., вып. 3, стр. 63 [18].

[151] Там же, стр. 63 [19].

[152] Песни, собр. Рыбник., II, 328 [20].

[153] Там же, стр. 335 [21].

[154] Там же, I, 78 [22].

[155] Там же, II, 258 [23].

[156] Там же, I, 114, 116 [24]; Песни, собр. Киреев., вып. 1, стр. 61 [25].

[157] Песни, собр. Рыбников., I, 429, и след. [26]

[158] Там же, 389 [27].

[159] См. Историю России, т. IX [28].

[160] Песни, собр. Рыбников., II, 237 [29].

[161] Подробности о переводной литературе XVII века см. в книге

---

[1] *Д. П. Голохвастов,* Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — Чтения ОИДР), кн. 5, отд. IV, М., 1848, стр. 73—140. См. также Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых, собранные Д П. Голохвастовым, М., 1848, стр. 79—146; *С. А. Белокуров,* Акты архива Голохвастовых, М., 1907.

[2] Дворцовые разряды, т. III, стб. 1509, 1419.

[3] Там же, стб. 1131, 1224, 1501—1502.

[4] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года

[5] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1673 года.

[6] *П. Н. Рыбников,* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 2, М., 1862, стр. 140.

[7] *П. В. Киреевский,* Песни, собранные П. В. Киреевским, ч. 1, вып. 1, М., 1860, стр. 90; см. также изд. 2, М., 1868

[8] *П. В. Киреевский,* Песни.., ч. 1, вып. 1, стр. 20.

[9] *П. Н. Рыбников,* Песни... ч. 1, М., 1861, стр. 272; ч. 2, стр. 159.

[10] Там же, ч. 1, стр 95, 97.

[11] Там же, стр. 350—351.

[12] Там же, стр. 2, 3, 62.

[13] Там же, стр. 187.

[14] *П. В. Киреевский,* Песни.., ч. 1, вып. 3, М., 1861, стр. 31, 74; см также изд. 2, ч. 1, вып. 3, М., 1878.

[15] *П. В. Киреевский,* Песни.., ч. 1, вып. 2, М., 1861, стр. 66; см. также изд. 2, ч. 1, вып. 2, М., 1875.

[16] *П. Н. Рыбников,* Песни., ч. 2, стр. 56 и др.

[17] Там же, ч. 1, стр. 24, 353.

[18] *П. В. Киреевский,* Песни.., ч. 1. вып. 3, стр. 63.

[19] Там же, ч. 1, вып. 1, стр. 63.

[20] *П. Н. Рыбников,* Песни.., ч. 2, стр. 328.

[21] Там же, стр. 335.

[22] Там же, ч 1, стр. 78.

[23] Там же, ч. 2, стр. 258.

[24] Там же, ч. 1, стр. 114, 116.

[25] *П. В. Киреевский,* Песни.., ч 1 вып 1, стр. 61.

[26] *П. Н Рыбников,* Песни.., ч. 1, стр. 429 и след.

[27] Там же, стр. 389

[28] См. т. 9 настоящего издания.

[29] *П. Н. Рыбников,* Песни.., ч. 2 стр 237—238.

Пыпина: «Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских» [1].

[162] Летописи Русской литературы, 1859 г., кн. IV [2].

[163] Москвитянин 1853 года, № 1 [3].

[164] Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1669, ноябрь [4]. Рукопись сочинения Грибоедова в Румянцев. музее [5].

[165] Дополн. к Актам историч., IV, № 43 [6].

[166] Чтения Москов. истор. общ. 1846 г., № 4 [7].

[167] Приказные дела Москов. архив. мин. ин. д., год 1652 [8].

[168] Жалованья он получал против своего служебного оклада по 60 рублей, хлеба против Посольского приказа подьячих первой статьи по 55 четвертей ржи (четверть ржи в 1674 году стоила 21 алтын), по тому ж овса, по 10 пудов соли на год. Кроме того, учитель получал праздничные деньги на господские праздники и на государские именины, всего 45 рублей. — Приказн. дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1674 [9].

[169] Сочинениями Полоцкого я пользовался в Синодальн. библиотеке [10]. Кроме статьи о Полоцком в Словаре митр. Евгения [11] см. статью Певницкого в Православ. обозр. 1860 г. № 10 и 11 [12].

[170] Я пользовался Статиром по рукописи Румянцев. музея [13].

[171] Между книгами из дворца, которые переплетал иноземец Яган Энкуз, значится: список с книжицы Юрья Сербенина. Приказные дела Архива мин. ин. д., год 1674 [14].

[172] Или следующее о Шуйском: «Fuit etiam inter Christianos alicabi; quiqam rex, qui cum metueret, ne populus ab ipso deficeret ad ejus oemulum, hominem quemquam mortuum mandavit ex alio loco ad se transferri: et appellavit eum martyrem et thaumaturgum».

[173] Политичные думы Крижанича изданы под заглавием: «Русское государство в половине XVII века» г. Безсоновым [15]; им же изданы отрывки из сочинения Крижанича: *«О промысле»* [16].

[174] Житие протопопа Аввакума, изд. Н. С. Тихонравова [17].

[175] См. нашей истории т. IX и XII [18].

[176] См. там же, т. X [19].

---

[1] *А. Н. Пыпин,* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, СПб., 1857.

[2] «Повесть о Савве Грудцыне». Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым, т. II, кн. IV, М., 1859, отд. II, стр. 61—80.

[3] «История о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина Нащокина Аннушке», «Московитянин» № 1, январь, 1853, отд. IV, стр. 3—16.

[4] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/4, дела 1665 года.

[5] «История, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестно державствующих и свято поживших боговенчанных царех и великих князех иже в Рустей земле богоугодно державствующих». Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (далее — ГБЛ), отдел рукописей, ф. 256, № 82—84.

[6] ДАИ, т. IV, № 43, стр. 188—200.

[7] *В Ундольский,* Ученые труды Епифания Славинецкого. Чтения ОИДР, кн 4, отд. IV, М., 1846, стр. 69—72.

[8] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп 141/2, дела 1652 года.

[9] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.

[10] См. ГИМ, отдел рукописей.

[11] «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви», ч. 2, СПб., 1818, стр. 584—594; см. также изд. 2, т. II, СПб., 1827, стр. 210—218.

[12] *В. Ф. Певницкий,* Симеон Полоцкий. «Православное обозрение», 1860, октябрь, стр. 193—232; ноябрь, стр. 327—356.

[13] «Статир. Поучения воскресные и другие чрез весь год числом 156, сочиненные и писанные в 1684 году неизвестным приходским священником Пермской епархии в городке Орле», ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 411.

[14] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1674 года.

[15] *Юрий Крижанич,* Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича [открыл и издал П. Бессонов], ч. 1—2, М., 1859—1860.

[16] *Юрий Крижанич,* О промысле, М., 1860. Сведения об открытой рукописи П. Бессонова.

[17] «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Издано под редакцией Н. С. Тихонравова», СПб., 1862; см. также «Материалы для истории раскола за первое время его существования Под редакцией Н. Субботина», т. V, ч. 2, М., 1879, стр. 1—113

[18] См. т. 9 и 12 настоящего издания.

[19] См. т. 10 настоящего издания.

[177] Боярыня Морозова, ст. Тихонравова в Русск. Вест. 1865, сентябрь [1], Забелина — Домаш. быт русск. цариц, 105 и след [2].

[178] Дела Приказные Москов. архива мин. ин. д., год 1673 [3].

[179] Tagebuch des Gen. Patrick Gordon, veröffentlicht durch F. Obolenski und Dr. Poselt. I. B. [4]

[180] История России с древн. врем. т. XII [5].

[181] Архив мин. юстиции, книги Малоросс. приказа, № 19 [6]. Записка Татищева о царствовании Феодора Алексеевича в портфелях Мюллера в Моск. архиве мин. ин. д. [7] Здесь говорится: «Сей государь при отце своем учен был в латинском языке старцем Симионом Полоцким, и хотя в оном языке не столько как брат его большой царевич Алексей Алексеевич был обучен, однако ж чрез показание оного учителя великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал, по которой его величества охоте псалтирь стихотворно оным Полоцким преложена и в оный, как сказывают, многие стихи, и особливо псалом 132 и 145 сам его величество переложил, и последней в церкви при нем всегда певали, яко же его величество и к пению был великий охотник, первое партесное, и по нотам четверогласное и киевское пение при нем введено, а по крукам греческое оставлено» [8].

[182] Diariusz Zabojstwa tjranskiego senatorow Moskiewskich w stolicu roku 1682. Рукопись Имп. публ. библ. Отд. IV, Q, № 8 [9]. Летопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6 [10].

[183] Там же [11]. Кирилл Полуехтович Нарышкин, торусский дворянин, был стрелецким головою и в известное время находился на службе в Смоленске, когда еще дочь жила при нем. Поэтому наше известие называет его смоленским капитаном, а Шакловитый после говорил царевне Софье о царице Наталье: «Вспомня, государыня, какова в Смоленске была: в лаптях ходила» [12].

[184] Там же [13].

[185] По «благополучной тех времен матери его причины, в доме боярина Морозова, производителя его Богданова». История о невинном заточении ближнего боярина А. С. Матвеева, стр. 385 [14].

[186] Там же, стр. 386 [15].

[187] Датские дела 1676 года в Москов. арх. мин. ин. д. [16]

[188] Письмо к князю Вас. Вас. Голицыну от прикащика Боева, Временник Москов. истор. общ. № 7 [17].

---

[1] *Н. Тихонравов,* Боярыня Морозова. «Русский Вестник», т. 59, 1865, стр. 5—44.

[2] *И. Е. Забелин,* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях, т. II, М., 1869, стр. 105 и след. Частное название — Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях; см. также изд. 2, М., 1872, стр. 107 и след.

[3] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/5, дела 1673 года.

[4] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Rußland vom Jahre 1661 bis 1699, zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. Phil. M. C. Posselt. Bd. I, Moskau, 1849. См. также русский перевод книги — Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской службы от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г., ч. 1—2, М., 1892.

[5] См. т. 12 настоящего издания.

[6] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, опись 229/2, кн. 19.

[7] ЦГАДА, ф. 199, Миллер Г. Ф. (портфели), № 53, д. 1.

[8] Там же, л. 5.

[9] Diariusz Zabojstwa tyranskeiego senatorow Moskiewskich w stolicy roku 1682 y obraniu dwock carow Ioana y Piotra. ГПБ, отдел рукописей. Польская, Q IV, № 8, л. 16.

[10] Летописи русской литературы и древности, т. III, кн. VI, М., 1861, отд. III, стр. 86—87.

[11] ГПБ, отдел рукописей. Польская, Q IV, № 8, л. 1.

[12] См. «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. I, СПб., 1884, стб. 119—120.

[13] ГПБ, отдел рукописей. Польская, Q IV, № 8, л. 1—2 об.

[14] «История о невинном заточении...», стр. 385—386.

[15] Там же, стр. 386.

[16] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, 1674 г., д. 1; 1676 г., д. 4.

[17] Временник МОИДР, кн. 7, Смесь, стр. 72—73.

189 Соборное осуждение духовника Андрея в Синодал. библиотеке [1].

190 Иона доносил еще следующее: «Он же (Никон) говорил, что надобно освященным маслом все уды помазывать, и в тайный уд, где животворящим крестом не заграждено и маслом не помазано, бес вселяется. Он же лечил мужеск пол и женск в крестовой келье и молитвы над ними говорит и маслом помазует. К нему приходят женки и девки будто для лекарства, а он с ними сидит один на один и обнажает их до нага будто для осмотру больных язв. Девок и молодых вдов называет дочерьми и сговаривает их замуж у себя в келье, а после венчанья приходят к нему в келью, а он их запаивает допьяна и сидят у него до полуночи. Женку брюхатую служню жену выдал замуж в неволю, а жених на ней не хотел жениться, а он того жениха бил плетьми и женил в неволю. Келейник Никита Микитин приводил к нему жену свою ночью. Дьячок Исаков подводил женку ночью. Служка Исаев видел Никона с женкой в тайном месте. В праздники делает пиры частые на слободских женок и поит их допьяна и в слободу отвозит их на монастырских подводах замертво. Постриг Козлову девку Марфутку Биляну и вклад за нею дал. Девкам и молодым женкам дает милостыню большую алтын по 20 человеку, а старым по деньге; женки и девки приходят к нему безвременно и по ночам у него сидят».

191 Источники о Никоновском деле указаны мною в XI томе [2].

192 Дворцовые разряды, IV, 55, 174 [3]. О Языкове и Лихачевых см. Историю о невинном заточении Матвеева, стр. 407 [4] и приведенную выше записку Татищева, где говорится [5]: «Главные бояре, Долгорукий и Хитрово рассудили, что им у царя Феодора в такой милости уже для их старости удержаться было не весьма удобно; наипаче же ведая, что Иван Милославский в том может им великие обиды нанести, положили чтоб оного Милославского из Казани взять и все правления на него положить, а самим остаться у малых дел; но дабы они притом вовсе некоторые способности из рук не выпустили, того рода ведая они думного дворянина Ивана Языкова человека великой остроты, також Алексея Лихачева, бывшего у царевича Алексея Алексеевича учителя, человека доброй совести, твердо государю восхваляя, в милость ввели. Иван Милославский еще при царе Алексее от дяди своего Ильи Данилыча в непристойных поступках примечен и едва от тяжкого наказания милостию царицы Марьи Ильиничны избавлен, но по смерти ее вместо ссылки в Казань послан воеводою, за что на Матвеева и Нарышкиных великую злобу имел». (Не знаем, не перемешал ли здесь Татищев Милославских — Ивана Богдановича с Иваном Михайловичем?)

193 Столбцы и книги Малороссийского приказа означенных годов в Архиве мин. юстиции [6]. Дела Малороссийские означенных годов в Москов. архиве мин. иностр. дел [7].

194 Дела Польские означенных годов в Москов. арх. мин. ин. дел [8].

195 Дела Крымские [9] и Турецкие [10] означенных годов в Москов. архиве минист. иностр. дел.

196 Столбцы и книги Малоросс. приказа в Архиве мин. юстиции [11].

---

1 ГИМ, Синодальный сборник, № I, л. 567—585.

2 См. т. 11, стр. 340, примеч. 67, 68 настоящего издания.

3 Дворцовые разряды, т. IV, стб. 55, 174.

4 «История о невинном заточении...», стр. 407—408.

5 См. ЦГАДА, ф. 199, Миллер Г. Ф. (портфели), № 53, д. 1, л. 2—2 об.

6 ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. 229/1, стб. 105, 106, 107, 115, 127, 141, 147; оп. 229/2, кн 37, 38, 39, 43, 46, 50.

7 ЦГАДА, ф 124, Малороссийские дела, оп. 124/1, 1676 г., д. 1, 5, 6, 8, 15; 1677 г., д. 10—13, 15—18, 20—26, 30, 31, 33, 35, 36; 1678 г., д. 2, 3, 5—8, 10, 11; 1679 г., д. 13, 15, 17; оп. 124/3, д. 331—334, 336—340, 344.

8 ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1676 г., д. 4, 5, 13, 14, 18, 19, 22, 23; 1677 г., д. 4, 4а; 1678 г., д. 5—12.

9 ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, 1679 г., д. 15—17; 1680 г., д. 3, 6, 7, 12, 13, 21; 1681 г., д. 1, 7; кн. 60—63.

10 ЦГАДА, ф 89, Сношения России с Турцией, 1678 г., д 2а; 1681 г., д. 3; кн. 18—21.

11 ЦГАДА, ф 229, Малороссийский приказ, оп. 229/1, стб. 149, 151, 157; оп. 229/2, кн. 50, 52.

[197] Москов. архив мин. ин. дел, дела Шведские [1], Датские [2] и Австрийские [3].

[198] См. т. XII [4].

[199] См. там же, стр. 313 [5].

[200] Допол. к Актам истор., т. VII, № 3, 47, 48, 61, 72, 73, 75; т. VIII, № 15, 44, 77 [6].

[201] История России, т. XII, стр. 288 [7].

[202] Собр. госуд. грам. и догов., IV, № 105 [8].

[203] Акты Арх. эксп., IV, № 214 [9].

[204] Полн. собр. зак., № 772, 846 [10].

[205] Акты историч., V, № 14, 80 [11].

[206] Там же, № 55 [12]; Полн. собр. зак., № 845 [13].

[207] Акты Арх. эксп., IV, № 247 [14].

[208] Полн. собр. зак., № 751, 762 [15].

[209] Там же, № 826, 827 [16].

[210] Архив мин. ин. д., дела Датские 1677 года [17].

[211] Дополнение к Актам историч., VIII, № 50 [18].

[212] Чтения Москов. историч. общ. 1847 года № 5 [19].

[213] Акты историч., V, № 75 [20]. Известие о богадельнях см. у Берха — Царств. Феодора Алекс., II, 86 [21]. Приведенный здесь акт позднейший (по всем вероятностям Петровского времени) проект, который начинается только указанием на распоряжение, сделанное при царе Феодоре, едва ли приведенное к концу.

[214] Полн. собр. зак., № 867 [22].

[215] Дополн. к Акт. историч., VIII, № 89 [23]. — Из распоряжений патриарха Иоакима замечательно следующее. В 1677 году патриарх посылал в Кашин двоих архиереев — Иосифа, митрополита рязанского, и Симона, архиепископа тверского, досматривать мощей княгини Анны, супруги св. Михаила тверского (мощи эти были открыты при Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе тверским архиепископом Ионою). Когда архиереи возвратились — «Слушахом соборне досмотру их (извещает Иоаким), и житие благоверные княгини Анны, и чудес ее, и летописных книг, и обретохом житие с летописцами местами не согласно: 1) В житии Анна названа дочерью боярина кашинского, в летописцах дочерью князя Дмитрия Борисовича ростовского. 2) В житии сказано, что был с Михаилом в орде сын его Дмитрий, в летописях Константин. 3) В житии — что усечен мечом, в летописях — что ножом в ребра и т. д. В житии в трех местах написано, что мощи никако же тлению причастны, а по смотру в разных

---

[1] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, 1676 г., д. 1, 3, 5; 1677 г., д. 1, 3; 1678 г., д. 1; 1679 г., д. 1, 3—5; 1680 г., д. 3—6; 1681 г., д. 1—3, 6

[2] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, 1676 г., д. 2; 1679 г., д. 1, 2; 1680 г., д. 2; кн. 16, 18—20.

[3] ЦГАДА, ф. 32, Сношения России с Австрией, 1679 г., д. 1, ч. 1 и 2, д. 2, ч. 1 и 2; кн. 26—28.

[4] См. т. 12 настоящего издания.

[5] Там же, стр. 590—591.

[6] ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 3, 47, 48, 61, 72, 73, 75, стр. 4—45, 233—263, 277—304, 332—344, 371—374; т. VIII, СПб., 1862, № 15, 44, 77, стр. 33—52, 148—185, 283—286.

[7] См. т. 12, стр. 569 и след. настоящего издания.

[8] СГГД, ч. IV, № 105, стр. 337—342.

[9] ААЭ, т. IV, № 214, стр. 290—291.

[10] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, СПб., 1830, № 772, стр. 216, № 846, стр. 286.

[11] АИ, т. V, № 14, стр. 25; № 80, стр. 127—128.

[12] Там же, № 55, стр. 84—85.

[13] ПСЗ, собрание 1-е, т. II, № 845, стр. 285.

[14] ААЭ, т. IV, № 247, стр. 343.

[15] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 751, стр. 199; № 762, стр. 206—207.

[16] Там же, № 826, 827, стр. 268—269.

[17] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1677 г., д. 21.

[18] ДАИ, т. VIII, № 50, стр. 214—216.

[19] Чтения ОИДР, кн. 5, отд. IV, стр. 71—72.

[20] АИ, т. V, № 75, стр. 108—118.

[21] [*В. Н. Берх*], Царствование царя Феодора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта, ч. 2, СПб., 1835, стр. 86—100.

[22] ПСЗ, *Собрание* 1-е, т. II, № 867, стр. 312—313.

[23] ДАИ, т. VIII, № 89, стр. 310—312.

местах истлеша и разрушишася. В житии написано, что тлению не только мощи, но и ризы непричастна быша, а по досмотру все истлело. И потому дело оставлено впредь до великого собора, аще чем бог впредь объявит и утвердит; гробу стоять запечатану, празднеств не делать и молебнов не петь, петь панихиды, образа взять в Москву». — Сборник Синодал. библиот., № 684 [1].

[216] Полн. собр. закон., № 779 [2].

[217] Там же, № 837 [3].

[218] Акты Арх. эксп., IV, № 250 [4]; Акты. историч., V, № 77 [5].

[219] Полн. собр. зак., № 899 [6]; Акты историч., V, № 83 [7]; Собр. гос. грам., IV, № 126 [8].

[220] Сбор. гос. грам. и дог., IV, № 130 [9].

[221] Архив историко-юридических сведений, изд. Калачевым, кн. 1-я [10]. Книга: Икона, рукоп. Румянц. Музея [11].

[222] Древн. Росс. Вивлиофика, т. VI, XVI [12].

[223] История о невинном заточ. Матв., стр. 407 [13].

[224] Татищева — История Российская, I, стр. 573 [14].

[225] Diariusz Zabojstwa [15].

[226] История о невинном заточении Матвеева, стр. 374 [16].

[227] Там же, стр. 405 [17].

[228] См. т. XII, стр. 349 и дополнение [18].

[229] Записки Матвеева в собраниях Туманского [19] и Сахарова [20].

[230] Матвеев [21].

[231] Голикова — Деяния П. В. I, стр. 155 [22].

[232] Diariusz Zabojstwa [23].

[233] Медведева — Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92. Рукопись князя М. А. Оболенского [24].

---

[1] ГИМ, Синодальный сборник, № II, л. 266—310.

[2] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 779, стр. 219—220.

[3] Там же, № 837, стр. 280—281.

[4] ААЭ, т. IV, № 250, стр. 345—351.

[5] АИ, т. V, № 77, стр. 119—125.

[6] ПСЗ, Собрание 1-е, т II, № 899, стр. 366.

[7] АИ, т. V, № 83, стр. 133—134.

[8] СГГД, т. IV, № 126, стр. 387—390.

[9] Там же, № 130, стр. 396—410.

[10] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым, кн. I, отд. II, М., 1850, стр. 19—40; см. также изд. 2, кн. I, отд. II, М., 1876, стр. 21—44.

[11] «Икона, или изображение дел московского патриаршего престола», ГБЛ, отдел рукописей, ф. 29, Собрание Беляева, № 1625, л. 52 об. — 54 об.

[12] Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии генеологии российския касающихся, изданная Н. Новиковым, ч. VI, изд. 2, М., 1788, стр. 390—420; ч. XVI, изд. 2, М., 1791, стр. 295—306.

[13] «История о невинном заточении. », стр. 407.

[14] *В. Н. Татищев,* История Российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. 2, М., 1769, стр. 573.

[15] ГПБ, отдел рукописей. Польская, Q IV, № 8, л. 16 об.

[16] «История о невинном заточении ..», стр. 374—375.

[17] Там же, стр. 405—406.

[18] См. т. 12, стр. 619, 624—626 настоящего издания.

[19] «Описание первого стрелецкого бунта. Описание графа Матвеева». *Ф. О. Туманский,* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого (далее — Собрание Ф. О. Туманского), ч. VI, СПб., 1787, стр. 8—54. См. также «Описание бунта, бывшего в 1682 году». Собрание Ф. О. Туманского, ч. I, СПб., 1787, стр. 209—229.

[20] «Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева». *И. П. Сахаров,* Записки русских людей. События времен Петра Великого (далее — «Записки русских людей»), СПб., 1841, стр. I—VIII, 1—94.

[21] «Записки русских людей», стр. 4—6; Собрание Ф. О. Туманского, ч. VI, стр. 10—11, ч. I, стр. 118.

[22] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, ч. I, М., 1788, стр. 155; изд. 2, т. I, М., 1837, стр. 13—14, примеч. 4.

[23] ГПБ, отдел рукописей, Польская, Q IV, № 8, л. 4—6.

[24] *Сильвестр Медведев,* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве (далее — «Созерцание краткое»), М., 1894, стр. 40—42. Рукопись хранится в ЦГАДА, ф. 179, Комиссия печатания государственных грамот и договоров, д 205.

[234] Датского резидента Розенбуша: Relation der traurigen Tragedy [1]. См. об этом сочинении в статье: «Библиографические отрывки» в Отеч. Зап. 1858 г. июнь [2].

[235] Там же [3].

[236] Медведев [4]. У Медведева не было никакого побуждения хвалить патриарха, и притом он мог знать дело обстоятельнее, чем иностранец Розенбуш.

[237] Акты арх. эксп., IV, № 254 [5].

[238] Матвеев [6].

[239] Diariusz Zabojstwa [7].

[240] A jescze carem wam obrano strzeleskiego suna z matki. Хованский указывает на происхождение Натальи Кирилловны, дочери стрелецкого головы [8].

[241] Матвеев [9] и Розенбуш [10].

[242] История о невинном заточении, стр. 413 [11].

[243] Розенбуш [12].

[244] Матвеев [13].

[245] Diariusz Zabojstwa [14].

[246] Розенбуш [15].

[247] См. приложение № IV [16].

[248] Медведев [17].

[249] Там же [18]. Полн. собр. зак., № 920 [19]; Акты историч., V, № 86 [20], Собр. гос. грам. и дог., IV, № 147 [21].

[250] Акты Арх. эксп., IV, № 255 [22].

[251] Аввакум говорит о нем (Житие, стр. 76): князя Ивана миленького Хованского и батожьем били, как Исаию сожгли [23].

[252] Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей библиотеки [24].

[253] Там же [25] и Медведев [26]. Савва Романов говорит, что эти поступки народа, как он выражается, нагнали страх на архиереев, и некоторые из них начали благословлять по-старому. «И благоверная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно к верующим, чтобы собор был на Лобном месте, и были тут цари-государи, да и меня просили на собор. А в со-

---

[1] [*Бутенант фон Розенбуш*], Warhaftige Relation der traurigen und Schredlichen Tragedy bier in der Stadt Moskau furgefallen ouff Montag, Dienftag undt Mitwachen, den 15, 16 undt 17 May jeßigen 1682 ten Jahres (далее — Warhaftige Relation). *Н. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. I, СПб., 1858, Приложение VI, стр 330—346. См. также Theatri Europaei continuati.., Franckfurt am Mayn, 1691, Bd. XII, S. 441—448.

[2] «Отечественные записки», т. 118, кн. VI, 1858, стр. 537—538

[3] Warhaftige Relation.

[4] «Созерцание краткое», стр. 47—48.

[5] ААЭ, т. IV, № 254, стр. 357—358.

[6] «Записки русских людей», стр. 11; Собрание Ф. О. Туманского, ч. VI, стр. 16—17, ч. I, стр. 127.

[7] ГПБ, отдел рукописей. Польская, Q IV, № 8, л. 7.

[8] Там же.

[9] «Записки русских людей», стр. 17—18; Собрание Ф. О. Туманского, ч. VI, стр. 22, ч. I, стр. 133.

[10] Warhaftige Relation.

[11] «История о невинном заточении...», стр. 413.

[12] Warhaftige Relation.

[13] «Записки русских людей», стр. 18—22; Собрание Ф. О. Туманского, ч. VI, стр. 27—34; ч. I, стр. 140—147.

[14] ГПБ, отдел рукописей. Польская, Q IV, № 8, л. 9.

[15] Warhaftige Relation.

[16] См. стр. 311 и след. настоящего тома.

[17] «Созерцание краткое», стр. 58 и след.

[18] Там же, стр. 64.

[19] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 920, стр. 398—401.

[20] АИ, т. V, № 86, стр. 135—137.

[21] СГГД, ч. IV, № 147, стр. 441—445.

[22] ААЭ, т. IV, № 225, стр. 358—366.

[23] «Житие протопопа Аввакума им самим написанное», стр 76.

[24] «Челобитная Московска» Саввы Романова. ГБЛ, отдел рукописей, ф. 285, папка IV, № 7.

[25] Там же.

[26] «Созерцание краткое», стр. 76.

борную церковь, чтобы не ходили, хотя с великим молением будут просити. И о том присылала трижды, чтобы в церковь и в Грановитую палату не ходили».

254 Медведев [1].

255 Савва Романов [2].

256 Но зачем рванулись священники навстречу к раскольникам? Не могли они идти драться с раскольниками, когда уже последовало царское приказание впустить последних; здесь объясняет дело известие Медведева, что Хованский не велел пускать священников, которые должны были идти назад и столкнулись с раскольниками [3].

257 Мы здесь следуем Савве Романову, у которого не было никакого побуждения скрыть, что начала Софья выговорами раскольникам; после, с ненавистью к ней, он излагает ее вмешательство в споры и как она заставила молчать Никиту [4]; цель же Медведева ясна — выставлять постоянно на первый план Софью [5].

258 Медведев [6].

259 Матвеева [7].

260 Дальнейшие подробности, не находящиеся в изданных источниках, взяты мною из остававшейся до сих пор неизвестною официальной записки об этих царских походах августа и сентября 1682 года; записка эта находится в Архиве мин. юстиции между столбцами Приказного стола означенного года [8].

261 Официальная записка ничего не говорит об отправлении из Савина монастыря грамоты к помещикам ближайших городов, чтоб они спешили к царям для защиты их от Хованского и стрельцов. Об этом говорит Матвеев [9] и самая грамота помещена у Медведева [10] и напечата в IV томе Актов Арх. экспедиции [11], но без числа и без имени стольника, который отправлялся с нею. Ясно, что она была только заготовлена, но посылать раздумали, иначе как бы Хованский не узнал об этом? Решено было, как видно, продолжать действовать тайно, походу давать вид обычного богомолья и выманить Хованского под каким-нибудь предлогом.

262 Матвеев [12].

263 Кроме приведенной официальной записки [13], Матвеев [14], Медведев [15], Акты Арх. эксп., IV, № 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 273, 274 [16]. Собр. гос. гр. и дог., IV, № 155 [17]; Полн. собр. зак. № 963 [18].

264 Полн. собр. зак. № 992 [19].

265 Собр. гос. грам. и дог., IV, № 160 [20].

266 Дела Малоросс. 1682 года в Москов. архиве мин. иностр. дел [21].

267 Дела Донские 1683 года, там же [22].

268 Акты Арх. эксп. IV, 280 [23].

---

1 «Созерцание краткое», стр 78 и след.
2 «Челобитная Московска» Саввы Романова.
3 «Созерцание краткое», стр 78 и след
4 «Челобитная Московска» Саввы Романова
5 «Созерцание краткое», стр. 83 и след.
6 Там же, стр. 88—95.
7 «Записки русских людей», стр. 41—42; Собрание Ф. О. Туманского, ч I, стр. 181—182.
8 Упомянутая записка не обнаружена.
9 «Записки русских людей», стр 43—44; Собрание Ф. О. Туманского, ч. I, стр. 186.
10 «Созерцание краткое», стр. 100—105
11 ААЭ, т. IV, № 262, стр. 372—376.
12 «Записки русских людей», стр. 44—46; Собрание Ф. О. Туманского, ч. I, стр 187—191.
13 См. сноску к примеч. 260 настоящего тома.
14 «Записки русских людей», стр. 46—47; Собрание Ф. О. Туманского, ч. I, стр. 192—193, 196—197.
15 «Созерцание краткое», стр. 111 и след
16 ААЭ, т. IV, № 260, 261, 263—268, 270, 271, 273, 274, стр. 371—372, 376—401.
17 СГГД, ч IV, № 155, стр 465—469.
18 ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 963, стр. 475—476.
19 Там же, № 992, стр. 499—500.
20 СГГД, ч. IV, № 160, стр. 477—478.
21 ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1682 г., д 33, 38
22 ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1683 г., д. 17—21, 23, 24, 28, кн. 10, 11.
23 ААЭ, г. IV, № 280, стр. 409—416.

ИСТОРИЯ РОССИИ
В ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Текст 14 тома
«Истории России с древнейших времен»
подготовлен к печати
Н. В. СИНИЦЫНОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФИИ

Польские интриги для возмущения Малороссии. — Князь В. В Голицын и его политика. — Священный союз против турок. — Россия приглашается вступить в него. — Вечный мир с Польшею и вступление в Священный союз. — Подчинение киевского митрополита московскому патриарху. — Сношения с гетманом Иваном Самойловичем по этому случаю. — Избрание в киевские митрополиты князя Гедеона Четвертинского. — Сношение с восточными патриархами по поводу подчинения киевской митрополии московскому патриарху. — Первый крымский поход. — Посольство Шакловитого в полки. — Свержение Самойловича, избрание Мазепы в гетманы. — Лазарь Баранович. — Побуждение от турецких христиан к возобновлению военных действий. — Второй крымский поход. — Сношения с европейскими и азиатскими государствами в правление Софии. — Нерчинский договор с Китаем — Внутренняя деятельность правительства.

Московская смута отозвалась на юге, в странах козацких; вести о ней произвели движение и за границею, порадовали врагов России: в Польше возбудилась надежда воспользоваться смутою и оторвать Малороссию от Москвы. С этою целию по приказу королевскому гетман польский Яблоновский отправил *прелестные листы* к Григорию Дорошенку и к бывшему киевскому полковнику Солонине. Листы были подосланы с двумя монахами, которых отправил в Малороссию львовский епископ Иосиф Шумлянский, надеявшийся быть киевским митрополитом в случае отторжения Малороссии от Москвы. У тех же монахов найдена была *инструкция,* что́ разглашать в Малороссии: «1) Начать с Полтавы, потому что ее жители склоннее других к восстанию против Москвы. 2) Разглашать, что Самойлович хочет искоренить козаков и для того лучших полковников обратил в простые козаки. 3) Москва плавает в своей крови; это наказание божие за то, что не помогла ни императору, у которого султан отбирает теперь остальную Венгрию, ни Польше. Царь Феодор Алексеевич хотел подать помощь Польше, но бояре не позволили, а потом и жену его, которая носила польскую фамилию

Грушевских, отравили, напоследок и самого царя извели и весь род царский истребить хотели, за это бог и отомстил им жестоко. 4) Если б дело дошло до союза Москвы с Польшею, то не только души христианские из неволи освободились бы и святые места опять процвели, но и весь народ греческий мог бы освободиться. 5) Москва обманула поляков, она причиною, что Каменец погиб, Подолия и Украйна пропали. 6) Польские короли, и покойный Михаил, и нынешний Ян, об одном хлопотали, чтобы Украйна не досталась туркам, а принадлежала бы козакам; и всем известно, что после Журавского мира Хмельниченко был посажен гетманом в Немирове. Но бояре московские всю Украйну по Днепр уступили туркам, испугавшись, что Чигирина не успели удержать и защитить, из-под которого визирь хотел бежать, но Ромодановский, несмотря на свою победу, наступить на него не хотел. Этою уступкою Украйны туркам Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потом и имя козацкое пропадет. 7) Опасаться надобно, чтоб войска русские не ударили на Киев и татары не разорили Заднепровья, как скоро узнают о московской смуте. 8) Дума московская не только не хотела воевать против бусурман, но даже не позволила королю на деньги нанять козаков, опасаясь, чтоб войско козацкое и народ малороссийский не возвратились к государю предков своих и не возлюбили той вольности, в какой живет Польша. 9) Войску, во всем христианстве славному, надобно вспомнить славу дедов и прадедов, быть в одной мысли с Запорожьем и выбиться из неволи человека негодного и невоинственного. А королевское величество имеет столько разума, благословения божия и храбрости, что может защитить и народ, который он от младенчества любит и почитает. 10) Духовенству внушать, что в церквах, находящихся под державою королевскою, нет никакой перемены, священникам воздается честь, дань и подводы отставлены, из подданства панов своих духовенство освобождено. 11) Внушать, не лучше ли в Киеве иметь своего главу, как имеет Москва; прежде киевские митрополиты ставили московских, которые теперь патриархами называются: многими столетиями св. София киевская старше соборной церкви московской. 12) Не лучше ли видеть власть духовную и мирскую в Киеве, чем искать ее раболепным образом в Москве. 13) Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днепра: их уже нет в живых, и, которые остались молодые, те Заднепровья и Северской страны не знают. 14) Притом же здесь все имения государственные, только ходили в поместьях, и республика прежних помещиков не даст. 15) Пусть рассудит весь народ козацкий, что им бог подает отца, что им бог просвещает разум, отверзает очи и показует путь к вольности. 16) Если

надобна будет помощь, пусть знают, что войско польское на конях».

Инструкции эти были спрятаны у монахов — у одного в дегтярной фляге, облиты воском, у другого — в телеге, в задней подушке. Кроме пунктов писаной инструкции монахам велено было разглашать, что, кто приведет народ под королевское подданство, тот сделан будет великим человеком и будет обогащен: черни каждый год из казны королевской будут деньги и сукна; паны польские не будут въезжать в Украйну на маетности, король хочет сделать особое удельное русское Киевское княжество [1].

Но и в Малороссии и в Польше скоро узнали, что московская смута прекратилась, что новое правительство, хотя и странное по своей форме, довольно сильно благодаря лицам, на которых оперлась царевна-правительница. Шакловитый крепко держал в руках московских стрельцов, но виднее Шакловитого, человека нового, худородного, поднялся Вас. Вас. Голицын, первое лицо в правительстве после царевны. 19 октября 1683 года Голицын получил титул, который носили Ордин-Нащокин и Матвеев, — «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя» [2]. Главною обязанностию Голицына стало теперь блюсти интересы России в сношениях с чужими державами — обязанность трудная при тогдашних отношениях, но Голицын умел выполнить ее с честию и пользою для государства. В то время когда Россия, жившая так долго на Востоке, поворачивала на новый, противоположный путь к Западу, готовилась войти в общую жизнь европейских народов, в Европе происходили явления, которые должны были изменить ее политику, вследствие чего новому государству, России, предстояла впоследствии великая роль.

Резкое различие древнего исторического мира от нового состоит в том, что в древности государства жили особо, одиноко, не связанные общими интересами: отсюда происходило, что когда одно из них усилится вследствие известных благоприятных обстоятельств, вследствие личных качеств своего государя-завоевателя, то последнему легко покорять себе другие государства, слабые вследствие одинокости своей. Так возможны становились поглощения многих государств одним, образования громадных, всемирных империй: Персидской, Македонской, Римской. Но в новой, христианской Европе много государств образовалось почти одновременно, с равными свежими силами, и стали они изначала жить общею жизнию, имея общие интересы. При таких условиях усиление одного государства на счет других, образование огромных, всемирных монархий, вследствие завоевательных стремлений одного народа, одного государя, стало невозможным: как только обнаружатся в известном народе или государстве

подобные стремления, другие государства, вследствие привычки к общей жизни, составляют союзы и посредством них останавливают властолюбивые замыслы. Отсюда зоркость европейских правительств, подозрительность их при виде усиления одного из государств, отсюда система политического равновесия.

В начале так называемой Новой Истории Европе грозила сильная опасность от властолюбивых стремлений габсбургского дома, чрезмерно усилившегося посредством выгодных браков своих членов — способ усиления также новый, европейский, неслыханный в древнем мире, знавшем только одну силу как способ усиления. Но и новый способ усиления, употребленный габсбургским домом, мог повести одинаково к старым результатам, к образованию громадной империи, опасной для независимого существования других европейских государств. Особенно тяжко было положение Франции, окруженной почти со всех сторон владениями габсбургского дома: с юга Испания, с севера Нидерланды, принадлежавшие Испании, с востока Германия, императором которой был Габсбург; значительная часть Италии принадлежит также Испании, страшной своими непобедимыми войсками. В таком положении Франция по инстинкту самосохранения употребляет все средства, чтоб как-нибудь ослабить удушавшее ее могущество габсбургского дома: во время господства религиозного интереса, во время ожесточенной борьбы между католицизмом и протестантизмом, Франция первая обходит религиозные отношения и выставляет на первый план политическое начало: искать союзов с кем бы то ни было, не обращая внимания на религиозное различие, лишь бы сломить могущество габсбургского дома — вот основание французской политики, которому остаются верны и Франц I, и Генрих IV, и кардинал Ришелье; Франция, католическая держава, — в постоянном союзе с протестантскими державами против Габсбургов; мало этого, французский король, носящий титул *христианнейшего,* — в союзе с султаном.

Франция достигла своей цели: могущество Габсбургов было сломлено в Тридцатилетнюю войну. Европа перестала бояться Габсбургов; но опасность стала грозить ей с другой стороны, от той самой Франции, которая, по-видимому, так много послужила Европе при освобождении ее от всемирной монархии Габсбургов. Отношения переменились; прежде Франция была почти отовсюду окружена владениями могущественной династии; теперь отовсюду окружают ее слабые государства, приглашающие этою слабостию завоевателя, а завоевателю легко явиться среди войнолюбивого народонаселения Галлии. На юге по-прежнему Испания, но Испания, разбитая параличом, лишенная способности к движению, потерявшая значение в Европе; на север от Франции прежние

испанские владения разбиты на две части: северная составляет маленькую независимую Голландскую республику, разбогатевшую от торговли, но не могущую вести сухопутной войны с большим государством; южная часть, Бельгия, осталась за Испаниею и по этому самому представляла лакомую и легкую добычу для Франции, ибо Испания не могла защищать ее. На востоке Германия, освобожденная из-под религиозного и политического гнета, но опустошенная вконец Тридцатилетнею войною, раздробленная, со множеством мелких владельцев, которые после Тридцатилетней войны усилили свою власть вследствие ослабления других элементов общественной жизни, но чрез это усиление не приобрели широты взгляда и достоинства: это были не государи, а помещики, хлопотавшие только о том, как бы получить побольше дохода от своей земли, от своих людей, не заботясь об интересах общего отечества, об укреплении союзного начала, которое могло дать Германии самостоятельное значение и внушить к ней уважение в соседях. Следовательно, и со стороны слабой, беззащитной Германии завоевательные стремления Франции могли встретить такое же ничтожное сопротивление, как и со стороны Испании. Швеция, сыгравшая такую важную роль в Тридцатилетней войне и получившая по Вестфальскому миру владения в Германии, получила вместе с тем и нравственную обязанность защищать интересы Германии; но шведское правительство позволило Франции обольстить себя и вступило с нею в союз. Раздробленная Италия также не могла противопоставить Франции никакой преграды. Англия не могла принимать деятельного участия в делах континента, будучи занята внутреннею борьбою, и король английский позволил себе сделаться пансионером короля французского. Таким образом отношения переменились, и представитель габсбургского дома, государь австрийских земель, носивший титул императора римского и короля германского, должен был защищать Германию и Испанию от Франции при самых неблагоприятных для себя условиях, даже, наконец, принужден был спокойно смотреть, как французский король, знаменитый Людовик XIV, под всякими предлогами захватывал германские земли. На это положение осуждала его борьба, поднявшаяся внутри его владений, именно в Венгрии. Неудовольствия против австрийского правительства не прекращались в этой стране: слышались сильные жалобы на поведение немецких войск, расположенных в венгерских крепостях, особенно сильные жалобы слышались на притеснения, которые терпели протестанты. Знатнейшие и богатейшие магнаты составили заговор и вошли в сношения с султаном, предлагая ему подданство. Заговор был открыт, главы его казнены смертию; но волнения не прекращались, и наконец в 1678 году восстание вспыхнуло под

предводительством молодого вельможи Эммериха Текели, который начал свое дело очень удачно. Опасность для Австрии еще более усилилась, когда в 1682 году Текели поддался султану. Турции, которая начинала уже разлагаться, судьба сильно поблагоприятствовала во второй половине XVII века: пограничные волнения в трех соседних державах дали ей возможность в последний раз предпринять наступательное и победоносное движение на христианский мир. Мы видели, как на польской украйне Дорошенко, недовольный польским правительством, поддался султану, следствием чего было нашествие турок на Польшу, взятие Каменца и тяжелый для Польши Журавинский мир. Покончив с Польшею, турки ударили на русскую украйну и разорили Чигирин, после чего Россия поспешила заключить с ними не очень блистательный для себя мир. Теперь смута на австрийской украйне, в Венгрии, подданство Текели приглашали победоносное турецкое войско под стены Вены. Но если туркам удастся нанести этот последний, решительный удар, овладеть столицею главы священной Римской империи, то что́ станется с Восточною Европой? Устоят ли Польша и Россия, и что будет с Италией? До сих пор торжество турок условливалось тем, что они нападали поодиночке на соседние державы; и теперь они вмешиваются в венгерские дела, вооружаются против Австрии, заключив мир с Россиею: следовательно, единственное средство отклонить страшную беду от Восточной Европы состояло в заключении союза между ее державами для дружного отпора Оттоманам. Польский король Ян Собеский понял, что торжество турок над Австриею будет гибелью для Польши, и потому решился вступить в союз с императором Леопольдом. Людовик XIV, радовавшийся беде Габсбургов, поддерживавший Текели, старался отговорить и Яна Собеского от подания помощи Австрии; Ян отвечал, что останется спокойным зрителем торжества турок над Австриею только в таком случае, если французский король обяжется явиться на помощь к Польше со всеми своими силами, когда турки по взятии Вены пойдут на Краков. Людовик не дал этого обязательства, и Собеский остался при своем намерении помочь Австрии. Но в Польше не все думали одинаково с ним. Во время сейма 1683 года явилось множество сочинений, в которых толковалось против войны с турками за Австрию: «Никогда мы не хотели брать себе королей из австрийского дома, а теперь хотим воевать для того, чтоб удержать под их игом братью нашу в Венгрии, Моравии, в Чехах, в Кроации! Правда, турки распространят свои владения до Дуная, но что́ нам до этого за дело? Когда, два года тому назад, император мог бояться, что Висла отойдет под власть турок, пришел он к нам на помощь? Турки вовсе не враги наши непримиримые: южные страны представляют им более

лакомую добычу, чем наша Польша; наши вечные враги — Бранденбург и Австрия. Вот почему отцы наши всегда старались «о дружбе с Франциею, которая помочь нам всегда может, а покорить никогда».

Но Собескому удалось осилить французскую *факцию*. Сейм согласился на союз австрийский, который и был заключен в мае 1683 года; император обязался выставить в поле 60 000 войска, король 40 000; оба государя обязались спешить со всеми своими силами на выручку, если турки осадят Вену или Краков; наконец оба государя обязались уговаривать к союзу и других владельцев, особенно стараться всеми силами привлечь к нему светлейших царей московских (Serenissimos Moschorum czaros).

В июле месяце 200 000 турецкого войска под начальством великого визиря Кара-Мустафы перешло Рааб и устремилось прямо к Вене. Император Леопольд со всем двором оставил столицу, поручив ее защиту графу Штарембергу. Штаремберг выжег предместия, отбил все приступы, продержался шесть недель и дождался избавителей: к Вене подошло 84 000 христианского войска: 27 000 австрийцев под начальством герцога лотарингского, 11 400 саксонцев под начальством курфюрста Иогана Георга, 11 300 баварцев с курфюрстом своим Максом Эммануилом, 800 франконцев под начальством князя Валденского и 26 000 поляков под начальством самого короля Яна Собеского. Собеский принял начальство над всем соединенным войском, 12 сентября ударил на турок и одержал над ними блистательную победу: оставивши весь свой богатый стан в добычу победителям, Кара-Мустафа убежал к Раабу. Собеский преследовал неприятеля и вторично поразил его под Парканами.

Несмотря на то что в Константинополе не думали о мире, Леопольду и Собескому нужно было на следующий год готовиться к новой тяжелой борьбе, и они стали искать союзников. Весною 1684 года приступила Венеция к *священному* союзу с Австриею и Польшею, которого патроном был провозглашен папа Иннокентий XI. И в договор с Венециею был внесен пункт, что три державы приглашают к союзу всех государей христианских и «преимущественно царей московских» [3].

Ян Собеский должен был исполнить двойное обязательство и, разумеется, исполнял его очень охотно. Извещая царей о своих победах под Веною и Парканами, Собеский писал, что пришло время изгнать из Европы врагов христианства, что все христианские государи обещают выставить войско на весну, а царским величествам можно было бы начать войну и зимою. В начале 1684 года явились в Москву и полномочные послы императорские для заключения союза против турок. Те же побуждения, которые заставили

Собеского помочь Австрии, должны были действовать и в Москве: Турция в последнее время явилась для России самым опасным врагом, с которым нельзя было управиться в борьбе один на один, как доказала последняя война; а теперь представлялся верный случай вознаградить себя за эту войну в союзе с другими христианскими державами, союзе, которого следствия на первых же порах оказались столь блистательными. Не принять участия в священной войне, и если следствием будет торжество турок, то надобно будет беспрестанно опасаться появления турецких ратей под Киевом; если же Польша без русской помощи получит от турок выгодный и и славный мир, то первым ее делом будет потребовать от России вооруженною рукою исполнения Андрусовских условий, т. е. возвращения Киева. Следовательно, благоразумие требовало приступить к священному союзу против неверных, но прежде, благодаря настоятельной потребности Польши в этом союзе, заставить ее заключить вечный мир с уступкою Киева в русскую сторону. Переговоры об этом мире начались в январе 1684 года на старом месте, в пограничном селе Андрусове. Тридцать девять раз съезжались уполномоченные и ничего не решили: поляки не уступали Киева, русские не соглашались подать помощи против турок.

В мае 1684 года в Москве шли переговоры между Голицыным и послами императорскими — Жировским и Блюмбергом. Последние объявили желание цесарского величества, чтоб великие государи помогли против турского салтана, отняли у него правую руку — Крым. Много войска на Крым посылать не для чего: можно послать одних черкас, которые под владением гетмана Ивана Самойловича, придав к ним несколько пеших полков; цесарское величество другой помощи не требует, желает только, чтоб правую руку у султана удержать. Голицын отвечал: «У великих государей с королем польским осталось только девять перемирных лет, и если великие государи, вступив за цесаря и короля польского в войну с турским султаном, рати свои утрудят, а польский король, по истечении перемирных лет, наступит войною на их государства, то великим государям какая будет прибыль? Поэтому, не заключив вечного мира с Польшею, великим государям отнюдь в союз вступить нельзя, что послы сами могут понять». Послы просили объявить, какое последнее намерение со стороны царского величества насчет отдачи Киева полякам? Голицын отвечал, что Киева в польскую сторону никак отдать нельзя и отдан не будет, потому что у малороссийского народа с поляками за утеснение веры и за другие обиды великие ссоры и никогда между ними эти ссоры успокоены быть не могут; малороссийский народ и имени польского слышать не хочет. Да и потому Киева отдать нельзя, что польский король Журавинскими договорами

уступил всю Украйну турскому салтану, а салтан турский уступил Киев с принадлежащими к нему городами и местами и Запорожье в сторону царского величества. Голицын покончил разговоры решительным объявлением: «Если король польский уступит царскому величеству город Киев, то царское величество, в союзе с королем, будет вести войну против крымского хана»[4]. Между тем военное счастие, верное Австрии и Венеции, оставило Собеского: в 1684 году он неудачно осаждал Каменец; в 1685 году, не будучи сам в состоянии предводительствовать войском по болезни, Собеский отправил гетмана Яблоновского в Молдавию, чтобы, занявши эту страну, отрезать Подолию от турецких владений и принудить Каменец к сдаче; Яблоновский перешел Днестр и вторгся в Молдавию, но скоро принужден был возвратиться с значительным уроном. Это заставило короля возобновить переговоры с царями о союзе. В начале 1686 года в Москву приехали знатные послы королевские, воевода познаньский Гримультовский и канцлер литовский князь Огинский. Семь недель князь Вас. Вас. Голицын с товарищами спорил с Гримультовским и Огинским; послы, не соглашаясь на предложения бояр, уже объявили переговоры прерванными, откланялись царям, приготовились к отъезду и опять возобновили переговоры, «не желая, как говорили, столь великого, славного, прибыльного дела оставить и своих трудов туне потерять». Наконец 21 апреля все споры прекратились и заключен был вечный мир: Польша уступила Киев навсегда России, великие государи обязались разорвать мир с султаном турским и ханом крымским, послать немедленно войска свои на крымские переправы для защиты Польши от татарских нападений, приказать донским козакам чинить воинский промысел на Черном море, а в следующем 1687 году послать все свои войска на Крым. Обе державы обязались не заключать отдельного мира с султаном. Кроме того, было постановлено, что Россия, в вознаграждение за Киев, заплатит Польше 146 000 рублей; к местам на западном берегу, оставшимся вместе с Киевом за Россиею, к Триполью, Стайкам и Василькову прибавлено земли верст по пяти; Чигирин и другие разоренные города вниз по Днепру, отошедшие по последнему миру от России к Турции, положено не возобновлять. Православные в польских областях не подвергаются никакому притеснению со стороны католиков и униатов; католики в России могут отправлять свое богослужение только в домах.

За подтверждением договора со стороны королевской отправились во Львов боярин Борис Петрович Шереметев и окольничий Чаадаев. Они два месяца ждали короля: Собеский в 1686 году сам отправился с войском в Молдавию, овладел Яссами, но, окруженный со всех сторон толпами татар, должен был совершить трудное отступление с голодным

и больным войском Печален приехал Собеский во Львов, а тут еще новое горе. надобно было скрепить присягою договор, которым Польша навсегда отказывалась от Киева; со слезами на глазах присягнул король[5].

Между тем в Москве еще прежде окончательного дипломатического закрепления Киева за Россиею поспешили окончить великое дело церковного воссоединения восточной и западной России, условливавшего и воссоединение политическое. В XV веке политическое разъединение обеих частей России под различные династии — рюриковскую и гедиминовскую имело следствием разделение русской церкви: литовские князья, владевшие Киевом, не хотели, чтоб их русские подданные в церковном отношении зависели от митрополита, жившего в Москве, и настояли на посвящении особого митрополита в Киев. В XVII веке Киев присоединился к Москве, и наследники Калиты, стремясь к собранию русской земли, уничтожают дело князей литовских, воссоединяют русскую церковь чрез подчинение киевского митрополита московскому патриарху: но вместе с этим Москве в церковном отношении подчинялось и все зависевшее от киевского митрополита православное русское народонаселение, еще остававшееся в польских владениях.

Это важное дело было улажено при помощи гетмана Ивана Самойловича, с которым во все это время велись долгие переговоры насчет союза с Польшею против турок и татар, польский союз по-прежнему встречал сильное сопротивление в Малороссии.

Сношения с гетманом начались в мае 1683 года. Самойлович на первый раз отвечал, что союз с христианскими государями — дело хорошее, но прежде надобно заключить с Польшею вечный мир, по которому Польша должна отказаться от Киева и от всей Малороссии, от Войска Запорожского городового и низового; потом надобно постановить, чтоб русские войска не соединялись с польскими, но управлялись отдельно с крымскими татарами. Впрочем, и против союза встречаются сильные препятствия. Если великие государи вследствие союза с королем и цесарем разорвут перемирие с турками и татарами, то король и цесарь дадут об этом знать бусурманам: те испугаются и предложат мир, король и император помирятся, и тогда вся тяжесть войны обрушится на российское царствие; да если б они и не помирились с турками, но если султан обратится со всеми своими силами на нас, то не только цесарь за дальним расстоянием не придет на помощь, не поможет и король польский. Союз между Россиею и Польшею не может быть надежен уже и потому, что поляки принадлежат к римскому костелу, а русские — восточного благочестия. Война, бывшая при царе Алексее Михайловиче, породила великие затруднения между

Россиею и Польшею; этих затруднений до сих пор никакие договоры не устранили, отчего у поляков болезнь вражды неисцелимая, особенно к Войску Запорожскому и народу малороссийскому, и потому поляки не только ищут всякого зла державе царей, но рады бы обрушить небеса на христианство русское: можно ли же верить их союзу? Подозрительно, что король польский не показал царским послам подлинного союзного договора своего с цесарем и списка с него к великим государям не прислал. Хотя бы король польский с цесарем и действительно вступил в союз, но если король французский не будет с ними, то надеяться на союз нечего, потому что французский король сильнее цесаря и короля польского, а он с турками не ссорится, напротив — цесарю главный враг и потому может вредить союзу.

2 февраля 1684 года, в праздник Сретения, после обедни в Батурине народ собирался к гетманскому дому посмотреть, как поедет царский посланный, стольник Одинцов. Впереди шли стрельцы в цветных кафтанах, несли царское жалованье: аксамит (парча) серебряный, бай-берек (бухарская ткань из крученого шелку) коричный, два кречета, шесть осетров, вязигу, бочку лимонов, белугу свежую большую, тешу белужью, три юрлочные белуги, снятки свежие белозерские, снятки псковские, бочку вина ренского, бочку уксусу. За жалованьем ехал сам стольник, перед ним сидел подьячий с грамотою. У крыльца встретила посланного генеральная старшина, а в сенях у дверей сам гетман принял честно за руку и пошли в светлицу, стольника вел гетман по правую руку. Войдя в светлицу, стольник от имени великих государей спрашивал гетмана о здоровье, хвалил его службу и подал грамоту. Самойлович, взявши грамоту, поцеловал в печать и на государской милости бил челом, спрашивал о здравии великих государей. Потом стольник спросил о здоровье генеральную старшину, и те били челом на государской милости. Поднесли царское жалованье, гетман опять бил челом и говорил: «Великая, преславная и неизреченная ко мне великих государей царей милость, и за такую милость, жалованье и призренье десятократно и стократно бью челом и впредь служить, всякого добра хотеть, против всякого неприятеля работать неотступно не только до крови, но и до смерти не забуду, как служил отцу и брату их государскому». В тот же день стольник и подьячий обедали у гетмана, и, когда пили чашу за царское здоровье, в то время трубили на трубах, играли в суренки, били по литаврам — веселился гетман безмерно.

Несмотря на это безмерное веселье, гетман был недоволен: он выдал дочь за боярина Федора Петровича Шереметева. Фамилия была знатная, но у гетманского зятя был еще жив отец, боярин Петр Васильевич, который мало давал сыну на содержание, а от царей богатого кормления не было,

потому что боярин Петр жил не в ладах с Голицыным. Гетманская дочь терпела нужду, что очень огорчало отца, особенно мать. Самойлович говорил Одинцову: «На боярина князя Василья Васильевича досадовать мне нечего; случилось это не от боярина, моим несчастием, неужели бы я у великих государей не упросил или бы им не заслужил? Я и теперь со всем своим домом не могу утешиться; жена моя бедная и дочь глаза повыплакали; лучше бы мне было голову потерять, нежели такую беду видеть, что дома плач беспрестанный. Блаженной памяти великий государь царь Феодор Алексеевич обещал мне, если сыщу себе зятя хотя бы и низкой породы, то пожалует его честью и крестьянами удовольствует. Теперь я бедную дочь свою выдал за человека высокой породы, за боярина Федора Петровича Шереметева, но утехи мне от этого никакой: что было у дочери моей платья, все в закладе и проедено; сват мой боярин Петр Васильевич к сыну своему не ласков, ничего сыну своему не дает и не поучит, как жить пристойно с добрыми людьми, честных почитать: кто от бога помилован и от великих государей пожалован, того надобно чтить. Мое бедное сердце оттого сильно сокрушается. А если бы великие государи пожаловали меня за мою верную службу, приказали зятю моему быть в Киеве, то я бы его всем ссужал и со всеми домочадцами его прокормил, в имения его послал бы своих верных людей, велел посеять хлеба всякого довольно, в огородах овощу, все было бы пристроено и убережено. Милости прошу у великих государей и у благородной государыни царевны, чтоб мое прошение боярин князь Василий Васильевич донес до них, чтоб приказали зятю моему быть в Киеве воеводою, а в товарищах послали бы окольничего Леонтия Романовича Неплюева: он человек добрый, в этих краях жить умеет, зять мой при нем учился бы. Ко мне была бы царская милость, а в здешнем малороссийском народе страх, что я гетман, а зять мой в Киеве воевода; желаю я этого не для того, что зятю моему в Киеве будет прибыльно, но для осторожности и страху малороссийского народа. Да и то бы государская ко мне превысокая милость, чтобы дочь моя со мною, с матерью, с братьями и сестрою увиделась и меж собою поговорили. А если зять мой что станет в Киеве делать непристойно, то я сам к нему поеду, или сына пошлю, или жену и дочь, и велю его уговаривать, чтобы жил между людьми приятно и поважно. А на боярина князя Василья Васильевича никакой досады я не имею, и никто ко мне не писывал, и хотя бы сват мой боярин Петр Васильевич и писал, то я бы ему не поверил, потому что он и сам к сыну своему не ласков. Я боярину князю Василью Васильевичу истинно обещаюсь, что я ему верный приятель и слуга; только ты донеси до его милости, чтоб он умилосердился на мои слезы и на

плач всего моего дома, упросил великих государей и государыню благородную царевну, чтоб на весну зятя моего послали в Киев».

Стольник говорил гетману: «Желание твое непременно исполнится: великие государи отпустят к тебе зятя и дочь повидаться». — «Но какая мне от этого будет прибыль? — отвечал гетман, — и досталь зять мой испроторится и изубытчится; я и так посылал к нему деньгами, запасами, рыбою, мясом, однако не могу наполнить, а дорога дальняя, пуще людей изгонят и запасов потратят, а если бы был в Киеве, тут место близкое и я бы его прокормил».

Голицын велел Одинцову спросить у гетмана, зачем он не послал своих малороссиян на комиссию русских уполномоченных с польскими? Самойлович отвечал: «Положился я на волю государскую, также и на боярина князя Василья Васильевича: что сделается на комиссии, и великие государи пожалуют, велят меня известить. Послать мне худых людей — ничего по них не будет; а послать добрых — и им непригоже за хребтом стоять».

В Москву по обычаю шли жалобы и доносы на гетмана; доносили между прочим, что Самойлович корыстуется деньгами, получаемыми с винного откупа (аренды), тяжкого для народа. С предостережениями насчет этих доносов в июне приехал к гетману стольник Семен Алмазов. Самойлович, благодаря государей за предостережение, отвечал: «Удивляюсь и скорблю, что такая ложь залетела в высокий слух пресветлых монархов. Знаю, что если бы запорожцы соблюдали великим государям истинную верность, то ничего не говорили бы о делах, до них не касающихся. По наущению кошевого своего Гришки, надутого ляцким духом, они беспрестанно отправляют посольства в Польшу. Кошевой атаман с своими единомышленниками называет великих государей вотчимами, а короля польского отцом. Если запорожцы про регимент мой по неприятельскому польскому наговору зло говорят, то годны ли они веры? Да и киевские жители, именно мещане, лгать на меня не имели причины, потому что они не несут никаких тяжестей, кроме обычных в Малороссии. Разве то им стало нелюбо, что я обличил их и выговаривал им насчет ратушных немалых прибылей, из которых они, отдавая в казну монаршескую только три тысячи золотых, себе с лишком по десяти тысяч в год собирают; а в правах их старых постановлено, что они, кроме отдаваемого киевским воеводам, должны содержать воинских людей на оборону замка и города, кроме того, иметь пушки, пороховые и свинцовые запасы, чего теперь у них совершенно нет; лукавые мужики между собою доходы делят, а о том не радеют, что необходимо на будущее время для их безопасности. Мещане киевские желали бы того, чтоб в Киеве ни одного

козака не было, а я, гетман, хочу, чтоб их было и много, потому что надобны. Киевские мещане и на царских воевод негодуют и на ратных людей жалуются, а делают это, как я выразумел, больше ложно, потому что хотят, чтоб их мужицкая прихоть исполнялась и никому не были бы обязаны почестию и повинностию. Что касается аренды, то она обновилась таким образом: мы при царе Феодоре Алексеевиче пресветлому престолу монаршескому доносили, что войска охотничьи, конные и пешие полки при городовых полках надобны, а платить им нечем, и великий государь хотя изволил уделить своей казны, однако впредь велел здесь промыслить денег. По тому монаршескому повелению старшина и полковники и всякого чина люди во время съезда своего в Батурине сидели и много думали, как бы промыслить денег и удовольствовать войско, и все чины постановили быть аренде, ибо от вина ни козаки, ни посполитые люди никакой прибыли не имели, одни шинкари чрезмерно богатели. Установлена аренда не новым вымыслом, обновлен старый обычай: и при Богдане Хмельницком аренда не прекращалась по обеим сторонам Днепра, и могло тогда с одного или двух полков столько денежной казны приходить, сколько теперь со всего краю приходит, а между тем на Хмельницкого за то никто не жаловался и никому тогда не было обиды. Арендовые сборы на срок не я, гетман, собираю, на то особые назначены люди, которым верить можно, и я рад был бы, если бы великие государи изволили кого-нибудь прислать от себя для очистки моей в тех арендовых приходах; до сих пор никто ко мне не отзывался с тем, что отягчен арендой. А войско охотничье, для которого аренды поставлены, держал я по воле монаршеской; да и кажется мне, надобно оно было здесь, потому что во время мятежа на Москве я этим войском удержал малодушие голов неспокойных, которые без того, побуждаемые польскою прелестью, возбудили бы раздоры. Покорно прошу милостивого себе указа: отменить ли аренды, или оставить их по-прежнему для войска; если отменить аренды, то надобно и войско распустить, а распустить его, то оно обратится в польскую сторону, поляки тому будут рады; если отменить аренды, а войско не распускать, то на него надобно будет ежегодное призрение царского величества. А про свойственников моих такую даю очистку, что кроме сына моего Симеона Ивановича да племянника Михайлы Васильева на полковничестве нет, и держу их на этих местах в надежде, что от них полчанам никаких притеснений нет, а если послышу жалобы, то отставлю, будучи в состоянии и при себе их прокормить. О зяте моем, боярине Федоре Петровиче Шереметеве, в палате монаршеской выросло размышление, что быть ему в Киеве на воеводстве, а теперь ему иное говорят место. И я должен сильно сокрушаться об этой пере-

мене, потому что жалость мне великая и стыд пред всеми учинится, если после таких слухов зять мой в Киеве не окажется».

В ноябре приехал в Батурин к гетману один из самых бойких дельцов московских, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев. Приехал он говорить с гетманом о двух великих делах: о старом деле, о союзе с польским королем против турок и татар, и о новом, об избрании киевского митрополита. Самойлович сильнее прежнего был против союза с поляками. «Для чего теперь с турками и татарами мир разрывать и войну начинать? Если пришлют к великим государям цесарь римский и король польский и станут их призывать против тех неприятелей в общую войну, то им можно отказать: великие государи заключили с султаном и ханом мир безо всякой посторонней помощи, и теперь опять войну начать без причины нельзя. За что они сами, цесарь и король, воюют с турками, о том они великим государям не известили и сначала к союзу их не призывали».

— «Так цесарю римскому и королю польскому отказать непристойно, потому что многие государи христианские помогают им в этой войне», — возражал дьяк.

Гетман настаивал на своем, что отказать можно по многим статьям: «С турками и татарами у России мир; когда у нее была с ними война, никто ей не помог, без стыда отказывали, что не могут разорвать мира; потом как помогать? к цесарю ратных людей послать — несносно и никогда не бывало; к польскому королю послать под Каменец, к Дунаю и за Дунай — тоже нестаточное и несносное дело; на Крым войско послать — на цесаре и короле какую присягу взять, что они великих государей в этой войне не выдадут и особого мира не заключат? Поверить присяге их? Но присяга их не крепка: папа разрешает их в присяге. Одним походом всего Крыма не завоевать; возьмем городки — турки придут и станут их добывать, а нам защищать их трудно, потому что на зиму рати надобно оттуда выводить, а если там оставить, то от голоду и от поветрия тамошнего многие помрут и оцынжают. А главное, — покончил гетман, — я полякам не верю: они люди лживые и непостоянные и вечные народу московскому и нашему козацкому неприятели».

— «Объяви, — спрашивал дьяк, — в чем особенно польский король показал к нам недоброжелательство?»

— «Удивительно, что ты об этом меня спрашиваешь, — отвечал гетман, — когда в Москве между ратными людьми была смута, он этому радовался и, желая бóльшего зла, разослал к нам лазутчиков с прелестными письмами, возмущая народы: как бесчестил бояр и думных людей? султана и хана уговаривал к войне против государей; теперь недавно, без государева ведома, донских козаков и калмыков к себе на

помощь призывал и многих подговорил, которые и теперь при нем. А меня беспрестанно хлопочет как бы отравить, зарезать или застрелить. Я крепко осторожен: никого из Польши и из Литвы не принимаю не только во двор свой в службу, но и в города поднепровские не велю принимать, ни чернецов и никаких других людей, потому что если бы сделать в этом послабление, то давно бы уже я был изведен или бы в Украйне от тех бродяг великая произошла смута. А какие прелестные письма в смутное время на сю сторону Днепра и за пороги вкинул? я и до сих пор от них сокрушаюсь, непостоянные люди за них ухватились и теперь держатся, и как ни радею, однако этого духа искоренить не могу».

— «Великие государи, — говорил Украинцев, — хотят в это дело вступить не для того только, чтоб помочь цесарю римскому или королю польскому; если вечные неприятели церкви божией, турки и татары, теперь осилят цесаря и короля польского и приневолят их к миру, то потом встанут войною и на нас; на мир надеяться нечего: они привыкли мир разрывать; тогда к ним и польский король пристанет, и ему помощь подадут настоящие его союзники — цесарь, папа и республика венецианская».

— «Как угодно великим государям, — отвечал гетман, — а мне кажется, нет причины с султаном и ханом мир нарушать. Этот мир после великой и страшной войны заключил блаженной памяти великий государь царь Феодор Алексеевич беспрестанным, премудрым промыслом и усердным старанием, да и моя служба и раденье в том были. А теперь этот мир разорвать, мне кажется, неприлично и не для чего. Буди в том их государское и сестры их великой государыни цесаревны святое и премудрое рассуждение и пресветлой их палаты здравые советы; но и начать войну, мира искать же, только не скоро его тогда сыщешь, тот же король польский начнет тогда ссорить, чтоб царская казна истощалась, а ратные люди гинули на боях. И в мысли нельзя держать не только нам, но и детям нашим, что поляки когда-нибудь перестанут к нам враждовать. Мне кажется, что лучше держать мир, а на поляков оглядываться, с турками и татарами поступать разумно. А войну из-за чего начинать? Прибыли и государствам расширения никакого не будет, до Дуная владеть нечем — все пусто, а за Дунай далеко. Валахи все пропали, да хотя бы и были, то они люди непостоянные, всякому поддаются; король польский возьмет их себе: что ж, из-за них с ним ссориться? довольно и старых ссор! Крыма никакими мерами не завоюешь и не удержишь. Воевать за церковь божию? Святое и великое намерение, только не без трудности. Церковь греческая в утеснении там пребывает, и до святой воли божией быть тому так; а тут вблизи великих государей церковь божию король польский гонит, все право

славие в Польше и Литве разорил, несмотря на договоры с великими государями».

— «Турки и татары вечные христианские неприятели, — повторял Украинцев, — теперь они с нами мир сохраняют поневоле, потому что ведут войну с поляками и немцами; теперь-то над ними и время промышлять. Теперь все государи против них вооружаются, а если мы в этом союзе не будем, то будет стыд и ненависть от всех христиан, все будут думать, что мы ближе к бусурманам, чем к христианам».

— «Зазору и стыда в этом ни от кого не будет, — отвечал гетман, — всякому своей целости и прибыли вольно остерегать; больше зазору и стыда — иметь мир, да потерять его даром, без причины. Поляки лгут, будто им христианские государи хотят помогать. Если они теперь помирятся с турками и встанут на нас, то можно против них татар приговорить; если великим государям угодно, то я непременно сделаю, что татары всегда будут при нас».

— «Не пожелают великие государи бусурман нанимать и наговаривать их на разлитие крови христианской», — сказал Украинцев.

— «Какой в том грех, что призвать татар на помощь? — отвечал гетман. — Для чего короли польские их призывали на войну против Московского государства? Татары подобны мечу острому или городу крепкому; христиане носят же при себе меч для победы над неприятелем и обороны. Кто ни есть, только б мне был друг и в нужде помощник».

— «Государства у их царского величества пространные и многолюдные, — говорил Украинцев, — теперь многие люди ищут и желают службы, без войны жить не привыкли, а прокормиться им нечем; донские козаки беспрестанно бьют челом великим государям, что у них река улюднела, беспрестанно козаки думают о войне, без которой прокормиться им нечем; если не послать их на войну, то надобно давать большое жалованье. Если теперь службы не будет, то опасно от такого многолюдства, чтоб ратные люди и донские козаки не начали какого-нибудь нового дела; да и в малороссийских городах большое многолюдство, охочие и городовые полки желают службы; чтоб они не встали и над тобою какого зла не сделали, подумай об этом!»

— «У меня везде остережено, — отвечал гетман, — везде полковники верные и надежные люди; если бы чернь на меня и зашевелилась, то у меня охочих конных и пехотных полков тысячи с четыре готовы, да стрельцы московские. Гораздо опаснее, когда московские и малороссийские войска будут в соединении во время войны, тут, пожалуй, побьют бояр и воевод, и меня, тут и польская какая-нибудь хитрость будет. Посмотрел я, когда был вместе с князем Ромодановским: бывало, велит боярин идти какому-нибудь полку на известное

место, куда необходимо, и от полковников начнутся такие крики и непослушанья, что трудно и выговорить. У нас в полках и не такие люди, вольница, но если я прикажу идти — идут без отговорки. В Москве не надобно много ратных людей держать, надобно рассылать их по порубежным городам и занимать их там городовыми постройками; а в Москве держать полк, другой верных пожалованных людей; донских козаков чтоб поубавить, послать против черкес или кумыков».

Думному дьяку не удалось переспорить гетмана, который стоял на одном, что не следует менять золотой мир на железную войну. Украинцев кончил спор о войне и занялся другим важным делом. В Батурине, в Крупецком монастыре, жил епископ луцкий, князь Гедеон Святополк Четвертинский, ушедший из своей епархии от католического гонения. Думный дьяк отправился к епископу с вопросами о замыслах и поведении короля польского: для чего он, епископ, приехал в малороссийские города, давно ль посвящен в епископы, где и кем?

— «У короля и сенаторов, — отвечал Гедеон, — слыхал я много раз, что они, улучив время, хотят войну начать с великими государями; а теперь какое у них намерение и поведение, того я не знаю. Приехал я сюда потому, что от гонения королевского мне житья не было, все неволил меня принять римскую веру или сделаться униатом; и теперь, идучи в поход, сам король и королева сказали мне, что когда король придет с войны, а я римлянином или униатом не сделаюсь, то меня непременно сошлют в вечное заточение в Мариенбург. Я испугался и прибежал сюда, желая здесь кончить жизнь в благочестии. При мне еще держались благочестивые люди многие, а теперь без меня, конечно, король всех приневолит в римскую веру, он притом стал упорно, чтоб благочестивую веру в Короне и Литве совершенно искоренить. В архиереи я посвящен Дионисием Балабаном, митрополитом киевским».

Повидавшись с епископом, Украинцев имел разговор с гетманом об избрании митрополита в Киев. «Я всегда этого желал и хлопотал, — сказал Самойлович, — чтоб в Малой России на киевском престоле был пастырь; теперь дух св. влиял в сердца великих государей и сестры их, что прислали они тебя с указом об этом деле. Я стану около этого дела радеть и промышлять, с духовными и мирскими людьми советовать, а думаю, что иным малороссийским духовным будет это нелюбо. Прошу у великих государей милости, чтоб изволили послать к святейшему цареградскому патриарху, да подаст благословение свое и уступит малороссийское духовенство под благословение московских патриархов. Да чтоб пожаловали великие государи меня и весь малороссийский народ, велели нам и вперед выбирать у себя в митрополиты

вольными голосами по нашим правам. Знаю я подлинно, что это дело не любо будет архиепископу черниговскому (Лазарю Барановичу). Ему и то не любо, что епископ луцкий *приехал сюда, в Малороссию,* говорит: «Разве его митрополитом киевским сделать, а то другого ему места нет». А епископ человек добрый и смирный, никакой власти не желает».

— «Если у архиепископа черниговского ненависть к епископу луцкому, — сказал Украинцев, — то ты бы, гетман, скоро его, епископа луцкого, в Москву не отпускал; пусть прежде духовные и мирские люди выберут митрополита в Киев».

Отпуская Украинцева, гетман сделал новое предложение: «Указали бы великие государи в Киев, Переяславль и Чернигов перевести на вечное житье русских людей (великороссиян) с женами и детьми, тысяч пять или шесть, и этим малороссийский народ обнадежился бы, что государи никому Малороссии не уступят, а поляки бы пришли в отчаяние».

Самойлович не удовольствовался тем, что говорил Украинцеву против польского союза; он послал с ним в Москву на письме длинный перечень причин, почему опасно было вступать в союз с польским королем· «Под игом турецким, — писал гетман, — обретаются народы православной греческой веры, валахи, молдаване, болгары, сербы, за ними многочисленные греки, которые все от папина начальства укрываются и утешаются одним именем русских царей, надеясь когда-нибудь от них получить отраду. Известно, что папежаны усердно хлопочут в Иерусалиме овладеть гробом господним. Если бы чрез вступление царских величеств в союз цесарю римскому и королю польскому посчастливилось овладеть турецкими областями и принудить тамошние народы к унии, в самом Иерусалиме возвысить римский костел и понизить православие, то от этого все православные народы получили бы неутолимую жалость. Следовательно, надобно пред вступлением в союз выговорить безопасность православия, ибо великим государям союз этот может быть нужен только для сохранения и умножения православия да для того, чтоб здесь расширить границу нашу по Днестр и по Случ, а без корысти для чего вступать в союз? Да если бы поляки и обязались уступить эти рубежи и не трогать православия, то никогда не сдержат обещания, ибо папа разрешит от присяги. Царских подданных, калмыков и козаков донских и запорожских тайными подсылками и прелестями поляки к себе перезывают; из всего видеть можно, что поляки преславному российскому царству враги; за одну веру нашу греко-российскую, которую они уничтожают и искореняют, надобно бы

с ними всем православным христианам побороться. Если великим государям угодно будет непременно вступить в союз, то не удобнее ли будет, по крайней мере, отложить его, чтоб дать войскам отдохнуть и укрепить границу?»

В январе 1685 года приехал в Москву старший канцелярист Василий Кочубей с предложениями от гетмана — удержать реку Сожь, ввести Запорожье в исключительное владение великих государей. «А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волынь, Подгорье, Подляшье и вся Красная Русь всегда к монархии русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время». Кочубей подал перехваченную грамоту королевскую к белоцерковскому протопопу с увещанием поднимать малороссиян к соединению с Польшею. «Нет такой цены и такого иждивения, какого бы я пожалел на воздвигнутие воинства козацкого и всего народа российского», — писал Собеский.

Касательно второго дела, митрополичьего избрания, гетман уже дал знать об нем знатнейшему духовенству, и Кочубей привез в Москву ответные грамоты к Самойловичу от черниговского архиепископа, также от киево-печерского архимандрита Варлаама Ясинского и других игуменов киевских монастырей: все благословляли мысль великих государей дать пастыря первейшей русской митрополии. Кочубей объявил об епископе луцком, Гедеоне, что он был очень болен, едва не умер; болезнь приключилась ему с того времени, как приехал его священник из Москвы и привез ему царскую грамоту, в которой епископ не был назван князем, тогда как король польский в своих грамотах всегда называл его князем; епископ человек мнительный, ему показалось, что на него за что-нибудь государский гнев; если бы епископ умер, то в Польше обрадовались бы, разгласили бы, что бог покарал его за покинутие своей епархии. Гетман велел Кочубею доложить князю Голицыну, можно ли епископу приехать в Москву, поклониться великим государям?

Цари отвечали, что перемирия с Польшею нарушить нельзя, и сколько остается лет этому перемирию, гетману и всему войску известно, следовательно, когда придет время, поляки примут месть от бога за гонение на православную веру, чего великие государи усердно желают и впредь желать будут. За труды по избранию митрополита великие государи гетмана милостиво и премилостиво похваляют, пусть старается окончить это дело немедленно.

Гетман просил совершенного наставления, какое чинить духовному чину предложение относительно избрания митрополичьего? С ответом поехал в Батурин в апреле месяце окольничий Неплюев: «Советовав с духовными всех мало-

российских городов, с старшиною генеральною и со всеми полковниками, выбирать мужа в божественном писании искусного, тихого и разумного из тамошних природных обывателей, а не из приезжих; а как тому митрополиту поступать и какое послушание оказывать святейшему кир Иоакиму патриарху московскому и всея Руси и его преемникам, как судить, по каким причинам и тягостям власть константинопольского патриарха отложить, в каком почитании гетмана, старшину и все Войско Запорожское иметь, и о всяких церковных делах писать к св. патриарху московскому, а к св. константинопольскому патриарху ни о чем не писать и не посылать, причитания никакого к нему не иметь, под послушанием у него не быть и из-под его паствы за расстоянием дальнего пути совершенно отстать, потому что прежнее отлучение и благословенство константинопольское нанесено было завистию и рвением неприятельским, особенно в нынешние времена от богоотступника униата епископа львовского Иосифа Шумлянского и других подобных ему, на развращение церкви божией, отчего выросли многие расколы и падение церкви в Руси Красной и на Волыни, и в других местах; киевскому митрополиту иметь у себя в области духовных всех малороссийских городов; по степени киевской митрополии быть первою между российскими митрополиями: обо всем этом написать статьи со всякою крепостию и осторожностию, подписать их митрополиту и всему освященному собору, также гетману, старшине, всем полковникам, есаулам и сотникам, и печатями укрепить, и новоизбранного митрополита для архипастырского рукоположения отпустить в Москву».

Кроме наказа о митрополите, гетман просил, чтоб станицы донских козаков не всегда пропускать в Москву, но отправлять их в Курск. На это Неплюев должен был ему сказать: донским козакам дела свои надобно доносить в Москве в государственном Посольском приказе, да и потому донским козакам на Курск ездить не пристойно, чтоб Украйны козаки совершенно не знали и ни с кем бы согласия и советов не имели; гетману самому известно, что донские козаки — люди непостоянные и многие от них противные поступки являются. Наконец Неплюев должен был объявить гетману, что великие государи жалуют ему в потомственное владение 52 крестьянских двора в Пронском уезде и в дар для потехи морского медведя.

Гетман отвечал, что он отправил в Киев присутствовать на митрополичьем избрании войскового есаула Ивана Мазепу и четверых полковников, что духовенство не будет противиться подчинению митрополита киевского московскому патриарху; но он, гетман, со всем войском и народом малороссийским бьет челом великим государям, чтоб они

послали поскорее грамоту к патриарху константинопольскому, иначе тот может предать гетмана и лиц, бывших на избрании, и митрополита проклятию: «Известно, что греческие духовные власти по малой вине склонны бывают к недаче благословения». Да и потому нужно поскорее послать, что из польских областей будут побуждать константинопольского патриарха к выдаче неблагословения. Гетман при этом случае прислал копии с грамоты константинопольского патриарха Парфения, соизволявшего, чтоб московский патриарх посвятил в Киев митрополита. Гетман писал, что монаршеская благость утешила его в плаче глубоком: в марте умерла дочь его, боярыня Шереметева, которой мужу он успел наконец доставить киевское воеводство, а в июне умер старший сын Семен, полковник стародубский: «Сын любимый, первородный, надежда старости», — как писал старик. Царский посол Неплюев, «будучи здравого разума и рассуждения, увещательными словами в то время горькой печали» много помог гетману и ездил с ним за 30 верст от Батурина в Макошинский монастырь, где старик прощался с сыном, которого тело везли в Киев на погребение.

Самойлович писал Голицыну, что, отправляя в Киев Мазепу с товарищами, он дал им наказ ни под каким видом не объявлять, кого желает гетман в митрополиты, а только прислушиваться, к кому будет духовенство желательно, и кого изберут — этого избрания не разорять. Но и без внушений Мазепы было известно, что гетман желает видеть митрополитом Гедеона Четвертинского, а не Лазаря Барановича, с которым у него были нелады. Лазарь сам не поехал в Киев на митрополичьи выборы и не послал никого из знатного духовенства своей епархии. Это обстоятельство сначала сильно мешало выборам; мешало и новое условие, при котором совершались выборы, — переход от константинопольского патриарха к московскому, так что многие «обретались аки в растерзании ума», по словам Самойловича; наконец избирателей смущали слухи из Белгородской епархии, рассказывали, что там митрополичьи чиновники сильно угнетают белое духовенство поборами, бьют священников на правеже, наказывают телесно, вводятся новые московские обычаи, велят при крещении окунать, а не обливать, отчего непривыкшие попы много младенцев потопили. Несмотря на эти помешки, дело сладилось, и 8 июля 1685 года был избран единогласно Гедеон, князь Святополк-Четвертинский. Уведомляя об этом счастливом событии царей, гетман просил, чтоб: 1) все древние права и вольности малороссийского духовенства оставались неприкосновенными; 2) чтоб киевская митрополия считалась первою между русскими митрополиями; 3) уговорить констан-

тинопольского патриарха, чтоб уступил права свои на киевскую митрополию патриарху московскому; 4) за киевским митрополитом оставить звание экзарха константинопольского патриаршества, чтоб православные епископы в польских владениях не избрали особого митрополита с титулом экзарха, что может заставить весь народ преклониться к этому новому митрополиту; 5) чтоб московский патриарх поставлял и благословлял митрополита киевского, но в суды его не вступался, как не вступался в них и патриарх константинопольский; 6) чтоб киевский митрополит носил митру с стоячим крестом и чтоб в его епархии перед ним носили крест; 7) чтоб в Киево-Печерской лавре печатались книги по-прежнему, а в монастыре Братском преподавались свободные науки на языках латинском и греческом; 8) все обычаи и отношения духовных властей к митрополиту оставить по старине; по смерти митрополита избрание его преемника должно быть вольное. В Москве согласились на все эти пункты, кроме одного, чтоб киевский митрополит носил титул экзарха константинопольского патриарха, ибо здесь заключалась явная несообразность: киевский митрополит будет подчинен одному патриарху и в то же время будет называться наместником другого! Осенью того же года новоизбранный митрополит приехал в Москву и был 8 ноября посвящен патриархом Иоакимом [6].

Дело было кончено, но для многих оно могло казаться неконченным; таким казалось оно и гетману Самойловичу, который боялся, что константинопольский патриарх проклянет его и всех малороссиян за отпадение от его ведомства, и не переставал упрашивать царей, чтоб они выхлопотали в Константинополе зволение киевскому митрополиту перейти в ведомство московского патриарха. Еще в конце 1684 года грек Захарий Софир был послан за этим в Константинополь к патриарху Иакову; но патриарх отвечал, что теперь у них смутное время, ничего нельзя сделать; визирь при смерти, и неизвестно, кто будет на его месте. Болезнь великого визиря, разумеется, не могла остановить дела воссоединения русской церкви, и, когда уже Гедеон был посвящен в Москве, в конце 1685 года отправились в Турцию подьячий Никита Алексеев и гетманский посланец Лисица — к султану с жалобою на перезыв людей с восточной стороны Днепра на западную, к патриарху по делу о киевской митрополии. В Адрианополе, где находился тогда султан, явился к Алексееву грек Юрий Мецевит и объявил: «Когда был у патриарха грек Софир с грамотою великих государей о киевской митрополии, то я говорил святейшему, чтоб послал отпустительную грамоту о переходе киевской митрополии к московскому патриарху. Патриарх мне отвечал: без совета с другими патриархами и без созвания своей епархии миг-

рополитов не могу этого сделать, боюсь визиря; если стану собирать митрополитов и узнает об этом визирь и спросит, в чем дело? то мне как ему не объявить? А если мне одному решить это дело, то мое отпущение не будет иметь никакой силы; да и визирь, если об этом узнает, велит мне голову отсечь, и я без визирского указа за это дело не примусь. Я, — продолжал Юрий, — писал об этом к князю Вас. Вас. Голицыну, и если у тебя есть указ царский, то домогайся у визиря, чтоб он приказал патриарху начинать дело».

— «Это дело можно патриарху сделать и без визирского указа, — отвечал Алексеев, — визирю об этом деле вовсе не нужно знать, и запрещения патриарху от визиря никакого за это не будет».

— «Нет, — возражал Юрий, — никак нельзя: надо созвать митрополитов, а из этих митрополитов одни патриарху друзья, а другие недруги, и если патриарх сделает дело без визирского указа и какой-нибудь митрополит донесет, что патриарх списывался с Москвою, то патриарха сейчас казнят».

Алексеев начал хлопотать, как бы повидаться в Адрианополе с иерусалимским патриархом Досифеем; но тот велел сказать ему, что прежде свидания с великим визирем этого сделать нельзя. Алексеев был у визиря и потом отправился к патриарху. Досифей начал прямо с того, что не будет советовать константинопольскому патриарху отказываться от киевской митрополии в пользу патриарха московского, потому что подобные поступки запрещены в правилах св. отец. «Мы не дадим своего благословения: прежде митрополиты киевские приезжали для поставления в Царь-град, и теперь бы изволили великие государи писать к нам о поставлении в Киев митрополита, и мы бы дали благословение, что вольно поставить его московскому патриарху, а не вечно быть той епархии за ним. А то прислали просить благословения, когда уж поставили! Это восточной церкви разделение. Я советоваться об этом с константинопольским патриархом не буду и отпустительного благословения, конечно, не дам».

Досифею отвечал Лисица резко: «Гетман, все Войско Запорожское и народ малороссийский в подданстве у великих государей; гетман желает, чтоб и духовный чин был весь под благословением московского патриарха, да как уже то сделано, тому так и быть». Алексеев уговаривал Досифея тихо и ласково, представлял, что малороссиянам нельзя сноситься с константинопольским патриархом по дальности пути, за бусурманским гонением, за военными случаями, обещал государево жалованье. Досифей отвечал: «Я в это дело вступаться не буду, как хочет константинопольский патриарх, а я и за большую казну такого дела не сделал бы, да кон-

стантинопольскому патриарху нельзя сделать без визирского указа».

— «Лучше было бы, — говорил Алексеев, — если бы св. патриархи это святое дело сделали, не разглашая неверным». Но Досифей остался при своем.

Алексееву дали знать, что ему не нужно ездить в Константинополь для свидания с патриархом; прежний патриарх Дионисий был снова возведен на престол и приехал по этому случаю в Адрианополь. Алексеев отправился к визирю и объявил ему о желании царей насчет киевской митрополии. Визирь обещал призвать к себе патриарха и приказать ему исполнить царскую волю. Алексеев отправился с этими вестями к Досифею и нашел в нем совершенную перемену: «Я, — сказал патриарх, — приискал в правилах, что вольно всякому архиерею отпустить из своей епархии к другому архиерею; я буду уговаривать патриарха Дионисия, чтоб он исполнил волю царскую, и сам буду писать к великим государям и к патриарху Иоакиму и благословение от себя подам особо, а не вместе с Дионисием». Дионисий с своей стороны не сделал ни малейшего возражения, обещал во всем исполнить царскую волю, как только возвратится в Константинополь и соберет митрополитов. Время было выбрано самое удобное: турки, угрожаемые войною с трех сторон, хотели поддержать мир с Москвою и спешили исполнить все царские желания; визирь обещал Алексееву, что султан запретит перезывать людей с восточной стороны на западную и строить здесь города; русские пленники были возвращены. Визирь говорил Алексееву: «Знаю подлинно, что польские послы просили у царского величества помощи на нас и уступали большую землю, но великие государи ваши отвечали, что с султановым величеством перемирные лета не вышли. Объяви, когда будешь в Москве, чтоб великие государи теперь султанову величеству какой-нибудь препоны не сделали, а вперед у них любовь и дружба еще более будут множиться; знаем мы, что московские великие государи славные и сильные, нет подобного им царя из христианских царей». По просьбе Алексеева позволено было вновь построить в Константинополе сгоревшую церковь Иоанна Предтечи. Из Адрианополя Алексеев поехал в Константинополь, где получил от патриарха Дионисия все нужные по киевскому делу бумаги и поднес ему 200 золотых и три сорока соболей; Досифею иерусалимскому дано было также 200 золотых. Дионисий просил государей прислать жалованье и всем архиереям, подписавшимся на грамоте об уступке киевской митрополии, по примеру царя Феодора Иоанновича, который прислал жалованье всем архиереям, подписавшимся на грамоте об установлении московского патриаршества[7].

Таким образом, скорым окончанием своим в Константинополе киевское дело было обязано желанию турецкого правительства угодить царям, чтоб отвратить их от союза с Польшею и Австриею. Но эти угождения и комплименты великого визиря не могли обольстить московское правительство, которое знало, что тон переменится по окончании опасной войны. Несмотря на заключение мира при царе Феодоре, Россия постоянно испытывала недружбу турецкую. В 1680 году Юрий Хмельницкий посылал в Украйну лазутчиков и зажигателей. Мирное условие было нарушено, заднепровские города заселены, и турки перезывали туда людей с восточной стороны. Чигирин заселился волохами; здесь явился полковником Петр Уманец, который в 1683 году нанял 8 зажигателей, послал их на восточную сторону, и пожары вспыхнули. Пойманные зажигатели рассказали, что целию поджогов было принудить жителей восточной стороны Днепра переселяться на западную. Зажигатели эти объявили, что из Нежина грек Митрофан ссылается с Юрием Хмельницким письмами, проведывает в Москве, в украинных и малороссийских городах вестей и обо всем пишет ведомость. Московское правительство, впрочем, спешило вооружиться не против турок собственно, а против крымских разбойников, старые отношения к которым становились невыносимее, по мере того как в Москве становились более чувствительными к народной чести, более привычными к обращению с цивилизованными народами. В 1682 году царский посланник Тараканов дал знать из Крыма, что нурадин для получения подарков велел схватить его, привести к себе в конюшню, бить обухом, приводить к огню и стращать всякими муками. Тараканов объявил, что ничего лишнего против прежних дач не даст. Его отпустили в стан, на реку Альму, но пограбили все вещи без остатка. Вследствие этого правительница велела объявить хану, что московских посланников он уже не увидит больше в Крыму и нужные переговоры и прием даров будут производиться на границе. При этом цари требовали, чтоб хан прекратил войну с Польшею; а хан, наоборот, приглашал русских к нападению заодно с татарами на поляков. Но в Москве спешили воспользоваться удобным случаем, чтоб освободиться от крымских унижений, и не могли не раздражаться, когда гетман Самойлович продолжал толковать о необходимости сохранить мир с султаном и ханом. Окольничему Неплюеву велено было наконец сделать Самойловичу выговор за его противенство. Гетман испугался и послал просить у царей милостивого прощения, «чтоб не быть ему в нечаемой печали и приготовление на войну с бусурманами чинить не печальным, но веселым сердцем». Великие государи в октябре 1686 года послали сказать ему, что прегрешение его милостиво отпускают и предают вечному забвению, и по-

тому он должен государское повеление исполнять с радостным сердцем. Голицын уверял Самойловича, «своего любезнейшего брата и приятеля», что великие государи содержат его в своей милости всегда неотменно и никогда их милость уменьшена не будет. Кроме гетмана Войска Запорожского явилось противенство еще с другой стороны: константинопольский патриарх Дионисий умолял царей не начинать войны с турками, потому что в таком случае турки обратят свою ярость на единоверных с русскими греческих христиан. «Молим и просим ваше царское величество, — писал Дионисий в январе 1687 года, — не становитесь виновниками пролития крови такого множества христиан, не старайтесь помогать французанам и истреблять единоверных христиан православных: это не будет ни богу угодно, ни перед людьми похвально» [8].

Грамота опоздала. Еще осенью 1686 года был сказан ратным людям поход на Крым. В царской грамоте говорилось, что поход предпринимается для избавления Русской земли от нестерпимых обид и унижения; ниоткуда татары не выводят столько пленных, как из нее, продают христиан, как скот, ругаются над верою православною. Но этого мало: Русское царство платит бусурманам ежегодную дань, за что терпит стыд и укоризны от соседних государей, а границ своих этою данью все же не охраняет: хан берет деньги и бесчестит русских гонцов, разоряет русские города; от турецкого султана управы на него нет никакой.

В челе стотысячного войска выступил в поход «большого полка дворовый воевода, царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель» и наместник новгородский, князь Вас. Вас. Голицын. Понятно, как Голицыну тяжело было уступить кому-нибудь другому честь завоевания Крыма; понятно также, как должна была беспокоить его и правительницу мысль о возможности неудачи. Есть известие, что Голицын против воли принял начальство над войском, потому что враждебные ему бояре требовали этого, зная, какие препятствия он встретит [9]. Сбор ратных людей, по известным нам причинам, был очень медлен; по старому обычаю употреблены были сильные побудительные средства, но и тут оказалось много помещиков в «нетех». Как только оберегатель удалился из Москвы на юг, так уже начались ему неприятности от врагов, особенно от главного из них князя Мих. Алегуковича Черкасского. «Друзей и недругов у меня было много», — говорил впоследствии сам Голицын. В Москве у него оставался верный человек, не могший изменить по единству интересов, — Шакловитый. К нему-то оберегатель обращался постоянно из похода с просьбами следить зорко за врагами, не давать им усиливаться, наоброт, давать им чувствовать силу Голицына, т. е.

Софьи. Что сила эта не основывалась на праве — хорошо чувствовал Голицын; отсюда его желание приобрести право, отсюда робость пред общественным мнением — робость, которая заставляла его постоянно оглядываться и прислушиваться. Однажды во время похода у Голицына был обед, обедало человек 50 с лишком военных; после обеда хозяин предложил чашу (тост) государеву и решился к имени царей присоединить имя сестры их, царевны Софии. Решившись на этот поступок, Голицын немедленно написал Шакловитому, чтоб тот прислушался и отписал ему, какие будут в Москве речи об этом. Вести из Москвы приходили нерадостные: писали, что Черкасский поднимается, займет место боярина Родиона Стрешнева: «Всегда нам печаль, — писал Голицын Шакловитому, — а радости мало, не как иным, что всегда в радости и в своевольстве пребывают. Я во всех своих делах надежду имею на тебя; у меня только и надежды, что ты. Пожалуй, отпиши: нет ли каких дьявольских препон от тех? Для бога, смотри недреманным оком Ч. (Черкасского), и чтоб его в то не допустить (т. е. на место Стрешнева), хотя б патриархом или царевнами (тетками) отбивать». Голицын писал, чтоб отбивать Черкасского патриархом; а ему из Москвы давали знать, что патриарх вовсе не преданный ему человек, что и патриарх против него, побрал из церкви в Барашах сделанные Голицыным ризы и кафтаны и служить в них не велел: «О патриаршей дерзости подивляю, — писал Голицын Шакловитому, — отпиши, что порок на тех ризах? То делает все воля; как бы меньше имел вход (на верх), тогда б лучше было». Сильную неприятность получил воевода и у себя в полках. Стольники, князь Борис Долгорукий и Юрий Щербатый, приехали на смотр в черном платье, люди их были также в черном, лошади покрыты черными попонами. Легко понять, какое сильное впечатление на войско могли они произвести этою выходкою при тогдашнем суеверии. Голицын написал Шакловитому, требуя примерного наказания виновным: «Всем полком дивилися и говорили: если им не будет указу, будут все так делать. Умилосердися, донеси добром: этим бунтовщикам учинить указ добрый. Это пророчество и противность к государеву лицу, а грамоту об указе прислать мочно: что ведомо государю учинилось, что они так ехали; то было не тайно, всеми видимо; а если не будет указа, то делать нам с ними нечего; чтоб не потакнуто было, так бы разорить, чтоб вечно в старцы, и деревни неимущим того часу раздать; учинен бы был такой образец, чтоб все задрожали». Требование Голицына было исполнено: Долгорукий, Щербатов и двое других своевольников, на которых жаловался воевода, Мосальский и Дмитриев, узнавши, что в Москве готовят на них страшный указ, испугались, пришли к Голицыну со слезами и просили прощения, клянясь, что вперед

уже не провинятся. Голицын «уступил им на их слезы», не велел сказывать указа и написал к Шакловитому, чтоб испросил для преступников милость государскую: по его словам, наказывать раскаявшихся было не ко времени и не к делу [10].

Устроив окончательно войско на берегах реки Мерло, Голицын в мае месяце выступил в поход, направляясь к Конским водам. На Самаре присоединился к нему гетман Самойлович, под начальством которого было до 50 000 козаков. Соединенные войска продолжали поход к Конским водам, перешли их 13 июля, достигли урочища Большой Луг; о татарах не было ни слуху, ни духу, но встретился другой враг, более страшный, которого не было никаких средств победить, — степной пожар. Голицын собрал совет, решили продолжать поход; но в двое суток прошли не больше 12 верст: лошади не двигались от устали и бескормицы, нигде не было ни травы, ни воды, люди ослабели от зною и страшной копоти, которая мешала различать предметы. Проливной дождь дал воду, наполнив пересохшие реки, но травы не было; Голицын опять собрал совет на берегах Карачакрака: решили возвратиться назад, отправив к низовьям Днепра 30 000 войска, пополам великороссийского и малороссийского; московские полки пошли под начальством окольничего Неплюева, козаки под начальством сына гетманского, Григория.

Главное войско двинулось назад и остановилось отдохнуть у Конских вод, где было довольно лесу и травы. Донося правительству о своем походе, прикрывая по возможности его неудачу, Голицын писал, что татары не смели выйти навстречу к царскому войску, а повредили ему, зажегши степи. Но в стане у Конских вод между русскими начальными людьми дело объяснялось иначе: «Распространился слух, — пишет Гордон, — что козаки по приказанию или по крайней мере с допущения гетманского сами зажгли степи с целию помешать вторжению русских в Крым, вследствие чего между русскими и козаками открылось взаимное недоверие». И действительно, вероятность была на стороне этого предположения, потому что козакам было бы невыгодно, если бы русские опустошили или покорили Крым: тогда и им пришлось бы плохо, Москва могла бы беспрепятственно нарушать их права и вольности [11].

Между тем правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали; она начала думать, как бы поправить неудачу, чтоб оберегатель не возвратился с позором в Москву; беспокойство увеличилось, когда пришла весть, что степь жгли не татары, а козаки. Софья решилась отправить в обозы Шакловитого, который должен был предложить Голицыну: «Если возможно как ни есть, наготовя конских кормов и озапасясь своими запасами, идти на Крым в промысл, а к донским козакам, которые на море,

послать, чтоб они с моря Крым тревожили и по возможности промышляли. Если того ныне учинить вскоре невозможно, велеть наготовить судов и сверху, откуда пристойно, препроводить и Казикерменские (городки) взять и из них велеть окольничему Неплюеву и гетманскому сыну со всеми их полками идти плавною (ратью) на Крым, а в то время от себя послать товарищей с обозами, а с ними конницы по рассмотрению стройных людей, да пехоты и пушек и гранат побольше, и промышлять, а запасы и пушки и на конницу конский корм везти на волах и назначить срок, чтоб с обеих сторон придти на Крым вместе. Если того учинить нельзя, то построить на Самаре и на Орели города и всякие тягости и запасы и ратных людей по рассмотрению оставить, чтоб вперед было ратям надежное пристанище, а неприятелям страх». Шакловитый должен был ратным людям сказать милость государскую пространно, а Самойловича похвалить за его радение и сказать ему в присутствии Голицына: «Великим государям известно, что в степи, позади и по сторонам ваших обозов, жители малороссийских городов, ехавшие с харчами за обозом, сожгли конские кормы; ты бы, гетман, про тот пожог велел розыскать со всяким радением и виноватых наказал немедленно, потому что то дело великое, чтоб от таких поступков немногих воров, дерзостных и бесстрашных, малороссийским жителям не нанеслось какого-нибудь неудобного слова» [12].

Но еще до приезда Шакловитого люди, ненавидевшие Самойловича, а таких было много в Малороссии, воспользовались случаем и начали хлопотать, чтоб неудобное слово нанеслось одному гетману. За объяснением причин ненависти к Самойловичу обратимся к малороссийскому летописцу: «Этот попович, — говорит летописец, — сначала был очень покорным и до людей ласковым; но, когда разбогател, стал очень горд не только пред козаками, но и пред духовенством. Старшина козацкая, пришедши к нему, должна была стоять, никто не смел сесть, никто не смел войти на двор его с палкою; также и священники, самые знатные, должны были стоять с непокрытою головою; к церкви никогда не ходил сам дары брать, но священник к нему носил. Также и сыновья его делали. Если выезжал куда-нибудь, на охоту что ли, священник не попадайся навстречу — будет несчастье, а сам был попович! Ездил окруженный большою толпою, без кареты никуда, ни сам, ни сыновья его, и при войске все в карете; так был горд, как ни один сенатор; и сам гетман и сыновья его, будучи полковниками, вымышляли всякими способами, как бы побольше собрать денег с народа. Людей военных мало жаловал для того, чтобы власть его и сыновей расширялась; сыновья его назывались не полковниками, но панами; не думали о перемене панства своего, надеялись на людей наем-

ных и на казну великую; козаков ни за что считали и на дворы к себе не пускали, имея при дворах своих стражу сердюцкую, которой платили годовое жалованье; священник в несколько дней не мог добиться, чтоб его впустили на двор гетманский, хотя бы была ему крайняя нужда. Вообще всех людей ни за что считали, позабывши низость своего рода» [13].

Сначала ласковость Самойловича до людей, ласковость, могшая происходить оттого, что у гетмана был опасный соперник в Дорошенке, не подавала повода к общему сильному неудовольствию; безукоризненная служба Самойловича царям не давала врагам его возможности обнести его в Москве. Но после удаления Дорошенка из Малороссии Самойлович и сыновья его, почуяв простор, разнуздались, неудовольствие стало расти между старшиною, духовенством и козачеством, а тут размолвка гетмана с правительством по поводу польского союза: на гетмана в Москве смотрят уже не по-прежнему, ему уже прислан раз выговор за *противенство*. Значит, можно воспользоваться степным пожаром, обвинить гетмана в измене и потребовать от правительства его смены: правительство не откажет, ибо не имеет больше сильных побуждений заступиться за гетмана; притом знали, что в старину Самойлович не был в ладах с Голицыным. Когда в 1677 году Голицын поссорился с Ромодановским, Самойлович стоял на стороне последнего. Но современник и очевидец событий, которому мы имеем полное право верить, Гордон, настаивает, что главною причиною падения Самойловича была всеобщая ненависть, которую он возбудил в Малороссии; летописец малороссийский подтверждает слова Гордона; следовательно, для нас вопрос об отношениях правительства и Голицына к Самойловичу теряет свое значение; на первом плане является то обстоятельство, что Самойлович был дурной правитель, возбудивший всеобщую ненависть, что заступиться за него правительству было нельзя.

7 июля в обозе старшина Войска Запорожского, обозный Василий Бурковский, судья Михайло Воехеевич, писарь Савва Прокопов, Василий Кочубей, есаул Иван Мазепа, полковники Константин Солонина, Яков Лизогуб, Степан Забела, Григорий Гамалея подали Голицыну донос на Самойловича [14]: «Гетман старался препятствовать миру с поляками; узнав об его заключении, сильно огорчился и говорил окольничему Неплюеву: «Увидите, что не все из ваших московских чинов будут вам благодарны за то, что разорвали мир с государством Турским и Крымским хитростию польскою»; при старшине говорил: «Купила теперь Москва себе лиха за свои деньги, ляхам данные; увидите, что в этом миру с поляками сыщут и что против хана сделают! пожалели малой дачи татарам давать, а будут большую казну давать, что только татары захотят». Гетман не велел служить по церквам благо-

дарственных молебнов по случаю мира. Известий о победах союзников не хотел слышать, поражениям радовался. Жена гетмана однажды говорила женам особ генеральных: «Сердит теперь и великие похвалки чинит Иван мой на Москву: пожалуй, то же сделает, что и Брюховецкий». Когда король польский в прошлом году отступил из Волошской земли, то бунчужный после разговора с гетманом наедине говорил: «Рад был бы господин гетман, если б поляки, утесненные татарами в Волошской земле, помирились с ними; тогда Москва узнала бы нас и стала бы уважать за то, что мы надежную дружбу с государством крымским имеем». Указал царским полкам дурное время для похода. Во время похода не старался добывать языков и не гасил горящих полей; из этого многие заключают, и мы знаем, что он приказал жечь степи. Терпя от солнечного зноя во время похода, говорил: «Вот как нам вредна эта безрассудная война московская; отняла у меня здоровье! не лучше ль было Москве дома сидеть и своих рубежей беречь, чем с Крымом войну эту ненадобную заводить». Желая бесчестья московским и козацким войскам, советовал возвратиться назад из похода, а возвратившись, говорил: «Не говорил ли я, что Москва ничего Крыму не сделает? так и случилось, и теперь нам надобно от Крыма защищаться». Смеется над неудачею похода; весел; говорил перед одною духовною особою: «Когда бы мне дал бог сына с Низу в добром здоровьи возвратить и в Батурин придти, то знаю, что сделаю!» «Да будет великим государям и то известно, — продолжает донос, — что гетман самовластно владеет и хочет владеть Малороссиею, грамоты монаршеские у кого хочет отбирает и пожалованное грамотами отписывает на себя или на детей своих; в Москву не только мирским, но и духовным людям ездить запрещает, города малороссийские не государственными, но своими называет и людям войсковым приказывает, чтоб ему, а не монархам верно служили». Говорил: «Когда возвратимся из крымского похода, то порадеем Малую Руссию лучше утвердить, а не так, как стоит в прежних статьях». Сын его Григорий в Чернигове бранил войта и мещан и грозил смертною казнию за то, что они хотели поставить на ратуше орла двухглавого в знак того, что город Чернигов — отчина царского величества; Григорий говорил так войту и мещанам: «Не будете, мужики, жить на свете, когда хотите выламываться из подданства господина отца моего и поддаться Москве», и заказал, чтобы не смели ставить орла. Гетман много раз говорил старшине: «Не послушала дурная Москва моего совета, помирилась с поляками; дождусь я того в скором времени, что будут снова меня просить, чтоб я посредником был к перемирию с государством крымским; только я уж буду знать, как государство крымское с Москвою мирить: будут меня помнить, будут знать, как и

нас почитать». Он насмехался над царскою монетою; пересылался с польским королем, предлагая ему свою службу; оставил только два моста для переправы царского войска. Говорил, что знает о движении хана, который даст, конечно, полякам добрую встречу: «Пусть же бояре, такие непочтивой матери дети, скачут и полякам дают помощь, а нездорово дадут». В тот же день пришел к нему войт переяславский и говорил: «Жалуется Москва, что людей государевых много померло и очень много больных лежит»; а гетман сказал на это: «Хотя бы и все пропали, то я бы не стал печалиться». Однажды гетман был с полковниками московскими и с старшиною на обеде у обозного; после обеда полковник Петр Борисов размолвил с Гамалеею, который, верно в надежде на гетмана, сказал полковнику: «Что ты на меня, полковник, нарекаешь? ведь вы не саблею нас взяли!» Гетман, слыша это, не сказал ни слова, только рассмеялся, а думать надобно, и похвалил. О землях по той стороне Днепра говорил жестоко: «Не так будет, как Москва и поляки в мирных своих договорах постановили; сделаем так, как нам надобно». Все один делает, никого к думе не призывает, должности по своему гневу отнимает, а не по пристойным причинам, наказывает и бесчестит, кого хочет, без суда и доводу, напрасно. За полковничьи места берет большие взятки и чрез то позволяет утеснять людей, чего при других гетманах не бывало. Людей старинных войсковых заслуженных всякими вымышленными способами теснит и слова доброго не говорит; а других мелких людей незаслуженных поставляя, тем дает знать, что может делать все, что захочет. В мельницах козацких нет козакам воли, ни знатным, ни заслуженным, все на себя забирает. Что у кого полюбится, возьмет, а что он сам пропустит, то дети его возьмут; тому только у него доступ, кто взятку дает; а кто не дает, хотя бы и годен был, отринут. Старшине генеральной нет у него чести надлежащей и безопасности; от гнева и угроз его больше мертвы бывают, нежели покойно живут. Судейской должности уже четыре года никому не дает, потому что никого добрым человеком не считает, хочет, чтоб эта должность за большие деньги была куплена; государево жалованье, соболиное и объяринное, на двоих присланное, себе забрал. В отсутствие судей погасло право, обиженным нет управы и оттого плачут многие. По всем эти причинам и по неспособности его нет надежды, чтоб и впредь Войско Запорожское на службе монаршеской что-нибудь похвальное оказало; желает все войско и со слезами господа бога молит, чтоб великие государи, для лучшего управления монаршеских своих дел и для утоления многих слез, изволили указать с него должность гетманскую снять, а на ту должность по правам войсковым вольными голосами выбрать кого-нибудь бодрственного, вернейшего и исправнейшего человека,

который бы в нынешней войне не лениво, но радетельно и верно с войском во всяких случаях великим государям служил. С переменою гетмана Крым может быть заперт и вскоре силами монаршескими и Войска Запорожского повоеван. А если этого не будет, то при Самойловиче не может ничего к славе монаршеской оказаться, кроме бед; будет то, что от его притеснений все разбредутся, или, избави бог, чтоб в добрых не учинилось какой порухи. И о том все Войско Запорожское бьет челом, чтоб по снятии его с гетманства не жил он в Украйне, но со всем домом взять бы его в Москву и казнить как явного изменника их царским величествам и Войску Запорожскому. Иных многих бесчисленных его злых поступков нельзя выписать: только у превысочайшего престола падши, просим о смене гетмана, потому что если бы на это не было соизволения царского величества, то Войско Запорожское из меньших чинов отнюдь его, как явного недоброхота, соблюдая к великим государям свою верную службу, не может терпеть и принуждено будет поступить с ним в скором времени по своим войсковым правам и обычаям, за что просим царское величество на нас не досадовать». После подписей имен приписали еще: «И то потребует высокого рассуждения, что он по высокому о себе разумению скрытым умыслом своим не только в народе малороссийском, среди которого он между мелкими людьми родился, не полагает никого себе равного происхождением и разумом, но и, великороссийского православия всякими чинами гнушаясь, не захотел ни за кого отдать своей дочери, но из-за рубежа нарочно приманил для этого князя Четвертинского, в чем полагает средство когда-нибудь достигнуть в Малороссии удельного владения; с этим явным намерением и печать Юраса Хмельницкого при себе задержал, не отсылая к великим государям».

Голицын отослал донос в Москву и до получения царского указа, разумеется, не мог приступить ни к чему, ни в пользу гетмана, ни против него. Войско продолжало двигаться назад, теряя много офицеров и солдат. По переходе чрез реку Орель 12 июля приехал к войску Шакловитый с милостивым словом за службу, спрашивал о здоровье всех от мала до велика. 14 собрали военный совет для решения вопроса, что делать этим летом для воспрепятствования татарам вторгаться в Польшу или Украйну? Шакловитый предложил последнюю статью своего наказа — построить крепость на Самаре; вероятно, Голицын убедил его в невозможности исполнения первых, особенно когда открылось гетманское дело. По окончании военного совета Шакловитый спросил гетмана, зачем он, как узнано, позволил зажечь степи? Самойлович отвечал, что он ничего не знает о пожоге. Тем дело и кончилось; после совета все начальные люди пошли обедать к гетману, и после обеда по обычаю гости дарили хозяина. 16 июля

уехал Шакловитый, 21 войска переправились через реку Коломак, недалеко от Полтавы, и раскинули стан; сюда пригнал гонец из Москвы к Голицыну с указом созвать старшину и сказать ей, что «великие государи, по тому их челобитью, Ивану Самойлову, буде он им старшине и всему войску малороссийскому негоден, быть гетманом не указали, и указали, у него великих государей знамя и булаву и всякие войсковые клейноты отобрав, послать его в великороссийские города за крепкою стражею, а на его место гетманом учинить, кого они, старшина, со всем войском малороссийским излюбят; а сказав им указ, о посылке гетмана в великороссийский который город пристойно, также и о детях и о свойственниках гетманских по избрании нового гетмана учинить ближнему боярину по своему рассмотрению, как господь бог вразумит и наставит». Из этого указа ясно видно, что в Москве смотрели на дело Самойловича как на чисто малороссийское, не убеждались доносом в его измене, но не хотели оставлять гетманом человека, возбудившего всеобщее неудовольствие, боялись, «чтоб от того, от чего, боже сохрани, во всей Малороссии не учинилось какого замешания, бунта и кровопролития», как сказано в той же грамоте [15].

Получивши указ, Голицын призвал к себе русских полковников, находившихся постоянно при гетмане, и приказал им как можно осторожнее, без шума, сдвинуть и запереть обоз около ставки Самойловича, из опасения, чтоб козаки не вздумали напасть на нелюбимого гетмана. Боярин велел полковникам дать знать старшине, что пришел указ о свержении гетмана и об избрании нового, и чтоб они дали знать, когда у них будет все готово. Вечером полковники тихонько начали сдвигать обоз; однако это движение не могло утаиться от слуг гетманских, которые сейчас же дали знать об нем Самойловичу. Тот догадался, что затевается что-то недоброе; боялся он насилия со стороны козаков и ночью написал полковникам письмо, в котором выставлял свои заслуги правительству, объявлял свою невинность, требовал, чтоб его выслушали. Ответа не было. В полночь явился к Голицыну генеральный писарь Кочубей с известием, что все в безопасности, и с просьбою об арестовании гетмана. Боярин приказал, чтоб на рассвете гетман с сыном были схвачены и приведены к нему, также чтоб отданы были под стражу люди подозрительные, находившиеся в приближении у гетмана, наконец приказал расставить сторожей по всем дорогам из стана, чтоб никто не смел уйти, дать знать сыну гетманскому Григорию о судьбе отцовской и возбудить мятеж по городам и селам. Все было исполнено. На рассвете пошли было схватить Самойловича, но не застали его в шатре, он был в церкви и усердно молился. Когда служба кончилась и гетман вышел из церкви, подошел к нему отставной переяславский полковник

Дмитрашка Райча, схватил его за руку и сказал: «Пойдем со мной». Гетман посмотрел вокруг и потребовал, чтоб ему дали переговорить с русскими полковниками. Полковники не замедлили явиться, ведя захваченного ими сына гетманского Якова. Гетмана посадили на дрянную телегу, сына его верхом на клячу и повезли под прикрытием стрельцов в большой стан к Голицыну. Здесь на открытом воздухе сидели все воеводы, генералы и полковники; явилась старшина и в краткой речи объявила, что она давно уже видела великие тягости от гетмана, а напоследок объявились и изменнические дела, о которых они и донесли, служа их царским величествам. Так как теперь гетман схвачен и привезен в стан, то они, старшина, требуют, чтоб с ним поступлено было по войсковому праву. Голицын спросил, не обвиняют ли они гетмана, мстя ему какие-нибудь свои недружбы, и нельзя ли эти неудовольствия успокоить каким-нибудь другим образом? Старшины отвечали: «Хотя оскорбления, нанесенные гетманом народу и большей части из нас, и очень велики, однако мы не решились бы поступить с ним таким образом, если бы к тому же не присоединилась и измена, о которой, по нашей присяге, мы не можем умолчать; кроме того, мы с большим трудом могли удержать народ, чтоб он не растерзал гетмана: так он стал всем ненавистен». Тут входит старый гетман, опираясь на трость с серебряным набалдашником, голова его обернута мокрым платком, потому что он давно уже страдал глазами и головными болями. Голицын в коротких словах пересчитал ему обвинения; гетман отвергнул все обвинения и начал оправдываться; поднялись споры между ним и тремя полковниками, Дмитрашкою Райчею, Солониною и Гамалеею. Голицын велел вывести Самойловича; козаки хотели было наложить на него руки, но Голицын сдержал их и отдал гетмана с сыном под охрану стрелецким полковникам.

После этого козаки начали толковать о выборе нового гетмана.

Сочли нужным послать за духовенством и знатнейшими козаками в ближайшие полки: но в тот же вечер и на другой день оказалось, что ждать долее нельзя; козаки гадяцкого полка подняли бунт, убили полковника и разных других людей, так что Голицын должен был послать русских рейтар наблюдать за козацким станом; также начали козаки толпами покидать лагерь: откладывать выбора стало нельзя.

24 июля собралась старшина у Голицына для выслушания статей, на которых присягали прежние гетманы. Положили принять глуховские статьи, с прибавкою следующих новых: 1) при гетмане в Батурине для охранения и целости его быть полку московскому стрелецкому; 2) чтоб гетману и старшине, служа великим государям, народ малороссийский всякими мерами и способами с великороссийским народом соединять,

в неразрывное и крепкое согласие приводить супружеством и иным поведением, чтоб были под одною царского величества державою обще, как единой христианской веры, и никто бы голосов таких не испускал, что малороссийский край гетманского регимента, а отзывались бы везде единогласно их царского величества самодержавной державы гетман и старшина и народ малороссийский обще с великорусским народом, и вольный переход жителям из малороссийских городов в великороссийские иметь». После статей начали разговор об имении бывшего гетмана, причем Голицын объявил: «Хотя по закону все принадлежавшее изменнику должно принадлежать царям, однако я, с опасностию навлечь на себя немилость царскую, беру на свою ответственность и определяю, что половина имения пойдет Войску Запорожскому, а другая в казну царскую». Все были довольны, и знатнейшие начали тихонько осведомляться у Голицына, кого бы ему всего больше хотелось видеть гетманом? Голицын намекнул им, что ему больше всего хотелось бы Мазепу, и в тот же вечер у старшины положено было действовать в пользу Мазепы, причем положено было также отнять места у всех креатур Самойловича и раздать их членам новой мазепинской партии.

25 числа выборные полки и стрельцы окружили походную церковь, поставленную в поле подле козацкого стана. В 10 часов утра приехал Голицын с начальными людьми и велел позвать в круг козаков, которых было 800 конных и 1200 пехоты; знатнейшие из них отправились с боярином в церковь, куда понесли пред ними знаки гетманского достоинства. После молебствия все вышли из церкви, подле которой поставлен был небольшой стол, покрытый богатым ковром: на нем разложили булаву и другие знаки гетманского достоинства. Голицын стал на скамью и сказал козакам, что их царские величества дозволяют им по их старому войсковому обычаю избрать гетмана и что каждый может свободно подать свой голос: так пусть же объявят, кто им люб. На несколько времени водворилось молчание, потом несколько голосов поблизости произнесли имя Мазепы, другие подхватили, и скоро по всей толпе раздались восклицания: «Мазепу в гетманы!» Слышалось и имя Борковского, но было заглушено. Голицын повторил вопрос знатнейшим козакам: кого они хотят гетманом? Все отвечали единогласно: «Мазепу!» Новый гетман присягнул и подписал условия, после чего получил из рук Голицына булаву, бунчук и знамя [16]. Голицын указал на Мазепу, как на человека ему, следовательно правительству, угодного; это указание должно было иметь важное влияние на выбор, и Мазепа должен был не на одних словах поблагодарить боярина: он дал ему десять тысяч рублей [17].

На Украйне дело уладилось; но мы видели, как чутко Голицын следил за московскими толками, за внушениями своих

недоброжелателей; и теперь он писал Шакловитому: «Что про гетмана будет слов, пожалуй, отпиши подлинно». Шакловитый уведомил, что внушают: зачем Самойлович свергнут без розыска? Голицын отвечал: «О гетмане, как учинилось, и о том писал я в отписках своих и в грамотах, из которых о всем можешь выразуметь. А пристойнее того и больше учинить невозможно. А что про него розыскивать, и такого образцу николи не бывало: извольте посмотреть в старых делах. А что от которого лица какое злословие, и то богу вручаю: он то может рассудить, какая в том наша правда. Мы чаяли, что те лица воздадут хвалу господу богу и нам милость, как то учинилось без всякой помешки и кровопролития и замешания. Коли уж рассудить не могут, и они б взяли себе в пример турского султана, который то учинил назад тому два года: одним летом переменил двух ханов по татарскому челобитью, не розыскивая; только тому рад был, что они были у него в послушании и бунта никакого не учинили. Не мудро б и нам не переменить, только посмотрели б, что из того родилось».

Московские пересуды не помешали встретить и наградить Голицына как победителя; дело на Коломаке было выставлено как особенная заслуга Оберегателя. Голицын по возвращении из похода был так же могуществен, как и прежде, к нему и к сыну его Алексею обращались люди, желавшие получить что-нибудь от правительства. Так, обратился к ним полумертвый от старости Лазарь Баранович, который спешил воспользоваться падением Самойловича и прислал в Москву жалобу на приятеля падшего гетмана, киевского митрополита Четвертинского. 30 марта 1688 года черниговский архидиакон Антоний привез царям грамоту: «Забвен был, яко мертв, — писал старик, — бых человек яко без помощи, еще живу мне сущу погребохся. Я, смиренный богомолец ваш, при старости моей и ослабевших всесовершенно силах, вознененавиденный бывшим гетманом, утеснен был многими от него обидами, многими скорбями и неисповедимыми печалями, и утеснен был не просто, но, как мертвый, забвен, и при жизни землею покровен явился; что могло быть тяжеле, когда гетман запрещал мне посылать пред ваш царский престол письменные челобитья, дабы возмог приять милость и обрести благодать? Хотел он, да обрящуся, яко человек без помощи в мертвых свободь. Но бог, животворяй мертвые, даровал такое улучить время, о котором могу сказать: се ныне время благоприятно, се ныне день спасения. Изшед от забвения гроба, прихожу пред пресветлейший престол с смиренным челобитьем: не отвергните меня во время старости моей, призрите на озлобление мое! Когда преосвященный отец Гедеон Святополк принял престол киевский, то я, презрев мою старость, встретил святыню его в Батурине, преклонил пред ним

ослабевшие колена мои, надеясь, что призрит меня своею милостию за тридцатилетние мои труды, в архиерейском сане подъятые. Я просил его подкрепить данную мне митрополитом Дионисием Балабаном грамоту на семь протопопий; желал я также видеть данную ему вашим царским величеством грамоту на митрополию киевскую. Но преосвященный митрополит обиду великую старости моей нанес: прежде всего отнял у меня архиепископское имя, велел называть меня только епископом, тогда как это название дал мне отец ваш, блаженной памяти царь Алексей Михайлович по благословению троих вселенских патриархов. Потом отнял три протопопии; в укорительном письме к воронежскому священнику глуховской протопопии назвал меня пастушком и похитителем некоторых приходов, ему будто бы принадлежащих. Падаю пред вашего царского величества лицем, примите прошение мое: да буду со всею епархиею моею прямо под благословением святейшего патриарха московского наравне с прочими великороссийскими архиереями, и пусть преемники мои поставляются в Москве, а не в Киеве». Архидиакон подал грамоту и от гетмана: «Покорственно прошу, — писал Мазепа, — дабы ваше царское пресветлое величество изволили прошения и желания архиепископа милостиво выслушать и премилосердым удовольствоваться призреньем». В то же время Лазарь и Мазепа писали об этом деле князю Вас. Вас. Голицыну и сыну его князю Алексею. Все прошения и желания их были исполнены [18].

Оберегатель готовился ко второму походу на Крым, тем более, что хан мстил за первый поход вторжениями в Украйну, а христиане турецких областей звали русские войска для спасения православия — и не от турок. В то время как русские должны были без успеха возвратиться из сожженной степи и поляки тщетно осаждали Каменец, другие союзники — австрийцы и венецияне торжествовали над турками в Венгрии, Далмации и Морее. К поражениям от христиан присоединился бунт войска, султан Магомет IV был свергнут и на его место возведен брат его Сулейман II. Никогда еще Турция не была в таком печальном положении, и между христианскими подданными султана естественно рождалась мысль, что приходит конец мусульманскому владычеству.

В сентябре 1688 года приехал в Москву архимандрит афонского Павловского монастыря Исаия с грамотою от бывшего константинопольского патриарха Дионисия, сверженного, как он писал, за уступку царскому желанию в деле о киевской митрополии. Дионисий извещал царей, что теперь самое удобное время для избавления христианства от турок. «Всякие государства и власти благочестивых королей и князей православных все вместе восстали на антихриста, воюют на него сухим путем и морем, а царство ваше дремлет. Все

благочестивые святого вашего царствия ожидают, сербы и болгары, молдаване и валахи; восстаните, не дремлите, придите спасти нас». Исаия привез грамоту от валахского господаря Щербана Кантакузена, который тоже писал, что от русских царей православные ожидают избавления своего из рук видимого фараона. Третья грамота такого же содержания была от сербского нареченного патриарха Арсения. Исаия объявил, что он послан от всех греков и славян умолять великих государей воспользоваться удобным временем для нападения на турок. Это необходимо сделать и для того, чтобы не отдать православных из бусурманской неволи в неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидят папежники: которые города в Венгрии и Морее, цесарские и венецияне войска побрали у турок, повсюду в них папежники начали обращать православные церкви к унии, другие превращать в костелы. Если римлянам посчастливится вперед, достанут под свою власть православно-христианские земли, если возьмут самый Царь-град, то православные христиане в бо́льшую погибель придут и вера православная искоренится Все православные христиане ожидают государских войск с радостию; да и турки, которые между ними живут, лучше поддадутся велики́м государям, чем немцам, потому что все они рождены от сербов, болгар и других православных народов.

От имени Щербана Исаия говорил, чтоб великие государи по́слали войска свои в Белогородскую орду на Буджаки, и Дунаем в судах прислали к нему, Щербану, который с семидесятитысячным войском придет на помощь к русским на Буджаки; для задержания крымцев можно оставить часть войска в Запорожье, а Белогородская орда против царских войск не устоит. В тех странах вод много, да и в запасах скудости не будет. Как только государские рати станут приближаться к Белогородчине, а он, воевода, пойдет к ним навстречу, тогда все сербы, болгары и молдаване пристанут к ним же, и будет путь и до Царя-города без помешки, потому что за Белогородчиною все живут христиане, да и крепостей до самого Царя-города нет. Христиане ждут прихода царских ратей с радостию, и соберется сербов и болгар с 300 000, все тамошнее христианство встанет, а немцам те народы вовсе не ради и помогать им не будут, разве по великой неволе. Теперь воевода в городе своем Бухаресте и войско его все в сборе, а никому не помогает, ни турку, ни цесарю, остерегает свое владение от турок, татар и немцев, и хотя к нему от цесаря и многие присылки были с прошением, чтоб встал на турка, и воевода цесарю в подданстве не отказал, однако еще не обещался поддаться, сказал, что, когда цесарь совершенно турка повоюет, тогда и он, воевода, его будет; воевода цесарю манит по причине веры, чтоб не быть под ино-

верцем, а быть под державою православных государей. Турки и татары землю его не разоряют, потому что он против них не встает и дает им, по силе, запасы, да и цесарским войскам также запасы дает, чтоб не наступали.

Государи отвечали Дионисию и Щербану, что имеют о всех православных христианах, живущих под игом поганским, попечение неотменное, и указали для того послать воевод своих со многими ратями на крымские юрты, и пойдут войска самым ранним вешним временем; а когда Крым будет разорен, тогда удобно будет идти и на ту сторону Днепра, на Белогородскую орду и за Дунай. Пусть валахский господарь высылает свои войска к турецким городкам на Днепре. С этим ответом отправился в Валахию грек Фомин; он уже не застал старого господаря в живых, подал царскую грамоту племяннику его Константину. Тот сказал ему, что у великих государей в подданстве быть всеусердно рад, только теперь писать об этом к государям от великого страха не станет; при том же надобно будет об этом объявить многим людям, дело разгласится, услышат немцы и всех их до конца разорят. Пусть великие государи напишут, на каких статьях быть ему у них в подданстве; тогда он на подданство лист напишет и все руки приложат; а когда он послышит, что царские войска придут Крым добывать, тогда и он с войсками своими пойдет в сход к царским воеводам [19].

В сентябре 1688 года объявлено было ратным людям о новом походе на Крым; в объявлении было сказано: «Ныне к великим государям писали св. вселенские патриархи, цесарское величество римский и королевское величество польский, также речь посполитая венецийская, все согласно, что в настоящее время Турское государство от господа бога приняло великое наказание и приходит бусурманское владетельство к самой конечной погибели, и как от войск христианских, так и от междоусобные брани пришло в великое бессилие и безмочьство, какого на них разорения и погибели никогда не бывало и такого смятения не слыхано, что и сами о себе говорят, что пришла им бусурманам всем совершенная погибель, только некоторую надежду имеют на крымского хана с ордами. И будучи они бусурманы в отчаянии своем, в Греческой, Ромельской и Морейской и Сербской и Болгарской землях православных христиан, мужеска и женска пола и невинных младенцев, после многих различных мук и поругався скверным поруганием, мечу и огню предали больше трехсот тысяч; и прочих христиан младых и женска пола неисчетное множество в неволю свою бусурманскую побрав, свезли за море» [20].

Наученный опытом Голицын хотел предпринять поход раннею весною, чтоб не иметь недостатка в воде и траве и не бояться степных пожаров. Ратным людям велено

собраться не позже февраля 1689 года. 8 ноября был объявлен сбор с посадских и всех торговых людей десятой деньги на войско [21]. Голицыну было необходимо победить татар, чтоб победить внутренних врагов, которые не переставали ему напоминать о себе. Рассказывают, что убийца бросился к нему в сани и едва был удержан слугами князя; убийцу казнили в тюрьме после пытки, без огласки; незадолго перед отправлением в поход у ворот Голицына найден был гроб с запискою, что если и этот поход будет так же неудачен, как первый, то главного воеводу ожидает гроб. Сохранилось еще любопытное известие: Иван Бунаков был подвергнут пытке за то, что вынимал у Голицына след. Бунаков объяснял дело так: «Я взял землю в платок и завернул для того, что ухватил меня утин; и прежде сего то бывало, где меня ухватит, тут землю и беру» [22].

К этим враждебным выходкам против оберегателя присоединялось подкапывание под его клиента, нового гетмана малороссийского. Какие-то гультяи, по выражению Мазепы, распустили в Киеве слух, что гетман сносится с поляками, покупает в Польше имения. Киевский воевода Бутурлин отправил разгласителей в Москву, откуда их отослали к Мазепе в Батурин. По этому случаю гетман писал к Голицыну: «Прошу покорно благодетеля и заступника моего милостивого: как рукою своею возвел меня на уряд гетманский и милостиво, отечески обещал быть моим заступником и от напастей оборонителем, зная мою простую душу и простое сердце: так изволь по тому своему благодетельскому слову и вперед заступать и оборонять меня от таких опасных случаев. Никто не доведет, чтоб я в польской стороне хотел покупать маетности, этого мне никогда и на ум не приходило». Мазепа просит Голицына, чтоб позволено ему было пытать разгласителей этих слухов. Гетман догадывался, что киевский митрополит Гедеон не очень к нему расположен по своим приятельским отношениям к Самойловичу, знал, что сын митрополичий, молодой князь Четвертинский, жених дочери Самойловича, живет в Москве, и потому старался удалить его из столицы, заподозрив перед правительством. «Не без сожаления слышу, — писал Мазепа, — что князь Четвертинский, живя в Москве, говорит многие непристойные слова, бесчестит весь царского величества высокий сенат, никого себе не только высшего, но и равного не ставит и пакостными всякими словами укоряет, говорит и то, что он бывшего Самойловича снова на уряд его восстановит и всем его и своим неприятелям отмстит, и сюда в Малороссию к бывшей своей невесте пишет. А митрополит человек мнительный и, как вижу, на меня досадует, думая, что сын его по моему старанию отослан в Москву на всякое бесчестье; по митрополичьей досаде и киевский воевода Ив. Вас. Бутурлин ко мне неприязнен, ни

о чем ко мне не пишет, на две мои грамоты не отвечал ни слова. Четвертинскому в Москве, для избежания всяких ссор, нельзя быть». Мазепа просил, чтоб «для всякой осторожности и для страху своевольным» государи позволяли ему окружить себя наемными сердюками и драгунами[23].

При таких-то неблагоприятных для главных вождей условиях начался второй крымский поход. В феврале 1689 года 112 000 войска двигались в степь под главным начальством Оберегателя. 20 марта Голицын писал царям из Ахтырки, что «походу чинится замедление за великою стужею и за снегами, да и денежная казна по сие время в полк не присылана и ратным людям, рейтарам и солдатам дать нечего». Стужа и снега не остановили гетмана Мазепу, и первым делом его при свидании с Голицыным было челобитье, чтоб великие государи пожаловали его, гетмана, и все войско малороссийское, повелели в малороссийских городах на башнях и ратушах поставить государский герб. Голицын, разумеется, поспешил обнадежить Мазепу, что просьба его будет исполнена великими государями. В половине апреля получены были вести, что в степях нет пожаров, но что хан сбирается жечь траву в то время, как Голицын будет приближаться к Перекопи. Когда в Москве узнали об этом, то отправили Оберегателю грамоту, чтоб он, посоветовавшись с гетманом, послал знающих людей за Самару жечь степь вплоть до Перекопи и до турецких городков на Днепре: к приходу русского войска в те места поспеют новые травы. Голицын шел к Перекопи и в половине мая встретил хана с ордами. Варвары по своему обыкновению стремительно ударили на русское войско, но, обданные из пушек, ушли и не возобновляли более нападений, только на краю горизонта, спереди и сзади, как тучи, виднелись их толпы: хищники кружились над добычею, скифы заманивали врага в свои безвыходные степи.

Отбив хана, Голицын поспешил послать известие в Москву о своем торжестве, писал к правительнице, чтоб она помолилась о его благополучном возвращении. Софья отвечала: «Свет мой, братец Васенька! здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, божиею и пресвятые богородицы милостию и твоим разумом и счастием победив агаряне! Подай тебе, господи, и впредь враги побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна перед богом и недостойна; однако ж, хотя и грешная, дерзаю надеяться на его благоутробие. Ей! всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки неисчетные».

20 мая войска подошли к знаменитой Перекопи, к укрепленному за́мку, защищавшему ров, который прорезывал

перешеек: за Перекопью заветный Крым, цель похода. Но что такое Крым? Люди лучшие, опытнейшие, как, например, Гордон, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крым легко, только степная дорога к нему несколько трудновата. Голицын испытал эту трудность в первом походе, избежал ее во втором, достиг Крыма и тут только увидал, что не решен был заблаговременно главный вопрос: что такое Крым и как его завоевывать? Думали, что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победителя; не подумали об одном, что и за Перекопью та же безводная степь, как и на дороге к полуострову, что татары могут истребить все и заморить врага голодом и жаждою. Голицын стоял у Перекопи; надобно было брать крепость, а войско уже двое суток было без воды; спешили к Перекопи, думая, что тут-то будет конец лишениям, и что же увидели? С одной стороны Черное море, с другой Гнилое, везде вода соленая, колодцев нет, лошади падают, еще несколько дней — и как будет отступать, на чем везти наряд? Чтоб возвратиться с чем-нибудь назад, Голицын завел мирные переговоры с ханом в надежде, что тот, испугавшись нашествия, согласится на выгодные для России условия; но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя, и он повернул назад без мира; рады были одному, что в степи, в страшный зной, при мучительном томлении жажды, татары преследовали легко, не всеми своими силами[24]. Спустя два года с лишком после похода вышел из татарского плена смоленский шляхтич Поплонский и рассказывал: «Когда государевы ратные люди пришли к Перекопи, Нурадин салтан говорил отцу своему хану: для чего он против тех ратных людей из Перекопи нейдет, а если он, хан, идти не захочет, то он бы велел ему, Нурадину, выйти; и хан сказал: присылал к нему князь Василий Голицын для договору о мире, и он для того против тех ратных людей нейдет, а если это их желание не исполнится, то они, татары, его князя Василья и со всем войском, если станет приступать, в Перекопь пустят и без бою всех переберут по рукам, а иные и сами от нужды перемрут, потому что в Перекопи только три колодца воды пресной»[25].

Когда Голицын дал знать Софье о своем возвращении от Перекопи, то получил от нее следующее письмо: «Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что господь бог прославил имя свое святое, также и матери своея, пресвятые богородицы, над вами, свете мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведаша нам такого милосердия божия. Не хуже израильских людей вас бог извел из земли египетские: тогда чрез Моисея, угодника своего, а ныне чрез тебя, душа моя! Слава богу нашему, помиловавшему нас чрез тебя! Батюшка ты мой, чем платить

за такие твои труды неисчетные? Радость моя, свет очей моих! мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, врученные богу, к нам все дошли в целости. Из-под Перекопи пришли отписки в пяток 11 числа. Я брела пеша из-под Воздвиженского; только подхожу к монастырю Сергия чудотворца, к самым святым воротам, а от ворот отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла, идучи! Не ведаю, чем его, света, благодарить за такую милость его, и матерь его, и преподобного Сергия, чудотворца милостивого! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила; по всем монастырям бродила сама, пеша. А раденье твое, душа моя, делом оказуется. Что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилась; бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюся на милосердие божие; велит мне тебя видеть, надежда моя. Как сам пишешь о ратных людях, так и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и все мы здоровы. Когда, даст бог, увижу тебя, свет мой, о всем своем житье скажу. А вы, свет мой, не стойте, пойдите помалу: и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче всех твои, света моего, труды? Если б ты так не трудился, никто б так не сделал». Официально, от имени царей была послана Голицыну грамота: «Мы, великие государи, тебя, ближнего нашего боярина и оберегателя, за твою к нам многую и радетельную службу, что такие свирепые и исконные креста святого и всего христианства неприятеля твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано от наших царских ратей в жилищах их поганских поражены и побеждены и прогнаны, и что объявились они сами своим жилищам разорителями: отложа свою обычную свирепую дерзость, пришед в отчаяние и в ужас, в Перекопи посады и села и деревни все пожгли, и из Перекопи с своими поганскими ордами тебе не показались и возвращающимся вам не явились, и что ты со всеми ратными людьми к нашим границам с вышеописанными славными во всем свете победами возвратились в целости — милостиво и премилостиво похваляем».

Ослепленная страстию Софья была в восторге, что «свет ее» избег страшной опасности, возвратился поздорову из степного похода, где мог погибнуть со всем войском. Голицын казался ей вторым Моисеем, проведшим людей своих по дну морскому; ей представлялись только его труды, его опасности, в отбитии хана она видела действительно великий подвиг, великую победу. Но другие, и многие, имели право смотреть иначе на дело, имели право оскорбляться прославлениями, наградами за поход, не достигший своей цели, и это уже был второй такой поход. Современники не могли так

снисходительно смотреть на эти походы Голицына, как можем смотреть теперь мы, отдаленные от события более чем на полтораста лет.

Таково было участие России в священном союзе против турок. Результаты движений русского войска были ничтожны в сравнении с числом ратных людей, приготовлениями, издержками; но нельзя было сказать, чтобы походы эти были совершенно бесполезны, ибо они отвлекали крымского хана от подания помощи туркам в других местах.

Главное внимание правительства было обращено на юг: здесь хотели закрепить Малороссию Киевом и освободиться от позора дани татарской. Разумеется, что, имея в виду эти две цели, хотели жить в мире с Швециею, и в январе 1683 года были подтверждены условия Кардиского договора. Из сношений с другими государствами замечательны сношения с Пруссиею: в 1688 году позволена была свободная торговля бранденбургским подданным у Архангельска; в следующем году чрез посланника Чаплича заключен был договор с Прусским двором о свободной торговле между подданными обоих государств; по ходатайству того же Чаплича дана была царская грамота о дозволении приезжать в Россию и селиться французским эмигрантам евангелического исповедания, принужденным оставить отечество вследствие уничтожения Нантского эдикта. Чаплич «объявлял и на письме предложил, что королевское величество французской начал в государстве своем ближних и иных людей неволить в вере евангелической, и многих мучением из государства своего разогнал и, принуждая в неволю различными мучениями к католической вере, многих смерти предал, и, разлуча мужей с женами и детьми, держит в крепях, и которые, получа себе в чем свободу, бегут в разные окрестные государства, и к его курфирскому пресветлейшеству в державу прибежало тех изгнанных многое число, и впредь чает каких из Французского государства утеклецов многих же людей, а что за умножением для прокормления и избавы от такого гонения желают иные быть в подданстве у нас, великих государей, и мы изволили выслушать и выразуметь приятно». Выслушивать это было тем приятнее, что русские послы, князь Яков Долгорукий и князь Яков Мышецкий, отправленные во Францию в 1687 году, встретили там не очень лестный прием, потому что ездили с не очень приятным для великого короля делом, с объявлением о вступлении царей в священный союз против турок и с приглашением последовать их примеру. В Дюнкирхене явился к ним пристав с вопросом от имени королевского: «Не для упрямства ли какого приехали, и не будут ли в чем воле королевского величества противны?» Послы отвечали: «Такое странное вопрошение зело нас удивляет; мы присланы для любительных дел, а не для какого-нибудь сопротивления;

прежним посланникам таких необыкновенных вопросов не задавали». После первых переговоров с министром иностранных дел Людовик велел сказать послам, что дальнейшие переговоры не нужны, король понял, в чем дело, и пришлет свою ответную грамоту прямо к ним, послам, без дальнейших церемоний. Долгорукий отвечал, что это неслыханное дело: все государи отдают ответную грамоту сами послам, и они, послы царские, не примут грамоты иначе, как из рук королевских. На это был ответ, что король вельми яростен, обещает послам учинить великое бесчестие и указал их отпустить назад до французского рубежа, до города Дюнкерка. Долгорукий сказал на это, что не только королевский гнев, но и самая смерть не может их принудить взять грамоту у себя на дворе. Людовик прислал подарки — послы их не приняли. *Мастер церемоний* говорил послам, что если они не примут даров, то король велит покласть их в возы силою; послы отвечали, что они не только даров, но и возов тех при себе никогда иметь не будут: «Королевский гнев страшен нам по вине, — говорил Долгорукий, — а без вины вовсе не страшен: должны мы прежде всего взирать на повеление государей своих». Французы уступили, объявили послам, что министр иностранных дел опять будет иметь с ними разговор, только не в Париже, а в С. Дени, и потом король примет их в Версали. Послы переехали в С. Дени и здесь 22 августа имели разговор с министром. Послы предложили, чтоб и французский король вступил в союз против турок, по призыву самого спасителя: «Идеже два или трие во имя мое собрани, ту и аз посреде».

Министр отвечал: «Государь мой с их царским величеством в братской дружбе и любви быть желает, за союз против врага креста святого благодарствует и желает всем христианским союзникам победы; только приказал его королевское величество объявить вам свое намерение, что ему теперь в союз с христианскими государями вступить невозможно, ибо король знает из газет, что христианские войска уже одержали победу над неприятелем, и если теперь королю вступить в союз и войска против турок послать, то ему последняя будет слава. Государь наш монарх великий ищет короне своей собственной славы, чтоб его войска находились не под иным чьим регементом, только под его. Да и для того король не может вступить в союз: в прежние годы он посылал свои войска на помощь цесарю против турок; только тем войскам от цесарских войск было великое утеснение, ставили его войска в полях в худых местах, где не только живности, и хлеба достать было нельзя, а к неприятельским саблям посылали их прежде себя; потери французские войска потерпели страшные, а славы не получили никакой, вся слава досталась цесарю, от которого никакого воздаяния за то

не было. Когда турки приходили под Вену, король наш предлагал цесарю войска на помощь, но цесарь этой помощи принять не хотел, неизвестно по какой причине. Венецианам на помощь король посылал 8000 войска, когда была война в Кандии и Морее, но венециане эти войска в битвах выдавали, и королю от того никакой славы не выросло. У поляков войска мало, в прошлую войну с турками много они своего войска потеряли; а у нашего короля войска много и может он своею особою победу над турками одержать. Между вашими государями и нашим расстояние дальнее, войском король никак им помочь не может, да и без всякой помощи цари могут одержать победу». Наконец министр объявил прямо: «Королю нельзя приступить к союзу, потому что между ним и цесарем исконная, всегдашняя недружба, а с султаном всегдашний мир и крепкая дружба; подданные королевские, торговые люди с турками имеют великие торговые промыслы, и если с турками разорвать, то французской земле будет разорение. Какой бы разум и славу король оказал на весь свет, если б стал помогать недругу на друга; этого король никогда не сделает».

— «Что лучше, — возразили послы, — союз с христианами или мир с бусурманами? Королевские люди от войны с турками не разорятся, потому что под турецким игом не находится столько торговых людей бусурман, сколько христиан греков. Турки от союза всех христианских государей обратятся в бегство, христиане получат свободу от их ига и будут иметь свои торговые промыслы, отчего французы получат больше прибыли, чем теперь от бусурман».

— «Государь мой, — отвечал министр, — служил государству своему много лет со всякою славою высокоразумными поступками; а теперь поступил бы не так разумно, если б без всякой причины с турками мир разорвал и помог тому, от кого впредь ожидает государству своему всякой противности».

Послы говорили, что если король не хочет вступить в союз, то, по крайней мере, не мешал бы союзникам. Министр это обещал.

После этих разговоров послы ездили в Версаль к королю на отпуск, но здесь новое затруднение: в грамоте королевской царям было пропущено: «великим государям». Послы требовали, чтоб грамота была переписана, им отказали под предлогом, что король никому такого титула не дает и сам себя так не называет; послы не взяли ни грамоты, ни даров королевских. Мастеры церемоний говорили, что королевскому величеству ни от кого в том таких досадительств прежде не было. Пристав и все королевские люди с посольского двора съехали. Послы жили в С. Дени на свои деньги, купили лошадей и сбирались ехать, как им было наказано, в Испанию;

послали к министру, чтоб выхлопотал у короля им пропуск через Францию. Пришел ответ: король отпускает вас на свои деньги в Гавр, а оттуда велит отвезти на военном корабле до испанского города Савостьяна (С. Себастиан), а сухим путем ехать не позволяет. По прибытии в Гавр послы узнали, зачем назначена была им эта дорога: им предложили принять дары королевские; если же не примут, то в Испанию их не повезут, а пусть остаются одни в Гавре, как хотят. Послы приняли подарки.

Легко понять, какое впечатление произведено было на московский двор донесением Долгорукого, и вот после того являются в Москву два французских иезуита, Авриль и Боволье с грамотою от Людовика XIV, в которой тот просит высочайших, превосходительнейших, державнейших и великодушнейших князей Иоанна и Петра Алексеевичей пропустить иезуитов чрез Россию в Китай. Голицын принял иезуитов очень хорошо, дал им понять, что если б от него зависело, то желание великого короля было бы исполнено, но... Вследствие этого то 31 января 1688 года иезуитов призвали в Посольский приказ и объявили волю великих государей: «Королевское величество французский в грамоте своей, которую вы объявили, писал противно и необыкновенно, и для того великие государи этой грамоты принять у вас и чрез города Великороссийского царства в Китай пропускать вас не указали, а указали грамоту отдать вам назад и отпустить в свою сторону тою же дорогою, какою вы приехали. Да и для того великие государи вас пропустить не указали: когда у короля вашего были царские послы, тогда государь ваш во время посольства их показал многую противность с бесчестием на сторону их царского величества».

В Испании Долгорукий встретил почетный прием, уверения, что король находится в постоянном союзе с императором, помогает ему казною и войском. По незнанию состояния европейских держав и отношений между ними послам было наказано пригласить французского короля к союзу с императором против турок, а у испанского короля — попросить взаймы миллиона два или три ефимков! Ответ был, что за великими расходами и оскудением казны дать денег никак нельзя [26].

Сближаясь с Западом, вступая в священный союз христианских держав против неверных, чтоб окончательно стряхнуть позорные остатки татарского ига, спешили, разумеется, прекратить столкновения на отдаленном востоке, столкновения с китайцами, происшедшие вследствие занятия козаками стран приамурских, которые богдыхан считал своими. Прекратить эти столкновения было необходимо и потому, что государство не имело никакой возможности посылать значительные рати за Камень, в неведомые страны, а козацкие

отряды, способные принуждать к ясаку малочисленные, разбросанно живущие роды сибирских туземцев, оказывались несостоятельными пред многочисленными ополчениями Срединного государства.

Албазинские козаки поставили городки по Амуру, ходили на промыслы, били китайских данников, брали с них ясак. Китайцы писали к албазинскому воеводе Алексею Толбузину, чтоб он вышел из Албазина в свою землю, в Нерчинск, пусть русские промышляют соболей и других зверей в своих местах, около Нерчинска, а по Амуру вниз не ходят. Толбузин, разумеется, не послушался. В 1685 году 12 июля явилось под Албазин большое китайское войско и взяло город; Толбузин со всеми людьми был отпущен по договору. Китайцы ушли, не снявши хлеба; чтоб снять его, нерчинский воевода Власов отправил опять Толбузина с албазинцами, велел им сделать хотя малую крепость, где пристойно, из-за этой крепости снимать хлеб с полей и, снявши хлеб, поставить в удобном месте новый острог или город ниже старого Албазина, чтоб неприятелю было не в уступку. Толбузин снял хлеб и возобновил старый Албазин. В июне 1686 года город был достроен, а в июле уже опять пришли к нему китайцы, в числе 5000 с сорока пушками. Защитников было не более 1000 человек. Воевода Толбузин был ранен пушечным ядром и от ран умер. В это время шел туда из Москвы окольничий Федор Головин с войском, но в месте и в значении великого полномочного посла. В Пекин отправлены были гонцы известить китайское правительство о приближении Головина. Узнавши об этом, богдыхан послал своим воеводам приказ не приступать более к Албазину, а весною 1687 года, боясь прихода Головина с войском, китайцы отошли от Албазина вниз по Амуру версты с четыре, и албазинским сидельцам, которыми по смерти Толбузина начальствовал козачий голова Афанасий Байтон, открылась возможность ходить вверх по Амуру; тридцатого же августа китайцы отступили совершенно от Албазина к устью реки Зии.

10 октября Головин получил из Москвы статьи, по которым он должен был вести мирные переговоры с китайцами: 1) настаивать, чтоб между русскими и китайскими владениями границею была написана река Амур; если китайцы не согласятся, то постановить границу рекою Амуром по реку Быструю или Зию. 2) Если и на это не согласятся, домогаться всячески, чтоб быть границею Албазину. 3) Если и этого не захотят, согласиться, чтоб в Албазине острогу и поселению с обеих сторон, русской и китайской, не быть, нынешнее строение снесть и ратных людей вывесть, чтоб вперед у албазинских жителей с богдыханскими подданными ссор не было, но чтоб русские промышленные и служилые люди могли свободно промышлять в албазинских местах, также по рекам

Быстрой и Зии. Настаивать на эту статью, и если будет надобно, то дать китайским уполномоченным государева жалованья, только тайно, с прилежным рассмотрением, чтоб не было к умалению чести великих государей. 4) Если и на это не согласятся, то отложить заключение мира до другого времени и постановить, чтоб до окончания переговоров русские люди свободно промышляли в означенных местах. 5) Говорить с китайскими уполномоченными пространными и любовными разговорами, приводя их к тому, чтоб договор постановить по первой статье, по нужде по второй, а по самой конечной мере по третьей, а войны и кровопролития, кроме самой явной от них недружбы и наглого наступления, отнюдь не начинать. 6) Разведать подлинно и рассмотреть, каковы китайские люди к войне, какой у них бой, в каком числе, каким ополчением и строем ходят, и воинские промыслы чинят полевыми ль боями, или водяными путями, или приступами и осадами городов и крепостей, и к чему больше охочи и привычны, и на какой народ в воинских поведениях похожи?

Только 9 августа 1689 года добрался Головин до Нерчинска, под которым уже стояли китайские великие послы. Для посольских съездов разбиты были наметы в поле: разбивал их сын боярский *Демьян Многогрешный,* бывший гетман Войска Запорожского. Для уговоров, как производить съезды, явились к Головину два посланца от китайских послов. Посланцы были в китайском платье, китайских шапках, с бритыми головами, с косами, поклонились по-китайски, но стали спрашивать, нет ли при после толмача, знающего латинский язык, они бы стали говорить по-латыни; переводчик нашелся. Оказалось, что посланцы были отцы-иезуиты, один испанец Перейра, другой француз Жербильон; они просили извинения у Головина, что поклонились по-китайски, а не так, как водится у христианских народов: что ж делать! находятся они в китайской службе, и теперь с ними приехал китаец: чтоб не возбудить подозрения европейским поклоном!

В одно время с китайскими послами подъехал Головин к наметам, в одно время с ними вошел в наметы: русские сели в кресла, китайцы, поджав ноги, поместились на широкой скамье, покрытой войлоками, иезуитов посадили поодаль на малой скамье; переговоры велись на латинском языке.

Головин начал жалобою, что китайское правительство, не обославшись, начало войну, требовал, чтоб теперь все было успокоено, взятое возвращено. Китайцы отвечали, что русские козаки, Хабаров с товарищами, пришли в Китайскую землю, построили Албазин и в продолжение многих лет делали китайским ясачным людям нестерпимое насилие; богдыхан послал войско, которое взяло Албазин, но воеводу Толбузина отпустили, потому что он обещался назад не приходить, нового города не строить, ссор и задоров не заводить. Обещание

не было исполнено; богдыхан опять послал войско под Албазин, но, как скоро узнал о приближении великого посла для мирных переговоров, велел войску отойти от Албазина; а земля, на которой построен Албазин и вся Даурская страна, принадлежит Китаю. Головин возражал, что если были какие-нибудь обиды со стороны русских людей, то богдыхану следовало дать знать об них великим государям, как ведется у всех народов, а не начинать прямо войны. Земля, где построены Нерчинск, Албазин и другие острожки, никогда во владении богдыхана не бывала, жившие на той земле ясачные люди платили ясак в сторону царского величества; и если когда-нибудь в древние времена и платили они ясак богдыхану, так делали они это поневоле, потому что те места были тогда от русских городов в дальнем расстоянии; а когда царского величества подданные построили в тех местах Нерчинск, Албазин и другие острожки, тогда даурские жители по-прежнему начали платить ясак в сторону царского величества.

Китайцы утверждали, что по реку Амур русские никогда не владели, что вся страна по сю сторону Байкала моря принадлежит богдыхану, ибо она принадлежит мунгальскому хану, а мунгальцы все издавна подданные китайские. Наконец дело дошло до точнейшего определения границ. Головин объявил, что границею должна быть река Амур до самого моря: левой стороне быть под властию царского величества, а правой — богдыханова. Китайцы возражали, что река Амур во владении богдыхана от самых времен Александра Македонского. Головин отвечал, что об этом хрониками разыскивать долго, а после Александра Великого многие земли разделились под державы многих государств. Китайцы, оставя Александра Македонского, предлагали границу до Байкала и упорно стояли при ней, грозя приходом своих ратных людей под Албазин. Головин заметил им, что при посольских съездах не обычай грозить войною, и если они хотят войны, то пусть объявят прямо. Это велел он перевести на мунгальский язык, заподозрив иезуитов, что они, переводя с латинского на китайский, многие слова прибавляют от себя. Подозрение подтвердилось, когда китайцы отвечали, что они велели иезуитам говорить только о границе, а не о войсках. Но и на мунгальском языке китайцы стояли крепко за границу по Байкал; Головин должен был предложить им границу по реку Быструю; китайцы предложили границу по Нерчинск: левой стороне, идя вниз по реке Шилке к Нерчинску, быть за царями, а правой стороне до реки Онона и реке Онону быть за богдыханом по реку Ингоду. Китайцы на этом остановились и начали толковать о прекращении переговоров. Головин предложил границу по реку Зию. Китайцы, посмеявшись между собою, отвечали, что они на такую границу согласиться

не могут. На переговоры было употреблено два съезда, после чего китайцы велели снять свои наметы с съезжего места, объявляя, что больше съезжаться не станут, потому что больше уступить ничего не могут. Но это была только угроза: в Нерчинск приехали иезуиты с вопросом, какая будет новая уступка со стороны Головина? Тот отвечал, что никакой. Иезуиты тайно говорили толмачу Андрею Белободскому, чтоб Головин немедленно объявил о своей последней мере: «Мы, — говорили иезуиты, — приводим китайцев ко всякой склонности, а то они обычаев политичных государств не знают и к войне склонность немалую имеют, и поставить границу по реку Зию никогда не согласятся». Белободский отвечал по приказу Головина, что за их радение милость великих государей им будет, а войны русские не боятся.

В это время Головину дали знать, что китайские послы сносятся с окрестными бурятами, и те хотят изменить великим государям, согласясь с китайцами, учинить над Нерчинском воинский промысел. Приехали опять иезуиты и предложили уступку со стороны китайских послов: быть рубежу вниз по реке Шилке, по реку Черную: правая сторона останется за китайцами, левая за русскими, а от Нерчинска до реки Черной ходу семь дней. Головин отвечал, что ниже Черной реки по обоим берегам Шилки построены русские острожки, которых уступить нельзя; Албазин стоит ниже Черной, от него до этой реки будет также дней семь или больше ходу. Иезуиты объявили, что богдыхан наказал своим послам никак не оставлять Албазина в русской стороне, об этом и помину быть не может; есть там еще Аргунский острог, но в нем большого поселения нет и потому русским нетрудно уступить его в богдыханову сторону. Головин отправил к китайским послам Белободского с чертежом, чтоб китайцы показали на нем границу, только не реку Черную. Китайцы отвечали, что кроме реки Черной другой границы они постановить не могут. Белободский по возвращении донес Головину, что китайцы из обоза перебираются на суда. Но приехали иезуиты с новым предложением: быть границе по реке Горбице на пути между Нерчинском и Албазином. Иезуиты объявили тайно, что это уже последняя мера.

Вслед за тем Головину дали знать, что ясачные буряты и онкоты беспрестанно ссылаются с китайскими послами, чтоб быть им под властию богдыхана; китайские послы объявили им, что в то время, как китайцы пойдут за Шилку к Нерчинску, буряты и онкоты должны отогнать из-под города конские табуны и рогатый скот. Головин, «видя соглашение китайских послов с изменниками и великое упорство в определении границ, боясь, чтоб китайцы, по объявлении войны, не побрали всех ясачных иноземцев в свое владение и не разорили Даурской земли», отправил к китайцам

опять Белободского с предложением границы по Албазин и промыслы иметь в зийских местах сообща. Китайцы не согласились, а предложили постановить границею реку Аргунь, Албазин должен отойти в китайскую сторону, а люди из него с оружием и запасами выйдут свободно. Головину дали знать, что многие бусы перешли от китайского табора и начали ставиться на ключах ниже Нерчинска. Головин, видя, что китайцы начали делать приготовления к войне, боясь, чтоб не разорили с изменниками Нерчинского уезда и не взяли в свое владение всех ясачных тунгусов, юрт с 400, живших вверх по реке Нерче, опять послал Белободского объявить китайцам, что соглашается постановить границу на том месте, где построен Албазин, в Албазине городу и поселению никакому не быть с обеих сторон, нынешнее строение разорить и ратных людей вывезть. Китайцы не согласились, говоря, что своевольники русские люди соберутся и построят хотя и не в том самом месте, но близ Албазина другие крепости и станут воровать по-прежнему: и Албазин они построили своровавши, без царского указа. Когда Белободский потребовал, чтоб послы не переманивали к себе ясачных людей, то китайцы со смехом отвечали, что они их не переманивают, и пусть Головин сам с ними управится, велит своим ратным людям смирить их; китайцы смеялись, зная, что у Головина мало ратных людей, а изменников гораздо больше.

Вслед за этим китайские послы сели на бусы и поплыли вниз по реке Шилке; вокруг Нерчинска по горам появилось тысячи с три вооруженных китайцев, которые стали с знаменами против самого города и на горах, в полверсте от Нерчинска, поставили палатки и развели по полю караулы. Головин послал Белободского спросить китайцев: что это значит? — А сам с стрелецкими полками вышел из города в ожидании боя; засесть в Нерчинске было нельзя: острог был очень мал и худ и к воинскому промыслу безнадежен, многие бревна подгнили Китайцы прислали с Белободским последнюю меру: быть границею реке Горбице, которая впадает в реку Шилку близ реки Черной, а с другой стороны быть границе по реку Аргунь и вверх Аргуни до реки Большого Годзимура, которая впадает с левой стороны; Аргунский острог снесть и на Аргуне никаких крепостей и поселений не иметь, Албазин разорить, а с китайской стороны в этом месте никакого поселения не будет. Белободский объявил Головину, что видел многих изменников бурят и онкот: стоят вооруженные вместе с китайцами на караулах.

Между тем буряты и онкоты все продолжали переправляться за реку, к китайцам. Боярский сын Демьян Многогрешный с отрядом отправлен был уговаривать их возвратиться под царскую державу; но они ни в какие переговоры не вступили и начали стрелять; Демьян вступил с ними в

бой и взял в плен трех человек: большого поиску над изменниками по малолюдству сделать было нельзя, а между тем 2000 вооруженных изменников стали вверх по Нерче реке версты за полторы от города подле китайских караулов, в которых число людей становилось все больше и больше, а китайские послы толковали, что они посольским переговорам никакого препятствия не делают, караулы ставят для своей безопасности, до изменников им дела нет, пусть с ними Головин, как хочет, переведывается: последнее продолжали говорить, пересмеиваясь.

«Видя китайских послов многое упорство, измену бурят и онкот; боясь, чтоб по их примеру не изменили и тунгусы и не разорили бы, по согласию с китайцами, всей Даурской земли, не побрали бы всех ясачных иноземцев, кочующих у Байкальского моря; усмотря совершенно склонность китайских послов к войне, слыша от промышленных и служилых людей даурских острожков, что между Албазином и рекою Горбицею мало годных земель к поселению, а промыслов соболиных и других никогда в тех местах не бывало; желая рудокопное место, где сыскана серебряная руда, удерживать в царской стороне, также соленое озеро и многие пашенные места на той стороне реки Аргуни», Головин 23 августа отправил Белободского объявить китайским послам, что соглашается постановить границею реку Горбицу и город Албазин разорить до основания с тем, чтоб на этом месте не было никогда ни русского, ни китайского поселения. А по правую сторону реки Шилки, с Аргунского устья идучи до вершины рекою Аргунею вверх — на правой стороне земле содержаться в стороне царского величества; а левой стороне — в стороне богдыхановой.

Китайцы согласились и прислали к Головину иезуитов для окончательных договоров; но тут открылись новые затруднения. Головин определял границу таким образом: от реки Горбицы с вершины до самого моря прямо Камнем, который лежит подле реки Амура; из того Камня-покати к реке Амуру и реки, которые впадают в Амур, отходят в сторону богдыхана; а на другой стороне того же Камня-покати и реки, которые лежат в полночной стороне, отходят в сторону царского величества. Иезуиты объявили, что китайские послы на это никак не согласятся. Уезжая от Головина, иезуиты отдали тайно Белободскому письмо на французском языке: они просили Головина прислать им соболей, горностаев, лисиц черных на шапки, вина доброго, кур, масла коровья. Головин послал сорок соболей на 80 рублей, сто горностаев на 10 рублей, лисицу чернобурую в 10 рублей — это из царской казны, да от себя Головин послал лисицу черную в 15 рублей, сорок горностаев в 4 рубли, полпуда масла коровья, 15 кур, ведро вина горячего. Иезуиты отдарили двумя готоваленками, в

которых было по ножу, по ножницам и по размерцу ценою по 10 алтын, двумя портретами французского короля на бумажных листах и книгою (книгу французского короля Вирсалии, напечатанную).

Головин настаивал, чтоб написать границу по договору, а спорные места близ моря у амурского устья оставить без определения по реку Удь до другого, более удобного времени, ибо местность у амурских устьев ему неизвестна. Китайцы настаивали, чтоб положить границу от вершины реки Горбицы прямо камнем до моря, до места, называемого Святой Нос. Так же не хотели писать в договоре, чтоб в Албазине не было никакого строения, на том основании, что это дело незначительное. Наконец китайцы уступили в первом пункте, русские во втором; написали договор, где определили границы так: «Река, именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку с левой стороны близ реки Черной рубеж между обоими государствы постановить такожде от вершины тое реки каменными горами, которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам даже до моря протяженными обоих государств державу тако разделить, яко всем рекам, малым или великим, которые с полдневые стороны с сих гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства, такожде всем рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем быти под державою царского величества Российского государства, прочие ж реки, которые лежат в средине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатся близ Амура владения Хинского государства и впадают в море, и всякие земли посреди сущие меж тою вышепомянутою рекою Удью и меж горами, которые до границы подлежат, не ограничены ныне да пребывают, понеже на оные земли разграничение великие и полномочные послы, не имеющие указа царского величества, отлагают не ограничены до иного благополучного времени. Такожде река, реченная Аргунь, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако яко всем землям, которые суть с стороны левые идучи тою рекою до самых вершин под владением Хинского хана да содержитца правая сторона, такожде все земли да содержатца в стороне царского величества Российского государства и все строение с полдневые стороны той реки Аргуни снесть на другую сторону тое ж реки. Город Албазин, которой построен был с стороны царского величества, разорить до основания и тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасы да изведены будут в сторону царского величества».

Внутри государства важные преобразования, замышлявшиеся при царе Феодоре, были остановлены смутою, начавшеюся тотчас после его смерти. Мы видели, что в конце цар-

ствования Феодора были вызваны в Москву выборные со всего государства, два человека от каждого города, для разборов и уравнения всяких служб и податей. Тотчас по смерти Феодора этих *двойников* распустили по домам и от имени Петра разослали грамоты к воеводам: «Указали мы всех двойников отпустить по домам; а им, приехав, в тех городах и пригородах, в уездах, во всех слободах и в волостях и в селах, с земскими старостами и иных чинов с тамошними жилецкими людьми, в таможни и на кружечные дворы и к иным сборам нашей казны выбрать между собою в головы и в ларешные целовальники, из каких чинов наперед сего у тех сборов бывали и ныне сбирают, самых добрых и правдивых людей; а ты бы (воевода) в тех выборах всякое им вспоможение чинил, а ни для чего в те выборы тебе не вступаться и помешки им не чинить» [27]. К чему повел вызов двойников, с какими наказами они возвратились, не знаем. Видим в грамотах прибавку, чтоб воевода не вступался в выборы и не делал им препятствий; но мы знаем, что уже давно воеводам запрещено было вступаться в выборы; повторение запрета показывает, что воеводы не обращали на него надлежащего внимания. Жители Вятской области выпросили у царя Алексея право во всех своих городах иметь подьячих по мирским выборам: но в июне 1682 года прислали челобитную: «Вопреки царскому повелению сидят у нас подьячие без мирских выборов, по подписным челобитным и по накупам чинят нам налоги и утеснение, от письма берут лишние взятки, и от тех их налогов и лишних взяток разорились мы вконец напрасно и вятские уезды пустеют». Государи, разумеется, велели быть подьячим по мирским выборам. Дело о крестьянах, дворовых людях и закладчиках, которые поселились в городах для промыслов, тянулось. Мы видели, что по Уложенью все они были закреплены за городами *тянуть* вместе с посадскими людьми. Но после Уложенья подобные люди, отбывая крепостной зависимости, уходят от помещиков и вотчинников в города, занимаются здесь промыслами и тянут вместе с посадскими людьми. Происходит новое столкновение интересов: помещики и вотчинники требуют беглецов назад; посадские люди бьют челом великому государю, чтоб их не отдавать, потому что без них тяжело будет тянуть, подати не будут уплачиваемы. Страшная угроза для правительства, и правительство оттягивает беглецов. Царь Алексей Михайлович указом 1655 года не велел отдавать их прежним владельцам. Правительница Софья 17 декабря 1684 года указала: тех людей, которые живут в посадах и слободах по торговым и рукодельным промыслам и по женитьбам, женившись на посадских тяглых вдовах и девках, и по посадским дворам и по градскому житью, и которые написаны в переписных книгах 1678 года, и которые в тех книгах не написаны

для отъездов торговых и ремесленных промыслов, а иные пришли после переписных книг, — и тем пришлым людям жить в посадах бесповоротно и тягло всякое платить, службы служить с посадскими людьми, а помещикам и вотчинникам и всяких чинов людям их в крестьянство и холопство не отдавать, а которые крестьяне придут после указа 17 декабря 1684 года, тех искать судом [28].

Уезды не переставали пустеть; в Москву доносили: «Мимо Верхотурья и Верхотурского и Тобольского уездов, через слободы из русских и из поморских городов беглых крестьян с женами и детьми прошло многое число» [29]. Бежит крестьянин подальше за Камень, чтоб не сыскали, потому что бегство — единственное средство спасения от насилий сильного; вступая в крестьянство, он дал на себя запись, где выговорены все его обязанности и не выговорено никакого обеспечения против обид господина; вот эта запись: «Я, Иван Кондратьев сын Большаков, дал на себя сию ссудную запись стольнику Ив. Григор. Неронову, взял я, Иван, у него на ссуду денег 10 рублев, и на те ссудные деньги мне завесть всякий крестьянский завод, и с тем заводом жить мне за ним государем своим в крестьянстве, где он, государь, укажет, а буде жить не стану и всякого завода не заведу и из-за него куда сбегу, и ему взять те свои ссудные деньги на мне, а крестьянство и впредь крестьянство, и вольно ему меня продать и заложить и самому владеть». Негодяи пользовались доверчивостию крестьян, чтоб поднимать их против крепостной зависимости. В сентябре 1682 года, в Белгородском уезде, в вотчине митрополита белгородского, в селе Новой Слободке с деревнями, крестьяне чинили между собою советы, и в колокола на бунт били, и в круги сходились и белгородского пристава, который посылан был за ними, били и вязали и наказную память отняли, к митрополичью двору приходили, посельского старца и домовых людей побить хотели; из Белогорода посыланы за ними начальные люди с стрельцами, и они им взять не дались. Пятеро крестьян приехали в Москву с челобитьем, чтоб им за митрополитом в крестьянстве не быть; их здесь схватили и послали в Курск для розыску. Оказалось, что белгородец Федька Озеров, приехав из Москвы, научил крестьян бить челом о свободе и просил с них 20 рублей, говорил: станет им всего небольшое, по гривне с двора, и ныне на Москве время, от крестьянства вас отставят; а у него, Федора, в Москве, в патриаршем разряде, дядя дьяк Анисим Озеров ту их челобитную донесет до великих государей и то дело сделает. Озеров и митрополичий крестьянин Трошка Чепурный, более других принимавший участие в бунте, повешены; другие бунтовщики, всего 27 человек, биты кнутом на козле и в проводку нещадно и отосланы к митрополиту в крестьянство по-прежнему.

По старой печальной пословице, когда волки дрались, с овец шерсть летела. Боярин Петр Васильевич Шереметев жил не в ладах с князем В. В. Голицыным, и управители дворцовых волостей позволяли себе все с крестьянами Шереметева: дворцового села Дунилова воевода Шишкин с головою таможенного и кружечного двора, со всеми крестьянами и солдатами, с бердышами, топорками, дубинами и копьями ворвался в шереметевское село Горицы на богомольную ярмарку на праздник Рождества богородицы: что на боярском дворе боярской сборной казны было, все грабежом побрал без остатку, а крестьян били, увечили, что на ком было денег и одежи, все взяли. Горицкие крестьяне, разумеется, били челом на насильников; но по России ходила также пословица, что «на Москве дела даром не делают».

Приехал в 1683 году в Москву слуга Прилуцкого монастыря по делам в Стрелецком приказе и внес в роспись расходов: дьяку несено деньгами 10 рублев, пирог, голова сахару, семга, гребень резной, полпуда свеч маковых, два ведра рыжиков, людям его два алтына. Старому подьячему деньгами 28 рублев, пирог, ведро рыжиков, людям его четыре деньги. Молодому подьячему деньгами три рубля; да ему ж с дьячьим племянником в погребе выпоено церковного вина на семь алтын. В приказе Большие Казны старому подьячему от справы, от памяти, что отпустил в Стрелецкий приказ, несено пирог да семга. Молодому от письма от памяти десять денег[30].

Где дело идет об отношениях между сильным и слабым, встретите то же, что и в крестьянской записи. Девочка-сиротка живет у замужней сестры, тяжело содержать лишнего человека, и вот старшая сестра и муж ее отдают девочку в услужение чужому человеку; пишется запись, в которой предусмотрительные и нежные родственники выговаривают, чтоб чужой человек не только содержал девочку за ее работу, но и устроил ее судьбу с ее согласия: «Я, такой-то, и жена моя отдали, я свою свояченицу, а она свою сестру девицу такому-то жить во дворе его до возраста; а как она будет на возрасте, и ему дать ей приданого по силе и выдать замуж за вольного человека или за кого она похочет. А живя, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одевать и обувать»[31]. Ей — вести себя хорошо, а ему только кормить, одевать и обувать, вести же себя хорошо в отношении к ней — этого не считали нужным выговаривать.

Пред нами продолжает развертываться прежняя картина юного общества, не выработавшего сдержек для сильных людей. Сильные живут порознь, *особе,* и ведут войну друг с другом: правительство ведет кровавую борьбу с ними, но

гидра растет под ударами, меч притупляется, надобны другие средства.

В Калуге к съезжей избе приезжает помещица Марфа Кишкина, привозит мертвое тело мужа своего, бьет челом: в деревню мою Чувашеву на огород приехал сосед Иван Кондырев с людьми своими и крестьянами, нарядным делом и начал ломать изгороду нашу и жечь; муж мой вышел и стал ему говорить, чтоб не ломал и не жег, а он, Иван, убил его за это до смерти. Тело осмотрели и записали; воевода послал за убийцею, чтоб ехал в Калугу; но Кондырев не поехал; не было у воеводы мочи сладить с сильным человеком. Вдова подождала, видит, что в Калуге добиться ничего нельзя, взяла мертвое тело и повезла в Москву в Сыскной приказ. Здесь опять тело осмотрели, записали и дали управу. Свидетели показывали, что сам Кондырев Кишкина не бил, били люди его. Кондырева били кнутом нещадно и сослали в Сибирь с женою, но не с детьми, одно поместье его отдано вдове Кишкиной, другие оставлены детям преступника[32]. За этим делом другое в том же роде: поссорились также за землю два помещика Левашов и Пущин; Пущин пожег у Левашова скирды ржи и сена; Левашов рассердился и послал сыновей своих и крестьян убить Пущина, что и было исполнено. Преступник потерял за это голову[33]. Поссорившись за землю, помещики бьют друг друга; понятно, что они не спустят межевщикам, когда им покажется, что те межуют не к их выгоде. В 1686 году пришла жалоба от межевщиков, что дети боярские и козаки, помещичьи и вотчинниковы люди и крестьяне, скопясь многолюдством, бунтом, со всяким оружием на них приходили, с земли их сбили, мерять не дали, верви поотнимали и разорвали, а иных межевщиков и подьячих и людей их били[34]. Правительство отправило дворян добрых для розыску, виноватых велено бить кнутом на козле и в проводку нещадно; по розыску наказанье чинено, и, несмотря на то, жалобы межевщиков не прекращаются.

Священникам по-прежнему не было пощады от сильных людей. В 1684 году новгородский митрополит Корнилий получил такую челобитную от помещиков Новоторжского уезда, прихожан церкви Илии пророка на прихожанина той же церкви Сверчкова, на сына его и племянников: «У нас в приходе нашего священника Васильева он, Сверчков, с сыном и племянником от церкви божией сгоняет: племянник его прибил того нашего священника до крови, и оттого в церкви Илии пророка службы не было многое время. Да сын его, Сверчкова, приведши того священника на паперть, раздевал дважды, хотел бить плетми, да в то же время дьячка и пономаря бил плетми до полусмерти, неведомо за что». В 1688 году священник Иаков из Арзамасского уезда объявил, что Иван Ржевский звал его к себе в дом петь молебна и обедать с по-

падьею его. Прилучился тут Петр Шадрин; после обеда попадья его пошла домой, и на улице люди Шадрина, по приказу господина своего, попадью его били и увечили до полусмерти; он вышел попадьи своей отнимать, и его били же и увечили. И, пришедши домой, попадья его от тех смертных побой стала быть при смертном часе; он послал сына своего в вотчину Михайла Аргамакова за попом Варфоломеем, чтоб он попадью его исповедал и причастил. Поп Варфоломей приехал, а его, попа Иакова, в то время дома не было, был у Петра Шадрина и от него, Петра, пошел к себе домой; и в то время выбежал на улицу с Петрова двора Шадрина сын Ивана Ржевского Афанасий с людьми своими, и его, попа Иакова, били и увечили и пошли к нему на двор, а за ними пошел к нему и Петр Шадрин с людьми. Поп Варфоломей исповедовал в клети попадью, и Афанасий Ржевский, ухватя попа Варфоломея за епитрахиль, из клети вытащил и начал с людьми своими и с Петровыми бить и увечить, оставил чуть жива, и тайну Христову всю пролил под ноги и ногами потоптал, а бил Варфоломея, приговаривал: «Ты поп Михайла Аргамакова: почто к нам с дарами в приход ездишь? Что было тебе, то будет и Петру Аргамакову с сыном» [35].

Мы видели, как русские люди страдали от разбойничества, для усиления которого было много благоприятных условий; мы встретили известие, что строитель пустыни участвовал в разбойничестве: в описываемое время встречаем новое поразительное известие. В 1688 году князь Яков Лобанов-Ростовский да Иван Микулин ездили на разбой по Троицкой дороге разбивать государевых мужиков с царскою казною; мужиков они разбили и казну взяли себе, двух человек убили до смерти. Про то их воровство розыскивано, и по розыску князь Яков Лобанов взят с двора, привезен к Красному крыльцу в простых санишках, и учинено ему наказание: бит кнутом в жилецком подклете, по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой да отнято у него бесповоротно 400 дворов крестьянских, а человека его калмыка да казначея за то воровство повесили; Микулин бит кнутом на площади нещадно, сослан в Сибирь, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно [36].

Встречаем целый ряд известий о преступлениях, совершенных людьми из честных родов; в 1684 году учинено наказанье Петру Васильевичу Кикину: бит кнутом перед Стрелецким приказом за то, что девку растлил; да и прежде он, Петр, пытан на Вятке за то, что подписался было под руку думного дьяка. В 1685 году бит кнутом Хвощинский за то, что на порожнем столбце составил было запись. Князь Петр Кропоткин бит кнутом за то, что выскреб и приписал своею рукою. Биты батогами Кутузов и Нарышкин за то, что они ручались по касимовском царевиче в человеке [37].

В связи с этими явлениями любопытно взглянуть на движение законодательства в описываемое время. В начале правления Софьи было постановлено: за один разбой и воровство без убийства и пожогу бить кнутом, отрезать левое ухо, два пальца у левой руки и сослать в Сибирь на вечное житье с женами и детьми, которые не в разделе, за два воровства чинить указ по Уложению, за три казнить смертью[38]. Но в следующем же году постановлено резать у преступников уши вместо отсечения пальцев, и тогда же за произношение возмутительных слов запрещено было. казнить смертию, велено бить кнутом и ссылать в разные города[39]. В начале 1689 года постановлено было не окапывать в землю жен за убийство мужей, но отсекать им головы[40]. В частных договорных записях не считали нужным выговаривать, чтоб хозяин обходился хорошо с поступавшими к нему в услужение; но правительство старалось обеспечить несчастных должников от неистовства заимодавцев, к которым они отдавались в зажив головою: в 1688 году велено отдавать в зажив должников мужеска пола с женами, женска с мужьями, работать им — мущинам за год по пяти рублей, женщинам — по два с полтиною; по тех людях, кому они будут отданы, брать поручные записи, чтоб им должников не убить и не изувечить[41]. В том же году был издан указ о невзыскании со вдов и детей долгов, если после умерших никаких пожитков не осталось[42].

В первых годах правления Софьи были изданы любопытные указы, которые резко характеризуют общественные нравы. Есть явления, по-видимому, мелкие, но которые служат верным мерилом общественного развития. Так, например, мы не можем допустить высокой степени этого развития там, где на многолюдной улице большого города человек, встретив знакомого, преспокойно останавливается поговорить с ним на средине дороги; или там, где не умеют держаться правой стороны, или там, где позволяют себе ездить во всю прыть опять по многолюдным улицам больших городов. Все эти явления пахнут степью, показывают, что люди привыкли жить *особе,* как жили предки дреговичи или вятичи, не понимают, что в обществе, прежде чем сделать какое-нибудь движение, надобно подумать: а что будет от этого другим? Зная за собою и теперь много противуобщественных привычек, мы не удивимся, встретив указы, чтоб не ездили по улицам на вожжах с большими бичами и не били народ своим небреженьем, не стреляли в домах из ружей, не оставляли на улицах навоз, мертвечину и всякий скаредный помет. Или такой указ: «Стольники, стряпчие и дворяне московские и жильцы! Ныне люди ваши ставятся в Кремле с лошадьми не в указных местах, без разбора, и шум и крик чинят, и кулачный бой заводят, и прохожим людям дорогою пройти не дают, толкают и под ноги подшибают и подсвистывают; а как начнут их

караульные капитаны и стрельцы с неуказанных мест ссылать и от крика и от дурна унимать, и те ваши люди капитанов и стрельцов бранят и грозят бить»[43]. Это касалось слуг; но еще прежде нужно было запретить господам бесчинствовать в самом дворце[44].

Местничаться явно не смели более, т. е. не смели не пойти куда-нибудь по назначению, выставляя, что быть с таким-то невместно; но бывали случаи, когда уклонялись от неприличных по местническим счетам назначений под разными предлогами: так, в 1686 году боярин князь Владимир Дмитриевич Долгорукий не послал сыновей своих в рынды вместе с Голицыными под предлогом, что они больны и уехали молиться к Николе на Угрешу; двое других Долгоруких, Лука и Борис, спрятались от того же назначения. Правительница велела отнять за это у князя Владимира боярство, сыновей его и князей Луку и Бориса написать с городом (городовыми дворянами), кроме того, у Луки и Бориса отнять поместья и вотчины. Лука и Борис просили милости со слезами, что они не явились во дворец вовсе не потому, что не хотели быть вместе с Голицыными, но потому, что ждали какого-нибудь другого великих государей гнева и опалы. Всех Долгоруких простили[45].

В то время, когда государство боролось с степными хищниками, желая избавиться от позорной дани, в то время, когда внутри боролось оно с противуобщественными привычками, высказывавшимися во всех слоях общества, в то же время церковь вела двойную борьбу. Победа над раскольниками в Москве после 5 июля 1682 года не сломила раскола, который беспрестанно давал знать о себе из областей, и это усиливало раздражение победителей, заставляло их принимать все более и более сильные меры против упорного врага. В ноябре 1682 года разосланы были грамоты ко всем архиереям о повсеместном сыске и предании суду раскольников. В 1683 году в Печерском псковском монастыре архимандриту и келарю с братьею бил челом печерский посадский бобыль Ульян Иванов: раскольники незнаемые люди, подговоря и совратя с истинного пути от св. церкви, свели жену его Екатерину своим учением незнаемо куда; пристают они в Печерском посаде у вдовы Агафьицы и людей учат своему расколу. Закащик священник Иван Андреев раскольников пришлых людей и с ними вдову Агафьицу поймал и привел в Печерский монастырь. Один из раскольников в допросе сказал: породою он русских людей, зовут его Мартынком Кузьмин сын, жил в Пскове в бобылках своим двором, а после пожару у него двора своего нет, отняли дворовое место под церковь, и с того числа он проживал где день, где ночь, в Печерский монастырь пришел к празднику Успения богородицы и пристал в посаде у сестры своей, у вдовы Агафьицы; а на празднике

в церкви не был, для того что ныне пение в церкви и служба новая и обедню служат не над просвирами, над *колобками;* на исповеди он был тому назад лет с десять, и как он стал причащаться св. таин нынешних просвир, и из него пошли змии и стало бить и трясти, и с того числа он на исповеди не бывал и не причащался. При входе в казенную келью, где его допрашивали, Мартынко не поклонился св. иконам и на вопрос, зачем не кланяется, отвечал: эти иконы не святые, ныне вера христианская иссякла и святыни в иконах нет, ныне и литургию служат по-римски над колобками, вместо креста на просвирах поставлены латинские крыжи и животворящий крест Христов казнили весь около. «Священники все, — продолжал Мартынко, — антихристовы предтечи; антихрист в мире есть другой год, я его видел в Печерском монастыре, Маркелл митропилашка (Маркелл митрополит псковский). А как царь Алексей за веру Соловецкий монастырь велел казнить, то на третий день и умер. Ныне я послан от бога учить и веру христианскую проповедовать; верховные апостолы Петр и Павел мне сродичи. Чтоб крестились христиане двумя перстами, а не тремя; в том кресте сидит Кика бес с преисподнею. А как антихрист появился, и в то время в Пскове у Живоначальной Троицы и в Печерском монастыре престол рушился; и св. троица и пресвятая богородица ныне на воздухе, а не в церкви». На пытке Мартынко объявил, что все, им сказанное в допросе, он слышал в Соловецком монастыре, и прибавил: когда царствовал царь Михаил Федорович, то царствовал не он, а Михаил архангел. После крепкой пытки, огня, клещей, многих встрясок Мартынко во всем повинился, объявил, что св церкви во всем повинуется. Учителем Мартынки оказался пойманный с ним товарищ его Ивашка Меркульев, который крестил и исповедовал по-старому. Бояре приговорили: Ивашку Меркульева сжечь и пепел его разметать и затоптать, а Мартынка и Агафьицу отослать под начал к митрополиту [46].

Мы видели, что в царствование Феодора монах Даниил завел пустынь в Тобольском уезде, на речке Березовке и сожегся с своими единомышленниками, почуяв приближение царского войска; в 1682 году дали знать правительству, что выезжают из городов и слобод многие всяких чинов люди, покинув дворы, имение, скот и хлеб, на Тобол, в Утяцкую слободу к слободчику Федору Иноземцеву, и заводится пустынь такая же, что и прежде была на реке Березовке; велено было поставить заставы, чтоб никого не пропускать в Утяцкую слободу [47]. В 1685 году издан указ: которые прелестию своею простолюдинов и их жен и детей приводили к тому, чтоб они сами себя жгли, таких воров по розыску жечь самих [48]. Ответ на эту меру не замедлил. В том же году человек с тридцать раскольников сгорели в овине в принадлежавшей Хутын-

скому монастырю деревне Острове. Другие заперлись в Палеостровском монастыре и, послыша о приближении полковника Мишевского, сами сожглись в церкви; главный заводчик повенчанин Емельян Иванов, подучивший к самосожжению, не сгорел, но, пограбив монастырскую казну, бежал и стал опять прельщать и собирать толпу; в 1689 году опять засел он с своими товарищами в Палеостровском монастыре; высланный против раскольников отряд войска в непроходимых лесах отыскал три пристанища и сжег их, но на возвратном пути должен был выдержать от раскольников нападение в продолжение двух ночей; запершиеся в Палеостровском монастыре раскольники зажгли его и сами сгорели [49].

Спасаясь от преследований, раскольники бежали за рубежи шведский и польский, бежали в козацкие степи. Мы видели, что уже и прежде раскольники утверждались на Дону; теперь число их там становилось все больше и больше. Мы видели, что еще в 1683 году козаки указывали, как на главного вора, на Кузьму Косого; однако он остался нетронутым. В 1686 году в Черкаск вдруг нахлынуло 700 человек раскольников, и начали уговаривать козаков, чтоб стояли за старую веру; православные выжили незваных гостей, но дело не обошлось без ножей В ноябре того же года в Острожке явился с Дону козак Лобан, родом малороссиянин, и рассказывал, что жил он в городе Кагальнике 30 лет, но теперь принужден был уйти, потому что в донских городках по речке Медведице, Чиру и по запольным речкам стало много раскольников, умышляют они и советуют, чтоб им идти на Москву, на патриарха, бояр и архиереев, которые все веру потеряли. Лобан требовал, чтоб его отправили в Москву, потому что есть за ним еще *скрытые* речи В Москве Лобан объявил, что на речке Медведице живет белец, Куземкою зовут (Кузьма Косой), чинит всякие расколы и называется папою.

Этот папа с своими приверженцами основал на Медведице новый городок, названный по его имени Кузьминым, откуда раскольники начали наступательное движение на другие городки.

В конце сентября 1688 года донские козаки отправили против них отряд под начальством атамана Кутейникова, который, пришедши под Кузьмин, построил городок с раскатом и «чинил над раскольниками всякие боевые и приступные земляные и деревянные промыслы», но все безуспешно; потом пошли козаки к городку деревянным валом, который валили целый день, за этою валовою крепостью построили другой раскат, кололись с него копьями с раскольниками и кирпичом бились; но осажденные успели зажечь вал и заставили козаков отступить. 1 февраля 1689 года отправлен был под Кузьмин городок другой атаман — Аверкиев на перемену Кутейни-

кову; Аверкиев стоял под городком до мая месяца и наконец успел взять его и разорить, раскольники были побиты.

Кроме Косого главами раскола на Дону были три попа — Досифей, Пафнутий и Феодосий; когда в 1688 году выслан был против них козацкий отряд, то они с своей толпою ушли за границу во владения Шавкала Тарковского и поселились на реке Аграхане [50].

В Воронежском уезде, в селе Репном, явился какой-то гулящий человек Василий Желтовский, который не подошел к священнику под благословение, крест на себя возлагал не по новоисправленному, церкви и православную веру и священный чин хулил: «Такие-то церкви и попы? бог наш на небеси, а на земле бога нет», — и крестился, смотря на солнце, говорил: «Боже мой, боже! почто надо мною одним взыскал?» Приведенный в Воронеж, в духовный приказ, по действу дьявольскому безмолвствовал. Домовый архиерейский монах Сергий донес, что он видел Ваську в козачьем городке Иловле: здесь он церкви называл мечетями, тело и кровь Христовы ни во что вменял, про великих государей говорил, будто их и на Москве нет и называл их антихристами, патриарха державником, иереев посланниками. На пытке Желтовский не повинился, объявил только, что отец и брат его на Дону. Желтовского сослали в Свирский монастырь, а Сергия в Сийский Козаки ходили против раскольников; но о том, что делалось в самом Черкаске, шел спор в Москве между двумя монахами, Савватием и Гавриилом. Савватий доносил, что в Черкаске сначала служили по новоисправным служебникам, а когда Гавриил начал в соборной церкви служить, то выходил в круг к козакам и наговаривал, четвероконечный крест называл латинским; войско послушало, велели просвиры печатать по его воле осмиконечным крестом и велели служить по старому служебнику. Гавриил с пытки в расколе и ни в каком воровстве не винился, только говорил, что виноват, служил на Дону в соборной церкви по старому служебнику.

Тяжел был Дон расколом; тяжел и козацкими притязаниями, которых никак не могли допустить в Москве. В 1685 году донское войско прислало царям челобитную такого содержания: били челом великим государям, а им, козакам, в кругу подали челобитную воронежского Покровского монастыря игуменья Ульяна с сестрами· вотчину их Фарасань коротояцкие жители обижают и разоряют, вступиться за их крестьян и постоять некому; и великие государи пожаловали бы их, козаков, ради войскового прошенья велели вотчину Фарасань принять на себя и пожаловать стариц ругою. Стариц велели прислать в Москву, и игуменью сослали в один из северных монастырей, хотя она и говорила, что сама на Дон не ездила, а посылала двух монахинь за милостынею, и челом бить козакам не приказывала К козакам была по-

слана грамота, чтоб они вперед в такие дела не вступались, потому что такие дела им не належат. Но это не был единственный случай: Троицкого Борщова монастыря казначей Дорофей с осьмью монахами составил челобитную на игумена Корнилия от себя и от монастырских работников и послал на Дон. Монахи, взятые в Москву, оправдывались, что приехали в монастырь донские казаки и с угрозою велели старцам написать челобитную на игумена. Воронежский епископ Митрофан жаловался, что ему от донских козаков нельзя ведать братию и крестьян Борщова монастыря: на кого будет челобитная, тех козаки не дают на епископский суд [51].

В Сибири и пределах новгородских, на Дону и в Москве раздавалась раскольничья проповедь, что патриарх не патриарх, потому что заразился латынскою ересью, так что патриарх Иоаким должен был писать царям и царевне Софии, чтоб защитили церковь от ругателей. «Повелите, да не бесчестится честь архиереев и всего духовного чина от невежд и досадителей многих, от лихоимства же и от всяких обид избавите» [52]. И в то же время этот самый патриарх вел упорную и опасную борьбу против людей, которых он обвинял в латинских новшествах, в латинской ереси. Мы видели, как при царях Алексее и Феодоре проникло в Москву латинопольское влияние вместе с языками латинским и польским, распространившимися во дворце и между вельможами. Главным проводником этого влияния считался наставник царевича Симеон Полоцкий, который не замедлил столкнуться с старыми учителями, с самим патриархом: Симеон не хотел преклоняться пред высшими духовными русскими, считая их невеждами сравнительно с собою; русские духовные, естественно, были оскорблены, подмечали в его мнениях разницу с мнениями, утвержденными стариною, с удовольствием указывали на это как на признак неправомыслия неприятного пришельца, причем опирались на авторитет известного своею обширною ученостью монаха, вызванного в Москву из Киева, Епифания Славенецкого, келейного труженика, по характеру своему неспособного пробиваться вперед и толкать других. Как патриарх Иоаким и его единомышленники смотрели на Полоцкого и как старались противопоставлять ему Славенецкого, всего лучше видно из следующего современного известия: «Призван был из Киева в Москву царем Алексеем Михайловичем для научения детей славянороссийского народа еллинской науке некто иеромонах Епифаний Славенецкий, муж многоученый не только граматике и риторике, но и философии, и самыя феологии известный испытатель и искуснейший рассудитель и опасный (осторожный) претолковник греческого, латинского, славянского и польского языков». Был и другой иеромонах — Симеон, по прозванию Полоцкий, и тот учился, но не столько, и знал только

по-латыни, да по польски, а греческого писания ничего не разумел. Однажды патриарх Питирим пригласил обоих, Епифания и Симеона, к себе в крестовую палату; они стали разговаривать, и Симеон спросил Епифания: «Как, отец, святыня твоя верует о пресуществлении?» Епифаний отвечал, что молитвою иерейскою: сотвори убо и проч. происходит пресуществление. Симеон сказал на это: «В Киеве наша Русь, ученые тоже глаголют и мудрствуют, что только словами Христовыми: приидите, ядите и проч. пресуществляются дары» Епифаний отвечал: «Наши киевляне учились и учатся только по-латыни и читают книги только латинские, по-гречески не учились и потому истины об этом не знают». Патриарх Иоаким отзывался о Полоцком: «Хотя он был человек ученый и добронравный, однако приготовленный иезуитами и прельщенный ими, поэтому читал только их латинские книги». Венец веры Полоцкого патриарх называл «Венцом из терния, на западе прозябшего, сплетенным». Обет духовный наполненным тайно душевных бед [53].

Два ученые монаха, призванные в Москву для научения детей славянороссийского народа, уже поднимают знаменитый спор о времени пресуществления. В словах Полоцкого заключалась *хлебопоклонная* ересь: он учил поклоняться хлебу, утверждая, что пресуществление совершается при произнесении священником слов Христовых, т. е. ранее надлежащего времени. Но не один Полоцкий распространял эту ересь; по свидетельству патриарха Иоакима, ересь пришла в Москву от русской молодежи, которая ездила в Польшу учиться по-латыни; возвратившись, молодые люди передали латинский обычай знакомым своим священноначальникам и благородным мужам, имевшим великие достоинства в царских домах; и тем показалось, что действительно тайна совершается произнесением слов Христовых.

Знать, когда именно совершается великое таинственное действие, и с этим сообразовать свою молитву было очень важно для русских людей, и спор не мог легко потухнуть. Полоцкий умер; но он оставил из великороссиян ревностного ученика, готового и способного ратовать за мнения учителя. Одним из подьячих в приказе Тайных дел при царе Алексее был Семен Петрович Медведев, подружившийся здесь с товарищем своим Федором Шакловитым. Медведев обратил на себя внимание своею смышленостию, и его отдали учиться латинскому языку к Симеону Полоцкому; учился он три года, но когда отправлен был на посольство в Курляндию Ордин-Нащокин, то Медведеву с говарищами велено было ехать на посольство *для наученья* [54]. Ученый подьячий не хотел оставаться в Приказе, постригся в монахи под именем Сильвестра, прослыл чернецом великого ума и остроты ученой и сделан был строителем Заиконоспасского монастыря в

Москве. Медведев стал ревностным защитником мнений Полоцкого и, следовательно, хлебопоклонной ереси, а Медведев был хорош при дворе правительницы по дружбе своей с Шакловитым. Притом ученый Медведев очень неуважительно отзывался об учености патриарха Иоакима, и личная вражда разгорелась вместе с спором о времени пресуществления и о других учениях Полоцкого, о других латинских новшествах. Самое сильное участие в споре с Медведевым приняли справщик (корректор) Евфимий и ризничий Акинф, которые, по словам Медведева, возмущали душою патриарха. Евфимий и Акинф скоро нашли себе сильных союзников. Еще в 1682 году архидиакон Чудова монастыря Карион Истомин подал царевне Софии вирши, в которых уговаривал ее привести в исполнение мысль брата Феодора:

«Умоли убо самодержцев сущих
Да государи они то изволят,
Обще господа о том да помолят,
Наукам велят быти совершенным
И учителем людем извещенным».

Извещенные люди приехали в 1685 году: то были ученые греки, двое братьев Иоанникий и Софроний Лихуды, которые в том же году открыли свои курсы — ученикам прежней типографской школы и разного звания и возраста людям, священникам, монахам, княжеским сыновьям, стольникам и т. д.[55] Науки стали *совершенны:* Лихуды преподавали грамматику, риторику, пиитику, логику и физику; грамматику и пиитику преподавали они на греческом, риторику и физику на греческом и латинском языках.

В ученых греках патриарх Иоаким нашел себе сильных защитников против мнений Полоцкого. Между ними и Медведевым завязалась полемика. Медведев написал сочинение под именем *Манна,* где доказывал, что пресуществление совершается при произнесении слов Христовых. Лихуды доказывали противное в книге своей *Акос,* или врачевание, противополагаемое ядовитым угрызением змиевым. Против *Акоса* дьякон Афанасий написал: Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов; Лихуды отвечали *Диалогами* грека учителя к некоему Иисуиту. Спор не ограничился одними учеными, стал общим делом: не только священники, но и миряне, даже женщины, при встрече друг с другом повсюду спорили о времени пресуществления. Не все архиереи держались мнения патриарха; в наставительной грамоте рязанского митрополита Павла духовенству своей епархии читаем: «В божественной литургии ума намерение твердо имети. Ума же намерение сие есть, егда глаголет словеса сия: *примите, ядите и пийте от нея,* да имать ум свой весь собран в оны словеса, еже бы преложитися хлебу в тело Христово и вину

в кровь Христову, си есть; еже глаголет во время оно, сия и мыслит, а не иная. Блюди, о иерее! аще во время оно ум твой будет неподвижим, истинно божественную службу совершиши; аще ж в то время уста твоя глаголют оне словеса, ум же твой иная мыслит, веждь, яко смертию, сиречь непрощенно согрешаеши».

Вмешались в дело поляки, иезуиты, находившиеся в Москве; по рукам ходили польские книги, наполненные латинскими мудрованиями, слышались голоса, что на Флорентийском соборе латины осилили греков[56].

Что такое Флорентийский собор? кто знает? и где взять прочесть, чтоб было что отвечать врагам? Иоаким пишет в Киев, к митрополиту Гедеону: «Ныне, грех ради наших, видим, что дышит на паству змей адский: одни принимают и хвалят собор Флоренский, другие его не принимают, и спор идет в том сильный, а верных писаний обе стороны показать не могут, потому что в книгах наших редко где об этом находим известие; и тебе бы, сын, постараться, известить нашей мерности, для чего этот собор был, как начался и всеми четырьмя патриархами принят ли? Хотим получить известие от ваших книг, потому что у вас больше об этом рукописных и печатных книг». Гедеон объяснил, в чем дело, указал на печатные книги, где заключаются известия о Флорентийском соборе, и между прочим указывал на книгу, отпечатанную в Москве в 1648 году: «Книга о вере единоистинной и православной и о св. восточной церкви». В конце письма Гедеон говорит: «Аз твоему святейшеству яко отцу архипастырю и господинови моему исповедую, яко Флоренское соборище неприимую, паче же яко ересь противную отметаю».

На этом можно было успокоиться; но приверженцы Медведева для подтверждения своего мнения указывали на изданную в Малороссии книгу *«Выклад* о церкви святой и о *службе»*. Иоаким опять обращается в Киев к митрополиту Гедеону и архимандриту киево-печерскому Варлааму Ясинскому, в Чернигов к Лазарю Барановичу, указывает им на авторитет отцов восточной церкви, восстает против новых Могилинских книг (Великий требник и служебник, екзегезис Сильвестра Коссова, книжка о седми сакраментах, лифос) как не согласующихся с православным исповеданием: в Киеве отмалчиваются; патриарх настоятельно требует, чтоб прислали согласие свое с московским определением времени пресуществления, грозит, что в противном случае пожалуется четырем патриархам, требует, чтоб прислали для объяснений «мужа смиренномудра, приискренно восточныя церкви сына, ведуща известно писания св. отец, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющаяся». Нет ответа, потому что между Москвою и Киевом идет другая пересылка: к гетману Мазепе и киевскому знатному духовенству отослана *Манна*

вместе с сочинениями Лихудов; на последнюю написали обличение и переслали в Москву через князя Вас. Вас. Голицына, когда он был во втором крымском походе [57].

Таким образом, партия Медведева находила себе сильную поддержку во дворце; *Манна* была написана по приказанию Софьи. Голицын пересылал написанное в Киеве обличение на Лихудов. Мало того, Голицын считался покровителем иезуитов, которые благодаря ему явились в Москве. Французский иезуит, который был в это время в Москве с целию пробраться через Сибирь в Китай, так отзывается о Голицыне: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя. Если б дело зависело от него одного, то, разумеется, все наши желания были бы исполнены; если б он был полным хозяином, если б он не должен был вести себя осторожно относительно других бояр, то с удовольствием открыл бы нам путь в Сибирь и облегчил бы нам доступ в Китай из уважения к Людовику Великому, которого он был страстный поклонник: меня уверяли, что сын его носил портрет его величества в форме Мальтийского креста, что отец считал для себя великою честию» [58]. Другой посланник, бывший в Москве в описываемое время, не иначе называет Голицына, как великим человеком. Описывая свой первый прием у первого министра, он говорит: «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италиянского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе» [59]. До нас дошло подробное описание этого великолепнейшего дома, сделанное по приказанию правительства после свержения Голицына [60]: «В палате подволока накатная, прикрыта холстами, в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом, круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью, от солнца на железных трех прутах паникадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по осьми подсвечников, цена паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца месяц в лучах посеребрен; круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны

пророческие и пророчиц лица В четырех рамах резных четыре листа немецких, за лист по пяти рублей. Из портретов были у Голицына: в. кн. Владимира киевского, царей — Ивана IV, Феодора Ивановича, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора, Ивана и Петра Алексеевичей; четыре персоны королевских. На стенах палаты в разных местах пять зеркал, одно в черепаховой раме. В той же палате 46 окон с оконницами стеклянными, в них стекла с личинами. В спальне в рамах деревянных вызолоченных землемерные чертежи печатные немецкие на пологне; четыре зеркала, две личины человеческих каменных арапские; кровать немецкая ореховая, резная, резь сквозная, личины человеческие и птицы и травы, на кровати верх ореховый же резной, в средине зеркало круглое, цена 150 рублей[61]. Девять стульев обиты кожами золотными; кресла с подножием, обиты бархатом. Много было часов боевых и столовых во влагалищах черепаховых, оклеенных усом китовым, кожею красною; немчин на коне, а в лошади часы. Шкатулки удивительные со множеством выдвижных ящиков, чернилицы янтарные. Три фигуры немецкие ореховые, у них в срединах трубки стеклянные, на них по мишени медной, на мишенях вырезаны слова немецкие, а под трубками в стеклянных чашках ртуть».

У первого министра было много книг: Похвала благочестивым государем царем, сложение иеромонаха Антония Русаковского. Книга печатная благодарственная к в. государем. Книга писанная — вручение привилие на академию. Книга писанная о гражданском житии или о поправлении всех дел яже належат обще народу. Книга Тестамент или завет Василия царя греческого сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близнят породи и како их свекровь и ее мать цесарева хотя погубити. Граматик печатной. Книга, писанная на польском языке. Книга Иова Лудольфа письменная. Книга письменная, перевод от Вселенских патриархов Мелетия диакона. Книга — перевод с польского письма с печатные книги, глаголемой Алкоран Махметов. Книга с польского письма с истории о Магилоне Кралевне. Книга о послах, где кому в котором государстве поклониться. Четыре книги немецких. Четыре книги письменные о строении комедии. Восемь книг календарей разных лет. Книга рукописного права или устав воинской Голландской земли. Певчая немецкого языка. Граматик польского и латинского языка. История письменная польского языка. Конский лечебник. Книга на немецком языке всяким рыбам и зверям в лицах. Судебник. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрия Сербенина. Летописец Киевский. Соловецкая челобитная. Книга о ратном строю. Книга землемерная немецкая.

В 1689 году в другой раз эти великолепные палаты увидали господина своего, печально возвращавшегося из неудач-

ного похода Люди, искавшие милости любимца, по-прежнему толпились в изукрашенной зале, восхищаясь солнцем и месяцем в потолке, превозносили удачи похода, поздравляли с милостями царскими. Но Голицын знал, сколько людей негодует на эти милости, как незаслуженно полученные. Правительство изо всех сил поддерживало Голицына, превознося его подвиги; но это правительство само нуждалось в поддержке, и Голицыну нечем было поддержать его: он не приобрел славы великого полководца, разгромившего поганые улусы татарские, не приобрел чрез это народной любви, которою мог бы прикрыть Софью, держать врагов ее в почтительном расстоянии. Нравственные средства спасения были потеряны в неудачных крымских походах. Поддержать Софью мог один Шакловитый своими средствами, на которые не был способен Голицын. Оберегатель находился в тяжком положении: ему оставалось не одобрять средств Шакловитого, и в то же время робко, затаясь от себя самого, желать им успеха, который один мог спасти его. Медлить, откладывать, выжидать нельзя стало больше: дело быстро приближалось к развязке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПАДЕНИЕ СОФИИ; ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРЯ ПЕТРА ДО ПЕРВОГО АЗОВСКОГО ПОХОДА

Значение Петра и совершенного им переворота. — Воспитание Петра — Учителя-иностранцы. — Строение судов. — Женитьба Петра. — Столкновение с правительницею. — Намерение Софьи венчаться на царство. — Вражда Софьи к царице Наталье Кирилловне. — В. В. Голицын и Шакловитый. — Напрасное старание поднять стрельцов. — Неудовольствия со стороны Петра. — Сбор стрельцов в Кремле 7 августа. — Бегство Петра в Троицкий монастырь. — Напрасные попытки Софьи примириться с братом. — Стрельцы принуждают ее выдать Шакловитого — Розыск Шакловитого; ссылка Голицыных. Распря между близкими к Петру людьми по поводу Голицыных. — Казнь Шакловитого с товарищами. — Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягчение его участи — Розыск и казнь Медведева. — Отстранение Софьи от правительства и заключение ее в монастырь. — Продолжение доносов. — Новое правительство. — Ссора князя Бориса Голицына с Долгорукими. — Лефорт. — Царские потехи — Компания. — Состояние общества — Дела малороссийские. — Положение русских людей в польских областях. — Мазепа и Палей. — Дела об откупе.

«В одном государстве царственный ребенок, вследствие семейной вражды, гонения от родственников, подвергался страшным опасностям, спасся чудесным образом, воспитывался в уединении, среди низких людей, набрал себе из среды этих людей новую храбрую дружину, одолел с нею противников и стал основателем нового общества, нового могущественного государства, проводил всю свою жизнь в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали».

— О ком это идет речь? что это хотят нам повторять старую сказку о Кире и Ромуле: кто ей теперь верит?

Сказывается не сказка, не о Кире и Ромуле идет речь, приводятся неоспоримые известия о русском царе Петре Алексеевиче, который жил в конце XVII и начале XVIII века; пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений.

Мы видели, что во второй половине XVII века русский народ явственно тронулся на новый путь; после многовекового движения на восток он начал поворачивать на запад, поворот, который должен был необходимо вести к страшному перевороту, болезненному перелому в жизни народной, в существе народа, ибо здесь было сближение с народами цивилизованными, у которых надобно было учиться, которым надобно было подражать. Вопрос о том, могло ли сближение с европейскими народами и восприятие их цивилизации совершиться в России спокойно, постепенно, без увлечений, решается легко при внимательном наблюдении общих законов исторических явлений. Когда мы говорим о просвещении, о цивилизации, то разумеем громадную силу, которая бесконечно поднимает народ, ею обладающий, над народом, у которого ее нет: как же теперь с понятием о слабости соединить понятие силы? Как предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизации давней и крепкой, должны быть достоянием народа нецивилизованного? С другой стороны, в жизни народов мы замечаем известные периоды, в которые они проводят известное начало, живут им, подчиняются ему вполне; наступает другое время, на очереди становится новое начало, и народ предается ему; новое начало начинает господствовать на счет старого, обнаруживается обыкновенно сильная вражда к последнему, отрицание того, что́ было при его господстве, дурные отзывы о времени этого господства; народы в этом отношении не любят, не могут работать двум господам: если одного возлюбят, другого непременно возненавидят. Здесь возможна только злая борьба между двумя началами, старым и новым, борьба, необходимо раздражающая, ведущая к увлечению, к крайностям. Можно ли себе представить, чтоб молодой, исполненный жизненных сил народ, сблизившись с другими, превосходящими его народами, понявши чрез сравнение недостатки своего быта, не бросился вдруг на все то, что казалось ему лучшим у других? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всем, несостоятельность материальная и нравственная, была так явна? Когда нельзя было начать ни одного дела, не начавши вместе с тем и многих других, этому делу способствующих, для него необходимых? Западные европейские народы в описываемое время относительно цивилизации своей стояли высоко над русским, который должен был идти к ним в ученье: но для этих самых западных народов не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадения о своем, презрения к нему; ослепленные блеском античной цивилизации, с неодолимою силою потянулись они к ней, доходя иногда вначале до диких увлечений, отдались в науку грекам, римлянам, даже италиянцам, прежде других познакомившимся с греками и римлянами;

свое было в опале, к своему относились, как к варварскому, значения, величия своей истории в сравнении с историею греков и римлян не понимали. Очередь поработать чуждому началу дошла и до русского народа, дошла по известным условиям позднее, чем до других, и в этом огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали в условиях хода всей предшествовавшей истории, в условиях, при которых явился наш народ, основалось наше государство. Долговременное пребывание в удалении от Западной Европы и ее цивилизации, крайность, исключительность одного направления необходимо условливали крайность противоположного направления, необходимость удовлетворить вдруг всему должна была неминуемо сообщить нашему так называемому преобразованию характер революционный. Наша революция начала XVIII века уяснится чрез сравнение ее с политическою революциею, последовавшею во Франции в конце этого века. Как здесь, так и там болезни накоплялись вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления; новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми, но переработались они теоретически в головах передовых людей, и вдруг приступлено было к преобразованиям; разумеется, следствием было страшное потрясение: во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране; в России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства. Французские историки считают себя вправе плакаться на такой ход дела у себя и с завистью посматривают на соседний остров, где фундамент здания складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавший ход французской истории, которого революция была необходимым следствием; что не было сделано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится делать потом вдруг, с болезненными напряжениями, которые мы называем революциями. И мы имеем право плакаться на нашу революцию, но опять с обязанностию плакаться также на всю предшествовавшую историю, которая привела к той революции, ибо условия здоровья не производят болезни.

Если таков общий закон, если наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий своею деятельностию известным

потребностям народа в известное время. Формы деятельности великого человека условлены историею, бытом народа, среди которого он действует. Чингис-хан и Александр Македонский — оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходит от различия народов, которых они были представителями. Деятельность великого человека есть всегда результат всей предшествовавшей истории народа; великий человек не насилует свой народ, не создает того, что не потребно и невозможно для народа. При настоящих успехах исторической науки великий человек теряет свое божественное значение, не является существом, разрушающим и создающим по своему произволу: но он получает великое значение как представитель народа в известное время, как произведение и поверка народной жизни, народной истории. Великий человек не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чуждая воля.

Но переворот сопровождался страшною борьбою, преобразователь встретил сильное сопротивление в народе, следовательно, дело преобразования было делом насилия со стороны верховной власти. Иностранцы не без некоторого, понятного, впрочем, удовольствия, повторяли и повторяют, что Петр насильно и преждевременно цивилизовал русских, что и не могло повести и даже никогда не поведет ни к какому толку [62]. Вооружаются вообще против преобразований, идущих сверху. Мы не знаем будущего и потому не станем говорить о нем; не будем преждевременно говорить того, что должны будем сказать впоследствии, проследив судьбы дел Петровых по его смерти. Но для устранения бесплодных толков опять обратимся к сравнениям из прошедшего. В настоящее время ни один из европейских писателей, верующий ли он или неверующий, не станет отрицать цивилизующего значения христианства; каждый европеец гордится тем, что христианство пустило глубокие корни преимущественно в Европе, что доказывает высшее развитие, бóльшую зрелость племен, населяющих эту часть света. Но пусть же припомнят историю принятия христианства европейскими народами, пусть припомнят, что обыкновенно дело шло сверху, принимали христианство князь и дружина его, ближние люди, и потом уже новая вера распространялась в массе, причем не обходилось без ожесточенной борьбы, без страшного сопротивления со стороны народа, отстаивавшего свою старину, веру отцовскую; да и после принятия крещения масса в продолжение веков оставалась двуверною, не могла забыть старых богов своих. Что же из этого следует? То, что европейские народы были обращены в христианство насильно своими правительствами! Еще пример ближайший: в Англии король Генрих VIII вздумал отложиться от римской церкви; но

известно, какое сильное сопротивление встретил он своему делу, какие сильные восстания вельмож и народа должен был он побороть: значит, английский народ был насильственно отторгнут от папы и реформа, которою так гордятся англичане, была личным делом Генриха VIII. В Риме будут очень довольны таким мнением.

Петр был представителем, вождем своего народа в деле народном: отсюда обязанность историка при описании великого переворота не отрывать главного деятеля, вождя, от народа, от общества, с самого начала следить, как образовывалось его существо под влиянием условий, приготовленных историею народа, ибо явления, по-видимому, самые случайные, имевшие влияние на характер исторического деятеля, окрашиваются цветами, господствующими в обществе, и чрез это-то окрашивание общество и проводит свое влияние на исторического деятеля.

Мы видели, как вследствие известных условий русское общество к концу XVII века выработало мало своих сил, сдерживающих личную силу, которой было так много простору. Вот почему девственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякого рода, для людей, которым, по выражению песни, было грузно от сил, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырский, геройский период прекращается в народе вместе с цивилизациею, с развитием общественных сил; цивилизованное, развитое общество сжимает личную силу, вгоняет ее в известные пределы, ограничивает специализированием занятий: отсюда понятно, что в обществе цивилизованном сильные люди являются не в таких богатырских размерах, как в обществах юных. Мы очень хорошо знаем, как упражнение развивает всякого рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнее наших, ибо имели более простору упражнять свои силы во всех направлениях В России более, чем в каком-нибудь другом европейско-христианском государстве, общество, вследствие своей истории, предоставило простора для деятельности верховной власти, и потому неудивительно, что в России XVIII века мы встречаем двоих государей с неимоверною деятельностию — Петра I и Екатерину II. Общество юное, неразвитое не допускает разделения занятий: отсюда сильному человеку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы в многоразличных родах занятий: отсюда многообразная деятельность Петра; вследствие тех же общественных условий увидим впоследствии на другом поприще многообразную деятельность Ломоносова.

Петр с своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и

близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, как юная земля в допотопное время производила громадные существа, скелеты которых приводят в изумление наш мелкий род. Но становится страшно: куда будут направлены эти силы при таком отсутствии умеряющих, образовательных начал? Какие нравственные пеленки приготовило общество для Петра, как оно воспитает, образует исполина?

Мы видели неудовлетворительность нравственного состояния древнего русского общества; но видели также, что движение, начавшееся в обществе во второй половине XVII века, и борьба, вследствие того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояние. Как ни печально бывает нравственное состояние в известном обществе, но если последнее живет, не рушится, значит, существуют известные нравственные сдержки и связи, которые не дают ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется в сильном перевороте, то старые связи необходимо ослабевают, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанию, шаткости, смуте, пока нравственные связи снова окрепнут или заменятся новыми. Поэтому справедливо говорят, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII века, был неоспоримым авторитет отцов духовных; теперь, с одной стороны, раскольники, с другой — новые учители, православные и неправославные, подкапывают этот авторитет; архиереи, священники оказываются несостоятельными, как учители; молодое поколение и вождь его воспитываются в убеждении, что этих учителей нечего слушать, говорят они бог знает что, потому что невежды, учителей этих прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственные сдержки в родовом быте; член рода чтил своего старшего, находился под его надзором и властию, которая, как знаем, была очень обширна и при случае давала себя тяжело чувствовать ослушнику; член рода уважал мнение рода, боялся своим поведением нанесть бесчестие ему. Теперь и родовая связь ослабела, а других сдержек на ее место общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло известные материальные сдержки в помощь нравственным: так, люди знатные и достаточные держали своих жен и дочерей взаперти, в теремах. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но как никакая тюрьма не воспитывает, не приготовляет для свободы, не развивает и не укрепляет сил, так и терем

не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил а, с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее принятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек, как не представляло их и для мущины. Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна.

Как же воспитывался богатырь-царевич Петр в расшатавшемся обществе?

Трех лет остался Петр по смерти отца и с восшествием на престол старшего брата подвергся удалению, гонению вместе с матерью и ее родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствует правильности развития, не ускоряет его в ребенке; напротив, печальная доля в младенчестве, гонения, бури способствуют раннему развитию в детях способных. Перед глазами постоянно печальная мать, толкующая с ближними людьми о своей невзгоде, ссылке братьев, благодетеля Матвеева; ребенок пламенный, восприимчивый, питается, раздражается семейною враждою; то, что другие дети узнают только из нянькиных сказок, как злые родственники гонят невинных детей, как последние или гибнут, или торжествуют, то маленький Петр испытывает в действительности, он уже герой драмы, действующее лицо, он ненавидит гонителей настоящею, действительною ненавистию, и сочувствие его к героям посильнее, чем у других детей к их сказочным героям, ибо эти герои он сам, его мать, дядья. Царевича начали учить грамоте, призвали, по обычаю, дьяка, умевшего хорошо читать и писать. Дьяк был Никита Моисеев сын Зотов, знаменитый впоследствии пресбургский патриарх.

Петру оканчивался десятый год, когда умер царь Феодор. Петра выбирают в цари; но этот выбор ведет к стрелецкому бунту. До сих пор удаление, гонение раздражали ребенка; теперь страшные, кровавые сцены перед глазами, мучительная смерть родных, отчаяние матери, власть похищается, переходит в руки прежних гонителей. После приближенные к Петру люди рассказывали иностранцам, что во время стрелецкого бунта маленький Петр сохранил удивительное спокойствие, нисколько не изменился в лице, и указывали на это как на признак будущего величия[63]. Но как бы ни держал себя Петр во время стрелецкого бунта, кровавые сцены не могли остаться без влияния, и чувства, возбужденные ими, должны были действовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаление и гонение, опять перед глазами вечно печальная мать и вечные жалобы, вечные толки о том, что власть похищена и делается бог знает что в государстве.

Грустно и скучно! Страшно скучно для ребенка, которому уже «начинает быть грузно от силушки, как от тяжелого бремени». Ученье кончилось с уходом Зотова; у старших братьев Петра после дьяка, выучившего грамоте, был другой учитель, Симеон Полоцкий, Петру не дали такого учителя. Что же делать огненному мальчику, который, когда и вырос, не умел ходить, а только бегать? Оставалось одно занятие — «ходить по улице широкой, с ребятами тешиться», как говорила старинная песня. И Петр выбегает из дворца на улицу, чтоб больше уже не возвращаться во дворец с тем значением, с каким сидели там его предки. В потехах с ребятами на улице, в воинских играх новый Ромул кличет клич по новую дружину, и дружина собирается, удалые *потешные конюхи,* будущие образцовые полки. Молодой богатырь расправляет свои силы. В то время когда Россия повернула на новый путь, как нарочно грусть и скука выгоняют молодого царя из дворца на улицу, в новую сферу, где он окружен новыми людьми, где он вождь новой дружины, разорвавшей с прежним бытом, с прежними отношениями. Без оглядки бежит он из скучного дворца, чистым и свежим, новым человеком, и потому способным окружить себя новыми людьми; он убежал от царедворцев и ищет товарищей, берет всякого, кто покажется ему годным для его дела. Образуется новое общество, новое государство и, как обыкновенно бывало при этом, является дружина с своим вождем, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхождению (rex ex nobilitate) становится вождем дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживает за собою преимущественно этот характер. В нем не было ничего, что старинные русские люди привыкли соединять с значением царя; это герой в античном смысле; это в новое время единственная исполинская фигура, каких мы видим много в туманной дали, при основании и устроении человеческих обществ. Следя за деятельностию Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имеем дело не с государем только, а с начальником нового общества, с вождем дружины, основывающей новое государство, с человеком, проникнутым исключительно одною мыслию, служащим одному началу. Новые отношения не могли не высказаться в новых формах: отсюда перемена в обращении у Петра с своими, простой, совершенно товарищеский тон его переписки с новыми людьми, на каких бы ступенях они ни находились, какого бы происхождения ни были, лишь бы только принадлежали к новому обществу, были товарищами царя в деле преобразования. Современное общество хорошо понимало эти отношения: когда русские люди разделились и пошла борьба, те, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этих новых людей, окружавших Петра.

Таково значение имело то обстоятельство, что молодой царь выгнан был грустию и скукою из дворца и выбежал на улицу, где в потехах, столько соответствовавших его натуре, он расправил свои силы и получил те дружинные привычки, которые так соответствовали его деятельности, его историческому значению. Но дружинная жизнь, если, с одной стороны, предполагает сильную деятельность, подвиги, то, с другой, предполагает веселую, разгульную жизнь, опять соответствующую природе людей, способных к дружинной жизни. Так жилось в старой Руси, где князь прежде всего был вождем дружины; поработать и потом сесть пить с дружиною — таков был день старого русского князя, который не мог принять магометанства, потому что «Руси есть веселие пити». Следовательно, нечему удивляться, если и новая дружина петровская не разнилась в этом отношении от старых дружин. Но здесь мы должны припомнить еще и другие условия, которые нам объяснят дело во всех подробностях. Припомним, что для Петровых деда, отца и брата, кроме их природы, недоступный, окруженный священным величием и страхом дворец служил тем же, чем терем для древней русской женщины, — охранял нравственную чистоту, хотя мы знаем, что более живой по природе царь Алексей Михайлович любил иногда попировать, напоить бояр и духовника. Младший сын его, с пылкою, страстною природою, выбежал из дворца на улицу, а мы видели, как грязна была русская улица в конце XVII века; справимся с известиями о господствовавших пороках тогдашнего общества, и нам объяснятся привычки Петра, которые так нам в нем не нравятся [64].

Но неужели молодой Петр был совершенно предоставлен самому себе? Неужели при нем не было ни одного человека, могшего силою своего характера и значения удержать его от крайностей, к которым влекла страстная, огненная природа? Самым влиятельным человеком в этом отношении мог быть кравчий князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат знаменитого князя Василья. Князь Борис, человек умный, энергический, распорядительный, образованный не менее князя Василья, знавший латинский язык и любивший говорить на нем, честно исполнил свои обязанности к Петру в том отношении, что оставался непоколебимо ему верен, берег его интересы, оказал важные услуги в борьбе с Софьею и после с стрельцами, с достоинством относился к своему воспитаннику, когда тот уже начал свою славную деятельность; вот, например, как он отвечал ему на письмо, извещавшее о победе: «Милостивое письмо твое истинное и победительное принял с великим благодарением, за что не помалу воздам хвалу богу. *Ласкать и манить не буду,* только прошу у бога всегда такое одолжение и славу чтоб всегда одержать» [65]. Но этого самого князя Бориса иностранцы и русские не иначе

называют как пьяницею. Один из иностранцев рассказывает, что князь Борис и молодой Андрей Артамонович Матвеев набились к нему на обед и привели с собою своих друзей, датского комиссара и несколько иностранных купцов; они остались так довольны кушаньями, что несколько блюд отослали к своим женам и без церемонии унесли с собою конфекты [66]. Эти известия очень важны для нас, потому что лучше всего изображают тогдашнее общество: вот передовые люди, одни из первых повернувшие на новую дорогу, сознавшие необходимость образования и преобразования; но как они еще недалеко ушли! Двуверы, двуглавые Янусы: одна голова обращена вперед, другая назад, говорят по-латыни и пьянствуют, уносят с собою конфекты с чужого обеда! Вот еще любопытный рассказ о том же князе Борисе. Знаток латинского языка позвал к себе иностранцев и изумил их своим грубым обращением с музыкантами-поляками, привел в ужас выходкою против несчастного учителя детей своих, также поляка [67]. Князь Борис не любил, как видно, сдерживаться; он был также очень откровенен и в письмах своих к Петру: он начинает их обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчивает так: «Бориско, хотя быть пьян» [68].

С князем Борисом Голицыным соединяется в рассказах иностранцев молодой человек, также очень близкий к Петру, Андрей Матвеев, сын знаменитого Артамона. О двадцатидвухлетнем Матвееве говорят, что он был очень умен, хорошо говорил по-латыни, любил читать и с жадностию слушал повести обо всем, что происходило в Европе, имел особенное расположение к иностранцам; жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась [69].

Люди, самые приближенные к Петру, так тянут к западу, такие охотники до иностранцев; Петр, сгоравший не удовлетворяемою жаждою знания и деятельности, не мог долго оставаться в удалении от людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многом порассказать.

Однажды императрица Елисавета Петровна, вшедши в комнату племянника своего Петра Федоровича, который занимался черчением, поцеловала его и сказала со слезами: «Не могу на словах рассказать того удовольствия, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, как батюшка, застав однажды меня с сестрою за уроками, сказал со вздохом: «Ах, если б я в моей молодости был выучен, как должно!» [70]

Петра не учили, как должно, по его собственному признанию, но он многое знал; как же он приобрел эти знания? Пусть расскажет сам.

Князь Яков Долгорукий перед отъездом своим во Францию в посольстве разговорился с четырнадцатилетним Петром и между прочим сказал, что у него был важный

инструмент, да, жаль, украли: можно было этим инструментом брать дистанции, не доходя до того места. Искра упала в порох: «Купи мне инструмент во Франции». Долгорукий купил, привез, астролябия в руках Петра, но что он с нею станет делать: не умеет, как взяться, а у кого спросить? К дохтуру немцу, не знает ли? Дохтур сам не знает, но говорит, что сыщет знающего, голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученик «гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации»[71].

— «И тако, — говорит Петр, — сей Франц, чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами».

Нашелся знающий человек, и дело не ограничивается учением в четырех стенах; ученик не умеет ходить, а только бегает. Огненный мальчик таскает Тиммермана всюду, и при виде всякого нового предмета расспросы: что это? зачем? Предметов новых мало, и беспокойный мальчик всюду пробирается, заглядывает, нет ли где чего, все ему надобно, все отопри и покажи. В Измайлове забрался в амбары, где лежали старые негодные вещи двоюродного дяди царского, Никиты Ивановича Романова, и вдруг судно особого рода, иностранное! — запрос Тиммерману: что это за судно? — Бот английский. — Где его употребляют? — При кораблях для езды и возки. — Чем лучше наших? — Ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру. — Против ветру! быть не может! надобно посмотреть: есть ли такой человек, который бы починил бот и ход его мне показал? — Есть. Сейчас отыскали голландца Карштен-Бранта, который при царе Алексее вызван был для постройки кораблей в Дединове. Брант починил бот, сделал мачту и паруса и начал лавировать на Яузе. «Это мне паче удивительно и зело любо стало, — говорит Петр. — Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил его: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд (в Измайлове), но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более».

Рассказывая, как возбуждена была в нем эта охота, Петр рассуждает: «Монархию Русскую дед наш очистил и успокоил, отомщение ж (врагам) и распространение сыну своему оставил, который какое тщание к тому прилагал, а особливо в воинских делех, о том всем есть известно, и не точию на земле, но и на море покушался (которое дело так у нас странно было, что едва слыхали о нем), как то из осады города Риги и из строения двух кораблей в Дединове на Каспийское море видеть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на нас сие бремя воля вышнего правителя возложить изволила, то оставляем непостижимым судьбам его».

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для России: царь Алексей Михайлович строил корабли в Дединове, мало того, предлагал герцогу курляндскому, нельзя ли строить русские корабли в его гаванях? Но мы видели, как строили корабли в Дединове, с какою медленностию, с какими остановками: одни приказывали, другие исполняли, не умея и нехотя, и дело не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидеть в Кремлевском дворце и слать указы; надобно было, чтоб в царе разгорелась страсть к морскому делу, чтоб он сам взялся за топор и начал строить корабли, чтоб ему печальные болотистые места при устьях Невы казались земным раем, *парадизом,* потому только, что они были близки к морю, что на них можно было строить корабли. Необходимость преобразований, новых учреждений была сознана до Петра; но привести в исполнение то, на что прежде только покушались, мог один Петр.

«Охота стала от часу более». Начал проведывать, где больше воды. Отвечали, что ближе нет бóльшего озера, как Переяславское, — в 120 верстах. Но как туда пробраться? Сказать прямо матери, что идет на большое озеро плавать и суда строить — не отпустит, надобно уехать обманом. Сказал, что дал обещание съездить к Троице на богомолье, а от Троицы пробрался в Переяславль. Вид обширного красивого озера, где бот уже не будет стукаться о берега, разумеется, еще более разманил Петра; он стал просить у матери завести новую потеху на озере, царица согласилась, и Брант с мастером Кортом отправились в Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался из дому от матери — поразмять своего плеча богатырского, спробовать силы-удали молодецкой, только не в чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтоб привязать его к дому: Петру не минуло еще 17 лет, как его женили 27 января 1689 года на дочери окольничего Лопухина, Евдокии; отец царской невесты по обычаю переменил старое имя Илариона на новое Федора.

Русская пословица: «женится — переменится» не исполнилась на Петре: он по-прежнему рвался из дому от матери и от молодой жены. В апреле 1689 года он уже был на Переяславском озере, откуда писал матери[72]: «Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу, и о твоем здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и о том милости прошу, чтобы те канаты, по семисот сажен, из Пушкарского приказу, не мешкав, присланы

были. А за ними дело станет и житье наше продолжится. По сем паки благословения прошу». Любопытно видеть, как Петр хитрит: чтоб получить поскорее канаты, он стращает мать, что иначе не скоро возвратится: «А за ними дело станет и житье наше продолжится».

Занятия с Тиммерманом, потехи на суше и на воде, обучение солдатских полков, сформированных из старых потешных и новых охочих людей, явившихся отовсюду, из знати и из простых, преимущественно из придворных конюхов, строение крепости, которая носила уже иностранное название Пресбурга (на берегу Яузы), строение судов на Переяславском озере заняли все внимание Петра: ему был недосуг ни до чего. Мать зовет его из Переяславля в Москву на панихиды по брате Феодоре, — он отвечает: «Быть готов, только гей, гей, дело есть»; голова занята одним, об одном твердил он матери: «О судах паки подтверждаю, что зело хороши все». Но не кораблики были на уме у царицы Натальи; глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нее правительство. Положение похитительницы было незавидное: по инстинкту самосохранения взялась она за отчаянное средство, подняла стрельцов, вырвала правление из рук мачехи, подставила старшего неспособного брата в цари; но надолго ли все это? сын Нарышкиной остался царем, возмужает — и правительница будет более не нужна, монастырь удален на время, но постоянно в виду. Положение Софьи было похоже на положение тех людей в легендах, которые заключили договор с злым духом, — пользоваться до известного времени всевозможными наслаждениями жизни, но по прошествии срока сделаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствах, как бы упрочить свою власть; понятно, что об этом хлопотали люди, взысканные ею и которые лишались всего с ее падением. Софья — правительница, благодаря неспособности одного брата и молодости другого; возмужает последний — и правительство Софьи должно окончиться; надобно сделать, чтоб оно не кончилось. Первый шаг уже сделан, учреждено двоевластие, оба брата венчаны на царство: отчего не быть троевластию? отчего Софье не венчаться на царство? Тогда помазанницу божию никто не свергнет. Софья в государственных бумагах присоединила свое имя к именам обоих братьев, вместе с ними называлась *самодержицею* всея Руси. Дьяк Волков, отправленный посланником в Венецию, объявил там, что с великими государями *соцарствует* сестра их, великая государыня Софья Алексеевна. Один из сенаторов заметил: «Дож и весь сенат удивляются, как служат их царскому величеству подданные их, таким превысоким и славным трем персонам государским?» Волков отвечал, что подданные всех трех персон вместе повеление исполняют[73]. Но все эти провозглаше-

ния не крепки, все это не помазание. А между тем страшный срок приближался: Петр вырастал, и вместе с ним росли надежды мачехи, и смелее, резче становились ее слова; когда Софья присоединила свое имя к именам братним, царица прямо сказала царевнам Михайловнам и Алексеевнам. «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть и того дела не покинут»[74]. Две постельницы царицы Натальи передавали Софье все, что говорилось про нее нехорошего, враждебного у мачехи, передавали, что сильнее всех бранят ее брат царицы, Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын[75].

Лев Нарышкин и князь Борис Голицын были самые приближенные люди к царице Наталье; князь Василий Голицын и Шакловитый были самые приближенные люди к царевне Софье. Князь Василий был сам неспособен на преступные, кровавые меры; но мы видели, в какое затруднительное положение поставил он себя отношениями к Софье. В этом положении ему приходили в голову страшные мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь сделалось, только от других, а не от него, и проговорился он однажды: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью вместе с братьями: теперь бы ничего и не было». Другая была природа Шакловитого: он не дрожал ни перед какими средствами, не довольствовался бесплодными сожалениями о прошедшем: всем обязанный Софье, он погибал с ее падением; худородного подьячего, произведенного милостию царевны в окольничие, не спасет знатный род, знатные родственники; обязанность быть верным благодетельнице красила расчеты себялюбия. Софья или Наталья? Шакловитый с страшною наивностию высказывал свой выбор: «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу известь»[76].

Понятно, что Шакловитый спешил наложить свою руку на кого мог из людей, высказывавших свою приверженность к Петру; пытал и выслал из Москвы стольника Языкова, который говорил, что царь Петр Алексеевич — царь только по имени, а бить челом ему никто не смеет. Но поймать и сослать того или другого не осторожного на слова ничего не значило. «У нас люди есть», — говорила царица Наталья, и действительно у царя Петра были люди, которые при случае не ограничатся одними словами; у царя Петра есть свое войско, это ненавистные *потешные конюхи, озорники,* как величала их Софья с своими приверженцами. От них одно спасение в стрельцах; надобно опять к ним обратиться, как в 682 году. Но не притупилось ли это оружие с 682 года, и не сама ли Софья с Шакловитым способствовали этому притуплению, вырвавши его из рук Хованского? Самые дерзкие из стрельцов были удалены из Москвы по предложению Шакловитого, осталось большинство людей спокойных, довольных

своим положением, которых трудно поднять. Да и чем поднять, на какое дело? В августе 1687 года Шакловитый вдруг предлагает начальным людям стрелецким написать челобитную, чтоб Софья венчалась царским венцом. — «Мы челобитной писать не умеем», — отвечали стрельцы. — «Челобитная будет написана», — уверяет Шакловитый. Челобитная будет написана, но кому ее подать? Царям? О старшем никто не думал, все дело было в младшем. — «Послушает ли нас царь Петр Алексеевич?» — спрашивают стрельцы. — «Если не послушает, ступайте в Верх, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчего Бориса Алексеевича: тогда примет челобитье». — «А патриарх и бояре?» — опять спрашивают стрельцы. — «Патриарха можно переменить, а бояре — отпадшее, зяблое дерево; разве постоит до поры до времени один князь Василий Васильевич Голицын».

Так вог в чем дело! Чтоб исполнить желание царевны и Шакловитого, надобно пойти в Верх бунтом, задержать двоих самых близких к царю людей, сменить патриарха! Прежде стрельцы были постепенно приготовляемы к бунту раздражением и разнуздыванием, да и тут масса была поднята известием, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велят бунтовать, чтоб достигнуть небывалого, странного дела, и это после того, как употреблены были все средства, чтоб охладить стрельцов к бунту, заставить их бояться его.

Начальным людям дали по пяти рублей с наказом, чтоб поговорили с товарищами в полках. Но в полках предложение было принято также холодно, и Софья поспешила сама отказаться от него.

Надобно было по крайней мере разогреть преданность стрельцов, упрочить себе их защиту на всякий случай, выставить им опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала к себе ночью несколько стрельцов и начала им натолковывать, что царица Наталья с братьями и Борисом Голицыным поднимает бунт, и патриарх против нее, Софьи, чем бы мирить, только мутит. Шакловитый, как будто обращаясь с советом к царевне, давал знать стрельцам, какие средства должно употребить, чтоб успокоить Софью: «Отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять?* Да и царицу можно бы принять. Известно тебе, государыня, каков ее род и как в Смоленске в лаптях ходила». Софья отвечала на это: «Жаль мне их, и без того их бог убил». Стрельцы отвечали очень неопределенными словами: «Воля твоя, государыня, что изволишь, то и делай».

Неопределенными словами отвечали стрельцы на неопределенные требования, неопределенные жалобы. Какой бунт поднимает царица? Понятно, что Шакловитый мог найти из стрельцов только пять человек, готовых на все; эти пятеро были: Петров, Стрижов, Кондратьев, Чермный и Гладкий, ко-

торых интересы были тесно связаны с интересами Софьи. Шакловитый говорил Чермному: «Хотят нас перевесть, а мутит всем царица; меня хотят высадить из приказу, а вас, которые ко мне в дом вхожи, разослать всех по городам». И вот Чермный, чтоб избыть беды, начинает толковать товарищам: «Как быть? хотя и всех побить, а корня не выведешь; надобно уходить старую царицу, *медведицу*». Ему возражали, что за мать вступится царь Петр; Чермный не останавливался: «Чего и ему спускать? за чем стало?» Гладкий толковал: «У царя Ивана Алексеевича двери завалили дровами и поленьем и царский венец изломали, а кому ломать только с ту сторону».

Стрельцы оставались холодны к этим рассказам: поленьем закидали, венец изломали! прежде было сказано, что и совсем задушили, а что́ вышло? Придумали средство посильнее: ночью в двух местах подъезжала к стрелецким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти, несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: «Лев Кириллович! за что его бить до смерти? душа христианская!» После было узнано, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой Казны Шошин, доверенный человек правительницы.

И это средство не раздражало. Не поддавались и на обещания грабежа, когда Гладкий прельщал, что станут стрельцы грабить домы бояр и торговых людей и делить богатую добычу. Гладкий, свой человек у Шакловитого, следовательно и у Медведева, затрагивал и интерес религиозный, обвинял патриарха в новом учении, по которому не велят кланяться, когда поют а м и н ь (после «приимите, ядите»); стрельцы холодно слушали о винах патриарха: они помнили 5 июля 1682 года. Не трогались и словами Гладкого, когда он выставлял противоположность поведения Софьи и Петра: «Наша государыня все богу молится, а там только на органах и на скрипицах играют».

Стрельцы не трогались, а между тем в 1689 году стали обнаруживаться выходки Петра против Софьи; в них не было ничего очень важного, систематического: Петр был еще молод и занят кораблями; несмотря на то, Софья не могла не раздражиться и не обеспокоиться, увидав начало дела, в конце которого являлся монастырь. 8 июля, в Казанскую, Петр в соборе сказал сестре, чтоб она не ходила в крестный ход; Софья не послушалась, взяла образ и пошла; Петр рассердился, не пошел за крестами и уехал из Москвы. С его стороны все и кончилось этою вспышкою. Но положение Софьи было таково, что она сочла необходимым приготовиться к защите от потешных конюхов, которые придут вырывать власть из рук ее. 25 июля, когда Петра ждали в Москву по случаю именин старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрельцов было тайно поставлено у Красного крыльца с наказом

слушать набата, которым дается знать, что над государынею «хитрость чинится»[77].

Хитрости не учинилось никакой, но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софью, ибо дело шло о славе ее правления и о князе Василье Васильевиче. Петр не соглашался на назначение наград Голицыну и товарищам его за второй крымский поход, потом позволил уговорить себя согласиться, но сорвал сердце, не допустивши к себе Голицына и других воевод и генералов с благодарностью за награды[78]. Это было 27 июля. В тот же день вечером Софья пошла ко всенощной к празднику в Новодевичий монастырь в сопровождении пятисотных и пятидесятников и после службы стала жаловаться им на царицу Наталью, что опять начинает беду: «Если мы вам годны, — говорила Софья, — то стойте за нас, а если негодны, то мы оставим государство». Стрельцы отвечали, что готовы исполнить ее волю; Софья велела им ждать повестки. Но большинство стрельцов не хотело начинать дела по набату; если действительно грозит беда кому-нибудь из членов царского дома, то пусть идет дело законным порядком: пусть думный дьяк скажет царский указ, того они и возьмут, а без указа ничего делать не станут, сколько бы ни били в набат; надобно бить челом о розыске[79]. Понапрасну приверженцы Шакловитого старались противодействовать такому расположению большинства, понапрасну толковал Стрижов, что из розыска ничего не выйдет, злодеи царевны известны: принять их! а без царевны стрельцам будет плохо. Петр присылает за Стрижовым, Шакловитый не дает его; Петр велит арестовать самого Шакловитого в Измайлове — но скоро выпускает. С этой стороны действуют робко, нерешительно, но все же действуют, и этого довольно для другой стороны, чтоб сильно беспокоиться и волноваться.

7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придут потешные конюхи из Преображенского, чтоб побить царя Ивана Алексеевича и всех его сестер. Вечером Шакловитый распоряжается, велит собрать в Кремль 400 человек стрельцов с заряженными ружьями, 300 других собрать на Лубянке, троих денщиков своих посылает к Преображенскому смотреть, куда пойдет царь Петр. Но распоряжения плохо исполняются: денщики не идут к Преображенскому на указные места, на Лубянке нет сбора; сильно волнуются в Кремле Гладкий и Чермный, но их задор не сообщается другим; никто не знает, зачем их собрали: защищать или нападать; в том и другом случае будет усобица, в которой они не хотят участвовать. В это время всеобщего тяжелого, тревожного ожидания приезжает в Кремль из Преображенского спальник царя Петра Плещеев. Гладкий, который давно уже ждет случая начать дело, бросается на

Плещеева, стаскивает его с лошади; срывает саблю, бьет и ведет его в Верх к Шакловитому. Гладкий действительно начинает дело.

Если масса стрельцов была недоступна внушениям Шакловитого с товарищами, не хотела начинать бунта в пользу Софьи, то не двигалась также и в противоположном направлении; из этой массы выделились, как мы видели, не более пяти человек, которые готовы были, как 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно в пользу Софьи; но в противоположность им образовался небольшой кружок из осьми человек, которые в действиях Шакловитого, Чермного и Гладкого видели преступление и безумие и решились прямо действовать наперекор им, в пользу царя Петра, имеющего все права на своей стороне. Эти восемь человек были стременные: пятисотный Елизарьев, пятидесятники: Мельнов, Ульфов, десятники Ладогин, Феоктистов, Турка, Троицкий и Капранов. В ночь с 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, действия, разумеется, должно ожидать в этих обоих крайних кружках, ибо здесь самые решительные люди, определившие свои цели, люди не колеблющиеся, не шатающиеся. Елизарьев с товарищами стояли на Лубянке в ночь на 8 число; один из них, Мельнов, был послан ими в Кремль для наблюдения и, возвратясь, объявил о поступке Гладкого с Плещеевым. В этом поступке они увидали начало дела и решились действовать с своей стороны: Мельнов и Ладогин посланы были в Преображенское уведомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убийство [80].

Но не одни Мельнов и Ладогин спешили в Преображенское с своим изветом. Вечером вельможи узнали, что в Кремль пускают только самых известных и доверенных лиц у правительницы. Это так встревожило людей, державших сторону Петра, что они отправились немедленно в Преображенское. Немного за полночь, когда Петр спал уже крепким сном, его будят и говорят: приехали из Москвы стрельцы и другие люди с известием, что множество стрельцов собрано в Кремле, хотят приходить в Преображенское бунтом. Испуганный царь вскочил с постели как был и прямо на конюшню, сел на лошадь и в ближний лес, куда уже ему принесли платье. Одевшись, поскакал с постельничим Гаврилою Головкиным, карлою и одним из изветчиков-стрельцов к Троице, куда приехал около 6 часов утра в сильной усталости, и только что успел войти в комнату, как бросился на постель и, заливаясь слезами, рассказал о своей беде прибежавшему архимандриту Викентию и просил у него защиты [81]. Осьмого же числа приехали к Троице царица Наталья Кирилловна с дочерью и нересткою, преданная Петру знать, потешные и стрельцы Сухарева полка. Главным распорядителем здесь явился князь Борис Голицын.

Москва пришла в ужас, когда 8 числа распространилась весть об отъезде царя из Преображенского. Усобица начиналась; чем-то кончится? На Верху старались показывать вид, что не обращают на это происшествие большого внимания. Шакловитый, узнавши об нем, сказал: «Вольно ему, взбесяся, бегать». Софья объявила стрельцам, что если б они не остереглись, то всех бы их передавили потешные конюхи. Но другое было объявлено царю Петру, когда 9 числа он прислал к царю Ивану и Софье спросить, зачем были собраны стрельцы в такое необычное время. Ему отвечали, что стрельцы должны были провожать царевну в монастырь на богомолье. Вслед за тем другая присылка от Петра — отпустить к нему полковника Цыклера с 50 стрельцами. После узнали, что это была хитрость Цыклера. Как мы видели, он был ревностным приверженцем Софьи и участником в стрелецком бунте. Теперь он увидел, что, по всем вероятностям, возьмет верх Петр, и дал знать к Троице, чтоб его вызвали туда и он откроет много нужных вещей. Цыклера отпустили после долгих совещаний и отговорок [82]. За Цыклером отправились также с известиями к Троице Елизарьев, Феоктистов, Ульфов, Турка, Капранов, Троицкий.

Софье нельзя было долго оставаться в спокойном ожидании, что начнут у Троицы. Она не могла не понимать, как выгодно было положение Петра в борьбе; она сама прежде, в распре с Хованским, указала эту дорогу к Троице, как самую удобную. 13 числа отправлен был к Петру боярин князь Иван Борисович Троекуров; 15 он возвратился и привез не очень любезный ответ, а на другой день явилась в Москве грамота от царя Петра в солдатские и стрелецкие полки, чтоб начальные люди и по 10 человек рядовых из каждого полка были у Троицы к 18 числу. Софья, посоветовавшись с ближними людьми, велела позвать к себе начальных людей из каждого полка, держала к ним сильную речь и настрого запретила, чтоб не смели ходить к Троице и вмешиваться в распрю ее с братом, и когда стрелецкие полковники обнаружили свое недоумение, то Софья сказала им, что если кто-нибудь из них пойдет к Троице, то будет пойман и потеряет голову.

Надобно было спешить окончанием дела, и в тот же день дядька царя Ивана князь Петр Иванович Прозоровский вместе с духовником Петра были отправлены к Троице с извинением, что никак нельзя было исполнить требование царя и прислать к нему требуемое войско; в то же время Прозоровский и духовник должны были употребить все средства к примирению Петра с сестрой, и для успокоения стрельцов и солдат в Москве был распущен слух, что царская грамота была прислана без ведома Петра, умышлением князя Бориса Голицына. 18 числа возвратились Прозоровский и духовник

ни с чем Схватились за соломину, решились послать патриарха, о котором Софья сама прежде говорила: «Посягает он на меня; чем бы ему уговаривать, а он сам посягает». Иоаким был рад вырваться из Москвы, из рук врагов своих, уехал к Троице и там остался: Петр приобрел важного союзника. Прошло несколько дней в ожиданиях; 27 августа новая царская грамота от Троицы в стрелецкие полки, в гостиную сотню, в дворцовые слободы и черные сотни, чтоб все полковники и начальные люди с 10 рядовыми из каждого полка, а из сотен и слобод старосты с 10 тяглецами явились немедленно к Троице, а кто не явится, тому быть в смертной казни. Толпы стрельцов, повинуясь указу, двинулись из Москвы. У Троицы сам царь вышел к ним перед дворец с матерью и патриархом и объявил об умысле Шакловитого. Дьяк прочел выписку из расспросных речей и стрелецких изветов, патриарх стал увещевать, чтоб пришедшие стрельцы объявили всю правду, что знают, грозя в случае несправедливого показания архиерейским неблагословением. Стрельцы завопили, что они Федькина злого умысла не знают, великим государям служат и работают, как служили и работали их предкам, рады ловить воров и изменников и во всем исполнять волю государскую. Но некоторые порассказали кой-что.

Софья решилась ехать сама к Троице. В том самом селе Воздвиженском, где семь лет тому назад она велела казнить Хованского, встретил ее стольник Бутурлин и от имени великого государя объявил, чтоб она в монастырь не ходила. «Непременно пойду», — отвечала Софья; но за Бутурлиным явился боярин князь Троекуров с объявлением, что если она пойдет, то с нею нечестно поступлено будет[83]; отряд вооруженных людей уже показался в Воздвиженском.

Софья поспешно возвратилась, велела позвать к себе стрельцов, *старых,* на которых особенно полагалась, и стала им жаловаться, что чуть ее не застрелили в Воздвиженском, насилу ушла; что Нарышкины с Лопухиными хотят извести царя Ивана, добираются и до нее. «Можно ли на вас надеяться? — говорит Софья. — Надобны ли мы вам? А если не надобны, то пойдем с братом где-нибудь себе кельи искать». Горько жалуется, что нет житья от Бориса Голицына и Льва Нарышкина: «Меньшего брата с ума споили, старшего ни во что ставят, комнату его дровами завалили; ее, Софью, называют девкою, как будто не дочь она царя Алексея Михайловича; хотят отрубить голову князю Василью Васильевичу, который сделал так много добра: с Польшею заключил мир вечный; с Дону прежде беглых не выдавали, а теперь выдают его промыслом; житье наше ставится коротко; радела она обо всячине, и все из рук тащат». «Не уходите к Троице, пожалуй, и вы побежите? целуйте крест!» И привела стрельцов к присяге, что не побегут. Но это не помогло. Наступило

1 сентября, праздник Нового года. Нерадостно встретила его Софья и ее приверженцы: из Троицкого монастыря приехал полковник Нечаев с стрельцами, привез к царю Ивану и Софье грамоту, в которой Петр извещал их о заговоре и требовал присылки Федьки Шакловитого и старца Сильвестра Медведева с сообщниками для розыска к Троице. Это произвело сильное движение при дворе; народ был поражен; большинство, по словам очевидца [84], решило оставаться спокойным и ждать, чем кончится дело. Нечаева позвали на Верх и спросили, как он смел привезти грамоту? Тот отвечал, что не смел ослушаться царского повеления. Софья велела отрубить ему голову, но он спасся тем, что не могли или не хотели скоро сыскать палача, а между тем гнев Софьи прошел. Но от Троицы вместе с Нечаевым приехали также и стрельцы; Софья велела позвать их к Красному крыльцу и, сошедши вниз, начала говорить: «Для чего вы приехали? и с каким указом? чему вы тому верите, что вам в Троицком монастыре прочитали, те письма от воров составлены, и вы без указу с Москвы в Троицкий монастырь не ездите для того: брат мой, Петр Алексеевич, меня к себе в монастырь не допустил. И за которыми людьми вы присланы, и я их вам не отдам для того: будет отдать вам девять человек, а они оговорят и 900 человек, чему тому верить? Довелось прислать тех к Москве для розыску, которые их оговаривают, и я вас не отпущу, и которые пойманы и сидят на съезжих избах — не дам и для того в Троицкий монастырь пошлю боярина. Знатно то дело клонят, хотят меня извести [85]. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить об умысле против царя Петра Алексеевича и других. Завистию к верной службе и радению Федора Шакловитого назвали его заводчиком злого умысла. Чтоб разведать обо всем, я сама пошла к Троице, но царь Петр Алексеевич велел меня остановить по наущению злых советников, и должна была я возвратиться с великим срамом. Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала, а приняла правительство в самое смутное время, учинила славный вечный мир с христианским соседним государем, а враги креста Христова от оружия моего в ужасе пребывают. Вы за ваши службы пожалованы нашим великим жалованьем, и милость нашу к себе всегда видели. Ужели после того вы нам учинитесь неверны, повервши вымыслу злых людей, которые всему христианству добра не желают и смуту заводят. Не головы Федора Шакловитого ищут, ищут головы моей и брата моего, Ивана Алексеевича» [86].

В сильном волнении Софья не чувствовала усталости; подозвала к себе лучших из торговых и посадских людей и говорила им в том же роде; наконец велела собрать весь народ, бывший в Кремле, и держала перед ним, по свидетельству очевидца [87], длинную прекрасную речь.

А между тем в Кремле все было приготовлено к празднованию Нового лета. Но патриарха нет, царь Иван нездоров, царевне-правительнице не до праздника, — и приготовления были отменены. Стрельцов угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки из рук самого царя Ивана Алексеевича. В это время Шакловитый служил последнюю службу царевне: писал сказку ко всем чинам Московского государства с изложением всего дела для оправдания Софьи, для обвинения стороны противной, писал, как царевна приняла правительство по челобитью всего народа, по благословению патриарха, а теперь Нарышкины ее и брата ее царя Ивана Алексеевича бесчестят, к руке не ходят, прибрали потешных конюхов, от которых многим людям чинятся обиды и насилия; на челобитные об этом царю Петру нет ответа; комнату царя Ивана забросали поленьями, изломали его венец [88].

Шакловитый служил последнюю службу, но Голицын не принимал никакого участия в московских движениях. Шла переписка между родственниками: князь Борис писал князю Василью, чтоб приезжал к Троице, чтоб заслужил этим расположение царя Петра; князь Василий отправил подьячего к Троице уговаривать князя Бориса, чтоб примирил обе стороны. Князь Борис велел отвечать, что лучше всего, если он, князь Василий, как можно скорее приедет к Троице, что царь примет его отлично [89]. Между тем из Троицкого монастыря новые требования о выдаче Шакловитого; стрельцы начинали роптать, зачем так долго тянется дело; Софья велела повестить, что сама, вместе с старшим братом, отправится к Троице. Стрельцы роптали в Москве, что дело долго не оканчивается; их братья у Троицы также теряли терпение: в Москве у них были жены, дети, промыслы; они приступили с просьбою, чтоб им позволено было идти в Москву и захватить Федьку Шакловитого с товарищи; но молодой царь и советники его не согласились на это, боясь усобицы. Насчет дальнейшего поведения мнения делились у Троицы: одни хотели, чтоб царь ускорил решение дела, приблизившись к Москве, остановившись в Алексеевском или Преображенском. Но благоразумнейшие противились этому, представляя, что тут может произойти кровопролитие, тогда как дело сделается само собою. Князь Василий Голицын приговаривал, чтоб от Троицы стрельцов человек десяток-другой подговорить, чтоб, на них смотря, иные бежали; а как стрельцы побегут, то и государь будет в Москве и здесь сойдутся и между собою переговорят.

Еще 2 сентября отправились к Троице некоторые из Немецкой слободы, и Гордон поручил им извинить его, что он нейдет, не зная, будет ли приятен его приход или нет. 4 числа явилась в слободе царская грамота (от 31 августа), призы-

вавшая всех служилых иноземцев к Троице. Иноземцы решили, что должно показать грамоту князю Василью Васильевичу Голицыну, как главному своему начальнику. Гордон с несколькими полковниками отправился к Оберегателю. Тот был сильно смущен, когда они подали ему грамоту, но поспешил оправиться и отвечал, что покажет грамоту старшему царю и царевне и тогда скажет, что́ им делать. Гордон заметил, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицын обещал прислать ответ не позже вечера; но иноземцы не хотели дожидаться ответа, вечером двинулись в путь и в 11 часов утра на другой день были у Троицы, целовали руку у царя, который каждому поднес по чарке водки. В такое время натянутого ожидания и нерешительности всякое движение в ту или в другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекает: начали громко говорить в пользу царя Петра, когда узнали, что и немцы ушли к нему.

У Софьи все еще оставались стрельцы; но когда разнеслась весть, что царевна не поедет к Троице, потому что ее туда не пустят, то стрельцы потеряли всякое терпение и вечером 6 сентября явились большою толпою в Кремль с челобитьем к царевне, чтоб выдала Федьку Шакловитого, которого они поведут к Троице. Сначала Софья отвечала, что не выдаст и чтоб они жили спокойно, не вмешивались в ссору ее с братом. В толпе раздался шум, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колокол. Это сильно поразило Софью. Сцена 1682 года повторилась, только с переменою лиц: тогда стрельцы требовали у царицы Натальи выдачи брата ее, Ивана Нарышкина, и перетрусившие бояре уговаривали царицу пожертвовать братом, чтоб им всем не погибнуть из-за одного; теперь стрельцы, грозя бунтом, требуют у Софьи выдачи Шакловитого, и окружающие царевну уговаривают ее исполнить требование, иначе многим придется поплатиться жизнью. Софья выдала Шакловитого; но Медведев успел скрыться. В тот же день бояре, остававшиеся в Москве, по вызову Петра отправились к Троице; не поехал один Голицын, он удалился с своими приближенными в подмосковное село Медведково; весть о выдаче Шакловитого сильно поразила его[90].

7 сентября привезли Шакловитого в монастырь. На расспросы о преступных замыслах он отвечал: в 1687 году, в великий пост, в Казанском соборе за иконою богородицы вынули письмо с непристойными словами на царевну Софью Алексеевну, и в то же время у государя Петра Алексеевича начали прибирать потешных конюхов, и от того возродилось опасение: царевна Софья сказала ему, Шакловитому, чтоб выбрал стрельцов радетельных и верных к ней и к царю Ивану, и он, призвав пятисотных, говорил, что если будет замешание, то чтоб государей оберегали. Стрельцы к нему

прихаживали и говаривали, что их потешные конюхи везде обижают и побивают, говорят: вас-де станут за ноги таскать, и если с ними не управиться, то будет всем худо, и он им отговаривал. На первой пытке после 15 ударов он повинился во всем, что на него ни взводили; перед второю он обещал объявить все без утайки и написал, что на жизнь царя Петра Алексеевича никогда не умышлял; об убийстве царицы были разговоры с Кузьмою Чермным, который первый начал; князь В. В. Голицын жалел, что царицу не убили прежде, в 1682 году; намеревались произвести пожар в Преображенском; стрельцов собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушил царевне мысль венчаться на царство, он не знает, ни он, ни Голицын ей этого не советовали, и Голицын даже писал об этом из похода с ужасом; наконец он, Шакловитый, писал последнюю сказку для народа об обидах царевне. В умысле на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филипп Сапогов объявлял, что Шакловитый подговаривал его, как пойдет царь Петр в поход, бросить на дороге ручные гранаты или тайком положить их в сани, также убить государя во время пожара в Преображенском. Впоследствии, в 1699 году, стрелец Петрушка Кривой показывал: «После 1682 года я бывал в доме у Федьки Шакловитого и вместе с Федькою у князя Ивана Засекина, и Федька с князем Иваном при мне между собою говорили: ходит он (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрельцам» [91].

Шакловитый был так тесно связан с Голицыным: участь обоих должна была решиться вместе. В тот же день, как привезли Шакловитого, 7 сентября, около 5 часов пополудни явился к Троице и князь В. В. Голицын с своими приближенными, известными своею военною и приказною деятельностию, окольничим Леонтием Неплюевым, Венедиктом Змеевым, думным дворянином Григорьем Косоговым и думным дьяком Емельяном Украинцевым. Их не пустили в монастырские ворота, велели стать на посаде и не съезжать без указа. Вечером Гордон навестил Голицына и нашел его в раздумье. Вечером 9 числа позвали Голицына с сыном Алексеем во дворец. Когда они поднялись на лестницу, навстречу вышел думный дьяк и прочел им указ, что они лишаются чести боярства, ссылаются с женами и детьми в Каргополь, имение описывается на государя, за то что, во 1), они сестре великих государей о всяких делах докладывали мимо великих государей и писали ее с великими государями обще и в книгах и на деньгах обще ж с великими государями ее печатать велели, без указа их великих государей. Во 2), быв послан в 1689 году на Крымские юрты, князь Василий Голицын, пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил,

каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость.

За Голицына шла сильная распря между близкими к Петру людьми. Уничтожение местничества нанесло сильный удар родовому быту; но следствия этого удара еще не могли обозначиться в такое короткое время; все еще были пропитаны понятием о родовом единстве, вследствие которого честь одного члена рода поднимала целый род, а бесчестие одного падало на всех родичей. Вот почему князь Борис Алексеевич хлопотал изо всех сил, чтоб родич его князь Василий не был обвинен в измене, чем запятнался бы весь род Голицыных. Гордон рассказывает за достоверное следующее[92]: после первой пытки и когда грозила вторая, Шакловитый обещал представить царю на письме самое правдивое изложение дела. Сам князь Борис пошел к нему, понес перо и чернила. Шакловитый исписал от 8 до 9 листов бумаги; время было уже за полночь, когда он кончил, царь лег спать и князь Борис взял бумаги к себе домой, чтоб следующим утром показать царю. Но люди, злобившиеся на князя Бориса за его желание спасти князя Василия от обвинения в измене (т. е. Нарышкин с товарищами), следили зорко за всеми движениями князя Бориса, поспешили донести царю, что князь взял себе признание Шакловитого, верно, для того, чтоб прочесть и вырвать то, что клонилось ко вреду князя Василья. Царь посылает к Шакловитому — написал ли он признание? — тот отвечает, что написал и отдал князю Борису. Но один из приятелей успел уже дать знать князю Борису о беде, и тот спешит с бумагами к царю, который встречает его грозным вопросом: зачем не подал бумаг сейчас же? Голицын отвечает, что было уже очень поздно. Петр удовлетворяется ответом и продолжает по-прежнему держать князя Бориса в приближении; но царица Наталья и друзья ее не мирятся с ним.

По прочтении приговора князю Василью Голицыну прочли приговор товарищу его Неплюеву: у него также отнято было окольничество, имение и назначена ссылка в Пустозерск (после в Колу). Вина — жестокие притеснения находившимся в его ведении комарицким солдатам, которых жалобам до сих пор не давали ходу в Москве друзья Неплюева[93]. Змееву велено жить в его костромском имении, Косогов и Украинцев оставлены на прежних местах[94].

Шакловитого с главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное известие, что Петр не соглашался на казнь их, и только патриарх уговорил его и что когда разнеслась весть, что Шакловитого будут казнить без вторичной пытки, то многие из служилых людей собрались в монастырь, «служа великому государю», как они говорили, и били челом, чтоб велено было Шакловитого пытать еще раз: пусть объявит своих соумышленников. Царь выслал

сказать им, что он доволен показаниями Шакловитого и что им не пригоже мешаться в это дело [95].

11 сентября Шакловитый, Петров и Чермный были казнены смертию; пятисотного Муромцева, полковника Рязанцева и стрельца Лаврентьева били кнутом и с урезанием языка сослали в Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка в Каргополь слишком легкое наказание и что надобно сослать его в Пустозерск; но потом, как видно, князь Борис пересилил, и назначен был Яренск местом ссылки. Настояли, чтоб Голицыным был сделан по крайней мере допрос на основании показаний Шакловитого. Их допросили на дороге, в Ярославле; и отец и сын клялись, что не принимали никакого участия в умыслах Шакловитого. После допроса они послали государям челобитную: «Вам, великим государям, приносим, аки самому богу в емвериском (емпирийском?) небе, пред самым престолом его спасителевым, что никогда Федька Шакловитый мне, Ваське, крайний друг николи не бывал, а знакомство отдавали, как обычай и с иными, просто». Голицыных повезли далее. Когда они стояли в Вологде, неожиданно является перед князем Васильем комнатный стольник князь Кропоткин, не с новым допросом, а с утешительным письмом и с деньгами от царевны Софьи Алексеевны. Достигнув Яренска, Голицыны написали новое челобитье царям: «Страждем мы, бедные, близ конца живота своего; а оклеветаны вам, в. государям, невинно. Как нас, холопей ваших, везли к Тотме, и, не доезжая города, на реке Сухоне, возки жен наших и детей и дворовых людишек в воду обломились, и жен и детишек наших малых насилу из реки вытаскали и лежали в беспамятстве многое время». Бил челом боярину Стрешневу и пристав Голицыных, который должен был вместе и ведать город, жаловался, что кормиться нечем. «Городишко здесь самое убогое: всего, и с целовальниками, и с подьячими, и с приставом, 30 дворишков. А уездные люди в городе мало бывают; все сами промеж собою судятся, а государские всякие подати выбирают промеж себя; лишь наша сухота!»

И в Яренске Голицыны не остались. Дело о сообщниках Шакловитого тянулось, являлись новые показания, обвиняли Голицына в сношениях с колдунами; нашли переписку его с Шакловитым во время первого крымского похода: из переписки оказывалось, что он был именно *крайний* друг Шакловитому, а не простой знакомец; явился донос, что Голицын взял деньги с хана и потому отступил от Перекопи. Попался и Кропоткин; наконец явился самый опасный донос: монах Иоасаф извещал, что когда он был в Яренске, то князь Василий велел сказать князю Борису, чтоб его, князя Василья, берегли, пригодится, потому что царю Петру только год жить. Донос оказался совершенною клеветою, монах никогда

и не бывал в Яренске, а вздумал оклеветать князя Василья, чтоб заслужить милость князя Бориса Алексеевича! Остальные обвинения Голицын отвергнул. Несмотря на то, его перевели в Пустозерск; с дороги он писал царям: «Ныне в пути мучим живот свой и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. А в Пустоозере хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердые великие государи! велите нас бедных и невинных возвратить из такого злого тартара». Голицыных перевели в Пинежский волок — и здесь забыли: князь Борис, как увидим скоро, потерял свое первенствующее положение, которое перешло к Нарышкиным.

Решилась участь и третьего близкого к Софье человека, имя которого неразлучно с именами Голицына и Шакловитого. Мы видели, что *Леший Медведь,* как называли Сильвестра Медведева враги его, успел скрыться из Москвы и направлял путь к западной, польской, границе, но дорогобужский воевода схватил его в Бизюкове монастыре вместе с известным пятидесятником Гладким и отправил обоих в Троицкий монастырь. «Шакловитый, — говорил Сильвестр при допросе, — о государском здоровье и о убийстве никаких слов мне не говаривал, а сказывал мне пятисотный Ларион Елизарьев и, пришед ко мне, плакал, говорил: пришла на нас беда великая, не знаем, как быть, призывал нас Федор Шакловитый, меня, да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова, и говорил, чтоб им тайно в ночь побить боярина Льва Кирилловича Нарышкина, да кравчего князя Бориса Алексеевича, и иных; я им отвечал: если вы так сделаете, то пропадете и с Федором здесь и в вечное душами; скажите ему, Федьке, что вам того дела учинить одним невозможно, а иным говорить вы о том не смеете, говорил бы он сам. И он, Ларион, с товарищи ему, Федьке, отказали и того делать не стали. Говорил Федька дважды мне, Селиверстку, наедине: как бы не было царицы Натальи Кирилловны, так бы у царевны с царем Петром было совестно. Церкви святой я не смущал, а которые тетрадки писал дьякон Афанасий, что был у Спаса на дворце, о пресуществлении, и ту тетрадку принес ко мне показать он, дьякон, и я с той тетрадки списал себе две тетрадки; на патриарха в той тетрадке ничего не написано, а писано на греков; а книгу о Манне я написал по приказу царевны, и та книга посылана была к гетману Ивану Степановичу и к киевским властям к свидетельству и с нею другая греческая книга, и в Киеве на обличение греческой книги написана обличительная книга и прислана князем В. В. Голицыным, как в 197 (1689) году был на службе. Извет Филиппа Сапогова, что умышлял я с Шакловитым убить патриарха — ложный;

а караул у меня был от Велика дни для того, чтоб патриарх тайно меня не сослал. И была у меня написана книга летописная, начата с 190 года, о правлении великой государыни и что было с того году, а писана та книга с письма Карионова, а чернил ту книгу я, а переписывал дьячок Ивашка».

На очной ставке с Сапоговым Медведев заперся. Его расстригли и пытали, дали 15 ударов; не признался. Винился в одном, что говорил стрельцам: «Не бойтесь! хотя царя Петра сторона и повезет, и много будет дней на десять, а то опять будет рука сильна стороны царевны». Это говорил ему Шакловитый, слыша от одного юродивого. Повинился, что говорил про патриарха: учился мало и речей богословских не знает; повинился, что под портретом царевны подписывал полный титул «вседержавнейшей самодержицы», семь добродетелей и вирши [96].

Расстриженного, называвшегося теперь уже Сенькою, Медведева отдали в руки духовному начальству, которое приставило к нему двоих увещателей, новоспасского архимандрита Игнатия и Софрония Лихуда; Сенька принес покаяние в ереси, объявил свою *манну обманною*. Собор определил сжечь *манну* всенародно, Медведева разрешить от церковной клятвы и сослать в монастырь под начал [97]. Но этим дело не кончилось. После долгого укрывательства схвачен был один из главных сообщников Шакловитого, Стрижов, который показал на Медведева, что тот имел связь с каким-то поляком Силиным, занимавшимся чародейством и вызванным в Москву лечить глаза царю Ивану Алексеевичу. Силин долго жил у Медведева, и тот говорил ему, что Софья хочет выйти замуж за Голицына, а Медведева возвести на патриаршество вместо Иоакима. Медведева подвергли новой страшной пытке огнем и железом, и потом казнили смертию 11 февраля 1691 года [98].

Что же делала Софья в то время, когда на пытках и казнях лилась кровь ее приверженцев? После выдачи Шакловитого, на которой настояли стрельцы, — единственной надежды царевны — судьба ее была решена. Петр написал к старшему брату от Троицы, что «милостию божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления, также и братьям нашим окрестным государям о государствовании нашем известно; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное, и народу тягости, и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволяся милостию нашею, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки

винились. А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем; на то б и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титла писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас! Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов»[99].

В этой грамоте ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но чрез несколько времени приехал от Троицы в Москву боярин князь Иван Борисович Троекуров с приказом Софье идти в монастырь; после долгих отговорок она принуждена была повиноваться и переселилась в Новодевичий монастырь.

Софья была в монастыре, Голицын в ссылке, Шакловитый в могиле, а все еще работали заплечные мастера, все еще продолжались доносы, пытки и казни по тому же делу. Неизвестно, по каким причинам старый стольник Безобразов должен был поневоле отправиться воеводою на Терек. Когда он находился в дороге, явился извет от холопей в сношениях его с Шакловитым и с разными колдунами, которые брались своими средствами приворотить к нему царя Петра и царицу Наталью, чтоб были к нему добры и возвратили его в Москву. На пытке и Безобразов, и колдуны — все повинились; Безобразову отсекли голову, двоих колдунов сожгли в срубе[100].

Уже четыре года спустя на Белеозере явились подметные письма: в них монахи Кириллова белозерского монастыря обвинялись в страшно безнравственном поведении, в сношениях с князем В. В. Голицыным, в желании испортить царя Петра с семейством. В начале 1694 года открылось, что составителем писем был монах Кириллова монастыря Иоанникий, в мире Иларион Семенович Лопухин. Иоанникий повинился, что писал письма, желая освободиться из монастыря и расстричься. Его били кнутом и сослали в Соловки[101].

Софья была в монастыре; царь Иван Алексеевич оставался по-прежнему царем только по имени, занимал царское место в церемониях, власть перешла к одному царю Петру.

Но семнадцатилетний Петр был еще неспособен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился после, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел.

Кто же правил государством? кто по крайней мере имел самое сильное влияние в правительстве? Мы видели, что у Троицы всем заведовал князь Борис Голицын, потому что был умнее, энергичнее, смелее всех. «Князь Борис Алексеевич Голицын распоряжался всем у Троицы, — говорит Гордон, — потому что никто другой не смел вмешиваться в такое щекотливое дело, каким оно сначала казалось»[102]. Но мы видели также, какое сильное негодование навлек на себя князь Борис со стороны царицы Натальи и ее родственников, выгораживая князя Василья из изменного дела. Эта ссора с Нарышкиными повела к тому, что когда опасность миновала, когда, следовательно, прошла нужда в человеке, способном управлять во время опасности, то князь Борис по возвращении двора в Москву потерял то значение, какое он имел у Троицы, и главным лицом в управлении явился брат царицы, боярин Лев Кириллович с своими родственниками[103]. Лев Нарышкин стал заведовать первым по своей важности приказом Посольским, хотя и без титула Оберегателя; князь Борис Голицын должен был удовольствоваться приказом Казанского дворца. Родственники молодой царицы получили свою долю в лице самого видного из них, боярина Петра Абрамовича Лопухина, которому достался Приказ большого дворца и Дворцовый судный; Стрелецкий приказ был поручен князю Ив. Бор. Троекурову; Разряд боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Князь Борис, потерявши прежнее значение, стал подвергаться большим оскорблениям в самом дворце. Сильно нападали на него Долгорукие: однажды в 1691 году князь Яков Федорович Долгорукий, побранившись с ним во дворце, называл его изменничьим правнуком, потому что при Расстриге прадед его в Яузских воротах был проповедником[104]. Вражда не утихала, и в следующем году в хоромах царя Петра Долгорукие — князь Яков и брат его, князь Григорий Федоровичи, напали на князя Бориса, обвиняя его, что он велел своему держальнику прибить брата их, князя Бориса: «Ах ты пьяница! — кричали Долгорукие, — да таких же собрав пьяных, водишь с собою, и, напоя держальников своих, велишь бить брата нашего, и возишь пьяную станицу не в причинные места, куда и возить не надобно, полно увернулся за сани, быть было в тебе ножу; поди теперь, вон брат князь Борис дожидается у Спаса вверху, подери его за волосы, так из тебя и оходы вырежет, а се подь сюда, мы скорее вырежем и выпустим кишки и годовалые

дрожжи выбьем из тебя, ты весь налит вином. Ты бы сам, налив белки, лучше об угол ударился, чем брата нашего за волосы драть, ты бы отца своего за бороду драл! не дорожи делом, *ныне не старая пора, с мечами стоять не велите*». С Долгоруких велено было взыскать в пользу обоих Голицыных — отца и сына — бесчестье 3000 рублей с лишком; но князь Борис бил челом, что отец его при кончине своей приказал не брать бесчестья, также и он, князь Борис, о своем бесчестье на Долгоруких не челобитчик [105].

Гордон называет Льва Нарышкина новым любимцем или новым первым министром, противополагая его старому, т. е. князю Борису Голицыну. Второе название — первый министр, разумеется, единственно справедливое. Ни Голицын, ни Нарышкин не были любимцами Петра; любимцем его был служилый иноземец знаменитый Лефорт.

О Лефорте, его значении существуют у нас различные мнения. Одни говорят, что он сделался известен Петру очень рано, очень рано приобрел на него большое влияние [106]; другие утверждают, что Петр сблизился с Лефортом не ранее августа 1689 года, когда Лефорт прежде других иностранцев явился к Троице и там заявил свою привязанность к Петру [107]. Одни, сочувствующие делу преобразования, величают Лефорта благодетельным наставником Петра, пробудившим его гений [108]; другие во встрече и сближении Петра с Лефортом видят несчастие, потому что Лефорт говорил Петру о русских обычаях с презрением, а все европейское возвышал до небес [109]; некоторые, наконец, отвергают всякое влияние Лефорта на Петра [110].

Вопрос о времени, когда Лефорт сблизился в Петром, не имеет важности: когда бы ни произошло сближение, важны только его следствия. Все согласны в одном, что привязанность Петра к Лефорту была самая сильная, и этого довольно. Важный вопрос состоит в том, что за человек был Лефорт? Мы видели, что Россия поворачивала к Западу и при этом повороте встретилась с Западом у себя, в Немецкой слободе [111]. Молодой царь, сгорая неудовлетворенною жаждою знания, уже начинает создавать новое и тут встречается с людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить русских необходимым вещам, завести то, что́ сами русские не могли у себя устроить. Понятно, что царь должен был обратиться преимущественно к этим людям. Но этого мало, что один из них выучил его разным частям математики, другой строил ему кораблики: между иностранцами он нашел человека, к которому сильно привязался, с которым стал неразлучен; этот человек и был Лефорт.

Лефорт был полным и блестящим представителем людей, населявших Немецкую слободу. Он не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не

был мастером никакого дела; но это был человек бывалый, необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастер устраивать пиры на славу. Иностранец, могший выучить Петра геометрии, могший показать ему употребление астролябии и ограничившийся этим, не мог иметь влияния на знаменитого ученика; но могущественное влияние должен был иметь человек с характером Лефорта, человек, умевший сделаться неразлучным товарищем, другом молодого государя. Это влияние не могло обнаружиться в делах внутреннего управления: Лефорт по характеру своему в них не вмешивался; влияние обнаруживалось в другом: Лефорт возбуждал Петра предпринять поход на Азов, уговорил ехать за границу; по его внушению царь позволил иностранцам свободный въезд и выезд [112]. Очевидно, что Петр, как преобразователь в известном направлении, окончательно определился в тот период времени, к которому, бесспорно, относится близкая связь его с Лефортом, т. е. от 1690 года до возвращения из-за границы; в это время он ушел из Москвы в Немецкую слободу, из Немецкой слободы в Западную Европу. И, кроме неоспоримых свидетельств, нельзя натягивать, что Петр относился к Лефорту только как к веселому товарищу приятельских бесед, незаменимому в искусстве устроить пир на славу: что Петр ставил Лефорта высоко, свидетельствует назначение его одним из главных вождей азовского похода, адмиралом, главою посольства в Западную Европу; если б Петр смотрел на Лефорта как на веселого товарища в пирах только, то назначил бы его не адмиралом и не послом, а Кокуйским патриархом, как Зотова. Пусть говорят, что Петр ошибся в способностях Лефорта, который не был искусным полководцем ни на суше, ни на море: но эта самая ошибка для нас и важна, ибо показывает, какое преувеличенное мнение имел Петр о Лефорте, как, следовательно, легко подчинялся его влиянию, и не удивительно, если обратим внимание на возраст Петра. Петр в 1690 году не был тем Петром Великим, каким он был в 1709 или 21 годах. Молодой Петр привязался к иностранцу Лефорту и дал ему такое важное значение в государстве; возмужалый Петр, Петр Великий, имел правилом не возводить иностранцев на первые места в государстве.

Лефорт не вмешивался в дела внутреннего управления, не вмешивался в него и сам царь, предоставив все Льву Нарышкину с товарищи; молодого Петра занимали прежние потехи, за которые иногда приходилось дорого платиться: так, 2 июня 1690 года, при штурме Семеновского двора, ему опалило лицо [113]. 4 сентября подле Преображенского происходила примерная битва: лучший стрелецкий полк — стремянной, состоявший из конных и пеших стрельцов, должен был драться против потешных, против семеновской пехоты

и конных царедворцев; в то же время два стрелецких полка должны были драться друг с другом; дрались, пока смерклось, много было раненых и обожженных порохом [114]. В октябре 1691 года «был великий и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановского, у которого был стольный город Пресбург. Рейтары ротмистра *Петра Алексеева* отличились; отличился и сам ротмистр, взявший в плен неприятельского генералиссимуса». «И тот бой равнялся судному дню» [115]; ближний стольник князь Ив. Дмитр. Долгорукий «от тяжкия своея раны, паче же изволением божиим, переселилися в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти», — писал Петр. Осенью 1694 года происходили бои в самых обширных размерах, знаменитый кожуховский поход (подле деревни Кожухово, недалеко от Симонова монастыря) [116]. Русскою армиею командовал старый генералиссимус князь Федор Юрьевич Ромодановский; у него были потешные полки: Преображенский и Семеновский, выборные полки солдатские — Лефортов и бутырский, три роты гранатчиков, восемь выборных рот рейтарских, две роты даточных людей под именем Нахалов и Налетов и 20 рот стольничьих. Неприятельскою армиею командовал польский король — Ив. Ив. Бутурлин, у него были полки стрелецкие, роты из дьяков и подьячих, всего 7500 человек. Король защищал безыменную крепость, Ромодановский брал ее и, разумеется, взял; бомбардир Петр Алексеев отличился и тут — взял в плен стрелецкого полковника; потеряв крепость, польский король засел в укрепленном лагере и упорно отбивался, наконец должен был сдаться. Потеха не обошлась без раненых и даже без убитых.

Рядом с потехами на суше шли потехи на воде. Царь собственноручно построил яхту и спустил ее на Москву-реку весною 1691 года [117]; на Переяславской верфи работы продолжались, и царь так был погружен в них, что в феврале 1692 года Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алекс. Голицын сами ездили в Переяславль уговаривать царя приехать в Москву для приема персидского посла [118]. 1 мая был спущен на озеро первый корабль [119]; в июле весь двор отправился в Переяславль и пробыл там до сентября: царица Наталья, не имея возможности удержать сына в Москве, должна была сама отправляться на место его любимых потех.

Но матери трудно было следовать за богатырем, который рвался на более широкую воду, «охоте его равную». Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское — то было мелко. Неодолимая сила тянула его к морю. К матери за благословением — не пускает; наконец, «видя великое желание и неотменную охоту», пустила поневоле, взявши обещание не ходить самому по морю, а только посмотреть корабли. В июле 1693 года с большою свитою царь отпра-

вился на север к Архангельску. Как только завидел море, обещание, данное матери, было забыто: поплыл провожать иностранные корабли. А мать шлет письмо за письмом, пишет о возвращении: «О том, свет мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, света моего, не вижу. Писала я к тебе, к надежде своей, как мне тебя, радость свою, ожидать: и ты, свет мой, опечалил меня, что о том не отписал. Прошу у тебя, света моего, помилуй родшую тя, как тебе, радость моя, возможно, приезжай к нам не мешкав. Ей, свет мой, несносная мне печаль, что ты, радость, в дальнем таком пути. Буди над тобою, свет мой, милость божия, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надежде пресвятой богородице: она тебя, надежда наша, да сохранит».

«И ныне подлинно отписать не могу (о своем приезде), для того что дожидаюсь кораблей, — отвечает Петр, — а как они будут, о том никто не ведает, а ожидают вскоре; а как они будут, и я, искупя что надобеть, поеду тотчас день и ночь. Да о едином милости прошу: чего для изволишь печалиться об мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству матери божией; такого пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательством не точию я един, но и мир сохраняет господь. За сим благословения прошу — недостойный Петрушка».

Петр пишет, что был на море — обещание не сдержано. Новая причина матери беспокоиться, торопить сына, чтоб возвратился: «Сотвори, свет мой, надо мною милость, приезжай к нам, батюшка мой, не замешкав. Ей, ей, свет мой! велика мне печаль, что тебя, света моего — радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ко мне, что хочешь всех кораблей дожидаться: и ты, свет мой, видел, которые прежде пришли — чего тебе, радость моя, тех дожидаться? Не презри, батюшка мой свет, сего прошения. Писал ты, радость моя, ко мне, что был на море: а ты, свет мой, обещался мне, что было не ходить».

А у сына было на уме, как бы пойти подальше на будущий год. Он устроил верфь в Архангельске, заложил корабль, другой заказал в Голландии. По праздникам ходил в церковь, сам читал Апостол и пел с певчими на крылосе; обедывал у архиепископа Афанасия, с которым, между прочим, толковал о плавании по морям и рекам кораблями и другими судами; обедывал и ужинал у иностранных купцов и корабельных капитанов, которые могли порассказать ему так много любопытного.

Сжегши фейерверк, Петр 19 сентября выехал из Архангельска в Москву. Здесь всю осень работал над приготовлениями к новому морскому походу и принял название шкипера вместо бомбардира. На этот раз помехи быть не могло к морскому походу: 25 января 1694 года умерла царица

Наталья Кирилловна, на 42 году своей жизни, после пятидневной болезни. Петр оплакивал кончину матери чрезвычайно, записал очевидец [120]. После похорон (26 числа) вечером явились к царю братья и родственники покойницы, и приход их причинил новую чрезмерную скорбь; чрез день, 28 числа, записано, что Петр был на празднике у Лефорта, на другой день там же. Но не одни пиры Лефорта развлекали Петра в его горе: «Федор Матвеевич! — писал он к двинскому воеводе Апраксину [121], — беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу». Это живое состояло в том, чтоб приготовлено было все нужное для строения нового корабля в Архангельске.

1 мая Петр отправился во второй морской поход, которому придан был такой же потешный характер, как и сухопутным походам: адмиралом был назначен известный генералиссимус князь Ф. Ю. Ромодановский, «человек зело смелый к войне, а паче к водяному пути», как в шутку выражался об нем Петр [122]; вице-адмиралом — бывший польский король И. И. Бутурлин, контр-адмиралом (шаутбенахтом) — Гордон. Первым делом Петра по приезде в Архангельск был спуск на воду корабля, который заложил он прошлый год. Потом царь отправился на яхте «Св. Петр» в Соловки; на дороге поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо. Петр приобщился уже св. таин из рук сопровождавшего его архиепископа Афанасия; к счастию, нашелся искусный кормчий, Антон Тимофеев, который успел ввести яхту в Унскую губу, и они стали на якоре близ Пертоминского монастыря. Собственными руками Петр сделал крест в полторы сажени вышиною и поставил на том месте, где вышел на берег; на кресте виднелась голландская надпись: «Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694».

Побывав в Соловецком монастыре, Петр возвратился в Архангельск, где спущенный перед тем на воду корабль был оснащен, вооружен и назван «Св. Павел», ждали с нетерпением корабля, заказанного в Голландии, наконец и он явился, то был сорокачетырехпушечный фрегат «Santa profeetie» (Св. пророчество). Радость при получении этого сокровища ознаменовалась по обычаю большими пирами: «Что давно желали, ныне совершилось, — писал Петр в Москву к своим, — пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя; понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати». После пиров царь с своим флотом, состоявшим из трех кораблей, отправился провожать иностранные корабли

и доплыл до Святого Носа, крайнего пункта на Белом море. В первых числах сентября Петр был уже в Москве [123].

Кроме этих потех было еще одно любимое удовольствие молодого Петра — приготовление и сожжение фейерверков. Во всех потехах участвовала компания, эта знаменитая дружина, собранная из людей разных сословий, разного происхождения, побратавшихся во имя своего вождя, бомбардира и шкипера. Петр, несмотря на свою молодость и потешный характер своих занятий, успел уже из окружающего общества притянуть к себе лучшие силы, взять лучших людей, отличавшихся тою или другою способностию. Относительно этих способностей нас не должны смущать какие-нибудь иностранные известия, что тот или другой из сотрудников Петра имел мало сведений в том деле, которое было ему вверено: странно было бы предположить, чтоб Петр мог найти сонм гениальных людей, которые вдруг каким-нибудь чудом могли бы приобрести полное приготовление. Если бы Петр хотел окружить себя только людьми вполне приготовленными, то он должен был бы окружить себя одними иностранцами, отстранив всех русских; но этого-то он именно и не хотел, и все важнейшие должности поручал русским, хотя бы и недостаточно приготовленным, но способным людям, ибо ему не нужно было делать новое дело чужими руками, что́ было бы легко для него, но не прибыльно для России: ему нужно было приучать русские руки к новому необходимому делу. Но понятно, что с самого же начала иностранцы, долженствующие служить своими сведениями новому делу, были необходимы, и подле русских мы встречаем в компании иностранцев, обруселых и необруселых еще, подле Ромодановского, Плещеева, Стрешнева, Апраксина, Головкина, Трубецкого, Куракина, Репнина, Бутурлина, Матвеева, Головина видим Виниуса, Вейде, Кревета, Брюса. Люди, владевшие могущественным средством приобретения знаний, иностранными языками, выдвинулись, и те из них, которые были способны воспользоваться своим знанием, были способны к многообразной и сильной деятельности, были притянуты Петром. Так, одним из близких к нему людей сделался думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. Сын известного нам голландского выходца Андрея Денисова Виниуса, Андрей Андреевич родился в России, обрусел, был православный, от русских отличался только своим образованием, еще при царе Алексее Михайловиче был известен как переводчик книг, составитель краткой географии [124]. Теперь уже старик, Виниус откликнулся на зов молодого преобразователя, и мы увидим многообразную, изумительную в его годы деятельность. Подобною же деятельностию отличался и переводчик английского языка в Посольском приказе — Кревет; в Посольском приказе сидел еще переводчик — Шафиров: это

будущий вице-канцлер. Дела было много, рук мало, и члены дружины должны были заниматься многими делами, по примеру своего вождя — бомбардира, шкипера и корабельного плотника.

После марсовых и нептуновых потех дружина отдыхала на веселых пирах, в сильной борьбе с иностранцем Бахусом и с своим доморощенным Ивашкою Хмельницким. Как на сухопутных и морских потехах генералиссимусом и адмиралом был Ромодановский, а Петр ротмистром, бомбардиром или шкипером, так и на пирах главою компании был Никита Зотов, «Всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх»[125]. Петр был и здесь только дьяконом. На святках компания ездила Христа славить; сам царь ездил по всем боярам и палатным людям, Зотов ездил к купцам[126]. В январе 1694 года было большое торжество: женился шут Яков Тургенев на дьячьей жене; а за ним в поезду были бояре, окольничие, думные и всех чинов палатные люди; а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках, а в платьях были смешных: в кулях мочальных, в шляпах лычных, в крашенинных кафтанах, опушенных кошачьими лапами, в серых разноцветных кафтанах, опушенных бельими хвостами, в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах, в лубочных шапках. А Тургенев сам ехал с женою в государской лучшей бархатной карете; а за ним шли Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагины в бархатных кафтанах; женился он, Яков, в шатрах на поле между Преображенским и Семеновским, и тут был банкет великий три дня[127].

Когда молодой царь с своею компаниею потешался таким образом, в остальном обществе происходили явления, которые, с одной стороны, объясняли поведение компании, с другой — показывали, как необходимо было обществу обновление, которого собственными внутренними средствами оно достигнуть не могло. Вот печальная летопись:

В 1693 году била челом казначея царевича Алексея Петровича Татьяна, вдова стольника Всеволожского, что в доме боярина Кондратия Фомича Нарышкина при боярине и других свидетелях стольник Афанасий Кораваев называл ее воровкою. Свидетели показали: Кораваев говорил, что Всеволожская — воровка, и если б так приехала к нему, Афанасию, как приезжала к Степану Фефилатьеву, то он бы ее срубил. «Уже и женки ездят по разбоям!» — говорил Кораваев и, когда Нарышкин спросил его, кто женки? — отвечал: македонская княгиня[128] за воровство на площадь вывожена и на плаху кладена, а вдова Татьяна приезжала к Фефилатьеву двора зажигать. Кораваев показал, что он был у Нарышкина бить челом о родственнике своем Степане Фе-

филатьеве по делу с Всеволожскою Татьяне доправлено бесчестье по Уложению [129].

Князь Александр Крупский бит кнутом за то, что жену убил. В 1694 году явились в воровстве по язычной молвке стольники Владимир с братом Васильем Шереметевы; в этом деле пытаны князь Ив. Ухтомский, Лев и Григорий Ползиковы, Леонтий Шеншин; языки на них с пытки говорили, что на Москве они приезжали середи бела дня к посадским мужикам и домы их грабили, смертные убийства чинили и назывались большими. Шереметевы были освобождены на поруки и даны для береженья боярину Петру Вас. Шереметеву; и после того языки их казнены. В том же году изменил Федор Дашков, поехал было служить к польскому королю; пойман на рубеже, расспрашиван и повинился в отъезде; из Смоленска прислан скованный в Москву, в Посольский приказ, а из Посольского приказа освобожден, потому что дал думному дьяку Емельяну Украинцеву двести золотых. В 1693 году послана была царская грамота алатырскому воеводе о посылке стрельцов в Печерскую пустынь для обереженья богомольцев от разбойников: «В ту пустынь ежегодно, июля к 8 числу, к чудотворному образу Казанской богородицы бывает съезд для богомолья, и в то же время от воровских людей и от разбойников на пустынь, и на братию, и на богомольцев бывает всякое разорение и разграбление, и в прошлых годах ту Печерскую пустынь разбойники разбивали не по одно время». В том же году по указу великих государей в Сольвычегодске бывшему земскому всеуездному старосте Пачезерской волости крестьянину Степану Пустынникову велено учинить наказание: на площади перед приказной избою бить батоги, сняв рубаху, нещадно, для того что он, будучи в малых числах (короткое время) во всеуездных старостах по совету с малыми людьми, без ведома усольцев посадских и уездных людей, бил челом великим государям, будто со всего мирского ведома, о Максимке и Федьке Пивоваровых, чтоб им быть по-прежнему в приказной избе в подьячих, и к той челобитной он, Стенька, дважды руку приложил: вверху подписался старостою Стенькою Пустынниковым, а в другой раз вместо выборного Козырева и за себя подписался крестьянином Пачезерской волости Стенькою Федоровым; кроме того, посылал челобитную, будто от всего мира, на именитого человека Григория Дмитриевича Строганова; писал челобитье, в котором челобитье архимандрита Введенского монастыря называл ложным, затейным и своевольным, писал, что от этого в мире учинилась смута; к своему выбору и к челобитным велел прикладывать руки выборным и посадским и уездным людям, а посадские люди и волостные крестьяне с мирского совета его в старосты

не выбирали, и выборному посадскому и волостным выборным его выбирать не велели [130].

Понимали, что дела идут дурно, что так нельзя быть, но как помочь беде? Мнения делились: одни говорили, что за морем лучше и надобно смотреть туда; другие повторяли, что надобно прежде всего выгнать немцев, от которых все зло. Последнего мнения держался, как мы видели, патриарх Иоаким. Он торжествовал с падением Софьи: враг его Медведев был расстрижен, повинился в ереси, казнен как изменник, малороссийские духовные спешили уверениями, что во всем согласны с святейшим. К Барановичу, который отговаривался малороссийским обычаем, послана патриаршая грамота: «Писали мы к тебе, желая ведать согласие и единомыслие твое к св. восточной церкви и к нам, архипастырю твоему; и твое боголюбие, презирая и в ничто полагая нас, отца и архипастыря твоего, по прошествии многого времени едва отписал, и то не по своей мудрости; мы тебя спрашивали об одном, а ты отвечал о другом. Мы тебе предложили от востока, а ты, отскочивши в противную сторону, говоришь от запада; и простому человеку стыдно так говорить; вместо того, чтоб противопоставить нам обычай, преданный св. отцами, ты толкуешь о своем застарелом обычае и о новшествах, обретающихся неосмотренно в новосочиняемых ваших книгах. Изъяви нам все искренно и немедленно, да не обнаружится пред нами твое непокорство и презрение. Или ты один вне власти, нам данной? Митрополит Гедеон и архимандрит Варлаам прислали нам свое согласие и единоумие во всем. Коли ты нас о себе не известишь, не смей священнодействовать до совершенного о тебе суда; да знаешь главу и отца твоего и да научишься не быть презорлив и непослушлив к архипастырю своему и восточной церкви святой. Если же будешь согласен с св. восточной церковию и объявишь немедленно свое согласие и единоумие с нами, то священнодействуй невозбранно».

В. В. Голицын, покровитель иезуитов, сослан, и патриарх со всем освященным собором бьет челом, что «езувиты живут на Москве многое время без дела, а прежде сего изстари при предках государских римские езувиты в Московском государстве никогда не были и не живали; а ныне живучи они, езувиты, в Москве чинят многую св. соборной апостольской церкви и догматом ея противность печатными письмами и образами на полотнах и на роговой кости, также и иными прелестями, а у св. соборной апостольской восточной церкви с западным римским костелом многие несходства, и чтоб великие государи больше сего им, езувитам, за такими вышепомянутыми препятствиями в Московском государстве жить не позволили». Великие государи указали: «Езувитов (Давида и Товию) с Москвы отпустить милостиво и дать им

жалованье и подводы до литовского рубежа». Иезуиты били челом, чтоб позволено им было описаться об отпуске своем к цесарскому величеству и дать бы им сроку до тех пор, пока они продадут двор свой в Немецкой слободе, который куплен из цесарской казны, и сами в дорогу уберутся. Пересылаться им с цесарем не позволили и для сборов в дорогу дали только два дня. Чтоб вперед иезуиты как-нибудь не прокрались в Россию, издан был указ: «Великие государи указали для братской дружбы с его цесарским величеством быть на Москве при одном и другому, только б те ксендзы, живучи на Москве, ни в какие неподлежащие и не в свои дела не вступались и вере греко-российской никакой противности не чинили и русских людей не отвращали, и в домы к русским людям не ходили, а службу отправляли в домах у начальных людей римской веры, также бы и чрез почты как вестовых, так и затейных никаких писем в иные государства отнюдь не писали и не посылали, и под именем тех ксендзов в их ксендзовом платье не жили б на Москве езуиты, а были б те ксендзы светские плебаны, а не езуиты; а буде вместо тех плебанов объявятся на Москве езуиты, и те езуиты, также и плебаны высланы будут из Москвы вовсе и впредь им на Москве жить будет не позволено» [131].

В торжестве своем над Медведевым и иезуитами Иоаким, разумеется, не мог стать ласковее к служилым иноземцам, против которых сильно вооружался и прежде. 28 февраля 1690 года, по случаю рождения царевича Алексея Петровича, знатнейшие из этих иноземцев должны были обедать за царским столом; патриарх настоял, чтоб их не было за столом [132], и это в то время, когда молодой царь и вельможи его не могли обойтись без иностранцев, сами ездили к ним и к себе постоянно приглашали. Перед смертию (в марте 1690 года) Иоаким составил завещание, в котором увещевал государей не допускать православных христиан дружиться с еретиками-иноверцами, латинами, лютеранами, калвинами и безбожными татарами, не давать иноверцам строить свои мольбища, а которые уже построены, разорить; чтоб запретили в полках и во всем государстве проклятым еретикам быть начальниками: «Какая от них православному воинству может быть помощь? только гнев божий наводят. Когда православные молятся, тогда еретики спят; христиане просят помощи у богородицы и всех святых — еретики над всем этим смеются; христиане постятся — еретики никогда. Начальствуют волки над агнцами! Благодатиею божиею в русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных, очень много. Опять напоминаю, чтоб иноверцам-еретикам костелов римских, кирок немецких, татарам мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в

платье перемен по-иноземски не вводить Удивляюсь царского синклита советникам полатным и правителям, которые на посольствах в иных землях бывали, видели, что всякое государство свои нравы и обычаи имеет в одеждах и поступках, свое держат, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют; в немецких государствах есть ли где церковь благочестивой веры?» [133]

Не ранее трех месяцев по смерти Иоакима, в июле 1690 года, собор начал рассуждать о выборе ему преемника: высшие указывали на Маркелла, митрополита псковского, человека ученого и образованного, низшие были против Маркелла и указывали на Адриана, митрополита казанского. Царь Петр пристал к архиереям и хотел Маркелла, но царица Наталья Кирилловна с архимандритами, игуменами и нижним духовенством стояла за Адриана. Врагам Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патриарх будет благоприятствовать иноверцам; какой-то архимандрит подал царице сочинение, где обличал Маркелла в ереси. Враги Маркелла пересилили, и Адриан был возведен на патриаршество [134].

Новый патриарх не мог не обратить внимания на страшное зло, семейную неурядицу, происходившую от неправильных отношений двух полов, от странного способа заключения браков. В ноябре 1693 года Адриан издал указ: «Священницы сопружествующие согласия жениха и невесты не истязуют и небрежно о сем имут, множицею и не хотяще едино лицо другому и не любящися между собою сопружествуют и по сицевому началу и прочее житие тех мужа и жены бывает бедно и друг друга наветно и детей бесприжитно, и то творится вельми грешно и пребеззаконно: и великий господин указал досматривать, чтоб отныне к венчанию приходящих жениха и невесту священником поособно истязовати и накрепко допрашивати, по любви ли и согласию друг другу сопружествуются, а не от насилия ли или неволи каковы, а будет женское лицо, а паче девицы стыдятся сие рещи, допрашивати родители ея, паче же матерь, или аще матери не имать, сестры ея допрашивать о том, и аще кое их лице, паче же девическое совершенно умолчит или иное каковое знамение появит, отвращение лица от сопружника, плевание или отрясение руками, и таковых не сопружествовати, дондеже совершенное согласие ко друг другу появят» [135]. Разумеется, средства, предложенные в указе, не могли уничтожить или ослабить зло; странно было допрашивать отца и мать, когда браки заключались по их единственной воле; но указ этот очень важен для нас в том отношении, что служит введением к последующим мерам Петра насчет заключения браков.

Правительство светское должно было обратить внимание на бесчинства, которые позволяли себе *безместные* монахи и монахини, попы и дьяконы. В марте 1694 года состоялся именной указ: «Буде безместные чернецы и черницы в Кремле, Китае, Земляном городе и попы и дьяконы безместные же, безчинно и неискусно, также которые гулящие люди, подвязав руки или ноги, а иные глаза завеся и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, а по осмотру они всем здоровы: и тех чернецов и черниц, и попов и дьяконов имать и приводить их в Стрелецкий приказ, а из Стрелецкого приказа отсылать в Патриарший приказ, чтоб отнюдь чернецы и черницы и безместные попы и дьяконы по улицам нигде не бродили и по кабакам не водились»[136]. Еще прежде новгородский митрополит Корнилий велел своим подьячим и недельщикам хватать на кружечных дворах лиц духовного звания, также и по улицам в нетрезвом виде и приводить в Митрополичий приказ, «и от того себе скупов и поминок не имать и их не отпускать»[137].

Борьба с раскольниками продолжалась в прежней силе. Мы видели, что козаки-раскольники ушли с Дону на реку Аграхань, во владения шевкала тарковского. В начале 1691 года был отправлен к ним с призывною грамотою дворянин Басов. Когда в половине марта он приехал на Дон и потребовал у тамошних козаков, чтоб они дали ему провожатых и отпустили на Аграхань, то козаки отвечали: «Отпустить нам тебя нельзя, потому что мы уже раз посылали к раскольникам с царскою же грамотою, и они одного посланного убили и двоих других отпустили на Дон и с ними к нам приказали, чтобы мы отнюдь вперед с государевыми грамотами и войсковыми письмами к ним никого не присылали, а пришлем, то всех побьют». Послали в Москву к великим государям за указом; указ пришел: ехать Басову на Терек ко вдове князя Алегука Сунгеневича Черкаского, княгине Тауке Салтанобековне, и как она велит ему поступать, так и делать. Басов взял троих козаков с Дону и поехал к княгине Тауке на Царицын, на Астрахань и на Терек, из Терека приехал в улусы к княгине Тауке. Выслушав, в чем дело, княгиня послала в улусы к Шевкалову брату Алибеку, чтоб приехал с нею повидаться. Алибек приехал, и Таука говорила ему, чтоб взял Басова с козаками и отвез их к брату своему Шевкалу и сам уговаривал бы его, чтоб отдал в царскую сторону беглых с Дону козаков-раскольников. Поехали к Шевкалу; тот, выслушавши Басова, отвечал: «Козаки пришли ко мне с Дону волею, и живут в моем владении по воле же; я за ними не посылал и выслать мне их неволею нельзя, потому что у нас так не водится, почитаю я их у себя за гостей; а чтоб они великим государям вины свои принесли и

шли жить по-прежнему на Дон, о том я говорить им буду и милостию государскою обнадеживать, как возможно, но обратятся ли и пойдут ли на Дон или нет, того не ведаю; если пойдут, то я их держать не стану, отпущу тотчас; а ты бы к ним не ездил; если поедешь, то убьют они тебя до смерти, обошлюсь с ними я».

Послал шевкал к раскольникам в первый раз есаула; есаул возвратился с ответом, что козаки ездить к себе Басову не велели; а приедет, убьют. Послал шевкал в другой раз брата своего Алибека; тот привез ответ подробнее, раскольники говорили: «Чтоб вперед к нам из Москвы и с Дону никого не присылали и людей понапрасно не теряли; нам здесь жить хорошо и повольно, шевкал веры у нас не отнимает, живем, как хотим, веру держим, как кто знает, нужды нам никакой нет, идти нам назад в домы за каким добром? знаем, что нам будет!»

Чрез несколько времени приехали к шевкалу от раскольников четыре человека, долго сидели у шевкала, а потом виделись и с Басовым; тот их всячески увещевал, царскою милостию обнадеживал и давал им государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: «Ваши цари солгали голове нашему шевкалу в жалованье, обещанного не прислали, а нам и подавно солгут; а хотя и ратных людей на нас пошлют, то нам весть будет из Астрахани от иноземцев тотчас, и по ведомости пойдем мы к хану в Большую Кабарду; а там нам никто ничего не сделает». Басов узнал наверное, что шевкал раскольников не выдаст, потому что с ними вместе ворует, посылает людей своих с ними на море грабить и половину добычи берет себе [138].

В начале 1693 года атаман козаков-раскольников Семен Саратовец с семью товарищами явился к крымскому хану с жалобою на кумыков, ханских подданных, которые осенью напали на козаков и взяли в плен 250 человек жен и детей, кроме того, отбили всю добычу, которую взяли раскольники, разбивши два персидские судна. Козаки просили управы у хана, просили также указать место, где бы им поселиться на Куме-реке особо, а между кумыками и черкесами жить больше не хотят. В думе у хана было приговорено исполнить все просьбы козаков, причем хан обещал дать им две пушки с припасами. В это время в Крыму жил русский гонец Айтемиров; толмач его при встрече с Саратовцем спросил его: «Для чего вы милость государскую к себе забыли и, оставя христианство, какого добра у бусурман себе ищете?» — Саратовец отвечал: «А как нам на Дону жить? старую веру ныне выводят, а держат новую, и крестное сложение не так, как прежде бывало, и для той новой веры с Дону у нас к Москве забрали людей добрых и заслуженных, Кирея Матвеева с товарищи и показнили неведомо за что, и нам на

Дону поэтому жить нельзя. Увидим мы и здешнюю татарскую правду, как они нам все отдадут; а если татары ничего доброго нам не сделают, то мы знаем дорогу и на Дон попрежнему, и надеемся, что великие государи принять нас туда укажут» [139].

Как видно, раскольники были удовлетворены, потому что в июне 1693 года черноярский воевода доносил астраханскому, что 6 июня прибежали безвестно сверху из стана воровские воинские люди, человек сот с пять и более и к городу приступали, и с теми воровскими воинскими людьми бой был долгое время; а знатно с теми ворами были раскольщики-козаки. Астраханский воевода отвечал черноярскому: писал с Дону атаман Фрол Минаев, что вышли к ним в войско из-за Кубани два полоняника и сказали: воровские козаки-раскольщики, которые живут за Кубанью, собираются идти, соединясь с крымскими и едисанскими мурзами, большим собранием, для воровства, под царицынскую заставу к Волге-реке, на рыбные ватаги и к Черному яру [140].

С севера также неутешительные вести: в марте 1690 года в Устюжском уезде, в Черевковской волости сожглось более сотни раскольников, мужчин, женщин и младенцев. 21 июля 1693 года пришли силою в Пудожский погост раскольники, незнаемые люди и жители того же погоста, вошли в церковь, били всполох в церковные колокола, церковь у попов отняли и засели, самих попов били, домы их разграбили и разорили, а по смете раскольников было ста два и больше, между ними монах и много дьячков, один назывался Василием Емельяновым, которого другие называли учителем. Раскольщики влезли на церковные главы, и кресты на них и внутри церкви иконы водою обмывали; при этом три женщины были будто вне ума, а как образумились, говорили, что в церквах надобно действовать Василью Емельянову с советниками, а попам отказать. По царскому указу олонецкие воеводы послали на раскольников сотника стрелецкого и подьячего. Посланные, узнав, что раскольники засели в деревне Строкиной в четырех избах, отправились с понятыми людьми их уговаривать, чтоб принесли покаяние; но раскольники в ответ говорили всякие богомерзкие слова, на церковь и на четвереконечный крест великую хулу износили; стрельцы обступили около дворов и хотели перехватать раскольников живыми, но те начали отстреливаться; стрельцы стали просекать стены, тогда раскольники зажгли избы и сгорели все без остатка. В Олонецких местах образовался знаменитый Выговский монастырь, о начале которого рассказывал крестьянин Терентий Артемьев, из Шуйского погоста Мунозерской волости: «Приходил в нашу деревню Ек-наволок к сестре своей в гости той же волости крестьянин Митрошка Терентьев и, призвавши меня, начал подговаривать в раскол на

леса за Онежское озеро. Я его послушал и с ним в раскол пошел; да с нами же шли прежние его, Митрошкины, товарищи, и пришли мы пять человек в Шуйский погост в вотчину Тихвина монастыря к празднику, к Благовещеньеву дню, и жили в деревне на Хошозере две недели для распутного времени. Жили мы у митрошкиных советников, и приходили к Митрошке на совет для расколу крестьяне Шуйского погоста, советовались, чтоб в раскол на леса ходить. Проживши здесь две недели, прошли мы по льду чрез Онежеское озеро на лыжах на берег в пристанище судовное и пошли на леса к востоку, а дорога учинена пешеходная, верхом на лошади для болот, дрябей и лесов проехать с нуждою можно. У Белого озера у Митрошки построена келья, где с Митрошкою живут раскольники человек с десять из разных мест. От Митрошкиной кельи до Верхнего Выга реки дикими лесами, болотами и дрябями пешею дорогою 15 верст, а на лошадях проехать нельзя. Подле той реки построено келей с десять, живут в них начальник раскольнический, беглый соловецкий чернец Корнышка (Корнилий) с товарищами и советниками своими; ростом он, чернец, не велик, седат и стар; в сборе у него раскольников из разных городов и мест, мужеского пола, женок, девок и стариц человек со сто. Кельи стоят подле Выга-реки врознь, между иными кельями расстояния полверсты и больше; да на реке против тех келий построена мельница; ружья никакого мелкого и припасов в тех кельях нет, а только у них построены малые хороминки на столбах и в них держат хлеб, а пашут они без лошадей и землю размягчают железными кокотами. При мне приходили к чернецу из иных келий на исповедь, и он их исповедовал и причащал, а как он причастье строил, я видел: взяв ягоды брусники и муку белую ржаную или пшеничную, смешав вместе, и тем их причащал. Будучи в тех пристанищах на лесах, слышал я, что есть раскольническое пристанище на той же реке Выгу выше, начальник в нем бывший церковный дьячок Данило Никулин, и с ним в сборе многое число и беспрестанно множатся; келья у Данилы великая, и в ней устроены окна, откуда от присыльных людей борониться, три пушки медные привезены от моря, пищалей, бердышей и пороху много, покупают оружия, выезжая по ярмаркам, хлеб пашут на лошадях, рыбу ловят на диких озерах».

Кроме раскольников у церкви были другие враги, которые не бежали ни в леса, ни в степи, но открыто в столице объявляли свои взгляды, не подвергаясь, впрочем, за них ни заточению, ни сожжению. От описываемого времени дошла до нас любопытная проповедь, говоренная патриархом в день св. Алексия митрополита перед одним из походов на турок. Вооружаясь против старого порока — пьянства, проповедник вооружается и против новых грехов: «Не только прочие в

году узаконенные посты, но и великую четыредесятницу многие презирают. Мущины, женщины, юные отроки и священного чина люди всегда упиваются; и вином, и табаком и всяким питием без сытости пьяны, и съедают не только запрещенные яствы, но рвением и завистию друг друга съедают, убивают и грабят, неправдосудствуют и обижают. Общая пословица носится: все то людям изъян, отчего кто пьян. Мера во всем человека в доброе дело будит, безмерно же не токмо вредный и скаредный табак, но и ренское вино губит. Теперь и благородные и простые, даже юноши, хвастаются пьянством, говоря бесстыдно друг другу: тогда-то и тогда я был пьян и церковное торжество в праздники господни проспал. Не только по пьяным и ночным своим празднищам, но повсюду люди не ученые, в церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели. Совратясь от стезей отцов своих, говоря: для чего это в церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить. Едва только святым книгам узнает имя, или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри правит, людям всем тщится повелевать, устроять чины церковные и гражданские. Еретики и раздорники говорят: на что эти посвящения, памяти по усопших душах, молебны богу, богородице, угодникам божиим [141]?»

Призванные на защиту церкви ученые старцы Иоанникий и Софроний Лихуды преподавали в Заиконоспасском монастыре риторику на греческом и латинском языках и логику по системе Аристотеля. Но эти занятия были прерваны соблазнительным происшествием. У старца Иоанникия был сын Николай, который носил в Москве княжеский титул, хотя более был известен под именем учителева сына. Этот Николай завел связь с дочерью задворного конюха Марьею Селифонтовою; он ее увез, одел в мужское платье, привез в школы, запер в чулане. Потом нанял ей квартиру, где держал под надзором своего холопа и жены его. Наконец стал ей говорить, что, одевши ее в мужское платье и убравши в накладные волосы, будет водить ее в школы, учить по-гречески, под именем своего племянника. Это предложение пришлось не по нраву Марье Селифонтовой: особенно не понравилось ей, когда Николай объявил, что увезет в Венецию или выдаст замуж за одного своего родственника, и в случае сопротивления грозил смертию. Марье удалось склонить на свою сторону караулившего ее холопа, чрез которого она дала знать обо всем отцу своему. Отец поспешил к ней на помощь и «вынул ее с стрельцами», хотя прежде смотрел благосклонно на поведение дочери. Когда Марья рассказала все в Разряде,

то отсюда послали в школы взять Николая Лихудия и привести его для допросу. На Никольскую отправились разрядные подьячие и стрельцы. Подьячие поставили стрельцов у ворот, а сами пошли для повестки к учителям; взявши Николая, они вели его по верхним переходам, как вдруг из школы выбежали старцы и ученики, схватили подьячего, начали его бить и за волосы таскать; подьячий кликнул стрельцов, чтоб не подали, но и стрельцы на этот раз не могли ничего сделать: монах с учениками гонялся за ними, бросал скамьею, кричал: «Что вы приходите воровски!» Наконец подьячих и стрельцов согнали с переходов и ворота заперли. Такое поведение стариков Лихудов, разумеется, не могло заставить правительство благосклонно смотреть на князя Николая, хотя он и клялся, что не имел намерения уехать в Венецию, будучи облагодетельствован царями, что девка *Манка* — особа, известная своим безнравственным поведением, и верить ей нечего. Лихудам, как видно, не понравилось после этого в Москве, и в августе 1694 года пограничным воеводам были разосланы указы — ловить греческих монахов, братьев Иоанникия и Софрония и детей последнего, Николая и Анастасия, ушедших из Москвы. Беглецы были пойманы, и понятно, что не могли остаться в прежнем значении: их сослали из академии в типографию, где они стали учить италиянскому языку [142].

От 1694 года дошла до нас роспись боярских и иных чинов детям, которым по именному указу учиться италиянскому языку у учителей-греков — Иоанникия и Софрония Лихудиевых. Боярские дети: князя Петра Ив. Хованского два сына, Федора Петр. Салтыкова два, Алексея Петр. Салтыкова два, Ив. Фед. Волынского два. Дети стольников: князя Фед. Андр. Хилкова два сына, князя Ив. Мих. Черкаского шесть сыновей, Сем. Алексеев. Языкова один. Дьячьи дети: Волкова один сын, Кондратова один, Степанова один, Иванова два, Верещагина два, Полянского один, генерального писаря Инехова один. Из дворян: Палицына один; уставщика один. Гостей и гостиной сотни 23 человека [143].

Новости, начавшие вводиться в описываемое время, корабли, фейерверки, возбуждая умственное движение в одних, распаляли воображение в других и повели к следующему явлению. В апреле 1694 года закричал мужик «караул» и сказал за собою государево слово, приведен в Стрелецкий приказ и в расспросе сказал: сделал он крылья, станет летать, как журавль. По указу в. государей сделал он себе крылья слюдяные, стали 18 рублей из государевой казны. В назначенный день боярин князь Ив. Бор. Троекуров вышел смотреть, как полетит журавль; мужик надел крылья, перекрестился и начал подымать мехи, но никак не мог подняться: «Тяжелы сделал крылья», — говорил он, бил челом,

чтоб ему сделать другие крылья, станут всего в пять рублей. Но боярин раскручинился, и вместо крыльев учинено мужику наказание: бить батоги сняв рубашку, и деньги 18 рублей велено доправить на нем, продать все имение [144].

Внешняя деятельность правительства в описанные четыре года по свержении Софьи представляла не много замечательного. Заведование иностранными делами после В. В. Голицына принял на себя Лев Кириллович Нарышкин. Он отличался важным в его положении качеством, спокойным беспристрастием; но вовсе не отличался предприимчивостию; притом же неудачные походы в Крым и холодность, даже враждебное расположение союзников-поляков, не могли дать больше охоты к деятельному продолжению войны. А между тем в Малороссии и в русских областях, находившихся под польским владычеством, происходили любопытные явления.

10 августа 1689 года, когда Москва, вследствие удаления царя Петра, была в недоумении и страхе, подъезжал к столице, к Калужским воротам, гетман обеих сторон Днепра Иван Степанович Мазепа. По указу великих государей и великой государыни к нему навстречу отправился дьяк Бобинин с каретою из царской конюшни. Мазепа, севши в карету, сказал: «Слава господу богу, что, по милости великих государей, благоволил господь бог быть в их царского величества карете. Какая это карета? видно, что стародавнего немецкого дела». — «В этой карете всегда въезжают великие и полномочные послы иностранных государей», — отвечал дьяк. Потом гетман завел речь о крымском походе, о победе великороссийских и малороссийских войск над татарами: «Никогда еще такой победы над крымцами и такого страха им не бывало, как теперь промыслом ближнего боярина князя Вас. Вас. Голицына. А что за безводными и бескормными местами и за другими препятствиями перекопского вала и башен не разорено, так сделать это было трудно. Читал он, гетман, хронику, в которой написано именно: в древних летах приходил на Крым Дарий царь персидский со множеством войска и хотел Крым взять и разорить, а в то время Крым еще и не так был укреплен: и за такими же безводными и бескормными местами и иными трудностями Перекопи взять и Крыму разорить не мог, только войска своего под Крымом потерял с 80 000, и с великим стыдом насилу от Перекопи отступил и впредь обещание положил — на Крым войною отнюдь не приходить. А ныне царского величества ратные люди бились с татарами под Перекопом мужественно и поганских трупов положили множество, а сами отведены в целости».

На встрече во дворце Ивану Степановичу говорили длинную речь, что мужественною и храброю службою князя Вас. Вас. Голицына и его, гетмана, бусурманы нечаянно и никогда

неслыханно от государских ратей в жилищах своих поражены и от страха сами своим жилищам явились разорители.

Дела пошли плохо для Софьи и Голицына, Шакловитый был выдан, все стремились к победителям к Троице, поехал туда и гетман в большом страхе за свои прежние отношения к падшему правительству. Действительно, у Троицы были люди, которые советовали отделаться от голицынского клиента; но другие думали иначе: до сих пор гетманы сменялись только вследствие явной измены или желания самих малороссиян. А если не сменят гетмана, то надобно привлечь его на свою сторону милостями, и вот Мазепа был встречен и у Троицы также похвальною речью за верную и радетельную службу и за усердное в воинском деле попечение. Гетман, жалуясь на болезнь, отвечал короткою речью, что обещается служить великому государю до последней капли крови. Мазепа, видя милостивый прием, спешил рассеять всякое подозрение в новом правительстве полным разрывом с старым: доносил, что угрозы Леонтия Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами, и потому бил челом, чтоб его вознаградили за это из имения Голицына. Челобитье было принято как знак полной приверженности к новому правительству, и все просьбы Мазепы были исполнены. Он приезжал в Москву за жалованною грамотою, подтверждавшею все прежние права и вольности малороссийские; грамота была дана. Мазепа также бил челом о прибавке великороссийских ратных людей в малороссийские города; о точной переписи козаков, чтоб после, смотря по обстоятельствам, нельзя было никому сказываться то козаком, то мужиком; о пополнении охочих полков; о том, чтоб великороссийские посланцы не смели требовать подвод без предъявления царских грамот: на все последовало согласие. Гетман поставил на вид, что необходимо ограничить винокурение, которое страшно истребляет леса, вследствие чего большинство жителей терпит и еще более будет терпеть вреда, тогда как очень немногие обогащаются; государи указали гетману сделать по своему рассмотрению, остерегая, однако, накрепко, чтоб посполитым людям не было никакой тягости и разорения, потому что малороссияне пожалованы прежними их правами и вольностями. Мазепа обещал посоветоваться об этом со старшиною. Следовали частные дела: гетман жаловался на бывшего переяславского полковника Дмитрия Райчу, который постоянно бранит его заочно и бесчестит при старшине и полковниках; Мазепа объявил, что он будет жаловаться на Райчу на рождественском съезде старшине и полковникам. Наконец, Мазепа выхлопотал царский указ, которым велено было стольнику князю Юрию Четвертинскому выехать из Москвы в Малороссию. Четвертинский, приехав в Малороссию, женился на дочери Самойловича и

жил, по приказанию Мазепы, в Глуховском уезде, в хуторе Дунаевском вместе с тещею.

Таким образом, падение Софьи и Голицына не нарушило добрых отношений гетмана к правительству русскому. Враги Мазепы сильно обманулись, но еще не думали отказываться от надежды повредить гетману в Москве. Польша была готовым к тому орудием. К русскому резиденту в Польше стольнику Волкову 16 декабря 1689 года пришел по знакомству шляхтич благочестивой веры Подольский, который при короле исправлял должность *покоевого* (комнатного) дворянина. На этот раз Подольский принес важные вести. Недели с три тому назад приехал к королю из России через Смоленск монах Соломон, который был с образом Спаса в крымском походе. Соломон привез к королю письмо от гетмана Мазепы, написанное еще в то время, как гетман пошел от Перекопи в Батурин. О чем писано в письме, Подольский сказал, что не знает, только подпись не гетманской руки, а печать гетманская большая. Король велел монаху жить близ Жолквы в монастыре, и не знает, как отвечать на это письмо, ибо ему известно, что цари к гетману и ко всей старшине благоволят: Волков отвечал, что Мазепа служит царям верно, и письмо должно быть составное, воровское, а не гетманское, составлено для того, чтоб навести на гетмана царскую немилость: подлог ясен из того, что подпись не гетманской руки, а печать могли подделать; король таким письмам верить бы не изволил и приказал бы чернеца отослать в Россию. Шляхтич заметил, что выдать монаха нельзя, потому что ему и тем людям, которые писали письмо, придется плохо.

В то же время Волков узнал, что приехали к королю из Запорожья полковники Лазука и Забияка с письмами от кошевого Гусака. Запорожцы жаловались, что с царской стороны им большое утеснение; запасов в Сечь не пропускают, за добычею ездить вниз Днепром нельзя, опасно от татар. Для этого они с ханом крымским помирились и бьют челом королю, чтоб принял их под оборону и прислал указ, как им с русской стороны быть безопасными и держать ли мир с крымским ханом или воевать с ним? Тот же шляхтич Подольский говорил Волкову, что король запорожцев в подданство не примет, разве прикажет им что тайно. Достоверно, что король имеет дружбу с Крымом и будет рад всякой смуте между козаками городовыми и запорожскими, потому что нынешний вечный мир королю не прибылен и не потребен, королю жаль городов и земель, уступленных царям. Подольский объявил также, что король послал на Украйну шляхтича Искрицкого неизвестно зачем, а дочь Искрицкого за миргородским полковником Апостоленком.

Волков при первом свидании с коронным гетманом Яблоновским спросил у него, что значит этот приезд запорожцев

к королю? Яблоновский отвечал, что король никогда не нарушит мирного договора, не примет Запорожья в свое подданство; запорожцы приехали для вступления в службу королевскую под тем предлогом, что на Запорожье большой голод вследствие непропуска туда запасов из России; но вступление нескольких запорожцев в службу королевскую договора не нарушает.

24 декабря опять пришел к Волкову Подольский с вестями: 22 числа король отпустил монаха Соломона на Украйну, письма никакого с ним не послал, а велел на словах привлекать гетмана к себе, обнадеживать его своею милостию и жалованьем. Подольский подтвердил и о запорожцах, что они действительно просятся в оборону королевскую; король призывал к себе Лазуку и Забияку, после чего при дворе разгласилось, что король хочет принять всех запорожцев в оборону тайными вымыслами; король старается всякими мерами, чтоб и городовых козаков помутить и к себе привесть.

В начале 1690 года новые вести о неприязни польской. Лубенский козак Мозыра ездил по своим делам в Польшу и, возвратясь в Батурин, рассказывал о своем разговоре с гетманом Яблоновским. Гетман, расспросив его, что делается на Украйне, примолвил: «Мы знаем наверное, что взят в Москву и с старшиною гетман Мазепа и также сослан в Сибирь, где и старый Самойленко; видишь хитрость и лживость московскую: не хотят они распространять вольность Войска Запорожского, хотят его ни на что свести, чего не дай боже. Москва и нас обманула: однако мы промышляем отплатить ей таким же способом».

В марте месяце монах Соломон возвратился из Украйны в Польшу и, не доезжая полмили до Варшавы, в селе Солке нанял студента писать письма от имени гетмана Мазепы: одно к королю, другое к гетману Яблоновскому; в обоих письмах говорилось, что он, Мазепа, со всем Войском Запорожским желает быть в подданстве у королевского величества; за работу студенту монах дал два ефимка, имя гетманское написал сам и запечатал поддельною печатью. Монах остался в Солке, а студент отправился в Варшаву, где, пьянствуя с товарищами в корчме, он расхвастался, каким способом заработал ефимки, и в доказательство прочел черновые письма, оставшиеся при нем. Донесли королю, тот призвал к себе студента, и студент рассказал ему дело, как было. Чрез несколько времени приезжает в Варшаву и сам Соломон, прямо к королю, и подает письма от гетмана Мазепы; но тут сейчас же очная ставка со студентом, который подает и черновые письма для окончательной улики. Соломон должен был повиниться, повинился, что и прежде приезжал также с воровскими письмами, а у гетмана Мазепы никогда

не бывал. Король велел его посадить в нижние палаты дворца Яна Казимира и держать за крепким караулом; а студенту велел выдать два сукна и несколько ефимков. Все это Волков проведал от верных людей, от православных священников, которые знакомы с ближними королевскими людьми.

Этим, однако, дело не могло кончиться, потому что король, когда в первый раз получил гетманское письмо от Соломона и отослал последнего с устным ответом к Мазепе, в то же время поручил львовскому епископу Иосифу Шумлянскому войти в сношения с гетманом. Шумлянский охотно принял поручение, потому что в отпадении Мазепы от Москвы увидал средство достигнуть заветной цели — киевской митрополии. Он немедленно же отправил к Мазепе доверенного человека шляхтича Доморацкого с таким письмом: «Молю вашу милость поскорее объявить, в какие отношения желает вступить к королю и республике; теперь, во время сейма, самое удобное для тебя время отозваться со своим желательством к королевскому величеству чрез меня, желательного тебе, республике и королю слугу. Желаем одного: отпусти как можно скорее вручителя этого письма, объявивши ему, что хочешь сделать для короля и республики. В божие время работайте, и промышляйте, как бы снять то иго с вольной шеи своего народа. Когда уверимся в приязни вашей милости, сейчас же начнем работать насчет обеспечения, какое должны будут дать вашей милости король и республика». Изустно Доморацкий объявил, чтоб гетман поскорее отзывался со своим желательством на сейм, который будут нарочно тянуть до того времени, пока получат этот отзыв, и ему, Доморацкому, велено как можно спешить, чтоб непременно возвратиться к Светлому воскресенью по новому календарю. Двум полковникам, стоящим не далеко от границ малороссийских, дано приказание быть наготове и по первой обсылке гетмана спешить безо всякой отговорки в Малороссию. Если бы теперь гетман вскоре отозвался с желательною склонностию к польской державе, то епископ Шумлянский, одевшись в мирское купеческое платье, сам приехал бы тайно в Батурин, чтоб именем королевским переговорить обо всем из уст в уста: о вольностях и правах войсковых и чести гетманской, как все это должно быть на будущее время.

Мазепа стоял с войском в Лубнах, когда получил это страшное посольство: он велел отдать Доморацкого под караул, подвергнуть его пытке, а письмо Шумлянского отправил немедленно в Москву, куда вслед за тем прислан был и Доморацкий, который был поставлен пред польским резидентом Домиником Довмонтом и повторил пред ним, от кого и зачем был прислан к Мазепе. Резиденту дано было выразуметь, какая с королевской стороны явная противность: как

теперь после этого поступать, чему верить, где обнадеживание и обязательство союзное и правда?

Между тем в марте 1690 года в Киеве подкинуто было письмо на имя царей, в котором говорилось: «Мы все в благочестии живущие в сторонах польских благочестивым монархам доносим и остерегаем, дабы наше прибежище и оборона не была разорена от злого и прелестного Мазепы, который прежде людей наших подольских, русских (галицких) и волынских бусурманам продавал, из церквей туркам серебро продавал вместе с образами; после, отдавши господина своего в вечное бесславие, имение его забрал и сестре своей в наших краях имения покупил и покупает; наконец, подговоривши Голицына, приехал в Москву, чтоб вас, благочестивого царя Петра Алексеевича, не только с престола, но и со света изгнать, а брата твоего Иоанна Алексеевича покинуть в забвении. Другие осуждены, а Мазепу, источник и начаток вашей царской пагубы, до сих пор вы держите на таком месте, на котором если первого своего намерения не исполнит, то отдаст Малороссию в польскую сторону. Одни погублены, другие порассыланы, а ему дали поноровку, и он ждет, как бы свой злой умысл в тайне совершить. И Шумлянский наш униат, а на деле римлянин, поддается московскому патриарху нарочно, чтоб там, вместе с Мазепою, мог удобнее ковать пагубу престолу вашему царскому».

Киевский воевода князь Михайла Ромодановский переслал письмо в Москву, откуда немедленно отправился в Батурин подьячий Михайлов, который должен был отдать письмо гетману, уверить его в милости царской и спросить: «Как он, гетман Иван Степанович, рассуждает, в польской ли стороне это письмо писано и какое он в Польше имеет подозрение? Или подозревает он кого-нибудь из великороссийских и малороссийских жителей? не из Запорожья ли? Написаны такие дела, о которых в Польше и Литве, кажется, и знать нельзя. Подумал бы гетман, как об этом письме розыскать?»

Приняв письмо у посланного, Мазепа пять раз поклонился до земли, благодаря за милость царскую; потом прочел письмо, осмотрел его со всех сторон, взглянул на образ богородицы, прослезился и сказал, воздев руки к образу: «Ты, пресвятая богородица, надежда моя, зришь на убогую и грешную мою душу, как денно, так и ночью непрестанно имею попечение, чтоб помазанникам божиим до кончины живота своего услужить, за их государское здравие кровь свою излить; а враги мои не спят, ищут, чем бы могли меня погубить».

Насчет составителя письма гетман писал государям: «Не могу я вполне малым моим умом понять, от кого бы именно произошло это лукавое, плевелное и злоумышленное письмо.

Подозреваю я Михайлу Гадяцкого, который недавно еще обнаружил ко мне неприязнь, старался навести на меня гнев царский и домогался сам быть гетманом, и при бывшем гетмане пасквиль на меня подкинул, будто я отравил гетманского сына Семена и дочь его, боярыню Шереметеву, а на самого гетмана напустил болезнь глазную, да и в Москве живучи, писал на меня пасквили. Неисцелимую он имеет болезнь рассылать всюду письма — и на Запорожье, и на Дон, и в Белую церковь, и в Крым. От полковничества Гадяцкого он отставлен, но ревность к исканию славы и чести никогда в нем не угаснет. Покорно прошу перевести его из села, в котором он живет в Лебединском уезде в близости к Малой России, на другое какое-нибудь место. Да и то смею покорно донести: кто это письмо писал, тот должен знать и о чернеце Соломоне, которого какой-то враг мой отправил в Польшу с воровскими письмами будто от моего имени, потому что в нынешнем воровском письме написано, будто Шумлянский во всем со мною соглашается; к этому Шумлянскому и Соломон в Польше имел прибежище; если б этот враг не надеялся, что по наущению Соломона Шумлянский будет ко мне писать, то для чего ему в своем пасквиле поминать о Шумлянском?»

В разговоре с Михайловым Мазепа сказал, что вместе с Гадяцким он подозревает Райчу и Полуботка; в письме есть выражение: «Для милосердия божия», это выражение употребляет всегда Райча в письмах, а Полуботок Гадяцкому свой и с Райчею друзья. «Неприятности мне большие еще оттого, — прибавил Мазепа, — что живет в Малороссии сын митрополичий, зять Самойловича князь Юрий Четвертинский, беспрестанно рассевает он в народе злые слова, что быть Самойловичу опять гетманом; недавно батуринскому попу Василью говорил, что, где прежде была вода, там и опять будет; к тестю моему царская милость есть, будет здесь по-прежнему, увидишь, что его злодеям будет!» Мазепа просил, чтоб перевести Четвертинского с женою в Москву, а тещу его отослать к мужу; князь Юрий — стольник, и в этом чине ему далеко от Москвы быть не годится. Когда на прощание Михайлов потребовал у Мазепы назад подметное письмо для хранения в Посольском приказе, то гетман переменился в лице и, выслав всех вон из хоромины, сказал: «Сперва я милостию царскою был обрадован, а теперь во сто раз больше опечален: думаю, что этому письму великие государи изволили поверить и о голове моей будут мыслить». Тщетно Михайлов уверял гетмана в противном, говорил, что письмо нужно в Москве для розыска о злодее, кто его сложил,— Мазепа никак не согласился отдать письмо и при этом сказал писарю Кочубею: «Еще мне за сердце щепа влезла: просят письмо назад».

Просьба Мазепы была исполнена: Михайлу Гадяцкого велено взять из Лебединского уезда в Москву; туда же велено выслать князя Юрия Четвертинского с женою и тещею; Леонтия Полуботка отставить от переяславского полковничества.

Но Мазепа этим не удовольствовался относительно Гадяцкого и Полуботка; он писал царям, что после смены Полуботка новый полтавский полковник Лысенко и более ста полтавских жителей били челом на Полуботка во многих обидах, разорениях и ругательствах и что необходимо казнить его за это смертию, иначе народ малороссийский возненавидит на гетмана, старшину и полковников, что таким мучителям потакают. Полуботок, послышав беду, бросился в Москву, но отсюда его снова переслали в Малороссию для суда по войсковому праву. Мазепа дал знать в Москву, что Полуботок, будучи в Киеве, клеветал на него тамошнему воеводе князю Михайле Ромодановскому, что он, Мазепа, хочет изменить, уехать в Польшу, куда посылает войсковую казну, покупает себе имения и переписывается с коронным гетманом. Воеводе сейчас запрос из Москвы, правда ли это? Ромодановский отвечал, что ничего этого Полуботок ему не говорил, говорил только, что Мазепа к нему не добр, ищет ему всякого разорения, и нынешняя беда стала ему от гетмана, а сам-то он хорош! посылает в Польшу к сестре своей чрез монахиню Липлицкую, которая живет у матери его в Киевском девичьем монастыре, много денег и покупал там сестре своей имения, и вообще Полуботок бранил Мазепу всячески. Когда сказка Ромодановского была отправлена к Мазепе, тот отвечал, что он «по своему простодушному незлобию» уже отпустил Полуботка в дом его в Чернигов на житье, причем Полуботок прислал ему письмо с страшными клятвами, что никогда ничего не говорил такого, о чем писал Ромодановский.

Выпроваживая из Малороссии Гадяцкого, Четвертинского, Мазепа в то же самое время хлопотал о переводе в русское подданство человека, который потом оказался злым врагом его и которого имя в народных преданиях тесно соединилось с его именем. Козак Семен Палей, родом из Борзны, вышел сначала на Запорожье, а оттуда с несколькими товарищами вступил в службу королевскую, прибрал себе выходцев из Молдавии и Поднестровья и засел с ними в городе Хвастове. Еще в 1688—1689 годах присылал он к Мазепе с просьбою, чтоб великие государи приняли его со всеми войсковыми и жилыми хвастовскими людьми под свою державу, потому что поляки ищут его смерти. На донесение об этом гетмана из Москвы отвечали, что вследствие договора с Польшею явно нельзя принять Палея, но пусть он со всеми людьми идет сначала в Запорожскую Сечь и, по-

бывши там несколько времени, пусть переходит в малороссийские города. Проведали ли поляки о желании Палея перейти на русскую сторону, или по каким другим причинам, только они схватили его и посадили в тюрьму в Немирове, а потом перевели в каменный городок и держали целую зиму. Пользуясь этим, в Хвастов явились двое ксендзов-униатов и объявили намерение обратить православную церковь, построенную Палеем, в униатскую; но козаки, несмотря на отсутствие полковника, отстояли свою церковь. Весною Палей успел уйти из заключения, пришел в Хвастов и прежде всего начал высылать вон из города ксендзов; те не послушались, твердили, что надобно обратить церковь в униатскую, и стали браниться с Палеем, тот рассердился и, поговоря с козаками, велел отрубить головы ксендзам. После этого Палей, разумеется, еще усерднее начал просить Мазепу о переводе своем в русское подданство, указывая на запустелый город Триполье в царской стороне, куда бы ему хотелось переселиться со всеми людьми, а на Запорожье нельзя ему идти, потому что у людей его жены, дети и скот, да и полякам жаловаться не на что, потому что валахи, которых он прибрал, люди вольные. Опираясь на это, Мазепа просил государей позволить Палею перейти в Триполье, где он пригодится для обороны Киева и Малороссии. Из Москвы вторично отвечали (в апреле 1690 года), что нельзя принять Палея без нарушения мирного договора, пусть сначала идет на Запорожье. Палей остался в королевской стороне, но не долго нажил в покое. В 1691 году он ходил промышлять над турками под Белгород (Аккерман); возвращаясь с набега под Поволочью, он встретил польский отряд, высланный хелмским каштеляном Яном Друшкевичем схватить его; Палей пошел на неприятелей; но эти неприятели были русские люди; они не захотели, в угоду поляку, сражаться со своими, убили начальствовавшего ими полковника Апостольца и передались Палею. После этого хвастовский полковник, целуя икону, объявил Мазепину посланцу, что он уже никак не хочет оставаться больше в Польской державе, потому что поляки дали ему себя знать; татары уже трижды присылали к нему звать его на свою сторону; но он кроме царского величества никуда не мыслит. Мазепа писал ко Льву Кирилловичу Нарышкину, что Палея надобно монаршескою милостию обнадежить и жалованьем потешить, а он человек явственно рыцарский и воинских людей у него три тысячи. Ему отвечали: Палея не принимать; но, чтобы не отпустить его к татарам, царские величества тайным обычаем посылают ему бархату доброго десять аршин, два сорока соболей по 80 рублей сорок.

В России остерегались нарушить договор с Польшею; но в Польше не остерегались заводить смуту в Малороссии,

не остерегались и явно сноситься с крымским ханом об отдельном мире. В Вене также мало думали о союзнице России, только в Варшаве австрийский резидент не упускал случая внушать русскому резиденту, что царям нельзя ждать ничего доброго от поляков. Это заставило и русское правительство войти в сношения с Крымом сначала посредством Мазепы, который от себя послал сказать хану Саадат-Гирею, что если он хочет мира, то пусть отправляет послов в Москву. Саадат прислал гонца с объявлением, что желает мира на прежних условиях. Но в Москве и начали войну именно для того, чтоб избавиться от этих прежних условий, избавиться от посылки разменной казны, попросту дани. В начале 1692 года в Крым поехал гонец, подьячий Айтемиров, с требованием уничтожения этого условия со стороны Крыма и возвращения св. мест грекам со стороны Турции. Ближние люди нового хана Сафат-Гирея, который сменил Саадата, спросили Айтемирова: «Гроб божий когда и кому отдан? В мирное ли время у Московского государства с Турским, или после разрыва?» Айтемиров отвечал, что гроб господень года с два как отдан французским монахам. «Как же, — возразили татары, — отнять у французов за то, что французский король подал помощь султану против цесаря? Взять у французов и отдать грекам, а французы на турок будут воевать: тогда Москва турскому султану поможет ли? Прежде никогда с московской стороны в договоре о гробе господне не бывало; а теперь начато об этом вновь, неведомо для чего». Айтемиров отвечал, что прежде об этом никогда не говорилось, потому что св. места были исстари за греками.

Но татарам гораздо ближе к сердцу были другие статьи: статья о возвращении пленных с обеих сторон без выкупа и статья об уничтожении присылки разменной казны. «У нас в Крыму, — говорили татары, — московского и козацкого народа сто тысяч человек и больше, а в Москве нашего полону тысячи две или три: как же освобождать без выкупа?» Но больше всего вооружились они против статьи о разменной казне: «Для чего великие государи изволили разменную казну отставить? Кто им так придумал? потому что они государи великие, и разумных бояр при себе имеют многих, которые крымские дела знают исстари. Годовую разменную казну отставляют они напрасно, потому что великие государи от этого уж не разорятся, а прежние ханы, также наши деды и отцы государским жалованьем довольствовались; а нынешний хан чем хуже прежних ханов, и мы чем хуже прежних ближних людей? Мы знаем, что и прежде вся недружба с Москвою ставалась из-за казны: когда, бывало, ее не пришлют, татары и пойдут на Русь воевать. А нынешний хан и весь Крымский юрт Москвы не боятся, и к миру и к бою готовы, потому что если Москва и пойдет воевать

на Крым, то взять нечего: у каждого татарина только и пожитку — два коня да третья душа. За казну станут юртом и дружбы никогда не будет, потому что вы хотите казну отставить вовсе». Айтемиров подлил масла в огонь, заметив: «Можно с обеих сторон пересылаться поминками». «Прежние ханы к московским государям никогда ничего не посылали, и нынешний хан ничего не пошлет»,— отвечали татары.

Переговоры прекратились, потому что татары были обрадованы сильною смутою в Малороссии, откуда приглашали их вместе с козаками воевать Москву.

Первым лицом после гетмана в Малороссии был генеральный писарь Василий Кочубей. Кочубей был сначала канцеляристом у Дорошенка. В 1675 году он был отправлен гетманом в Турцию, но на возвратном пути недалеко от Умани челядник его, покравши визиревы грамоты и другие бумаги, убежал неизвестно куда; Кочубей, боясь возвратиться в Чигирин с пустыми руками, прямо из Умани переехал к Самойловичу и здесь поднялся до звания генерального писаря. В описываемое время канцелярист Петрик, женатый на племяннице Кочубея, ушел на Запорожье, покравши важные бумаги из канцелярии. Первым делом Петрика по приезде в Сечь было разгласить о сношениях Мазепы с Крымом по приказу из Москвы; потом стал разглашать, что Мазепа согласился с Москвою — хотят всю Сечь разорить и козаков порубить. Вследствие этого, когда весною 1691 года приехал в Запорожье стольник Чубаров, привез царское жалованье, 500 червонных, соболи, сукна, то один из куренных атаманов закричал: «Это жалованье не в жалованье! Мы служим долго, а кроме этого ничего не выслужили побольше; такие соболи мы и прежде видали!» Взявши соболи, он бросил их на землю и сказал: «Пришли к нам москали, велят нам с турками воевать, а сами мирятся». Другие козаки кричали: «Если так, то надобно старших москалей побить или в Чертомлын посажать, остальных же отдать в городки. Соболи присланы только четверым, а надобно прислать нам всем, как донским козакам присылают. Велико жалованье — прислали 500 золотых червонных! нам надобно присылать по 5000». В Переволочне находился у Мазепы дозорцею преданный ему человек Рутковский, который доносил ему обо всем, что делалось вокруг. 22 февраля 1692 года Рутковский писал гетману: «Захар, сын полтавского протопопа Луки, вместе с полтавским жителем Иваном Герасименком, возвратясь из Перекопи, где покупали лошадей, рассказывали слово в слово разговор свой с казыкерменским писарем Шабаном. «Знаете ли вы, господа полтавцы, — спросил Шабан, — каков человек у вас Кочубей?» Те отвечали: «Не знаем, только слыхали, что писарь генеральный». — «Знаю я, что писарь, — продолжал Шабан, — писарь-то он писарь,

да гетманом хочет быть, и уже дважды писал в Крым, призывая Орду, чтоб пришла поставить его гетманом. Дело и сделалось бы, да хана не было. Он, Кочубей, и канцеляриста Петрика прислал в Сечу». Тот же Захар клялся и божился Рутковскому, что Петрик говорил ему тайно: «Знаю, что гетман не будет жив от моего пана писаря; писарь хотел, усмотря время, его заколоть, и я жду каждый день о том ведомости». Мазепа передал эти известия в Москву и прибавил от себя, что смотрит зорко за Кочубеем, и если тот действительно что-нибудь замышляет, то отпишет немедленно к государям.

В мае месяце 1692 года замысел Петрика обнаружился. Он вдруг скрылся из Запорожья и очутился у турок в Казыкермени. Отсюда он прислал в Сечь грамоту, которую читали на раде: Петрик благодарил запорожцев за хлеб, за соль и за писарство, которым он у них занимался; просил прощения, что без войскового ведома ушел из Сечи: «Часто многим из вас говорил я, — писал Петрик, — в каком опасении от разных неприятелей пребывает наш малороссийский край и до какого приходит упадка, благодаря ненавистным владетелям; я говорил, чтоб промыслили об этом усердно; но так как никто не хотел приняться за дело, то я стал за Войско Запорожское и за весь малороссийский народ, для чего вышел в государство Крымское; когда предки наши жили с этим государством в союзе, то никто нам не смеялся, и теперь все вы добрые молодцы будете довольны договором, который я заключу с Крымом». Выслушавши грамоту, старшина объявила, что не согласна на соединение с крымцами и на поход под государевы украйные города; но бо́льшая половина войска закричала: «А мы с крымцами и Петриком войною на украйные города пойдем». По украйне пошли слухи, что Петрик поднимает орду и хочет искоренить арендаторов, панов и всех богачей. *Своевольники* начали к нему собираться. Рутковский давал знать, что Петрик говорит в Казыкермени: «Стану промышлять и сделаю лучше, чем Хмельницкий; гетман Мазепа прислал за мною, чтоб меня выдали, а я теперь сам к нему поеду».

6 мая Петрик послал на Запорожье грамоту, в которой извещал, что заключил с ханом договор: Войску Запорожскому на Днепр и по всем речкам по обеим сторонам Днепра вольно безо всяких податей добывать рыбу, зверя и соль; чигиринская сторона, как была завоевана Хмельницким у ляхов, будет под властию Войска Запорожского. «Кто хочет, — писал Петрик, — добывай себе рыбу, соль, зверя, а кто хочет добычи московской, пусть идет с нами, потому что мы скоро с Войском Запорожским и ордами пойдем отбирать у Москвы свою украйну». Рутковский давал знать Мазепе: «Непременно надобно городовое своевольство удержать, чтоб

туда не теснились, потому что не только полем, но и рекою начали бежать: по пяти, по шести человек в липе плывут».

Из Запорожья давали знать, что лучшие козаки о Петрушкине воровстье имеют великую печаль, но пьяницы и голытьба говорят между собою: «Пойдем с Петрушкою арендаторов бить!» К счастию взяли верх лучшие козаки; они были недовольны кошевым Федькою и закричали на раде, чтоб оставил чин, в котором не умеет исправляться; Федька сначала не хотел было оставлять уряда, но когда бросились за поленьями, то оставил, и на его место выкрикнули Гусака, который сказал: «Теперь свет зажжен, а вы меня в этот огонь гоните, чтоб я его гасил: кто то дело начал, тот пусть и кончит»; но, делать нечего, принял должность. Новый кошевой, получив увещательную грамоту от Мазепы, отвечал ему: «У Войска Запорожского злого умысла нет и знать об нем не хотим; к такому безумию склонным может быть только тот, кто бога единого в троице не знает. Правда, и Хмельницкий был в союзе с татарами, но потом поддался пресветлым монархам. Тогда в Посполитой Раде такой приговор был, чтоб никаких досад на Украйне не было; а ныне видим, что бедным людям в полках великие утеснения чинятся. Ваша вельможность правду пишет, что при ляхах великие утеснения войсковым вольностям были, зато Богдан Хмельницкий и войну против них поднял, чтоб из подданства мог высвободиться. Тогда мы думали, что во веки веков народ христианский не будет в подданстве; а теперь видим, что бедным людям хуже, чем было при ляхах, потому что кому и не следует держать подданных, и тот держит, чтоб ему сено или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой в старшине генеральной обретается, такому можно и подданных иметь, никому не досадно; так и при покойном Хмельницком бывало; а как слышим о таких, у которых и отцы подданных не держали, и они держат и не знают, что́ с бедными подданными своим делать. Таким людям подданных держать не следует, но пусть как отцы их трудовой хлеб ели, так и они едят».

Мазепа отправил в Сечь козака Горбаченка с подарками кошевому, судье, писарю, есаулу. Гусак взял Горбаченка к себе в чулан и говорил: «Пусть благодетель господин гетман ни в чем не сомневается, потому что я его милости во всем желателен; скажи от меня господину гетману: если не отсечет голов троим тамошним: первому Полуботку, другому Михайле (Гадяцкому?), третьему, что всегда при нем живет (Кочубей?), сам додумается кто, то никогда ему не будет покоя в гетманстве, да и добра не будет на Украйне. Чтоб гетман не думал, будто все от нашего Войска Низового бунты начинались или от тех, которые из городов приходили на добычу: в Лубенском полку не хотят аренды и бунтуются,

с Петриком хотят идти; гадячане и полтавцы говорят: много гетман старост в городах и по селам поставил, и гакже бунтуют, Петрика дожидаются». Кошевой просил гетмана приготовить войско тысяч пятнадцать для промысла над Петриком; обещал приманить его в Сечь и схватить; в заключение просил гетмана, чтоб Москва милостивее обходилась с малороссиянами, потому что приезжие из городов жалуются на москалей, которые в городах живут: людей бьют, крадут, насильством отнимают, детей малых крадут и увозят в Москву.

Горбаченко привез договор, заключенный *Петром Ивановичем* (Петриком) с ханом: княжество Киевское и Черниговское со всем Войском Запорожским и народом малороссийским остается удельным при всяких своих вольностях; Крым обязан его защищать от ляхов, от Москвы и от всех неприятелей; чигиринская сторона будет под властию княжества Малороссийского; полки харьковский и рыбинский будут переведены на чигиринскую сторону; чтоб крымцам были отворены муравские шляхи для походов на Москву; добыча московская будет воздаянием крымцам за настоящую их помощь народу малороссийскому; когда княжеству Малороссийскому даст бог полное господство, то оно вольно установить у себя порядок, какой захочет; в Крыму будет резидент малороссийский, в Малороссии крымский.

На Запорожье Петрик опять прислал длинное письмо, уговаривая добрых молодцов соединиться с ханом: «Будучи у вас в Сечи, не раз я говорил вам, в какой опасности обретается наш Малороссийский край и до какого упадка приходит отчизна наша чрез ненавистных монархов, среди которых живем: как львы лютые, пасти свои разинув, хотят нас проглотить, т. е. учинить своими невольниками. Не дивно, что поступает так король польский, потому что издавна мы были его подданные и, за божиею помощию, выбились из подданства и такой ему причинили урон, от которого он и по сие время не может оправиться. Хан крымский за то на нас враждует, что мы ему на поле и на воде чиним беду. Но удивительно, что московские цари, которые не чрез меч нами завладели, перевели наш край Чигиринский на заднепровскую сторону, обсадились нашими людьми со всех сторон, и откуда бы ни пришел неприятель, наши города и села горят, наших людей в неволю ведут, а Москва за нами как за стеной цела и, всем этим не довольствуясь, старается всех нас сделать своими холопями и невольниками. Для этого первых наших гетманов, Многогрешного и Поповича, которые за нас стояли, забрали совсем в неволю, а потом и нас всех хотели взять в вечное подданство, но бог им не помог: не могли разорить Крым и осадить своими людьми казыкерменские города, а потом прогнать нас из Сечи и учинить по городам

воевод. Не могши исполнить этого, позволили нынешнему гетману пораздавать старшине маетности, а старшина, поделившись нашею братьею, позаписывали себе и детям своим в вечность, и только что в плуги не запрягают, а уже как хотят, так и поворачивают, точно невольниками своими. Москва для того нашим старшим это позволила, чтоб наши люди таким тяжким подданством оплошились и в замыслах их им не противились; когда наши люди от таких тяжестей замужичают, то Москва Днепр и Самару осадит своими городами. Король польский, имея досаду на царей московских за то, что не воевали Крыма, хотел с ордами идти на Москву, но прежде отобрать в свое подданство нашу Украйну. Если бы это ему удалось, то хорошо ли бы нам было? Сами вы подлинно знаете, что́ делалось при Чарнецком и при других панах ляцких, которые приходили с войсками на нашу Украйну, как они нас мучили. Не бывали ли братья наши на колах, в прорубях, не принуждены ли были козацкие жены детей своих в вару варить? не поливали ли ляхи людей наших водою на морозе? не сыпали ли огонь за голенища? не отнимали ли солдаты имения? Ляхи этого не забыли и теперь еще готовы то же самое над нами делать. А если бы московские цари заключили мир с крымским ханом, то также взяли бы нас в вечную неволю, как подщипанную птицу. Если бы король польский или цари московские с крымским ханом помирились, то к кому бы нам было приклониться, кто бы нам в такой беде подал помощь? Много я об этом с вами говорил, но так как никто из вас за своих людей стоять не захотел, то я взялся за это дело. Сами, разумные головы, рассудите, лучше ли быть в неволе или на воле? лучше ли быть чужим слугою или себе господином? лучше ли быть у москаля или поляка невольником-мужиком или вольным козаком? Когда Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским и ордами из-под ляцкого подданства выбился, то не добро ли нашей Украйне делалось? разве не было тогда у козаков золота, серебра, сукон добрых и коней и разной скотины стадами; а когда стали мы холопями русских царей, то запустела наша чигиринская сторона, и перегнали нас на сю сторону Днепра, ни у кого не только имения, и лаптей не стало; бо́льшая часть нашей братьи очутилась в московских городах поневоле, и каждый год берут их там татары в полон. Объявлю вашим милостям и то, что господин гетман по совету всех полковников тайно прислал ко мне человека с таким словом: как только мы к Самаре приблизимся, то они все от Москвы отстанут и, соединясь с ними, пойдут воевать в Москву; этот человек гетманский и теперь при мне находится, и я вам его покажу. Поэтому будьте во всем надежны и безопасны, идите с нами».

В начале июля татары под начальством калги-султана явились у Каменного Затона, Петрик был с ними. Как скоро узнали об этом в Сечи, несколько куренных атаманов и бывший кошевой Григорий Сагайдачный отправились на свидание к калге; Петрик говорил ему, что у него есть письма и от гетмана, только он им их не покажет, разве приедет сам атаман кошевой. Кошевой с куренными атаманами и товариществом в числе 600 человек отправились на свидание. Кошевой стал требовать у Петрика гетманских писем; Петрик отговаривался: «Не надобно требовать от меня писем, верьте словам моим». Но кошевой не отставал: «Покажи письма или присягни, что они у тебя есть». Тогда Петрик объявил прямо, что никаких писем у него нет и никто его на это дело не наговаривал, заключил он за все Войско Запорожское договоры с ханом своим разумом, сжалившись над притесненным малороссийским простым народом. Калга стал требовать, чтоб атаманы присягнули в приязни к Крыму; атаманы согласились; но когда они присягнули, то калга начал требовать, чтоб запорожцы шли с татарами на московские города; кошевой отвечал, что запорожцы разошлись теперь в разные места, и на кошу войско ненадежное, нельзя его употребить туда, куда захочешь; кто за вами захочет идти, того мы удерживать не будем, а кто не захочет, того силою не будем высылать. Возвратившись к своему отряду, кошевой начал спрашивать, угодно ли сделать по просьбе калги? одни отвечали, что не доводится с бусурманами ходить войною на христиан; но другие говорили: «Как вы калге уже присягнули, то можно с ним и на войну идти».

Возвратясь в Сечь, рано утром 28 июля кошевой собрал раду, сложил с себя атаманство кошевое, судья, писарь, есаул также сложили свои уряды, говоря, что есть в войске крикуны, которые принуждают их своими криками идти с бусурманами на православных христиан, и мы не хотим, чтоб при нашем старшинстве такое зло на кошу сделалось. Целый день *комышина* (булава) атаманская в раде лежала, а между войском разные голоса происходили: одни говорят *добре,* а другие *зле.* На другой день рано опять рада: кончилось тем, что знатные товарищи по общему согласию отправились в курень к кошевому и упросили его, чтоб оставался в уряде, упросили и всю старшину; кошевой пришел на раду и говорил: «Кто хочет за плутом Петриком идти, того я не удерживаю: а кто будет постоянно на кошу сидеть, того высылать не буду». К Петрику пристали тысячи с три козаков.

Мазепа, узнавши об этих событиях, послал в Москву с просьбою о немедленной высылке великороссийских войск на помощь: сам он стоит под Гадячем и дальше один не пойдет, потому что не так боится орды, как внутреннего волнения

в Малороссии. Вследствие этого боярин Борис Петрович Шереметев и окольничий князь Федор Борятинский получили приказ выступить против неприятеля — первый из Белгорода, второй из Севска. 5 августа приехал в Москву пятисотенный стрелецкого полка, находившегося при гетмане, и рассказывал, что в Малороссии между чернью многие непристойные речи заносятся ко всякой малости, говорят явно: «Когда придет Петрик с Войском Запорожским, то мы пристанем к нему, побьем старшину, арендаторов и сделаем попрежнему, чтоб все было козачество, а панов бы не было». За которыми козаками гетман посылает свои листы, чтоб шли к нему в обоз — из тех приходят немногие, а за которыми не посылали, те приходят, своевольники, голутьба, и вмещают в войско своевольные, худые слова. Мазепа сильно жаловался, что Шереметев и Борятинский не спешат походом и пожар может разгореться, а ему, гетману, с войском малороссийским против тех неприятелей идти ненадежно, потому что и на внутренние поведения принужден осматриваться. Жители городков орельских Цариченки и Китай-городка уже сдались неприятелям. Гетман, не дожидаясь воеводы, принужден выступить из-под Гадяча к Полтаве.

Но татары с Петриком не стали дожидаться гетмана: Мазепа дал знать в Москву, что в начале августа татары осаждали городок Моячку; но, услыхав, что несколько малороссийских полковников по приказу гетмана идут к городу на выручку, бросили осаду и ушли. В Москве очень обрадовались окончанию дела, грозившего такою сильною смутою в Малороссии, и цари послали Мазепе шубу соболью в 800 рублей. Но вслед за тем боярин Борис Петрович Шереметев прислал в Москву письмо с объяснениями, почему он не соединился с гетманом: Мазепа писал ему, чтоб он шел для соединения с ним к Рублевке и был там непременно 5 августа; Шереметев по этому письму пришел в Рублевку 6 августа до полудня, но Мазепа, вместо того чтоб идти к Рублевке же, пошел к полтавским местам по Заворсклю крепкими местами, прислал сказать боярину о своем походе под Полтаву, и чтоб шел для соединения с ним, но куда именно — не объявил. Шереметев пошел, однако, к Полтаве, но 8 августа на дороге получил весть от посланных им вперед сумского и ахтырского полковников, что татары, узнав о походе боярина для соединения с гетманом и испугавшись приближения передовых полков сумского и ахтырского, ударились бежать.

Как бы то ни было, Мазепа получил богатую шубу; а скоро после того кончилось дело о Соломоне Начиная с 1690 года русский резидент Волков не переставал твердить панам, что король должен выслать вора Соломонка в Москву для розыска и наказать Шумлянского. В октябре 1690 года

Соломона привезли в Жолкву к королю и объявили о домогательстве русского правительства; монах бил челом, чтоб его казнили в Польше, а в царскую сторону не выдавали. Мазепа также с своей стороны хлопотал об отсылке Соломона в Москву: когда Волков был во Львове, подьячий его, Герасимов, встретил на рынке козака, который сказал, что зовут его Александр Ивановский, служит при гетмане Мазепе и приехал от него к коронному гетману Яблоновскому с просьбою выслать Соломона в Смоленск. Ивановский был и в Жолкве, видел там Соломона, сидит нескованный; в одно время с ним приходили к Соломону епископы львовский и перемышльский и говорили ему: «Пора тебе повиниться и сказать правду». Монах говорил им прежние речи, а какие — о том козак не сказал подьячему. Волков обратился к гетману Яблоновскому с требованием выдачи Соломона; Яблоновский отвечал: «Король велит выдать монаха; а мне известно подлинно, что Соломон приносил письма составные воровские, а не подлинные; я знаю письмо гетмана Ивана Степановича Мазепы и подпись руки, и разум письменного слога; а в Соломоновых письмах и рука не гетманская, и разум не его».

После этого Волков узнал, что из Польши на Украйну ходит еще один монах Ираклий Русинович и переносит вести королю. Передают ему эти вести двое слуг гетмана Мазепы, которые вышли из Польши и поженились на русских девицах, оставшись католиками; оба они знали о воровстве Соломона и помогали ему в подделке печати, Мазепа же сам ничего не знает, узнать ему не от кого.

Для объяснений по делу Соломона в августе 1691 года приехал в Москву польский посланник Ян Окраса и объявил бывшему с ним в *ответе* окольничему Чаадаеву: «Королевское величество с их царским величеством всегда желает быть в непременной братской дружбе и любви и никаким ссорам верить не изволяет; а в прошлом году объявился у нас в Польше чернец Соломон с воровскими составными письмами и с поддельными печатями и подал королевскому величеству от имени заднепровского гетмана лист. Король, видя, что письма составные и печати поддельные, приказал чернеца держать за крепким караулом, и теперь этот чернец прислан в Могилев и отдан межевым судьям; а воровские письма и две поддельные печати изволил королевское величество для братской дружбы и любви прислать к их царскому величеству со мною». Окраса передал при этом три письма и две печати. Приведем для примера одно письмо. Мазепа пишет к королю: «Наияснейший король и государь наш милостивый, монарше непобедимый! К вашей государской милости в третий раз пишем, как отцу своему и монарху великому. Знатно, что ваша государская милость не

изволяет нас, слуг своих, под свои крылья принять; потому что ваша государская милость нам никакой утехи не даете чрез нашего монаха, а своих присылаете, особенно Искрицкого, с зятем которого я в большой ссоре; а Доморацкому мог бы я поверить, только по городам везде Москва и чутко стерегут новоприезжего человека, и по Днепру от самого Киева вниз до Чернобыля. А Соломон знает, где перейти Днепр, и мало будет городами идти. Просим у вашей королевской милости надежной ведомости, потому что не могу ничего делать. Пишет ко мне полковник полтавский, чтоб Москвы не пускать в города, а по орду непременно посылать; до приезда Соломона от вашей королевской милости будем держать Шеленбея-мурзу, а другой татарин приехал из Крыма недавно, на третьей неделе поста, и говорил, что к вашей королевской милости пошел татарский посол. И о том вашей королевской милости объявляю, что я слышал про гетмана коронного, будто ваша королевская милость на него гневаетесь, и потому к нему, гетману, не смел писать и к пану подскарбию, только знаю хорошо, что и он не ведает о тех секретах, потому что ваша королевская милость на то не соизволяет. Дайте же нам подлинную ведомость через нашего Соломона, и мы будем сами с ордою бить Москву; мы начнем, а ваша королевская милость давайте помощь, присылайте своего войска несколько тысяч на назначенное место, чрез Днепр на Канев; а если ваша королевская милость своего верного человека хотите прислать с Соломоном, то будем верить ему, а так нельзя одному ему проехать чрез города и чрез Днепр; не дай бог чего — сейчас же погибнем от Москвы. Сами рассудите, ваша королевская милость, что страшное дело мы начали и будем его сколько можно доканчивать, на божию милость надеемся и на вашу королевскую милость, потому что мы уже совсем тайно прибрались, только ожидаем от вашей королевской милости совету, и затем кланяемся вашей королевской милости».

По рассмотрении писем Чаадаев имел другой разговор с Окрасою: «Ты объявил, — говорил он посланнику, — что король прислал письма и печати по братской дружбе к царскому величеству; но в этой братской дружбе есть сомнение немалое. Король изволил прислать Соломонковы письма самые последние, которые он составил под Варшавою в третий раз; писаны они коротко, безо всякого объявления о деле, только упомянуто о первых и вторых письмах, которые он же, Соломонка, подал королю и Шумлянскому, написавши в них пространно о приеме гетмана Ивана Степановича под оборону королевскую; этим первым письмам при дворе королевском поверили и послали к гетману Доморацкого. С этих первых писем гетман коронный Яблоновский по королевскому указу прислал гетману Мазепе списки, которые

с поданными тобою подлинными письмами ни в чем не сходны». Тут Чаадаев показал Окрасе письмо Яблоновского к Мазепе и списки с прежних Соломоновых писем: все это Мазепа переслал в Москву. «Доложи королевскому величеству, — продолжал Чаадаев, — что если он хочет правдивым сердцем с царским величеством по-братски поступить, то изволил бы прислать и первые, и вторые Соломонковы письма подлинные».

— «Первые и вторые письма Соломонко действительно королю подавал, — отвечал Окраса, — только им король ни в чем тогда не поверил, поэтому их бросили без внимания, они затерялись и перед моим отъездом отыскать их никак не могли, сыскали только последние листы, которые я и привез. Посылки к гетману Мазепе с призывом в польское подданство никакой не бывало от короля; пусть великие государи Соломонка на границе велят принять, а Доморацкого с письмом Шумлянского отдадут королю».

— «Теперь Доморацкого отдать великие государи не приказали, — говорил Чаадаев, — потому что доведется ему с Соломонком дать очную ставку, а как дело кончится, то и Доморацкий будет отпущен. Ты говоришь, что король и первым письмам не поверил и не посылал к Мазепе; но по чьему приказанию посылал Шумлянский?» Окрасе показали подлинное письмо Шумлянского к Мазепе, прочли и расспросные речи Доморацкого, в которых тот показал, что послан был Шумлянским к Мазепе по приказанию королевскому. Окраса вздумал оправдывать Шумлянского, говорил, что в его письме нет ничего, кроме призыва на войну против бусурман. — «Но о каком это иге говорит Шумлянский, которое надобно свергнуть? — спросил Чаадаев. — На украинских жителях татарского или турецкого ига нет!» Окраса замолчал.

Соломон был выдан. Его привезли в Москву, расстригли и под прежним его светским именем Семена Гродского подвергли пытке. Что́ он показал — неизвестно. Известно только то, что в Батурин поехали царские посланцы с известием, что Михайло Гадяцкий сослан в Сибирь, повезли к гетману и Семена Гродского. Мазепа требовал его неотступно, жаловался, что думный дьяк Украинцев без царского указа и без приказа боярина Льва Кирилловича Нарышкина велел Кочубею надзирать за гетманским поведением, отчего учинилось Кочубеево многое лукавственное коварство; гетман об этом ничего не знал, потому его и ни во что ставят; а Кочубей в дружбе с Полуботком. Полуботок бранил гетмана всячески в Киеве и доносил на него в Москве, но не мог ничего доказать и отослан был к гетману головою, однако в царской грамоте велено ему жить в своем имении до указу; от этого гетману учинилась великая стыдная печаль. Петрик, племян-

ник Кочубеев, по такому же воровскому вымыслу отпущен в Крым, как Соломонка к королю; гетман слезно молит бога, чтоб бог выдал врага Соломонка на обличение других врагов.

Но когда Гродского привезли в Батурин, чтоб там казнить его смертию, то гетман, побивши челом за царскую милость, объявил, что он не может казнить Гродского без полковников, да и не желает его смерти, а гораздо лучше возить его по всем малороссийским городам и показывать народу для совершенной ему, гетману, старшине и всему Войску Запорожскому очистки. Но в Москве смотрели иначе; к Мазепе был послан указ: чернеца Соломонка, государственного изменника и замутителя, во время съезду старшины в Батурин казнить смертию, а по городам не возить, потому что о его воровстве известно всем. Когда старшина собралась, Мазепа велел генеральному писарю Кочубею прочесть перед нею московский розыск Гродского и показать его воровские письма и поддельные печати. Старшина и полковники, посмотря на письма и печати, сказали, что это дело не одного вора Соломонка, ясно, что он призван и научен другими злыми людьми. Гетман сказал им, чтоб они поставили перед себя преступника и расспросили, не было ли другого предводителя с ним в этом злом деле? Гродский был приведен пред старшину и говорил с клятвою свои прежние речи, что кроме Мишки Васильева других советников с ним не было, а если б были, то он и в Москве бы про них сказал и таких жестоких пыток и огня не терпел. 7 октября Гродского казнили, и у казни он сказал прежние же речи. Мазепа был недоволен, что Соломонка казнили смертию, а Михайлу Гадяцкого только сослали в Сибирь: «Следовало бы казнить смертию и Мишку, без пощады, — писал он царям, — потому что Соломонка перед казнию показал на Мишку, как на человека, который его подучил на злобу; да будет монаршая воля; но мы просим покорнейше сына Мишкина не отпускать сюда на Украйну, потому что дерево злое плод злой творит». Гетманское желание насчет Гадяцкого исполнить было нельзя, ибо вот что говорит современное известие: «Пытан черкасский полковник Михаил Гадяцкий в государственном деле; с пытки он ни в чем не винился, очистился кровью и сослан в ссылку».

Петрик в своих возмутительных грамотах указывал на две тягости для малороссиян, за которые обвинял московское правительство: на аренду, или винный откуп, и на обычай жаловать населенные земли чиновникам, которые притесняют своих подданных. В Москве обратили на это внимание и послали сказать гетману, чтоб он подумал хорошенько, нельзя ли отстранить оба обвинения. Мазепа отвечал: «Аренда здесь, в малороссийских городах, не так налогами

своими тяжела, как самым именем из давних времен ненавистна, надобно думать оттого, что при польской державе жиды ею владели и много вымышленных отягощений делали. Мы, посоветовавшись с старшиною и полковниками, разослали по всем полкам и городам универсалы, в которых прежде всего увещеваем, чтоб старшина наблюдала за арендою, не позволяя обижать людей, т. е. чтоб каждому человеку позволено было выкурить дома вина или купить где-нибудь в другом месте, кроме арендовых шинков, на свадьбу и на крестины; также разошлем универсалы с обнадеживанием народа, что гетман с старшиною ищет способов отменить аренду, а вместо нее найти какие-нибудь другие средства достать денег на войсковые расходы; пусть и весь народ, старшие и меньшие, посоветуются между собою и дадут нам знать, как им лучше: платить ли вместо аренды новую подать народам, или наложить пошлину со всяких шинков? Касательно маетностей мы так рассудили с старшиною: которые особы в войске и народе считаются к службе негодными, а в силу наших универсалов владеют маетностями, у тех маетности отнять; у тех же, которые владеют маетностями по царским грамотам, отнять маетностей не смеем, ибо это значило бы нарушение монаршеской воли. Об этом просим милостивого указа и докладываем: запорожцы не раз давали нам знать и теперь чрез посланца нашего объявили, чтоб маетности от меньших особ были отобраны; не так нелюба им аренда, как это владение маетностями, и если мы их не отберем, то между народом встанет смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтоб никто из владельцев не смел в пожалованных ему селах отягощать жителей большими работами и поборами и делать им какие бы то ни было обиды, чтобы на владельцев-притеснителей крестьяне подавали нам челобитья, по которым будет непременно расправа.

Новая мера отобрания маетностей прежде всего приложена была к Леонтию Полуботку. Миргородский полковник Данила Апостол донес, что когда Мазепа был в Москве, то сын Полуботка говорил ему, Апостолу, о враждебных намерениях Михайлы Гадяцкого: «Если, — писал Мазепа, — молодой Полуботок знал о замыслах Гадяцкого, то должен был знать и о замыслах Соломона, должен был знать об этом и отец его, тем более что старик, находясь на полковничестве переяславском, промышлял о гетманстве». Вследствие этого Полуботки, отец и сын, были посажены под караул и маетности отобраны.

В то время когда Мазепа преследовал своих внутренних врагов, на западном берегу Палей все более и более приобретал славы в неутомимой борьбе с татарами. Тяжел пришелся он Крыму: там сравнивали его с Серком и подсылали

к нему с предложениями, что хан сделает его лучше Хмельницкого, если только он перейдет на татарскую сторону. Положение Палея действительно стало похоже теперь на положение Хмельницкого: в польской стороне он оставаться не хотел, потому что козак не мог ужиться в ладу с панами; бил челом великим государям, но те не принимали, боясь нарушить мирный договор с Польшею, как из той же боязни не принимал Хмельницкого отец их; но Хмельницкий стал пугать Москву тем, что если не примет его православный царь, то он поддастся бусурманам; и Палей теперь, вследствие присылки из Крыма, получил возможность грозить тем же. При личном свидании с Мазепою в Барышевке он сказал ему, чтоб великие государи приняли его без отлагательства, а если он на их службу не надобен, то пусть ему об этом объявят прямо, и он сыщет себе место; и татары его к себе примут; великие государи напрасно так боятся нарушить мирный договор с Польшею: поляки хлопочут изо всех сил, как бы только отыскать случай к войне. Мазепа, сообщая об этом разговоре в Москву, прибавляет от себя, что если Палей перейдет к татарам, то и запорожцы пойдут вместе с ним туда же, что́ будет очень вредно для России: хорошо было бы поэтому Палея принять, а перед поляками отговориться тем, что он родился в Борзне; и если великие государи Палея примут, то он, Мазепа, сделает его полковником переяславским. Но из Москвы прежний ответ: Палея принять нельзя; гетман должен его уговаривать, не допускать, чтоб он в отчаянии перешел на бусурманскую сторону; а если учинится Палею совершенное утеснение, то он бы от полка своего отлучился тайно на переяславскую сторону. Но Мазепа этим не успокоился и в декабре 1692 года снова писал царям о Палее: просил внушить польскому правительству, какой вред будет христианству, если Палей будет приведен в отчаяние польскими притеснениями и отложится к татарам; но при этом гетман повторял прежнее: «Лучше было бы принять Палея со всеми людьми и с городком Хвастовым под царскую руку; если он, будучи малороссиянином по происхождению и приобретши такую знаменитость, перейдет к неприятелю, то в Малороссии поднимется волнение, прельщенные своеволием и добычею, многие люди потянутся отсюда к нему. Цари отвечали, что в случае крайности Палей с теми из своих полчан, которые из Запорожья и с восточной стороны Днепра, может перейти опять в Запорожье и, побывши там несколько времени, пусть расходятся в малороссийские города, куда кому сручно, где у кого есть родственники: за этот переход выговоров и причитанья с польской стороны не будет, а Палею перейти на Запорожье вовсе не бесчестно: каким путем он вышел из Запорожья в

Польшу, тем же самым возвратится из Польши в Запорожье».

И кроме Палея было много людей за Днепром, которые постоянно обращали свои взоры к Москве.

Шумлянский спешил оправдаться перед царями. Весною 1692 года русский резидент стольник Михайлов находился во Львове. 30 апреля епископ прислал к нему своего архидиакона с приглашением приехать к нему на другой день в кафедральный собор к обедне и смотреть комедию, которая будет действоваться в честь св. мученика Георгия, а после комедии обедать у него, епископа. Резидент не поехал, отговорившись нездоровьем. На другой день 1 мая — новый посол от Шумлянского, соборный священник, монах Красинский, у которого резидент великим постом исповедовался. Монах начал говорить о сильном огорчении епископа, что нигде не может видеться с резидентом; все это из-за Соломона, но епископ тут не виноват, ввязался он в дело поневоле. Михайлов отвечал, что он никакого дела не знает, не видался с епископом по болезни и за недосугами, и если Шумлянский хочет непременно с ним видеться, то пусть 4 мая с немногими провожатыми приезжает в загородную пустынь Иоанна Богослова: там он, резидент, будет у обедни. Шумлянский приехал в назначенное место и, удалив всех свидетелей, начал говорить резиденту: «В нечаемую беду и в гнев царского величества вшел я неволею, а не охотою». Тут взял он крест, поцеловал и, прослезясь, продолжал: «Ей, самою истиною, буду говорить: когда чернец Соломошко с фальшивым письмом к королю явился, то король сейчас же прислал за мною и говорил: «Пане отче, приспело твое время нам помогать, а кроме тебя делать этого дела некем». И я по тому королевскому приказу писал к гетману Мазепе письмо своею рукою, чтоб он по желанию своему приступал к наследственному государю. А кроме того ничего дурного я не писал. Прежний резидент Волков бесчеловечно на меня наносил, будто я законопреступник и вор, писал в Украйну воровские письма и с архидиаконом своим прислал будто каксй-то лист за королевскою рукою. Этим я оклеветан и дело доходило уже до того, чтоб и мне так же поступить, как перемышльский епископ. Скажи пожалуйста, какой это королевский лист и откуда он в Москве взялся?»

— «Не слыхал и не знаю ничего, что ты мне говоришь, — отвечал Михайлов, — а по словам твоим рассуждаю, что и то письмо, которое ты писал к гетману Мазепе, очень нехорошее письмо, и думаю, что ты это сделал сам собою, без королевского указа, и короля клеплешь, чтоб себя оправдать».

Шумлянский клянется и божится, что делал по королевскому указу: «У меня об этом, — говорит он, — два королевских письма за его подписью и печатью. Да и без этого каж-

дому можно рассудить, мог ли я это сделать сам собою: ведь Мазепа с Украйною никогда мне в особое подданство не поддастся, да и мне от себя призывать его нельзя. Царское величество требовал от короля, чтоб он выдал меня в Москву на казнь, и король отмалчивался; а если б я писал к Мазепе сам собою, то король рассердился бы на меня и отстаивать меня не стал. Но слава богу, что от этого ничего не сделалось, все по-прежнему, и вперед будет в науку; король не перестает жалеть об этом и до сих пор, хлопочет, как бы поскорее дело прекратилось, и Соломона отдал».

— «Так как я ни у кого об этом, кроме тебя, не слыхал, то много рассуждать мне и толковать нечего, — говорил резидент, — только и из немногих слов твоих могу понять, что дело это немалое, и надобно тебе о себе порадеть, как в том исправиться, и душу свою от такого великого греха избавить».

Шумлянский, вздохнувши, сказал на это: «Сатана меня искусил; а король разве не умный человек, и другие, которые в то дело ввязались, разве не умные люди? однако были обмануты чернецом, без рассмотрения поступили. Говорю тебе наверное, что полякам отыскивать Украйны: в средине великого поста вдруг присылает за мною король; я поехал; а он меня встречает словами: отец! прежнее то наше дело исполнилось, Мазепа уж наш, приехал в Белую Церковь. Целый тот день король был весел и напоил меня добрым вином, какого уже давно никто у него не пивал. Но потом, четыре дня спустя, опять прислал за мною и говорил, что дело отменилось, еще не исполнилось. Из этого можно видеть, какую здесь имеют надежду».

— «Слышу от тебя дела дивные, — говорил резидент, — не ожидал я от твоей особы и от твоего чина, чтоб ты впал в такие тяжкие грехи своевольно. Но какими же способами ты хочешь исправиться, вину свою покрыть?»

— «Что было, то было, — отвечал Шумлянский, — прогневал я великих государей письмом к Мазепе, очень жалею, да воротить нельзя; а хочу за ту вину заслужить великим государям вот чем: хотя у царского величества и заключен вечный мир с поляками, только мир этот очень некрепок; поляки царскому величеству большие недоброхоты и ждут только случая, как бы малороссийские города оторвать, для того мирный договор и в конституциях их не напечатан, подкреплен он одною королевскою присягою, а Речью Посполитою не подтвержден Но дело известное, что королевские решения может последний шляхтич оспорить. Как только поляки соберутся с силами и увидят удобный случай, так вечный мир и нарушат Союза с ними иметь невозможно, потому что все обманывают и всякими способами ищут зла: за вечным миром мало не все благочестие привели неволею

в унию, остался с своею епархиею я один. Прекратить это зло и подкрепить вечный мир можно так: потребовать на сейме, чтоб мирный договор в конституциях своих напечатали, а если не напечатают, то великие государи не будут ставить этот мир в мир. Не худо бы им и погрозить да спросить, зачем премышльскую епископию обратили в унию? Станут говорить, что епископ приступил к унии своею охотою, отвечать: пусть он один и будет ваш, а православным его епархии пусть будет воля выбрать другого епископа; а с челобитьем об этом выборе много православных на сейм приедет, и я челобитье изготовлю; полякам отказать будет нельзя, епископия восстановится и благочестие утвердится на долгие времена; потому пусть царские послы поднимут на сейме дело обо мне, потребуют мне наказания за письмо к гетману Мазепе; я, будучи огражден конституциею, выступлю против короля смело, письма королевские всем покажу. Думаю, что тут король станет утекать. А на сейме надобно с ними обходиться по французскому обычаю, некоторых сенаторов надобно подкупить; так войною поляков не повоюешь, как подачкою; подарками царское величество может сделать на сейме все, что угодно. Если же великие государи прежде подтверждения договора конституциею начнут дело обо мне, то я приступлю к унии или за границу уеду. Совесть мою бог видит, что я писал письмо по крайней неволе, укрывая благочестие, принужден я поступать подозрительно, ношу сапоги то красные, то желтые, шапку надеваю вместо клобука, угождая польским политикам, как бы только епархию свою от гонения избавить».

15 мая, в Троицын день, Шумлянский служил в соборной церкви, молился усердно, торжественно за царей, за вселенских и за московского патриархов, за царскую палату, за умножение благочестивой веры греческого закона; резидент был в церкви, и все львовское братство «с великим благочинием и рацеями отдавало перед ним великим государям свое доброжелание и рабскую уклонность».

А между тем по-прежнему шла церковная борьба у русских с поляками, по-прежнему поляки не переставали теснить православных. Вот что доносил русский резидент Волков в Москву. 14 мая 1690 года в Варшаве канцлер коронный Эрнст Денгоф судил владимирских мещан с епископом владимирским, отступником от православия, униатом. Епископ хотел обратить в унию две благочестивые церкви, построенные владимирским братством; он выставлял на вид, что все русские церкви теперь в унии и находятся под его паствою; остались только две эти церкви, и священники их ходят по своей воле, а его, епископа, не слушают. Мещане доказывали, что церкви эти исстари благочестивые и потому не следует обращать их в унию, король при избрании своем присягал,

чтоб вере никакого утеснения не делать. Канцлер произнес такое решение: «Хотя прежде эти церкви в унии и не были, так теперь будут». Но только что он выговорил эти слова, как всем показалось, что своды в палате начали трещать и стены колебаться. Все бросились бежать; канцлер в дверях зацепился за что-то своими широкими рукавами и упал, бежавшие за ним попадали на него и чуть не задушили, вынесли его чуть живого. Опомнившись в сенях, канцлер послал верных людей осмотреть, нет ли кого на крыше и отчего своды грозили падением; на крыше никого не нашли, и своды стояли безо всякого повреждения. Несмотря на то, канцлер не решился досуживать суда и больше уже не входил в ту палату, а дело предоставил на королевское решение; король решил в пользу униатов. Сколько было тогда православных в Варшаве при дворе, видно из следующего донесения Волкова. На дворе у резидента была православная церковь, где служил священник из Перемышля. В церковь сходилось множество православного народа, покоевые, дворяне королевские и шляхта, священник исправлял требы, исповедовал, приобщал, крестил младенцев, венчал свадьбы. Это сильно не нравилось польскому духовенству, и 20 мая познанский бискуп Витвицкий велел схватить священника на улице и привести к себе. Наговоривши ему о вере благочестивой противных вещей, бискуп велел посадить его под караул у себя на дворе. Но на другой же день умер скоропостижно королевский сокольник, русский человек; товарищи его, сокольники, подали королю просьбу, чтоб позволено было похоронить умершего по православному обряду; король согласился, и по его указу освободили священника из-под епископского караула. Осенью того же года униатский перемышльский епископ Малаховский захватил пять православных церквей, причем униаты отняли у православных священников дворы, разграбили имение. По королевскому указу велено было дворы и пашенную землю священникам отдать; но униаты не послушались, а вдова бывшего коронного подскарбия Андрея Модреевского Урсула, в имении которой находились захваченные церкви, велела поймать одного священника и бить перед собою дубьем: несчастный получил триста ударов, после чего другие православные священники привезли его в Жолкву к королю для осмотра, но не получили никакой управы. Сначала в Львове в школах иезуитских ученье русским людям было свободное; но в девяностых годах иезуиты начали русских принуждать к унии и присяге; кто из русских учеников выучился у них в школах грамматике и риторике, того допускали они слушать философию только год, кто же хотел оставаться долее в школах, тот должен был принять унию.

В 1691 году на смену Волкову отправился в Польшу другой резидент, стольник Борис Михайлов; в Минске явились к нему православные мещане, Демьян Шишка с товарищами, и жаловались, что на них от панов литовских, от гетмана Сапеги и других великое гонение, принуждают их к унии всякими мерами. В мае месяце униатский плебан Салган Юревич, собравшись с католиками и униатами, приезжал в минский Петропавловский монастырь многолюдством, и хотели насильно обратить монастырь в унию. Архимандрит монастыря Петр Пашкович с братиею поостерегся, дал всем православным знать заранее, и православные, собравшись, сидели в монастыре с оружием и каменьями трое суток, положивши оборонять монастырь до самой смерти, католиков и униатов с великою запальчивостию били и сказали им напоследок, что помрут в монастыре все, а кто останется в живых, побегут с женами и детьми в Москву и будут им мстить, как смогут. Тогда осаждающие отступили от монастыря. Гонят православных и всякие налоги и наезды чинят по всей Литве униатский митрополит Киприан Жуховский, виленский епископ Константин Брестовский да плебан Юревич. Татарам и жидам, говорили мещане, больше уважения от панов, нежели благочестивым христианам: татары могут строить новые мечети, и жиды кагалы, а православным древних церквей покрывать и починять не позволяют, ведут к тому, чтоб благочестие до конца известь.

Летом 1692 года, будучи в Львове, резидент шел однажды предместьем и за иезуитским костелом встретил старика очень почтенной наружности, который подошел к нему, объявил, что он шляхтич русской веры именем Попара, и попросил позволения поговорить без свидетелей. С тяжелым вздохом начал свою речь Попара, что бывал он в Москве еще при царе Михаиле, не раз целовал у него руку, а при державе царя Алексея Михайловича в продолжение многих лет ссылался обо всяких тайнах с боярином Матвеевым, и будто его службою Киев остался в царской стороне. В те годы всем православным был покой большой, принуждения к унии ни от кого не было, во всем русских людей поляки почитали и ничем обидеть не смели, опасаясь царского гнева. Но когда заключен был вечный мир и иезуитам в Москве веру свою распространять позволено, то сейчас же в Польше началось гонение великое на церкви божии, больше семисот церквей обратили в унию, а теперь и последнюю львовскую епископию принуждают к унии. Поляки хвастаются, будто и в Москве их веру больше любят, чем свою русскую: «Нас, православных, здесь, — продолжал Попара, — поляки ни в чем не слушают и за скотов почитают; нынче призывал меня к себе епископ Иосиф Шумлянский и говорил, что прислан королевский указ о присоединении к унии. Я один и без

братства сказал епископу, чтоб он объявил королю нашу русскую раду: никогда мы добровольно в унии быть не захотим, по милости божией у нас вера добрая, и никогда мы о вере королевскому величеству не докучали; изволил бы король оборонять нас от татар, а не от веры. Я в преклонной старости и кончину свою вижу при дверях, так объявляю для христианской веры самую истину, что львовская епископия в благочестии не устоит, если не в этом году, так все же скоро будет в унии, потому что Шумлянский на епископство возведен силою, обороною и желанием нынешнего короля, когда тот был еще гетманом, и при поставлении обещался непременно приступить к унии; а перемышльского епископа ставил он, Шумлянский, при таком же обещании, и прошлого года перемышльский епископ унию принял. И Шумлянский втайне униат, а явно не присягает, потому что братство крепко стоит. А вся эта слабость сделалась оттого, что позволено быть католикам в Москве, все государство иезуиты вызнали, описали все города и обычаи; и трое французов были недавно в Москве для того же. У папы, цесаря, королей французского и польского положено: если война с турками и у цесаря с французом прекратится, то всем сообща войною и всякими вымыслами внести в Московское государство католическую веру; многие иезуиты, которые в Москве были, предложили к тому способы, и многие охотники собираются о том радеть и присягают, что это дело могут в Московском государстве совершить в короткое время. Нам, православным, от этого великое опасение». Резидент успокоивал старика, что все это нестаточное дело, говорит он о небывалых вещах, не дознавшись подлинно; но Попара настаивал на своем: «Верно знаю, что поляки чрез иезуитов, папу, цесаря и француза уговорили вводить в Москву католическую веру». Русских людей Западной России трудно было успокоить насчет иезуитов, которые являлись для них постоянно главными двигателями гонения, готовыми на все. Могилевское духовенство дало знать резиденту, что приезжали в Могилев из Вильны комиссары пан Вербецкий, пан Шпиловский, Жембоцкий да Ильинич и, по иезуитскому настоянию, с великим наругательством разорили церковь Петра и Павла в селе Езере, в трех милях от Могилева, позволили разорять ее близ живущим татарам; побивши прихожан, которые защищали церковь, татары влезли на крышу, столкнули ногами крест, а потом всю церковь до последнего бревна разметали, иконы покололи ругательски. Место осталось пусто, православные христиане без церкви начали быть в размышлении и многие стали клониться к иезуитскому учению. Когда львовские жители являлись к королю *на визит* с поздравлениями и подарками, то впереди шли поляки, потом армяне, а уже за армянами русские православные,

тогда как прежде русские стояли выше армян. Перемышльский епископ Иннокентий Винницкий, приняв унию, стал жестоким гонителем православия: по его наущению шляхта напала на православную церковь св. Троицы в местечке Коморне, в четырех милях от Львова; в церкви священник Иван Ревенец служил обедню, шляхта хотела вытащить его вон и убить, но прихожане заперлись в церкви и оборонялись часа с три; но потом, видя что отсидеться никак нельзя, надели на священника женское платье, выпроводили его тайком и потом отперли церковь. Шляхта, не найдя священника, била прихожан насмерть, а церковь запечатала для отдачи униатам.

В Москве не могли быть равнодушны при получении подобных известий: резиденту было велено потребовать от польского правительства, чтоб по всем русским поветам посланы были универсалы с строгим запрещением обращать православных в унию, чтоб на место отпадших епископов позволено было русским людям избрать новых, которым для поставления ехать в Киев к митрополиту. На это был ответ: «Ни королю в государство Московское, ни царям в государство Польское заглядывать и в тамошние распоряжения вступать не следует; смоленская шляхта вся приневолена и стала Русью: и мы об этом не говорим, потому что в обоих государствах вера христианская одна и всякий государь в своем государстве волен». Резидент возражал: «Дело идет не о заглядывании в государство; смоленская шляхта никакой в вере неволи не имела и не имеет; дело идет о нарушении договоров, о нарушении присяги, данной королем и всею Речью Посполитою. В вере неволя, в присяге неправда — дела начальные!» — «В добре зла никакого нет, и иначе потому уже быть нельзя», — отвечали поляки.

Насилия не прекратились: в 1693 году воевода полоцкий Красинский в своем имении Соколове отдал в унию церковь Покрова богородицы, застращав прихожан войском: «Русские люди стонут и плачут, а пособить себе не могут и стали в вечном помрачении». В Каменце литовском подканцлер князь Радзивил обратил в унию церковь Рождества богородицы. На представления резидента отвечали, что в Каменце было руси только человек с тридцать и сами просились в унию; что же касается до полоцкого воеводы, то он распоряжался в своей отчине, запретить ему трудно, пусть резидент поговорит с ним сам. «Все вы толкуете о вечном мире! — говорили паны, — этим вечным миром великие государи хотят распоряжаться в наших отчинах, как будто по вечному миру мы стали их невольниками! По нашему праву всякий шляхтич в своем имении волен и без королевского ведома может хлопов своих казнить, как хочет, и неужели нельзя какого-нибудь негодного попа переменить? В договоре с цар-

ским величеством идет дело об одних королевских имениях, а не о панских и шляхетских маетностях, потому что пану в его имении указывать нельзя. Из Москвы иезуитов выслали, римской вере неволя — но король молчит, потому что цари в своем государстве вольны».

Делать было более нечего, потому что на плечах была опасная война: не русские рати ходили на Крым, а татары навещали Украйну.

В начале 1693 года 40 000 татар вместе с Петриком явились на Украйне, но не могли привлечь Запорожье на свою сторону, не могли взять ни одного города и с ничтожною добычею возвратились назад, «только едва копытами своими погаными богохранимой вашей монаршеской державы коснулись», как извещал царей Мазепа. Петрику, который, по современному выражению, продолжал «пялить душу на крюк адовой пропасти», оставалось писать на Запорожье грамоты, стращать козаков Москвою: «Разумные головы, рассудите, что не всегда московские цари такое вам будут давать жалованье, как теперь часто присылают червонные золотые: это Москва делает, потому что слышит в лесу волка, а когда беда минется, то не только жалованья вам не даст Москва, но, помирившись с Крымом, вас из Сечи выгонит, вольности ваши войсковые отнимет, Украйны нашей часть орде отдаст в неволю, а остаток возьмет в свою неволю вечную. И тогда к кому прикинетесь, кто вам поможет и избавит вас из неволи? Сами знаете сказку, что за кого стоит крымский хан, тот будет и пан. Дивное дело, что прежде все вы жаловались на неправды от Москвы и от своих господ, жаловались, что нет такого человека, который бы начал дело. А теперь, когда такие люди нашлись, то вы не очень охотно позволили на свое освобождение: охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшие люди, в Сече оставались. Я вашим милостям, добрым молодцам, советую: воспользуйтесь удобным временем! а если это время упустите, то уже никогда другого такого иметь не будете, и когда свои вольности потеряете, то возьмите на свои души грехи всей Украйны, которая вами защищается и на вас надеется». Запорожцы отвечали «врагу воплощенному», что вся клятва падет на него; потому что он с бусурманами приходит опустошать крайнее гнездо православной веры, Москву и особенно Малую Россию.

Петрик жестоко ошибся, положившись на речи недовольного меньшинства в Запорожье и задумав сыграть роль Богдана Хмельницкого. Огромное большинство в Малороссии крепко стояло за единство русской земли, т. е. за союз с Москвою во имя православия. Вот что доносил царский посланец дьяк Андрей Виниус, бывший в Малороссии в начале 1693 года и внимательно наблюдавший расположение умов. «По городам, селам и деревням видел я в народе совершенную

твердость православной церкви, большую набожность и к великим государям всесовершенную и постоянную верность. Говорят: где нам такого покрова, защиты и благополучного жития сыскать, какое получили под царским правлением? Живем при православной вере, при правах и вольностях своих по домам мирно, чего никогда не видали от ляхов, у которых были в таком же порабощении, как Израиль в Египте. Кому из нас в голову может прийти мысль соединиться опять с ляхами, которые, если б могли, всех бы нас отдали бусурманам или под меч положили, или в душевредительную унию обратиться приневолили. А что дьявольский сосуд Петрик делает, то ясно, что христианину с бусурманом никогда в союзе быть нельзя: пример Молдавия и Валахия, запустошенная бусурманами».

Уход врага дал возможность заняться внутренними делами. Надобно было порешить вопрос об аренде или винном откупе. Гетман велел полковникам съехаться в Батурин и привезти с собою всю полковую старшину, городских урядников, знатное войсковое товарищество и мещан, с которыми можно было бы посоветоваться и решить дело об аренде. Собралось много людей всяких чинов, долго между собою говорили и советовали, оставить ли аренду по-прежнему или уничтожить? Многие стояли на том, что аренду надобно удержать непременно, потому что она никому, кроме шинкарей, не вредит, и в городах от нее большая оказалась прибыль: все свои нужды они исправили благодаря аренде, а в иных городах и денег по тысяче и по другой золотых положили себе в запас. Но большинство оказалось против аренды: аренда, говорили они, издавна дело ненавистное, вечный повод беспокойным людям к порицанию, вечный предлог вредить общему добру; и теперь запорожцы по ее поводу кричали и вопили. Порешили на том, что аренду уничтожить, а деньги, необходимые на жалованье охотницкому войску и на всякие полковые расходы, собирать с тех людей, которые будут содержать шинки, и с винокуров, которые развозят свое вино по ярмаркам. Но согласились ввести этот новый порядок только на один год, чтоб посмотреть, что из него выйдет.

Петрик не приходил с татарами на Украйну; тем не менее гетману не было от него покоя. Козаки, бежавшие от Петрика, показали, что у него есть грамоты от Мазепы. Показание было такого рода, что в Москве не могли дать ему веры, но Мазепа сильно кручинился. В Глухове на обеде у стародубского полковника Миклашевского Мазепа бросился на Кочубея, бил его по щекам, топтал пинками, кричал: «Ты с Петриком писал листы моим именем, отчего я в невинности моей сокрушаюсь и ношу такое нарекание». — «Я ни в чем тут не виноват, ничего не знаю, — отвечал Кочубей, — разве Петрик захватил какие-нибудь старые письма из моей кан-

целярии, — этого я не знаю». После этой сцены Мазепа сейчас же поехал из Глухова в лагерь к стольнику и полковнику Батурину и начал ему говорить: «Что теперь делать?» Батурин отвечал. «Одного опечалили, а другого оскорбили; ступай опять в Глухов к Миклашевскому». Мазепа сейчас же поехал к Миклашевскому, послал за Кочубеем и помирился с ним.

Петрик не давал покоя Мазепе и тем, что не переставали приходить вести об его новых замыслах. Петрик твердил хану, в Малороссии непременно будет бунт от черни на панов и откупщиков, особенно если хан пойдет к малороссийским городам и гетман соберет все полки в один обоз: тут прежде всего чернь станет старшину бить, а потом в городах чернь перебьет панов и откупщиков, и тогда весь малороссийский народ соединится с крымцами и пойдет войною на Московское государство. Хану и Петрику прежде всего хотелось переманить на свою сторону Запорожье, в котором постоянно были люди, готовые с ними соединиться, постоянно по куреням слышались слова: «Если хан будет давать войску деньги и коней, то мы готовы служить хану и панству крымскому: за кем хан, тот и пан». Гетманский посланец Горбаченко, возвратившись из Сечи, рассказывал: «Множество там легких людей, голутьбы, безодежных, безоружных. Кошевой атаман Гусак говорил мне: видишь, сколько голутьбы прихожей из городов, а в раде против всякого нельзя говорить нам; если бы по раденью гетманскому отворилась война на бусурман, то вся бы эта голутьба пошла на войну, и все бы перекатели пропали на боях». Мазепа стал хлопотать в Москве, чтоб позволено было начать наступательную войну против турок. Сильно обеспокоило гетмана известие, что козачество обратило свое внимание на Палея. Петрик хотел сыграть роль Богдана Хмельницкого, много наобещал и ничего не сделал; но перед козаками был знаменитый полевой воин, который ничего не обещал, но много делал, воюя постоянно и успешно с татарами; Палей многим из козаков представлялся желанным вождем для всякого козачества, храбрым и счастливым. Когда Палей шел под турецкие городки, в Запорожье говорили: «Дадим Палею гетманство, вручим ему все клейноты; Палей пойдет уже не Петриковою дорогою, знает он, как украинских панов прибрать к рукам».

Скоро представился случай втянуть Палея в дальнее и опасное предприятие, и Мазепе очень хотелось им воспользоваться. Господарь молдавский, враждуя с господарем волошским, прислал к Мазепе с просьбою помочь ему схватить своего врага, а если гетман не согласится употребить для этого своих козаков, то нельзя ли поручить это дело Палею. Мазепа немедленно написал Льву Кирилловичу Нарышкину: «Палей гнушается поляками, а великие государи наши

не принимают его по причине договоров с Польшею; один перейти к нам с семейством он не хочет, сластолюбствуя совершенною в Хвастове над многими людьми властию. Так было бы хорошо затянуть его в такое дело, в котором бы он не повредил своего христианского правоверия, ибо так как он пересылается с начальниками белогородской орды, то надобно опасаться, чтоб бусурманы не прельстили его; если же он предпримет военное дело, потребное христианству, то уже никакая вражья прелесть не будет иметь над ним силы». Но великие государи отвечали, что этот промысел должно оставить, потому что, по вестям, в Валахию должны войти большие турецкие силы, и Палею может быть беда.

В конце июня голутьба на Запорожье взяла верх, и возобновлено было перемирие с ханом; кошевой Гусак, не хотевший мира с бусурманами, сдал атаманство, и на его место был выбран Рубан.

В Москве для успокоения запорожцев написали грамоту, в которой говорилось, что нынешнего лета воинского похода под турецкие городки не будет, и чтоб запорожцы не обвиняли в этом гетмана. С этою грамотою Мазепа отправил в Запорожье козака Кныша. Когда грамоту прочли в Сечи на раде, то поднялся крик: «Ясно, что поход отложен по гетманскому желанию, гетман же исходатайствовал и у великих государей грамоту, чтоб мы на него не жаловались! Когда мы узнали, что похода под городки не будет, то заключили с ними перемирие, а гетман, узнавши об этом, послал старого нашего кошевого Федка под Очаков; Федка похватал турок и татар, ходивших за солью, и многих побил, а татары побрали за это наших запорожцев невинных на соляной добыче 50 человек. Гетман должен нам выдать всех пленных, взятых Федкою, и его самого, а если этого не сделает, то пусть ждет нас с ордами к себе на зиму в гости, увидит, что ему, его панам-арендарям и дозорцам будет. Бывший гетман Иван Самойлович такого подкопа над нами не делал; однажды попробовал сделать такой же подкоп, но когда Серко ему написал, что готовится на него сто тысяч сабель, то испугался и прислал тотчас к нам вина, ветчины и всякого запасу. А этот гетман называет нас пастухами, дозорца его Рутковский ватаг с запасами на Запорожье не пропускает; только мы Рутковского скоро возьмем в руки, чтоб нам больше пакости не делал. Пока Мазепа будет гетманом, нам от него нечего добра чаять, потому что он всякого добра желает Москве и к Москве смотрит, а нам никакого добра не желает; только тот гетман будет нам на руку, которого мы поставим в Черной Раде». Писарь запорожский говорил тайно Кнышу: «Как хан возвратится из войны венгерской, то запорожцы хотят тотчас утвердить с ним мир и идти войною на великороссийские города, а в Малой России воевать

им не для чего, потому что она сама в себе кого надобно повоюет: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всех своих начальников и панов побьют. Хотят запорожцы идти на великороссийские города за то, что им присылается из Москвы жалованье не такое, как донским козакам. Запорожцы сердятся и за то, что на Самаре построены города и осажены людьми, что лес их стародавный вырублен, в Орле сидит воевода с воинскими людьми, тогда как в статьях Хмельницкого написано, что московским ратным людям быть на Украйне только в трех городах. И то запорожцам в тягость, что гетманов, старшину и полковников без их ведома берут в Москву и в Сибирь ссылают».

От Палея приходили также неприятные вести. Посылал он своего козака к королю и к коронному гетману с татарскими языками. Коронный гетман призвал к себе козака ночью и говорил ему: «Зачем Семен Палей мне не доверяет, я никого еще своим гетманским словом не обманул. Лучше бы Палею было, когда бы он моих указов слушал и ходил туда, куда я велю, чем самовольно ходить по татарским саклям, из чего ему нет никакой выгоды. Оттого, что он не слушает моих указов, и вам деньги из королевской казны не даются. А если Палей в другую сторону оборачивает свою службу, то там пуще пропадет, вешаясь на двух голях. Пусть он знает, что если захочу, то сейчас же мне его выдадут: пишут ко мне полковники заднепровские, что все они его ненавидят и щадить не будут. Если бы вы, добрые молодцы, блюдя свою верность королевскому величеству, другого себе полковника выбрали, то очень бы хорошо сделали, потому что у вас, козаков, не новость старших переменять; а если б так сделалось, то сейчас бы вам дана была из казны королевской достаточная плата».

В Москве сочли нужным отправить на Запорожье сто половинок сукна в прибавку. Когда сукно привезли в Батурин и стали осматривать, то нашли, что три половинки испачканы дегтем. Мазепу это обстоятельство очень опечалило; но делать было нечего, послал сукно с своим козаком Сидором Горбаченком. Не доезжая четыре мили до Сечи, Горбаченко послал сказать о своем приезде кошевому. Тот назначил раду и во всех куренях велел запечатать вино, чтоб пьяных не было. Когда Горбаченко приехал, атаман велел идти ему в раду, собранную по обычаю подле церкви. Горбаченко вошел в раду, помолился на церковь, поклонился до земли на четыре стороны и подал кошевому лист гетманский. Писарь громко прочел лист, и все начали кланяться, благодарить великих государей за жалованье. Стали смотреть сукна, хвалили, говорили, что прежде к ним таких сукон не присылали; запачканных сукон не успели осмотреть, потому что

писарь и судья, заметивши их, спрятали и сказали, чтоб все расходились по куреням, а сукна они и без них примут.

27 декабря ночью прискакал в малороссийский приказ капитан Ярышкин с важными делами. Мазепа наказал ему объявить Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву следующее: «Если укажут великие государи принять Семена Палея, то изволили бы прислать к нему о том указ вскоре. По принятии Палея надобно прислать новые войска на Украйну для защиты Палея и Украйны от поляков, которые Палеев прием даром не оставят. Палей пишет и приказывает гетману словесно, что если ему обороны и помощи от гетмана не будет, то он обратится в другую сторону, куда его давно зовут, потому что поляки совершенно ему не доброхотствуют и ищут способа, как бы его схватить и казнить; если же такого удобного случая не найдут, то хотят убить его тайно чрез злохитрых людей. Если Палей пристанет к бусурманской стороне, то вся Украйна разорится, потому что козаки пойдут все к Палею, и помешать тому никак будет нельзя, потому что Палей человек военный, имеет в воинских делах счастие, за что козаки его очень любят, и такого другого человека на Украйне нет; и теперь, хотя под жестоким страхом было заказано, однако пошло к нему из киевского полка много козаков». В письме своем к Мазепе Палей уведомлял, что коронный гетман разослал универсалы к козакам и мещанам с увещаниями отстать от Палея. Вслед за тем польские хоругви и козацкие толпы напали врасплох на сотни Палеева полка, убили много народа; Палей писал, что должен будет драться, и просил у Мазепы наставления, совета и войска. Не дожидаясь совета и наставления, Палей 29 декабря послал новое письмо к Мазепе: «Прошу об ответе немедленном: если мне нет надежды на милостивую помощь войском, то позволь мне с моими людьми выйти из Хвастова и поселиться в Треполье или Василькове, потому что насилия мучительского от поляков невозможно выдержать; кругом все их крепости, под боком Белая Церковь, от которой не раз была уже пагуба Хвастову. Тысячекратно упадая к ногам регментарским, прошу плачевно: дай ведать — будет ли помощь или мне от тех врагов сбрести?» Из Москвы прежний ответ: нельзя принять Палея прямо и поселить в Треполье: это будет явное нарушение договора; пусть идет и с полчанами своими сначала в Запорожье и оттуда переходит в города царского величества.

Но Мазепа не переставал петь старую песню, что надобно принять Палея, и прямо высказал, что в противном случае он боится встретить в Палее опасного соперника, другого гетмана Хмельницкого. «Теперь, — писал Мазепа в Москву, — Палею уже нельзя прекратить ссор с поляками, потому что с обеих сторон побито человек с двести. Палей хочет оста-

вить Хвастов и поселиться в Умани; чтоб он, поселясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призовет татар, станет воевать и разорять поляков — опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны козаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий; надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить, особенно для того, чтоб не произвел он в Малой России мятежа и перезовом жителей опустошения; удержать же их будет тогда невозможно, потому что малороссийские жители имеют на той стороне пасеки и всякие угодья».

Палей отразил поляков; но, видя, что цари не согласны его принять, как бы ему хотелось, написал коронному гетману Яблоновскому, что готов смириться пред королем. Яблоновский отвечал ему: «Рассуди, ваша милость, накрепко, не всякая ли из нижеписанных статей влечет за собою суд, казнь и меч? ты указов моих не слушал в самых важных военных обстоятельствах; в отчинных имениях разных лиц своевольно раздавал становища людям непослушным полка своего; шляхту, их подстарост, товарищество и разных людей многих бил, убивал, мучил, доходы шляхетские побрал, людей из деревень силою сгонял; край целый польский себе в послушание отобрал; меды мои своевольно брал; в имениях моих людей расставлял; письма, ко мне посланные, самые нужные, с разными ведомостями и остерегательствами, по дорогам перехватывал; людей, ко мне идущих за письмами, к себе поворачивал и свои письма им давал; и кто перечтет все твои насилия, преступления, убийства, дела бессудные, непослушания, слова злые? Все это понудило королевское величество и меня отправить войско в Полесье, чтоб заставить тебя одуматься; но ваша милость, прибавляя зло ко злу, посланного к тебе Драгомира, вопреки обычаю самых невежливейших народов, велел бить на убой и в колодку посадить; кроме того, козаков Искрицкого и Ярему велел бить и грабить и перед собою, как невольников, гнать. А я всегда посланных вашей милости чествовал, всегда они были у меня свободны, ни в чем не нуждались, уходили одарены и накормлены. Теперь, ваша милость, смиряешься, добиваешь челом, милосердия желаешь, исправление обещаешь, и в то же время ротмистра Бландовского, шедшего по моему указу в Белую Церковь, схватил и ограбил! Как же после этого тебе верить? Несмотря на то, я и теперь у королевского величества ходатайствую о милосердии, и сам готов все вины вашей милости простить, только бы ты сдержал свои обещания; а на свидетельство своего исправления выпусти Бландовского и людей его, за что и мы освободим пленных козаков полка твоего; пасынков своих и дочь пришли в аманаты;

принеси присягу королю и республике, и тогда будешь оставлен в совершенном покое; в противном случае велю кончить начатое с тобою дело, кончить мечом и огнем. Если же примешься за верность и послушание — не опасайся ничего, на мою веру и совесть полагайся и приезжай сам за королевским жалованным листом, приезжай поклониться королевскому величеству и добить челом, не бойся: цел будешь и безопасен».

Получив это послание, Палей поехал не к королю, а в Батурин к Мазепе с старым вопросом: «Можно перейти в Треполье?» — «Нельзя», — отвечал гетман. Тогда Палей начал говорить: «На Запорожье идти мне не хочется; хотя войско и два раза меня туда звало и предлагало кошевое атаманство и даже высший чин, однако я, привыкши к городовому житью, в Сечь идти не желаю; потому что, пришедши туда, в Низовое Войско, должен буду делать то, чего войско захочет. Лучше мне еще в Хвастове до времени держаться, нежели вдруг неведомо куда оттуда уходить. Знаю, что польские войска всеми своими силами наступать на меня не будут, потому что им и без меня есть что делать при бесконечной войне с турками и татарами, а от малых войск всегда оборонюсь. Кроме того, покажу кротость перед польскою стороною, ротмистра Бландовского и всех пленных поляков отпущу на волю; своих в аманаты не дам, но присягу принесу, что на самого короля (а не на тех, которые будут на меня наступать) не подниму руки; часть своей пехоты на службу королевскую послать не откажусь, потому что эта пехота от меня не отстанет, но, одевшись у них, возвратится назад. Таким образом, могу еще несколько времени подержаться в Хвастове. Жаль мне сильно расстаться с этим местом, не только потому, что там много домостройства моего, пространное поле хлебом насеяно, но и потому, что я взял это место пустое и населил не польскими подданными, но от реки Днестра частию из Войска Запорожского, частию из волохов; церкви божии украшенные устроил, чего непригоже покинуть».

Мы видели, что для отстранения причин к неудовольствию, возбуждаемому постоянно из Запорожья, уничтожен был винный откуп или аренда, но уничтожен на время, чтоб попробовать, можно ли без него обойтись. Опыт оказался неудачен: гетман отовсюду начал получать донесения, что при сборе денег с торгов и шинков великие споры и вздоры чинятся и в деньгах против прежней аренды оказался большой недобор. Во время Рождественского съезда старшин и полковников в Батурин гетман объявил им, что опыт не удался, и как быть? Старшина и полковники отвечали, чтоб гетман бил челом великим государям о присылке денег на жалованье охотницкому войску и на другие войсковые расходы,

потому что и прежде, по челобитью гетмана Самойловича, царь Федор Алексеевич прислал десять тысяч золотых червонных. Мазепа написал об этом боярину Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву. Письменного ответа он не получил, только словесно наказано посланнику: «Прежде по многой докуке гетмана Самойлова посланы были деньги 30 000 золотыми червонными из имения боярина Матвеева; а теперь бить об этом челом гетман не должен, потому что теперь такой нужды, какая была во время чигиринских походов, нет, особенно же потому, что всякие доходы в Малороссии за гетманом, старшиною и полковниками, и бить еще челом о деньгах стыдно». Когда старшина и полковники съехались в Батурин после Светлого воскресенья 1694 года, Мазепа объявил им ответ из Москвы. Старшина и полковники сказали, что когда так, то надобно опять ввести аренду, аренда выгоднее, а поборы черному народу тягостнее, потому что поборы берут и с того человека, который одним хлебом без промыслов довольствуется, отчего бедный человек до конца разоряется. Гетман возразил, что пойдут опять крики из Запорожья; ему отвечали на это, что запорожцам от аренды никакой тягости нет, тягостнее народу их запорожская аренда, которая в Сечи заведена: изо всякой куфы вина берут на старшину и на куренных атаманов третью долю, остальное же вино велят продавать по той цене, какую они же наложат, а не вольною ценою. Тогда гетман сказал полковникам и знатным товарищам, чтобы они, возвратясь домой, велели везде, в городах и селах, собирать людей и советоваться с ними, поборам ли быть или аренде? Так и было сделано во всех городах, городках и селах, и повсюду единогласно приговорили — быть аренде. Гетман, получивши донесения об этом, отправил их в Москву с просьбою о милостивом повелительном указе [145].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОКОНЧАНИЕ ДВОЕВЛАСТИЯ. ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I АЛЕКСЕЕВИЧА

Окончание потех. — Замыслы Петра относительно морских предприятий. — Роль Лефорта. — Греческое духовенство просит о деятельном продолжении войны с турками. — Первый азовский поход. — Воронежский флот. — Кончина царя Иоанна Алексеевича. — Второй поход и взятие Азова. — Впечатление, произведенное этим событием в Москве и Польше. — Торжественный вход победителей в Москву. — Строение кораблей кумпанствами. — Посылка молодых людей учиться за границу. — Намерение Петра ехать самому за границу. — Неудовольствия. — Розыск монаха Авраамия. — Розыск Цыклера и Соковнина. — Отъезд Петра за границу. — Неудовольствие в Риге. — Пребывание в Пруссии. — Дела польские. — Свидание Петра с двумя курфюрстинами; их отзыв об нем. — Петр в Голландии, в Англии, в Вене. — Стрелецкий бунт. — Возвращение Петра в Москву. — Брадобритие. — Стрелецкий розыск и казни. — Пострижение царевен и царицы Евдокии. — Раздражение Петра. — Любимец Меншиков. — Поездка Петра в Воронеж. — Новые розыски и казни по возвращении в Москву. — Разбои. — Злоупотребления воевод. — Учреждение бурмистров. — Алексей Курбатов. — Гербовая бумага. — Указ о торговле компаниями. — Меры для улучшения положения Сибири. — Дела на украйнах. — Дело Петра Артемьева.

И Белое море, как видно, показалось узко, печально и бесцельно для Петра. Он мужал, и одна потеха уже не удовлетворяла. Была мечта отыскать проход к Китаю или Индии чрез Северный океан; но недостаток средств и времени должен был скоро рассеять юношескую мечту. Сильно прельщало Балтийское море, хотелось пробраться туда, но как? Ключ к морю был у шведов. Оставалось Каспийское море, на которое уже давно указывали иностранцы, требуя свободного проезда на него для торговли с богатою Азиею: разве не может Россия сама овладеть этим средством обогащения, заведши флот на Каспии, овладевши торговлею с прибрежными странами? Еще при царе Алексее строили корабль для Каспийского моря. Корабль был сожжен Разиным; но когда будет сильный флот на Каспийском море, то Разин будет невозможен. 4 июля 1694 года Лефорт писал из Архан-

гельска в Женеву: «Через два года поговаривают о путешествии в Казань и Астрахань; но, быть может, в два года времени это пройдет. Впрочем, я буду всегда готов исполнять приказания. Есть намерение выстроить несколько галиотов и идти к Балтийскому морю...* Меня возводят в адмиралы всех судов его величества; этого непременно желает сам наш великий царь Петр Алексеевич». 13 сентября Лефорт писал: «Будущим летом выстроят пять больших кораблей и две галеры, которые, ежели даст бог, через два года отправятся в Астрахань для заключения важных договоров с Персиею»[146].

В два года многое может измениться, думал Лефорт. Действительно, многое изменилось, и на Лефорта указывают как на виновника этих изменений; на него указывают, как на человека, уговорившего Петра предпринять поход под Азов. Потехам пора была кончиться. В народе шел ропот: царь связался с немцами, и какое же из этого добро? одни потехи, от которых понапрасну гибнут и страдают люди. Для собственной выгоды Лефорт должен был настаивать на прекращении потех и на какое-нибудь важное предприятие, которое могло бы выставить в выгодном свете царя и компанию, иначе рождались очень неприятные сравнения с свергнутым правительством: если при Софье походы в Крым были неудачны, то все же русские рати искали врагов в их жилищах, а теперь татары приходят на Украйну. Союзники упрекают в бездействии, гетман Мазепа пишет, что необходимо начать наступательное движение; этого желает народ, это особенно нужно, чтоб дать упражнение беспокойным силам, собранным на Запорожье. Лефорт хотел, чтоб Петр предпринял путешествие за границу в Западную Европу; но как показаться в Европе, не сделавши ничего, не принявши деятельного участия в священной войне против турок. Не забудем, что тотчас по взятии Азова предпринимается путешествие за границу: эти два события состоят в тесной связи.

Были увещания к деятельному продолжению войны и с той стороны, с которой, по прежнему опыту, трудно было ожидать их. В сентябре 1691 года была получена грамота от иерусалимского патриарха Досифея от 18 марта: «Пришел в Адрианополь посол французский, извещал патриарх, принес от короля своего грамоту насчет св. мест, случился тогда там и хан крымский; подарили французы визирю 70 000 золотых червонных, а хану 10 000 и настаивали, что турки должны отдать св. места французам, потому что москали приходили воевать Крым; хан толковал о том же. Взяли у нас св. гроб и отдали служить в нем французам, дали нам только 24 лампады, взяли у нас французы половину Голгофы,

* В подлиннике стерто.

всю церковь Вифлеемскую, св. пещеру, разорили все деисусы, раскопали всю трапезу, где раздаем св. свет, и хуже наделали в Иерусалиме, чем персы и арабы, и какие беды старцам нашим тамошним причинили — кто может рассказать? Кстати, были и синайские старцы и просили у визиря некоторого повышения чести, заступились за них французы, чтоб нас одолеть, однако визирь не послушался; только упрямится, св. мест нам не отдает, народ турецкий кричит, что москали были смирны, а теперь из-за Иерусалима войну начнут, но визирь это ни во что ставит. Теперь просят французы вновь указу, чтоб обновить им в Иерусалиме своды церковные и таким образом явиться старыми владетелями. Если вы, божественные самодержцы, оставите святую церковь, то какая вам похвала будет? Если вы отправите сюда посла, то прежде всего он должен стараться о нашем деле, о возвращении нам св. мест, и без этого не должен заключать мира; ибо если вы заключите мир без этого, то лучше уже ничего не предлагайте об Иерусалиме, ибо иначе турки поймут, что у вас нет об нем попечения, и тогда французы завладеют св. местами навеки и нам вперед нельзя будет подавать на них челобитья. Так, если хотите предлагать об Иерусалиме, то в случае отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украйну, потом требуйте Молдавии и Валахии, также Иерусалим возьмите и тогда заключайте мир. Нам лучше жить с турками, чем с французами, но вам не полезно, если турки останутся жить на севере от Дуная, или в Подолии, или на Украйне, или если Иерусалим оставите в их руках: худой это будет мир! потому что ни одному государству турки так не враждебны, как вам. Тому 18 лет, как я писал письмецо из Адрианополя блаженной памяти отцу вашему государю царю кир Алексею Михайловичу и советовал: покиньте поляков и усмирите прежде турок, потому что непременно хотят придти к Днепру: он не послушал, не поверил, а потом случилось все так, как мы писали. И теперь советую, если хотите мириться, так миритесь, чтоб Украйна была освобождена, Иерусалим был отдан и турки отступили за Дунай, а не так, лучше воюйте вместе с соседями, гоните и смиряйте нечестивых, а о поляках нечего заботиться: когда захотите смирить их, тогда и смирите. Нынешний визирь человек достойный, взял Нису и Белград, а причиною вы, потому что татары были с ним вместе, а если бы татары были вами сдержаны, то турки ничего бы не сделали. Однако они никакой благодарности вам не воздают, потому что, думать надобно, доброта ваша от неразумия. Теперь визирь вместе с ханом хочет вас обмануть; победит немцев, а потом и за людей вас не станет почитать, потому что очень он глубок и лукав. Победивши немцев, станут воевать с великим гневом по многим причи-

нам. Поэтому опять пишу: если не будет освобождена Украйна и Иерусалим и если турки не будут изгнаны из Подолии, не заключайте мира с ними, но стойте крепко. Будете заключать мир и станете вначале требовать Иерусалима, и если они его вам не отдадут, то не заключайте мира, турки убьют визиря за напрасную войну. Если будут отдавать вам весь Иерусалим, а Украйны не поступятся и из Подолии не выйдут — не заключайте мира, потому что если засядут они в Подолии, то сыщут удобное время и не будут молчать. Помогайте полякам и иным, пока здешние погибнут. Если татары погибнут, то и турки с ними, и дойдет ваша власть до Дуная, а если татары останутся целы, то они вас обманут. Вперед такого времени не сыщете, как теперь. Мы желали взять Иерусалим от французов чрез вас, и не для Иерусалима только; мы хотим, чтоб вы не позволяли туркам жить по сю сторону Дуная и за Дунаем, чтоб вы разорили татар, тогда и Иерусалим будет ваш. Александр Великий не ради бога, но ради единоплеменных своих на персов великою войною ходил; а вы ради святых мест и единого православия для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете от себя злых соседей? вы упросили у бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благополучное время, и вы не радеете! В досаду вам турки отдали Иерусалим французам и вас ни во что ставят; смотрите, как смеются над вами: ко всем государям послали грамоты, что воцарился новый султан, а к вам не пишут ничего. Татары — горсть людей, и хвалятся, что берут у вас дань, а так как татары подданные турецкие, то выходит, что и вы турецкие подданные. Много раз вы хвалились, что хотите сделать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого». Патриарх счел нужное приписать: «Чтоб греки, живущие в Москве, ничего не знали о моем письме, кроме Николая Спафари».

2 сентября 1691 года Досифей писал другую грамоту к царям, которая дошла в Москву не ранее начала 1693 года. Патриарх был сильно озабочен тем, что французы добыли себе позволение возобновить свод церковный в Иерусалиме, и просил царей начать мирные переговоры с турками, причем требовать, чтоб св. места отданы были грекам по-прежнему, ибо англичане и голландцы хлопочут о мире между Австриею и Турциею, и австрийцы по наущению папы могут внести в договор, чтоб св. места остались за католиками: «Мы надеемся, — писал Досифей, — что турки исполнят вашу просьбу, потому что вы ничего нового не будете просить; не просите, чтоб вам самим владеть св. местами, но только чтоб они были под властию греков, как прежде; так как греки турецкие подданные, то султану от этого никакого бесчестья не будет» [147].

Кожуховский поход был последнею потехою. «Как осенью, — писал Петр [148], — трудились мы под Кожуховым в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было; однако ж эта игра стала предвестником настоящего дела». Опыт Голицына показывал, что степные походы не могут обещать успеха, и потому решено было направить поход на Азов, путь к которому облегчался Доном и близкими к городу поселениями донских козаков. Взятие важной турецкой крепости могло произвести сильнейшее впечатление в Европе, чем война с татарами; *Шкипера* должна была прельщать мысль, что Азов был ключ к Азовскому морю. Хотели оплошить турок, напасть нечаянно на Азов, и в начале 1695 года объявлен был поход — только на Крым. И действительно, огромное войско, старая дворянская конница, под начальством боярина Бориса Петровича Шереметева отправилась к низовьям Днепра, взявши с собою и малороссийских козаков; но войско нового строя, полки: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов, вместе с московскими стрельцами, городовыми солдатами и царедворцами, всего 31 000, выступило под Азов под начальством трех генералов — Автамона Головина, Лефорта и Гордона; бомбардирскую роту вел *бомбардир Петр Алексеев*. В апреле месяце передовой Гордонов отряд собрался в Тамбове и отправился сухим путем через Черкаск к Азову. Войска Головина и Лефорта сели на суда в Москве и поплыли Москвою рекою, Окою и Волгою: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем», — писал бомбардир в Архангельск к Апраксину; дьякон Петр приписывал: «Про твое здоровье пьем водку и ренское, а паче пиво». Поход был не без препятствий. Бомбардир из Нижнего писал к своему потешному генералиссимусу и королю Ромодановскому: «Min Her Kenich! письмо вашего превосходительства, государя моего милостивого, в стольном граде Прешбурге писанное, мне отдано, за которую вашу государскую милость должны до последней капли крови своей пролить, для чего и ныне посланы, и чаем за ваши многие и теплые к богу молитвы, вашим посланием, а нашими трудами и кровьми, оное совершить. А о здешнем возвещаю, что холопи ваши, генералы Автамон Михайлович и Франц Яковлевич, со всеми войски дал бог здорово, и намерены завтрашнего дня иттить в путь, а мешкали для того, что иные суды в три дня насилу пришли, и из тех многие, небрежением глупых кормщиков, также и суды, которые делали гости, гораздо худы, иные насилу пришли». К Виниусу Bombardir Piter писал: «Min Her! Ветры нас крепко держали в Дединове два дни, да в Муроме три дни; а больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем словут мастера, а дело от них, что земля от неба» [149].

Войско плыло Волгою до Царицына; отсюда до козачьего городка Паншина на Дону шло сухим путем с большою нуждою, потому что ратные люди, и без того уставшие от гребли, должны были теперь тащить на себе орудия и пушечные припасы, по недостатку лошадей [150]. В Паншине новая беда: подрядчики не поставили нужное количество съестных припасов. Из Паншина войско поплыло Доном, отдохнуло три дня в Черкаске и 29 июня приблизилось к Азову, под которым уже стоял Гордон. «Min Her, — писал Петр Виниусу, — в день св. апостол Петра и Павла пришли на реку Койсу, верст за 10 от Азова, и на молитвах св. апостол, яко на камени утвердясь, несомненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас». Между тем в Москве сильно беспокоились насчет судьбы царя и войска и начинали ходить разные зловещие слухи; поэтому приведенное письмо к Виниусу произвело большую радость; Виниус отвечал: «Та почта такую всем радость принесла, что мнозии и в церквах божиих и в домах своих того ж часа молебствовали, прияв сию радостную почту, яже яко солнце тму многие лжи разогнала и повсюду, *даже и в стрелецких слободах,* великую радость принесла» [151]. 8 июля начали действовать русские батареи. На одной батарее бомбардир Петр Алексеев сам начинял гранаты и бомбы и сам стрелял в продолжение двух недель, и потом записал о своей службе: «Зачал служить с первого азовского походу бомбардиром» [152].

Турки еще 6 числа получили подкрепление морем, а к русским водою нельзя было доставлять съестных припасов: препятствовали две турецкие каланчи, построенные по обоим берегам Дона, между каланчами протянуты были железные цепи и набиты сваи. Кликнули клич по охотниках из донских козаков — кто пойдет на каланчу? Каждому обещано по 10 рублей. Козаки взяли одну каланчу. Осажденным представился случай отмстить: к ним перебежал вступивший в русскую службу и перекрестившийся голландский матрос Яков Янсен и указал слабое место в русском стане, рассказал, что русские спят в полдень, во время самого сильного зноя. Турки вышли в это время из Азова, пустивши перед собою одного из кубанских или аграханских [153] раскольников, который, окликнутый часовыми, сказался по-русски козаком и, высмотревши, что русские беспечно отдыхают, дал знак туркам. Те стремительно ворвались в лагерь, побили сонных, и хотя были выгнаны с большим уроном, однако успели увезти 9 полевых орудий и перепортить все осадные. Зато ночью турки, сидевшие в другой каланче, ушли из нее, покинув свои пушки, и утром козаки заняли каланчу. Это произвело большую радость в русском войске, Петр писал [154]: «Теперь зело свободны стали, и разъезд со всякими живностями в обозы наши, и будары с запасами воинскими съест-

ными с реки Койсы сюда пришли, которые преж сего в обоз зело с великою провожены были трудностию от татар сухим путем. И слава богу, по взятии оных, яко врата к Азову счастия отворились».

Надежды эти однако не исполнились; Петр увидал, что под Азовом нельзя «играть». «Пешие наклонясь ходим, — писал он Кревету [155], — потому что подошли к гнезду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крепко кусаются, однако и гнездо их помаленьку сыплется». Труды понадобились сильные, чтоб рассыпать гнездо, а уменья и единства было мало. В Москве стали беспокоиться, что письма из-под Азова начали запаздывать; Петр должен был ободрять: «Писать изволишь, — отвечал он Ромодановскому, — что почты урочным днем не бывали: и тому учинися препоною недосужество, потому что многие знатные в воинских трудах люди за оными писем своих писать не успели; также и отец ваш государев и богомолец (Зотов) был в непрестанных же трудах письменных расспрашиванием многих языков и иными делами. А здесь, государь, милостию божию и вашими государскими молитвами и счастием все, дал бог, здорово. — Для бога не сомневайтеся о почтах, что замешкиваются; истинно за недосужеством, а не для того, храни боже! чтоб за какою бедою. И сам можешь рассудить, что если б что учинилось, как бы то утаить возможно? И сие выразумев, донеси кому пристойно». К Виниусу Петр писал: «В Марсовом ярме непрестанно труждаемся. Здесь, слава богу, все здорово и в городе Марсовым плугом все испахано и насеяно, и не токмо в городе, но и во рву. И ныне ожидаем доброго рождения, в чем, господи, помози нам, в славу имени своего святого».

На этот год ничего не взошло из насеянного. Два штурма не удались. 27 сентября решено отступить от Азова, занявши только каланчи. С большим успехом действовало войско, посланное на маленькие турецкие городки в низовьях Днепра: Шереметев и Мазепа взяли приступом два из них — Кази-Кермень и Таган, два другие были оставлены турками.

22 ноября царь вступил с торжеством в Москву [156]; но неудачу было трудно скрыть: тяжкий и дальний поход с самим царем, большие потери не окупались взятием двух каланчей, которые не могли получить большей важности от того, что их окрестили громким именем Новосергиевского города, по примеру царя Алексея Михайловича, который взятые в Ливонии города называл по именам русских святых. Неудача страшная: первое дело молодого царя не было благословено успехом! Это, видно, не кораблики строить, не под Кожуховым потешаться, не с немцами пировать! Но тут-то, благодаря этой неудаче, и произошло явление великого человека: Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнару-

жил изумительную деятельность, чтоб загладить неудачу, упрочить успех второго похода. С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого.

На молодого царя роптали за то, что он сблизился с иностранцами; многим после неудачи азовской должны были приходить на память слова покойного патриарха Иоакима, что не может быть успеха, божьего благословения, если русскими полками будут предводительствовать иностранцы-еретики. Что же царь? Тотчас по возвращении из похода хлопочет, чтоб прислано было ему еще больше иностранцев, посылает в Австрию и Пруссию за инженерами и подкопными мастерами. До сих пор царь строил кораблики с иностранными мастерами для своей потехи; теперь вызывает еще из-за границы новых мастеров, вызывает из Архангельска иностранных корабельных плотников [157], хочет строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его от турецких судов, чтоб они не могли доставить осажденным помощи. Корабли должны быть готовы к весне будущего 1696 года; возможно ли это? мы знаем, как медленно строился корабль при царе Алексее Михайловиче, но сын царя Алексея сам корабельный плотник, при нем дело пойдет иначе.

Галера, которую строили в Голландии, предназначая ее для Волги и Каспийского моря, привезена была в Москву, в Преображенское, на лесопильную мельницу; здесь по ее образцу начали строить суда, и к концу февраля 1696 года срублены были из сырого, мерзлого леса части 22 галер и 4 брандеров; работали преображенские и семеновские солдаты, работали плотники, взятые из разных мест, как обыкновенно в старину сгоняли рабочих в Москву к государеву делу, работали иностранцы. В лесных местах, ближайших к Дону, в Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске 26 000 работников должны были к весне срубить 1300 стругов, 300 лодок, 100 плотов. Адмиралом зачинавшегося флота был назначен Лефорт. Шкипер и бомбардир Петр Алексеев носил теперь звание капитана. 27 ноября был сказан поход и сухопутному войску, главным начальником которого был назначен боярин Алексей Семенович Шеин.

Среди этой небывалой деятельности, поднятой вторым царем, умер первый, Иван Алексеевич, умер незаметно, как жил, 29 января 1696 года. Первым делом единовластителя Петра было ехать в Воронеж, несмотря на больную ногу: надобно было к вскрытию рек перевезти галеры в Воронеж, собрать их и пустить на воду. Шкипер, бомбардир и капитан должен был сам быть на месте, чтоб дело шло быстро и порядочно. А препятствий много к быстроте и порядку. У главного заводчика дела больная нога, препятствующая скорому переезду из Москвы в Воронеж. Адмирал Лефорт болен, остался в Москве, не может ехать в Воронеж. Тысячи работ-

ников не являются к работе, на указные места, тысячи бегут с работы; солдаты, отправленные в Воронеж для флота, так дуруют дорогою, что Лефорт должен писать об этом из Москвы в Воронеж к государю: «Покладаюсь на твою милость, чтоб ты пожаловал, приказал капитанам, чтоб они учили солдат и надсматривали, чтоб от них дуровства не было, дорогою много они дуровали» [158]. Лефорт, несмотря на болезнь, спешил в Воронеж: «Путь такой, — писал он к царю от 20 марта, — что ни в санях, ни в телеге, морозы и ветры великие, однако же на той неделе поеду. День места, другой, приму лекарство и не буду мешкать, каков ни будет путь, жить дале не стану. Лекарства всякого круг себя наставлю, и морозы меня не проймут, такожде и лекарев со мною будет. По письму от милости твоей слышу, что тебе дал бог лучше, и чаю, что мне в дороге лучше будет. Сего числа князь Борис Алексеевич у меня будет кушать и про ваше здоровье станем пить, а с Москвы мой первый ночлег будет в Добровицах, и там мы милость вашу не забудем. Чаю, что у милости вашей пива доброго нет на Воронеже, я к милости твоей привезу с собою и мушкателенвейн и пива доброго. Доски многие посланы к милости вашей, сам изволишь рассудить, какой нужный путь, что по се число не бывали; а веревки готовые есть, и посланы, а ныне делать великая трудность в такие морозы. Изволишь от меня поклониться всем капитанам, которые каторги свои делают и готовят, а с теми, которые не бывали с каторгами, я с ними справлюсь».

Эти люди, члены компании, все тут в своих письмах: болезнь и пир, управа с нерадивыми капитанами, отсылка досок и веревок и мушкателенвейн — все вместе. Чтоб сохранить этих людей живыми в истории, а не мумиями, не должно представлять их ни только менторами, ни только собутыльниками.

Лефорт выехал из Москвы и с дороги из Ельца писал Петру: «На Ефремове новоприезжие лекари, которые три человека со мною идут, а достальные 9 человек особо сошлися вместе, стали пить, всякий стал свое вино хвалить; после того учинился у них спор о лекарствах, и дошло у них до шпаг, и три человека из них ранены, однако ж не тяжелые раны».

Лекаря режут друг друга, подводчики бегут с дороги, бросая перевозимые вещи. Новая, страшная беда — леса горят именно там, где рубят струги, и «струговому делу чинится великое порушение и морскому воинскому походу остановка» [159]. Капитаны в Воронеже жалуются и кричат, что в кузнице уголья нет: «За тем дело наше стало!» Погода также чинит порушение и остановку. Капитан Питер пишет к Стрешневу в Москву от 23 марта: «Здесь, слава богу, все здорово, а суды делаются без мешкоты, только после великого дождя был великий мороз так крепкий, что вновь реки стали, за которым морозом дней с пять не работали». В дру-

гом письме, от 7 апреля, к Виниусу пишет: «Здесь, слава богу, все здорово, только сегодня поутру ост-винт великую стужу, снег и бурю принес».

Несмотря на все порушения, все было, слава богу, здорово, и дело шло с поспешением, потому что «мы, — писал Петр Стрешневу, — по приказу божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой». Этот хлеб ел он в маленьком домике, состоявшем из двух горниц с сенями и крыльцом, бани и поварни.

Флот был построен: 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. С первых чисел апреля начали спускать суда на воду; в этом занятии прошла Святая неделя *. Петр поздравил с праздником всех своих, оставшихся в Москве, в одном письме к Виниусу «не для лени, но великих ради недосужек и праздника». Король Ромодановский прислал выговор капитану, что получил поздравление вместе с другими; Piter отвечал: «Изволишь писать про вину мою, что я ваши государские лица вместе написал с иными, и в том прошу прощения, потому что корабельщики наши братья в чинах неискусны». Между тем еще в марте пришли один за другим в Воронеж и полки, которые должны были садиться здесь на струга. 23 апреля суда с войском двинулись, 3 мая поплыл и «морской караван», как тогда называли флот; впереди, начальствуя осьмью галерами, плыл капитан Петр Алексеев, на галере Principium, которую сам строил.

Труды, употребленные на постройку флота, были не напрасны: русский флот загородил дорогу турецкому в устьях Дона, и Азов остался без помощи. Большое нападение татар на русский лагерь было отбито, после чего происходили с ними почти ежедневные сшибки, удачные для русских, кроме одного раза, когда, по словам Петра, русские позабыли свою оборону — воинский строй, и гнались по прадедовскому обычаю без порядка за неприятелем, вследствие чего и потеряли несколько людей, но потом оправились. Начались осадные работы. На увещания сестры Натальи, чтоб был осторожнее, Петр отвечал: «По письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помочь пришли, да к нам нейдут, и чаю, что желают нас к себе». Обстреливание города началось 16 июня с большим успехом: осажденные не могли оставаться в своих разбитых домах, укрывались в землянках; но городские укрепления оставались нетронутыми, и осаждающие не знали, что делать? Выписанные австрийские инженеры, артиллеристы и минеры еще не приезжали; по желанию войска приступили к работе по прадедовскому обычаю,

* Пасха была 12 апреля.

стали насыпать огромный вал в уровень с валом неприятельским и засыпать ров; приехали наконец иностранные мастера, и городские укрепления тронулись от выстрелов, направленных искусным артиллеристом Граге. 2000 малороссийских и донских козаков — первые под начальством наказного гетмана Якова Лизогуба, вторые атамана своего Фрола Минаева пошли на штурм, были выбиты из внутренних укреплений, но засели на валу, откуда турки никак не могли сбить их. После этого всем войскам велено было готовиться к приступу; но турки не стали дожидаться его и 18 июля объявили готовность сдаться, выговаривая себе позволение выйти из города в полном вооружении, с женами, детьми и пожитками. Условие было принято.

«Min Her Kenich, — писал Петр Ромодановскому, — известно вам, государю, буди, что благословил господь бог оружие ваше государское: понеже вчерашнего дня, молитвою и счастием вашим государским, азовцы, видя конечную тесноту, сдались». К Виниусу писал: «Ныне со святым Павлом радуйтеся всегда о господе, и паки реку: радуйтеся! Ныне же радость наша исполнися: понеже господь бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил; вчерашнего дня азовцы, видя конечную свою беду, сдались. Изменника Якушку (Янсена) отдали жива в руки наши».

И в Москве сильно обрадовались, 31 июля все значительнейшие люди в управлении сидели у «первого министра», Льва Кирилловича Нарышкина, когда получено было известие о сдаче Азова; Виниуса сейчас же послали к патриарху, святейший заплакал от радости и велел ударить в большой колокол к молебну, на который сошлось бесчисленное множество народа; думный дьяк Емельян Украинцев читал царскую грамоту к патриарху: «По прежде писанному нашему извещению вашему святейшеству о целости здравия нашего и о военных наших трудах довольно предложено, а ныне извествуем: егда по повелению нашему промыслом и усердно радетельными трудами боярина нашего Алексея Семеновича Шеина великороссийские и малороссийские наши войска земляной вал к неприятельскому рву отвсюду равномерно привалили, и из-за того валу ров заметав и заровняв, тем же валом через тот ров до неприятельского валу дошли, и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели, кроме оружия, едиными руками терзатися; уже и земля за их вал метанием в город сыпалась. И сего же настоящего июля месяца 17 числа, в пяток, малороссийские наши войска, по жребию своему в тех трудех пребывающие, при которых неотступно пребывая муж в добродетели и в военных трудех искусный гетман наказный Яков Лизогуб, обще донского нашего войска с атаманом Фролом Миняевым и с донскими козаками предварили неприятельской раскат подко-

пать, и на него мужески взойтить, и с неприятели бившись довольно, и тем раскатом овладели, и дождався ночи, с того раската четыре пушки стащили; а в 18 числе, в субботу, о полудни, неприятели, азовские сидельцы, видя войск наших крепкое на град наступление и промысл радетельный, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора от себя двух человек знатных людей, и били челом, чтоб даровать животом и отпустить бы их с женами и с детьми, а на знак уверения в твердости и в праве оставили двух человек аманатов и отдали немчина Якушку, который, изменя, из войск наших ушел к ним в Азов и обусурманился прошлого году. А в 19 числе азовские сидельцы город Азов со всем, что в нем было, отдали».

Взятие Азова принадлежало к числу тех немногих торжеств, которые должны сильно поражать народное воображение; это было первое торжество над страшными турками, которые недавно еще разорили Чигирин в глазах нашего войска; после первого литовского похода царя Алексея Михайловича, похода, за которым следовали такие неудачи и тягости, русские люди впервые были порадованы блестящим делом русского оружия; помнили, что когда-то Азов был взят донскими козаками, и в Москве хотелось сильно удержать его, но не смели и отдали туркам. Но, разумеется, больше всех радовались люди, близкие к Петру, компания, потому что успех увенчал дело, показывалось ясно, что недаром употреблены были такие усилия для заведения флота, недаром вызывали иностранцев; новое правительство с его новизнами поднималось высоко над старым с его крымскими походами: «Всем известно, — писал Виниус Петру, — что единым промыслом вашим и одержанием помощи с моря столь знаменитый в свете град к ногам вашим преклонился» [160].

Теперь любопытно посмотреть, какое впечатление было произведено взятием Азова в Польше, где уже не было более Собеского.

Еще прежде взятия Азова француз Фурни, провожавший в Россию иностранных офицеров и возвращавшийся чрез Варшаву, рассказывал панам с похвалою о действиях русских под Азовом, о действиях молодого царя. Сенаторы слушали, качали головами и говорили про Петра: «Какой отважный и беспечный человек! и что от него впредь будет?» Воевода русский Матчинский говорил: «Надобно москалям поминать покойного короля Яна, что поднял их и сделал людьми военными; а если б союза с ними не заключил, то и до сей поры дань Крыму платили бы, и сами валялись бы дома, а теперь *выполируются*». Воевода плоцкий заметил на это: «Лучше б было, чтоб дома сидели, это бы нам не вредило; а когда выполируются и крови нанюхаются, увидишь, что из них будет! до чего, господи боже, не допусти».

Резидент Никитин получил известие о взятии Азова 29 августа во время обедни и приказал священнику до отпуска литургии начать благодарственный молебен, и как начали петь великому государю многолетие, то один шляхтич православной веры Иван Матковский закричал что есть силы: «Виват царю его милости!» и весь народ трижды прокричал «виват!», а посланник велел в то же время трижды выстрелить из двух пушек и из ружей, сколько их набралось. На стрельбу прибежало множество народа, которому Никитин велел выкатить пять бочек пива и три бочки меду; народ голосил: «Виват царю его милости! нех будет пан бог благословен!»

1 сентября Никитин в торжественном собрании сената и земских послов подал примасу царскую грамоту с известием о взятии Азова, причем говорил следующую речь: «Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Речь Посполитая, да знаете вашего милостивого оборонителя, смело помогайте ему по союзному договору, ибо он знаменем креста господня, яко истинный Петр, отпирает двери до потерянного и обещанного христианам Иерусалима, в котором Христос господь наш на престоле крестом триумфовал. Идет прямо его царское величество к татарскому Крыму, а союзникам шлет грамоты, чтоб укреплялись на продолжение войны, чтоб вдруг безопасно ударили на зверя, лакающего кровь христианскую и пожирающего отчизну вашу. По договорам царское величество зовет наияснейшую монархию польскую с таким желанием, дабы та дорога, которую блаженной памяти король Ян торил чрез Буджаки до Константинополя, была бы теперь докончена. Здесь должны за крест господень соединиться ваши коронных гетманов кресты; здесь должны соединиться вождей княжества Литовского стрелы и мечи, чтобы отчизну свою отыскать и братию из неволи поганской высвободить; могли бы вы и самую богатую Арабию подбить свободному польскому орлу; теперь хорошо бы гербовною косою наповал скосить неприятеля: подается жниво, когда крест господень действует; теперь время с крестом идти вооруженною ногою топтать неприятеля; теперь время шляхетным подковам попрать наклоненного поганина и тыл дающего; теперь время владения свои расширить там, где только польская зайти может подкова, и оттуда себе титулами наполнить хартии, согласно договорам, вместо того чтоб писать такими титулами, каких договоры не позволяют». На третий день после этой церемонии приезжал к Никитину цесарский резидент и рассказывал, что сенаторы испугались и порешили, чтоб впредь короли их не писались лишними титулами — киевским и смоленским; резидент говорил, что паны не очень рады взятию Азова, никак они этого не ожидали, но что простому народу очень любо. Никитин писал в Москву: «11 сентября

было в Варшаве по всем костелам благодарное молебствие за взятие Азова, стреляли из пушек трижды по двенадцати выстрелов только для *оказии,* будто совершенно тому радуются, и были с поздравлением у меня от всех гетманов и воевод трубачи, сиповщики и литавщики, играли великому государю виват, а на сердце не то. Слышал я от многих людей, что они хотят непременно с Крымом соединиться и берегут себе татар на оборону; из Крыму к ним есть присылки, чтобы они Москве не верили: когда Москва повоюет Крым, то и Польшу не оставит; а к гетману Ивану Степановичу Мазепе беспрестанные от поляков подсылки».

В сентябре резидент был с визитами у гетманов коронных и литовских и говорил им, что войска польские и литовские уже два года в походы не выступают и царские войска выдают. Гетман коронный Яблоновский сказал на это: «Я хлопочу постоянно, публично и приватно, всем сенаторам говорил и теперь говорю, что войску надобно заплатить жалованье и выполнить союзный договор с царским величеством; конвокационный сейм разорвался, так надобно ждать избирательного, как даст нам бог государя нового и доброго». Гетман польный Потоцкий говорил: «Что прошло, того уж не вернуть; было время благоприятное для похода, да наш польский беспорядок не позволяет пользоваться временем; король давно уже стал слаб здоровьем, а тут и смерть закусила; сеймы уже столько лет не оканчиваются порядком, все рвутся, и войску от того жалованья нет. Виновные отдадут ответ богу. И теперь войско заставили бунтовать, конвокационный сейм разорвали; за грехи наши такое несчастие, бич божий. Коронный гетман оправдывается, что он ни в чем не виноват: но обоим им, коронному и литовскому, да королеве бог пошлет на душу и на тело язву. Не удовольствовавши войско, делать нам нечего; пока не выберут нового короля, никакого дела не будет». В ином духе отвечал литовский гетман Сапега на жалобы Никитина: «Царские войска хотя и рано вышли, однако никакого храброго дела не показали, взяли Азов на договор, а не военным промыслом и на море побрали чайки небольшие». Резидент возразил: «Всему свету и вам известно, что царские войска не спали под Азовом, но беспрестанно и храбро дрались с неприятелем. А хотя бы Азов и на договор был взят, то разве можно в этом упрекать? дай господи великому государю взять на договор не только всю турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское в вечное подданство привести, и тогда вы поляки будете всегда жить в покое и тишине, а не так, как теперь, в вечной ссоре друг с другом от непорядка своего». Поляки стали смеяться и говорить: «Ой помирит хоть кого московский долгий бич!», а один шляхтич сказал: «Лучше, где страх есть» [161].

Враги имели право беспокоиться, ибо в России был царь, не отдыхавший после подвигов. Тотчас по взятии Азова он уже осмотрел ближние приморские места и на мысу Таганрог решил построить крепость и гавань. Азов был сильно укреплен и сделан русским городом, мечети превращены в церкви. Царь оставил Азов 15 августа и из Черкаска писал Виниусу: «Понеже писано есть: достоин есть делатель мзды своея; того для мню, яко удобно к восприятию господина генералиссимуса и прочих господ, чрез два времени в толиких потах трудившихся, триумфальными портами (воротами) почтити; место же мню к сему удобное на мосту, чрез Москву реку устроенном, или где лучше. Сие же пишу не яко уча, но яко помня вашей милости о сем николи там бываемым». Виниус отвечал, что «собрав мастеровых людей и всякие потребы начали строить, и по признаванию мастеров Ивана Салтыкова с товарищи тому делу прежде сентября 18 поспеть не мочно, понеже то дело не мало» [162].

Времени дано было гораздо более, потому что царь долго пробыл на тульских железных заводах. Триумфальные порты были построены и украшены: над фронтоном среди знамен и оружия сидел двуглавый орел под тремя коронами. На фронтоне виднелись надписи: «Бог с нами, никто же на ны. Никогда же бываемое». Слава в одной руке держала лавровый венок, в другой масличную ветвь; под славою надпись: «Достоин делатель мзды своея». Фронтон поддерживали статуи Геркулеса и Марса. Под Геркулесом на пьедестале изображен был азовский паша и двое скованных турок; под Марсом татарский мурза с двумя скованными татарами. Над пашою вирши: «Ах! Азов мы потеряли, и тем бедство себе достали». Над мурзою: «Прежде на степях мы ратовались, ныне же от Москвы бегством едва спасались». Подле Геркулеса и Марса пирамиды с надписями; на одной: «В похвалу прехрабрых воев морских»; на другой: «В похвалу прехрабрых воев полевых». По обеим сторонам ворот картины на полотне: на одной представлено морское сражение и Нептун, гласящий: «Се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь». На другой картине изображена была битва с татарами и приступы к Азову.

30 сентября был торжественный вход победителей — адмирала Лефорта и генералиссимуса Шеина со всеми полками; за раззолоченными санями адмирала шел пешком капитан Петр Алексеев. Везли и изменника Янсена в чалме под виселицею, на которой виднелась надпись: «Переменою четырех вер богу изменою возбуждает ненависть турок, христианам злодей». Главный устроитель торжества Виниус оставил и себе роль: с верху триумфальных ворот в трубу говорил вирши победителям [163]. Награды были розданы по прадедов-

скому обычаю: золотые медали, кубки, шубы, прибавка денежного жалованья и крестьянских дворов.

Прошло около месяца после этого торжества, и 20 октября у великого государя было в Преображенском сиденье с боярами о делах. Великий государь предложил на письме: «Понеже фортеция Азова разорена внутри и выжжена до основания, также и жителей фундаментальных нет, без чего содержаться не может, и того для требует указу, кого населить и много ли числом?» Приговорено: быть 3000 семьям из низовых городов; коннице быть 400 с калмыками. «Егда же сия крепость, продолжал в. государь, в сицевом благоустроится, тогда сим ли только довольствоваться имеем, и аще тако, то воистину двух времен прошедших труды, крови и убытки всуе положены, понеже ниже татарам походы, ниже салтану тягости единым точию взятием сей крепости учинить возможно, потому что из оной пешим людем татар перенять и поиски чинить невозможно, а конницы толикое число, еже бы довольно было вышеписанному делу, там держать невозможно; что же по сем, егда ниже конницею, ниже пехотою неприятеля воевать и держать возможно, а неприятель, видя пресечение генеральных промыслов на себя, паки прежнею гордостью паче прежнего взнявся, воевати будет? Тогда не точию о погибели его размышлять, но ниже желаемого мира получити можем. Ныне же, аще воля есть, радети от всего сердца в защищение единоверных своих и себя к бессмертной памяти просим, понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда к нам так близко на юг не бывала: блажен, иже имется за власы ея. И аще потребна есть сия, то ничто же лучше мню быть еже воевать морем, такоже зело близко есть и удобно многократ паче нежели сухим путем, к сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени, сколько каких судов и со много ли дворов и торгов, и где делать?» Приговорено: «Морским судам быть, а скольким — о том справиться о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том выписать и доложить не замотчав (не замешкав), и положить суды по дворам сколько пристойно, а о торговых людях выписать из таможенных книг, что с них взято в 694—5 и 6 годах пятые и десятые деньги и с каких промыслов».

Для окончательного решения дела по справкам 4 ноября было другое сиденье не по прадедовскому обычаю: в нем присутствовали иностранцы [164]. Было приговорено: корабли сделать со всею готовностию, и с пушками, и с мелким ружьем, как им быть в войне, к 1698 году или прежде, а делать их так: св. патриарху и властям и монастырям с 8000 крестьянских дворов корабль. С бояр и со всех чинов служилых людей с 10 000 крестьянских дворов корабль; гостям и гостиной сотне,

черных сотен и слобод беломесцам и городам вместо десятой деньги, которая с них сбиралась в прошлых годах, сделать 12 кораблей со всеми припасами. Тогда же, 4 ноября, было приговорено, что к 3000 семей жилых быть всегда в Азове московским стрельцам и годовым солдатам 3000 человек. Вследствие постановления о постройке кораблей землевладельцы духовные составили 17 отдельных кумпанств (компаний), а светские 18. Для составления этих кумпанств помещики и вотчинники, имевшие сто дворов и больше, должны были приехать в Москву в Поместный приказ к 25 декабря 1696 года под страхом отписки поместий и вотчин на государя; мелкопоместные должны были внести по полтине с двора. Все дела по кораблестроению отданы в ведение Владимирского судного приказа, которым управлял окольничий Протасьев; по новым занятиям своим Протасьев получил звание адмиралтейца. Приказ разослал во все кумпанства росписи предметов, нужных для постройки и вооружения судов, с показанием их размеров и с приложением чертежей корабельных частей. Кроме русских плотников каждое кумпанство обязано было содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, переводчиков, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря с аптекою. Заготовлять материалы должны были в лесах, находившихся к северу от Воронежа, в уездах Воронежском, Усманьском, Белоколодском, Романовском, Сокольском, Добренском и Козловском. Иностранные мастера были вызваны правительством из Венеции, Голландии, Дании и Швеции и распределены по кумпанствам [165]. Тогда же предположено соединить Волгу с Доном каналом между реками Иловлею и Камышинкою [166].

Чем более нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Неужели надобно оставаться во всегдашней зависимости от иностранцев? Необходимо, чтоб русские выучились; но как это сделать? Иностранным мастерам некогда учить, они для другого дела призваны, а главное, учителя остались в своих землях, не могли заморские страны выслать в Россию лучших своих людей, надобно было, следовательно, послать русских за границу учиться; дело не новое, бывшее уже при Годунове; тогда опыт не удался, посланные не захотели возвратиться на родину, но теперь другие условия, возвратятся. «Началось новое в России дело: строение великим иждивением кораблей, галер и прочих судов. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил государь искусство дела того ввесть в народ свой, и того ради многое число благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного» [167]. Пятьдесят комнатных стольников и спальников отправлены были с этою целию за

границу: 28 в Италию, преимущественно в Венецию, 22 в Англию и Голландию [168].

Молодые придворные были посланы учиться за границу: но как они там будут учиться и у кого? И как потом узнать, хорошо ли они выучились и к чему способны? Надобно, чтоб кто-нибудь прежде них там выучился, все узнал, и кто ж мог быть этот человек, как не сам шкипер, бомбардир и капитан Петр Алексеев? При повороте народа на новый путь самодержавный царь, одаренный необыкновенными силами духа, взял на себя руководительство. Выучиться у иностранцев тому, чем они превосходили русских, — сделалось главною целию, ясно сознанною, и Петр начал дело уже в России: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показывают это прямо; выучиться в России нельзя, надобно ехать за границу, — и Петр поедет туда, поедет не как царь, но как ученик, как корабельный плотник, ибо его посланничество другое: он великий человек, начальник нового общества, начальник новой истории своего народа. Надпись на печати писем Петровых, присылаемых из-за границы, говорила: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Чему же будет Петр особенно учиться за границею? Корабельному искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тем, что достижение моря было заветною целию России XVI и XVII века, было царственным преданием для Петра; кроме того, в настоящую минуту Петр сознавал, что только морем можно с успехом воевать турок. Таинственный голос, который нашептывал вождям германских варваров: «Рим, Рим!» и неудержимо влек их к столице образованного мира, путешествие в Константинополь русской Ольги, мудрейшей из жен, и путешествие на запад Петра — суть явления одинаковые, в которых выражается неодолимое стремление нецивилизованных, но исторических, благородных народов к цивилизации. Что относительно Петра таинственный голос заменялся явным голосом Лефорта — это нисколько не изменяет дела: Петр поехал бы за границу и без Лефорта, точно так же как сделался бы мореплавателем и устроителем флота без нахождения ботика боярина Никиты Романова; но и Лефорт с его увещаниями к заграничной поездке и к Азовскому походу вместо путешествия на Каспийское море, и ботик, послуживший первым побуждением к кораблестроению, — суть явления засвидетельствованные, и мы не станем отстранять их, ибо повсюду отмечаем в истории общие движения и стремления, и частные побуждения, одинаковые для великих и невеликих людей.

Неизвестно, кем придумана была форма поездки царя за границу: он отправлялся в свите великого посольства, назначенного к цесарю, королям английскому и датскому, к папе римскому, к голландским штатам, к курфюрсту бранден-

бургскому и в Венецию. Тут достигались две цели: Петр мог сохранять инкогнито и учиться, а где нужно направлять переговоры о союзе против Турции, об условиях войны или мира с нею, и лично объясняться с государями и министрами. Целию посольства было прямо объявлено «подтверждение древней дружбы и любви, ослабление врагов креста господня, салтана турского, хана крымского и всех бусурманских орд»: следовательно, посольство должно было прежде всего направиться в Вену, где должен был решиться вопрос турецкий; но царский посланник в Вене Нефимонов донес, что вопрос решен, с цесарем и Венециею заключен им наступательный и оборонительный союз против турок на три года; это позволяло переменить направление пути и отправиться прямо в западные поморские государства для изучения корабельного дела [169].

Великими полномочными послами были назначены: генерал и адмирал, наместник новгородский Франц Яковлевич Лефорт, генерал и воинский комиссарий, наместник сибирский Федор Алексеевич Головин и думный дьяк, наместник белевский Прокофий Богданович Возницын; при них более 20 дворян и до 35 волонтеров, между которыми был Преображенского полка урядник *Петр Михайлов.* Правительство в отсутствии царя оставалось как было при нем: на старых местах прежние лица; кто был прежде влиятельнее других, тот оставался и теперь с тем же влиянием: это было тем легче, что и до заграничной поездки царь был почти в постоянном отсутствии, и к боярскому управлению привыкли с 1689 года. Со всеми делами относились на царское имя, как будто Петр и не выезжал из Москвы.

В феврале 1697 года назначен был отъезд великого посольства из Москвы, когда было донесено о заговоре на жизнь государя.

Чем яснее обозначались стремления Петра, тем сильнее становился ропот в толпе, и роптали не одни те люди, которые уперлись против естественного и необходимого движения России на новый путь; роптали и люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразований, но которые не могли понять, что преобразования должны совершаться именно тем путем, по которому шел молодой царь. Им бы хотелось, чтоб Петр вдруг явился на престоле русском новым Соломоном во всей премудрости и славе, чтоб вдруг все правители из кормленщиков сделались строжайшими и бескорыстнейшими блюстителями правосудия, чтоб вдруг бедная страна закипела млеком и медом; эти люди хотели, считали возможным внезапное облегчение и улучшение, видели, наоборот, требование страшного напряжения сил, требование пожертвований — и роптали, причем некоторые стороны поведения молодого царя давали оправдание ропоту.

Оскорблялись, что царь убежал из дворца, из Кремля, из Москвы, пренебрегает обязанностями семейными, проводит время в потехах. привязался к иностранцам, не радит о делах правительственных и бояре ближние делают что хотят; между родственниками царскими, с материнской и женихой стороны, Нарышкиными и Лопухиными, встала распря; Лев Кириллович Нарышкин осилил Лопухиных, по всем вероятностям, благодаря холодности Петра к жене; самый видный из Лопухиных, боярин Петр Абрамович, управлявший приказом Большого дворца, подвергся страшной опале, и разнеслась весть, что сам царь пытал дядю жены своей. Милославские и другие недовольные, разумеется, пользовались этим и с злорадством распространяли подобные вести, указывая, как мало выиграно отстранением правительницы.

Неизвестно, откуда взялся и распространился слух, будто царь Иван Алексеевич извещал всему народу: «Брат мой живет не по церкви, ездит в Немецкую слободу и знается с немцами». На кружечном дворе потешный хвастает, что государь непрестанно бывает у них в слободе; бывший тут иконник отвечает: «Не честь он, государь, делает, бесчестье себе».

В конце 1696 или начале 1697 года монах Аврамий, бывший прежде келарем в Троицком Сергиеве, а потом строителем в московском Андреевском монастыре, подал царю тетради, в которых указывалось, что именно в поведении Петра соблазняет народ: «В народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялися и ждали, как великий государь возмужает и сочетается законным браком, тогда, оставя младых лет дела, все исправит на лучшее; но, возмужав и женясь, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити всем печальное и плачевное». Аврамия пытали, чтоб сказал подлинно про людей, которые к нему прихаживали. Монах показал, что друзья ему и хлебоядцы давные — владимирского Судного приказа подьячий Никифор Кренев, Преображенской приказной избы подьячий Игнатий Бубнов, Троицкого монастыря стряпчий Кузьма Руднев да села Покровского крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы, и те все, бывая у него в Андреевском монастыре, такие слова, что в тетрадях написано, говаривали. Аврамий прибавил, что, когда он был в келарях у Троицы, приезжал туда молиться боярин Матвей Богданович Милославский и говорил: «Петр Лопухин был человек добрый и много прибыли в приказе учинил, а запытан он напрасно по наносу Льва Кирилловича Нарышкина».

Взяли Никифора Кренева; он сказал, что слышал написанное в тетрадях, будучи на потехах, от разных чинов людей, как были потехи под Семеновским и под Кожуховым; про судей, что без мзды дел не делают, со старцем Аврамием говаривали от себя и слыша от народа; Кренев признался,

что говорил: если б посажены были судьи и дано б им было жалованье, чем им сытым быть, а мзды не брать, и то б было добро; а таких слов не говорил, что, покинув всякое правление, царь приказал государство править похотникам мздоимцам, не имущим страха божия, и будто государь про тех судей, что они почести берут и для того в приказы посажены, чтоб им покормиться, сам ведает; а про дьяков и подьячих, что их много пред прежним, говаривали.

Руднев показал, что говорили: государь не изволил жить в своих государских чертогах на Москве, и мнится им, что от того на Москве небытия у него в законном супружестве чадородие престало быть, и о том в народе велми тужат.

Бубнов показал, что говорили о потехах непотребных под Семеновским и под Кожуховым для того, что многие были биты, а иные и ограблены, да в тех же потехах князь Иван Долгоруков застрелен, и те потехи людям не в радость; а слова смехотворные и шутки и дела богу неугодные, о которых говорится в тетрадях, это то, что чинилось пророчеством Василья Соковнина и в комедиях в Измайлове. Говорили про дьяков и подьячих, что их умножилось, и дьячества добиваются и подьяческой справы докупаются куплею, и что священники и чернослободцы детей своих в приказы сажают в подьячие. Говорили и про упрямство великого государя, что не изволит никого слушать, и про нововзысканных и непородных людей, и что великий государь в Преображенском у розыскных дел сам пытает и казнит.

Не нравились и морские езды. Аврамий считал непригожим, что в триумфальном входе в Москву, после взятия Азова, царь шел пешком, а Шеин и Лефорт ехали.

Села Покровского оброчный крестьянин Иван Посошков сказал, что Аврамий знакомцем ему учинился третий год: призвал он его, Ивашку, к себе для дела денежного стану, который делал на образец в поднос к великому государю; а он, Ивашка, никаких слов, что в тетрадях написано, не говаривал. Аврамий объявил, что Посошков действительно ничего не говорил.

Бубнов, Кренев и Руднев биты кнутом и сосланы в Азов, чтоб быть им там подьячими. Аврамий сослан в Голутвин монастырь [170].

Монах Аврамий решился сделать себя органом народного мщения, народного неудовольствия и прямо сказать царю правду, обличить его поведение. Но были люди, которые вследствие личных побуждений старались отделаться от Петра, и отделаться чужими руками. Мы видели, что в 1682 году в числе самых ревностных приверженцев Софьи был обрусевший иноземец, стрелецкий полковник Иван Цыклер, человек с самым сильным, беспокойным честолюбием. Он ошибся в своих расчетах: на первом плане после торже-

ства Софьи стал Голицын да Шакловитый, а о Цыклере не слыхать. Вот почему, когда в 1689 году разгорелась борьба между сестрою и братом и было ясно, на чьей стороне останется победа, Цыклер один из первых перешел на сторону Петра. Но и тут ошибся в расчете: Петр не сближался с людьми, которые принимали участие в событиях 1682 года; молодой царь со всеми обращался просто, ездил в гости, но постоянно объезжал дом Цыклера; мало того, в описываемое время Цыклера назначили строителем новой крепости — Таганрога, а эти назначения в отдаленные места считались тогда почетною ссылкою. Цыклер был в ярости и отчаянии, которые напомнили ему 1682 год и кровавые стрелецкие копья: нельзя ли сделать того же и теперь, а если нельзя уговорить стрельцов, то можно будет поднять козаков из Таганрога. Стремления кормового иноземца Цыклера разделяли двое родовитых русских вельмож — Алексей Соковнин и Федор Пушкин. Соковнин был известный старовер, родной брат знаменитых в царствование Алексея Михайловича раскольниц, Федоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Понятно, как тяжело было ему видеть петровские новшества, посылку детей своих в еретические страны, поездку туда самого государя; а тут еще и беда ближайшая: сват его боярин Матвей Пушкин, назначенный воеводою в Азов, возбудил против себя гнев государя все за то же сопротивление посылке детей своих за границу. И вот тестю с зятем приходит на мысль, как бы хорошо было отделаться от Петра чужими руками; они знают, как недоволен Цыклер, и подбивают его к преступлению, Соковнин даже манит честолюбца, указывает ему на возможность стать самому царем по смерти Петра. Цыклер подбивает стрельцов, но те спешат с доносом.

23 февраля 1697 года боярин Лев Кириллович Нарышкин прислал в Преображенское стременного полка Конищева пятидесятника Лариона Елизарьева, который известил о разговоре своем с Цыклером. *Цыклер:* Смирно ли у вас в полках? *Елизарьев:* Смирно. *Цыклер:* Ныне великий государь идет за море, и как над ним что сделается, кто у нас государь будет? *Елизарьев:* У нас есть государь царевич. *Цыклер:* В то время кого бог изберет, а тщится и государыня, что в Девичьем монастыре. — Елизарьев сослался на другого пятидесятника своего полка, Григория Силина, который показал: «Цыклер сказал ему про государя, что можно его изрезать ножей в пять; известно государю, прибавил Цыклер, что у него, Ивана, жена и дочь хороши, и хотел государь к нему быть и над женою его и над дочерью учинить блудное дело, и в то число он, Иван, над ним государем знает что сделать».

Цыклер в расспросе и на очной ставке заперся; на пытке указал на Соковнина: «Был я в доме у Алешки Соковнина

для лошадиной покупки, и он Алешка, меня спрашивал: каково стрельцам? Я сказал, что у них не слыхать ничего. Алешка к моим словам молвил: где они б..... дети передевались? знать спят! где они пропали? можно им государя убить, потому что ездит он один, и на пожаре бывает малолюдством и около посольского двора ездит одиночеством. Что они спят, по се число ничего не учинят? Я сказал: в них малолюдство, и чаю, что опасаются потешных. Алешка отвечал: чаю в стрельцах рассуждение о царевиче — для того они того учинить и не хотят. Я сказал: и я в них то ж рассуждение чаю; сам ты об себе рассуди, что и тебе самому каково, сказываешь, тошно, что с детьми своими разлучаешься. И Алешка сказал: не один я о том сокрушаюсь. После того в два мои приезда Алешка говорил мне про государево убийство и про стрельцов; ведь они даром погибают и впредь им погибнуть же. Я ему, Алешке, говорил: если то учинится, кому быть на царстве? Алешка сказал: Шеин у нас безроден, один у него сын и человек он добрый. Я ему сказал: счастье Борису Петровичу Шереметеву, стрельцы его любят; и Алешка говорил: чаю, они стрельцы возьмут по-прежнему царевну, а царевна возьмет царевича, и как она войдет, и она возьмет князя Василья Голицына, а князь Василий по-прежнему станет орать. И я ему говорил: в них, стрельцах, я того не чаю, что возьмут царевну. Алешка мне молвил: если то учинится над государем, мы и тебя на царство выберем. Я ему говорил: пеняешь ты на стрельцов, а сам того делать не хочешь, чтоб впредь роду твоему в пороке не быть. И Алексей сказал: нам в пороке никому быть не хочется, а стрельцам сделать можно, даром они пропадают же. Князь Петр Голицын человек прыткий и шибкий, мы чаяли от него, что то все учинит над государем. Князь Борис Алексеевич сам пьян и государя пить научил».

Соковнину было 10 ударов: повинился и оговорил зятя своего Федора Пушкина: «После Цыклерова приезда приезжал ко мне зять мой Федька Пушкин и говорил про государя: погубил он нас всех, можно его за то убить, да для того, что на отца его государев гнев, что за море их посылал». Соковнин показал также, что сын его Василий говорил ему: «Посылают нас за море учиться неведомо чему». После пяти ударов Пушкин повинился и прибавил: «Накануне Рождества Христова был я у Алексея Соковнина в доме, и Алексей мне говорил: хочет государь на святках отца моего Федькина ругать и убить до смерти и дом наш разорить; и я ему говорил: если так над отцом моим учинится, и я государя съехався убью».

Цыклер оговорил пятидесятника Конищева полка Василья Филиппова: «Был у меня Васька Филиппов, и я его спрашивал: приехали ныне козаки, а тебе они знакомцы, что они

благодарны ли милости государевой? и он, Васька, говорил, что ему в козаках знакомцы есть и говорил с козаком, Демкою зовут, а говорил козак, что они не благодарны, за что им благодарным быть? Я говорил Ваське: дано им ныне 1000 золотых; и Васька говорил: то они ни во что ставят для того, что им на войско делить нечего. И я спросил: чего у них чаешь? и он, Васька, сказал: козак Демка говорил ему: дай нам сроку, поворотимся мы, как государь пойдет, и учиним по-своему, полно что и преж сего вы нам мешали, как Стенька был Разин, а ныне мешать некому, и я говорил Ваське: будет от того разоренье великое, и крестьяне наши и люди все пристанут к ним. Васька же Филиппов говорил мне, что козаков прельщает турецкий султан, чаю, и письмо прислал». Цыклер признался, что говорил Филиппову: как государь поедет с посольского двора, и в то время можно вам его подстеречь и убить. И велел ему о том убийстве и стрельцам говорить. Цыклер объявил: «Научал я государя убить за то, что называл он меня бунтовщиком и собеседником Ивана Милославского и что меня он никогда в доме не посетил»; признался, что говорил: «как буду на Дону у городового дела Таганрога, то, оставя ту службу, с донскими козаками пойду к Москве для ее разорения и буду делать то же, что и Стенька Разин».

Филиппов объявил, что говорил с козаком Петром Лукьяновым, а не с Демкою, и Лукьянов ему говорил: дано 1000 золотых, чего то на войско делить? служи да не тужи, нам и по копейке не достанется; как вы, стрельцы, пойдете с Москвы на службу, и в то число наши козаки зашевелятся и учинят по-своему. И Цыклер к этому рассказу примолвил: как они козаки, зашевелятся и он, Иван, с ними пойдет вместе, зовет же его государь бунтовщиком. Потом козак говорил: «Козаки отпишут турецкому султану о помощи для московского разоренья, и он к ним пришлет в помощь кубанцев, так они великое разоренье учинят». Цыклер, по показанию Филиппова, говорил: «В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море и посылает послом Лефорта, и в ту посылку тощит казну многую, и иное многое нестроение есть, можно вам за то постоять». Филиппов оговаривал стрельца Тимошку Скорняка, которому при нем Федор Пушкин говорил про государя, что живет небрежением, не христиански и казну тощит.

Козак Петрушка Лукьянов сначала запирался, не подействовали 25 ударов; потом признался, что говорил спьяна, а мысли на московское разоренье у них никакой не было; а если милости государевой к ним не будет, разве им воровать, а про тот бунт слышал он верхних городков от голых козаков. Потом сказал, что верхние станицы смешались от козаков Трушки да Илюшки Иванова бурлака, а говорили

ему те слова на кабаке, в то время как он государя провожал, говорили ему Трушка и Илюшка: «Чаю и наша голутьба заворует для того, что жалованье дают им малое». И к московскому разоренью он, Петрушка, с Ваською Филипповым говорил: «Как бы вы с конца, а мы с другого»; а бунта учинить не хотел и ни с кем не умышлял, а говорили они те слова в пьянстве.

Оговорен был также пятидесятник Рожин, которому Цыклер говорил: «Службы вашей много, можно вам себя и поберечь, а то корень ваш не помянется». Советовал бить челом боярам и своей братье на государя и убить его.

Перед казнью Цыклер сказал: в 1682 году, после побиения бояр и ближних людей стрельцами, призывала его царевна и говорила ему, чтоб он стрельцам говорил, чтоб они от смущения унялись, и по тем ее словам он стрельцам говаривал. А перед крымским первым походом царевна его призывала и говаривала почасту, чтоб он с Федькою Шакловитым над государем учинил убийство. Да и в Хорошове, в нижних хоромах, призвав его к хоромам, царевна в окно говорила ему про то ж, чтоб с Шакловитым над государем убийство учинил, а он в том ей отказал, что того делать не будет, и говорил ей, царевне: если государя не будет, и за тобою ходить никто не станет, можно тебе его, государя, любить; и царевна ему сказала: я бы его и любила, да мать не допустит; и он, Иван, ей говорил: мать рада, хотя бы и татарин его, государя, любил. И за то она на него гневалась: знать ты передался на другую сторону. И в то время у ней в хоромах была княгиня Анна Лобанова. И за то его, Ивана, царевна послала в крымский поход; а как он из крымского похода пришел, и она ему о том же говаривала и сулила Дмитровскую деревню Ивана Милославского, Кузнецово, которая была за мелетийским (имеретийским) царевичем, и он ей также отказал, и за то она его и в другой крымский поход послала; а пришед из крымского похода о том она ему не говорила. А Иван Милославский к нему, Ивану, был добр и женат он был у него, Ивана»[171].

Цыклер напомнил о своем собеседничестве с Иваном Милославским, рассказал, как подучала его Софья на убийство: у Петра отуманилась голова; ему захотелось достать Ивана Милославского, хотя мертвого; ему захотелось угостить сестру, дочь Милославской...

Великий государь указал Соковнина, Цыклера, Пушкина, стрельцов Филиппова и Рожина, козака Лукьянова казнить смертию. И на Красной площади начали строить столб каменный. И марта в 4-й день тот столб каменный доделан, и на том столбу пять рожнов железных вделаны в камень. И того числа казнены в Преображенском ведомые воры и изменники, и в то время к казни из могилы выкопан мертвый

боярин Иван Мих. Милославский и привезен в Преображенское на свиньях и гроб его поставлен был у плах изменничьих, и как головы им секли, и кровь точила в гроб на него, Ивана Милославского. Головы изменничьи были воткнуты на рожны столба, который был построен на Красной площади.

Через пять дней, 10 марта, великое посольство выехало из Москвы. Первые впечатления по выезде за шведский лифляндский рубеж были неблагоприятные. Ехали медленно не столько от распутицы, сколько от недостатка подвод и кормов, потому что в стране был голод. В Риге посольству сделана была почетная встреча, но губернатор Дальберг счел своею обязанностию не нарушать строгого инкогнито царя, так как русские уверяли, что весть о царском путешествии есть детское разглашение, что царь едет в Воронеж для корабельного строения. С другой стороны, желание Петра осмотреть рижские укрепления не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отец этого самого царя стоял с войском под Ригою, а сын без устали строит корабли и вместо того, чтоб сражаться с турками, предпринимает таинственное путешествие на Запад! Но легко понять, как эта подозрительность и недопущение осмотреть город должны были раздражить Петра при его нетерпеливости все сейчас осмотреть, при его непривычке к бездействию, при его непривычке встречать препятствия своим желаниям. Враждебное чувство глубоко залегло в его сердце. Тремя днями прежде посольства он переправился в лодке через Двину в Курляндию. В каком он был расположении духа при отъезде, всего лучше видно из письма его к Виниусу от 8 апреля: «Сегодня поехали отсель в Митау. Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением. Торговые люди здесь ходят в мантелях, и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими за копейку м..... лаются и клянутся, а продают втрое». Несмотря, однако, на то что сыт был только зрением, Петр кой-что успел смекнуть и пишет к Виниусу: «Мы ехали через город и замок, где солдаты стояли на 5 местах, которые были меньше 1000 человек, а сказывают, что все были. Город укреплен гораздо, только не доделан. Зело здесь боятся, и в город и в иные места и с караулом не пускают, и мало приятны». Вследствие этой малой приятности Рига осталась в памяти Петра как «проклятое» место.

За Двиною в Курляндии другой прием: с герцогами курляндскими у русских царей были всегда дружественные сношения. Из Митавы Петр поехал в Либаву, где в первый раз увидался с Балтийским морем. Из Либавы Петр один, без великих послов, отправился морем в Пруссию и был отлично принят в Кенигсберге курфюрстом бранденбургским Фридрихом III. В ожидании великих послов, ехавших сухим путем, Петр не терял времени и стал учиться артиллерии; учитель,

подполковник фон Штернфельд, дал благопомянутому господину Петру Михайлову свидетельство, «что он в непродолжительное время, к общему изумлению, такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может»[172]. Приехали великие послы и были приняты великолепно. Курфюрст хотел воспользоваться случаем и заключить с Россиею оборонительный союз; но Петр отклонил предложение, боясь переменить существующие отношения России к европейским державам до окончания турецкой войны. Был заключен с Бранденбургом не союзный, но дружественный договор, в котором было постановлено о свободной торговле с обеих сторон, о непринимании бунтовщиков и неприятелей, о позволении со стороны курфюрста ездить чрез его земли русским людям для наук в Германию.

Петр зажился в Пруссии долее, чем сколько было ему нужно, зажился по польским делам. Мы упоминали о междуцарствии в Польше по смерти Яна Собеского. Кандидатов на престол было много: сын покойного короля Яна, Иаков Собеский, пфальцграф Карл, герцог лотарингский Леопольд, маркграф баденский Людовик, внук папы Одескальки, французский принц Конти, курфюрст саксонский Фридрих Август и несколько пястов, т. е. польских вельмож; напоследок виднее всех явились два кандидата — Конти и Август. Отношения России к этому избранию были просты: кто бы ни был на польском престоле — все равно, лишь бы до заключения общего мира с турками Польша не выходила из священного союза четырех держав; поэтому Россия должна была противиться только одному кандидату — принцу Конти, потому что Франция находилась в дружественных отношениях к Турции и враждебных к Австрии. Польша с королем французом легко могла подчиниться французской политике, и действительно, французский посланник заявил польским вельможам обещание султана заключить с Польшею отдельный мир и возвратить ей Каменец, если королем будет избран французский принц[173]. Так как это заявление очень усиливало французскую партию, то Петр из Кенигсберга послал панам радным грамоту, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если французская *факция* возьмет верх, то не только союз на общего неприятеля, но и вечный мир зело крепко будет поврежден: французский король, имея дружбу с турецким султаном, во всем ему помогает во вред союзным христианским государям; какой же после того будет христианский союз, когда француз сядет на престол польский? Конти предлагают султан турецкий и хан крымский: может ли он воевать с турками и татарами? Мы, заключал Петр, такого короля французской и турецкой стороны видеть

в Польше не хотим; хотим, чтоб вы выбрали из какого ни есть народа, только бы он был в дружбе и союзе с нами и цесарем римским против общих неприятелей креста святого.

17 июня совершились выборы — двойные: одна партия провозгласила Конти, другая курфюрста саксонского. Члены противных партий рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрепления которой Петр прислал еще другую того же содержания; саксонская партия начала брать явный перевес. Виниус, уведомляя Петра об избрании Августа, писал ему: «Я с тем новым королем вашу милость господина моего, яко кавалера больше к немецкому народу неже к *петуховому* (французскому) склонному, от всего сердца поздравляю». Царь послал поздравительную грамоту Августу и велел объявить панам раде, что для защиты республики от Конти и его партии придвинуто к литовской границе русское войско под начальством князя Ромодановского. Август вступил в Польшу с саксонским войском и присягнул, что принял католическую веру. Получив царскую поздравительную грамоту, он объявил русскому резиденту Никитину, что дает честное слово быть с царем заодно против врагов креста святого и что изъявленный ему Петром *аффект* никогда не изгладится из его памяти. Посылая поклон царю, король поклонился гораздо низко [174].

Между тем, вследствие благоприятных известий из Польши, Петр решился оставить Пруссию и ехать далее на запад. К нему навстречу спешили две образованнейшие женщины Германии: курфюрстина ганноверская София и дочь ее, курфюрстина бранденбургская София Шарлотта. Петр выбрался за границу, чтоб посмотреть на диковины цивилизации, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двух своих представительниц со своей стороны посмотреть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною Восточною Европою. Курфюрстины записали впечатления, произведенные на них Петром, свидетельство драгоценное для нас, потому что обе женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно; их поразила двойственность его натуры: они увидали необыкновенного человека, поражавшего своими блестящими способностями и в то же время своими недостатками, показывавшими, из какого общества вышел он, какое воспитание получил. Их поразила эта двойственность, это противоречие, но они не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались верны своему впечатлению и произнесли самый верный приговор о Петре: «Это человек очень хороший и вместе очень дурной».

Будучи одиннадцатилетним ребенком, Петр поражал своею необыкновенною красотою и живостию [175]. Современники находили, что он лицом был в материнскую родню, и особенно был похож на дядю Федора Кирилловича Нарыш-

кина [176]. Красота и живость остались; но преждевременное развитие, страшные потрясения, неумеренность в трудах и потехах потрясли крепкую натуру Петра и оставили следы на прекрасном лице его: голова тряслась [177] и на лице являлись конвульсивные движения [178]. Быстрый и пронзительный взгляд его производил неприятное впечатление на людей непривычных [179]. Новгородский архиепископ Феодосий Яновский рассказывал, что когда он представлялся обоим царям, Ивану и Петру, то к руке первого подошел безо всякого страха, «а как пришел до руки царя Петра Алексеевича, тогда таков на меня страх напал, что мало не упал, и колени потряслися, и от того времени всегда рассуждал, что мне от тоя руки и смерть будет» [180].

Свидание Петра с курфюрстинами происходило в герцогстве Цельском, в местечке Коппенбрюгге. Сначала царь не хотел идти к ним и долго отговаривался, наконец пошел с условием, чтоб не было никого посторонних. Он вошел как застенчивый ребенок, закрыл лицо руками и на все любезности отвечал: «Не могу говорить», потом, однако, разговорился, особенно за ужином, застенчивость пропала и он позволил войти в залу придворным курфюрстин, поил мужчин вином из больших стаканов, танцовал; веселье прошло далеко за полночь. Царь с удовольствием слушал итальянских певиц, но сказал при этом, что музыку не очень уважает. На вопрос старой курфюрстины, любит ли он охоту? отвечал: «Отец мой был страстный охотник, но я не чувствую к этой забаве никакой склонности, очень люблю кораблеплавание и фейерверки». При этом он показал свои руки, ставшие жесткими от работы. София Шарлотта, описывая Петра, говорит: «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно, но мне понравились его естественность и непринужденность». Курфюрстина мать пишет: «Царь высок ростом, у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостию ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если б он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум» [181].

Из Коппенбрюгге Петр направился к Рейну, оставил посольство и с десятью человеками спустился Рейном и каналами до Амстердама. Так как посольство еще не приезжало, то в ожидании его Петр занялся по-своему: в местечке Сардам или Заандам, известном по обширному кораблестроению, на верфи Рогге появился молодой, высокий, красивый плот-

ник из России, Петр Михайлов; жил он в каморке у бедного кузнеца, посещал семейства плотников, которые находились в России, выдавал себя за их товарища, простого плотника. В свободное от работы время русский плотник ходил по фабрикам и заводам, все ему нужно было видеть, обо всем узнать, как делается: однажды на бумажной фабрике не утерпел, взял у работника форму, зачерпнул из чана массы — и вышел отличный лист; любимая забава его была катанье на ялике, который купил на другой же день по приезде в Сардам.

Своим поведением и видом, не идущими к простому плотнику (хотя своею красною фризовою курткою и белыми холстинными штанами он нисколько не отличался от обыкновенных работников), Петр сейчас же выдал себя: заговорили, что это не простой плотник, и вдруг разносится слух, что это сам царь московский. Старый плотник зашел в цирюльню и прочел там письмо, полученное от сына из России; в письме рассказывались чудеса: в Голландию идет большое русское посольство и при нем сам царь, который верно будет в Сардаме; плотник написал и приметы царя — и тут, как нарочно отворяется дверь и входят в цирюльню русские плотники, у одного точь-в-точь те приметы: и головою трясет, и рукою размахивает, и бородавка на щеке. Цирюльник, разумеется, не замедлил разгласить об удивительном явлении. Скоро слух подтвердился: Петр раздразнил уличных мальчишек, которые попотчевали его песком и камнями — и бургомистр издал объявление, чтоб никто не смел оскорблять знатных иностранцев, которые хотят быть неизвестными. Напрасно после того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался от почетных приглашений, от удобного помещения, говоря: «Мы не знатные господа, а простые люди, нам довольно и нашей каморки». Жил в каморке, а купил буер за 450 гульденов! Толпа преследовала Петра, что приводило его в ярость, сдерживать которую он не выучился в Преображенском с потешными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, он был особенно раздражен глупою фигурою какого-то Марцена и дал ему пощечину; «Марцен пожалован в рыцари!» — закричала толпа, и прозвание «рыцарь» осталось за Марценом навсегда [182].

Из Амстердама дали знать о приближении русского посольства, и Петр поехал туда, прожив в Сардаме 8 дней. 16 августа Лефорт с товарищами торжественно въехал в Амстердам. Прием был великолепный; Петр участвовал в празднествах, которые давали посольству Генеральные Штаты, зная о присутствии самого царя. В Амстердаме знакомее всех других имен Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царе Алексее Михайловиче Витзен был в России, проехал и до Каспийского моря, был известен как

автор знаменитого сочинения «Татария восточная и южная», как издатель Избрандидесова путешествия в Китай. Витзен сохранял постоянную связь с Россиею; его издания были посвящены царям, он исполнял поручения русского правительства по заказу судов Голландии, находился в переписке с Лефортом. К Витзену обратился Петр с просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроением в амстердамских верфях, и Витзен поместил его на верфи Ост-Индской компании, где нарочно для него заложен был фрегат. Получив об этом известие, Петр ночью поехал в Сардам, забрал там свои плотничьи инструменты и к утру возвратился в Амстердам, чтоб немедленно же приняться за работу; волонтеры, приехавшие с посольством, были также размещены по работам. Петр откликался только когда ему кричали: «плотник Петр сардамский!» или: «мастер Петр!», но когда обращались к нему с словами: «ваше величество!» или: «милостивый государь!» — поворачивался спиною. Но не одним кораблестроением занимался Петр в Голландии: он ездил с Витзеном и Лефортом в Утрехт для свидания с знаменитым штатгалтером голландским и королем английским Вильгельмом Оранским. Витзен должен был водить его всюду, все показывать — китовый флот, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерские; особенно понравилось ему в анатомическом кабинете профессора Рюйша; он познакомился с профессором, слушал его лекции, ходил с ним в госпиталь. В кабинете Рюйша он так увлекся, что поцеловал отлично приготовленный труп ребенка, который улыбался как живой. В Лейдене, в анатомическом театре знаменитого Боергава, заметив отвращение своих русских спутников к трупам, заставил их зубами разрывать мускулы трупа. Разумеется, Петр должен был наблюдать большую экономию во времени: так, во время поездки в Лейден на яхте часа два занимался с натуралистом Леувенгоком, который показывал ему свои лучшие аппараты и микроскоп. Ненасытимая жадность все видеть и знать приводила в отчаяние голландских провожатых: никакие отговорки не помогали; только и слышалось: «Это я должен видеть!», и надобно было вести, несмотря ни на какие затруднения. И ночью он не давал им покоя; вдруг экипаж получит сильный толчок: «Стой! что это такое?» — надобно зажигать фонари и показывать. Гениальный царь был полным представителем народа, который так долго голодал без научной пищи и теперь вдруг дорвался до нее. Корабельный плотник занимался и гравированием, в Амстердаме оставшаяся после него гравюра изображает предмет, соответствующий положению Петра, его тогдашней главной думе: она представляет торжество христианской религии над мусульманскою в виде ангела, который с крестом и пальмою в руках попирает полулуние и турецкие бунчуки [183]. Предмет

гравюры объясняется и письмом Петра к патриарху Адриану в Москву: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме, благодатию божиею и вашими молитвами, при добром состоянии живы и последуя божию слову, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущих, свободителями, благодатию его, быть. Чего до последнего издыхания желать не престану [184]».

Кроме патриарха, Петр постоянно переписывался и с другими правительственными лицами, которые извещали его о том, что делалось в России. Около Азова возводились укрепления: крепости Алексеевская и Петровская, Троицкая на Таганроге и подле нее Павловская; при Таганроге устраивалась гавань. Татары были отражены от Азова. На Днепре турки и татары были отбиты от занятых русскими крепостей — Казыкерменя и Тавани, в Польше окончательно утвердился королем Август; кумпанства усердно строили корабли, шведский король прислал 300 пушек для войны с неверными. Охотнее, чем с другими, переписывался Петр с Виниусом, как с человеком более других образованным и неутомимым в своей деятельности. Виниус в своих письмах постоянно требовал присылки оружейных мастеров, потому что железо есть доброе, а мастеров нет: «Наипаче болит сердце, что иноземцы высокою ценою продав свейское железо и побрав деньги, за рубеж поехали, а наше сибирское многим свейского лучше» [185]. Никто больше Петра не мог сочувствовать этой сердечной боли Виниуса. Он отвечал ему: «Пишешь, ваша милость, о мастерах: из тех мастеров, которые делают ружья и замки зело доброе, сыскали и пошлем, не мешкав; а ради поспешения из тех же мест, где Бутман на олонецкие заводы сыскал, добыть возможно. Однако же мы здесь сыщем таких, за что взялся бургомистр Витзен, только мню не вскоре». Известия о мастерах перемешивались с известиями политическими: «Что пишешь о мастерах железных, что в том деле бургомистр Витзен может радение показать и сыскать, о чем я ему непрестанно говорю, а он только манит день за день, а прямой отповеди по ся поры не скажет; и если ныне он не промыслит, то надеюсь у короля польского чрез его посла добыть не только железных, но и медных. Мир с французом учинен, и здесь дураки зело рады, а умные не рады, для того, что француз обманул, и чают вскоре опять войны». В другом письме Петр опять пишет о Витзене: «О железных мастерах многажды говорил Витзену: только он от меня отходил московским часом». Между делом Виниус доносил и о пирах оставленных в Москве членов компании: «В царские имянины князь Федор Юрьевич Ромодановский великую нам

трапезу и богатую даровал в столовой генеральской в Преображенском: сидели за разными столами больше ста человек, и с таким усердием и милостию нас трактовал, и стрельба мелкая и крупная так была сильна, что едва столовая устояла и стена одна гораздо повыдалась; даже до 4 и до 5 часа ночи, что в три дни каждый насилу мог оправиться». Описывая другой пир, Виниус пишет: «Ивашко с дядею своим (Бахусом) из своих великих мокрых сребреных и цкляных можеров в желудки бросали». Ивашку не забывали и в Голландии: извиняясь, что не ко всем отправил письма, Петр писал Виниусу: «Иное за недосугом, а иное за отлучкою, а иное за хмельницким не исправишь».

Четыре месяца с половиною жил Петр в Голландии: фрегат, заложенный им, был спущен. На Ост-Индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами в научение корабельной архитектуры, государь в краткое время совершился в том, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил. Потом просил той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы учил его препорции корабельной, который ему чрез четыре дня показал. Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципии, прочее же с долговременной практики, о чем и вышереченный бас сказал и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо не весел ради вышеописанной причины; но когда между разговоров спрошен был: для чего так печален? тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие слово его величество зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там, чрез 4 месяца, оную науку окончил [186].

В январе 1698 года Петр переехал из Голландии в Англию, и скоро из Лондона перебрался в городок Дептфорд, где на королевской верфи занимался окончанием науки. Здесь он приговорил до 60 человек иностранцев, мастеров золотых дел, в то же время послы в Голландии приговорили более 100 человек, для флота много нанял принятый в Голландии в русскую службу капитан Корнелий Крейс: он был принят прямо вице-адмиралом.

Проведя три месяца в Англии, Петр переехал в Голландию, но не остановился здесь, а направил путь на юго-восток — в Вену. Переговоры посольства с Генеральными Штатами насчет помощи царю в войне с турками не удались:

Штаты под тем предлогом, что страна их истощена французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружием, снарядами, и скоро Петр узнал, что Штаты вместе с английским королем хлопочут о посредничестве к заключению мира между Австрией и Турциею. Этот мир был необходим для Голландии и Англии, чтоб дать императору возможность свободно действовать против Франции: предстояла страшная война за наследство испанского престола, т. е. для сокрушения опасного для всей Европы могущества Франции. Но во сколько для Англии и Голландии было выгодно заключение мира между Австриею и Турциею, во столько же им было выгодно продолжение войны между Россиею и Турциею, чтоб последняя была занята и не могла, по наущению Франции, снова отвлечь силы Австрии от войны за общеевропейские интересы. Но эти интересы находились в противоположности с интересами России: Петр трудился изо всех сил, чтобы окончить с успехом войну с Турциею, приобрести выгодный мир; но мог ли он надеяться с успехом вести войну и окончить ее один, без Австрии и Венеции? Следовательно, главною заботою Петра теперь было — или уговорить императора к продолжению войны с турками, или по крайней мере настоять, чтоб мирные переговоры были ведены сообща и все союзники были одинаково удовлетворены.

16 июня посольство въехало торжественно в Вену: царь, по обыкновению, опередил его и приехал просто на почтовых. Он спешил приступить к делу, и в разговоре с канцлером, графом Кинским, объявил, что недоволен решением императора заключить мир на основании uti possidetis (да владеет каждый тем, чем владеет во время мирных переговоров), объявил, что для России необходимо обеспечить себя со стороны Крыма, овладеть здесь хорошею крепостию; Россия для императора разорвала мир с турками; надобно, чтоб все союзники получили желаемые ими выгоды; англичан и голландцев слушать нечего: они заботятся только о своих барышах; император спешит помириться с турками для войны с французами за испанское наследство и покидает своих союзников; но как скоро начнется французская война, султан немедленно поднимется на императора; войска выйдут из Венгрии для французской войны, и венгры забунтуют. Царь требовал, кроме удержания всех своих завоеваний, еще крепости Керчи в Крыму, без которой никакой пользы ему от мира не будет: татары по-прежнему будут нападать на Россию. Петр не досказал: с Азовом и Таганрогом без Керчи он был заперт в Азовском море. Если турки не согласятся на уступку Керчи России, то союзники должны продолжать войну. Император отвечал, что требования царя справедливы, но чтоб заставить турок исполнить их, лучше всего, если русские поспешат взять Керчь оружием, обещал

поддерживать на конгрессе требования русских уполномоченных и не приступать ни к чему без согласия с царем [187].

Переговоры этим должны были прекратиться; Петр, осмотрев все замечательное в Вене, съездив в местечко Баден и в Пресбург, собрался уже в Венецию, как почта привезла письма из Москвы: Ромодановский писал, что стрельцы взбунтовались и идут к Москве. Вместо Венеции Петр отправился в Россию.

Мы видели, что в 1689 году очень немногие из стрельцов участвовали в замыслах Софьи и Шакловитого, большинство сначала отстранялось от вмешательства в ссору между братом и сестрою, а потом явно приняло сторону Петра, принудив Софью исполнить его требование, выдать Шакловитого. По-видимому, такое поведение должно было совершенно примирить новое правительство со стрельцами; но вышло напротив. Еще прежде 1689 года образовались потешные полки, которые вместе со старыми солдатами стали в противоположность стрельцам; привыкли смотреть так, что потешные — войско Петра, стрельцы — войско Софьи. Помирить потешных и вождей их со стрельцами нельзя было не по одним этим отношениям: потешные были представителями нового, имеющего жить, стрельцы — представители отжившей старины. Новое получило торжество в торжестве Петра над Софьею, стрельцам предстояло — перестать быть стрельцами, превратиться в солдат; эта перемена была для них страшно тяжела, они не согласятся на нее добровольно, прежде попытаются, нельзя ли удержаться в прежнем положении, удержать старину. При таком положении дел в причинах к раздражению не могло быть недостатка. Вспомним потехи: дерутся два войска: русское войско, на стороне которого сам царь, — это потешные солдаты; войско, враждебное, которым предводительствует польский король, — это стрельцы; они побеждаются, и этим выказывается их несостоятельность пред новым войском. Унижение и раздражение сильные. Причины к раздражению были и на стороне противной: мы не имеем никакого права отвергнуть известие, что стрельцы подкопались под Девичий монастырь, проломали пол в покоях царевны Софьи и вывели было ее подземным ходом, но после сильной схватки со сторожившими монастырь солдатами были переловлены и казнены [188]. Как близкие к царю люди смотрели на стрельцов, на их отношения к правительству, всего лучше видно из приведенного выше письма Виниуса к Петру, что по получении благоприятных известий из-под Азова даже и в стрелецких слободах радовались. Азовские походы были очень тяжелы для стрельцов: два года сряду они должны были ходить так далеко, покидать семейства и выгодные промыслы в Москве;

царь был ими недоволен, делал выговоры [189]. Кто же виноват? Разумеется иностранцы, и больше всех самый близкий из них к царю, Лефорт, и между стрельцами сильное раздражение против Лефорта. Обстоятельства становились все хуже и хуже для стрельцов. По взятии Азова их задержали там для охраны города, потом заставили работать над его укреплениями. Люди, недовольные царем, желающие избавиться каким бы то ни было средством, обращаются к стрельцам, как более других недовольным, обреченным на погибель: «Что они спят? — говорит Соковнин, — им бы можно было убить государя, все равно им пропадать же». Легко понять чувства людей, которым все равно пропадать же, и легко понять отношения Петра и его приверженцев к людям недовольным, раздраженным, в которых враги видят верное, готовое орудие: Цыклер обращается к стрельцам, а Петру все живее и живее представляется 15 мая 1682 года и стрелецкие копья, обагренные кровью Матвеева и Нарышкиных; все враждебное связано для него со стрельцами и все враждебное и стрелецкое относится, как к своему началу, к замыслу Ивана Милославского, все враждебное и стрелецкое есть в его глазах семя Милославского: этот взгляд уже высказался в страшном зрелище казни Цыклера с товарищами, когда кровь их стекала в гроб Милославского; тут же высказалось и сильное ожесточение, высказалось, как впечатление отрочества оживлялось и укоренялось при каждом удобном случае.

А стрельцов в Азове мучила тоска по Москве, по привольной, спокойной, семейной жизни в столице. Была еще надежда, что азовская служба скоро кончится и последует перевод в Москву; но вдруг указ — передвинуть четыре стрелецких полка — Чубарова, Колзакова, Черного и Гундертмарка из Азова к литовской границе, в войско князя Михайлы Григорьевича Ромодановского, который с полками дворянскими, рейтарскими и солдатскими стоял в ожидании, как разыграется борьба саксонской и французской партии в Польше. Стрельцы пришли из Азова в Великие Луки. Им на смену в Азов отправлены другие шесть полков стрелецких, остальные размещены по юго-западной границе; Москва очищена от стрельцов, там одни солдаты. Всего тягостнее четырем полкам стрелецким, которые вместо возвращения в Москву должны были пропутешествовать из Азова в Великие Луки. Многие из стрельцов решились во что бы то ни стало побывать в Москве! В марте месяце больше полутораста человек убежали из полков и явились в Москве в челобитчиках; на спрос правительства, зачем ушли из полков, отвечали, что «их братья стрельцы с службы от бескормицы идут многие». Им назначили срок — 3 апреля, к которому они должны оставить Москву, причем велено им

выдавать из Стрелецкого приказа кормовые месячные деньги сполна. Но беглецы узнали в Москве любопытные вещи.

Русские люди переживали небывалое время, и многим представлялся вопрос: не последнее ли это время? Царь явно сложился с немцами и уехал к ним за границу. Что там с ним делается — неизвестно; правят бояре; а тут повсюду идут толки о старой и новой вере; сойдутся где-нибудь двое, станут разговаривать о *божестве,* и первый вопрос: как ты в перстном сложении крестное знамение на себе воображаешь? Беглые стрельцы встретили на Ивановской площади своих знакомых, стрельцов же, которые сидели в площадных подьячих; завязались разговоры; первое слово: «Государь наш залетел на чужую сторону!» Государь-то на чужой стороне, а что без него в Москве делается! Подьячие рассказали, что бояре хотят царевича удушить, хочет удушить боярин Тихон Никитич Стрешнев и сам на Москве властителем быть. «А вам уже на Москве не бывать!» — говорили подьячие стрельцам.

Легко понять, с каким чувством слушали стрельцы последние слова. Надобно как-нибудь промыслить, чтоб быть в Москве, а тут еще и приглашение. Бывшая правительница, царевна Софья, живет в заточении в Девичьем монастыре; сестры ее от Милославской на свободе во дворце, но и всем им тяжело после 1689 года; вместе с Софьею и они правительствовали; понадобятся деньги — пошлют в любой приказ и возьмут сколько хотят [190]; а теперь уже не то, теперь они царевны опальные, беззаступные. У них, разумеется, сильное желание, чтоб дела переменились — хотя бы стрельцы опять помогли! У них средоточие всех сплетен, всех неблагоприятных для правительства слухов, между ними и Девичьим монастырем тайные пересылки, недовольные стрельчихи тут, служат службы недовольным царевнам. Стрельцы, прибежавшие в Москву, не могли не обратиться к царевнам, которые на верху одни могли принять в них участие, не могли не выражать желания видеть опять царевну Софью в державстве; хотя царевен и заперли на верху на это смутное время, однако стрельцы нашли средство войти с ними в сношения; двое из беглых стрельцов, Проскуряков и Тума, составили челобитную о стрелецких нуждах и отдали вхожей в верх стрельчихе, чтоб передала которой-нибудь царевне. Деятельнее других была царевна Марфа, и к ней пошла стрелецкая челобитная, ее же постельница отдала грамотку стрельчихе, чтоб та передала ее Туме. Марфа говорила постельнице о грамотке: «Смотри, я тебе верю; а если пронесется, то тебя распытают, а мне кроме монастыря ничего не будет». Той же постельнице Марфа велела сказать стрельчихе: «У нас на верху позамялось: хотели было бояре царевича удушить; хорошо, если б и стрельцы

подошли». С верху же шли слухи: «Бояре хотели было царевича удушить, но его подменили и платье его на другого надели; царица узнала, что не царевич; а царевича сыскали в другой комнате, и бояре царицу по щекам били; а государь неведомо жив, неведомо мертв, и по стрельцов указ послан». На Арбате, у ограды церкви Николы Явленного, стояла толпа стрельцов, и один из них, Василий Тума, читал грамоту — из Девичья монастыря, от царевны Софьи Алексеевны, зовет все четыре полка, чтоб шли к Москве, становились табором под Девичьим монастырем и подавали ей, царевне, челобитье, чтоб шла по-прежнему на державство.

Если все должны приходить к Москве, то зачем же уходить из нее челобитчикам? В срочный день, 3 апреля, толпа стрельцов пришла к дому начальника Стрелецкого приказа, князя Ив. Бор. Троекурова, и просила, чтоб боярин выслушал их. Троекуров велел им выбрать четверых лучших людей для разговора с ним. Выборные явились и начали говорить, что они на службу до просухи не идут, били челом об отсрочке, представляли свою нужду, что доведены до крайнего упадка. Боярин прервал их и велел сейчас же идти на службу. Выборные отвечали, что не пойдут; тогда Троекуров велел их схватить и посадить в тюрьму; но на дороге товарищи отбили их. Весть об этом навела страх на бояр, помнивших хорошо стрелецкий бунт; при том же в апреле 1697 года и между солдатами Лефортова полка шла речь, чтоб подать челобитную царевне в Девичьем монастыре о даче им сухарей, потому что какой-то солдат рассказывал: стоял он на карауле в верху, выходила государыня и говорила: что-де вы голы? берете по 30 алтын на месяц, только на вас, что красные кафтаны. И солдат ей говорил, что берут по алтыну на день, а сходится по 4 деньги на день, выворотьі (вычеты) большие. Беспокойство бояр увеличивалось еще тем, что давно уже не было вестей из-за границы от царя. Против стрельцов надобно было приготовить другую вооруженную силу, солдат, и князь Ромодановский послал за генералом Гордоном, рассказал ему, в чем дело. Гордону показалось, что князь преувеличивает опасность, и он заметил ему, что дело неважное: стрельцы слабы и предводителя у них нет. От Ромодановского Гордон отправился на Бутырки, где жили его солдаты, чтоб приготовиться на всякий случай, и был успокоен тем, что все солдаты были налицо в слободе, кроме занимавших караулы в разных местах. На другой день стрельцы по-прежнему оставались в Москве, но спокойно, побушевали только двое пьяных в Стрелецком приказе. Между тем на верху сидели бояре, советовались, как быть. Решили выслать отряд солдат и выбить стрельцов силою из Москвы. Вечером сотня семеновцев при помощи посадских выбили незванных гостей за заставу,

буянили только двое: одного прибили так, что скоро умер, другого вместе с буянившими прежде в Приказе сослали в Сибирь[191].

В письме от 8 апреля Ромодановский дал знать Петру о приходе беглых стрельцов и о том, что они выпровожены солдатами. Петр получил письмо в Амстердаме, сбираясь в Вену, и отвечал: «Письмо ваше государское я принял и, выразумев, благодарствую, и впредь прошу, дабы не был оставлен. В том же письме объявлен бунт от стрельцов, и что вашим правительством и службою солдат усмирен. Зело радуемся; только зело мне печально и досадно на тебя, для чего ты сего дела в розыск не вступил, бог тебя судит! Не так было говорено на загороднем дворе в сенях. Для чего и Автамона (Головина, командира Преображенского полка) взял, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали, для того, что почты задержались, и для того, боясь, и в дело не вступаешь: воистину скоряе бы почты весть была, только, слава богу, ни один не умер: все живы. Я не знаю, откуда на вас такой страх бабий! Мало ль живет, что почты пропадают? А се в ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать с такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину от болезни сердца писал»[192]. Чрез несколько дней Петр написал к Виниусу с упреком за опасения по поводу неприхода почт: «Зело дивлюсь и суду божию предаю тебя, что ты так сумненно пишешь о замедлении почт, а сам в конец известен сим странам. Не диво, кто не бывал. Я, было, надеялся, что ты станешь всем рассуждать бывалостью своею и от мнения отводить; а ты сам предводитель им в яму. Потому все думают, что коли де кто бывал, так боится того, то уже конечно так. Воистину не от радости пишу». Виниус спешил просить прощения, и царь отвечал ему: «Господь бог да оставит всем нам наши долги, милосердия своего ради. А что я так к вам писал, о том сам рассудишь, каково мне то дело».

Дело было действительно важное. Стрельцов выгнали из Москвы, и они понесли в Торопец, где стояли теперь их полки с Ромодановским, разные вести и призыв из Девичьего монастыря. На дороге нагнала их стрельчиха и отдала новую грамотку от царевны Софьи: «Теперь вам худо, а впредь будет еще хуже. Ступайте к Москве, чего вы стали? Про государя ничего не слышно». В доказательство, что вперед стрельцам будет еще хуже, пришел указ из Москвы от 28 мая: Ромодановский должен был распустить по домам своих полчан, пеших и конных, сам приехать в Москву, а стрельцы должны были оставаться до указа в городах Вязьме, Белой, Ржеве Володимировой и Дорогобуже; бегавших в Москву стрельцов всего 155 человек велено было сослать в малороссийские города — Чернигов, Переяславль, Но-

вобогородицкой на вечное житье с женами и детьми, а пятидесятникам, десятникам и стрельцам, которые со службы не сходили, за их верную службу и за то, что ворам не потакали и подали на них заручные челобитные, сказать государево милостивое слово. Значит, правду говорили подьячие на Ивановской площади: стрельцам Москвы не видать! Когда этот указ, присланный от царского имени, был объявлен, то полковники Чубаров, Черный и Тихон Гундертмарк представили Ромодановскому беглых стрельцов из своих полков, человек с 50, и Ромодановский велел отвести их в город (крепость) и сдать торопецким воеводам; но есаулы, провожавшие беглых, встретили на дороге толпы стрельцов, которые отбили товарищей, гонялись за есаулами и бросали палками. Ромодановский отправил было против них новгородских стрельцов, но те по малолюдству не могли сладить с мятежниками. Тогда Ромодановский по просьбе полковников послал вычитать подлинный указ на съезжих дворах по полкам порознь, а к разрядному шатру для сказки указа московских стрельцов призывать не велел за такою их воровскою шатостию, опасаясь от них всякого дурна. В полках Чубарова и Колзакова стрельцы грамоту слушали и Колзакова полка стрельцы били челом на милости и сказали, что за воров, если они явятся, стоять не станут; а чубаровские стрельцы сказали, что у них воров нет, а которые из них ходили в Москву, те ходили от голода. Колзаков из своего полка привел воров 15 человек к разрядному шатру, а оттуда повел в Торопец и отдал воеводе; но стрельцы, собравшись, отняли их у воеводы отбоем, а за полковником Колзаковым гонялись и палками за ним вслед бросали, и ушел он от них, покинув лошадь, за реку Торопу, по мостовинам. А стрельцы полков Черного и Гундертмарка слушать царской грамоты к съезжим избам не пошли, и по улицам, близ разрядного шатра и двора, где стоял Ромодановский, начали ломать изгороди, и с кольем, собравшись многолюдством, стояли великими толпами. Ромодановский, испугавшись, с конными дворянскими полками выступил из города в поле и стал в ополчении по московской дороге; Чубаров, Гундертмарк и Колзаков были с ним; князь велел им ехать в свои полки и выводить их порознь из слобод в поле и идти в указные города. Полк Чубарова выступил и пошел сквозь конные роты и полки. Ромодановский, подъехавши к нему, велел остановиться и стал уговаривать, чтоб выдали бегавших в Москву. Стрельцы отвечали, что за беглых не стоят, только взять их и выдать мочи нет. Ромодановский сказал им на это: «Беглецов малое число, а вас 500 человек с лишком!» Стрельцы пошли в полк; прошел час времени — никакого движения. Ромодановский посылает сказать им, чтоб не медлили выдачею; прежний ответ: «Мочи нашей нет!» Вслед за этим полк пошел, а

беглые отстали и повернули к Торопцу; Ромодановский послал копейщиков и рейтар ловить их, те стали ловить, но тут выступает полк Гундертмарка, и воры скрылись в него, пробравшись болотными местами и кустарниками. Полковник и начальные люди кричали, чтоб воров в полк не пускать; но рядовые стрельцы не послушались и хотели биться с конницею, ловившею воров; они кричали: «У нас в полках воров нет, а ходили в Москву от нужды и бескормицы!» Все стрельцы пошли в указные города, и Ромодановский отослал им жалованье на два месяца, чтоб не было никакого предлога к продолжению смуты [193].

Но стрельцам нужно было не одно жалованье, им нужна была Москва, в которую их не пускали; притом же дело было уже начато: царскому указу учинились ослушны, бегунов не выдали; семь бед — один ответ! Разумеется, бегуны, по инстинкту самосохранения, должны были изо всех сил бунтовать остальных. Стрельцы шли медленно, нехотя, делали верст по пяти в день, и 6 июня, на берегу Двины, бунт вспыхнул. На телеге, перед четырьмя полками, стоял стрелец Маслов и читал призывное письмо от царевны Софьи: «Вестно мне учинилось, что ваших полков стрельцов приходило к Москве малое число: и вам бы быть к Москве всем четырем полкам и стать под Девичьим монастырем табором, и бить челом мне идтить к Москве против прежнего на державство; а если бы солдаты, кои стоят у монастыря, к Москве пускать не стали, и с ними бы управиться, их побить и к Москве быть; а кто б не стал пускать с людьми своими или с солдаты, и вам бы чинить с ними бой».

Толпы зашумели: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело; бояр побить, а им, стрельцам, жить в домах своих. Послать и в иные полки, чтоб и те полки шли к Москве для того, что стрельцы от бояр и от иноземцев погибают и Москвы не знают, непременно идти к Москве, хотя б умереть, а один предел учинить. И к донским козакам ведомость послать. Если царевна в правительство не вступится и по коих мест возмужает царевич, можно взять и князя Василья Голицына: он к стрельцам и в крымских походах и на Москве милосерд был, а по коих мест государь здравствует, и нам Москвы не видать; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, сложился с немцами. Все царевны стрельцов к Москве желают; царевна Софья торопецким козакам дала денег по полтине, чтоб шли к Москве». Собрались круги, отставили прежних полковников и капитанов, а на их место выбрали новых и пошли к Москве.

Но в Москве солдаты, и потому у стрельцов дорогою такая речь была, чтоб им побывать на Бутырках, проведать у солдат, что у них делается? Стрелец Пузан отправился на

Бутырки к знакомым солдатам Салениковым, и с одним из них виделся; но тот ему отказал: «Нам об вас заказ крепкий, и с вами нейдем, дела до вас нам нет, и вы как хотите»[194]. У стрельцов была и другая речь: с солдатами не биться, по малолюдству (всего 2200 человек), а обойти Москву и засесть в Серпухове или Туле и писать в Белгород, Азов, Севск и другие города к тамошним стрельцам, чтоб шли к ним немедленно; всем вместе идти к Москве и бить бояр. Страх напал на жителей Москвы, когда узнали о приближении стрельцов. Зажиточные люди начали со всем имением разъезжаться в дальные деревни. Между боярами начались споры о мерах; наконец мнение князя Бориса Алексеевича Голицына восторжествовало, и положено было выслать против мятежников боярина Шеина с генералами Гордоном и князем Кольцовым-Масальским; войска у них было около 4000 и 25 пушек. 17 июня царское войско встретило стрельцов под Воскресенским монастырем при переправе через реку Истру. Стрельцы прислали к Шеину письмо, в котором жаловались, что в Азове терпели всякую нужду, зимою и летом трудились над городовыми крепостями, потом из Азова перешли в полк к князю Ромодановскому, голод, холод и всякую нужду терпели: человек по полтораста их стояло на одном дворе, месячных кормовых денег не ставало и на две недели; тех, которые ходили по миру, били батогами. Из Торопца Ромодановский велел вывесть их на разные дороги по полку, отобрать ружье, знамена и всякую полковую казну и велел коннице, обступя их вокруг, рубить. Испугавшись этого, они не пошли в указные места, идут к Москве, чтоб напрасно не умереть, а не для бунту; пусть дадут им хотя немножко повидаться с женами и детьми, а там, как представится случай, и они опять рады идти на службу.

Шеин отправил Гордона в стан к стрельцам объявить, что если они возвратятся в указные места и выдадут бегавших в Москву, также заводчиков настоящего бунта, то государь простит их и жалованье будет им выдано в указных местах по тамошним ценам. Гордон понапрасну истощал всю свою *реторику*[195], как сам выражается, уговаривая стрельцов: они отвечали, что или помрут, или будут на Москве, хотя бы на малое время, а там пойдут всюду, куда великий государь укажет; на дальнейшую реторику Гордона отвечали, что зажмут ему рот. Иноземцу не удалось, Шеин отправил русского князя Кольцова-Масальского уговаривать стрельцов; к нему вышел один из заводчиков, десятник Зорин, с черновою, неоконченною челобитною, в которой говорилось: «Бьют челом многоскорбне и великими слезами московские стрелецкие полки: служили они и прежде их прародители и деды и отцы их великим государям во всякой

обыкновенной христианской вере; и обещались до кончины жизни их благочестие хранити, якоже содержит св. апостольская церковь. И в 190 году стремление бесчинства, радея о благочестии, удержали, и по их, великих государей, указу в пременении того времени их изменниками и бунтовщиками звать не велено, и по обещанию, как целовали крест, о благочестии непременно служат. И в 203 г. сказано им служить в городах погодно; а в том же году, будучи под Азовом, умышлением еретика, иноземца Францка Лефорта, чтобы благочестию великое препятие учинить, чин их московских стрельцов подвел он, Францко, под стену безвременно, и ставя в самых нужных в крови местах, побито их множество, его ж умышлением делан подкоп под их шанцы, и тем подкопом он их же побил человек с 300 и больше; его же умыслом на приступе под Азовом посулено по 10 рублев рядовому, а кто послужит, тому повышение чести: и на том приступе, с которою сторону они были, побито премножество лучших; а что они, радея ему, великому государю, и всему христианству, Азов говорили взять привалом, и то он оставил; он же не хотя наследия христианского видеть, самых последних из них удержал под Азовом октября до 3 числа; а из Черкаского 14 числа пошел степью, чтоб их и до конца всех погубить, и идучи, ели мертвечину и премножество их пропало. И в 206 году Азов привалом взяли и оставлены город строить, и работали денно и нощно во весь год пресовершенною трудностию. И из Азова сказано им идти к Москве: и по вестям были они в Змиеве, в Изюме, в Цареве Борисове, на Мояке, в самой последней скудости; и из тех мест велено им идти в полк к боярину и воеводе к князю М. Г. Ромодановскому в Пустую Ржеву на зимовье, не займу я Москвы; и они, радея ему, великому государю, в тот полк шли денно и нощно, в самую последнюю нужду осенним путем, и пришли чуть живы; и, будучи на польском рубеже, в зимнее время, в лесу, в самых нужных местах, мразом и всякими нуждами утеснены, служили, надеясь на его, великого государя, милость. И по указу велено все полки новгородского разряду распустить; а боярин и воевода Ромодановский, выведчи их из Торопца по полкам, велел рубить, а за что, не ведают. Они же, слыша, что в Москве чинится великое страхование и от того город затворяют рано, а отворяют часу в другом дня или в третьем, и всему народу чинится наглость: им слышно же, что идут к Москве немцы, и то знатно последуя брадобритию и табаку во всесовершенное благочестия испровержение».

Зорин требовал, чтоб челобитная была прочтена перед всем царским войском. Разумеется, это требование не было исполнено, и Шеин мог ясно видеть из челобитной, куда заходит дело, когда, с одной стороны, было выставлено право-

славие, а с другой — еретик Францко Лефорт; под скромным именем челобитной это была злая выходка против царя, прикрытая выходкою против его любимца. Шеин мог ясно видеть, что переговоры, увещания усилили только дерзость стрельцов, тогда как успех против них не мог быть сомнителен: это была нестройная толпа, не имевшая предводителя, при недостаточной артиллерии. Начали приготовляться к битве; в обеих ратях служили молебны; стрельцы исповедались и дали клятву помереть друг за друга безо всякой измены. В последний раз послано им сказать, чтоб положили оружие и в винах своих добили челом государю, в противном случае начнется стрельба из пушек; стрельцы отвечали: «Мы того не боимся, видали мы пушки и не такие!» Но Шеин и тут шел постепенно: увидавши неуспешность переговоров, увещаний и угроз на словах, он попробовал постращать посильнее, велел выстрелить, но так, что ядра перелетели через головы стрельцов. Это еще более их ободрило: они стали распускать знамена, бросать вверх шапки и готовиться к бою. Но другой залп — и стрельцы замялись, несмотря на то что некоторые кричали: «Пойдем против большого полка грудью напролом, и хотя б умереть, а быть на Москве!» Еще два залпа — и немного их осталось в обозе, который немедленно был занят царскими войсками. Битва продолжалась не более часу. В царском войске было ранено только 4 человека, один смертельно, у стрельцов убито 15 человек и ранено, большею частию смертельно, 37 [196]. Разбежавшиеся из обоза были переловлены; Шеин «разбирал и смотрел у них, кто воры и кто добрые люди, и которые в Москве бунт заводили? и после того были розыски великие и пытки им, стрельцам, жестокие и по тем розыскам многие казнены и повешены по дороге; остальных разослали в тюрьмы и монастыри под стражу». С пытки винились в том, что было сделано в Торопце и по выходе из него на Двине; но никто не сказал о письме от царевны.

Получив от Ромодановского — короля известие о бунте стрельцов и движении их к Москве, Петр отвечал ему: «Пишет, ваша милость, что семя Ивана Михайловича растет: в чем прошу вас быть крепким; а кроме сего ничем сеи огнь угасить не можно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела (поездки в Венецию), однако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете». Ромодановский пишет о возмущении стрельцов, а Петру представляется, что растет семя Милославского! Остальные слова, что «только крепостию можно угасить сеи огнь», уже показывают сильное раздражение, которое внушало убеждение в необходимости крайних мер для уничтожения зла. Привести в ужас противников, кровью залить сопротивление — эта мысль обыкновенно приходит в голову революционным деятелям в разгаре борьбы,

при сильном ожесточении от сопротивления, при опасении за будущность свою и за будущность проводимого начала. Зловещий ответ Ромодановскому обещал Москве *террор*.

На дороге из Вены в Россию Петр получил известия о прекращении бунта победою Шеина. Между прочим Виниус писал: «Ни един не ушел; по розыску пущие из них посланы в путь иной темной жизни с возвещением своей братьи таким же, которые, мню, и в ад посажены в особых местах для того, что, чаю, и сатана боится, чтоб в аде не учинили бунту и его самого не выгнали из его державы»[197].

26 августа по Москве разнеслась весть, что накануне приехал царь; побывал кой-где, был у девицы Монс; не был во дворце, не видался с женою; вечер провел у Лефорта, ночевать уехал в Преображенское. В этот вечер или в эту ночь решено было дело, которое на другой день должно было изумить Москву и многих поразить ужасом.

Петр возвратился в Москву в сильном раздражении: семя Ивана Милославского, стрельцы, пошли опять ему наперекор; перед отъездом Соковнин, Цыклер, стрельцы; только что отдохнул за границею, занявшись любимыми делами, как опять стрельцы не дают продолжать путешествия. Но стрельцы — это только застрельщики, это только вооруженная сила, за которою стоит масса людей, противных преобразованию, противных всему тому, чем уже заявил Петр свою деятельность, с чем связал себя невозвратно, без чего не может существовать. Петр хорошо знал, как смотрели эти люди на его деятельность; он не откажется в угоду им от этой деятельности, напротив, он ее усилит и, следовательно, возбудит против себя еще большую ненависть, большее ожесточение; сознание этого ожесточения в других страшно ожесточает его самого; он готов к борьбе на жизнь и на смерть, он возбужден, он кипит, первый пойдет напролом, он бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его: это знамя — борода, это знамя — старинное длинное платье.

Но мы не можем остановиться здесь на одних личных побуждениях Петра и выпустить из внимания общий ход народного дела. До Петра народ повернул к Западу, до Петра начал работать новому началу, и это должно было непременно высказаться в одежде и волосах. Удивляться нечего этому явлению, которое повторяется беспрерывно в глазах наших: человек прежде всего в своей наружности, в одежде и уборке волос старается выразить состояние своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремления. Как только признано превосходство иностранца, обязанность учиться у него, так сейчас же является подражание, которое естественно и необходимо начинается со внешнего, с одежды, с убранства волос, а тут еще твердили, что в покрое платья выказывается разум народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него

иностранцы зовут нас варварами, особенно нерасчесанные волосы делают нас мерзкими, смешными, какими-то лесовиками [198]. Уже при Борисе Годунове при первом движении к Западу начинается между русскими подражание иностранцам в наружности, начинается бритье бород и тут же начинаются против этого сильные выходки хранителей старины. При царе Алексее Михайловиче, с усилением движения к Западу, усиливается и брадобритие: мы видели, как ревностный блюститель отеческих преданий Аввакум не хотел благословить сына боярина Шереметева, потому что тот явился к нему в *блудоносном образе,* т. е. с бритою бородою [199]. Ревнители отеческих преданий употребили все свои усилия, чтоб искоренить «еллинские, блуднические, гнусные обычаи», и достигли, по-видимому, своей цели, когда правительство, в угоду им, начало отнимать чины за подрезывание волос [200]. Но эта ревность была вредна только ревнителям, которые были не в состоянии остановить рокового движения и только раздражали противников, заставляли их относиться к бороде и старому длинному платью так же враждебно, как ревнители относились к блудоносному образу: борода стала знаменем в борьбе двух сторон, и понятно, что когда победит сторона нового, то первым ее делом будет низложить враждебное знамя. Движение, долженствовавшее привести к этой победе, шло безостановочно: в 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ всему синклиту и всем дворянам и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежних длинных охабней и однорядок: в охабне или однорядке никто не смел являться не только во дворец, но и в Кремль [201]. Патриарх Иоаким с отчаянием увидел, что еллинский, блудннческий, гнусный обычай брадобрития явился с новою силою: опять загремел против него патриарх: «Еллинский, блудннческий, гнусный обычай, древле многащи возбраняемый, во днех царя Алексея Михайловича всесовершенно искорененный, паки ныне юнонеистовнии начаша образ, от бога мужу дарованный, губити». Патриарх отлучает за брадобритие от церкви, отлучает и тех, которые с брадобрийцами общение имеют [202] — тщетные усилия, обращающиеся только во вред авторитету церкви и духовенства. Преемник Иоакима Адриан издал также сильное послание против брадобрития, еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам; патриарх стращал русских людей вопросом: если они обреют бороды, то где станут на страшном суде; «с праведниками ли, украшенными брадою, или с обритыми еретиками?» [203]

Эти выходки служат для нас лучшим мерилом силы стремления, против которого они делались, лучшим мерилом силы раздражения, какое должны были возбуждать в людях «юнонеистовых». Заметим также, что способ, употребленный

Петром против бород и русского платья, был завещан ему предшественниками, и другой способ был тогда немыслим: указом царь Алексей Михайлович вооружился против брадобрития, наказывая ослушников понижением в чинах; указом царь Федор Алексеевич велел носить короткие кафтаны вместо длинных охабней и однорядок; патриарх с своей стороны отлучением от церкви наказывал за еллинский обычай: Петр точно таким же насильственным образом выводит бороды и русское платье. Наконец, заметим еще одно обстоятельство: без сомнения, первым делом Петра по приезде в Москву было потребовать розыскное дело о стрельцах, и легко понять, с каким чувством читал он челобитную их, наполненную злыми выходками против Франца Лефорта (т. е. против самого Петра), против немцев, последующих брадобритию. — Я немец, последующий брадобритию: так вот же вам ваши бороды!

Утром 26 августа толпа всякого рода людей наполняла деревянный Преображенский дворец, где Петр жил запросто, принимая вместе с знатью людей самых простых. Тут, разговаривая с вельможами, он собственноручно обрезывал им бороды, начиная с Шеина и Ромодановского; не дотронулся только до самых почтенных стариков, которым вовсе не к лицу была новая мода: до Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алегуковича Черкаского[204], они одни и остались с бородами; другие догадались, в чем дело, и начали бриться; недогадливым было сделано еще внушение: 1 сентября, в тогдашний новый год, был большой обед у Шеина, некоторые явились с бородами, но теперь уже не сам царь, а царский шут упражнялся в обрезывании бород[205]. Кто после того не хотел бриться, должен был платить известную пошлину.

Дело было начато, вызов брошен людям, провозглашавшим брадобритие блудною, еретическою новостию; но Петр не дал им опомниться от этого удара, сразил новым ужасом, начавши кровавый розыск против стрельцов, которые осмелились с оружием в руках пойти против немцев, последующим брадобритию. С половины сентября начали привозить в Москву стрельцов, оставшихся в живых после первого Шеиновского розыска, и наполнили ими окрестные монастыри и села; всего было более 1700 человек. В Преображенском в 14 застенках начались пытки с 17 сентября — печальный день именин Софьи, когда 16 лет тому назад без суда казнены были Хованские. Пытки отличались неслыханною жестокостию[206] Добыто было признание, что стрельцы хотели стать под Девичьим монастырем и звать Софию в управительство; наконец один стрелец, с третьего огня, признался, что было к ним послано от царевны Софьи письмо, которое Тума принес из Москвы в Великие Луки; то же показано

было и некоторыми другими стрельцами; дело дошло до стрельчих, оговоренных в передаче письма, до женщин, живших при Софье в монастыре, при сестре ее Марфе; женщины были пытаны и показали уже известное нам о сношениях двух сестер и о передаче письма стрельцу [207].

Между тем делались страшные приготовления к казням: ставили виселицы по Белому и Земляному городам, у ворот под Новодевичьим монастырем и у четырех съезжих изб возмутившихся полков. Патриарх вспомнил, что его предшественники в подобных случаях становились между царем и жертвами его гнева, *печаловались* за опальных, утоляли кровь: Адриан поднял икону богородицы и отправился в Преображенское к Петру. Но богатырь расходился, никто и ничто его не удержит, завидев патриарха, он закричал ему: «К чему это икона? разве твое дело приходить сюда? убирайся скорее и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю бога и пресвятую его матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших» [208].

Петр сам допросил обеих сестер, замешанных в дело, Марфу и Софью. Марфа призналась, что говорила Софье о приходе стрельцов, о их желании видеть ее, Софью, на царстве; но отреклась, что никакого письма не передавала стрельчихе. Софья, спрошенная про письмо, переданное стрельцами от ее имени, отвечала: «Такова письма, которое к розыску явилось, от ней в стрелецкие полки не посылывано. А что те стрельцы говорят, что пришед было им к Москве, звать, ее царевну, попрежнему в правительство, и то не по письму от нее, а знатно потому, что она со 190 года была в правительстве».

30 сентября была первая казнь: стрельцов, числом 201 человек, повезли из Преображенского в телегах к Покровским воротам; в каждой телеге сидело по двое и держали в руке по зажженной свече; за телегами бежали жены, матери, дети с страшными криками. У Покровских ворот в присутствии самого царя прочитана была сказка: «В распросе и с пыток все сказали, что было придтить к Москве, и на Москве, учиня бунт, бояр побить и Немецкую слободу разорить, и немцев побить, и чернь возмутить, всеми четыре полки ведали и умышляли. И за то ваше воровство указал великий государь казнить смертию». По прочтении сказки осужденных развезли вершить на указные места; но пятерым, сказано в деле, отсечены головы в Преображенском; свидетели достоверные [209] объясняют нам эту странность: сам Петр собственноручно отрубил головы этим пятерым стрельцам. 11 октября новые казни вершено 144 человека; на другой день — 205, на третий — 141; семнадцатого октября — 109; осьмнадцатого — 63,

девятнадцатого — 106, двадцать первого — 2. 195 стрельцов повешено под Новодевичьим монастырем, перед кельею царевны Софьи, трое из них, повешенные подле самых окон, держали в руках челобитные, «а в тех челобитных написано против их повинки»[210]. В Преображенском происходили кровавые упражнения; здесь 17 октября приближенные царя рубили головы стрельцам: князь Ромодановский отсек четыре головы; Голицын, по неуменью рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра *Алексашка* (Меншиков) хвалился, что обезглавил 20 человек; полковник Преображенского полка Блюмберг и Лефорт отказались от упражнений, говоря, что в их землях этого не водится. Петр смотрел на зрелище, сидя на лошади, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело трепетными руками[211]. «А у пущих воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами; и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали; и по указу великого государя один из них застрелен из фузеи, а застрелил его преображенский сержант Александр Меншиков. А попы, которые с теми стрельцами были у них в полках, один перед тиунскою избою повешен, а другому отсечена голова и воткнута на кол, и тело его положено на колесо»[212]. Целые пять месяцев трупы не убирались с мест казни, целые пять месяцев стрельцы держали свои челобитные перед окнами Софьи.

Кроме розыска стрельцами, взятыми под Воскресенским монастырем, шел еще розыск по азовскому делу. Когда узнали в Черкасске на Дону о поражении стрельцов под Воскресенским монастырем, то козаки говорили писарю, приехавшему из Воронежа: «Знать ты *потешный,* дай только нам сроку, перерубим мы и самих вас, как вы стрельцов перерубили. Если великий государь к заговенью в Москве не будет и вестей никаких не будет, то нечего государя и ждать! а боярам мы не будем служить и царством им не владеть, и атаман нас Фрол (Минаев) не одержит, и Москву нам очищать. Мы Азова не покинем; а как будет то время, что идти нам к Москве, и у нас молодцы с реки не все пойдут, и река у нас впусте не будет, пойдем хотя половиною рекою, а до Москвы города будем брать и городовых людей с собою брать, и воевод будем рубить или в воду сажать». Когда в Азове узнали о событиях под Воскресенским монастырем, то стрельцы начали говорить: «Отцов наших и братьев и сродичев порубили, а мы в Азове зачтем, начальных людей побьем». Монахи распустили слух, что четыре полка стрельцов и солдат Преображенского и Семеновского полков, которые были посланы против стрельцов, но с ними не бились, порублены все, а царе-

вич окопался на Бутырках. Монахи говорили стрельцам: «Дураки вы б..... дети, что за свои головы не умеете стоять, вас и остальных всех немцы порубят, а донские козаки давно готовы». Стрелец Парфен Тимофеев говорил: «Когда бунтовал Разин, и я ходил с ним же: еще я на старости тряхну!» а другой стрелец, Бугаев, толковал: «Стрельцам ни в Москве, ни в Азове житья нигде нет: на Москве от бояр, что у них жалованье отняли без указу; в Азове от немец, что их на работе бьют и заставливают работать безвременно. На Москве бояре, в Азове немцы, в земле черви, в воде черти». Кроме азовского еще новый розыск: стрелецкий полковой поп донес, что в Змиеве в шинке стрельцы толковали о своей беде, сбирались со всеми своими полками, стоявшими в Малороссии, идти к Москве; первые должны были попасть на их копья — боярин Тихон Стрешнев за то, что у них хлеба убавил, Шеин за то, что ходил под Воскресенский монастырь. А как будут брать наряд в Белгороде, убить прежде всего боярина князя Якова Фед. Долгорукова, если наряда не даст. В походах говорили: «Боярин князь Яков Фед. Долгорукий выбил нас в дождь и в слякоть; чем было нам татар рубить, пойдем к Москве бояр рубить» [213].

11 октября, во второй день казней Петр созвал собор из всех чинов людей [214], которому поручил исследовать злоумышление царевны Софьи и определить, какому наказанию она должна быть подвергнута. Решение собора неизвестно; царевну можно было сильно подозревать; но для прямого доказательства ее вины розыск не мог ничего представить. Мы видели, что отвечала Софья брату: «Письма я никакого не посылала, но стрельцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею». Чтоб уничтожить связь между этим прошедшим и будущим, чтоб впредь никто не мог желать ее на правительство, лучшим средством было пострижение. Софья была пострижена под именем Сусанны и оставлена на житье в том же Новодевичьем монастыре под постоянною стражею из сотни солдат. Сестры ее могли ездить в монастырь только на Светлой неделе и в монастырский праздник Смоленской иконы (28 июля), да еще в случае болезни монахини Сусанны; Петр сам назначил доверенных людей, которых можно было посылать с спросом о ее здоровье, и приписал: «А певчих в монастырь не пускать: поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют *спаси от бед,* а в паперти деньги на убийство дают» [215].

Софья была оставлена в подмосковном монастыре; гораздо виновнее по следствию являлась сестра ее Марфа, которая сама призналась, что сообщила сестре о приходе стрельцов и желание их видеть ее, Софью, правительницею, а постельница Марфы утверждала, что царевна получила

челобитную от стрельцов и от нее шло письмо к Туме. Марфу постригли под именем Маргариты в Успенском монастыре Александровской слободы (теперь города Александрова Владимирской губернии) [216].

Еще прежде сестер Софьи и Марфы Петр постриг жену свою, царицу Евдокию Федоровну. Из известного нам образа жизни Петра с его компаниею, Петра — плотника, шкипера, бомбардира, вождя новой дружины, бросившего дворец, столицу для беспрерывного движения, — из такого образа жизни легко догадаться, что Петр не мог быть хорошим семьянином. Петр женился, т. е. Петра женили 17 лет, женили по старому обычаю, на молодой, красивой женщине, которая могла сначала нравиться. Но теремная воспитанница не имела никакого нравственного влияния на молодого богатыря, который рвался в совершенно иной мир; Евдокия Федоровна не могла за ним следовать и была постоянно покидаема для любимых потех. Отлучка производила охлаждение, жалобы на разлуку раздражали. Но этого мало; Петр повадился в Немецкую слободу, где увидал первую красавицу слободы, очаровательную Анну Монс, дочь виноторговца. Легко понять, как должна была проигрывать в глазах Петра бедная Евдокия Федоровна в сравнении с развязною немкою, привыкшею к обществу мужчин, как претили ему приветствия вроде: лапушка мой, Петр Алексеевич! [217] в сравнении с любезностями цивилизованной мещанки. Но легко понять также, как должна была смотреть Евдокия Федоровна на эти потехи мужа, как раздражали Петра справедливые жалобы жены и как сильно становилось стремление не видать жены, чтоб не слыхать ее жалоб. Опостылела жена; должны были опостылеть и ее родственники Лопухины, и Льву Кирилловичу Нарышкину легко было избавиться от соперников: мы видели, какие страшные слухи ходили по Москве об участи самого видного из Лопухиных. А всему виною проклятые немцы, проклятый Лефорт, которому вместе с Плещеевым приписывали доставление Петру развлечений, особенно неприятных царице [218] И вот у Лопухиных к Лефорту ненависть страшная. Рассказывают, что однажды за обедом у Лефорта один из Лопухиных побранился с хозяином, кинулся на него и помял прическу, а Петр за это надавал пощечин Лопухину [219]. Перед отъездом Петра за границу, когда удаляли из Москвы всех ненадежных людей [220], удалены были и отец царицы с двумя братьями: «Марта в 23 день великий государь указал быть в городах на воеводствах: на Тотме боярину Федору Авраамовичу, на Чаронде боярину Василию Авраамовичу да с ним племяннику его стольнику Алексею Андрееву сыну, в Вязьме стольнику Сергею Авраамову сыну Лопухиным, и с Москвы в те городы ехать им вскоре [221]. После всего этого Петру, разумеется, не хотелось возвратиться из-за границы

в Москву и застать здесь подле сына -- постылую Евдокию. Женившись по старине, Петр задумал и избавиться от жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимую постричься, а не согласится — постричь и насильно. Из Лондона он писал Нарышкину, Стрешневу и духовнику Евдокии, чтоб они уговорили ее добровольно постричься. Стрешнев отвечал, что она упрямится, а духовник человек малословный, и что надобно ему письмом подновить[222].

Ничто не подействовало, и Петр по возвращении в Москву решился принудить Евдокию постричься. 23 сентября[223] Евдокию отправили в суздальский Покровский девичий монастырь, где и была пострижена под именем Елены в июне следующего 1699 года[224]. Причина этой медленности неизвестна; сохранилось только любопытное известие от сентября 1698 года, что царь рассердился на патриарха, зачем не исполнено его повеление и Евдокия еще не пострижена, патриарх сложил всю вину на архимандрита и четырех священников, которые не соглашались на пострижение, как на дело незаконное, и отвезены были за это ночью в Преображенское[225]. Малолетнего царевича Алексея, по отъезде матери, перевезли к тетке, царевне Наталье Алексеевне.

В древней летописи Русской находится любопытный рассказ, как великий князь Владимир разлюбил жену свою Рогнеду, как та хотела его за это убить, не успела и приговорена была мужем к смерти; но когда Владимир вошел в комнату Рогнеды, чтоб убить ее, то к нему навстречу вышел маленький сын их Изяслав и, подавая меч Владимиру, сказал: «Разве ты думаешь, что ты здесь один?» Владимир понял смысл слов сына и отказался от намерения убить жену. Но обыкновенно мужья и жены, когда ссорятся, забывают, что они не одни; и Петр, постригая жену, забыл, что он не один, что у него остался сын от нее.

Печальные события лета и осени 1698 года держали Петра в сильном раздражении, которое в некоторых случаях выражалось порывами бешенства. 14 сентября на пиру у Лефорта Петр начал браниться с Шеиным и выбежал вон, чтоб справиться, сколько Шеин за деньги наделал полковников и других офицеров. Возвратился в страшной ярости, выхватив шпагу, ударил ею по столу и сказал Шеину: «Вот точно так я разобью и твой полк, и с тебя сдеру кожу». Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановский и Зотов стали защищать Шеина; Петр бросился на них, ударил Зотова по голове, Ромодановского по руке, так что едва не отсек пальцев; Шеин был бы убит, если б Лефорт не удержал Петра, получивши и сам порядочный удар. Все были в ужасе, но *молодой фаворит* умел успокоить Петра, который потом весело пропировал до утра[226].

Этот молодой фаворит был сержант Преображенского полка Александр Данилович Меншиков, известный в описываемое время больше под именем Алексашки. Относительно происхождения знаменитого впоследствии светлейшего князя нет никаких противоречий в источниках: современники иностранцы единогласно говорят, что Меншиков был очень незнатного происхождения; по русским известиям, он родился близ Владимира и был сыном придворного конюха [227]. Известно, какое значение получили при Петре потешные конюхи, как из них преимущественно сформировались потешные полки Преображенский и Семеновский; отсюда понятно, каким образом отец Меншикова попал в капралы Преображенского полка [228]. Следовательно, официальный акт, жалованная грамота на княжеское достоинство Меншикову говорит совершенно справедливо, что родитель Александра Даниловича служил в гвардии. Но при этом мы не имеем никакого права не допускать известия, что сын потешного конюха, который долго не назывался иначе, как Алексашка, торговал пирогами, ибо все эти мелкие служилые люди и сами, как только могли, и дети их промышляли разными промыслами; не имеем никакого права отвергать следующий рассказ очевидца [229]. Петр, рассердившись однажды сильно на князя Меншикова, сказал ему: «Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был? Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам, кричи: пироги подовые! как делывал прежде. — Вон!» — и вытолкал его из комнаты. Меншиков обратился к императрице Екатерине, которая успела развеселить мужа, а между тем Меншиков добыл себе кузов с пирогами и явился с ним к Петру. Государь рассмеялся и сказал: «Слушай, Александр! перестань бездельничать, или хуже будешь пирожника». Гнев прошел совершенно. Меншиков пошел за императрицею и кричал: *пироги подовые!* а государь вслед ему смеялся и говорил: «Помни, Александр!» — «Помню, ваше величество, и не забуду. *Пироги подовые!*» [230].

Алексашка, вследствие фавора, уже и в описываемое время выдавался вперед между приближенными к царю и по смерти Лефорта займет его место, никого не будет ближе его к Петру, но вместе с тем от Лефорта перейдет к нему печальное наследство — ненависть людей, которые будут против Петра и дел его. Наружность фаворита была очень замечательна: он был высокого роста, хорошо сложен, худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами; любил одеваться великолепно и главное, что особенно поражало иностранцев, был очень опрятен, качество, редкое еще тогда между русскими. Но не одною наружностью мог он держаться в приближении: люди внимательные и беспристрастные признали в нем большую проницательность, удивлялись

необыкновенной ясности речи, отражавшей ясность мысли, ловкости, с какою умел обделать всякое дело, искусству выбирать людей. Так являлся Меншиков своею светлою стороной; обратимся к темной. Это была необыкновенно сильная природа: но мы уже говорили, как становится страшно перед сильными природами в обществе, подобном русскому в описываемое время. Все, что было сказано о Петре, прилагается к его птенцам, его сподвижникам; все это силы, для которых общество выработало так мало сдержек. В обществе подобного рода, как в широком степном пространстве, где нет определенных, искусственно проложенных дорог, каждый может раскатываться во всех направлениях. Везде и всегда один и тот же закон: сила не остановленная будет развиваться до бесконечности; не направленная будет идти вкось и вкривь. У Меншикова и товарищей его была большая сила, потому они и оставили имена свои в истории; но где они могли найти сдержку своим силам? — в силе сильнейшего? Этой силы было недостаточно: лучшим доказательством служит то, что этот сильнейший должен был употреблять пощечины и палку для сдерживания своих сподвижников, а употребление таких средств — лучшее доказательство слабости того, кто их употребляет, лучшее доказательство слабости общества, где они употребляются. Силен был, кажется, Петр Великий лично, силен был и неограниченною властию своею, а между тем мы знаем, как он был слаб, как не мог достигнуть непосредственно при жизни своей самых благодетельных целей, ибо не может быть крепкой власти в слабом, незрелом обществе; власть вырастает из общества и крепка, если держится на твердом основании; на рыхлой почве, на болоте ничего утвердить нельзя.

Выхваченный снизу вверх, Меншиков расправил свои силы на широком просторе; силы эти, разумеется, выказались в захвате почестей, богатства; разнуздание при тогдашних общественных условиях, при этом кружившем голову перевороте, при этом сильном движении произошло быстро. Мы увидим, что Меншиков ни перед чем не остановится. И в описываемое время сержант Алексашка уже показывал страшное честолюбие. Петр не питал слепой привязанности к своему любимцу: когда кто-то просил царя, чтоб пожаловал Алексашку в стольники, то Петр отвечал, что Алексашка и без того употребляет во зло свое значение и что надобно уменьшать в нем честолюбие, а не увеличивать [231]. После Петр не пожалеет никаких почестей для Меншикова, когда заслуги последнего станут явны перед всеми.

В своем раздражении Петр не щадил ни старого, ни нового любимца: заставши однажды Меншикова пляшущего в шпаге, он так ударил его, что у того полилась кровь из ноздрей; а потом, на пиру у полковника Чамберса, он схватил

Лефорта, бросил на землю и топтал ногами[232]. Тяжелая мысль давила Петра и увеличивала раздражение; при сравнении того, что он видел за границею, и того, что нашел в России, страшное сомнение западало в душу: можно ли что-нибудь сделать? не будет ли все сделанное с громадными усилиями жалким и ничтожным в сравнении с тем, что он видел на Западе? Ограничиться бедными начатками, не видать важных результатов своей деятельности — было тяжело для богатыря, кипевшего такими силами. Особенно, как видно, приводило его в отчаяние любимое дело, кораблестроение, при воспоминании о том, что он видел в Голландии и Англии, и о том, что оставил в Воронеже. Через два дни после осенних стрелецких казней, вечером 23 октября, Петр поехал в Воронеж и оттуда писал Виниусу: «Мы, слава богу, зело в изрядном состоянии нашли флот и магазеи обрели. *Только еще облак сомнения закрывает мысль нашу, да не укоснеет сей плод, яко фиников, которого насаждающи не получают видеть. Обаче надеемся на бога с блаженным Павлом: подобает делателю от плода вкусити».* — «Только еще облак сомнения закрывает мысль нашу», — значит сомнение тяготило в Москве и найденное изрядное состояние флота и магазеев не могло прогнать его. В другом письме пишет: «А здесь, при помощи божией, препораториум великий, только ожидаем благого утра, *дабы мрак сумнения нашего прогнан был.* Мы здесь начали корабль, который может носить 60 пушек». Тяжкое сомнение, которое отняло бы руки у другого, не привело, однако, Петра к бездействию; он работал так же неугомимо, как и до поездки за границу. А между тем происходили любопытные явления, характеризующие время. Лучшим из учеников *морского дела,* посланных Петром за границу, оказался Скляев, находившийся с царем в постоянной переписке. Он в описываемое время возвратился из-за границы и должен был ехать к царю в Воронеж. Петр ждет с нетерпением нужного человека — нет Скляева! Наконец приходит весть, что он вместе с товарищем своим Верещагиным в руках страшного пресбургского короля. Петр пишет Ромодановскому: «В чем держать наших товарищей, Скляева и Лукьяна (Верещагина)? Зело мне печально. Я зело ждал паче всех Скляева, потому что он лучший в сем мастерстве, а ты изволил задержать. Бог тебе судит! Истинно никого мне нет здесь помощника. А чаю дело не государственное. Для бога, свободи (а какое до них дело, я порука по них) и пришли сюды». Ромодановский отвечал: «Что ты изволишь ко мне писать о Лукьяне Верещагине и о Скляеве, будто я их задержал, — я их не задержал, только у меня сутки ночевали. Вина их такая: ехали Покровскою слободою пьяны и задрались с солдаты Преображенского полку, изрубили двух человек солдат, и по розыску явилось на обе стороны неправы; и

я, розыскав, высек Скляева за его дурость, также и челобитчиков, с кем ссора учинилась, и того часу отослал к Федору Алексеевичу (Головину). В том на меня не прогневись: не обык в дуростях спускать, хотя б и не такова чину были»[233].

Ромодановский в отсутствие царя должен был заниматься не одним разбором ссоры Скляева с преображенскими солдатами. Тотчас по отъезде Петра в Воронеж по Москве пошли слухи, что начались тайные сборища недовольных; гонец, отправленный ночью к царю с письмами и дорогими инструментами, был схвачен на Каменном мосту и ограблен; письма нашли на другой день разбросанными по мосту, но инструменты и сам гонец пропали[234]. В конце 1698 года царь возвратился в Москву и на Рождестве тешился одною из любимых своих забав: переряженный с большою свитою на 80 санях ездил славить Христа; хозяева домов, куда приезжали славильщики, должны были давать им деньги; богач князь Черкаский был щедрее всех; но один купец дал на всю компанию только 12 рублей; Петр рассердился, набрал на улице сотню мужиков и привел к скупому купцу, который должен был теперь дать каждому мужику по рублю[235]. В январе опять 10 застенков в Преображенском для оставшихся стрельцов; в феврале снова казни сотнями и опять *упражнения* самого царя с помощию Плещеева[236]. В конце февраля начали вывозить трупы из Москвы: более тысячи было вывезено за заставы и там несколько времени лежали кучами, пока наконец зарыты в землю[237].

За несколько дней пред казнями был пир у Адама Вейде, но царь сидел погруженный в мрачную думу[238]. Лефорт истощал свою изобретательность, чтоб развлечь его. Великолепный дом, построенный для адмирала на казенные деньги, был отстроен; назначено было большое торжество для открытия или посвящения этого храма Бахусу; шутовская процессия тянулась в Лефортов дворец из дома полковника Лимы: шествовал всешутейший Зотов, украшенный изображениями Бахуса, Купидона и Венеры, за ним вся компания: одни несли чаши, наполненные хмельными напитками, другие несли сосуды с курящимися табачными листьями[239].

Стрельцы, бунтовавшие в Торопце и Азове, были переказнены; все остальные московские и азовские стрельцы были распущены: их было запрещено принимать в солдаты, запрещено жить в Москве им и женам их[240]. Но дело не было исключительно стрелецкое; борьба разгоралась все более и более и кровь вызывала на новую кровь, пресбургский король в Преображенском не мог оставаться в бездействии. Когда стрельцов толпами начали сводить в Москву для розысков, то в народе пошел слух, что по них будут стрелять из пушек; возбудилось сочувствие, и в Преображенское был подан донос на жену стряпчего конюха Аксинью, которая говорила своему

крепостному человеку Гавриле: «Видишь, он стрельцов не любит, стал их переводить, уж он всех их переведет», а Гаврила говорил: «Чего хотеть от басурмана, он обасурманился, в среду и пятницу мясо ест; коли стал стрельцов переводить, переведет и всех, уж ожидовел и без того жить не может, чтоб в который день крови не пить». Аксинья прибавила с ругательством: «Кадошевцев от Покровских ворот до Яузких велел бить кнутом, и как их били и он за ними сам шел». Аксинью и Гаврилу казнили смертию [241]. Стрелец Петрушка Кривой в вологодской тюрьме кричал: «Ныне нашу братью стрельцов прирубили, а остальных посылают в Сибирь: только нашей братии во всех сторонах и в Сибири осталось много; а кто их заставил рубить, и у того голова его чуть на нитке держится; собрався все будем на Москве, и самому ему торчать у нас на коле; на Москве зубы у нас есть, будет у нас и тот в руках, кто нас пытал и вешал». В Преображенском Кривой не запирался и говорил: «Как я из Сибири ушел и мне было с своею братьею ссылочными и беглыми, и с теми, которые в полках, и которые стрельцы из полков написались в города, в посады, с иными видеться, а с иными списываться, за ту свою обиду и за стрелецкую казнь идти к Москве и, учиня бунт, государя и бояр побить» [242]. Как обыкновенно бывает, недовольные настоящим искали утешения в будущем; недовольные Петром обращались с надеждою к наследнику, царевичу Алексею, который не будет похож на отца. Когда одна партия стрельцов сидела за караулом в Симонове монастыре, то монастырский конюх Никита Кузьмин говорил им: «Стрельцы, которые были в Новоспаском монастыре и которые монастырские служки и крестьяне везли их на пушечный двор, говорили: не одни стрельцы пропадают, плачут и царские семена, и стрелецкие жены говорили: царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрешнева, что он их (царевен) поморил с голоду, если б де не монастыри нас кормили, мы бы давно с голоду померли, и царевич ей сказал: дай де мне сроку, я де их переберу. Стрельчихи говорили: государь свою царицу послал в Суздаль, и везли ее одну, только с постельницею да с девицею мимо их стрелецких слобод в худой карете и на худых лошадях. Как постельница из Суздаля приехала, и царевич хватился матери и стал тосковать и плакать, и царевича государь уговаривал, чтоб не плакал. И после государя царевич из хором своих вышел на перила, а за ним вышел Лев Кириллович Нарышкин, и царевич ему говорил: для чего ты за мною гоняешься, никуда не уйду. Намутила на царицу царевна Наталья Алексеевна; государь царице говорил: моли ты бога за того, кто меня от тебя осудил. Государь немец любит, а царевич немец не любит; приходил к нему немчин и говорил неведомо какие слова, и царевич на том немчине

платье сжег и его опалил. Немчин жаловался государю, и тот сказал: «Для чего ты к нему ходишь, покаместь я жив, потаместь и вы». Кузьмин объявил, что все это он слышал от Хлебенного дворца стряпчего Василья Костюрина[243]. Стрелецкие казни произвели особенно сильное впечатление на женщин, которые говорили: «Государь с молодых лет бараны рубил, и ныне руку ту натвердил над стрельцами. Которого дня государь и князь Федор Юрьевич Ромодановский крови изопьют, того дня в те часы они веселы, а которого дня не изопьют, и того дня им и хлеб не естся»[244].

Как скоро начало ослабевать впечатление стрелецкого розыска, начались выходки против бритья бород. Духовенство и в челе его патриарх находились теперь в самом затруднительном положении: они провозглашали, что брадобритие есть богоненавистное дело, и вдруг царь своим примером и приказом вводит это богоненавистное дело: оставалось или продолжать высказывать прежнее мнение, т. е. идти против верховной власти, или замолчать; предпочли, разумеется, последнее и навлекли на себя сильные укоры со стороны ревнителей отеческих преданий. В июле 1699 года знаменский архимандрит Иоасаф подал следующее извещение: «Был я на погребении у посадского человека, у церкви Зачатия в Углу, и на том погребении видя соблазн Нагого Ивашки и с ним других в волосяницах, с которыми он по рядам и по церквам ходил и деньги обманом сбирал, велел его Ивашка Нагого и волосяничника Ивашка Калинина и старца своего Герасима Босого взять за тот соблазн и посадить в цепь, а Ивашка Нагого велел взять к себе в келью, потому что он безмолвствовал и ни с кем не говорил при многих людях, и стал я ему говорить, что он по рядам и по погребениям ходит и деньги сбирает; и он сказал: в том де вины нет, а дают мне ради моей святости, и в том мне будет мзда от бога, что я брал и раздаю нищим же, и иному бы и не дали, и я де хочу и не то делать, идти в Преображенское царя обличать, что бороды бреет и с немцами водится и вера стала немецкая». Я ему сказал: проклятый сатана нагой бес! Что ты видел или от ума отошел? У нас св. патриарх глава и образ божий носит на себе, а никакого соблазну от него, государя, не слыхал. Нагой отвечал: «А какой де он патриарх? Живет из куска, спать бы ему да есть, да бережет де мантии, да клобука белова, за тем де он и не обличает, а вы де власти все накупные». Нагой в Преображенском признался, что его зовут не Иваном, а Парамоном; на пытке объявил, что про царя слышал, как читали в прологе в церквах, о патриархе сказал с проста ума, дьявол научил. Сжен огнем и с огня говорил прежние речи; приговорен к кнуту и ссылке в Азов на каторги[245].

Мы видели [246], что при царе Михаиле табак был запрещен, а в начале царствования Алексея был в употреблении и продавался от казны; но табак, испытавший повсюду такое сильное сопротивление при своем введении, испытал его и в России: ревнители отеческих преданий опять вооружились против проклятой неизвестно кем травы и вынудили у правительства самые строгие против нее меры. Петр еще до поездки за границу позволил продажу табаку; сбор пошлин с этой продажи был отдан торговому человеку гостинной сотни Мартыну Орленку; а потом, будучи в Англии, царь предоставил право исключительной торговли табаком в России маркизу Кармартену за 20 000 фунтов стерлингов (48 000 рублей) с уплатою всей суммы вперед [247]. Это позволение употреблять табак, разумеется, усилило негодование ревнителей отеческих преданий: «Какой то ныне государь, что пустил такую проклятую табаку в мир, — говорили они, — нынешние попы волки и церкви божией обругатели, а антидор против нынешней табаки, потому что попы и иных чинов люди табак пьют и принимают антидор» [248].

Усиливалась борьба, раздражение с обеих сторон, усиливались выражения неудовольствия на царя и его дела, усиливались доносы и розыски в Преображенском. Но, кроме того, нашлись люди, которые хотели воспользоваться обстоятельствами, и начали являться ложные доносы. Монахи, напившись, поехали ночью по Москве, крича встречным: «Дай дорогу, убьем!» Навстречу попался царь, который не обратил на них никакого внимания, сказавши: «Это пьяные». Но чрез несколько времени явился донос, что монахи хотели убить государя: донос шел от монахов же. Нельзя стало строгому игумену *смирить* безнравственно живущего монаха: сейчас донос на игумена в непристойных словах или замыслах [249]. Ложных доносчиков наказывали жестоко, но это мало помогало.

Дело Авдотьи Нелидовой служит лучшим доказательством, как изобретательны были люди, решавшиеся для собственного спасения тянуть других в Преображенское

В мае 1698 года стольник Петр Волынский бил челом, чтоб взять к розыску и наказать дворовую жены его Авдотью Нелидову, обвиненную в порче. Авдотья в застенке сказала за собою великого государя слово: «До азовского похода, о святой неделе и после, к жене Волынского Авдотье Федоровне, когда она еще была вдовою после князя Ив. Никитича Засекина, приезжала в дом с верху комнатная девка Жукова да с нею приезжал певчий Василий Иванов; присылала Анну из Девичья монастыря царевна Софья Алексеевна говорить вдове Авдотье: «О чем тебе царевна прежде приказывала сходить в Преображенское — ходила ли ты или нет?», — и Авдотья Анне сказала: «Была я в Преображенском и вынула

землю из-под следа государева и эту землю отдала для составу крестьянской женке Федора Петровича Салтыкова Фионе Семеновой, чтоб сделала отраву у себя в доме, чем известь государя на смерть». Спустя дня с три приехала опять Жукова и спрашивала Авдотью: куда ты дела отравное зелье. Та отвечала: «Ходила я в Марьину рощу с этим составом и не улучила времени, чтоб вылить его из кувшина в ступню государеву». Состав этот Авдотья Нелидовой показывала: красен точно кровь, причем говорила: если б мне удалось вылить его в ступню, то государь не жил бы и трех часов. Она же, вдова Авдотья, была в гостях у дьяка Лукина и, возвратясь, говорила Нелидовой: «Не знала я, что государь будет у дьяка, а если б знала, то взяла бы зелье с собою». Нелидова стала ей говорить: «За что ты на великого государя такое злое дело помышляешь?» и когда приехали ко вдове братья Воейковой, также родной брат ее Василий Головленков, то Нелидова всем им троим рассказала про замыслы боярыни, и Головленков после того не ездил недель с 30 к сестре. Боярыня рассердилась на Нелидову и сослала ее в Рязкую вотчину, приказав утопить в реке.

Женка Фиона, взятая в Преображенское, объявила, что лечит разные болезни разными зельями, но лечит простотою своею, без наговоров, бывала и у княгини Авдотьи Засекиной, лечила ее от лихорадки, а отравного зелья для нее никакого не составляла. «Я человек добрый, — говорила Фиона, — за худым делом не хожу; а Дунька Нелидова ведомая воровка; испортила кликотною болезнию двух женок да двух девок из дворни княгини Засекиной, да ученицу свою, которая выучилась шить лучше ее; хотела и боярыню свою испортить, в чем и винилась, и сослана в дальнюю вотчину».

Нелидова говорила прежние речи, прибавила, что люди Засекиной, которым велено было посадить ее в воду, пожалели и присоветовали бежать; она бежала, была поймана и отдана к розыску в порче.

Все оговоренные Нелидовою показали, что она их поклепала; Авдотья Волынская объявила только, что Жукова езжала к ней часто, потому что она ей своя. Но Нелидова и на пытке говорила прежние речи и прибавила, что Фиона сделала еще состав для Головленкова, чтоб ему любиться с царевною Марфою Алексеевною. Фиона с пытки не признавалась; наконец Нелидова со второго подъема объявила, что всех поклепала.

Не обошлось в описываемое время и без самозванства: в псковских местах ездил человек, который называл себя Преображенского полка капитаном Петром Алексеевым и обирал легковерных[250].

Дела увеличились в Преображенском; но кроме розыска этих политических преступлений пресбургский король упраж-

нялся постоянно в розысках по разбойным делам. Не должно забывать, что мы имеем дело с юным обществом, где правительство *ведет войну* с разбойниками, от которых нет житья мирным гражданам; в таких обществах герои — истребители разбойников ставятся высоко, и насчет этой деятельности князя Федора Юрьевича Ромодановского нет упреков, и сам он гордится своею кровавою деятельностию. В Голландию к Петру приехал из Москвы один из компании, знаменитый Яков Брюс, с ранами от обжоги и сказал, что князь Ромодановский обжог его на пиру под влиянием Хмельницкого. Царь по этому случаю написал Ромодановскому: «Зверь! Долго ль тебе людей жечь? И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою. Быть от него роже драной». Ромодановский отвечал: «В твоем письме написано ко мне, будто я знаюсь с Ивашкою Хмельницким, и то, господине, неправда: некто к вам приехал прямой московской пьяной, да сказал в беспамятстве своем. Неколи мне с Ивашкою знаться — *всегда в кровях омываемся.* Ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкою, а нам недосуг! А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжог, и то сделалось пьянством его, а не от меня»[251]. Петр отписал на это: «Писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал: и то правда, только на чьем дворе и при ком? А что в кровях, и от того, чаю, и больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому что непрестанно в ученьи».

Разбои производились в обширных размерах в самой Москве. Для примера приведем два письма Ромодановского к царю: «Которые воры разбивали Алмазниковых, Брагина в Новонемецкой слободе, и тех воров поймано семь человек, и в тех разбоях они винилися и многое платье, и серебряная посуда и иная рухлядь в разных местах вынята, и которых разбивали, и те многие свои животы познавали; а пущих воров, на которых они на товарищев своих говорят, сыскать не можем, ухораниваются на Москве: Васька Зверев бывал дворовый человек, другой Якушка Калачников, третий Васька Цвякун, четвертый Сидорка Алексеев, пятый Левка Левугин; да из вышеписанных воров князь Петров человек Голицына, Ивашкою зовут, Ваган оговорил в тех же разбоях князь Григорьевых людей Долгорукова дву человек, и те лица ныне на службе с ним, князь Григорьем, у вас в полку. А которые воры в тех разбоях винились и на товарищей говорят, и те воры из посацких торговых людей, из мясников, из извощиков и из боярских людей». В другом письме: «Той же шайки воров поймано 8 человек: Афонка, Попугай, Алешка Заходов, Куска Зайка, Митка Пичюга, галичанин сын боярский Петрушка Кадников, Петрушка Селезень с братьями сам третей. И из тех воров два человека — Алешка Заходов, Петрушка Кадников винились, что они с прежними разбой-

никами Калашниковым и Левугиным, и Миткою Пичюгою вновь разбили за Тверскими вороты иноземца кормового Опаева и избили его и изрезали» [252]. Из этих писем видно, что и теперь, как прежде, разбойничали преимущественно дворовые люди. 29 июня 1699 года, в вечерню, люди князя Никиты Репнина и другие напали на караульных солдат у Воскресенских ворот, били их и начального человека, наругались над ним [253]. Разбои усиливаются вследствие легкости находить притоны: в начале 1699 года пойманные разбойники объявили, что они сговаривались ездить на разбой человек по 20, 30, 40 и больше, с луками, пищалями, копьями и бердышами, а пристанища, станы и дуваны разбойной рухляди были у них за Тверскими воротами в разных слободах у посадских людей [254].

Но были разбойники другого рода, которым не нужно было приставать в слободах за Тверскими воротами. Вожен был в застенок Афанасий Зубов с людьми, с очных ставок пытан в смертном убийстве посадских людей алаторцев, что убили люди его; и он с пытки сказал, что людей на разбой посылал и сам был, только до смерти бить не велел, также и в иных разбоях винился. В то же время казнен на Болоте за разбой и смертное убийство князь Иван Шейдяков. Бил челом Тарбеев на Василья Толстого да на Семена Карандеева в том, что они стояли под дорогою и его резали. Юрий Дохтуров, Василий Долгий, Семен Карандеев да Тарбеев были у Страстной богородицы, побранились и ножами порезались. Били челом великому государю стольники Василий Желябужский с сыном Семеном на Андрея Апраксина в бою своем и увечье, что Андрей озорничеством бил их в калмыцком табуне под Филями. Андрей принес государю вину свою, что он Желябужских бил не помня, пьяным делом. Государь приказал: Желябужскому и сыну его доправить на Андрее денег вдвое против их окладов, а за лживую сказку и за озорничество его указал было государь учинить ему наказанье, бить кнутом нещадно. И по упрошению царицы Марфы Матвеевны (урожденной Апраксиной) наказывать его государь не указал, также и по заступлению генерала Лефорта, которому Апраксин дал денег 3000 рублей за его заступление; а люди Андреевы биты кнутом. С этого дела Желябужского учрежден был правый суд, велено чинить во всяких делах розыски, а суды и очные ставки с тех пор оставлены [255].

Как трудно было решать дела подобных господ, видно из письма Ромодановского к царю: «Что ты, господине, писал ко мне о деле Хилкова с боярином Кондратьем Фомичем Нарышкиным, чтоб его по прежней подписной челобитной отдать, и я за то дело не стою, только мне впредь никаких дел по твоей воле имать нельзя, потому что мне всегда в ругательстве и лае быть; и в нынешнем деле, как ты мне

приказал взять сперва, и я и в те поры тебе многажды доносил, что того дела взять было мне невозможно за однородством моим (с Хилковыми), что станут на меня бить челом, и ты мне, господине, в те поры то дело велел взять и говорил мне, хотя и однородство, однако же и Лев Кириллович тебе свой же; и я по тому твоему изволению то дело и взял; а впредь как воля твоя, только дел мне никаких имать невозможно; истинно к тебе, господине, пишу не для свойства к себе Хилкова, потому что мне стало о себе» [256].

Наконец общество требовало от правительства преследования особого рода вредных людей — волшебников. В 1696 году, по челобитью всех крестьян одной из волостей Яренского уезда вор Васька Алексеев в волшебном деле расспрашиван и пытан, и винился: испортил он дьявольскими словами 10 человек и сказал их всех по именам; от Христа бога и от животворящего его креста отрекся, верует дьяволу, а учился он тому воровству у дяди своего родного Напалкова, а дядя его Парфенев тому волшебству умеет же. Другой, Мишка Алексеев, винился: испортил он воровским словом четверых, напустил на них икот; а учился он, Мишка, тому воровству у Сергушки Шелепанова. И Сергушка сыскан же и расспрашиван и повинился, что они православной христианской веры чужи, от Христа бога и животворящего креста господня отреклись, веруют сатане и над крестом господним ругаются; а носят они крест на себе, будто они христиане для людей, чтоб не догадались, и испортил он, Сергушка, Акилинку Игнашкину жену до смерти. Да Сергушка и Мишка сказали у пытки: у порченных людей икоты напрасно на неповинных людей не говорят; кто кого испортил, на того и говорят, а меж себя друг на друга отводить не могут же».

Мы видели, что имущество мирных граждан одинаково страдало как от разбойников, так и от воевод; дела по воеводским злоупотреблениям не прекращались в описываемое время, что должно было вызвать преобразователя к решительной мере. Прежде признано было хорошим средством против воевод не держать их в городах более двух лет, после же этого срока оставлять на прежних местах только по челобитной граждан. Некоторые воеводы начали хлопотать, как бы вынудить у горожан челобитную: в конце 1695 года пришла челобитная из Старого Оскола, что некоторые из тамошних торговых людей составили воровскую челобитную, будто от всех городских людей, чтоб старооскольскому воеводе Матвею Афросимову быть воеводою третий год, тогда как остальные старооскольцы и уездные люди про челобитную не ведают. По сыску сын боярский Сукин сказал: «Зазвал меня к себе в хоромы воевода, и я к составной челобитной руку приложил по неволе для того, что воевода хотел было меня бить до смерти». Приказной избы подьячий объявил, что

приложил руку вместо старооскольца Сорокина заочно, потому что воевода угрожал разореньем и боем, и т. д. Во Мценске воевода Тутолмин ямского прикащика Петра Смирнова своими руками тростью бил и, раздев, батогами бил же, за то, что прикащик разрядному подьячему без подорожной подвод не дал и дать было ему не по чему; и от того боя прикащик умер. Юрий Салтыков жаловался: бил я челом на вяземских драгун, рейтар, стрельцов и посадских людей в денном их приходе и приезде и разореньи вяземской моей вотчины деревни Бородиной. Вяземскому воеводе велено тех приходчиков и приезжиков отослать в Можайск к розыску; в Можайск взято четыре человека посадских людей, и те люди в расспросе во всем винились и говорили на своих товарищей 12 человек, которых вяземский воевода захватил; но, взяв с них великие взятки, из Приказной избы освободил. Вследствие жалоб кунгурских жителей на воеводу своего Степана Сухотина наряжено было следствие в 1697 году. Перед следователем Гаврилою Дубасовым кунгурский земский староста прошлого 1695 года села Ильинского крестьянин Панкратий Никитин допрашиван, а в допросе сказал по святой непорочной евангельской заповеди господни, еже ей, ей в правду: в прошлом 1695 году о Степане Сухотине заручную челобитную, чтоб ему у них на Кунгуре воеводою быть третий год, он, Панкрашка, с посадскими людьми и с уездными крестьянами не писывал и руки прикладывать никому не веливал, а подьячий Максим Богомолов к такой челобитной вместо его, Панкрашки, руку приложил без его, Панкрашкина, веленья заочно. И, будучи на Кунгуре воеводою, Степан Сухотин и сын его Никита кунгурским людям и уездным крестьянам обиды и налоги и разоренья чинил и приметками своими великие с них взятки напрасно брал. Ездил он, Степан, в Кунгурский уезд для переписки уездных крестьян, и в то число взял у него, Панкрашки, из земской избы мирских денег 220 рублев, кроме того, что брал со всякого по два алтына; а после того взял у него же, Панкрашки, мирских денег 80 рублев, чтоб на него, Степана, им, кунгурцам, не варить пив; да с него ж, Панкрашки, нападками своими взял рубль денег; и в Кунгурском уезде на заставах кунгурских крестьян, которые ездили с Кунгура к Соликамской и в чусовские острожки с хлебом для продажи, он задерживал и без печатей своих не пропускал, и от того пропуску и от печатей зимним путем по осьми денег с воза, а летом со стругового отпуску с четверти по алтыну брал. Того ж числа земский староста нынешнего года Никита Посохин допрашиван и сказал: будучи он, Степан Сухотин, на Кунгуре, посадских людей держал в Приказной избе и в тюрьме безвинно, бил батогами и кнутом и брал деньги (следует длинное перечисление), а иных кунгурских крестьян

нападками своими разорял, и от того его воеводского разоренья кунгурские крестьяне в сибирские города бежали (следует перечисление, кто бежал); и кунгурского посадского человека Якушка Заганова в приказной избе тростью он, Степан, бил безвинно и умер он, Якушка, от тех его побой; и кунгурского земского старосту Федьку Гладкого на воеводском дворе бил безвинно; а приказной избы подьячего Красильникова пытал и велел ему на кунгурцев говорить, будто они хотят его, Степана, убить. Посадские люди сказали: в 1692 году кунгурский стрелец Афонка в сибирские города для сыску беглых людей посылан, и воеводы Сухотина сын Никита с женою Афонкиною Устюжкою насильно жил и младенца мужска пола с нею прижил; и Степан Сухотин ту Афонкину жену да сына его Мишку девяти лет к себе во двор сильно взял и за человека своего за Федьку отдал. А как Афонка приехал из Сибири, то, не допустя его до Кунгура, двух стрельцов по него Степан Сухотин посылал и в приказной избе его, Афонку, держал и нападками своими в то время у него трех лошадей, да две пищали винтовальных, да саадак с лубьем и стрелами, да две порошницы, да два арчака башкирских, да денег пять рублев взял, да в то же время в неволю письмо, чтоб о своей жене ему, Афонке, на него, воеводу, не бить челом, вымучил и закладную кабалу на сына его Мишку на имя подьячего Калашникова, будто в заемных деньгах, взял. Крестьяне сказали: воевода Сухотин в Кунгурский уезд посадских людей, площадных подьячих и стрельцов с весны в студеную пору посылал, в городе, в селах и во всех деревнях печатать избы и бани велел, и оттого со всякого двора по два алтына и по осьми копеек и по гривне себе брал, и в ту студеную пору от его разоренья роженицы и которые в скорбях младенцы от оспы безвременно помирали [257].

Преследование раскольников давало воеводам возможность поживиться. В 1697 году романовец посадский человек Пастухов повинился: «В прошлом году били на меня по крепостям челобитчики, и воевода Иван Гринков суда и правежей на меня не давал и меня укрывал, потому что я у него собак кормил и медведей, и призывал меня к себе и научал на романовцев посадских людей, что было с кого взять большие взятки. В нынешнем году взял он меня в приказную избу и расспрашивал накрепко и велел мне говорить в раскольстве на себя и на романовцев (следуют имена мужские и женские), будто они перекрещиваются и перевенчиваются; воевода обещал мне треть того, что возьмет с раскольников. Я на них говорил, и по моему ложному оговору посылал воевода, будто в раскольстве, взять оговоренных в приказную избу, и просил с них 50 рублей денег, но посадские люди сказали ему: «Пиши про нас к Москве», и Гринков отпустил их на расписку, а меня в приказной избе держал много

время, кормил и поил пивом и вином допьяна. А как приехал на Романов с приписью подьячий Карелин, то Гринков из приказной избы меня с романовцем Трусовым взял к себе на двор и держал в хоромах за замком многое время, приставил к нам сторожей, запирал в сундук и закладывал платьем. И мы ему говорили, что в сундуке лежать душно, и он прислал человека и вертели они на сундуке дыры, чтоб нам лежать было не душно. И как против челобитья головы с товарищами прислан был сыщик про нас разыскивать, и мы к розыску просились, но Гринков нас не отдал: «Что де вам живым не быть», и послал человека в усадьбу своего родного брата Федора, чтоб приехал с людьми; и как брат его приехал со многими людьми, и он послал нас с братом своим ночною порою к Москве, и к Москве приехали мы ночною порою к брату его Никифору Гринкову; Никифор дал нам денег и велел нам говорить против братних отписок, чтоб не рознились и брата его не погубили. А как я привезен был опять на Романов, то Иван Гринков прислал ко мне денег, велел говорить о раскольстве против расспроса, на кого я в расспросе говорил по его наученью, и с очных ставок чтоб слался на кожу свою и на их» (т. е. чтоб требовал пытки для себя и для ответчиков).

Старосты московских слобод обыкновенно выбирались жителями этих слобод. От 1695 года дошел до нас выбор в старосты Мещанской слободы: «По указу великих государей Мещанской слободы староста Юрья Самойлов да мещане (следуют имена) выбрали мещане лучшие и середние и меньшие статьи в старосты в нынешний в 104 год мещанина доброго человека и пожиточного Филиппа Олферьева; и будучи ему, Филиппу, в старостах великих государей и за всякими мирскими делами ходить и радеть и с мирскими людьми о государевых и о мирских делах во всем спрашиваться на совете, а сбирать ему, старосте Филиппу, в мирские расходы против прошлого году». Но в описываемое же время встречаем любопытный случай: староста бил челом, чтоб великие государи указали ему быть старостою еще на известное время за то, что он приносил казне прибыль и челобитий на него от мирских людей не было. Просьбу исполнили: «Быть в старостах, денежные доходы и хлебные запасы сбирать по окладу сполна и меж крестьян расправу чинить вправду безволокитно, чтоб от мирских людей в том никакого на него челобитья не было» [258].

Имея в виду важные и дорогие учреждения, большие военные расходы, желая как можно скорее увеличить государственные доходы и зная очень хорошо, что они могут быть увеличены только поднятием благосостояния податных людей, Петр не мог долее оставлять торговых и промышленных людей во власти воевод-кормленщиков. Как же освободить их?

Форма была готова: кроме виденного на Западе, в Малороссии, которая уже давно входила в состав государства, существовало искони городовое самоуправление или так называемое магдебургское право; подобную же форму Петр решился ввести и в великорусские города. 30 января 1699 года вышел указ об учреждении Бурмистрской палаты: «Известно великому государю учинилось, что гостям и гостиные сотни, и всем посадским, и купецким, и промышленным людям, во многих их приказных волокитах, от приказных и от разных чинов людей, в торгах их и во всяких промыслах чинятся большие убытки и разоренье; а иные оттого торгов своих и промыслов отбыли, и его, великого государя, с ним окладные многие доходы учинились в доимке, а пошлинным сборам и иным поборам большие поборы: и милосердуя, он, великий государь, об них, указал во всяких их расправных и челобитчиковых и купецких делах и в сборах государственных доходов ведать бурмистрам их, и в бурмистры выбирать им меж себя погодно добрых и правдивых людей, кого они меж себя и по скольку человек похотят; а из них по одному человеку быть в первых, сидеть по месяцу президентом»[259]. Для других городов, кроме Москвы, постановлено: «Во всех городах посадским и всяких чинов купецким и его, великого государя, волостей, сел и деревень промышленным и уездным людям сказать указ: буде они похотят, для многих к ним воеводских и приказных людей обид и налогов, поборов и взяток, в городах воеводам и приказным людям их во всяких делах не ведать, а ведать их во всяких мирских расправных и челобитчиковых делах и в сборах доходов их мирским выборным людям в земских избах»[260]. Все эти выборные люди должны были находиться в ведении московской Бурмистрской палаты (или ратуши), которая входила с докладами прямо к государю: сюда входили все собранные по городам суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе, как по именному царскому указу. За освобождение от воевод и приказных людей торговые и промышленные люди должны были платить двойной против прежнего оклад податей.

Учреждением Бурмистрской палаты начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были пробуждать общественные силы, приучать граждан к деятельности сообща, к охранению общих интересов соединенными силами, отучать от жизни *особе,* при которой каждый слабейший предавался безоружным в руки каждого сильнейшего. Но дело только что начиналось, и потому легко себе представить, как неловко бралось за него общество, какие странные привычки принесли мирские люди в свою новую деятельность. Мирские люди освобождены были от воевод и приказных людей; но по отсутствию привычки к общей деятельности, привычки отражать силу сильного соединенными силами слабых они сей-

час же между своими нажили себе насильников вроде воевод и приказных людей. В Веневе, например, земский староста с товарищами отставили от сборов выборных своих таможенных и кабацких бурмистров за то, что они им не дали денег, и выбрали других, которые дали им 120 рублей. Для предотвращения вперед подобных явлений, Петр велел как взявших деньги, так и давших положить на плаху; и от плахи подняв, бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села и волости: кто сделает это вперед, тем быть в смертной казни без пощады [261]. Но одни жестокие наказания и угрозы как везде, так и тут не помогли; преобразователь счел необходимым, прежде чем новое учреждение окрепнет, приставить к нему доверенного и способного человека, который бы направлял неопытных и охранял их от сильных людей. Таким воспитателем молодого учреждения явился первый из *прибыльщиков* Алексей Александрович Курбатов «обер-инспектор ратушного правления».

Курбатов был дворецкий или маршалок известного западника боярина Бор. Петровича Шереметева, путешествовал вместе с своим господином за границею [262], и это путешествие, разумеется, не осталось бесплодно для развития богатого способностями русского человека. В Ямском приказе поднято было письмо с надписью: «Поднести великому государю, не распечатав». Великий государь вместо извета о каком-нибудь злом умысле или непристойных словах нашел в подкинутом письме проект о гербовой или *орленой* бумаге. Гербовая бумага как важный источник дохода была немедленно введена [263], а изобретатель, которым оказался Курбатов, пожалован в дьяки, награжден домом, деревнями и сделался *прибыльщиком,* стал искать во всем прибыли государству, получил возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнения обо всем. Впоследствии мы познакомимся близко с его деятельностию, особенно в звании обер-инспектора ратушного правления.

Давно уже русские торговые люди признавались [264], что им с иностранными купцами не стянуть, потому что те торгуют сообща. Мы видели также [265], что Ордин-Нащокин предлагал для освобождения от зависимости иностранных купцов русским небогатым торговцам соединяться с богатыми. Теперь Петр предписывает: «Московского государства и городовым всяких чинов купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями, и чинить отпуск товарам в компаниях к городу Архангельскому, в Астрахань, также и через Новгород, и иметь о том всем купецким людям меж собою с общего совета установление, как пристойно бы было к распространению торгов их, отчего надлежит быть в сборах великого государя казны пополне-

нию. Учинить провинции, к Великому Новгороду, Пскову, к Астрахани и к иным таким городам малые города и уезды приписать, которые к которым надлежат, и велеть в тех провинциях настоящих городов земским бурмистрам приписных земских бурмистров, также таможенных и кабацких бурмистров во всяких делах ведать и в сборах надсматривать».

Перемен в быте крестьян не было: по-прежнему громадная страна была мало населена, по-прежнему оттого рабочие были прикреплены к земле, по-прежнему бегали от крепостной зависимости, и гоньба за человеком составляла одно из важных занятий правительства и частных людей. Несколько крестьянских семейств убежало из Звенигородского уезда с земель Саввино-Сторожевского монастыря. Через четыре года они были сысканы (в 1696 г.) и порассказали любопытные подробности о своих бегах. Они ушли в Данков и стали жить в крестьянстве за тамошним подьячим Яковлевым. Через год подьячий начал их из крестьянства отсылать для того, что у них отпускной никакой не было, дал им рубль денег и велел им от себя идти: «Где-нибудь напишите отпускную властелинским именем, и мне та отпускная будет в оправдание». Крестьяне отправились, куда глаза глядят, и в Тульском уезде нашли благодетеля, какого-то дьячка, который им написал отпускную, подписал имена архимандрита, келаря, все как следует, и взял за труд двадцать алтын. Крестьяне сейчас же возвратились в Данков и подали отпускную подьячему; тот был очень доволен: «Эта ваша отпускная, — сказал он, — мне в поправку, мне теперь за вас пожилых денег не платить». Подьячий стал спокойно распоряжаться крестьянами и дочь одного из них выдал замуж за сына боярского, взявши с жениха выводу двенадцать копен ржи [266].

Сибирь, где было такое раздолье воеводам и всяким сильным людям вдали от правительственного надзора, обратила на себя особенное внимание, потому что тамошние беспорядки вредно действовали на казну, получавшую такой большой доход от сибирских товаров. В апреле 1695 года для Сибири, кроме ближайшего Тобольска, сделано было исключение: не велено переменять воевод через два года «для того, что от таких частых перемен казне начали быть великие недоборы и всяким доходам оскудение, потому что воеводы, забыв крестное целование и презря жестокие указы, вино и всякие товары в Сибирь привозят и сверх того в Сибири вино курят и там вином многую корысть себе чинят; а на кружечных дворах государева вина в продажу записывают малое число, в год инде по 20 и по 10, а инде написано в продаже всего одно ведро, а в иной год ни одного ведра продать не дали». Отправлявшиеся в Сибирь воеводы имели право провозить беспошлинно с собою известное количество вина и

других товаров: каждые два года воеводы отправлялись в сибирские города, каждые два года везли с собою все эти запасы, брали казенные струга, прогонные деньги, требовали по ямам и городам подводы, причем, по обычаю, всякого чина людям чинили многие обиды, налоги и разорения; чем, следовательно, реже ездили воеводы, тем лучше. Далее говорится в указе, что воеводы для сбора ясачной казны отпускали служилых людей и брали с них себе великие взятки и посулы: лучшие соболи выбирали себе, а худые отдавали в государеву казну, себе в малые годы великие богатства наживали, а служилым и ясачным людям впредь не проча, великие обиды, налоги и грабежи чинили и для челобитья в Москве их не пропускали: оттого многие служилые люди по зимовьям побиты, а другие от воеводских притеснений изменили и в Китайское государство отъехали, и мунгалы изменники, мстя за обиды свои, многих служилых и ясачных людей грабят и побивают»[267]. В конце того же года опять указ Сибирскому приказу: «Прежние воеводы воровали, многих людей пытали и смертию казнили, и ясачные сборщики у ясачных людей и у иноземцев жен и детей отнимали силою, и по их иноземскому челобитью суда и управы у воевод не было; так, впредь воеводам, кроме дел, подлежащих по уложению пытке, никаких русских людей и ясачных иноземцев ни в каких делах, не описався с великим государем, не пытать и не казнить; для ясачного сбора посылать людей добрых, *за выбором гражданских людей.* Если же воеводы станут красть или умалять государеву казну или станут кого казнить смертию, то будут сами казнены смертию и вотчины их все и дворы, и поместья, и имение будут взяты на великого государя бесповорогно»[268].

Истощая все средства против злоупотреблений, какие позволяли себе чиновники в Сибири, царь в октябре 1697 года издал указ[269], запрещавший в Сибири служилым и всяких чинов людям, женам и детям их носить богатое платье, «чего им по чину своему носить не довелось; и знатно, что те служилые люди, у которых такое излишнее дорогое платье есть, делают его не от правого своего пожитку, кражею нашея великого государя казны или с иноземцев грабежом те богатства себе наживают; а буде у кого, каким промыслом правым, нажиток лишний сверх его нужных расходов явится, и те пожитки ему довелось держать на покупку доброго себе ружья и панцырей и платья нужного, чтоб к нашей службе был всегда готов и к боям с неприятелями потребен или держал в домовое каменное себе прочное строение, в котором бы пожиток его от случая пожарного был всегда в целости».

Дети боярские сибирского митрополита, посылаемые им в десятильниках по делам, подлежащим суду церковному, поступали не лучше, если не хуже, служилых людей, посы-

лаемых воеводами. Это видно из царской грамоты воеводе Глебову 1697 года: «Десятильники градским и уездным людям нападками своими ложными многое чинят разорение и обиды и налоги, побоями заставляют поневоле девиц и вдов говорить ложно на градских и уездных всяких добрых людей блудное воровство, и по тем ложным наговорам с тех людей берут себе взятки великие, а иных девиц раздевают донага и груди давят до крови и всякое ругательство чинят; а которые девицы и вдовы и при таком мучительстве не винятся, тех они продают таким людям, за которых никто бы дочери своей не дал, а деньги берут себе» [270].

Установление бурмистров, как видно из указа 1699 года, не могло быть приложено к Сибири: «В сибирских городах бурмистрам не быть, а быть по-прежнему у всяких сборов из русских и из сибирских городов таможенным и кабацким головам и целовальникам добрым людям и над ними надзирать воеводам со всяким крайним радением; а бурмистрам не быть для того, что в сибирских некоторых городах посадских людей нет, а в которых есть, и те людишки худые, скудные и ссыльные, и затем в бурмистры выбрать некого; а в которых городах торговые люди есть, и тем в сборе денежной казны ясачной и ни в каких сборах верить некому, для того, что они люди скудные» [271].

Не щадя наказаний и угроз для воевод недобросовестных, Петр не отступал ни пред какою мерою, когда нужно было наградить хорошего воеводу. Вот любопытная царская грамота, посланная в 1698 году к иркутскому воеводе Ивану Николаеву: «По нашему указу отпущен в Сибирь в Нерчинск воеводою брат твой стольник наш Самойла Николаев и, будучи в Нерчинску, нам служил со всякою верностию, и радетельною своею правою службою перед нижними нерчинскими воеводами собрал в нашу казну многую прибыль, и тамошних жителей русских и сибирских городов различных торговых людей свидетелями своего христианского благочестия учинил, и никакой жалобы ни от кого на себя не оставил, и тамошней нашей дальней стране, для таких своих добрых плодов, нам, великому государю, зело был надобен и прибыточен. И в нынешнем году явился в Сибирском приказе брата твоего Самойлы человек и сказал: в прошлом году брат твой Самойла Николаев в Нерчинске умер, а после него остались дети стольники Иван да Михайла. И мы, великий государь, пожаловали племянника твоего Ивана Самойлова сына Николаева за службы отца его, невзирая на его несовершенные лета, велели ему быть на месте отца своего в Нерчинском воеводою; а для его молодых лет с ним быть с приписью подьячим нерчинскому сыну боярскому Луке Кочмарову, для того что брат твой об нем, Луке, что он человек добрый и радетельный, свидетельствовал» [272].

И в Европейской России в описываемое время монастыри не представляли много назидательного; тем более можно было опасаться соблазна отсюда в безнарядной Сибири: в 1698 году Петр запретил Енисейского уезда ссыльным и пришлым монахом строить вновь монастыри, запретил давать им земли без указа, «для того что в Сибири мужских и женских монастырей, где всякого чина православным христианам постригаться и спасаться, довольное число есть» [273].

Мы видели, что и при прежних великих государях много писалось указов о прекращении воеводских и других злоупотреблений в Сибири; но указы эти мало помогали; теперь, как видно, повеял новый дух от живых людей, и оживилась мертвая буква указа. Виниус, ведению которого поручен был Сибирский приказ, счел возможным в начале 1698 года порадовать царя хорошими вестями из Сибири; Петр отвечал: «Пишешь о сибирском поведении, что от воевод чинится лучше, нежели прежде, и то слава богу!» Нельзя думать, что Виниус похвастался, потому что вслед за тем он уведомил государя о новой беде для несчастной Сибири от табачного откупщика Орленка. Петр отписал Ромодановскому: «Писал ко мне Виниус, жалуясь на Орленка и товарищей его во всяких насильствах и убийствах в Сибири: и то изволь своим премудрым разумом розыскать, чтоб тамошние дикие краи к какому смущению не пришли». Эта внимательность и быстрота распоряжений, исходивших от людей сильных, всего лучше объясняют нам, почему от воевод в Сибири стало чиниться лучше, чем прежде.

Неослабная внимательность правительства нужна была и относительно козацких украйн Европейской России на Дону и на Днепре.

Мы видели, что козаки раскольники ушли с Дона к шевкалу и враждебно действовали против своей родины. Осенью 1696 года 27 из них встосковались по ней, тайком ночью ушли от шевкала на Терек, откуда воевода отправил их в Астрахань; в числе их было шесть человек с женами и детьми, два монаха и две монахини. Государь велел сказать им указ: «Вы, забыв бога, великому государю изменили, ушли с Дону к шевкалу, выходили на море для воровства и под Тереком всяких людей разбивали, грабили и убивали; за такое воровство и измену довелись вы смертной казни; но великий государь вины ваши велел вам отдать и отпустить всех с женами и детьми на Дон по-прежнему».

Но главная беда была не от тех, которые бежали с Дона, а от тех, которые бежали на Дон.

Еще в 1690 году стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы рязанские, шацкие, ряжские помещики и дворяне городовые, рязанцы, мещеряне, ряшане, копейщики, рейтары и дети боярские, мурзы, татары и солдаты выборных полков

подали подписную челобитную: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и с детьми на Дон, и на Хопер, и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили, домы, животы, лошадей и всякую рухлядь без нас, как мы бываем на службах и в отъездах, грабят, остальных людей и крестьян наших подговаривают, жен и детей наших в избах и хоромах заваливают колодами, детей наших режут и побивают до смерти и в воду, ругаясь, сажают. Теперь мы от этого побегу разорены без остатка, а государевой службы отбыли, и за этих беглых *задворных* людей и крестьян платим ямские и рублевые деньги и стрелецкий хлеб и делаем городовые поделки». В том же году Алексей Мосолов бил челом, что, когда был он в крымском походе, беглые его люди, пришедши с Дона, разрезали на куски шестилетнего сына его и бросили в воду, именье разорили без остатка.

Вследствие этих челобитен сделан был допрос атаманам; те отвечали: «Беглые люди из дворцовых волостей и помещичьи и посадские из украинных городов приходят с женами и детьми на Дон, на Хопер и на Медведицу и живут по своей воле, а пропускают их из украинских городов воеводы и приказные люди из взяток, а если б они не пропускали, то не только с женами и детьми, и одному пройти было бы нельзя». Пошли к украинским воеводам и приказным людям государевы грамоты с великим подкреплением, чтоб беглых людей не пропускали за черту, поделали заставы; на Дон пошла грамота, чтоб козаки вперед к себе беглых людей на реку не принимали, и старых посельщиков велено им сбить и выслать на прежнее жилище; воров и убийц крестьян Мосолова велено сыскать и выслать на Коротояк.

Но как готовы были козаки выдавать беглых — видно из следующего: в конце 1697 года калмыцкий тайша Мункотемир дал знать царицынскому воеводе, что от него бежали на Дон в Паншин городок улусники его 25 кибиток. Воевода послал сказать паншинскому атаману, чтоб выдал беглых по прежнему царскому указу, которым под смертною казнию запрещено было принимать калмыков, чтоб не было никаких задоров и ссор с тайшами. Козаки отвечали воеводскому посланцу: «Калмыцких выходцев не отдадим и отдать нам их нельзя, и вперед их принимать станем; к нам писано из войскового Черкасского городка, чтоб таких уходцев принимать, от погонщиков и от всяких людей оберегать и в обиду никому не давать; царский указ прислан на Царицын к воеводе, а не к нам, у нас такого указа нет, а царицынскому воеводе мы не послушны; и если калмыки придут к нам за своими уходцами войною, то мы их не отдадим и драться за них станем».

Начиналась усиленная работа, усиленная служба; но многие не хотели усиленно работать и служить, и побеги на Дон

усиливаются. В продолжение 95, 96, 97, 98 и 99 года воеводы и приказные люди белгородского и севского полков доносят, что полковые, городовые, всяких чинов служилые и жилецкие люди, их дети, свойственники и крепостные люди и крестьяне, не хотя служить государевой службы и податей платить, не хотя быть у строенья морских судов, у стругового дела, у лесной работы, в кормщиках, гребцах, на плотах, бегут в донецкие козачьи городки; в 1699 году из одного Воронежского уезда бежало около 330 дворов. Опять грамота на Дон — беглых не принимать, а старых уходцев сыскать и доставить на прежние места жительства на своих козачьих подводах, потому что «вы тех беглецов принимали без нашего указа».

Но мало того, что царь требует нарушения основного козацкого обычая, требует, чтоб не принимали новых беглецов и высылали назад старых, он заставляет самих козаков работать для общего дела; Петр взял Азов, закрепил этим реку Дон за Россиею; но с Азовом нужны частые и беспрепятственные сообщения, нужно доставлять туда всякого рода запасы для ратных людей, и вот Петр посылает дворянина Шатнева осмотреть реку Дон от Коротояка вниз до Азова и водяной ход очистить жителями козачьих донских городков, чтоб тою рекою корабельному ходу никакой остановки не было. Остановки бывали разного рода: так, например, в 1698 году кормщики и гребцы, шедшие Воронежем и Доном на судах в Азов с хлебными запасами, бросили суда в козачьих городках и разбежались, а козаки и разных чинов жители развезли хлеб по себе[274].

Государь, и такой государь, как Петр, разумеется, не мог равнодушно смотреть на подобные явления, и неудовольствия на великой реке увеличивались: мы увидим следствия, когда недовольные получат вождя.

С Днепра приходили также тревожные известия.

В августе 1696 года киевский воевода князь Борятинский отправил к русскому резиденту в Польше дьяку Никитину стародубца Суслова с двумя рейтарами для вестей. Этот Суслов привез Никитину свои вести: «У поляков намерение совершенное, чтоб Украйну к себе превратить и посылки у них к гетману Мазепе частые: так, нынешнею весною проезжал к гетману от короля посланник вместе с греками, будто купец. Начальные люди теперь в войске малороссийском все поляки, при Обидовском, племяннике Мазепы, нет ни одного слуги козака. У козаков жалоба великая на гетмана, полковников и сотников, что для искоренения старых козаков прежние их вольности все отняли, обратили их к себе в подданство, земли все по себе разобрали: из которого села прежде выходило на службу козаков по полтораста, теперь выходит только человек по пяти или по шести. Гетман держит у себя

в милости и призрении только полки охотницкие, компанейский и сердюцкие, надеясь на их верность, и в этих полках нет ни одного человека природного козака, все поляки. Прошлого лета Киевского полка козаки в Запорожье полковника своего Мокеевского, за его к ним налоги, чуть не убили. Гетман в нынешнем походе стоял полками порознь, опасаясь от козаков бунта; а если б все полки были в одном месте, то у козаков было совершенное намерение старшину всю побить. Козаки говорят, что если б у них были старые вольности, то они бы одни Крым взяли; а если нынешнего гетмана и урядников-поляков не отменят, то не только что Крым брать, придется быть в порабощении от Крыма и от Польши. Киевского Кирилловского монастыря игумен Иннокентий тайно пересылается с Шумлянским, а в Батурин ездит мало не каждую неделю; из киевской приказной избы ходят к игумену двое подьячих, Налетов и Фатеев беспрестанно, а игумен присылает к ним запасы, пиво и вино бочками». Суслов покончил свои вести словами, что об ином он и говорить не смеет, разве самому великому государю изустно донесет.

Когда Никитин дал знать об этом великому государю, то Суслова с двумя киевскими подьячими привезли в Москву для допроса. Суслов объявил, что львовский шляхтич Попара говорил ему: поляки очень жалеют об Украйне, говорят, что если малая какая смута на Москве сделается, то они пойдут на Украйну и по-прежнему ее к себе присоединят. Другой шляхтич, Буйновский, говорил то же; в пример ставят поляки Пруссию: хотя много лет была за шведами, однако опять перешла к Польше. Попара говорил: очень худо, что на Украйне начальные люди поляки; если б были русские, то Украйна была бы надежнее. Жалобы на гетмана и начальных людей слышал он в Киевском полку да от Палеевых козаков. Известия, которые Суслов обещал объявить только одному государю, касались того, что в Киеве можно собирать гораздо больше торговых пошлин, чем обыкновенно делается. О намерении козаков побить старшину Суслов слышал от Попары и Палеевых козаков, перешедших с переяславской стороны. О сношениях Шумлянского с кирилловским игуменом слышал во Львове.

Подьячие объявили, что они бывали у кирилловского игумена очень редко и то по воеводским делам; в то же время узнали, что игумен Иннокентий умер. Государь велел послать к Мазепе список с речей Суслова, а подьячих отпустить назад в Киев с строгим наказом, чтоб вперед к иноземцам не ходили и вестей не рассказывали. Мазепе написали при этом, что великий государь всем этим слухам поверить не изволил и никакого сомнения не имеет, потому что он, гетман, старшина и все войско служат верно, не щадя здоровья и голов своих; потом, по просьбе гетмана, отправили в Батурин и

самого Суслова, давши Мазепе позволение пытать его. В октябре 1696 года Мазепа писал государю о вестях, что у Семена Палея бывают частые присылки от гетмана литовского Сапеги, чего прежде не бывало; Сапега словесно наказывал Палею, чтоб он остерегался Мазепы и не ездил к нему в Батурин. «Послал я в Хвастов тайком человека моего, — писал Мазепа царю, — посланный должен проведать о тамошнем поведении, созывает ли Палей войсковых людей на какую службу; особенно приказал я киевскому полковнику и сотнику, чтоб постоянно держали в Хвастове тайно людей своих для надзора за Палеем, ибо удивительно мне стало, что он теперь не так сердечно со мною поступает, как прежде, не присылает ко мне писем, которые получает от гетманов коронного и литовского, в чем усматриваю некоторую перемену и хитрость. Смею предложить вам, великому государю, чтоб боярин, в Киеве воеводствующий, не велел пускать Палея в Киев со многими людьми, а он привык часто туда приезжать, у него там в нижнем городе и двор свой, который я, приохочивая его к вашей монаршеской услуге, купил ему у чернецов межигорских за 400 золотых на свои собственные деньги». Мазепа узнал также, что новый король польский прислал Палею 4000 золотых червонных на наем козаков: по этой вести гетман разослал грамоты по всем полкам, чтоб никто не смел переходить в польскую сторону. Через месяц Мазепа писал, что приказал киевскому полковнику Мокеевскому посылать в Хвастов дельных людей для наблюдения, что там делается. Один из таких наблюдателей, возвратясь из Хвастова, доносил полковнику, что полчане Палея, пешие люди, пришедшие из-под Каменца Подольского, говорят: «Нехорошо Палей делает, что на две стороны службою своею оказывается; теперь в Польше король новый, богат деньгами, надобно б ему одному верно служить, от него и Палею, и всем нам добрая может быть награда. А если Палей на две стороны колебаться будет, то и ему придет такая же кончина, какая и другим от него была». Добрые люди говорят: «Лучше нам, будучи восточной православной веры, держаться православного христианского монарха»; но таких людей немного, сам Палей каждый день пьян, и когда пьет, то иногда поминает царское имя, а в другой раз пьет за здоровье польского короля. В начале 1699 года Мазепа извещал, что вопреки статьям мирного договора — не заселять запустелых за Днепром городов — в прошлом году заведена слобода в Мошнах, куда осадчики подговаривают и переманивают людей с левой стороны Днепра; тяжесть от кормления ратных людей заставляет многих бежать за Днепр, и таким образом кроме Мошенской слободы заселились еще слободы в Драбовце, Корсуни и Богуславе; устеречь беглецов трудно, потому что нельзя по всему Днепру расставить караулов. Кроме того,

побережным жителям восточной стороны нельзя пробыть без лесов западной стороны, но когда они придут туда по дрова, то тамошние осадчики их грабят, отбирают лошадей, возы, топоры, снимают платье. Мазепа просил у государя позволения разорить Мошенскую слободу и перевести поселенцев назад, так как слобода заселена вопреки договору.

В Сибирской украйне со стороны Китая было покойно. Русские выгодно торговали в Пекине, и в 1698 году Виниус писал Петру за границу, что в Пекине построена русская церковь и многие китайцы крестились. Петр отвечал ему: «То дело зело изрядно. Только для бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также и езувитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют; к чему там надобны попы не так ученые, как разумные и подкладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епании». Вследствие этого Виниус велел в Нерчинске у торговых людей, которые приедут из Китайского государства, спрашивать и всячески доведываться о новопостроенной часовне в Китайском государстве, в каком месте и меж какими домами или особно, от домов их китайских в дальнем расстоянии, и китайцы к той церкви для смотрения или слушания приходят ли, и что говорят, хвалят ли? и нет ли какого от них посмеяния и поругания? и к которым церквам, греческого ль закона или к езувитскому костелу они склоннее, и каковы у той церкви попы и причетники, и в каком искусстве живут, и сколько их, также и народу русского, и какое у той церкви украшение и книг довольство, и умерших христиан где погребают, при той ли часовне или где в поле, и каким служением, явно ли или со опасением тайно, и есть ли кто из китайцев крестились?

В то время как Петр и Виниус так заботились о православной церкви в Пекине и об отношениях ее к иезуитскому костелу, в Москве вскрылись следствия иезуитского влияния. В 1697 году священник Петропавловской (Адриана и Наталии) церкви в Мещанской слободе донес патриарху Адриану на своего дьякона Петра Артемьева, который после евангелия читал поучение, похвалял в вере поляки, ляхи, литву; прочитал молитву «Отче наш» на амвоне по-римски, приклякнув на колени, и иные некие молитвы прилагая римские: носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок латынина Антония Падвиянина (Падуанского), еретика суща; глаголет исхождение духа св. от отца и сына, исповедовался и приобщался у иезуитов, а с иными иезуитами, из Москвы изгнанными, зело слезно разлучился; освященный собор называет *забором,* который перескочить хвалится; патриархов называет *потеряхами,* потому что истинную православную веру потеряли. Боляр и судей безыменно лает и

бесчествует по поводу пыток раскольникам: называет этих боляр и судей, стоящих у дыбы в константиновской башне, немыми учителями, которые вместо евангелия просвещают огнем и вместо Апостола учат кнутом.

Петр Артемьев был сын одного суздальского священника. Смолоду в нем уже виден был человек нервный, с болезненною впечатлительностию, расстроенным воображением; эти качества должны были усиливаться еще от разврата, как видно из собственных его признаний. Такой-то юноша поступил в школы к греческим учителям Лихудам и с старшим из них, Иоанникием, отправился в 1688 году в Венецию. За границей овладели им иезуиты и обратили в католицизм. Как ловко велось дело при этом обращении, видно из рассказов Артемьева: когда он спрашивал у латынян, чем их римская церковь лучше греческой, ему отвечали, что ничем, римская и греческая церковь равны, только разве в римской церкви люди ученейшие. Молодой человек успокоивался, что все равно, и стремился к ученейшим людям, к книгам, написанным ученейшими людьми; восторженность, страстность и мистицизм некоторых католических писателей как нельзя больше пришлись по душе Артемьеву.

По возвращении в Россию Артемьев был посвящен в дьяконы к Петропавловской церкви и тут-то обратил на себя внимание своими проповедями и выходками. Патриарх Адриан, человек больной, некоторое время оставил без следствий донос священника, а дьякон между тем приобретал последователей, что было нетрудно в тогдашнее смутное время: «И мнози в след его прелести уклонишася». Между прочими Артемьев был очень вхож в домы строителей Успенской церкви на Покровке, Гурьева и Сверчкова, у которых бывали и латинские священники. Гурьев и Сверчков стали хлопотать у патриарха о переводе отца Артемьева из Суздаля в Москву, именно к их Успенской церкви. Патриарх сначала и слышать не хотел, судя об отце по сыну: «Какого этого дьякона Петра отец? — говорил патриарх, — не того ли, что за кальвинов, лютеров и папежников стоит? Полно мне принемогается, а то бы он давно был отправлен; да так-то ему не пройдет у меня, потщуся для него нарочито собор собрать; если таков и отец-то, каков сын, то обоих доведется сжечь». Но потом Адриан смягчился и говорил: «По отца его давно я думал и сам послать для него же дьяконишка; для того, что добрый человек, сказывают, отец у него».

Добрый человек должен был прийти в отчаяние, получивши в это время *писульку* от сына: «Батюшка! батюшка! — писал Петр, — лазил я, лазил в мысленную Христа бездны язву на небо, а ныне лезу, лезу и в Круцификс его, писанный тобою; лезу в ребреную его язву сердцем, гвожжю к рукам его мои руки, и отняв у него уста его, делаю в них своя уста

и говорю с ним так по Бернарду: не хощу, господи мой, без язв жити, когда вижу тебя всего в язвах; остави с собою, господи, мне хотя один уголок на кресте, да распнусь с тобою! Слыхал у тебе, что того ради меня нарекл еси Петром, да Петровы теплоты причастник буду, и се не погрешил еси во истину. Яко свежий кал теплехонек есмь, чего ради и явленно проповедахся Петров и кафедры его исповедник».

Приехав в Москву, отец едва не дал заушину сыну «про ту писульку». А между тем священник Петропавловской церкви подал вторичный донос. Патриарх отослал Петра в Новоспасский монастырь; но Адриана начали торопить окончанием дела, писали ему: «Аще ныне от малых, паче же от единого сына погибели тако явлено внушаемо злочестие латиномыслимое многие в пропасть западную низреяет: а егда малый недуг сей латинства расширится и от многих размножится и растлит все тело, православия глаголю, тогда что будет, разумевай!» Патриарх в июне 1698 года созвал собор, который приговорил расстричь Петра и сослать в Важский монастырь к холмогорскому архиепископу Афанасию. Увещания последнего нисколько не подействовали на заточника, и Афанасий донес патриарху: «Целихом Вавилона и не исцеле, но паче едва сами избавихомся богохранимо от сетей его».

В показаниях Петра Артемьева находим любопытные известия о поведении знаменитых учителей его, братьев Лихудов: «Учитель мой большой Иоанникий, приехав из Италии, приезжал по много крат к священникам римским на цесарский двор в слободу и хвалился им быти их мудрования, но прикровен зде за страх, чему они и верили; я же взял книжицу учителеву *Мечец* всю противну римлянам, показал им цесарянам; они же, пришедшу учителю к ним, показали и лицемерство его обличили; учитель отвечал им, что ту книгу брат его Софроний писал без него, когда он, Иоанникий, был в Италии, что, может быть, и правда, потому что он, Иоанникий, брата своего Софрония гораздо ко всякой правде склоннее и к богу верою теплее»[275].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I АЛЕКСЕЕВИЧА

Новое летосчисление. — Причины Северной войны. — Свидание Петра с польским королем Августом и дружба с ним. — Возницын на Карловицком конгрессе — Украинцев в Константинополе — Перемирие с турками — Союз трех держав против Швеции. — Карл XII. — Травендальский мир — Осада Нарвы русскими — Поражение русского войска Карлом XII — Победитель и побежденный. — Деятельность Виниуса. — Движение Шереметева. — Свидание Петра с королем Августом в Биржах. — Русское войско и саксонский генерал — Поражение саксонцев и русских на Двине; его следствия. — Эрестферская победа Шереметева — Неудовольствия малороссийского войска — Хлопоты с Запорожьем. — Совет короля Августа опустошить Ливонию — Исполнение совета — Действия Апраксина в Ингрии — Петр в Архангельске — Появление его и действия в Ингрии. — Море. — Основание Петербурга.

20 декабря 1699 года в Москве узнали еще новость: приказано вести летосчисление не от сотворения мира, как прежде, а от Рождества Христова, и новый год считать не с 1 сентября, а с 1 января: «Известно великому государю, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, и самые великого государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, — все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова осьмь дней спустя»[276] В знак доброго начинания и нового столетия после молебнов в церквах все должны были поздравлять друг друга с новым годом; значительные домовладельцы должны были перед воротами поставить украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и мозжевеловых и сохранять эти украшения до 7 января; предписано было во время фейерверка и пушечной пальбы на Красной площади, в домах палатных, воинских и купеческих людей стрелять из небольших собственных пушек или

мелкого ружья трижды и пускать ракеты, по ночам от 1 до 7 числа зажигать костры и смоляные бочки.

Так начали в Москве 1700 год, знаменитый в истории Европы началом двух сильных и богатых последствиями войн: за наследство испанского престола на западе и великой Северной войны на востоке: вследствие первой почти на целый век поникло значение Франции; вследствие второй потеряла свое прежнее значение Швеция и среди европейских держав явилась новая могущественная держава — Россия.

Мы видели, с каким неудовольствием узнал Петр о намерении союзников своих прекратить войну с турками: он должен был или один взять на свои плечи войну, или заключить мир, который останавливал его на половине дороги. Понятно, что тут же должна была в голове Петра родиться мысль: не удалось на Черном море — надобно утвердиться на Балтийском, что гораздо выгоднее: ближе и к настоящей России, и к настоящей Европе. Но если нельзя было продолжать войны турецкой без союзников, то тем более нельзя было начать без них войну с Швециею, следовательно, и новая война была возможна только при образовании нового союза. Союз был возможен: Швеция во время своей первенствующей роли на северо-востоке вооружила против себя всех соседей Дания, Польша и Россия были обобраны Швециею при ее воинственных королях — Густаве Адольфе и Карле X Густаве; ставши вследствие деятельности Густава Адольфа покровительницею северной протестантской Германии, Швеция изменила этой обязанности противоестественным союзом своим с Франциею против Германии и тем самым проиграла здесь свое значение, которое переходит к Бранденбургу; Бранденбург должен вступить в борьбу с Швециею и за свои и за общегерманские интересы. Во все время пребывания Петра в Пруссии курфюрст бранденбургский приглашал его усильно к союзу против Швеции; но царь, разумеется, не мог согласиться на это, имея на плечах турецкую войну. Теперь же обстоятельства переменились, и Петр, отбитый от Черного моря миром союзников с Портою, сам будет искать союзников для войны шведской, для утверждения на Балтийском море.

Возвращаясь по вестям о стрелецком бунте из-за границы, Петр в Галиции, близ местечка Равы, встретился с новым королем польским Августом II, и между прочими разговорами была речь у них о взаимной помощи: «Король Август говорил, что много поляков противных имеет, и примолвил, что ежели над ним что учинят, то не оставь меня. Против чего Петр ответствовал, что он готов то чинить, но не чает от поляков тому быть, ибо у них таких примеров не было; но просил его, дабы от своей стороны помог отмстить обиду, которую учинил ему рижский губернатор Далберг в Риге, что едва живот спасся; что король обещал»[277]. Но понятно,

что от этого летучего разговора до союза было еще очень далеко: «И так друг другу обязались крепкими словами о дружбе, без письменного обязательства и разъехались».

Петр во время трехдневного пребывания в Раве был вполне очарован Августом, как часто молодой, не воспитанный для света человек бывает очарован светскими приемами франта, хотя бы этот франт в умственном и нравственном отношении был бесконечно ниже дикого юноши. Петр любил повеселиться, Август умел повеселить — и тесная дружба была заключена между двумя соседями, дружба, продолжавшаяся до тех пор, пока Петр, сильно выросший в беде, разошелся слишком далеко с Августом, сильно понизившимся в беде. По возвращении в Москву Петр щеголял в кафтане и шпаге Августа, не находил слов для восхваления своего несравненного друга. Но сколько понравился ему король, столько же не понравилось безнарядное и бедное королевство Польское. Вскоре после возвращения, на пиру у Лефорта, Петр говорил: «Я было потолстел в Вене от жирной пищи; но нищая Польша сняла опять весь жир». Польский посланник заступился за отчизну: «Удивляюсь, — сказал он, — от чего это так случилось с вашим величеством: я родился и воспитан в Польше, однако отжирел». «Ты отжирел не в Польше, а здесь в Москве», — отвечал царь [278].

Какие бы мысли ни занимали Петра о новом союзе, о новой войне, прежде всего нужно было кончить старую войну как можно повыгоднее. Русским уполномоченным на конгресс, имевший окончить турецкую войну, был назначен думный дьяк, теперь уже называвшийся думным *советником,* Прокофий Возницын. Уполномоченный должен был объявить первую меру — уступку Керчи, потом, если турки не согласятся, ограничиться общепринятым основанием, уступкою того, что уже находилось в руках. Конгресс открылся в Карловиче в октябре 1698 года. Турки всего больше были напуганы немцами, победами императорских генералов и потому желали как можно скорее заключить мир с императором; посредники — послы английский и голландский желали того же самого, потому что императорское войско нужно было им против Франции в предстоящей войне за испанское наследство: поэтому не удивительно, что турецкие уполномоченные скорее всего пришли к соглашению с австрийскими. Возницын думал помешать этому, внушая драгоману Порты, Александру Маврокордато, что Турции стоит только повременить миром до начала неминуемой войны за испанское наследство, и тогда можно будет с успехом бороться с отвлеченною на запад Австриею. Хитрость была слишком простовата: странно было, что русский уполномоченный хлопочет в интересах Турции; западная война могла задержаться вследствие продления войны турецкой, Турции было невмочь противиться,

и она спешила воспользоваться предстоящею западною войною для прекращения тяжкой своей войны. В Константинополе боялись оружия императорского, но в то же время очень боялись связи, которая существовала между русским царем и единоверными ему подданными Порты; на эту связь прямо указывала мирная партия в Константинополе как на побуждение к скорейшему заключению мира. Действительно, шли сношения между Валахиею и Москвою при посредстве гетмана Мазепы. Поставленный между двумя огнями, между требованием турок и не менее ненавистных немцев католиков, господарь искал спасения у православного царя, просил о принятии в подданство и присылке войска в Бессарабию: «Со слезами молим спасти нас от папистов и иезуитов, которые беснуются на православных больше, чем на турок и жидов. Война мирская может когда-нибудь кончиться; а война иезуитская никогда».

Маврокордато, обыкновенно клявшийся русским послам, что по единоверию радеет великому государю, брал подарки от Возницына и не препятствовал заключению мира между Турциею и Австриею; посредники взяли у Возницына по шубе и также не препятствовали заключению этого мира. Удовлетворивши императора, турецкие уполномоченные хотели вознаградить себя на счет остальных противников и не думали уступать их требованиям: «Трудность с турской стороны неначаемая к нам простерта, также не легко и с нашей к ним», — писал Возницын государю. «Бог ведает — за тем за всем состоится ли у нас с ними мир, а на краткое перемирье отнюдь позволити не хотят; а союзные послы повседневно с ними съезды имеют; и цесарские и веницейские говорят, что они дела свои на мере поставили, также и поляки удовольствованы будут и еще ожидают меня, и, буде я в таковом же намерении пребуду, оставить хотят. Буде туркам Азов и поднепрские города отдать, а хану казна (т. е. продолжать посылать ежегодную казну или дань), то тот мир всегда не ушел. Если б дойтить до Дуная, не только тысячи — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают».

Не имея возможности заключить мир, Возницын предложил перемирие. Турки не согласились и стали грозить. Тогда Возницын переменил поведение: вместо внушений и подарков употребил твердость, высказал, что не боится войны, и достиг цели: турки заключили перемирие на два года. «Я, — писал Возницын, — учинил только армистициум, или на время унятие оружия; и то по самой нужде, видя, что ты, государь, от турков к миру не удовольствован, а они все (союзники) удовольствованы и тебя оставили. А прежде я их в тот армистициум звал и советовал, чтоб учинили то ныне, а не мир; которые немцы словами, а поляк и письмом в том мне отказали.

Не дивно, государь, на немец, потому что они кратким союзом обязаны; дивно на поляка, что он смел то учинить, а всего будучи на дву съездах, дело свое окончил, а на чем, то еще паче дивняе: оставя с тобою, государем, вечный союз, и натруся тем и вечный мир, помирился ни на чем: турки посулили отдать ему Каменец пустой. Впровадили его и обманули немцы для того, что им нужен и надобен и пожиточен мир; и помирились они без всякого себе отягчения и без уступки всего и заткнули туркам горло другими своими союзники. А с Венеты у немец я чаял крайней дружбы, ажно у них есть тайная антипатия: немцы не хотят того слышать, чтоб Венет брал силу. По правде, государь, немцы знают, как свои дела весть, и сей мир сильною рукою и в потребное себе время сделали. Я сие покорно донесши, паки твоей государевой милости молю: помилуй грешного и убогого своего сироту, а лучше я сделать сего дела не умел»[279].

Перемирием надобно было воспользоваться или для заключения прочного мира, или для приготовления к успешной войне, которую теперь нужно было вести один на один. Для первого был назначен посланником в Константинополь думный дьяк, теперь также советник, Емельян Украинцев с дьяком Чередеевым; но чтоб помочь Украинцеву в заключении выгодного мира, чтоб показать туркам всю опасность войны с Россиею, Петр отправил своего посланника морем на русском военном корабле; нужно было также показать туркам и крымцам весь русский флот и при этом изведать, на всякий случай, путь к заветной Керчи: с этою целию царь хотел со всем своим флотом отправиться из Воронежа провожать Украинцева до Керчи. Первого адмирала русского флота, Лефорта, уже не было более: он умер в марте 1699 года. На его место генерал-адмиралом был назначен известный нам по Нерчинскому договору боярин Федор Алексеевич Головин, который вместе с этим званием получил в заведование иностранные дела; Головин же был первым кавалером ордена Андрея Первозванного, учрежденного 10 марта 1699 года[280]. Таким образом, Головин получил первенствующее значение между правительственными лицами, значение первого министра, как величают его иностранцы, т. е. значение, бывшее прежде у Льва Кирилловича Нарышкина.

В апреле 1699 года чрезвычайные посланники Украинцев и Чередеев отправились в Константинополь. Они ехали туда не с пустыми руками, повезли мехов на пять тысяч рублей, полтора пуда чаю, десять пудов рыбья зуба — на раздачу от государевых дел. Ехали на Воронеж, где были у государевой руки, с Воронежа водою до Азова, ехали мимо городов Костенска, Урыву, Коротояка и Дивьих гор; а за Коротояком по обеим сторонам Дона тринадцать вотчин, где городков, сел и деревень жилых нет, только юрты промышленных

людей, наезжающих временно для рыбной и звериной ловли, человек по сороку, а владеют они по отдаче из оброку, нанимая у епископа воронежского и в монастырях. От этих вотчин вниз ехали мимо пятидесяти козачьих городков: когда равнялись с городком, выезжали навстречу станичные атаманы и козаки и для почтения в городках была пальба из пушек и мелкого ружья. Когда поровнялись с главным городом Черкаском, то посланники велели провожавшим их солдатам выстрелить первым из ружей, и на этот выстрел отвечали пушки со всего города; посланники вышли из судов и пошли в соборную церковь, оттуда к атаману Фролу Минаеву; атаман отдал им визит на бударе. Из Черкаска поехали в Азов, из Азова в Таганрог, где в двух верстах от города дожидался их военный сорокашестипушечный корабль *«Крепость»,* капитан голландец Петр фон Памбург. От Таганрога до Керчи посланники шли Азовским морем в государевом морском корабельном и галерном караване, над которым был предводителем и правителем ближний боярин и славного чина св. апостола Андрея кавалер и каравана воинского морского генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин; командиром на корабле «Апостол Петр» был сам государь; в караване кроме крепости было девять кораблей, две галеры, яхта, два галиота, три бригантира. В том же караване в четырех морских стругах шел донской атаман Фрол Минаев с пятьюстами выборных козаков.

Когда караван явился у Керчи, то здешний паша, видимо, испугался, спрашивал, зачем пришел такой большой караван? и присланный из Царя-града пристав настаивал, чтоб посланники ехали в Константинополь сухим путем, через Крым и Буджаки; но Украинцев отвечал: «По указу великого государя велено нам ехать морем на корабле царского величества, а сухим путем ехать нам не велено, да и не для чего, потому что тот путь в дальнем расстоянии; видно ты, пристав, хочешь везти нас чрез Крым для какого-нибудь вымысла; только нам через Крым ехать не для чего, и до хана крымского никакого дела нам нет, говорить с ним не о чем». Пристав стращал посланников: «Видно, вы Черного моря не знаете, каково оно бывает с 15 августа, не напрасно дано ему имя Черное: бывают на нем во время нужды черны сердца человеческие». — «Полагаемся на волю божию, а сухим путем не поедем», — отвечал Украинцев и закончил спор.

28 августа посланники вышли в море и благополучно достигли Царя-града; невиданное диво — русский корабль торжественно, при пушечной пальбе, вошел в константинопольскую гавань и стал на якоре против сераля Первым делом посланников было отправить капитана Памбурга с поздравлением к французскому, английскому и голландскому послам; француз и голландец приняли Памбурга любовно и за

поздравление благодарили; англичанин же к себе не пустил, выслал на крыльцо человека и велел сказать, что видеться ему с Памбургом не для чего, и сел он теперь за стол обедать. Начали приезжать смотреть диковину; приезжали французы из посольской свиты, приезжал великий визирь и долго ездил около корабля, хвалил и дивился, что корабль так скоро пришел из Керчи в Царь-град, наконец, приезжал сам султан.

Переговоры начались только в ноябре; посланники предложили статьи: 1) вечный мир или продолжительное перемирие с тем, чтоб каждая сторона удержала то, чем владела в минуту переговоров, следовательно, Россия удерживала за собою все завоевания. 2) Татары не должны тревожить Русские области. 3) Когда Азов, Казыкермень и другие крепости будут в русском владении, то своевольные люди обоих государств уймутся; эти крепости великий государь не для какой-нибудь себе славы в своей стороне держать изволяет, но только для унятия с обеих сторон своевольных людей. 4) Если во время мира козаки пойдут войною на турецкие и крымские места, то вольно их побивать, как злодеев; а когда из походу возвратятся, то по царскому указу учинена им будет смертная казнь; так же будет поступлено взаимно с гурецкой и крымской стороны. 5) Дачу, которая прежде бывала крымскому хану и начальным людям, великий государь за многие их неправды велел отставить, и впредь им той дачи не будет. 6) Полон весь освобождается на условном месте разменою. 7) Свободная торговля с обеих сторон. 8) Запорожцам вольно промышлять зверем и рыбою вплоть до днепровского устья. 9) Порубежные ссоры успокоиваются чрез послов. 10) Русские люди свободно ходят на поклонение св. местам, не платя никаких податей. 11) Св. места возвращаются грекам. 12) Православные в турецких областях свободно отправляют свое богослужение.

Рейс-эфенди отвечал, что первая статья самая трудная, и не ожидали они ее, потому что все другие государи в Карловичах возвратили султану что-нибудь из завоеванного, один русский царь не хочет ничего возвратить. Рейс-эфенди потребовал возвращения Казыкерменя и других приднепровских городков — для удержания хана крымского и всяких татар от своевольничества и для принуждения их к пашне. Посланники отвечали, что эти городки не сдерживают своевольных татар, а, наоборот, укрывают разбойников: до взятия казыкерменского жили в том городе беи, у которых был промысел, что загон за загоном отпускали, и за то великие подарки у татар брали.

Переговоры затянулись: в три месяца дело не подвинулось ни насколько. 24 февраля 1700 года на одиннадцатой конференции посланники объявили рейс-эфенди *медиум* или *средок*,

что государь изволяет Казыкермень и иные городки разорить до основания, а землю пустую уступить султану, чтоб впредь от тех городков недружбы и войны не было. 2 марта на 12 конференции рейс-эфенди отвечал, что такую малую уступку султан не вменяет в дружбу и в уступку, надобно городки уступить султану в целости, построил их отец нынешнего султана для удержания запорожских козаков, которые выходили на Черное море и разоряли приморские города турецкие. Посланники отвечали, что прежде козаки были у поляков, жили в своевольстве и непослушании и на море хаживали своевольством, а теперь гетманы козацкие и козаки все у государя в верном послушании. «От послов, — доносил Украинцев, — от цесарского, венецианского, английского и голландского не видим мы никакой себе помощи, все они лицемеры и наветники». Иерусалимский патриарх присылал говорить посланникам, что из-за Казыкерменя не стоит начинать войны, и чтоб они из-за такого малого дела не препятствовали миру. Хан присылал к султану несколько раз, чтоб Казыкерменя не уступал России, в противном случае будет он татарам вреден: москвичи и козаки могут из него приходить к Перекопи об одну ночь. Серб Савва Рагузинский давал знать Украинцеву, что «послы христианские, которые в Царь-граде, все противны миру нашему, и потому не доведется им ни в чем верить; у всех у них то намерение, чтоб москвичей в дальнюю с турками войну вплесть». Иерусалимский патриарх утверждал также, что «конечно, римляне, люторы и кальвины не желают, чтоб был мир у великого государя с султаном, и православным христианам они естественные враги».

На следующих конференциях, после долгих споров и выторговывания с турецкой стороны, рейс-эфенди наконец объявил, что султан соглашается на срытие днепровских городков и заключение перемирия на 30 лет. Начались новые трудности: турки не хотели писать в договоре новых городков, построенных Петром, — Таганрога, Павловского и Миюса: «Поступают они в договорах весьма лукаво, с великим вымыслом и продолжением, а я от такого их продолжительного и лукавого поступка в беспрестанной пребываю печали и слезах, — доносил Украинцев. — С послами цесарским, английским, венецианским по сие время я не видался, потому что Порта не допускает, и пересылку через дворян с ними имею, только помощи мне от них никакой нет, и не только помощи, и ведомостей никаких, и никакой осторожности мне не чинят, а у них в Галате многие есть ведомости, потому что они живут там во всякой повольности, между себя и с турками беспрестанные имеют конверсации, а ко мне ни с чем не отзываются; только когда я к ним пошлю с здоровьем, тогда и они ко мне против того присылают же, а сами от себя

отнюдь ни в чем меня не посещают и у Порты того, чтоб им со мною видаться, с своей стороны не домогаются, отговариваяся мне тем, что если им того у Порты просить, а она им откажет, и в том им учинится только стыд и бесчестье. Послы английский и голландский во всем держат крепко турскую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю. Торговля английская и голландская корабельная в Турском государстве исстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки».

В апреле, после четырех конференций, согласились написать так: поднепрские городки все разорить, и местам, на которых они стояли, быть в султановой стороне пустым, да и всем землям по Днепру от Сечи Запорожской до Очакова быть пустыми же, только на половине между Очаковым и Казыкерменем быть поселению для перевоза через Днепр всяких проезжих и торговых людей, и быть около того поселения окружению с ровиком и крепостцою, селу приличному, а вида городовой крепости и никакой обороны то окружение в себе не имело бы. Азову городу со всеми старыми и новыми городками и меж теми городками лежащими землями и водами быть всем в державе царского величества, а от Перекопи и от края моря перекопского до первого нового азовского городка (Миюсского) землям быть праздным. От кубанской стороны к Азову турки уступили земли на 10 часов езды; «больше того мы у них вытянуть не могли», — писал Украинцев государю.

Следовала статья о татарах. Турки объявили, чтоб поминки продолжал царь давать хану по милости своей государской, а не по принуждению, а без этой дачи мир заключен быть не может, султан в таком бесчестии хана не поставит. Относительно статьи о возвращении святых иерусалимских мест грекам турки объявили, что это к государственным делам не принадлежит, во всех делах во всем государстве султан волен, никогда один государь другому в его делах не указывает, а если потом царь будет просить об этом султана, то, вероятно, султан исполнит царское желание. 28 мая, по многих разговорах и спорах, ханскую дачу турки отставили, а статью о святых местах русские посланники отложили до будущего времени. Дело приближалось к окончанию, как вдруг в июне месяце турки опять заговорили о необходимости срыть новые азовские городки — Таганрог, Павловск, Миюсский; посланники им отказали наотрез и объявили, что дают только месяц сроку для переговоров, после чего иерусалимский патриарх прислал им письмецо: «Рех и глаголю, что сии яко лукавые искушают либо что исправят себе угод-

ное, однако ж не верю, чтоб мира не учинили, я так чаю и мню, что не ошибусь». Действительно, 28 июня турки дали знать, что отказываются от своего требования относительно срытия новых азовских *кастелей!* 3 июля происходила размена статьям, а чрез несколько дней пришел к Украинцеву серб Савва Владиславич Рагузинский и рассказывал, что польский посол Лещинский просил прилежно у турок именем всего сената и всей Речи Посполитой, чтоб они с русским царем не мирились, а заключили союз с поляками и помогли им отыскивать Киев и всю малороссийскую Украйну; а на короля своего Лещинский жаловался, что он великий друг русскому царю, и поляки его ни в чем слушать не будут и с королевства его скинут. Но турки ни в чем не послушали Лещинского [281].

В то время как Украинцев в Константинополе хлопотал о прекращении войны на юге, в Москве велись деятельные переговоры о начатии новой войны, которая должна была охватить северо-восток Европы. Мы видели, что Швеция успела нажить себе врагов во всех своих соседях. Привести их в союз против общего врага было нетрудно: стоило только явиться энергическому человеку, который из самых сильных личных побуждений решился бы действовать в пользу этого союза, соглашая интересы всех держав. Такой человек явился среди шведских подданных вследствие стремления шведского правительства усилить свои внутренние средства, чтоб поддержать свое первенствующее значение на северо-востоке Европы, чтоб не бояться враждебных соседей. Средства Швеции были вовсе не в уровень с тем значением, какое она приобрела случайно со времен Густава Адольфа, и потому естественно рождалось стремление увеличить их каким бы то ни было способом. История Швеции представляет одну выпуклую сторону — постоянную и упорную борьбу королей с сильною аристократиею, причем короли опираются на другие сословия. Король Карл XI, умный и бережливый деспот, умел повести дело так, что сейм отдал ему неограниченную власть и право распоряжаться судьбою низложенной аристократии. Карл XI воспользовался своим торжеством, и посредством знаменитой *редукции* аристократия была обобрана, лишилась всех земель, которые когда-то были коронными и потом разными способами перешли в частное владение. Редукционная комиссия явилась и в Лифляндии: у здешнего рыцарства отобрали не только земли, пожалованные шведскими королями, но и все те земли, которые когда-то, во время самобытного существования Ливонии, принадлежали орденскому капитулу, магистрам и высшему духовенству. Не довольствуясь тем, что у лифляндского рыцарства из 5000 участков осталась только тысяча, Карл XI потребовал, чтоб оно представило несомненные доказательства своих прав на владение и

оставшеюся у него землею. В этой беде из рядов рыцарства выдался самый сильный по своей природе человек, капитан Иоган Рейнгольд фон Паткуль. Даровитый, энергический, неразборчивый в средствах, пылкий до бешенства, мстительный, жестокий, Паткуль в Лифляндии и Стокгольме говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений, волновал рыцарство, заставлял его соединять силы для отпора беде, писал от его имени просьбы к королю. Легко понять, какое раздражение этот «беспокойный человек» производил в Стокгольме при дворе королевском и в Риге у генерал-губернатора, графа Гастфера, который был ревностным исполнителем королевской воли в Лифляндии. Паткуль был вызван в Стокгольм, обвинен в государственной измене; видя, что дело должно кончиться для него дурно, он убежал в Курляндию, а в Стокгольме заочно приговорили его к смертной казни. Из Курляндии Паткуль ушел в Бранденбург, оттуда в Швейцарию, был во Франции, Италии, на досуге занялся наукою; но кипучая натура Паткуля недолго позволяла ему эти мирные занятия. Паткуль не хотел оставаться изгнанником; так или иначе он должен был возвратиться в Лифляндию, но это было для него невозможно, пока Лифляндия оставалась шведскою провинциею, следовательно, надобно было вырвать ее у Швеции. Говорить о патриотизме Паткуля мы должны с большою осторожностию: Паткуль действовал исключительно в интересах своего сословия, тесно соединенных с его личными интересами. О восстановлении самостоятельности Лифляндии он не мог думать; ему нужно было, следовательно, вырвавши ее у шведов, передать которой-нибудь из других соседних держав. Паткуль остановился на Польше: члена лифляндского рыцарства привлекала форма шляхетской республики, в которой нельзя было ожидать шведской редукции; немца привлекало то, что королем польским был теперь один из немецких курфюрстов. Паткуль явился при дворе Августа II и в конце 1698 и начале 1699 года подал один за другим несколько мемориалов, в которых указывал, как и с кем должно заключить союз для успешного нападения на Швецию и завоевания Ливонии. Паткуль указывал на необходимость и возможность заключения союза с Данией, Россией, Бранденбургом. При разделе добычи он больше всего боялся России: «Надобно опасаться, — писал Паткуль, — чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно ему доказать историею и географиею, что он должен ограничиться одною Ингерманландиею и Карелиею. Надобно договориться с царем, чтоб он не шел дальше Наровы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Эстляндиею и Лифляндиею. Надобно также уговориться с царем, чтоб при завоевании

Ингерманландии и Карелии москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами». Паткуль советует действовать в глубочайшей тайне: «да не ведает левая рука, что делает правая»; советует остерегаться поляков, которые будут противодействовать завоеванию Лифляндии, как средству к усилению королевской власти; сейм зашумит, и если даже согласится на войну, то в Швеции узнают и примут свои меры; надобно напасть врасплох на Швецию и овладеть Ригою [282].

Советы Паткуля были приняты. Усыпляя Швецию дружественными уверениями, Август вел переговоры о союзе с датским королем Христианом V, который охотно согласился действовать против Швеции по вражде своей с герцогом голштейн-готторпским Фридрихом III, другом и зятем молодого шведского короля Карла XII. В Польше за 100 000 рейхсталеров был подкуплен первый человек после короля в государстве, кардинал-примас Радзеевский, обещавший выхлопотать у сейма позволение под предлогом устройства гавани в Полангене оставить в Курляндии саксонские войска, которые должны были идти под Ригу. Радзеевскому показали договор, заключенный королем с Паткулем, как уполномоченным от Лифляндского рыцарства: по этому договору Лифляндия присоединялась навеки к Польше с правом присылать депутатов на сеймы, иметь свое войско, свое внутреннее управление, свои законы и учреждения. Но в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков даже и в том случае, если бы они не были королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним [283].

В Москву уговаривать царя к начатию войны с Швециею был послан генерал Карлович, с которым вместе под чужим именем приехал и Паткуль [284]. Они приехали в Москву в сентябре 1699 года и нашли здесь шведских послов, которые приехали от принявшего правление молодого короля Карла XII за подтверждением Кардиского договора. Петр был готов для приобретения моря воевать с шведами в союзе с Польшею и Даниею, но не мог начать новой войны прежде заключения мира с турками. Карлович напомнил Петру о его предложении, сделанном Августу еще в Раве, воевать вместе с ним шведов; теперь время благоприятное для царя утвердиться на Балтийском море, завести торговлю со всеми странами мира и получить такие выгоды, каких не получал никогда ни один потентат, захватить монополию торговли между востоком и западом, не говоря уже о том, что приобретется средство войти в ближайшие сношения с важнейшими государствами христианского мира, приобрести влияние на евро-

пейские дела, завести на Балтийском море страшный флот, образовать здесь третье могущество, выбить у Франции мысль о всемирной монархии и приобресть чрез это бо́льшую славу, чем от покорения турок и татар. Царское величество приобретет возможность сделаться еще более необходимым для Англии и Голландии, когда в случае войны их с Францией за Испанию или за что-нибудь другое пошлет им на помощь войско и флот; чрез это московская нация на чужой счет выучится военному искусству и с успехом будет вести войну с турками и татарами, не нуждаясь в помощи иностранных офицеров. Для достижения всего этого его королевское величество польский от верного и правого сердца предлагает к услугам не только свою немецкую армию, но и свою собственную высокую особу, обязуется учинить на шведскую сторону такую сильную диверсию, что царскому величеству нечего будет опасаться оттуда нападения, ибо королевское величество займет бо́льшую часть шведских сил, нападши на такое место, куда шведы сосредоточат лучшие свои войска. При этом король в особенности рекомендует две вещи: 1) чтоб царское величество для такого великого дела как можно скорее развязал себе руки, чтоб не было развлечения ни с какой другой стороны; 2) чтоб все переговоры и сношения сохранялись в глубочайшей тайне. Все это, изложенное в общих чертах, может быть объяснено гораздо обстоятельнее, и царское величество удостоверится, что король руководится здесь побуждениями чистой любви и верной дружбы.

Тайна была соблюдена: никто не догадался, о чем Головин толковал с Карловичем в Преображенском; к совещаниям допущены были только датский посланник Гейнс по единству интересов да переводчик Шафиров. Чтоб не узнали ни о чем в Стокгольме, шведские послы были приняты царем по обычаю и отпущены с уверением, что великий государь будет соблюдать мирные договоры; только при этом царь отказался подтверждать договоры крестным целованием, потому что они были старые и царь уже раз присягал на них покойному королю Карлу XI. Неприятного было одно: послы повезли в Стокгольм требование с русской стороны удовлетворения за оскорбления, нанесенные в Риге великому посольству, при котором находился сам царь.

А между тем 11 ноября 1699 года в Преображенском заключен был тайный договор о наступательном союзе против Швеции; Август обязывался начать войну вступлением своих войск в Ливонию, обещал склонить и польскую Речь Посполитую к разрыву с Швециею; царь обязывался двинуть войска в Ингрию и Карелию тотчас по заключении мира с Турциею, не позже апреля 1700 года, а до того времени, если понадобится, пошлет королю вспомогательное войско под видом наемного. Если с Турциею нельзя будет заключить мира и

Август не захочет один вести войну с Швециею, то царь обязывался всеми способами помирить его с Карлом XII [285].

Август исполнил свои обязательства. В начале 1700 саксонские войска вступили неожиданно в Ливонию, но кроме взятия Динамюнде ничего не могли сделать. Рига не сдавалась. Головин доносил Петру в Воронеж: «Во всех письмах пишут от свейского рубежа, что в Риге есть великая осторожность от польских войск, а наипаче от саксонских. Ах, неростропное к лучшему и без рассуждения Венусово веселие, иже легкомыслительством неоцененное ко многих пользе время потеряли» [286]. Успешнее на первый раз повел свои дела другой союзник — король датский, заставивший герцога шлезвиг-голштинского уехать в Швецию. Третий союзник — русский царь — не двигался, ожидая вестей с юга из Константинополя. Успокоительных вестей не было, и Петр, не видя возможности разорвать с Швециею, вместо войска в Ингрию назначил великое посольство в Стокгольм — ближнего боярина князя Якова Долгорукова и окольничего князя Федора Шаховского и с известием о их отправлении послал на резиденцию ближнего стольника князя Андрея Хилкова. Для успокоения шведского резидента в Москве Книперкрона употреблялись всевозможные средства. Резидент доносил в Стокгольм, что когда его дочь расплакалась, испугавшись вестей о разрыве России с Швециею, то сам Петр стал утешать ее, говоря, что не начнет несправедливой войны, не разорвет мира, только что подтвержденного; по словам Книперкрона, царь сказал ему, что если польский король и овладеет Ригою, то он, царь, отнимет ее у него [287].

Между тем сам Август II явился в Ливонию, овладел Кокенгаузеном; но в Риге не мог ничего сделать по малочисленности войска и по недостатку осадных орудий; он отправил в Москву барона Лангена требовать у Петра условленной помощи, условленного нападения на Ингрию. Но Петр хорошо помнил другое, главное условие — не начинать шведской войны до окончания турецкой; на все убеждения Лангена он отвечал: «Если сегодня получу известие о мире, то завтра двину свои войска на шведов» [288]. Слово было сдержано: 8 августа получил Петр донесение от Украинцева о заключении мира, 9 велел двинуть войска к шведским границам, о чем в тот же день уведомил Августа: «Любезнейший брат, государь и сосед! Никакоже сомнению доселе медление наше подлежит в начатом сем деле: ибо трудные ради причины сие удержано было. Ныне же, при помощи божией, получа мир с Портою на 30 лет (слава богу, с нарочитым удовольствованием), к сему подвигу приступили есмы, о чем сегодня к новгородскому воеводе указ послали, дабы как наискорее, объявя войну, вступил в неприятельскую землю и удобные места занял; такожде и прочим войскам немедленно

иттить повелел, где при оных в конце сего месяца и мы там обретатися будем, и надеемся в помощи божией, что ваше величество инако, разве пользы, не увидите».

Но его величество польский увидал *инако;* еще прежде него *инако* увидал его величество датский. Мы упоминали уже, что последний с успехом вступил в Голштинию и заставил герцога удалиться в Швецию к родственнику и другу, Карлу XII, с которым мы должны поближе познакомиться.

Карл родился в 1682 году, следовательно, был ровно десятью годами моложе нашего Петра. Сильная натура рано начала давать себя чувствовать в ребенке; и с самого же начала сила обнаруживалась односторонне; в удали, безрассудном искании опасностей уже высказывался исключительно герой-завоеватель, тогда как в русском Петре с малолетства была видна гениальная многосторонность, гениальная чуткость ко всему, виден был преобразователь, а не солдат, не завоеватель. И в молодом Карле, как в Петре, богатырские силы высказывались часто очень неприятным образом для окружающих; особенно неприятный характер приняли королевские потехи, когда весною 1698 года в Стокгольм приехал Фридрих III, герцог голштейн-готторпский, чтоб жениться на старшей сестре Карла XII. Фридрих и Карл стали неразлучными друзьями, и проделкам этих друзей не было конца: то в сеймовой зале устроят охоту за зайцем, то днем въедут вместе торжественно в Стокгольм, причем герцог и вся свита в одних рубашках с саблями наголо, с криком и гамом; то пойдут вечером гулять по городу и бить стекла; потешались и тем, что срывали парики, шляпы, выбивали миски из рук пажей, разносивших кушанье, колотили мебель и выбрасывали за окна, однажды переломали все лавки в церкви и заставили всех молиться стоя; несколько дней сряду друзья забавлялись тем, что отсекали саблями головы баранам и телятам, пригнанным для этой потехи во дворец; пол и стены королевских комнат были улиты кровью. Во время этих потех шестнадцатилетнего Карла нельзя было занять ничем важным; сановники, которые решались пытаться на это, были выталкиваемы за двери. Народ роптал; говорили, что герцог голштинский нарочно развращает короля, чтоб погубить его и самому занять шведский престол, за неимением наследников мужского пола. Но и общество показало свою силу: представления за представлениями с разных сторон являлись к королю насчет его поведения; в одно воскресенье три проповедника в трех разных церквах говорили проповедь на один текст: «Горе стране, в которой царь юн!» Все это сильно раздражало Карла и, по-видимому, не вело ни к чему, но только *по-видимому;* молодой богатырь поутих, и когда герцог уехал из Швеции, Карл явился совсем другим человеком, сериозным

и деятельным; теперь уже не могли уговорить его хотя немного рассеяться. Потом вдруг опять с жадностью предался удовольствиям, балам, маскарадам, театру. Силы кипели и не находили выхода.

Между тем герцог Фридрих в надежде на помощь Швеции стал задирать Данию, строить крепости и вводить шведские отряды, тогда как Дания, по старинным ленным отношениям, отрицала у него право на это. Датское войско вступило в Шлезвиг и срыло укрепления Теннинга; но как скоро оно удалилось, герцог возобновил укрепления. Вражда разгоралась, и Дания была рада случаю утвердить свою власть в Голштинии: Швеции она не боялась, она вошла в тайные сношения с Августом II и Россиею. Изгнанный датскими войсками герцог Фридрих, приехавши в Швецию, объявил Карлу XII, что отдает себя и свою страну в его покровительство. «Я буду вашим покровителем, — отвечал Карл, — хотя бы это мне стоило короны». Шведские войска получили приказ двинуться из Померании в Голштинию. Тщетно большинство членов шведского государственного совета было против войны; тщетно хотели помешать ей Англия и Голландия; искра была брошена в порох; господствующая страсть молодого короля вспыхнула и не потухнет. «Король мечтает только об одной войне, — писал французский посланник, — ему слишком много насказали о подвигах и походах его предков. Сердце и голова наполнены этим, и он считает себя непобедимым в челе своих шведов». Скоро упала и другая искра: пришло известие, что Август II польский вторгнулся в Ливонию. Король получил это известие на охоте; без всякого волнения, с улыбающимся лицом обратился он к французскому посланнику и сказал: «Скоро мы заставим короля Августа убраться восвояси». По возвращении в Стокгольм он объявил, что никогда не начнет несправедливой войны, но справедливую кончит только совершенным низложением врага. «Сперва я покончу с одним, — сказал он, — а потом поговорю и с другим».

Вечером 13 апреля 1700 года Карл простился с бабушкою и двумя сестрами, чтоб ехать в увеселительный дворец Кунгсер. Ночью король действительно выехал из Стокгольма, только не в Кунгсер. Никогда не возвратится он более в Стокгольм, никогда не увидит бабушки и сестер [289].

Совершенно неожиданно 15 000 шведского войска под предводительством самого короля переплыли Зунд и явились пред Копенгагеном, не имевшим средств защищаться. Боясь разрушения своей столицы, король Фридрих IV поспешил заключить с Карлом мир, утверждая совершенную самостоятельность Голштинии и обязуясь заплатить герцогу Фридриху 260 000 талеров. Договор был подписан в Травендале 8 августа, в тот самый день, когда Петр получил известие о

заключении мира с турками, чем условливалось движение русских войск к шведским границам.

Мы видели, как Паткуль боялся, чтоб Петр не овладел Нарвою; а Петр именно хотел начать войну покорением двух важных крепостей — Нарвы и Нотебурга (Орешка), чтоб, получивши эти две опоры, с успехом продолжать войну, занимать и всю страну, между ними лежащую, страну, не имевшую других значительных крепостей, страну пустынную, где еще нужно было укрепляться — на досуге. При этом Нарва была важнее Нотебурга, ибо ближе к Риге, где должен был действовать Август. 2 марта 1700 года, отвечая Головину из Воронежа на известие о неудаче саксонцев в Ливонии, Петр писал: «Жаль, жаль, да нечем пособить! Пришло мне на мысль: сказывал мне Брант, что есть в Ругодеве (Нарве) пушки продажные корабельные, и я с ним говорил, чтоб купить. И ныне для тех пушек пошли ты Корчмина (стольника, выученного за границею инженерному искусству), чтоб он их пробовал и купил несколько; а меж тем накажи ему, чтоб присмотрел города и места кругом; также, если возможно ему дела сыскать, чтоб побывал и в Орешек, а буде в него нельзя, хоть возле его. А место тут зело нужно; проток из Ладожского озера в море (посмотри в картах), и зело нужно ради задержания выручки; а детина, кажется, не глуп и секрет может снесть. Зело нужно, чтоб Книпер того не ведал, потому что он знает, что он (Корчмин) учен»[290].

«Мы здесь в 18 день объявили мир с турками зело с преизрядным фейерверком, в 19 день объявили войну против шведов», — писал Петр Федору Матвеевичу Апраксину[291], заведовавшему флотом в Воронеже. Война объявлялась за многие неправды шведского короля, и особенно за то, что во время государева шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства[292]. Войска двинулись к Нарве. Посланник Августа, Ланген, был в отчаянии, что вместе с датским посланником никак не мог удержать царя от похода в Нарву; он утешал себя тем, что со временем этот город не уйдет из их рук. Паткуль пришел в восторг при известии, что Петр наконец объявил войну Швеции; но этот восторг был сейчас же охлажден тревожною мыслию, куда двинет царь свои войска? что, если к Нарве? Паткуль беспокоился тем более, что уже познакомился с Петром, увидел, какого опасного союзника приобрел себе его Август. В этом беспокойстве Паткуль писал Лангену: «Вопрос в том, куда обратил царь свое оружие? Вы знаете хорошо, как хлопотали мы о том, чтоб отвратить его от Нарвы; мы руководились при этом важными соображениями, между которыми главное, что не в наших выгодах допустить царя в сердце Ливонии, позволив ему взять Нарву. В Нарве он получит такое место, откуда может захватить Ревель, Дерпт и Пернау

прежде, чем узнают об этом в Варшаве, а потом покорить Ригу и всю Ливонию. Поневоле станешь бояться, имея дело с таким государем, вспомнив об его силах и о всех его движениях, которые вы очень хорошо проникли, как видно из вашего донесения королю. Наконец, благоразумие требует взять все возможные меры предосторожности, чтоб Ливония не зависела от произвола этого могущественного друга и союзника королевского. С другой стороны, не должно забывать, что мы слабы, что нам необходима помощь царя и его дружба, если мы хотим что-нибудь сделать, и что мы нанесем немалый удар Швеции, когда она так рано потеряет Нарву. Вот почему нам нельзя очень торговаться с царем из опасения, чтоб не раздражить его, и я думаю, что ненадобно спорить с ним о Нарве; однако надобно очень искусным образом подать царю записки, с которых взять копии из царской канцелярии и таким образом охранить право короля, которое он имеет в силу последнего договора, чтоб можно было действовать впоследствии, когда не будет более причин так осторожно обходиться с царем, как принуждены мы теперь Наблюдайте внимательно за поведением датского посланника: не он ли внушает царю желание взять и удержать за собою Нарву? Побуждайте царя хлопотать, чтоб республика Польская также объявила войну Швеции. Выведайте у царя, не может ли он уступить чего-нибудь полякам со стороны Киева; внушайте ему, что приобретение Ингрии и Карелии, утверждение на берегу Балтийского моря сторицею вознаградит его за уступку» [293].

9 сентября писал это Паткуль Лангену, а еще 22 августа русские войска начали выступать в поход под Нарву. Старый наш знакомый, капитан бомбардирской роты Петр Михайлов, шел с Преображенским полком до Твери. Здесь получил он известие от польского короля, что Карл XII скоро будет в Ливонии с 18 000 войска и высадится в Пернау. Петр был в сильном недоумении, как видно из письма его к Головину: «И о том я многократно думал, истина ль или подлог? И буде истина, то, конечно, датский осилен. Мы пойдем отсель завтра до Новгорода, не мешкав. К Якову Брюсу я послал, чтоб остановился, если за рубеж не вышел. Извольте управляться, так же и прочим приказать; а мы пойдем и будем делать, как бог наставит» [294].

В Новгороде Петр решился продолжать поход к Нарве: о прибытии Карла XII слухов не было, а были вести, что Нарва плохо укреплена и войска в ней мало [295]. 23 сентября Петр стал под Нарвою и немедленно занялся приготовлениями к осаде вместе с саксонским инженерным генералом Галлартом, которого прислал король Август. Затруднения обнаружились сейчас же: военных запасов было заготовлено гораздо меньше, чем сколько нужно было, по мнению Гал-

ларта [296]. Другая беда: войска по причине дурной осенней дороги и недостатка подвод двигались очень медленно, и дорогое время уходило. Всего войска собралось под Нарвою от 35 до 40 000 [297], изнуренного тяжелым походом и недостатком съестных припасов; пушки оказывались негодными Наконец 20 октября открылся огонь по городу со всех русских батарей; надеялись, что город при его малых средствах недолго продержится, как вдруг пришло известие, что Карл XII высадился в Пернау с большим, как говорили, войском. После военного совета русские укрепили свой лагерь Стрельба по городу продолжалась, пока наконец недостаток в ядрах, бомбах и порохе не заставил прекратить огонь. Надобно было дожидаться их подвоза. Первая осада Нарвы, как и первая осада Азова, ознаменовалась изменою: один из служивых иностранцев, Гуммерт, пользовавшийся особенным расположением царя, ушел в Нарву, оставя в Москве жену и детей. Петр после велел перед его московским домом повесить его куклу; но Гуммерт из Нарвы опять завел с ним сношения, давал советы, как вести войну, как снова действовать против Нарвы, объяснял причины неудачи первой осады: «Как прямое учреждение и учение между солдатами учинено не будет, невозможно вовек войну совершенную весть, понеже сие более к своему собственному погублению, нежели к неприятельскому убытку учинено будет. Вашего величества сила есть неописанна, егда б право и к пользе только б употреблена была, тако ж люди сами так добрые, как возможно в свете найти; но лучшего несть, а именно: прямого порядка и учения». Осада, по словам Гуммерта, не удалась оттого, что «мы имели лазутчиков и ведомцев и обо всем хорошо ведали, но руками никто не хотел приняться: ходили, как кошки около горячей каши, и никто не хотел пальцев ожечь. Надобно было прежде шанцы построить для сохранения своих винных фляг и хлебных мешков, хотя нечего было опасаться, и отложили то до последнего, что сперва делать надлежало. Люди наши сначала были весьма бодры к наступлению; но что пользы, когда псы зело добры, а ловцы неудобны, или наоборот: ловцы гораздо добры, а псы неудобны — плохая ловля будет!» Письма Гуммерта сохранились [298]; но ответов никаких нет, есть только известие, что шведы повесили Гуммерта [299].

17 ноября боярин Борис Петрович Шереметев, посланный к Везенбергу наблюдать за шведским войском, отступил к Нарве с вестию о приближении неприятеля; в ту же ночь Петр оставил лагерь Понятно, что это подало повод к обвинениям и оправданиям Но в чем обвинять Петра? в трусости? И прежде и после Петр доказал, что он не трусил при встрече с неприятелем; но безрассудная удаль, стремление подвергаться опасности бесполезной было совершенно не в

характере Петра, чем он так отличался от Карла XII. Петр мог уехать из лагеря при вести о приближении Карла, убедившись, что оставаться опасно и бесполезно, что присутствие его может быть полезно в другом месте. Это был человек, который менее всего был способен руководиться ложным стыдом. Петр привел свои войска под Нарву, как привел их под Азов, рассчитав, что двое союзников занимают неприятеля. Искусных генералов у него не было, война еще не успела образовать их; в походе, который имел целию занятие крепости, можно было обойтись и без них; у Петра был искусный инженер Галларт, с которым он и намеревался распоряжать всем сам. Но обстоятельства переменились: на выручку Нарвы приближался шведский король с отличным, и по слухам, с большим войском, ободренным блистательным успехом в датском походе. В военном искусстве, как и во всех других искусствах, Петр смотрел на себя и на своих как на новичков, только что начавших учиться; и вот этим новичкам пришлось померяться с мастерами. По всем вероятностям, Петр поспешно бы отступил перед Карлом от Нарвы, если б оставался один с адмиралом Головиным, которого для сохранения видимого единства назвал фельдмаршалом; но еще в Новгород к нему приехал отлично рекомендованный генерал цесарской службы герцог фон Круи. При вести о приближении Карла Петр предложил герцогу принять начальство над русским войском; тот долго отказывался, наконец принял предложение; войско в надежных руках мастера; царю с прежним фельдмаршалом оставаться долее значило только вредить единству распоряжений, развлекать внимание подчиненных. Петр уехал вместе с Головиным в Новгород «для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо, чтоб иметь свидание с королем польским» [300].

Карл быстро шел к Нарве по пятам Шереметева и утром 19 ноября явился пред русским лагерем, имея около 8500 человек войска [301]. Но кроме искусства, опытности и бодрости на шведской стороне главным условием успеха для Карла было то, что русские войска были растянуты на огромном протяжении своего лагеря, и прорваться чрез их несомкнутые ряды было легко; кроме того, сильная вьюга била прямо в лицо голодным и холодным русским солдатам, и в 20 шагах нельзя было ничего различить; наконец, к печальному состоянию физическому присоединялся упадок нравственных сил, произведенный сознанием своего неискусства, неопытности пред страшным этими качествами неприятелем; сюда же присоединялась подозрительность: предводители немцы будут ли усердно сражаться против своих? Вот почему, когда шведы ворвались в лагерь, в рядах испуганных русских солдат раздались крики: «Немцы изменили!» Эти страшные

крики отняли последние силы, и все бросились бежать. Побежала конница Шереметева вплавь через Нарову, причем потонуло 1000 человек. Бегство Шереметева освободило Карла от большого страха, потому что он больше всего боялся, чтоб конница не напала на него с тыла. Пехота бросилась через мост, мост обрушился, и много народа потонуло в Нарове. Дисциплина исчезла; в страшном озлоблении русские начали кидаться на иностранцев и бить их. Видя это, фон Круи закричал: «Пусть сам черт дерется с такими солдатами!», бросился бежать вместе с другими иностранцами и отдался в плен шведам. При этом всеобщем смятении и бегстве не смялись и не побежали два полка — Преображенский и Семеновский: огородясь рогатками и артиллерийскими повозками, они до самой ночи отбивались от шведов. Между тем король, увязив лошадь в болоте, сам насилу из него выбрался и пересел на другую лошадь; та была убита, король пересел на третью, говоря со смехом: «Видно, неприятель хочет упражнять меня в верховой езде». Когда совершенно стемнело, король велел прекратить огонь, а сам в мокром платье прилег на плаще у сторожевого огня.

Победа шведов еще далеко не была решительною. Преображенцы и семеновцы пугали своим отчаянием; кроме них стоял твердо отряд, бывший под начальством генерала Вейде. Между шведами было мало порядка; два отряда их, опознавшись, вступили друг с другом в бой, причем погибло немало людей. Ночью солдаты забрались в покинутые русские палатки, нашли там много вина и перепились так, что сделались неспособными сторожить пленных, и если бы русские воспользовались этим, то исход Нарвской битвы мог бы быть совершенно иной. Но русские генералы — князь Як. Фед. Долгорукий, царевич имеретийский Александр, Автамон Головин, Бутурлин Ив. Ив., не имея сообщения с Вейде и ничего не зная, в каком положении дела, опасаясь печального для себя исхода битвы, на другой день вошли в переговоры с королем и согласились отступить, отдавши шведам артиллерию. Вейде, получив известие об этой капитуляции, последовал примеру русских генералов: «Я позволяю русским солдатам сохранить оружие за храбрость, с какою они защищались», — сказал Карл. Шведы были рады спровадить русских как можно скорее за реку, принялись ночью за работу и далеко до рассвета успели навести мост, по которому русские и переправились, но генералы были захвачены в плен под предлогом, что русские нарушили договор, вывезши денежную казну, тогда как о казне не было ничего в договоре [302].

21 ноября Карл с торжеством вступил в освобожденную Нарву, куда были отправлены и 79 человек знатных русских пленных, в том числе 10 генералов.

Блистательная победа была выиграна; как же воспользуется ею победитель? Надобно было выбирать из двух дорог, из двух врагов, и мнения разделились. Пипер, Вреде, Веллинг, Штенбок и другие советовали принять мирные предложения короля Августа и все силы обратить на преследование бегущих, испуганных русских; стать у них на зимние квартиры, кормить армию на их счет и поддерживать неудовольствия на царя между стрельцами, между приверженцами Софьи, между чернью, недовольною введением европейских обычаев. Замутится русское царство, и Швеции можно будет, как некогда при самозванцах, приобрести выгоды, еще более обезопасить свои владения с этой стороны, заставить русское правительство исключительно обратить свое внимание на Черное море. Сначала Карл был за этот план: в спальне у него висела карта, где обозначена была дорога в Москву; он запретил своим солдатам забегать для фуражировки за русскую границу: иначе, говорил он, шведское войско не найдет здесь пропитания. Но скоро план был оставлен. Со стороны Карла главными побуждениями к этому были — ненависть к Августу и презрение к русским: этих врагов, думал он, всегда легко низложить, а чтоб сдержать их на время — для этого немного нужно войска. Таким расположением Карла спешили пользоваться, потому что война в России мало прельщала шведских солдат и офицеров: холодная и бедная страна не обещала богатой добычи. Карл отошел от Нарвы к крепкому замку Лаису (в 50 верстах от Дерпта), чтоб дожидаться здесь подкреплений из Швеции, с которыми хотел выступить весною против Августа [303].

Между тем слух о Нарвской битве разнесся по всей Европе и возбудил сильное удивление к осьмнадцатилетнему победителю: поэты настроили свои лиры; выбивались медали в честь Карла: на одной нарвский победитель был изображен с надписью «Истина превосходит вероятие (superant superata fidem)»; на другой Карл низлагает троих неприятелей и надпись: «Наконец правое дело торжествует!» Кроме медалей в честь Карла была медаль, выбитая в насмешку над Петром, с кощунскими сближениями из истории апостола Петра: на одной стороне медали был изображен царь Петр, греющийся при огне своих пушек, из которых летят бомбы на Нарву; надпись: «Бе же Петр стоя и греяся». На другой стороне изображены были русские, бегущие от Нарвы, в их челе Петр: царская шапка валится с его головы, шпага брошена, он утирает слезы платком, и надпись говорит: «Изшед вон, плакася горько» [304].

Но смеется тот, кто последний смеется. Люди, близкие к Карлу, сейчас же могли заметить вредное влияние, произведенное на него необыкновенным успехом. С этих пор страсть к войне разгорелась в нем во всей силе. Война для войны

стала целию его жизни; сюда присоединилось мнение о своей непобедимости и непогрешительности, о своем посланничестве свыше. Вера в собственную непобедимость соединилась, естественно, с презрением к раз побежденному неприятелю: «Нет никакого удовольствия, — говорил он, — биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут; если бы Нарова была покрыта льдом, то нам едва ли бы удалось убить хотя одного человека. Лучшее зрелище было, когда русские взбежали на мост, и мост под ними подломился: точно фараон поглощен был в Чермном море; повсюду высовывались из воды головы людские и конские, руки и ноги; наши солдаты стреляли их, как диких уток». Знаменитый впоследствии фельдцейхмейстер Кронстедт писал в Швецию после Нарвской битвы: «Наш король так крепко надеется на помощь божию, что не боится с 4000 человек броситься на 60 000». Генерал Стенбок писал: «Король ни о чем больше не думает, как только о войне; он уж больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, что как будто бы бог непосредственно внушает ему, что он должен делать». Полковник королевской гвардии Поссе отзывался: «Несмотря на холод и голод, король еще не хочет отпустить нас на зимние квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человек, то он с ними вторгнется в Россию, не заботясь, чем будут солдаты питаться. Если кого-нибудь из наших убивают, то это его нисколько не трогает»[305].

От победителя обратимся к побежденному. Петр не бросал оружия и не плакал, как враги представляли его на медалях. И после Нарвы он явился так же велик, как велик был после первого неудачного похода азовского, обнаружил такую же изумительную деятельность, не останавливаясь ни перед чем. Князь Аникита Репнин получил приказание привести в исправность полки, шедшие от Нарвы «в конфузии»[306]. Работы над укреплениями закипели в Новгороде, Пскове, Печерском монастыре (близ Пскова): «Рвы копали и церкви ломали, полисады ставили с бойницами, а около полисад окладывали с обеих сторон дерном; также и раскаты делали, а кругом окладывали дерном; а на работе были драгуны и солдаты, и всяких чинов люди, и священники, и всякого церковного чина, мужескаго и женскаго пола; а башни насыпали землею, а сверху дерн клали, работа была насыпная; а верхи с башен деревянные и с города кровлю деревянную всю сломали. и в то же время у приходских церквей, кроме соборной церкви, служеб не было». И горе тем, кто в это время не хотел работать или думал, как бы поживиться от общего дела. Пришедши в Печерский монастырь, Петр при себе велел заложить первый раскат у святых ворот и назначил быть на работе полуполковнику Шеншину. Пришедши потом на работу и не заставши там Шеншина, он велел бить

его плетьми нещадно у раската и послать в Смоленск в солдаты. В Москве перед Поместным приказом повешен Леонтий Кокошкин за то, что был он у приема подвод в Твери и взял пять рублей денег; в Новгороде повешен Елисей Поскочин за то, что брал деньги за подводы [307].

23 000 войска сохранилось от Нарвского поражения. Князю Бор. Алекс. Голицыну поручено было набирать новые полки, и набрано десять драгунских полков, в полку 1000 человек; весною они уже отправились в Псков [308]. Солдат набирали из вольницы [309]. Люди явились; но надобно было создать новую артиллерию, потому что старую отдали под Нарвою шведам. Петр велел «со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей, собрать часть колоколов на пушки и мортиры» [310]. Приготовление орудий поручено было Виниусу, «надзирателю артиллерии». Бодрый, неутомимый и знающий старик был способен выполнить важное и трудное поручение; но он не составлял исключения относительно бескорыстия; и, делая Виниуса надзирателем артиллерии, Петр счел за нужное взять у него заведование почтою. Виниус спрашивал: нет ли какого гнева? Петр отвечал: «Письма ваши я принял, в которых пишете о готовности артиллерии и что трудитеся в том: и то зело доброе дело и надобно, ибо время яко смерть. Тут же пишешь, нет ли какого гневу за нечаямое будто отнятие почты: и тут не сама ли вас совесть обличит? Понеже я уже давно о том говорил, и вы так тому сведомы были, что многим о том говорили и нечто давали. А взята оная от вас не за иное что, только что оная у вас была ни в какую пользу государству, но только вам, ибо коль крат я говорил тебе о корреспонденции в иные места, но те мои слова тщетны; того ради и отдана иному, где если такова ж будет тщетна, и там может отняться» [311].

Виниус отлично исполнил новое поручение, но жаловался на мастеров и бурмистров: «Пущая остановка, государь, от пьянства мастеров, которых ни ласкою, ни битьем от той страсти отучить невозможно. Прилежно молю об указе бургомистрам, чтоб радетельнее исполняли по памятям Пушкарского приказа: от них остановка многая» [312]. Петр отвечал: «Зело нас увеселило вашей милости письмо, в котором видим, при помощи божией и вашем прилежании, артиллерию в немалой готовности. Бурмистрам скажи и сие покажи, что если не будут за их удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будут» [313]. Не знаем, во сколько Виниус преувеличивал трудности, чтоб тем резче выставить собственные заслуги; по крайней мере он писал, что добрых мастеров только двое: один немец, другой русский; из остальных русский один хорош да пьян, другие два спились с кругу и не боятся никакого наказания. Как бы то ни было, в ноябре 1701 года Виниус хвалился, что такой

хорошей артиллерии в такое короткое время и такими мастерами нигде не делали; меньше чем в год приготовлено больше 300 орудий, в которых нет никакого недостатка, да сбережено, против прежних подрядных цен, 10 000 рублей. Собрано в школы 250 ребят, из которых выйдут хорошие инженеры, артиллеристы и мастера [314].

Петр после Нарвы не хотел ограничиваться одними оборонительными мерами. Наступательное движение было необходимо, во-первых, для ободрения своих, страшно упавших духом; потом — для показания друзьям и недругам, что Нарвское поражение не отняло всего, что остался дух и силы. Как свои упали духом и какими средствами надобно было возбуждать их к деятельности, видно из письма Петра к Бор. Петр. Шереметеву две недели спустя после Нарвской битвы, 5 декабря 1700 года: «Нет! Понеже не леть есть (нельзя) при несчастии всего лишатися, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, т. е. над конницею новгородскою и черкасскою, с которыми, как мы и прежде наказывали (но в ту пору мало было людей), ближних мест беречь (для последующего времени) и иттить в даль, для лучшего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем: понеже людей довольно, также реки и болота замерзли, неприятелю невозможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем; а буде болезнию, и та получена меж беглецами, которых товарищ майор Л... на смерть осужден» [315].

Шереметев послал отряд к замку Мариенбургу; но полковник Шлиппенбах отбил русских, укрепил замок [316] и в январе 1701 года вошел в русские пределы с тремя ротами конницы и тремя ротами пехоты. В 15 верстах от Печерского монастыря был у шведов бой с русскими, которые побили у шведов 60 человек и взяли 15 пленников [317]; Шлиппенбах ушел назад. Этим надолго ограничились неприятельские действия с обеих сторон: русские не решались искать шведов далеко внутри их владений, а у Шлиппенбаха было очень мало войска для сколько-нибудь значительного предприятия. Сильнс потерпели только пограничные жители: козаки вывели в Малороссию около 4000 пленных из Ливонии. Между тем Петру нужно было скрепить союз с королем Августом, не допустить его до отдельного мира с Карлом и попытаться, нельзя ли склонить и Польшу к войне против шведов. Лучшим средством для этого Петр считал личное свидание с Августом, личные переговоры с польскими вельможами. Это свидание государей произошло в феврале 1701 года в местечке Биржах (Динабургского уезда). Государи веселились за длинными обедами и занимались важными делами. Однажды Август после пирушки проспал обедню; но Петр явился в церковь и по своему обычаю внимательно приглядывался к католическому богослужению, расспрашивал, что̀ значит то и другое

действие. Один из польских сенаторов заметил ему, что в его власти соединить церковь греческую с латинскою. Царь отвечал: «Господь действительно дал царям власть над народами; но над совестию людей властен один Христос, и соединение церквей может совершиться только с божией воли».

Петр приехал улаживать не соединение церкви, а соединение Польши с своим королем и с Россиею против шведов. Он представлял литовскому подканцлеру Щуке, что Польша должна теперь воспользоваться соединением русских и саксонских войск, чтоб присоединить к ним свои войска и отнять у шведов Лифляндию. Щука отвечал, что Польша истощена только что оконченными войнами, и гораздо выгоднее для нее пользоваться миром, чем искать новых приобретений; что, разумеется, ее можно побудить к войне, но для этого нужно посулить ей выгоды посущественнее. — «Что такое, что такое?» — стал спрашивать царь. «Все дело в руках вашего величества», — отвечал подканцлер. Петр начал настаивать, чтоб Щука объяснился, и тот сказал: «По последнему договору с Россиею Польша лишилась своих прежних границ; так не угодно ли будет вашему величеству возвратить ей хотя половину уступленного, например Киев с округом». Царь объявил, что это невозможно, что для Польши довольно и Лифляндии. Переговоры продолжал Головин, приехавший с царем: он объявил, что уступка Киева невозможна без согласия думы и козацкого гетмана, что она может произвести внутренние волнения в России. «Если это трудно для России, то еще труднее побудить к войне Речь Посполитую, — отвечал Щука, — возвратите по крайней мере нам заднепровские городки: Терехтемиров, Стайки, Триполье, также некоторые села от стародубского полка и не запрещайте населять Чигирин и другие окрестные места». «Ничего этого нельзя уступить без совета с гетманом, потому что царское величество ничего силою от Украйны не отнимет», — сказал Головин.

Разговоры с Щукою этим и кончились; но с Августом заключен был новый договор. Союзники обязались продолжать войну всеми силами и не оканчивать ее без взаимного согласия; царь обещал королю прислать от 15 до 20 000 пехоты, хорошо вооруженной, в полное его распоряжение с обязательством выдать деньги на учреждение провиантских магазинов, выставить в Витебск 10 000 фунтов пороху и выплачивать в продолжение трех лет по 100 000 рублей; король будет употреблять свои войска против шведов в Лифляндии и Эстляндии, дабы, отвлекая общего неприятеля, обезопасить Россию и дать царю возможность с успехом действовать в Ижорской и Карельской землях, а Лифляндию и Эстляндию царь оставляет королю и Речи Посполитой без всякого притязания. Так как исход войны не верен и так как вследствие войны за испанское наследство немецкие владения короля

могут подвергнуться большой опасности, то союзники условились принять посредство цесарское, французское, английское, бранденбургское и голландское и мирные предложения посредников выслушивать, что, однако, нисколько не должно вредить нынешнему и прежнему договорам. О новом договоре дать знать королю датскому. В тайной статье царь обязался прислать королю 20 000 рублей, «дабы некоторое награждение и милость показать тем из польских сенаторов, которые способы сыщут привести в постановленные союзы и Речь Посполитую».

По отзыву видевших Петра в Биржах, он очень основательно рассуждал о своих и чужих морских силах, говорил, что у него будет до осьмидесяти кораблей 80-ти и 60-ти пушечных, и в числе их один, построенный по собственному его чертежу, под названием «Божие предвидение». На этом корабле изображен св. Петр, а внизу представлена лодка, на которой дети пускаются плавать по морю. (Царь хотел этим выразить, что в России мореплавание находится еще в младенчестве.) Весь девиз сочинен царем. Царь очень сведущ в географии, черчении и рисовании и прилежно занимается этими предметами [318].

В начале марта Петр возвратился в Москву и вслед за ним явился от Августа генерал-адъютант за деньгами. Взяли в приказах, в ратуше — недостало, взяли в Троицком монастыре 1000 золотых; Преображенского полка поручик Меншиков дал 420 золотых, богатый гость Филатьев дал 10 000 рублей [319]. Исполнено было и другое обязательство: князь Репнин повел 20 000 пехоты для соединения с саксонскими войсками Августа, находившимися под начальством генерал-фельдмаршала Штейнау. 21 июня Репнин достиг Кокенгаузена, и войско его заслужило похвалы Штейнау: «Люди вообще хороши, — писал фельдмаршал, — не больше 50 человек придется забраковать: у них хорошие маастрихтские и люттихские ружья, у некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы, работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания. Особенно похвально то, что при целом войске нет ни одной женщины и ни одной собаки; в военном совете московский генерал сильно жаловался и просил, чтоб женам саксонских мушкетеров запрещено было утром и вечером ходить в русский лагерь и продавать водку, потому что чрез это его люди приучаются к пьянству и разного рода дебоширству. Генерал Репнин человек лет сорока; в войне он не много смыслит, но он очень любит учиться и очень почтителен; полковники все немцы, старые неспособные люди, и остальные офицеры люди малоопытные» [320].

Но многоопытные учители дурно себя показали пред любознательными учениками. Карл XII так же неожиданно

напал и на саксонцев при Риге, как на русских при Нарве. 9 июля он благополучно переправился через Двину в виду неприятельского войска и после двухчасовой битвы в пух разбил Штейнау. Саксонцы потеряли всю артиллерию, весь лагерь и 2000 человек войска, тогда как из шведских рядов выбыло только 500 человек. Русских у Штейнау было только 4000; остальные с Репниным находились в осьми милях от Риги. Паткуль приписывал неудачу тому, что саксонцы вместо наступательной ограничились оборонительною войною: «Я настоял на личное свидание короля с царем, чтоб они условились насчет будущего похода», — писал Паткуль к саксонскому резиденту в Копенгаген. «Я представлял каждому из них, как необходимо приготовиться к походу заранее, соединить оба войска и нагрянуть на неприятеля, прежде чем он успеет получить подкрепления из Швеции и Померании. На том и порешили в Биржах. По моим представлениям, царь дал нам все нужное, коротко сказать, он поступил как честный государь. Но только что мы приехали в Варшаву, как начали уговаривать короля к оборонительной войне. Я всеми силами противился этому плану, хуже которого нельзя было придумать: сам неприятель не мог найти ничего лучше для себя, потому что мы дали ему время воспрепятствовать соединению союзных войск»[321]. Здесь надобно заметить, что Паткуль, желая прежде всего выставить непогрешительность своих советов, перепутывает дело. Конечно, следовало бы союзникам как можно скорее после Нарвы соединить свои войска и вместе ударить на ничтожное войско Карла, но этого не было сделано; относительно военных действий было постановлено в Биржах, что не ранее августа месяца королевским войскам с воспомогательными русскими осадить Ригу; царь пошлет калмыков в Финляндию, а главная русская армия будет действовать со стороны Печерского монастыря или Нарвы, не покушаясь ни на какие осады и большие сражения; если Рига будет взята, то король поможет царю овладеть Нарвою[322]. Нельзя складывать всю вину на советников Августа, которые в Варшаве предлагали оборонительную войну; надобно прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что корпус Репнина соединился с Штейнау только 26 июня именно потому, что в Биржах срок начатия рижской осады был положен в августе месяце и еще из Бирж царь прислал в Москву приказание остановить войска, выступавшие в поход. Таким образом, распоряжениями в Биржах, а не переменою плана в Варшаве тратилось время и давалась Карлу возможность получить подкрепления из Швеции и Померании. Карл мог ударить на саксонцев, не подкрепленных всем корпусом Репнина, потому что Штейнау послал к Риге только четыре русских полка, а остальных русских заставил работать над траншаментом на Двине[323],

обрадовавшись, что русские прилежно и скоро работают, а Репнин почтителен. Мы сочли нужным войти в эти объяснения, чтоб показать, как осторожно надобно обходиться с показаниями Паткуля.

Как бы то ни было, Карл одержал вторую блистательную победу, и теперь не над русскими, известными своею неопытностию в военном деле, но над саксонцами. Опять победителю предстоял выбор — преследовать ли Августа, или обратиться на русских? И тут сначала он имел в виду последнее, велел Шлиппенбаху от Дерпта приблизиться ко Пскову и ждать его приезда [324]. Но скоро Карл переменил намерение, и не следует уже слишком упрекать девятнадцатилетнего короля за упорство, с каким он теперь начал стараться о низложении Августа с польского престола. Постоянно бросаться из одной стороны в другую, победив русских, идти на саксонцев, победив саксонцев, оборачиваться на русских — было не очень удобно. Главный вопрос состоял в том, кто опаснее: саксонцы или русские? Против более опасных врагов и нужно было Карлу с главными силами действовать самому. Карл имел полное право считать саксонцев более опасными, чем русских. Правда, Карлу советовали заключить мир с Августом и обратиться со всеми силами против Петра; но Карл питал самое глубокое презрение и недоверие к Августу, нисколько не полагался на его клятвы при заключении мирного договора, считал себя вправе опасаться, что, как скоро он углубится в Россию, Август снова начнет действовать враждебно против Швеции. Отсюда и стремление свергнуть прежде всего Августа, приобрести в новом польском короле себе союзника и безопасно действовать против России. Положим, что Карл был раздражен против Августа более, чем против других врагов своих; король датский имел право враждовать против Швеции вследствие вражды своей с герцогом голштинским; русский царь добивался моря и отыскивал старых русских владений, захваченных шведами не очень честным образом в Смутное время; но курфюрст саксонский не имел подобных побуждений, и он-то был главным заводчиком союза против Швеции, он первый начал действовать по внушениям Паткуля; положим, что Карл увлекался своим раздражением против Августа, но вместе с тем нельзя не признать, что и без этого раздражения он имел основание прежде всего добиваться свержения Августа с польского престола. В одном письме к французскому королю Карл выразился таким образом об Августе: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщения от бога и презрения всех благомыслящих людей». В письме Карла к Шведскому государственному совету находим выражения того же убеждения, что с таким человеком, как Август, нельзя входить ни в какие сношения: «Если король Август, — пишет Карл, — позволил себе раз

такой обман, то нельзя иметь никакого доверия к его слову; войти в сношения с человеком, который так себя обесчестил, значит причинить ущерб собственной чести»[325].

Таким образом, Август был драгоценный союзник для Петра не силою оружия, но тем, что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля; он отвлек этого страшного в то время врага от русских границ и дал царю время ободрить свои войска и выучить их побеждать шведов. Успехи русских начались на дальнем севере, где в июне 1701 года семь шведских судов тайком, под английскими и голландскими флагами, хотели пробраться к Архангельску, но были отражены и оставили в добычу русским два судна, севших на мель. Петр был очень доволен: «Зело чудесно!» — писал он к Апраксину и поздравлял с «нечаемым счастием», что отразили «злобнейших шведов».

В конце 1701 года Шереметев предпринял наступательное движение на Шлиппенбаха в Ливонии и, пользуясь превосходством своих сил, поразил шведов при мызе Эрестфер 29 декабря: 3000 шведов полегло в битве, 350 было взято в плен, русские потеряли около 1000 человек. Петр был в восторге от первой победы над шведами, Меншиков поскакал к победителю с орденом св. Андрея Первозванного, с царским портретом, осыпанным бриллиантами, с указом о возведении в генерал-фельдмаршалы. В Москве великое торжество: благодарственные молебны, целый день колокольный звон, целый день гремят сто пушек, на башнях и стенах кремлевских развиваются знамена, отнятые у шведов[326]. Нарва отмщена.

После победы Шереметев пошел разорять шведскую землю, разорил весь Юрьевский (Дерптский) уезд, но усталость лошадей и глубокие снега заставили фельдмаршала прекратить опустошительный поход. Шереметев считал большим счастием для себя, что неприятель не воспользовался глубокими снегами и не напал на лыжах из лесов. Было взято 140 языков; чухну разобрали по себе черкасы (малороссийские козаки); Шереметев доносил, что он не велел отнимать чухну у черкас, «чтоб охочее были»[327].

Но черкасы не были довольны. Еще в начале года, несмотря на то что, по словам самого гетмана, вывели из Ливонии в Малороссию до 4000 пленных, они сильно жаловались.

3 марта Мазепа (андреевский кавалер с 8 февраля 1700 г.) писал государю: «Возвратившись со службы вашей монаршеской, с границ ливонских, полковники с старшиною и товариществом стали на меня чинить великое между собою нарекание и роптание, хотя и за глаза, во-первых, за то, что понесли такие труды и в хозяйстве своем ущерб от дальнего похода; во-вторых, что за сено немало их товарищества побито и потоплено, оружие и кони на сенах отниманы, и, не-

смотря на их жалобы, управы им не дано в тех селах, где их грабили и убивали. Особенно же ропщут они за то, что во Пскове при отпуске взяли у них пушки полковые. Эти возвратившиеся войсковые люди поднимают на ропот остававшихся в Малороссии, все в один говор ропщут на меня, будто я за их права и вольности не стою и вам, великому государю, за них не бью челом, что такие новые дела над ними делаются. Не зная, за что взяты пушки, я не умею им отвечать и утолить их ропот. Покорственно бью челом о известительном и наставительном указе насчет пушек. Получив указ, я тотчас бы обослал по всем полкам универсалами, дабы утолить ропот. Особенно буду писать к запорожцам, у которых городовые козаки те же сплетни и плевелы посеяли, а там издавна и без всяких случаев не трудно быть переговорам и лишним словам».

Посланному к нему стольнику Лутавинову Мазепа говорил подробнее: козаки, стоя во Пскове, ездили покупать конский корм на чехи, но тамошние жители на чехи им не продавали, а у козаков кроме чехов других денег нет, и они ездили по уездам и брали конский корм, но тут у них коней и оружие поотнимали и самих человек с 40 в воду побросали, а иных до смерти побили. Били они челом об управе боярину Бор. Петр. Шереметеву, но он ничего не сделал. Козаки говорят, что гетман ездил в Москву и получил кавалерство, а об них и об нуждах их великому государю не доносит и не бьет челом, а они в этих службах вконец разорились. Говорят тайно между собою: если гетман о их обидах не будет бить челом великому государю, то они пойдут служить к королю польскому или шведскому. «Я, — говорил Мазепа, — и сам их боюсь, потому что надежные сердюки все разосланы во Псков, а при мне надежных людей моего регименту теперь малое число, а московских стрельцов только триста человек; прошу стрельцов прибавить и сделать тысячный полк для моего оберегания. Великий государь указал бы мне на свою службу идти: надобно мне выбрать войска доброго с 30 000 или по крайней мере 20 000 и идти Литвою, потому что этот путь близкий и кормный».

Вслед за тем гетман дал знать государю, что в январе он отпустил на службу во Псков низовое войско Запорожское и что запорожцы, не имея в очах своих ни страху, ни стыда, так буйно и лениво шли, что едва на масленице вышли на смоленский рубеж, и сколько на походе своем причинили неправд, грабежей и обид людям малороссийским и великороссийским, того и пересказать нельзя, едва и неприятель может хуже поступить; за это, прибавлял Мазепа, надобно их поставить на таком месте, где бы лучше отслужили.

Петр велел сейчас же отдать пушки черкасам и нарядить следствие о том, как с ними поступали на сенах. Шереметев

отвечал, что черкасы сами пушек не взяли, потому что везти не на чем; что, будучи во Пскове и во многих городах в походе, русские села и деревни они разоряли, людей побивали, топили и грабили. Мазепе дано было знать, что такое поведение служилых людей его регимента только для него презрено и прикрыто милостиво; но пусть вперед закажет им накрепко, чтоб вместо неприятеля над своими такого разорения не чинили.

Мазепа сам писал о буйстве запорожцев во время похода, но и от тех, которые оставались на Сечи, не было покоя В начале 1701 года запорожцы прислали Мазепе жалобу, что селитреники, которые выделывают селитру около реки Самары, обещали им платить с котла по 100 золотых и обещания не исполнили. Донеся об этой жалобе государю, гетман писал: запорожцы, кроме того, что берут по сту золотых с котла, притесняют селитреников всячески: и деньги, и напитки, и харчи берут с селитряных майданов беспрестанно, почему селитра дешево продаваться не может. Запорожцы упорно называют речку Самару от устья до верху и леса, по ее берегам растущие, и дальние буераки лесовые, и могилы, из которых селитра делается, — своими; грозили майданы селитряные разорить, селитреников с работниками отогнать и не только на селитряное дело, ни на какую потребу лесов самарских никому не давать, как паствы скотине там не дают. И если при реке Самаре селитры не делать, то нигде более способных мест нет.

В апреле новое донесение от гетмана: Войско Запорожское низовое, собравшись в числе трех тысяч, приготовя четыре пушки, поставив себе полковников, хотело идти на Ногайскую орду на помощь крымскому хану. Гетман послал им выговор, как они смели самовольно сноситься с крымским ханом и идти на Ногайскую орду. Кошевой отвечал: «Трудно было нам посылать в Москву и дожидаться монаршеского указа или докладывать вашей вельможности, потому что хан позвал нас вдруг, уже вышедши на поле; он обещал нам своих коней и уступку всей добычи. Дело не сделалось по непостоянству зимы; некоторые из наших хотели идти на ханский призыв, а не всем кошем мы поднимались и не на православных каких хотели идти. Здесь исконная вольность: кто куда хочет пойдет и где хочет добычу берет, удерживать войско от корыстей невозможно. Да и о том докладываем, что теперь низовое войско час от часу стесняется людьми городовыми, зверя и рыбы казакам добыть негде, а монаршеским жалованьем целый год прожить нельзя, и потому поневоле принуждено наше товарищество идти в помощь хану на орду Ногайскую. Нам кажется, за это гневаться на нас не следовало, напротив, надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собою, нас призывают. Мы о том про-

мышляем, чтоб они не только низовое, но и городовое войско призывали себе на пагубу».

Гетман сам вызывался идти в ливонский поход и именно Литвою; желание его было исполнено, он получил указ выступать. Но в это же время Мазепа бьет челом, что от тяжких походов козаки и поселяне очень злобятся и переговаривают между собою, что им приходит пропадать до конца, скоро изгубят их москали частыми и трудными походами, у каждого мысль — уходить за Днепр. И для всякого опасения, чтоб над ним, гетманом, не сделали какого зла внезапно, указал бы государь быть при нем тысяче человек стрельцов, а жить им попеременно: 500 при гетмане, а другие 500 в Путивле; жен их и детей привесть к ним в Путивль, потому что теперь живут в Батурине стрельцы седьмой год без жен и, впавши в отчаяние, делают такие неистовства, что и выговорить стыдно; а в Батурине жить им с женами неприлично, потому что делаются от них батуринским жителям великие обиды, кражи беспрестанные. Но этого мало: в июле 1701 года Мазепа дал знать Головину о прелестях татарских. Ханский визирь, зазвавши к себе гетманского посланца, говорил ему: «Где ваш царь? На Воронеже корабли строит, понапрасну трудится! Для чего ваш царь пренебрегает ханом и всем государством крымским? Для чего не хочет нам казны давать по-прежнему? Если надеется на силу, так и хан также силен: как сядем на коня, то будет с ним двести тысяч сабель. Если надеется на калмыков, то и та надежда даровая; это цыгане, только б им казну от царя брать, а с нами никогда по правде не будут биться. Скажи гетману, что если он словам моим не верит, то пусть созовет раду и мои слова объявит старшине и черни: увидит, что все возмутятся за нашу любовь, только пусть обнадежит всякого, что вольно все говорить. Знаем мы хорошо, что у вас на Украйне делается, знаем, что все козаки обнищали; а когда будут с нами по-прежнему в братстве, то в несколько лет станут так же богаты, как при Хмельницком были; я говорю именем хана и всего Крымского государства; жаль нам вас, как людей воинских, скоро пропадете, держась того народу московского».

После таких донесений от Мазепы понятно, почему он получил указ возвратиться назад в Батурин. Гетман обиделся или по крайней мере показал вид, что обиделся, и 20 июля 1701 года писал Головину: «Монаршеский его царского пресветлого величества имянной указ — дабы я возвратился в Батурин, послал на свое место с несколько надесять числом войска наказного гетмана, застал меня в литовских краях, в 12 милях от Могилева: и с какою моею жалостию и стыдом от тутошних жителей возвращаюся вспять, сам бог, испытуя сердца и утробы человеческие, лучше знает. Не так для поднятых трудов чрез толь долгую непотребную дорогу, как для

того, что по должному моему намерению не сталося, когда ж так себя было выбрал в ту военную дорогу с сердечною охотою и немалым моим коштом, чтобы я то показал бы по себе не на словах, не на бумаге, но самым делом, пред всем светом в его монаршеских очах, что есть верный подданный». Мазепа отправил ко Пскову четырех полковников: миргородского, переяславского, полтавского и лубенского, да наказного нежинского с семнадцатью тысячами войска и наказным гетманом назначил полковника миргородского (Данилу Апостола).

После Ерестферской битвы этот наказный гетман прислал Мазепе жалобу: «Генерал стал в мызе Ерестфер и войска великороссийские около себя поставил неподалеку по всем дорогам и малым путям и всему войску дал позволение, чтоб охочие шли на все стороны в загоны, разоряли и жгли; наши малороссияне, как большие охотники до добычи, едва не до самого Юрьева Ливонского ездили загонами и много добычи привозили в свои таборы. Но войска великороссийские, верно наученные нарочно, по всем дорогам у козаков отнимали силою добычу и самих нещадно побивали, отчего бедному нашему войску бесчестие и ругательство; а теперь, как слышим, в наших перьях щеголяет, нашею добычею корыстуется сам регементующий (Шереметев), а нашу усердную и верную службу пред монархом осуждает и ругается. Еще во Псковщине будучи, слышали мы в народе слова, будто от нас никакого не было дела и службы, но терпели, видя недоброхотство регементующего ко всему краю нашему. Слыша от нас, какие там нестерпимые недоброхотства, едва ли кто вперед из Украины нашей туда на службу царскую пойти захочет, хотя бы с великим насильством и принуждением». Но оказалось, что великороссийские войска не много отняли добычи у козаков, потому что Апостол привез в Малороссию 4 знамени, 5 пушек, до двадцати пленных офицеров, а у простых козаков оказалось пленных чухнов, лошадей и других пожитков многое число. Знамена, пушки и офицеры были отобраны, вся другая добыча оставлена.

Между тем запорожцы не переставали делать неприятности: в октябре 1701 года они разорили селитряные заводы по обоим берегам Самары; размежевывать земли по реке не дали; наконец, ограбили греческих купцов, шедших из Турции в Россию. Султан прислал в Батурин с требованием, чтоб немедленно были отданы его подданным пограбленные у них товары, а раздражать султана в это опасное время было нельзя, чтоб к войне шведской не прибавить еще турецкую.

Головин просил у Мазепы совета, что делать с запорожцами? Мазепа отвечал: «Имеешь, ваша вельможность, высокий разум, которые великие монаршеские исправляешь дела; так можешь свободно без моего совета то рассудить, какого

запорожцы наказания годны. Я бы им давно притер носы и унял их от сумасбродного своевольства и за нынешний проступок умел бы покарать, если б не боялся привести их в последнее отчаяние и отогнать от милости монаршеской. Издавна не раз бывало, что они, усмотря с этой стороны какое-нибудь неудовольствие, ставили кого-нибудь себе наказным гетманом и уходили в соседние области, ища заступления, что́ и теперь сделать им нетрудно». Головин писал, чтоб гетман зазвал к себе в Батурин лучших запорожцев и прислал их в Москву. Мазепа отвечал: «Старинная пословица говорит: мужик черен как ворона, а хитер как черт; я уже говорил с запорожцами, которые ехали в Москву за жалованьем, пытал их о разбое над греками, представлял, что это дело не может успокоиться, пока не выдадут заводчиков; но у них один ответ: у нас нет никаких заводчиков, мы все это сделали, все Войско Запорожское низовое на то позволило. Есть у них писарь Зеленецкий, вор и давный изменник, который был первым советником Петрику, и вместе с ним в Крым ушел, навел на Украйну татар и запорожцев; разбитый под Цариченкою, убежал в Запорожье и до сего времени там живет, оставя в Полтаве отца, мать и жену. Говорят о нем, что великую имеет силу между запорожцами; в раде молчит, а по куреням тайно что хочет, то делает. Если б дал бог прибрать его к рукам, то тайны запорожские открылись бы, ибо нестаточное дело, чтоб запорожцы поступали так дерзко, не будучи обнадежны либо от хана, либо от поляков».

Головин рассердился, что вместо совета, как наказать запорожцев, Мазепа отделался *комплиментом*. Мазепа отвечал: «Бог свидетель, что я сделал так для того только, чтоб не подать на себя большого подозрения, будто я действую из приватной моей к запорожцам какой-нибудь злости, а не для общего добра и верной службы, потому что и первое мое донесение о грабительстве запорожцев, шедших в Псков на службу, ни во что вменено, а они, возвратясь, своими песьими губами лают: гетман-то нас хотел запровадить в Сибирь или к Архангельску в вечную неволю, привел на то государя, чтоб нам ни сукон, ни по пяти рублей за наши работы не дали. Хотя я их собачьих голосов не боюсь, однако от таких плутов терпеть тяжело». Мазепа высказал неудовольствие, что по его донесению запорожцы не были наказаны; и в том же письме на вопрос Головина: наказанием запорожцев не повредить бы Украйне? отвечал: «Не дай боже, чтоб явилось от запорожцев какое-нибудь новое зло: нет сомнения, что многие из городовых к ним пристанут».

Когда запорожцы, Герасим Крыса с товарищами, приехали в Москву за жалованьем, то их посадили за караул и расспрашивали: когда разбивали греков и селитреников — они, Крыса с товарищами, были ли у этого грабежа?

Крыса отвечал: «Над греками учинили мы грабеж всем Войском Запорожским с общего совета; и как их пожитки в Сече были разграблены, в то время мы тут были и пожитки делили. А пограбили мы их за то, что они Сечу нашу миновали, ругаясь над нами, ставя Войско Запорожское ни во что, а прежде греки и другие купцы мимо нас никуда не проезжали и нанимали нас в проводники; так эти греки по нашему обыкновению учинились в *арешт* и *за арешт,* и мы их пограбили. Как селитреники разорены — не знаем; услыхали мы об этом на дороге; только и тут Войско Запорожское не виновато, потому что селитреники торговые мужики завладели нашими угодьями».

Это было в конце 1701 года; в начале 1702 послан был к кошевому царский указ — отдать грекам все пограбленное сполна, в противном случае Крыса с товарищами будут казнены смертию и присылка жалованья и запасов прекратится. Когда эта грамота пришла на Запорожье и была прочтена в раде, то войско крикнуло на кошевого атамана Петра Сорочинского: «Ты был этому делу початок, ты говорил, чтоб делить взятые у греков товары по куреням, а мы хотели, чтоб они были сложены в казне войсковой до поры до времени; так теперь сам и отвечай!» Сорочинский сложил с себя уряд кошевства, и на его место выбрали кошевым Константина Гордеенка. Запорожцы, по выражению Мазепы, повесили носы и начали в чувство приходить от того, что из Крыма пришли недобрые вести: хан отказался дать им помощь против России, указывая на мирные договоры с царем. Делать нечего — запорожцы написали челобитную великому государю, что поделили кумачи красные с иными недорогими вещами, взять их негде, а дорогие товары, жемчуг и прочее, уже возвратили грекам: «Умилосердись, великий государь, над нами, рабами своими, изволь гнев свой монаршеский утолить и посланцев наших отпустить».

С гетманом Войска Запорожского шли также сношения по поводу польских требований, польского союза. Возвратившись из Бирж, Головин дал знать Мазепе о разговоре своем с Щукою и требовал его мнения. Мазепа отвечал: «Три местечка за Днепром — Терехтемиров, Стайки и Триполь уступить можно, никакого вреда стороне царского величества от этого не будет, только уступить с условием, чтоб вечный мир был подтвержден подлинно и напечатано было о нем в конституции; а Чигирин, Канев, Черкасы, Крылов и другие места уступать никак нельзя: если их уступить, то в державе царского величества на той стороне Днепра останется один Киев, и будет не безопасен, потому что в чигиринские места прейдут на житье с этой стороны Днепра, в одно лето переселится множество народа; запорожские козаки будут тянуть к той стороне. От Стародубского полка в польскую сто-

рону нельзя ничего уступить, потому что Стародубский полк от поляков разделила река Сожь, и за тою рекою моего гетманского владения никакого нет, а сюда за реку полякам вселяться непристойно. От поляков доброго дела не чаять: договора вечного мира они до сих пор не подтвердили и в конституцию не напечатали, говорят, что мир заключен королем, а не Речью Посполитою; многие церкви божии обратили на унию; в прошлом году начальную русскую соборную Львовскую церковь у благочестивых отняли и отдали униатам. Король, вызвав царские рати под Нарву, выдал их шведам, а сам от Риги отступил. С поляками надобно поступать осторожно; кроникары пишут: как свят святом, то поляк русину не будет братом, и доныне то все исполняется от них самым явным делом» [328].

Но скоро дела приняли такой оборот, что об уступках в польскую сторону не нужно стало более толковать.

Еще в августе 1701 года князь Григорий Долгорукий, находившийся при короле Августе, доносил Петру: «Королевское величество изволил мне сказывать: ведомость получил, что король шведский с войсками идет в Польшу: только он о том печали никакой не имеет, а когда шведы большими войсками в Польшу вступят, то могут поляков на себя озлобить; а в нынешнем также дальнем расстоянии шведских войск от московской границы в Лифлянты войском в. в-ства потребно нападение учинить, что и помогать скоро шведским войском будет невозможно; а болши бы учинить плен и разорение, дабы войска шведские не имели в Лифлянтах довольства, отчего могут идти на зиму к себе через море» [329]. Совет был принят; плен и разорение сопровождали движения Шереметева в Лифлянтах. После Эрестферской победы фельдмаршалу хотелось отдохнуть; но Петр не любил давать отдыха ни себе, ни другим, особенно в такое время, когда ни на минуту нельзя было ослаблять напряжение сил. В начале генваря 1702 года Шереметев стал проситься в Москву: «Жена живет на чужом подворье: надобно ей дом сыскать, где бы голову приклонить». Предлог был слишком странен. Шереметев поправился и написал, что ему необходимо быть в Москве для донесения о нужных делах. «Полагаем то на ваше рассуждение, — отвечал Петр, — а хотя и быть, чтоб на страстной или на шестой приехать, а на святой паки назад» [330].

Не давая отдыха Шереметеву, Петр не давал его и человеку, который был постарше Шереметева, надзирателю артиллерии Виниусу. От 21 февраля Виниус писал царю [331]: «Ныне приехав к Москве, господин тайный советник Тихон Никитич (Стрешнев) мне, рабу вашему, вашим великого государя указом сказал, что вы изволили потребовать от меня переводу уставу судебных воинских прав, и я, государь, в

прошлом году был на вашей службе в полках с гетманом, а приехав в Глухов, с начала месяца июля лежал несколько недель в расслабленье, а которые дни было мне отраднее, в те трудился над лексиконом галанским, а над воинскими правами не работал, понеже чаял иные люди то исправят; а ныне к Москве приехав, в домике моем обрел поставлены шведы во всех житьях и доныне не сводят; а было их сначала болши 200 человек, и в дом меня не пустили; и жил в чужом дворе недели с три. Оттого, государь, тому делу учинилась остановка и мне не малое от постою разорение. А ныне, государь, начал в воинских правах трудитися и, поелико смогу, буду работать; однако ж рукою правою в письме мне зело тяжко, едва имя свое подписываю, но уповаю сим великим постом галанские артикулы совершить, а прочее потом. Не прогневись, мой милостивейший государь, на мя, нижайшего раба своего: воистинно стал быть дряхл, едва брожу, уж семидесятый год доходит; желание, весть бог, есть да сила по вся дни скудеет». Весною дряхлый, расслабленный старик поехал в Новгород и Псков по артиллерийским делам; возвратился в Москву и стал сбираться — в Сибирь! Надобно было посмотреть тамошние рудники и заводы Из Тобольска Виниус писал: «С Москвы я в путь сей дался июля 28 и, приехав чрез казанские пределы зело дальними и трудными местами, достиг в Сибирь на железные заводы, что построил князь Михайла Яковлевич (Черкаский) на реке Каменке, идеже и в иных местех толикое обрел множество руд железных, что мню до скончания мира не выкопаются, а чаю, что прежде леса выдут, нежели руда» [332].

В конце мая Петр начал торопить Шереметева к выступлению изо Пскова в Лифлянты: «Есть ведомость, — писал он ему, — что неприятель готовит в Лифлянты транспорт из Померании в 10 000 человек, а сам, конечно, пошел к Варшаве: теперь истинный час (прося у господа сил помощи), пока транспорт не учинен, поиском предварить» [333].

Шереметев двинулся с тридцатитысячною армиею против Шлиппенбаха, у которого было 8000. 18 июля армии встретились при Гуммельсгофе, и шведы потерпели страшное поражение, потеряли около 5 500 убитыми, 300 пленными, всю артиллерию; русские потеряли около 400 убитыми и столько же ранеными. Петр, узнавши о победе, писал Шереметеву, чтоб разорил Ливонию, «чтоб неприятелю пристанища (найти) и сикурсу своим городам подать было невозможно» [334]. Приказание было исполнено. Шереметев взял два значительных города (Волмар и Мариенбург), шесть малых и страшно опустошил всю страну: «Чиню тебе известно, — писал он Петру, — что всесильный бог и пресвятая богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили без остатку; и от

Риги возвратились загонные люди в 25 верстах, и до самой границы польской; и только осталось целого места Пернов и Колывань (Ревель), и меж ими сколько осталось около моря, и от Колывани к Риге около моря же, да Рига: а то все запустошено и разорено вконец. Пошлю в разные стороны отряды калмыков и козаков для конфузии неприятеля. Прибыло мне печали; где мне деть взятый полон? тюрмы полны, и по начальным людям везде; опасно того, что люди какие сердитые (т. е. пленники)! Тебе известно, сколько уж они причин сделали, себя не жалея; чтобы какие хитрости не учинили: пороху в погребах бы не зажгли? также от тесноты не почали бы мереть? также и денег на корм много исходит; а провожатых до Москвы одного полку мало. Вели мне об них указ учинить. А чухны, выбрав лучших людей 100 семей, которые умеют овые топором, овые иные художники, а в тех семьях будет больше 400 душ, для азовской посылки, и тех тотчас за тепло велю гнать к Москве и отдать Тихону Никитичу Стрешневу, как он с ними ни изволит. Августа 31 числа пойду к Пскову; больше того быть стало невозможно, вконец изнужились крайне, обесхлебели, и обезлошадели, и отяготились по премногу как ясырем (полоном) и скотом, и пушки везть стало не на чем, и новых подвод взять стало неоткули, а в Пскове нет»[335]

«Борис Петрович в Лифляндах гостил изрядно довольно», — писал Петр Фед. Матв. Апраксину[336]. В то же самое время в Ингрии гостил таким же образом окольничий Петр Апраксин, который рекою Невою до Тосны и самой Ижорской земли прошел, все разорил и развоевал, прогнавши шведский отряд от Тосны к Канцам (Ниеншанц, Невская крепость); посланный Апраксиным на судах в Ладожское озеро полковник Тыртов несколько раз дрался со шведами и принудил их удалиться под Орешек (Нотебург). Но царю было «не зело приятно», что Апраксин не исполнил наказа и развоевал страну, которую Петр считал русскою и в которой, как ближайшей к заветному морю, хотел утвердиться. Апраксин оправдывался, что жег селения по берегам Невы с целию утеснить неприятеля в подвозе съестных припасов[337]. Сам Петр прогостил все лето 1702 года в Архангельске, ибо весною получено было известие, что шведы в другой раз намерены пробраться к тому городу. В ожидании неприятельского прихода Петр занимался строением кораблей. Лето проходило, шведы не показывались, и в сентябре Петр явился в Ладогу, чтоб лично распоряжаться завоеванием Ингрии, завоеванием морского берега. «Если не намерен чего ваша милость еще главного (сделать в Лифляндии), изволь не мешкав быть к нам, — писал Петр к Шереметеву, — зело время благополучно, не надобно упустить; а без вас не так у нас будет, как надобно». Через пять дней другое письмо к тому

же: «Изволь, ваша милость, немедленно быть сам неотложно к нам в Ладогу: зело нужно, и без того инако быть и не может; о прочем же, как о прибавочных войсках, так и о артиллерийских служителях, изволь учинить по своему рассуждению, чтоб сего богом данного времени не потерять»[338].

По прибытии Шереметева Петр повел войско к Нотебургу, древнему новгородскому Орешку на Невском *протоке*. То была маленькая крепость, обнесенная высокими каменными стенами; шведского гарнизона в ней было не более 450 человек, но около полутораста орудий; у осаждающих было тысяч десять войска. После отчаянного сопротивления 11 октября комендант принужен был сдать город. Нотебург был переименован в Шлюссельбург (Ключ-город). Петр был в восторге, добывши этот Ключ к морю, тем более что предприятие было чрезвычайно трудное. Пошли от царя радостные письма к членам *компании*. К Апраксину писал: «Объявляю вашей милости, что помощию победыдавца бога, крепость сия по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе (который начался в 4 часа пополуночи, а кончился по четырех часах пополудни), сдалась на акорд, по котором комендант Шлиппенбах со всем гарнизоном выпущен. Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческое сие учинено и только единому богу в честь и чуду приписать». Петр известил и *надзирателя* артиллерии, находившегося в Сибири, приписав: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». Виниус отвечал своим обычным высокопарным слогом: «В дальнейшем, государь, во странах сих сибирских, от вашей пресветлейшей государской особы разстоянии шествуя, на отлеглыя страны по пустыням во мрачных облаках многих суетств и попечений о порядном уставе новопостроенных железных заводех и во искоренении злобы присланных с Москвы пушечных мастеров, нечаянно абие, яко лучею светлого солнца, мя велиею радостию просветило ваше письмо из Нотенбурга, его же всекрепкий господь яко истинному того крепкого ореха наследнику, вам великому государю предати изволил и даровал нашей новой слезами окропленной артиллерии и порохам победительную силу»[339].

На следующий (1703) год, в апреле, от Шлюссельбурга вниз по правому берегу Невы шли русские войска под начальством фельдмаршала Шереметева; шли они лесами большими и малыми и завидели наконец при устье Охты в Неву маленький земляной городок, занимавший не более десятины земли: то были Канцы, или Ниеншанц, сторживший устье Невы. Против городка, за Охтою, посад из 400 деревянных домиков. К русскому войску приехал бомбардирский капитан Петр Михайлов и съездил на 60 лодках осмотреть Невское

устье. Вечером 30 апреля началось бомбардирование, утром 1 мая Канцы сдались и переименованы в Шлотбург. Но на другой же день вечером караульные донесли, что на взморье показались неприятельские корабли. 5 мая два шведских судна, шнява и большой бот подошли к устью Невы; бомбардирский капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с обоими гвардейскими полками на тридцати лодках подкрались к неприятельским судам, окружили и взяли их, несмотря на то что у шведов были пушки, а у русских их не было. Людей на обоих судах было около 80; «но, — писал Петр Апраксину, — понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, *никогда бываемою* викториею вашу милость поздравляю»[340].

Петр и компания были в восторге, как дети при первом успехе в чем-нибудь или при первой награде: «Два неприятельских корабля взяли! небывалая виктория!» За эту викторию бомбардирского капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали Андреевскими кавалерами. В Воронеже на радостях начались бои с Ивашкою Хмельницким, и Ивашка пошиб.

Петр стоял у моря. Поздравляя его со взятием Ниеншанца, или Шлотбурга, Виниус писал, что этим городом «отверзошася пространная порта бесчисленных вам прибытков»[341].

В IX веке по Р. Х. устьем Невы начинался великий путь из варяг в греки; этим путем в половине века началась Россия. В продолжение осьми с половиною веков шла она все на восток; дошла вплоть до Восточного океана, но сильно наконец встосковалась по западном море, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению.

16 мая 1703 года на одном из островков невского устья стучал топор, рубили деревянный городок. Этот городок был *Питербурх,* столица Российской империи.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. Письмо русского резидента в Польше, стольника Алексея Никитина, к царю Петру поздравительное со взятием Азова

Я, последний холоп твой с повинности своей рабской, вам, великому государю вашему царскому пресветлому величеству, кую принесу похвалу неведомы, понеже витиствовати не могу, толко по воздаянии господу богу благодарения неумением своим поздравляю тако:

Что солнце на небе, то монарх на земле делает, пресветлейший великий государь, мой милостивый государь, государь премилосердый, солнце темные разгоняет облаки, свет увеселяет, солнце природностию своею злые приметы из земли вытягает, добрые вводит, солнце страшны одному сотворению чинит перуны, другому плодовиты громы; солнце дожди жаждущим травам и цветам направляет; солнце излишние высушает волгости, где я при поздравлении своем негодном о особе пресветлой вашей царского величества размышляю: не могу ее ни х какому иному сотворению пировнять, толко самому на небе светящему солнцу, бо вем яко солнце хмары ясностию разделяет, так ваше царское пресветлое величество татарские розгоняет темные полки, ваше царское пресвеглое величество природною должностию злых неприятелей яко злые приметы выкидает, добрых христиан вводит; ваше царское величество страшны пушками и бомбами и гранатами на поражение неприятеля перуны чинит, онеми радостные христианскому свету триумфы делает, ваше царское пресветлое величество кровавые дожди поганского света или людей льет, дабы землю христианскую в лаурии и палме триумфальне буйну учинил, а как вашему пресветлому царскому величеству я холоп твой, аще и недостоин того, слышу что слава твоя восходит до небес поздравствовать и приписать той что солнцу дальности не могу, когда один обретается монарха в той смутной жалостного христианства ночи прав-

дивым солнцем, пред которым все монархи, яко месяц и звезды, гаснут, гасне турецкий месяц и сам под ноги вашего царского пресветлого величества пышное хоронгвей азовских стеле одеяние, орел цесарский дивуется ясности триумфов вашего ц. п. в., орел полской от окаменелого сердца своего в нечаемости задумался храбрости вашей, а лилии французские не сохнут ли от гуков и от молния триумфов вашего ц. п. в., одним словом, гишпанское, португалское, аглинское государства, и галанская и венецынская речь посполитая, на те победительства смотря, радуются и славу воссылают. Велия в. п. ц. в. слава, которая от заходу аж до восходу разошлася солнца, занимает неуместные к выславлению уста мои; хвала, возносящая имя в. ц. п. в. под небеса, речь мою глушит, когда дрожит пред в. ц. в. Азия, утекает пред громом Африка, кроется пред блистанием вашего великого государя меча Америка. Славился некогда персидской шах Дарий солнечным именем, но даровая его была слава, когда от Александра не яко солнце почтен, но как человек обесчестен и поражен учинился, вашему ц. п. в. толко самого солнца имя служит, которой ясностию дел на море и на земли поганство яко натапыря не могущего на светлость глядеть аж в погребы адские прогоняет; один Петр князь апостольский от востоку веры благочестивой врата нам до нового Иерусалима отворил, один Петр монарх Российской в. ц. п. в. от заходу солнца и солнца до святой земли до Иерусалима старого двери отвалил. Петр апостольский на зачинании церкви святой, а веру православную на распространение чудесы прививал, вы, великий государь Петр, вождь монархов, оную в поганской земли за божиею помощию крестом святым и мечем своим распространяет. Расширяй счастливо православную христианскую веру, пресветлейший Петр великий государь, будет имя Христово с тобою, дабы тою верою множество поган привел, которою святый Петр болши рыб нежели сетью наловил. Навращай яко чудесы Петр апостол то в. ц. в. мечем и страхом имени своего не толко тысячами людей, но и мест неприятельских; буди бытие в. ц. в. до тех мест народу нашему светить, пока солнце свету, умножай непрестанно золотых променами цнот своих нам веков, яко солнце золотой руды не престает чинить. Живи счастливо, пресветлейший Петр великий государь в. ц. в., богу на хвалу, триумфий на радость христианскому свету, побеждай на славу имени своему, вали неприятеля на оборону креста Христова, чтоб, заслужив себе на свете несмертелной славы старого Иерусалима, земли святой кровию Христовою за нас окропленную доступивши, добился и вечного венца и нового Иерусалима, до которого весь великого государя все христианство молитвами своими донесут, где и я яко последний холоп в. ц. п. в. государя моего

премилостивого в том желании есть (Из польских дел 1697 года, в Москов. архиве. мин. ин. д.) *.

Песня (1699 года)

Как рябина, как рябина кудрявая!
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоючи,
На болотину смотрючи!
Молодица ты молодушка,
Молодица ты пригожа!
Как тебе не стошнится,
За худым мужем живучи,
На хорошего смотрючи,
На пригожего глядючи?
Наварю я пива пьяного,
Накурю я вина зеленого,
Напою я мужа пьяного,
Положу его середь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.
Выду я на улицу,
Закричу я своим громким голосом:
Осудари вы, люди добрые,
Вы, суседи приближенны!
А начесь громот был,
А начесь молонья сверкала,
Моего мужа убило,
Моего мужа опалило.
А ты б... страдница!
А не гром убил, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела.

(Столбцы приказного стола, № 3313) **.

---

* ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1697 г., д. 2—3.
** ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 2163, л. 54.

ПРИМЕЧАНИЯ к 14 тому

[1] Дела Малорос. означен. года в Москов. архиве мин. ин. д.[1]

[2] Приказные дела 1683 г. в Арх. мин. ин. д.[2]

[3] Zinkeisen — Geschichte des Osmanischen Reiches, V, 87[3]; Rogalskiego — Dzieje Jana III Sobieskiego, 126[4].

[4] Дела Польские[5] и Цесарские[6] означенного года в Москов. архиве мин. ин. д.

[5] Там же, дела 1686 года[7]; Zaluski — Epistolae I, 2, p. 989, 1135[8].

[6] Дела Малороссийские[9] и Турецкие[10] означенных лет в Москов. архиве мин. ин д.; Архив мин. юстиции, столбец Приказн. стола, № 2055[11].

[7] Сборник Синодал. библиотеки, № IV[12].

[8] Полное собр. законов II, № 1224[13].

[9] De la Neuville — Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 65[14].

[10] Розыскное дело о Шакловитом в Археогр. комиссии[15].

---

[1] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 124, Малороссийские дела, оп III, № 418, 422, 427.

[2] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, 1683 г., д 123.

[3] *J. W. Zinkeisen,* Geschichte der europäischen Staaten. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, T. V. Gotha, 1857, S. 87—116, особенно 114—115

[4] *Leon Rogalski,* Dzieje Jana III. Sobieskiego, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego, Warszawa, 1847, str. 126.

[5] ЦГАДА, ф 79. «Сношения России с Польшей, 1684 г., д. 3.

[6] ЦГАДА, ф. 32, Сношения России с Австрией и Германской империей, 1684 г., д. 2 (ч. 1, 2, 2а), д. 3 (ч. 3а).

[7] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1686 г., д 3—10, 18, 19; кн. 223—228.

[8] *A. Ch. Zatuski,* Epistolae historico-familiares, t. I, p. II, Brunsberg, 1710, p. 989, 1135.

[9] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, оп I, 1683 г., д. 7; 1684 г., д. 1, 36, 38

[10] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, кн. 23, ч. V.

[11] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 905. (Здесь и далее номера столбцов Приказного стола указаны по новой пагинации)

[12] Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Синодальное собрание, № IV, л. 1—177.

[13] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), Собрание 1-е, т II, СПб , 1830, № 1224, стр. 835—842.

[14] *De la Neuville,* Relation curieuse et nouvelle de Moscovie contenant l'état present de cet Empire, les Expeditions des Moscovites en Crimée en 1689, les causes des dernieres Revolutions, leurs moeurs et leur Religion, le Recit d'un Voyage de Sparatus, par terre, á la Chine, Paris, 1698, p. 65; см. также «Русский вестник», издаваемый Н. Гречем, СПб , 1841, т. 4, стр. 104—105; «Русская старина», СПб., 1891, № 9 (т. 71), стр. 444.

[15] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, изд. Археографической комиссией, т. III, СПб., 1888, стб. 1103—1105.

[11] Gordon's Tagebuch, II, 179 [1].

[12] Дела Крымские 1687 г., в Моск. арх. мин. ин. д. [2]; Архив мин. юстиции, столбец Москов. стола, № 703 [3].

[13] Летопись Самовидца в Чтениях Москов. истор. общ. [4]

[14] Собр. гос. гр. и дог., IV, № 186.

[15] Там же [5].

[16] Гордон II, 184 и след. [6] Самойлович сослан в Сибирь.

[17] Записка Мазепы Голицыну об этом в Государств. архиве [7].

[18] Дела Малороссийские означенного года в Москов. арх. мин. ин. д. [8]

[19] Архив мин. ин. д., дела Греческие означ. года [9].

[20] Собр. гос. гр. и долгов., IV, № 193 [10].

[21] Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д. означенного года [11].

[22] Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 266 [12]. — Записки Желябужского под 1689 г. [13]

[23] Архив минист. юстиц. Книги Малорос. приказа означенного года [14].

[24] Подробности о втором крымском походе между статейными Крымскими списками в Архиве мин. ин. д., № 79 [15]; Gordon's Tagebuch, III, 235 [16]; письма Софьи к Голицыну, цыфирью, в Государств. архиве разобраны Устряловым [17].

[25] Архив мин. юстиции, книга Малорос. приказа, № 64 [18].

[26] Полн. собр. зак. II, № 1326, 1330, 1331 [19]; Москов. архив мин. ин. д. Дела Французские означенных годов [20].

[27] Акты истор., V, № 83 [21]. Гарелина — Старинные акты города Шуи, № 154 [22].

[28] Акты историч., V, № 88 [23]; Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., 1692 г., мая 20 [24].

[29] Полн. собр. зак. II, № 1030 [25].

---

[1] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Aufenthaltes in Rußland vom Jahre 1661 bis 1699, zu ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. Phil. M. C. Posselt, Bd. II, St.-Petersburg, 1851, S. 177.

[2] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, 1687 г., д. 2; кн. 78, ч. VI.

[3] ЦГАДА, ф 210, Разрядный приказ, столбцы Московского стола, № 703, столпик 3.

[4] Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — Чтения ОИДР), М., 1846, кн. 2, стр. 77—78.

[5] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), ч. IV, М., 1826, № 186, стр. 542—543.

[6] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II. S. 184—188.

[7] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, кн. I, СПб., 1858, стр. 356.

[8] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, оп. I, 1688 г., д. 44.

[9] ЦГАДА, ф. 52, Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16; кн. 11, ч. I, III.

[10] СГГД, ч. IV, № 193, стр. 587—591.

[11] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, дела 1688 г.

[12] Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, enterpris pour découvrir un nouveau chemin á la Chine, Paris, 1693, p. 266.

[13] Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709, СПб., 1840, стр. 21—22 (изд. Д. Языкова); см. также «Записки русских людей. События времен Петра Великого», СПб., 1841, стр. 10 (изд. И. Сахарова). Ввиду того, что Соловьев не пишет, каким изданием он пользовался, здесь и далее указаны оба издания (в скобках фамилия издателя).

[14] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. II, кн. 115.

[15] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, кн. 79.

[16] Tagebuch des Generalen Ratrick Gordon, Bd. III, St.-Petersburg, 1852, S. 235—238.

[17] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. I, стр. 382—384.

[18] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. II, кн. 64. Судя по описи, помещенной в начале книги, указанный документ находился на л. 118. В настоящее время в книге недостает начальных 418 л.

[19] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, СПб., 1830, № 1326, стр. 972—973; т. III, № 1330—1331, стр. 7—9.

[20] ЦГАДА, ф. 93, Сношения России с Францией, 1687 г., д. 2, 3.

[21] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ), т. V, СПб., 1842, № 83, стр. 133.

[22] Старинные акты, служащие преимущественно к описанию г. Шуи и его окрестностей. Собраны... В. Борисовым. Изд. Я. Гарелиным, М., 1853, № 154, стр. 280—281.

[23] АИ, т. V, № 88, стр. 140—141.

[24] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1692 г., д. 58.

[25] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 1030, стр. 551.

[30] Акты, относящ. до юридич. быта, стр. 602 [1]; столбцы Приказного стола, 3476 [2]; Акты Гарелина, стр. 290, 302 [3]; Акты юридич., стр. 398 [4].

[31] Акты, относящ. до юридич. быта, стр. 705 [5].

[32] Архив мин. юстиции, столбцы Приказного стола, № 2058 [6].

[33] Полн. собр. зак., II, № 1154.

[34] Там же, № 1192 [7].

[35] Дополн. к Актам историч., XI, № 10 [8]; столбцы Приказного стола, № 2276 [9].

[36] Записки Желябужского под означен. годом.

[37] Там же [10].

[38] Полн. собр. зак., II, № 970.

[39] Там же, № 1002 и 1004.

[40] Там же, № 1335.

[41] Там же, № 1285.

[42] Там же, № 1298.

[43] Там же, № 1181.

[44] Там же, № 1064, 984, 997 [11].

[45] Временник Моск. истор. общ., № 5 [12].

[46] Акты историч., V, № 100 [13]; Приказные дела Моск. арх. мин. ин. д., год 1683 [14].

[47] Акты историч., V, № 101 [15].

[48] Акты Арх. эксп., IV, № 284 [16].

[49] Акты историч., IV, № 127, 151 [17].

[50] Собр. гос. грам. и дог., IV, № 192 [18]; дела Донские означен. годов в Архиве мин. ин. д. [19]

[51] Архив мин. юстиции, столбцы Приказного стола, № 2046 [20].

[52] Сборн. Синодал. библиот. № II [21].

[53] Рукопись Синодал. библиот. № 452, 346 [22].

[54] Москов. арх. Мин. ин. д. Дела приказные 1676 г. [23] Вместе с Медве-

---

[1] Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, СПб., 1857, № 94, стр. 602—603.

[2] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 2326.

[3] Старинные акты, служащие преимущественно к описанию г. Шуи и его окрестностей, № 159, стр. 290—291; № 165, стр. 301—303.

[4] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838, № 376, стр. 398 -399.

[5] Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, № 113/II, стр. 705—706.

[6] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 908.

[7] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 1154, стр. 719—721; № 1192, стр. 794—796.

[8] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т XI, СПб., 1869, № 10, стр. 25—27.

[9] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1126, л. 1—16.

[10] Записки Желябужского, стр. 19—20, 15 (изд. Д. Языкова); стр. 9, 7 (изд. И. Сахарова).

[11] ПСЗ, т. II, № 970, стр. 480, № 1002, 1004, стр. 515—516; т. III, № 1335, стр. 15; т. II, № 1285, стр. 915—916, № 1298, стр. 930—931, № 1181, стр. 764—765, № 1064, стр. 576—578, № 984, стр. 490—491, № 997, стр. 502.

[12] Запоздалое местничество. Временник МОИДР, кн. 5, отд. III, стр. 13—18.

[13] АИ, т. V, № 100, стр. 161—162.

[14] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, д 26 октября 1683 г. В настоящее время отсутствует, см. оп. VI, л. 196 об.

[15] АИ, т. V, № 101, стр 162—163.

[16] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. IV, СПб., 1836, № 284, стр. 419—422.

[17] АИ, т. V, № 127, стр. 220—221; № 151, стр. 252—262. У Соловьева номер тома указан ошибочно.

[18] СГГД, ч. IV, № 192, стр. 585—587.

[19] ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1686 г., д. 11.

[20] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 896, л. 57—58, 67—71, 81, 104—119, 121—132, 159, 193, 198, л. 43—55, 59—66, 72—80, 82—103, 120, 133—158, 160—197.

[21] ГИМ, Синодальное собрание, № II, л. 401—404 об.

[22] ГИМ, Синодальное собрание, номера указаны ошибочно, следует — № 545, л. 76—79. См также *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев*, Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3, М., 1862, стр. 427—428.

[23] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, дела 1676 г.

девым учились у Полоцкого Василий Репский, певчий, выехавший из Киева с епископом Мефодием, да Семен и Илья Казанцевы.

[55] История Москов. славяно-греко-латинской академии С. Смирнова, стр. 24 и 2 [1].

[56] Рукоп. Синодал. библиот. № 452 [2]; Пискарева — Древние грамоты и акты Рязанского края, стр. 130 [3].

[57] Там же, № 346 [4]; розыск Медведева см. ниже.

[58] Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 246 [5].

[59] De la Neuville — Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 15, 177, 178 [6].

[60] Книга Малорос. приказа, № 109, в Арх. мин. юстиции [7].

[61] В 1678 г. Софья подарила Голицыну кровать с позолотою и росписанием. Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д. 1687 г. [8]

[62] Ж. Ж. Руссо в: *Du contrat social*: «Les Russes ne seront jamais vraiment policés, parcequ'ils l'ont été trop. tôt... Pierre a vu que son peuple était barbare, il n'a point vu qu'il n'était pas mur pour la police; etc. [9]

[63] The present condition of the Moscovite empire till the year 1699 [10].

[64] История России, т. XIII, стр. 159, 198, 199 [11].

[65] Кабинет Петра В. в Государ. арх. Отд. II, книга № 2, письмо от 22 июля 1703 [12].

[66] De la Neuville, p. 27 [13].

[67] Корб, стр. 65 [14].

[68] Письма кн. Б. А. Голицына к Петру Великому, в Гос. архиве [15].

[69] De la Neuville [16].

[70] Записки Штелина о Петре III, в Гос. архиве [17].

---

[1] *С. К. Смирнов*, История Московской славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 18 и сл.; приложение № 2, стр. 401—404.

[2] ГИМ, Синодальное собрание; номер указан ошибочно, следует № 346, л. 297—406, № 440, л. 1—135, № 437—438.

[3] *А. И. Пискарев*, Древние грамоты и акты Рязанского края, СПб., 1854, стр. 130—131.

[4] ГИМ, Синодальное собрание, № 346, л. 87—190.

[5] Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin á la Chine, p. 246.

[6] *De la Neuville*, Relation curieuse et nouville de Moscovie, p. 15—16, 177—178; см. также «Русский вестник», 1841 г., т. 3, стр. 607—608; «Русская старина», 1891, № 9 (т. 71), стр. 431, № 11 (т. 72), стр. 266.

[7] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. II, кн. 109.

[8] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, д. 7 февраля 1687 г. В настоящее время отсутствует; см. оп. VI, л 274.

[9] *Ж. Ж. Руссо*, Об общественном договоре, или начала политического права, М., 1906, стр. 71.

[10] The present condition of the Muscovite empire till the year 1699, in two letters: the first from a Gentleman, who was conversant with the Muscovite Ambassadour in Holland; the second from a Person of quality at Vienna concerning the late Muscovite embassy, his present Czarish Majesty; the Russian Empire and Great-Tartary with the life of the present emperour of China, London, 1699, p. 9; см. также О состоянии Российския империи в 1699 году, с английского; *Ф. О. Туманский*, Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого (далее — Собрание разных записок и сочинений), ч. I, СПб., 1787, стр. 9.

[11] См. стр. 131—132, 156 настоящего тома.

[12] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 2, л. 487; см. также Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — Письма и бумаги), т. II, СПб., 1889, стр. 583.

[13] *De la Neuville*, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 27—28; см. также «Русский вестник», 1841, т. 3, стр. 612; «Русская старина», 1891, № 9 (т. 71), стр. 434.

[14] *J. G. Korb*, Diarium itineris in Moscoviam perillustris ac magnifici Domini Ignatii Chrictophori nobilis domini de Guarient rall Sacri Romani Imperii regni Hungariae equitis, sacrae Caesareae majestatis consiliarii Aulico — Belici ab augustissimo invistissimo Romanorum imperatore Leopoldo I ad serenissimum ac potentissimum tzarum magnum Moscoviae ducem Petrum Alexiowicium anno 1698 ablegati extraordinarii descriptum a Joanne Georgio Korb, Vienna (1700—1701), p. 65: см. также *И. Г. Корб*, Дневник путешествия в Московию (1698—1699 гг.), СПб., 1906, стр. 71.

[15] Письмо, отрывок из которого цитирует Соловьев, не найдено.

[16] *De la Neuville*, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 30—31; см. также «Русский вестник», 1841, т. 3, стр. 612—613; «Русская старина», 1891, № 9 (т. 71), стр. 435.

[17] ЦГАДА, Государственный архив (далее — Гос. архив), разряд II, д. 79.

[71] Кабинет, I, кн. 38[1]. Здесь должно заметить, что если сам Петр говорит, что учился у Тиммермана геометрии и фортификации, то арифметике учился прежде у кого-нибудь другого; и арифметические упражнения его, дошедшие до нас (Кабин. I, кн. 55[2]), не относятся к урокам Тиммермана.

[72] Письмо от 20 апреля, в Гос. архиве[3].

[73] Полн. собр. зак. II, № 1187[4]; Статейный список Волкова в Венецианских делах Моск. арх. мин. ин. д[5]

[74] Розыскное дело о Шакловитом[6].

[75] Там же[7].

[76] Там же[8].

[77] Там же[9].

[78] Cordon's Tagebuch, II, 267[10].

[79] Розыскное дело о Шакловитом[11].

[80] Там же[12].

[81] Gordon's Tagebuch, II, 267 и след.

[82] Там же, 269[13].

[83] Записки Матвеева, в собраниях Туманского[14] и Сахарова[15].

[84] Гордон, 271[16].

[85] Розыскное дело о Шакловитом[17].

[86] Гордон, 272.

[87] Там же[18].

[88] Розыскное дело о Шакловитом[19].

[89] Гордон, 273, 274.

[90] Гордон, 277[20].

[91] Розыскное дело о Шакловитом[21]; дело о Петрушке Кривом в Преображен. Тайном архиве[22].

[92] Стр. 281[23].

[93] Жалобы эти сохранились в Архиве мин. юстиции, в столбцах Приказного стола, № 2479[24].

[94] Гордон говорит о пытке и ссылке двух каких-то старух, которые ходили за Петром в его детстве. Не постельницы ли это, переносившие вести от царицы Натальи к Софье?

[95] Гордон, 283[25].

---

[1] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. II, стр. 398—399.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 55, л. 655, 656, 657, 659 об., 660, 303, 654, 661, 648, 653; см также Письма и бумаги, т. I, СПб., 1877, стр. 1—9.

[3] Письма и бумаги, т. I, стр 11

[4] ПСЗ, Собрание 1-е, т. II, № 1187, стр. 787.

[5] ЦГАДА, ф. 41, Сношения России с Венецией, кн. 5.

[6] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, СПб, 1884, стб. 201; т. III, стб. 45—46

[7] Там же, т. I, стб. 203—204; т. III, стб 48.

[8] Там же, т. I, стб. 175; т. III, стб. 1094—1095.

[9] Там же, т. I, стб. 227—228, 361—362, 225, 9—10.

[10] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 266—267.

[11] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. III, стб. 1096.

[12] Там же, т. I, стб. 1—4.

[13] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 268, 269.

[14] *Ф. О. Туманский*, Собрание разных записок и сочинений.., ч. VI, СПб., 1787, стр. 8—54.

[15] Записки русских людей События времен Петра Великого, Записки А. А. Матвеева, стр. 54 (изд. И. Сахарова). См. также *А. В. Лонгинов*, Обзор записок графа Матвеева и вновь открытых вариантов их... «Русская старина», Пг., 1918, январь — июнь.

[16] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 271.

[17] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, стб. 75—76.

[18] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 272.

[19] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, стб. 42, 62, 53, 232, 109 и др.

[20] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 273, 274, 276—277.

[21] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, стб. 165—178, 201—220

[22] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 685, 764 Здесь и далее номера столбцов указаны по основной инвентарной пагинации (оп. II).

[23] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 281.

[24] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1329.

[25] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 283.

[96] Розыскное дело о Шакловитом [1].

[97] Акты историч., V, № 194 [2].

[98] Выписка из розыскного дела Стрелецкого приказа 6 марта 1691 г. в Государ. архиве [3]; рукопись Синодал. библиотеки о Медведеве, № 252 [4].

[99] Грамота несобственноручная, без означения числа и без подписи, в Государ. архиве [5].

[100] Розыскное дело о Шакловитом [6].

[101] Архив мин. юстиции, столбцы Приказного стола, № 2827 [7].

[102] Стр. 273 [8].

[103] De la Neuville, p. 174 [9]. В январе 1690 г. Гордон называет Льва Нарышкина новым любимцем или первым министром, стр. 292 [10].

[104] Записки Желябужского [11].

[105] Архив мин. юстиции, столбцы Приказного стола, № 2571 [12].

[106] John Perry — The state of Russia [13]; за ним многие другие иностранцы и русские.

[107] Устрялов в Истории царст. Петра В., II, гл. I [14]. Мой разбор этого мнения см. в Атенее, 1858 г. [15].

[108] Голиков [16], Бергман [17] и другие.

[109] Карамзин — О древней и новой России [18].

[110] Устрялов [19].

[111] История России, XIII, 219 [20].

[112] Korb — Diarium itineris in Moscoviam, p. 215 [21].

[113] Гордон, II, 305.

[114] Там же, 318 [22].

[115] Кабинет, II, кн. 95 [23].

[116] Записки Желябужского [24]; Гордон II, стр. 485 и след. [25]; Известия

---

[1] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, стб. 541—554, 595—598, 606—609, 615—641, 671—683, 715—718 и др., а также т. III.

[2] АИ, т. V, № 194, стр. 337—341.

[3] Не найдено.

[4] Указанный сборник в собрании отсутствует.

[5] Письма и бумаги, т I, стр 13—14.

[6] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. II, СПб., 1885, стб. 1—532.

[7] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1677.

[8] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 273.

[9] *De la Neuville,* Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 174; см. также «Русская старина», 1891 г., № 11 (т. 72), стр. 264—265.

[10] Tagebuch des Generalen Patrick Cordon, Bd. II, S. 292.

[11] Записки Желябужского, стр. 25—26 (изд. Д. Языкова); стр. 12 (изд. И. Сахарова).

[12] ЦГАДА, ф 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1421, л. 65—129

[13] *John Perry,* The state of Russia under the present czar, London, 1716, p. 145—146; см. также *Джон Перри,* Состояние России при нынешнем царе, М., 1871, стр. 92—93.

[14] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. II, СПб., 1858, стр. 22.

[15] *С. М. Соловьев,* «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова, «Атеней», ч. 4 (июль — август), М., 1858, стр. 3—29.

[16] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, ч. I, М., 1788, стр. 171—172; *его же,* Историческое изображение жизни... Лефорта, М., 1800.

[17] *Вениамин Бергман,* История Петра Великого, т. I, СПб., 1833, стр. 143—144.

[18] *Н. М. Карамзин,* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, «Русский архив», год восьмой (1870), М., 1871, стб. 2254 и отдельный оттиск.

[19] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. II, стр. 16—21.

[20] См. стр. 173 настоящего тома.

[21] *I. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 215; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 252.

[22] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 305, 318.

[23] Письма и бумаги, т I, стр 14—15.

[24] Записки Желябужского, стр. 26—39 (изд. Д. Языкова); стр. 13—18 (изд И. Сахарова).

[25] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 485.

о первых маневрах при Петре I, — Корниловича в Северном Архиве на 1834 г. [1]

[117] У Бергмана — История Петра В., II, 186 [2].

[118] Гордон, II, 367.

[119] Там же, 373.

[120] Там же, 435 [3].

[121] Голикова — Деяния П. В., т. X, № 6 писем [4].

[122] Собрание записок Туманского, V, 80 [5]. — Итак, Ромодановский был шутовской адмирал, как был шутовской король, шутовской генералиссимус. Несмотря на то, некоторые торжественно утверждают, что первым адмиралом русского флота был не Лефорт, а Ромодановский: что же они и Зотова не включат в число иерархов?

[123] Подробности морских обоих походов см. в Двинских записках [6]; о втором походе — у Гордона под 1694 г. [7]

[124] См. Пекарского — Науки и литература в России при Петре В., 1, 200 и след. [8]

[125] Письмо Стрешнева царю под Азов, Кабинет, II, № 53 [9].

[126] Записки Желябужского под 1694 годом.

[127] Там же [10].

[128] Фамилию князя Македонского носил один из выезжих греков, вступивший в царскую службу.

[129] Архив мин. юстиции, столбцы Приказного стола, № 2807 [11].

[130] Записки Желябужского [12]; Акты историч., V, № 219 [13]; Приказные дела, Моск. арх. мин. ин. д., 1693 г. [14]

[131] Собр. гос. грам. и догов., IV, № 203 [15]; Полн. собр. зак., № 1388 [16].

[132] Гордон, II, 297 [17].

[133] Напечатано в приложениях к II тому Истории царств. П. В. Устрялова [18].

[134] Гордон, II, 309, 311 [19].

[135] Кабинет, II, кн. № 53 [20].

[136] Полн. собр. зак., № 1489 [21].

[137] Акты историч., V, № 203 [22].

[138] Донские дела в Моск. арх. мин. ин. д. [23]

---

[1] *А. Корнилович*, Известия о первых маневрах при Петре I и особенно о Кожуховском походе, «Северный архив», СПб., 1824, № 5, стр. 237—267.

[2] *Вениамин Берг*ман, История Петра Великого, т. I, стр. 164.

[3] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 367—368, 373, 435.

[4] *И. И. Голиков*, Деяния Петра Великого.., ч. X, М., 1789, № 6, стр. 6—7.

[5] *Ф. О. Туманский*, Собрание разных записок и сочинений.., ч. 5, СПб., 1787, стр. 80.

[6] О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости, М., 1783.

[7] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 446—483.

[8] *П. П Пекарский*, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 200—201.

[9] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 53, л. 570—571, см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 515.

[10] Записки Желябужского, стр. 39—40 (изд. Д. Языкова); стр 18 (изд. И. Сахарова).

[11] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1657.

[12] Записки Желябужского, стр. 42—43 (изд. Д. Языкова); стр. 19—20, (изд. И. Сахарова).

[13] АИ, т V, № 219, стр. 375—376.

[14] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, дела 1693 г.

[15] СГГД, ч. IV, № 203, стр. 617—619.

[16] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1388, стр. 86—87.

[17] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 297.

[18] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. II, стр. 467—477.

[19] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. II, S. 309—311.

[20] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд II, кн 53.

[21] ПСЗ, собрание 1 е, т. III, № 1489, стр. 176—177

[22] АИ, т. V, № 203, стр. 350.

[23] ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1691 г., д. 1, 3, 7.

[139] Там же, Крымский статейный список, № 81 [1].

[140] Акты историч., V, № 220 и 221.

[141] Там же, № 223 [2]; Приказные дела Моск. арх. мин. ин. д. означенных годов [3]; рукоп. Синодал. библиот., № 261 [4].

[142] Столбцы Приказного стола, № 2763 [5].

[143] Книги Малорос. приказа, № 69 [6]; столбцы Московского стола, № 1009 [7].

[144] Записки Желябужского [8].

[145] Книги Малорос. приказа в Арх. мин. юстиции [9]; дела Малорос. [10] и Польские [11] означенных годов в Моск. арх. мин. ин. д.; Записки Желябужского.

[146] Статья Поссельта: Адмирал русск. флота Ф. Я. Лефорт, в Морском Сборнике, 1863, № 3 [12].

[147] Греческие дела означенных годов в Моск. арх. мин. ин. д. [13]

[148] К Апраксину, 16 апреля 1695 г. [14]

[149] Письма в Госуд. архиве [15].

[150] Донесение цесарского резидента Плейера напечатано в приложениях ко II тому книги Устрялова [16].

[151] Кабинет, II, кн. № 53 [17].

[152] Плейер [18]; Кабинет, I, кн. № 64 [19].

[153] Не из *Аграханов* ли вышло *Охреяне?*

[154] К Кревету, 17 июля [20].

[155] Голиков — Деяния П. В., XI, № 452 [21].

[156] Записки Желябужского [22].

[157] Голиков, X., № 10 [23].

[158] Письма Лефорта к Петру, в Госуд. архиве [24].

[159] Елагина, История Русского флота, стр. 29 [25]; в этом *специальном* сочинении см. все подробности о заведении флота, не идущие в нашу *общую* Историю России.

[160] Письма Петра, в Госуд. архиве [26]; Дневник Гордона 1696 г. [27]; Сказание о взятии Азова (Древ. Рос. Вивлиоф., XVI) [28]; Описание похода боя-

---

[1] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, кн. 81.

[2] АИ, т. V, № 220—221, стр. 376—377; № 223, стр. 378—394.

[3] Один из приводимых С. М. Соловьевым фактов см. ЦГАДА, ф. 163, Раскольничьи дела 1642—1794 гг., д. 11.

[4] Указанный сборник не содержит приводимых Соловьевым материалов.

[5] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1613.

[6] Указанная роспись находится в столбцах Московского стола, см. ниже.

[7] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Московского стола, № 1009, столпик 3, л. 1—3.

[8] Записки Желябужского, стр. 46—47 (изд. Д. Языкова); стр. 21 (изд. И. Сахарова).

[9] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. II, кн. 57, л. 49 об. — 50, 57 об. — 59 об.; кн 59, л. 65—67.

[10] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, оп. I, 1692 г., д. 17, 18.

[11] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 236—239, 241—244, 247; 1690 г., д. 2; 1691 г., д. 4, 6.

[12] *Поссельт,* Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота, СПб., 1863 (отдельное приложение к № 3 «Морского сборника» 1863 г.).

[13] ЦГАДА, ф. 52, Сношения России с Грецией, 1691 г., д. 31; кн. 11, ч. V.

[14] Письма и бумаги, т. I, стр. 28—29.

[15] Там же, стр. 28—30.

[16] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. II, стр. 568—582.

[17] Письма и бумаги, т. I, стр. 36, 517.

[18] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. II, стр. 571.

[19] Письма и бумаги, т. I, стр. 80.

[20] Там же, стр. 40—41.

[21] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого.., ч. XI, М., 1789, № 452, стр. 13.

[22] Записки Желябужского, стр. 58 (изд. Д. Языкова); стр. 27 (изд. И. Сахарова).

[23] *И. И Голиков,* Деяния Петра Великого.., ч. X, № 11, стр. 10.

[24] Письма и бумаги, т. I, стр. 549.

[25] *С. И. Елагин,* История русского флота. Период азовский, СПб., 1864, стр. 29.

[26] Письма и бумаги, т. I, стр. 56, 59, 54, 60, 62, 77, 95, 96, 93—95.

[27] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. III, St.-Petersburg, 1852, S. 32—74.

[28] Сказание о взятии города Азова и о преславной победе над турки и татары.., «Древняя Российская вивлиофика», ч. XVI, изд. II, М., 1791, стр. 251—282.

рина Шеина, изд. Рубаном [1], Дворцовые разряды, IV, 975 [2], Голикова, Деяния, XI, 25 [3]; Кабинет, II, кн. № 53 [4].

[161] Дела Польские означенного года в Московском архиве мин. ин. д. [5]

[162] Кабинет, II, кн. № 53 [6].

[163] Описание похода боярина Шеина [7].

[164] Гордон, III, 79 [8].

[165] Подробности см. в Истории рус. флота Елагина [9].

[166] Записки Желябужского [10].

[167] Предисловие к Морскому регламенту [11].

[168] Кабинет, II, кн. № 53 [12].

[169] Дела Цесарские в Моск. арх. мин. ин. д. [13] Сам Петр после в письме к Виниусу из-за границы от 11 июля указывает именно на эту причину перемены пути: «А к цесарю затем не пошли, что уж на три года сделано, и теперь делать нечего; а чаем оный путь, назад едучи, восприят и впред союз продолжит» [14].

[170] Архив мин. юстиции, дела секретные Преображ. приказа 1697 г. [15]; там же, № 335, 925 [16]. О Петре Лопухине встречается подобное известие не один раз, напр., розыск и пытка за слова про Петра: «Он сын еретический, от антихриста зачался, извел у нас боярина князя Вас. Вас. Голицына да Леонтия Ром. Неплюева, а теперь изводит дядю своего родного боярина Петра Абрам. Лопухина, которого сам пытал, поливал двойным вином и зажег» (столбцы Приказн. стола, № 3374) [17]. За что Петр рассердился на Лопухина, об этом сохранилось известие у Голикова (Дополн., XVII, стр. 47) [18]: крестьяне Лопухина нападали на крестьян Архангельского собора, и Лопухин дал письменное повеление своему управителю бить соборных крестьян до смерти. Повеление было исполнено, и 10 человек было убито. Когда Петр возвратился из-за границы, то архангельские священники, ожидая, что царь придет поклониться отцовскому гробу, положили на него просьбу, и когда Петр спросил, что за бумага на гробе? Протопоп отвечал: «Отец твой просит тебя защитить соборную церковь, боярин Лопухин убивает до смерти ее крестьян, а суда на него нет». Когда Петр вышел из собора, то к паперти были подвезены и трупы десяти убитых. Это зрелище страшно раздражает Петра, он идет в Константиновский застенок и велит призвать туда Лопухина.

---

[1] Поход боярина и Большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову... Изд В. Рубан, СПб., 1773.

[2] Дворцовые разряды, т. IV, СПб., 1855, стр. 975—976.

[3] *И. И Голиков,* Деяния Петра Великого.., ч. XI, № 462, стр. 24—27.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, стд. II, кн. 53, л. 120—121; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 598.

[5] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1696 г., д. 3—5; кн. 251, 252.

[6] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 53, л. 124; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 109—110, 603—604.

[7] Поход боярина и Большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову.., стр. 187—188, 190—191.

[8] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. III, S. 79—80.

[9] *С. И. Елагин,* История русского флота. Период азовский, стр. 57—60.

[10] Записки Желябужского, стр. 104—105 (изд. Д. Языкова); стр. 52—53 (изд. И. Сахарова).

[11] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. II, стр. 400.

[12] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 53, л. 1135—1138.

[13] ЦГАДА, ф. 32, Сношения России с Австрией и Германской империей, 1696 г., д. 5.

[14] Письма и бумаги, т I, стр. 181.

[15] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 484, л. 4, и др; см. также *Н. А. Бакланова,* Тетради старца Авраамия, «Исторический архив», т. VI, М — Л., 1954, стр. 145; *Б. Б. Кафенгауз,* И. Т. Посошков и его деятельность, М., 1950, стр. 173—181, особенно 174.

[16] ЦГАДА, ф 371, Преображенский приказ, стб. 335, 925.

[17] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 2224, л. 10—11.

[18] *И. И. Голиков,* Дополнение к деяниям Петра Великого, т. XVII, М., 1796, стр. 47—52.

[171] Дела секрет. Преображенского приказа. Дело Цыклера до сих пор было не известно [1].

[172] Кабин., I, книга № 36 [2].

[173] Польские дела 1697 г. в Моск. архиве мин. ин. д. [3]

[174] Кабинет, II, книга № 53 [4].

[175] Аделунга — Барон Мейерберг, отрывки из дневника путешественника Кемпфера [5].

[176] Дело Преображен. приказа о Левшутине, см. ниже.

[177] На это трясение головы один саардамский плотник указывал как на примету, по которой его соотечественники могли узнать в русском плотнике царя. Scheltema — Anécdotes historiques sur Pierre le Grand [6].

[178] Об этих конвульсивных движениях, как о гримасах, наговорили курфюрстинам, как увидим.

[179] De la Neuville, p. 188. Le czar Pierre est fort grand, d'asser belle taille, à le visage beau, les yeux asser grands, mais egarez, qui font de la peine à regarder, sa tete branle continuellement, bien qu'il ne soit âgé qui de vingt ans [7].

[180] Русский Архив, 1864 г., выпуск второй [8].

[181] Erman, Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse [9]. — Varnhagen von Ense — Leben der Königin von Preussen, Sophie Charlotte [10].

[182] Scheltema — Anécdotes et. c. [11]

[183] Пекарского — Наука и литература в России, I, стр. 9 [12].

[184] Голикова — Деяния..., X, 22 [13].

[185] Кабинет, II, книга № 53 [14].

[186] Предисловие Петра к Морскому регламенту [15].

[187] Статейный список посольства в цесарских делах Моск. архива мин. ин. д. [16]

[188] Известие это находится у Штелина [17], который говорит, что слышал о нем от генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого, который сам был капитаном солдат, сторожевших монастырь.

[189] См. об этом в дневнике Гордона при описании Азовских походов [18].

---

[1] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 485; см. также *Н. Б. Голикова*, Политические процессы при Петре I, М., 1957, стр. 294—296.

[2] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. III, стр. 32—33.

[3] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1697 г., д. 5, 6, 8.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 53, л. 130; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 631.

[5] *Ф. Аделунг*, Барон Мейерберг и путешествие его по России, СПб., 1827, стр. 338.

[6] *J. Scheltema*, Anécdotes historiques sur Pierre le Grand et sur ses voyages en Hollande et a Zaandam dans les années 1697 et 1717, Lausanne, 1842.

[7] *De la Neuville*, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 188; см. также «Русская старина», 1891, № 11 (т 72), стр 269.

[8] Подлинное дело новгородского архиепископа Феодосия, «Русский архив», М., 1864, № 2, стр. 127.

[9] *J. P. Erman*, Mémoires pour servir a l'histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse, Berlin, 1801, p. 113—121; см. также «Свидание Софии Шарлотты, королевы прусской и матери ее с Петром Великим», «Вестник Европы», изд. Н. Карамзиным, ч. X, № 14, М., 1803, стр. 85—93.

[10] *K. A. Varnhangen von Ense*, Leben der Königin von Preußen Sophie Charlotte, Berlin, 1837, S. 72—77.

[11] *J. Scheltema*, Anécdotes historiques sur Pierre le Grand...

[12] *П. П. Пекарский*, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 9.

[13] *И. И. Голиков*, Деяния Петра Великого, ч. X, № 28, стр. 21—22.

[14] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 53, л. 128, 131, 132, 135, 139; см. также Письма и бумаги, т I, стр. 623, 627, 629, 633, 653; 195, 208, 236.

[15] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. II, стр. 400—401.

[16] ЦГАДА, ф. 32, Сношения России с Австрией и Германской империей, 1698, д. 38, 41, 43, 52, 53.

[17] ЦГАДА, Гос. архив, разряд II, д. 79.

[18] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. III, S. 32—74.

[190] В 1685 г. из Новгородского приказа взяты деньги для царевны Софии, вслед затем оттуда же для царевны Екатерины; для нее же оттуда же в 1686 г.; в том же году опять для нее и для царевны Феодосии; в том же году царевне Софье из разных оброчных доходов отпущено 2000 р. и т. д. Приказные дела означенных годов в Моск. арх. мин. ин. д. [1]

[191] Розыскное дело о стрельцах в Госуд. архиве [2]; Gordon's Tagebuch, III, 181 [3]; столбцы Преображ. приказа, № 516 [4].

[192] Кабинет, I, книга № 28 [5].

[193] Донесение Ромодановского (М. Г.) в столбцах Приказного стола, № 3192 [6].

[194] Розыскное дело о стрельцах [7].

[195] Дневник, III, 197.

[196] Там же, стр. 198 [8]; Полн. собр. зак., № 1634 [9]; Розыскное дело о стрельцах [10].

[197] От 24 июня; Кабинет, II, книга № 53 [11].

[198] История России, т. XIII, стр. 197.

[199] Там же, стр. 208.

[200] Там же, стр. 148 [12].

[201] Медведева (или Кариона Истомина), Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, по рукописи кн. Мих. Андр. Оболенского [13].

[202] Сборник Синод. библиот., № II [14].

[203] Рукопись Академии наук; см. в книге Устрялова, III, 193 [15].

[204] Донесение Гвариента и-ру Леопольду, в прилож. к книге Устрялова, III, 621 [16].

[205] Korb — Diarium, p. 75.

[206] Там же, p. 82 [17]; Rebelles ob silentii pertinatiam trahuntur ad torturam, quae inauditae immanitatis fuit.

[207] Розыскное дело о стрельцах в Госуд. архиве [18].

[208] Korb — Diarium, p. 83; Quid tibi cum icone? aut quae muneris tui pars te vocat ista in loca? abscede ocyus, atque imaginem in locum repone cultui suo debitum. Scias me Deum colere et Matrem Ejus sanctissimam te forte impensius venerari. Supremi mei officii et debitae in Deum pietatis est tueri populum et crimina in commune jusdem exitium vergentia publica ultione persequi.

[209] Корб, стр. 84 [19]; Гвариент в донесении от 17 октября [20].

---

[1] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1685 г., д. 118, 121, 122; 1686 г., д. 11, 30, 54, 106; 1687 г., д. 19, 20, 32, 128, 132, 246.

[2] ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 11, л. 81, 82а; № 12 — Розыскное дело о стрелецком восстании 1698 г.

[3] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. III, S. 181.

[4] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 516.

[5] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 28, л. 13—14; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 251—252, 723—724.

[6] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 2042.

[7] ЦГАДА, Гос. архив. разряд VI, д. 11, 12.

[8] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. III, S. 197—199.

[9] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1634, стр. 453—455.

[10] ЦГАДА, Гос. архив. разряд VI, д. 11, 12.

[11] Письма и бумаги, т. I, стр. 266.

[12] См. стр. 118, 156, 164 настоящей книги.

[13] ЦГАДА, ф. 179, Комиссия печатания государственных грамот и договоров, д. 205; см. также *Сильвестр Медведев*, Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же что содеяся во гражданстве, М., 1894, стр. 34

[14] ГИМ, Синодальное собрание, № II, л. 368—400.

[15] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. III, СПб., 1858, стр. 193—194.

[16] Там же, стр. 621—623.

[17] *J. G. Korb*, Diarium itineris in Moscoviam, p. 75, 82; см. также *И. Г. Корб*, Дневник путешествия в Московию, стр. 81, 89.

[18] ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 11, л. 27.

[19] *J. G. Korb*, Diarium itineris in Moscoviam, p. 83, 84; см также *И. Г. Корб*, Дневник путешествия в Московию, стр. 90—91.

[20] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. III, стр. 626—631.

[210] Корб, стр. 173 [1]; Записки Желябужского [2].

[211] Корб, стр. 88 [1]; Желябужский [2].

[212] Желябужский [2].

[213] Розыскное дело о стрельцах в Госуд. архиве [3]; столбцы Преображ. приказа, № 714 [4].

[214] Корб, стр. 87 [5]. Conclusit hodie Tzarus ex omnibus suis subditis, Bojarinis, principibus, bellicis, stolnicis, scribis, civibus et plebeis, ex singilis tribubus binos seligere (из каждой сотни по двое). Форма собора ясна: заезжий иностранец не мог этого выдумать.

[215] Записка Петра без означения числа [6]. Основание выходки против певчих нам неизвестно; известно одно, что постельница Софьи, Вера Васютинская, найдена на пытке беременною и показала, что имела связь с певчим (Корб, стр. 85).

[216] По некоторым известиям, Марфа имела связь с дьяконом Иваном Гавриловичем, который был также замешан в стрелецкое дело (Корб, 165) [7].

[217] Так начинается одно письмо Евдокии к Петру [8].

[218] Александр Гордон — The history of Peter the Great [9].

[219] Шведский резидент Кохен.

[220] Lettre sur l'état presente de la Moscovie, p. 226 [10].

[221] Дворцовые разряды, IV, 1046 [11]. Думать, что ссылка Лопухиных имеет связь с Цыклеровским делом, нет никакого основания.

[222] Кабинет, II, книга № 53 [12].

[223] Дневник Гордона под этим числом [13].

[224] Суздальское розыскное дело в Госуд. архиве [14].

[225] Корб, стр. 80.

[226] Там же, стр. 76 [15]; донесение Гвариента от 19 сентября [16].

[227] Рукопись Эрмитажа, № 90 [17].

[228] Александр Гордон — The history of Peter the Great, II, 274 [18].

[229] Нартов — Достопамятные повествования, Москвитянин, 1842 г. [19].

[230] Что касается до известия о литовском или западно-русском происхождении Меншиковых, то оно очень вероятно, ибо переселенцев из Литвы и Западной России, принятых в разные службы, было много со

---

[1] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 169—177, 88; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 192—201, 96.

[2] Записки Желябужского, стр. 125—127 (изд. Д. Языкова); стр. 57—58 (изд. И. Сахарова).

[3] ЦГАДА, Гос. архив. разряд VI, д. 11, л. 3—5, 58—59, 68—75.

[4] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 732.

[5] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 87; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 94.

[6] Письма и бумаги, т. I, стр. 268—269.

[7] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 85, 165; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 93, 187.

[8] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. II, стр. 403

[9] *Alexander Gordon,* The history of Peter the Great, emperor of Russia, vol. I, Aberdeen, 1755, p. 135.

[10] Relation du voyage dem evert isbrand envoyé de Sa Majesté czarienne a l'empereur de la Chine, en 1692, 93, 94. Par le Sieur Adam Brand. Avec une Lettre de Monsieur *** sur l'Etat Présent de la Moscovie, Amsterdam, 1699, p. 226.

[11] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1046.

[12] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 53, л. 589; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 700.

[13] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, Bd. III, p. 217.

[14] «Розыски о царице Евдокии и ее сторонниках» см. ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 106—147. Дело, которым пользовался С. М. Соловьев, установить не удалось.

[15] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 80, 76; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 86—87, 82—83.

[16] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. III, стр. 623—626.

[17] Не найдена.

[18] *Alexander Gordon,* The history of Peter the Great, emperor of Russia, vol. II, Aberdeen, 1755, p. 274.

[19] *А. Нартов,* Достопамятные повествования и речи Петра Великого, «Москвитянин», М., 1842, т. VI, № 11, стр. 129—130.

времен царя Алексея. Впрочем, надобно заметить, что как прежде в Московском государстве знатные роды в позднейших *сочиненных* родословных любили выводить своих предков из-за границы, тогда как старинные родословные об этом ничего не знают; так и фамилии, поднявшиеся не из знати со времен Петра Великого, начали вести свое происхождение от выезжих иностранцев, придумывать по сходству звуков объяснения своим фамилиям из иностранных языков, тогда как эти фамилии старинные и чисто русские, только не знатные. *Меншиковы* значит люди, пошедшие от меньшого сына, *Меншика* как *Первого* от старшего сына, *Второвы* от второго и т. д. *Третьяковы, Четвериковы, Пятериковы, Шестаковы, Семого, Девятовы.*

231 Корб, стр. 116.
232 Там же, стр. 84, 86 [1].
233 Кабинет, II, кн. № 2 [2].
234 Корб, стр. 95.
235 Там же, стр. 101.
236 Там же, стр. 112 [3].
237 Розыскное дело о стрельцах [4].
238 Корб, стр. 110.
239 Там же, стр. 115 [5].
240 Полн. собр. зак., IV, № 1679, 1820 [6]; розыскное дело о стрельцах [7].
241 Столбцы Преображ. приказа, № 696 [8].
242 Там же [9].
243 Костюринское дело в столбцах Преображ. приказа [10].
244 Там же, № 808, 905 [11].
245 Там же, № 719 [12].
246 История России, т. X, стр. 152, 160 [13].
247 Полн. собр. зак., III, № 1570, 1581, 1628 [14].
248 Столбцы Преображ. приказа, № 519 [15].
249 Там же, № 7, 877 [16].
250 Там же, № 530 [17].
251 Письма Ромодановского к Петру в Госуд. архиве [18].
252 Там же [19].
253 Кабинет, II, кн. № 53, письмо Гордона к царю [20].
254 Полн. собр. зак., № 1678 [21].

---

[1] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 116, 84, 86; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 128, 91, 94.
[2] Письма и бумаги, т. 1, стр. 269, 270—271, 753.
[3] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 95, 101, 112; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр 103—104, 111, 123—124.
[4] ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 11, 12.
[5] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 110, 115; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 122, 127.
[6] ПСЗ, Собрание 1-е, т. IV, № 1820, стр. 92—94; № 1679 указан ошибочно, следует № 1746, стр 2—3.
[7] ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 11, л. 39—40.
[8] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 696а.
[9] Там же, стб. 685, 764.
[10] Там же, стб. 845.
[11] Там же, стб. 808, 905.
[12] Там же, стб. 739.
[13] *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, кн. V, М. — Л., 1961, стр 481, 486.
[14] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1570, стр. 276—278; № 1581, стр. 303; № 1628, стр. 447—450.
[15] ЦГАДА, ф. 371, Преображенский приказ, стб. 519.
[16] Там же, стб. 877. Столбец № 7 указан ошибочно.
[17] Там же, стб 530.
[18] ЦГАДА, Гос. архив, разряд IX, д. 1, л. 1200—1201. См. также Письма и бумаги, т. I, стр. 671. См. также письма Петра к Ромодановскому, Письма и бумаги, т. I, стр. 227, 241.
[19] ЦГАДА, Гос. архив, разряд IX, д. 1, л. 1274—1275, 1279—1280; см. также Письма и бумаги, т I, стр. 887, 888.
[20] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. III, стр. 496.
[21] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1678, стр. 602—603.

[255] Записки Желябужского [1].

[256] Письма Ромодановского в Госуд. архиве [2].

[257] Столбцы Приказного стола, № 3011, 3015, 3027 [3]; Приказные дела Москов. арх. мин. ин. д., год 1697 [4].

[258] Столбцы Москов. стола, № 1026 [5]; Приказные дела Моск. арх. мин. ин. д. 1695 г. [6]

[259] Полн. собр. зак., № 1674.

[260] Там же, № 1675.

[261] Там же, № 1722 [7].

[262] Записки Желябужского [8]; Записки путешествия гр. Б. П. Шереметева, изд. 1773 [9].

[263] Полн. собр. зак., № 1673 [10].

[264] История России, IX, стр. 121 [11].

[265] Там же, т. XIII, стр. 117 [12].

[266] Поли. собр. зак., № 1706 [13]; Приказные дела Моск. арх. мин. ин. д., 1697 г. [14]

[267] Там же, № 1511.

[268] Там же, № 1526.

[269] Там же, № 1598.

[270] Там же, № 1601.

[271] Там же, № 1708 [15].

[272] Акты историч., V, № 283 [16].

[273] Полн. собр. зак., № 1629 [17].

[274] Дела Донские означенных годов в Москов. арх. мин. ин. д. [18]

[275] Книги Малорос. приказа в Архиве мин. юстиции [19]; Акты истор. V, № 295 [20]; Сборн. Синодал. библ., № 393 [21].

[276] Полн. собр. зак., № 1735, 1736 [22].

[277] Рассказ Макарова, правленный самим царем, Кабинет, I, кн. № 63 [23].

[278] Корб, 74, 76 [24].

[279] Дела Цесарские 1698 и 1699 гг. в Моск. арх. мин. ин. д. [25]; донесе-

---

[1] Записки Желябужского, стр 97—100 (изд. Д. Языкова); стр. 44—46 (изд И Сахарова).

[2] ЦГАДА, Гос. архив, разряд IX, д. 1, л. 1255—1256; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 590.

[3] ЦГАДА, ф 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола, № 1861, 1865, 1877.

[4] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, дела 1697 г.

[5] ЦГАДА, ф 210, Разрядный приказ, столбцы Московского стола, № 1026, столпик 5.

[6] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1695, д. 216

[7] ПСЗ, Собрание 1 е. т. III, № 1674—1675, стр. 598—601; № 1722, стр. 671.

[8] Записки Желябужского, стр 131, 294—295 (изд. Д. Языкова); стр. 60 (изд. И. Сахарова).

[9] *Б. П. Шереметев,* Записки путешествия генерала фельдмаршала российских войск гр. Б. П. Шереметева... в европейские государства.., М., 1773, стр. 1.

[10] ПСЗ, Собрание 1-е. т. III, № 1673, стр. 597—598.

[11] *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, т. V, М , 1961, стр. 93.

[12] См стр 95—96 настоящей книги.

[13] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1706, стр. 653—654

[14] ЦГАДА, ф 141, Приказные дела старых лет, 1697 г , д. 2.

[15] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1511, стр. 203—204; № 1526, стр. 213—215; № 1598, стр. 402—403; № 1601, стр. 401—402; № 1708, стр. 654—655.

[16] АИ, т V, № 283, стр. 516—517.

[17] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1629, стр. 450.

[18] ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1698 г , д. 2.

[19] ЦГАДА, ф. 229 Малороссийский приказ, оп. II, кн 77—78.

[20] АИ, т. V, № 295, стр. 537—538.

[21] ГИМ, Синодальное собрание, № 393

[22] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1735, 1736, стр 680—682.

[23] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 451

[24] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 74, 76; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр 79—80, 82.

[25] ЦГАДА, ф. 32, Австрийско-цесарские дела, 1698 г , д 65, 66, 68, 69; см также Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т IX, СПб , 1868; *М М. Богословский,* Петр I, т. III, М., 1946, стр. 336—461 (Карловицкий конгресс).

ние Возницына от 13 ноября 1698 г., в Кабин., II, кн. № 53 [1]; Zinkeisen — Geschichte des osmanischen Reiches V, 202 [2].

[280] Корб, стр. 122 [3].

[281] Статейный список и донесения Украинцева в Моск. арх. мин. ин. д. [4]

[282] Паткулевы бумаги в польских делах Моск. арх. мин. ин. д. [5]; I. R. Patkul's Berichte, т. II [6]; Wernich — der Livländer Joh. Reinh. v. Patkul [7].

[283] Echte oder rechtmassige Verantwortung, 1701, p. 41 [8]; Archiv fur die Geschichte Liv-Esth-und Curlands, T. VII [9].

[284] Плейер в донесении цесарю от 10 декабря 1699 [10].

[285] Дела Шведские [11] и Польские [12] 1700 г. в Моск. арх. мин. ин. д.; Голикова, Деяния П. В., XI, № 487 [13].

[286] Донесения в Моск. арх. мин. ин. д. [14]

[287] Livonica, fascicul VI, 56.

[288] Польские дела в Моск. арх. мин. ин. д. [15]

[289] Fryxell — Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, I, p. 46—47 [16].

[290] Хранится в Моск. архиве мин. ин. д. [17]

[291] Кабинет, I, кн. № 24 [18]

[292] Полн. собр. зак., № 1811 [19].

[293] Польские дела 1700 г. [20]

[294] Письма в Моск. архиве мин. ин. д. [21]

[295] Кабинет, II, кн. I [22].

[296] Донесение Галларта королю Августу в Моск. архиве мин. ин. д. [23]

[297] Кабинет, I, кн. № 19, 37 [24]; Алекс. Гордон: The history of Peter the Great, I, 150 [25].

[298] В Моск. архиве мин. ин. д. [26]

---

[1] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. III, стр. 481—482. Дата указана ошибочно, следует — 18 ноября.

[2] *J. W. Zinkeisen,* Geschichte der europäischen Staaten. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, T. V. Gotha, 1857, S. 207—209.

[3] *J. G. Korb,* Diarium itineris in Moscoviam, p. 122; см. также *И. Г. Корб,* Дневник путешествия в Московию, стр. 135.

[4] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, кн. 27; см. также *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. III, стр 504—511, 515—520, 543—553; *М. М. Богословский,* Петр I, т. V, Посольство Е. И. Украинцева в Константинополь, М., 1948.

[5] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, Бумаги Паткуля, 1700 г., № 1—18.

[6] Joh. Reinhold von Patkul's, ehmaligen Zaarischen General Lieutenants und wirtlichen Geheimen Rathes, Berichte an das zaarische Cabinet in Moskau von seinem Gesandschafts — Posten ben August II Könige von Polen, T. II, Berlin, 1795.

[7] *O. A. Wernich,* Der Livländer Joh. Reinh, von Patkul, Berlin, 1849.

[8] Echo oder Rechtmässige Beantwortung auf die von denen infamen Sehwedischen Ehren — Dieben wider S. K. M., in Pohlen insonderheit wider den Hn. Geheimbden Rath v. Patkul, ausgestreuete unverschämte Pasquillen und andere verübte brutale Proceduren; durch eine umpartheyische Feder gefasset von T. (reumund) S. (inserus), 1702.

[9] Archiv für die Geschichte Liv- Esth- und Kurlands, Bd. VII, Reval, 1854, S. 1—24.

[10] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. III, стр. 642—646.

[11] ЦГАДА, ф. 26, Сношения России со Швецией, 1699 г., д. 2, кн. 127.

[12] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1699 г., д. 16, 19; 1700 г., д. 1, 2.

[13] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого, ч. XI, № 487, стр. 46—53.

[14] Письма и бумаги, т. I, стр. 334.

[15] ЦГАДА, ф 79, Сношения России с Польшей, 1700 г., д. 19.

[16] *A. Fryxell,* Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Königs von Schweden, T. I, Braunschweig, 1861, S. 46—47.

[17] Письма и бумаги, ч. I, стр. 338—339.

[18] Там же, стр. 384.

[19] ПСЗ, Собрание 1-е, т. III, № 1811, стр. 74—75.

[20] См. выше сноску к примечанию 282 (Паткулевы бумаги); см. также *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 149—152.

[21] Письма и бумаги, ч. I, стр. 385—386.

[22] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 1.

[23] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 169—175.

[24] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, кн. 19, л. 20, 22, 26—29, 39—42, 46, 49.

[25] *Alexander Gordon,* The history of Peter the Great, emperor of Russia, vol. I, p. 150.

[26] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 212—221 (особенно 213, 220).

[299] Гюйсен: ausführliche Verantwortung[1] см. ниже.

[300] История Свейской войны, правленная самим Петром, изданная Мюллером под заглавием «Журнал Петра В.»[2]

[301] Hansen — Geschichte der Stadt Narva, 1856[3].

[302] История Свейской войны[4]; Описание Нарвской битвы Галларта — рукопись в Госуд. архиве[5]; Fryxell, I, 91.

[303] Fryxell, I, 105[6]. — В Госуд. архиве находится следующее показание одного из пленных шведских генералов (Шлиппенбаха) о Нарвской битве[7]: «Лета 1700 году в 6 или 7 дня ноября выручил от осады король шведский Нарву. Я того ж дня ввечеру прибыл, а к баталии не успел; однако же король мне о всем деле так было сначала и до окончания сказывал, что ретрежемент сделан был весьма пространен, а в нем извычайного места, где стоять армии, не изобрано было, чрез что неприятельская армия не могла оборониться, того ради и я (т. е. король) через тражемент весьма способно перешел, а когда я совсем перешел и неприятельскую армию в пространстве (растянутую на большом пространстве) изобрел, через которое пространство я свою армию способ изыскал, где между ими в средине поставить, и они не могли соединиться, и акция до самого вечера с ними была; однако ж они всегда к реке подавалися, и когда ночь наступила, тогда приказал я, чтоб никто не стрелял, дабы мои люди сами себя не могли застрелить. На то генерал Велинк сказал, что неприятель сея ночи уйдет чрез мост, который чрез реку сделан, на что генерал Реншельт ответствовал: для беглого неприятеля надобно золотой мост сделать, чтоб он по нем перешел. Итак сделалось, что на другой день поутру чрез мост перешли, а некоторая часть потонула в реку, и тогда король говорил: ничего я так не боялся, как русской кавалерии, чтоб она сзади не наступила, однако ж они мне такую любовь сделали, что назад чрез реку на лошадях переплыли; а я тем и доволен, что город Нарву от осады выручил, неприятельскую армию разбил и весь генералитет в полон взял. Такия вышереченныя слова король все мне говорил; после того взял он меня в свою спальню, где большой ланкарт на стене был прибит, в котором он мне марш в Москву показывал, который бы и конечно учинился, ежели бы шведский нужный (бедный) генералитет надежды не имели такой, что с Польши большия взятки взять, нежели с России, и того ради генералитет беспрестанно королю говорили, чтоб первее идти в Польшу, а потом в Россию, и затем назначенный марш прямо в Москву отменился, однако ж короля чрез нужду до той резолюции могли наговорить, что перво идти в Польшу».

[304] Fryxell, I, 102.

[305] Там же, 103 и 104[8].

[306] История Свейской войны[9].

[307] Записки Желябужского[10].

---

[1] *H. Hayssen,* Ausführliche Beantwortung des freventlichen Pasquils, unter dem Titel: Vertrautes Schreiben eines vornehmen Deutschen Officiers an eines gewissen hohen Potentatens Geheimen Rath von den jetzigen Conjunctiren in Moscow. Gedruckt nach dem Exemplar, welches in Narva 1705 herausgekommen, 1706.

[2] Журнал или поденная записка блаженной и вечнодостойной памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира (далее — Журнал или поденная записка Петра Великого), ч. I, СПб., 1770, стр. 17—18. Издатель назван Соловьевым ошибочно: «Журнал» издан Щербатовым.

[3] *H. I. Hansen,* Geschichte der Stadt Narva, Dorpat, 1858, S. 143—146.

[4] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 18—24.

[5] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд I, № 11 (de Hallart, Historische Beschreibung des Nordischen Krieges seit Anno 1699 bis 1721); № 12 (История, писанная г. Аллартом, черная, на русском языке); № 13, № 7. См. также *L. N. Hallart,* Das Tagebuch des Generales von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva. 1700, Reval, 1894.

[6] *A. Fryxell,* Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Bd. I, S. 91—98, 105.

[7] Показания Шлиппенбаха, см. ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 19, л. 129—135. Приводимой Соловьевым выписки здесь нет.

[8] *A. Fryxell,* Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, T. I, S. 102—104.

[9] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 24.

[10] Записки Желябужского, стр. 170, 173—174 (изд. Д. Языкова); стр. 80—81 (изд. И. Сахарова).

[308] История Свейской войны [1].
[309] Записки Желябужского [2].
[310] История Свейской войны [3].
[311] Письмо Петра в Госуд. архиве, в особом собрании [4].
[312] Кабинет, II, кн. № 1 [5].
[313] См. примеч. 312 [6].
[314] См. примеч. 313 [7].
[315] Письмо Петра В. к фельдм. Шереметеву, изд. Миллером [8]. — Устрялов думает, что здесь под Л... должно разуметь князя Якова Лобанова-Ростовского [9].
[316] Показания Шлиппенбаха, Кабинет I, кн. № 19 [10].
[317] Записки Желябужского [11].
[318] Свидание в Биржах во Временнике Моск. истор. общ., кн. 17 [12]; Theiner — Monuments historiques de Russie, № СССШ [13], дела Польские 1701 г. в Моск. архиве мин. ин. д. [14]; дела Малорос. того же года, там же.
[319] Польские дела 1701 г., в Моск. архиве мин. ин. д. [15]
[320] Herman — Geschichte der russischen Staates, IV, 125.
[321] Там же, стр. 128 [16].
[322] Польские дела 1701 г., в Моск. архиве мин. ин. д. [17]
[323] Донесение Репнина в книге Устрялова, IV, 200. Донесения фон-дер Гульста Соединенным Штатам, там же, стр. 669 [18].
[324] См. примеч. 317.
[325] Fryxell, I, 133 [19].
[326] Подробности военных действий см. у Голикова — Деяния П. В., II, 59 [20]; Устрялова, IV, 110 [21].
[327] Кабинет, II, кн. № 1 [22].
[328] Книги Малорос. приказа 1071 г. [23] Дела Малорос. того же года в Моск. архиве мин. ин. д. [24]
[329] Польские дела 1701 г. в Моск. арх. мин. ин. д., донесения от 27 августа [25].
[330] Напечатанные письма П. В. к Шереметеву [26].

---

[1] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. 1, стр. 24—25.
[2] Записки Желябужского, стр. 170 (изд. Д. Языкова); стр. 78 (изд И. Сахарова).
[3] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 26.
[4] Письма и бумаги, т. I, стр. 444.
[5] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. I, л. 616; см. также Письма и бумаги, т. I, стр. 852.
[6] Отсылка ошибочна, следует: см. примеч. 311. См. также Письма и бумаги, т. I, стр. 449.
[7] Отсылка ошибочна, следует: см. примеч. 312. См. также *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого,т IV, ч. 2, стр. 210—211.
[8] Письма и бумаги, т. I, стр. 410—411.
[9] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 12.
[10] Там же, стр. 222
[11] Записки Желябужского, стр. 174 (изд. Д. Языкова); стр. 80—81 (изд И. Сахарова).
[12] Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Временник МОИДР, М., 1857, кн. 17, отд. III, стр. 10—17.
[13] *A. Theiner*, Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaëlowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie extraits des archives du Vatican et de Naples, Rome, 1859, № 303, стр. 383—387.
[14] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1701 г., д. 18, 19.
[15] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1701 г., д. 20а.
[16] *E. Herrmann*, Geschichte der europäischen Staaten. Geschichte des russischen Staates, Bd. IV, S. 125—128.
[17] См. примечание 318 настоящего тома.
[18] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, СПб., 1863, стр. 200—201. 669.
[19] *A. Fryxell*, Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Königs von Schweden, T. I, S. 133.
[20] *И. И. Голиков*, Деяния Петра Великого, ч. II, М., 1788, стр. 59—60.
[21] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. IV, ч.I, СПб, 1863, стр. 110—114.
[22] Там же, ч. 2, стр. 226.
[23] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, оп. II, кн. 84, 85, 88 (следует 1701 г.)
[24] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, оп. I. 1701 г., д. 12, 26, 41; оп III, № 1279, 1281—1284; оп. IV, № 49
[25] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1701 г., д. 25, л. 73—78 об.
[26] Письма и бумаги, т. II, стр. 22.

[331] Кабинет, II, кн. № 2 [1].

[332] Там же [2].

[333] См. примеч. 321.

[334] История Свейской войны [3] и Записки Желябужского [4]; см. примечание 321.

[335] Кабинет, II, кн. № 3 [5].

[336] Там же, I, кн. № 24 [6].

[337] Там же, II, кн. № 2 [7].

[338] См. примеч. 321.

[339] История Свейской войны [8]; Кабинет, I, кн. № 24 [9]; Кабин. II, кн. № 2 [10].

[340] Кабинет, II, кн. № 1 [11]; История Свейской войны [12]; Кабинет, I, кн. № 15, 19, 24 [13].

[341] Кабинет, II, кн. № 2 [14].

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 2, л. 91—92; см. также Письма и бумаги, т. II, стр 412—414.

[2] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 255

[3] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 39—42.

[4] Записки Желябужского, стр. 193—194 (изд. Д. Языкова); стр. 92—93 (изд И. Сахарова).

[5] *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, стр. 249—250.

[6] Письма и бумаги, т. II, стр. 84

[7] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 2, л. 48—49; см. также Письма и бумаги, т. II, стр. 389

[8] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 50—57.

[9] Письма и бумаги, т. II, стр. 92—93.

[10] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 2, л. 91—92; см. также Письма и бумаги, т. II, стр. 412—414.

[11] Письма и бумаги, т. II, стр. 163.

[12] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 62—65.

[13] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 15, л. 6—8; кн. 19, л. 243—255; см. также Письма и бумаги, т. II, стр. 163.

[14] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 2, л. 481—482; см. также Письма и бумаги, т. II, стр. 538.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии к 13 и 14 томам
«Истории России с древнейших времен» написаны
кандидатом исторических наук
А. М. САХАРОВЫМ

*

Указатели составлены
Е. И. КОЛЫЧЕВОЙ и *А. И. ТЮРИНОЙ*

КОММЕНТАРИИ
к тринадцатому и четырнадцатому томам «Истории России с древнейших времен» [1]

Тринадцатый и четырнадцатый тома «Истории России» занимают особое место в обширном труде С. М. Соловьева. Они посвящены тому времени, которое, согласно его концепции, явилось гранью двух самых крупных этапов исторического развития России. Преобразования Петра I историк рассматривал как начало «новой России». Поэтому именно здесь, подойдя к рубежу «древней» и «новой» России, С. М. Соловьев, обычно склонный более всего к чисто фактическому изложению событий, дает общую оценку исторического развития Русского государства.

Первая глава тринадцатого тома — «Россия перед эпохою преобразования» — принадлежит к числу самых значительных произведений всего научного творчества исследователя. В ней развернута та общая концепция русской истории, которая оказала большое влияние на всю последующую историографию и отдельные положения которой сохранили свое значение до сих пор [2]. Необычно большая по объему, эта глава открывается общим обзором хода русской истории, а затем сосредоточивает внимание на анализе состояния России в XVII веке. Воплощая высказанный в самом начале труда принцип «следить преимущественно за связью явлений», за непосредственным «преемством форм» [3], автор стремится на широком фоне раскрыть историческую обусловленность и подготовленность преобразований Петра I. Для своего времени это было новым словом в русской исторической науке. К первой главе тринадцатого тома примыкают суждения Соловьева о предпосылках и условиях преобразований Петра I, высказанные в начале второй главы этого тома (стр. 179—180) и в начале второй главы четырнадцатого тома (стр. 439—444).

---

[1] Тринадцатый и четырнадцатый тома были изданы в 1863 и 1864, 1870 и 1871, 1878 и 1879 годах при жизни С. М. Соловьева и в 1887 и 1890 годах после его смерти Затем издательство «Общественная польза» трижды публиковало весь труд. Данное издание воспроизводит текст последнего прижизненного издания тринадцатого и четырнадцатого томов (1878 и 1879 гг.).

[2] См. вводную статью Л В. Черепнина «С. М Соловьев как историк» в первой книге настоящего издания с рассмотрением общей концепции Соловьева и комментарии к I—6 книгам с рассмотрением интерпретации С М. Соловьевым отдельных проблем русской истории до XVIII в

[3] *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, кн. I, М., 1959, стр. 55.

Общая характеристика исторического развития России. В соответствии со своим пониманием закономерностей исторического процесса С. М. Соловьев решающее значение для определения хода истории придавал географическому фактору. Ярким противопоставлением природных условий Западной и Восточной Европы он объяснял разницу истории России и стран Западной Европы, выдвигая на первый план отставание России от «европейской цивилизации». Не подлежит сомнению, что природно-географические факторы оказывают ускоряющее или, наоборот, тормозящее воздействие на темпы исторического процесса. В наблюдениях историка есть справедливые указания на причины более раннего развития стран южной части европейского континента. Верно, что меньшая плотность народонаселения на обширной восточноевропейской равнине не могла не замедлять процесса общественного развития. Нельзя не согласиться с тем, что многовековая изнурительная борьба славян против нашествий с востока задерживала исторический процесс. Но все эти весьма существенные обстоятельства истории Руси могут объяснить главным образом темпы исторического процесса, в то время как самый характер его определялся развитием способов производства материальных благ. Для принципиального противопоставления истории Западной и Восточной Европы нет оснований: исторический процесс во всемирном масштабе имеет единые закономерности, это давно установлено марксистской наукой. В концепции С. М. Соловьева ярко проявились характерный для буржуазной науки европоцентризм, отрицание какого бы то ни было исторического прогресса в странах Востока. Известно, что древнейшие цивилизации возникли отнюдь не только в бассейне Средиземного моря. Современная наука располагает бесспорными данными о древнейших очагах культуры и прогресса в странах Азии, Южной Америки, Северной Африки. Отставание России от некоторых стран Западной Европы имеет не абсолютный, а весьма относительный характер.

Следует обратить внимание на то, что принципиальное противопоставление истории России истории стран Западной Европы имело в буржуазной науке совершенно определенное политическое значение, как одно из обоснований буржуазно-либерального тезиса о якобы «незакономерности» революций в России — в противовес Западной Европе, охваченной в конце XVIII — середине XIX века буржуазно-революционными движениями.

Сосредоточение внимания на чисто внешних факторах и явлениях, невозможность в силу ограниченности идеалистической методологии оценить и раскрыть значение факторов внутреннего, общественно-экономического развития привело С. М. Соловьева к явно ошибочным представлениям о возникновении государственности в древней Руси и ее характере. Следя лишь за теми событиями в жизни восточных славян, которые встречаются на страницах древнейших русских летописей, автор рисует яркую, но довольно поверхностную картину «богатырского периода» и установления княжеской власти на Руси (стр. 9—12). Представление о «родовых отношениях» между князьями Рюрикова дома и позднем возникновении «государственного начала» — лишь со времени княжения Андрея Боголюбского — ныне опровергнуто нашей наукой. Исследователь в

общем близок к истине, когда принципиально связывает установление государственности с возникновением княжеской собственности на определенные земельные владения (стр. 23). Но этот процесс начался не в XIII веке и не только в Северо-Восточной Руси Образование собственности на землю и возникновение феодальных отношений — чего С. М. Соловьев не признавал — явления более ранние. Допуская наличие в древней Руси многих элементов дофеодального общественного устройства, в том числе и специфических форм государственного управления, современная наука единодушно рассматривает древнерусское общество как раннефеодальное. С. М. Соловьев не смог оценить данных «Русской Правды» для характеристики общественных отношений в древней Руси, хотя в этом памятнике содержатся бесспорные свидетельства наличия княжеской, а затем и боярской земельной собственности. Княжеская власть в древней Руси имела ряд сильных черт военно-дружинной организации, но ошибочно видеть в князьях только военных слуг городов, легко перемещающихся с места на место Крупные мероприятия князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича в области внутренней и внешней политики, в том числе их законодательство, никак не вяжутся с представлением об ограниченной военной функции княжеской власти, а упорная борьба между князьями за овладение выгодными в экономическом и политическом отношении княжениями далеко выходит за рамки военно-служебных обязанностей по отношению к городам. Самый факт изгнания князей из Новгорода в первой половине XII века, стремление киевских князей к подавлению и подчинению вечевых учреждений в XI веке свидетельствуют о том, что княжеская власть к этому времени была уже значительно большей силой, чем просто военная. Поэтому рисуемая С. М. Соловьевым (см. стр. 21) картина якобы неизменного состояния древнерусского общества за сто лет после смерти Ярослава I не соответствует данным современной науки. Интересуясь почти исключительно сведениями источников о княжеской власти, С. М. Соловьев прошел мимо вопросов общественного строя, что привело его к неправильному пониманию сущности княжеской власти в древней Руси.

Непонимание классового характера общественных отношений в древнерусских городах обусловило и то, что автор объясняет их внутреннее устройство единственно характером княжеской власти (стр. 20). После работ М. Н. Тихомирова очевидно, что древнерусские города развивались в том же общем направлении, что и города Западной Европы, где формы и степень самоуправления в свою очередь были также весьма различными. Вообще противопоставление «Западу» не может быть принято, как таковое, потому что общественные и государственные формы в разных феодальных странах Западной Европы были далеко не одинаковыми. Отношения городов с княжеской властью не могут быть объяснены только лишь положением княжеской власти — необходим всесторонний учет общественно-экономического развития самих городов. Отдавая определяющее значение княжеской власти и ее эволюции, С. М. Соловьев выдвинул ошибочный (и долго потом державшийся в литературе) тезис о принципиальном отличии «новых», «княжеских» городов Северо-Восточной Руси от вечевых городов (стр. 24—25). Источники содержат немало свиде-

тельств о вечевых тенденциях в так называемых княжеских городах и борьбе княжеской власти против веча как в «новых», так и в «старых» городах. С другой стороны, княжеская власть получала поддержку со стороны жителей не только «княжеских», но и «вечевых» городов, надеявшихся найти защиту от властвования феодальной аристократии. И автор совершенно правильно отметил значение городов для укрепления княжеской власти.

Вместе с тем С. М. Соловьев был невысокого мнения о городах Северо-Восточной Руси, характеризуя их как «большие огороженные села» (стр. 25). Справедливо указывая на то, что расположение городов на крупнейших торговых путях способствовало возвышению их на западе и юго-западе Руси, и на то, что условия развития городов на северо-востоке были менее благоприятны, С. М. Соловьев не оценил, однако, того, что и здесь городская жизнь прогрессировала, но потерпела чрезвычайно серьезный ущерб не столько в силу географического положения, сколько вследствие многократных монголо-татарских вторжений. Мнение исследователя прямо противоположно — влияние монголо-татарского ига он считал «мнимым» (стр. 25). Между тем оно имело крайне тяжелые последствия для исторического развития Руси, для определившегося именно после него отставания Руси от некоторых стран Западной Европы. Главная причина относительного отставания городского развития Северо-Восточной Руси не в географических условиях и не в природе княжеской власти (это имело лишь дополнительное влияние), а в тяжелом, неизвестном никакой другой стране «Запада» ударе монголо-татарских захватчиков с их враждебной городам политикой. При этом следует иметь в виду, что на протяжении второй половины XIV—XV веков и здесь возникло немало новых городов, а некоторые из городов достигли значительного развития — Москва, Тверь, Нижний Новгород, Переяславль Рязанский. Следует, однако, заметить, что С. М. Соловьев не привлекал актовый материал для изучения городов, а археологические раскопки, давшие столь ценные сведения, были произведены в основном лишь за последние два — три десятилетия.

Образование и развитие единого Русского государства. Сложившееся во главе с Москвой единое Русское государство С. М. Соловьев охарактеризовал как преимущественно «государство земледельческое» (стр. 25), поставив это явление в связь с слабым развитием городской жизни. Он подметил, что необходимым условием внутреннего единства должно быть сплочение «разделением занятий, поставившим различные местности, различные части народонаселения в неразрывную связь и зависимость друг от друга» (стр. 27). Так как на Руси «части народонаселения, разбросанные на огромных пространствах, живут особною жизнею, не связаны разделением занятий», «нет больших городов, кипящих разнообразною деятельностью», «сообщения затруднительны, сознания общих интересов нет», то возникшая централизация — это «хирургическая повязка на больном члене, страдающем потерею внутренней связи, внутренней сплоченности», и поэтому она «благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось» (стр. 27). В случае же наличия внутреннего единства

возникает «возможность децентрализации, возможность самоуправления частей без вреда политическому единству» (стр. 27).

В современной исторической литературе общепризнано, что политическое объединение русских земель предшествовало образованию их экономического единства [1], и, как отмечал В. И. Ленин, «в эпоху московского царства» «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить» [2]. Русское централизованное государство формировалось и развивалось как государство феодально-крепостническое, его хозяйственной основой было прежде всего земледелие, хотя города в экономическом отношении были развиты все же более, чем думал С. М. Соловьев. Лишь в новом периоде русской истории, примерно с XVII века, произошло фактическое слияние областей, земель и княжеств в одно целое на основе развившегося общественного разделения труда, возникновения буржуазных связей и образования национального рынка.

Нельзя, однако, согласиться с мнением С. М Соловьева о том, что централизация имела искусственный характер и была «хирургической повязкой на больном члене». Возникновение централизованного государства было закономерным следствием развития феодальных общественно-экономических отношений Его главной функцией была защита классовых интересов феодальных землевладельцев, удержание в повиновении массы непосредственных производителей. Существовавшее ранее раздробление государственной власти не соответствовало более потребностям господствующего класса, нуждавшегося теперь, с ростом землевладения и обострением классовой борьбы, в сильном централизованном аппарате, способном обеспечить потребности феодалов в земле и рабочей силе. Не случайно первый крупный акт внутренней политики единого государства — Судебник 1497 года — содержал статью, установившую ограничение крестьянского «выхода» в общегосударственном масштабе. Игнорирование автором классовой сущности государства, связи его развития с развитием классовой борьбы привели к неправильному выводу о якобы «искусственном образовании Московского государства». Заметим, что эта мысль историка получила широкое распространение и развитие в буржуазной историографии последующего времени Не прав С. М. Соловьев, когда говорит об отсутствии на Руси сознания общих интересов. Образование единого государства было ускорено потребностями обороны от нашествий татаро-монголов. Сознание единства Русской земли, ее исторических судеб, необходимости совместной борьбы против опасного врага сильно воздействовало на процесс объединения; оно красной нитью проходит через многочисленные произведения общественно-политической мысли XIV—XVI веков. Что касается тезиса С. М. Соловьева о возможности «децентрализации» власти в условиях внутреннего единства страны, то он в осторожной форме отражает мечтания буржуазных либералов о некотором ограничении самодержавной власти, возможном лишь при наличии «внутренней сплоченности», т. е. отсутствии классовых противоречий.

---

[1] См Очерки истории СССР Период феодализма IX—XV вв , ч I, М , 1953, стр 19

[2] *В И Ленин,* Полн собр соч , т. 1, стр 153

Характеризуя внутренний строй Русского государства, С. М. Соловьев справедливо отмечает значение земельного богатства для политического положения великокняжеской власти, бояр, дворян, видя в земельной политике основное средство укрепления великокняжеской власти (стр. 29—30); но возникновение поместной системы автор ошибочно понимает только как результат правительственной деятельности, в то время как сама форма условного держания возникла объективно, в ходе развития феодальной собственности на землю [1], и была лишь использована государством для создания поместной системы. С. М. Соловьев подчеркивает упорный характер борьбы крепнувшего самодержавия против боярской оппозиции, отметив необоснованность представления о большом влиянии Софьи Палеолог на установление новых порядков при великокняжеском дворе. Интересны суждения историка о том, что Иван IV не имел цели уничтожения боярства как сословия, так как политическая роль боярства была в Русском государстве XVI века очень значительной и была поколеблена лишь событиями крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII века (стр. 31—32).

Как и всюду в «Истории России», С. М. Соловьев идеализирует роль церкви в развитии Русского государства (стр. 32—35), совершенно не раскрывая ни классового, ни политического ее характера, проходя мимо фактов реакционной роли церкви в развитии русской культуры, ее стремления максимально упрочить свои экономические и политические позиции, приходившего в противоречие с задачами государственной централизации.

Особое место уделено ученым анализу положения городов в Русском государстве XVI века. Он не мог не заметить остроты внутренних противоречий в Новгороде накануне присоединения к великому княжеству Московскому и даже пишет о «разрыве интересов» новгородских верхов и городской бедноты (стр. 36), но видит в этом не закономерное проявление классовой борьбы, а нарушение общественной гармонии, которое он оценивает в полном соответствии с политическими устремлениями буржуазного либерализма как приводящее к «страшной внутренней слабости», как явление отрицательное. Социальные противоречия в городах С. М. Соловьев называет «язвой» (стр. 36, 41), и в этом отчетливо проявились политические позиции буржуазного либерала, враждебно относящегося к классовой борьбе и не признающего ее прогрессивной роли в историческом процессе. Говоря о положении городов в Русском государстве XV—XVI веков, С. М. Соловьев верно указывает на тяжесть фискальной политики правительства, тормозившей развитие городов (стр. 38—39), хотя преувеличивает их неразвитость. Вместе с тем он отметил рост значения городов начиная с середины XVI века. Следует заметить, что более конкретное представление об экономическом развитии русских городов в в XVI веке появилось позже выхода труда С. М. Соловьева в результате исследования Н. Д. Чечулина, пришедшего к выводу, что степень экономического развития городов была не такой низкой, как это казалось ранее [2].

---

[1] См. *Л. В. Черепнин*, Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., М., 1960, глава I.

[2] *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI веке, СПб., 1889.

В советской литературе экономическое развитие городов XVI века получило освещение в трудах С. В. Бахрушина [1] и других исследователей.

Большое внимание уделяет С. М. Соловьев колонизационным процессам. Он правильно указывает на причины бегства населения сел и городов на окраины, видя их в тяжести налогового гнета, но в то же время не может, конечно, понять классовой основы этого явления. Следствием бегства на окраины явилось образование казачества, которое С. М. Соловьев характеризует как антигосударственную силу. Тезисом о борьбе «леса» и «степи», «государственного и антигосударственного» начал С. М. Соловьев подменяет классовый анализ народных движений на окраинах против феодально-крепостнического гнета. Причины этих выступлений автор искал не в реальных общественно-экономических отношениях, а в географических условиях и их влиянии на нравственный, психологический склад, которыми якобы и могут быть полностью объяснены выступления казачества. При этом С. М. Соловьев совершенно отвлекается от того очевидного обстоятельства, что борьба против государства развивалась не только в форме противоположности «леса» и «степи», но и во внутренних областях Московского государства.

Характеристика государственного и общественного строя России XVII века. Переходя к анализу внутреннего состояния России в XVII веке, С. М. Соловьев не случайно начинает его с описания Москвы и картин, показывающих царскую власть и духовенство в стольном городе. В этом еще раз проявилась идеалистическая методология историка, придававшего государственной власти значение определяющего начала в русской истории. По его мнению, «общественная сила» не была развита на Руси вследствие опять-таки географических условий, и в отличие от Западной Европы государству принадлежала здесь исключительная роль. «Отсюда привычка к расходке в народонаселении и отсюда стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять» (стр. 46). Чрезмерное преувеличение государственной власти и принижение роли народа в истории России были не только следствием методологических принципов буржуазной историографии, но и выражением ее политических устремлений, направленных против классовой борьбы народных масс.

С. М. Соловьев вновь проводит мысль о тесном сотрудничестве царской власти с церковью, и характеристику царской власти XVII века начинает с описания церковных торжеств. Здесь содержится описание государственных порядков и различных обрядов. В то же время автор очень осторожно иронизирует над московскими государственными порядками того времени, над консерватизмом мышления политических деятелей — вполне в духе умеренной либеральной оппозиции самодержавию. С. М. Соловьев отрицательно отзывается о роли дворянства на государственной службе, справедливо указывая на возраставшее стремление дворян к землевладению. «Гоньба за беглыми составляет самый важный предмет занятия для помещика» (стр. 70). Но вывод из этого наблюдения лежит вновь не в плоскости анализа классовых отношений, а делается с точки

[1] *С. В Бахрушин,* Научные труды, том I Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в., М., 1952

зрения положения государственной власти, вынужденной прибегнуть к наемному войску. В этом автор видит начавшееся в XVII веке приближение к западноевропейским государственным порядкам. Оценивая смысл начатых в XVII веке государственных преобразований, С. М. Соловьев приходит к выводу, что, «не трогая старого, приставляли к нему новое» (стр. 73). Характерно, что начало преобразований и самую их необходимость он выводил из чисто государственных потребностей, не связывая их с теми глубинными процессами, которые протекали в XVII веке и в области феодальной собственности на землю, и в области общественного разделения труда. Критическим духом проникнуто описание С. М. Соловьевым московской приказной системы. Но он не заметил попыток реорганизовать эту систему, выразившуюся в объединении ряда приказов под руководством одного лица, в учреждении Приказа тайных дел, который принимал на себя контрольные функции в отношении других приказов и должен был ограничить власть бояр — приказных судей. С таким же критическим оттенком описывает автор систему управления на местах, подчеркивая тяжелое положение горожан под гнетом налогов, произвол правительственной администрации, вотчинных землевладельцев и купеческой верхушки, не раскрывая классовых основ этих явлений.

С. М. Соловьев верно указывает на то, что крепостнические отношения распространялись и на города (стр. 83—86) и что установление крепостного права в деревне отрицательно повлияло на развитие городов (стр. 105). Он правильно отмечает тесную связь, которая существовала между развитием города и положением деревни, и на то, что именно с развитием городских элементов связан переход к «новой русской истории» (стр. 106). Но эту проблему автор рассматривает в зависимости, совершенно обратной действительной закономерности. Развитие городов объясняется у него тем, что «русские люди с головою Ордина-Нащокина стали взглядывать на Запад», поняли необходимость содействия городам — отсюда явились и первые попытки преобразований, воплотившиеся в реформах Ордина-Нащокина. В действительности эти реформы стали возможны и необходимы именно вследствие того, что города в XVII веке выросли, образовывался тот класс «капиталистов-купцов», который стал, по выражению В. И. Ленина, руководителем и хозяином процесса образования буржуазных, национальных связей, составившего основное содержание начавшегося примерно с XVII века нового периода русской истории [1].

В связи с поворотом в судьбах русского города автор вновь обращается к происхождению крепостного права, которое он объясняет бедностью русских городов и в котором «самым осязательным, самым страшным образом высказалось банкротство бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребности своего государственного положения». Вместе с тем «тяжелый заем» у народа был «необходимым и благодетельным», крепостное право было «естественным результатом древней русской истории» (стр. 106). Нельзя, конечно, игнорировать значение го-

[1] См. *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

сударственных военных потребностей в установлении системы крепостного права, но главная причина его возникновения заключалась в развитии феодальной собственности на землю. Крепостное право удовлетворяло не вообще «государственным потребностям», а потребностям господствующего класса феодальных землевладельцев и защищавшего его интересы феодального государства. Крепостное право было исторической закономерностью, но из этого не следует, что оно было «благодетельным», так как гнет крепостнических отношений тормозил развитие производительных сил, оказывая глубоко отрицательное влияние и на города, что признает и С. М. Соловьев. Его концепция происхождения крепостного права — типично буржуазно-либеральная, затушевывающая социально-экономический, классово-антагонистический характер крепостного права. Он работал над тринадцатым томом в годы, когда только что произошла отмена крепостного права «сверху». Удовлетворенный, как и другие буржуазные либералы, крестьянской реформой, С. М. Соловьев пришел к выводу, что «спор между древнею и новою Россиею кончен, поверка налицо», имея в виду то, что освобождение крестьян явилось «результатом полуторавекового хода нашей истории по новому пути» (стр. 106). Действительность показала всю несостоятельность этих иллюзий — отмена крепостного права, явившаяся следствием длительного предшествующего развития, была произведена таким образом, что «спор между древней и новой Россией» отнюдь не закончился — были сохранены значительные пережитки крепостничества, а острота социальных противоречий еще более возросла. Жизнь показала всю беспочвенность буржуазной концепции «государственного», надклассового установления и отмены крепостного права. Сам историк не смог пройти мимо фактов тяжелого положения закрепощенного крестьянства и его протеста против крепостничества, но тем не менее развивал мысль о «благодетельности» в целом крепостного права. В одном месте он называет «негодяями» тех, кто, пользуясь доверчивостью крестьян, поднимал их против крепостной зависимости (стр. 422).

Переход к «новой русской истории» осмысливался С. М. Соловьевым не в плане внутреннего социального и экономического развития, а в плане внешнего, очень типичного для буржуазной историографии, противопоставления «Востока» «Западу», как якобы имеющих коренные отличия в характере исторического развития. Он заметил, что начало стремления к «Западу» восходит к XVI веку и что рубежом явилось присоединение Казани, когда была обеспечена относительная безопасность на Востоке (стр. 112), но не видел за всем этим глубоких внутренних процессов, принимая следствия за причины, внешний ход событий за их движущую силу. Начало «новой русской истории» представлялось С. М. Соловьеву прежде всего как результат развития идей, понимания необходимости «цивилизации». Поэтому особенно большое внимание он уделил характеристике духовного, нравственного состояния русского общества в XVII веке. Тормозом общественного прогресса исследователь считал «недостаток просвещения» (стр. 126) и нарисовал преувеличенно мрачную картину народной нравственности в XVII веке. Главной силой просвещения он считал церковь, пройдя мимо того очевидного факта, что именно в

XVII веке авторитет религии и церкви стал разрушаться, возникла демократическая сатира, объектом которой нередко являлась церковь, а в различных областях все более проявлялось стремление к «узорочью», к «живству», к отказу от строгих церковных канонов. Все эти явления были связаны прежде всего с посадской средой. Между тем С. М. Соловьев всячески старается представить церковь ведущей силой просвещения и воспитания народа и явно сожалеет о том, что дело Никона нанесло удар авторитету церкви, как и неблаговидное поведение церковников, факты которого он приводит в этой части главы (стр. 121).

Следствием «банкротства экономического и нравственного» явилось то, что «Русская земля всколебалась и замутилась; русский народ после осьмивекового движения на восток круто начал поворачивать на запад» (стр. 179), программа преобразований — поднять торговлю и богатство — требовала учиться на Западе (стр. 181).

Поворот России на новый путь объясняется ученым в значительной мере западным влиянием, тем, что «цивилизация закинула уже свои сети на русских людей» (стр. 135). Не отрицая западного влияния, следует, однако, подчеркнуть, что вступление России в новый период своей истории было обусловлено и подготовлено внутренним социально-экономическим развитием, зарождением буржуазных элементов, что явилось закономерным следствием объективных процессов роста производительных сил. С. М. Соловьев справедливо отмечает, что «служилые иноземцы были совершеннейшие космополиты, отличавшиеся полным равнодушием к судьбам той страны, где они временно поселились» (стр. 173), но вместе с тем крайне преувеличивает значение Немецкой слободы, называя ее такой же «ступенью к Петербургу, как Владимир был ступенью к Москве» (там же).

Последняя часть I главы тринадцатого тома содержит новый для своего времени материал о русском фольклоре и развитии научных знаний. Для современного читателя эти разделы представят мало интереса даже с чисто фактической стороны, так как теперь русская культура XVII века изучена гораздо глубже. Главная же неудовлетворительность этих разделов состоит в том, что С. М. Соловьев не сумел показать закономерностей историко-культурного процесса в XVII веке, а они состояли прежде всего в усилении светских, демократических элементов в культуре и начавшемся вытеснении прежде безраздельно господствовавшей религиозной идеологии.

Между тем автор главное внимание уделяет проникновению в Россию западноевропейской культуры, «латинства», видя в этом основное содержание того нового, что появлялось тогда в русской культуре (стр. 431—435). Нетрудно заметить, что и в этом случае центральное место в предпосылках преобразований занимает все-таки не внутреннее развитие, а все тот же «поворот к западу», влияние западноевропейской культуры.

Внутренняя и внешняя политика Русского государства в 70—80-х годах XVII века. Во II главе тринадцатого тома содержится фактический материал о придворной борьбе после смерти царя Алексея Михайловича. С. М. Соловьеву не удалось раскрыть социальную основу конфликтов вну-

три господствующего класса, в которых отразились противоречия по вопросу о путях укрепления власти. Крестьянская война под руководством Степана Разина и другие массовые волнения третьей четверти XVII века заставили господствующий класс искать путей для усиления аппарата власти. Вместе с тем продолжали существовать и конфликты внутри самого господствующего класса, боярская аристократия не оставляла попыток укрепить свое положение. Именно в свете этих противоречий и должны быть поняты те мероприятия внутренней политики, которые разрабатывались и осуществлялись в 1679—1682 годах (стр. 246—252). С. М. Соловьев напрасно связывает эти реформы с деятельностью царя Федора Алексеевича, принимавшего незначительное участие в государственных делах. Характерно, что важные мероприятия в области государственной централизации были осуществлены как раз при Федоре Алексеевиче, что свидетельствует о силе объективных факторов, обусловивших проведение реформ, несмотря на слабость самого царя как государственного деятеля. Реформа податного обложения 1679 года, приведшая к усилению налогового гнета, явилась важным шагом по пути централизации финансовой системы в государстве, что отвечало интересам усиления феодальной монархии, развивавшейся в направлении к абсолютизму. Важнейшее значение для формирования абсолютистского строя, подрыва позиций боярской аристократии имело уничтожение местничества. С. М. Соловьев связывает падение местничества с начавшимся поворотом Русского государства на новый путь развития (стр. 251—252), но в соответствии со своей общей концепцией сводит все дело к «повороту к чужому, западному». В действительности падение местничества явилось закономерным результатом внутренних процессов социально-экономического развития, усиления дворянства в XVII веке (см. комментарии к 7-й книге «Истории России»). С. М. Соловьев неверно оценил сущность проекта реформы управления на местах. Он увидел в этом проекте лишь попытку отделения гражданских чинов от военных (стр. 252), рассматривая ее как прогрессивное развитие государственного строя. Но проект разделения государства на наследственные наместничества был в действительности попыткой боярской аристократии восстановить свою силу в местном управлении, причем в случае осуществления проекта вновь ожили бы пережитки времен феодальной раздробленности. Само разделение страны на наместничества по этому проекту возрождало прежние автономные земли и княжества. С. М. Соловьев отметил сопротивление патриарха Иоакима осуществлению этого проекта. Но не только церковь была заинтересована в том, чтобы «учиненные вечные наместники, великородные люди по прошествии нескольких лет, обогатясь и пренебрегши московских царей самодержавством... единовластия не разорили» (стр. 253). Главной силой, воспрепятствовавшей осуществлению боярского проекта, было дворянство, оно же добилось вскоре и уничтожения местничества. Реформы и проекты реформ 1679—1682 годов свидетельствуют о том, что давняя борьба внутри господствующего класса вступала теперь в окончательную, завершающую фазу, и именно в этой связи становились возможными и необходимыми те крупные государственные преобразования, которые начали осуществляться уже в XVII веке и затем воплотились в политике Петра I.

Впервые в научной литературе С. М. Соловьевым был дан такой широкий обзор фактического материала о стрелецком восстании 1682 года, какой имеется в специально посвященной этому восстанию III главе тринадцатого тома. Но это восстание, имевшее глубокие социальные и политические корни, он трактовал как «смуту», возникшую в результате придворной борьбы за власть. Общее отношение С. М. Соловьева к выступлению стрельцов — глубоко отрицательное, как и вообще ко всяким потрясениям и массовым движениям.

Выступление стрельцов в 1682 году было вызвано их тяжелым положением, но было использовано теми группировками господствующего класса, которые были враждебно настроены по отношению ко все более определявшейся программе преобразований. Объективно стрелецкое войско выступило в качестве реакционной силы, служившей интересам боярской аристократии [1]. Само стрелецкое движение не было поддержано московскими горожанами. В то же время выступление стрельцов содействовало обострению классовых противоречий в стране. Среди московского тяглого населения произошли отдельные выступления против городской верхушки. Активизировались также выступления против феодального гнета со стороны крестьянства. С. М. Соловьев трактовал их, как обычно, в плане казачьих движений на окраинах (стр. 300). В действительности эти движения, отличавшиеся заметным размахом, имели антифеодальный характер и были проявлением классовой борьбы [2].

Стрелецкое выступление 1682 года и связанная с ним борьба группировок внутри господствующего класса явились важным этапом на пути установления абсолютизма в России.

Вопросы внешней политики этого периода освещены историком весьма фактографично. Как и ранее, описывая события, связанные с борьбой за Украину, С. М. Соловьев освещает их исключительно в аспекте внешней политики Русского государства, оставляя в стороне вопрос о значении их для исторических судеб самой Украины, украинского народа. Он не обратил внимания на рост экономических связей Левобережной Украины с русскими землями, что имело большое прогрессивное значение для ее развития — в отличие от Правобережной Украины, оставшейся в результате интриг казачьей старшины и местных феодалов отторгнутой от России. Классовые противоречия на Украине, позиция склонной к компромиссам с иноземными завоевателями и боявшейся массовых народных движений казачьей старшины оказались совершенно не раскрытыми С. М. Соловьевым.

Типичные для буржуазной историографии великодержавные тенденции отчетливо проявились в изложении С. М. Соловьевым событий истории народов Урала и Сибири. Правда, он называет якутского князька Балтугу «якутским патриотом», а царских воевод — «врагами его свободы», пишет даже о «волчьих замашках» воевод (стр. 237), но ни прогрессивное значение вхождения народов Сибири в состав России, ни национально-колониальный гнет со стороны царизма не были поняты

[1] См *С. К. Богоявленский*, Хованщина. «Исторические записки», т. 10 См. также Очерки истории СССР, Период феодализма, XVII в., М., 1955, стр. 325—336.
[2] См. *Л. В. Черепнин*, Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки», т. 4.

историком. Он сожалеет лишь о том, что насильственные меры приводили к народным восстаниям [1].

К вопросам внешней политики в 80-х годах XVII века автор вновь возвращается в I главе четырнадцатого тома. Показательно, что этот том, имеющий особый заголовок «История России в эпоху преобразования», С. М. Соловьев начинает именно с вопросов внешней политики. В этом вновь проявилось ошибочное понимание им предпосылок преобразований, лежащих якобы в первую очередь в плоскости внешнеполитического, а не внутреннего развития Русского государства XVII века. Само определение сущности преобразований как «поворота на запад» вынуждало искать их причины прежде всего в области международного положения России, хотя, как отмечено, С. М. Соловьев указал и на ряд внутренних предпосылок этих преобразований.

Как и всюду, где речь идет о внешней политике, исследователь дает обильный фактический материал, извлеченный им из архивов и в значительной степени впервые вводившийся тогда в научный оборот. Он прослеживает связь различных направлений внешней политики Русского государства с общеевропейским международным положением конца XVII века. В главе содержится описание переговоров в Нерчинске в 1689 году, завершившихся заключением русско-китайского договора. В советской литературе история русско-китайских связей и отношений в XVII веке исследована на широкой источниковедческой базе [2] и с принципиально иных позиций.

Общая характеристика преобразований Петра I. В начале II главы четырнадцатого тома С. М. Соловьев высказывает ряд суждений, весьма важных для понимания его общей исторической концепции. Прежде всего он решительно выступает против представления о том, что ход истории определяется волей отдельных лиц, — представления, распространенного в дворянской историографии XVII — первой половины XIX века. «Пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений» (стр. 438). Здесь вновь проявилась та идея исторической закономерности, которая была свойственна научному мышлению С. М. Соловьева. В его понимании объективная обусловленность преобразований начала XVIII века заключалась в том, что русский народ, познакомившись с «Западом» и осознав свою отсталость, «начал поворачивать на запад». Закономерность эта выведена, следовательно, на чисто идеалистической основе и неверна по самому существу. Обращение к «Западу» было, во-первых, делом не народа, а господствующего класса, заинтересованного в более совершенном аппарате сохранения своего господства, а, во-вторых, и это главное, преобразования были подготовлены и обусловлены внутренним социально-экономическим развитием. Правительство Петра I ставило прежде всего задачи национального развития (в понимании господствующего класса). С. М. Соловьев верно отмечает, что

---

[1] Об Урале и Сибири в XVII веке см.: *А. А. Преображенский,* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII веков, М., 1956; *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, М., 1955, т. IV, М., 1959; *В. И. Шунков,* Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII в.), М., 1956; *Ф. Г. Сафронов,* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в., Якутск, 1902.

[2] См. *П. Т. Яковлева,* Первый русско-китайский договор 1689 года, М., 1958.

привлечение иностранцев Петром I имело целью «приучать русские руки к новому необходимому делу» и что он «все важнейшие должности поручал русским, хотя бы и недостаточно приготовленным» (стр. 473), что «возмужалый Петр, Петр Великий имел правилом не возводить иностранцев на первые места в государстве» (стр. 469).

Указывая на неизбежность обращения отсталых народов к передовой культуре, что приводит к острым противоречиям, к «борьбе, необходимо раздражающей, ведущей к увлечениям, к крайностям» (стр. 439), автор обнаружил политическую основу своих взглядов о закономерности исторического процесса. Идея закономерности в буржуазно-либеральном понимании антиреволюционна по своему существу. Закономерность в смысле эволюционности противопоставляется взрывам и потрясениям как наиболее естественный путь общественного прогресса. В этом отношении очень важны рассуждения С. М. Соловьева (см. стр. 440), где он сравнивает преобразования в начале XVIII века в России с французской революцией конца XVIII века. По его мнению, преобразования Петра I тоже являются революцией, хотя в действительности они не могут быть так оценены, так как никакого перехода власти от одного класса к другому не было, как не было переворотов и в способе производства материальных благ. «Во Франции слабое правительство не устояло — и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране. В России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства». Итак, «революцию» сверху С. М. Соловьев предпочитает революции снизу, хотя «и мы имеем основания плакаться на нашу революцию, но опять с обязанностью плакаться также на всю предшествовавшую историю, которая привела к такой революции»; во всей полноте и отчетливости раскрывается в этих словах страх буржуазного либерализма перед народной революцией. Марксистская теория общественного развития установила, что революция не только не противоречит понятию исторической закономерности, но, наоборот, является воплощением ее, ибо революционные перевороты представляют собой движущую силу развития обществ с классово-антагонистическим устройством, революции есть «локомотивы истории».

Противопоставляя «революцию» Петра I французской революции, С. М. Соловьев выдвигал деятельность Петра как желаемый прообраз сильной власти, осуществляющей переворот сверху. При этом автор подчеркивал, что «власть вырастает из общества и крепка, если держится на твердом основании», в то время как неограниченная власть Петра I действовала еще «в слабом незрелом обществе»; вследствие чего он «не мог достигнуть непосредственно при жизни своей самых благодетельных целей» (стр. 577). Тем самым читатель подводился к мысли о том, что теперь, в середине XIX века, когда «общество» (в буржуазно-либеральном понимании) «окрепло», когда прошло полтора века развития «новой России», наступило время для существования действительно «твердой власти», способной произвести реформы и завершить дело, начатое Петром I. Тезис о якобы надклассовости государства, опирающегося на общество в целом, красной нитью проходящий через весь труд С. М. Соловьева, полу-

чает обоснование в соответствующем освещении реформ начала XVIII века. Концепция преобразований Петра I, выдвинутая С. М. Соловьевым, непосредственно смыкалась с буржуазно-либеральной программой реформ середины XIX века. Характерно, что, когда реформы 60-х годов не только не ослабили остроты классовых противоречий, но привели к подъему освободительного движения, С. М. Соловьев отказался от трактовки реформ Петра как революции и в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872) оценил преобразования более сдержанно. Даже реформы «сверху» казались теперь буржуазным либералам небезопасными, они эволюционировали все более вправо. Не избежал этой эволюции и С. М. Соловьев.

Привлекают внимание суждения историка о том, что «деятельность великого человека есть всегда результат всей предшествовавшей истории народа», что «при настоящих успехах исторической науки великий человек теряет свое божественное значение, не является существом, разрушающим и создающим по своему произволу; но он получает великое значение как представитель народа в известное время, как произведение и поверка народной жизни, народной истории. Великий человек не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чуждая воля» (стр. 441). Объективный характер деятельности выдающихся исторических лиц здесь подчеркнут очень отчетливо, и в этом был важный шаг С. М. Соловьева вперед по сравнению с субъективно-идеалистическими концепциями дворянских историков. Но в то же время ученый совершенно абстрагируется от классового характера деятельности исторических лиц. В широком смысле слова преобразования Петра I были, конечно, подготовлены и осуществлены трудом народных масс, но Петр I был прежде всего выразителем и защитником классовых интересов дворян-крепостников и нарождающегося купеческого класса. Он укреплял их государство преимущественно крепостническими средствами, за счет громадного усиления эксплуатации народных масс. Политика Петра I была прогрессивной в общеисторическом аспекте, но она легла всей тяжестью на плечи народа и имела ближайшим следствием укрепление власти господствующего класса.

Социальный анализ деятельности Петра I С. М. Соловьев подменил анализом нравственных, морально-этических причин и характера его деятельности, что опять-таки выпукло раскрывает глубоко идеалистическую сущность мировоззрения исследователя. Ведущая роль в истории отведена духовному началу, идеям, морали, просвещению, ими объяснял он характер деятельности исторических лиц. Объективные факторы — географическая среда и ход событий — воздействовали на историю (в концепции С. М. Соловьева) через формирование определенных нравственных свойств и идейных понятий народа и исторических деятелей. Под этим углом зрения он анализировал предпосылки и самую деятельность Петра I. Формирование характера и мировоззрения Петра I освещено исключительно в плане воздействия влияний «Запада» и переплетения их со старыми нравственными понятиями. В конечном счете все это ведет к очевидному рецидиву той психологизации в объяснении действий исторических лиц, которая была свойственна дворянской историографии. В этом вновь проявилась характерная черта мировоззрения С. М. Соловьева,

который никогда не порывал до конца с методологией дворянской историографии.

Внутренняя и внешняя политика правительства Петра I в начале его царствования. В четырнадцатом томе содержится обстоятельный фактический материал о ходе борьбы за власть, приведшей к воцарению Петра I. Читатель не найдет здесь, однако, анализа социальных сил, определявших ход событий. Падение правительства Софьи и воцарение Петра I были обусловлены прежде всего поддержкой программы преобразований со стороны сильно укрепившегося на протяжении XVII века дворянства и нарождавшегося купеческого класса. С правительством Софьи связывала свои надежды реакционная боярская аристократия. Между прочим, здесь проявляется ошибочность воззрений С. М. Соловьева, видевшего предпосылки преобразований прежде всего в западном влиянии. Так, например, фактический руководитель правительства Софьи князь В. В. Голицын был ярым «западником», увлекался западноевропейской культурой, но тем не менее оказался сметенным в ходе событий, так как был связан с реакционными общественными кругами.

III и IV главы четырнадцатого тома целиком посвящены событиям политической истории конца XVII столетия. Огромный фактический материал, приводимый С. М. Соловьевым, создает в целом яркую картину начала преобразований, внутриполитической борьбы и международных отношений. Как обычно, с особым вниманием разработана внешнеполитическая история России того времени. Борьба против султанской Турции и крымского хана, отношения с европейскими странами осмысливаются историком в их взаимной связи. Советский читатель располагает теперь рядом марксистских исследований, анализирующих начальный этап правления Петра I на глубокой социально-экономической и классовой основе[1].

С. М. Соловьев заметил, что начатые Петром I преобразования не коснулись крестьянства (см. стр. 592), положение которых оставалось тяжелым, хотя и не оценил этого факта, ярко характеризующего классовую сущность политики Петра I. Несколько упрощенно им характеризуются причины, побудившие Петра I начать борьбу за Балтийское море. Дело не только в неудаче борьбы за Черное море (стр. 604) — стремление к выходу на Балтику было к концу XVII века уже весьма давним направлением внешней политики России. Выход на Балтийское побережье был жизненно необходимым для дальнейшего развития экономики и внешней безопасности России, чего при тогдашних условиях (господство султанской Турции) не могло дать Черное море. Программа борьбы за Балтику была отчетливо сформулирована в канун петровских преобразований А. Л. Ординым-Нащокиным, интересы развивавшегося купечества требовали выйти именно на Балтийское побережье, близко расположенное к центральным районам страны. В каких бы внешне случайных обстоятельствах ни произошло решение о начале Северной войны, оно было логически обусловлено всем ходом предшествующего развития страны. Заслуга

---

[1] См. Очерки истории СССР. Период феодализма. [Первая четверть XVIII в.]. М., 1954; там же библиография основных трудов; *Н. Б. Голиков,* Политические процессы при Петре I, М., 1957; *Н. А. Бакланова,* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в., М., 1959.

Петра I в том и состояла, что он сумел правильно определить благоприятную обстановку для начала успешной борьбы за выход России к морю.

Том кончается описанием основания Петербурга, в котором С. М. Соловьев видит символическое завершение истории «древней России», начавшейся якобы с прихода врагов в устье Невы и закончившейся после восьмивекового движения на восток снова выходом на Балтийское побережье.

Помня о слабости анализа материала, обусловленной как состоянием разработки источников в то время, так и идеалистическим пониманием истории, принципиально отвергая общую буржуазно-либеральную антиреволюционную концепцию С. М. Соловьева, современный читатель найдет вместе с тем в тринадцатом и четырнадцатом томах его «Истории России» богатейший фактический материал о событиях одного из наиболее ярких и интересных периодов истории нашей Родины — начала преобразований Петра I.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов Григорий, бобыль 133
Абрамов, драгун в Мехонской слободе 242
Аввакум Петров, протопоп 162—171, 260, 356, 361, 569
Август, император римский 145
Август, лжецаревич 61
Август II Фридрих, курфюрст саксонский, король польский 550, 551, 555, 603—605, 613—616, 618—620, 624, 627—632, 639, 661
Аверкиев, донской атаман 429, 430
Авраамий, монах, игумен московского Андреевского монастыря 524, 543, 544
Авриль, французский иезуит 413
Агафья. См. Грушецкая А. С.
Агафья, раскольница 427, 428
Ададуров, пристав при патриархе Никоне 194, 195
Адамов Симеон. См. Адамович
Адамович (Адамов) Симеон (Семен), нежинский протопоп 179, 201—206, 209
Адашев Алексей Федорович, окольничий 196
Аделунг Фридрих, лингвист, археограф, источниковед 656
Адриан, архимандрит чудовский 296
Адриан, митрополит казанский, затем патриарх московский 183, 478, 555, 569, 571, 600—602
Айтемиров, подьячий, гонец в Крым 480, 494, 495
Акинф, ризничий 433
Акинфов (Окелфов) Григорий Никитич, стольник 339, 341
Акинфов (Акинфиев) Никита Иванович, думный дворянин 275, 317, 335
Аксинья, жена стряпчего конюха 579, 580
Александр Арчилович, царевич имеретинский 623
Александр Македонский 142, 146, 416, 441, 527, 645
Александр Ярославич Невский, в. князь владимирский и новгородский 145
Алексеев Василий, крестьянин 586
Алексеев Михаил 586
Алексеев Никита, подьячий, посланник в Турцию 387—389
Алексеев Сидор 584
Алексеевны, царевны, дочери Алексея Михайловича 451
Алексей (Алексий), митрополит московский 32, 33, 54, 58, 120, 289
Алексей Алексеевич, царевич, сын Алексея Михайловича 133, 145, 182, 196, 357, 358
Алексей Михайлович, царь 38, 41, 45, 54—56, 61, 64, 66, 72, 78, 84—87, 93, 95, 99, 102, 107, 114, 119, 121, 124—128, 135—137, 140, 141, 145, 149, 162, 165, 171, 179—186, 192—195, 197, 198, 203, 212, 234, 238, 240, 241, 247, 248, 254, 262, 265, 288, 358, 359, 374, 403, 421, 428, 431, 432, 436, 446, 448, 449, 457, 473, 512, 524, 526, 530, 531, 535, 545, 553, 569, 570, 582, 659

Алексей Петрович, царевич 474, 477, 575, 580
Алибек, брат шевкала тарковского 479, 480
Алмазниковы 584
Алмазов Семен Ерофеевич, стольник 203, 204, 206, 207, 214, 321, 377
Анастасия Марковна, жена протопопа Аввакума 168
Анастасия Романовна, царица, жена Ивана Грозного 145
Андреев Иван, священник 427
Андреев Кузьма, псковский посадский человек, откупщик 98
Андрей Вессалий Брукселенск, автор работы по анатомии 147
Андрей Юрьевич Боголюбский, в. князь владимирский 16, 22—24, 27, 35, 145
Андронов Федор, торговый человек 31
Анна, княгиня, жена кн. Михаила Тверского 359
Анна Михайловна, царевна 264, 453
Антонида, старица Новодевичьего монастыря 75
Антоний, архидиакон черниговский 402
Антоний, старец, раскольник 301
Апостол Даниил Павлович, миргородский полковник, наказной гетман 506, 636
Апостоленко Григорий, миргородский полковник 487
Апостолец, уроженец Валахии 231
Апостолец, полковник польский 493
Апраксин Андрей 585
Апраксин Андрей Матвеевич, стольник 315, 322, 340, 341
Апраксин Матвей Васильевич, стольник 314, 315
Апраксин Петр Матвеевич, стольник, окольничий 315, 322, 341, 603, 641
Апраксин Федор Матвеевич, стольник, архангельский воевода 315, 322, 472, 473, 528, 619, 632, 641—643, 654
Апраксины 258, 261, 262, 315
Арапов, верхотурский приказчик 234
Аргамаков Михаил, вотчинник 425
Аргамаков Петр, вотчинник 425
Аристотель 483
Аркадий, император 276
Арсений, архиепископ псковский 97, 100
Арсений, патриарх сербский 404
Арсений Грек, иеромонах, справщик книг 283, 288
Артемьев Петр, дьякон Петропавловской церкви 524, 600—602
Артемьев Терентий, крестьянин 481
Артемьев Филипп, дьяк 331
Аскольд 146
Аттила 8
Афанасий, архиепископ холмогорский и важский 287, 318, 319, 322, 329, 330, 345, 471, 472, 602
Афанасий, дьякон 433, 464
Афанасий, кунгурский стрелец 588
Афросимов Матвей, старооскольский воевода 586
Ахмет-ага, ближний человек крымского хана 226
Аюка, калмыцкий тайша 233, 234

Баженов, крестьянин 131
Байтон Афанасий, казачий голова 414
Балабан Дионисий, митрополит киевский 382, 403
Балтуга, якутский родоначальник 235—237
Баранович Лазарь, архиепископ черниговский 111, 182, 201, 202, 205, 206, 365, 383, 386, 402, 403, 434, 476
Барсук, нежинский полковник 210
Бархатов Гавриил, крестьянин 242
Барятинский. См. Борятинский
Басманов Петр Федорович, боярин, воевода 160
Басов, дворянин 479, 480
Батурин, стольник, полковник 517
Батый, хан монгольский 146
Бахарев Давыд, вольный питейный промышленник 98
Башковский Игнатий 193
Башмаков Дементий Минич, думный дьяк, печатник 171, 317, 321, 328, 344, 347, 348
Безобразов Андрей Ильич, стольник 466
Белободский Андрей, толмач 417—419
Белобородов Юрий, псковский посадский человек 99
Беляев Афанасий, путивльский купец 300
Беляева, племянница Ивана Шихирева 131
Белянинов Памфил, подьячий Посольского приказа 148
Бергман Вениамин 652, 653
Бердяев, царский посланец в Запорожскую Сечь 232

Беркутов Дмитрий, житель Кайгородка 93
Берлов Давыд, лекарь 188, 189, 191
Берх В. Н. 359
Бессонов П., издатель работ Ю. Крижанича 356
Бибиков Даниил, сборщик ясака в Сибири 238
Бизяев, ярославский посадский человек 290
Билевич Ян, капитан, валахский посланник в Москве 223—225
Биляна Марфа, дворовая 358
Бландовский, польский ротмистр 521, 522
Близняков Григорий, дьяк 330
Блюмберг, имперский посол 372
Блюмберг Иван Иванович, полковник Преображенского полка 572
Бобинин, дьяк 230, 485
Боволье, французский иезуит 413
Богданов Григорий, думный дьяк 271, 275, 324, 325, 333, 335
Богомолов Максим, подьячий 587
Боев, приказчик 357
Боергав, профессор анатомии Лейденского университета 554
Болховитинов Евгений, митрополит 356
Большаков Иван Кондратьевич 422
Бона, королева, жена Сигизмунда I 49
Борис Алексеевич. См. Голицын Б. И.
Борис Федорович Годунов, царь 40, 45, 62, 71, 113, 540, 569
Борисов, стрелецкий пятисотный 269, 299
Борисов Никита, чернослободец Гончарной слободы, раскольник 278, 279, 290
Борисов Петр, полковник 397
Борков, шуйский воевода 93
Борков Никита Федорович, ключник 331
Борковский. См. Бурковский
Борятинские, князья 61
Борятинский, князь, киевский воевода 597
Борятинский Даниил Афанасьевич, князь, окольничий 327, 330
Борятинский Иван Петрович, князь, боярин 329
Борятинский Федор, князь, окольничий 501
Борятинский Юрий Никитич, князь 221
Босой Герасим, «волосяничник» 581
Бохин Павел, стрелецкий полковник 299, 338
Брагин 584
Брант Карштен, голландец, корабельный мастер 448, 449
Брант Христофор, голландский купец 619
Брестовский Константин, виленский епископ 512
Бростовский, польский посол в Москве 223
Брюс Яков Вилимович, инженер, затем генерал-майор 473, 584, 620
Брюховецкий Иван Мартынович, гетман 396
Бубнов Игнатий, подьячий Преображенской приказной избы 543, 544
Бугаев, стрелец 573
Буйновский, шляхтич 598
Буйносовы, князья 61
Булавин Кондратий Афанасьевич, один из предводителей восстания на Дону 45
Бунаков Иван 406
Бурковский Василий, черниговский полковник 199, 200, 395, 401
Бурмистров, стрелецкий пятисотный 268, 269
Бурцов Максим, дьяк 324
Буслаев Василий, герой новгородского эпоса 138, 139
Бутенант фон Розенбуш, датский резидент в Москве 361
Бутенант (Бутман), заводовладелец 555
Бутурлин Борис Васильевич, окольничий 331
Бутурлин Василий Васильевич, боярин 189
Бутурлин Иван Васильевич, боярин, воевода 232, 312, 406
Бутурлин Иван Иванович, генерал-майор 623
Бутурлин Иван Иванович Старший, стольник 323, 457, 470, 472, 473
Бутурлин-Сухорукий Иван Федорович, начальник Ямского приказа 331
Бутурлины, бояре 61, 62
Бухвостов Василий, стольник 275, 335
Быхоцкий, войсковой писарь 230, 232

Ваган Иван, крепостной П. Голицына 584
Валденский, князь 371
Вальдемар, королевич шведский 64
Варлаам, священник Ферапонтова монастыря 195
Варлаам, См. Ясинский Варлаам
Варсонофий (Варсунофей), митрополит сарский и подонский 313, 315, 319, 322, 327, 330, 345
Варфоломей, священник 425
Василий, протопоп верхоспасский 284
Василий, священник батуринский 491
Василий I, император византийский 276, 436
Василий Алексеевич, царевич сибирский 346
Василий I Дмитриевич, в. князь московский, сын Дмитрия Донского 33
Василий III Иванович, в. князь московский 49
Васильев, священник 424
Васильев Михаил, украинский полковник 378
Васильенский Иван Федорович, окольничий 340
Вассиан Косой. См. Патрикеев В. И.
Васютинская Вера, постельница царевны Софьи 658
Вейде Адам Адамович, майор Преображенского полка, затем генерал 473, 579, 623
Великого-Гагин Данила Степанович, князь, псковский воевода 97, 98, 100
Веллинг (Велинк), шведский генерал 624, 662
Вельяминов, сын тысяцкого 28, 39
Вельяминов Данила Андреевич, стольник 325
Вельяминов Лев Андреевич, стольник 325
Вербецкий, пан 513
Верещагин, дьяк 484
Верещагин Евсей, стряпчий конюх 354
Верещагин Лукьян, корабельный мастер 578
Верещагина Фекла Семеновна, жена Е. Верещагина 354
Вестов Самуил, полковник 210
Вешняков Матвей, стрелецкий полковник 324, 326, 336
Вешняков Степан, стольник 336
Вешняков Яков, стольник 290, 291, 336
Викентий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 345, 455
Вильгельм III Оранский, штатгальтер голландский, король английский 554
Виниус Андрей Андреевич, думный дьяк 320, 473, 515, 528—530, 533—535, 538, 549, 551, 555, 556, 558, 562, 568, 578, 595, 600, 603, 626, 639, 640, 642, 643, 655
Виниус Андрей Денисович, голландский купец 473
Винницкий Антоний, епископ 217
Винницкий Иннокентий, епископ перемышльский 514
Витвицкий, познанский бискуп 511
Витзен Николай, амстердамский бургомистр, географ 553—555
Владимир Всеволодович Мономах, в. князь киевский 16, 140, 144, 146, 345
Владимир I Святославич, в. князь киевский 17, 68, 137, 138, 140, 144, 436, 575
Владислав, польский королевич 31
Власов, нерчинский воевода 414
Водорацкий Сергей Григорьевич, стольник 339, 341
Воейков Семен, полуполковник 210
Воейкова 583
Воехеевич Михаил, войсковой судья 204, 395
Возницын Прокофий Богданович, думный дьяк, наместник белевский 229, 542, 603—606, 661
Воинов Михаил, дьяк 330
Волков, воевода в Кайгородке 93
Волков, дьяк 450, 484, 651
Волков, стольник, русский резидент в Польше 487—489, 501, 502, 508, 510—512
Волконские, князья 61
Волконский Владимир Иванович, князь, стольник 332
Волконский Иван, князь, стольник 205
Волконский Михаил Иванович, князь, стольник 332
Волконский Федул Федорович, князь, стольник 343
Волоцкий Иосиф (Иван Санин), игумен Волоколамского монастыря 33
Волынская Авдотья Федоровна, жена стольника П. Волынского 582, 583
Волынский, стольник 220, 241

Волынский Василий Семенович, окольничий, боярин 186, 312, 329, 331
Волынский Иван Михайлович, стольник, боярин 315, 321
Волынский Иван Федорович, окольничий, боярин 318, 327, 331, 484
Волынский Петр Артемьевич, стольник 323, 582
Вонифатьев Степан (Стефан), благовещенский протопоп 164, 165
Воробин Владимир, полковник 324, 326
Ворон Федор, стрелец 299
Воронин, крестьянин 296
Воротынские, князья 61
Вреде, шведский генерал 624
Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, в. князь владимирский 27, 145
Всеволожская Татьяна, казначея царевича Алексея Петровича 474, 475
Всеволожский, стольник 474
Всеволожский Иван Дмитриевич, боярин 28, 29
Второвы 659

Габсбурги 368, 370
Гавренев, думный дьяк 64
Гавриил, крепостной человек 580
Гавриил, раскольник 281
Гавриил, священник 430
Гагины 474
Гаден фон Даниил, иностранец, доктор 274, 275
Гадяцкий Михаил Васильевич, полковник 491, 492, 497, 504—506
Галасий, архиепископ устюжский и тотемский 317, 319, 322, 330, 345
Галлярт фон, саксонский инженер, генерал-лейтенант 620, 622, 661, 662
Гамалея Григорий, лубенский полковник 395, 397, 400
Гарелин Я. 351, 648, 649
Гастфер, граф, рижский генерал-губернатор 613
Гвариент 657, 658
Гедеон. См. Четвертинский Гедеон
Гедимин, литовский князь 29, 31, 62, 146, 262, 291
Гейнс Павел, датский посланник в Москве 615
Генрих IV, король французский 368
Герасим Шапочник, раскольник 243
Генрих VIII, король английский 441, 442
Герасименко Иван, полтавский житель 495
Герасимов, подьячий 502
Герасимов Фрол, книгописец 147
Гизель Иннокентий, архимандрит Киево-Печерской лавры 145, 598
Гладкий, стрелец 452—455, 464
Гладкий Федор, кунгурский земский староста 588
Глебов, воевода 594
Глебов Никита Данилович, стольник, полковник 326, 330
Глебов Павел, полковник 324, 326
Гнинский, польский посол в Москве 223
Годунов Борис Федорович. См. Б. Ф. Годунов
Годфрид Иоган, немец 137
Гозвинский Федор, толмач греческого и польского языков 142
Голицын Алексей Борисович, князь, стольник 322, 323
Голицын Алексей Васильевич, князь 130, 322, 323, 402, 403, 461, 463, 464
Голицын Андрей Иванович, князь, боярин 336, 348
Голицын Борис Алексеевич, князь, начальник приказа Казанского дворца 263, 312, 316, 336, 346, 438, 446, 447, 451, 452, 455—457, 459, 462—464, 467, 468, 470, 532, 546, 565, 572, 626, 650
Голицын Василий Васильевич, князь, боярин, начальник Посольского приказа 112, 130, 179, 197, 203, 240, 247—249, 252, 262, 271, 296, 301, 302, 312, 319, 327, 331, 333, 336, 340, 344—347, 357, 365, 367, 372, 373, 376, 377, 384, 386, 388, 391—395, 398—403, 405—410, 413, 423, 435—438, 446, 451, 452, 454, 457, 459—467, 476, 485—487, 490, 528, 545, 546, 564, 648, 650, 655
Голицын Иван Алексеевич, князь 263
Голицын Иван Андреевич Большой, князь, стольник 314, 316
Голицын Михаил Андреевич, князь, боярин 312
Голицын Петр, князь 546, 584

Голицыны, князья 61, 132, 294, 295, 427, 438, 462, 474
Головин Автамон (Автоном) Михайлович, генерал, командир Преображенского полка 528, 562, 623
Головин Дмитрий Никитич, стольник 339, 341
Головин Иван Алексеевич, стольник 321, 340, 341
Головин Иван Иванович, стольник 321, 340, 341
Головин Михаил Петрович, окольничий 62, 296, 298, 328, 331, 342, 343, 347
Головин Петр Алексеевич, стольник 323
Головин Федор Алексеевич, окольничий, генерал-адмирал, сибирский наместник 414—420, 473, 542, 579, 607, 608, 615, 616, 619, 620, 622, 628, 635—638
Головкин Гаврила Иванович, постельничий 455, 473
Головленков Василий, вотчинник 583
Головленков Федор Иванович, полковник 325, 326
Голосов Лукьян Тимофеевич, дьяк Посольского приказа 99, 323, 337
Голохвастов Лев Демидович, думный дворянин 330, 348
Голохвастовы, дворяне 355
Голятовский Иоанникий, архимандрит Елецкого черниговского монастыря 205
Гонорий, император 276
Горбаченко Сидор, посланник И. Мазепы в Запорожье 497, 498, 517, 519
Гордиенко Константин, кошевой атаман 638
Гордон Александр, полковник 658, 661
Гордон Патрик (Петр Иванович), генерал 174—178, 357, 393, 395, 408, 459—462, 467, 468, 472, 528, 529, 561, 565, 648, 651—659
Горленко Лазарь, прилуцкий полковник 204, 205
Горохов Иван, думный дьяк 188, 328, 329, 344
Горчаков Борис Васильевич, князь, окольничий 319
Горюшкин Григорий, полковник 334
Горяинов, адъютант рейтарского строя 198
Граге, артиллерист 534
Грамотин, думный дьяк 59, 135
Грибоедов, дьяк 144, 145, 356
Грибоедов Семен, полковник 266, 267, 319, 324—326
Григорий, запорожский кошевой 377
Григорий Алексеевич, царевич сибирский 315, 343, 346
Григоров, стрелецкий сотник 241
Гримультовский, воевода познаньский 373
Гринков Иван, романовский воевода 588, 589
Гринков Никифор, брат романовского воеводы 589
Гринков Федор, брат романовского воеводы 589
Гробов Миня (Мина), псковский дьяк 98—100
Гродский Семен. См. Соломон
Грушевские (Грушецкие) 365
Грушецкая Агафья Семеновна, царица, жена Феодора Алексеевича 179, 197, 258
Грушецкий Василий Фокич, стольник 322, 325
Грушецкий Михаил Фокич, стольник 325
Гук Петр, войсковой писарь 232
Гуммерт, капитан Преображенского полка 621
Гундертмарк Тихон, полковник 559, 563, 564
Гурьев, строитель Успенской церкви в Москве 601
Гурьев Михаил, строитель городка Гурьева на Яике 234
Гусак Иван Петрович, запорожский кошевой 487, 497, 517, 518
Густав-Адольф, король шведский 604, 612

Давид, иезуит 476
Давыдов Яков, голштинец 77
Дальберг Эрик, рижский губернатор 549
Даниил, монах 242, 243, 428
Даниил, протопоп костромской 165
Даниил Александрович, в. князь московский, сын Александра Ярославича Невского 145
Данилов Акинфий, полковник 332
Даниловец Павел, раскольник 283, 284

Дарий, царь персидский 485, 645
Даудов, дворянин, русский посол в Константинополь 223, 224
Дашков Иван Васильевич, стольник 268, 315, 326
Дашков Федор 475
Девлет-Гирей, хан Крымской Орды 49
Девятовы 659
Демьян, донской казак 547
Денгоф Эрнст, коронный канцлер 510
Деремонтов, стольник 198
Дзик Мелетий, игумен киевского Кириллова монастыря 205
Димитрий Иванович, царевич (угличский), сын Ивана Грозного 270
Димитрий Иванович Донской, в. князь московский 28, 33, 140
Дионисий, патриарх константинопольский 389, 391, 403, 405
Дир, князь 146
Дмитриев Василий Михайлович, стольник 332
Дмитриев Илья Михайлович, стольник 323
Дмитриев Михаил Михайлович, воевода 392
Дмитрий Борисович, князь ростовский 359
Дмитрий Михайлович, князь тверской и новгородский, сын князя Михаила Ярославича 359
Довмонт Доминик, польский резидент в Москве 489
Долгий Василий, дворянин 585
Долгов Иван 131
Долгов Петр, подьячий Посольского приказа 147
Долгорукие, князья 61, 62, 65, 268, 438, 467, 468
Долгорукий Борис Федорович, князь, стольник 263, 316, 392, 427, 467
Долгорукий Василий Михайлович, князь, стольник 328
Долгорукий Владимир Дмитриевич, князь, боярин 314, 319, 329, 427
Долгорукий Владимир Михайлович, князь, стольник 328
Долгорукий Григорий Федорович, князь 263, 324, 467, 584, 639
Долгорукий Иван Дмитриевич, князь, стольник 324, 327, 470, 544
Долгорукий Иван Михайлович, князь, стольник 323
Долгорукий Лука Федорович, князь, стольник 263, 316, 323, 427
Долгорукий Михаил Юрьевич, князь, боярин 191, 265, 271—274, 277, 312, 327, 333, 334
Долгорукий Петр Михайлович, князь, стольник 323
Долгорукий Юрий Алексеевич, князь, боярин, начальник Стрелецкого приказа 124, 172, 185, 186, 191, 196, 265, 266, 269, 271—274, 277, 329, 333, 334, 358
Долгорукий Яков Федорович, князь, стольник, генерал 263, 332, 410, 411, 413, 447, 448, 467, 573, 616, 623
Домонтов Иван, генеральный судья 207
Доморацкий, шляхтич 489, 503, 504
Дорофей, казначей Троицкого Борщова монастыря 431
Дорофей, раскольник 281
Дорошенко Андрей Дорофеевич 207
Дорошенко Григорий Дорофеевич 207, 365
Дорошенко Петр Дорофеевич, прилуцкий полковник, затем гетман 179, 197—201, 203—209, 213, 216, 220, 221, 224, 230, 370, 395, 495
Досифий, патриарх иерусалимский 388, 389, 525, 527
Досифей, священник, раскольник 430
Дохтуров Андрей, полковник 324, 326, 334
Дохтуров Герасим, дьяк Посольского приказа 99
Дохтуров Юрий, дворянин 585
Драгомир, поляк 521
Друшкевич Ян, каштелян хелмский 493
Дубасов Гавриил 587
Дубровский, казак 204
Дука Иоанн, господарь валашский 223
Дулов Михаил Лаврентьевич, стольник 339, 341
Душевская Мария Самойловна, вдова 354

Евдокия Алексеевна, царевна 317
Евдокия Федоровна Лопухина, в монашестве Елена, царица 449, 524, 574, 575, 658

Евфимий, монах Чудова монастыря, справщик книг 147, 433
Екатерина, жена бобыля Иванова Ульяна 427
Екатерина II, императрица 8, 442
Екатерина Алексеевна, царевна 291, 656
Екатерина I Алексеевна, императрица 576
Екатерина Медичи 49
Елизавета Петровна, императрица 447
Елизаров Прокофий Кузмич, думный дьяк 64
Елизарьев Ларион, стрелецкий пятисотный 455, 456, 464, 545
Елизарьев Никита, сын калмыцкого толмача 241
Емельянов Василий, дьячок, раскольник 481
Еремеев, стрелец 131
Ермак Тимофеевич (Василий Тимофеевич Аленин), казачий атаман 45, 140

Жареный Иван, стрелец 299
Желтовский Василий, раскольник 430
Желябужский Василий, стольник 585
Желябужский Иван Афанасьевич, думный дворянин, автор «Записок» 194, 195, 319, 323, 324, 648, 649, 652—655, 658, 660, 662—664
Желябужский Семен Васильевич, стольник 585
Жемаилов Василий, стольник 332
Жембоцкий, пан, польский комиссар 513
Жербильон, французский иезуит 415
Жировский, имперский посол 372
Жукова, крестьянка 240
Жукова Анна, прислужница царевны Марфы Алексеевны 582, 583
Жуховский Киприан, литовский митрополит, униат 512

Забела Степан, запорожский полковник 395
Забияка, запорожский полковник 487, 488
Заборовский Иван Васильевич 197, 321, 340, 341
Заганов Якуш, кунгурский посадский человек 588
Загряжский, красноярский воевода 235
Зайка Куска 584
Зарубин Петр, псковский посадский человек 99
Засекин Иван, князь 461
Засекин Иван Никитич, князь 582
Засекин-Жирового Котята Василий Федорович, князь 331
Засекин-Жирового Котята Михаил Федорович, князь 331
Засекина Авдотья. См. Волынская Авдотья
Захар, карла А. С. Матвеева 187—189
Захар, сын полтавского протопопа Луки 495, 496
Заходов Алексей 584
Зверев Василий, дворовый человек 584
Зелемей, тунгус (эвенк) 237
Зеленецкий, запорожский писарь 637
Зиновьев Петр Петрович, стольник 337
Змеев, голова конных стрельцов 233
Змеев Василий Семенович, стольник, думный дворянин 324, 347
Змеев Веденихт Андреевич, думный дворянин 266, 299, 315, 321, 329, 331, 344, 347, 461, 462
Змеев Яков, воевода в Устюге Великом 110
Золотарь Артем (Артема) 211
Зорин Василий Адрианович, стрелец 565
Зотов Никита Моисеевич, думный дьяк, «пресбургский патриарх» Иоаникит 226—228, 444, 445, 469, 474, 530, 575, 579, 653
Зубов Афанасий 585
Зыков Афанасий, думный дьяк 326, 343, 344

Иаков, патриарх константинопольский 387
Иаков, священник 424, 425
Ибрагим-паша, турецкий военачальник 209, 210
Иван, дьячок 465
Иван, еврей, человек А. С. Матвеева 187
Иван, священник в г. Шуе 133
Иван V Алексеевич, царь 182, 261—264, 270, 276, 277, 301, 315, 320, 333, 335, 338—340, 342, 345—347, 413, 436, 453,

454, 456—460, 465, 466, 490, 524, 531, 543, 552
Иван III Васильевич, в. князь московский 9, 30, 31, 39, 49
Иван IV Васильевич Грозный, царь 31, 39, 40, 42—45, 59, 109, 112, 121, 125, 141, 145, 196, 248, 251, 280, 436
Иван Гаврилович, дьякон 658
Иван I Данилович Калита, в. князь московский 145, 374
Иван II Иванович Красный, в. князь московский, сын Ивана Калиты 145
Иванов, дьяк 484
Иванов Василий, певчий 582
Иванов Василий, сын Лариона Иванова 334
Иванов Емельян, раскольник 429
Иванов Илья, казак 547, 548
Иванов Ларион Иванович, думный дьяк 187, 271, 272, 277, 311, 316, 320, 324, 325, 333, 334
Иванов Тарас, толмач Посольского приказа 300, 301
Иванов Ульян, бобыль 427
Ивановский Александр, казак 502
Игнатий, архимандрит новоспасский 465
Игнатьев, казачий атаман 233
Игнашкина Акулина 586
Игорь, в. князь киевский 17, 237
Игорь Ольгович, князь, сын Олега Святославича черниговского 144
Иевлев Никита, псковский посадский человек 98
Иеремия, патриарх 289
Измайлов Андрей Петрович, стольник 346
Измайлов Василий Петрович, стольник 346
Измайловы 61
Изяслав Владимирович, князь, сын Владимира Святославича 575
Изяслав Мстиславич, в. князь киевский, сын Мстислава Владимировича 144
Иларион, архиепископ суздальский и юрьевский 313, 316
Иларион, митрополит суздальский и юрьевский 297, 319, 322, 329, 337
Ильинич, польский комиссар 513
Илья, священник Чудова монастыря 134
Илья, царевич, сын Федора Алексеевича 179, 257, 258
Инглес Петр, иностранец 137
Инехов Иван Трифонович, генеральный писарь 484
Иннокентий. См. Гизель Иннокентий
Иннокентий XI, папа римский 371
Иноземцев Федор, слободчик 428
Иоаким, патриарх московский 119, 123, 124, 151, 183, 192, 194—196, 223, 252, 259, 285, 286, 289, 311, 313, 315, 318, 319, 321, 322, 328, 336, 343, 344, 347, 353, 359, 385, 387, 389, 431—434, 457, 465, 476—478, 531, 569
Иоанникий, патриарх 161
Иоасаф, архимандрит знаменский 581
Иоасаф, монах 463
Иов, черный священник, строитель Иевской пустыни 241
Иоган Георг, курфюрст саксонский 371
Иона, архиепископ вятский и великопермский 313, 316, 317
Иона, архиепископ тверской 359
Иона, митрополит московский 32
Иона, митрополит ростовский и ярославский 125, 313, 315, 319, 321, 327, 342, 345
Иона, старец, келейник Никона 194, 358
Иосиф, архиепископ коломенский 7, 123, 124, 126, 353
Иосиф, митрополит рязанский 359
Иосиф, монах 300
Иосиф, патриарх московский 122, 359
Иосиф, царь 276
Ирина Михайловна, царевна 327
Исаев, служка монастырский 358
Исаия, архимандрит Павловского афонского монастыря 403, 404
Исаков, дьячок 358
Исидор, митрополит московский 255
Искрицкий, шляхтич 487, 503, 521
Истомин Карион, архидиакон Чудова монастыря 433, 465, 657

Кадников Петр, галичанин, сын боярский 584
Казанцев Илья 650
Казанцев Семен 650
Калачников Семен, чернослободец Гончарной слободы, раскольник 278, 279
Калачников Яким (Якушка) 584, 585
Калашников, кунгурский подьячий 588

Калинин Иван, «волосяничник» 581
Калита. См. Иван Калита
Кантакузин, молдавский посланник в Польше 217
Кантакузин Щербан, валашский господарь 404, 405
Капранов, стрелецкий пятидесятник 455, 456
Кара-Мустафа, турецкий визирь 371
Карандеев Александр, стрелецкий полковник 209, 266, 267, 320, 324—326
Карандеев Семен, стрелецкий голова 585
Карбовский, шляхтич, польский резидент в Молдавии 217
Карелин, подьячий 589
Карион. См. Истомин Карион
Карл, пфальцграф 550
Карл I, король английский 147
Карл X Густав, король шведский 174, 604
Карл XI, король шведский 612, 615
Карл XII, король шведский 603, 614, 616—618, 620—624, 627, 629—631, 661
Карл Великий, император 13
Карлович, генерал-майор 614, 615
Кармартен, маркиз 582
Касаткин Михаил Васильевич, стольник 318
Касимов Василий, казачий атаман 234
Кашинцев, стряпчий 93
Кий, князь 146
Кикин Петр Васильевич, дворянин 425
Киликейка, дворовая Башковского 193
Кинский, граф, австрийский канцлер 557
Киприан, инок. См Нарышкин К. П.
Киприан, митрополит московский 33
Кириллов Аверкий (Алексей, Веркей), думный дьяк 271, 327, 333, 334
Кириллов Петр 124
Кишкин, помещик 424
Кишкина Марфа, помещица 424
Кленк фон, голландский посланник в России 239
Клеопин Алексей Кириллов, новгородец 133, 134
Клеопин Иван Алексеев, новгородец 133, 134
Клеопин Федор, новгородец 133
Клеопина Анисья, жена Ф. Клеопина 133
Клеопина Мария, жена А. Клеопина 133
Клушина, постельница царицы Марфы Матвеевны 273
Книперкрон (Книпер) Томас, шведский резидент 616, 619
Кныш, казак 518
Козловский Григорий Афанасьевич, князь, окольничий 312, 320, 323, 329, 332, 339, 340
Козловский Иван Петрович, князь, окольничий 340
Козловский Михаил Григорьевич, князь 340
Козырев, крестьянин 475
Кокошилов, патриарший дьяк 122, 123
Кокошкин Леонтий 626
Колзаков, стрелецкий полковник 559, 563
Колобов Никифор, стрелецкий полковник 324, 326
Кологривов Борис Аристархович, стольник 339, 341
Колычев Иван Иванович, стольник 323, 341
Кольцов-Масальский Иван Михайлович, князь, генерал-поручик 119, 565
Кондратов, дьяк 484
Кондратьев, приказной пристав 299
Кондратьев Андрей, стрелец 452, 464
Кондырев Иван, помещик 424
Кондырев Иван Петрович, думный дворянин 318, 339, 342
Кондырев Иван Тимофеевич, окольничий 324, 348
Кондырев Петр Тимофеевич, окольничий 319, 326, 329, 339, 342
Конищев, полковник 545, 546
Константин, император 276
Константин, племянник валашского господаря 405
Константин Михайлович, князь тверской, сын князя Михаила Ярославича 359
Константинов Яков, войсковой судья 231
Конти Арман де Бурбон, принц французский 550, 551
Копылов, всеуездный земский староста в Устюжском у. 108
Корб Иоганн Георг, секретарь австрийского посольства, ав-

тор «Дневника» 650, 652, 657—661
Корнилий, игумен Троицкого Борщова монастыря 431
Корнилий, митрополит новгородский и великолуцкий 313, 315, 319, 321, 325, 327, 332, 345, 424, 479
Корнилий (Корнышка), соловецкий монах, раскольник 482
Короб, посадский человек 94
Короваев Афанасий, стольник 474
Корт, корабельный мастер 449
Корчмин Василий Дмитриевич, стольник 619
Косогов Григорий, стольник, полковник 203, 204, 210, 461, 462
Косой Кузьма, раскольник 300, 429, 430
Коссов Сильвестр, митрополит киевский 434
Костериус, придворный доктор 187
Костюрин Василий, стряпчий Хлебенного дворца 581
Котошихин Григорий Карпович, подьячий 130, 162, 350, 351, 354
Котятников Степан, земский староста 98, 99
Кохен, шведский резидент в Москве 658
Кочмаров, подьячий нерчинский, сын боярский 594
Кочубей Василий, генеральный писарь 384, 395, 399, 491, 495—497, 504, 505, 516, 517
Кравков Матвей, стрелецкий полковник 266, 324, 333
Красильников, подьячий 588
Красинский, монах, соборный священник 508
Красинский Ян Казимир, полоцкий воевода 514
Кревет (Крефт) Андрей Юрьевич, переводчик Посольского приказа 473, 530, 654
Крейс (Крюс) Корнелий, голландский капитан на русской службе 556
Кренев Никифор, подьячий владимирского Судного приказа 543, 544
Кривозуб Иван, крестьянин Ферапонтова монастыря 194, 195
Кривой Петр, стрелец 461, 580, 651
Крижанич (Сербенин) Юрий, публицист, ученый 154, 155, 158—162, 354, 356, 436
Криницкий, гадяцкий полковник 214
Кроковский, иноземец 134
Кром Кондратий, полковник 325, 326
Кронстедт, шведский фельдцейхмейстер 625
Кропоткин, князь 463
Кропоткин Петр, князь 425
Круи (Кроа) фон, Карл Евгений, герцог, генерал 622, 623
Крупский Александр, князь 475
Крыжановский Казимир, пленный поляк 238
Крыжановский Юрий, сборщик ясака в Сибири 237, 238
Крыса Герасим, запорожец 637, 638
Кудрявцев Семен, дьяк 330
Кузьма Григорьев, священник Телбовского погоста 133
Кузьмин Мартын, раскольник 427, 428
Кузьмин Никита, монастырский конюх 580, 581
Кузьмищев Федор, дьяк Стрелецкого приказа 325
Куракин, князь 473
Куракин Борис Иванович, князь, стольник 330
Куракин Иван Григорьевич, князь, боярин 316, 331, 342
Куракин Михаил Иванович, князь, стольник 324
Куракин Федор Федорович, князь, боярин 187, 188, 321, 326
Куракины, князья 61, 249
Курбатов Алексей Александрович, обер-инспектор ратушного управления 524, 591
Курбатов Иван, раскольник 278
Кутейников, донской атаман 429
Кутузов, дворянин 425

Лаврентий, старец Ферапонтова монастыря 194
Лаврентьев, стрелец 463
Лаврентьев Самойла, казак 301
Ладогин, стрелецкий десятник 455
Ладыженский Юрий Федорович, стольник 339, 341, 346
Лазука, запорожский полковник 487, 488
Ланген Август, барон, саксонский посланник в Москве 616, 619, 620
Лев VI Философ, император византийский 436
Лев Кириллович. См Нарышкин Л. К.

Левашов, помещик 424
Левенец, полтавский полковник 210
Левугин Лев 584, 585
Левшутин 656
Леонтий, епископ тамбовский 318, 319, 322, 330, 332, 345
Леонтьев Иван Юрьевич, стольник 332
Леонтьев Константин, стрелец, раскольник 300, 301
Леонтьев Федор Иванович, думный дворянин, окольничий 329
Леопольд, герцог лотарингский 550
Леопольд I, император 370, 371, 657
Леувенгок (Левенгук), голландский анатом и зоолог 554
Лефорт Франц Яковлевич, генерал-адмирал, новгородский наместник 438, 468, 469, 472, 524, 525, 528, 531, 532, 538, 541, 544, 547, 553, 554, 559, 561, 566—568, 570, 572, 574—576, 578, 579, 585, 605, 607, 653, 654
Лещинский, польский посол в Константинополе 612
Лжедимитрий I (Расстрига), самозванец 160, 258, 467
Лигарид Паисий, грек, ученый 154
Лизогуб Яков, наказной гетман 395, 534
Лима, полковник 579
Липлицкая, монахиня 492
Лисица, запорожский посланец в Турцию 387, 388
Литвинов Тимофей, дьяк 329, 330
Лихачев Алексей Тимофеевич, комнатный стольник 179, 196, 197, 240, 262, 268, 271, 275, 324, 327, 333, 335, 358
Лихачев Иван Афанасьевич, стольник 320
Лихачев Михаил Тимофеевич, казначей 196, 268, 271, 275, 325—327, 333, 335
Лихачевы 179, 258, 261, 262, 265, 358
Лихуд Анастасий 484
Лихуд Иоанникий, грек, основатель Славяно-греко-латинской академии 433, 435, 483, 484, 601, 602
Лихуд Николай, сын И Лихуда 483, 484
Лихуд Софроний, грек, основатель Славяно-греко-латинской академии 433, 435, 465, 483, 484, 601, 602
Лишуков, капитан 260
Лобан, казак 429
Лобанов-Ростовский Яков Иванович, князь, стольник 325, 327, 342, 347, 425, 663
Лобанова Анна Никифоровна, княгиня, верховая боярыня 425, 548
Лобановы-Ростовские, князья 61, 249
Ловчиков Степан Богданович, стольник 275, 315, 322, 335
Ловчиковы 315
Логгин, протопоп муромский 165
Ломоносов Михаил Васильевич 442
Лопухин Алексей Андреевич, стольник 574
Лопухин Василий, полковник 326
Лопухин Василий Авраамович, боярин 574
Лопухин Иларион Семенович (в монашестве Иоанникий) 466
Лопухин Ларион, думный дьяк 215
Лопухин Петр Авраамович Большой, боярин 295, 326, 332, 467
Лопухин Петр Авраамович Меньшой, окольничий 275, 335, 543, 655
Лопухин Сергей Авраамович, стольник 574
Лопухин Федор (Иларион) Авраамович, боярин 193, 194, 449, 574
Лопухина Евдокия Федоровна См Евдокия Федоровна
Лопухины, дворянский род 457, 543, 574, 658
Лотухин Юрий, стрелецкий голова 170
Лужин, полуголова московских стрельцов 187
Лука, духовник 169
Лука, протопоп полтавский 495
Лукин, дьяк 583
Лукьянов Петр, донской казак 547, 548
Лупандин Петр, новгородец 133
Лутавинов, стольник 633
Лутохин Юрий, стольник 275, 335
Лыков Михаил Иванович, окольничий, боярин 294, 328, 330, 337, 338, 343, 347
Лысенко, полковник 492
Львов, князь 63
Львов Дмитрий, иконописец 144
Львов Петр Иванович, князь стольник 323
Львов Степан Федорович, князь, окольничий 330

Львовы, князья 61
Людовик, маркграф баденский 550
Людовик XIV, король французский 369, 370, 411, 413, 435

Маврокордато Александр, турецкий драгоман 605, 606
Магмет, турецкий султан 170
Магомет IV, турецкий султан 403
Мазепа Иван Степанович, войсковой есаул, затем гетман 215, 365, 385, 386, 395, 401, 403, 406, 407, 434, 438, 464, 485—497, 500—510, 515—520, 522, 523, 525, 530, 537, 597—600, 606, 632—638, 648
Макарий, митрополит московский 118, 119
Макаров 660
Македонская, княгиня 474
Македонский, грек на русской службе 653
Макиавелли, философ 49
Максимилиан (Макс)-Мария-Эмануель, баварский курфюрст 371
Максимов Иван, иконописец 144
Малаховский, униатский епископ перемышльский 511
Мамай, татарский темник 140
Мамонин, голова казанских стрельцов 234
Мардарий, дьякон Ферапонтова монастыря 195, 196
Марина Мнишек, жена Дмитрия Самозванца 141, 258
Мария Алексеевна, царевна 286, 287
Мария Ильинична Милославская, царица, жена Алексея Михайловича 182, 185, 262, 358, 548, 560
Мария Селифонтова (Манка), дочь задворного конюха 483, 484
Маркелл, митрополит псковский и зборовский 313, 315, 319, 321, 327, 345, 428, 478
Марселис Петр, иностранец, торговый человек 102, 103, 190, 191
Мартын. См. Кузьмин Мартын
Марфа Алексеевна, царевна (в монашестве Маргарита) 560, 571, 573, 574, 583, 658
Марфа Матвеевна Апраксина, царица, жена Федора Алексеевича 258, 260, 261, 273, 274, 314, 315, 317, 320, 322, 585
Марцен, голландец 553
Маслов Артемий, стрелец 564
Матвеев Андрей Артамонович, стольник, окольничий 188, 273, 275, 330, 335, 447, 473, 651
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин 32, 60, 75, 124, 135—137, 144, 146, 147, 171, 179, 184—188, 191, 192, 196, 218, 219, 258, 260—263, 269—274, 277, 291, 321, 330, 333, 334, 354, 357, 358, 360—362, 367, 444, 447, 473, 512, 523, 559
Матвеев Кирей 480
Матвеевы 262
Матвей Дедионов, царевич татарский 290, 336
Матковский Иван, шляхтич 536
Матчинский, воевода 535
Матюшкин Иван Афанасьевич, стольник 322, 324, 341, 345
Матюшкин Михаил Афанасьевич, стольник 339
Маурина Ирина, кликуша 132
Медведев Семен Петрович, подьячий приказа Тайных дел, писатель (в монашестве Сильвестр) 183, 360—362, 432—435, 438, 453, 458, 460, 464, 465, 476, 477, 649, 650, 652, 657
Мейерберг, барон 656
Мелетий, дьякон 436
Мельнов, стрелецкий пятидесятник 455
Меншиков Александр Данилович, сержант Преображенского полка, затем генерал 524, 572, 576, 577, 629, 632, 643
Меншиков Семен, псковский посадский человек 98, 99
Меншиковы 658, 659
Меркульев Иван, раскольник 428
Мефодий, епископ 650
Мецевит Юрий, грек 387, 388
Мещерский Василий Лаврентьевич, стольник 324, 341
Миклашевский, стародубский полковник 516, 517
Микулин Иван 425
Милославская Анна Петровна, княгиня 169
Милославские, князья 61, 185, 188, 196, 197, 240, 258, 262, 266, 275
Милославский Александр Иванович, стольник 263, 270, 325, 339, 341

Милославский Алексей Матвеевич, стольник 338, 341, 345
Милославский Даниил, смоленский воевода 141
Милославский Иван Богданович, боярин, воевода 187, 196, 197, 358
Милославский Иван Михайлович, боярин, князь 186, 191, 192, 196, 261, 263, 268—270, 273, 291, 294, 295, 331, 336, 358, 547—549, 559, 567, 568
Милославский Илья Данилович, князь, боярин тесть Алексея Михайловича 63, 135, 174, 177, 358
Милославский Ларион Семенович, окольничий 339, 344
Милославский Матвей Богданович, окольничий, боярин 331, 343, 543
Милославский Сергей Иванович, стольник 339, 341
Милославский Федор Андреевич, посол в Персию 177
Минаев Фрол, донской атаман 300—302, 481, 534, 572, 608
Митрофан, грек 390
Митрофан, епископ воронежский 318, 319, 322, 331, 332, 345, 431
Митяй, священник, потом печатник в. князя Даниила Ивановича Московского 33
Михаил, сын стрельца Афанасия 588
Михаил Вишневецкий, король польский 217, 221, 366
Михаил Федорович, царь 40, 41, 62, 64, 71, 83, 84, 93, 102, 135, 136, 143, 147, 248, 251, 428, 436, 512, 582
Михаил Ярославич, в. князь тверской, сын Ярослава Ярославича 359
Михайлов, дьяк, русский посланник в Крым 226
Михайлов, подьячий 490, 491
Михайлов Борис, стольник, русский резидент в Польше 508, 512
Михайлов Петр. См. Петр I Алексеевич
Михайловны, царевны, дочери царя Михаила Федоровича 451
Михалев Никита, псковский посадский человек 99
Мишевский, полковник 429
Многогрешный Демьян, сын боярский, бывший гетман Войска Запорожского 415, 418, 498
Модреевская Урсула, вдова коронного подскарбия 511
Модреевский Андрей, коронный подскарбий 511
Мозыра, лубенский казак 488
Моисей, иеродиакон Чудова монастыря 147
Мокеевский, киевский полковник 598, 599
Мокриев (Мокриевич) Карп, бывший генеральный писарь 204—206
Монгомери, майор, иностранец 177
Монс Анна Ивановна, дочь виноторговца 568, 574
Монс Гей, датский резидент в Москве 187
Морозов Борис Иванович, боярин 136, 148, 171, 186, 357
Морозов Глеб Иванович, боярин 171
Морозова Федосья Прокофьевна, боярыня 169, 171, 172, 357, 545
Морозовы, бояре 61
Морштин, подскарбий коронный 220
Мосальский, князь 392
Мосолов Алексей 596
Мункотемир, калмыцкий тайша 596
Мурад-Гирей, хан Крымской орды 226—228
Муромцев, стрелецкий пятисотный 463
Мустафа, визирь турецкого султана 214
Мыльников Григорий, голова таможенного и кружечного дворов в Устюге Великом 108
Мышецкий Гавриил, князь, воевода в Устюге Великом 110
Мышецкий Яков, князь, посол во Францию 410
Мясной Василий Данилович, стольник 323

Нагой Иван (Парамон) 581
Налетов, подьячий киевской приказной избы 598
Напалков 586
Нарбеков Василий Савич, думный дворянин, окольничий 347
Нарбеков Федор Савич, стольник, думный дворянин 314, 317, 318, 330

Нармадский Андрей, полковник 326
Нарышкин, дворянин 425
Нарышкин Афанасий Кириллович, стольник 192, 271, 272, 277, 321, 333, 334
Нарышкин Василий Федорович, стольник 271, 321, 328, 333
Нарышкин Иван Кириллович, стольник, боярин 191, 192, 264, 270, 271, 273, 321, 328, 333, 334, 460
Нарышкин Иван Фомич, боярин 272
Нарышкин Кирилл Алексеевич, стольник 328
Нарышкин Кирилл Полуехтович, боярин 185, 191, 271, 275, 333—335, 357
Нарышкин Кондратий Фомич, стольник, боярин 321, 474, 585
Нарышкин Лев Кириллович, боярин, начальник Посольского приказа 271, 321, 333, 335, 451—453, 457, 462, 464, 467—470, 485, 493, 504, 517, 520, 523, 534, 543, 545, 574, 575, 580, 586, 607, 652
Нарышкин Мартемьян Кириллович, стольник 271, 321, 333, 335
Нарышкин Матвей, воевода в г. Устюге Великом, полковник 107, 326
Нарышкин Михаил Григорьевич, стольник 330
Нарышкин Петр Фомич, стольник 271, 321, 325, 333, 334
Нарышкин Федор Кириллович, стольник 271, 321, 333, 335, 551
Нарышкин Федор Полуехтович, думный дворянин 321
Нарышкины 261—263, 269, 270, 272, 275, 358, 452, 457, 459, 464, 467, 543, 559
Наталья Алексеевна, царевна 273, 533, 575, 580
Наталья Кирилловна Нарышкина, царица 135, 182, 185, 191, 261, 263, 264, 266, 269, 272—274, 276, 286, 287, 294, 322, 357, 361, 438, 449—452, 454, 455, 460, 462, 464, 466, 467, 470, 472, 478, 651
Нащокины 262
Некомат сурожанин, 39
Нелидов Иван, стрелецкий полковник 324, 326
Нелидова Авдотья, крепостная А. Ф. Волынской 582, 583
Неплюев Леонтий Романович, окольничий 376, 384—386, 390, 393—395, 461, 462, 486, 655
Непребецкий Павел, стольник 314
Неронов Иван, протопоп Казанского собора 164, 165
Неронов Иван Григорьевич, стольник 422
Нефимонов Кузьма Никитич, русский посланник в Вене 542
Нечаев, стрелецкий полковник 458
Никита, архиепископ коломенский и каширский 313, 322, 330, 342, 345
Никита, суздальский священник, раскольник 280, 281, 284, 286—290, 362
Никита Васильевич, благовещенский протопоп 191, 314
Никитин Алексей Васильевич, стольник, русский резидент в Польше 536, 537, 551, 597, 598, 644
Никитин Никита, келейник патриарха Никона 358
Никитин Панкратий, крестьянин 587
Никифор, священник, справщик книг 147
Никифор, митрополит астраханский и терский 313, 315, 319, 321, 325, 345
Николаев Иван, иркутский воевода 594
Николаев Иван Самойлович, стольник, нерчинский воевода 594
Николаев Михаил Самойлович, стольник 594
Николаев Самойла, нерчинский воевода 594
Никон, патриарх московский 7, 59, 119—126, 163, 165, 169—171, 179, 193—196, 258—260, 283, 284, 288, 289, 358
Никулин Даниил, церковный дьячок, раскольник 482
Нурадин-салтан, крымский царевич 408
Ныла, ненецкий князек 235

Обидовский, племянник гетмана И. Мазепы 597
Оболенский Григорий, князь, стольник 128
Оболенский Матвей Веденихтович, князь, стольник 317, 323

Обросимов, служка Ферапонтова монастыря 194
Огинский, князь, канцлер литовский, посол в Москву 373
Одескальки, внук папы Иннокентия XI 550
Одинцов, стольник 375—377
Одинцов Борис, выборный стрелец 263, 268
Одоевские, князья 61, 249, 294, 295
Одоевский Василий Федорович, князь, боярин, дворецкий 316, 320, 330, 336
Одоевский Василий Юрьевич, князь, стольник 325
Одоевский Михаил Юрьевич, князь, стольник 325
Одоевский Никита Иванович, князь, боярин 191, 290, 311, 331, 336, 340, 345
Одоевский Юрий Михайлович, князь, боярин 328
Одоевский Юрий Юрьевич, князь, стольник 325
Одоевский Яков Никитич, князь, боярин 191, 274, 320, 321, 325, 336, 345
Озеров Анисим, дьяк 422
Озеров Иван, стрелецкий подполковник 263, 268, 278
Озеров Федор, белгородец 422
Окраса Ян, польский посланник в Москву 502—504
Олеарий Адам, голштинец 349, 353
Олег, в. князь киевский 11
Олферьев Филипп, староста Мещанской слободы 589
Ольга, в. княгиня киевская 41, 541
Онуфриев Захар, дьяк Казенного приказа 134
Опаев, кормовой иноземец 585
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, боярин, дипломат 7, 32, 59, 60, 63, 78, 95—101, 104—106, 144, 186, 367, 432, 591
Орел Иван, «держальник» И. К. Нарышкина 191, 192
Орленок Мартын, торговый человек гостиной сотни 582, 595
Остафьев Родион, стрелецкий полковник 324

Павел, архимандрит 194, 195
Павел, митрополит крутицкий 147 171
Павел, митрополит рязанский и муромский 313, 315, 319, 322, 345, 433
Павел, митрополит сибирский и тобольский 318, 319, 321, 326, 329, 345
Палатов, тюремный сторож, шуянин 133
Палей Семен Филиппович, белоцерковский полковник 438, 492, 493, 506—508, 517—522, 598, 599
Палицын, дворянин 484
Памбург фон Петр, голландец, капитан корабля «Крепость» 608, 609
Панин Григорий, шуянин, посадский человек 133
Панкратьев, станичный атаман 241
Парфенев 586
Парфений, патриарх константинопольский 386
Пастухов, романовский посадский человек 588
Паткуль фон Иоган Рейнгольд, капитан, лифляндский рыцарь 613, 614, 619, 620, 630, 631, 661
Патрикеев Василий Иванович, князь (в монашестве Вассиан Косой) 33
Пафнутий, старец, раскольник 301, 430
Пафнутий, старец Ферапонтова монастыря 194
Пац Михаил, гетман литовский 218
Пац Христофор, литовский канцлер 216—218
Пашин Ларион, дьяк 329
Пашков Афанасий, енисейский воевода 166—168
Пашков Еремей Афанасьевич, чебоксарский воевода 167, 332
Пашкович Петр, архимандрит минского Петропавловского монастыря 512
Пекин Иван, дворянин 331
Пелепельник Иван, стрелец 299
Перейра, испанский иезуит 415
Перхуров, стряпчий 208
Перхуров Василий, полковник 326
Петр, митрополит московский 32, 52, 54, 124
Петр I Алексеевич (Петр Алексеев, Петр Михайлов), царь 56, 104, 159, 183, 185, 186, 191, 251, 257, 261—264, 266, 269—271, 275, 276, 320, 338, 339, 341, 342, 345, 346, 413, 421, 436, 438, 440—474, 478, 485, 524, 525, 528—535, 538, 541—543, 545, 549—559, 562, 567, 568,

570—578, 580, 582, 584, 589—591, 594, 595, 597, 600, 603—605, 610, 614, 616—622, 624—529, 631—633, 639—645, 650—656, 658, 659, 661—663
Петр III Федорович, император 447, 650
Петр Алексеев, самозванец 83
Петрик (Петр Иванович), запорожский канцелярист 495—498, 500, 501, 504, 515—517, 637
Петриковский, полковник 200
Петров Абросим, стрелец 263, 268, 452, 463, 464
Пивоваров Максим, подьячий 475
Пивоваров Федор, подьячий 475
Пипер, граф, шведский министр 624
Питирим, патриарх московский 147, 171, 432
Пичюга Дмитрий 584, 585
Платон, митрополит московский 116
Плейер Отто-Антонин, имперский резидент в России 654, 661
Плещеев 454, 455, 473, 574, 579
Плещеев Михаил Львович, стольник, боярин 343
Плещеевы 61, 62
Плиний Младший 147
Поборский, польский шляхтич 187
Поганкин Сергей, псковский посадский человек 98, 99
Подовин Посказаюс, француз, мастер виноделия 77
Подольский, шляхтич 487, 488
Пожарские, князья 61
Ползиков Григорий 475
Ползиков Лев 475
Полибин Богдан Иванович, думный дворянин 318
Полибин Богдан Федорович, думный дворянин 331, 343, 348
Полоцкий Симеон (Ситианович Симеон Петровский), ученый, монах 136, 147, 182, 183, 196, 254, 259, 288, 356, 357, 431—433, 445, 650
Полтев Иван, стрелецкий полковник 324, 326, 330
Полуботок Леонтий, генеральный бунчужный 203, 204, 206, 491, 492, 497, 504, 506
Полуботок, сын Леонтия Полуботка 506
Полунин Никита, дьяк 330
Поляков, капитан в Исетском остроге 242
Полянский Даниил, думный дьяк 196, 271, 275, 315, 318, 321, 325, 329, 333, 335, 484
Попара, львовский шляхтич 512, 513, 598
Поплонский, смоленский шляхтич 408
Попович, бунчужный Войска Запорожского 498
Попугай Афанасий 584
Поросуков, стольник 213
Поскочин Елисей 626
Посохин Никита, кунгурский земский староста 587
Посошков Иван, крестьянин 543, 544
Посошков Роман, крестьянин села Покровского 543
Поссе, полковник 625
Поссельт 654
Постников, стольник 124
Потоцкий, гетман польный 537
Поярков Иван Иевлевич, стольник 340, 341
Приимков-Ростовский Федор Никитич, князь, стольник 339
Прозоровские, князья 61
Прозоровский Алексей Петрович, князь, кравчий 348
Прозоровский Борис Иванович, князь, боярин 317, 332
Прозоровский Василий Петрович, князь, боярин 348
Прозоровский Петр Иванович, князь, боярин 340, 341, 345, 456
Прокопов Савва, писарь Войска Запорожского 395
Прокофьев Михаил, дьяк 330
Пронские, князья 61
Проскуряков, стрелец 560
Протасьев Александр Петрович, окольничий, начальник Владимирского судного приказа 316, 540
Протасьев Дмитрий Петрович, стольник 316
Пугачев Емельян Иванович, предводитель Крестьянской войны 1773—1774 гг. 45
Пузан, стрелец 564
Пустынников Степан Федорович, крестьянин, земский староста 475
Пушечников Василий Лаврентьевич, полковник 325, 326, 344
Пушкин Матвей Степанович, окольничий, боярин 63. 316, 329, 330, 332, 344, 346, 348, 545

Пушкин Федор Матвеевич, стольник 545—548
Пушкин-Лосенок Иван Федорович, стольник, окольничий 348
Пушкины 61, 65
Пущин, помещик 424
Пыжов Богдан, стрелецкий полковник 265
Пясецкий 143
Пятериковы 659
Пятой Антип Ларионович, стряпчий 340
Пятой Парфений, думный дьяк 327, 332

Рагозин, кадашевец 134
Рагузинский Савва Владиславич, граф иллирийский 610, 612
Радзеевский, польский кардинал-примас 614
Радзивилл Михаил, князь, литовский подканцлер 514
Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. 45, 59, 87, 116, 141, 190, 191, 194, 199, 234, 241, 302, 524, 547, 573
Райча Дмитрий, переяславский полковник 204—206, 400, 486, 491
Ракович Семен, писарь 226, 229
Расстрига. См. Лжедимитрий I
Ревенец Иван, священник 514
Реншельд, шведский генерал 662
Репнин, князь 84
Репнин Никита (Аникита) Иванович, князь, генерал 473, 585, 625, 629—631, 663
Репнин-Оболенский, князь 143
Репнины, князья 61, 249
Репский Василий, певчий 650
Ржевский Алексей Иванович, думный дворянин 331, 332
Ржевский Афанасий Иванович, помещик 425
Ржевский Иван, помещик 424, 425
Ржевский Иван Иванович, окольничий, чигиринский воевода 213, 214
Ришелье Арман Жан дю Плесси, французский герцог, кардинал 368
Рогнеда, полоцкая княжна, жена в. князя Владимира I 575
Родостамов Михаил, книгописец 147
Рожин Федор, стрелецкий пятидесятник 548
Романов Андрей Иванович, по преданию сын прусского короля, родоначальник Романовых 145
Романов Никита Иванович, боярин 448, 541
Романов Роман Юрьевич, боярин, тесть Ивана Грозного 145
Романов Савва, чернослободец Гончарной слободы, раскольник 278, 279, 285, 361, 362
Романовы, бояре 145
Ромодановские, князья 61, 249
Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, боярин 61, 64, 178, 179, 197, 198, 202—205, 209—211, 213—215, 220, 271, 272, 277, 326, 333, 334, 366, 381, 395
Ромодановский Иван Петрович, князь, воевода 61
Ромодановский Михаил Григорьевич, князь, воевода киевский, боярин 330, 490, 492, 551, 559, 562—566, 657
Ромодановский Федор Григорьевич, князь, боярин 330
Ромодановский Федор (Фридрих) Юрьевич, князь, начальник Преображенского приказа 228, 323, 342, 470, 472—474, 528, 530, 533, 534, 555, 558, 561, 562, 567, 568, 570, 572, 575, 578, 579, 581, 584, 585, 595, 653, 659, 660
Ромодановский Юрий Иванович, князь, боярин 64, 132
Рославцев (Рославец) Петр, стародубский полковник 179, 202—206, 209
Ртищев Михаил Федорович, стольник 322, 323, 340, 341
Ртищев Федор Михайлович 168, 169, 177, 196, 255
Рубан, запорожский кошевой 518
Руднев Кузьма, стряпчий Троицкого монастыря 543, 544
Русаковский Антоний, иеромонах 436
Русинович Ираклий, монах 502
Руссо Жан Жак, выдающийся представитель французского просвещения XVIII в. 650
Рутковский 495, 496, 518
Рюйш, голландский профессор анатомии 554
Рюрик, князь 13, 29, 146
Рюриковичи, князья 14, 18, 31
Рязанцев, стрелецкий полковник 463

Саадат-Гирей, крымский хан 494
Сабельник Иосиф, раскольник 243
Савва, основатель Саввина Сторожевского монастыря 293
Савва, священник 284
Савватий, монах, раскольник 281, 430
Савелов Тимофей Петрович, думный дворянин 332
Савинов Андрей, духовник царя Алексея Михайловича 151, 179, 192, 193, 196, 358
Савостьянов Фома, казак 300
Сагайдачный Григорий, запорожский кошевой 500
Саленикови, солдаты 565
Салтыков Алексей Петрович, стольник, затем боярин 348, 484
Салтыков (Салтанов) Иван, мастер 538
Салтыков Михаил, боярин 64
Салтыков Петр Михайлович, боярин 162, 234, 272, 317, 320, 324, 338
Салтыков Петр Петрович, стольник 347
Салтыков Федор Петрович, стольник 272, 274, 334, 484, 583
Салтыков Юрий, вотчинник 587
Салтыковы, бояре 61, 64
Самарин Андрей Никитич, стольник 342
Самарин Михаил, казачий атаман 241
Самовидец, автор летописи 648
Самойлов Афанасий, псковский посадский человек 99
Самойлов Петр, дьяк 331, 332
Самойлов Юрий, староста Мещанской слободы 589
Самойлович Григорий Иванович, сын гетмана 393, 396, 399
Самойлович (Самойленко) Иван, гетман 77, 179, 198—215, 220, 224, 229, 232, 300, 328, 365, 372, 374—377, 379, 382—384, 386, 387, 390, 391, 393—396, 398—402, 406, 486, 488, 491, 495, 518, 523, 648
Самойлович Семен, сын гетмана, стародубский полковник 207, 215, 293, 378, 491
Самойлович Яков Иванович, сын гетмана 400
Сапега, литовский гетман 512, 537, 599
Сапега Казимир, польский посол в Москве 222
Сапогов Филипп, стрелец 461, 464, 465
Сатановский Арсений, киевский ученый монах 147, 148
Сафат-Гирей, крымский хан 494
Свенель, воевода в. князя Игоря 17
Сверчков, строитель Успенской церкви в Москве 601
Сверчков, помещик 424
Святослав Игоревич, в. князь киевский 14
Селезень Петр 584
Семен (Симеон) Иванович Гордый, в. князь московский, сын Ивана Калиты 145
Семен саратовец, атаман казаков-раскольников 480
Семенов Василий Григорьевич, думный дьяк 187, 312, 314, 316—318, 320, 327, 328, 331, 342—344, 347, 348
Семенов Иван, казак 301
Семенова Феодора Родимица, постельница царя Федора Алексеевича 268
Семенова Фиона, крестьянка 583
Семого, дворянский род 659
Сергий, архиепископ тверской и кашинский 313, 316, 319, 322, 329, 342, 345, 359
Сергий, бывший игумен путивльского Молчинского монастыря 147
Сергий, монах архиерейского дома 430
Сергий, монах, раскольник 279—281, 284—286, 290
Сергий Радонежский, игумен Троице-Сергиева монастыря 32, 54, 162
Серко Иван, запорожский кошевой 179, 200, 201, 206—212, 225, 230—232, 506, 518
Сигизмунд III, король польский 31, 45
Сигов Мокей, псковский посадский человек 98, 99
Силин, поляк 465
Силин Григорий, стрелецкий пятидесятник 545
Симеон, митрополит смоленский и дорогобужский 313, 315
Симон, архиепископ вологодский и белозерский 313, 316, 319, 322, 329, 344, 345
Ситианович Симеон Петровский. См. Полоцкий Симеон
Сицкий Юрий, боярин 64

Скалозуб Максим, казачий атаман 302
Скляев Федосей Моисеевич, корабельный мастер 578, 579
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь, воевода 141
Славинецкий Епифаний, справщик Печатного двора 147, 151, 431, 432
Смирнов Петр, ямской приказчик 587
Собакин Алексей Афанасьевич, стольник 339
Собакин Григорий Никифорович, боярин 327, 331
Собакин Михаил Васильевич, стольник 312, 321, 322, 340, 341
Собакин Михаил Григорьевич, стольник 339, 341
Собакин Никифор Лаврентьевич, стольник 332
Собакин Петр Васильевич, стольник 339, 341
Собеский Иаков, сын польского короля Яна Собеского 550
Соковнин, думный дворянин 187
Соковнин Алексей Прокофьевич, боярин 346, 524, 545, 546, 548, 559, 568
Соковнин Василий Алексеевич, стольник 341, 544, 546
Соковнин Федор Прокофьевич, окольничий, боярин 348
Соловцов Иван 189
Солодовник Кузьма, псковский посадский человек 99
Соломаха, гетманский посланец в Сечь 232
Соломон (Семен Гродский), монах 487—489, 491, 501—506, 508, 509
Солонина Константин, киевский полковник 365, 395, 400
Сорокин, старооскольц 587
Сорочинский Петр, запорожский кошевой 638
Софир Захарий, грек, посланник в Константинополь 387
Софроний Македонский, мнимый митрополит 161
Софья Алексеевна, царевна 91, 182—184, 261—264, 266, 268, 269, 273—276, 278, 285—289, 291—294, 297, 322, 340, 357, 362, 365, 392, 393, 407—409, 421, 426, 431, 433, 435, 437, 438, 444, 446, 450—460, 463—466, 476, 485—487, 525, 544, 545, 558, 560—562, 564, 570—574, 582, 624, 648, 650, 651, 656—658
Софья, курфюрстина ганноверская 551
Софья Палеолог, жена Ивана III 49
Софья-Шарлотта, курфюрстина бранденбургская 551, 552, 656
Спафарий Николай Гаврилович, переводчик Посольского приказа 147, 188, 189, 527
Спиридонов, капитан 176
Стенбок (Штенбок), шведский генерал 624, 625
Степанов, дьяк 484
Степанов Яков, полковник 326
Стефан Баторий, король польский 144
Стефан Симон, доктор 130, 131, 187—189, 334
Стреловы, крестьяне 84
Стрешнев Иван Родионович, стольник 323
Стрешнев Никита Константинович, боярин 328, 332
Стрешнев Родион Матвеевич, боярин 132, 169, 187, 191, 194, 345, 392
Стрешнев Семен Лукьянович, боярин 135
Стрешнев Тихон Никитич, боярин, начальник Разряда 321, 345, 347, 463, 467, 473, 532, 533, 560, 570, 573, 575, 580, 639, 641, 653
Стрешневы, бояре 61
Стрижов Алексей, стрелец 452, 454, 464, 465
Строганов Григорий Дмитриевич, именитый человек 153, 475
Строганов Данила Иванович, именитый человек 54
Струна, дьяк тобольского архиепископства 166
Стрыйковский, автор хроники 145, 146
Стягайло Иван, кошевой атаман 230
Сукин, сын боярский 586
Сукины 61
Сулейман II, турецкий султан 403
Сунбулов (Самбулов) Максим Исаевич, думный дворянин 253, 254, 348
Суслов, стародубец 597—599
Сухарев, полковник 268
Сухотин, русский посланник в Крым 226

Сухотин Иван Иванович, думный дворянин 348
Сухотин Никита Степанович, сын кунгурского воеводы 587, 588
Сухотин Степан, кунгурский воевода 587, 588

Танеев Александр, полковник 326
Танчеев Савва, человек Б. Хитрово 112
Тараканов, посланник в Крым 390
Тараруй. См. Хованский И. А.
Тарасенко Кондрат, двоюродный брат Дорошенка 204
Тарбеев, дворянин 585
Татев, князь 132
Татьяна Михайловна, царевна 258, 264, 286, 287, 580
Ташкинов Аникий (Аничка), житель Кайгородка 93
Текели Эммерих, трансильванский князь 370
Терентьев Митрофан, крестьянин, раскольник 481, 482
Тесинг Ян, голландский купец 556
Тиммерман Франц, голландец 448, 450, 651
Тимофеев Антон, кормчий 472
Тимофеев Парфен, стрелец 573
Тимофей, монах 254
Тимофей Скорняк, стрелец 547
Титов Григорий, стрелецкий полковник 324, 326
Товий, иезуит 476
Толбузин Алексей, албазинский воевода 414, 415
Толочанов Семен Федорович, думный дворянин 329, 342—344, 346
Толстой Андрей Васильевич, думный дворянин, окольничий 318, 329, 332, 348
Толстой Василий 585
Толстой Иван Андреевич, стольник 263
Толстой Петр Андреевич, стольник 263, 268, 270
Трофимов Иван, дьяк 331
Травин Петр Иванович, стольник 323
Трауернихт, генерал-майор 177, 209
Третьяковы, дворяне 659
Троекуров Иван Борисович, князь, боярин 311, 315, 318, 328, 330, 331, 343, 344, 346, 456, 457, 466, 467, 484, 561
Троекуров Иван Иванович, князь, стольник 329
Троекуров Федор Иванович, князь, стольник 328
Троекуровы, князья 249
Троицкий, стрелецкий десятник 455, 456
Троян 147
Трубецкие, князья 61, 62, 249, 474
Трубецкой, князь 177, 473
Трубецкой Алексей Никитич, князь, боярин 62, 190
Трубецкой Иван Юрьевич, князь, генерал-фельдмаршал 322, 656
Трубецкой Юрий Юрьевич, князь, стольник 62, 325
Трусов, романовец 589
Трофон (Трушка), казак 547, 548
Тукальский Иосиф, митрополит киевский 198
Тума Василий, стрелец 560, 561, 570, 574
Тургенев Яков, шут 474
Турка, десятник 455, 456
Тутолмин, мценский воевода 587
Тухачевский, стольник 188
Тыртов, полковник 641
Тяпкин Василий Михайлович, думный дворянин, русский резидент в Варшаве 181, 211, 216—222, 226—228, 331, 339

Украинцев Емельян Игнатьевич, думный дьяк 224, 225, 266, 318—321, 329, 331, 339, 340, 344, 347, 379—383, 461, 462, 475, 504, 520, 523, 534, 603, 607, 608, 610—612, 616, 661
Ульфов, стрелецкий пятидесятник 455, 456
Ульяна, игуменья воронежского Покровского монастыря 430
Уманец Петр, чигиринский полковник 390
Урусов Иван Никитич, князь, стольник 323
Урусов Петр Семенович, боярин, князь 270, 327
Урусов Федор Семенович, князь, боярин 331, 332, 339
Урусов Юрий Семенович, князь, боярин 314, 318, 331, 332, 339
Урусова Евдокия Прокофьевна, княгиня, сестра Ф. П. Морозовой 169, 171, 172, 545
Урусовы, князья 61
Устюжка, жена стрельца Афанасия 588
Ухтомский Иван, князь 475
Ушаков 77

Фараон, император 276
Фатеев, подьячий киевской приказной избы 598
Федор, запорожский кошевой 497, 518
Федор, крепостной С. Сухотина 588
Федор Алексеевич, царь 56, 95, 136, 144, 145, 148, 179, 182—186, 197, 216, 220, 232, 234, 238, 240, 245, 249, 251, 253, 254, 257, 258, 260—267, 269, 272, 274, 275, 278, 311, 320, 340, 357—359, 365, 376, 378, 380, 390, 420, 421, 428, 431, 433, 436, 444, 450, 523, 569, 570
Федор Иванович, царь, сын Ивана IV 145, 292, 389, 436
Федоров Иван, дьячок 242
Федосья, жительница г. Тотьмы 133
Феодор, дьякон 170
Феодосий, священник, раскольник 430
Феодосия Алексеевна, царевна 657
Феоктистов, стрелецкий десятник 455, 456
Ферапонт, старец, строитель Тафтенской пустыни 124
Фердинанд Католик, испанский король 8, 9
Фефилатьев Степан 474, 475
Филарет, митрополит нижегородский и алатырский 313, 315, 319, 322, 328, 345
Филарет, патриарх московский 119, 289
Филатьев, гость 629
Филипп 168
Филипп (Колычев), митрополит московский 121
Филипп Македонский 146
Филиппов Василий, стрелецкий пятидесятник 546—548
Фомин, грек, посланник в Валахию 405
Фотиния, вдова 168
Франц I 368
Фридрих III, герцог голштейн-готторпский 614, 617, 618
Фридрих IV, король датский 618
Фридрих III, курфюрст бранденбургский 549
Фукидид 147
Фурни, француз 535

Хабаров Ерофей Павлович, землепроходец 415
Ханенко Михаил, уманьский полковник 200
Хворый Антон, раскольник 243
Хвост Алексей Петрович, боярин 28
Хвощинский, дворянин 425
Хилков, князь, тобольский воевода 165, 166
Хилков, князь 585, 586
Хилков Андрей Яковлевич, князь, стольник 616
Хилков Федор Андреевич, князь, стольник 484
Хилков Юрий Яковлевич, князь, стольник 339
Хилков Яков Васильевич, князь, стольник, окольничий 317, 329, 331
Хилковы, князья 61, 586
Хитрово Авраам Иванович, стольник 316, 347
Хитрово Александр Савостьянович, боярин, племянник Б. М. Хитрово 186, 314
Хитрово Анна Петровна, верховая боярыня 186, 191, 317
Хитрово Богдан Матвеевич, боярин, дворецкий 112, 124, 130, 131, 136, 186, 188, 191, 192, 196, 258, 262, 357, 358
Хитрово Борис Софронович, стольник 339, 341
Хитрово Иван Богданович, боярин 187, 188, 321, 323, 327, 348
Хитрово Иван Савостьянович Большой, окольничий 327—329
Хитрово Никита Савельевич, стольник 325
Хитрово Петр Савельевич, стольник 325
Хитрово Петр Савич, стольник 344
Хитрово Сергей Александрович, стольник 325
Хлопов Кирилл Осипович, думный дворянин, окольничий 313—315, 317, 329, 335, 338, 348
Хмельницкий Богдан Михайлович, гетман 142, 378, 496, 497, 499, 507, 515, 517, 519, 635
Хмельницкий (Хмельниченко) Юрий Богданович, гетман 179, 208, 209, 211—215, 223, 230, 366, 390, 398, 520, 521
Хмельницкий Яненко, тесть П. Дорошенко 198, 208, 230
Хованские, князья 61, 261, 295, 296, 298, 338, 570
Хованский Андрей Иванович, князь, стольчик 293, 294, 298 314, 331, 336, 337, 343

Хованский Иван Андреевич, князь, боярин, псковский воевода, начальник Стрелецкого приказа 97, 98, 261, 262, 268, 271, 273, 276, 279—288, 290—295, 298, 319, 327, 329, 331, 333, 336, 337, 342, 345, 361, 362, 451, 456, 457
Хованский Иван Иванович, князь, стольник 295, 298, 323, 337, 338, 340, 341
Хованский Петр Иванович, князь, стольник 323, 484
Хованский Семен Андреевич, князь, боярин 329, 335, 345
Хованский Федор Семенович, князь, стольник 337, 339
Хомяк, «карла» царицы Н. К. Нарышкиной 272
Хомяков Петр, крестьянин 108
Христиан V, король датский 614
Хрущов (Хрущев) Федор Григорьевич Меньшой, стольник, думный дворянин 318, 329
Хрущевы 315

Цвякун Василий 584
Цей, майор 120
Цыклер Иван Елисеевич, думный дворянин, полковник 263, 268, 278, 456, 524, 544—548, 559, 568, 656, 658

Чаадаев Василий Иванович, стольник 324, 340, 341
Чаадаев Иван Иванович, окольничий 317, 324, 343, 344, 346, 373, 502—504
Чамберс Иван Иванович, полковник 577
Чаплич, бранденбургский посланник в Россию 410
Чарнецкий, польский полководец 499
Чарторыйский Михаил, князь, польский посол в Москве 222
Чекунов Павел, казак 300
Чепурный Трофим, крестьянин 422
Чередеев Иван Большой, дьяк 607
Черкасская Таука Салтанобековна, княгиня 479
Черкасские, князья 294
Черкасский, князь 579
Черкасский Алегук Сунгеневич, князь 479
Черкасский Андрей Канбулатович, князь, стольник 347
Черкасский Андрей Михайлович, князь, стольник 342
Черкасский Даниил Григорьевич, князь, стольник 321, 322, 326, 340, 341, 347
Черкасский Иван Михайлович, князь, стольник 484
Черкасский Каспулат Муцалович, князь 214, 220, 233
Черкасский Михаил Алегукович, князь, боярин 270, 271, 330, 333, 336, 391, 392, 570
Черкасский Михаил Яковлевич, князь, боярин 317, 331, 336, 640
Чермный Кузьма, стрелец 263, 268, 452—455, 461, 463
Черный, стрелецкий полковник 559, 563
Четвериковы 659
Четвертинский Гедеон Святополк, князь, епископ луцкий, митрополит киевский 365, 382, 384, 386, 387, 398, 402, 406, 434, 476
Четвертинский Юрий Гедеонович, князь, стольник 406, 407, 486, 491, 492
Чешиха, монах 284
Чингис-хан, хан монгольский 441
Чириков Андрей Иванович, окольничий 330
Чирьев Иван, псковский посадский человек 99
Чихровский, польский посланник в Москве 220
Чоглоков Даниил, новгородец 133
Чубаров, стольник 495
Чубаров, стрелецкий полковник 559, 563
Чуйкевич, канцелярист 225

Шабан, казыкерменский писарь 495
Шадрин Петр, помещик 425
Шайсупов, князь, пристав Никона 193—195
Шакловитый Федор Леонтьевич, думный дьяк, начальник Стрелецкого приказа 261, 299, 302, 329, 337, 338, 357, 365, 367, 391—394, 398, 399, 402, 432, 433, 437, 438, 451—466, 486, 545, 548, 558, 647, 651, 652
Шатнев, дворянин 597
Шафиров Петр Павлович, переводчик Посольского приказа 473, 615
Шаховской Иван Степанович, князь, стольник 315
Шаховской Иван Федорович, князь, стольник 339, 341

Шаховской Михаил Федорович, князь, стольник 339, 341
Шаховской Федор Иванович, князь, окольничий 616
Шеин Алексей Семенович, боярин, воевода 318, 344, 346, 531, 534, 538, 544, 546, 565—568, 570, 573, 575, 655
Шеин Михаил Борисович, боярин, воевода 160
Шеины, бояре 61, 249
Шейдяков Иван, князь 585
Шеленбей-мурза, татарин 503
Шелепанов Сергей 586
Шеншин, полуполковник 625
Шеншин Леонтий 475
Шепелев Агей, генерал-майор 72, 73, 210
Шербиновский, полевой полковник 230
Шереметев Борис Петрович, боярин, генерал-фельдмаршал 330, 347, 373, 501, 528, 530, 546, 591, 603, 621—623, 627, 632, 633, 636, 639—642, 660, 663
Шереметев Василий, стольник 475
Шереметев Василий Борисович, боярин 221, 227, 228
Шереметев Василий Петрович, боярин, воевода 164, 569
Шереметев Владимир, стольник 475
Шереметев Матвей Васильевич, боярин 164
Шереметев Никита, боярин 62
Шереметев Петр Васильевич Большой, боярин 62, 242, 271, 312, 318, 323, 333, 336, 342, 345, 347, 375, 376, 423, 475
Шереметев Петр Васильевич Меньшой, боярин 327—329, 332, 340
Шереметев Федор Петрович, боярин 375, 376, 378
Шереметева, боярыня, жена Ф. П. Шереметева 386, 491
Шереметевы, бояре 61, 62, 294, 474
Шестаков, подьячий 211
Шестаковы 659
Шибаев, приказчик князя Репнина 84
Шиловцов Федор 134, 135
Шиль, полковник 177
Шихирев Иван 130, 131
Шишка Демьян, мещанин 512
Шишкин, воевода дворцового села 423
Шлиппенбах фон Густав Вильгельм, шведский генерал 627, 631, 632, 640, 642, 662, 663
Шошин, подьячий приказа Большой казны 453
Шпиловский, шляхтич 513
Штаремберг, граф 371
Штейнау, саксонец, генерал-фельдмаршал 629, 630
Штенбок. См. Стенбок
Штернфельд, подполковник 550
Шуйские, князья 40
Шуйский Василий Иванович, царь 40, 356
Шульгин, приказной человек в Нерчинске 238
Шумлянский Иосиф, епископ львовский 365, 385, 489—491, 501, 503, 504, 508—510, 512, 513, 598

Щелкаловы, думные дьяки 59
Щепин Иван, полковник 325, 326
Щербан. См. Кантакузен
Щербатов (Щербатый) Андрей Дмитриевич, князь 339
Щербатов Константин Осипович, князь, окольничий 234, 266, 320, 321, 325, 348
Щербатов Юрий Федорович, князь, стольник 323, 392
Щука Антон, литовский подканцлер 628, 638

Юдин, подьячий 207, 208
Юдин Алексей, стрелец, раскольник 276, 277, 282, 298
Юревич Салган, униатский плебан 512
Юрий. См. Мецевит Юрий
Юрий Владимирович Долгорукий, в. князь суздальский, сын Владимира Мономаха 144, 145
Юшков Борис Гаврилович, окольничий, боярин 341, 345, 347
Юшков Тимофей Борисович, стольник 321

Яблоновский Станислав, гетман коронный 365, 373, 487, 488, 502—504, 520, 537
Яворский Стефан, игумен Николаева монастыря в Киеве, позднее митрополит рязанский 183
Яган Энкуз, переплетчик 356
Ягеллоны, династия польских королей 435
Языков, стольник 451

Языков Григорий, сын окольничего П. Языкова 295
Языков Иван Андреевич, стольник 268, 315, 326
Языков Иван Максимович, постельничий, боярин 179, 196, 197, 240, 258, 261, 262, 265, 266, 268, 271, 272, 277, 326, 333, 334, 358
Языков Павел Петрович, окольничий 275, 295, 314, 329, 335, 338
Языков Семен Алексеевич, стольник 484
Языков Семен Иванович, чашник 268, 271, 275, 316, 326, 335, 338
Языковы 262
Якимов Федор, житель Шуйского у. 132
Яковлев, подьячий 592
Яковлев Богдан Васильевич, думный дворянин 331, 332
Яковлев Иван Богданович, стольник 315, 325, 342
Яковлев Петр Иванович, стольник 339, 341
Яковлев Самуил, шкловский торговый человек 102
Ян, придворный доктор 334
Ян Казимир, король польский 489
Ян Полъ, корабельный мастер 556
Ян Собеский, король польский 216, 218, 222, 366, 370—374, 384, 535, 536, 550
Янов, стрелецкий полковник 291
Яновский Феодосий, новгородский архиепископ 552
Янсен Яков, голландский матрос на русской службе 529, 534, 535, 538
Ярема, казак 521
Ярослав I Владимирович, в. князь, сын Владимира Святославича 12—16, 20, 21
Ярослав Всеволодович, князь, переяславский и новгородский, в. князь владимирский 24, 145
Ярыжкин Петр, приказной атаман 237, 238
Ярышкин, капитан 520
Ясинский Варлаам, архимандрит киево-печерский 384, 434, 476

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Авары (обры) 8, 10
Австрийцы 371, 403, 527
Австрия 232, 370—373, 390, 527, 531, 550, 557, 605, 606
Аграхань, р. 430, 479
Адиышевская земля 336
Адрианополь, г. 387—389, 525, 526
Азия 9, 36, 147, 524, 645
Азия Северная 9, 37, 112, 237
Азов, г. 469, 524, 525, 528—531, 533—540, 544, 545, 555, 557—559, 565, 566, 572, 573, 579, 581, 591, 597, 606—609, 611, 621, 622, 644, 653, 654
Азовское море 528, 557, 608
Азовцы 534
Аккерман. См. Белгород
Алаторцы 585
Алатырь (Олатырь), г. 332
Албазин, г. 414—420
Албазинцы 414
Албанцы (албансы) 170
Александров, г. 574
Александровская слобода. См. Александров
Алексеевская, крепость около Азова 555
Алексеевское, с. Московского у. 55, 459
Алексин, г. 305
Альма, р. 226, 390
Америка 645
Амстердам, г. 552—555, 562
Амур, р. 414, 416, 419, 420
Англичане 442, 527, 557
Англия (Британия, Английское государство) 8, 155, 369, 441, 524, 556, 557, 578, 582, 615, 618, 645
Андрусово, д. под Смоленском 372
Арабы 8, 9, 526
Аравия (Арабия) 536
Аргунский острог 417, 418
Аргунь, р., приток Амура 418—420
Арзамасский у. 424
Армяне 77, 102, 103, 160, 239, 513, 514
Армяне персидские 238
Архангельск (Архангельский город), г. 77, 78, 101—103, 239, 323, 410, 471, 472, 524, 525, 528, 531, 591, 603, 611, 632, 637, 641
Астраханское воеводство 186, 191
Астраханцы 77, 302
Астрахань, г. 44, 61, 77, 102, 112, 137, 145, 190, 233, 234, 253, 323, 329, 339, 479, 480, 525, 591, 592, 595
Африка 645
Ахтырка, г. 306, 407

Баба, мыс 213
Баварцы 12, 371
Баден, м. в Австрии 558
Байкал (Байкальское море), оз. 416, 419
Бака (Баку), г. 234
Балаклея, м. 307

[1] В указателе приняты следующие сокращения: в — волость, г. — город, г-к — городок, губ. — губерния, д — деревня, м. — местечко, о. — остров, обл. — область, оз. — озеро, р. — река, с. — село, у. — уезд.

Балтийское (Варяжское) море 10, 21, 219, 524, 525, 549, 604, 614, 615, 620
Бараши, местность в Москве 392
Барышевка, м. 507
Батурин, г. 198, 203, 205, 206, 209, 211, 213, 224, 229, 375, 378, 379, 382, 384, 386, 396, 400, 406, 487—490, 504, 505, 516, 519, 522, 523, 598, 599, 635—637
Бахчисарай (Бакчисарай), г. 228
Башкиры 9, 179, 234, 235, 295, 329, 330, 332
Башкиры уфимские 234
Бежецкая пятина, Новгородского у. 133
Бежецкий Верх, г. 304, 309
Белая, г. 562
Белая Россия. См. Белоруссия
Белая Церковь, г. 189, 220, 231, 491, 509, 520, 521
Белгород (Аккерман), г. 493
Белгород, г. 306, 323, 422, 501, 565, 573
Белгородская епархия 386
Белгородский у. 422
Белград, г. 526
Белев, г. 305
Белогородская Орда 404, 405, 518
Белое море 473, 524
Белоколодезь, г. 306
Белоколодский у. 540
Белоозеро, г. 307, 466
Белоозеро, оз. 482
Белоруссия (Белая Россия) 137, 311, 320, 338
Белорусы 116, 118, 122, 172, 175
Белый город в Москве 56, 176, 270, 273, 342, 479, 571
Бельгия 369
Березовка, р. 242, 428
Бессарабия 606
Биржи, м. Динабургского у. 603, 627, 629, 630, 638, 663
Бобровка, г. 307
Богодухов, г. 307
Богуславль, г. 599
Болбожинская 312
Болгарская земля 405
Болгары задунайские 154, 383, 404, 603
Болото, местность в Москве 585
Болхов, г. 305, 306
Большая Кабарда. См. Кабарда Большая
Большой Годзимур, р. 418
Большой Луг, урочище 393
Борзна, г. 492, 507
Борисов, г. 307
Боровск, г. 55, 172, 304
Бородина, д. Вяземского у. 587
Бранденбург 371, 550, 604, 613
Братовщина, с. 55, 337
Братский острог в Сибири 167
Британия. См. Англия
Брянск, г. 190, 290, 305
Буг Южный, р. 227
Буджаки, южная часть Бессарабии 404, 536, 608
Бужинская пристань (Бужинские поля) на Днепре 210, 214
Буряты 237, 238, 417—419
Бутырская (Бутырки) слобода в Москве 296, 561, 564, 565, 573
Бухарест, г. 404
Бухарцы 102
Быстрая, р., приток Амура 414—416

Вавилон 136, 602
Вага, в. 111, 318
Валахи (волохи) 102, 170, 218, 219, 380, 383, 390, 404, 493, 522, 603
Валахия (Волошская земля) 218, 405, 516, 518, 526, 606
Валуйки, г. 307
Варшава, г. 136, 181, 216, 219, 222, 488, 494, 503, 510, 511, 535, 537, 620, 630, 640
Варяги 146, 643
Варяжское море. См. Балтийское
Васильков, г. 228, 373, 520
Везенберг. См. Раковор
Велиж, г. 222
Великая Русь. См. Россия
Великие Луки, г. 133, 134, 307, 559, 570
Вена, г. 232, 370, 371, 412, 494, 524, 542, 556—558, 562, 568, 605
Венгрия 365, 369, 370, 403, 404, 557
Венгры (мадьяры) 8, 557
Венев, г. 305, 308, 591
Венеты 607
Венециане (венецианцы) 403, 412
Венеция (Венецианская республика, Речь Посполитая Венецийская) 371, 373, 405, 450, 483, 484, 540—542, 557, 558, 567, 601, 645
Верея, г. 304
Версаль 411, 412
Верхневилюйское зимовье в Сибири 235
Верхний Выг, р. 482
Верхний Ландех, с. Суздальского у. 260

Верхососенск, г. 306
Верхотурский у. 422
Верхотурье, г. 111, 187, 234, 422
Вестготы испанские 9
Византия 13, 25, 146
Вильна, г. 513
Висла, р. 370
Витебск, г. 628
Витим, р. 236
Вифлеем 48, 152
Владимир Залесский (на Клязьме), г. 22—25, 27, 145, 173, 240, 253, 303, 323, 339, 576
Владимирская губ. 574
Владимирцы 15
Воздвиженское, с. Московского у. 55, 293—296, 337, 409, 457
Волга, р. 22, 24, 25, 35, 44, 45, 164, 165, 233—235, 260, 302, 481, 528, 529, 531, 540
Вологда, г. 78, 85, 102, 116, 135, 304, 323, 352, 463
Волоколамск, г. 304
Волохи. См. Валахи
Волошская земля. См. Валахия
Волынь 15, 137, 217, 218, 220, 384, 385
Вольмар (Волмар), г. 640
Вольск, г. 306
Воробьево, с. Московского у. 55, 191, 293
Воробьевы горы под Москвой 170
Воронеж, г. 306, 318, 430, 524, 531—533, 540, 549, 572, 578, 579, 607, 616, 619, 635, 643
Воронеж, р. 597
Воронежский у. 430, 540, 597
Воротынск, г. 308
Восточно-Европейская равнина (Восточная равнина Европы) 8, 9, 12—19, 21, 44, 46, 50
Восточный океан. См. Тихий океан
Всевидное, с. Московского у. 55
Вышегородская в. 255
Вышеград, г. 145
Вязьма, г. 77, 305, 308, 562, 574
Вятка, г. 323, 425
Вятская обл. (Вятское воеводство) 230, 421

Гавр, г. 413
Гадяч, г. 500, 501
Гадячане 498
Галата, часть г. Константинополя 610
Галиция 220, 604
Галич (Терский), г. 304, 318
Галич (южный), г. 25, 137
Галлия 8, 368
Гдов, г. 307
Германия (Немецкое государство) 8, 12, 71, 115, 368, 369, 550, 551, 604
Германцы 10, 67
Гишпания, Гишпанское государство. См. Испания
Глухов, г. 516, 517, 640
Глуховский у. 487
Гнилое море 408
Голгофа 525
Голенищево, с. 55
Голландия (Голландская республика, земля, Нидерланды) 71, 155, 239, 368, 369, 436, 471, 472, 524, 531, 540, 541, 553—557, 578, 584, 615, 618, 645, 663
Голландцы 239, 527, 557
Голштиния, герцогство 617, 618
Гончарная слобода в Москве 278
Горбица, р., приток Шилки 417—420
Горицы, с. 423
Греки 11, 32, 102, 113, 114, 135, 160—162, 179, 219, 240, 255, 383, 404, 412, 434, 439, 440, 464, 494, 527, 597, 603, 609, 611, 637, 638, 643, 653
Гремячий, г. 305
Греция (Греческая земля) 17, 32, 113, 405
Григорово, с. Нижегородского у. 163
Гуммельсгоф, мыза 640
Гунны 8
Гурьев, г-к на Яике 234

Далматы 603
Далмация 403
Дания 232, 540, 604, 613, 614, 618
Данков, г. 306, 592
Даурия (Даурская страна, Дауры) 166, 312, 416, 417, 419
Даурские острожки 238
Двина Западная, р. 9, 549, 564, 567, 603, 630
Двина Северная, р. 102
Дединово, с. Коломенского у. 448, 449, 528
Дедилов, г. 305
Дедовщина, м. выше Киева 228
Дептфорд, г-к в Англии 556
Дерпт. См. Юрьев
Дивьи Горы, в. 607
Динабургский у. 627
Динамюнде, г. 616
Днепр, р. 9, 10, 199, 202—205, 209—211, 213—217, 220, 224, 227—230, 366, 373, 378, 380,

384, 387, 390, 393, 397, 405, 407, 485, 487, 496, 499, 503, 507, 508, 522, 526, 528, 530, 555, 595, 597, 599, 611, 635, 638
Днепровы заливы 231
Днестр, р. 9, 373, 383
Добренский у. 540
Добровицы, с. 532
Доброе Городище, Добрый, г. 307, 531
Долгий порог в Сибири 166
Дон, р. 44, 45, 137, 138, 220, 232, 233, 241, 243, 261, 300—302, 323, 429—431, 457, 479—481, 491, 528, 529, 531, 533, 540, 547, 572, 595—597, 607
Донец Северский, р. 300
Дорогобуж, г. 562
Драбовец, г. 599
Древляне 13
Дунаевский хутор, Глуховского у. 487
Дунай, р. 14, 21, 224, 225, 370, 379, 380, 404, 405, 526, 527, 606
Дунилово, с. 423
Дьяково, с. Московского у. 55
Дюнкерк (Дюнкирхен), г. 410, 411

Евреи 102, 160, 218, 506, 512, 606
Европа 7—10, 16, 21, 25, 30, 44—46, 49, 50, 71, 105, 136, 147, 367, 368, 370, 371, 435, 441, 447, 525, 528, 551, 557, 604, 612, 624
Европа Восточная (Восток) 7, 8, 10, 45, 46, 112, 127, 367, 370, 551
Европа Западная (Запад) 7, 8, 16, 17, 19, 25, 30, 45, 46, 49, 50, 71, 95, 101, 104, 105, 113, 127, 132, 143, 172, 173, 180, 257, 367, 413, 440, 469, 525, 549, 568, 569, 578, 590
Европа Северная 25
Европа Северо-Восточная 37
Европа Южная 25
Египет (Египетская земля) 516
Езерь, с. Могилевского у. 513
Ек-Наволок, д. Мунозерской в. 481
Елец, г. 306, 532
Енисейск, г. 166
Енисейский у. 595
Епания 600
Епифань, г. 306
Ерестфер. См. Эрестфер
Ефремов, г. 306, 532

Женева, г. 525
Жолква, г. в Польше 487, 502, 511
Журавин, г. 220

Заандам. См. Саардам
Заворсклье 501
Заднепровье (Заднеприе) 211, 230, 366
Запад. См. Европа Западная
Запорожская Сечь. См. Запорожье
Запорожцы. См. Казаки запорожские
Запорожье (Запороги, Запорожская Сечь) 200, 201, 206, 208, 209, 211, 212, 225, 228, 229, 231, 232, 332, 366, 373, 384, 404, 487, 488, 490—493, 495—498, 500, 507, 508, 515, 517—520, 522, 523, 525, 598, 603, 611, 634, 637, 638
Зарайск, г. 305
Звенигород (московский), г. 55, 307, 308, 336
Звенигородский у. 592
Земляной город в Москве 270, 273, 277, 479, 571
Землянск, г. 306
Зия, р. 414—417
Змеев (Змиев), г. 566, 573
Золотая орда 28, 36
Зунд (Зунт) 618

Иерусалим, г. 48, 383, 526, 527, 536, 645
Ижемская (Ижма) слободка Пустозерского у. 191
Ижорская земля. См. Ингерманландия
Изборск, г. 307
Измайлово, с. Московского у. 55, 448, 454, 544
Израиль 516
Изюм, г. 566
Иловля (Иловлинский), казачий г-к 430
Иловля, р., левый приток Дона 540
Ильменская озерная система 9
Ильинское, с. Кунгурского у. 587
Ингерманландия (Ижорская земля, Ингрия) 603, 613—616, 620, 628, 641
Ингода, р. 416
Ингрия. См. Ингерманландия
Ингул, р. 227

Индейцы (индусы) 102
Индия 524
Индия Восточная 239
Исетский острог в Сибири 242
Испания (Гишпанское государство) 8, 9, 30, 368, 369, 412, 413, 615, 645
Испанцы 157
Истра, р. 565
Италия 31, 49, 368—370, 541, 602, 613
Итальянцы 157, 439

Кабарда Большая 480
Кагальник, г-к 429
Казаки донские (донцы) 45, 59, 138, 197, 199, 232—234, 300—302, 373, 379, 381—383, 385, 393, 429, 431, 479, 480, 495, 519, 528, 529, 534, 535, 547, 564, 572, 573, 595—597
Казаки запорожские (запорожцы, казаки днепровские, заднепровские) 199—202, 206, 209, 211, 223, 228, 232, 377, 383, 487, 488, 496, 500, 506, 507, 515, 516, 518, 519, 523, 609, 610, 633, 634, 636—638. См. также казаки украинские, малороссийские
Казаки украинские, малороссийские, малороссияне, малороссийский народ, черкесы 32, 40, 43—45, 47, 49, 59, 71, 78, 85, 86, 111, 113, 138, 160, 172, 179, 204, 208, 210, 211, 213, 214, 219, 220, 222—225, 227, 229, 231—233, 300—302, 365, 366, 372, 377, 378, 381, 384, 385, 387, 388, 393—395, 397—401, 413, 429, 430, 486, 490, 492, 493, 495—501, 505, 515—517, 519—521, 528, 534, 545—547, 572, 595—599, 603, 608—610, 627, 632—636, 641
Казаки яицкие 233, 234
Казанское царство 253
Казань, г. 44, 112, 137, 145, 164, 187, 196, 253, 259, 323, 327, 329, 330, 332, 339, 340, 358, 525
Казыкермень, г. 208, 394, 496, 530, 555, 609—611
Кайгородок, г. 93, 111
Калмыки (калмыцкие люди) 179, 214, 220, 233, 235, 295, 302, 379, 383, 539, 596, 630, 635, 641
Калмыцкие улусы 233
Калуга (Колуга), г. 77, 305, 332, 424
Кама, р. 44
Каменец-Литовский, г. 514
Каменец-Подольский, г. 217, 220, 366, 370, 373, 379, 403, 550, 599, 607
Каменка, р. 640
Каменный, г. 306
Каменный, о. в устье Яика 234
Каменный Затон, г. 500
Камень. См. Уральские горы
Камышинка, р. 540
Кандия 412
Канев (Конев), г. 215, 220, 503, 638
Канцы. См. Ниеншанц
Карачакрак, р. 393
Карачев, г. 305
Каргополь, г. 332, 461, 463
Карелия (Корелия) 613—615, 620, 628
Карловиц, м. в Венгрии на Дунае 605, 609
Карпов, г. 306
Каспийское море 45, 448, 524, 531, 541, 553
Каталонские поля в Галлии 8
Кашин, г. 55, 77, 304, 313, 359
Кашира, г. 305
Кенигсберг, г. 549, 550
Кереберда, г-к 200
Керчь, г. 557, 605, 607—609
Киев, г. 10, 14—16, 23—26, 33, 36, 114, 137, 139, 140, 144, 146, 181, 190, 203, 210—213, 215, 218, 222, 223, 228, 293, 296, 297, 319, 323, 339, 366, 367, 372—374, 376—379, 382, 383, 385, 386, 388, 403, 406, 410, 431, 432, 434, 435, 464, 490, 492, 493, 498, 503, 504, 512, 514, 598, 599, 612, 620, 628, 638, 650
Киевляне 20, 432
Киевская митрополия 365, 385—389, 403
Киевское княжество, воеводство 146, 386
Киргизы 179, 235
Китай (Китайское государство, Хинская земля, Срединное государство) 141, 365, 413, 415—417, 420, 435, 524, 554, 593, 600
Китай-город в Москве 56, 254, 273, 325, 329, 479
Китай-городок, Орельский г-к 501
Китайцы (китайские люди) 312, 413—420, 600
Клин, г. 305, 309
Ключ-город. См. Шлиссельбург
Клязьма, р. 294

Кодак, крепость 209
Кожухово, д. 470, 528, 530, 543, 544
Козары. См. Хазары
Козельск, г. 305
Козлов, г. 307, 332, 531
Козловский у. 540
Койса, р. 529, 530
Кокенгаузен, г. в Ливонии 616, 629
Кокуй, местность, где была построена Немецкая слобода 226
Кола, г. 462
Колмыгоры. См. Холмогоры
Коломак, р. 399, 402
Коломенское, с. под Москвой 55, 292, 293, 330, 336
Коломна, г. 124, 305, 323
Коломничи 120
Колывань. См. Ревель
Коморна, м. вблизи Львова 514
Конев. См. Канев
Конотоп, г. 190, 300
Конские Воды, р. 393
Константинополь (Царьград) 11, 33, 137, 141, 212, 213, 223, 227—229, 371, 387—390, 404, 536, 541, 603, 606—610, 612, 616
Копенгаген, г. 618, 630
Коппенбрюгге, м. Цельского герцогства 552
Коротояк, г. 306, 596, 597, 607
Короча, г. 306
Корсунь, г. 215, 599
Костенск, г. 306, 607
Кострома, г. 25, 165, 304, 323
Костромичи 165
Которость, р. 260
Краков, г. 216, 219, 370, 371
Крапивна, г. 305
Красноярск, г. 235
Красный Кут, г. 307
Кремль в Москве 32, 48, 49, 51—53, 56, 169, 173, 191, 270—273, 280, 281, 283, 284, 289, 292, 293, 295, 314, 325, 329, 333, 426, 438, 449, 454, 455, 458—460, 479, 543, 569
Кроация 370
Кромы, г. 305
Крутицы, местность в Москве 147, 259
Крылов, г. 214, 638
Крым (Крымское государство, Крымский юрт) 179, 181, 200, 212, 216, 218—222, 224, 226, 227, 229, 231, 233, 234, 254, 372, 373, 379, 380, 390, 391, 393—396, 398, 403, 405, 408, 461, 480, 485, 487, 491, 494—496, 498—500, 503, 505—507, 515, 525, 528, 535—537, 557, 598, 608, 635, 637, 638
Крымцы 142, 159, 212, 234, 292, 404, 485, 496, 498, 517, 607. См. также Татары
Кубанцы 547
Кубань, р. 481
Кубенское оз. 470
Кудьма, р. 163
Кузнецово, д. Дмитровского у. 548
Кузьмин, г-к на р. Медведице 429
Куликово поле 139, 140
Кума, р. 480
Кумыки 102, 103, 382, 480
Кунгур, г. 234, 587, 588
Кунгурский у. 234, 587, 588
Кунгурцы 587, 588
Курляндия 432, 549, 613, 614
Курмыш, г. 193
Курск, г. 213, 306, 385, 422
Кучково поле 28

Ладога. См. Новая Ладога
Ладожское оз. 619, 641
Лаис, замок вблизи Юрьева 624
Лаишев, г. 187, 188
Лебедин, г. 306
Лебединский у. 491, 492
Лебедянь, г. 306
Лейден, г. 554
Лена, р. 83, 166, 236
Либава, г. 549
Ливны, г. 306
Ливония (Ливонская земля) 530, 603, 612, 613, 615, 616, 618—620, 627, 632, 640
Литва (Литовское государство, княжество) 20, 36, 141, 255, 380—382, 490, 512, 536, 537, 633, 635, 658
Литовцы (Литва) 25, 45, 46, 69, 600
Лифляндия (Лифляны) 219, 612—614, 628, 639—641
Лихвин, г. 305
Лондон, г. 556, 575
Лубны, г. 489
Луки Великие, г. См. Великие Луки
Лух, г. 84, 260, 261, 269, 303
Лушане 84
Львов, г. 189, 216, 220, 373, 374, 502, 508, 511, 512, 514, 598, 639

Мадьяры. См. Венгры
Македонская империя 367

Малороссия (Малороссийский край, княжество). См. Украина
Малороссияне. См. Казаки украинские, малороссийские
Малоярославец, г. 304
Мариенбург, г. 219, 382, 627, 640
Марьина роща, местность в Москве 274, 296, 336, 583
Мглин, г. 202
Медведица, р., левый приток Дона 241, 300, 301, 429, 596
Медведково, с. Московского у. 460
Мезень, в. 111, 170, 260, 261, 269
Мерло, р. 393
Мехонская слобода в Тобольском у. 242
Мещанская (Новомещанская) слобода в Москве 85, 137, 589, 600
Мещевск, г. 305
Минск, г. 512
Митава, г. 549
Михайлов, г. 305
Миюс (Миюсский), г. 610, 611
Могилев, г. 502, 513, 635
Можайск, г. 55, 77, 304, 308, 587
Молдаване (молдавы) 102, 218, 219, 383, 404, 603
Молдавия 217, 218, 224, 373, 396, 492, 516, 526
Монастыри:
Алексеевский в Москве 54
Андреевский в Москве 255, 543
Андрониев (Андроников) в Москве 165
Бизюков 464
Борисоглебский в Торжке 313
Братский в Киеве 387
Важский 602
Введенский 475
Вознесенский в Москве 54
Воскресенский (Новый Иерусалим) 195, 258—260, 315, 565, 572, 573
Воскресенский на Истре 565
Выговский 481
Вяжицкий. См. Никольский на Вяжищах
Голутвинский в Коломне 353, 544
Городецкий в Галиче 318
Данилов в Москве 255
Донской в Москве 292
Елецкий 205
Заиконоспасский в Москве 254, 432, 483
Знаменский в Москве 245
Иверский 125
Иевская пустынь на Дону 241
Киевский девичий 492
Кириллов Белозерский на Белоозере 193—196, 258, 259, 275, 335, 466
Кирилловский в Киеве 205, 598
Кожеезерский Богоявленский 193, 196
Крестный на Белом море 195
Крупецкий в Батурине 382
Макарьевский на Унже 318
Макарьевский Желтоводский 278
Макошинский вблизи Батурина 386
Молчинский в Путивле 174
Николы на Угреше 55, 170, 427
Никольский на Вяжищах 112
Новодевичий в Москве 75, 342, 454, 466, 545, 558, 560—562, 564, 570—573, 582
Новоспасский в Москве 344, 580, 602
Новый Иерусалим. См. Воскресенский
Павловский на Афоне 403
Палеостровский на Онежском оз. 429
Пафнутиев Боровский под Боровском 170
Пертоминский в Унской губе 472
Петропавловский в Минске 512
Печерская пустынь 475
Печерский в Пскове 307, 427, 428, 625, 627, 630
Печерский Федосиев (Киево-Печерская лавра) в Киеве 15, 387
Покровский в Воронеже 430
Покровский девичий в Суздале 575
Прилуцкий 423
Пятницкий 244
Рождественский во Владимире Залесском 303
Саввин-Сторожевский в Звенигороде 293, 315, 362, 592
Свирский. См. Спасский на Свири
Сийский (Антониев Троицкий) на р. Сии 430
Симонов Успенский в Москве 344, 470, 580
Соловецкий (Соловки) 121, 162, 281, 428, 466, 472

Спаса в Китае-городе. См. Заиконоспасский
Спасо-Евфимьев в Суздале 303
Спасов Золотовратский во Владимире-Залесском 303
Спасский в Ярославле 290
Спасский на р. Свири 430
Спасский на Хутыни 317, 428, 429
Сретенский (Стретенский) в Москве 332, 343
Тафтенская пустынь 124
Тихвинский в Шуйском у. 126, 482
Тихонова пустынь 84
Толгский 259
Троице-Сергиев в Радонеже 51, 54, 55, 244, 269, 296—298, 315, 336—338, 344, 409, 438, 449, 455—461, 464—468, 486, 543, 629
Троицкий Борщов в Воронеже 431
Успенский в Александровской слободе 574
Успенский девичий во Владимире-Залесском 303
Ферапонтов в Белозерском у. 193—195, 258
Хутынский. См. Спасский на Хутыни
Чудов в Москве 54, 56, 134, 135, 170, 263, 335, 344, 433
Монголия 238
Моравия 370
Мордва 246
Морея (Морейская земля) 403—405, 412
Мосальск, г. 305
Москва, г. *повсюду (passim.)*
Москва-река, приток Оки 52, 147, 255, 272, 334, 338, 470, 528
Москвичи (москали, москвитяне) 495, 498, 499, 525, 526, 535, 610, 614, 635
Московское государство (Московское княжество, царство, Московия) 28—30, 32, 35, 37—39, 41—45, 47, 57, 60, 66, 67, 73, 74, 79, 85, 86, 102, 103, 116, 130, 143, 162, 213, 216, 218, 219, 221, 222, 226, 258, 263, 276, 277, 294, 320, 336, 338, 381, 459, 476, 494, 513, 514, 517, 591, 659
Мостовка, д. 242
Мошенская слобода 599, 600
Мошенский погост 133
Мошны, г. 599
Мояк, г. 566
Моячка, г. 501
Мунгалы (мунгальцы) 416, 593
Мунозерская в. 481
Муром, г. 304, 528
Мценск, г. 306, 587
Мыт, с. 84

Нарва (Нарова, Ругодив), г. 603, 613, 619—627, 630, 632, 639, 662
Нарова, р. 623, 625
Нева, р. 50, 449, 641—643
Невль, г. 222
Невская крепость. См. Ниеншанц
Нежин, г. 213, 390
Нейссе. См. Нис
Немецкая слобода под Москвой 137, 172—177, 183, 190, 274, 334, 459, 468, 469, 477, 543, 564, 571, 574, 584
Немецкое государство. См. Германия
Немиров, г. 215, 366, 493
Немцы 9, 45, 69, 96, 137, 146, 155, 157, 159—161, 172, 173, 180, 181, 381, 404, 405, 460, 525—527, 530, 543, 560, 564, 566, 570, 571, 573, 574, 580, 581, 605—607, 622
Нерчь, р. 418, 419
Нерчинск, г. 238, 414—418, 594, 600
Нерчинский у. 418
Нидерланды. См. Голландия
Ниеншанц (Канцы, Невская крепость, Шлотбург), г. 641—643
Нижнеломовские места 78
Нижний Чир, казачий г-к 241
Низ (Суздальская Низовая земля) 36, 396
Никольское. с. Московского у. 55
Нис (Нейссе), г. 526
Новая Ладога (Ладога), г. 88, 307, 641, 642
Новая Слободка, с. Белгородского у. 422
Новгород Великий, г. 10, 13, 20, 23, 24, 35, 36, 48, 78, 88, 134, 141, 253, 259, 292, 307, 312, 317, 323, 339, 591, 592, 620, 622, 625, 626, 640
Новгород Нижний, г. 78, 323, 339, 528
Новгород Северский, г. 137, 202, 366
Новгорода Северского у. 111
Новгорода Великого у. 88, 133
Новгородцы 15, 36, 138
Новобогородицкий, г. 562, 563

Новомещанская слобода. См. Мещанская слобода
Новонемецкая слобода под Москвой См. Немецкая слобода
Новосиль, г. 306
Новоторжский у. 424
Новый Оскол, г. 306
Новый Иерусалим. См. Воскресенский монастырь
Ногайская орда 634
Нотебург, г. См. Шлиссельбург

Обдорский, г-к 235
Обоянь, г. 306
Одоев, г. 305
Ока, р. 9, 528
Олатырь. См. Алатырь
Олешня, г. 306
Олонецкие места 481
Ольшанск, 306
Онежское оз. 482
Онкоты 417—419
Онон, р. 416
Опочка, г. 307
Орел, г. 153, 305, 519
Орель, р. 394, 398
Орешек. См. Шлиссельбург
Орлов, г. 307
Оскол. См. Старый Оскол
Остров, г. 307
Остров, д. Хутынского монастыря 429
Остров, с. Московского у. 55
Острогожск (Острожск), г. 306, 429
Оттоманы. См. Турки
Охотск, г. 237, 238
Охта, р., приток Невы 642
Очаков, г. 518, 611

Павловск (Павловская, Павловский), городок 555, 610, 611
Павловское, с. Московского у. 293
Паволочь (Поволочь), г. 220, 493
Палестина (Палестины) 170, 240
Паннония 8
Паншин, г-к на Дону 529, 596
Париж, г. 411
Парканы, г. 371
Пачезерская в. Сольвычегодского у. 475
Пейпус. См. Чудское оз.
Пекин, г. 414, 600
Пенза, г. 235
Переволоченский переезд 200
Переволочна, г. 208, 495
Перекоп (Перекопь), г. 407—409, 461, 463, 485, 487, 495, 610, 611
Перемышль, г. 308, 511
Переяславль (южный), г. 15, 204, 300, 383, 562
Переяславль-Залесский, г. 25, 77, 145, 304, 323, 449, 450, 470
Переяславль-Рязанский, г. 254, 255, 305, 323. См. также Рязань
Переяславское оз. 449, 450, 470
Переяславцы 55
Пермский край 153
Пернов (Пернау), г. 619—621, 641
Персия (Персидская империя, Персида) 45, 77, 177, 238, 239, 367, 525
Персы (персияне) 102, 103, 239, 526, 527
Петербург (Питербурх), г. 173, 603, 643
Петровская, крепость около Азова 555
Печерники, г. 305
Пинежский волок 464
Пиренейский полуостров 8
Погарь, г. 202
Подгорье 384
Подляшье 384
Поднестровье 492
Подолия 217, 218, 220, 366, 373, 384, 526, 527
Покровская слобода в Москве 578
Покровское, с. Московского у. 55, 543, 544
Поланген, г. 614
Полатов, г. 301
Полесье 521
Половцы 20, 22, 25, 47
Полоцк, г. 24
Полтава, г. 365, 399, 501, 637
Полтавцы 495, 498
Польша (Польское государство, Речь Посполитая) 44, 49, 85, 113, 133, 134, 141, 143, 156, 175, 179—181, 197, 216—218, 220, 221, 232, 365—367, 370—375, 377, 380—382, 384, 390, 398, 406, 432, 457, 487, 488, 490—493, 497, 502, 507—509, 512, 514, 518, 524, 535—537, 550, 551, 555, 559, 597—599, 604, 605, 612—615, 620, 627—629, 639, 644—646, 662
Поляки (ляхи) 32, 40, 45, 49, 86, 133, 134, 142, 154, 155, 162, 170, 174, 181, 182, 201, 206, 216—222, 225, 277, 366, 371, 372, 374, 375, 378—381, 383, 390, 395—397, 403, 406, 412, 434, 485, 493, 494, 496—499, 507, 509, 510, 512—514, 516,

517, 520—522, 526, 527, 537, 597, 598, 600, 604, 606, 607, 610, 612, 614, 620, 637, 639
Померания 618, 630, 640
Поморье 253
Порта. См. Турция
Португальское государство 645
Порхов, г. 307
Почеп, г. 202
Преображенское, с. Московского у. 54, 124, 136, 454—456, 459, 461, 469, 474, 531, 539, 544, 545, 548, 549, 553, 556, 568, 570—572, 575, 579—583, 615
Пресбург, г. в Венгрии 558
Пресбург (Прешбург), крепость на берегу Яузы 450, 470, 528
Пронск, г. 305
Пронский у. 385
Просяной пруд в Измайлове 448
Пруссия (Прусская земля) 145, 219, 410, 524, 531, 549—551, 598, 604
Псков, г. 7, 48, 59, 78, 94—100, 307, 312, 323, 339, 427, 428, 592, 625, 626, 631, 633, 634, 636, 637, 640, 641
Псковичи 95, 96, 98—100
Псковский у. 100
Пудожский погост Устюжского у. 481
Пустозерск, г. 188, 191, 260, 262, 269, 462—464
Пустозорье 171
Путивль, г. 102, 190, 203, 211, 240, 300, 306, 635
Пушкино, с. 294, 295, 337
Пятницкое, с. Устюжского у. 88

Раабе, г-к в Австрии 371
Рава, м. в Галиции 604, 605, 614
Радомышль, м. выше Киева 228
Раковор (Везенберг), г. 621
Ревель (Колывань), г. 619, 641
Рейн, р. 552
Репное, с. Воронежского у. 430
Речь Посполитая. См Польша
Речь Посполитая Венецыйская. См. Венеция
Ржева Володимерова, г. 309, 562
Ржева Пустая, г. в Новгородской земле 566
Ржищев, г. 215
Рига, г. 219, 448, 524, 549, 604, 613—616, 619, 620, 630, 639, 641
Рим, г. 36, 170, 442, 541
Римляне 10, 170, 255, 404, 439, 440, 602, 610
Римская империя (Римское государство) 8, 9, 13, 16, 37, 44, 67, 367, 370
Романов, г. 307, 589
Романовский у. 540
Романовцы 588
Ромельская земля 405
Россия (Русь, Русское государство, царство, держава, империя, земля) повсюду *(passim)*
Россия Восточная 25, 26, 374
Россия Западная 22, 25, 26, 374, 513, 658
Россия Северная 14, 63, 146
Россия Северо-Восточная 7, 22, 26, 28, 29
Россия Юго-Западная 22, 25, 27, 32
Ростов Великий, г. 22, 24, 35, 44, 173, 259, 304, 323
Ростовцы 15, 24, 55
Рось, р. 227
Рублевка, с. 501
Ругодив. См. Нарва
Руза, г. 304, 308
Русские (руссы, русские люди, русский народ) 9, 26, 49, 76, 95, 96, 101, 103, 104, 112, 114, 116, 118, 129, 135—137, 142, 146, 152, 155, 156, 158—162, 173, 177, 179, 210, 214, 216, 217, 235—239, 254, 372, 374, 383, 390, 391, 393, 400, 401, 403, 404, 414—418, 420, 425, 427, 432, 438—441, 445, 446, 468, 473, 477, 490, 493, 495, 510—514, 529, 533, 535, 540, 541, 549, 550, 555, 560, 569, 576, 598, 600, 603, 609, 621, 623—625, 627, 630—633, 640, 643, 652
Русское море. См. Черное море
Русь. См. Россия
Русь Киевская 63
Русь Красная 384, 385
Рыльск, г. 305
Ряжане (ряшане) 305
Ряжский (Ряжск), г. 192, 305, 583
Рязанский край 650
Рязань, г. 192

Саардам (Заандам), г. 552—554
Савостьян, г. См. Св. Себастиан
Садовая слобода в Москве 54
Саксонцы 12, 13, 371, 603, 619, 630, 631
Салтов, г. 307
Самара, г. 234, 407

Самара, р. 393, 394, 398, 499, 519, 634, 636
Самоеды (ненцы) 179, 235
Сапожек, г. 305
Саранск (Саранеск), г. 332
Сары, о. 234
Святой Нос на Белом море 420, 473
С. Дени во Франции 411, 412
С. Себастиан (Савостьян), г. в Испании 413
Себеж, г. 222
Северный океан 524
Севск, г. 211, 253, 305, 501, 565
Седмиградская земля 217
Селегинская (Селенгинск), г. 312
Семеновское, с. Московского у. 55, 206, 469, 474, 543, 544
Сербская земля 405
Сербы 154, 170, 218, 219, 383, 404, 603
Серпейск, г. 305
Серпухов, г. 305, 565
Сечь Запорожская. См. Запорожье
Сибирь (Сибирское царство, Сибирская земля, Улус Кучумов) 44, 45, 62, 83, 109, 111, 137, 145, 159, 161, 162, 165, 175, 176, 179, 205, 209, 231, 237, 240, 241, 243, 253, 256, 313, 323, 338, 424—426, 431, 435, 463, 488, 504, 505, 519, 524, 562, 580, 588, 592—595, 637, 640, 642, 648
Сибирь Южная 235
Симбирск (Синбирск), г. 312, 332, 339, 340
Скандинавия 8
Скифы 407
Славяне 9, 10, 21, 22, 146, 155—158, 160—162, 404
Славяне задунайские 154. См. также болгары, сербы, хорваты
Славянские (западные) племена 8
Случ, р., левый приток Припяти 383
Смоленск, г. 24, 31, 98, 99, 141, 160, 185, 323, 339, 342, 357, 452, 475, 487, 502, 626
Смоленское княжество 79, 311
Смольняне 15
Снятин 209
Сожь, р. 384, 639
Соколово, имение полоцкого воеводы Красинского 514
Соколово, с. Московского у. 55
Сокольск, г. 307, 531
Сокольский у. 540
Соликамск, г. 153, 587
Солка, с. недалеко от Варшавы 488
Сольвычегодск, г. 111, 308, 475
Сосница, г. 205, 207, 230
Срединное государство. См. Китай
Стайки, г. 228, 373, 628, 638
Старица, г. 309
Стародуб, г. 200, 202
Старый Оскол, г. 306, 586
Стокгольм, г. 613, 615—618
Стрельникова гора в Сибири 214
Строкина, д. Олонецкого у. 481
Судж, г. 306
Суздаль, г. 132, 144, 303, 323, 339, 580, 601
Суздальская Низовая земля. См. Низ
Суздальский у. 260
Сумы, г. 306
Сухона, р. 463
Сысола, в. 111

Тавань, приднепровская крепость 555
Таган, г. 530
Таганрог, г. 545, 547, 557, 608, 610, 611
Таганрог, мыс 538, 555
Тайнинское, с. Московского у. 55, 296
Талецкий острог 306
Тамбов (Танбов), г. 307, 318, 528
Таруса, г. 305
Татария 554
Татары 8, 25, 44, 47, 69, 86, 103, 145, 156, 198, 201, 203, 207, 208, 210—212, 214, 215, 219—221, 224—228, 231, 234, 235, 246, 366, 373, 374, 379—381, 390, 391, 393, 395, 396, 398, 404—406, 408, 477, 481, 485, 487, 493—495, 497, 499—501, 506, 507, 512, 513, 515—518, 521, 522, 525—528, 530, 533, 537—539, 550, 555, 557, 573, 609—611, 615, 637
Татары белгородские 227
Татары крымские 227. См. также крымцы
Татары очаковские 227
Тверь, г. 25, 28, 307, 313, 323, 620, 626
Телбовский погост Новгородского у. 133
Теннинг, г. 618
Терек, р. 77, 256, 290, 314, 366, 479, 595
Терехтемиров, г. 628, 638

Тихий (Восточный) океан 112, 643
Тобол, р. 235
Тобольск, г. 165, 166, 241, 592, 640
Тобольский у. 242, 422, 428
Толвуйская в. 112
Томский у. 235
Торжок, г. в Новгородской земле 24, 313
Торопа, р. 563
Торопец, г. 133, 307, 562—567, 579
Тосна, р., приток Невы 641
Тотемский у. 124, 131
Тотьма, г. 111, 133, 266, 308, 317, 319, 463, 574
Травендаль, г. 618
Триполье (Треполье), г. 228, 373, 493, 520, 522, 628, 638
Троицкая крепость на мысе Таганрог 555
Трухменцы 234
Тубинцы 235
Тула, г. 77, 305, 565
Тульский у. 592
Тунгусы (эвенки) 179, 235—238, 418, 419,
Туринги 12
Турки (оттоманы) 33, 45, 86, 142, 156, 157, 159, 183, 198, 201, 203, 207—212, 214—224, 229—231, 234, 238, 365, 366, 370—372, 374, 375, 379—381, 389—391, 403—405, 410—413, 482, 490, 493, 496, 513, 517, 518, 522, 524—530, 533—535, 538, 541, 542, 549, 550, 555—557, 603—607, 610—612, 614, 615, 619
Турция (Турецкая империя, государство Порта) 159, 179, 194, 217—219, 223, 225, 232, 234, 239, 254, 370, 372, 373, 387, 395, 403, 405, 494, 495, 527, 542, 550, 557, 604—606, 610, 611, 615, 616, 636
Тушино, с. под Москвой 31
Тюмень, г. 241, 242
Тясмин (Тясма, Тясмина), р., приток Днепра 210, 214, 227

Углич, г. 55, 307
Угличане 55
Угол, р. 581
Удь, р. 420
Украина (Украйна, Малая Россия, Малороссия) 25, 43, 44, 59, 89, 113, 137, 140, 142, 159, 199, 203—213, 215—218, 220—223, 229, 231, 243, 253, 255, 261, 309, 311, 320, 338, 365—367, 373, 374, 377, 380, 382, 383, 385, 390, 394—396, 398, 399, 401, 403, 406, 410, 434, 485—493, 495—499, 501, 502, 505, 507—509, 515—521, 523, 525—527, 573, 590, 597, 598, 612, 627, 628, 632, 633, 635—637
Украина Западная 220, 224, 230
Улус Кучумов. См. Сибирь
Умань, г. 495, 521
Унжа, р. 313, 318
Унская губа 472
Урак, р. в Сибири 237
Уральские горы (Камень) 43, 44, 109, 111, 173, 262, 413, 419, 420, 422
Урыв г. 306, 607
Усерд, г. 306
Усмань, г. 307
Усманьский у. 540
Устюг Великий, г. 87, 107, 108, 111, 143, 230, 308, 317, 323
Устюжане 110
Устюжский у. 107, 109, 481
Утрехт, г. 554
Утяцкая слобода на Тоболе 428

Фарасань, вотчина Покровского воронежского монастыря 430
Фили, местность под Москвой 585
Финляндия 630
Финские племена 10, 22
Франки 13
Франконцы 12, 371
Франция (Французское государство) 30, 71, 155, 232, 368, 369, 371, 410, 412, 413, 435, 440, 447, 448, 550, 557, 604, 605, 613, 615
Французы (французжаны) 391, 411, 412, 494, 513, 525—527, 557, 609

Хазары (козары) 10
Харьков, г. 307
Хвастов, г. 492, 493, 507, 518, 520—522, 599
Хинское государство. См. Китай
Хлябово, с. 293
Холм, г. 125
Холмогоры (Колмыгоры), г. 77, 318
Хопер, р., левый приток Дона 301, 596
Хорваты 154

Хорошево, с. Московского у. 55, 548
Хотмышск, г. 306
Хошозеро, оз. 482

Царев-Борисов, г. 566
Царицын, г. 302, 479, 529, 596
Цариченка, г-к Орельский 501, 637
Царьград. См. Константинополь
Цельское герцогство 552
Церкви:
Архангельский собор в Кремле 52, 54, 272, 284, 285, 322, 325—331, 334, 340, 346, 655
Благовещенский собор в Московском Кремле 52, 54, 56, 271, 328, 346
Вифлеемская 526
Воскресения в Московском Кремле 272, 314
Зачатия близ Уга 581
Иоанна Предтечи в Константинополе 389
Илии пророка в Новоторжском у. 424
Казанский собор в Москве 460
Николы на Хлынове 272
Николая Чудотворца в Новгородском у. 133
Николая Явленного в Москве 561
Петра и Павла Могилевского у. 513
Петропавловская в Мещанской слободе 600—602
Покрова богородицы в Соколове, имении полоцкого воеводы 514
Покровский собор в Москве 53
Похвалы богородицы в Орле 153
Ризы господней в Москве 134
Рождества богородицы в Каменце-Литовском 514
Рождества богородицы в Москве 320
Софийский собор в Киеве 366
Спасская в Кремле 263, 274, 320, 327, 334, 464, 467
Спасская в Москве 289
Страстной богородицы 585
Троицкая близ Львова 514
Троицкий собор в Пскове 97, 100, 428
Успенская в Москве 601
Успенский собор в Кремле 52—54, 57, 276, 284, 292, 298
Чаронда, с. 574
Чебоксары, г. 332
Черевковская в. Устюжского у. 110, 481
Черемисы (мари) 9
Черкасск (Черкасский), г. 241, 306, 429, 430, 528, 529, 538, 566, 572, 596, 608
Черкасы. См. Казаки украинские, малороссийские
Черкасы, г. на Украине 45, 220, 638
Черкесы 101, 235, 382, 480
Черная, р. 417, 418, 420
Чернигов, г. 137, 202, 206, 324, 383, 396, 492, 498, 562
Черниговский у. 111
Черниговцы 15
Чернобыль, г. 503
Черное (Русское) море 10, 12, 21, 222, 298, 373, 408, 604, 608, 610, 624, 625
Черный Яр, г. 233, 481
Чернь, г. 306
Чертомлын, р. 495
Чехи 154
Чехия 115, 370
Чигирин, г. 179, 198—201, 203—205, 207, 209—215, 220, 222, 223, 234, 277, 366, 370, 373, 390, 402, 495, 535, 628, 638
Чир, р. 241, 429
Чувашева, д. Калужского у. 424
Чуваши 9
Чугуев, г. 307
Чуднов, г. 221
Чудское (Пейпус) оз. 613
Чусовские острожки 587
Чухна (чухны) 632, 641

Шацк, г. 305
Шацкие места 78
Швабы 12
Шведы 174, 219, 524, 598, 613—616, 619, 622, 623, 626—628, 632, 639—641, 643
Швейцария 613
Швеция (Шведское государство) 86, 113, 219, 232, 369, 410, 540, 603, 604, 612—620, 624, 625, 630, 631
Шексна, р. 259
Шелонь (Шалонь), р. 8
Шилка, р. 416—420
Шлезвиг, герцогство 618
Шлиссельбург (Шлюссельбург, Нотебург, Орешек), г. 619. 641, 642
Шлотбург. См. Ниеншанц

Шотландцы 160
Шуйский погост Мунозерской в. 481, 482
Шуя, г. 93, 132, 133, 303, 350—354, 648

Эрестфер (Ерестфер), мыс 632, 636
Эстляндия 613, 628

Юрьев (Дерпт), г. 619, 624, 631, 636
Юрьев Польский, г. 77, 303
Юрьевец Поволский, г. 164, 165
Юрьевский (Дерптский) у. 632

Яблонов, г. 306
Яворово, королевское имение недалеко от Львова 220
Яик, р. 45, 234, 302
Якутск, г. 236—238
Якуты 179, 235—237
Янычара, р. 204
Яренск, г. 111, 463, 464
Яренский у. 586
Ярканская в. 235
Ярославль, г. 259, 290, 304, 323, 463
Ярославцы 55
Яссы, г. 373
Яуза, р., приток Москвы-реки 289, 448, 450

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ИЗДАТЕЛЯМИ В ПРИМЕЧАНИЯХ К XIII—XIV тт. «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» С. М. СОЛОВЬЕВА

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России.

Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.

Чтения ОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

Глава I. **Россия перед эпохою преобразования**

Общий обзор хода древней русской истории. — Различие Восточной и Западной Европы. — Природа северо-восточной России. — Москва, ее характер. — Великий государь. — Случаи, когда он являлся пред подданными, выходы и походы. — Его семейные торжества. — Обеды во дворце. — Служня великого государя. — Служня, собиравшаяся на крыльце, и служня, собиравшаяся в передней. — Их интересы. — Местничество. — Комната и доклады. — Сиденье в[еликого] государя с боярами о делах. — Соборы. — Помещики. — Новое войско. — Военные поселения. — Козаки и стрельцы. — Кормление ратных людей. — Кормление от дел. — Приказы. — Кормление по городам. — Вид древнего русского города. — Воевода. — Губной староста. — Земский староста. — Главные интересы горожан. — Подати. — Службы горожан. — Кормление воеводы и подьячих. — Столкновения горожан с воеводами, с земскими старостами. — Борьба между лучшими и меньшими людьми — Отношения к верховному правительству. — Судьба преобразований Ордина Нащокина во Пскове. — Торговый устав. — Сельское народонаселение. — Смысл крестьянского прикрепления. — Стремление крестьян к образованию своих отдельных от города миров. — Печальное положение крестьян. — Необходимость переворота. — Новые учителя. — Раскол. — Обличения. — Церковные соборы. — Затруднительное положение духовенства. — Значение Никонова дела. — Иосиф Коломенский. — Духовник Савинов. — Церковные имения — Вопрос о детях белого духовенства. — Нравы и обычаи. — Поворот на новый путь. — Театр. — Литература 7

Глава II. **Царствование Феодора Алексеевича**

Различие в преобразовательной деятельности преемников царя Алексея Михайловича. — Дети царя Алексея от обоих браков. — Польское и немецкое влияние. — Известия о вступлении на престол Феодора. — Ссылка Матвеева. — Ссылка духовника Андрея Савинова. — Отягчение участи Никона. — Любимцы царя — Языков, Лихачевы. — Брак Феодора на Агафии Семеновне Грушецкой. — Быстрое возвышение Языкова и Лихачева. — Князь Вас. Вас. Голицын. — Окончание дела с Дорошенком. — Дела Рославца и Адамовича. — Дорошенко в Москве. — Манифест Юрия Хмельницкого. — Пересылка с гетманом Самойловичем о Серке и Дорошенке. — Ссылка Рославца и Адамовича. — Первый чигиринский поход. — Мнения Ромодановского и Самойловича о Чигирине. — Дела запорожские и посольство в Турцию. — Второй чигиринский поход. — Сношения с Польшею. — Мирные переговоры с Турциею. — Переговоры в Крыму и мир с султаном и ханом. — Дорошенко-воевода — Смерть Серка. — Дела шведские, датские, австрийские. — Калмыки и козаки. Волнения башкирцев. — Борьба с киргизами, самоедами, якутами и тунгусами в Сибири, злоупотребления здесь приказных людей. — Внутренняя деятельность правительства при царе Феодоре. — Вопрос о торговле шелком с армянами. — Постановление о торговле с греками. — Смягчение наказаний за уголовные преступления. — Новая форма челобитных. — Раскол. — Церковный собор 1681 года. — Обра-

щение иноверцев в христианство. — Постановления о воеводах. — Финансовые меры — Уничтожение местничества — Проект отделения гражданских должностей от военных. — Проект академии. — Смерть царицы Агафии и царевича Ильи. — Второй брак царя и кончина его. — Смерть Никона. — Облегчение участи Матвеева 179

Глава III. **Московская смута 1682 года**

Побуждение к избранию в цари Петра мимо Иоанна. — Партия Иоанна и ее движения. — Сцены на погребении царя Феодора. — Волнения стрельцов и солдат. — Слабость правительства и разнузданность стрельцов. — Заговор Милославского. — Приезд Матвеева. — Стрелецкий бунт. — Двоевластие и правление Софьи. — Неловкое положение стрельцов. — Столп на Красной площади для оправдания бунта. — Движение раскольников. — Хованский их поддерживает. — Раскольничья смута 5 июля. — Стрельцы отстают от раскольников и дело последних проиграно. — Продолжение стрелецких волнений. — Отъезд двора из Москвы. — Казнь Хованских. — Призыв дворянского ополчения. — Волнения и ужас стрельцов и солдат. — Они просят помилования у царей. — Условия помилования. — Стрельцы признают себя бунтовщиками. — Уничтожение столпа на Красной площади. — Возвращение двора в Москву. — Шакловитый начальник Стрелецкого приказа, его твердость. — Меры против следствий мятежа. — Смуты в Малороссии и на Дону. — Удаление опасных стрельцов из Москвы . . . . . .

Дополнения 303

Примечания к 13 тому 349

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Глава I. **Правление царевны Софии**

Польские интриги для возмущения Малороссии. — Князь В. В. Голицын и его политика. — Священный союз против турок. — Россия приглашается вступить в него. — Вечный мир с Польшею и вступление в Священный союз. — Подчинение киевского митрополита московскому патриарху. — Сношения с гетманом Иваном Самойловичем по этому случаю. — Избрание в киевские митрополиты князя Гедеона Четвертинского. — Сношение с восточными патриархами по поводу подчинения киевской митрополии московскому патриарху. — Первый крымский поход. — Посольство Шакловитого в полки. — Свержение Самойловича, избрание Мазепы в гетманы — Лазарь Баранович. — Побуждение от турецких христиан к возобновлению военных действий. — Второй крымский поход. — Сношения с европейскими и азиатскими государствами в правление Софии. — Нерчинский договор с Китаем.— Внутренняя деятельность правительства. 365

Глава II. **Падение Софии; деятельность царя Петра до первого Азовского похода.**

Значение Петра и совершенного им переворота. — Воспитание Петра. — Учителя-иностранцы. — Строение судов. — Женитьба Петра. — Столкновение с правительницею. — Намерение Софьи венчаться на царство.— Вражда Софьи к царице Наталье Кирилловне.— В. В. Голицын и Шакловитый. — Напрасное старание поднять стрельцов. — Неудовольствия со стороны Петра. — Сбор стрельцов в Кремле 7 августа — Бегство Петра в Троицкий монастырь. — Напрасные попытки Софьи примириться с братом. — Стрельцы принуждают ее выдать Шакловитого. — Розыск Шакловитого; ссылка Голицыных. Распря между близкими к Петру людьми по поводу Голицыных. — Казнь Шакловитого с товарищами. — Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягчение его участи. — Розыск и казнь Медведева. — Отстранение Софьи от правительства и заключение ее в монастырь. — Продолжение доносов. — Новое правительство. — Ссора князя Бориса Голицына с Долгорукими. — Лефорт. — Царские потехи. — Компания. — Состояние общества. — Дела малороссийские. — Положение русских людей в польских областях. — Мазепа и Палей. — Дела об откупе 438

Глава III. **Окончание двоевластия. Царствование Петра I Алексеевича**

Окончание потех. — Замыслы Петра относительно морских предприятий. — Роль Лефорта. — Греческое духовенство просит о деятельном продолжении войны с турками. — Первый азовский поход. — Воронежский флот. — Кончина царя Иоанна Алексеевича. —

Второй поход и взятие Азова. — Впечатление, произведенное этим событием в Москве и Польше. — Торжественный вход победителей в Москву. — Строение кораблей кумпанствами. — Посылка молодых людей учиться за границу. — Намерение Петра ехать самому за границу. — Неудовольствия. — Розыск монаха Аврамия. — Розыск Цыклера и Соковнина. — Отъезд Петра за границу. — Неудовольствие в Риге. — Пребывание в Пруссии. — Дела польские. — Свидание Петра с двумя курфюрстинами; их отзыв об нем. — Петр в Голландии, в Англии, в Вене. — Стрелецкий бунт. — Возвращение Петра в Москву. — Брадобритие. — Стрелецкий розыск и казни. — Пострижение царевен и царицы Евдокии. — Раздражение Петра. — Любимец Меншиков. — Поездка Петра в Воронеж. — Новые розыски и казни по возвращении в Москву. — Разбои. — Злоупотребления воевод. — Учреждение бурмистров. — Алексей Курбатов. — Гербовая бумага. — Указ о торговле компаниями. — Меры для улучшения положения Сибири. — Дела на украйнах. — Дело Петра Артемьева. 524

Глава IV. **Продолжение царствования Петра I Алексеевича**

Новое летосчисление. — Причины Северной войны. — Свидание Петра с польским королем Августом и дружба с ним. — Возницын на Карловицком конгрессе. — Украинцев в Константинополе. — Перемирие с турками. — Союз трех держав против Швеции. — Карл XII. — Травендальский мир. — Осада Нарвы русскими. — Поражение русского войска Карлом XII. — Победитель и побежденный. — Деятельность Виниуса. — Движение Шереметева. — Свидание Петра с королем Августом в Биржах. — Русское войско и саксонский генерал. — Поражение саксонцев и русских на Двине; его следствия. — Эрестферская победа Шереметева. — Неудовольствия малороссийского войска. — Хлопоты с Запорожьем. — Совет короля Августа опустошить Ливонию. — Исполнение совета. — Действия Апраксина в Ингрии. — Петр в Архангельске. — Появление его и действия в Ингрии. — Море. — Основание Петербурга 603

Дополнения 644

Примечания к 14 тому 647

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии к тринадцатому и четырнадцатому томам «Истории России с древнейших времен» 667

Указатель имен 684

Указатель географических и этнических названий 709

Список сокращений 723

Соловьев Сергей Михайлович

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

книга VII

Редактор *О. Бочкова*

Оформление художника *С. Сергеева*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *Г. Ефимова, С. Киселева, Л. Чигина, В. Фенина*

Сдано в набор 15 декабря 1961 г. Подписано в печать 12 апреля 1962 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бумажных листов 22,75. Печатных листов 45,5. Учетно-издательских листов 48,41. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р 70 к. Заказ № 965

Издательство Социально экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.

ПОПРАВКИ К ШЕСТОЙ КНИГЕ „ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН“

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
285	16 снизу	архимариту	архимандриту
289	14 снизу	не дума	ни дума
534	11 сверху	Иван Бор,	Иван Бор.
540	16 сверху	приятсву	приятству